

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как упоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

1854.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

ЮЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КОРОЛЕВА И К^о.

СОДЕРЖАНИЕ СЕДЬМОЙ КНИЖКИ.

	СТР.
I. Антигона. Трагедія Софокла. Переводъ съ греческаго С. Д. ШЕСТАКОВА.	1 — 40
Испытаніе. Романъ В. КРЕСТОВСКАГО. <i>Часть третья и послѣдняя</i>	41 — 128
Холодный Домъ. Романъ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА. Переводъ съ англійскаго И. А. Бирлева. <i>Часть седьмая.</i>	129—184
II. Графъ Ө. В. Растопчинъ и литература въ 1812-мъ году. <i>Статья первая.</i> Н. С. ТИХОНРАВОВА.	1 — 70
Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, издаваемый Н. Калачовымъ (Статья А. Н. Афанасьева)	31 — 44
III. Православно-догматическое богословіе. Д. Б. Макарія , епископа винницкаго. (Статья Г. Титова.	1 — 30
IV. Библиографическая Хроника (разборы 11 книгъ).	1 — 54
V. Послѣднія войны англичанъ съ сейками	1 — 16
VI. Современная Хроника Россіи (за май 1854 года)	1 — 9
Событія въ Отечество	10 — 14
VII. Новости наукъ, литературы, искусствъ и промышленности	1 — 68
Петербургскія Замятки.	69 — 78
<i>Моды. (Съ двумя парижскими картинками дамскихъ и мужскихъ модъ.)</i>	
Объявленія: Новыя музыкальныя сочиненія, продающіяся въ магазинахъ Бернарда и Стеловскаго.	

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АДРЕЕМЪ БРАЕВСКИМЪ.

*Beatae plane aures, quae non vocem foris
sonantem, sed intus auscultant veritatem
docentem.*

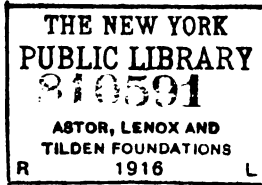
Gersonius.

ТОМЪ ХСV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ КОРОЛЕВА И К^о.

1854.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ.**

Санктпетербургъ, 30 іюня 1854 года.

Ценсоръ А. Фрейгангъ.

NOV 21 1854
LIBRARY
UNIVERSITY OF TORONTO

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДЕВЯНОСТО-ПЯТАГО ТОМА

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

	стр.
I. Словесность.	
АНТИГОНА. Трагедія <i>Софокла</i> . Переводъ съ греческаго <i>С. Д. Шестакова</i>	1
ИСПЫТАНІЕ. Романъ <i>В. Крестовскаго</i> . <i>Часть третья и послѣдняя</i>	31
ХОЛОДНЫЙ ДОМЪ. Романъ <i>Чарльза Диккенса</i> . Переводъ съ англійскаго <i>И. А. Бирлева</i> . Части седьмая и восьмая. 129 и 257	
ПРИЧУДНИЦА, комедія <i>Лоне де-Виги</i> . Переводъ съ испанскаго <i>И. Пятмицкаго</i>	185
ШЕСТЬ стихотвореній <i>А. А. Фета</i> : 1) «Люди нисколько ни въ чемъ предо мною виновны», 2) Элегія, 3) Съмѣненіе въ лѣсу, 4) «Не спится», 5) Первый ландышъ, 6) Знакомитъ съ юга	337
II. Науки и Художества.	
ГРАФЪ <i>Ө. В. Растопчинъ</i> и литература въ 1812-мъ году. <i>И. С. Тихонравова</i> . <i>Статья первая</i>	1
ВОСПОМИНАНІЯ русскаго путешественника о Вост-Индіи, Калифорніи и Ост-Индіи. <i>Статья третья</i> . (Адонъ; Красное Море; Суэць; Каиръ). <i>А. Г. Ротчева</i>	71
ОБЪ «АНТИГОНЪ», трагедіи <i>Софокла</i> . <i>С. Д. Шестакова</i> . 103	
БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ. 1. Нѣкоторыя нѣмецкія сочиненія о Россіи въ концѣ VII-го и началѣ VIII-го вѣковъ	135
III. Критика.	
ПРАВОСЛАВНО-ДОГМАТИЧЕСКОЕ БОГОСЛОВІЕ. <i>Д. Б. Макарія</i> , епископа вѣннскаго. (Статья <i>Г. Титова</i>)	1
АРХИВЪ ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКИХЪ СВѣДѢНІЙ, от-	

носящихся до Россіи, издаваемый <i>Н. Калачовым</i> . (Статья <i>А. И. Афанасьева</i>)	34
ЗАПИСКИ ВОЕННО-ТОПОГРАФИЧЕСКАГО ДЕПО , по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію издаваемыя. Пятнадцать томовъ	45

IV. Библиографическая Хроника.

НОВЫЯ СЪЧИНЕНІЯ.

Судоходный дорожникъ, изд. Гл. Управленіемъ Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій	43
Отчетъ Географическаго Общества за 1853 годъ	47
Руководство къ лѣсоводству, подпол. <i>Арнольда</i>	25
Замѣчанія о нынѣшнемъ состояніи обработки волокнистыхъ веществъ въ Россіи, <i>А. Шерера</i>	33
Новый русскій гѣсенникъ	—
Война на Востокъ, соч. <i>Якова де-Сантена</i>	38
Англо-франкузы, историческій очеркъ, <i>Ө. Русилова</i>	39
Новое не любю не слушай, а агать не мѣшай	40
Стихотворенія <i>Ө. Тумчева</i>	55
XVI новѣхъ исученій протоіерей <i>Родіона Путяткина</i>	75
Вѣрую въ Бога грѣшна и локаршостью къ Царю сильна земля Русская	76
Съ нами Богъ! Впередъ! Ура!	—
О ходѣ законовѣдѣнія въ Россіи и о результатахъ современнаго его направленія, <i>А. Станиславскаго</i>	77
Дополненіе къ Алтайской Флорѣ, <i>С. Щеглева</i>	—
Руководство къ практической навигаціи и морской астрономіи, кн. <i>Е. Голицына</i>	79
Указатель практическихъ наблюденій по русскому сельскому хозяйству, <i>А. Иванова</i>	82
Наставленіе къ разведенію гусей, <i>В. Циммермана</i>	83
Наставленіе къ разведенію индѣекъ, <i>В. Циммермана</i>	—
Наставленіе къ разведенію козъ, <i>В. Циммермана</i>	—
Элементарная книга для обученія чтенію и письму русскому и нѣмецкому <i>Ө. Ренартема</i>	84
Книга для постепеннаго упражненія въ чтеніи и переводахъ, <i>Э. Гэ</i>	86
Руководство къ практическому изученію нѣмецкаго языка, <i>А. Фольдеръ Эльснитца</i>	—
Стихотворенія <i>Вечеслава Анжичева</i>	87

ПРОДОЛЖЕНІЕ НАЧАТЫХЪ ИЗДАНІЙ.

Исторія г. г. Семеновскаго Полка, капитана <i>Карцова</i>	26
Записки Горыгорьскаго Земледѣльческаго Института, кн. III	24

Высушенные растенія Варнежской Флоры, изд. <i>Н. Тарачкова</i> ...	СТР. 78
Высушенные растенія Орловской Флоры, изд. <i>А Тарачкова</i> ...	—

ПЕРЕВОДЫ.

Вражда Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ съ Англіею.....	67
Объ англо-французской политикѣ въ восточномъ вопросѣ, перев. <i>Н. К-на</i>	—
Объ англо-французской политикѣ въ восточномъ вопросѣ, перев. <i>М. Михайлова</i>	—
Тайны англо-французской политики въ восточномъ вопросѣ.....	—
Письмо въ Парижъ о нынѣшнемъ состояніи Турціи.....	—
Графиня де-Мадень, романъ, соч. <i>Е. П.</i>	87

НОВЫЯ ИЗДАНИЯ.

Карта Промышленности Европейской Россіи, <i>П. Крюкова</i>	4
--	---

ЖУРНАЛИСТИКА.

«Мечты и дѣйствительность», сочиненіе, напечатанное въ «Библиотека для Чтенія» (№№ IV и V. Части 1 и 2-я). Новыя стихотворенія г. Тютчева. («Совр.» № 5). Стихотворенія г. Стаховича («Москв.» № 6). — «Осень». — «Уличныя зрѣлища въ Италіи», г. Бибикова (тамъ же). — «Мелочи изъ запаса моей памяти» г. М. Дмитриева (тамъ же). — «Исторія моей молодости, соч. Араго, переводъ. («Соврем.»). — «Жизнь и смерть послѣдняго владыки Черногоріи, статья г. Ковалевскаго (тамъ же). — Ловецкіе разказы о каспійскомъ рыболовствѣ, г. Небольсина («Пантеонъ»). — Бѣлоруссія въ характеристическихъ описаніяхъ, г. Шилевскаго (тамъ же)....	40
Что такое «Искренность въ Критикѣ?» («Современ.» № 7). Что такое рѣзкость литературныхъ приговоровъ? Что такое журнальная послѣдовательность и отчего рождаются толки о простыхъ и обыкновенныхъ понятіяхъ? — «Замѣтки» <i>Новаго Поэта и его новое поэтическое произведеіе</i> : «Апронія». — Мелочи изъ запаса моей памяти г. М. Дмитриева («Москвит.» № 13). — Разборъ сочиненія г. Булича о Сумароковѣ въ «Современникѣ». — Статьи въ № № 9, 10, 11 и 12 «Москвит.»: Исслѣдованія о балтійскихъ славянахъ, г. Гильфердинга; Картина азаннаго рыболовства при устьѣ Урала, г. Желѣзнова; Кизильскіе татары; Европейская Турція въ нынѣшнюю войну; Торговый флотъ въ Англіи; Переходъ Александра Великаго черезъ Гидаспъ; Письма Петра Великаго къ Шафирову; Лудовикъ XVII; Письма о ботаникѣ Шлендена; Письма Либиха о химіи; Грѣзъ; Консульство и Имперія дю-Карнѣ; Смѣсъ изъ «Московскихъ	

Вѣдомостей» 1795 года. — Статьи №№ 6 7 «Библиотеки для Чтенія»: Обзорніе Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостей; До- низетти; Путешествіе въ Луристанъ и въ Аравистанъ; Сейден- гэмскій Дворецъ, и пр. — Статьи въ 6-й кн. «Пантеона»: Ко- стяныя копи; Бѣлоруссія, г. Шпилевского; Письма изъ-за гра- ницы, г. Мундта и пр. — Нѣсколько словъ г. П. Чиванову объ изданномъ имъ «Алфавитномъ Указателѣ къ Боярскимъ Книгамъ»

89

У. Иностранная Литература.

Последнія войны англичанъ съ сейками.....	1
Кельтійская поэзія британскихъ бардовъ VI-го вѣка.....	17
Взглядъ на исторію медицины отъ первыхъ вѣковъ до XIX столѣтія.	31
Леопольдъ Ранке.....	50

VI. Современная Хроника Россіи.

Обзорніе современнаго движенія русскаго законодательства и распоряженій правительства по государственному управленію за май и июнь 1854 года.....	1 и 15
Событія въ Отецествѣ.....	10 и 25

VII. Смѣсь.

новости литературы, искусствъ, наукъ и промышленности.

Славянская литература: сербская поэзія, народныя пѣсни; Доси- оеѣй Обрадовичъ, Субботичъ, Станко Враць и Вукъ Караджичъ; венгерскіе словаки и Коларъ; польскіе и чешскіе народныя повты; пѣсни Русняковъ. — Греческая литература: исторія Мелетія; современныя пѣсни грековъ; міриологи. — Герман- ская литература: новыя сочиненія, журналы; новыя изданія Гум- больдта. — Собранія стихотвореній Фалерслебена. — Берлинскія газеты. — Памятникъ Лудвигу Тику. Брошюра Даффисса, «Негменъ» — стихотворенія Гейзе. — Новыя сочиненія для древ- негерманской литературы. — «Берлинскій Бургомистръ» трагедія Гизеке. — Приготовленныя къ печати «Лондонскія Письма» Т. Фонтана. — Переводъ на нѣмецкій *Ревизора* Гоголя, сдѣлан- ный г. Видертомъ. — Приготовленія къ постановкѣ *Ре- визора* на сцену Королевскаго Театра. — Городничій-Дѣ- рингъ. — «Претендентъ» новая драма Мейснера. — Французская литература: экспедиція въ Сіамъ; путешествія въ Ки- тай; голландцы въ Бразиліи; исторія траппистовъ и Лу- довика XIV; питательныя вещества; система протекціонн- стовъ; фотографическая химія и проч. — Общественная жизнь въ Парижѣ: лѣто, скачки, загородныя гулянья, Булонскій

и Мэкуорта о патологія рабочихъ. — О связи между вѣтромъ и болѣзнями — Исцѣленіе претинизма. — Вліаніе луны на землетрясенія. — Общественная жизнь въ Лондонѣ. — Общественная жизнь въ Парижѣ. — Парижская итальянская опера. — Некрологъ замѣчательныхъ людей, умершихъ недавно во Франціи. — Смерть Эмиліи Сувестра. — Некрологъ г-жи Зонтагъ (графиня Росси). — Опера въ Лондонѣ; Гривъ; *il Seraglio*, опера Моцарта. — *Santa Chiara*, новая опера Эрнста, герцога саксен-кобург-гошскаго.....

81

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Петербургъ пустѣеть. — Наслажденія загородной жизни и крошечныя ея неурядности. — Какимъ образомъ читатель вспоминаетъ о Петербургѣ. — Какъ много жизни въ Петербургѣ. — Благословенный уголокъ. — Цѣлительная вода. — Увеселительные парки. — Новое шоссе. — Измѣненіе парголовскихъ правовъ. — Какія дачи въ модѣ. — Чтѣ дѣлаетъ Излоръ? — Нѣчто о Франклинѣ. — Чтѣ можетъ быть современемъ — Пикники и гулянья на воздухѣ. — Замѣчательная женщина. — Какую дорогу избралъ однажды Бернадотъ. — Неприятная исторія съ покойнымъ императоромъ Наполеономъ. — Знаменитые воздухоплаватели.....

69

Cristophe le cordier. — *Le laquais d'Arthur*. — *Les compatriotes*. — *L'Homme à la tuite*. — *Un mari qui prend du ventre*. — Новая пьеса г. Григорьева. — Новости нѣмецкой сцены. — О подпискѣ на сооруженіе памятника В. А. Жуковскому. — Электрическій телеграфъ. — Излоровскіе праздники. — Квартетъ изъ Голландіи. — Балетъ съ Адмиралтейской Площади. — Поддѣльные цыгане. — Бенефисъ Гунгля. — Лѣтній нѣмецкій клубъ и его будущность. — Безбородкинскій Садъ. — Полуостровскій ключъ. — Монплезиръ.....

120

Моды (съ четырьмя парижскими картинками дамскихъ и мужскихъ модъ и съ рисунками экипажей фабрики г. Неллиса, въ Санктпетербургѣ).

ОГЛАВЛЕНІЕ СЕДЬМОЙ КНИЖКИ.

ІЮЛЬ.

I. Словесность.

	СТР.
АНТИГОНА. Трагедія <i>Софокла</i> . Переводъ съ греческаго с. Д. ШЕСТАКОВА	1 ✓
ИСПЫТАНІЕ. Романъ в. КРЕСТОВСКАГО . <i>Часть третья и послѣдняя</i>	31 ✓
ХОЛОДНЫЙ ДОМЪ. Романъ ЧАРЛЬЗА ДИКЕНСА . Переводъ съ англійскаго И. А. Бурилева . <i>Часть седьмая</i>	129 ✓

II. Науки и Художества.

ГРАФЪ Ө. В. РАСТОПЧИНЪ и литература въ 1812-мъ году. Н. С. ТИХОНРОВО . <i>Статья первая</i>	1 ✓
---	-----

III. Критика.

АРХИВЪ ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ, относящихся до Россіи, издаваемый Н. Калачовымъ . (Статья А. Н. АФАНАСЬЕВА)	31 ✓
ПРАВОСЛАВНО-ДОГМАТИЧЕСКОЕ БОГОСЛОВІЕ. Д. Б. Макарія , епископа винницкаго. (Статья Г. ТИТОВА).....	1 ✓

IV. Библиографическая Хроника.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

Судоходный дорожникъ, издав. Гл. Управленіемъ Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій	13
Отчетъ Географическаго Общества за 1853 годъ	17
Руководство къ лѣсоводству, подпол. Арнольда	25
Новое не любо не слушай, а лгать не мѣшай	40

Дир. Change. 2. 4. 5. 1/2/16

Замѣчанія о нынѣшнемъ состояніи обработки волокнистыхъ веществъ въ Россіи, <i>А. Шерера</i>	33
✓ Новый русскій пѣсенникъ.....	—
✓ Война на Востокъ, соч. <i>Якова де-Санглема</i>	38
✓ Англо-французы, историческій очеркъ, <i>Ө. Русанова</i>	39
ПРОДОЛЖЕНІЕ НАЧАТЫХЪ ИЗДАНІЙ.	
✓ Исторія л. г. Семеновскаго Полка, капитана <i>Карцова</i>	26
✓ Записки Горыгорѣцкаго Земледѣльческаго Института, кн. III ...	24

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

Карта Промышленности Европейской Россіи, <i>П. Крокова</i>	1
--	---

ЖУРНАЛИСТИКА.

«Мечты и дѣйствительность», сочиненіе, напечатанное въ «Библиотекѣ для Чтенія» (№№ IV и V. Части 1 и 2-я). Новые стихотворенія г. Тютчева. («Совр.» № 5). Стихотворенія г. Стаховича («Москв.» № 6). — «Осень». — «Уличныя зрѣлища въ Италіи», г. Бибикова (тамъ же). — «Мелочи изъ запаса моей памяти» г. М. Дмитріева (тамъ же). — Исторія моей молодости, соч. Араго, переводъ. («Соврем.»). — Жизнь и смерть послѣдняго владыки Черногоріи, статья г. Ковалевскаго (тамъ же). — Ловецкіе рассказы о каспійскомъ рыболовствѣ, г. Небольсина («Пантеонъ»). — Бѣлоруссія въ характеристическихъ описаніяхъ, г. Шпилевскаго (тамъ же)....	40
---	----

V. Иностранная Литература.

Послѣднія войны англичанъ съ сейками.....	1
---	---

VI. Современная Хроника Россіи.

Обозрѣніе современнаго движенія русскаго законодательства и распоряженій правительства по государственному управленію за май 1854 года.....	1
---	---

VII. Смѣсь.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВЪ, НАУКЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

- Славянская литература: сербская поэзія, народныя пѣсни; Доевой Обрадовичъ, Субботичъ, Станко Враць и Вукъ Караджичъ; венгерскіе словаки и Коларъ; польскіе и чешскіе народныя

поэты; пѣсни Русняковъ. — Греческая литература: исторія Мелетія; современныя пѣсни грековъ; мірiологи. — Германская литература: новыя сочиненія, журналы; новыя изданія Гумбольдта. — Собранія стихотвореній Фалерслебена. — Берлинскія газеты. — Памятникъ Лудвигу Тику. Брошюра Даффисса, «Негмен» — стихотворенія Гейзе. — Новыя сочиненія для древнегерманской литературы. — «Берлинскій Бургомистръ» трагедія Гизеке. — Приготовленныя къ печати «Лондонскія Письма» Т. Фонтана. — Переводъ на нѣмецкiй *Ревизора* Гоголя, сдѣланный г. Видертонъ. — Приготовленія къ постановкѣ *Ревизора* на сцену Королевскаго Театра. — Городничiй—Дѣрингъ. — «Претендентъ» новая драма Мейснера. — Французская литература: экспедиція въ Сiамъ; путешествія въ Китай; голландцы въ Бразилiи; исторія траппистовъ и Лудовика XIV; питательныя вещества; система протекционистовъ; фотографическая химiя и проч. — Общественная жизнь въ Парижѣ: лѣто, скачки, загородныя гулянья, Булонскiй Лѣсъ, увеселительныя поѣздки на Востокъ; двѣнадцать дней въ ямѣ; музыкальные вечера; дочь Даморо—Чинти. — Театры въ Парижѣ: Рашель и г-жа Мартелли; господинъ де-ла-Пались; новые водевили и волшебныя пьесы; оперные театры. — Споръ Эжена Миркура съ Жоржъ Зандомъ, Гальярди съ Александромъ Дюмá. — Новыя книги: эльзвирiанскiя изданія; сказки Диккенса; замѣтки Лимейрака; литтiхскiй театръ; гобеленовскiе обои; новые романы; Сен-Маркъ Жирарденъ; Ретифъ де-ла-Бретонъ. — Латинская литература. — Исслѣдованiя Глицiя. — Ученыя новости въ Англіи: путешествіе доктора Барта; фотографическія изображенія на стеклѣ; этиологія холеры. — Смерть Монгомери. — Англійская литература: исторія пищи; жизнь въ цейланскіхъ лѣсахъ и въ Абиссинiи. — Новое сочиненіе Диккенса. — Что дѣлается въ Бельгiи: реставрація картинъ Рубенса; гравированіе на мѣди. — Итальянская литература: новыя сочиненія. — Испанская литература. — Новости въ Сѣверо-американскіхъ Штатахъ; литература и путешествія; общественная жизнь; открытіе асторской библіотеки. — Археологическія открытія въ Центральной Америкѣ — Извѣстія изъ Азiи: новыя находки ассирiйскіхъ древностей.

ПЕТЕРБУРГСКИЯ ЗАМѢТКИ.

Петербургъ пустыетъ. — Наслажденія загородной жизни и крошечныя ея непріятности. — Какимъ образомъ читатель вспоминаетъ о Петербургѣ. — Какъ много жизни въ Петербургѣ. —

Благословенный уголок. — Цѣлительныя воды. — Увесели-
тельные парки. — Новое шоссе. — Измѣненіе парголовскихъ
правовъ. — Какія дачи въ модѣ. — Чтò дѣлаетъ Излеръ. —
Нѣчто о Франклинѣ. — Чтò можетъ быть современемъ. —
Пикники и гулянья на воздухѣ. — Замѣчательная женщина. —
Какую дорогу избралъ однажды Бернадотъ. — Непріятная
исторія съ покойнымъ императоромъ Наполеономъ. — Знаменитые
воздухоплаватели..... 4

Моды (съ двумя парижскими картинками дамскихъ и муж-
скихъ модъ).

I.

АНТИГОНА.

ТРАГЕДІЯ СОФОКЛА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ГРЕЧЕСКАГО.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Антигона | дочери овскаго царя Эдипа.
Исмена |

Креонтъ, царь овскій.

Гемонъ, его сынъ.

Тиресій, слѣпой прорицатель.

Стражъ.

Вѣстникъ.

Эвридика, супруга Креонта.

Хоръ овскихъ старцевъ.

Равы Креонта, служанки Эвридики.

Театръ представляетъ площадь передъ дворцомъ Креонта. Съ лѣвой стороны видъ на загородныя холмы, съ правой — на городъ.

I. ПРОЛОГЪ.

АНТИГОНА И ИСМЕНА.

АНТИГОНА — Головка милая родной Исмены!

Какихъ же бѣдъ эдиповыхъ еще

Не совершилъ ужъ Зевсъ при нашей жизни?

Нѣтъ скорбнаго и преступленья нѣтъ.

И нѣтъ позорнаго, безчестья нѣтъ,

т. ХСV. — Стл. I.

Чего бы я не видѣла въ твоихъ,
 Чего бѣ въ моихъ не видѣла несчатьяхъ.
 И вотъ опять приказъ какой-то новый
 Креонтъ, какъ говорятъ, народу далъ.
 Ты знаешь ли? ты слышала ль объ томъ!
 Иль скрыто отъ тебя, что милымъ нашимъ
 Враги готовятъ поруганье.

Исмена. — Нѣтъ,
 Ни съ радостью, ни горемъ, Антигона
 Объ милыхъ вѣсть ко мнѣ не доходила
 Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ двѣ сестры двухъ братьевъ
 Лишились мы, въ одинъ погибшихъ день,
 Другъ другу смерть родной рукой нанесшихъ.
 И съ той поры, какъ въ нынѣшнюю ночь
 Исчезъ Аргосцевъ станъ, я ничего
 Не знаю вновь ни къ радости, ни къ горю.

Антигона. — Я знала то, и для того тебя
 Я вызвала сюда за двери дома,
 Чтобы одна ты слышала меня.

Исмена. — Но что? тебя тревожитъ слово, вижу.

Антигона. — Такъ ты не знаешь, что Креонтъ почтилъ
 Лишь одного изъ нашихъ братьевъ гробомъ,
 Другаго же лишилъ послѣдней чести?
 Какъ говорятъ, онъ Этеокла съ честью
 Обычную въ землѣ похоронилъ,
 Да будетъ онъ и тамъ почтенъ, средь мертвыхъ ⁽¹⁾.
 А Полиника трупъ, лежащій жалко,
 Онъ запретилъ гражданамъ, говорятъ,
 И въ гробъ скрыть и слезы лить надъ нимъ.
 Велѣлъ безъ слезъ оставить, безъ могилы,
 Чтобъ былъ находкой сладкой хищнымъ птицамъ.
 Вотъ, говорятъ, что добрый нашъ Креонтъ
 Тебѣ и мнѣ (себя считаю тутъ же),
 Всѣмъ объявилъ. Онъ скоро будетъ здѣсь,
 Чтобъ тотъ приказъ всѣмъ громко объявить,
 Которые о немъ еще не знаютъ.
 И не ничтожнымъ онъ считаетъ дѣло,

(1) По понятіямъ древнихъ, непогребенные или похороненные безъ надлежащихъ обрядовъ, были въ презрѣніи и у мертвыхъ.

Но въ городѣ удреть отъ камней тотъ,
Кто вопреки поступитъ повелѣнью.
Вотъ все тебѣ, и скоро ты покажешь,
Родилась ли съ душой ты благородной,
Иль съ низкою отъ благородной крови.

Исмена. — О гордая душа! но что жь могу
Связать иль развязать я въ этомъ дѣлѣ?

Антигона. — Подумай, мнѣ помочь рѣшишься ль ты?

Исмена. — Но въ чемъ, скажи: какая мысль твоя?

Антигона. — Поднимешь ли со мною вѣстѣ трущъ?

Исмена. — Такъ хочешь ты его похоронить,
Когда тò городу запрещено?

Антигона. — Я брата моего похороню
И вѣстѣ твоего; коль ты не хочешь:
Въ предательствѣ меня не обвинять.

Исмена. — Несчастливая! на зло Креонта вогь?

Антигона. — Но разлучить меня съ моими онъ
Не въ правѣ.

Исмена. — Горе мнѣ! Сестра, ты вспомни
Какъ нашъ отецъ, презрѣнный и безславный,
Погибъ, когда, открывъ свои грѣхи,
Своей рукой себѣ разбилъ онъ очи,
А тамъ жена и мать, двойное имя,
Снуркомъ плетенымъ жизнь свою сгубила;
Потомъ два брата общій жребій смерти
Въ одинъ и тотъ же день другъ другу дали.
Несчастливые! погибъ отъ брата братъ.
Остались мы лишь двѣ теперь: смотри,
Чтобъ наша не была страшнѣе гибель,
Когда, закону вопреки, мы презримъ
Креонта приговоръ и силу власти.
Мы женщины — о томъ подумать надо;
Родились мы не съ тѣмъ, чтобы съ мужами
Вступать въ борьбу. Подумай и о томъ,
Что мы подвластны тѣмъ, кто насъ сильнѣй.
И горше этого намъ слушать надо.
Такъ буду я покорна тѣмъ, кто силенъ,
И попрошу у мертвыхъ въ томъ прощенья,
Когда къ тому меня неволить сила.
А не по силамъ дѣлать — смысла нѣтъ...

Антигона. — И требовать не стану я, и даже,
 Когда бь еще ты дѣйствовать рѣшилась,
 Твое участіе мнѣ не будетъ мило.
 Какъ хочешь, дѣлай ты; но я его
 Похороню. Умру прекрасно я,
 Исполнивъ то. И, милая ему,
 Съ нимъ вмѣстѣ тамъ лежать я буду...
 Вѣдь больше тѣмъ, которые въ землѣ,
 Мнѣ должно угождать, чѣмъ здѣсь живущимъ :
 Тамъ буду я лежать всегда. А ты,
 Коль хочешь, презирай пожалуй то,
 Чтò у боговъ самихъ въ почтеньи.

Исмена. — **Нѣтъ,**

Не презираю я; а дѣлать то,
 Чтò гражданамъ противно, я не въ силахъ.

Антигона. — Оправдывай себя, а я пойду
 Могилау брату милому насыщать.

Исмена. — О горе! какъ боюсь я за тебя!

Антигона. — Нѣтъ, за меня не бойся, а подумай,
 Свою судьбу какъ лучше бы устроить.

Исмена. — Не объявляй же ты, по-крайней-мѣрѣ,
 Объ этомъ дѣлѣ никому, но скрой,
 И скрою я.

Антигона. — О нѣтъ! ты говори.
 Не говоря, врагомъ мнѣ больше будешь,
 Когда не вѣсѣмъ о томъ расскажешь ты.

Исмена. — Горячъ твой духъ къ тому, чтò въ дрожь бросаетъ.

Антигона. — Но знаю я, что тѣмъ угодна буду,
 Кому вѣсѣмъ больше нужно угождать.

Исмена. — Когда бь еще могла ты это сдѣлать!
 Но невозможнаго желаешь ты.

Антигона. — Когда не въ силахъ буду, то оставлю.

Исмена. — Но невозможнаго я начинать
 Не слѣдуетъ..

Антигона. — Не повторяй еще,
 А то тебя я буду ненавидѣть,
 И брату по-дѣломъ немилой будешь,
 Когда въ могилѣ съ нимъ соединишься.
 Оставь же ты меня съ моимъ безумьемъ,
 Оставь терпѣть ту страшную судьбу

Но, что бы надо мной ни учинилось,
 Коля я умру, умру прекрасной смертью.
 Исмена. — Иди, когда такъ хочешь ты; но знай,
 Хоть ты безумная теперь идешь,
 Но все жь друзьямъ своимъ ты милый другъ

II. ПАРОДОСЪ.

Хоръ (*входя въ оркестру*). — Солнца лучъ, никогда еще
 Въ седьмивратномъ ты городѣ
 Не всходилъ такъ блистательно.
 Вотъ наконецъ явилась ты, дня золотого рѣшница ⁽²⁾,
 Поднялась надъ водами даркейскими ⁽³⁾
 И Аргосца съ большимъ щитомъ ⁽⁴⁾,
 Что пришелъ къ намъ съ силой большой,
 Обратила вспять бѣглецомъ,
 И бѣжить онъ быстрѣй, чѣмъ пришелъ.
 А его противъ нашей земли Полинникъ
 Изъ-за распри съ роднымъ своимъ братомъ привелъ.
 И какъ бѣлоснѣжнымъ одѣтый перомъ
 Съ острымъ крикомъ слетаетъ на землю орелъ,
 Съ сильнымъ войскомъ напалъ Полинникъ,
 Конскіи волосъ на шлемахъ вялся.
 Ставъ надъ городомъ пасть свою
 Съ кровожадными копьями
 Онъ открылъ на всѣ семь воротъ.
 Но ушелъ онъ прежде чѣмъ нашею кровью наполнилъ
 Пасть свою, прежде чѣмъ жаркое пламя Гефеста
 Могло обнять башней вѣнцы,
 И поднялся съ тылу его
 Бранный Арея шумъ; гибель врагу

(2) Въ подлинникѣ: βλέφαρον, слово, которое, по происхожденію своему отъ глагола βλέπω — смотрю, могло бы быть переведено нашимъ: око или глазъ; но я съ наѣреніемъ оставилъ обыкновенное значеніе греческаго слова, чтобъ яснѣе указать на смѣлость софокловыхъ метафоръ. Бѣжъ въ своемъ переводѣ тоже удержалъ метафору подлинника, употребивъ для выраженія греч. βλέφαρον нѣмецкое «Wimper».

(3) Дирке, знаменитый источникъ около Фивъ. По нѣкоторымъ преданіямъ, Дирке была супруга оивскаго царя Лика, убита Амфиономъ и Зетомъ и превращена въ источникъ.

(4) Аргосцамъ приписываются бѣлые щиты и Эхиломъ и Эврипидомъ.

Неизбѣжна дракону (5).

Ненавидить вѣдь Зевсъ звонъ надменныхъ рѣчей.

И увидѣвши ихъ, какъ они подошли,

Словно бурный потокъ, гордыхъ мыслей волны,

Звономъ злата горды, какъ одинъ ужъ изъ нихъ

На зубцы взошелъ стѣнь и побѣду свою

Ликовалъ уже тамъ,

Зевсъ перуномъ его поразилъ (6).

И на дрожащую землю поверженный палъ

Онъ огненосецъ (7), который въ безумномъ стремленнѣ

Полный бѣшенства шель и бурей враждебной дышалъ.

Быль ему жребій тотъ ;

Жребій другой вышалъ другимъ ;

Всѣхъ надѣлялъ грозный Арей

Сильный воитель.

Было ихъ семь вожей : у семи всѣхъ воротъ

Они выстроились противъ нашихъ вожей,

И побѣдному Зевсу (8) оставили всѣ

Тамъ доспѣхи свои ; лишь два страшныхъ врага,

Одной матери дѣти, отца одного,

Другъ на друга побѣдно копье устремивъ,

Общей смерти имѣли судьбу.

Громкоименная вотъ ужъ богиня побѣды

Въ многокристальныя Оивы вошла, улыбаясь.

(5) Драконъ означаетъ здѣсь непріятельское войско аргосцевъ. Еще не объяснивъ метафоры, поэтъ ужъ въ началѣ антистрофы приписываетъ аргосскому войску эпитеты дикаго звѣря : «открылъ пасть свою съ кровожадными копьями» (*φονώσαισι ἀριφύχανῶν λόγχαῖς*), не наполнилъ пасти кровью. Наконецъ въ концѣ ужъ даетъ онъ объясненіе всѣмъ этимъ метафорамъ, назвавъ дракона. Сравненіе аргосскаго войска съ дракономъ было общее всѣмъ трагикамъ : такъ въ трагедіи Эсхила, «Семь вожей подъ Оивами», оивскій хоръ трепещетъ предъ аргоссцами, какъ голубка передъ дракономъ (276). Тидей реветъ, какъ драконъ (305), Гипомедонтъ имѣетъ на щитѣ своею змѣй (480) ; у Эврипида (финик. 1151) на щитѣ Адраста изображено сто ящерицъ и т. д. (Бѣкъ).

(6) Капаней, одинъ изъ вожей аргосскихъ, былъ убитъ молніей.

(7) Огненосецъ — *πυρφόρος* называется Капаней, потому-что на щитѣ его (у Эсхила) изображенъ былъ обнаженный мужъ съ факеломъ : въ рукѣ, съ надписью : *πρὸς πόλιν* — зажгу городъ.

(8) Доспѣхи убитыхъ вожей приносились побѣдителю Зевсу. Софокль говоритъ въ этихъ анапестахъ, что всѣ аргосскіе вожди были убиты оивскими ; но два сына Эдипа навесли другъ другу смертельный ударъ.

Такъ забудьте теперь вы о бояхъ : время яти
 По всемъ храмамъ боговъ ;
 Цѣлую ночь станемъ тамъ пѣть,
 Оливскій нашъ Вакхъ будетъ намъ вождь
 Вакхъ колебатель (земли).

Вотъ Креонтъ царь страны, Менекея сынъ ;
 Онъ недавно здѣсь власть получилъ ; новый царь,
 Съ новымъ счастьемъ боговъ къ намъ онъ нынѣ идетъ.
 Но какая же мысль такъ волнуетъ его,
 Что совѣтъ стариковъ онъ собрать повелѣлъ,
 Черезъ глашатая насъ пригласивши сюда.

III. ПЕРВЫЙ ЭПИЗОДЪ.

Креонтъ, хоръ и потомъ стражъ.

Народъ ! хотя изъ странной бури бѣдъ
 Вновь къ тишинѣ воздвигли боги городъ ;
 Но я чрезъ вѣстниковъ лишь васъ однихъ ⁽⁹⁾
 Сюда собралъ, затѣмъ, что зналъ, какъ власть
 Престола Лаева всегда вы чтили ;
 Потомъ я зналъ, что съ той поры, какъ городъ
 Эдишъ поднялъ и самъ потомъ погибъ,
 Что съ той поры вы преданы всегда
 Въ заботѣ неизмѣнной дѣтямъ ихъ. ⁽¹⁰⁾
 А какъ они въ одинъ и тотъ же день,
 Ударъ нанеши и принявъ, погибли,
 Давъ смерть преступною рукой другъ другу,
 То я, какъ ближній родственникъ погибшихъ,
 И власть ихъ всю и тронъ имѣю нынѣ.
 Но трудно духъ и мысль и думы мужа
 Извѣдать прежде, чѣмъ себя окажетъ
 Въ распоряженьяхъ власти и законахъ.
 А мнѣ, кто, правя цѣлымъ государствомъ,
 Не держится совѣтовъ самыхъ лучшихъ,
 Но свой языкъ изъ страха запираетъ,
 Всегда, какъ и теперь, казался подлымъ.
 И ничего по мнѣ не стоитъ тотъ,

⁽⁹⁾ Стариковъ.

⁽¹⁰⁾ Потомкомъ Лая и Эдиша.

Кто друга выше цѣнить, чѣмъ отчизну.
 А я — всевидящій то знаетъ Зевсъ —
 Молчать не сталъ бы я, погибель видя
 Грядущую на гражданъ вмѣсто счастья,
 И никогда бѣ врага родной земли
 Себѣ не сдѣлалъ другомъ : знаю я,
 Что въ ней спасенье наше; что тогда
 Себѣ друзей находимъ вѣрныхъ сами,
 Когда ея корабль плыветь счастливо
 Я подниму такимъ уставомъ городъ.
 Согласно съ симъ и нынѣ объявилъ
 Я гражданамъ о сыновьяхъ Эдипа :
 Чтобъ Этеокла въ гробъ скрыть, свершивъ,
 Что подобаеть честнымъ мертвымъ, все.
 Во всѣхъ бояхъ онъ первымъ былъ бойцомъ,
 За городъ сей сражался онъ и палъ.
 Но Полиникъ, его по крови братъ,
 Бѣглець вернувшійся хотѣлъ огнемъ
 Въ-конецъ пожечь отеческую землю
 И съ нею сжечь боговъ, родныхъ боговъ;
 Родною онъ хотѣлъ напиться кровью
 И въ рабство увести своихъ согражданъ.
 Такъ въ городѣ велѣлъ я объявить,
 Чтобы его никто съ обычной честью
 Не хоронилъ, никто бѣ надъ нимъ не плакалъ ;
 Но чтобы псамъ и хищнымъ птицамъ въ снѣдъ
 Оставить трупъ его непогребенный,
 Чтобъ поруганья видъ очамъ былъ страшень.
 Таковъ мой приговоръ, и никогда
 Не будетъ отъ меня той чести злымъ,
 Которую лишь правые получать.
 Но другъ моей земли, живой иль мертвый,
 Одианъ почетъ получить отъ меня.

Хоръ. — Ты такъ рѣшилъ, Креонтъ, сынъ Менекея,
 О другъ города и о врагъ ;
 И властенъ ты на мертвыхъ и живыхъ
 Изречь законъ, какой тебѣ угодно.

Креонтъ. — А вамъ смотрѣть за тѣмъ, что я сказалъ.

Хоръ. — Нѣтъ, поручи заботиться о томъ
 Кому-нибудь, кто помоложе насъ.

Креонтъ. — Но трупъ стеречь ужъ тамъ готовы люди.

Хоръ. — На что жь еще другия даешь приказъ?

Креонтъ. — Чтобы ослушникамъ не потакать.

Хоръ. — Но кто жь такъ глупъ, что умереть желаетъ?

Креонтъ. — Да, смерть награда будетъ. Но не разъ

Надежда на корысть людей губила.

Стражъ. — О царь! я не скажу, что шелъ проворно,

Что быстрый бѣгъ мнѣ духъ перехватилъ;

Не разъ прикованъ былъ заботой къ мѣсту,

Не разъ назадъ хотѣлъ поворотить.

Душа вѣщала мнѣ, такъ говоря:

Зачѣмъ идешь туда, гдѣ наказанье,

Тебя, несчастный, ждетъ? потомъ опять:

Несчастный! что жь нейдешь? И все Креонтъ

Узнаетъ отъ другихъ? Все та жь бѣда!

Въ такомъ раздумьи шелъ нескоро я:

Вѣдь такъ и краткій путь бываетъ длиннѣе.

Но наконецъ за лучшее я счелъ

Идти къ тебѣ. Хоть ничего почти

Я не скажу тебѣ, но все жь скажу ⁽¹¹⁾.

Я въ той надеждѣ и пришелъ, что то

Лишь потерплю, что рокъ опредѣлитъ.

Креонтъ. — Но что жь, что страха твоего причиной?

Стражъ. — Сказать хочу сначала о себѣ:

Не сдѣлалъ я и не видалъ, кто сдѣлалъ,

И казни я никакъ не заслужилъ.

Креонтъ. — Ты ловко метишь и кругомъ себя

Огородилъ. Принесъ же видно новость!

Стражъ. — Но страшное всегда боязнь внушаетъ.

Креонтъ. — Да что жь? Ты скажешь ли когда-нибудь?

Скорѣй! потомъ иди, сказавъ, что надо.

Стражъ. — Скажу тебѣ, что мертваго недавно

Похоронилъ не знаю кто и скрылся;

Сухой земли посыпали на тѣло

И свято весь обрядъ надъ нимъ свершили.

(11) Смыслъ тотъ: я скажу тебѣ, что тѣло Полинника похоронено; но такъ-какъ я не знаю, кто это сдѣлалъ, то для тебя вѣтъ ничего въ моихъ словахъ. Софокль съ намѣреніемъ заставляетъ стража говорить запутанными и неясными фразами.

Кривонтъ. — Что молвилъ ты? Но кто жь тотъ человекъ?
Кто смѣлъ такъ дерзкимъ быть?

Стражъ. — Не знаю я,
Невидно тамъ ударовъ топора,
И заступъ тамъ не рылъ: земля крѣпка,
Тверда, не взрыта; нѣтъ слѣда колесъ;
Но безъ слѣда сокрылся тотъ, кто сдѣлалъ.
И какъ сказалъ намъ первый стражъ дневной,
Казалось всѣмъ то чудомъ непонятнымъ:
Невидѣтъ трупъ, но не зарытъ; на немъ
Лишь тонкій прахъ лежалъ, какъ-будто кто
Отъ преступленья тѣмъ спасался только ⁽¹²⁾.
И никакого не было слѣда,
Чтобъ звѣрь, иль песь являлся трупъ терзать,
И бранныя слова послышались межъ насъ,
Стражъ стража обвинялъ, до драки дѣло
Дошло; остановить не могъ никто.
И каждого винили всѣ другіе,
Но не было уликъ: всѣ запирались.
И раскаленное желѣзо въ руки
Рѣшались брать, и сквозь огонь пройти,
И именемъ боговъ покаяться въ томъ,
Что невиновны мы, что чужды мы
И замыслу и совершенно дѣла.
Но наконецъ, какъ розыскъ былъ бесплоденъ,
Тутъ говорить одинъ — и всѣхъ отъ страха
Принудилъ голову склонить къ землѣ;
Мы не могли сказать ни слова противъ,
А, сдѣлавъ то, не знали, какъ намъ быть.
Сказалъ же онъ, что надо донести
Тебѣ объ этомъ дѣлѣ, не скрывать.
На томъ рѣшили мы, и это счастье
Далъ жребій мнѣ несчастному нести.
Неволей къ вамъ сюда явился я,
И вы нерады мнѣ — я знаю то:

(12) Видѣтъ непогребенный трупъ и не предать его землѣ было преступленіе противъ боговъ подземныхъ. Поэтому въ томъ, что на трупъ сдва наброшенъ былъ тонкій слой земли, видитъ стражъ желаніе очистить только совѣсть.

Хоръ. — О царь! Давно ужъ шепчетъ мысль моя:

Боговъ въ томъ дѣлѣ не было ль участья?

Креонтъ. — Остановись, пока твои слова

Не преисполнили еще мой гнѣвъ;

Не докажи, что ты и глупъ, и старъ.

Твои слова невыносимы мнѣ,

Коль признаешь боговъ ты попеченье

О мертвомъ томъ. Скажи, сокрыли ль боги
Его, какъ благодѣтеля почтивъ?

Того, кто истребить пришелъ огнемъ

Колоннами обставленные храмы

И честные дары, того, который

Ихъ область и законъ хотѣлъ разрушить?

Иль думаешь, что боги чтутъ злодѣевъ?

Не то. Но граждане давно съ трудомъ

Терпѣли то, и на меня роптали,

И потрясали тайно головой,

Невѣрную подъ иго шею гнули

И не хотѣли полюбить меня.

Ихъ деньгами, навѣрно знаю я,

Подкуплены они, чтобъ это сдѣлать. (*Указывая на стража*).

Дѣ, деньги для чюдей — большое зло:

Здѣсь губятъ города, а тамъ мужамя

Свой домъ родной велеть покинуть деньги,

И извращаютъ деньги честный умъ,

Ведутъ его онѣ къ дѣламъ безчестнымъ;

Всѣ хитрости открыли деньги людямъ

И всякому нечестью научили.

Но тотъ, кто плату взялъ за это дѣло,

Получитъ наконецъ за то и казнь.

Коль приметъ Зевсъ еще мою молитву,

Такъ знай, я говорю тебѣ подъ клятвой,

Что если не откроете того,

Чья руки ту устроили могилу,

И не представите его ко мнѣ,

То мало будетъ вамъ одной лишь смерти:

Живыхъ, повѣсивъ васъ, заставляю прежде

Сознаться мнѣ въ томъ дерзкомъ оскорбленнѣ.

Чтобъ знали вы, гдѣ барыша искать,

Недобрыхъ вѣстниковъ никто не любить.

Чтобъ поняли, что прибыли искать
 Отъ всякаго равно недолжно дѣла,
 Что пагубу нечестная корысть
 Приносить чаще, чѣмъ спасенье, людямъ.

Стражъ. — Сказать мнѣ дашь, иль такъ идти назадъ?

Креонтъ. — Не знаешь и теперъ, какъ тяжелы
 Твои слова?

Стражъ. — Кусаютъ слухъ иль сердце?

Креонтъ. — Какъ? Ищешь ты моя досада гдѣ?

Стражъ. — Но я лишь ухо огорчилъ, а сердцу
 Нанесъ печаль не я, а тотъ кто сдѣлалъ.

Креонтъ. — О, о! какъ видно, ты искусный плутъ.

Стражъ. — Но все жъ того не сдѣлалъ дѣла я.

Креонтъ. — Да душу ты свою за деньги продалъ.

Стражъ. — Увы!

О страшно, что и ложнымъ подозрѣньямъ
 Повѣрить долженъ тотъ, кто хочетъ вѣрять.

Креонтъ. — Теперь пока глумись-себѣ надъ вѣрой.

Но если мнѣ не сыщете виновныхъ,

Помянете, что полмая корысть

Приносить скорбь. (*Уходитъ*).

Стражъ. — Да, хорошо бѣ сыскать.

Найдутъ иль нѣтъ — судьба рѣшить все это,

Но здѣсь меня опять ты не увидишь.

И нынѣ ужъ спастись не чаямъ я;

Боговъ благодарить за то я долженъ.

IV. ПЕРВЫЙ СТАСИМОНЪ.

Хоръ (*поетъ*). — Сильнаго много въ мирѣ есть,

Но сильнѣй человека нѣтъ.

И подъ бурными вѣтрами

Онъ плыветъ по сѣдымъ волнамъ,

Плыветъ, а вдутое море

Шумитъ вокругъ него.

И высшую изъ всѣхъ боговъ онъ мучитъ

Вѣчную, неустающую землю:

Изъ года въ годъ по ней катятся плуги, и лошади

Не даютъ землѣ покоя.

Хитрый ловець, несетъ онъ въ домъ

Чтобы впередъ хватали тамъ, гдѣ можно,
 Легкомысленныхъ птицъ стада,
 И звѣрей лѣсныхъ дикій родъ,
 И морскихъ племя ловить рыбъ,
 Сѣтями плетеными ловить
 Онъ, хитрый человекъ.
 И хитростью онъ побѣждаетъ
 Вольнаго горнаго звѣря, и шею
 Лошади, гривой покрытую, игою смиряетъ.

Игу волю покоренъ буйный.
 И рѣчь, и воздушную мысль
 Придумалъ, и нравы нашель,
 Что блюдутъ города; избѣгать онъ знаетъ
 Суроваго холода,
 Дожей и воздушныхъ стрѣлъ.
 Все придумалъ, безсовѣтныхъ
 Не застигнуть его время.
 Лишь ада избѣжать не можетъ онъ,
 Но отъ болѣзней трудныхъ

Спасенье онъ нашель.
 И чуднымъ какимъ-то умомъ,
 Искуснымъ владѣть умомъ.
 То къ хорошему онъ, то къ дурному стремится,
 Когда нарушаетъ онъ
 Законы родной земли
 И боговъ святое право.
 Въ комъ нѣтъ правды, хотъ высоко
 Стоить въ народѣ онъ, онъ безъ отчизны.
 Въ комъ дерзкій умъ, кто поступаетъ такъ,

Тотъ не войдетъ въ мой домъ,
 Совѣтъ со мной не раздѣлитъ.

Но не чудо ли то? мысль смутилась моя.
 Но могу ль отрицать, когда вижу я самъ,
 Что ведутъ Антигону дѣвицу сюда.

О несчастная

И отца несчастливца Эдипа дитя!
 Что случилось съ тобой? Не царевъ ли законъ
 Преступила ужъ ты? Не ведутъ ли тебя
 Потому? Не нашли ли въ безумьи тебя?

V. ВТОРОЙ ЭПИЗОДЪ.

ХОРЪ, СТРАЖЪ, АНТИГОНА, ПОТОМЪ КРЕОНТЬ И НАКОНЕЦЪ
ИСМЕНА.

СТРАЖЪ. — Вотъ здѣсь виновная — она. На дѣлѣ

Ее мы взяли тамъ. Но гдѣ Креонтъ?

ХОРЪ. — Вотъ въ-пору онъ идетъ опять изъ дома.

КРЕОНТЬ. — Что тамъ? къ-чему сюда я вышелъ въ-пору?

СТРАЖЪ. — О царь ни въ чемъ не долженъ клясться смертный.

Ту мысль, что вѣрною казалась прежде,

Другая мысль невѣрной объявляетъ.

Вотъ я сюда прийти опять не думалъ,

Какъ на меня твой гнѣвъ грозою палъ;

Когда жь приходитъ радость сверхъ надежды,

Другую съ ней нельзя сравнить пріятность.

Пришелъ, хоть клялся я, что не прижду,

Дѣвицу вотъ привелъ: ее застали,

Какъ тамъ она готовила могилу.

И тутъ мы не кидали уже жребья:

Моя была находка, не другаго.

Теперь ты, царь, какъ хочешь, самъ ее

Возьми, суди и уличай, а я,

Свободный отъ вины, могу теперь

Отдѣлаться отъ той бѣды по праву.

КРЕОНТЬ. — Гдѣ взялъ ее и какъ? ведешь откуда?

СТРАЖЪ. — Она того похоронила мужа —

Вотъ все тебѣ.

КРЕОНТЬ. — Ты понялъ ли, смотри,

И такъ ли ты сказалъ, что говоришь?

СТРАЖЪ. — Когда скажу, что видѣлъ я ее,

Какъ хоронила мертваго она,

Которому ты отказалъ въ могилѣ —

Не ясно ль все я говорю тебѣ?

КРЕОНТЬ. — А какъ увидѣли ее? какъ взяли?

СТРАЖЪ. — Вотъ было дѣло какъ. Лишь мы пришли

Со страхомъ отъ твоихъ угрозъ ужасныхъ,

Тотчасъ весь прахъ мы съ мертваго смели,

Что былъ на немъ, и тлѣющее тѣло

Открыли все; на высотѣ холма

Потомъ мы сѣли такъ, чтобъ вѣтеръ намъ

Не могъ донести гнилаго трупа запахъ.
 Другъ друга бранью злой мы возбуждали,
 Какъ только кто пренебрегалъ трудомъ.
 И было такъ, пока кругъ солнца свѣтлый
 Не сталъ въ срединѣ неба высоко
 И зной насъ жегъ. Тутъ страшный вихрь съ землѣи
 Вдругъ ураганъ поднялъ, небесный страхъ
 Наполнилъ землю всю и листъ съ деревь,
 Растущихъ въ той долинѣ, весь разнесъ;
 Великій мнѣ наполнился зѣврѣ,
 По времени, какъ буря прекратилась,
 Явилась дѣвушка и звыла горько.
 То былъ печальной птицы острый крикъ,
 Какимъ кричить, когда гнѣздо свое
 Найдеть оспротѣлымъ, безъ дѣтей.
 Такъ и она, какъ видитъ голый трупъ,
 И зарыдала съ воплями, и страшнымъ
 Виновниковъ того кланетъ проклятьемъ.
 И прахъ сухой несетъ тотчасъ руками,
 И, мѣди кованой поднявши кружку,
 Тройнымъ вѣнчаетъ возліаньемъ трупъ.
 Увидѣвъ то, мы бросились и взяли
 Ее тотчасъ; она не искугалась.
 И въ прежнемъ томъ и въ семъ последнемъ дѣлѣ
 Ее винили мы, и, ничего
 Не отрицая, тамъ она стояла.
 Но радость та мнѣ радость виѣстѣ съ скорбью.
 Приятно, что я самъ бѣды избѣгнулъ,
 Но горько мнѣ друзей въ бѣду повергнуть.
 По мнѣ, однакоже, свое спасенье
 Цѣнить всего дороже долженъ каждый.

Крвонтъ (къ Антигонѣ). — А ты, ты, что головой къ землѣ поникла,
 Сознаешься ль, что сдѣлала ты это,
 Или станешь отрицать?

Антигона. — Я говорю,

Что сдѣлала, и отрицать не стану.

Крвонтъ (къ стражу). — Отъ тяжелой ты вины теперь свободенъ:

Такъ можешь самъ идти, куда угодно (къ Антигонѣ).

А ты скажи, но коротко, не длинно,

О запрещенья томъ ты знала?

Антигона. — Да,

Я знала Какъ не знать? То знали всѣ.

Кронтъ. — И смѣла ты нарушить тотъ законъ?

Антигона. — Не Зевсъ мнѣ возвѣстилъ его, не Дика,

Присущая всегда богамъ подземнымъ,
Которые постановили въ людяхъ
Законъ о мертвыхъ тотъ. Твои жь велѣнья

Я сильными на столько не считала,
Чтобъ твердый тотъ, неписанный законъ,
Боговъ законъ могъ смертный преступить.
Не нынѣ, не вчера явился сей законъ,
Всегда онъ жилъ; никто не знаетъ здѣсь,
Никто его начала не открывъ.

Его нарушить не хотѣла я
И быть за то въ отвѣтъ предъ богами,

А челоуѣка судъ не страшень мнѣ.

Я знала, что умру. И какъ иначе?

До твоего я знала объявленья.

А если я до времени умру,

Такъ прибыльно считаю то себѣ.

И кто живетъ, какъ я, въ бѣдахъ столь многихъ,

Не пользу ли тому приноситъ смерть?

Вотъ такъ и я: я не скорблю нисколько,

Что встрѣтилась съ ужасною судьбою.

Но еслибъ сына матери моей

Могла я видѣть трупъ непогребеннымъ,

О томъ скорбѣла бъ я; а тутъ нѣтъ скорби.

А если кажется тебѣ теперь,

Что глупъ поступокъ мой, такъ я скажу:

Безумный пусть винить меня въ безумьи.

Хоръ. — Неукротимый нравъ отца въ ней видѣнь:

Бѣдамъ она не знаетъ уступать.

Кронтъ (къ хору) — Но знай, что падаетъ скорѣй всего

Упрямый духъ, и часто видѣть можешь,

Какъ крѣпкое ломается желѣзо,

Когда оно въ огнѣ закалено;

А бѣшеныхъ коней удиломъ слабымъ

Смирняютъ. И не слѣдъ тому быть гордымъ,

Кто рабъ другихъ. Она жь и прежде мнѣ,

Когда законъ предписанный презрѣла,

Мнѣ оскорбленье нанесла тогда —
 И вотъ теперь другое оскорбленье :
 Поступкомъ тѣмъ вотъ хвастаетъ она
 И, сдѣлавъ то, смѣется надо мною.
 Коль власть моя предъ нею такъ падеть,
 Коль даромъ ей пройдетъ презрѣнье къ власти ,
 Такъ я не мужъ теперь, а мужъ она.
 Пусть дочь сестры, пусть ближе бѣ мнѣ еще
 Она была по крови въ цѣломъ родѣ;
 Но злой судьбы она не избѣжитъ —
 И вмѣстѣ съ ней ея сестра родная.
 И ту равно подозреваю я,
 Что вмѣстѣ думали онѣ о гробѣ.
 Позвать ее! Недавно въ домѣ я
 Ее въ безумьи видѣлъ, внѣ себя.
 Такъ тайну дѣлъ задуманныхъ во мракѣ
 Виновный духъ самъ прежде выдаетъ.
 Но ненавижу я, гнушаюсь тѣмъ,
 Коль пойманный на дѣлѣ нехорошемъ
 Стараются его словами скрасить,

Антигона. — Довольно ли тебѣ убить меня?

Иль хочешь больше ты ?

Креонтъ. — О, ничего!

Коль это получу — я все имѣю.

Антигона. — Что жъ медлишь ты ? Когда и мнѣ немилы

Твои слова — и пусть всегда такъ будетъ —

Когда и я родилась ужъ такою,

Что не могу тебѣ пріятна быть.

Но гдѣ жъ искать мнѣ было лучшей славы,

Когда бѣ ее и въ томъ я не нашла,

Что положила въ гробъ роднаго брата ? *(указывая на хоръ)*

То любо мнѣ, сказали бы они,

Когда бѣ мнѣ страхъ не зашпиралъ языкъ.

Но власть, помимо всѣхъ другихъ блаженствъ,

Блаженна тѣмъ, что лишь одна здѣсь можетъ

И говорить и дѣлать все, что хочетъ.

Креонтъ. — Но лишь одна изъ камдова народа

То видишь ты.

Антигона. — Нѣтъ, видятъ и они *(указывая на хоръ)*,

Но отъ тебя свою скрываютъ мысль.

Г. ХСV. — Отд. I.

Крвонтъ. — И что жь? Тебѣ не стыдно думать такъ,
Какъ ни одинъ не думаетъ изъ нихъ?

Антигона. — Какой же стыдъ въ любви къ родному брату?

Крвонтъ. — Но развѣ тотъ, кто палъ, сражаясь съ нимъ,
Не братъ тебѣ единокровный былъ?

Антигона. — По матери и по отцу былъ братъ.

Крвонтъ. — Что жь ты ему любви не платишь должной?

Антигона. — Не подтвердить того умершій братъ.

Крвонтъ. — Но если чтить его равно съ преступнымъ?

Антигона. — Не рабъ погибъ, но братъ его и мой.

Крвонтъ. — Но палъ одинъ врагомъ родной земля,
Другой погибъ, сражаясь за нее.

Антигона. — Одно обоемъ право смерть дала.

Крвонтъ. — Но добрый съ злымъ одно имѣть не можетъ.

Антигона. — Кто жь вѣдаетъ, что тамъ одинъ уставъ?

Крвонтъ. — Но врагъ, хоть умеръ онъ, все врагъ, не другъ.

Антигона. — Не злобу я, любовь дѣлать родилась.

Крвонтъ. — Иди же къ нимъ туда и ихъ любви

Тамъ, подъ землей, коль ты должна любить:

Пока я живъ, не властвовать жень.

Хоръ. — Вотъ изъ дома сюда къ намъ Исмена идетъ;

О сестрѣ своей льетъ любви слезы она;

И печали туманъ свѣтлый ликъ искажилъ,

И лицо все горитъ,

Слезъ ручей по лавитамъ краснымъ бѣжитъ.

Крвонтъ. — А ты, которая змѣей эхидной

Въ дому скрывалась и тайкомъ мою

Сосала кровь — не зная, я кормилъ

Двѣ пагубы, два разрушенья трона —

Что скажешь ты? Признáешь ли себя

Участницей въ приготовленьи гроба?

Иль клясться станешь, что о томъ не знала?

Исмена. — Да, вмѣстѣ съ ней и я надъ тѣмъ трудилась,

Когда она на то согласна будетъ,

И часть вины беру я на себя.

Антигона. — Но несогласна будетъ правда съ тѣмъ:

Ты не хотѣла братъ участя въ дѣлѣ,

И не хотѣла я дѣлать съ тобой.

Исмена. — Но при твоихъ бѣдахъ я не стыжусь

Въ волнахъ страдающа плыть съ тобой теперь.

Антигона. — Чье дѣло то — свидѣтель адъ и тѣ,
 Которые живутъ въ подземномъ царствѣ;
 Но не могу любить того я друга,
 Который любить на словахъ.

Исмена. — Сестра!
 Не покрывай меня такимъ безчестьемъ,
 Чтобъ не могла съ тобой я умереть
 И съ мертвымъ братомъ примириться.

Антигона. — Нѣтъ!
 Ты не умрешь со мной, того своимъ
 Не сдѣлаешь, къ чему не прикасалась:
 Одной моей довольно будетъ смерти.

Исмена. — Но какъ же мнѣ, когда одна останусь
 Я безъ тебя, какъ будетъ жизнь мила?

Антигона. — О томъ спроси Креонта: вѣдь о немъ
 Однимъ всегда печальницей была.

Исмена. — Зачѣмъ такъ огорчать меня безъ пользы?

Антигона. — И больно мнѣ, что надъ тобой смѣюсь.

Исмена. — Скажи, чѣмъ я могу еще тебѣ
 Теперь полезной быть?

Антигона. — Спасай себя:
 Тебѣ я въ томъ завидовать не стану.

Исмена. — О горе бѣдной мнѣ! Твою судьбу
 Уже ли я съ тобой не раздѣлю?

Антигона. — Но жить хотѣла ты, я — умереть.

Исмена. — Не то въ невысказанномъ было словѣ.

Антигона. — Ты можешь имъ оправдывать себя,
 А мнѣ мое казалось дѣло правымъ.

Исмена. — Но общая съ тобой у насъ ошибка.

Антигона. — Смѣйте! не робѣй! вѣдь ты жива,
 Моя жъ душа давно ужъ померла,
 Чтобы отдать себя служенью мертвымъ.

Креонтъ. — Объ этихъ дѣвушкахъ могу сказать:
 Одна безумною недавно стала,
 Другая же такую родилась.

Исмена. — Въ несчастныхъ умъ, который даже былъ,
 Не остается, царь, но прочь уходить.

Креонтъ. — То вѣрно, что тебя оставилъ онъ,
 Коль злое ты рѣшилась дѣлать съ злыми.

Исмена. — Но что же въ жизни мнѣ одной безъ ней?

Креонтъ. — Не говори о ней, ея ужь нѣтъ.

Исмьна. — И смерти ты предашь невѣсту сына?

Креонтъ. — Для пахаря другія будутъ нивы.

Исмьна. — Не такъ ему, и ей не такъ казалось...

Креонтъ. — Я сыну не хочу дурной жены.

Антигона. — О милый мой Гемонъ, какой обидой

Здѣсь оскорбилъ тебя родной отецъ?

Креонтъ. — Мнѣ ненавистна ты, и горько бь было,

Когда бь мой сынъ дѣлилъ съ тобою то же.

Хоръ. — Уже ль у сына ты ее отнимешь?

Креонтъ. — Самъ адъ хотѣлъ разрушить этотъ бракъ.

Хоръ. — Назначено ей, видно, умереть.

Креонтъ. — И у меня, и у тебя, конечно;

Немедля въ домъ ее ведите, слуги!

Съ-сихъ-поръ имъ женщинами надо быть,

А не давать себѣ широкой воли.

И смѣльчаки бѣгутъ, когда увидятъ,

Что ада богъ подходитъ близко къ жизни.

VI. ВТОРЫЙ СТАСИМОНЪ.

Хоръ (*поетъ*). О счастливы тѣ, жизнь которыхъ безъ горя прошла!

Если жь гнѣвъ боговъ поразилъ чей домъ,

То бѣда ужь не покинетъ,

Но перейдетъ и на все поколѣнье.

Такъ точно вздутые валы,

При еракійскомъ бурномъ вѣтрѣ,

Въ подводную нисходятъ глубину

И выметають черный съ дна песокъ,

А вихрь его потомъ разноситъ

И, отражая волнъ напоръ,

Шумятъ и стонуть берега.

Вотъ древнiя скорби лабдакова дома я зрю,

Гдѣ за горемъ падаетъ новое горе.

И родъ роду избавленья

Здѣсь не даетъ, но какой-то разить богъ,

И нѣтъ спасенья никому

Надъ послѣднимъ нынѣ корнемъ.

Въ эдиповомъ дому разлился свѣтъ:

Его кровавый прахъ боговъ подземныхъ.

Отъ насъ беретъ, рѣчей безумство

И вмѣстѣ съ тѣмъ Эринія души
 Мужей гордость не можетъ, Зевсъ,
 Твоей силѣ противиться.
 Ее сонъ не беретъ, все побѣждающій сонъ,
 Ни вѣчно текущія мѣсяцы.
 Юный всегда, царь, ты живешь
 Въ свѣтлыхъ чертогахъ Олимпа.
 И въ будущихъ, и въ прежнихъ временахъ
 Всегда имѣетъ силу тотъ законъ,
 Что смертныхъ жизнь безъ бѣды пройти не можетъ.
 А надежда, та странница
 Счастье, правда, даетъ инымъ,
 Но какъ многимъ обманъ страсти приноситъ слѣпой!
 И тихо подходитъ неожиданная:
 Въ жаркомъ огнѣ ты обожжешь
 Ногу — и послѣ поймешь все.
 Сказала чья-то мудрость слово,
 И слово то недаромъ славно,
 Что кажется добромъ и зло тому,
 Чью мысль богъ къ пагубѣ ведетъ,
 И безъ бѣды ужь долго тотъ не будетъ.
 Но вотъ и Гемонъ, твой юнѣйшій сынъ.
 Что пришелъ онъ сюда? Иль печалитъ его
 Антигоны невѣсты судьба?
 Огорченъ ли онъ тѣмъ,
 Что обмануть надеждой на бракъ?

ТРЕТІЙ ЭПИЗОДЪ.

Креонтъ, Гемонъ, Хоръ.

Креонтъ. — Узнаемъ скоро то.

Мой сынъ, невѣстѣ приговоръ услышавъ,
 Во гнѣвѣ ль на отца пришелъ сюда?
 Иль любви мы тебѣ всегда, во всемъ?

Гемонъ. — Отецъ! я твой, и добрый мнѣ совѣтъ
 Ты долженъ дать, и я приму его,
 И никакой не предпочту я бракъ,
 Когда мнѣ добрый ты даешь совѣтъ.

Креонтъ. — Такъ сердцемъ чувствовать, о сынъ мой! должно.
 Чтобъ выше былъ всего совѣтъ отца
 Затѣмъ и молятъ люди, чтобъ въ дому

Покорныхъ имъ имѣть себѣ дѣтей,
 Чтобы врагу отца платили зломъ,
 Чтобъ друга чтли такъ, какъ чтить отца
 А не на пользу кто родить дѣтей,
 Не скажешь ли о томъ, что онъ родилъ
 Себѣ оковы, смѣхъ своимъ врагамъ?
 Для наслажденья, сынъ, и для жены
 Не презри голоса разсудка; знай,
 Что холодны тебѣ объятя будутъ,
 Коль съ злой женой свое раздѣлишь ложе.
 И раны бѣльшей нѣтъ, какъ другъ дурной.
 Но нѣтъ! ты, какъ врага, ее отвергнешь;
 Въ аду женихъ нусть сватаетъ ее!
 Ее одну изъ всего народа
 Я непокорною себѣ нашель,
 И я лжецомъ предъ городомъ не буду:
 Убью ее. И Зевса пусть зоветъ,
 Защитника семейныхъ кровныхъ узъ:
 Онъ не спасетъ ее! Когда своихъ
 Я непокорными себѣ вскормлю,
 Тѣмъ непокорнѣ чужіе будутъ.
 А кто хорошъ въ своемъ кругу семейномъ,
 И въ государствѣ тотъ правдивымъ будетъ;
 А кто законъ насилуетъ и рушить,
 Того не похваляю.
 И властвовать сѣмѣетъ тотъ, надѣясь,
 Кто это знаетъ, и покорнымъ быть,
 И въ бурѣ битвъ, поставленный въ рядахъ.
 Надежный, вѣрный будетъ онъ товарищъ
 Но нѣтъ страшнѣ зла, какъ безначалье!
 Оно-то губить города и царства,
 Оно домовъ колеблетъ основанье,
 Въ бою жъ, ряды прорвавъ, ихъ гонить всякъ.
 Но гдѣ порядокъ есть, тамъ послушанье,
 Отъ вражескихъ мечей спасаетъ многихъ.
 Такъ надобно хранить закона силу
 И женщинѣ никакъ не уступать.
 Коль надо такъ, ужъ лучше насъ отъ мужа:
 Что мы слабѣ женъ, того не скажутъ.
 Хоръ. — Намъ кажется, что судишь ты умно,
 Коль умъ у насъ лѣта не унесли.

Гемонъ. — Отецъ! Варащаютъ боги въ людяхъ умъ,
 Стяжанье высшее изъ всѣхъ стяжаній,
 Я не могу, не смѣю я сказать,
 Что ты судилъ теперь несправедливо:
 Но и другой радушно можете мыслить.
 А ты не такъ поставленъ, чтобъ все знать,
 Что каждый скажетъ, сдѣлаетъ, осудить:
 Твой страшенъ взоръ простому человѣку.
 Когда сказать тебѣ онъ долженъ то,
 Чему не будешь ты внимать охотно.
 А мнѣ, мнѣ можно слышать незамѣтно,
 Какъ городъ весь о дѣвушкѣ скорбитъ,
 Которая, невиннѣе всѣхъ женъ,
 За славныя дѣла безчестно гибнетъ:
 За то, что брата своего роднаго,
 Который палъ въ бою, непогребеннымъ
 Не бросила, не отдала его
 Въ дочычу жаднымъ псамъ, иль хищнымъ птицамъ.
 Не чести ль золотой она достойна?
 Такъ говорить молва тайкомъ, въ тиши.
 А мнѣ, отецъ, вѣтъ блага выше въ мѣрѣ,
 Какъ дѣлъ твоихъ счастливое теченье.
 И что жь дастъ больше радости дѣтямъ,
 Какъ не отецъ, цвѣтущій доброй славой?
 Отцу какая радость выше той,
 Которую получить отъ дѣтей?
 Но не носи въ себѣ ту мысль одну,
 Что праведно лишь то, какъ ты сказалъ...

Креонтъ. — А! рѣчь твоя,
 Вся за жену одну.

Гемонъ. — И за тебя,
 И за меня, и за боговъ подземныхъ. (*Уходитъ*).

Хоръ. — О царь! пошелъ онъ скоро, раздраженный.
 А сердца скорбь страшна въ такихъ лѣтахъ.

Креонтъ. — Пусть онъ идетъ, и дѣлаетъ, и мыслить
 Не такъ, какъ человѣку можно мыслить;
 Не намѣнить онъ участи дѣвицы.

Хоръ. — Такъ смерть обѣимъ вмѣ назначилъ ты?

Креонтъ. — Невинной — нѣтъ! Ты дѣло говоришь.

Хоръ. — Какой же смертью ты казнить ты хочешь?

Креонтъ. — Сведу ее туда, гдѣ человѣкъ

Еще слѣда не пролагалъ, и скрою

Ее живую въ каменной скалѣ,

И пищи ей немного положу

Лишь для того, чтобы очистить совѣсть,

Чтобъ городъ отъ грѣха свободенъ былъ.

И тамъ она, взывая къ богу ада,

Котораго лишь чтить изъ всѣхъ боговъ,

Иль отъ него спасеніе получить,

Или узнаетъ наконецъ, хоть поздно,

Что царство ада чтить — напрасный трудъ.

VIII. ТРЕТІЙ СТАСИМОНЪ.

Хоръ. — Эротъ непобѣдный въ бою,

Эротъ побѣдитель богатства,

На нѣжныхъ ланитахъ дѣвицы любимишь поклоняться ты,

Далеко за море идешь, въ пастушій вступаешь шалашъ.

Ни изъ вѣчныхъ боговъ, ни изъ смертныхъ людей

Ни одинъ отъ тебя не бѣжитъ;

Кто во власти твоей, тотъ безумствуетъ.

Правдивыхъ людей даже мысль

Къ неправдѣ ты, къ пагубѣ сводишь.

И эту вражду возбуждалъ ты, кровную сына съ отцомъ:

Но прелесть прекрасныхъ очей невѣсты побѣдно-сильна;

Правъ великихъ всегда тронъ дѣлила краса;

Торжествуетъ богиня шута

Афродита въ бою непобѣдная.

Но и самъ уже я преступаю права,

Видя все, ручьи слезъ не могу удержать:

Антигона, вотъ вижу, идетъ въ тотъ покой,

Гдѣ всѣ спятъ.

IX. ЧЕТВЕРТЫЙ ЭПИЗОДЪ.

Родной земли граждане! въ путь послѣдній

Нынѣ иду вотъ я!

Вижу солнца послѣдній лучъ,

И никогда ужь потомъ;
 Но живую сводить меня
 Адъ, который всѣмъ дастъ покой,
 На Ахеронтовъ
 Берегъ; ни Гименея
 Не знала, ни подвѣчныя
 Не были пѣты мнѣ
 Пѣсни: я Ахеронту невѣста.

Хоръ. — Но покрытая славой и громкой хвалою
 Въ тотъ глубокой покой мертвыхъ, ты отойдешь,
 Не болѣзнь тебя разрушенье возьметъ,
 И подаркомъ не будешь мечу ты враговъ;
 Но по волѣ своей и изъ мертвыхъ одна
 Въ адъ живая сойдешь.

Антигона. — Слыхала я, какъ страшною смертью погибла
 Гостя фригійская ⁽¹³⁾,
 На Сипильской Горѣ — Танталя дочь.
 Крѣпко, какъ плющъ, обнялъ ее
 Каменный стволъ; дождь бьетъ теперь
 И, говорятъ такъ,
 Снѣгомъ вѣчно покрыта,
 И слезы изъ плащущихъ вѣчно очей
 Льются на грудь. Вотъ и мнѣ
 Ложе такое готовить судьба.

Хоръ — Но богиня она отъ боговъ родилась,
 Мы отъ смертныхъ людей — смертны сами мы.
 А съ богами одну, умирая, судьбу
 Получишь — то великая честь.

Антигона. — Увы мнѣ! Смѣются! о боги родные!
 Зачѣмъ ты поносишь меня
 Въ очи до смерти?
 О городъ! о граждане!
 Богатыя города!
 Увы!
 О Источникъ Диркейскій, о роша
 Оявъ, славныхъ колесницами!

(13) Ниоба, внука Зевса по отцу, супруга еивскаго царя Амфіона, лишена была дѣтей своихъ за то, что гордилась ихъ числомъ передъ Латоной, и обращена сама въ камень на горѣ Сипилѣ въ Лидіи (Фригій).

- Въ свидѣтели васъ всѣхъ зову:
 Какихъ во имя правъ, безъ слезъ друзей
 Идти должна къ могилѣ я
 И въ гробъ неслыханный сойти.
 Увы, жалкая!
 Не на землѣ съ живыми я,
 Ни съ мертвыми въ аду не буду.
- Хоръ — Далекъ въ дерзости зашла
 И о высокѣй Правды тропь
 Толкнулась спяльно ты, дитя!
 Отцовскій подвигъ ты несешь.
- Антигона. — Коснулся ты скорби чувствительной мнѣ,
 Страданій извѣстныхъ отца,
 Нашей всеобщей
 Судьбы, благородныхъ всѣхъ
 Потомковъ лабдаковыхъ.
 Увы!
 О злосчастное матери ложе!
 О пагубный бракъ съ роднымъ сыномъ
 Съ отцомъ моимъ матери жалкой!
 Отъ нихъ несчастная родилась я
 И къ нимъ, проклятая, иду,
 Иду безбрачная я къ нимъ.
 Въ несчастный, увы!
 Въ несчастный бракъ вступилъ ты, братъ,
 И мнѣ живой далъ мертвый смерть.
- Хоръ. — То благочестье — мертвыхъ чтить;
 Но власть того, въ чьихъ власть рукахъ,
 Не слѣдуетъ переступать.
 Тебя жь твоя сгубила гордость.
- Антигона. — Безъ слезъ друзей, безъ Гименея
 Въ неизбежный путь ведутъ бѣдную.
 Свѣтлаго солнца око святое больше
 Мнѣ ужь не видѣть, бѣдной!
 А моей судьбѣ злосчастной
 Не дасть слезы иль вздоха другъ.
- Креонтъ (*только-что вошедшій*).
 Вы знаете ль, что ни одинъ предъ смертью
 Не кончилъ бы пѣть пѣсни съ воплемъ,
 Когда бъ слова спасать имѣли силу.

Скорѣй ее ведите прочь и въ гробѣ,
 Подъ сводомъ каменнымъ, какъ я сказалъ,
 Одну ее оставьте умереть,
 Иль жить, коль можетъ жить въ такомъ покоѣ.
 И неповинны въ смерти мы дѣвицы,
 Лишь жить она подъ солнцемъ не должна.

Антигона. — О гробъ, о брачный мой покой! о домъ,
 Подземный вѣчный домъ! куда иду
 Къ своимъ, которыхъ много Персефона
 Ужь прежде въ царство мертвыхъ приняла.
 Последняя изъ нихъ, и хуже всѣхъ,
 Иду вотъ я такъ рано, въ цвѣтѣ лѣтъ.
 Но я иду туда съ надеждой крѣпкой,
 Что милую приду отцу, и вамъ
 О мать моя! о братъ! приду я милой:
 Сама я васъ обмыла послѣ смерти,
 Сама одѣла васъ и возліянье
 Могильное своей рукой свершила.
 А нынѣ, Полинникъ, и твоему
 Последній долгъ отдать желала тѣлу,
 И вотъ за то какой собираю плодъ!
 Но въ комъ есть смыслъ, тотъ долженъ оцѣнить,
 Что я тебя почтила должной честью.
 Когда бъ дѣтей я матерью была,
 Когда бъ супругъ мой смертью былъ сраженъ,
 Нѣтъ, никогда, народу вопреки,
 Не сдѣлала бъ того. А почему?
 Умереть супругъ, второй его замѣнить.
 Когда одно дитя я потеряю
 Другое отъ другаго мужа будетъ.
 Но если мать съ отцомъ лежать въ землѣ,
 То брата у меня не будетъ больше.
 Вотъ почему почтила я тебя,
 Мой милый братъ! — Не такъ смотрѣлъ Креонтъ:
 Въ томъ грѣхъ и дерзость страшную онъ видѣлъ.
 И нынѣ онъ, схвативъ меня, ведетъ
 Безбрачную; ни пѣсней Гименея
 Не знала я, не знала брачной доли
 И счастья кормить дѣтей не знала.
 Но безъ друзей, несчастная, одна

Живая я иду въ могилу мертвыхъ.
 Какой законъ боговъ я оскорбила?
 И что же мнѣ, несчастной, на боговъ
 Теперь смотрѣть? Кого на помощь звать,
 Когда, исполнивъ дѣло благочестья,
 Упрекъ въ нечестьи я себѣ нашла?
 Но если судъ боговъ одинъ съ людьми,
 То, казнь терпя, сознаюсь я въ винѣ;
 А если заблуждаются они,
 Да не потерпять сами больше зла,
 Чѣмъ сколько мнѣ несправедно чинять.

Хоръ. — Тотъ же бури порывъ, тотъ же вихря потокъ
 У дѣвицы въ душѣ, всю ее обхватилъ.

Креонтъ. — И за медленность ту много слезъ предстоить
 Тѣмъ, которымъ велѣлъ я ее отвести.

Антигона. — Увы! это слово меня
 Ближе къ смерти ведетъ.

Хоръ. — Я надежды тебѣ не подамъ ужь теперь,
 Нѣтъ, все будетъ такъ, какъ велитъ государь.

Антигона. — О еивской земли мой городъ родной!
 О боги отцы! (14)

Вотъ ведутъ ужь меня, и не медлятъ они.
 Князья еивской земли, посмотрите, какъ я,
 Последняя здѣсь царевна одна,
 Что терплю, отъ кого и за что я терплю?
 За то, что святое мнѣ было святымъ.

Х. ЧЕТВЕРТЫЙ СТАСИМОНЪ.

Хоръ. — И Даная несла ту же судьбу: (15)
 Отъ небесныхъ лучей въ мѣдныхъ стѣнахъ
 Скрыли ее, въ покоѣ мрачномъ, какъ гробъ,
 А и родъ ея былъ честенъ, дѣтя, дѣтя
 И хранила въ себѣ дождь золотой, Зевса тожь плодъ,
 Но сильна власть судьбы, страшно сильна;

(14) Арей и Афродита, отъ которыхъ родилась Гармонія, супруга Кадма, родоначальника еивскихъ царей.

(15) Акрисию, царю аргосскому, была предсказана смерть отъ внука, а потому онъ заперъ свою дочь, Данаю, въ мѣдную башню; но Зевсъ проникъ туда въ видѣ золотого дождя, который ошлодотворилъ Данаю.

И не спасеть отъ ней богатство,
 Арея сила не спасеть,
 Ни башни, ни корабль, съкущій волны,
 Отъ ней не убѣжить.

И Дриантовъ такъ сынъ гнѣвный тотъ царь
 Эдонійской земли, былъ заключенъ;
 Въ крѣпкой скалѣ за дерзость скрылъ его Вакхъ.
 Ослѣпленья всегда сила падаетъ такъ,
 Сила страшная та: понялъ тогда дерзкій языкъ,
 Какъ, въ безумьи своемъ, бога задѣлъ.
 Женамъ мѣшалъ онъ вдохновеннымъ,
 Огонь онъ Вакха погасилъ,
 И музъ, играющихъ на флейтѣ,
 Онъ оскорбилъ. ⁽¹⁶⁾

А у водъ кіанейскихъ, при устьѣ моря двойнаго.
 Гдѣ Салмидессъ оракійскій недобрый,
 На босфорскихъ пескахъ, богъ той страны двухъ Финея сыновъ
 Раны страшныя видѣлъ
 Его свирѣпая жена ихъ ослѣпила;
 Кровоавою рукой и челнока концомъ
 Имъ вырвала глаза. ⁽¹⁷⁾
 И погибли несчастные съ плачемъ о жалкомъ страданьи,
 Отъ несчастнаго матери брака родившись;

⁽¹⁶⁾ Сынъ Дрианта, Ликургъ, царь эдоновъ во Фракіи, почитая другихъ боговъ, не хотѣлъ признать Вакха и нарушалъ его празднества. За то, побѣжденный на войнѣ, былъ взятъ въ плѣнъ и заключенъ въ пещеръ, гдѣ и умеръ голодной смертію.

⁽¹⁷⁾ Кіанейскія воды—часть Чернаго Моря у Кіанейскихъ Острововъ, лежащихъ у самаго Босфора Фракійскаго (Константинопольскаго Пролива). Недалеко отъ нихъ, на оракійскомъ берегу, лежалъ Салмидессъ—недобрый, потому—что плаваніе около этого берега было опасно. Во Фракіи господствовалъ культъ Арея. Финея былъ оракійскій царь и вотъ его исторія: Борей похитилъ Орию, дочь аонскаго царя, Эрехтея, унесъ ее въ свои сѣверныя пещеры и родилъ съ ней двухъ сыновей, Зета и Каланса, и дочь Клеопатру. На ней женился Финея и имѣлъ отъ ней двухъ сыновъ, Плексиппа и Пандіона. По смерти Клеопатры Финея женился на другой женѣ (по однимъ — на Идеи, дочери Дардана, по другимъ — на Идоеи, сестрѣ Кадма), которая обвинила пасынковъ передъ отцомъ въ томъ, что они посягали на ея чистоту. Обманутый Финея отдалъ сыновей въ ея власть, и она, выколовъ имъ глаза тлещимъ челнокомъ—женскимъ оружіемъ того варварскаго времени, заключила ихъ живыхъ въ пещеру.

А отъ крови была древней ихъ мать,
 Эрехтеевъ былъ родъ,
 Но въ пещерахъ далекихъ
 И на крутой скалѣ дочь быстрая Борея
 Росла средь бурь отца; боговъ была дитя,
 Но и ее съдыя парки
 Не пощадилъ, дочь!

XI. ПЯТЫЙ ЭПИЗОДЪ.

ТИРЕСІЙ (съ мальчикомъ-вожакомъ). —

О оивскіе князья! пришли мы двое
 Однимъ путемъ, но за обонхъ насъ
 Одинъ смотрѣлъ; слѣпымъ одна дорога,
 Которою ихъ поведетъ вожакъ.

КРЕОНТЪ. — Чтò скажешь новаго, старикъ Тиресій?

ТИРЕСІЙ. — Открою я, а ты повѣрь.

КРЕОНТЪ. — Тебѣ всегда и прежде вѣрилъ я.

ТИРЕСІЙ. — За то ведешь прямой дорогой городъ.

КРЕОНТЪ. — Я знаю, какъ ты былъ полезенъ мнѣ.

ТИРЕСІЙ. — Смотри, на лезвіѣ ножа теперъ
 Стоитъ твоя судьба.

КРЕОНТЪ. — Чтò значить это?

Я трепещу, твоимъ словамъ внимая.

ТИРЕСІЙ. — Узнаешь самъ, когда услышишь то,
 Чтò показало мнѣ мое искусство.

Когда на старое пришелъ я мѣсто,

Гдѣ птицъ всегда привыкъ я наблюдать,

Гдѣ у меня прилѣтъ былъ всякой птицы,

Невѣдомый я слышу крикъ пернатыхъ :

То дикій крикъ, крикъ ярости то былъ

И догадался я, что между ними

Былъ смертный бой, что рвутъ онѣ другъ друга

Въ когтяхъ; удары крыльевъ слышны были.

Въ испугѣ я тотчасъ хотѣлъ извѣдать,

Чтò пламень жертвъ на очагахъ горящихъ

Откроетъ мнѣ: не воспыалъ изъ жертвъ

Геѣестъ, но влажный жиръ костей на пеплѣ,

Дымясь и брызгая, растаялъ весь,

И разлетѣлась желчь, и обнаженны

Отъ покрывавшаго ихъ жира кости
 Остались однѣ; такъ я узналъ
 Отъ мальчика, что бесполезно было
 Мое гаданье все, когда и жертвы
 Не указали мнѣ примѣты вѣрной.
 Вожатый мальчикъ мнѣ, а я другимъ.
 А чрезъ тебя такъ боленъ городъ нашъ.
 Эдипа сынъ несчастно-павшій сталъ
 Добычей птицъ и псовъ, и снѣдью той
 Полны всѣ жертвенные очаги.
 И жертвенныхъ молитвъ съ огнемъ костей
 Отъ насъ ужъ боги не пріемлютъ нынѣ,
 И, мертваго насытася жирной кровью,
 Несчастья крикъ лишь птица издаеть.
 Подумай, сынъ, о томъ. Вѣдь заблуждаться
 Есть общій жребій всѣхъ людей. Но тотъ,
 Не безсовѣтный мужъ и не безсчастный,
 Кто, разъ въ бѣду попавши, не коснѣеть,
 Но ищетъ ей помочь. А кто упрямъ,
 Въ безумьи самъ себя потомъ винить.
 Умершему ты долженъ уступить,
 Погибшаго разить не долженъ ты.
 Убитаго убить — какая храбрость?
 Добра хочу тебѣ и говорю :
 А у того пріятно и учиться,
 Кто рѣчь свою намъ на добро ведетъ.

Креонтъ. — Какъ въ цѣль стрѣлки, вы цѣлите, старикъ,
 Въ меня всѣ въ одного; гаданьемъ даже
 Подѣйствовать хотите на меня :
 Мой родъ давно предалъ меня и продалъ;
 Ведите торгъ, о прибыли заботьтесь;
 Когда хотите вы, изъ Сардъ янтарь,
 Изъ Индіи себѣ везите злато,
 Но въ гробъ того ужъ вамъ не положить;
 Когда бы даже зевсовы орлы,
 Его схвативъ на пищу, понесли
 Къ престоламъ Зевса самого. Нѣтъ, нѣтъ,
 Его похоронить я не позволю.
 Изъ страха предъ грѣхомъ. Вѣдь знаю я,
 Что осквернить боговъ не силенъ человѣкъ.

А падаютъ, старикъ Тиресій, часто
 И люди сильные съ большимъ стыдомъ,
 Когда изъ выгоды своей хотять
 Безчестное подъ краснымъ словомъ скрыть.

ТИРЕСІЙ. — Увы!

Кто знаетъ изъ людей, кто взвѣситъ то.

КРЕОНТЬ. — Но что, что хочешь ты о всѣхъ сказать?

ТИРЕСІЙ. — Насколько здравый смыслъ всѣхъ выше блажь?

КРЕОНТЬ. — Настолько же, я думаю, насколько

Неразсудительность всѣхъ больше золь.

ТИРЕСІЙ. — А ты болѣзнью этой полонъ весь.

КРЕОНТЬ. — На оскорбительный укоръ жреца

Я не хочу отвѣтить оскорбленьемъ.

ТИРЕСІЙ. — Но ужъ отвѣтилъ ты, когда сказалъ,

Что лживы всѣ пророчества мои.

ТИРЕСІЙ. —

По милости моей

Ты городъ спасъ и сталъ его царемъ.

КРЕОНТЬ. — Гадатель мудрый ты, но другъ неправды.

ТИРЕСІЙ. — Принудишь ты меня сказать, я вижу,

Что неподвижно въ сердцѣ залегло.

КРЕОНТЬ. — Подвинь, лишь говори не изъ корысти.

ТИРЕСІЙ. — Такъ вотъ и кажется тебѣ, что я

Ищу корысти отъ тебя.

КРЕОНТЬ. —

Но знай,

Что ты моей никакъ не купишь мысли.

ТИРЕСІЙ. — Такъ знай же самъ: еще не проживешь

Немного быстрыхъ солнечныхъ круговъ,

Какъ одного отъ крови самъ своей

Ты мертваго отдашь за смерть другаго,

За то, что ты земное въ адъ низвергъ

Что душу въ гробъ безчестно поселялъ,

Что у боговъ подземныхъ отнялъ трупъ,

Лишивъ его святаго погребенья;

А ни тебѣ, ни высшимъ права нѣтъ

На то богамъ; но ты насильно имъ

То право навязалъ. За то тебя

Карательницы зла и преступленья

Стрегутъ Эриніи боговъ и ада,

Чтобъ заплатитъ тебѣ такимъ же зломъ.

Смотри, за деньги ль это говорю?

Пройдетъ немного дней — въ твоёмъ дому
 Мужей и женъ услышимъ плачь и вопли.
 Враждебные смущаются всѣ грады,
 Гдѣ всы растерзанныхъ хоронятъ мертвыхъ,
 Иль звѣри, иль пернатыхъ птицъ стада
 Несутъ нечистое дыханье въ городъ.
 Вотъ стрѣлы тѣ (ты оскорбилъ меня),
 Ихъ, какъ стрѣлокъ, изъ сердца я пустилъ;
 Въ твоё онѣ вонзятся крѣпко сердце,
 Ихъ пламени тебѣ не избѣжать.
 Но ты веди меня домой, о мальчикъ,
 Свой гнѣвъ пусть выльетъ онѣ на младшихъ здѣсь,
 Научится имѣть языкъ скромнѣе
 И мыслить лучше, чѣмъ теперь онѣ мыслить.

Хоръ. — Ушелъ онѣ, царь, бѣды намъ предсказавъ.
 А знаемъ мы, съ-тѣхъ-поръ, какъ голова
 Вотъ этимъ бѣлымъ волосомъ одѣлась
 На мѣсто чернаго, что никогда
 Онѣ городу не возвѣщалъ обмана.

Креонтъ. — То знаю самъ, и въ мысли я смущень.
 Мнѣ больно уступить, а духъ упорства
 Ударами грозитъ мнѣ страшной кары.

Хоръ — О Менекея сынъ, Креонтъ, здѣсь нуженъ
 Совѣтъ благоразумный.

Креонтъ. — Что жъ мнѣ дѣлать?
 Скажи, и я послушаюсь тебя.

Хоръ. — Поди и изъ подземнаго покоя
 Дѣвицу выведи, и гробъ устрой
 Тому, чей трупъ заброшенный лежитъ.

Креонтъ. — Вотъ твой совѣтъ, и уступить я долженъ?

Хоръ. — Скорѣй, Креонтъ, скорѣй; вѣдь неразумныхъ
 Предупреждаютъ быстрыя бѣды.

Креонтъ. — Увы! едва могу, но долженъ сдѣлать,
 Отъ сердца отступившись своего:
 Съ судьбой нельзя бороться понапрасну.

Хоръ. — Иди жъ теперь туда и сдѣлай самъ —
 Другимъ не поручай.

Креонтъ. — Сейчасъ иду.
 А вы, служители, кто здѣсь изъ васъ,
 И кто изъ васъ далеко, взявъ сѣкиры,
 Т. ХСV. — Отд. I.

Спѣшите къ видному отсюда мѣсту.

А я, коль мысль къ тому ужь обратилась,

Я самъ связалъ, и развяжу я самъ.

Боюсь, не лучше ль древніе законы

Хранить всегда и такъ окончить жизнь?

ХІІ. ХОРЪ.

Богъ различныхъ именъ ⁽¹⁸⁾,

Дщери кадмовой радость-дѣтя,

Зевса грознагрящаго сынъ!

Любишь ты Италію

Славную, въ лонѣ Дедъ ⁽¹⁹⁾

Элевсинскомъ царствуешь ты,

Въ радушномъ томъ ложѣ ⁽²⁰⁾.

О Вакхъ! въ Оивахъ, въ отчизнѣ вакханокъ,

Живешь ты у влажныхъ потоковъ Исмена,

На поствѣ дикаго дракона ⁽²¹⁾.

Съ двухвершинной горы ⁽²²⁾

Тебя видитъ горящій огонь,

Гдѣ дѣвы Вакханки восходятъ,

Нимфы корюкійскія,

Видитъ кастальскій родникъ,

Лѣса плюща Нисы-горы

И берегъ зеленый

Гроздами обильный тебя провожаетъ,

И пѣсня въ твою честь гремитъ тамъ :

Ты подходишь къ роднымъ Оивамъ.

Ты Оивы выше всѣхъ другихъ чтишь городовъ

Съ матерью, сожженной громомъ ⁽²³⁾.

Такъ прѣди же ты и нынѣ :

⁽¹⁸⁾ Вакхъ, имѣющій много именъ, сынъ Зевса и Семелы, дочери Кадма.

⁽¹⁹⁾ Дедъ — Деметра, раздѣлявшая съ Вакхомъ поклоненіе въ Элевсинѣ.

⁽²⁰⁾ Радушное ложе называется Элевсинъ, погречески *πάροισος* — всеобщее, потому-что на праздники элевсинскіе собирались всѣ греки.

⁽²¹⁾ Оивскій народъ, по преданію, произошелъ изъ зубовъ дракона, поствянныхъ Кадмомъ.

⁽²²⁾ На Парнасѣ видали иногда ночной огонь, который греки приписывали пирующему Вакху. Въ свитѣ Вакха считались и парнасскія нимфы, выходившія изъ корюкійской пещеры.

⁽²³⁾ Мать Вакха, Семела, сожжена была молніей, когда Зевсъ явился къ ней, по ея просьбѣ, со всеми атрибутами царя боговъ, какъ являлся онъ обыкновенно къ своей супругѣ, Юнонѣ.

Весь народъ мой смальной болѣзью охваченъ.

Спасенья къ намъ направь стопы

Черезъ парнасскіе холмы

Иль черезъ шумное море.

Ю !

О вождь огнемъ дышащихъ звѣздъ, криковъ ночныхъ

Господинъ, рожденье Зевса,

Ты явись съ толпою вмѣстѣ

Дѣвъ наксійскихъ, спутницъ твоихъ неразлучныхъ,

Тѣхъ оіадъ, что въ опыненья

Ночи пляшутъ, величая

Вакха хозяина-бога.

Вѣстникъ. — Жильцы домовъ Амфіона и Кадма ;

Нѣтъ, человѣка жизнь, пока стоитъ,

Ни унижать, ни прославлять не стану.

Счастливаго съ несчастнымъ наравнѣ

Судьба подниметь и судьба низвергнетъ.

Для участи людей пророка нѣтъ.

Вотъ зависти достоинъ былъ Креонтъ ;

Такъ кажется, по-крайней-мѣрѣ, нынѣ

Спасъ отъ враговъ онъ кадмову страну

И сталъ земли сей полный властелинъ,

И правилъ онъ, и цвѣлъ дѣтей рожденьемъ.

Вотъ нынѣ все теряетъ онъ, а радость

Кто въ жизни потерялъ, я не скажу,

Что тотъ живетъ, тотъ — трупъ живой, по-миѣ.

Пусть будетъ твой богатъ, пожалуй, домъ,

Живи по-царски ты ; но если радость

Тебя оставить и уйдетъ, безъ ней

Все прочее богатство человѣка

За дыма тѣнь одну я не куплю.

Хоръ. — Какую скорбь принесъ ты намъ !

Вѣстникъ. — Мертвы ; а тотъ, кто живъ, повиснетъ въ смерти.

Хоръ. — Убійца кто ? и кто убить ? скажи.

Вѣстникъ. — Гемонъ погибъ, и не чужой рукой

Его пролита кровь...

Хоръ. — Но чьей, скажи,

Рукой отца, иль собственной рукой ?

Вѣстникъ. — Самъ, въ гнѣвъ на отца, убилъ себя :

Отцу не могъ простить убійства онъ.

Хоръ. — Вѣщунъ! твое правдиво было слово!

Вѣстникъ. — Такъ должно и въ другомъ просить совѣта.

Хоръ (*Эвридика выходитъ со свитою жель*). —

Несчастную я вижу Эвридику,

Креонтову жену; идетъ сюда изъ дома.

О сынъ слышала, иль такъ случайно?

Эвридика. — О граждане! Какое слово здѣсь

Я слышала, лишь подошла къ дверямъ,

Чтобы съ молитвою идти къ Палладѣ?

У двери запертой ремень хотѣла

Я развязать, и вдругъ какимъ-то звукомъ,

Семейную бѣду вѣщавшимъ мнѣ,

Былъ пораженъ мой слухъ; въ испугѣ я

Назадъ служанкамъ на руки упала.

Но повторите мнѣ, какъ было слово;

Услышу я, знакомая съ несчастьемъ.

Вѣстникъ. — О дорогая госпожа! я самъ

Свидѣтель былъ — и расскажу тебѣ,

Какъ было, все, не утаю ни слова.

Къ-чему смягчать тебѣ теперь я сталъ бы,

Чтобы открылось послѣ, что я лгалъ?

А истина всегда стоитъ прямая.

Проводникомъ супругу твоему

Я былъ на то возвышенное поле,

Гдѣ Полинника трупъ еще лежалъ,

Но жалкій трупъ, истерзанный весь псами.

Призвавъ дорогъ богиню ⁽²⁴⁾ и Плутона,

Чтобы свой гнѣвъ на милость измѣнили,

Святымъ мы трупъ омывши омовеньемъ,

И, что осталось отъ него, сожгли

На свѣжихъ масличныхъ вѣтвяхъ, потому

Могильный холмъ родной земли насыпавъ,

Пошли къ покою брачному дѣвицы,

Что приготовленъ былъ невѣстѣ ада

Подъ сводомъ каменнымъ и камнемъ устланъ;

Тутъ слышнить кто-то громкій вопль вдали

Близъ той лишенной почестей могилы

И возвѣстять идетъ царю Креонту.

(24) Гекату, которой изображенія ставимъ обыкновенно на распутияхъ.

Странанья вошь неясный слышитъ онъ,
 Какъ ближе подошелъ, и, зарыдавъ
 Онъ горько слезное тутъ молвить слово :
 О горе мигъ !
 Не самый ли несчастный этотъ путь
 Изъ всѣхъ путей, пройденныхъ мною прежде ?
 Я слышу голосъ сына и дрожу.
 Идите же скорѣй, скорѣй къ могилѣ
 И, чрезъ отверстие каменнаго склепа
 Проникнувъ внутрь его, взгляните тамъ,
 Гемона ль голосъ то, что слышу я ?
 Иль то боговъ обманъ ? И внѣ себя
 Былъ господинъ, и мы его вельнью
 Послушные пошли туда смотрѣть.
 И видимъ мы въ глуби могилы той
 Ее висящую : повязкой тканой
 Она свою стянула крѣпко шею.
 А онъ, обнявъ ее, предъ ней лежалъ
 И въ скорбныхъ онъ оплакивалъ словахъ
 Невѣсты гибель и дѣла отца
 И ложа своего несчастный жребій.
 А онъ, его увидѣвъ, съ крикомъ скорби
 Идетъ туда, къ нему взываетъ съ воплемъ :
 Что сдѣлалъ ты ? что ты задумалъ, жалкій ?
 Какой судьбой злосчастною погибъ ?
 Уйдя отсюда, сынъ, молю тебя.
 Но сынъ въ отвѣтъ ни слова !
 Какъ былъ, несчастный,
 Онъ падаетъ на мечъ и въ бокъ глубоко
 Вонзаетъ сталь ; потомъ, еще въ сознаньи,
 Хладѣющей рукой невѣсту обнялъ
 И, тяжело дыша, онъ оросилъ
 Струю жаркою пурпурной крови
 Ланиты бѣлыя ея — и умеръ.
 Онъ мертвый съ мертвою лежитъ, несчастный !
 И празднуетъ свой бракъ онъ въ домѣ ада !
 Онъ людямъ показалъ, что неразумье
 Есть величайшее для мужа зло (*Эвридика уходитъ*).
 Хоръ. — Что думать намъ ? жена ушла назадъ,
 Ни одного не молвивъ слова намъ.

Въстникъ. — Въ испугъ я в самъ, но ободрить
 Себя хочу еще я той надеждой,
 Что, сына горести узнавъ, она
 Свой плачь отъ города хотѣла скрыть,
 И въ домъ пошла, чтобъ средь своихъ рабынь
 Семейное свое оплакать горе.
 Не такъ неразумительна она,
 Чтобы дерзнуть самой на преступленье.

Хоръ. — Не знаю я, но грозны мнѣ равно
 И тишина глубокая, и сильный вопль.

Въстникъ. — Узнаемъ мы, не прячетъ ли она
 Въ больной душѣ задержанное горе,
 Пойду я въ домъ. И въ тишинѣ глубокой
 Скрывается гроза: сказалъ ты дѣло.

Хоръ. — Вотъ идетъ самъ Креонтъ, и въ рукахъ онъ несетъ
 Говорящій укоръ, коль то можно сказать,
 Не чужой чьей вины, но ошибки своей.

Да, онъ самъ виноватъ.

Креонтъ (*съ тѣломъ сына и съ свитой*).

О злосчастная моя воля мнѣ!

Увы, сынъ молодой! ранней смертью ты —

Увы, увы! —

Унесешь, мой сынъ, и мое тебя

Погубило, сынъ, неразуміе.

Хоръ. — Какъ поздно, вижу я, узналъ ты правду.

Креонтъ. — О горе мнѣ!

Узналъ несчастный я, но Зевсъ тогда

На главу мою тяжкій гнѣвъ наслалъ,

Толкнулъ меня на страшную дорогу,

Увы! счастье все раздавилъ мое.

Въстникъ (*выходитъ изъ дому*). — О господинь! богатъ бѣдами ты:

Одну несешь въ рукахъ, а тамъ пойдешь

Въ твой домъ и новую увидишь скоро.

Креонтъ. — Что тамъ еще? Какая мнѣ бѣда?

Въстникъ. — Тамъ умерла жена отъ свѣжихъ ранъ,

Несчастная, вся сыну своему

Умершему она принадлежала.

Креонтъ. — Увы!..

О бѣвъ жалости домъ Анда ты!

Погубить меня, видно, хочешь ты.

Страшнаго горя мнѣ
 Пришелъ, вѣстникъ, ты Чтò сказалъ ты мнѣ?
 Увы! мертвому ты ударъ панесъ.
 Чтò ты молилъ, сынъ? Возвѣстилъ ли мнѣ —
 Увы, увy! —

Что прибавилась жертва новая
 Къ прежней жертвѣ той: смерть жены моей.
 Вѣстникъ. — Ты можешь видѣть самъ: вотъ трупъ ея!
 (*Трупъ Эвридики видльнъ* ⁽²⁵⁾).

Креонтъ. О горе мнѣ!
 Вотъ новую бѣду я вижу, бѣдный!
 Чтò же ждетъ меня впереди еще?
 Вотъ на рукахъ умершій сынъ, а тамъ...
 О несчастный я, вижу повый трупъ.
 О мать жалкая! о дитя мое!

Вѣстникъ. — У алтаря она себя убила
 И ночи мракъ закрылъ ея тамъ очи;
 Но Мегарея смерть и славный жребій
 Оплакала она, потомъ его (*указываетъ на трупъ Гемона*).

Креонтъ. — Увы, увy!
 Страхъ убилъ меня. И зачѣмъ никто
 Мечомъ острымъ въ грудь не сразилъ меня?
 Несчастный я, увy!
 Судьбой жалкою погибаю я.

Вѣстникъ. — Тебя предъ смертію она винила
 Въ погибели обoихъ сыновей.

Креонтъ. — Какъ умерла она? Какимъ ударомъ?

Вѣстникъ. — Какъ жалкую судьбу узнала сына,
 Своей рукой себѣ пронзила грудь.

Креонтъ. — Горе, горе мнѣ! Изъ людей никто
 Съ головы моей не возьметъ вины.
 Я, несчастный я, я убилъ тебя,

(25) Древніе тоже употребляли машины на своихъ театрахъ; такъ въ этомъ случаѣ трупъ Эвридики, находившійся за сценою, выдвинуть былъ вдругъ особою, назначенною для того, машиною (*ἐκχλίστρα*) на сцену. Вмѣсто словъ: «вотъ трупъ ея» въ подлинникѣ сказано, что она теперь ужъ не во внутренней, не въ сокровенной части дома. Я не могъ перевести этихъ словъ буквально, чтобъ не вносить въ самый текстъ объясненія, безъ котораго они были бы непонятны и странны.

Сказать долженъ то. О рабы мои!

Уведите меня, уведите скорѣй,

Не живой ужъ я, я ничто теперь.

Хоръ. — Добро сказалъ, коль есть добро въ бѣдахъ

Тѣмъ лучше, чѣмъ скорѣй бѣжать отъ зла.

Креонтъ. — Приди, приди,

Покажись скорѣй, мой послѣдній рокъ,

Приведи ко мнѣ мой послѣдній день,

Приди, приди ко мнѣ,

Чтобъ не видѣть мнѣ ужъ другаго дня.

Хоръ. — То въ будущемъ еще; о немъ забота

Лежить на томъ, на комъ лежать должна;

О настоящемъ намъ подумать нужно.

Креонтъ. — Лишь получить бы мнѣ, о чемъ прошу.

Хоръ. — Нѣтъ, не проси теперь: не въ волѣ смертныхъ

Судьбы опредѣленья измѣнить.

Креонтъ. — Отведите меня: я ничто теперь;

Я убилъ тебя противъ воли, сынъ!

И тебя, жена. О несчастный я!

И не знаю теперь, на кого взглянуть,

Гдѣ совѣтъ найти. Все вокругъ меня

Все разрушено. На главу мою

Рокъ ужасный палъ, поразилъ ее. (*Креонта уводятъ*).

Хоръ. — Мудрость выше всего; счастье первое въ ней.

И боговъ оскорблять намъ не должно ни въ чемъ.

А надменная рѣчь горделивыхъ людей

Судьбы страшную казнь призываетъ на нихъ,

И въ лѣтахъ наконецъ

Они учатся мудрыми быть.

С. ШЕСТАКОВЪ.

ИСПЫТАНИЕ.

РОМАНЪ.

Часть третья и послѣдняя.

I.

Въ какой-нибудь лишній, или нелишній часъ, когда сердце сжато печалью, или расширено радостью, когда умъ работаетъ съ лихорадочнымъ увлеченіемъ, или когда, отъ нечего-дѣлать въ дѣятельности, онъ бросается въ отвлеченныя разсужденія, въ такой часъ (а эти часы, вѣроятно, бывали у каждаго), вникая въ значеніе слова *жизнь*, всякій изъ насъ невольно останавливался, пораженный огромностью этого значенія. Слово становилось образомъ. Мысль и чувство—душа и сердце этого образа—являлись во всѣхъ примѣненіяхъ знанія, пользы, опытности, любви, счастья и страданія; они приводили за собой примѣры, напоминали дѣятельность, вызывали соревнованіе, вызывали слезы сочувствія. Казалось, само пространство раздавалось вокругъ насъ, чтобъ вмѣстить этотъ привлекательный и страшный образъ; благоговѣніе охватывало насъ какъ воздухъ, и въ груди нашей зажигались новыя силы... Были счастливыя, которые, умирая, еще ощущали жаръ этихъ силъ...

Но мы, живущіе въ нашей ежедневной прозѣ, что чувствовали мы въ ту минуту, когда голосъ ежедневной суеты заставлялъ померкнуть, затмиться и исчезнуть великолѣпный образъ, носившійся предъ нами? Что бывало съ нами, когда пустота, мракъ и безпредѣльность вдругъ захватывали его мѣсто? Провожали ли мы его крикомъ безсильнаго отчаянія, или благоговѣли безмолвно и покорно? Обратясь къ себѣ, сказали ли мы съ благороднымъ со-

знаніемъ, что въ насъ есть всё начала этой жизни, что искра и пламя, по существу своему, одинаково, и разница только въ размѣрѣ? Или, уничтоженные размѣромъ этой разницы, не находя матеріальнаго сходства между собою и тѣми людьми, которыхъ видѣли въ нашемъ видѣніи, мы отреклись и отъ сходства нравственнаго и обратились къ другимъ съ презрительной насмѣшкой, къ себѣ съ лѣнливой скукой?..

Эту насмѣшку называютъ многіе прямымъ взглядомъ на жизнь; отсутствіе чувства и, слѣдовательно, увлеченій—благоразуміемъ; отсутствіе мысли никакъ не называютъ, потому-что и не замѣчается тамъ, гдѣ рѣшено, что думать не о чемъ. А если скучно, виновата судьба: зачѣмъ не дала занятій поразнообразнѣе, попросторнѣе мѣста на свѣтѣ, побольше денегъ...

Это ли весь выводъ долгой, мучительной и отрадной думы? Не-уже-ли жизнь всѣхъ, у кого она полна внѣшняго и внутренняго значенія, для насъ только спектакль, который, пожалуй, и занимаетъ насъ, но непродолжительно, слабо; спектакль, въ которомъ мы не беремся участвовать сами, потому-что намъ лѣнь? На чемъ основана эта мысль? на эгоизмѣ, на безчувственности? Не хотимъ ли мы не тревожить нашего покоя, или наши натуры неспособны имѣть жертвовать?.. Въ этомъ никто не сознается, никто не объяснитъ этой лѣни.

У насъ есть всегда одно оправданіе: «примѣры жизни занятой и полной тревоги и событий — рѣдки; жизнь массы людей несложна и незначительна; разбирать, цѣнить ее, отыскивать смыслъ малѣйшаго обстоятельства, придавать важность ежедневнымъ ощущеніямъ — мечтательность и преувеличеніе. Мечтательность смѣшна, преувеличеніе губительно. То и другое не допускаетъ видѣть жизнь въ настоящемъ свѣтѣ и жить разумно. Кроме-того, они начало гордости: преувеличивая значеніе обстоятельствъ, мы преувеличиваемъ и свое собственное значеніе; дойдемъ до того, что вообразимъ и себя одними изъ великихъ лицъ, памятныхъ въ исторіи человечества...»

Смирненное и съ вида глубоко-поучительное оправданіе! Жаль, что, разглядывая его строже, оно оказывается ложно.

Великіе примѣры рѣдки—нѣтъ спора; но развѣ эта масса, ждущая день-за-день трудомъ своихъ рукъ, своими мелкими средствами, ограниченными соображеніями, волнуемая интересами и страстями, пригнанными по ея размѣру—развѣ эта масса не люди? Развѣ для того, чтобъ заслуживать разборъ и уваженіе, жизнь

должна быть величавой классической трагедіей, или драмой съ сильными эффектами? Но ежедневныя происшествія, столкновенія между людьми средняго воспитанія, средняго ума, средней доброты сердца — какова большая часть людей — происшествія, положимъ, несложныя, основаны же на чемъ-нибудь; какое-нибудь чувство ихъ возвысило, чувство ихъ развило, какое-нибудь чувство развить ихъ. Опровергать это, значить отвергать внутреннюю жизнь человека — ни больше, ни меньше; и не-уже-ли привычка къ лицамъ и къ обстановкѣ можетъ извинить подобное опроверженіе? Мы не позволимъ себѣ разобрать безпристрастно, что участь той или другой нашей знакомой, даже неотнositельно, а въ-самомъ-дѣлѣ печальнѣе участи той или другой исторической героини; мы не посмѣемъ сдѣлать этого сравненія, потому-что боимся впасть въ преувеличенное, въ смѣшное. Но истина можетъ ли быть смѣшна? Преувеличеніе можетъ ли быть тамъ, гдѣ безпрестанно предъ глазами живые примѣры, люди съ слабостями и мелочностью? Воображеніе не представитъ ли ихъ въ невѣрныхъ размѣрахъ: только сердце прійметъ въ нихъ должное участіе, а умъ не откажетъ имъ въ значеніи, которое они должны имѣть какъ люди. Строгая оцѣнка не допустить развитія мечтательности; напротивъ, мечтательность погибнетъ отъ безпрестанной дѣятельности размысленія и безпрестанной повѣрки ощущеній. Вѣчный разборъ, вѣчная повѣрка покажутъ все въ настоящемъ свѣтѣ: людей, обстоятельства, насъ самихъ; изъ чего же можетъ зародиться въ насъ гордость, основанная на преувеличеніи?

Наконецъ, оправданіе холодныхъ мудрецовъ болѣе нежеди ложно: оно гибельно тѣмъ, что, ограничивая пищу и сномъ дѣйствіе болѣе части людей, отрицая въ нихъ способность мыслить, а слѣдовательно, лишая ихъ нравственнаго значенія, оно возбуждаетъ сомнѣнія: для чего же эти люди существуютъ на свѣтѣ?..

А свѣтъ почти весь состоитъ изъ такихъ людей. Ихъ положеніе неблестяще, способности невелики, характеры неопредѣленны, образованіе неглубоко, страсти рѣдко выходятъ изъ границъ. Ихъ отношенія и столкновенія между собою такъ незначительны, что для нихъ не придумано другаго названія какъ *обыкновенные*. Но вся общественная жизнь слагается изъ отношеній и столкновеній этихъ людей, слѣдовательно настоящую драму общественной жизни надо искать между ними, не выше и не ниже, потому-что, хотя выше или ниже положеніе рисуется отчетливѣе, но это положенія

исключительныя. Отъ своей неопредѣленности, общественная жизнь смотритъ однообразно, незанимательно; но эта жизнь большей части людей, и именно потому должно разбирать ее, стараться ближе и вѣрнѣе разсмотрѣть эти лица и характеры, не скупаться мелочами. Смиранный и терпѣливый разборъ скоро укажетъ, что мелкое для глазъ огромно по своему значенію...

Въ-самомъ-дѣлѣ, любопытно видѣть, какъ полупороки, полудобродѣтели, получувства и полуслова двигаютъ всю массу живущихъ. Любопытно дойти чрезъ догадки и наблюденія, какъ какое-нибудь легкое, неопредѣленное ощущеніе дѣлается положительнымъ; какъ далеко начало катастрофы, явившейся будто внезапно. Любопытны признанія людей, объясняющихъ свои иногда рѣзкіе поступки минутнымъ увлеченіемъ, тогда-какъ это увлеченіе подготовлено давно; любопытно удивленіе при проявленіи опредѣленнаго чувства, необъяснимаго, потому — что за его развитіемъ никто не трудился наблюдать... Драмы общественной жизни похожи на траву въ первые весенніе дни: луга зазеленѣли, между-тѣмъ, какъ никто не замѣчалъ ея роста.

Время, тихо-идущее между сномъ и обѣдомъ; занятія, вошедшія въ привычку до машинальности; удовольствія однообразныя и часто неизящныя; встрѣчи, въ которыхъ повторяются новости, успѣвшія надоесть, и слова, успѣвшія приговориться; разговоры, гдѣ мысль выражается вполнину то за недосугомъ, то стѣпенная условіями общества — кто можетъ сказать, какъ много нужно всего этого, чтобъ оставить свой осадокъ въ душѣ человѣка, подвинуть человѣка на что-нибудь, заставить высказаться, словомъ: произвести развязку драмы. А между-тѣмъ, вотъ изъ чего складываются жизнь человѣка и общества; и такъ-какъ невозможно сомнѣваться, что всякое изъ мелочныхъ чувствъ и обстоятельствъ трогаешь и волнуетъ человѣка, то невозможно отказать ему въ сочувствіи, а его драмѣ въ занимательности.

Конечно, кто этого не знаетъ? Не вникая ни во что, мы живемъ покойнѣе, особенно, если судьба позаботилась доставить намъ разныя житейскія удобства, если помощь людей намъ ненужна, а ихъ мнѣніе нестрашно. Мы не беремъ роли ни примирителя, ни утѣшителя, ни защитника; идемъ своей дорогой, не оглядываясь на тѣхъ, кого сталкиваемъ, иногда невольно, потому-что не замѣчали ихъ при встрѣчѣ... Конечно, глѣнясь думать и чувствовать, очень-удобно предполагать, что и другіе не думаютъ и не чувствуютъ: это избавляетъ иныхъ отъ хлопотъ и возни состра-

данія. Вступивъ въ колею жизни безъ размышленія и сочувствія, многіе становятся необыкновенно-находчивы для собственнаго оправданія, необыкновенно-смѣлы и рѣшительны величаво-безопасны для другихъ.

Образчикомъ такихъ людей могъ вполне служить Шатровский. Посредственный мечтатель, восторженный охотникъ до фразъ, онъ всегда развивалъ въ себѣ свои убѣжденія не размышленіемъ, а словами; вдохновлялся по-мѣрѣ-того, какъ говорилъ, не усвоивъ себя глубоко того, что слушалъ. Таковъ былъ онъ до того времени, какъ расстался съ Лизаветой Андреевной; если тогда его поступки не противорѣчили словамъ, то потому только, что онъ, не замѣчая самъ, покорялся нравственному вліянію своей молодой наставницы: ея разсужденія, совѣты и примѣръ невольно заставляли его быть лучше. Разставшись съ нею, онъ очутился на свободѣ. Конечно, люди которыхъ онъ встрѣтилъ, были по образованію, характеру и положенію, тѣ же, какихъ онъ знавалъ; казалось бы и ему самому было не отъ чего нравственно измѣниться. Но у всякаго общества, какъ у всякаго человѣка, есть особенности, черты, составляющія различіе обществъ и людей одного отъ другаго, черты и особенности большею-частью внѣшнія. Шатровский, человѣкъ поверхностный, бросился тотчасъ на нихъ, и онъ своею мелочностью и смѣшною стороною доставили ему первое оправданіе въ нежеланіи размышлять... Послѣ перваго шага, какъ извѣстно, остальные ничего не значатъ. Нравственное испытаніе совершалось, но Шатровский не сознавалъ этого и, не замѣчая, не выдерживалъ испытанія. Оно было полно и опасно именно потому, что совершалось въ кругу почти знакомомъ, между личностями, изъ которыхъ ни одна не выдавалась рѣзко, между умами, понятіями и правилами Шатровскаго, между обычаями, которые были его обычаями. Испытаніе не представляло борьбы, вѣчно-напоминающей о необходимости присутствія разума, заставляющей держать силы безпрестанно наготовѣ. Если бы предстояла борьба, фразеръ выдержалъ бы ее изъ самолюбія, поддержанный грубостью столкновеній... Но теперь все шло чинно и гладко; все казалось прилично и обыкновенно. Анна Дмитриевна была женщина, пожалуй, нѣсколько-капризная, но образованная и небогатая; слѣдовательно, она справедливо могла желать для себя лучшаго общества, скучать разсчетами и однообразными толками мужа и искать для дочери выгодной партіи. Это могло не нравиться Николаю Петровичу; но развѣ онъ недостаточно возна-

граждень судьбою тѣмъ, что поставленъ главою семейства и хозяиномъ дома? Юринъ добрый малый, молодой человекъ, какъ многіе... надо же кому-нибудь ничего не дѣлать на свѣтѣ. Серьезные, какъ, напримѣръ, Карзановъ, ужасно-тяжелы. Варенька, Настасья Петровна — обыкновенная молодая дѣвушка и старая дѣва, и разбирать ихъ чувства значитъ поднимать бурю въ стаканѣ воды. Лучше всего похлопотать какъ выдать замужъ молодую дѣвушку, прежде нежели она отцвѣтетъ и сдѣлается смѣшиною...

Впрочемъ, находя, что и эти хлопоты излишнее затрудненіе для человека, который ни отецъ ни братъ этой дѣвушки, Шатровскій сказалъ себѣ, что не будетъ мѣшаться ни во что, если не потребуютъ его содѣйствія, общаясь, конечно, и тогда дѣйствовать такъ, чтобъ какъ можно меньше беспокоиться.

Возвратясь отъ Шатровскаго, Варенька рассказала Настасью Петровну всѣ подробности дня. Настасья Петровна была опытная, если не жизнью, то умомъ; выслушавъ разсказъ о предупредительности и любезности Анны Дмитріевны съ Юринымъ, она тотчасъ догадалась къ чему клонилось то и другое, и вмѣсто отвѣта спросила Вареньку: по прежнему ли она любитъ Карзанова.

— Не-уже-ли ты думаешь, что такое пустое существо, какъ Юринъ, можетъ занять меня? возразила Варенька съ гордостью любимой женщины и съ выраженіемъ, которое изъ хорошенькой дѣлало ее красавицей. Ты увидишь, они сегодня будутъ оба.

Анна Дмитріевна была совершенно-довольна непринужденностью, съ которой Варенька встрѣтила Юрина, незамедлившаго явиться: на лицѣ дѣвушки не оставалось и слѣда вчерашней скуки и холодности; она улыбалась, она была оживлена... Нѣжная мать и не догадывалась, чего она ожидала. Николай Петровичъ платилъ женѣ тѣмъ же: онъ не сказалъ ей, что звалъ Карзанова. Давно зная, что Юринъ пріѣхалъ и сидитъ на террасѣ, Николай Петровичъ не выходилъ къ нему цѣлый часъ. Когда Юринъ спросилъ о немъ, Анна Дмитріевна объяснила, что онъ занятъ съ управителемъ и прибавила, будто въ скобкахъ, что часто удивляется распорядительности своего мужа, что большое состояніе, конечно, пріятно, но между-тѣмъ и требуютъ столькихъ хлопотъ...

— Мы, женщины, знать ихъ не хотимъ, заключила она весело: — развѣ тогда, когда у насъ есть дѣти... Вотъ Варенька,

загляните на нее: дитя, и не думаетъ есть ли, будетъ ли у нея что-нибудь; это забота моя и отца.

Юринъ взглянулъ на Вареньку, которая работала нѣсколько отдалась отъ нихъ. Она съ намѣреніемъ выбрала это мѣсто и, казалось, слушала рассказы Василья Ивановича. Но въ эту минуту, когда мать обратила на нее вниманіе Юрина, Варенька слушала совсѣмъ другое: ей показалося, что прогремѣли дробини. Сердце у нея упало; она невольнo подняла голову, покраснѣла и встала.

— Qu'as-tu donc, mon enfant? спросила Анна Дмитриевна, которая все замѣтила.

— Мнѣ нужны шелки, отвѣчала Варенька и вышла.

Ей не хотѣлось, чтобъ въ первый разъ послѣ двухъ недѣль разлуки другъ ея засталъ ее въ этомъ обществѣ; ей хотѣлось первой его встрѣтить, увидѣть его минутой раньше...

Она встрѣтила Карзанова въ залѣ и не могла сказать ни слова; молодой человекъ также молча схватилъ и расцѣловалъ ея руки, и только спустя минуту, могъ проговорить:

— Вашъ отецъ звалъ меня; зачѣмъ?

— Вы такъ давно не были!

— И только?

Варенька думала только о счастьи его увидѣть; онъ не переставалъ думать о счастьи назвать ее своей невестой. Это было сказано въ двухъ словахъ.

— Богъ милостивъ, сказала она, глядя въ его лицо, за минуту оживленное и радостное.

— У васъ гости? спросилъ Карзановъ.

— Да; дядя и Юрины.

— Ужь здѣсь? сказалъ онъ съ выраженіемъ, котораго она не поняла.

— Да; они пріѣхали вмѣстѣ.

— Я такъ и ждалъ. Зачѣмъ же меня звали, Варенька?

— И вамъ было не тяжело не видѣть меня? спросила она съ печалью, не понимая всего горькаго смысла его словъ, потому-что не понимала расчетовъ своей матери.

— Но этотъ новый знакомый, пріятель вашего дяди...

— Онъ ужасно смѣшонъ, и дядя съ нимъ вмѣстѣ.

— Вашъ дядя хуже нежели смѣшонъ. Скажите правду: вы говорили ему, что я люблю васъ?

— Простите меня...

— Вашъ дядя дурной человекъ.

— Варенька!.. сказалъ Шатровскій, являясь въ дверяхъ.

Онъ всколѣзь поклонился Карзанову, какъ незнакомому, и обратился къ Варенькѣ.

— Матушка послала за тобою. Покажи Юрину шитье, что ты кончила... Это глупо, однакожъ, Варенька, продолжалъ онъ, провожая ее и не обращая вниманія, что Карзановъ остался одинъ въ залѣ:—ты думаешь, не замѣтили, что ты полетѣла встрѣчать этого господина...

— Я замѣчаю, что вы иначе не можете назвать Михайла Семеныча, какъ «этотъ господинъ». Мнѣ это не нравится.

— Мнѣ не нравится тоже, что ты кокетничаешь съ двумя молодыми людьми въ одно время. Не дѣлай глупостей.

— Кокетничаю? вскричала Варенька.

— Ахъ! у нея вѣчно споръ съ дядей, сказала Анна Дмитріевна, услыша это восклицаніе, раздавшееся въ дверяхъ, и объясняя его Юрину.

— Позвольте мнѣ всегда поддерживать вашу сторону, сказалъ Юринъ, любезно обращаясь къ Варенькѣ.

— Благодарю васъ, отвѣчала она холодно. — Маменька! тамъ Михайла Семенычъ Карзановъ.

— Какъ! вскричала Анна Дмитріевна:—вы намѣрены защищать Вареньку во всѣхъ спорахъ, не зная, права она или нѣтъ? О, вы слишкомъ-добры! Ты должна быть такъ благодарна, Варенька...

— Я уже благодарила, отвѣчала Варенька. Но я вамъ сказала, что Карзановъ...

— Ну что жъ? я слышала. Развѣ Карзановъ не знаетъ дороги на террасу?.. Она такъ добра, это дитя, прибавила Анна Дмитріевна, обратясь къ Юрину:—все боится кому-нибудь манкировать... Садись здѣсь и продолжай свой споръ съ дядей. Eh bien, Alexis?..

Карзановъ вошелъ. Его положеніе было таково, что никто не пожелалъ бы быть на его мѣстѣ; всѣ, кого онъ нашелъ на террасѣ, знакомые и незнакомые смотрѣли на него непріязненно; та, для которой онъ выносилъ это неловкое и смѣшное положеніе, была не только смущена, но страдала... Шатровскій, не кланяясь, потому-что считалъ достаточнымъ, что кивнулъ головой при встрѣчѣ въ залѣ, взглянулъ на Карзанова съ выраженіемъ вызывающаго торжества, и, протаскивъ стулъ мимо гостя въ ту

минуту, когда онъ кланялся, поставилъ этотъ стулъ и сѣлъ на него напротивъ Вареньки, не оставляя ей возможности ни выйти, ни встать. Юринъ повачнулся на своемъ креслѣ, придерживая лорнетъ въ глазу. Василій Ивановичъ, погруженный въ задумчивость, вкочилъ; но его движеніе нельзя было принять за поклонъ, а скорее за внезапное пробужденіе, причемъ неимоვნно расшатались его руки. Анна Дмитриевна осторожно привстала, осторожно придерживала руками свой маленькій столикъ и прошептала: «мсье Карзановъ», съ той замѣтной разстановкой и учтивостью, съ какою встрѣчаютъ гостя уважаемаго, но неожиданнаго и нежеланнаго. Гость долженъ быть увѣренъ, что съ его приходомъ разговоръ упадетъ или раздѣлится на кружкі; онъ долженъ видѣть, что помѣшалъ... Карзановъ все это видѣлъ.

— Я почти не думала васъ больше видѣть, сказала Анна Дмитриевна тихо и учтиво.

— Въ самомъ дѣлѣ? почему? спросилъ Карзановъ, взглянувъ на нее также учтиво, но такъ пронизательно, что она опустила глаза.

— Я думала, вы уже уѣхали къ вашей матушкѣ... Alexis, будетъ ли сегодня твой партнѣръ?.. А вашъ споръ, monsieur? продолжала Анна Дмитриевна, обращаясь къ Юрину:—Варенька!.. Она хотѣла, чтобъ вы видѣли ея работу. Montrez, Варенька. Мг. Юринъ такой знатокъ.

Заставивъ Вареньку заняться съ Юринымъ, Анна Дмитриевна обратила всю свою внимательность къ Карзанову, посадила его подлѣ себя и засыпала вопросами: здоровъ ли онъ, чтѣ дѣлаетъ. Юринъ, заложивъ руки въ карманы, смотрѣлъ на него въ свое стеклышко.

— Вы здѣшній житель, мсье Карзановъ?.. А не знавали ли вы одного Табуровскаго? Тоже былъ въ вашей школѣ, вышелъ и потомъ поступилъ въ нашъ полкъ?

— Не знаю, хладнокровно, отвѣчалъ Карзановъ.

Эта холодность произвела свое обыкновенное дѣйствіе. Юринъ раскаялся, что заговорилъ съ «важнымъ франтомъ» — такъ они вдвоемъ съ Шатровскимъ уже успѣли прозвать Карзанова. Шатровскій былъ до-того внимателенъ къ своему новому пріятелю, что не разставался съ нимъ; среди общаго разговора они находили время сообщать другъ другу вполголоса свои замѣчанія, дѣлить намеки, послѣ которыхъ оба заливались самымъ откровеннымъ смѣхомъ, такъ-что можно было предположить, что между

ними уже нѣтъ тайнъ. Эта короткость воскинула Анну Дмитриевну, которая снисходительно улыбалась веселости молодыхъ людей, завидовала вслухъ ихъ возрасту, ихъ свободѣ, и съ наивностью маленькой дѣвочки просила принять и ее въ секретъ.

Карзанову было невозможно говорить съ Варенькой. Она стала скучна; тѣмъ веселѣе была Анна Дмитриевна. Николай Петровичъ появился наконецъ.

Юринъ прервалъ разговоръ и необыкновенно-живо бросился ему на встрѣчу.

— Я надѣюсь, заговорилъ онъ;—что вы простите... что вы поймете, любезнѣйшій Николай Петровичъ, нетерпѣніе, съ которымъ я поспѣшилъ воспользоваться вашимъ приятнымъ приглашеніемъ.

Николай Петровичъ не могъ прогнать его, не сдѣлавъ исторіи; онъ только не сказалъ ни слова и флегматически откланялся. Юринъ посмотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ; Анна Дмитриевна слегка потерялась: она не ожидала такого сопротивленія. Но что было съ нею, когда Николай Петровичъ вдругъ обратился къ Карзанову.

— Ради Бога извините, дорогой мой Михаилъ Семеновичъ; я не зналъ, что вы прѣехали и захопотался тамъ. Не грѣшно ли глазъ не казать?

И Николай Петровичъ обнялся съ Карзановымъ.

— Пожалуйте ко мнѣ, прибавилъ онъ, уводя молодого человѣка.

Еслибъ эта сцена не произошла среди всеобщаго целоваго молчанія, она была бы еще не такъ замѣтна; но тутъ она всѣхъ поразила. Шатровскийъ устремилъ все вниманіе на хмѣль, которымъ была оплетена терраса; Варенька поблѣднѣла, потому что видѣла какъ яркій пурпуръ разлился по лицу матери. Даже Василий Ивановичъ, заглядѣвшись, такъ неосторожно приласкалъ собачку, что онахватила его за пальцы. Юринъ машинально взялъ свою фуражку.

Это движеніе оживило Анну Дмитриевну.

— Позволю вамъ смѣяться, сказала она рѣшительно и громко. —Надо привыкнуть къ закоренѣлой нелюбовности Николая Петровича: а съ перваго раза она поражаетъ... Я увѣрена, что онъ продумалъ все утро, что сказать, встрѣчая васъ—и видите, чѣмъ кончилось!

Она подала примѣръ смѣха, которому, однакожь, не последовалъ никто, кромя Шатровскаго.

— Вы узнаете насъ короче, мосье Юринъ, продолжала Анна

Дмитріевна: вы увидите вблизи эти маленькія шибеты... онѣ и забавны и несносны!

У Вареньки навернулись слезы на глазахъ; еще никогда не было такъ сильно оскорблено ея чувство. Она встала и хотѣла выйти. Анна Дмитріевна остановила ее довольно-строго.

— Что съ тобой едѣвалось сегодня, Варенька? сказала она.— Нельзя ли остаться на мѣсть? Мнѣ наскучили эти выходы и входы. Она взглянула на брата.

— Я знаю еще лучше примѣръ ненаходчивости, сказалъ Шатровскій, понявъ приказаніе ея взгляда.— Къ намъ въ Н. прѣхалъ одинъ господинъ, знатный баринъ, богатъ; сдѣлалъ визиты; зоветъ къ себѣ обѣдать. Я самъ тамъ былъ. Сѣхались гости—хозяина нѣтъ часъ цѣлый. Наконецъ выходитъ... я не помню, не видаю, по-ирайней-мѣрь, чтобъ онъ поклонился... прямо къ окну: «Какая прекрасная погода!» а сибѣтъ хлопьями!

— Ахъ, какой оригиналь! вскричала весело Анна Дмитріевна. Но ты помнишь, Alexis, еще лучше, что сдѣлалъ Николай Петровичъ?

Alexis ничего не помнилъ, потому-что ничего не зналъ, но счелъ нужнымъ засмѣяться.

— Нѣтъ, я не могу выдержать и расскажу г. Юрину! *Escoutez, vous êtes si bon, que çaiment...*

Она подала руку и съ такимъ чувствомъ пожала руку Юрина, вѣры ея такъ просили прощенія за мужа, движенія были такъ доверчивы, что Юринъ простилъ отъ чистаго сердца. Когда Анна Дмитріевна объяснила потомъ сколько подобныя выходы Николая Петровича смущаютъ Вареньку, когда она нѣсколько разъ повторила, что она сама должна была привыкнуть къ нимъ по неволѣ, Юринъ ужъ окончательно помирился; а выслушавъ нѣсколько повѣствованій, въ которыхъ слышное нѣко crescendo (хоть за достоверность его никто не могъ бы поручиться), онъ расхохотался неудержимо и воскликнулъ:

— Ахъ, mille pardons! какой оригиналь!

Анна Дмитріевна не только не прогнѣвалась, она порадовалась бы, еслибъ Юринъ сказалъ что-нибудь еще сильнѣе. Она была заранее успокоена насчетъ всѣхъ неучтивостей, какія могъ сдѣлать Николай Петровичъ, развѣ ужъ онъ отважился бы на что-нибудь необыкновенное; но Анна Дмитріевна могла основательно предполагать, что онъ не отважится.

Время шло чрезвычайно-пріятно. Увлекаясь, Юринъ разсказалъ

самъ нѣсколько анекдотовъ, героями которыхъ были его безчисленные знакомые, и часто его братецъ, Василій Ивановичъ. По-немногу была рассказана вся исторія Василя Ивановича, вмѣстѣ плачевная и комическая, что Юринъ умѣлъ выказать превосходно, по выражанію Анны Дмитріевны.

— Я понимаю васъ, вскричала она:— она трогаетъ ваше сердце и забавляетъ вашъ умъ. Забудьте, какъ въ самой жизни объясняется эта теорія ужаснаго и смѣшнаго, прекраснаго и безобразнаго; поэты правы!

— О, всегда! отвѣчалъ Юринъ, который былъ несиленъ по этой части, но догадался, что при этихъ словахъ было кстати взглянуть на Вареньку.

Анна Дмитріевна видѣла этотъ взглядъ, но была такъ ловка, что не дала этого замѣтить; притомъ она увлеклась своими нѣсколько-литературными сужденіями, столько же желая поразить ими Юрина, сколько желая дать ему выказаться самому еще съ одной занимательной стороны. Юринъ понялъ, что надо поддерживать себя и вступилъ въ разсужденія. Что онъ говорилъ, что онъ путалъ—неизобразимо. Слушательница была довольна всѣмъ, восхищалась каждымъ словомъ, такъ-что Юринъ, неожиданный успѣха, ободрился не шутя, и увлекся какъ человѣкъ, у котораго закружилась голова. Послѣ блестящей выходки, гдѣ онъ высыпалъ десятка два именъ собственныхъ, оставя въ сторонѣ постороннія мелочи въ родѣ хронологіи и здраваго смысла, и выражаясь какъ-будто читалъ по одному слову на каждой страницѣ книги, которую перелистывалъ, Юринъ обратился къ Варенькѣ, неожиданно спрашивая, согласна ли она съ нимъ.

— У кого же достанетъ силы вамъ возражать? отвѣчала она, неволью смѣясь, несмотря на то, что было тяжело на сердцѣ.

Анна Дмитріевна взглянула на нее строго.

— Ты особенно не въ силахъ возражать, сказала она:— это предметъ слишкомъ-глубокій для твоего возраста, твоего знанія свѣта и литературы. Не спрашивайте ее, мсьѣ Юринъ, она читаетъ только то, что ей даютъ, живетъ только сердцемъ, а оно еще такъ свѣжо и молодо!...

— Я тебѣ не совѣтую пускаться въ сарказмы, шепнула она Варенькѣ, воспользовавшись минутою, когда Юринъ заговорилъ съ Шатровскимъ.

Въ свою очередь, пользуясь временемъ, когда Анна Дмитріевна произносила свою рѣчь, Юринъ шепнулъ пріятелю:

— Покажи мнѣ тѣтушку.

— Подожди.

— Но, смотри, покажи во всей красотѣ; заставь ее любезничать.

— Будь покоенъ : это придетъ само-собою.

— Какъ ее зовутъ?

Услыша имя Настасьи Петровны, Анна Дмитриевна обратила вниманіе на разговаривающихъ. Юринъ извинился, что не слушалъ, потому-что спрашивалъ о здоровьѣ родственницы, съ которой говорить желаніемъ познакомиться.

— О, Alexis! сказала Анна Дмитриевна, грозя пальцемъ. — Нѣтъ, мсьѣ Юринъ, вы становитесь страшны!

— Помилуйте!

— Прежде увѣрьте меня, такъ ли вы добры и снисходительны, чтобъ прощать недостатки; чтобъ эти недостатки, это смѣшное не затемнило въ вашихъ глазахъ...

— Но когда я столько вознагражденъ... сказалъ Юринъ, съ неподражаемой любезностью и опять оглянувшись на Вареньку.

— Вы меня восхищаете! вскричала Анна Дмитриевна — Нѣтъ, знаете, Alexis шалунъ—я не одобряю его шутки. Особа, которая живетъ у меня...

— Но чтò жъ вамъ отъ этого? сказалъ дружески Юринъ.

Въ этихъ немногихъ словахъ Юринъ былъ совершенно посвященъ во всѣ отношенія семейства, среди котораго находился; характеры были опредѣлены; всякій изъ членовъ этого семейства занялъ во мнѣніи Юрина то положеніе, какое было угодно Аннѣ Дмитриевнѣ, и Юринъ нашель, что теперь очень-пріятно держаться какъ угодно, не обращать ни на чтò вниманія и смѣяться открыто; это придадо ему необыкновенную развязность.

Настасья Петровна вышла къ столу, вслѣдъ за дѣтьми. Только ея совершенное равнодушіе могло не замѣтить, какой взглядъ бросилъ на нее Юринъ, переглянувшись съ Шатровскимъ. Шатровский тотчасъ сѣлъ подлѣ нея.

— За чтò же вчера вы не хотѣли быть у меня? спросилъ онъ тихо и съ упрекомъ.

— Я поручала Варенькѣ извиниться за меня, отвѣчала Настасья Петровна покраснѣвъ, потому-что говорила неправду.

Юринъ смотрѣлъ внимательно: все это его забавляло. Анна Дмитриевна позвала его, и когда онъ оглянулся, слегка покачала головою, какъ-будто выговаривая за шалость.

— Варенька мнѣ ничего не сказала, продолжалъ Шатровскій: — и къ-тому же я знаю поговорку: лѣнь, вѣчная лѣнь... Вы меня огорчили. Сознайтесь, что вы нехорошо сдѣлали.

— Сознаюсь, если только вамъ было неприятно.

— Вы въ этомъ сомнѣваетесь?

— Мнѣ кажется, для васъ все-равно...

Настасья Петровна отвѣчала неловко: ея отвѣтъ сочли за вызовъ на любезность; но что бы она ни отвѣчала, все было бы принято также неприятно. Шатровскій, не задумавшись, продолжалъ свои упреки съ жаромъ, вполголоса, такъ-что зрители могли думать, что они говорили болѣе того, что было сказано въ-самомъ дѣлѣ. Взгляды Юрина вызывали дерзость Шатровскаго; фразы не прерывались; никогда еще онъ не чувствовалъ себя въ такомъ припадкѣ краснорѣчія. Возрастающее смущеніе Настасьи Петровны только одушевляло Шатровскаго. Бѣдная дѣвушка вполнѣ чувствовала неловкость своего положенія: другіе недовольно были заняты своимъ разговоромъ, чтобъ не замѣтить дѣйствій Шатровскаго, не вслушаться въ восклицанія, которыя у него вырывались время отъ времени въ отвѣтъ на тихія возраженія Настасьи Петровны. Она взглянула вокругъ себя, но Анна Дмитриевна поняла взглядъ ея и заговорила съ Карзановымъ, вернувшимся на террасу съ хозяиномъ: обратиться больше было не къ кому. Ей оставалось молчать и она перестала отвѣчать Шатровскому. Тогда Шатровскій самъ такъ рѣзко замолчалъ и отвернулся, что всякій, кто взглянулъ бы на эти два лица, одно измученное, другое раздосадованное, предположилъ бы между ними тайну. Видя, что Настасья Петровна совершенно разстроена, Анна Дмитриевна обратилась къ ней съ вопросомъ, лишь бы заставить ее говорить и полюбоваться ея смущеніемъ. Юринъ насмѣшливо взглянулъ на своего пріятеля, а пріятель скрылъ улыбку, опуская глаза съ самымъ лицемѣрнымъ смущеніемъ. Комедія была бы незанимательна, еслибъ въ ней не было столько же печали, сколько пошлости.

Карзановъ понялъ все какъ-нельзя-лучше. Наклонясь черезъ столъ, онъ заговорилъ съ Настасьей Петровной, совершенно-равнодушно, даже безъ особой внимательности, чтобъ и ей самой не дать подумать, что онъ ее утѣшаетъ.

Шатровскій поѣмотрѣлъ на Юрина.

— O, jeunesse, jeunesse! воскликнула Анна Дмитриевна.

— Что вамъ угодно? спросилъ Карзановъ, обращаясь къ ней, будто не слышавъ восклицанія.

— Pardon! я говорила не вамъ: вы такъ степенны, разсудительны... Я говорила вотъ этимъ молодымъ людямъ.

Вставъ изъ-за стола, Анна Дмитріевна позвала брата.

— Alexis, послушай. Я не знаю по какому случаю явился здѣсь опять Карзановъ; но ты меня очень обяжешь, если не дашь ему много заговариваться съ твоей вздыхательницей. Она опять собьеть съ толку Вареньку.

— Помилуй, что ей въ томъ, кто бы ни занималъ Вареньку?

— О, ты не знаешь старыхъ дѣвъ. Пожалуй, она влюблена въ тебя; но, видишь ли: явился Юринъ, и я очень-хорошо вижу, что ей хочется, чтобъ и онъ ухаживалъ за нею; для этого, значить, надо опять толкнуть Карзанова къ Варенькѣ, и я увѣрена, Настасья Петровна ужъ объ этомъ хлопочетъ.

— Какія глубокія соображенія! вскричалъ Шатровскій, расхотавшись. — Признаюсь, мнѣ бы и въ голову не пришло...

— Оттого что вы, мужчины, всѣ самолюбивы и эгоисты. Ужъ если ты самъ доволенъ, то тебѣ нѣтъ дѣла до счастья твоей семьи.

— Чѣмъ я заслужилъ такой упрекъ, милая Аннета? Не я ли старался...

— Хорошо, хорошо. Можете быть увѣрены, что ваши заслути одишены. Ступайте туда, гдѣ вамъ должно быть.

Анна Дмитріевна не подходила къ Николаю Петровичу и не говорила съ нимъ; съ своей стороны, онъ тоже упрямылся; но такъ-какъ это упрямяство оставяло Аннѣ Дмитріевнѣ совершенную свободу дѣйствовать, то она не пристунала къ объясненіямъ, оберегая ихъ до удобной и рѣшительной минуты. Николай Петровичъ еще не рѣшился ни на что; тихій и кроткій, онъ боялся сценъ; увѣренный въ томъ, что правъ, онъ, по добротѣ своей, еще сомнѣвался, такъ ли онъ оскорбленъ, что имѣть право дѣлать неприятное другимъ; робкій, она надѣялся, что авось и такъ все обойдется. Юринъ побываетъ, уѣдетъ — и только.

Карзанову было скучно и досадно; дѣло его не подвинулось ни на шагъ. Анна Дмитріевна стала для него отвратительна. Карзановъ не могъ извинить ея желаній выгоднѣе устроить дочь; онъ видѣлъ только, что ея безчувственный расчетъ разрушаетъ всѣ его надежды; даже, судя какъ посторонній, онъ не понималъ матери, которая, зная, что дѣлаетъ несчастье дочери, продолжаетъ его

дѣлать. Онъ спрашивалъ себя, какъ и чѣмъ оправдается предъ собою Анна Дмитріевна, потому-что не понималъ людей, которые, поступая дурно, не чувствуютъ необходимости въ самооправданіи... Онъ рѣшился спросить ее, спросить прямо, объясниться...

— Вы сильно задумались, сказала подлѣ него Настасья Петровна.

— Признаюсь, да, отвѣчалъ Карзановъ, которому ея появленіе напомнило и другія обстоятельства этой комедіи.

— Скажите мнѣ, спросилъ онъ : — давно ли такъ любезенъ съ вами Шатровскій ?

Настасья Петровна не отвѣчала. Рѣзкость вопроса ее огорчила.

— Простите меня, сказалъ Карзановъ, отдавъ ея смущеніе. — Кажется, васъ нѣчего увѣрять, что я преданъ вамъ всей душою: вы это давно знаете.

Бѣдная дѣвушка едва могла владѣть собою; первыя добрыя слова, которыя она услышала въ-теченіе нѣсколькихъ дней, произвели на нее дѣйствіе, какого не производили даже оскорбленія; у нея навернулись слезы.

— Какъ вы позволяете ему? какъ вы его не остановите? сказалъ Карзановъ безъ объясненій, потому-что и такъ все было ясно.

— Чтò же я могу сдѣлать? возразила Настасья Петровна. — Развѣ я могу сказать что-нибудь прямо? я завишу отъ всѣхъ.

Эти слова были произнесены съ такимъ отчаяніемъ, кокого Карзановъ еще никогда не видалъ у этого терпѣливаго созданія.

— Ради Бога, успокойтесь, сказалъ онъ, взволнованный не мѣнѣе ея : — еслибъ я имѣлъ какое-нибудь право сказать этому Шатровскому... Но я сейчасъ иду къ Аннѣ Дмитреевнѣ : я потребую чтобъ она рѣшила мою участь. Вы любите Вареньку, вы не разстанетесь съ нею—не правда ли? вы не откажетесь жить съ моею матерью ?

Изъ всего, чтò говорилъ Карзановъ, Настасья Петровна поняла только одно.

— Вы хотите идти къ Аннѣ Дмитріевнѣ? вскричала она съ испугомъ : — такъ вы хотите, чтобъ вамъ отказали? Развѣ вы не видите, что она добивается, чтобъ Юрину понравилась Варенька?

— Потому-то я и хочу объясниться съ нею.

— Напротивъ, дождитесь, чтобъ Юринъ совсѣмъ уѣхалъ отсюда: Онъ никогда не полюбитъ Вареньку; онъ не сдумѣетъ понять ее. Подождите хоть нѣсколько дней.

— Я не вынесу этихъ дней, возразилъ Карзановъ : — и они ни къ чему не поведутъ.

— Во всякомъ случаѣ не будетъ хуже.

— Но это общество для меня нестерпимо...

Она не успѣла отвѣчать, какъ Шатровскій, присланный сестрою, подошелъ къ нимъ. Онъ пришелъ звать Настасью Петровну: всѣ собирались гулять; для всѣхъ, кромѣ Карзанова, велѣли сѣдлатъ лошадей. Шатровскій, который распоряжался прогулкою, старался дать Карзанову замѣтить, что его исключили съ намѣреніемъ; но Карзановъ не обратилъ на это вниманіе. Онъ попросилъ Николая Петровича приказать сѣдлатъ для него лошадь и вскорѣ все общество собралось на крыльцо.

— Тебѣ, видно, измѣнили? спросилъ Юринъ Шатровскаго, не видя Настасьи Петровны.

— Э, мой милый! стоило сказать одно слово — и она побѣжала одѣваться.

Варенька пришла въ амазонкѣ и фуражкѣ.

— Мсьѣ Юринъ будетъ такъ добръ, что позаботится о тебѣ, сказала ей Анна Дмитріевна.

— Позвольте начать это сейчасъ же, сказалъ Юринъ, подходя, чтобъ помочь ей сѣсть на сѣдло.

Но Карзановъ предупредилъ его, ставъ между нимъ и Варенькой.

— Не бойтесь, сказалъ онъ : — я поведу съ вами рядомъ всю дорогу.

Анна Дмитріевна была поражена.

— И вы ѣдете? почти вскричала она, забывъ улыбку, подъ которой скрывала всегда свой гнѣвъ и свое изумленіе.

— Да, отвѣчалъ Карзановъ : — прогулка такъ пріятна, что я не могу отказать себѣ въ этомъ удовольствіи... Дадимте имъ мѣсто, прибавилъ онъ, вскочивъ на свою лошадь и отводя за поводъ лошадь Вареньки, и прибавилъ тихо : — мы будемъ одни цѣлый часъ!

— Я не знала, что это такъ хорошо устроится, сказала Варенька также тихо.

Юринъ замѣтилъ бы этотъ разговоръ и обидѣлся бы не на шутку, еслибъ Анна Дмитріевна дала ему время замѣтить и обидѣться; она сѣдлала знакъ Шатровскому и тотъ предложилъ Василью Ивановичу садиться. Какъ *красавецъ* и бывшій кавалеристъ, Юринъ не могъ не подшутить надъ неловкостью своего брата

и расхохотался сколько было силъ, взглянувъ на Василья Ивановича.

— Ну, мой милый, твоя очередь, сказалъ онъ Шатровскому.— Веди свою принцессу. Желаю удовольствія.

Настасья Петровна въ простой соломенной шляпкѣ и черномъ суконномъ плащѣ сошла и молча сѣла въ кабриолетъ. Шатровский сѣлъ тоже молча и подобралъ возжи.

— Вамъ не будетъ жарко? спросила Анна Дмитриевна, бросивъ неизобразимый взглядъ на этотъ старенькій плащъ.

Она не получила отвѣта. Кабриолетъ поѣхалъ.

— Au revoir donc, сказалъ Юринъ ловко вспрыгивая на сѣдло. Онъ еще ловче перегнулся, поцаловалъ руку Анны Дмитриевны и поскакалъ къ воротамъ, гдѣ его дожидались.

— Мсье Юринъ, поручаю вамъ Вареньку! закричала ему вслѣдъ нѣжная мать.

Варенька и Карзановъ были уже за воротами.

— Куда же мы ѣдемъ? спросилъ Шатровский, увидя Юрина.

— Я ѣду впередъ, громко отвѣчала Варенька. Къ вашему дому, сказала она тихо Карзанову; я еще не была тамъ никогда.

— Кто можетъ мнѣ придумать? сказалъ онъ.

— Вамъ нравится? Для чего же вы никогда не звали въ эту сторону? Такъ близко!

— И такъ далеко! Варенька.

— Не говорите этого, возразила она, не говорите ничего печальнаго, не отнимайте у меня мужества. Я хочу быть весела, потому-что мы одни.. одинъ часъ, но онъ мой. Покажите мнѣ хоть издали вашъ домъ. Боже мой! еслибъ только...

— Что, моя милая?

— Если когда-нибудь я проѣду опять по этой дорогѣ...

— Къ *нашему* дому, Варенька?.. Онъ тѣсенъ и бѣденъ.

Она обратила къ нему свое личико, ярко-освѣщенное вечернимъ солнцемъ, которое заставляло его немного зажмурить глаза.

— Кто вамъ позволилъ это говорить? сказала она съ притворнымъ капризомъ, какіе придумываются иногда для того, чтобъ разнообразить выраженіе любви.

Они спустились съ горы къ плотинѣ.

— Леонидъ! закричалъ Шатровский:— видишь ли ты тамъ, въ саду, скамеечку подъ сиренями? Не правда ли, настоящій приютъ для любви и мечтаній?

— Кто же тамъ мечтаетъ?

— Моя племянница; спроси ее.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? сказалъ Юринъ, подѣхавъ къ Варенькѣ.

— Заповѣданный пріютъ, мой любезный. Не знаю, какихъ счастливицевъ туда допускаютъ, а меня допустили всего одинъ разъ.

— Эти счастливицы, вѣроятно, одни зефиры?

— Ну, можетъ-быть, и люди.

— Сумасшедшій этотъ Шатровскій! сказалъ Юринъ Варенькѣ, смѣясь. Вы прекрасно дѣлаете, что не пускаете его въ вашу бесѣдку.

— И тебя не примутъ, не безпокойся.

— Не-уже-ли я не могу надѣяться? спросилъ Юринъ, любезничая.

— Не можете, отвѣчала она спокойно.

— Какой вздоръ! вскричалъ съ досадой Шатровскій, услышавъ ея отвѣтъ и громкій смѣхъ Карзанова. Это даже неучтиво, Варенька, и за-то ты должна пригласить Леонида и меня пить чай въ твоей бесѣдкѣ, какъ только мы воротимся.

— За что вы хотите сдѣлать ей неудовольствіе? вступилась тихо Настасья Петровна.

— За то, что она дурачится, возразилъ Шатровскій.

Юринъ между-тѣмъ любезничалъ, умоляя Вареньку.

— Вы напрасно трудитесь, сказалъ ему Карзановъ:—слышите, какъ вступается вашъ другъ?

— Вы вступаетесь тоже? вскричалъ Шатровскій.

— Только не за васъ.

— Конечно, ей дорогà эта сямейка по какимъ-нибудь сувенирамъ, которые она прячетъ въ своемъ рабочемъ ящикѣ...

— Какъ вамъ понравилась моя сямейка! сказала Варенька насмѣшливо:—пожалуй, приходите, если хотите.

— Вы совете ихъ? вскричалъ Карзановъ.

— Зоветь! сказалъ, торжествуя Шатровскій. Леонидъ, идетъ.

— Непременно, сказалъ Юринъ.

— Непременно, повторилъ Василій Ивановичъ, какъ-будто звали и его.

За споромъ ѣхали тихо и еще не миновали плотины. Въ прудѣ ловили рыбу. Варенька увидѣла прикащика и подозвала его.

— Что тебѣ нужно? спросилъ Шатровскій.

— Это до васъ не касается. Прикажите, продолжала она прикащику такъ тихо, что слышалъ только онъ и Карзановъ:—при-

кажете выгащить неводъ на ту сторону, видите—прямо къ скамейкѣ, и сломать эту скамейку, сейчасъ же, только-что мы провдемъ. Я послѣ сама скажу папенькѣ.

— Чтò тебѣ надо, Варенька? повторилъ Шатровскій.

Но Варенька скакала впередъ съ Карзановымъ.

— Какъ благодарить васъ? сказалъ онъ.

— За чтò? За то, что я не хочу, чтобъ эти люди приходили туда, гдѣ я была такъ счастлива?

Ни у кого не бываетъ минутъ такого полного самолюбія, какъ у людей, сознавшихъ, что они вполне несчастны. Опредѣливъ свое положеніе, они отдаются впечатлѣніямъ другаго рода, впечатлѣніямъ утѣшающимъ, со всѣмъ жаромъ души, которой необходимо забвеніе, со всей чувствительностью болѣзни, со всѣмъ увлеченіемъ раздраженія... Варенька поняла наконецъ, чего хотѣлось ея матери; она испугалась, но только на одну минуту.

Женщина любимая и любящая, она поняла также, что не кого звать ей на помощь, что вся ея защита и сила въ ней самой, и рѣшилась въ ту же минуту. Она вполне отдалась счастью; она говорила, шутила, смѣялась только съ Карзановымъ и по увлеченію сердца, и по женскому разсчету, который сказалъ ей, что явное предпочтеніе одного отдаляетъ другаго. Какъ забывчивый ребенокъ, она не заботилась даже объ учтивости, даже не оглянулась на Юрина, когда завидѣла усадьбу Карзанова, круто повернула по дорогѣ и помчалась такъ скоро, какъ нельзя было ожидать отъ ея робости...

— Берегитесь! повторилъ Карзановъ, слѣдуя за нею.

— Чего бояться? отвѣчала она, останавливаясь подъ липами, которыми былъ обнесенъ его садъ:— развѣ мы не вмѣстѣ?

Золотое облако пыли закрывало дорогу и остальныхъ спутниковъ; маленькія окна дома сверкали изъ-за деревьевъ; надъ кровлей вились бѣлые голуби. Варенька съ любопытствомъ заглядывала подъ вѣтки на этотъ скромный уголокъ, который будто старался показаться ей привѣтливѣе и красивѣе, между-тѣмъ, какъ Карзановъ схватилъ только ея руку, видѣлъ только ее одну.

— Мнѣ бы хотѣлось этотъ цвѣтокъ, сказала Варенька, показывая на желтыя капуцинки, перевитыя по высокимъ палочкамъ.

Карзановъ сошелъ съ лошади, привязалъ ее, перебѣжалъ чрезъ валъ, окружавшій садъ, и возвратился съ цвѣтами и съ вѣткой вишень.

— Какая прелесть! вскричала Варенька.—Когда же онъ могли поспѣть?

— Выставлены изъ оранжереи; я сломалъ мимоходомъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ, совершенно-счастливымъ ея дѣтскимъ восхищеніемъ...

Шатровскій и другіе подѣхали въ эту минуту.

— Куда вы заѣхали, Варенька? спросилъ онъ съ досадою, останавливая кабріолетъ, между-тѣмъ какъ Юринъ рисовался на своемъ конѣ, гордый и безмолвный.

— Чью вы это оранжерею разорили? сказалъ Василій Ивановичъ, который одинъ изъ всей компаніи казался въ хорошемъ расположеніи духа.

— Мою собственную, отвѣчалъ Карзановъ, садясь на лошадь. — Куда мы ѣдемъ теперь? спросилъ онъ Вареньку.

— Я думаю, домой, возразилъ Шатровскій. — Если пустить ея опять скакать сломя голову... Какъ ты расскажешь это матери, Варенька.

— Очень-просто, отвѣчала она, отправляясь впередъ.

Возвратясь домой, между-тѣмъ, какъ Юринъ и его братецъ нашли необходимымъ поправить свой туалетъ, разстроенный верховой ѣздою, Шатровскій остановилъ Вареньку, которая шла въ свою комнату.

— Послушай, сказалъ онъ: — я тебя предупреждаю, что изъ этого не выйдетъ ничего хорошаго; ты ведешь себя неприлично. Ни одна порядочно-воспитанная дѣвушка не позволитъ себѣ дѣлать это при постороннемъ. Чтò за короткость съ Карзановымъ?

Варенька была раздражена и громко засмѣялась.

— Для васъ будетъ ново узнать, что я его люблю?

— Ты съума сошла, Варенька!

— Чтò жъ? развѣ лучше скрытничать и притворяться? Какъ это похоже на вашу прежнюю мораль!

— Но въ глазахъ другихъ онъ тебѣ посторонній.

— Мой отецъ и мать знаютъ, чтò онъ для меня; до другихъ мнѣ нѣтъ дѣла.

— Но хоть бы изъ вѣжливости, одно слово Юрину.

— Вы знаете, я не люблю пустыхъ словъ, а еще болѣе пустыхъ людей.

— Этотъ пустой человѣкъ можетъ быть твоимъ мужемъ...

— Чтò такое? сказала Варенька, громко смѣясь, но блѣднѣя, потому-что въ первый разъ услышала эти слова.—За кого же вы

считаете меня, дядя? Вы дѣлали мнѣ честь, находили, что я не глупа...

— Ты дерзка! вскричалъ Шатровскій, выходя изъ себя отъ смѣлаго и основательнаго противорѣчія, какъ человекъ, сбившійся съ толку, для котораго здравый смыслъ другихъ кажется оскорбленіемъ. — Ты должна была бы подумать, что у тебя три брата и сестра, и что съ твоимъ Карзановымъ вамъ останется питаться салатомъ изъ капуцінокъ...

— А вы должны вспомнить, возразила Варенька:—что выходить замужъ за человекъ потому только, что онъ богатъ—неблагородно.

— Будь покойна, Юринь и не поглядить на дѣвушку съ такимъ страннымъ обращеніемъ.

— Вы понимаете, что это меня нисколько не огорчить.

— Чтò ты скажешь, когда узнаешь маменька.

— То-есть, когда вы ей перескажете?.. То же, чтò говорю вамъ теперь.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? сказалъ, смѣясь, Шатровскій. — О, много вы начитались романовъ съ вашей тетушкой!

— Послушайте, вскричала Варенька: — со мной вы можете дѣлать чтò хотите, но ни слова о тетушкѣ! Вы обращаетесь съ нею безчеловѣчно. Ради Бога, есть ли у васъ состраданіе? Вспомните, что ей всякую минуту доказываютъ, что она живетъ здѣсь изъ милости, а вы рѣшаетесь шутить надъ нею, надъ этимъ ангельскимъ сердцемъ! Дядя, хорошо ли это? Чтò она вамъ сдѣлала?

— Да вѣдь я не виноватъ, если она въ меня влюбилась, возразилъ Шатровскій.

— Боже мой! вскричала Варенька, не находя словъ для упрека.

— Я ухаживаю за нею для ея же удовольствія, продолжалъ Шатровскій, готовый образумиться, но снова увлекаясь своею фразой.

— Оставьте меня, сказала Варенька, вы смѣшны и жалки.

Она ушла, заслыша шаги матери. Шатровскій былъ раздосадованъ и, не опомнясь, рассказалъ сестрѣ всѣ подробности гулянья.

— Какъ знаешь, заключилъ онъ. — Юринь, навѣрное, взбѣшенъ и все дѣло пропало съ перваго шага отъ глупостей Вареньки. Я не берусь поправить.

Анна Дмитріевна выслушала въ глубокомъ молчаніи; она обдумывала.

— Гдѣ Карзановъ? спросила она.

— Гдѣ-нибудь съ Николаемъ Петровичемъ... Или, нѣтъ, слышавъ, для него разыгрываетъ сонату Настасья Петровна.

— Прикажи позвать Вареньку и приведи Юрина.

Варенька явилась минутой раньше. При вхоdъ Юрина, Анна Дмитриевна, молчавшая до-тѣхъ-поръ, сдѣлала видъ, что продолжаетъ разговоръ.

— Мсье Юринъ, видали вы когда-нибудь такую шалунью? Походите сюда: я при васъ прочту ей урокъ. Вы замѣтили этого молодого человека, что гулялъ съ вами? Ей вздумалось посмотреть до какой степени онъ умѣетъ быть любезнымъ... Взгляните—будетъ... Ah, mon Dieu, le pauvre homme! нарвалъ желтыхъ цвѣтовъ для блондинки, обломалъ свои вишни... все, чѣмъ онъ обладаетъ! Нѣтъ, Варенька, въ другой разъ не шути такъ жестоко: ты разоришь этого бѣдняка... Что за живой характеръ!

— Замѣтилъ ты, какъ онъ подпрыгиваетъ, когда скачетъ? сказалъ Шатровский.

— Ахъ, Варенька, продолжала Анна Дмитриевна: — но докони же, разскажи твое восхищеніе твоей мсье Юрина... Вы попали въ самый разгаръ похвалъ, мсье Юринъ. Она такое дитя...

— Вамъ нравится моя твда? спросилъ Юринъ, дорожившій своими физическими совершенствами и убѣжденный, что противъ нихъ устоять невозможно.

Варенька понимала, что если она промолчитъ еще одну минуту, то все кончено и Карзанову запретятъ бывать въ ихъ домѣ.

— Вы прекрасно твдите, отвѣчала она.

— Брось же эти глупыя капуцинки, сказала мать: — я не могу ихъ видѣть.

И взявъ букетъ изъ рукъ Вареньки, она смяла его и бросила за окно.

— Пойдемте въ маленькую залу, мсье Юринъ, Варенька съиграетъ и споетъ вамъ что-нибудь; она небольшая охотница, но это ей за то, что она такъ много шалила сегодня.

Анна Дмитриевна взяла дочь подъ-руку и увела вслѣдъ за собою.

II.

Въ двѣ недѣли жизнь въ домѣ Николая Петровича приняла особенный отъенокъ и пошла въ такомъ порядкѣ, какъ-будто уже давно такъ сложилась.

Юринъ прѣзжалъ всякій день, то съ Шатровскимъ, то одинъ, то въ сопровожденіи брата, или Домникова. Его ожидали. Его мѣсто подлѣ столика Анны Дмитріевны было незанято; завтракъ былъ приготовленъ по его вкусу; хозяйка сама наливала ему кофе; онъ любилъ все горячее, и вслѣдствіе этого дѣти ничего не могли проглотить за обѣдомъ. Юринъ курилъ цѣлый день и Анна Дмитріевна нашла, что это излечиваетъ ее отъ головокруженій, на которыя она прежде жаловалась. Всѣ привычки Юрина были отгаданы и затвержены; всѣ остроты его помнились, всѣ его сужденія считались непреложными. Всякое его движеніе замѣчалось по своей граціи; всякій поступокъ, рассказанный о немъ, удивлялъ своимъ благородствомъ.. Юрину было очень-хорошо.

Онъ проводилъ утро между Анной Дмитріевной и Варенькой. Одинъ разъ какъ-то Анна Дмитріевна предложила ему читать вслухъ; Юринъ не отказался, потому-что занятіе показалось ему въ высшей степени «аристократическимъ»; но Анна Дмитріевна замѣтила, что оно затруднительно и умѣла прекратить его, будто вспомнивъ, что, кромѣ этого сухаго занятія, у нихъ есть еще много что сказать другъ другу. Юринъ былъ неистощимъ въ разсказахъ, когда не церемонился. Анна Дмитріевна сказала, что онъ заставилъ ее открыть въ себѣ новую сторону характера — веселость, который до-сихъ-поръ она не испытывала никогда въ такой сильной степени. Варенька большею-частью молчала; но матери было нужно только, чтобъ она была тутъ. Юринъ посылался ей на помощь разсматривать шелки, кормить голубей, срѣзывать букеты для гостиной. Онъ былъ доволенъ также, потому-что это доставляло случай сказать любезность, отъ которой Варенька краснѣла; если она возражала, или останавливала его рѣзко, мать была всегда тутъ и говорила улыбаясь и обнимая ее:

— Извините мою дикарку, мсьё Юринъ.

Впрочемъ, у Анны Дмитріевны были всегда готовы средства заставить мсьё Юрина предложить гнѣвъ на милость; она посылала Вареньку играть съ нимъ въ воланъ, кататься вдвоемъ въ лодкѣ. Если Варенька отказывалась отъ этихъ забавъ, Анна Дмитріевна дѣлала ей тихо, но выразительно замѣчаніе, что на нее дѣйствуетъ примѣръ ея тѣтки, и вслѣдъ затѣмъ тотчасъ находила случай сказать или сдѣлать что-нибудь непріятное Настасьѣ Петровнѣ; Варенька покорялась, чтобъ не заставлять терпѣть другихъ. Анна Дмитріевна понимала, что въ глазахъ Юрина немного значать душевныя совершенства и семейныя добродѣтели, и по-

тому не заботилась много выказывать Вареньку съ этой прекрасной, но нѣсколько прозаической стороны. Юринъ замѣтно восхищался красотой Вареньки и ничто не пропускалось, чтобъ дать ему случай еще восхищаться; это дѣлалось очень-просто и натурально; какъ, на примѣръ, гуляя въ саду съ Юринымъ, Анна Дмитріевна затруднялась отличить на дорожкахъ слѣды Вареньки отъ слѣдовъ ея маленькихъ братьевъ. Еслибъ Юринъ въ-самомъ-дѣлѣ зналъ женщину, какъ онъ этимъ хвалился, онъ удивился бы изобрѣтательности Анны Дмитріевны; но онъ просто и безъ малѣйшаго подозрѣнія отдавался ей въ руки. Черезъ нѣсколько дней она уже могла поздравить себя съ успѣхомъ; но, всегда и во всемъ основательная, не торопила рѣшительной минуты. Она только продолжала начатое съ одинаковымъ увлеченіемъ, но и съ спокойствіемъ, оградясь со стороны Николая Петровича такимъ безмолвіемъ, такую осторожностью и мѣрой во всѣхъ своихъ видимыхъ дѣйствіяхъ, что еслибъ мужъ вздумалъ спросить ее, что она дѣлаетъ, она могла бы отвѣчать съ удивленіемъ:

— А что я дѣлаю, другъ мой?

Шатровскій вполнѣ ей подчинился. Анна Дмитріевна употребляла его вездѣ какъ двигателя, исправителя неловкостей и исполнителя ея воли. Должность показала Шатровскому слишкомъ хлопотлива; но, отдавшись на волю сестры одинъ разъ, онъ ужъ не могъ избавиться. Сверхъ-того, онъ былъ обязанъ, какъ-возможно-чаще, добиваться откровенности Юрина въ-отношеніи его чувствъ, сколько можно развивать эти чувства, и обо всемъ доносить подробно. Анна Дмитріевна выслушивала, дѣлая чрезвычайно тонкіе и блестящіе коментаріи и, въ-заключеніе, новыя наставленія брату. Все это было полно фразъ. Шатровскій погибалъ въ фразахъ; онъ дошелъ до-того, что соглашался только съ фразами машинально, не вѣря, потому-что ему было лѣнь вникнуть и вѣрить. Простыя слова казались ему только рѣзкими и онъ не находилъ въ нихъ смысла... Впрочемъ, онъ и не слышалъ ихъ.

Въ-отношеніи къ Шатровскому, всѣ приняли странное и холодное положеніе. Николай Петровичъ убѣгалъ его; Настасья Петровна молчала, будто покоряясь; Варенька обращалась съ самымъ равнодушнымъ презрѣніемъ; она все портила, потому-что, затрогивая самолюбіе, вызывала его на бой. Затронутое самолюбіе не можетъ быть покойно даже у самаго апатическаго чловека. Шатровскій считалъ себя въ-правѣ отплачивать Варенькѣ, не

размышляя ни минуты, что она не нападала, а только защищалась. Николай Петрович был отодвинут на второй план, но и безъ того Шатровский был увѣренъ, что Варенька не обратится къ нему съ своей жалобой; онъ былъ покоенъ, рассчитывая на благородство молодой дѣвушки, и не замѣчалъ, сколько этотъ расчетъ унижалъ его самого. Напротивъ, ему было весело; ему прибавилось занятіе: онъ былъ увѣренъ, что всякій день встрѣтится маленькая исторія и будетъ имѣть всю пріятность спектакля, въ которомъ, пожалуй, онъ и самъ возьметъ роль; но, сыгравъ ее, уснетъ также спокойно, потому-что до сердца его ничто не коснется. И тѣмъ лучше, если встрѣчаются подобныя исторіи; чѣмъ больше ихъ, тѣмъ лучше: день идетъ разнообразнѣе.

Какъ мудрецъ, довольный собой и ограниченный въ своихъ желаніяхъ, Шатровский и не замѣчалъ, что дни шли очень-однообразно, что человѣкъ съ умомъ и сердцемъ могъ бы помѣшаться отъ скуки и измучиться отъ печали, видя, какъ нарочно портятъ жизнь, которая могла бы идти умно и счастливо. Игра въ колкости съ Варенькой, игра въ чувство съ Настасьей Петровной наполняли для него часы, которые оставались отъ игры въ преферансъ съ Домниковымъ. Въ одно утро Юринъ привезъ старичка и рассказалъ, смѣясь, что тотъ выпросилъ у него проценты за слѣдующіе полгода. Анна Дмитриевна, какъ должно было ожидать, удивилась благородной снисходительности молодаго человѣка и выговорила ему за расточительность хоть-бы даже для добраго дѣла. Анна Дмитриевна позволяла себѣ дѣлать Юрину выговоры, когда они такъ легко сбивались на комплименты. Но эта «благородная снисходительность», доставивъ старику средства, пробудила въ немъ снова желаніе покутить. Не спрашивая согласія, Домниковъ раскинулъ карточный столъ и позвалъ Шатровскаго. Шатровский въ эту минуту былъ утомленъ длинной прогулкой, которую совершилъ, преслѣдуя Настасью Петровну: онъ былъ радъ сѣсть на мѣсто. Гуляя, онъ такъ много толковалъ о сильныхъ, непреодолимыхъ увлеченіяхъ, что не могъ играть по маленькой.

— Пожалуй, извольте, съ удовольствіемъ, отвѣчалъ Домниковъ, когда Шатровский нааначилъ большую игру.

Домниковъ боялся только, чтобъ онъ не отказался. Въ три дня Шатровский выигралъ у него всѣ его деньги.

— Позвольте отыграться, говорил старичокъ со страхомъ и надеждой.

— Согласитесь, сказалъ Шатровскій, что игра неровна: я могу только проиграть.

Домниковъ не подумалъ, что отвѣтъ былъ неучтивъ, онъ нашелъ его только основательнымъ и побѣжалъ на террасу, гдѣ былъ Юринъ.

— Леонидъ Василитчъ, шепнулъ онъ, отозвавъ его: — не можете ли вы мнѣ одолжить?..

— Какъ, еще? вскричалъ Юринъ, расхохотавшись: — да вы ненасытими! Посмотрите, mesdames, это въ лицахъ «Жизнь игрока»! Помилуйте, едва мѣсяцъ, какъ вы мнѣ продали вашу усадьбу, взяли за цѣлый годъ впередъ страшные проценты; чего же вы еще отъ меня хотите?

— Я прошу васъ объ одолженіи... говорилъ Домниковъ, пугаясь гласности, которую принимало дѣло.

— Какое же одолженіе, помилуйте! Такъ вы, пожалуй, переберете весь вашъ капиталъ въ видѣ процентовъ прежде, нежели я сколько-нибудь имъ воспользуюсь, а я все еще буду оставаться вамъ долженъ. Это недурно придумано!

— Чѣмъ вы считаете меня? прервалъ старикъ, вспыхнувъ.

— Да ровно ничѣмъ, сказалъ Юринъ. Если вы намѣрены сыграть со мной эту штуку, забрать проценты да представить расписку...

— Леонидъ Василитчъ... сказала Варенька.

Она не могла видѣть, какъ оскорбляли человѣка, который любилъ ее искренно; но Юринъ ничего не видѣлъ и не слышалъ, когда бывалъ занятъ деньгами. Анна Дмитріевна строго взглянула на дочь.

— Что ты вмѣшиваешься? сказала она. — Развѣ это твое дѣло? поди съ свою комнату.

— Милостивый государь, говорилъ Домниковъ, ваша расписка со мною, и я сію минуту исключу изъ капитала все, что получилъ отъ васъ. Будьте покойны: я человекъ бѣдный, но благородный, милостивый государь, я лучше соглашусь потерять...

— Дѣло другое, если вы распишите, что получили въ счетъ капитала, отвѣчалъ развязно Юринъ: — я на это согласенъ...

— Я готовъ сію минуту, милостивый государь, повторилъ Домниковъ: — сію минуту, потому что мнѣ легче лишиться своей собственности...

— Пройдите въ мой кабинетъ, мсьё Юринъ, сказала любезно Анна Дмитриевна, видя, что онъ направлялся къ двери: — вы найдете тамъ перья и чернила.

— И вы еще будете играть? спросила Варенька, подходя къ окну гостиной, изъ котораго Шатровскій, сидя предъ карточнымъ столомъ, смотрѣлъ на всю эту сцену.

— Буду-съ, отвѣчалъ онъ, насмѣшливо кланяясь.

— Чѣмъ же этотъ несчастный старикъ проживетъ цѣлый годъ?

— Чѣмъ ему угодно, отвѣчалъ Шатровскій съ любезностью, которая была способна вывести изъ терпѣнія.

— Знаете ли, что вы дѣлаете?

— Оставь меня въ покоѣ, Варенька! развѣ я обязанъ знать чужія дѣла? Ну, хочеть онъ играть — играетъ; развѣ я его при- нуждаю?

— Зачѣмъ же вы дожидаетесь его за карточнымъ столомъ? Вы его искушаете, подстрекаете его самолюбіе...

— Боже мой, какія тонкости! Ну, такъ надо его проучить, чтобъ не дурачился.

Домниковъ возвратился разстроенный и съ раскраснѣвшимся лицомъ.

— Что, матушка-барышня, сказалъ онъ, удерживая волненіе: — поглядѣть на насъ пожаловали? Видите, какъ бьемся, «то сей, то оный на бокъ». Кому изъ насъ сдавать, Алексѣй Дмитричъ?

— Вамъ, кажется, отвѣчалъ хладнокровно Шатровскій. — Варенька, спрости мой porte-cigare у Юрина.

— Я, знаете, люблю разомъ кончать дѣла, продолжалъ Домниковъ, когда отошла Варенька. Сейчасъ вспылить-было немножко, да одумался и совсѣмъ иначе поладилъ съ Леонидомъ Васильичемъ. Переписалъ вновь свою расписку.

— Какъ же вы сдѣлали? спросилъ Шатровскій, записывая вы- игрышъ. Вы безъ одной.

— Въ самомъ дѣлѣ? Да, вотъ! немножко разсѣлся... я переписалъ расписку. Вы знаете, когда я совершилъ купчую Леониду Васильичу, то вмѣсто денегъ взялъ расписку, что онъ состоитъ мнѣ долженъ двѣ тысячи рублей серебромъ. Теперь думаю, что брать все понемногу, да процентами, лучше взять разомъ половину. Такъ и сдѣлалъ онъ: сейчасъ далъ мнѣ расписку въ тысячѣ рубльяхъ, срокомъ на годъ, да немного наличными, къ той суммѣ что я ужъ забралъ, а въ остальныхъ сочтемся завтра.

— Прекрасно! сказалъ Шатровскій. Вы опять ремизъ.

— Батюшки, что это я снесъ? я съ ума сошелъ!

— Какое наивное сознание! сказала Анна Дмитриевна Юрину, услышавъ это восклицаніе.

— Да. Уморительный старичишка, и какой придиричивый!

— Онъ тяжелъ.

— Мнѣ никогда не тяжело съ нимъ развязаться, отвѣчалъ съ достоинствомъ Юринъ: — еслибъ онъ самъ не напрашивался, чтобъ я былъ его должникомъ, потому-что въ моихъ рукахъ его деньги вѣрны...

Анна Дмитриевна взглянула на Вареньку, будто желая сказать:

— Вотъ какого ты человека не понимаешь!

Будто въ оправданіе Шатровскому, Домниковъ не выпустилъ его изъ-за карты, когда пришли звать гулять.

— Милая барышня, сказалъ онъ Варенькѣ: — вамъ все бы кусточки да лужочки, а тутъ участь человека рѣшается.

Онъ въ эту минуту оставилъ Шатровскаго безъ двухъ. Но къ вечеру, когда общество возвратилось, оно нашло играющихъ, погруженныхъ въ могильное безмолвіе. Столъ, карты, свѣчи, лица игроковъ — все было мрачно. Шатровскій выигрывалъ.

— Какое странное впечатлѣніе производитъ игра! сказала Анна Дмитриевна Юрину: — она увлекаетъ и другихъ. Давайте играть въ лото на конфеты.

Анна Дмитриевна приказала подать лото. Въ немъ участвовали и дѣти и Василій Ивановичъ, счастливый болѣе, нежели дѣти; корзина съ конфетами довершала удовольствіе. Юринъ доставилъ себѣ еще другое: онъ высыпалъ на столъ свой *porte-monnaie* и ставилъ нумера червонцами. Онъ проигралъ Варенькѣ и, явившись чрезъ день, привезъ ей великолѣпную бонбоньерку. Шатровскій рассказалъ во всеуслышаніе, что за этой бонбоньеркой былъ отправленъ нарочный, который сдѣлалъ болѣе двухъ сотъ верстъ менѣе чѣмъ въ сутки, что лучшія верховыя лошади Юрина были высланы ему для подставы, и что двѣ изъ нихъ едва-ли останутся живы.

— Что дѣлается иногда для того только, чтобъ добиться улыбки женщины! заключилъ Шатровскій, обращаясь къ Настасьѣ Петровнѣ, между-тѣмъ, какъ Анна Дмитриевна ахала и выговаривала Юрину за баловство ея дочери. Юринъ былъ въ восхищеніи, что удалось блеснуть, что есть пріятель, умѣющій ловко рассказывать, и что Варенька сконфужена такъ, что въ любви ея сомнѣваться невозможно.

— Поблагодари же, дитя мое, сказала мѣжно Анна Дмитріевна, видя, что Варенька стоит неподвижно съ бонбоньеркой въ рукахъ.

— Ты, кажется, не знаешь, что съ ней дѣлать? сказалъ Шатровскій, смѣясь и торжествуя.

— Знаю, отвѣчала Варенька: — то же, что вы сдѣлали съ букетомъ Карзанова, договорила она на ухо Аннѣ Дмитріевнѣ и убѣжала изъ комнаты, потому-что не могла болѣе вынести.

— Ахъ, милое созданіе! сказала Анна Дмитріевна, не теряясь и взявъ оставленную бонбоньерку. — Вашъ подарокъ мнѣ дорого стоитъ, мсьё Юригъ.

Настасья Петровна испугалась выраженія лица счастливой матери; она поспѣшила за Варенькой, но въ дверяхъ услышала еще слова Анны Дмитріевны:

— Въ мелочахъ бываетъ что-то роковое... я скажу *тебѣ*, Alexis...

Юригъ былъ увѣренъ, что Шатровскій все ему перескажетъ, но Анна Дмитріевна предвидѣла, что братъ будетъ не въ-состояніи скрыть свои чувства, когда она скажетъ ему настоящія слова Вареньки, и потому отвела его въ сторону.

— Что жъ тутъ дѣлать? спросилъ Шатровскій, разсмѣявшись, когда услышалъ печальную истину. — Вотъ и всѣ твои хлопоты, Аннета.

— Я не вижу здѣсь ничего забавнаго, возразила она съ негодованіемъ: — а затрудняться такими бездѣльцами могутъ только ненаходчивые, безхарактерные люди.

— Какъ же мнѣ прикажете поступить? сказалъ Шатровскій, оскорбляясь въ свою очередь. — Онъ спросить, что такое сказала Варенька матери? и я отвѣчу...

— Что она сказала: «Какой онъ душка, какъ онъ милъ, какъ я его люблю», что-нибудь въ этомъ родѣ.

— Ты великая женщина, Аннета! Да онъ послѣ этого сейчасъ посватается.

— Видишь ли? Я знаю человѣческое сердце.

— Когда прикажешь сказать?

— Какъ знаешь. Но объясненіе не раньше завтрашняго дня: мнѣ надо еще приготовить ее.

Анна Дмитріевна взяла бонбоньерку и отправилась къ Варенькѣ.

Въ послѣднее время, съ-тѣхъ-поръ, какъ Юригъ почти поселился въ ея домѣ, Анна Дмитріевна приняла особую манеру дер-

жаться съ дочерью. Ея нужности не было конца; ея заботливость не знала усталости; то и другое не оставляло Вареньку свободной минуты. Варенька почти не видѣла Настасьи Петровны; утромъ мать занималась ея туалетомъ почти до пріѣзда гостей; при гостяхъ мать оставляла ее съ Юринымъ, или посылала Шатровекаго къ Настасьѣ Петровнѣ. Оставался поздній часъ вечера, когда всѣ расходились; но услыша одинъ разъ, что Варенька сказала тѣткѣ: «я прійду къ тебѣ послѣ ужина», Анна Дмитриевна едва вошла въ свою спальню, какъ послала за дочерью.

— На меня нашла скука, дитя мое, развесели меня.

И, толкуя о своей молодости, объ отвлеченныхъ предметахъ, Анна Дмитриевна продержала Вареньку у своей постели до свѣта. На другой вечеръ она вызвала ее подъ еще болѣе трогательнымъ предложеньемъ:

— Ты вчера была счастлива съ твоей матерью!

Варенька хотѣла по-крайней-мѣрѣ извлечь какую-нибудь пользу изъ этихъ бесѣдъ, но едва она начинала говорить о себѣ, Анна Дмитриевна ловко оборачивала разговоръ такъ, что негдѣ было встать одного слова. Наговорившись, Анна Дмитриевна просила Вареньку читать и давала ей романъ.

— Плуговка рада, что раздѣляютъ съ нею шалость и читаютъ романы по ночамъ!

Нравственное утомленіе соединялось съ физическимъ, и Варенька засыпала почти не помня, что съ ней дѣлалось.

Но въ эту минуту, когда, бросявъ подарокъ Юрина, она приближалась къ себѣ и, заливаясь слезами, обняла тѣтку, Варенька ясно увидѣла все свое несчастье.

— Что ты сдѣлала, что ты сказала? говорила испуганная Настасья Петровна.

— О, тѣтя Настя! надо же когда-нибудь это кончить... Господи, что со мною будетъ? вскричала бѣдная дѣвушка, переходя вдругъ отъ мужества къ страху, потому-что въ ней чувство спѣрило съ возрастомъ.

Едва она выговорила свои отчаянныя слова, какъ отворилась дверь и представилась Анна Дмитриевна, спокойная и улыбающаяся.

— Поди туда, тѣтя Настя, сказала Варенька торопливо, но рѣшительно: — поди, если меня любишь.

Настасья Петровна повиновалась молчаливо. Анна Дмитриевна смѣялась ея взглядомъ и посторонилась, чтобъ дать ей пройти.

— Душа моя, сказала она : — я принесла тебѣ твое маленькое сокровище. Ты все шалишь и почти сконфузила меня своей шалостью... Конечно, ты хороша и можешь играть молодыми людьми, но и Юринъ можетъ обидѣться этимъ сравненіемъ съ Карзановымъ.

Варенька не могла отвѣчать: она рыдала.

— Что съ тобой? спросила Анна Дмитріевна, видя, что сцена неизбежна. Тебя огорчила чѣмъ-нибудь эта...

Она показала вслѣдъ Настасью Петровну.

— Не-уже-ли вы не хотите понять меня? вскричала Варенька. — Кто можетъ меня огорчать...

— Кромѣ меня? прервала съ упрекомъ Анна Дмитріевна.

— Да, отвѣчала смѣло Варенька : — я не въ-силахъ играть эту комедію, я не могу разлюбить человека, котораго люблю — вы это знаете!

— Кого ты любишь? спросила Анна Дмитріевна насмѣшливо.

— Ради Бога, не притворяйтесь, сказала дѣвушка, со слезами: — я не дитя; фразы не поведутъ ни къ-чему, я ужъ ихъ слышала... Я очень знаю кого я люблю... Умоляю васъ, сжальтесь надо мной, маменька, мой ангелъ, вамъ стоить сказать одно слово — я буду такъ счастлива!

Она бросилась ей на шею.

— Душа моя, жизнь моя! вообразите, вѣдь это нехорошо, неблагородно заискивать въ человекѣ, котораго не любишь, не уважаешь! Милая мама, Юринъ такъ пусть! Ты понимаешь людей, взгляни, что онъ такое... Ты ошибаешься въ немъ, во мнѣ... Я люблю Карзанова, милая мама! Прогони этого пустаго человекѣ! Я надѣялась, я все дѣлала, чтобъ Юринъ меня возненавидѣлъ... видно, не такъ суждено! Еслибъ ты знала, ради Бога...

— Образумься, чего ты отъ меня хочешь? прервала Анна Дмитріевна, насильно сажая ее въ кресла. — Я долго слушала, что это за фарсы? Кто за тебя сватается, что ты кричишь...

— О, свататься, надѣюсь, онъ не осмѣлится! вскричала Варенька, оскорбленная этой холодностью.—Его богатство мнѣ также ненужно, какъ онъ самъ, и я скажу ему...

— Потрудись сказать своей тѣтушкѣ, прервала Анна Дмитріевна : — чтобъ она избавила меня отъ своего присутствія въ моемъ домѣ, если намѣрена набивать тебѣ голову бреднями и глупостями... Довольно однѣхъ ея исторій съ Алексѣемъ, которыя застав-

любятъ меня краснѣть. Я вижу чьи это затѣи. Довольно. Прошу не выходить отсюда весь вечеръ.

Варенька осталась одна. Ея положеніе вообразить нетрудно.

Анна Дмитріевна спокойно возвратилась въ гостиную. Она попросила брата остаться ночевать; братъ, чтобъ занять Юрина, которому сказали, что Варенька нездорова, принялся мучить Настасью Петровну; мимоходомъ, Анна Дмитріевна приказала ему удвоить любезности.

Настасья Петровна покорялась, потому-что предчувствовала бѣду надъ другими и ужъ не думала о себѣ. Напротивъ, она старалась казаться веселѣе, чтобъ оживить общество и умиловать Анну Дмитріевну... У нея доставало кротости самой начинать говорить съ Шатровскимъ, играть для него и смѣяться.

Въ ту минуту, когда увѣждалъ Юринъ, а Шатровскій отправился спать, Анна Дмитріевна остановила Настасью Петровну.

— Извините меня, сказала она: — но вмѣстѣ позвольте вамъ замѣтить, что вы поставили меня въ очень-непріятное положеніе.

— Я? спросила Настасья Петровна.

— Позвольте мнѣ не объясняться... я и безъ того слишкомъ-много страдаю! Но въ глазахъ всякаго посторонняго ваше обращеніе можетъ казаться страннымъ, если не предосудительнымъ... Я вынуждена сказать это. Но если вамъ будетъ угодно вспомнить, что у меня есть дочь, вы поймете, что я желала бы оградить ее отъ всего, что можетъ бросать тѣнь на то мнѣніе, которое всякій долженъ имѣть о ней.

Анна Дмитріевна сдѣлала поклонъ и удалась.

Настасья Петровна подумала одну минуту, далеко ли можетъ она уйти въ эту ночь. Потомъ она оглянула пустыя, освѣщенныя комнаты, теряя всякое сознаніе, и сѣла, потому-что ноги ея подгибались... Лакей пришелъ гасить лампы и не замѣтилъ ее; она сама ничего не замѣчала до той минуты, когда яркій лучъ солнца вдругъ заигралъ на зеркалахъ и штофной мебели, и напомнилъ бѣдной дѣвушкѣ, что страданія жизни не кончаются одной ночью...

III.

Николай Петровичъ всталъ рано по своему обыкновенію; на этотъ разъ, однако, его подняли не хозяйственныя заботы.

Люди кроткіе и неподвижныя зависятъ отъ своихъ привычекъ. Они покоряются по привычкѣ, потому-что ужъ одинъ разъ

начала покоряться; и хотя бы тяготились своимъ положеніемъ, но не скоро рѣшаются изъ него выйдти, потому—что для этого надо не только побѣдить обстоятельства, но еще переломить свое сердце, то—есть свою привычку. Внезапныя нападенія выводятъ ихъ изъ терпѣнія, возмущаютъ ихъ, но не надолго: утомленные на одну минуту, они рады возвратиться къ своему обычному покою. Чтобы подвинуть ихъ на что-нибудь, нападенія должны быть не столько сильны, сколько продолжительны; тогда раздраженіе войдетъ въ привычку и поемному образуетъ переломъ характера... До такого состоянія довела Анна Дмитриевна своего терпѣливаго супруга.

Знакомство Юрина былъ первый ударъ; онъ взволновалъ Николая Петровича; но волненіе могло бы пройти, еслибъ не было поддержано постоянно. Сначала самъ гость, его тонъ, манеры, его фамильярность, потомъ, общая невнимательность, развивали и усиливали первое впечатлѣніе. Николай Петровичъ замѣтилъ, что разговоръ прекращался съ его приходомъ; сначала онъ молочно уходилъ, чтобъ не мѣшать; но одинъ разъ, въ минуту досады, вздумалъ остаться. Шатровский, не замѣчая ничего по своей натурѣ, не замѣтилъ и досады Николая Петровича и завелъ разговоръ, въ которомъ тотъ не могъ участвовать. Юринъ былъ, если не умнѣе, то догадливѣе: онъ догадался, что къ ховяину, котораго можно исключить изъ бесѣды, можно и обращаться снисходительно. Шатровский не любилъ ни отъ кого отставать въ развязности: онъ позволилъ себѣ вполголоса нѣсколько намековъ и шутокъ, на которые Юринъ расхохотался во все горло. Еслибъ Анна Дмитриевна захотѣла вступить, ей бы слѣдовало выпнуть изъ дома своего гостя; чтобъ не навлечь на себя такого затрудненія, она не поняла шутокъ...

Николай Петровичъ все понялъ, но онъ былъ добръ и простилъ бы все, еслибъ добрая душа его не догадалась, что оскорбленія, которыя дѣлались ему, были самой малѣйшей виной его жены и зятя. Даже тотъ, кто самъ женится по расчету, осуждаетъ денежные расчеты женщинъ. Конечно, Николай Петровичъ желалъ бы устроить свою дочь какъ можно блистательнѣе, но прежде всего онъ желалъ ей счастья. Одну минуту онъ подумалъ о Юринѣ, какъ о женихѣ; но отказался тотчасъ отъ этой мысли. Онъ такъ горячо любилъ и понималъ Вареньку, что рѣшилъ безъ долгаго размышленія, что этотъ франтъ средней руки, полуобразованный метъ, самолюбивый хвостунъ, не можетъ саста-

вить ея счастья. Юринъ молодъ, правда, но онъ богатъ и при богатствѣ эти недостатки только вырастаютъ съ лѣтами. Къ-тому же, Николай Петровичъ, хлопотливо и поточно-занятый, привышній къ труду съ дѣтства, не терпѣлъ людей незанятыхъ; онъ считалъ *дѣло* такой обязанностью, что впадалъ даже въ крайность, признавалъ пользу отвлеченнаго только тогда, когда оно соединялось съ матеріальнымъ: этимъ и заслужилъ онъ от Анны Дмитріевны прозвание «грубой натуры»; за это онъ и любилъ Каранова.

Николай Петровичъ не могъ похвалиться своей семейной жизнью; онъ зналъ въ ней однѣ заботы и противорѣчія. Не зная, что собственно, но многое желалъ бы онъ перемѣнить въ воспитаніи, которое получали его дѣти; онъ былъ отдаленъ отъ нихъ; они приближались къ нему только церемонно, какъ позволялъ этикетъ, введенный Анной Дмитріевной съ цѣлью, чтобъ «пріучить ихъ держаться порядочно». Варенька, старшая, вышла изъ этого стѣшенія, но еще очень-недавно и невольнѣ: она видѣла, что, сближаясь съ отцомъ, она отдалится отъ матери, и не могла этого эдымать по чувству своего сердца; она понимала, что часто ласка была бы молчаливой жалобой, или молчаливымъ утѣшеніемъ: она надеялась и ждала, что настанетъ когда-нибудь время и эти два существа, которыхъ, любя равно, она не смѣла судить, сойдутся сами собою, оцѣнятъ другъ друга... Варенькѣ было семнадцать лѣтъ; она не рассчитывала, что имъ давно прошла пора понять и оцѣнить другъ друга...

Къ-счастью, отецъ добрый и простой, отгадалъ даже деликатную холодность дочери. Онъ видѣлъ всю печаль, которая скрывалась за блестящей обстановкой въ разсчитанномъ и спокойномъ проведеніи времени въ его домѣ, и ждалъ, чѣмъ все кончитъ судьба. Потому онъ былъ истинно-счастливъ, узнавъ о любви Вареньки и Каранова. Ему хотѣлось скорѣе жить въ этой новой семьѣ. Его непыльное воображеніе представило ему много картинъ домашняго счастья, а сердце привязалось къ нимъ... Каково же было ему замѣтить, что Анна Дмитріевна хлопотала только о томъ, какъ бы все скорѣе и полнѣе разрушить.

Вотъ въ чемъ обвинялъ онъ ее и Шатровскаго... особенно Шатровскаго, къ которому, какъ къ мужчинѣ, добровольно-валявшему на себя все мелкія низости женской интриги, Николай Петровичъ почувствовалъ глубочайшее презрѣніе. Не рѣшась еще что дѣлать, Николай Петровичъ избѣгалъ оставаться съ нимъ вдвоемъ,

чтобъ не сказать что-нибудь необдуманно, затрудняясь говорить съ человѣкомъ, котораго не хотѣлъ бы видѣть.

Наканунѣ, случайно, онъ видѣлъ всю сцену съ подаркомъ Юрина. Проходя мимо комнаты Вареньки, онъ услышалъ голосъ жены и остановился... Нѣсколькихъ словъ ему было довольно.

Онъ ушелъ къ себѣ, заперся и обдумывалъ.

«Если они хотятъ завести дѣло далеко, то надо предупредить ихъ, рѣшилъ онъ:—но предупредить такъ, чтобъ имъ ужъ больше ничего не оставалось дѣлать».

Какъ человѣкъ положительный, Николай Петровичъ уснулъ крѣпко; поутру сильная мѣра, на которую онъ рѣшился, какъ-будто испугала его: онъ яснѣе вообразилъ весь переворотъ, который долженъ былъ совершиться въ его домѣ, и склонилъ голову... Есть несчастья, которыхъ не замѣчаютъ, или, замѣчая, осмѣиваютъ; каковы они, надо спросить тѣхъ, кто ихъ выносятъ. Вся жизнь Николая Петровича была такимъ несчастьемъ, но именно оно дало ему мужество, именно оно внушило ему простыя, самоотверженныя слова.

— Пусть по-крайней-мѣрѣ она, мое милое дитя, проживетъ свой вѣкъ покойно...

Его любовь возвышалась до самой нѣжной предупредительности: узнавъ, что Варенька спитъ, онъ написалъ Карзанову, прося его прѣхать сейчасъ же для очень-важнаго дѣла.

— Проснется, моя душка, и обрадуется, сказалъ онъ самъ себѣ со слезами на глазахъ.

Случилось, что Карзанова не застали дома: онъ ушелъ въ поле, и записка дождалась его почти до одиннадцати часовъ, такъ-что Анна Дмитриевна ужъ вставала, когда онъ прѣхалъ.

Шатровскій поспѣшилъ къ ней съ этимъ извѣстіемъ и былъ допущенъ въ уборную.

— Твой мужъ посылалъ къ нему, прибавилъ онъ, довершая непріятное изумленіе сестры. — Карзановъ прошелъ въ кабинетъ.

— Ты не знаешь, зачѣмъ? спросила Анна Дмитриевна, теряясь.

— Еслибъ я зналъ! отвѣчалъ Шатровскій смѣясь, потому-что его забавляло затрудненіе друга или врага, затрудненіе всякаго, кромѣ своего собственнаго. — Кончено, милая моя Аннета, тебѣ остается положить оружіе...

— Оставь свои шутки, возразила она. — Не-уже-ли ты ни о чемъ не хочешь подумать серьезно?

— Если ты мнѣ укажешь на что-нибудь серьезное—съ удоволь-

ствиемъ : я готовъ думать, анализировать, сочувствовать... что еще прикажешь ?

— Я вѣчно была и буду одинока ! вскричала Анна Дмитриевна, бросаясь на диванъ.

У нея навернулись слезы. Шатровскій видѣлъ, что это была досада, а не горе; но то и другое ему было все-равно; онъ не любилъ слезъ, потому-что слезы — сцена.

— Полно, Аннета ! сказалъ онъ, лѣниво пересаживаясь рядомъ съ нею.—Какія славныя ручки ! дай поцаловать. Не сердись. Все это вздоръ и развяжется само-собою.

— Никакой рѣшительности, никакой энергій ! вскричала она.

— Да въ чемъ же я буду геройствовать, сдѣлай милость ? я дѣлаю, что могу. Вчера сказалъ Юрину, что Варенька отъ него безъ ума, что ты побранила ее, зачѣмъ она держится какъ ребенокъ и не умѣетъ скрывать своихъ чувствъ.

— Ты сказалъ это ? А онъ ?

Шатровскій разсмѣялся опять.

— Ты не обидишься, Аннета ?

— Говори, ради Бога, я внѣ себя, и не знаю, что дѣлать.

— Онъ ничего не отвѣчалъ, а немного погодя спросилъ, сколько вы можете дать приданаго за Варенькой.

— Это отвратительно ! вскричала Анна Дмитриевна.

— Вотъ, сказалъ хладнокровно Шатровскій, а хвалишься благородіемъ ? Надо же жить чѣмъ-нибудь.

— Юрину ?

— Ну, да, Юрину. Право, Аннета, ты какъ-будто не хочешь понять, что лучше если Юринъ будетъ свататься и справляться о приданомъ, нежели если онъ вовсе не будетъ свататься.

— Что жъ ты ему отвѣчалъ ?

— Что ничего не знаю. Я и въ-самомъ-дѣлъ не знаю.

— Мы можемъ дать немного...

— Ну, это послѣ, сказалъ Шатровскій.—А вотъ что еще теперь говоритъ твой мужъ Карзанову...

— Не знаю, что дѣлать ! вскричала Анна Дмитриевна, стремительно вставая.

— Сейчасъ тебя позовутъ, моя милая Аннета, и ты услышишь официально : «Другъ мой, господинъ Карзановъ дѣлаетъ честь нашей дочери, просить ея руки...»

— Alexis, ты съ ума сошелъ !

— А дочь бросится къ твоимъ ногамъ : — «*Maman, je t'aime et je suis aimée...*»

— Alexis!

— Можеть-быть, и самъ господинъ Карзановъ преклонить колѣни...

— Поди вонъ я оставь меня въ покоѣ!

— Повинуюсь, отвѣчалъ Шатровскій кокоча.—Прощай, я уйду къ себѣ.

— Зачѣмъ?

— Жнутъ у меня, сестрица: нуженъ господскій глазъ.

— Ты меня выводишь изъ терпѣнія!... Alexis, ради Бога, поди и узнай, постарайся узнать, что тамъ дѣлается... Хоть бы Юринъ пріѣхалъ скорѣе!

— Зачѣмъ? чтобъ было два жениха на-лицо?

— Чтобъ остановить какъ-нибудь это глупое объясненіе... Ступай туда, удержи при себѣ Вареньку, не давай имъ сходиться.

— Одѣвайся и приходи сама, сказала, выходя, Шатровскій.

Въ залъ онъ встрѣтилъ Домникова. Старикъ только-что пріѣхалъ и казался сильно встревоженъ.

— Очень-радъ, что вижу васъ, Алексѣй Дмитричъ, заговорилъ онъ; надѣюсь, вы, какъ благородный человекъ, не откажетесь принять участіе... я вздиль къ вамъ, мнѣ сказали, вы здѣсь. Совсѣмъ измучился, нравственно и физически, можно сказать... Никогда не ожидалъ!

— Чѣго? спросилъ Шатровскій, усаживаясь у открытаго окна и доставая сигару, потому-что въ эту минуту подали кофе.

— Не хочу, братецъ, мнѣ не до того, сказалъ Домниковъ, отталкивая поднось. — Просто, неблагородное дѣло!.. Я радъ, что мы одни, Алексѣй Дмитричъ. Вы вообразите, что сдѣлалъ со мною Юринъ. Помните, я вамъ говорилъ, что онъ переписалъ свою расписку въ тысячу рублѣхъ, а долженъ былъ мнѣ двѣ—помните?

— Ну хорошо, помню.

— Хорошо. Я долженъ былъ, значить, съ него получить тысячу наличными? я и получилъ триста. Вчера пріѣзжаю къ нему утромъ за остальными. «Какія, говоритъ, остальные? я вамъ отдалъ». Слышите — отдалъ! Я сначала думаю, шутка; потому-что какому благородному человеку прійдетъ на мысль... я говорю: — «Вы шутите, Леонидъ Васильичъ, а мнѣ необходимо, и потому прошу васъ, какъ было между нами условлено... Что жъ онъ? Съ чего же вы взяли, какія условія? Вы забыли сколько вы пе-

ребраши, изъ уха выжили...» Словомъ сказать, Алексѣй Дмитричь, шестьдесятъ-четыре года мнѣ, въ жизнь мою не слыкалъ, чтобъ кому-нибудь бывало такое оскорбленіе!.. Что жь, я говорю, не-уже-ли же я вамъ долженъ отдать мой домъ, усадьбу, три двора крестьянъ за тысячу рублей? Помните, я остаюсь ни съ чѣмъ! А я провзжалъ еще мимо своего-то дома... Камня на камнѣ не оставилъ, злодѣй, все разломалъ; кирпичный сарай тамъ, гдѣ комнаты были; въ саду на лучшей опортовой яблони качели повѣшены... березы — ни прутика! Злодѣй, я говорю, злодѣй!.. Леонидъ Васильичъ, я говорю, побойтесь Бога, вѣдь я безъ кука остаюсь... Я вамъ скажу, Алексѣй Дмитричь, что я, признаться, выдержать не могъ, я ему тутъ напомнилъ, что ему самому, можетъ-быть, придется въ крайности быть, что вѣдь на все Божья воля!...

— Ну, много надо, чтобъ Юрину дойти до крайности, сказалъ Шатровскій.

— Батюшка, Алексѣй Дмитричь, потому-то я и говорю! Если ужъ одному человѣку страшно подумать сдѣлать такое дѣло, такъ богатому оно и подавно: кажется, ужъ ограждены! Такъ вотъ, нѣтъ.

— Вы такъ и сказали Юрину?

— Алексѣй Дмитричь, продолжалъ старикъ, выпрямляясь предъ нимъ сколько могъ и дрожа отъ волненія:—я не знаю, какъ вы такой поступокъ назовете. Отказаться отъ долга, выгнать человѣка изъ дома, это... это нехорошо-съ! Конечно, дѣлай онъ въ тысячу разъ хуже, этотъ мальчишка, обманывай, прижимай, тащи проценты какъ отецъ его, скупай по аукціонамъ ключки — мнѣ ровно ничего, что на него стануть пальцами показывать! Я самъ покажу! развѣ мнѣ его жалко? Пусть добрые люди узнають, каковъ онъ! А вотъ какъ останешься, что ни кола, ни двора, а въ карманѣ одна росписка этого обманщика, такъ и тяжело-съ! Вотъ, что тяжело, Алексѣй Дмитричь, вотъ отчего...

Онъ остановился, удерживая слезы.

— Вѣдь дѣваться нѣкуда! договорилъ онъ шопотомъ.

— Вы живете у Карянова... сказалъ Шатровскій.

— Такъ-съ, дай Богъ ему здоровья, все-равно, что свой родной. Но все же вѣдь это приставнице, а не свой уголъ: вѣдь стыдно.

— Вы хотѣли перевхаться въ городъ.

— Не съ чѣмъ, батюшка! Одно осталось: продать кому-нибудь расписку этого... за что дадутъ.

— Не совѣтую вамъ это дѣлать.

— Что жь мнѣ дѣлать-то? Развѣ потому не совѣтуете, что никто ничего за нее не дастъ: вся совѣсть этого Юрина гроша не стоитъ.

— Вы знаете, Петръ Ивановичъ, что онъ мой знакомый, и здѣсь онъ такъ принятъ... сказалъ Шатровскій, боясь, чтобъ кто-нибудь не услышалъ возгласовъ старика.

— Я затѣмъ къ вамъ и спѣшилъ, Алексѣй Дмитричъ: вѣрите ли, вчера весь день въ полѣ пропадалъ! тяжело, скучно, стыдно... Вы вслѣдъ видите Юрина, поговорите ему, отецъ-благодѣтель, на васъ одна надежда, авось усовѣстите!

Старикъ смотрѣлъ ему въ глаза, ожидая отвѣта. Шатровскій крошилъ хлѣбъ и бросалъ его за окно птицамъ.

— Я въ такихъ отношеніяхъ съ Юринымъ, отвѣчалъ онъ, что мнѣ невозможно взяться за такое щекотливое дѣло. Вы, можетъ-быть, въ-самомъ-дѣлѣ забыли сколько взяли у него... Да чего лучше: попросите вступить за васъ Карзанова.

Домниковъ отвернулся и сталъ ходить по залу. Шатровскій наслаждался чистымъ утреннимъ воздухомъ и потому не обратилъ вниманія на неровную походку, рѣзкія движенія и жесты старичка, что въ другое время, конечно бы, его позабавило, но теперь онъ былъ занятъ поединкомъ двухъ воробьевъ, которые отнимали одинъ у другаго брошенный имъ кусокъ хлѣба.

— Алексѣй Дмитричъ, давайте играть! сказалъ старикъ, рѣшительно подойдя къ нему.

— Давайте, отвѣчалъ Шатровскій.

— Сейчасъ, да знаете, отчаянную, чтобъ ужь мнѣ что-нибудь воротить... Наличныхъ нѣтъ-съ; будете вы играть на расписку вашего друга?

— Пожалуй, сказалъ Шатровскій; для меня это вѣрныя деньги.

Шатровскій такъ занялся, что и не видалъ сестры, которая вошла.

— Ужъ за картами! вскричала она, не отвѣчая на поклонъ Домникова. Что жь это такое, Alexis? Когда я просила.

— Это странно, Аннета. Что же мнѣ дѣлать, и какое мнѣ дѣло? Не могу же я идти туда и наблюдать.

— Ты могъ бы помѣшать, еслибъ вошелъ.

— Благодарю. Очень-пріятно быть лишнимъ.

Анна Дмитріевна отошла. Каждая минута, каждое слово только усиливали ея гнѣвъ и смущеніе. Она прохаживалась по пустымъ комнатамъ, отдавала приказанія, зашла въ дѣтскую и въ классъ, оставляя вездѣ за собою разстройство. Но она не отворила дверей къ Варенькѣ и не спросила о ней, проходя мимо.

Впрочемъ, выражая такое совершенное равнодушіе къ дочери, Анна Дмитріевна думала только о ней. Анна Дмитріевна привыкла предпринимать однѣ крайнія мѣры, и терялась теперь, видя что онѣ невозможны. Она раскаявалась, что промедлила и раньше не отказала Карзанову отъ дома подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Еслибъ теперь рѣшилась войти въ кабинетъ, она понала бы на объясненія; а вчерашняя твердость Вареньки доказывала, что побѣда осталась бы не на сторонѣ Анны Дмитріевны. Еслибъ даже и удалось Аннѣ Дмитріевнѣ разрушить все, отказать Карзанову, то Юринъ, котораго она ожидала, могъ захватить на эту сцену и такъ хорошо понялъ бы, что Варенька любитъ Карзанова, что ужъ ничего не осталось бы ожидать... Съ другой стороны, медлить, молчать, а Николай Петровичъ самъ можетъ позвать ее и дочь, и все-таки доведетъ объясненіе до нрѣзда Юрина. Надо помѣшать какъ-нибудь, молчать и не объясняться... но до которыхъ поръ?

— Alexis, сказала Анна Дмитріевна брату, совершая свое путешествіе по комнатамъ: — какъ рано хотѣлъ прѣхать Юринъ?

— Не знаю.

— По-крайней-мѣрѣ, ты не замѣтилъ, какъ онъ расположенъ объясниться? есть ли надежда, что это будетъ скоро?

— Ничего не знаю, отвѣчалъ нетерпѣливо Шатровский.

— Разговоръ шелъ пофранцузски, чтобъ Домниковъ не могъ его понять, но тотъ былъ въ такомъ положеніи, что не понималъ ничего.

Волненіе Анны Дмитріевны достигло крайней степени: ея нравственныя страданія сдѣлались почти физическими; чтобъ успокоиться чѣмъ-нибудь, она положила на судьбу, рѣшилась устыться на мѣсто, заняться, чтобъ развлечься.

Она сѣла въ свои кресла на террасѣ, открыла рабочій ящикъ и позвонила.

— Попросить ко мнѣ Варвару Николаевну.

Черезъ минуту ей доложили, что Варвара Николаевна хотѣла идти къ ней, но ее приказалъ просить Николай Петровичъ.

Работа выпала изъ рукъ Анны Дмитріевны.

Вчерашний вечер казался Варенькѣ тяжельмъ сномъ, но, припомнивъ все, Варенька нашла, что ей не въ чемъ упрекнуть себя, и это возманіе придадо ей твердость; оно же и оправдывало эту твердость, потому-что доброе сердце дѣвушки было готово назвать ее нечувствительностью.

— Впрочемъ, сказала она сама себя, чему же я не повинуюсь? мнѣ ничего не запрещали... Боже мой, нѣсколько часовъ, много значать! Маменька огорчила меня, но она могла одуматься... Мысль, что ее когда-нибудь разлучать съ Карзановымъ ужасала ее сильнѣе нежели когда-нибудь. Варенька рѣшилась защищать свою любовь, защищать ее до послѣдней возможности, слезами, словами, просьбами; вспоминая, оцѣнивая то, чего она могла лишиться, она сильнѣе чувствовала, что это счастье ей необходимо. Варенька уже довольно видѣла и испытала; она знала, что нужно для этой жизни, которая идетъ день за день подъ одною кровлею, для двухъ существъ, связанныхъ другъ съ другомъ до гроба; она знала, что можетъ радовать въ этой жизни, что отравляетъ ее; ранняя опытность придавала чувству дѣвушки какой-то восторженный расчетъ, который, объясняя чувство, дѣлалъ его прочнѣе и достоинѣе уваженія. Это было не увлеченіе молодой головы, а благоразуміе горячо-любнцаго сердца; оспоривать его было бы невозможно.

Но твердость и благоразуміе еще не спокойствіе, когда мы молоды и зависимъ отъ другихъ. Варенька была взволнована; она не могла ничѣмъ заняться, не могла рѣшиться и выйти изъ своей комнаты. Въ эту минуту ее позвали къ отцу.

Испугавшись, не зная чего, она спросила, гдѣ Николай Петровичъ. Ей отвѣчали, что онъ у себя въ кабинетѣ съ Карзановымъ. Тогда вдругъ ей стало и страшно и весело, и она побѣжала, не заходя здороваться съ матерью.

Объясненіе Николая Петровича и Карзанова было очень-несложно. Николай Петровичъ самъ не думалъ кончить такъ скоро, хотя и твердо рѣшился. Въ первую минуту, увидя молодого человека, онъ оробѣлъ, попросилъ его притворить дверь и сѣсть, и задумался: ему показалось неловко выговаривать на объясненія, которыя, по принятому порядку, долженъ былъ бы начать самъ Карзановъ. Николай Петровичъ былъ готовъ долго молчать, еслибы его не прервалъ Карзановъ.

— Вы прислали за мной, сказалъ онъ. Что вамъ угодно? Вы встревожены, не случилось ли чего-нибудь?

— Еще ничего, слава Богу, отвечал Николай Петрович:—не... Вы знаете, как я васъ люблю и уважаю, мой любезный Михайло Семеновичъ, я вамъ скажу откровенно... я въ большомъ затрудненіи...

— Все, что и могу сдѣлать, прикажите — я готовъ.

— То-то и есть, что приказать я не могу. Мнѣ очень-тяжело, Михайло Семеновичъ. Вамъ, я думаю, рассказывать нечего мою жизнь: сами видѣли, да и я говорить не умѣю. Все это тяжело! Огорченіе за огорченіемъ... двадцать лѣтъ ..

Карзановъ не возражалъ.

— Совѣстно, право. Цѣлый свѣтъ скажетъ: безкарактёрность. Конечно, будь кто другой на моемъ мѣстѣ... Но не могу я, Богъ видѣть, не могу платить тѣмъ же, что мнѣ дѣлаютъ! Вышивать во что-нибудь... во что я вышиваюсь? Я воспитанія не получилъ, не знаю что и какъ нужно... Мое дѣло приготовить, чтобъ былъ кусокъ хлѣба у моихъ дѣтей — только.

— Вы себя не знаете, прервалъ Карзановъ.—Не обвиняйте себя, не мучьтесь напрасно. Вы такъ любите вашу семью...

— А ничего для нея не дѣлаю? возразилъ Николай Петровичъ. Я, вотъ, съ вчерашняго дня оглянулся... Много, много я виновать! Но хоть что-нибудь, а поправлю. Самъ-но-себѣ я ничего, по слову мое много значить.

Казалось, послѣдними словами Николай Петровичъ пробудилъ всю свою энергію.

— Вчера меня возмутили. Сначала я думалъ, приемъ этого Юрина шутка одна, ну, вапризь; теверъ вижу: дѣло далеко заходить, а богатство — великій соблазнъ...

Голосъ его задрожалъ; съ минуту еще Николай Петровичъ нерывался; потомъ сказалъ:

— Михайло Семеновичъ, любите ли вы Вареньку?

И долго-удерживаемыя слезы брызнули изъ его глазъ. Карзановъ, совершенно-счастливымъ, бросился ему на шею.

— Николай Петровичъ, вы знаете, давно! Вамъ было нечуждо, чтобъ я говорилъ...

— Для меня моя Варенька дороже всякихъ богатствъ, а васъ я люблю какъ роднаго сына... Богъ васъ благословить, говорилъ Николай Петровичъ, между-тѣмъ какъ молодой человекъ обнималъ его, какъ отца.

— Берегите ее, сдѣлайте, чтобъ она была счастлива, продолжалъ онъ со слезами вмѣстѣ радостными и горькими.—Я, отецъ,

только и могъ сдѣлать для ея счастья, что отдать ее другому; на васъ надѣюсь, не обманите...

— О, будьте увѣрены! прервалъ Карзановъ:—я знаю, что вы мнѣ отдаете.

— Она васъ такъ любить, продолжалъ Николай Петровичъ; Вчера, ее разогорчили Юринымъ.—Я слышу, она рыдаетъ, клянется матери, что любить только васъ... Много надо любить, Михайло Семенычъ, чтобъ столько вывести: умѣйте это ощутить...

— Я люблю не меньше, просто отвѣчалъ молодой человекъ.— Для меня также все бы кончилось въ жизни, еслибъ Варенька...

— Ну, довольно, довольно! вѣдь она ваша невѣста, прервалъ Николай Петровичъ, испугавшись печали, съ которой Карзановъ сказавъ свои послѣднія слова. Позовемъ ее, обрадуемъ...

Онъ приказалъ позвать Вареньку.

— А тамъ ужъ вмѣстѣ скажемъ матери.

— Такъ Анна Дмитриевна не знаетъ? спросилъ Карзановъ.

— Да вѣдь она ей мать! возразилъ Николай Петровичъ, забывая все отъ волненія и радости. Чтожъ она такое, если и теперь не согласится? Я ей прямо скажу: «гнѣвайся на меня, матушка, что я затѣялъ не спрося тебя, а только скажи, достанетъ ли у тебя духу разстроить ея счастье? Мы въ нихъ оживемъ!...» Господи, если есть на то Твоя воля!.. Варенька, вотъ твой женихъ... договорилъ онъ, обращаясь къ входящей дочери.

Радость была такъ велика и неожиданна, что Варенька только вскрикнула и обняла отца; она не могла сказать ни слова... Еслибъ Анна Дмитриевна видѣла эти объятія, поцалуи, слезы, можно бы подумать, что ея твердость не устояла бы...

— Зови мать! зови скорѣе! повторялъ Николай Петровичъ.

Въ счастья все кажется возможнымъ. Варенька растворила дверь въ залу, торопясь; она не остановилась на порогъ, хотя увидѣла, что Анна Дмитриевна была не одна.

Съ ней былъ Юринъ.

— Милая мама, поди къ намъ, сказала Варенька, поклонясь ему поспѣшно.

— Здравствуй, дитя мое, мы еще не видались, отвѣчала Анна Дмитриевна, заключая ее въ объятія. Тебѣ готовится удовольствіе. Поди возьми шляпку. Мсье Юринъ пріѣхалъ въ новомъ восхитительномъ *chaq-à-bancs* и зоветъ насъ кататься.

— Я не поведу, прервала Варенька. Благодарю васъ, но теперь...

— Знаю, я все знаю, тихо возразила мать, еще сильнѣе прижимая ее къ груди. Дѣла сердца потомъ, прежде исполнимъ то, чего требуютъ приличія. Отдѣлаемся поскорѣе. Карзановъ счастливъ, онъ подождетъ; ты счастлива — подожди.

— Это невозможно! возразила Варенька.

— *Patience, petite folle amoureuse*, минуту терпѣнія!

Никогда еще Анна Дмитриевна не обнимала дочери съ такимъ волненіемъ и нѣжностью.

— Это выше силъ моихъ! вскричала Варенька. Позвольте по крайней-мѣрѣ, я пойду, скажу...

Анна Дмитриевна надѣла на нее шляпку, накинула мантилью и увлекла за собою. Варенька не опомнилась, какъ ужъ была на крыльцѣ.

— Вдѣньте дѣлать набѣгъ на Сосновку, покуда Alexis здѣсь козыряетъ, сказала она, заставляя Вареньку первую сѣсть въ блестящій шарабанъ, вокругъ котораго давно суетился Юринъ; онъ ужъ исчезалъ изъ залы во время переговоровъ матери и дочери, беспокоясь только о томъ, чтобъ онъ не отказались.

— *Vous me permettez de reconduire?* спросилъ онъ любезно.

Хотя было нѣсколько непонятно, чего хотѣлъ Юринъ, но Анна Дмитриевна изъявила согласіе. Юринъ вспрыгнулъ на козлы, размахивая бичомъ и своимъ бѣлымъ бурнусомъ и шарабанъ помчался.

Анна Дмитриевна декламировала изъ Лермонтова о счастья мчаться по степи на черногривомъ конѣ... Она была довольна, ей удалось еще выиграть время.

Можно вообразить удивленіе Николая Петровича и Карзанова, когда, черезъ минуту, отворивъ дверь кабинета и спросивъ объ Аннѣ Дмитриевнѣ и Варенькѣ, онъ получилъ въ отвѣтъ:

«Уѣхали-съ».

Николай Петровичъ былъ пораженъ. Карзановъ взялъ фуражку.

— Кажется, мнѣ больше не должно здѣсь оставаться, сказалъ онъ, почти задыхаясь отъ гнѣва и горя. — Прощайте, Николай Петровичъ.

Онъ оглянулся, какъ оглядываются, прощаясь съ мѣстомъ, которое оставляютъ навсегда.

— Радъ Бога, для меня оставайтесь! сказалъ Николай Петровичъ, удерживая его.

Молодой человекъ взглянулъ на него съ состраданіемъ.

— Не спѣшите, продолжалъ Николай Петровичъ: — вѣдь мы еще не кончили.

— Ужъ все кончено, отвѣчалъ Карзановъ.

— Нѣтъ, она возвратится... Видите ли, она спѣшила, ей было некогда, посторонніе могли помѣшать... Не угажайте, Михайло Семеновичъ.

— Не знаю, чего вы ждете, возразилъ Карзановъ, волнуясь еще болѣе отъ вѣткихъ словъ, которыми его хотѣли успокоить.

— Не понимаю, какъ вы можете еще ошибаться, когда я, восторгой, вижу такъ ясно: Анна Дмитріевна выгоняетъ меня и не хочетъ знать, что вы придумали!..

— По-крайней-мѣрѣ не я виноватъ: не я у васъ отнялъ ваше счастье, отвѣчалъ Николай Петровичъ сквозь слезы.

— Не вы, конечно, сказалъ молодой человекъ, вставая съ мѣста съ отчаяніемъ.

Онъ прохаживался по комнатѣ, садился, вставалъ опять, хотѣлъ уйти и оставался. Это было истинное горе, горе, отъ котораго старѣютъ душою въ нѣсколько часовъ, потому-что въ нихъ припоминаются и проживаются всѣ надежды, всѣ планы, все будущее придуманное, любимое заранѣе, принятое къ сердцу такъ сильно, что ужъ не разъ казались настоящимъ. Но когда еще ему вообразился Юринъ, которому отдадутъ Вареньку—горе переню въ бышенство, кровь бросилась въ лицо Карзанова, и задыхаясь, онъ едва могъ проговорить:

— Я не умру, Николай Петровичъ.

И онъ вышелъ въ садъ, чтобы только быть одному и вздохнуть на свободѣ.

«Надо дожидаться, надо узнать рѣшительное слово», повторялъ онъ самъ себя, стараясь успокоиться, между-тѣмъ, какъ скорая ходьба только усиливала его волненіе.

Садъ напомнилъ ему прошлое и воспоминаніе еще болѣе его измучило. Усталый и раздражительный, онъ вошелъ на террасу; въ отверстіи окна гостиной мелькнули ему лица Шатровскаго и Домникова. Оба поклонились ему очень небрежно: Шатровской по своей необыкновенной неучтивости, старикъ потому, что для него шло дѣло о жизни и смерти. Карзановъ вошелъ въ гостиную, усѣлся въ углу и взялъ книгу. Читать онъ, конечно, не

могъ. Смотря на строки, которыхъ не понималъ, Карзановъ слушалъ свою собственную мысль и машинально прислушивался къ тому, что дѣлалось кругомъ.

Вдругъ его поразили восклицанія игроковъ, непохожія на обыкновенныя междометія преферанса. Какой-то испугъ заставилъ Карзанова встать съ мѣста.

— Что это? спросилъ онъ, подходя къ столу.

— Да, такъ лучше, рѣшительнѣе! отвѣчалъ Домниковъ, выдвигая карту впередъ, между-тѣмъ, какъ Шатровскій приписывалъ къ длинному столбцу своего выигрыша.

— Помилуйте, Петръ Иванычъ, что вы дѣлаете?

— Одинъ конецъ, возразилъ старикъ, блѣднѣя и улыбаясь, какъ помѣшанный.

— Но у васъ ничего не остается...

— Знаю-съ, отвѣчалъ онъ, впившись глазами въ свою карту:— это послѣдняя...

Шатровскій молча тасовалъ карты; Карзанова такъ поразило разстройство и странныя движенія старика, что онъ не обратилъ вниманія на лживое хладнокровіе Шатровскаго и сказалъ ему на ухо:

— Оставьте его; посмотрите, на что онъ похожъ.

Шатровскій поднялъ глаза и разсмѣялся:

— Оставьте его, повторилъ Карзановъ:— шутка заходитъ далеко.

— Какая шутка? спросилъ Шатровскій, вспыхнувъ.

— Шутка, потому-что вы, конечно, не имѣете намѣренія...

— Что? извольте договорить.

— Обыграть его, договорилъ Карзановъ, вспыхнувъ тоже и тутъ только вспомнивъ съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло.

— Что жъ, вы думаете, я даю ему урокъ? прервалъ Шатровскій:— я никому не даю уроковъ и никому не позволяю давать ихъ себѣ.

— Такъ вы полагаете, что хорошо дѣлаете?

— А вамъ угодно дѣлать мнѣ замѣчанія?

— Мнѣ угодно знать, съ какою цѣлью вы играете.

— Кто вамъ далъ право вмешиваться? вскричалъ Шатровскій, продолжая тасовать карты.

— Когда въ маіяхъ глазахъ происходятъ подобныя вещи...

— Что вы находите особеннаго въ этихъ вещахъ?

— Я не имѣю намѣренія оскорблять васъ, возразилъ Карзановъ, вдругъ удержавшись:— но считаю себя вправе удерживать васъ отъ поступка, въ которомъ вы сами расклетесь, если только...

— Что, «если только?..»

— Если только вы думаете когда-нибудь о ваших поступкахъ, отвѣчалъ Карзановъ.

— Обдумывайте ваши собственные, милостивый государь!

— Я очень-хорошо ихъ знаю.

— Вы не знаете кому сдѣлать дерзость и обращаетесь съ нею ко мнѣ...

— Когда я вижу, что пользуются слабостью чловѣка...

Отчаянное восклицаніе Домникова прервало обоихъ : его послѣдняя карта проиграла. Старикъ не слышалъ спора, не слышалъ ничего, но въ эту минуту, когда оборвалась его послѣдняя надежда, онъ не выдержалъ, вскрикнулъ и, хватившись за голову, упалъ въ кресла.

Можетъ-быть, въ душѣ Шатровскаго пробудилось бы какое-нибудь чувство при видѣ этого лица за минуту блѣднаго, теперь почти посинѣлаго, и дрожащихъ рукъ, которыя протянулись къ нему подавая расписку, но предъ Шатровскимъ былъ свидѣтель, и отвратительное чувство ложнаго стыда заставило его переломить первое движеніе, а послѣ перваго движенія у Шатровскаго ужъ не бывало другихъ. Напротивъ, увидя презрѣніе, негодованіе въ глазахъ Карзанова, Шатровскій счелъ обязанностью держаться «прилично».

— Кажется, здѣсь еще не достаешь... проговорилъ Домниковъ:— еще держась двумя пальцами за свою расписку

Шатровскій взялъ расписку, великодушно провелъ щеткой по остальному своему выигрышу, и даже поклонился.

Старикъ всталъ и побрелъ къ дверямъ.

— Куда же вы? останьтесь обѣдать. Сестра пріѣдетъ сейчасъ, сказалъ ему вслѣдъ Шатровскій.

Домниковъ сѣлъ у дверей и зарыдалъ.

— Нищій!.. проговорилъ онъ, и вдругъ, вскочивъ, выбѣжалъ изъ комнаты.

— Нужна привычка, чтобъ выдерживать подобныя сцены, сказалъ Карзановъ.

— Я, кажется, ужъ имѣлъ честь предупредить васъ, что не позволяю дѣлать себѣ замѣчаній, сказалъ Шатровскій.

— Я и не дѣлаю ихъ; я вижу, что они будутъ совершенно бесполезны: у васъ рѣдкая, ничѣмъ невозмутимая натура.

— Господинъ Карзановъ, вы въ домъ моей сестры.

— Мое мнѣніе о васъ не касается вашей сестры.

— Одно близко другаго; совѣтую вамъ не забывать этого!

— Не вижу надобности помнить.

— Можете быть увѣрены, что сестра пойметъ это иначе... отвѣчалъ Шатровскій, схватившись вдругъ за мысль, что эта ссора служила намѣреніямъ Анны Дмитріевны.

— Вы точно ребенокъ хвалитесь, что вамъ есть кому жаловаться, сказалъ Карзановъ.

— Моя сестра, конечно, приметъ сторону...

— Брата, который до копейки обыгралъ бѣдняка, почти сумашедшаго...

— Милостивый государь!...

— Я не беру назадъ моихъ словъ.

— Понимаете ли вы цѣну этихъ словъ?

— Какъ-нельзя-лучше.

— Понимаете ли, что они могутъ вамъ дорого стоить?

— А сколько? спросилъ Карзановъ, ожидая вызова.

— Зная ваши отношенія къ моему семейству, къ Варенькѣ...

— Не мѣшайте не въ ваше дѣло!

— Вы понимаете, однако, что мое вліяніе...

— Я васъ презираю!

— Messieurs... сказала Анна Дмитріевна, появляясь предъ ними, потому-что, ссорясь, молодые люди дошли до дверей.

— Annette, ты очень-кстати!

— Я полагаю, напротивъ, возразила она съ достоинствомъ, между-тѣмъ, какъ въ глазахъ ея сверкнула радость. Я могу только выразить мое удивленіе, что застаю васъ еще здѣсь, мсье Карзановъ.

— Мнѣ необходимо объясниться съ вами, отвѣчалъ онъ.

— Теперь, я думаю, это совершенно-безполезно. Дожидаясь меня вы приготовили развязку сценъ, которой я не была намѣрена начинать; все чтò вы хотѣли сказать, уже сказано...

— Я еще ничего не говорилъ вамъ.

— О, ни слова! довольно того, чтò я слышала. Я понимаю значеніе слова «семья», мсье Карзановъ; еслибъ даже я не имѣла другихъ причинъ не желать, чтобъ вы принадлежали къ моей семьѣ, то одна вражда Alexis и ваша...

— То-есть, еслибъ г. Шатровскій не доставилъ вамъ предлога отказать мнѣ, вы были бы въ большомъ затрудненіи, а теперь вы ему благодарны? прервалъ Карзановъ. — Вы и не разбираете каковъ

этотъ предлогъ? Это дѣлаетъ честь вашей родственной любви!... Какъ рассчитаетесь вы съ вашей совѣстью за счастье вашей дочери— это ваше дѣло... А вамъ, г. Шатровскій, не совѣтую встрѣчаться со мною.

Онъ вышелъ.

Анна Дмитриевна была жемольно поражена. Она ожидала болѣе кротости отъ своей жертвы.

— Victoire! вскричалъ Шатровскій, когда въ залѣ затихли шаги Карзанова. Ну, гдѣ Варенька, гдѣ Юринъ?

— Дай мнѣ оправиться, отвѣчала Анна Дмитриевна.— Все это сдѣлалось такъ скоро. Варенька была глупа до крайности, молчала, едва не плакала. Поездка вышла нестерпимая; и еслибъ не это неожиданное обстоятельство... Я не знаю, какъ благодарить тебя, Alexis. Ты мнѣ расскажешь подробности.

— Такъ ты мною довольна? Но гдѣ же всѣ?

— Варенька убѣжала къ себѣ плакать, конечно, искать утѣшеній у тѣтушки.

— О, тѣтушка теперъ неопасна!

— Напротивъ, кто знаетъ на чтѣ она способна?... Поди, Юринъ вѣрно тебя ищетъ... Какъ бы не встрѣтилъ онъ Карзанова.

— Нѣтъ. Но подумай, что тебѣ будетъ трудно сладить такъ, чтобъ Юринъ ничего не замѣтилъ. Семейныя сцены всегда глупы, а тутъ могутъ выйдти и такія, что отнять у Юрина всякую охоту свататься; онъ, наконецъ, пойметъ въ чемъ дѣло.

— Твоя правда, сказала Анна Дмитриевна, совершенно теряясь.

— Такъ, пожалуй, все погибнетъ, продолжалъ Шатровскій, нахотя удовольствіе волновать ее. Придется, можетъ быть, пожалѣть и о Карзановѣ.

— Я не знаю, чтѣ мнѣ дѣлать, Alexis.

— Успокойся. Поди въ свою комнату, скажись больной, я увезу къ себѣ Юрина.

— Ты спасаешь меня другой разъ сегодня! вскричала она, заключивъ его въ объятія.

Черезъ минуту Юринъ, пройдя въ гостиную, засталъ одного Шатровскаго, который объяснилъ ему, что съ сестрой вдругъ сдѣлалось дурно.

— Должно-быть, отъ жара, отъ ажитаціи, договорилъ онъ. Мужъ теперь ухаживаетъ оволо нея. Вареньки тоже не увидимъ цѣлый день. Тоска — всѣ эти женскія вѣжности!

— Тоска, подтвердилъ Юринъ.— А что, Варенька тоже нервозна?

— Сохрани Богъ! Да при нервной матери некогда нѣжничать. Что намъ тутъ дѣлать? поѣдемъ ко мнѣ.

Испугавшись скуки, Юримъ не заставилъ себя просить и вскорѣ въ домъ Николая Петровича затихли послѣдніе звуки человѣческихъ голосовъ, потому-что все семейство находилось порознь, по своимъ комнатамъ.

IV.

Прошло три дня. Какъ извѣстно, тишина — принадлежность всякаго порядочнаго дома, а наружное спокойствіе — свойство всякаго порядочнаго человѣка. Въ домъ Анны Дмитріевны было тихо, и всѣ казались спокойными. Одни дѣти удивлялись, когда снимали со стола приборъ Вареньки, но гувернёръ, человѣкъ понимающій, укрощалъ ихъ любопытство выразительнымъ: «Still!» и все приходило въ порядокъ. Анна Дмитріевна съ покорностью, хотя и съ сознаниемъ своего достоинства смотрѣла на Николая Петровича, котораго «грубая натура не забывала голода». Настасья Петровна не смѣла отказываться отъ обѣда.

Варинька сдерживала слово: она защищала свою любовь.

Николай Петровичъ объяснился съ женою... Это объясненіе было очень-сложно и продолжительно. Была одна минута, въ которую Анна Дмитріевна воскликнула, что сейчасъ пошлетъ за Карзановымъ, что если она только, она одна виновница общаго несчастья... Но этой минутой не воспользовались и не могли воспользоваться, потому-что, послѣ своего восклицанія, Анна Дмитріевна упала безъ чувствъ, а тутъ было ужъ не до Карзанова.

Всякое утро несчастная мать спрашивала дочь, когда она перестанетъ мучить ее своими слезами. Всякое утро дочь отвѣчала матери, что, кажется, слезы ея основательны. Анна Дмитріевна просила по-крайней-мѣрѣ не плакать при ней. Варенька сказала, что не будетъ выходить изъ своей комнаты.

Всего болѣе оскорблялась Анна Дмитріевна тѣмъ, что мужъ далъ слово Карзанову, не спросивъ ея. Николай Петровичъ возражалъ, что ее давно спрашивали. Она говорила, что еще не успѣла рѣшиться, что теперь она одурочена. Мужъ просилъ ее разобрать, кто одуроченъ больше: онъ или она, и наконецъ рѣшиться сдѣлать счастье Вареньки. Анна Дмитріевна была такъ сильно взволнована, что не могла ни о чемъ думать въ такомъ положеніи. Ее умоляли простить... Она падала въ обморокъ.

Приходя въ себя, она говорила, что чувствует себя не въ-стояннн запрещать что-нибудь; что понимаетъ какъ незначительнъ голось, какъ мала и ненужна ея власть, и что, слѣдовательно, могутъ обойтись и безъ ея согласія. Ничего подобнаго не приходило на мысль ни Варенькѣ, ни Николаю Петровичу. Эти слова вызывали новыя сцены. Одинъ разъ Николай Петровичъ сказалъ дочери :

— Выходи замужъ, Варенька; я тебя благословлю, а мать простить.

— Я сама никогда не прощу себя, возразила Варенька.

Анна Дмитріевна вскричала, что не хочетъ этой борьбы великодушія.

Эти сцены могли бы быть разсказаны подробнѣе, но къ-чему подробности? Есть два мнѣнія (давно или недавно-установленныя—какая нужда?): одно изъ нихъ говоритъ, что описаніе подобныхъ подробностей грѣшитъ противъ искусства тѣмъ, что представляетъ сряду однѣ печальныя картины, утомительныя своей печалью и своимъ однообразіемъ; другое мнѣніе утверждаетъ, что эти описанія грѣшатъ противъ истины; что того нѣтъ въ жизни, что является въ романѣ; наконецъ, что есть охотники составлять себя жизнь по романамъ и что, пожалуй, они могутъ увлечься печатными примѣрами... На сколько все это вѣрно, какія картины жизни принадлежать и не принадлежать искусству, обязано ли оно сглаживать и скрашивать, что складывается сложнѣе: неожиданная жизнь или романъ, и кому прійдетъ въ голову рядиться въ героевъ романа—все это вопросы слишкомъ-затруднительные... Для чего поднимать ихъ въ простомъ разсказѣ?

Подробности были, въ-самомъ-дѣлѣ, однообразны. Онѣ не измѣняли ужъ одинъ разъ установившихся отношеній дѣйствующихъ лицъ; они не подвигали самаго дѣйствія ни впередъ, ни назадъ; въ нихъ ужъ не было, или не казалось ничего рѣзкаго—такъ велика и страшна сила привычки ко всему, даже къ тому, что терзаетъ сердце; сердце ужъ не страдаетъ, оно только становится хуже, потому-что его хладнокровіе не есть терпѣніе. Горе ужъ не волнуешь, не возмущаетъ; оно понемногу примѣшиваетъ ко всему свой вѣдкій осадокъ, понемногу закрываетъ тѣнью всю жизнь...

Это продолжалось болѣе недѣли.

— Чѣмъ все это кончится? говорила Настасья Петровна, когда Варенька приходила къ ней поздно ночью.

— Это кончилось, отвѣчала Варенька, глядя въ открытое окно.

— Твое предсказаніе сбылось. Я могу быть женой Караанова, если хочу и если не боюсь прогнѣвить мою мать на всю жизнь... Что же, останемся вотъ такъ, вмѣстѣ... Еслибъ только жизнь не была такъ долга!

Случалось, что, измучась и наплакавшись, она засыпала на постели тѣтки, которая сидѣла надъ ней до утра.

— Ради Бога, говорила Варенькѣ утромъ Анна Дмитриевна, страдая нервами и лежа въ креслахъ: — вы ни во что считаете мои слова, не нарушайте, по-крайней-мѣрѣ порядка, который я желаю имѣть въ этомъ домѣ, пока я еще существую въ этомъ домѣ; спите въ вашей комнатѣ, не дайте дѣтямъ понять, что можно безнаказанно своевольничать, постыдитесь людей...

Если Настасья Петровна, безмолвно сидя за своими пальцами, поднимала глаза, когда Анна Дмитриевна проходила по комнатѣ, къ ней обращались съ вопросомъ:

— Что вамъ угодно?

И на обычное: «ничего-съ», Анна Дмитриевна отвѣчала всегда удаляясь:

— Я думаю!.. кажется, больше нѣчего, все сдѣлано.

Анна Дмитриевна видимо желала, чтобъ ее считали за умирающую. Ея прощанія вечеромъ съ меньшими дѣтьми могли уложить въ постель и не нервнаго человѣка.

Иногда, замѣтя въ зеркалѣ, что ея губы достаточно обтянулись, а взглядъ сдѣлался достаточно-неподвиженъ, Анна Дмитриевна останавливалась предъ Варенькой и стояла до-тѣхъ поръ, пока бѣдная дѣвушка съ горькими слезами, не выговоривъ слова, бросалась ей на шею; тогда Анна Дмитриевна поспѣшно удалялась и, запираясь на ключъ въ своей комнатѣ, предоставляла Варенькѣ полную свободу плакать и умолять у дверей позволенія войти. Это позволеніе послѣдовало только одинъ разъ. Горничная отворила Варенькѣ, которая въ одну минуту была ужъ на колѣняхъ предъ изнеможенной Анной Дмитриевной.

— Чего ты отъ меня хочешь? спросила она слабымъ голосомъ.

— Мама, ты знаешь...

— Подожди, ты скоро будешь свободна!..

— Скажи мнѣ, все ли я сдѣлала, что должно было сдѣлать? спросила Варенька тѣтку, прибѣгая къ ней. Права ли я передъ нимъ?

Но тѣтка успокоивала ее напрасно; Варенька бралась за

всѣ средства; ея просьбы и мольбы были отвергнуты; съ отцомъ Анна Дмитриевна даже не говорила; онъ былъ печаленъ и разстроенъ не менѣе самѣй Вареньки. Она рѣшилась на послѣднее.

«Онъ бы не захотѣлъ этого — сказала она сама себѣ, но все равно».

Варенька вздумала написать Шатровскому. Она не имѣла понятія о его ссорѣ съ Карзановымъ, а Шатровский не пріѣзжалъ всю эту недѣлю.

Въ тотъ день, когда Шатровский получилъ эту записку, всю смоченную слезами, исполнилось два мѣсяца его пріѣзда въ деревню.

Тотъ же посланный вручилъ ему пакетъ отъ Анны Дмитриевны. Это было не письмо, а скорѣе дневникъ, который она писала, находя необходимымъ высказываться. Онъ не относился собственно ни къ кому и начинался словами : « Душа моя слишкомъ-полна»...

Шатровский расхотался. Онъ повертѣлъ со всѣхъ сторонъ эти три листа почтовой бумаги, отыскивая конецъ, или что-нибудь похожее на дѣло. Ему мелькали восклицательные знаки, строки точекъ, цитаты на разныхъ языкахъ ; наконецъ на листкѣ, очевидно послѣднемъ, было написано поперегъ : «Пріѣзжай сію минуту».

— Кланяйся, скажи что я самъ прійду, закричалъ онъ посланному, не поднимаясь съ дивана.

Едва Шатровский оставался дома сряду нѣсколько дней, какъ диванъ дѣлался его постояннымъ жилищемъ, и оставить его стоило ему большаго труда. Шатровский повертѣлъ еще письмо сестры, прочелъ отрывкомъ нѣсколько фразъ, посмѣялся и, бросивъ все, заключилъ размышленіемъ :

— Охота поднимать столько шума изъ пустяковъ ! Эти женщины во всемъ видятъ драму. Чѣмъ я могу разрѣшить ея опасенія, сомнѣнія, ожиданія и прочее? Не схватить же мнѣ Юрина за горло и сказать ему : сватайся !.. Юринъ не кажется главъ во мнѣ; до него, можетъ-быть, ужъ дошло, что дѣлается у нея въ домѣ.

Шатровский еще не кончилъ думать, какъ вошелъ Юринъ. Онъ былъ одинъ, безъ братца, весь въ черномъ и нѣсколько разстроенъ.

— Только-что о тебѣ думалъ ! вскричалъ Шатровский ему на встрѣчу.

Юринъ довольно-холодно пожалъ ему руку.

— Скажи, что съ тобой сдѣлалось ?

— Кажется, я больше вправѣ это спросить, отвѣчалъ Юринъ.

— Вы не бываете у меня, а ваши меня не принимаютъ.

— Какъ это такъ? возможно ли?

— Вы понимаете... Я столько друженъ съ вами, Шатровский...

— Помилуй, мы говорили другъ другу ты... Мнѣ больно...

— Не знаю, больно ли тебѣ или нѣтъ, а еслибъ я не любилъ тебя, еслибъ еще не другая причина... то, конечно, не сталъ бы и спрашивать. Чтѣ мнѣ за дѣло, что твой зять не говоритъ со мной, но если онъ будетъ выбѣгать самъ почти на крыльцо и кричать, чтобъ меня не принимали — это ужъ изъ рукъ вонъ!

Дѣйствительно, Николай Петровичъ рѣшился сдѣлать это два раза въ-теченіе послѣднихъ бурныхъ десяти дней. Какъ ни на-скоро прочелъ Шатровский письмо сестры, но могъ понять, что она объ этомъ не знала. У него вдругъ мелькнула мысль. Разобравъ давно, что дума — лишняя забота, Шатровский не сталъ обдумывать, а рѣшился дѣйствовать по вдохновенію, радуясь, что на этотъ разъ оно освѣтило его такимъ блестящимъ лучомъ и явилось въ такихъ забавныхъ образахъ.

— Разыграемъ маленькій водевиль, подумалъ онъ — удастся — хорошо, не удастся...

— Ты ко мнѣ на весь день? спросилъ онъ Юрина.

— Да, если отношенія наши не перемѣнились.

— Съ чего имъ перемѣняться, помилуй!

— А съ того, что ты долженъ знать, какая муха укусила твоего зятя, сестру... почему я знаю!

— Полно, что о нихъ хлопотать.

— Для меня это важнѣе, нежели ты думаешь.

Шатровский притворился, что не слышалъ.

— Чтѣ?

— Досадно, въ-самомъ-дѣлѣ! ты точно не хочешь меня познать, вскричалъ Юринъ.

— Я понимаю, что ты голоденъ, и мы сейчасъ будемъ завтракать.

— Я думаю, что когда человѣкъ знакомъ, человѣкъ порядочнаго круга, образованный, ѣздитъ въ домъ, намѣренъ искать въ семействѣ — чтѣ тоже честь, а ему безъ всякихъ объясненій запруть дверь подъ носомъ...

— Ты былъ намѣренъ искать въ семействѣ?

— Ты самъ мнѣ сказалъ, что Варенька въ меня влюблена.

— Это дѣлаетъ честь твоимъ правиламъ, душа моя, сказалъ Шатровский съ достоинствомъ «благороднаго отца».

— Правиламъ моимъ, mon cher, это не дѣлаетъ чести, возразилъ Юринъ : — потому-что твоя племянница не первая дѣвочка, которая отъ меня безъ ума. Это вовсе не хвастовство, это совершенно въ порядкѣ вещей, какъ ты, надѣюсь, понимаешь.

— Понимаю, конечно. Въ твои лѣта и съ твоей наружностью... отвѣчалъ Шатровскій очень-серьёзно.

— Ну да. Изъ этого также не слѣдуетъ, чтобъ я самъ былъ въ нее влюбленъ ; въ мои лѣта ужъ было бы смѣшно ; я знаю жизнь не со вчерашняго дня...

— Охъ ты, шалунъ ! сказалъ Шатровскій смѣясь.

— Шалунъ ! отъ этихъ шалостей такъ старѣешься сердцемъ, что... ну все-равно. Я просто, хотѣлъ жениться порядочно, благородно, какъ это дѣлается въ свѣтѣ. Все, кажется, прилично ; воспитаніе наше ровно, mesalliance быть не можетъ. Я рассчиталъ по пальцамъ все свое будущее.

— И ты хочешь меня увѣрить, прервалъ Шатровскій : — чтобъ все это дѣлалось по расчету ? чтобъ тутъ, на сердцѣ, все было холодно какъ ледъ ?

— Еслибъ было и горячо, возразилъ Юринъ : — такъ въ мои лѣта въ этомъ не признаются.

— Но мнѣ, другу ?

— Тебѣ, другу, я скажу... Глупо, досадно... На другихъ бы я не посматрѣлъ, что меня не стали принимать, а тутъ Варенька,...

— Ты бы подождалъ еще дня два, покуда Вареньку совѣтъ сосватаютъ.

— Сосватаютъ ? за кого ? вскричалъ Юринъ съ увлеченіемъ, котораго нельзя было предполагать въ отжившемъ человѣкѣ.

— Ты видѣлъ у нихъ Карзанова ?

— Чтò ты говоришь ? быть не можетъ !

— Чтò жъ дѣлать ? родители !

— Но она, она сама ?..

— Она... сказалъ Шатровскій, доставая изъ изъ кармана записочку Вареньки, въ которой, какъ онъ хорошо помнилъ, не было именъ собственныхъ. Она вотъ чтò.

— Дай сюда, покажи, ради Бога !

Должно признаться, что Юринъ, «испытавшій все и разочарованный», еще въ жизнь свою не получалъ записки отъ женщины и не имѣлъ понятія, какъ выражается любовь женщины порядочнаго круга. Смятая, но изящная бумага, небрежный и красивый

почеркъ Вареньки, два-три отчаянные слова, которыя Юринь не могъ удержаться, чтобъ не продекламировать, произвели на него обаяніе, какое производитъ на пансіонерку чтеніе перваго романа.

«Дядя (писала Варенька). Не знаю за что, но вы сдѣлали мнѣ много вреда; поправьте его, спасите меня, уговорите маменьку. Пріѣзжайте сегодня, я расскажу вамъ все. Вы меня мучили шутя, но вы не знаете моего несчастья».

— Милое, возвышенное созданіе! вскричалъ Юринь, перечитавъ эти три строки и не зная, какъ восторженіе выразить свой восторгъ. — Въ чемъ же она упрекаетъ тебя, безчеловѣчный, что ты сдѣлалъ противъ нея?

— Право не знаю, отвѣчалъ Шатровскій, совершенно-довольный успѣхомъ своей выдумки. — Она вздыхала по тебѣ; отецъ прочилъ ей Карзанова, я... что же мнѣ дѣлать? я смѣялся.

— Ты рѣшительно, человѣкъ безъ всякаго чувства! Но, наконецъ, мать кажется, женщина благоразумная...

— Милый мой, прервалъ Шатровскій: — именно потому, что сестра женщина благоразумная, она не позволитъ дочери увлечься ни на чемъ неоснованнымъ чувствомъ.

— Но ты знаешь, что я...

— Видишь ли, продолжалъ Шатровскій, прервавъ его опять, чтобъ убѣдить сильнѣе: — эти аристократки не терпятъ увлеченій. Ты, я думаю, самъ знаешь, что въ вашемъ кругу все должно идти чинно и прилично. Что за странную фигуру представляетъ въ обществѣ дѣвушка, у которой сердце уязвлено, воображеніе взволновано... ну, и прочее? У нея на лицѣ написана безнадежная страсть; она неловка, неигрива, она проигрываетъ на каждомъ шагу. Что прикажешь дѣлать съ такимъ несчастіемъ?.. *Mon cher, c'est ridicule*, и всякая благоразумная мать обязана заботиться и спасти дочь.

— Что жъ за спасеніе отдать ее Богъ-знаетъ за кого?

— Не шути Карзановымъ, онъ не Богъ-знаетъ кто, возразилъ Шатровскій, почерпая въ своей ненависти силы хвалить врага. — Онъ отлично образованъ; изъ ихъ школы неучи не выходятъ; занимаетъ видное мѣсто, конечно, въ провинціи, но вѣдь мѣста въ провинціи болѣе значать чѣмъ въ столицахъ...

— И Вареньку запруть въ какомъ-нибудь губернскомъ городѣ! вскричалъ Юринь.

— Что жъ дѣлать, *mon cher*: — запрешь поневолѣ. Она най-

дета, она умна : заведеть свой кругъ знакомства ; посмотри, сдѣлаеть свою гостиную... свой salon.

Шатровскій поправился, рассчитавъ на эффектъ слова.

— Сдѣлаеть свой salon приближимъ всего, что найдется лучшаго ; о ней будутъ говорить въ столицахъ ; а тамъ мужъ перейдетъ служить въ Петербургъ...

— Ты ужь распоряжаешься какъ-будто она замужемъ, преваль Юринъ.

— Надо же тебѣ растолковать.

— Развѣ ужь совсѣмъ рѣшено ?

— Почти... отвѣчалъ Шатровскій, тономъ, способнымъ вывести изъ терпѣнія, что и удалось ему совершенно.

— Почти, но еще не совсѣмъ ?

— Еще не совсѣмъ.

— И дѣло стало... за чѣмъ же ?

— Сколько разъ повторять тебѣ ? за отказомъ Вареньки. Ты читалъ записку ?

Юринъ прочелъ ее опять и хотѣлъ спрятать.

— Дай ее сюда, сказалъ Шатровскій : — это надо еще показать матери.

— Зачѣмъ, что за вздоръ ? вскричалъ Юринъ, удерживая записку.

— Затѣмъ, что оставить ее тебѣ, значитъ компрометировать мою племянницу, возразилъ Шатровскій очень-серьезно. Я и безъ того имѣлъ глупость открывать тебѣ ея чувства, чего бы не долженъ дѣлать. Ты знаешь, что еслибъ я поступалъ какъ должно, то мнѣ слѣдовало бы вовсе не такъ держаться съ тобою. Вѣдь ты не отречешься, что ухаживалъ за Варенькой ?

— Конечно, отвѣчалъ Юринъ, сконфуженный сначала и ободренный тотчасъ шуточнымъ тономъ своего друга.

— И много говорилъ ей, когда оставались одни ? Вѣдь ты профессоръ этого дѣла !

— Ну да, подтвердилъ Юринъ, прохаживаясь въ волненіи.

— Слѣдовательно... я не говорю, чтобы ты былъ виноватъ, чтобы ты завлекалъ ее; но вѣдь не совсѣмъ же и правъ ты, въ самомъ-дѣлѣ ! Но сестра моя, женщина до-того пропитанная аристократическими идеями... (оно и понятно : связи, родство, привычки цѣлой жизни) она бы вѣкъ мнѣ не простила, еслибъ знала то, что я говорю тебѣ теперь ; она бы назвала это ловлей жениха, навязываньемъ—почему я знаю ! она способна упасть въ

обморокъ отъ одной мысли... Вотъ тебѣ и причина почему тебя не принимаютъ.

— А какъ жениха, примутъ меня? спросилъ Юринъ покраснѣвъ, потому-что колебался между желаніемъ вступить въ аристократическое семейство и неопредѣленной нерѣшительностью.

— Развѣ ты намѣренъ свататься? спросилъ Шатровскій съ отлично-сыгранннмъ ииумленіемъ.

— А что жь?

— Ничего.

— Нѣтъ, развѣ я не могу свататься?

— Я тебѣ не мѣшаю.

— Но, наконецъ, не стою я твоей племянницы? развѣ что-нибудь такое... мое воспитаніе, надѣюсь, мое положеніе въ свѣтъ, развѣ все это не выдержать сравненія съ ихъ Карзановымъ?

— Конечно, перевѣсь состоянія...

— Ты какъ-будто находишь, что это невозможно; точно будто скрываешь что-нибудь.

— Ничего, увѣрю тебя.

— Нѣтъ, право? ты не находишь, чтобъ мое сватовство было бы неловко, неприлично?

— Я ничего не нахожу.

— Честное слово?

— Честное слово. По-мнѣ, я очень-радъ принять тебя въ родство.

— Въ такомъ случаѣ, я тебя прошу, ѣдемъ сейчасъ и объяснись за меня съ Анной Дмитріевной:

— Отъ души радъ, изволь, отвѣчалъ Шатровскій, будто колеблясь, замѣтивъ, что отъ его нерѣшительности Юринъ дѣлался рѣшительнѣе.

Шатровскій отправился поправить свой туалетъ. Возвратясь въ гостиную, онъ нашелъ Юрина у окна и въ размышленіи.

— Что, раздумалъ? спросилъ Шатровскій.

— Ты съ ума сошелъ.

— Такъ ты только задумался, какъ слѣдуетъ влюбленому; хорошо. Ну, *le coup d'étrier*, и поѣдемъ.

Шатровскій налилъ бокалы, оставшіеся на столѣ, гдѣ они завтракали.

— Желаю успѣха! сказалъ онъ, смѣясь и выпивая свой.—Но точно ли рѣшился ты, дорогой мой пріятель!

— Шатровскій, отвѣчалъ важно Юринъ: — я не ребенокъ, и прошу васъ это помнить. Если я на что рѣшился...

— А рѣшился, такъ рѣшился. Пей свой бокалъ, если рѣшился, и ѣдемъ.

Дорогой Шатровскій подумалъ, что прїездъ и предложеніе Юрина произведутъ на все семейство эффектъ бомбы, тѣмъ болѣе совершенный, что положеніе дома и состояніе умовъ жителей было вполнѣ похоже на положеніе осажденнаго города. Эта мысль чрезвычайнѣе его позабавила, и чтобъ скрыть улыбку, онъ принялся напѣвать разныя арии, между-тѣмъ, какъ Юринъ былъ погруженъ въ созерцаніе природы и мечтанія, какъ слѣдуетъ влюбленному.

Воображеніе нарисовало Шатровскому суматоху, которая неизбѣжно поднимется, когда они прїѣдутъ и, главное, когда начнутся объясненія. Что-то будетъ? какъ выйдетъ Анна Дмитриевна изъ всѣхъ предстоящихъ затрудненій?

— Ахъ, кто знаетъ? заключилъ Шатровскій.

Раздумывать было ужъ въ-самомъ-дѣлѣ поздно: экипажъ оставился у крыльца.

— Дома Николай Петровичъ?

— Уѣхали въ городъ.

— А сестра?

— У себя.

Въ комнатахъ была совершенная тишина. На террасѣ, въ гостиной, въ залѣ никого, ни даже Настасьи Петровны за пальцами; сѣмья пальцы исчезли.

— Подожди, я отыщу кого-нибудь, сказалъ Шатровскій, отправляясь во внутреннія комнаты.

Юринъ сълъ смотрѣть кипсеки, какъ слѣдуетъ человѣку порядочному. Никогда еще эта гостиная не казалась ему такой нарядною и не поражала его столько своею величавой чинностью. На всемъ видѣлъ онъ такой аристократическій лоскъ, котораго ему такъ сильно и напрасно хотѣлось добиться у себя. Юринъ былъ одинъ; оставаясь одинъ, онъ позволялъ себѣ сознаваться; въ настоящую минуту сознаніе дошло до горечи и заставило его почти трепетать отказа, который показался ему возможнымъ.

«Эти важныя барыни!..» проговорилъ онъ.

Ему захотѣлось опять показать презрѣніе, по-крайней-мѣрѣ пренебреженіе къ этому досадному блеску, этому обидному хо-

рошему тону. Ему не раз случалось такъ утѣшаться, но тогда это бывало при людяхъ, въ кругу пріятелей, раздосадованныхъ и обиженныхъ, какъ онъ самъ, утѣшителей пристрастныхъ, слѣдовательно жаркихъ и легко-успявающихъ. Но Юринъ былъ одинъ... Оглянувшись, вспомнивъ свой полуразоренный, неубранный домъ, онъ выразилъ свое негодованіе энергическимъ восклицаніемъ, въ которомъ досталось и людямъ и судьбѣ :

«Вѣкъ свой проживешь не почеловѣчески!»

Изъ чего, однако, не слѣдуетъ, чтобъ онъ хотѣлъ нешутя перемѣнить свои привычки въ чемъ-нибудь, кромѣ убранства дома, и чтобъ аристократическое супружество могло имѣть какое-нибудь влияние на его образъ жизни. Юринъ давно рѣшилъ, что не терпитъ женъ-гвѣзенокъ.

Потомъ онъ подумалъ немного о своей будущей женѣ и выразилъ эту мысль словами :

«Jolie personne!»

Причемъ онъ посмотрѣлся въ зеркало, вообразивъ ее подлѣ себя, въ шляпкѣ съ перьями и дорогой шали, нарядную какъ для свадебнаго визита, и пріятно улыбнулся, подумавъ какое впечатлѣніе произведетъ извѣстіе : «Юринъ женатъ» на нѣкоторыхъ его знакомыхъ...

Воспоминаніе объ этихъ нѣкоторыхъ знакомыхъ заняло у него еще нѣсколько минутъ : стало чего-то жаль, какъ-то скучно, но идея показать свѣту, что и онъ можетъ жениться, какъ-будто свѣтъ сомнѣвался въ этомъ когда-нибудь, эта идея скоро совсѣмъ овладѣла головой Юрина и онъ сталъ нетерпѣливо и почти съ безпокойствомъ ожидать своего друга.

Шатровскій отправился въ уборную сестры, гдѣ ее можно было всегда найти, когда стояли домашнія грозы. Все это утро Шатровскій былъ поэтически настроенъ и потому сравнилъ комнату Анны Дмитріевны съ пещерой Эола. Нѣчего и прибавлять, что онъ оставилъ для себя это сравненіе и вошелъ, скрывая даже улыбку.

Улыбка была бы некстати : Анна Дмитріевна полулежала въ креслахъ ; въ другихъ креслахъ сидѣла Варенька и горько плакала.

— Чтѣ съ вами дѣлается? спросилъ Шатровскій, которому стало досадно и непріятно.

— Alexis! произнесла съ воплемъ Анна Дмитріевна.

— Что такое? вы меня пугаете...

— Дядя!.. вскричала Варенька бросаюся ему на шею: — дядя, другъ мой, все зависить отъ васъ! Правда ли, что вы поссорились съ Карамовымъ?

— Убѣди ее, мнѣ она не вѣритъ, сказала съ отчаяніемъ Анна Дмитріевна.

— Вѣрю, продолжала Варенька: — но вѣдь это не смертельная ссора, не какая-нибудь ужасная обида—нѣтъ? Не правда ли? Маменька говорить, что отказываетъ ему только за это. Посмотрите, онъ пишетъ къ маменькѣ, вотъ его письмо, онъ просить дать ему объясниться... Дядя, я знаю, вы добры. Если и виноватъ онъ, вы ему простите, я за него буду у васъ просить прощенья, на колѣняхъ если хотите! Маменька говорить, что онъ сказалъ ей...

— Тысячу дерзостей, сударыня, тысячу дерзостей, послѣ которыхъ не бывають въ домѣ. А онъ смѣетъ еще писать мнѣ...

— Дядя, ради самого Бога!

— Alexis, ты не долженъ ее слушать!

— Я въ-самомъ-дѣлѣ не знаю кого слушать, сказалъ Шатровскій, сбитый съ толку. — Полно, Варенька, пощади мои нервы, другъ мой. Знаешь, очень-неловко вдругъ попасть на такую сцену.

Варенька остановилась какъ пораженная. Шатровскій тихонько посадилъ ее въ кресла.

— Дай мнѣ свою ручку, бѣдное дитя. Ты жестока съ нею, Аннета. Мы еще потолкуемъ. Но успокойтесь обѣ: я пріѣхалъ не одинъ, со мною Юринъ.

— Опять Юринъ, опять здѣсь! вскричала Варенька.

— Опять здѣсь, отвѣчалъ, улыбаясь, Шатровскій. — Вообрази, Аннета, Николай Петровичъ два раза не принялъ его этими днями.

— Знали вы это, или не знали? спросила Анна Дмитріевна, величественно вставъ и приближаясь къ дочери.

— Знала, отвѣчала Варенька, взглянувъ ей въ глаза: — я сама просила отказать ему.

— Извольте идти въ вашу комнату.

Варенька вышла молча.

— Такъ вотъ какъ идутъ у васъ дѣла! сказалъ Шатровскій дождавшись, чтобъ она затворила дверь. Нехорошо! очень-дурно, потому-что Юринъ пріѣхалъ дѣлать предложеніе.

— Чтò ты говоришь?

— Окончательно ; влюбленъ какъ-недѣля-лучше, увѣренъ, что и въ него влюблены.

— Alexis ! вскричала Анна Дмитриевна , заключая его въ объятія.

— Сдѣлай милость, не падай въ обморокъ ; впрочемъ, отъ радости не умирають.

— Ахъ, Alexis, возможно ли ? правда ли ? Какъ онъ сказалъ тебѣ ? Какъ это сдѣлалось ? Говори, ради Бога ! вѣдь это лучшая мечта всей моей жизни ! Расскажи мнѣ...

— Онъ лучше тебѣ самъ расскажетъ. Не забудь, онъ идетъ.

— Боже ! что дѣлать ? Ты видѣлъ самъ, возможно ли это теперь ?

— Я не ждалъ, что ты даромъ потеряешь двѣ недѣли, Аннета.

— Что жъ мнѣ было дѣлать ? я одна. Ты видишь—сумасбродство. Ты не можешь вообразить моихъ терзаній. Николлай Петровичъ невыносимъ ; тетушка... я не могу видѣть эту женщину ! Сейчасъ принесли письмо Карзанова...

— Что жъ мнѣ прикажешь дѣлать съ Юринымъ ? Его надо отослать домой ; не оставаться же ему здѣсь при такомъ порядкѣ вещей.

— Конечно... Скажи, что я больна.

— Онъ захочетъ видѣть Вареньку. Не показаться ему теперь, когда онъ хочетъ свататься, значить отказать.

— Твоя правда... Приведи его сюда.

— О великая женщина !

Пока Шатровскій отправлялся за своимъ другомъ, Анна Дмитриевна поправила свою кружевную *fanchon*, спустила шторы, проглотила нѣсколько капель какого-то лекарства, котораго ѣдкій запахъ разнесся по комнатамъ, смѣшавшись съ запахомъ цвѣтовъ, и опять легла въ свои кресла въ живописномъ утомленіи.

Юринъ шелъ къ ней, пораженный новизной своего приключенія ; онъ никогда не бывалъ въ дамскихъ уборныхъ. Видѣ самой уборной и ея обитательницы поразилъ его еще болѣе. Никогда величіе Анны Дмитриевны не казалось ему такъ недосягаемо, ея женственная грація такъ неотразима. Юринъ почувствовалъ себя какъ-то приятно, какъ-то больше того, чѣмъ онъ считалъ себя до-сихъ-поръ... Еслибъ онъ и не имѣлъ намѣренія жениться на Варенькѣ, эта минута рѣшила бы его участь.

— Извините бѣдную больную, мсьё Юринъ, заговорила Анна Дмитриевна, протянувъ ему руку, которой спущенными шторами при-

дзвали прозрачную блѣдность. — Я рѣшилась позвать васъ сюда, чтобъ еще разъ не лишиться удовольствія васъ видѣть хоть одну минуту... Я такъ больна. Мои всѣ потеряли голову. Сегодня по необходимости Николай Петровичъ уѣхалъ, а дѣтей я отослала гулять.

— A m-lle Barbe ?

— Ее прежде всѣхъ ! Cette pauvre enfant не спала всѣ ночи и всѣ дни сидѣла безъ воздуха. Я придумала имъ partie de plaisir въ сосѣдную деревню, визитъ къ кормилицамъ...

Анна Дмитріевна мило разсмѣялась и потомъ закрыла глаза отъ утомленія.

— Вы не увезете у меня Alexis ? спросила она, помолчавъ.

Шатровскій сдѣлалъ другу знакъ, что пора уходить. Юринъ находилъ, что еще рано, но счелъ благоразумнымъ послушаться совѣта человѣка, знающаго приличія, и всталъ откланяться.

— Я даже попрошу его остаться, сказалъ онъ : — и попрошу передать вамъ за меня то, чтѣ я теперь не могу высказать; онъ лучше выберетъ время и также передастъ мнѣ вашу отвѣтъ... Отъ него будетъ зависѣть моя участь...

— Какъ, отъ брата ?

— Отъ вашего отвѣта, сказалъ Юринъ, цалуя ручку интересной дамы и съ неподражаемой ловкостью скрываясь за портьерой.

Какъ театралъ, онъ зналъ тайну ловкихъ и эффектныхъ выходовъ. Шатровскій, впрочемъ, проводилъ его.

— Какъ знаешь, mon cher, какъ знаешь, говорилъ ему Юринъ : — сватайся и обдѣлывай дѣло. Прелесть, чтѣ такое твоя сестра. Пріятно, знаешь, все-равно, что свое родное, это порядочное общество. Немножко бы помоложе ей быть, такъ и конечно, можно сердце оставить...

— Вѣтренникъ, да вѣдь ты ужъ влюбленъ.

— Сколько лѣтъ Варенькѣ?... не скрывать, не скрывать ! Впрочемъ, отъ меня мудрено и скрыть. Женская красота до двадцати — и только.

— Варенькѣ семнадцать.

— Недурно.

Юринъ уѣхалъ. Шатровскій отправился къ сестрѣ.

— Говори, сказала торжественно Анна Дмитріевна, которую онъ нашелъ у дверей, въ ожиданіи.

Шатровскій разсказывалъ два часа безъ умолку. Анна Дмитріевна рѣшилась дожидаться мужа и тогда объявить обо всемъ Варенькѣ.

— Тебѣ поручено, сказала она брату : — слѣдовательно твои слова могутъ считаться официальными, даже должны такъ считаться... Какъ намъ быть съ приданымъ ?

— Юринъ еще не говорилъ о немъ ни слова.

— Такъ, возразила Анна Дмитріевна : — но я хочу чтобъ все было прилично. Развѣ... Но она не согласится.

— Кто *она* ?

Анна Дмитріевна была сильно занята своей мыслью ; она, казалось, что-то разсчитывала и отвѣчала брату только, когда онъ повторилъ вопросъ :

— Ты не знаешь этого, Alexis : у Настасьи Петровны было маленькое имѣніе ; она давно продала его Николаю Петровичу подъ предлогомъ, что сама не можетъ имъ управлять... У старыхъ дѣвъ манія казаться неопытными, беззащитными; къ-тому же она съ своей крестной матерью странствовали по свѣту: имъ было не до имѣнія. Но вотъ годъ, какъ она пришла жить къ намъ. Между разговоромъ однажды я спросила (осторожно, конечно, я для этого довольно-деликатна): какіе у нея средства къ жизни, чтобъ дать ей понять, что надо же чѣмъ-нибудь обезпечить и тѣхъ, у кого мы живемъ. Я была почти увѣрена, что у нея ничего нѣтъ, потому-что онѣ жили въ свое удовольствіе. Она точно будто не поняла меня, засмѣялась очень-глупо и отвѣчала, лаская дѣтей, что, конечно, я ей позволю вообразить себя богатой тетушкой, на которую могутъ разсчитывать наследники. Ты знаешь, какъ она запутанно выражается, особенно если конфузится, не знаю чего. Боялась ли она, что я у нея потребую чего-нибудь, хотѣла ли понѣжничать—не знаю. Потомъ я узнала, что у нея цѣль ея капиталъ и, вѣроятно, она не издерживаетъ всего, что съ него получаетъ.

— Такъ что жъ ты думаешь сдѣлать ? спросилъ Шатровскій.

Неизвѣстно почему, но Анну Дмитріевну нѣсколько смутилъ этотъ простой вопросъ. Шатровскій продолжалъ, вовсе не потому, чтобъ хотѣлъ вывести ее изъ затрудненія, а потому, что такъ пришло въ голову.

— Она могла бы отдать эти деньги на приданое Вареньки.

— Ты понимаешь, что я не скажу ей ни слова, вскричала Анна Дмитріевна, находя приличнымъ одушевиться. О! я слишкомъ-горда, чтобъ унизиться до просьбы предъ женщиной которая...

— Она, кажется, любитъ Вареньку, сказалъ спокойно Шатров-

скій.—Живя у васъ, ей немного нужно : два черныя платья въ годъ...

— Я не попрошу у нея ничего, прервала Анна Дмитриевна. Я страстно люблю мою дочь, но не могу дойти до такого совершенства самоотверженія... Притомъ, мнѣ она откажетъ: она ненавидитъ меня! Еслибъ ты зналъ и могъ понять, Alexis, что я вынесла и какъ я бывала оскорблена!.. Одно ужъ то: вспомни вашу прогулку въ кабриолетъ: во что она нарядилась, чтобъ унижить меня при Юринѣ? чтобъ показать, какъ она жалка и бѣдна?.. Хорошо, что Юринъ благородень...

— Онъ и не замѣтилъ, сказалъ Шатровскій: — я самъ не понимаю.

— Растолкуй мнѣ, для чего это дѣлается? кому она бережетъ?.. А признаюсь тебѣ, чтобъ прилично устроить Вареньку, я буду въ большомъ затрудненіи... Одно средство: обратиться къ ней. Alexis, поговори съ ней; она не можетъ отказать тебѣ. Шалунъ!.. по-крайней-мѣрѣ пусть твоя шалость устроитъ счастье Вареньки.

— Ты приписываешь слишкомъ-много важности этой шалости, Аннета.

— Нисколько не слишкомъ. Развѣ ты не знаешь, что говорятъ?

И Анна Дмитриевна, очень-пріятно смѣясь, рассказала брату, какъ всѣ сосѣди толкуютъ о страсти Настасьи Петровны къ нему, привела нѣсколько подробностей, неизвѣстныхъ и самому Шатровскому, нѣсколько слуховъ, которыхъ онъ не опровергалъ, потому-что они льстили его самолюбію. Онъ хотѣлъ отъ чистаго сердца. Анна Дмитриевна настаивала только на томъ, что если онъ и не подалъ повода къ этой страсти, то все же не можетъ отрицать существованіе этой страсти, чрезвычайно-забвной, но въ настоящее время чрезвычайно-полезной. По мнѣнію Анны Дмитриевны, Настасья Петровна не могла отказать «другу, который одинъ во всемъ мірѣ бралъ въ ней участіе», находилъ, что она можетъ быть любима. Со стороны Шатровскаго, любовь была заслуга, за которую можно было требовать вознагражденія. Анна Дмитриевна такъ краснорѣчиво описывала безнадежное положеніе сердець старыхъ дѣвъ, ихъ радость, когда онѣ встрѣчаютъ *чувство*, что Шатровскій убѣдился, что въ-самомъ-дѣлѣ доставилъ старой дѣвѣ минуты блаженства, на которое она не могла рассчитывать и за которые должна быть благодарна.

— Положимъ, она страдала иногда, говорила Анна Дмитриевна: —страдала и отъ сомнѣній, и отъ невозможности полного счастья;

но въ тѣ минуты, когда ты увѣрялъ се, что она любима, развѣ она не блаженствовала!.. О, блаженствовала такимъ блаженствомъ, которому можно завидовать!

Настасья Петровна, въ эту минуту сидѣвшая у себя наверху, перешивая старую мантилью на ватѣ, конечно, не воображала, чтобъ ея положеніе было завидно.

Впрочемъ, она и совсѣмъ не думала о себѣ. Какъ существо одинокое и немелочное, она не привыкла заботиться ни о чемъ житейскомъ, никогда не хлопотала о себѣ, находя, что заботы объ одной собственной особѣ излишни, скучны и непростительны.

«Что напрасно беспокоиться!» говорила она иногда, когда посторонніе намекали ей на эту дѣтскую безпечность. «Есть у меня — хорошо, нѣтъ — такъ и быть, я обойдусь и безъ прихотей. Жизнь такъ коротка, начто напрасно тратить время!»

Это было странное и совершенно-натуральное противорѣчіе чувства, развитаго вполне, и жизни, испытанной вполонину. Кто понималъ его, тотъ ему удивлялся; кто не понималъ, тотъ смѣялся и осуждалъ... Непонимающихъ всегда больше на свѣтѣ.

Настасья Петровна ничего не знала о пріѣздѣ Юрина и Шатровскаго, и была очень удивлена, когда, услыша стукъ въ дверь и сказавъ: «войдите», увидѣла предъ собой Шатровскаго. Онъ былъ въ первый разъ въ ея комнатѣ; онъ рассчитывалъ на этотъ эффектъ, потому-что пришелъ, вполне убѣжденный сестрою въ любви старой дѣвы.

— Какъ мы давно не видались! сказалъ онъ, подавая ей руку.

— Давно, отвѣчала Настасья Петровна.

Шатровскій поцаловалъ ея руку и сѣлъ безъ приглашенія. Она молчала; ему стало неловко, или, вѣрнѣе, скучно начинать задуманную сцену, но эта сцена была неизбѣжно рѣшена Анной Дмитриевной. Шатровскій оглядѣлся кругомъ и, замѣтя, что хозяйка работаетъ, не обращая на него вниманія, какъ-будто вмѣсто его былъ одинъ изъ ея маленькихъ племянниковъ, рѣшился вызвать это вниманіе.

— Я не зналъ, какъ вы здѣсь помѣщаетесь, сказалъ онъ.

— Какъ видите, отвѣчала она.

— Уютно, тѣсно, скромно... это похоже на васъ.

Настасья Петровна не отвѣчала.

— Вы сердитесь на меня? спросилъ онъ, лоя ея руку.

— За что? спросила она, отклонивъ руку невнимательно и безъ замѣшательства.

— За то, что я пришел сюда?

Настасья Петровна взглянула на него съ улыбкой, которой онъ за ней еще не зналъ и которую ему стоило нѣкотораго труда объяснить и принять за любезную.

— Но вы сердитесь же за что-нибудь? продолжалъ онъ.—Право, я не виноватъ, я не могъ прѣхать раньше. Вы знаете, первую свободную минуту я отдаю вамъ.

— Чтò жъ васъ удерживало? спросила она, продолжала улыбаться.

— Чтò! признаться ли? я рассчитывалъ, что мы будемъ не свободны, не вмѣстѣ; я зналъ, что тутъ Богъ-знаетъ чтò происходитъ.

— Основательныя причины!

— О, не упрекайте меня въ эгоизмъ! Вы не хотите повѣрить, что у меня слишкомъ-впечатлительная натура, несносно-нѣжная натура! меня все можетъ измучить. Виноватъ ли я, что благо-разумно избѣгаю бесполезной борьбы?

— Правы, конечно, отвѣчала она холодно.

— Вы были огорчены, разстроены. Ваше горе лишило бы меня послѣднихъ силъ.

— У меня дурная память, сказала Настасья Петровна послѣ минутнаго молчанія, нѣсколько-затруднительнаго для Шатровскаго, но теперь вы напомнили мнѣ, кажется, первый вашъ разговоръ со мною...

— Я все помню!.. прервалъ Шатровскій со вздохомъ.

— Тѣмъ лучше, продолжала она спокойно. Вы сказали мнѣ тогда, что никакое истинное чувство не пройдетъ для васъ незамѣтно.

— Я доказываю это... прошепталъ Шатровскій.

— Что горе другихъ близко вамъ, какъ собственное, продолжала Настасья Петровна, не обращая вниманія на этотъ перерывъ: — вы и сейчасъ это повторили; но тогда вы говорили еще, что это чувство найдете въ васъ покровителя, а это горе — защитника. Чтò жъ вы сдѣлали теперь?

— Спрятался отъ обмороковъ моей сестры, отвѣчалъ онъ, смѣясь. Я былъ, конечно, слабъ, простите; но согласитесь, что испытаніе выше силъ...

— Я попрошу васъ говорить серьезно, возразила Настасья Петровна очень-холодно. Мнѣ давно хотѣлось объясниться, но также

не доставало ни силъ, не рѣшимости. Въ послѣдній разъ я васъ видѣла послѣ очень-непріятной исторіи.

— Какой исторіи? я ничего не знаю.

— Притворяться, право, не время, это наконецъ становится скучно. Мнѣ было очень-тяжело и горько въ этотъ вечеръ.

— Бѣдный другъ! снова прервалъ Шатровскій.

— Знаете ли, сколько нужно терпѣнія, чтобъ говорить съ вами? спросила она.

— Будьте терпѣливы до конца! вскричалъ онъ, схвативъ насильно ея руку и цалуя ее нѣсколько разъ. Что, въ самомъ дѣлѣ, цѣлый свѣтъ, сестра называетъ меня повѣсой; хоть вы поймите, что въ моемъ сердцѣ есть что-нибудь хорошее...

— Я не вступаюсь за себя, не останавливаю вашей дерзости, сказала она, между-тѣмъ, какъ на глазахъ ея навернулись слезы. Теперь все это ужъ ничего не значить. Вы счумѣли прибавить къ горю моей жизни еще горе, а сдѣлать это было трудно!.. Все-равно! Но вы даете мнѣ право высказаться, выразить, какъ я поняла васъ, объяснить вамъ, чтò могли вы сдѣлать хорошаго и сколько вы сдѣлали дурнаго...

— Я ничего не сдѣлалъ, возразилъ Шатровскій.

— Ваша правда, вскричала она: — не дѣлая съ виду ничего, вы допустили несчастье бѣдной Вареньки. Вы одни могли смѣло вступить за нее, растолковать вашей сестрѣ...

— Моей сестрѣ! повторилъ Шатровскій: — стало-быть вы не понимаете моихъ отношеній къ сестрѣ, стало-быть вы не хотите видѣть, что я избѣгаю столкновеній и стараюсь только, чтобъ она держала себя въ границахъ...

— Я вижу только, что вы угождаете ей во всемъ, сказала Настасья Петровна. Моя зависимость очень-велика; мои обязанности предъ женой моего брата тоже велики; мое положеніе очень-грустно, и тѣмъ грустнѣе, что въ немъ всякая жалоба, хотя бы основательная, кажется, мелочной и неблагородной. Даже теперь, повторяю, вступаясь не за себя, я боюсь, что меня поймутъ не такъ, что мои справедливыя обвиненія вашей сестрѣ за Вареньку будутъ приняты за желаніе какъ-нибудь выразить мою собственную досаду...

— Вѣдь вы говорите со мною, сказалъ Шатровскій нѣжно.

— Съ вами?.. А если я откровенно скажу вамъ, что васъ-то я и боюсь больше всего?

— Вы сомнѣваетесь въ моемъ чувствѣ?

— Въ какомъ, спросила она, взглянувъ на него съ холодной твердостью, которой онъ не ожидалъ.

— Въ какомъ?.. Это странно, однако... Въ моемъ чувствѣ къ вамъ.

— Назовите его, сказала она, продолжая смотрѣть попрежнему.

— Къ-чему послужить называть это чувство? оно невозможно! отвѣчалъ Шатровскій, наклоня голову.

— Я назову его, возразила Настасья Петровна: — потому-что вамъ самимъ, конечно, совѣстно въ немъ признаться; а мнѣ съ этой минуты, когда вы, наединѣ со мной, осмѣлились смѣяться мнѣ въ глаза, мнѣ ужъ нѣчего щадить васъ. Ваше чувство ко мнѣ было самонадѣянное притворство фата; вамъ хотѣлось забавляться... Ни слова больше! продолжала она, остановивъ Шатровскаго, который хотѣлъ возразить. Все, что вы можете сказать мнѣ, только прибавитъ къ оскорбленіямъ, которыя я стараюсь забыть... Теперь поговоримъ о Варенькѣ, сказала она, пройдясь по комнатѣ и возвращаясь на свое мѣсто.

— Вы меня не поняли, сказалъ Шатровскій въ смущеніи и досадѣ, внутренно бѣсясь на Анну Дмитріевну, которая доставила ему эту сцену.

— Я просила васъ не объясняться, сказала Настасья Петровна.

— Не могу же я молчать на оскорбленіе! вскричалъ Шатровскій, обижаясь болѣе-и-болѣе по-мѣрѣ-того, какъ чувствовалъ себя виноватымъ.—Вы несправедливы ко мнѣ; вы не хотѣли разобратъ, что чувство преданной дружбы очень-похоже... Вы приняли одно за другое...

— Старая дѣва была рада найти обожателя, прервала Настасья Петровна. Ради Бога, молчите! я готова простить васъ—прощаю... не напоминайте мнѣ ничего. Если я въ-самомъ-дѣлѣ такъ глупо ошибалась, простите мнѣ за то, что я вынесла, за то, что нѣтъ ребенка, который бы не смѣялся надо мною. Если вы въ-самомъ-дѣлѣ имѣли ко мнѣ сколько-нибудь дружбы и жалости, скажите, за что мучать Вареньку?

Шатровскій пожалъ плечами.

— Капризъ моей сестры, сказалъ онъ.

— Я знаю, что вы раздѣляете всѣ эти капризы, строго возразила Настасья Петровна: — повторяю вамъ: не притворяйтесь, пора перестать. Карзанову отказываютъ потому, что имѣютъ въ виду Юрина — такъ ли?

Шатровскій разсмѣялся.

— Можетъ-быть, сказалъ онъ : — я не посвященъ въ эти тайны.

— А онъ влюбленъ?

— И не думаетъ, сколько мнѣ достовѣрно-извѣстно.

— Сказали ли вы это Аннѣ Дмитріевнѣ?

— Изъ чего заводить напрасный разговоръ? Она меня не спрашивала. Что жъ касается до Карзанова, я нахожу, что причина отказа довольно-основательна.

— Причина, что Юринъ можетъ влюбиться, или что Карзановъ не нравится вамъ.

— Сколько предубѣждений у такого возвышеннаго чувства! сказалъ съ грустью Шатровскій. Богъ вамъ судья, вы много огорчили меня сегодня. Подумайте лучше хоть о моей сестрѣ. Карзановъ бѣденъ...

— А!..

— Мать хотѣла бы по-крайней-мѣрѣ сдѣлать дочери хорошенькое приданое... положимъ, прихоть, но прихоть матери. У нея еще четверо дѣтей кромѣ Вареньки; имѣетъ ли она право отнять у нихъ...

— И потому лучше рѣшается сдѣлать вѣчное горе Вареньки?

— У сестры все крайности, вы ее знаете; она не логична, отвѣчалъ Шатровскій. — Что она задумала...

— И это одно препятствіе?

— Увѣрю васъ, единственное.

Настасья Петровна встала, открыла одну изъ своихъ крошечныхъ шкапулокъ и достала изъ нея ломбардный билетъ.

— Вы не знали, что я богата? сказала она : — потрудитесь отдать это Варенькѣ, но только отъ вашего имени. Сохрани Боже, если она, братъ, или Анна Дмитріевна, узнаютъ, что это мое, она не возьметъ.

Шатровскій былъ пораженъ. Что-то похожее на странное раскаяніе схватило его за горло.

— У меня нѣтъ больше, отвѣчала она просто и хлопотливо, какъ говорила всегда, когда заботилась о другихъ. Вы дядюшка—прибавьте!

Ея голосъ звучалъ такой милой и добродушной просьбой; въ самой просьбѣ, въ желаніи найти товарища для своего поступка, выказывалось, что она такъ мало цѣнила этотъ поступокъ, что Шатровскій не могъ выдержать и, схвативъ ея руки, въ первый

разъ поцаловаль ихъ со всѣмъ чувствомъ, котораго стоила эта дѣвушка. Она тоже ласково и весело поцаловала его голову.

— Богъ съ вами! сказала она : — подите скорѣе, устройте мнѣ это дѣло, подите, не мѣшкайте ни минуты.

Она почти вывела его за дверь и, затворивъ ее, заперла на ключъ. Шатровскій остался одинъ на лѣстницѣ, съ билетомъ въ рукахъ.

Нѣсколько минутъ онъ не могъ опомниться. До-сихъ-поръ, всѣ его дурные поступки происходили отъ забывчивости, отъ нежеланія думать, отъ самолюбія, или были вызваны противорѣчіемъ другихъ ; что-нибудь, но оставалось неясно и вводило его въ сомнѣніе, или наталкивало его дѣлать дурно. Словомъ, до-сихъ-поръ Шатровскій могъ еще признать что-то въ родѣ судьбы въ своихъ дѣйствіяхъ; теперь, онъ видѣлъ, что ему оставленъ рѣшительный свободный произволъ; теперь онъ *зналъ*, что дѣлалъ и *могъ* выбирать. Теперь все постороннее наводило его только на хорошую дорогу, и покориться обстоятельствамъ, значило поступить хорошо... Ему стало неловко, стыдно, досадно, жаль Настасьи Петровны, жаль Вареньки. Еслибъ всѣ обстоятельства могли рѣшиться однимъ порывомъ, у Шатровскаго достало бы силы для этого порыва ; но, къ-несчастью, надобно было обдумывать; но, къ-несчастью, обстоятельства были слишкомъ-сложны, и чтобъ поправить ихъ, нужно было мужество.

«Сейчасъ уѣду въ Сосновку», вдругъ подумалъ Шатровскій, «возьму еще другой билетъ, заѣду къ Карзанову, извинюсь предъ нимъ, привезу его сюда... Николай Петровичъ до-тѣхъ-поръ возвратится — и все будетъ слажено...»

Эти размышленія Шатровскаго были похожи на размышленія маленькихъ дѣтей, запертыхъ за наказаніе въ темную комнату, гдѣ они придумываютъ что, вотъ, отворится дверь, войдетъ няня, принесетъ игрушки... и прочее...

Дверь въ-самомъ-дѣлѣ отворилась внизу темной лѣстницы : горничная Анны Дмитріевны пришла сказать, что барыня зоветъ братца къ себѣ.

Шатровскій вошелъ къ сестрѣ сильно взволнованный; онъ сълъ молча и бросилъ билетъ на столъ.

— Что это? спросила Анна Дмитріевна взявъ его. — Какъ, она отдала?... Ну, Alexis, поздравляю, ты дѣлаешь чудеса !

— Она велѣла, чтобъ я отдалъ его Варенькѣ, будто отъ себя, сказалъ Шatroвскій.

— Все-равно, ты могъ отдать и мнѣ... Все эффеkты — скрытое благодѣяніе. Или ты устроилъ такъ нарочно, чтобъ избавить меня отъ удовольствія благодарить ее?.. Какъ, однако, ты добръ, Alexis, безконечно, безмѣрно-добръ!

Анна Дмитріевна обняла его.

— Я никогда не забуду, проговорила она, едва дыша отъ сильнаго чувства.

Шatroвскій нѣсколько нетерпѣливо уклонился отъ ея объятій: они были ему непріятны; сама Анна Дмитріевна показалась ему непріятна.

— Заслуга вовсе не велика, Аннета.

— Конечно, счастливецъ! тебѣ она стѣдила нѣсколькихъ словъ.

— Повторяю, не велика, но стѣдила дороже.

— Чего же?

— Ты ни за чтѣ не считаешь тяжелое принужденіе, цѣлую сцену притворства.

— Oh, Alexis, brisons-là : ты говоришь фразы.

— Я говорю искренно : мнѣ было совѣстно... стыдно.

— Quelle idée !

— Она съ такой радостью отдала все, чтѣ имѣла.

— Значить, ты доставилъ ей случай выказать свое великодушіе; еслибъ это стѣдло ей сожалѣній, усилій — дѣло другое; еслибъ ты выпрашивалъ...

— Я обманулъ ее.

— Ты нестерпимый фразеръ, Alexis, и, кажется, рѣшилъ сегодня говорить одними полусловами, сказала Анна Дмитріевна, приходя въ волненіе. — Мы не комедію играемъ вдвоемъ; прошу тебя выражаться вразумительнѣе.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ Шatroвскій, вставъ съ дивана:

— Настасья Петровна дала мнѣ эти деньги съ тѣмъ, чтобъ онѣ пошли на приданое Вареньки, если Варенька выйдетъ за Карзанова, и потому...

Онѣ остановился.

— И потому?... повторила Анна Дмитріевна.

— И потому я далъ слово и долженъ сдержать его : настоять, чтобъ ты позволила Варенькѣ выйдти за Карзанова.

— Alexis, тебя ли я слышу? вскричала Анна Дмитріевна, будто громомъ пораженная.

— Меня.

— Нѣтъ; повтори, повтори, чтобъ я убѣдилась, что и ты, мой братъ, моя единственная опора въ міръ, мой лучший другъ, единственное симпатическое мнѣ существо...

Шатровскій невольно разсмѣялся.

— Ты смѣешься! чудовище!.. Боже! за что я встала оставлена? За что это вѣчное единство? За что я не понята? Притворщица, кокетка однимъ словомъ, одной лицемѣрной выходкой успѣваетъ болѣе, нежели я всѣмъ — довѣренностью, логикой, дѣтской покорностью, самопожертвованіемъ!.. Она — совершенная женщина, а я... я убита!

— Кончила ли ты? спросилъ Шатровскій, слыша, что у нея прервалось дыханіе.

— Скажи мнѣ, чего ты хочешь?

— Я собственно? — ничего; мнѣ все-равно.

— Чего же ты требуешь?

— Чтобъ ты отдала Вареньку за Карзанова, иначе мнѣ невозможно взглянуть въ глаза Настасьѣ Петровнѣ.

— Такъ ты простилъ Карванову?

— Мнѣ все-равно, пожалуй, если хочешь, прощаю! сказалъ торжественно Шатровскій.

— Но Юрицъ, другъ твой?

— Тысячу разъ говорю тебѣ, мнѣ все-равно. Одного не хочу я, чтобъ меня могла назвать обманщикомъ Настасья Петровна.

— Подите, отнесите ей назадъ эти деньги! вскричала Анна Дмитриевна, бросивъ билетъ на полъ.

— Не угодно ли вамъ самимъ это сдѣлать, возразилъ Шатровскій.

— Она не возьметъ ихъ отъ меня.

— Мнѣ все-равно.

— Такъ вы жертвуете мною этой женщино? мною, вашей сестрой?

— Избавь отъ фразъ, Аннета!

— Вы смѣтаете, вы презираете мною?.. О, вы жестоко ошиблись! Чѣмъ вы помогли имъ, что перешли на ихъ сторону? Что вы дѣлаете противъ меня? Смѣяться можно, дѣйствовать трудно!

— Очень-легко! сказалъ спокойно Шатровскій: — скажу Николаю Петровичу, скажу Карзанову, возьмемъ Вареньку и повѣщаемъ ихъ у меня въ Сосновкѣ...

Шатровскій не рассчиталъ страшныхъ послѣдствій своей угро-

зы, которую произнесъ не думая, а потому, что такъ вздумалось: Авна Дмитріевна упала на полъ, головой на мягкій диванчикъ.

— Ты убилъ меня! прошептала она, лишаясь чувствъ.

Шатровскій сломалъ голову китайца-колокольчика, призывая на помощь людей, потому-что его помощь была бесполезна, и когда комната наполнилась горничными, дѣтьми, когда вбѣжала Варенька, когда въ корридоръ послышались поспѣшные шаги Настасьи Петровны, онъ убѣжалъ, предоставляя на произволь судьбы сестру, Вареньку и все окружающее.

V.

Прошло еще нѣсколько дней, въ-теченіе которыхъ Шатровскій не заглядывалъ въ домъ сестры. Онъ заключился въ своей неприступной Сосновкѣ, забывая весь міръ, который надобъ ему своими женихами, слезами, обмороками, старыми дѣвами и прочимъ, изъ чего можно основательно и положительно заключить, что совѣсть Шатровскаго, взволнованная на минуту, опять спокойно улеглась съ нимъ вмѣстѣ на диванѣ и задремала подъ чувствительными страницами старинныхъ книжекъ. Было начало августа, самая пора темноалыхъ вишенъ, золотыхъ дынь, блѣднозеленыхъ скороспѣлыхъ яблоковъ, которыхъ необыкновенная, наружная и внутренняя красота расшевелила въ сердцѣ Шатровскаго что-то похожее на поэзію: онъ сравнилъ ихъ съ воспоминаніемъ первой любви, не находя ничего нѣжнѣе и граціознѣе.

Конечно, о любви Вареньки не было никакого воспоминанія, а если случайно и приходило оно, то ужъ нисколько не въ граціозныхъ образахъ.

— Богъ съ ними, со всеми! рѣшилъ Шатровскій: — капризная женщина, такая же упрямая плаксивая дочка, бабушка-мѣшокъ, влюбленный — дерзкій дуракъ, женихъ — такой же дуракъ, только богатый. Связаться съ ними — сойдешь съ ума, пусть сами раздѣляются, какъ знаютъ.

Замѣчательно только, что одной Настасьѣ Петровнѣ не дѣлалось никакого опредѣленія и не давалось никакого эпитета. Мысль о ней приходила невольно и неотвязно. Шатровскій, конечно, не позволялъ себѣ долго задумываться, но успокоивалъ эту мысль только словами:

— Она довольно-умна и пойметъ, что тутъ дѣлать нѣчего.

Миръ, однако, не оставлялъ его въ покоѣ; онъ напоминалъ о

себѣ письменно. На второй день его добровольнаго заключенія, принесли пакетъ отъ Анны Дмитріевны : два листа почтовой бумаги большаго формата кругомъ.

«Нѣчего говорить о томъ, что я чувствую. Сердце разбито, жизнь истощена. Еще разъ обманъ — и жестокий!... Ты, къ которому я почти не смѣю обратиться, существо близкое и далекое; ты, оставившій меня на произволъ существъ, непонимающихъ и грубыхъ, на борьбу съ мелочностью и настойчивостью»...

Шатровскій заснулъ. Когда онъ проснулся къ обѣду, ему доложили, что посланный ждетъ отвѣта.

— Я самъ пришлю отвѣтъ, сказалъ онъ, и не послалъ, конечно. Вечеромъ пріѣхалъ Юринъ.

— Ну, что?

— Милый мой, тамъ больны. Не совѣтую тебѣ вхатъ туда, попадешь на докторовъ — и только. Дай подумать; это такъ скоро не дѣлается.

Черезъ три дня явились разомъ два посланныхъ. Юринъ писалъ и спрашивалъ, что новаго. Письмо Анны Дмитріевны было нѣсколько короче прежнихъ и закапано слезами. Оно начиналось такъ : ... (Должно замѣтить, что точки поставлены вездѣ самимъ авторомъ).

— «Свершилось!... Все кончено!!... я рѣшилась на жертву и этой жертвой буду я, я сама! Если нужно для нихъ, чтобы я не существовала, я съумѣю отдалиться, изгладиться, исчезнуть! я уѣду далеко... Куда?... Я отдамъ имъ свободу, я оставлю ихъ, оставлю навсегда...»

— «Мои сгег, написалъ Шатровскій Юрину : — сестра моя въ такомъ отчаянномъ положеніи, что нѣчего теперь и справляться о дѣлѣ. Подожди, я извѣщу тебя самъ, или ты навѣдайся, но только не къ нимъ, а ко мнѣ».

Шатровскій былъ предусмотрителенъ и остороженъ; но, къ удивленію его, Юринъ не показалъ ему глазъ еще цѣлые три дня.

Въ полночь послѣдняго изъ этихъ трехъ дней, когда Шатровскій докуривалъ сигару, собираясь заснуть, раздался топотъ лошади на дворѣ; собаки взвыли и залаяли; дверь комнаты отворилась и запыхавшійся посланный подаль Шатровскому записку :

— «Alexis, спаси меня !...»

— Скажи, что я нездоровъ и сплю, отвѣчалъ Шатровскій.

— Дамъ отвѣтъ завтра, если будетъ легче.

Догадывается ли читатель, какіе перевороты происходили этимъ

временемъ въ домѣ, семействѣ и душѣ Анны Дмитріевны? Странно и почти непостижимо, какъ столько тревогъ можетъ произойти отъ немногихъ словъ; и еслибъ не удостовѣрили насъ въ томъ вѣковые примѣры... Но частная жизнь не есть ли всегда повтореніе тѣхъ же вѣковыхъ примѣровъ, только въ меньшемъ размѣрѣ?

Пусть воображеніе тѣхъ, кто близко и не шутя знаетъ эту жизнь, кто цѣнить ея волненія и утраты, замѣчаетъ ихъ вліяніе, пусть это воображеніе представитъ себѣ сцены трогательныя, тяжелыя, отчаянныя, смѣшныя, всегда поразительныя, потому—что значеніе ихъ велико... По многимъ причинамъ мы отъказываемся ихъ пересказывать.

Узнавъ о предложеніи Юрина, Анна Дмитріевна въ тотъ же день объявила о томъ Николаю Петровичу и Варенькѣ, присовокупивъ, что отказать такому жениху будетъ, по ея мнѣнію, безумно, и что она этого не допуститъ.

Николай Петровичъ отвѣчалъ, что никогда не позволить Вареньки выйти за Юрина.

Настасья Петровна осталось только плакать.

На другой день Анна Дмитріевна призвала къ себѣ Вареньку, заперла двери и, съ необыкновенной кротостью объяснивъ ей, что Николай Петровичъ ошибается насчетъ Юрина, убѣждала Вареньку въ томъ, что у нея есть еще сестра и три брата.

— Но что же имъ до того, за кѣмъ я буду замужемъ? возразила Варенька.

— Я не знала, что ты такая безчувственная эгоистка! вскричала Анна Дмитріевна.

Эта идея была развита очень—краснорѣчиво. Когда Николай Петровичъ, привлеченный отголосками этого краснорѣчія, сталъ стучаться въ двери, его впустили за тѣмъ, чтобъ онъ лучше и сначала могъ все выслушать. Онъ прибавлялъ въ защиту Вареньки, что никогда не потерпитъ, чтобъ его дѣти пользовались чѣмъ—нибудь отъ... Юрина. Онъ постоянно прибавлялъ къ этому имени по нѣскольку прилагательныхъ. Чтобъ доказать основательность этихъ прилагательныхъ, Николай Петровичъ рассказывалъ о Юринѣ случаи и подробности, неподлежащія никакому сомнѣнію; Анна Дмитріевна восклицала, что это клеветы. Въ преніи являлись эпизоды, рассказы заходили далеко. Анна Дмитріевна совѣтовала Варенькѣ уйдти. Николай Петровичъ останавливалъ дочь, говоря :

— Зачѣмъ ей уходить? пусть узнаетъ, какого мужа ей прочать.

— Что были вы сами въ молодости? восклицала Анна Дмитриевна. — Такъ вы не вѣрите въ исправленіе, вы сомнѣваетесь во всемъ человѣчествѣ, въ развитіи...

— Матушка, избавь отъ учености! Во всѣхъ вѣрю, всѣхъ уважаю, а отъ этого нѣчего ждать: совсѣмъ развился, и что дальше, то будетъ хуже.

— Даже когда его женой будетъ Варенька? Вы сомнѣваетесь въ нравственномъ вліяніи вашей дочери? Не вы ли ее расписываете совершенствомъ?..

— Варенькѣ вразумлять Юрина? да гдѣ же видано?..

— О, вы правы, не видано, неслыхано, чтобъ жена значила что-нибудь для своего мужа; вы это говорите по опыту...

Анна Дмитриевна превосходно развивала и эту идею, такъ-что вскорѣ она оказалась главною во всѣхъ спорахъ, точкой исхода и точкой опоры; эта идея была скала, о которую разбивались всѣ доводы Николая Петровича, скрытое оружіе, которое поражало его неожиданно и жестоко... Вечеромъ на третій день съ Анной Дмитриевной былъ нервный припадокъ, повергшій въ отчаяніе весь домъ, кромѣ одного Николая Петровича, который рѣзко отвѣчалъ Настасьѣ Петровнѣ, когда она прибѣжала сказать ему, чтобъ поспѣть за докторомъ.

— Вздоръ какой! Еще въ городѣ не знаютъ объ этихъ глупостяхъ, такъ надо разболтать.

И потому, на другой день утромъ, Шатровскій получилъ отъ сестры письмо № 2, котораго не прочелъ, конечно, а потому и не зналъ, какъ Анна Дмитриевна приняла намѣреніе «принести жертву» и въ чемъ именно должна была состоять эта жертва. Но еще чрезъ три дня, получивъ записку, состоявшую только изъ трехъ словъ, Шатровскій хотя и заснулъ спокойно, но, проснувшись поутру, подумалъ, что надо же, въ-самомъ-дѣлѣ, взглянуть что тамъ дѣлается.

Эти три дня были неизобразимы.

Шатровскій повѣхалъ рано, желая не столько угодить Аннѣ Дмитриевнѣ, сколько избѣгать жара, который, однако, ему пришлось вынести вполне, потому-что, подъѣзжая къ усадьбѣ сестры, сломалось колесо его дрожекъ и Шатровскій былъ принужденъ идти пѣшкомъ; чтобъ сократить дорогу, онъ отправился чрезъ плотину.

Свѣтлое платьѣ мелькнуло въ зелени, у развалинъ любимой скамейки Вареньки. Вглядываясь, Шатровскій узналъ Вареньку;

глядываясь еще пристальнѣе сколько позволяли яркіе полдневныя лучи, Шатровскій разглядывъ, что она была не одна: съ ней былъ Карзановъ.

— О женщины! воскликнулъ онъ мысленно...

Измучась въ эти ужасные дни, Варенька рѣшилась: чѣмъ свѣтъ она послала къ Карзанову и написала, чтобъ онъ пришелъ. Она могла бы сдѣлать это спрося отца, сказавъ тѣткѣ, и никто бы не запретилъ ей, но она боялась, что стануть возражать на ея рѣшеніе. Въ эти дни она убѣдилась, что никто не можетъ помочь ей, поддержать ее; что она сама, напротивъ, она одна можетъ успокоить всѣхъ... Варенька ждала Карзанова, сидя на обрушенной скамейкѣ, глядя на свѣтлыя волны пруда, которыя тихо плескали въ низкій берегъ. Кусты кругомъ были обломаны, дорожка заросла травой; несмотря на жаръ и тишину, въ воздухѣ вѣяло осенью; земля была влажна и листья на деревьяхъ шелестили какъ-то сухо и звонко; изъ нихъ два-три совсѣмъ блѣдно-желтые, закружились и упали къ ногамъ Вареньки. Варенька принялась плакать. Это были не слезы раздумья влюбленной грусти, несносныя, приторныя слезы, которыя, разливаясь слишкомъ-часто, сдѣлали то, что возбуждаютъ въ другихъ ужъ не сочувствіе, а скуку. Варенька плакала горько и искренно, не рисуясь, не вызывая ихъ нарочно, когда онъ истощались. Ей многое напомнило это мѣсто, эта скамейка; но Варенькѣ не были нужны воспоминанія: и безъ нихъ она очень-хорошо сознавала свое положеніе, цѣну всего, что любила и съ чѣмъ готовилась проститься...

Увидя Карзанова, который шелъ къ ней чрезъ плотину, Варенька вдругъ успокоилась, не принуждая себя, а невольно, отъ радости, что увидѣла его. Она побѣжала къ нему на встрѣчу, схватила его руку, привела его за собою; она была счастлива.

— Ты плакала? сказалъ Карзановъ, говоря ей *ты*, какъ въ то утро когда, Николай Петровичъ благословилъ ихъ.

— Мнѣ очень-тяжело, отвѣчала Варенька.

— Какъ ты перемѣнилась, какъ похудѣла!

— Полно, сказала она, отнимая у него руку: — мнѣ еще хуже, еще больнѣе, когда ты цалуешь мои руки; точно прощаешься... Мы еще будемъ прощаться. Сядь здѣсь.

Она указала ему на конецъ скамейки.

— Видишь ли, она еще уцѣлѣла, дождалась насъ... никто чужой здѣсь не былъ.

— Варенька, не-ужели-ли нѣтъ никакой возможности убѣдить Анну Дмитриевну ?

— Она писала къ тебѣ ?

— Дѣ, отвѣчала наконецъ на два мои письма.

— Стало-быть, ты самъ видишь, можно ли убѣдить ее. Ради Бога, прибавила Варенька, увидя, что онъ достаетъ письмо и оставивая его : — не показывай мнѣ этого письма...

Она поблѣднѣла.

— Тебѣ совсѣмъ отказано, все кончено ?

— Дѣ.

— И ты знаешь о Юринѣ... все знаешь ?

— Все знаю.

— Вѣришь ли ты, что я тебя люблю ? спросила Варенька съ отчаяніемъ.

— Не сомнѣвался никогда, ни одну минуту.

— Вѣришь ли, что я все сдѣлала, все сказала, все вынесла... до униженія ?

— Вѣрю, вѣрю, повторилъ онъ.

— Доволенъ ли ты мною ? прощаешь ли ты мнѣ ?.. Полно, полно, сказала она чрезъ минуту:—такъ у меня не достанетъ мужества...

— Варенька, разстаться съ тобой ! что со мною будетъ ? это ужасно, ужасно ! Ты не имѣешь понятія, какъ я тебя люблю, ты не знаешь..

— Нѣтъ, я не знала, что это будетъ такъ тяжело, проговорила Варенька.

— Послушай, продолжала она, прерывая его чрезъ минуту : — пожалѣй меня ! вообрази только, что я должна быть рѣшительна и тверда и за тебя и за себя ; что я должна тебя успокоивать... Взгляни на меня, это выше моихъ силъ...

— Прости меня, сказалъ онъ въ отчаяніи.

— Вообрази, что мои мученія еще не кончены, что я должна... Я спрашиваю тебя, все ли ты знаешь. Ради Бога, не заставляй меня пересказывать. Ты знаешь, мелочи меня не пугаютъ, въ страшныхъ обстоятельствахъ я спокойна... ты знаешь нашу жизнь, стало-быть ужъ больше ничего не остается, когда я рѣшилась..

— На что ?

— Выйди за Юрина.

— Варенька !

— Вспомни все... Скажи должна ли я это сдѣлать, поддержи меня... Скажи, что это моя обязанность...

— Предъ кѣмъ?

— Предъ моей семьей.

— Другъ мой, возразилъ Карзановъ тихо, испуганный ея волненіемъ и страшной блѣдностью: — ты никогда ничего не преувеличивала; ты доброе, благородное дитя, а не экзальтированная мечтательница. Какъ могло это прійти тебѣ въ голову? Ты слишкомъ огорчена и одинока; некому дать тебѣ совѣтъ, но ты всегда вѣрила мнѣ...

— О, какъ вѣрила, всегда, всегда! но теперь ты не понимаешь...

— Очень понимаю: ты хочешь скорѣе всѣхъ успокоить и для того жертвуешь собою. Успокоятся и безъ этого.

— Не мучь меня, не говори такъ холодно!

— Разбери лучше: — ты огорчишь отца, тѣтку, которые не хотятъ этой свадьбы.

— Не хотятъ?.. О, другъ мой!.. Въ эти дни они вынесли такъ много... ты знаешь жизнь тѣтушки...

— Бя жизнь лучше той, которую ты себѣ готовишь.

— А знаешь ли, чтѣ готовится имъ? вскричала Варенька. Я не хотѣла говорить: это слишкомъ-ужасно... Поди, взгляни самъ: вотъ два дня какъ всѣ вещи маменьки уложены; она сегодня пошлетъ за дядей Шатровскимъ, уѣдетъ съ нимъ въ Петербургъ, а оттуда за границу... И все оттого, что я...

— Бѣдное дитя! она этого не сдѣлаетъ.

— Не сдѣлаетъ, повторила Варенька.

Карзановъ не могъ возражать: онъ зналъ, что для Анны Дмитриевны нѣтъ ничего невозможнаго.

— А если и не сдѣлаетъ, продолжала Варенька: — довольно ужъ того, что она рѣшилась! Вся вина на мнѣ. Не я ли приношу съ собой несчастье и несогласіе?

— Но, вскричалъ Карзановъ: — остаться въ домѣ и выносить...

— Еслибъ я одна выносила! вскричала Варенька, залившись слезами: — но батюшка, но моя бѣдная тѣтя Настя!..

— Варенька, а я?

— Я могу только умолять тебя!

— Мнѣ нелегче, отвѣчала она.

— Но развѣ ты не видишь, не чувствуешь, что теперь я люблю тебя еще больше, еще безумнѣе...

— Стало-быть я хорошо дѣлаю? Благослови же меня, сказала она, вставая и становясь передъ нимъ.

Ея руки, которая въ эту минуту она отняла у Карзанова, были холодны, лицо помертвѣло.

— Если я хорошо дѣлаю, милый, продолжала она тихо и твердо, хотя съ усиленіемъ : — то благодарю тебя : помнишь ты училъ меня и любить и думать ; все, что есть лучшаго въ моей душѣ, въ моемъ сердцѣ, все вызвано тобою. Люби меня вѣчно, какъ свое дитя... Мы больше никогда не увидимся...

Она упала бы, еслибъ Карзановъ не удержалъ ее; онъ плакалъ какъ ребенокъ и цаловалъ ея руки какъ сумасшедшій.

— Прощай, сказала чуть слышно Варенька.

Она обняла его наклоненную голову, тихо перекрестила ее. цаловала долго и крѣпко и вдругъ, зарыдавъ, убѣжала не оглядываясь.

Далеко въ роцѣ она остановилась, стараясь опомниться и стала молиться ; потомъ спокойно и медленно пошла къ дому не оглядываясь, иначе бы она увидѣла Шатровскаго, который слѣдовалъ за нею съ самаго мѣста свиданія. Слишкомъ-занятая, она не слышала его шаговъ. Она опередила его, вошла на террасу и отправилась прямо въ комнату матери.

Казалось, Анна Дмитріевна была намѣрена столько же времени не принимать покорности дочери, сколько времени употребила на требованіе этой покорности; но вѣроятно, рассчитавъ, что въ сложности это будетъ слишкомъ-долго и можетъ утомить терпѣніе влюбленнаго Юрина, вышла изъ своей комнаты, блѣдная, томная, опираясь на руку спокойной и холодной Вареньки.

— Мы теперь заодно, сказала она очень-любезно своему мужу: — ты разогорчишь Вареньку, если... и прочее.

— «Варенька одумалась», таковъ былъ текстъ пояснительной рѣчи, потому-что иначе, конечно, Николай Петровичъ ничего бы не понялъ. Онъ и теперь понималъ немного...

Приготовленія къ отъезду за границу были прекращены въ тотъ же мигъ. Дѣтямъ позволили побѣгать.

За обѣдомъ Шатровскій крикнулъ: «шампанскаго!»

Было рѣшено, что послѣ обѣда онъ поѣдетъ съ отвѣтомъ къ Юрину. Шатровскій такъ и сдѣлалъ.

Николай Петровичъ позвалъ къ себѣ Вареньку... Она сказала что «одумалась, что, дастъ-Богъ, она надѣется быть счастливой, что если въ-самомъ-дѣлѣ на это воля матери...»

Николай Петровичъ былъ выше силъ утомленъ всей выдержанной и невыдержанной борьбой: онъ остался доволенъ.

— Что тебѣ вздумалось? спросила Настасья Петровна.

— Послѣ, тетя Настя, когда-нибудь...

Восхищенный женихъ прискакалъ въ тотъ же вечеръ опять съ неменше восхищеннымъ дялюшкой; оба были необыкновенно-веселы. Юную чету благословили. Варенька вынесла этотъ обрядъ очень-спокойно, за-то съ Анной Дмитріевной сдѣлался нервическій припадокъ, впрочемъ, непродолжительный.

Утомленный всѣми тревогами дня, Шатровскій былъ очень-радъ добраться до постели, а потому не принялъ гостепріимства сестры и уѣхалъ къ себѣ. Прощаясь, онъ былъ удивленъ и почти оскорбленъ холодностью Настасьи Петровны и Вареньки, но не далъ этого замѣтить, общаясь только отомстить. Вообще онъ былъ необыкновенно-оживленъ, почти взволнованъ и способенъ на разныя эксцентричности...

Утромъ онъ проснулся поздно и въ другомъ расположеніи духа; голова его была тяжела, сердце неспокойно; всю ночь свились дурные сны. Физическое утомленіе сильно подѣйствовало на нравственную природу, и вмѣсто наслажденій, которыя ему всегда обѣщало бездѣйствіе, Шатровскій увидѣлъ въ этомъ бездѣйствіи одну скуку. Ему стало скучно до тоски. Невольно вспомнилъ онъ, сколько слезъ довелось ему видѣть въ послѣднее время, сколько жалобъ, и самыхъ разнообразныхъ, онъ выслушалъ. Невольно вспомнилъ онъ вчерашнюю холодность Настасьи Петровны и подумалъ:

— Она сердита на меня.

Но не прибавилъ, однако, по обыкновенію: «Что же мнѣ было дѣлать?» или: «Не моя вина!» а сказалъ громко:

«Что за тоска жить на свѣтѣ!»

Какъ ни старался онъ, закрывая глаза, пуститься въ мечтаніе, или припомнить хоть что-нибудь забавное, но все, обстоятельства, чувства, люди, вся жизнь упрямо повертывались къ нему своей печальной стороною. Шатровскій попробовалъ улыбнуться, воображая въ это утро пробужденіе Карзанова, «порядочнаго челоуѣка, который унизился до-того, что плакалъ какъ школьникъ, поставленный въ уголъ», но шутка не клеилась; Шатровскій въ это утро не находилъ себя остроумнымъ. Припомнивъ вчерашніе восторги Юрина, Шатровскій вспомнилъ и постоянный взглядъ Вареньки, который невольно сравнилъ со взглядомъ испуганной

голубки... Николай Петровичъ, молчаливая фигура съ заплаканными глазами, дополнялъ картину воспоминаній... Когда Шатровскому начала мерещиться Анна Дмитриевна, онъ почувствовалъ необходимость скорѣе отвязаться отъ этого кошмара и нетерпѣливо позвонилъ.

Ему принесли письмо. Испугавшись новаго посланія сестры, Шатровскій хотѣлъ бросить его не читая, когда замѣтилъ штемпель. Письмо было отъ Лизаветы Андреевны; Шатровскій тотчасъ узналъ ея почеркъ. Недѣлю назадъ, это письмо долго пролежало бы нераспечатаннымъ, но въ это утро Шатровскій схватился за него какъ за спасеніе отъ скуки, какъ за утѣшеніе въ чемъ-то неопредѣленномъ, но измучившимъ его сердце. Образъ Лизаветы Андреевны вдругъ представился ему явственно и подробно. «Добрый товарищъ», избавительница во многихъ затрудненіяхъ, веселая и любящая женщина, существо съ сильной волей и покорное, явилось съ своимъ краткимъ, но неизбѣжнымъ вліяніемъ, и Шатровскій былъ радъ отдаться этому знакомому вліянію.

«Два мѣсяца я слушаю одни вздоры, по-крайней-мѣрѣ прочту что-нибудь дѣльное», сказалъ онъ самъ себѣ. «Она всегда была мила и умница».

И усѣвшись какъ-можно покойнѣе у открытаго окна, предъ стариннымъ столикомъ, съ наклейной рѣзбой, Шатровскій принялся за письмо.

«Вы должны были догадаться, что съ самаго дня вашего отъѣзда я знала, куда вы скрылись: узнать это было нисколько немудрено. Зная, гдѣ вы, я знала и съ кѣмъ вы, стало-быть вы не имѣете права упрекать меня въ жестокости, если я не сожалѣла о вашемъ одиночествѣ. Сосновка, которую вы мнѣ не разъ описывали, прелестный уголокъ, а ваша сестра, должно-быть, очень-милая женщина, судя по тому, съ какимъ нетерпѣніемъ она васъ ожидала. У нея добрый мужъ, отличный хозяинъ—вотъ вамъ случай узнать короче деревню и пополнить ваши свѣдѣнія о хозяйствѣ—увы! весьма-несовершенныя. У вашей сестры большая семья; мнѣ любопытно знать, какъ вы держитесь въ роли дядюшки? ваша старшая племянница взрослая дѣвушка: какъ-то вы подружились съ нею, потому-что для нея вы уже не старшій, а другъ. Кругомъ, вѣрно, есть и сосѣди, и вы, конечно, не въ пустынь».

«Вы много сердились, а еще больше смѣялись, тогда я придумала для васъ путешествіе. Въ вашемъ письмѣ вы пощадили меня отъ маленькихъ насмѣшекъ, которыя, если помните, выговорили, прощаясь. Вы только называете мою выдумку романической, мои доводы — парадоксами... Справедливо ли то и другое? теперь вашему *испытанію* прошло два мѣсяца и вы вѣрнѣ можете сказать, точно ли это было *испытаніе*. Признаюсь, эта романическая выдумка продолжаетъ мнѣ нравиться; жить съ цѣлью дѣлаться лучше и выдерживать характеръ, кажется мнѣ, занимательнѣе, нежели жить просто, не оглядываясь... Я все та же, что была и прежде.

«Что сдѣлали вы, или что сдѣлалось съ вами? Вы взяли съ собою страшный запасъ книгъ (я и это узнала): много ли и что вы прочли? какое впечатлѣніе сдѣлало на васъ это чтеніе въ тишинѣ и (если вы въ-самомъ-дѣлѣ одни) безъ постороннихъ сужденій и толковъ? Кончены ли замѣтки, которыя вы хотѣли составить? Мы много спорили объ этихъ замѣткахъ и потому мнѣ особенно хочется скорѣе прочесть ихъ.

«Не думайте, чтобъ я готовила вамъ выговоръ на случай, если вы лѣнились; напротивъ, я готова извинить васъ. Но вы сами много разъ желали свободнаго времени и тихаго угла, чтобъ заняться, и мнѣ будетъ жаль, если и теперь, что-нибудь помѣшало вамъ, что-нибудь, или вѣрнѣе—кто-нибудь... Но—крайней-мѣрѣ, попрежнему ли васъ мучила жажда занятій, желаніе найдти въ книгѣ оправданіе своей мысли, повтореніе своего чувства? попрежнему ли вы забывались, увлекаясь чтеніемъ или мыслью? Вы были одни, природа хороша вездѣ... Бывало ли вамъ тепло и отратно на душѣ?

«Что эти люди, которыхъ вы встрѣтили, свои или чужіе—все равно, какъ вы сошлись съ ними? любятъ они ли васъ, любите ли вы ихъ? Были ли они скрытны или довѣрчивы съ вами? Старались ли вы отгадать ихъ добрыя или дурныя движенія — добрыя для того, чтобъ отвѣчать на нихъ, дурныя, чтобъ показать имъ, какъ мало они оскорбляютъ васъ собственно, какъ много вы можете простить во имя всего добра, которому вѣрится и которое считаете обязанностью прежде всего развить въ самихъ-себѣ. А если довѣрялись вамъ — много ли у васъ друзей? Съ какой радостью я стала бы считать ихъ! Много ли горя заставили вы забыть, много ли радости вы раздѣлили? Удалось ли вамъ оказать кому-нибудь услугу, помочь кому-нибудь?.. Простите мнѣ эти во-

просы; вы знаете, мнѣ близко все, что вамъ близко, а вы давно дали мнѣ право васъ разспрашивать.

«Не правда ли, все показалось вамъ сначала ново и какъ-будто странно; потомъ, взглянувъ ближе, вы сказали себѣ, что все одно и то же вездѣ, и что не отъ чего измѣниться человѣку? Но не правда ли тоже, что вы были больше насторожь, ожидая найти въ этой новизнѣ что-нибудь еще вамъ несовсѣмъ-знакомое? Вы присматривались внимательнѣе, вы примѣнялись... Остались ли вы вѣрны всему, что нѣкоторые мудрецы называютъ «дѣтскими уроками», забывая, что слово *дѣтство* такъ же хорошо, какъ слово *истина*?.. Были ли вы добры и снисходительны, брали ли на себя тяжелый трудъ, на который способны немногіе— трудъ, разобрать мелочи жизни и въ забавномъ найти серьезную сторону, трудъ, не всегда вознагражденный, но достойный васъ. Вспомните наши отвлеченныя толкованія, споры, въ которыхъ мы заходили иногда такъ далеко и останавливали другъ друга такъ благо разумно. Они всѣ памятны мнѣ, если не подробностями, то своими выводами. Помните ли, какъ одинъ разъ, разбирая какой-то пустой свѣтскій случай, мы оба были поражены его причинами и послѣдствіями, когда сообразили ихъ, а, главное, когда отыскиали ихъ, потому-что и причины и послѣдствія исчезали въ путаницѣ мелочей. Тогда, будто сговорившись, мы дали обѣщаніе не пренебрегать мелочами. Потомъ я замѣчала въ васъ иногда желаніе забыть это обѣщаніе, но тщательно напоминала о немъ, и (дайте мнѣ немножко похвалиться), не разъ наводила ваше сужденіе опять на истинный путь... Жизнь, которую вы теперь видите передъ собой, должна быть полна мелочей: она тиха и уединенна; въ ней все должно казаться событіями. Что, если вы влетѣли въ нее какъ великанъ въ толпу мелкаго народа, толкая одного, сбивая съ ногъ другаго... О, какая картина!.. А въ-самомъ-дѣлѣ, положи руку на сердце, имѣете ли вы право быть довольнымъ собою? Вы не великанъ среди общества, гдѣ вы теперь, я въ томъ увѣрена, но я ужасно боюсь, что гибельная привычка—не замѣчать многого, воротилась къ вамъ. (Это такъ, предчувствіе). Вы могли толкнуть чье-нибудь самолюбіе, испугать чью-нибудь робость, осудить кого-нибудь безъ разбора, оскорбить какое-нибудь истинное чувство, не досмотрѣвъ, что оно истинно?.. Это было бы горько и тяжело для васъ, я увѣрена. Не огорчили ли вы кого-нибудь?.. Вотъ вопросъ, который мнѣ тяжело было написать.

«Съ другой стороны, снисходительность не доходила ли у васъ до уступчивости? Вы хорошо знаете какъ мелочи приличій и условій, мелочи короткихъ отношеній, даже часто нисколько немелочныя пріязнь и желаніе добра, заставляють насъ поступать противъ нашихъ убъжденій. Для этого даже придумано оправданіе въ видѣ сентенціи: «цѣль извиняетъ средства». Давно мы осудили эту сентенцію, а все еще можемъ упрекнуть себя во многихъ и многихъ уступкахъ совѣсти. Чтѣ ваша совѣсть, не дѣлала уступокъ этимъ временемъ? Вы не хвалили того, что вамъ казалось дурно, не дружились по необходимости, не брали на себя порученій не по-сердцу? Все это огромныя уступки совѣсти для людей, которые рѣшили, что судить ихъ должно не по дѣламъ ихъ, а по средствамъ, дѣйствовать по положенію, въ которомъ они поставлены судьбою...

«Какъ же могли вы спорить, что вамъ не предстояло испытанія? Не имѣя терпѣнія перечитать, я только оглянулась на свое письмо, какая огромная программа того, чтѣ вы могли и не могли сдѣлать! А я увѣрена, тутъ еще забыта половина; знаю, что ничего не сказано, напримѣръ, о врожденной веселости вашего характера, готовой иногда шутить безъ разбора, не заботясь о самолюбіи ближнихъ — дарованіе, пріятное только для зрителей; о вашемъ собственномъ самолюбіи... одну минуту у меня была дурная мысль: вычеркнуть послѣднія слова; признаюсь въ ней и оставляю ихъ какъ доказательство, что готова въ свою очередь выслушивать тѣ, чтѣ говорю такъ откровенно. Когда вы были здѣсь, этотъ размѣнъ откровенности исправлялъ насъ обоихъ; онъ напоминалъ каждому изъ насъ, что есть безпристрастный судья его поступковъ, безпристрастный цѣнитель, который видитъ, на сколько поступки согласны съ мнѣніями, взвѣшиваетъ, сколько въ высказанномъ мнѣніи истины и сколько фразы... Говорите же еще послѣ этого, что разлука для насъ не испытаніе?

«Въ заключеніе этого письма (есть ли у него начало?), я спрошу васъ, нашлись ли у васъ сосѣди, молодые люди, съ которыми вамъ было бы нескучно, и не проигрались ли вы, или уединеніе вылечило васъ отъ этой привычки.

«Мы, вѣроятно, скоро увидимся; если еще нѣтъ, вы мнѣ напишете. Извиняю заранѣе, если письмо будетъ отрывокъ въ родѣ моего, хотя, конечно, желала бы подробностей, описаній, всего побольше. Тяжело ли вамъ или весело, скажите мнѣ все; вы

знаете, что ваше горе и ваша радость всегда приняты и разделены отъ всего сердца».

Шатровскій тихо свернулъ письмо и положилъ его предъ собою. Каждое слово этого мелкоисписаннаго листка поражало его, какъ обвиненіе, на которое не было оправданій. Шутка, романтическая затѣя испытанія сложилась не шуткой. Все, что до этой минуты казалось такъ мелочно и обыкновенно, назвалось своимъ настоящимъ именемъ... Въ два мѣсяца, забываясь, не думая, Шатровскій успѣлъ сгнать несчастіе всѣхъ, съ кѣмъ сблизился... Конечно, онъ успѣлъ угодить Аннѣ Дмитріевнѣ и сосватать приятелю Юрину хорошенькую семнадцатилѣтнюю невѣсту.

Шатровскій не рѣшился перечитать письма, хотя цѣлый день не могъ ничѣмъ заняться. Онъ не поѣхалъ къ сестрѣ, чтобъ не видѣть Вареньки, отъ сожалѣнія, отъ стыда, отъ страха, что ему отвѣтятъ презрѣніемъ на его позднее раскаяніе. Онъ старался разсердить себя этой мыслью, чтобъ имѣть право опять забыться; забывчивость не приходила. Онъ старался какъ-нибудь убѣдить себя, что зло, которое онъ сдѣлалъ, не такъ велико, что все обойдется, уладится — ему не удавалось и это. Онъ придумывалъ, нельзя ли все поправить; но все, что онъ сдѣлалъ, было неисправимо...

Изъ этого не слѣдуетъ, однако, чтобъ раскаяніе Шатровскаго, продолжавшееся нѣсколько дней, было вѣчно. Въ міѣ нѣтъ ничего вѣчнаго. Сглаживаются мраморы, какъ же не сглаживаться чувствамъ такимъ неувимымъ?... Впрочемъ, Шатровскій вышелъ изъ этого затрудненія: онъ сложилъ новую фразу, которою время-отъ-времени укрощаетъ порывы своей упрямой совѣсти:

«Горе тѣхъ, кто страдаетъ, не можетъ сравниться съ горемъ того, кто заставилъ страдать: онъ наказанъ такъ, что заслуживаетъ прощеніе!»

Шатровскій, повидимому, проживетъ счастливо...

В. КРЕСТОВСКІЙ.

ХОЛОДНЫЙ ДОМЪ.

РОМАНЪ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

Часть седьмая.

ГЛАВА XXXIV.

Винтовая отвертка.

«Что бы это такое было? говоритъ мистеръ Джорджъ: — пыжь или пуля?» вспышка на полкѣ, или выстрѣлъ?

Распечатанное письмо составляетъ предметъ изслѣдованій кавалериста и повидяному заставляетъ его не на шутку ломать себѣ голову. Онъ смотритъ на него и съ большаго разстоянія, подноситъ и къ самымъ глазамъ, беретъ то въ правую, то въ лѣвую руку, пробуетъ читать склоняя голову, то на одинъ, то на другой бокъ; хмуритъ брови, подымаетъ ихъ вверху... ничто не пособляетъ. Вотъ, онъ раскладываетъ письмо на столѣ и разглаживаетъ его своею тяжелой дланью, встаетъ со стула, прохаживается взадъ и впередъ по галереѣ, повременамъ останавливается передъ смущающимъ письмомъ и задаетъ себѣ снова вопросъ: — «что это, чортъ возьми, пыжь или пуля?»

Филь Сквондъ занятъ въ заднемъ углу галереи бѣленьемъ щитовъ; на сей конецъ онъ вооруженъ кистью и черенкомъ съ краской. Помазывая щиты онъ тихонько насвистываетъ и нащелкиваетъ ускореннымъ тактомъ, что онъ «пойдетъ, во зеленя луга красну-дѣвицу искать»...

— Филь! зоветь его кавалеристъ.

Филь подходит къ своему командиру; какъ водится, сначала ошмыгиваетъ все стѣны и потомъ вдругъ бросается на середину, словно въ штыки. На грязномъ лицѣ его видны слѣды бѣлилъ и онъ чешетъ одинокую бровь своею рукояткой кисти, которую держитъ въ рукѣ.

— Я, командиръ! говорить онъ.

— Смирно! Слушай!

— Слушаю!

«Милостивый государь! позвольте мнѣ напомнить вамъ (хотя, какъ сіе вамъ извѣстно, законъ не побуждаетъ меня къ сему напоминанію), что срокъ заемному письму, данному вами мнѣ, съ порукою въ уплатѣ мистеромъ Матвѣемъ Багнетомъ, въ суммѣ двѣнадцати-семи фунтовъ стерлинговъ, четырехъ шиллинговъ и девяти пенсовъ, нынѣ истекаетъ, а потому покорнѣйше васъ прошу приготовить къ завтрашнему дню поименованную сумму денегъ въ обмѣнъ вышереченнаго заемнаго письма, которое имѣетъ быть представлено куда слѣдуетъ.

Вашъ

Иосифъ Смольвидъ».

— Что ты объ этомъ скажешь, Филь?

— Скверно, хозяинъ.

— Отчего скверно?

— Я думаю, отвѣчаетъ Филь, натянувъ рукояткой кисти глубоко-мысленную складку кожи надъ своею одинокою бровью: — что всегда бываютъ скверныя послѣдствія, когда требуютъ денегъ.

— Слушай Филь, говоритъ кавалеристъ, присѣвъ на столъ: — во-первыхъ, изъ меня ужъ высосали, я думаю, двойной капиталъ процентами и разными способами...

Филь отступаетъ шага два назадъ съ такимъ дикимъ кривляньемъ своего изуродованнаго лица, которое ясно выражаетъ все отвращеніе отъ всякаго рода высасываній.

— Вотторыхъ, Филь, продолжаетъ кавалеристъ, махнувъ рукою: — былъ разговоръ о томъ, что вексель надо, какъ они называютъ, возобновлять. И возобновляли его нѣсколько разъ. Что жъ ты на это скажешь?

— Я думаю, что пришелъ конецъ.

— Ты такъ думаешь?

— Такъ, командиръ.

— Вотъ оно что, Гм!... и я такъ же думаю.

— Хозяинъ!

— Ну?

— Это тотъ Смольвидъ, котораго сюда въ преслахъ втаскивали?

— Тотъ самый. А что?

— Онъ, командиръ, говоритъ Филь, съ серьезнымъ видомъ:—шлякка по характеру, винтъ и отвертка по дѣламъ, змѣй по объятіямъ и ракъ по клещамъ.

Выразительно высказавъ эти сентенціи, мистеръ Скводъ убѣждаетъ, что командиръ не ожидаетъ отъ него болѣе никакихъ замѣчаній. Ошмыгиваетъ опять стѣны и возвращается къ своему щиту, за бѣленьемъ котораго снова и сильнѣе прежняго желаетъ идти «во зеленые луга, красну-дѣвицу искать».

Джорджъ складываетъ письмо и идетъ за нимъ.

— А вѣдь горю можно помочь, командиръ, говоритъ Филь, хитро подмигивая своему хозяину.

— Заплатить деньги? Я бы заплатилъ кабы могъ.

Филь отрицательно мотаетъ головой.

— Нѣтъ, хозяинъ, говоритъ онъ, артистически, взмахивая кистью:— средство есть лучше.

— Что же такое?

— Да вотъ сдѣлать то, что я теперь дѣлаю.

— Выбѣлать?

— Да.

— Какъ выбѣлать?

— Да вотъ взять вексель да и по боку.

— Какъ по боку, Филь?

— Отказаться — вотъ-те и все.

— Что ты мелешь безмозглый! Да знаешь ли ты, что тогда сдѣлается съ Багнетами? Понимаешь ли ты, что они разорится въ-пухъ? Экая ты собака! говоритъ кавалеристъ, смотря на него съ негодованіемъ: — право собака!

Филь Скводъ, стоя на одномъ колѣнѣ передъ щитомъ, принимается съ жаромъ доказывать, что онъ опустилъ изъ виду отвѣтственность Багнетовъ, но что онъ ни въ какомъ случаѣ не посягнетъ даже на волосъ кого бы то ни было изъ членовъ distinguished фамиліи. Доказательства свои онъ подтверждаетъ различнымъ энергическимъ кривляньемъ, подтыкиваніемъ носа и глазъ рукояткою кисти и тому подобными сильными пособіями при недостаткѣ словъ.

Въ самый яркій моментъ такого непреложнаго протеста слышны шаги по длинному корридору и звонкій голосъ.

— Хозяинъ, говоритъ Филь: — вотъ и сама мистриссъ Багнетъ!

Въ-самогъ-дѣлѣ въ галерею входитъ мистеръ Багнетъ въ-сопровожденіи своей старухи.

Старуха никогда не выходитъ изъ дому, какое бы ни было время года, безъ сѣраго суконнаго салопца, очень-грубаго и очень-поношеннаго, однакожь совершенно-чистаго. Этотъ салопецъ дѣлаетъ мистриссъ Багнетъ еще болѣе интересной въ глазахъ мудраго ветерана; потому-что сѣрый салопецъ, старуха и дождевой зонтикъ безъ фарсинга денегъ вернулись въ Европу изъ другаго полушарія. Разумѣется, и зонтикъ точно также сопутствуетъ мистриссъ Багнетъ по улицамъ Лондона, какъ сопутствовалъ ей гдѣ-то по Тихому Океану, и въ настоящую минуту находится въ ея рукѣ. Никакъ нельзя придумать, какого онъ цвѣта; сучковатый толстый крючокъ замѣняетъ рукоятку; на концѣ этого крючка придѣланъ, въ видѣ украшенія, металлическій кружочекъ, то-есть собственно не кружочекъ, а овальная фигурка, въ видѣ стеклышка изъ очковъ; этой фигуркѣ не сидится на мѣстѣ; въ ней нѣтъ той стойкости, которую, кажется, она могла бы приобрести при столь-долгомъ знакомствѣ съ британскою арміею. Кости зонтика сильно топырятся въ стороны, какъ ребра тучной леди, крѣпко-нуждающейся въ шнуровкѣ; причина такого ихъ расширения состоитъ въ томъ, что дома зонтикъ служитъ, въ продолженіе цѣлаго ряда годовъ, хозяйственнымъ шкапомъ, а на пути — дорожнымъ мѣшкомъ. Старуха никогда его не распускаетъ, потому-что имѣетъ полную надежду на испытанный въ дни ненастья сѣрый салопецъ и его баснословныхъ разгѣровъ клокъ; она употребляетъ зонтикъ какъ орудіе для указанія тѣхъ съѣстныхъ продуктовъ, которые выбираетъ хозяйственный глазъ ея въ мясныхъ, или зеленыхъ лавкахъ, или даетъ имъ дружелюбныя толчки въ голову торговцевъ, для пробужденія ихъ вниманія. У мистриссъ Багнетъ есть еще корзина — что-то въ родѣ наиглубочайшаго колодца, съ двумя заслонами, и вотъ съ этими неразлучными спутниками: рыночной корзиной и зонтикомъ, является старуха въ джорджеву галерею для стрѣльбы въ цѣль и проч. и весело смотритъ изъ-подъ своей широкой соломенной шляпы.

— Ну, Джорджъ, старый дружище, говоритъ она: — какъ живете-можете?

И пожавъ ему дружески руку, мистриссъ Багнетъ садится отдыхать отъ своей прогулки, тяжело переводя духъ. Походныя фуры, корабельныя койки и тому подобныя удобства кочевой жизни воспитали въ мистриссъ Багнетъ способность успокоиться вездѣ, гдѣ захочетъ, и теперь, несмотря на то, что скамейка нешире пяти вершковъ, она усѣлась на ней какъ нельзя болѣе комфортабельно, развязала ленты своей шляпы, сняла ее, положила рядомъ съ собою и, скрестивъ руки, весело осматривалась вокругъ.

Между-тѣмъ мистеръ Багнетъ пожалъ руку своему старому товарищу и Филю, котораго мистриссъ Багнетъ привѣтствовала ласковымъ киваньемъ головы и улыбкой.

— Ну Джорджъ, весело говорить мистриссъ Багнетъ: — вотъ мы и здѣсь: Бакаутъ и я (она часто давала мужу своему такое названіе, должно-быть потому, что въ полку, гдѣ служилъ мистеръ Багнетъ, его прозвали *бакаутовъ столбъ*, въ честь особенной жесткости и грубости его фязіономіи): — Бакаутъ и я пришли сюда, чтобъ справить дѣлишки. Дайте, Джорджъ, Бакауту новый вексель и онъ подмахнетъ его нигомъ.

— Я и самъ было хотѣлъ зайти къ вамъ сегодня утромъ, неохотно говорить Джорджъ.

— Мы такъ и думали, потому и вышли пораньше изъ дома, оставивъ сестеръ на рукахъ у Вульвича — славный мальчикъ! да и пошли сами къ вамъ; а то Бакаутъ все сидитъ, движенія мало, прогулка ему необходима. Да чтѣ съ вами, Джорджъ? спрашиваетъ мистриссъ Багнетъ, остановясь въ своей милой болтовнѣ: — вы сами на себя не похожи?

— Да, я самъ не свой, отвѣчаетъ кавалеристъ: — я въ большомъ затрудненіи, мистриссъ Багнетъ.

Ясный, вѣрный взглядъ старухи тотчасъ видитъ истину: — Джорджъ, говорить она, поднявъ кверху указательный палецъ. — Джорджъ, не говорите ничего о ручательствѣ Бакаута, Джорджъ, не говорите ради дѣтей!

Кавалеристъ смотритъ на нее съ очень-безпокойнымъ лицомъ.

— Джорджъ, продолжаетъ мистриссъ Багнетъ, всплеснувъ руками: — если вы подвели Бакаута подъ бѣду; если теперь грозитъ намъ опасность, гибель всему семейству; если вы заставите насъ платить — и я вижу, что вы заставите, Джорджъ: это написано у васъ на лицѣ — то вы поступили безчестно и разорили насъ въ-конецъ... я вамъ говорю Джорджъ, въ-конецъ!

Мистеръ Багнетъ, вообще неподвижный какъ насосъ, или какъ фонарный столбъ, кладетъ свою широкую правую ладонь на средину лысины, какъ-бы защищая ее отъ сильнаго порыва дождя, и безпокойно смотритъ на мистриссъ Багнетъ.

— Джорджъ, говорить старуха: — я удивляюсь вамъ; я стыжусь за васъ! Джорджъ, я никогда бы не думала, что вы способны на такой поступокъ. Я всегда считала васъ голышомъ, Джорджъ, такимъ голышомъ, на которомъ не выростетъ мохъ, но никогда не думала, чтобъ вы, Джорджъ, способны были выщипать мохъ съ Багнета и съ его бѣд-

ныхъ дѣтей. Вы знаете какой онъ труженикъ, вы знаете, что онъ корпится за работой съ утра до ночи; вы знаете какія крошки Вульвичъ, Квибека и Мальта — вы все знаете, Джорджъ, и мнѣ бы никогда не пришло въ голову, что вы насъ такъ поддѣнете. О, Джорджъ!.. и мистриссъ Багнетъ беретъ полу своего сѣраго салопца, чтобъ утереть глаза: — о Джорджъ, какъ вамъ не совѣстно?

Мистриссъ Багнетъ смолкла; мистеръ Багнетъ снялъ ладонь съ своей лысины, какъ-будто бы дождикъ пересталъ лить; онъ безутѣшно смотритъ на мистера Джорджа; мистеръ Джорджъ, блѣдный какъ полотно, слѣдитъ отчаяннымъ взоромъ за сѣрымъ салопцемъ и соломенной шляпой.

— Мать, говоритъ кавалеристъ убитымъ голосомъ, обращаясь къ мистеру Багнету, но не спуская глазъ съ сѣраго салона: — мнѣ очень тяжело, что ты принимаешь это дѣло такъ горячо къ сердцу. Я надѣюсь, что оно не такъ дурно, какъ кажется. Правда, я сегодня утромъ получилъ это письмо, и онъ тутъ же прочелъ его въ слухъ: — но я надѣюсь, что все можно поправить. Нѣчего говорить, я голышъ, но не трону чужаго, Мать; я люблю, Мать, тебя и твою жену и твое семейство столько, сколько можетъ любить такой бродяга, какъ я. Надѣюсь, что ты не считаешь меня за негодяя. Не думай, чтобъ я воспользовался отъ васъ чѣмъ-нибудь. Я получилъ письмо только четверть часа тому назадъ.

— Старуха! ворчатъ мистеръ Багнетъ, послѣ нѣкотораго молчанія: — выскажи ему мое мнѣніе!

— Ахъ, зачѣмъ онъ не женился на вдовѣ Джо Пауча, въ Сѣверной Америкѣ! отвѣчаетъ мистриссъ Багнетъ полушача, полусмѣясь: — тогда бы онъ не запутался въ своихъ дѣлахъ.

— Старуха говоритъ дѣльно, замѣчаетъ мистеръ Багнетъ: — зачѣмъ ты не женился?

— Я думаю, у нея теперь мужъ лучше меня, отвѣчаетъ кавалеристъ: — что жъ дѣлать, не женился на вдовѣ Джо Пауча—вотъ-те и все. Чтò мнѣ дѣлать? Ты видишь вотъ у меня больше ничего нѣтъ; да и то все ваше. Вымолви одно слово—и я продамъ все до послѣдней нитки. Кабы я могъ за этотъ хламъ получить нужныя деньги, я бы давно все продалъ. Не думай, Мать, чтобъ я тебя захотѣлъ запутать. Я бы готовъ былъ себя продать, да, я бы готовъ былъ, говоритъ кавалеристъ, нанося отчаянные удары себѣ въ грудь: — да, я бы готовъ былъ себя продать, еслибъ нашель дурака, который купилъ бы такую негодную тряпку, какъ я!

— Старуха, ворчатъ мистеръ Багнетъ: — выскажи ему мое мнѣніе!

— Джорджъ, говоритъ старуха: — конечно, сообразивъ все, вы не

такъ виноваты; только зачѣмъ вы взялись за такое дѣло, не имѣя копейки денегъ въ карманѣ?

— Да это правда, это суцая правда, замѣчаетъ кающійся кавалеристъ, качая головой.

— Оставь! восклицаетъ мистеръ Багнетъ: — старуха дѣльно высказываетъ тебѣ мое мнѣніе: выслушай до конца!

— Безъ этой галереи вы бы не нуждались въ пособіи, и мы бы вамъ пособія не дали. Но что сдѣлано того не воротить. Вы во всякомъ случаѣ честный и добрый товарищъ, только немного безпечный. Съ другой стороны, вамъ нѣчего обижаться, что мы это дѣло принимаемъ близко къ сердцу; какъ хотите, а наше положеніе тоже тяжеленько. Итакъ давай же руку Джорджъ и забудемъ все, и что Богъ дастъ, то и будетъ.

Мистриссъ Багнетъ подаетъ одну руку Джорджу, другую своему мужу; мистеръ Джорджъ беретъ одною рукою руку старухи, другою руку Бакаута и, пожимая ихъ, говоритъ:

— Я увѣряю васъ обоихъ, что нѣтъ ничего такого, чего бы я не сдѣлалъ, чтобъ избавить васъ отъ вашего обязательства. Но все, что я получалъ, уходило за двухмѣсячные проценты. Мы вотъ здѣсь безвыходно живемъ съ Филемъ. Но галерея не даетъ столько, сколько мы отъ нея ожидали и, словомъ сказать она не... ну просто она не монетный дворъ. Я дурно сдѣлалъ, что я ее открылъ? да, это правда. Но мнѣ казалось, что дѣла пойдутъ хорошо; что я приучусь къ порядку; вы и сами меня ободряли, нѣчего сказать, я вамъ много, много обязанъ и стыжусь самого себя!

Съ этими заключительными словами, мистеръ Джорджъ крѣпко пожалъ руки честнѣйшихъ супруговъ и, отступивъ шага два назадъ, вытянулся во весь ростъ, какъ истинный воинъ, готовый принять ожесточенный бой съ непріателемъ.

— Джорджъ, выслушай меня! говоритъ мистеръ Багнетъ, взглянувъ на свою жену: — старуха отзванивай!

Мистеръ Багнетъ, высказывающійся такимъ страннымъ путемъ, замѣчаетъ, въ заключеніе, что о заемномъ письмѣ надо тотчасъ же позаботиться, что Джорджъ и онъ самъ должны немедленно идти къ мистеру Смольвиду, и что главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ не вводить ни въ какіе убытки мистера Багнета, у котораго нѣтъ денегъ.

Мистеръ Джорджъ вполне согласенъ съ этимъ мнѣніемъ своего товарища, надѣваетъ шляпу и готовится съ мистеромъ Багнетомъ идти на приступъ непріятельскаго лагеря.

— Не сердитесь за мои слова, Джорджъ, говоритъ мистриссъ Баг-

нетъ, ударивъ его по плечу : — я вамъ довѣрю моего Бакаута и увѣрена, что вы его выпутаете.

Кавалеристъ отвѣчаетъ, что слова ея были еще милостивы и что онъ постарается выпутать Бакаута. Послѣ чего мистриссъ Багнетъ, съ рыночной корзиной, сърымъ саломомъ и зонтикомъ удаляется домой, къ остальнымъ членамъ своего семейства, а друзья маршируютъ мѣрнымъ шагомъ впередъ, съ полной надеждой смягчить сердце мистера Смольвида.

Сомнительно, чтобъ во всей Англiи было два человѣка, менѣе способныхъ смягчить сердце мистера Смольвида и съ успѣхомъ выпутаться изъ его сѣтей, чѣмъ мистеръ Джорджъ и мистеръ Багнетъ. Несмотря на ихъ марсовскую наружность, несмотря на то, что у нихъ по косой сажени въ плечахъ, и что шагъ ихъ тяжелъ, какъ пудовая гиря, они — самыя неопытныя дѣти во всѣхъ хитросплетенiяхъ Смольвида.

Маршируя степенно по троттуарамъ улицъ, ведущихъ къ Красной Горкѣ, мистеръ Багнетъ замѣчаетъ, что другъ его угрюмъ, и потому считаетъ нелишнимъ сдѣлать нѣкоторые комментарiи на свою старуху, по поводу ея вспышки.

— Джорджъ, говоритъ онъ : — ты вѣдь знаешь старуху : она, братецъ, смирна и тиха какъ молоко ; но чуть затронулъ дѣтей, или меня — Боже упаси ! вспыхнетъ какъ порохъ.

— Это дѣлаетъ ей честь, Мать !

— Джорджъ, замѣчаетъ мистеръ Багнетъ : — ей все дѣлаетъ честь, больше или меньше. При ней я объ этомъ ни гу-гу ! Дисциплина прежде всего : понимаешь !

— Ее можно цѣнить на вѣсь золота, отвѣчаетъ кавалеристъ.

— На вѣсь золота ? говоритъ мистеръ Багнетъ : — Вотъ что я тебѣ скажу : старуха вѣситъ четыре пуда шесть фунтовъ. А я за нея не возьму никакого металла четыре пуда шесть фунтовъ — вотъ оно какво ! А отчего не возьму ? потому — что, видишь, братецъ, она сама металлъ, да еще и самый драгоценный — вотъ какая штука !

— Это правда, Мать !

— Когда мы порѣшили и она приняла кольцо, съ той минуты посвятила себя семейству и мыслями и дѣломъ. Это, братъ, вѣрный солдатъ : не отойдетъ отъ лафета ; тронь насъ пальцемъ — сейчасъ фитиль къ трубкѣ. Иногда огорошить и картечью — ну не пѣвай : дѣлаетъ по закону !

— Какъ можно вѣнчать на нее, Мать ! отвѣчаетъ кавалеристъ : — за это я о ней самаго высокаго мнѣнiя !

— Ты правъ! говорить мистеръ Багнетъ, съ теплымъ энтузіазмомъ, хотя безъ малѣйшаго движенія въ лицѣ. — Но вотъ что я тебѣ скажу: если твое мнѣніе о ней выше гibraltarской скалы, все-таки оно низко, повѣрь мнѣ. При ней я объ этомъ ни гу-гу! Дисциплина прежде всего — понимаешь?

Въ такихъ разговорахъ достигаютъ друзья Красной Горки и наконецъ дома Смольвида. Нензмѣнная Юдѣя отвораешь имъ съаную дверь и, осмотрѣвъ ихъ съ головы до ногъ злобынымъ взглядомъ, въ-замѣнъ любезнаго привѣтствія, спѣшитъ посовѣтоваться съ оракуломъ. Оракулъ какъ видно, согласился допустить посѣтителей, потому-что юная дѣва, возвратясь къ нимъ, говоритъ своими сахарными устами: — ступайте, коли вамъ здѣсь что надо!

Получивъ эту привилегію, друзья входятъ въ столовую мистера и мистрессъ Смольвидъ, застаютъ почтеннаго дѣдушку въ креслахъ, обложеннаго кучею документовъ, какъ-будто-бы онъ принималъ бумажную ванну, а почтенную бабушку — затемненной подушкой, какъ птицу, голосъ которой берегутъ.

— Дорогой другъ мой! говоритъ дѣдушка Смольвидъ и силится протянуть къ дорогому другу свои сухія, скрюченныя руки: — какъ ваше здоровье? какъ васъ Богъ милуетъ?

— Такъ-себѣ, отвѣчаетъ мистеръ Джорджъ.

— Это вашъ другъ, достойный мистеръ Джорджъ? спрашиваетъ дѣдушка Смольвидъ.

— Другъ, отрывисто отвѣчаетъ кавалеристъ не будучи еще въ-состояніи отдѣлаться отъ непріятнаго впечатлѣнія.

— Кто жь онъ такой, мистеръ Джорджъ?

— Это Матвей Багнетъ, который обязалъ меня, знаете, по вашимъ дѣляншкамъ.

— А! мистеръ Багнетъ — вотъ оно что! и старая крыса разсматриваетъ незнакомую физиономію фаготиста изъ-подъ своей руки. — Надѣюсь вы здоровы, мистеръ Багнетъ? Славный мужчина, мистеръ Джорджъ! ей-Богу славный! Воинская осанка!

Несмотря на любезность, дѣдушка Смольвидъ не предлагаетъ друзьямъ сѣсть. Вслѣдствіе этого мистеръ Джорджъ приноситъ стулъ сначала мистеру Багнету, а потомъ себѣ. Садятся. Мистеръ Багнетъ усаживается особеннымъ манеромъ: онъ сгибается единственно только въ коленяхъ.

— Юдѣя, говоритъ дѣдушка Смольвидъ: — принеси трубку!

— Незачѣмъ, возражаетъ мистеръ Джорджъ: — пусть не беспоко-

ится ваша внучка ; и вамъ скажу правду, мнѣ что-то сегодня не хочется курить.

— Будто не хочется ? говорить дѣдушка Смольвидъ. — Ничего, Юдишь, принеси трубку.

— Вотъ въ чемъ дѣло, мистеръ Смольвидъ, продолжаетъ Джорджъ : — я нахожусь въ весьма-непріятномъ положеніи. Кажется, сэръ, что вашъ другъ въ Сити сыгралъ надо мною штуку.

— О нѣтъ ! говорить дѣдушка Смольвидъ : — онъ никакихъ штукъ не играетъ.

— Не играетъ ? такъ и поотлегло отъ сердца. А я-таки думалъ, что это его штука. Я, понимаете, говорю вотъ про это... письмо...

Дѣдушка Смольвидъ отвратительно улыбается при видѣ письма.

— Чтѣ жъ это за письмо ? спрашиваетъ мистеръ Джорджъ.

— Юдишь, говорить почтенный старецъ : — принесла ты трубку ? Дай мнѣ ее. Вы спрашиваете, что это за письмо, дорогій другъ мой ?

— Да, спрашиваю, мистеръ Смольвидъ, говорить кавалеристъ, стараюсь по-возможности быть спокойнымъ : — между нами много было дѣлъ, много прошло въ ваши руки моихъ денегъ ; теперь вотъ мы сидимъ другъ передъ другомъ и понимаемъ, что это вѣрно. Я и теперь готовъ на тѣ же условія, пусть только дѣло идетъ такъ, какъ шло. Я никогда не получалъ отъ васъ такого письма, и правду сказать сегодня утромъ я былъ очень встревоженъ, потому-что вотъ тутъ мой другъ, Матвѣй Багнетъ, онъ какъ вы знаете, не имѣетъ денегъ...

— Я ничего не знаю, говорить дѣдушка Смольвидъ спокойно.

— Какъ не знаешь, чортъ бы тебя... это я, такъ, про-себя, сэръ !

— Не слышу, дорогій другъ мой.

— Я вамъ говорю, что у него нѣтъ денегъ.

— Да, можетъ быть ; только я ничего не знаю мистеръ Джорджъ.

— Пусть такъ, говорить кавалеристъ, глотая свой гнѣвъ : — но я это знаю.

— Ахъ ! это совсѣмъ-другое дѣло, говорить дѣдушка Смольвидъ совершенно-покойнымъ голосомъ : — это до меня не касается. Положеніе мистера Багнета въ моихъ глазахъ отъ этого ни хуже, ни лучше.

Несчастный Джорджъ дѣлаетъ страшныя усилія, чтобъ дѣло устроить по возможности миролюбиво и сколько-нибудь смягчить мистера Смольвида.

— Это такъ, говорить онъ ему. — Конечно, вы можете притянуть Матвѣя Багнета, не заботясь о томъ, имѣетъ онъ деньги или нѣтъ ; но дѣло-то въ томъ, что это очень тревожитъ его бѣдную жену ; вѣдь онъ не то, чтѣ я ; я ужъ извѣстный куда-некуда негодный забулдыга, кото-

решу надо не денегъ дать, а палокъ ; а онъ—другое дѣло : онъ, какъ вы видите, человекъ степенный, семейный. Такъ вотъ что, мистеръ Смольвидъ, говоритъ кавалеристъ, очень-довольный своей военной ловкостью въ устроеніи дѣлъ : — хотя мы съ вами нѣкоторымъ образомъ и друзья, но я знаю, что я не въ-правѣ требовать отъ васъ, чтобъ вы совершенно оставили въ покоѣ моего товарища Багнета...

— О Господи, какая скромность! вы въ-правѣ все требовать, мистеръ Джорджъ, говоритъ дѣдушка Смольвидъ и въ голосъ его слышится сегодня какое-то особенно звѣрское удовольствіе.

— А вы въ-правѣ во всемъ отказать, то-есть не столько вы, сколько, можетъ-быть, вашъ другъ въ Сити? ха, ха, ха!

— Ха, ха, ха! повторяетъ дѣдушка Смольвидъ.

— И голосъ почтеннаго старичка такъ грубъ, глаза его такъ необыкновенно зелены, что природная степенность мистера Багнета усиливается еще на нѣсколько градусовъ, при созерцаніи такого друга человѣчества.

— Я очень-радъ, говоритъ пылкій Джорджъ : — что вы сегодня въ духѣ : мнѣ хочется покончить это дѣло къ общему удовольствію. Вотъ мой другъ Багнетъ и я, мы здѣсь на-лицо. Распорядимся попрежнему ; согласитесь, мистеръ Смольвидъ ; отведите душу другу моему, Багнету, успокойте его семейство. Такъ, что ли?... по рукамъ... а?

Въ эту минуту раздается подземный, адскій визгъ : «О Боже мой!.. О!..»

Быть-можетъ, это возгласъ шутливой Юдиои, какъ думаютъ испуганные гости, обращая вниманіе на прелестную дѣву ; однакожь она безмолвна ; только подбородокъ и носъ ея рѣзко выражаютъ сдвинутую досаду.

Степенность мистера Багнета подымается еще на нѣсколько градусовъ.

— Вы, кажется, хотѣли знать, что значить письмо, мистеръ Джорджъ, говоритъ дѣдушка Смольвидъ, продолжая все еще держать трубку въ рукахъ своихъ.

— Да, да, да, отвѣчаетъ кавалеристъ : — я объ этомъ спрашивалъ. Оно, знаете, того... мнѣ, советвенно говоря, все-равно, если дѣло сладится у насъ, къ общему удовольствію.

Мистеръ Смольвидъ тщетно цѣлится въ голову кавалериста, швыряетъ въ него трубку... но она упадаетъ на полъ и разбивается въ дребезги.

— Вотъ что это значить, мой дорогой другъ ! вотъ что это значить ! Я... я хочу васъ уничтожить, васъ истеранить. Провалитесь сквозь землю — вотъ что это значить !

Ветераны встаютъ и смотрятъ другъ на друга. Степенность мистера Багнета достигаетъ своего наивысшаго предѣла.

— Убирайтесь къ чорту! повторяетъ почтенный старецъ: — Не хочу я вашего куренья трубокъ, да вашего самохвальства. Провались, проклятый драгунъ. Сунь-ка носъ къ моему адвокату — ты знаешь къ нему дорогу, покажи тамъ свою храбрость. Тамъ тебя упекутъ, достойный другъ мой. Отвори имъ дверь, Юднѣ; выгони ихъ, закричи караулъ, коли они не пойдутъ! Выгони ихъ, выгони!

Дѣдушка Смольвидъ такъ громко и такъ настойчиво выражаетъ свои прощальныя привѣтствія, что мистеръ Багнетъ кладетъ обѣ руки на плечи мистера Джорджа и уводитъ его на улицу, прежде чѣмъ кавалеристъ успѣлъ прійти въ себя отъ удивленія. Торжествующая Юднѣ тотчасъ же запираетъ за ними дверь.

Мистеръ Джорджъ, совершенно сбитый съ толку, стоитъ уткнувшись носомъ въ запертую дверь и смотритъ на дверной молотокъ. Мистеръ Багнетъ съ степенностью, пониженною до нормальнаго уровня, прогуливается мѣрнымъ шагомъ мимо оконъ почтеннаго дома, заглядывая въ нихъ всякій разъ. Видно, что въ мозгу его творится какая-то мысль.

— Пойдемъ Мать! говоритъ мистеръ Джорджъ, прійдя въ себя: — попытаемся у адвоката. Ну что ты скажешь объ этомъ мошенникѣ?

Мистеръ Багнетъ останавливается, чтобъ бросить прощальный взглядъ на столовую Смольвидовъ и, кивнувъ на нихъ головой, отвѣчаетъ кавалеристу:

— Еслибъ, братецъ, была здѣсь моя старуха, такъ я бы ему высказалъ!

Разрядивъ такимъ-образомъ дѣятельность своей головы, онъ поворачивается налѣво и ветераны, начиная съ лѣвой ноги, пускаются въ путь, чувствуя другъ друга локтемъ.

Прійдя на поля Линкольской Палаты, друзья узнаютъ, что мистеръ Телькингорнъ занятъ и никого не принимаетъ. Они ждутъ. Раздается звонокъ изъ покоевъ великаго адвоката и призываетъ единственнаго служителя. Служитель уходитъ, потомъ опять возвращается и говоритъ друзьямъ, что они ждутъ напрасно, что мистеръ Телькингорнъ не имѣетъ ничего имъ сообщить и думаетъ, что и они ему ничего сообщить не имѣютъ. Несмотря на это, друзья все-таки ждутъ съ стойкостью, предписываемою законами тактики. Звонокъ раздается снова и изъ покоевъ великаго адвоката выходитъ кліентъ, дѣла котораго поглощали юридическое вниманіе.

Этотъ кліентъ никто другой, какъ хорошенькая старушка и именно мистриссъ Раунсвелъ, управительница замка Чизни-Вольдъ. Она выхо-

дти изъ кабинета, присѣдая на старинный, фешонблный ладъ, и тихо затворяетъ за собою дверь. На нее здѣсь смотрять съ нѣкоторымъ почтеніемъ; это видно изъ того, что даже и служитель выходитъ изъ—за своей перегородки и отворааетъ ей наружную дверь. Старушка благодаритъ его за вниманіе и въ то же время замѣчаетъ друзей, ожидающихъ пріема.

— Скажите, любезнѣйшій, это, кажется, стоятъ военные? говоритъ мистрисъ Раунсвель.

Служитель обращается къ друзьямъ съ вопросительнымъ взглядомъ, и такъ—какъ мистеръ Джорджъ внимательно смотритъ на календарь, прибитый надъ каминомъ, то обязанность отвѣчать падаетъ на мистера Багнета и онъ говоритъ :

— Точно такъ, сударыня. Прежде служили въ военной службѣ!

— Я такъ и думала. Я въ этомъ была увѣрена. У меня такъ и радуется сердце при видѣ васъ, джентльмены, при видѣ военныхъ. Благослови васъ Господь! Простите старухѣ ея болтовню. У меня, видѣте ли, былъ сынъ въ солдатахъ — славный былъ дѣтина, такой красавецъ, такой молодецъ; да злые люди сбили съ толку: бросилъ мать и ушелъ въ военную службу. Видно, такъ Богу угодно. Да благословить васъ Богъ, сэръ!

— И васъ также, сударыня! отвѣчаетъ мистеръ Багнетъ отъ чистаго сердца.

Что—то трогательное слышится въ голосѣ старушки и видится въ трепетѣ, который пробѣгаетъ по ея прекрасному лицу; но мистеръ Джорджъ такъ углубленъ въ чтеніе календаря, прибитаго надъ каминомъ (онъ, быть—можетъ, высчитываетъ дни и числа слѣдующаго мѣсяца), что онъ не оборачивается назадъ, не видитъ и не слышитъ старушки.

— Джорджъ! говоритъ мистеръ Багнетъ, своимъ крупнымъ шопотомъ другу, когда тотъ наконецъ покончилъ календарскія наблюденія: — что повѣсилъ носъ? Нѣчего хмуриться, мы вѣдь не бабы, мы солдаты! Смѣйся впередъ — вотъ и все!

Служитель снова отправляется докладывать о друзьяхъ, и слышно, какъ мистеръ Телькингорнъ говоритъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ: «ну, пусть ихъ войдутъ!»

Друзья входятъ въ большую пріемную комнату съ расписными плафонами и застаютъ мистера Телькингорна передъ каминомъ.

— Что вамъ здѣсь надо? говоритъ адвокатъ: — я вамъ, сержантъ, замѣчалъ въ послѣдній разъ, что не нуждаюсь въ вашемъ обществѣ.

Сержантъ отвѣчаетъ (и въ голосѣ, и въ манерѣ его замѣтно какое-

то особенное разстройство), что онъ получилъ вотъ это письмо, былъ у мистера Смольвида и что мистеръ Смольвидъ отправилъ его сюда.

— Я вамъ могу сказать только одно, говоритъ мистеръ Телькингорнъ : — что если вы дѣлаете долги, то должны и уплачивать ихъ, или подвергаться послѣдствіямъ неплатежа. Чтобъ выслушать эту истину, кажется, не стоило труда приходить ко мнѣ.

Сержантъ, къ-сожалѣнію, долженъ сказать, что онъ не имѣетъ денегъ.

— Очень-хорошо! тогда вотъ этотъ долженъ за васъ заплатить — это все-равно.

Сержантъ, къ-сожалѣнію, долженъ прабавить, что и *этотъ* не имѣетъ также денегъ.

— Очень-хорошо, говоритъ мистеръ Телькингорнъ : — тогда вы должны заплатить пополамъ, или вы оба должны быть посажены куда слѣдуетъ. Нельзя же позволять вамъ безнаказанно брать въ свой карманъ чужіе фунты стерлинговъ, шиллинги и пенсы. Вы сдѣлали долгъ, должны его уплатить такъ или иначе.

Адвокатъ садится въ свои покойныя кресла и шевелитъ щипцами въ каминѣ.

Мистеръ Джорджъ надѣется, что онъ будетъ такъ добръ...

— Я вамъ замѣтилъ ужъ, сержантъ, что мнѣ не о чемъ говорить съ вами. Я не нуждаюсь въ вашемъ обществѣ и не люблю его. Долговыя дѣла не входятъ въ кругъ моихъ занятій. Я взялся за ваше дѣло только по просьбѣ мистера Смольвида; вамъ надо идти къ Мельхиседеку въ Кляйфордскую Палату.

— Извините меня, сэръ, что я беспокою васъ, говоритъ мистеръ Джорджъ : — но это обстоятельство ужасно-тягостно для меня; позвольте мнѣ сказать вамъ нѣсколько словъ съ глазу-на-глазъ.

Мистеръ Телькингорнъ медленно встаетъ и, засунувъ руки въ карманъ, отходитъ въ углубленіе окна.

— Говорите пожалуйста, скорѣй: мнѣ некогда.

Несмотря на маску совершеннѣйшаго равнодушія, адвокатъ проницательнымъ глазомъ смотритъ на сержанта, стараясь поставить его въ такое положеніе, чтобъ огонь камня падалъ ему прямо на лицо.

— Вотъ что я вамъ скажу, сэръ, говоритъ мистеръ Джорджъ : — мой товарищъ также запутанъ въ это непріятное дѣло, но только номинально, единственно номинально, и все мое желаніе состоитъ въ томъ, чтобъ избавить его отъ отвѣтственности за мои ошибки. Товарищъ мой, почтенный человекъ, человекъ женатый, семейный; служилъ въ королевской артиллеріи...

— Любезный другъ, я и знать не хочу вашу королевскую артиллерию... вашихъ офицеровъ, солдатъ, амуницію и прочаго.

— Въ этомъ я совершенно увѣренъ, сэръ; но мнѣ-то хочется не причинять беспокойства Багнету, его женѣ и всему его почтенному семейству. И еслибъ я могъ выпутать его изъ этихъ неприятныхъ обстоятельствъ, то я тотчасъ бы представилъ вамъ тѣ бумаги, которыми вы отъ меня требовали прошлый разъ.

— Бумаги съ вами?

— Со мной, сэръ.

— Будьте же внимательны сержантъ, говорить законникъ своимъ сухимъ, безстрастнымъ голосомъ, отымающимъ всякую надежду: — я говорю съ вами послѣдній разъ объ этомъ предметѣ. Вы можете оставить здѣсь на нѣсколько дней эти бумаги, о которыхъ вы говорите, или можете взять ихъ съ собою обратно. Если вы ихъ оставите здѣсь, то я могу для васъ вотъ что сдѣлать: я могу устроить дѣло попрежнему, даже могу дать вамъ письменное свидѣтельство, по которому вашъ Багнетъ не будетъ подвергаться никакимъ взысканіямъ до-тѣхъ-поръ, пока не истощатся ваши средства окончательно. Словомъ сказать: Багнетъ будетъ освобожденъ. Что жъ вы сдѣлаете?

Кавалеристъ засовываетъ руку въ боковой карманъ и говоритъ съ тяжелымъ вздохомъ:

— Я долженъ отдать бумагу.

Мистеръ Телькингорнъ надѣваетъ очки, садится за столъ и пишетъ свидѣтельство; во время письма онъ дѣлаетъ наставленія Багнету, объясняетъ ему, что онъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, не будетъ подвергаться взысканію. Мистеръ Багнетъ, любовавшійся до-сихъ-поръ расписными плафонами, прикрываетъ ладонью свою лысину, какъ-бы предохраняя ее отъ дождеваго порыва, и видно, что онъ крѣпко нуждается въ старухѣ, чтобъ выразить *черезъ* нея свои чувствованія.

Кавалеристъ достаетъ изъ кармана свернутую бумагу, съ тяжелымъ вздохомъ кладетъ ее къ локтю адвоката и говоритъ, что это инструкция, послѣдняя, которую онъ получалъ, находясь на службѣ.

Мистеръ Телькингорнъ беретъ инструкцію, развертываетъ и читаетъ.

— Что смотришь, Джорджъ, ты на его лицо? на немъ ты увидишь столько же выраженія, сколько на жерновомъ камнѣ, хотя бы ты тутъ простоялъ цѣлый вѣкъ!

Мистеру Телькингорну нѣ о чемъ больше говорить съ ними; ему остается только кивнуть имъ головой и довольно-невѣжливо вымолвить: — можете идти. Проводи ихъ.

Будучи выпровождены, они идутъ мѣрнымъ шагомъ въ резиденцію мистриссъ Багнетъ обѣдать.

Вареная говядина и зелень замѣняютъ сегодня ветчину и зелень прошедшаго обѣда. Мистриссъ Багнетъ, въ самомъ пріятномъ расположеніи духа, обѣдляетъ всѣхъ приличными порціями, снабжая каждую изъ нихъ извѣстнымъ количествомъ зелени. Она такая славная старуха, при ней какъ-то невольно-хорошо, и съ радостнаго, добраго лица ея падаетъ свѣтъ на всѣ темные уголки; въ настоящее время самый темный уголокъ: это нахмуренный лобъ мистера Джорджа; сначала она предоставляетъ разогнать грусть своего гостя соединеннымъ усиліямъ Квибеки и Мальты, но, замѣтивъ, что они не узнаютъ своего стараго Блюффи, мистриссъ Багнетъ отзываетъ обратнымъ сигналомъ застрѣльщикова и у домашнего очага даетъ полный просторъ Джорджу излить свою душу.

Джорджъ, однакожъ, души не изливаетъ. Грусть попрежнему гнетётъ и давить его. Во время продолжительнаго процесса чистки и омыванья, мистеръ Джорджъ, сидя за трубкой съ мистеромъ Багнетомъ, не сдѣлалъ ни шага впередъ изъ своей задумчивости. Онъ унылъ, забываетъ курить, пристально смотритъ на огонь, ставитъ трубку въ сторону и, выражая такимъ образомъ, что и табакъ не производитъ на него хорошаго впечатлѣнія, исполняетъ сердце мистера Багнета смущеніемъ и страхомъ.

Вслѣдствіе этого, когда къ очагу явилась мистриссъ Багнетъ, разкраснѣвшаяся отъ усиленнаго мытья, и спокойно взялась за иголку, мистеръ Багнетъ не вытерпѣлъ, проворчалъ: — Старуха! и кивнулъ на мистера Джорджа.

— Что съ вами, Джорджъ, говоритъ мистриссъ Багнетъ, не покидая своей работы: — отчего вы такой убитый?

— Я думаю, я нагналъ на васъ тоску.

— Онъ сегодня совсѣмъ не Блюффи, ма, вскричала Мальта.

— Онъ вѣрно нездоровъ, ма, прибавила Квибекъ.

— Да, да мои миленькія, я не похожъ на Блюффи, отвѣчаетъ кавалеристъ, цалуя ихъ нѣжно и потомъ прибавляетъ со вздохомъ: — эти дѣти говорятъ правду!

— Джорджъ, говоритъ мистриссъ Багнетъ, прилежно занимаясь работой: — если вы разсердились на мои глупыя слова, такъ я, право, не знаю, что вамъ и сказать на это.

— Вы добрая и честная душа, отвѣчаетъ кавалеристъ: — и мнѣ грѣшно было бы на васъ сердиться.

— Сказать вамъ по правдѣ, Джорджъ, я потому говорила такъ го-

риво, что встряла вамъ своего Бакаута и была увѣрена, что вы его выпутаете. И вы его выпутали благородно.

— Спасибо, спасибо вамъ, дорогая мистриссъ Бэгнетъ, говоритъ Джорджъ: — я вамъ очень-благодаренъ за ваше доброе мнѣніе.

Высказывая свою благодарность отъ чистаго сердца, Джорджъ не-крепко пожимаетъ руку добѣйшей мистриссъ Бэгнетъ, которая работаетъ сидя рядомъ съ нимъ, останавливается на ея веселомъ лицѣ задумчивый взоръ свой и, посмотрѣвъ пристально нѣсколько секундъ, обращается къ молодому Вульвичу и подзываетъ къ себѣ знаменитаго горниста.

— Посмотри крестникъ, говоритъ мистеръ Джорджъ, тихо разглаживая своей тяжелой рукой волосы матери: — посмотри на эти волосы, на это доброе, прекрасное лицо: оно нѣсколько тронута загаромъ, солнце и погода не пощадилъ его немножко въ тѣ дни, когда она сопутствовала твоему отцу далеко, далеко, и заботилась о тебѣ; но оно свѣжо, свѣжо какъ спѣлое, наливное яблоко.

Лицо мистера Бэгнета выражаетъ удовольствіе и сочувствіе на столько, сколько позволяетъ его деревянность.

— Прійдетъ время, другъ мой, продолжаетъ кавалеристъ: — когда убѣлятся эти волосы сѣдиною, когда этотъ гладкій лобъ будетъ испещренъ взадъ и впередъ морщинами и она будетъ тогда славная старушка. Старайся, пока ты еще молодъ, быть въ правѣ сказать въ эти дни: «не горе отъ меня убѣлило эту прекрасную голову; не горе отъ меня наложило эти глубокія морщины». И ты будешь счастливъ, если будешь въ-правѣ произнести эти слова.

Мистеръ Джорджъ встаетъ съ своего стула, сажаетъ Вульвича рядомъ съ матерью и говоритъ нѣсколько-торопливо, что хочетъ выкурить трубку на улицѣ.

ГЛАВА XXXV.

Разсказъ Эсфири.

Я лежала въ постелѣ нѣсколько недѣль, и обыкновенный образъ нашей жизни, представлялся моему воображенію, какъ воспоминаніе давно-минувшаго. Причиной этому не столько было время, сколько пережѣна всѣхъ моихъ привычекъ въ этомъ тяжеломъ, болѣзненномъ состояніи. Уже черезъ нѣсколько дней, послѣ того, какъ я заболѣла, всѣ предметы уходили отъ меня въ даль, въ которой все смѣшивалось въ одинъ моментъ, несмотря на то, что событія моей жизни отдѣлялись другъ отъ друга годами. Заболѣвъ, я какъ-будто перешла черезъ об-

ширное болото, покинувъ на твердомъ берегу всё мои понятія и впечатлѣнія, исчезающія и пережъшивающіяся въ туманной дали.

Мысль, что мое хозяйство, покинутое мною на время болѣзни, пойдетъ не такъ исправно, какъ шло при мнѣ, сначала живо беспокоила меня, но мало-по-малу обязанности мои въ Холодномъ Домѣ стали смѣшиваться въ умѣ моемъ съ обязанностями въ Гринлифъ и наконецъ съ моимъ занятіями въ лѣтніе вечера въ Виндзорѣ, когда, бывало, возвращаясь съ портфелемъ домой изъ пансіона, я любовалась своей ребяческой тѣнью.

До-сихъ-поръ я не понимала, что жизнь въ-самомъ-дѣлѣ очень коротка и что умъ нашъ окружаетъ ее очень-тѣсными предѣлами.

Когда болѣзнь моя усилилась, вся прошедшая жизнь моя слилась въ моемъ воображеніи не больше, какъ въ одинъ день. Я заразъ была для себя самой и ребенкомъ, и взрослой дѣвушкой, и тѣтушкой Дердонъ, и заботы всѣхъ этихъ трехъ возрастовъ, раздѣленныхъ на самостоятельными значительными промежутками времени, сливались между собою съ такой быстротою, и согласованіе ихъ требовало такихъ мучительныхъ и тягостныхъ усилій, что врядъ-ли можетъ кто-нибудь повѣрить такому невыносимому состоянію, въ которомъ я находилась.

По той же причинѣ, я почти считаю лишнимъ разсказывать мои кошмары въ тотъ періодъ болѣзни, который сливался для меня въ одну ночь, хотя я и была убѣждена, что онъ состоялъ изъ цѣлаго ряда дней и ночей, въ тотъ періодъ, когда мнѣ казалось, что я поднимаюсь по нескончаемымъ лѣстницамъ, поднимаюсь высоко и потомъ опять падаю, и опять поднимаюсь, какъ червякъ, ползущій на дерево и встрѣчающій безпрестанныя преграды. По-временамъ я какъ-будто приходила въ себя; я чувствовала прикосновеніе Черли; но эти секунды сознанія смѣнялись тотчасъ же бредомъ и я говорила ей: — Черли, Черли, опять эти страшныя лѣстницы; Черли, держи меня, я падаю, падаю!.. И опять мнѣ казалось, что я снова поднимаюсь выше-и-выше.

Мнѣ странно и самой вспомнить то время, когда мелькали передо мной какіе-то бѣлые призраки, облекая меня огненными ожерельями, съ которыми я еросталась и сливалась въ одну цѣпь! О! какъ тягостно было для меня это сліяніе! какъ жарко молилась я, чтобъ Провидѣніе оторвало меня отъ этихъ жгучихъ звѣнцевъ! это была страшная, невыразимая агонія!

Но, быть-можетъ, чѣмъ меньше я буду говорить объ этомъ, тѣмъ меньше навѣю грусти на душу читателя и тѣмъ болѣе буду ему понятна; впрочемъ, не длятого заглянула я подъ печальную завѣсу болѣзни, чтобъ возбудить въ комъ-нибудь грустныя чувства; мнѣ, напро-

тивъ, кажется, что еслибъ разобрать подробнѣе всѣ тѣ ощущенія, которыя чувствуются на рубежѣ жизни и смерти, ихъ легче было бы переносить въ скорбныя минуты страданій.

Я думаю, что легче понять наступившее послѣ спокойствіе — этотъ сладостный, продолжительный сонъ, эту неземную тишину, посреди которой я бы, кажется, была готова принять безропотно смерть и съ нѣжной любовью проститься съ людьми, въ которыхъ сосредоточивалась вся моя жизнь. Въ такомъ состояніи засталъ меня дневной свѣтъ, и какое радостное чувство исполнило мою душу, когда я убѣдилась, что болѣзнь не лишила меня зрѣнія!

Грѣзы мало-по-малу уступали мѣсто сознанию; я начала слышать, какъ плакала Ада и день и ночь у дверей моей комнаты, какъ она упрекала меня въ жестокости и въ томъ, что я ее разлюбила; какъ она умоляла, чтобъ ее впустили ко мнѣ, чтобъ дозволили ей ухаживать за мной! — «Черли! не впускай мою милочку» говорила я, когда была въ-состояніи произнести нѣсколько словъ, «не впускай ее ни за что въ мірѣ, буду ли я жива или умру» — и Черли была вѣрна мнѣ просьбамъ и никогда не отворяла дверей.

Зрѣніе мое стало укрѣпляться, благотворный свѣтъ приходилъ радостнымъ вѣстникомъ выздоровленія; я была въ-состояніи читать писма моей милочки, могла цаловать ихъ, не боясь причинить ей вреда. Я уже видѣла, какъ моя маленькая горничная разставляла своей заботливой ручонкой мѣбель и всѣ предметы, слышала, какъ она говорила съ Адой изъ отвореннаго окна. Я понимала причину тишины въ домѣ, понимала ту озабоченность, съ которой всѣ любящіе меня думаютъ обо мнѣ. Я была въ-состояніи даже плакать и въ изнеможеніи ощущала то же самое блаженство, которымъ сердце мое было исполнено въ дни здоровья.

Съ каждымъ днемъ силы моя укрѣплялись. Я понемногу стала выходить изъ апатичнаго состоянія и наконецъ стала пособлять въ хлопотахъ о самой себѣ, и жизнь снова приобрѣла для меня всю свою прелесть.

Съ какимъ сладостнымъ чувствомъ вспоминаю я тотъ вечеръ, когда, привставъ съ постели, я первый разъ сѣла за чайный столликъ съ маленькой Черли. Славная дѣвочка, ниспосланная Провидѣніемъ для наблюденій и присмотра за больными и слабыми, была такъ счастлива, такъ дѣятельна; въ восторгѣ своемъ, она часто бросалась ко мнѣ на грудь, цаловала меня и со слезами твердила мнѣ: «какъ я рада, о какъ я рада!»

— Черли, сказала я ей : — если ты будешь плакать, то я опять лягу въ постель, потому-что я еще очень-слаба.

И Черли успокоилась, принялась за свои хлопоты, бродила съ одного мѣста на другое, прибирала наши двѣ комнаты, и когда наконецъ чайный столъ, украшенный цвѣтами заботливою рукою Ады, былъ поставленъ у моей кровати, я чувствовала себя достаточно-твердою, чтобъ передать Черли нѣкоторыя мои мысли.

Вопервыхъ, я поблагодарила ее за опрятность, въ которой содержалась моя комната; и въ-самомъ-дѣлѣ, воздухъ въ ней былъ чистъ и свѣжъ, и я едва могла вѣрить, что такъ долго была больна. Слова мои восхитили Черли.

— Черли, сказала я, озираясь вокругъ:—здѣсь чего-то недостаетъ?

— Кажется все, миссъ, отвѣчала бѣдняжка.

— Всѣ ли картины на своихъ мѣстахъ?

— Всѣ на своихъ, миссъ.

— А мѣбель, Черли?

— И мѣбель, миссъ, вся здѣсь; я только ее раздвинула, чтобъ болѣе оставить простора въ комнатѣ.

— Ахъ, Черли, вотъ чтò, я теперь вспомнила: здѣсь нѣтъ зеркала.

Черли быстро вскочила изъ-за стола и побѣжала въ другую комнату, какъ-будто бы что-то позабыла тамъ, и я услышала, что она горько рыдаетъ.

Я позвала ее къ себѣ обратно. Она пришла, сначала притворно улыбаясь, но, по мѣрѣ приближенія къ моей постели, личико ея стало-вилось задумчивѣе и грустнѣе.

— Черли, сказала я, обнявъ ее нѣжно:—не безпокойся, дитя мое, чтò мнѣ до моей наружности; какова бы ни была я собою теперь, мнѣ всегда будетъ отрадно съ такой милой горничной, какъ ты.

И я говорила правду. Я долго думала о перемѣнѣ въ моемъ лицѣ и готова была перенести эту перемѣну безъ всякаго испуга и содроганія.

Теперь я была уже въ-состояніи вставать съ постели, садиться въ кресло и даже, съ помощью Черли, пройтись до другой комнаты. Зеркало снято со стѣны и тамъ; но это обстоятельство не усложняло тягости испытанія.

Опекунъ мой давно уже желалъ навѣстить меня, и въ настоящее время я не имѣла основательной причины лишить себя этого удовольствія. Однажды утромъ онъ вошелъ ко мнѣ, обнялъ меня и могъ произнести только слѣдующія слова: «милая, милая дѣвушка!»

Кому лучше меня могла быть извѣстна его высокая душа, его бла-

городное сердце, и уже-ли я могла много огорчаться переменною моею наружності, видя какъ онъ меня любить и теперь?

Онъ сѣлъ рядомъ со мною на софу; нѣсколько времени не отнималъ рукъ отъ своего лица; но наконецъ превозмогъ свое волненіе и началъ говорить со мною своимъ прежнимъ, внушающимъ довѣріе, голосомъ :

— Ну, маленькая старушка, сказалъ онъ:—тяжело безъ тебя; мы всѣ соскучились ужасно!

— Все поправится, добрый опекунъ мой.

— Давай Богъ только, чтобъ скорѣе, говорилъ онъ нѣжно:—мы съ Адой стосковались безъ тебя; подруга твоя Кадди пріѣзжала и уѣзжала нѣсколько разъ; всѣ въ домѣ скучали въ твое отсутствіе и даже бѣдный Рикъ, подъ вліяніемъ опасенія за твою жизнь, писалъ ко мнѣ.

— Я знала, что Кадди навѣщала меня, изъ писемъ Ады, но о Ричардѣ она мнѣ не писала ни слова.

— Я счелъ за лучшее не показывать ей письма его, душенька.

— Вы говорите, добрый опекунъ мой, съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ, что онъ писалъ къ вамъ; развѣ вы забываете, что вы для него лучший другъ, что вы для него нѣжный отецъ?

— Богъ знаетъ, моя милая, говорилъ опекунъ мой:—кажется, онъ не такихъ обо мнѣ мыслей; письмо его похоже болѣе на протестъ, чѣмъ на родственное привѣтствіе: оно холодно, натянуто, сухо. Но, что дѣлать, мы должны простить ему этотъ небольшой промахъ. Пронесъ по дѣлу Жарндисовъ исказилъ меня въ его глазахъ и сбилъ его самого съ толку. Я это предвидѣлъ. Я убѣжденъ, что нѣтъ человѣка, который, попавъ въ Оберканцелярію, не обратился бы въ демона.

— Однакожъ Оберканцелярія не измѣнила васъ, добрый опекунъ мой.

— Какъ не измѣнить, милочка, отвѣчалъ онъ шутя:—и меня измѣнила, по-крайней-мѣрѣ не разъ южный вѣтеръ смѣнялся восточнымъ. Рикъ не довѣряетъ мнѣ и подозрѣваетъ меня, ходитъ къ адвокатамъ, совѣщается съ ними и еще болѣе утверждаетъ въ недовѣрїи и подозрѣніяхъ. Ему кажется, что я отставваю свои интересы, запутываю его... и подобныя пустяки; между-тѣмъ, какъ я готовъ былъ пожертвовать всѣмъ, чтобъ только избавиться отъ этого шевеленья париковъ; готовъ былъ бы отказаться отъ всѣхъ правъ, которыя предоставляет мнѣ болтовня этихъ величественныхъ говоруновъ; но что дѣлать, никакая сила не въ-состояніи выпутать меня изъ этого отвратительнаго процесса.

— Уже-ли, добрый опекунъ мой, говорила я съ стѣсненнымъ сердцемъ:—Ричардъ рѣшается имѣть къ вамъ недовѣріе?

— А, душа моя, отвѣчалъ онъ: — ты не знаешь, какой тонкій ядъ разливаетъ Оберканцелярія! Рикъ зараженъ этимъ ядомъ; онъ видитъ все навыворотъ, видитъ все не въ надлежащемъ свѣтѣ. Что дѣлать, это не его вина.

— Но вѣдь это страшное несчастье, добрый опекунъ мой.

— Страшное несчастье, маленькая старушка; но что же дѣлать, таково вліяніе безконечнаго процесса по дѣлу Жарндисовъ; но во всякомъ случаѣ, душа моя, мы должны быть терпѣливы съ Рикомъ и не осуждать его скоро. Сколько юныхъ, свѣжихъ сердецъ, подобныхъ сердцу Рика, было испорчено, было заражено враждебной Оберканцеляріей.

— Грустно, очень-грустно видѣть, добрый опекунъ мой, что ваши честныя и благородныя намѣренія имѣютъ такое жалкое возмездіе.

— Это слишкомъ-рѣзко сказано, тѣтушка Дердонъ, отвѣчалъ онъ весело:—ты позабыла Аду: она, я думаю, совершенно-счастлива, а это уже достаточное вознагражденіе. Правда, я надѣялся, что Рикъ и Ада будутъ всегда вѣрными моими друзьями, что мы рука-объ-руку будемъ бороться съ злосчастной тяжбой, и если не выйдемъ побѣдителями, по крайней-мѣрѣ не дозволить ей разлить въ насъ ядъ недовѣрія и вражды; но я вижу, что я хотѣлъ многого; Рикъ не выдержалъ этой заразы и отпадаетъ отъ насъ, какъ сгнившій сукъ отпадаетъ отъ дерева.

— Но, можетъ-быть, добрый опекунъ мой, опытъ научить его, какъ обманчивы, какъ тщетны надежды на Оберканцелярію.

— Будемъ надѣяться, Эсэиръ, будетъ желать, чтобъ опытъ не научилъ его поздно. Но во всякомъ случаѣ, мы не должны осуждать его. Врядъ ли много найдется людей въ зрѣломъ возрастѣ, которые, запутавшись въ Оберканцеляріи, не измѣнились бы и физически и нравственно въ три, даже въ два, въ одинъ годъ. Можно ли послѣ этого удивляться поступкамъ Рика? Молодой человѣкъ, столько несчастный (и мистеръ Жарндисъ понизилъ голосъ), можетъ ли скоро, помять — да и кто въ-состояніи помять съ перваго раза? — какую бездну зла и путаницъ заключаетъ въ себѣ Оберканцелярія? Онъ надѣется на ея справедливость, а она хитро обманываетъ его надежды, сушитъ его и нравственно и физически, увлекаетъ въ свои сѣти все болѣе и болѣе... Но довольно объ этомъ, моя милая!

Онъ обнималъ меня такъ нѣжно, такъ ласково смотрѣлъ на меня! Голова моя невольно склонилась къ его плечу съ чувствомъ дѣтской привязанности и я дала себѣ слово, во что бы ни стало, непременно повидаться съ Ричардомъ и разъяснить ему грубое его заблужденіе.

— Для такого радостнаго дня, какъ день выздоровленія милой Эсэири, есть у меня въ запасѣ болѣе-пріятныя вѣсти, и вотъ одна изъ

внхъ: Ада съ нетерпѣніемъ желаетъ тебя видѣть. Скажи, когда можно ей къ тебѣ придти? сказалъ мистеръ Жарндисъ.

Я объ этомъ и сама думала; но зная какъ тягостно будетъ намъ это свиданіе, я хотѣла отложить его до-тѣхъ-поръ, пока силы мои не укрѣнятся совершенно, и потому отвѣчала ему:

— Добрый онекунъ мой, я ее давно не видала, очень-давно, а она для меня все-равно, что свѣтъ...

— Знаю, тѣтушка Дердонъ, знаю.

Онъ былъ такъ добръ, слова его исполнены такимъ вѣжннмъ, трогательнымъ чувствомъ, что сердце мое забилося и я не могла продолжать далѣе.

— Ты утомилась, милочка, отдохни.

— Такъ-какъ я давно, очень-давно не видала Ады, начала я снова, немного успокоившись: — то мнѣ кажется не продлить ли еще нѣсколько времени эту разлуку. Мнѣ бы даже хотѣлось уѣхать отсюда, недѣлю или двѣ провести съ Черли въ деревнѣ, и когда силы мои воокрѣпннутъ на свѣжемъ воздухѣ, я буду въ-состояніи перенести первыя минуты свиданія, которыя для насъ, во всякомъ случаѣ, тягостны.

Я не думаю, чтобъ желаніе мое было несправедливо. Мнѣ хотѣлось прежде привыкнутьъ самой къ моей измѣнившейся наружности, а потомъ уже встрѣтиться съ Адой, которую я такъ нетерпѣливо желала видѣть. Мистеръ Жарндисъ понялъ мысль мою и, я думаю, не осудилъ меня.

— Наша маленькая хозяйка, сказалъ онъ мнѣ нѣжно: — хочеть вставить, какъ я вижу, на-своемъ... Кстати, я получилъ письмо отъ Бойтсорна: онъ клянеться страшнымъ образомъ, говорить, что онъ не оставитъ камня на камнѣ въ своемъ хуторѣ, если заботливая Эсэиръ не пріѣдетъ въ Чизни-Вольдъ провѣсти нѣсколько недѣль.

Съ этими словами мистеръ Жарндисъ передалъ мнѣ письмо, которое не начиналось обыкновеннымъ вступленіемъ, какъ, наприимѣръ: «милый мой Жарндисъ!» — но прямо раздражалось слѣдующими заклятіями: «клянусь, если миссъ Семерсонъ, не захочеть посѣтить мой хуторъ, который завтра въ часъ пополудни имѣеть вступить въ ея владѣнія, то я не оставлю камня на камнѣ» и прочее. При всемъ нашемъ уваженіи къ писателю, мы дозволили себѣ похохотать отъ чистаго сердца надъ его письмомъ, сколько радушнымъ столько и забавнымъ.

Что касается до меня, то я съ удовольствіемъ готова была принять предложеніе мистера Бойтсорна, потому-что изъ всѣхъ загородныхъ мѣстъ Чизни-Вольдъ плѣнялъ меня всего болѣе.

— Ну, маленькая хозяйка, сказалъ онекунъ мой, взглянувъ на

часы : — я отпущенъ къ тебѣ на срокъ; боясь, чтобъ разговоръ тебя не утомилъ, мнѣ позволено наслаждаться твоей бесѣдой только известное число минутъ; теперь конецъ нашему свиданію и, на прощаньи, я скажу тебѣ еще слѣдующую вещь. Маленькая миссъ Флайтъ, услыхавъ о твоей болѣзни, приходила сюда навѣстить тебя и, вообрази, бѣдняжка отцеголяла двадцать миль пѣшкомъ въ бальныхъ башмачкахъ; хорошо еще, что застала насъ дома, а то пожалуй • пришлось бы ей вернуться назадъ, не отдохнувъ отъ такой утомительной прогулки.

Они попрежнему старались о томъ, чтобъ доставить мнѣ всевозможныя удовольствія. О, Боже, какъ ты милостивъ ко мнѣ!

— Теперь душенька, продолжалъ опекунъ мой:—можешь ли ты принять это безвредное существо когда-нибудь послѣ обѣда, до того времени, когда ты отправишься спасать хуторъ Бойтсорна отъ окончательнаго разрушенія? я увѣренъ, что приемъ твой сдѣлаетъ ей больше удовольствія, чѣмъ мой приемъ, хотя я ношу столь важное въ глазахъ ея имя Жарндисовъ.

Я не сомнѣваюсь : мистеръ Жарндисъ зналъ, что въ образѣ этой бѣдной миссъ Флайтъ я могла почерпнуть для себя назидательный урокъ. Я всегда жалѣла ея; но всего болѣе питала къ ней сожалѣніе въ настоящее время.

Мы условились, чтобъ миссъ Флайтъ пріѣхала ко мнѣ какъ-нибудь къ обѣду, пораньше, и затѣмъ разстались на сегодняшний день.

Когда опекунъ мой ушелъ, я горько заплакала, склонясь на свое изголовье. Съ прежней ребяческой молитвой я умоляла о прощеньи за то, что, посреди столькихъ ласкъ, посреди такой любви, ничѣмъ съ моей стороны незаслуженной, я осмѣливалась быть малодушной и терзаться моей вѣтшной переѣною Молитвы усмирили и успокоили меня.

Опекунъ мой навѣщалъ меня ежедневно. Спустя недѣлю, или дней десять, я была уже въ-состояніи вставать съ постели, ходить по комнатѣ и даже разговаривать съ моей милочкой Адой чрезъ окно изъ-за занавѣсъ ; но я еще не рѣшалась взглянуть на ея хорошенькое личико, хотя могла бы насмотрѣться на нее вдоволь, не бывъ ею замѣченной.

Въ назначенный день пріѣхала миссъ Флайтъ. Она такъ обрадовалась, что забыла свои обычные церемоніи и съ крикомъ: «милая моя Фиц-Жарндисъ»!.. бросилась ко мнѣ на шею и цаловала нѣсколько разъ.

— Ахъ Боже мой! сказала она, всунувъ руку въ ридикюль : здѣсь только одни документы... мнѣ нуженъ платокъ...

Черли подала ей носовой платокъ и бѣдное созданіе поминутно прижимало его къ своимъ глазамъ.

— Отъ радости, милая моя Фиц-Жарндисъ... право только отъ радости, говорила старушка : — вовсе не отъ горя... очень-рада, что вижу васъ... очень-рада... люблю васъ... люблю больше чѣмъ лорда-канцлера... бываю всякій день въ присутствіи... кстати о платкѣ...

При этомъ миссъ Флайтъ взглянула на Черли, съ которой успѣла уже познакомиться при выходѣ изъ длинманса и, замѣтивъ, что Черли избѣгала всякихъ объясненій, продолжала:

— Такъ, точно-такъ... справедливо... очень-справедливо... не зачѣмъ говорить... Милая Фиц-Жарндисъ... между нами... понимаете... я иногда заговариваюсь... Ни слова больше!

— О чемъ вы хотѣли рассказать мнѣ? спросилъ я ее : — ничего, расскажите.

Миссъ Флайтъ вопросительно взглянула на Черли.

— Ничего, сударыня, расскажите, если угодно.

И миссъ Флайтъ, благодарная за дозволеніе, начала рассказъ свой :

— Какъ умна... Не по лѣтамъ... такая маленькая... а такъ умна... милая Фиц-Жарндисъ... любопытный анекдотъ... Вотъ и все... очень-любопытный... кто это провожалъ насъ?... бѣдная женщина... бѣдно-одѣтая...

— Это была Женни, миссъ, сказала мнѣ Черли.

— Точно-такъ, милая... Женни... именно Женни... У нея въ избѣ была леди... леди подъ вуалью... спрашивала о здоровьи моеи Фиц-Жарндисъ... и взяла ея платокъ... отняла платокъ... потому-что платокъ былъ отъ Фиц-Жарндисъ... Леди подъ вуалью... да!..

Я вопросительно взглянула на Черли.

— Дѣйствительно, миссъ, отвѣчала на мой взглядъ маленькая Черли: — Женни рассказывала, что когда умеръ ея ребеночекъ, вы накрыли его вашимъ носовымъ платкомъ и она спрятала этотъ платокъ, отчасти потому, что онъ былъ вашъ, а отчасти и потому, что нѣтъ былъ покрытъ ребенокъ.

— Маленькая, шептала миссъ Флайтъ... но очень-умная... очень-умная... Умнѣе адвокатовъ... право умнѣе...

— Да, Черли, я теперь припоминаю...

— Такъ вотъ изволите видѣть, миссъ, продолжала Черли : — этотъ платокъ и взяла леди. Женни не разсталась бы съ нимъ ни за какія деньги, но леди просто отняла платокъ и, бросивъ за него нѣсколько монетъ, скрылась. Женни не знаетъ ея вовсе.

— Кто жъ бы это такая была? спросила я.

— Душа моя, начала мнѣ говорить шепотомъ миссъ Флайтъ, приблизивши губы свои совершенно къ моему уху. — не говорите этой малюткѣ... Но я думаю... это была... жена лорда-канцлера... онъ вѣдь женатъ... она зла.. мучить его... бросаетъ бумаги... жечь документы... если онъ не платитъ за нея брильянтикамъ...

Въ умѣ моеѣ мелькнула мысль, что это была Кади, и потому я не сочла нужнымъ даѣе продолжать разпросы; въ настоящую минуту я была занята перебранками, съ которыми миссъ Флайтъ принималась за обѣдъ. Впервыхъ, она надѣла старый полинявшій шарфъ, наможенные перчатки и, проголодавшись дорогой, принялась съ наслаждениемъ за предлагаемыя блюда.

Когда подали десертъ, миссъ Флайтъ сдѣлалась такъ разговорчива, что я сочла лучшимъ навести ее на разговоръ о прошедшей жизни.

— Вы, я думаю, ужъ нѣсколько лѣтъ присутствуете на засѣданіяхъ лорда-канцлера, миссъ Флайтъ? спросила я ее.

— Да, ужъ нѣсколько лѣтъ, милая Фиц-Жарндисъ... Жду рѣшенія... очень-скоро...

Въ голосѣ ея было столько боязни, что я раскаялась въ своемъ вопросѣ и рѣшилась больше не говорить ни слова.

— Мой отецъ ожидалъ суда, говорила миссъ Флайтъ: — мой братъ... моя сестра... Они всѣ ожидали рѣшенія... и я также ожидаю...

— Они всѣ...

— Да, всѣ умерли, моя милая, всѣ до одного...

Видя ея желаніе продолжать разговоръ, я рѣшилась по-крайней-мѣрѣ пособить ей скорѣе прійти къ концу, и потому сказала:

— Не благоразумнѣ ли бросить всѣ эти ожиданія?

— Безъ-сомнѣнія, милая Фиц-Жарндисъ, безъ-сомнѣнія, отвѣчала она быстро.

— И болѣе не являться въ палату?

— Конечно, конечно!... Очень-тяжело... очень-мучительно... ожидать понапрасну... вся иссохнешь до костей...

И она показала мнѣ свою руку, которая была страшно-худа.

— Но, моя милая, продолжала она съ какою-то таинственностью: — въ Палатѣ притягательная сила... Тс! не говорите малюткѣ... Она испугается, страшно испугается... въ палатѣ притягательная сила... Нельзя оставить ея порога... надо быть... надо ждать...

Я пыталась-было увѣрить ее въ вретивномъ; она терпѣливо выслушала мои слова, но отвѣчала тотчасъ же:

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Вы такъ думаете потому, что я заговори-

ваюсь... заговариваться дурию... Но я тамъ провела нѣсколько лѣтъ; ждала нѣсколько лѣтъ... Это все булава и печать... все онѣ...

— Чтò жь онѣ-то дѣлають?

— Онѣ-то и притягивають людей... сосуть изъ нихъ душевное спокойствіе, сосуть рассудокъ, все сосуть — это страшные демоны...

И она похлопывала меня многозначительно по рукѣ съ тѣмъ, чтобъ успокоить на свой счетъ; въ-самомъ-дѣлѣ, ее можно было принять за сумасшедшую.

— Видите ли, я вамъ расскажу все, продолжала она: — позволите, чѣмъ занималась я прежде? играла на тамбуринѣ? нѣтъ... работала тамбуромъ, и сестра моя работала тамбуромъ. Отецъ и братъ торговали картинами; всѣ жили вмѣстѣ... Было почтенное семейство... Сначала запутался отецъ... его всосала Оберканцелярія; за нимъ потянулось и все. Въ нѣсколько лѣтъ, въ очень-немного, онъ сталъ своенравенъ, бурливъ, золъ, обанкрутился. Онъ страшно измѣнился... его засадили въ долговую тюрьму, тамъ онъ и умеръ. Оберканцелярія всосала брата... сгубило пьянство, бѣшенство, смерть. Оберканцелярія всосала сестру... и привела ее... не спрашивайте къ чему... Те!.. страшно... страшно... Я была нищая, больная; стало полегче, пошла взглянуть на это чудовище. Оберканцелярія и меня втянула, и теперь тамъ, все тамъ и день и ночь тамъ.

Все это рассказала она съ свойственной ей любезностью, но подъ непреоборимымъ вліяніемъ грусти.

— Вы, можетъ-быть, мнѣ не вѣрите, милая Фиц-Жарндисъ!... Ничего, ничего... Я немного путаюсь... Нехорошо... я многихъ видала: сохнуть, вянуть, а все булава и печать; и отецъ мой, и братъ и сестра... Вотъ Кенджъ раскащикъ, и всѣ они, всѣхъ знакомать со мной... Ха, ха, ха!... смѣшно... я знаю, что все напрасно; знаю лучше ихъ. Я видѣла Гредли... и вашъ родственникъ изсохнетъ, зачахнетъ, если не отвлекутъ...

И забавно и грустно было слушать бѣдную старушку; меня въ-особенности смутилъ ея намекъ на будущую судьбу Ричарда. Къ-счастью, мнось Флайтъ скоро перестала говорить на эту тему и быстро перешла къ другой.

— Милая моя Фиц-Жарндисъ! сказала она: — Вы меня не поздравили... мой докторъ-то... какъ?...

— Я право не понимаю, о чемъ вы говорите, отвѣчала я.

— Мой докторъ, мистеръ Вудкаургъ, который былъ ко мнѣ такъ внимателемъ... я ему заплачу, когда кончится судъ, все заплачу... онъ меня выключилъ...

— Но вѣдь ужъ это давно прошло? сказала я ей.

— Но, дитя мое, развѣ вы не знаете, что случилось?

— Нѣтъ, ничего не знаю.

— Какъ, Фиц-Жарндисъ, не знаете, что случилось?

— Не знаю. Развѣ вы забываете, миссъ Флайтъ, что я ужъ давно больна.

— Справедливо, моя милая, справедливо. Я виновата, не то, что забыла... заговариваюсь... Здѣсь все перепуталось... говорила миссъ Флайтъ, указывая на лобъ : — грустныя воспоминанія... булава... печаль... съ нимъ было кораблекрушеніе въ Восточномъ Океанѣ.

— Мистеръ Вудкауртъ потонулъ?

— Не беспокойтесь, моя милая, онъ цѣлъ и невредимъ. Страшная сцена. Смерть во всѣхъ видахъ : тысячи мертвыхъ и умирающихъ; огонь, буря, мракъ... Раздробленные черепы, и мой докторъ былъ общимъ спасителемъ... герой... Спокоенъ, храбръ, спасъ всѣхъ; кормилъ, поилъ, одѣвалъ въ свое платье, и вывезъ на берегъ; всѣ упали къ ногамъ его; всѣ благодарили. Англія говоритъ объ этомъ... благословляютъ его имя... неутонимъ, щедръ, добръ. Гдѣ мой риджюль съ документами? есть описаніе : вы прочтете, непременно прочтете, моя милая...

И я прочла описаніе славнаго подвига, хотя съ трудомъ, потому-что слезы, слезы радости наполняли мои глаза, и какъ я сладко плакала, какъ я гордилась этимъ великодушіемъ, этимъ благородствомъ, за которое сама готова была бы броситься къ его ногамъ и воздать ему благодарность за спасеніе погибавшихъ. Я чувствовала, что ни мать, ни сестра, ни жена не были бы въ-состояніи перечувствовать столько любви къ нему, сколько перечувствовала я въ эти минуты.

Разставаясь со мною, бѣдная старушонка подарила мнѣ это описаніе, вырѣзанное ею изъ газетъ, и я долго, долго углублялась во всѣ его подробности.

— Милая моя, говорила миссъ Флайтъ, прощаясь со мною и драпируясь своимъ изношеннымъ шарфомъ : — моему доктору слѣдуетъ титуль... непременно титуль... не правда ли?... И онъ получить — я въ этомъ увѣрена.

— Какой же титуль, миссъ Флайтъ? отвѣчала я.

— Какъ какой титуль, Фиц-Жарндисъ?

Я сказала ей, что въ Англіи не даютъ никакихъ титуловъ за мирныя дѣла, какъ бы они ни были блестящи и исполнены самопожертвованія.

— Богъ съ вами, Фиц-Жарндисъ, что вы говорите. Взгляните на

внших перовъ, чѣмъ заслужили перство?... умомъ, распорядительно-
стью, самопожертвованіемъ...

Я была увѣрена, что она такъ думаетъ; на нее находили минуты
совершеннаго сумасшествія...

Теперь я могу разстаться съ секретомъ, который таила до-сихъ-
поръ. Мнѣ иногда казалось, что мистеръ Вудхауртъ влюбленъ въ
меня, и что онъ признался бы въ любви еслибъ былъ богаче. И я
думала, какъ бы я была счастлива въ минуту этого признанія. Но все
устроилось къ-лучшему! Еслибъ мы разстались съ нимъ какъ же-
нитъ и невѣста, какъ горестно было бы мнѣ теперь написать къ нему,
что меня обезобразила болѣзнь, и что я разрываю объѣтъ, связывающій
его съ дѣвушкой, которую онъ прежде не видывалъ.

Это была бы страшная, горькая пытка! Между-тѣмъ, какъ теперь
я встрѣчу его увѣнчаннаго славой, безъ упрековъ, съ чистымъ и не-
виннымъ сердцемъ.

Да, все устроилось къ-лучшему!

ГЛАВА XXXVI.

Чизни-Вольдъ.

Я не вдвоемъ съ Черли отправилась въ Линкольншайръ. Добрый
опекунъ мой не рѣшался оставить меня одну до-тѣхъ-поръ, пока я не
буду охранена неприступными стѣнами бойтсорскаго хутора. Онъ про-
вожалъ насъ до владѣній своего друга, куда мы прибыли черезъ
два дня пути. Всякое дуновение вѣтерка, всякій цвѣтокъ, всякая зелень,
всякое бѣгущее по небу облачко, словомъ: все, встрѣчающееся моимъ
глазамъ, казалось мнѣ очаровательнѣе прежняго. Это было первымъ
вознагражденіемъ за мою болѣзнь.

Мы сговорились съ мистеромъ Жарндисомъ о днѣ моего свиданія съ
Адой. Опекунъ мой не желалъ долго оставаться на хуторѣ; пробывъ
со мною часа съ полтора, простился и уѣхалъ обратно, взявъ отъ меня
письмо къ моей мнлочкѣ.

Еслибъ добрая фея однимъ мановеніемъ своего жезла воздвигнула
мнѣ, какъ единственной своей наперстницѣ, волшебный замокъ, то врядъ
ли бы я встрѣтила въ немъ болѣе радушія и болѣе торжественный
пріемъ. Для меня было сдѣлано множество приготовленій; вездѣ была
видна удивительная заботливость, вниманіе къ исполненію моихъ при-
хотей, моихъ малѣйшихъ желаній, такъ-что прежде чѣмъ я успѣла
обойти всѣ комнаты и налюбоваться ихъ убранствомъ, я должна была
отдыхать нѣсколько разъ, потому-что волненіе лишило меня сна, еще
до-сихъ-поръ очень-слабыхъ. Я показала все Черли, и ея неподдѣль-

ный восторгъ дѣйствовалъ на меня успокоительно. Въ саду Черли истощила весь свой запасъ восторженныхъ словъ, и я была такъ спокойно-счастлива, какъ только могла. Какое было для меня наслажденіе, когда, послѣ чая, я была въ-состояніи сказать себѣ :

— Эсмиръ, какъ ты должна чувствовать всѣ благодѣянія, которыя тебѣ дѣлаютъ; какъ ты должна радоваться, что теперь можешь сѣсть и написать благодарственное письмо твоему внимательному хозяину!

Мистеръ Бейтсориъ оставилъ очень-любезное письмо на мое имя и, въ знакъ своего совершеннаго довѣрія, поручилъ мнѣ заботу о своемъ единственномъ другѣ—птичкѣ.

Я писала къ нему въ Лондонъ, какъ весело цвѣтутъ любимыя его растенія; какъ его канарейка, удивительнѣйшая изъ всѣхъ птичекъ, прешла мнѣ радостно свое привѣтствіе; какъ, къ удивленію маленькой Черли, прыгала она по моей головѣ, по моимъ плечамъ, и какъ теперь сидитъ въ уголку въ своей клеточкѣ и, не знаю что дѣлаетъ, дремлетъ или нѣтъ.

Окончивъ и запечатавъ письмо, я отправила Черли спать и сказала ей, что не буду сегодня тревожить ее ночью.

До-сихъ-поръ я еще ни разу послѣ болѣзни не глядѣлась въ зеркало. Это была слабость, которая заставила меня остаться одной и, оставшись я сказала самой-себѣ: — Эсмиръ мужайся, если ты хочешь быть счастливой, если ты хочешь молиться такъ же чистосердечно, какъ молилась прежде. И я рѣшилась быть мужественной; но прежде всего я сѣла въ кресло, пробѣжала мысленно всѣ сдѣланныя мнѣ благодѣянія и прочла всѣ молитвы моего дѣтства.

Волосы мои не были острижены, хотя имъ не разъ грозила опасность. Они были длинны и тонки; я спустила ихъ себѣ на лицо и рѣшилась подойти къ туалету. Зеркало было занавѣшано легкой кисеей; я приподняла этотъ покровъ и нѣсколько времени смотрѣлась сквозь волосы и такимъ образомъ, кромѣ волосъ, ничего не видала. Я отбросила назадъ косы и смотрѣла на незнакомое себѣ отраженіе, спокойный видъ котораго успокоилъ меня совершенно.

О, я очень изумилась! очень, очень!

Сначала лицо мое мнѣ показалось такъ незнакомымъ, что я готова была тотчасъ же отойти назадъ отъ зеркала; но слово: «мужайся Эсмиръ!» удержало меня. Мало-по-малу я начала припоминать черты свои, начала изучать ихъ переибы и увидѣла, что это не тѣ переибы, какихъ я ожидала; хотя всѣ ожиданія мои были весьма-неопредѣлительны, однакожь еслибъ они сбылись, я, кажется, пришла бы въ отчаяніе.

Я никогда не была красавицей и никогда не считала себя за красавицу; но все-таки я была не тѣмъ, чѣмъ казалась теперь. Всѣ признаки юности исчезли съ лица; но, благодаря Бога, безъ горькихъ слезъ я могла переместить эту утрату и, стоя передъ зеркаломъ, спокойно прибирала свои волосы.

Одно обстоятельство смущало меня; о немъ я долго думала. Я сохранила цвѣты мистера Вудкауорта; когда они завяли, я высушила ихъ въ моей любимой книгѣ и никто не зналъ объ этомъ, даже не знала и Ада. Я сомнѣвалась, вѣ-правѣ ли я сберечь эти цвѣты, которые онъ прислалъ особѣ, на меня совершенно-непохожей — великодушнѣ ли съ моей стороны этотъ поступокъ? Я хотѣла даже въ глубинѣ души моей быть къ нему великодушной... да, я хотѣла скрыть отъ него, что я могла бы любить его, быть ему совершенно-преданной. Наконецъ я рѣшилась сохранить этотъ букетъ какъ сокровище, могущее мнѣ напоминать то, что было и что прошло невозвратно. Надѣюсь, что эти чувства не покажутся пошлыми, потому-что они были истинны.

Наутро я старалась, чтобъ Черли застала меня передъ зеркаломъ.

— Милая, милая миссъ! закричала она въ восторгѣ:—вы ли это?

— Это я, Черли, отвѣчала я, покойно причесывая свои волосы.— Не правда ли, я недурна собою и очень, очень-счастлива!

Слова эти облегчили душу моей маленькой горничной; но какъ они были спасительны для меня! Я узнала худшее послѣдствіе моей болѣзни и была спокойна.

Чтобъ по возможности больше укрѣпиться въ силахъ, мы составили съ Черли планъ быть какъ-можно-чаще на воздухѣ; такимъ-образомъ, вставъ рано утромъ, мы прогуливались въ саду до завтрака; послѣ завтрака гуляли въ поляхъ, до обѣда; пообедававъ, шли въ паркъ, подымались на холмы, знакомились со всѣми тропинками и въ полномъ смыслѣ пользовались сельской жизнью. Радужная управительница хутора, никогда не отпускала насъ на прогулки безъ подкрѣпительныхъ и осѣбительныхъ средствъ: идемъ ли мы въ поля, прогуливаемся ли по парку — смотришь она тутъ-какъ-тутъ и держитъ въ рукѣ корзинку, полную прохладительнаго питья и съѣстныхъ припасовъ.

Мистеръ Бойтсорнъ приготовилъ подъ сѣдло собственно для меня хорошенькую и покойную лошадку, съ коротенькой, толстенной шейкой, съ холкой, нависшей на глаза; она галопировала такъ хорошо, какъ-нельзя-лучше. Въ нѣсколько дней она очень привыкла ко мнѣ: шла на мой зовъ, ходила за мной какъ собачка и ѣла изъ моихъ рукъ. Очень-скоро она пріучилась меня понимать совершенно, такъ-что, когда она залѣнится и бредетъ шагомъ подъ тѣнью живой наго-

родя, мнѣ стоитъ только сказать: «Стебсь, что ты такой сонный; такой глупый! ты знаешь какъ я люблю твой галопъ» и Стебсь встряхнетъ разъ-другой головой и пустится въ-скачь, оставивъ позади себя сибьющуюся отъ удивленія Черли. Однажды мы запрягли его въ одноколку и поѣхали вдвоемъ съ Черли; сначала все шло хорошо; вдругъ Стебсь остановился. «Стебсь, что съ тобой? говорила я, право ты меня компрометируешь; поѣзжай пожалуйста», а Стебсь и ухомъ не ведеть, стоитъ себѣ какъ вкопанный, потряхивая гривой. Въ чемъ же дѣло? Ему впились въ голову миллиарды маленькихъ танталовъ—комаровъ и онъ не зналъ какъ отъ нихъ избавиться. Нечего дѣлать, а передала возжи Черли, вышла изъ одноколки и пошла передъ нимъ пѣшкомъ. Стебсь тотчасъ же пошелъ за мной, спряталъ голову мнѣ подъ руку и отряхивалъ своихъ враговъ съ ушей. «Ну Стебсь, ты теперь прогналъ комаровъ, поѣзжай же, голубчикъ», сказала я, садясь снова въ одноколку. Но только—что я сѣла и взялась за возжи, Стебсь опять остановился. Что съ нимъ будешь дѣлать! Я вышла снова изъ экипажа; пошла впередъ пѣшкомъ и въ такой процессіи, сибьющей всю деревню, возвратились мы домой.

Мы были совершенно-правы съ Черли, что называли эту деревню своей родной; въ-самомъ-дѣлѣ, я и прежде знала многихъ жителей и почти всѣхъ дѣтей; а теперь всѣ избушки были мнѣ совершенно знакомы и смотрѣли на меня пріятливо. Я познакомилась въ-особенности съ одной старушкой, очень-преклонныхъ лѣтъ; она жила въ такомъ маленькомъ, крытомъ соломой домикѣ, что ставня, заслоняя окно, закрывала весь фасадъ домика. У этой старушки былъ внучекъ, морякъ; я отъ ея имени писала къ нему письмо, въ заголовкѣ котораго нарисовала уголь камина, гдѣ его нянчила бабушка и стулъ на которомъ онъ сидѣвалъ, бывъ маленькимъ ребенкомъ. Это такъ восхитило всю деревню, что когда внучекъ отвѣчалъ на это письмо и говорилъ, что сохранить его, идя въ Америку, то всѣ крестьяне смотрѣли на меня съ какимъ—то особеннымъ уваженіемъ, какъ на почтмейстера.

Прогулки, игры съ дѣтьми, разпросы и разговоры съ поселянами, ученье съ Черли, длинныя письма къ Адѣ, не давали мнѣ времени грустить и много думать о моей измѣнившейся наружности. Если иногда и случалось задуматься, то стояло только сейчасъ же заняться чѣмъ—нибудь, и я снова становилась веселой. Однажды сердце сильно сжалось во мнѣ, когда одинъ ребенокъ сказалъ своей матери: — мама, отчего эта леди была прежде такой хорошенькой, а теперь такъ измѣнилась? Но видя, что этотъ же самый ребенокъ любить меня попрежнему, попрежнему ласкается ко мнѣ, обнимаетъ

меня своими ручонками, сердце мое скоро успокоилось. И сколько прекрасных нравственных уроков удавалось мнѣ почерпнуть въ этомъ простомъ, безъискусственномъ народѣ! Однажды мнѣ случилось войти въ церковь; тамъ совершался брачный обрядъ, и когда надобно было подписать брачныя условія, пасторъ подавъ перо жениху; безграмотный паренъ поставилъ большой крестъ въ символъ своей фамилии, затѣмъ невеста взяла перо и также начертала крестъ. Это меня очень удивило, я знала, что эта дѣвушка не только была хорошенькая, но и считалась лучшей ученицей въ приходской школѣ. Чтѣ бы это значило, думала я, что она не умѣетъ подписать своего имени? Она замѣтила мое удивленіе, подошла ко мнѣ и сказала тихо, съ слезами на глазахъ: «Онъ добрый, славный человекъ, миссъ, но не умѣетъ писать; онъ научится у меня и мнѣ, миссъ, не хотѣлось его одного выставить безграмотнымъ. Сколько прекрасныхъ, сколько благородныхъ чувствъ въ простой крестьянкѣ, и ужели мнѣ еще не забыть моего безобразія!

Воздухъ такъ благотворно дѣйствовалъ на меня, что вскорѣ румянецъ сталъ покрывать щеки моего новаго лица, какъ покрывалъ щеки прежняго. Черли цвѣла какъ розанчикъ, и мы съ ней веселились цѣлые дни и спокойно спали ночи.

Въ паркѣ Чизни-Вольда было у меня любимое мѣсто для прогулки: это холмъ, на вершинѣ котораго была скамейка; съ этого холма во всѣ стороны разстилались дивныя ландшафты; лѣсъ былъ прочищенъ и сквозь просѣку видѣлось прекрасное произведеніе архитектуры извѣстное подъ названіемъ Террасы Привидѣній. Я съ удовольствіемъ сиживала на этомъ мѣстѣ, думала о фамильной дедлоковой легендѣ, которую мнѣ разсказалъ мистеръ Бойтсорнъ, а Черли, большая охотница до полевыхъ цвѣтовъ, рвала фіалки, которыми была усыяна подношва холма.

Я ни разу не рѣшалась подойти близко къ замку Чизни-Вольдъ, хотя онъ былъ нуть; холодность и надменность миследи и то впечатлѣніе, которое она на меня производила, были, я думаю, причинами, удалявшими меня отъ дома, даже въ ея отсутствіе; но я часто думала о замкѣ, часто воображала на Террасѣ Привидѣній ту женщину, шаги которой раздаются и до-сихъ-поръ, подобно отдаленному эхо.

Однажды, послѣ долгой прогулки пѣшкомъ, пришла я отдохнуть на своемъ любимомъ мѣстѣ, въ паркѣ. Черли поблизости меня срывала цвѣтки; я смотрѣла внимательно на отбѣнную большимъ зданіемъ Террасу Привидѣній. Вдругъ вижу на ней человѣческую фигуру; аллея была такъ длинна, такъ осѣнена густыми вѣтвями громадныхъ деревьевъ, что я съ трудомъ могла замѣтить, что эта фигура была жен-

ская, что это была леди Дедлокъ; она шла ко мнѣ и, какъ мнѣ показалось, быстро, чѣмъ ходитъ обыкновенно.

Неожиданное приближеніе миледи произвело на меня странное впечатлѣніе, не потому, что она шла ко мнѣ слишкомъ-скоро, не потому, что въ манерахъ ея, въ лицѣ, не было и тѣни того высокомерія, которое я привыкла въ умѣ своемъ соединять съ ея чертами лица—нѣтъ; въ ней была какая-то особенность, особенность чарующая, которая приковывала меня на мѣстѣ и я не могла встать и уйти.

Какой-то страхъ овладѣлъ мною до такой степени, что я стала подвигать къ себѣ Черли. Леди Дедлокъ въ минуту приняла свой обыкновенный образъ.

— Не испугала ли я васъ, миссъ Семерсонъ? сказала она, подходя ко мнѣ тихо: — силы ваши должны быть еще слабы; я слышала, что вы были очень-больны; вѣсть эта была для меня прискорбна.

Я не могла отвести глазъ отъ ея блѣднаго лица, точно также, какъ не могла встать со скамейки, на которой сидѣла. Она протянула мнѣ руку и эта мертвенная холодность ея пальцевъ, такъ противорѣчащая ея манерамъ и движенію, положила какой-то волшебный заговоръ на мои блуждающія мысли.

— Вы поправляетесь? спросила она ласково.

— Я себя довольно-хорошо чувствую, миледи.

— Это ваша горничная?

— Да, миледи.

— Отойдите ея домой и погуляемъ вдвоемъ около этого хутора.

— Черли, сказала я: возьми цвѣты свои и поди, моя милая, домой; я сейчасъ буду.

— Черли присѣла, какъ только могла вѣжливо, подвязала чепчикъ и ушла; леди Дедлокъ сѣла на скамейку рядомъ со мной.

Нѣтъ словъ высказать, какія чувства волновали мою душу, когда я увидѣла въ ея рукахъ тотъ носовой платокъ, которымъ я прикрыла умершаго ребенка бѣдной Жени.

Я взглянула на нее, но не могла ея видѣть; я не могла ея слышать, я не могла дышать. Сердце мое сильно билось, кровь приступала къ головѣ и мнѣ казалось, что я расстаюсь съ жизнью. Но когда она прижала меня къ своей груди, когда она цаловала меня, ласкала меня, плакала надо мною, когда она, ставъ на колѣни передо мною, говорила мнѣ: «Дочь моя, милая дочь моя, я... я твоя—несчастная мать, прости меня, прости меня!» когда я увидѣла ее, мечущуюся по голой землѣ какъ-бы въ душевной агоніи, съ какими теплыми чувствомъ благодарила я Бога, что Онъ сгладила, непосланною на ме-

ни болѣзнию, все сходство, которое существовало между нами, и что теперь ни одинъ взоръ не можетъ угадать, какая близкая связь существуетъ между мной и леди Дедлокъ.

Я просила мать мою встать съ земли и не предаваться огорченію. Я говорила безсвязными, отрывистыми словами или, лучше сказать, я старалась дать ей понять, что если есть, можетъ-быть, что-нибудь такое, что я, какъ дочь, могу ей простить, то я ужь давно простила; что сердце мое исполнено къ ней самой гнѣвной, самой пылкой любви; ни время, ни обстоятельства не могутъ нѣмнѣть этихъ чувствъ, и что еслибъ отвернулся отъ нея весь свѣтъ, то любовь дочери не можетъ и не должна ослабнуть, и что я прошу у нея позволенія любить ее, любить какъ только могу, признавать и благословлять ее. И я обняла мою мать, и посреди тихаго лѣтняго вечера все казалось спокойнымъ, кромя нашихъ взволнованныхъ сердець.

— Признавать и благословлять меня ужь поздно, говорила мать моя: — я одинокой должна совершать нуть моей жизни, куда бы она меня ни привелъ. Со дня на день, иногда даже съ часу на часъ я вижу пронасть подъ мои преступными ногами. Но это земное наказаніе, которое я вызвала на свою голову, я переному и скрываю отъ другихъ.

И говоря объ этихъ душевныхъ страданіяхъ, даже въ эти минуты лицо ея приняло надменно-холодное выраженіе, вѣдь которыми она привыкла хоронить свои сердечныя тайны отъ пустыхъ взоревъ толпы.

— Я должна скрывать эту тайну, можетъ или не можетъ она быть открытою, несовершенно для одной себя — нѣтъ: а еще нѣтъ мужа, а безчестная и безчувственная женщина!

Она произнесла эти слова съ такимъ отчаяннымъ шепотомъ, который казался страшнѣе всякаго крика, и бросилась на колѣни, какъ-будто избѣгая моего прикословенія. Всѣ просьбы мои, всѣ мольбы, даже слезы мои не могли заставить ее встать съ земли. «Нѣтъ, нѣтъ (говорила она), вездѣ надменность, вездѣ гордость; но здѣсь, въ эти минуты моей жизни пусть будетъ только униженіе и стыдъ.»

Несчастная мать моя говорила, что во время болѣзни моей она была близка къ сумасшествію. Прежде она не могла подозрѣвать, что я дочь ея. Она единственно пришла затѣмъ сюда, чтобъ поговорить со мной въ первый и послѣдній разъ, послѣ котораго мы больше не должны были видѣться, больше не должны были говорить другъ съ другомъ. Она оставила въ рукѣ моей письмо, которое просила меня сжечь послѣ прочтенія, настолько для нея, (она о себѣ не заботилась), сколько для ея мужа и для меня самой. О, сколько страданій, сколько материнской любви было видно въ эти минуты агоніи! и какое безвычайное

положеніе: отказаться отъ ласкъ дочери, сохранни тайну до гроба, или покрыть позоромъ, предать на поруганіе имя, которое она приняла!

— Но дѣйствительно ли это глубокая тайна? милая мамешка, спросила я: — не-уже-ли никто не знаетъ этого?

— Нѣтъ, отвѣчала мать моя: — тайна эта была очень-близка къ открытію; одинъ случай спасъ меня, другой можетъ погубить не сегодня, такъ завтра.

— Подозрѣваете вы кого-нибудь во враждѣ? сказала я со слезами.

— Не дрожи, не плачь такъ, дитя мое, я недостойна этихъ слезъ, сказала мать моя, поцаловавъ меня нѣжно: — я боюсь одного человѣка и очень боюсь.

— Онъ врагъ вашъ?

— По-крайній-мѣрѣ не другъ. Онъ такъ безстрастенъ, что не можетъ питать никакихъ чувствъ. Онъ адвокатъ сэра Лейстера Деддека, механически вѣренъ ему, но безъ привязанности. Цѣль его быть владѣтелемъ тайнъ феодальныхъ домовъ.

— Имѣетъ онъ подозрѣнія?

— Да.

— Однакожь не на вашъ счетъ? сказала я съ жаромъ.

— Увы! на мой. Онъ слѣдитъ за мной, подыскивается и нѣтъ силъ ускользнуть отъ его преслѣдованій.

— Ужели въ немъ такъ мало состраданія?

— Въ немъ нѣтъ сожалѣнія, но нѣтъ и злости. Онъ совершенно равнодушенъ ко всему, кромѣ своего призванія. Призваніе же его состоитъ въ томъ, чтобъ знать всѣ семейныя тайны и, сообразно съ этими, пріобрѣтаетъ большую или меньшую власть?

— Можете ли вы ему довериться?

— Я ни за что этого не испытаю. Мрачный путь, по которому я шла столько лѣтъ, пусть кончится самъ-собою гдѣ захочетъ. Я буду слѣдить по этому пути до конца, какой бы конецъ ни былъ. Конецъ, быть-можетъ далеко, быть-можетъ близко.

— Вы совершенно рѣшились, милая мамешка?

— Совершенно рѣшилась. Я долго преодолевала глупость глупостью, гордость гордостью, злость злостью, дерзость дерзостью. Я пережила и унесу съ собою въ гробъ эту опасность, если могу. И еслибъ она окружала меня, какъ этотъ лѣсъ окружаетъ Чизни-Вольдъ, я не измѣю своего направленія: у меня одна дорога, только одна.

— Мистеръ Жарндисъ... начала было я, но матушка моя быстро перебила.

— Развѣ онъ подозрѣваетъ? спросила она меня.

— Нѣтъ, отвѣчала я: — онъ не имѣеть никакихъ подозрѣній! И я рассказала, какъ онъ сообщилъ мнѣ мою исторію: — но онъ добръ и чувствителемъ, прибавила я: — и, быть-можетъ, еслибъ онъ зналъ...

Матушка быстро подняла свою руку и закрыла мнѣ ротъ.

— Довѣрься ему вполне, сказала она, помолчавъ немного: — я дамъ тебѣ на это полное согласіе — единственное наследство несчастной матери оскорбленному ребенку; но мнѣ не рассказывай объ этомъ: тиеславіе не покидаетъ меня и теперь.

Я объяснила ей сколько могла, потому-что волненіе отъ звуковъ материнскаго голоса, который никогда не ласкалъ моего ребяческаго слуха, подъ нагѣвъ котораго я никогда не засыпала въ ребяческой колыбели, который никогда не благословлялъ меня, производилъ во мнѣ какое-то сотрясеніе, подъ вліаніемъ котораго я едва понимала, что говорю и что слышу; такъ я объяснила ей, сколько могла, что, быть-можетъ, мистеръ Жарндисъ въ-состояніи помочь ей, вывести ее изъ такого жалкаго положенія.

— Нѣтъ, отвѣчала мать моя: — нѣтъ, это не возможно! никто не можетъ спасти меня; я должна одинокой проходить по этимъ стѣнамъ, открытымъ моими поступками.

— Дитя мое, дитя мое! продолжала она: — послѣдній поцалуй! послѣднее объятіе! Мы больше не сойдемся въ жизни. Надѣяться исполнить то, чего я добиваюсь, значить быть тѣмъ, чѣмъ я была столько времени. Это моя награда, это мое все. Если ты услышишь о леди Дедлокъ, блестящей, окруженной теплою поклонниковъ, предметомъ лести, вспомни о твоей несчастной матери, съ отягченной совѣстью, съ разбитымъ сердцемъ — это она, подъ свѣтлой маской; вспомни, что въ-дѣйствительности она страдаетъ, она терзается угрызёніями совѣсти, обрываетъ въ душѣ своей послѣднія струны любви, къ которой способна—и тогда, дитя мое, прости ей, если ты можешь, плачь передъ небомъ и проси его о прощеніи, если оно можетъ простить.

Мы обмолвились на нѣсколько минутъ. Мать моя была такъ тверда, что освободилась изъ моихъ объятій, поцаловала меня въ послѣдній разъ и глѣсомъ отправилась къ замку.

Я осталась одна; спокойно и величественно ткнулся передо мною Чизни-Вольдъ съ его террасами и башнями, и онъ казался мнѣ теперь неумолимымъ блюстителемъ несчастій моей матери.

Цѣлый часъ провела я одна на скамейкѣ, пѣниможенная, взволнованная, какъ въ сильные кризисы только-что покинувшей меня болѣзни; наконецъ, оправившись немного, я пошла домой, гдѣ маленькая Черли ожидала давно уже у калитки. Я сказала ей, что гуляла

до утомленія и что теперь хочу лечь въ постель. Завершивъ, въ своей комнатѣ, я стала читать нисъмо, оставленное въ рукахъ моихъ матерью. Я видѣла изъ него — и это было для меня большаго утѣшеніемъ — что мать моя меня не покидала. Когда родилась я, меня считали мертвой и старшая и единственная сестра моей матери, отыскивая во мнѣ признаки жизни, въ своемъ мрачномъ понятіи о долгѣ, воспятила меня въ-тайнѣ и съ-тѣхъ-поръ, никогда не хотѣла ни видѣть своей сестры, ни сказать ей, что у нея есть дочь; такимъ-образомъ матушка моя считала меня умершимъ ребенкомъ, безъ имени. Увидавъ меня въ первый разъ, она была поражена сходствомъ между мною и ею, и она думала о томъ существѣ, котораго нѣтъ и которое могло бы быть на меня похожимъ.

Здѣсь не мѣсто разсказывать всѣ подробности письма; онѣ прійдутъ въ свое время въ моемъ разсказѣ.

Первой заботой моей было сжечь нисъмо матери и даже уничтожить самый пепелъ. Я думаю, что не покажется дурнымъ, или неестественнымъ, если скажу, что въ эти минуты жизнь была для меня тяжелымъ бременемъ; я думала, что было бы для многихъ лучше, еслибъ я никогда не видѣла Божьяго свѣта. Я страшилась себя; я видѣла въ себѣ укоръ матери моей, ятно на тщеславной фамиліи и вѣрила, что смерти моей желали.

Вотъ каковы были мои настоящіа чувства! Совершенно-утомленная и наконецъ заснула; проснувшись утромъ, я со слезами встрѣтила лучи солнца; мнѣ было тяжело думать, что я живу и жизнь моя въ тягость многимъ.

День смѣнялся мрачнымъ вечеромъ. Я пошла гулять одна и первый разъ рѣшилась подойти къ замку Чизни-Вольдъ. Потупивъ глаза, я проходила мимо роскошно-раскинутыхъ садовъ, по выстланнымъ платомъ дорожкамъ, извивающимся между цвѣтниками: какая величественная, какая мрачная картина!

Въ одномъ окнѣ видѣнъ былъ огонь; быть-можетъ, мать моя думаетъ обо мнѣ!

Хотя я шла тихо, но эхо повторило шепель ногамъ моимъ о каменныхъ плиты. Я вспомнила легенду о Террасѣ Привидѣній — и сердце забилось во мнѣ болѣзненно; мнѣ показалось, что мои шаги предвѣщаютъ несчастіе дому Дедлоковъ. Я поспѣшила скорѣе домой.

Не прежде какъ оставшись одна въ своей комнатѣ, я начала себя упрекать въ несправедливости такого настроенія мыслей, въ которомъ находилась. Я получила письмо отъ моей нянчки съ извѣстіемъ, что она прійдетъ на слѣдующій день. Письмо было исполнено выраженій

такой нѣжной любви, что надо быть изъ кривора, чтобъ остаться безчувственной; другое письмо было отъ моего добраго опекуна; онъ просилъ меня сказать тѣтушкѣ Дердонъ, если я гдѣ-нибудь ее увижу, что она безъ нея совершенно стосковалась; что хозяйство идетъ наыворотъ; что нѣкому поручить ключей и во всемъ околотѣ зашѣчь, что домъ сталъ совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ былъ прежде: онъ распахиваетъ нетерпѣливо свои двери прежней своей хозяйкѣ.

Оба эти письма показали мнѣ, что, несмотря на несчастія мои, меня еще очень-много любятъ, и что я должна считать себя очень-счастливой, и эти размышленія, какъ и должно было ожидать, возвратили меня къ большому спокойствію духа.

Я видѣла, что мнѣ не была предназначена смерть, иначе я не жила бы, то-есть не была бы окружена такимъ блаженствомъ. Я видѣла ясно, сколько было содѣйствія къ моей жизни. Я укрѣпилась духомъ, молвила за себя и за свою несчастную мать — и благотворное вліяніе молитвы успокоило меня окончательно.

Милочка моя должна была прѣхать въ пять часовъ пополудни. Какъ провести время до этого часа? Разумѣется, прогулка должна была сократить невыносимое ожиданіе. Вотъ я, Черли и Стебъ подъ съдомъ (мы его ужъ больше не закладывали въ одноколку съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ заставилъ меня прогуляться вѣшкомъ) отправились по дорогѣ, которая вела изъ Холоднаго Дома, и, погулявъ довольно-долго, вернулись домой. Дома мы тщательно осмотрѣли всѣ комнаты, садъ, птичку и все привели въ надлежащій порядокъ.

Но все еще оставалось слишкомъ два часа до прѣзда Ады, и я должна сознаться, что сердце сжималось во мнѣ болѣзненно при мысли о моемъ безобразіи. Правда, эта мысль беспокоила меня не столько относительно меня самой, сколько относительно моей милочки: я боялась, что она испугается моей измѣнившейся наружности; что она ожидаетъ менѣшій перемѣны, что она не узнаетъ меня, что она разлюбитъ меня.

Я такъ хорошо знала выраженіе прелестнаго и открытаго личика моего ангела — Ады, что тотчасъ угадала бы, какія мысли гнѣдятся въ ея головкѣ.

Но я думала, что перенесу легко первыя минуты свиданія; я была въ этомъ увѣрена послѣ вчерашняго вечера. Одновременно ждать и ждать, надѣяться и надѣяться, думать и думать: это плохія приготовленія, и я наконецъ рѣшилась идти къ ней на встрѣчу.

Я сказала Черли:

— Черли, я иду встрѣчать мою милочку.

Черли осталась одна дома; и ушла.

Но едва поравнялась я съ третьими верстовыми столбомъ, сердце мое до-того забилось при видѣ вадывавшейся впереди пыли, хотя я очень-хорошо знала, что эта пыль не отъ ея экипажа, что я рѣшилась идти домой; повернувшись назадъ, я боялась, что меня обгонитъ ея экипажъ, хотя вполнѣ была увѣрена, что это невозможно, все-таки я бѣжала до-мой бѣгомъ.

Вернувшись домой, усталая и разгоряченная, я видѣла, что, желая сдѣлать лучше, я надѣлала глупостей.

Наконецъ думая, что еще остается четверть часа до ея прѣзда, я пошла въ садъ, гдѣ съ трепетомъ ожидала стука колесъ; вдругъ Черли закричала мнѣ: «Миссъ, она прѣехала, вотъ она!»

Я невольно бросилась на лѣстницу въ свою комнату и сироталась за дверь. Тамъ я стояла дрожа, даже и тогда, когда услышала ея голосъ, ея милый, серебристый голосъ.

Она вбѣжала и въ ту комнату, гдѣ я стояла за дверью, и хотѣла ужъ уйти, какъ увидѣла меня.

О несравненная дѣвушка! Тотъ же взглядъ, та же любовь, та же нѣжность! и ничего особеннаго — ничего, ничего!

Какъ я была счастлива, когда, сидя вмѣстѣ съ моей милочкой, я могла ласкать и цаловать ее. Она смѣялась и вмѣстѣ съ тѣмъ плакала, обнимала меня, гладила своими ручонками обезображенные мои щеки, прижимала меня къ груди своей... О Боже, какъ я была счастлива!..

ГЛАВА XXXVII.

Процессъ по дѣлу Жарндисовъ.

Еслибъ тайна, которую я узнала, принадлежала исключительно мнѣ, я непременно сообщила бы ее Адѣ, оставшись съ нею наединѣ; но эта тайна была не моя, и я чувствовала, что не въ-правѣ рассказать о ней даже моему опекуну, безъ особенной необходимости. Тяжело было для меня бремя этой тайны, но обязанности мои казались мнѣ совершенно-опредѣлительными и я могла выполнить ихъ, сопутствуемая любовью и нѣжностью моей милочки. Однако часто, когда сонъ смыкалъ ея глазки и вокругъ была невозмутимая тишина, я думала о моей матери, вспоминала о словахъ ея и не могла спать; но на другое утро Ада ничего не могла замѣтить во мнѣ: я старалась владѣть собою сколько могла.

Разумѣется, мнѣ было очень-тяжело, когда Ада разспрашивала меня о моихъ занятіяхъ, о томъ, здѣсь ли леи Дедлокъ, и когда я должна была

отвѣчать : « да, она здѣсь; леди Дедлокъ говорила вчера со мною, прогуливаясь по парку »; затрудненіе мое становилось еще сильнѣе, когда Ада спрашивала о чемъ мы говорили и когда я отаѣчала ей, что миледи была очень-любезна и внимательна; оно достигало крайняго предѣла, когда Ада, сознавая въ ней красоту и изящество, ставила ей въ укоръ ея надменность и холодность. Черли безсознательно пособила мнѣ окончить эти тяжелые рассказы; она сообщила намъ, что леди Дедлокъ пробыла въ замкѣ только двое суток и на другое же утро, послѣ свиданія съ нами, уѣхала навѣстить нѣкоторыхъ знакомыхъ, живущихъ въ сосѣднихъ помѣстьяхъ.

Мы провели цѣлый мѣсяцъ на хуторѣ мистера Бойтсорна, и, спустя недѣлю по прїѣздѣ моей милочки — я это очень-хорошо помню — однажды вечеромъ, когда мы, утомленные поливкой цвѣтовъ въ саду, сидѣли за столомъ, Черли, стоя за кресломъ моей Ады, вызвала меня таинственными знаками изъ комнаты.

— Миссъ, говорила мнѣ Черли шопотомъ : — васъ спрашиваетъ кто-то въ сосѣдней гостинницѣ.

— Меня, Черли? сказала я : — кто жъ можетъ меня спрашивать?

— Не знаю, миссъ, отвѣчала Черли вытянувъ головку и скрестивъ руки на своемъ передникѣ: она обыкновенно принимала эту позу, когда была чѣмъ-нибудь взволнована или удивлена : — какой-то господинъ, миссъ, онъ приноситъ вамъ свое почтеніе и проситъ чтобъ вы никому не говорили о его отъѣздѣ.

— Кто жъ это такой Черли?

— И сама не знаю, миссъ.

— Да какъ же удалось тебѣ съ нимъ встрѣтиться?

— Я его не видала, миссъ; мнѣ о немъ сказалъ мистеръ Гребль.

— Кто жъ это такой мистеръ Гребль, Черли?

— Мистеръ Гребль, миссъ... развѣ вы его не знаете? Онъ содержатель гостинницы Дедлоковъ Гербъ, протяжно произнесла Черли, какъ будто по складамъ разбирая надпись на вывѣскѣ.

— Содержатель гостинницы?

— Да, миссъ, у него, если позволите вамъ сказать, очень-хорошенькая жена; только прошлымъ лѣтомъ, она сломала себѣ ногу и нога до-сихъ-поръ не срастается. Братъ у нея пильщикъ; онъ у нихъ въ подвалѣ: они боятся, что онъ обопьется пивомъ.

Не зная, что это за свиданіе и боясь нарушить какимъ бы то ни было образомъ тайну, которую я обязана была хранить, я рѣшилась идти одна и велѣла моей маленькой горничной принести какъ можно скорѣй мнѣ шляпку, вуаль и большой платокъ; одѣвшись я пошла къ гостинницѣ,

по гористой дорожкѣ, гдѣ я также была дома, какъ въ саду мистера Бойтсорна.

Мистеръ Гребль безъ сюртука стоялъ у дверей чистенькой гостиницы и поджидалъ меня. Увидѣвъ меня, онъ снялъ шляпу обѣими руками и, держа ее какъ какую-нибудь кострюлю (по-крайней-мѣрѣ она мнѣ показалась очень-тяжелой), провожалъ меня по усѣянной пескомъ дорожкѣ къ лучшимъ своимъ комнатамъ; прійдя въ одну изъ нихъ, я замѣтила, что она съ излишкомъ была уставлена цвѣтами; на окнахъ видѣлись разныя диковинки, отъ золотыхъ рыбокъ въ стеклянныхъ сосудахъ до страусовыхъ яицъ; стѣны разукрашены были разными эстампами, посреди которыхъ первое мѣсто занимала гравюра, изображающая королеву Каролинну. Я знала мистера Гребля по виду, потому-что часто встрѣчала его у дверей гостиницы: это былъ веселый, лѣтъ сорока мужчина; онъ всегда считалъ долгомъ быть въ охотничьихъ сапогахъ и въ шляпѣ, даже около кухонной плиты; но сюртукъ надѣвалъ только идя въ церковь.

Онъ снялъ со свѣчки и неожиданно для меня исчезъ изъ комнаты въ ту самую минуту, какъ я хотѣла его спросить, кто здѣсь ожидаетъ меня. Въ другой комнатѣ услышала я вслѣдъ за тѣмъ знакомый голосъ, но чей—не могла понять; черезъ нѣсколько секундъ тихо кто-то подходилъ къ моей комнатѣ: — О, Боже! ужели-ли это Ричардъ?

— Да это онъ.

— Милая, милая Эсенъ, сказалъ Ричардъ: — несравненный другъ мой!.. и столько выражалось въ немъ братской любви, столько было истиннаго, чистосердечнаго чувства, что я едва успѣла выговорить, что Ада совершенно здорова.

— Отвѣчаетъ на самыя мои сокровенныя мысли? все такая же милая дѣвушка? Онъ подалъ мнѣ стулъ и самъ сѣлъ рядомъ со мною.

Я откинула вуаль, но только вполовину.

— Все такая же милая дѣвушка? ничего не измѣнилась? говорилъ онъ въ восторгѣ.

Я откинула вуаль совершенно, положила руку ему на плечо и сказала, какъ я рада, что его вижу и какъ я хотѣла его видѣть.

— Душа моя! отвѣчалъ Ричардъ: — ни съ кѣмъ на свѣтѣ мнѣ не хотѣлось бы поговорить такъ отъ сердца, какъ съ вами. Чтобъ заставить васъ понять меня...

— А мнѣ, Ричардъ, хочется, сказала я: — чтобъ вы поняли кого-нибудь другаго.

— Если дѣло идетъ о мистерѣ Жарндесъ... сказалъ Ричардъ: — я думаю, что вы хотите говорить о немъ?

— Да, это правда.

— Такъ это меня радуетъ; въ этомъ-то мнѣ и хочется, чтобъ вы меня поняли. Вникните вы, единственно вы, потому-что я мало забочусь о всѣхъ мистерахъ Жаридисахъ, или не Жаридисахъ.

Тонъ, который онъ принялъ, былъ мнѣ весьма-непріятенъ и онъ заштилъ дѣйствіе своихъ словъ.

— Не безпокойтесь моя милая, сказала онъ : — мы больше не будемъ оскорблять никого. Я желаю, подъ-руку съ вами, явиться на вашъ хуторъ и пріятно смутить прелестную кузину. Надѣюсь, что преданность ваша къ мистеру Жаридису не воспретитъ мнѣ этого удовольствія?

— Милый Ричардъ, сказала я : — вамъ извѣстно, что въ его собственномъ домѣ вы были бы приняты какъ родной, еслибъ хотѣли смутить на его домъ настоящими глазами; слѣдовательно нѣтъ сомнѣнія, что и здѣсь вы будете приняты радушно.

— Вы говорите какъ самая любезная хозяйка, отвѣчалъ Ричардъ.

Я спросила его, какъ ему нравится его настоящая служба.

— Такъ-себѣ, хороша, говорилъ Ричардъ : — все обстоитъ благополучно. Пока какъ-нибудь служится; современемъ я надѣюсь бросить эти занятія. Впрочемъ, что объ этомъ толковать!

Такъ молодъ, такъ прекрасенъ, съ такими совершенствами, отличающими его рѣзко отъ миссъ Флайтъ, и такъ похожъ на нее въ эти минуты, когда дума его носится около палатъ Оберканцеляріи!

— Я теперь въ отпуску, въ городѣ, говорилъ Ричардъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ?

— Да; желалъ ближе познакомиться съ... съ оберканцелярскимъ процесомъ, говорилъ онъ, стараясь принужденно разсмѣяться : — мы теперь займемся процесомъ съ большимъ вниманіемъ.

Я, разумѣется, покачала головой.

— Разумѣется, это не веселый предметъ, говорилъ Ричардъ и опять замѣтно было ужасное сходство между нимъ и миссъ Флайтъ. — Впрочемъ, на сегодняшній день не хочу говорить о немъ больше ни слова. Знаете ли кого я привезъ съ собою?

— Не-уже-ли я слышала голосъ мистера Скимполя?

— Именно его. Чтò это за прекрасное дитя! Никто не можетъ мнѣ принести столько пользы какъ онъ.

— Знаетъ ли кто-нибудь о нашемъ пріѣздѣ сюда? спросила я.

— Никто не знаетъ. Я пошелъ къ милому дитяти, то-есть, къ мистеру Скимполю, и онъ мнѣ объяснилъ, гдѣ вы были, объяснилъ свое желаніе видѣть васъ, и я взялъ его съ собою—чтò это за прекрасное, безкорыстное, юное, свѣжее сердце!

Хотя я и видѣла мало безкорыстія въ томъ, что мистеръ Скимполь проѣхался на-счетъ Ричарда, однакожь ничего объ этомъ не сказала.

Въ-самомъ-дѣлѣ вошелъ мистеръ Скимполь и измѣнилъ направленіе нашего разговора. Онъ былъ въ восторгѣ, что видитъ меня; говорилъ, что проливалъ слезы отъ радости и симпатіи ко мнѣ въ продолженіе шести недѣль; никогда не былъ такъ счастливъ, какъ услышавъ о моемъ выздоровленіи; что онъ началъ понимать пользу смѣси добра и зла подъ луною, и чувствуетъ, что здоровье можно оцѣнить только тогда, когда видишь подлѣ себя больнаго, думаешь, что въ этомъ долженъ быть непреложный законъ природы: чтобъ В** могъ наслаждаться счастьемъ, ему необходимо видѣть А** несчастнымъ; чтобъ Д** могъ щеголять и любоваться своими ножками, обутыми въ ажуровые чулки, ему необходимо, чтобъ Б** вертѣлся передъ нимъ на деревянномъ костылѣ.

— Милая миссъ Семерсонъ, вотъ, рекомендую, нашъ общій другъ Ричардъ, говорилъ мистеръ Скимполь: — онъ исполненъ широкихъ надеждъ на будущее, надеждъ, которыя онъ почерпаетъ въ мрачномъ омутѣ — Оберканцеляріи. Это восхитительно, это упоительно, это поэтично! Въ древнія времена идиллическіе пастушкіи наполняли лѣса и пустыни павлинами и нимфами; нашъ современный пастушокъ, нашъ идиллическій Ричардъ наполняетъ нынѣ пустынные палаты Оберканцеляріи музыкальными нотами подъ юридическія формы, на которыхъ возрастаетъ предметъ его поисковъ — fortuna. Это забавно и утѣшительно! Какой-нибудь безтолковый воркунъ скажетъ мнѣ, пожалуй: «къ-чему ведутъ эти пустяки, къ-чему гоняться за тѣмъ, чего не понимаешь?» Вздоръ, мой милый, скажу я: «я не защищаю конечно этихъ поступковъ, но во всякомъ случаѣ они мнѣ нравятся». И быть-можетъ, конечно, я посреди васъ, воркуновъ, только дитя — мнѣ-покрайней-мѣрѣ, такъ кажется, что поступки моего друга, идиллическаго пастушка, проявляются именно затѣмъ, чтобъ доставлять мнѣ наслажденіе.

Я теперь начала серьезно думать, что врядъ ли Ричардъ могъ себѣ выбрать худшаго друга, чѣмъ мистеръ Скимполь. Меня беспокоило, что въ это время, въ которое онъ нуждался въ истинныхъ правилахъ, въ назидательномъ совѣтѣ, рука-объ-руку съ нимъ былъ человѣкъ, смотрящій на все со стороны забавы и легкомыслія. Я думала, что могу объяснить себѣ, какимъ образомъ такой человѣкъ, какъ опекунъ мой, испытавшій превратность судьбы, несчастія и лживость людей, могъ находить утѣшеніе въ неподдѣльности и безыскусственности характера мистера Скимполя; но я не могла никакъ объяснить себѣ, дѣйствительно ли его характеръ былъ такъ простъ, какъ онъ казался, не игралъ ли онъ этой роли умышленно.

Мы всё вмѣстѣ пошли къ хутору; мистеръ Скимполь оставилъ насъ у садовой калитки, а я съ Ричардомъ вошла въ домъ.

— Милая Ада, сказала я: — я привела съ собою одного господина, который очень желаетъ тебя видѣть.

Нетрудно было прочесть въ вспыхнувшемъ, испуганномъ лицѣ Ады настоящія ея чувства. Она любила его страстно, а онъ это зналъ; и я это знала, и тяжело было ей смотрѣть на него только какъ на двоюроднаго брата.

Я упрекала себя за слабость къ ихъ чувствамъ, но впрочемъ я не совершенно вѣрила любви Ричарда къ Адѣ. Онъ удивлялся ей много—но красота ея произвела бы на каждаго это дѣйствіе — и я увѣрена, что онъ готовъ былъ бы съ тщеславіемъ и гордостью возобновить на нее права жениха, еслибъ могъ надѣяться, что Ада не останется вѣрною обѣщанію, данному мистеру Жарндису. Но и въ любви своей, какъ и во всемъ, онъ дѣйствовалъ подъ тѣмъ же пагубнымъ вліяніемъ обер-кэнцелярскаго процесса. О Боже! чтó бъ это былъ за юноша, еслибъ онъ могъ страхнуть съ себя эту кору, сотканную изъ лживыхъ, обманчивыхъ надеждъ?

Онъ съ полной откровенностью высказалъ Адѣ, что пріѣхалъ сюда не затѣмъ, чтобъ порицать (во всякомъ случаѣ ни на чемъ, говорилъ онъ, неоснованное) предложеніе мистра Жарндиса; но единственная цѣль его была повидать Аду, повидать меня и оправдаться передъ нами въ тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ онъ поставилъ себя къ владѣтелю Холоднаго Дома. Съ этою цѣлью онъ просилъ у меня назначить время, когда бъ онъ могъ оправдаться и говорить со мной откровенно. Я назначила на другой день прогулку въ паркѣ въ семь часовъ утра.

Черезъ нѣсколько минутъ явился къ намъ и мистеръ Скимполь и забавлялъ насъ по-крайней-мѣрѣ съ часъ времени. Онъ непремѣнно настаивалъ повидать маленькую Коавинсъ (подъ этимъ именемъ онъ подразумѣвалъ Черли); онъ говорилъ ей съ патріархальнымъ чувствомъ, что старался дать отцу ея всевозможныя средства къ безбѣдной жизни; онъ внушалъ ей, что если одинъ изъ ея братьевъ пойдетъ по дорогѣ отца, то онъ можетъ совершенно разсчитывать на снисхожденіе мистра Скимполя: мистеръ Скимполь доставитъ ему средства къ труду.

— Потому-что я постоянно путаюсь въ этихъ сѣтяхъ, говорилъ мистеръ Скимполь, улыбаясь и попивая воду съ виномъ: — я всегда въ одномъ положеніи: или за меня надо заплатить, или у меня надо все обобратъ. Кто-нибудь заплатитъ же за меня. Вы знаете, я самъ за себя платить не могу: у меня никогда нѣтъ денегъ; я живу на чей нибудь счетъ. И если вы меня спросите: кто этотъ Кто-Нибудь?

право, я не сумѣю вамъ отвѣтить. Вышлемъ за его здоровье. Да благословить его Богъ!

Ричардъ опоздалъ немного къ утреннему свиданію: онъ пришелъ въ половинѣ восьмого и мы пошли съ нимъ прогуливаться. Утро было тихое. Воздухъ благоухалъ свѣжими цвѣтами и ни одно облачко не пробѣгало по небу. Птички пѣли на цвѣтахъ и вѣтвяхъ деревьевъ дрожали росинки и роскошная зелень густою тѣнью застилала роскошные луга.

— Дивное мѣсто! воскликнулъ Ричардъ, озираясь вокругъ: — здѣсь не приходитъ въ голову мысли о безконечныхъ процессахъ и спорахъ.

«На этомъ мѣстѣ другія чувства потрясали душу!» подумала я.

— Вотъ что я скажу вамъ, милая дѣвушка, сказалъ Ричардъ: — когда я покончу дѣла въ Оберканцеляріи, я приѣду сюда и здѣсь останусь.

— Не лучше ли было бѣ остаться теперь? спросила я.

— Ахъ, это невозможно, говорилъ Ричардъ: — теперь некогда думать о душевномъ спокойствіи; теперь надо сосредоточить всю свою дѣятельность. Нѣтъ, теперь нельзя мнѣ остаться.

— Отчего же нельзя? спросила я.

— Вы знаете отчего нельзя, Эсэиръ. Еслибъ вы жили въ недостроенномъ домѣ, еслибъ вы знали, что, не сегодня, такъ завтра, надъ нимъ станутъ ставить новую крышу, или станутъ снимать съ него старую; еслибъ вы знали, что надо со дня на день ожидать передѣлокъ, исправленій, могли ли бы вы въ этомъ домѣ предаваться покою? Таково мое положеніе: слово *теперь* не имѣетъ никакого значенія въ глазахъ моихъ, какъ и въ глазахъ всѣхъ, имѣющихъ процессы.

Я была готова вѣрять притягательной силѣ булавы и печати, про которую болтала мнѣ бѣдная полумудрая старушка миссъ Флайтъ. И страшно сказать, но выраженіе лица Ричарда напомнило мнѣ умирающаго Гредли.

— Милый Ричардъ! сказала я: — это плохое начало для нашего разговора.

— Я знаю, что вы мнѣ такъ отвѣтите, тѣтушка Дердонъ.

— И не я одна, милый Ричардъ, не я одна говорю вамъ, что шатка и ничтожна надежда на процессъ въ Оберканцеляріи...

— А! вы опять намекаете на мистера Жарндиса! сказалъ Ричардъ. — Хорошо, рано или поздно, мы должны были возвратиться къ нему; въ немъ заключается все, что я хочу объяснить вамъ, въ чемъ я долженъ оправдаться передъ вами; слѣдовательно, чѣмъ скорѣе къ дѣлу, тѣмъ лучше. Милая Эсэиръ, уже-ли вы можете быть ослѣплены до такой степени? уже-ли вы не въ-состояніи видѣть, что въ его интересахъ удалить меня отъ этого дѣла, что онъ дѣйствуетъ какъ эгоистъ, и что чѣмъ меньше я буду знать о ходѣ процесса, тѣмъ для него выгодыте?

— О Ричардъ! сказала я: — возможно ли, чтобъ вы, жившій некогда подъ крышей мистера Жарндиса, знавшій его коротко, слышавшій его, чтобъ вы рѣшились, даже здѣсь, въ этомъ уединенномъ мѣстѣ, изводить на него такую гнусную клевету?

Этотъ упрекъ, невольно-сорвавшійся у меня съ языка, заставилъ его сильно покраснѣть: онъ расшевелилъ въ немъ его благородныя и великодушныя чувства.

— Я увѣренъ, Эсмиръ, началъ говорить Ричардъ тихимъ голосомъ, послѣ кратковременной паузы: — что вы не считаете меня за злоязычника и знаете очень-хорошо, что подозрѣнїе и недоувѣрие — постыдныя качества у человѣка въ мои лѣта.

— Я знаю это хорошо, сказала я: — и въ этомъ никогда не сомнѣвалась.

— Вы добрая дѣвушка, отвѣчала Ричардъ: — слова ваши утѣшаютъ меня, а мнѣ надо утѣшеніе. Въ этомъ злочастномъ дѣлѣ можно потерять всѣ хорошія качества души.

— Я также хорошо знаю Ричарда, какъ-что бѣ?.. какъ онъ самъ знаетъ себя сказала я: — и я также знаю очень-хорошо, что Ричардъ неспособенъ къ злоязычїю, и знаю также, какъ и онъ, какія причины приводятъ его къ такимъ грубымъ ошибкамъ.

— О, сестра моя, добрая сестра моя, говорилъ Ричардъ болѣе-весельемъ тономъ: — будьте снисходительны ко мнѣ во всякомъ случаѣ. Повѣрьте, если я нахожусь подъ вліяніемъ Оберканцелярія, то и онъ не чуждъ этого вліянія. Если процессъ измѣнилъ меня, то онъ измѣнилъ и его. Я не говорю, чтобъ онъ былъ безчестный человѣкъ, я увѣренъ въ противномъ; но Оберканцелярія измѣняетъ всѣхъ; онъ самъ не разъ говорилъ эту истину: отчего же полагать, что она не измѣнила его?..

— Потому, Ричардъ, отвѣчала я: — что онъ человѣкъ необыкновеннаго характера; что онъ держалъ себя далеко отъ всѣхъ адвокатскихъ продѣлокъ.

— Ахъ, потому и потому! возразилъ Ричардъ съ одушевленіемъ: — но я не думаю, чтобъ можно было назвать благоразумнымъ такое равнодушіе къ семейнымъ интересамъ.

Ричардъ мнѣ былъ такъ жалокъ, что я не могла ему сдѣлать упрека не только словомъ, но даже движеніемъ лица; я вспомнила снисходительныя слезы добраго опекуна моего. Я вспомнила, какъ онъ говорилъ мнѣ: «не будемъ такъ скоро осуждать его».

— Эсмиръ, продолжалъ Ричардъ: — вы, безъ-сомнѣнія, не предполагаете, что я прїѣхалъ сюда съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ пожаловаться вамъ втайнѣ на мистера Жарндиса. Единственная цѣль моя—оправ-

даться въ вашихъ глазахъ. Мы были съ нимъ хороши до-тѣхъ-поръ, пока я былъ мальчикомъ и, слѣдовательно, не могъ принимать никакого участія въ процессъ; но какъ только я сдѣлался въ-состояніи самъ выкинуть въ дѣло, отношенія наши перемѣнились. Мистеръ Жарндисъ нашелъ тогда, что я не могу быть женихомъ Ады и что она должна отказать мнѣ. Но, Эсмеръ, какое же имѣетъ онъ право такъ упорно диктовать свою волю: правится ему или нѣтъ? а я не покину ни своихъ интересовъ, ни интересовъ Ады; я долго-долго думалъ объ этомъ, и вотъ заключеніе, къ которому я пришелъ.

Бѣдный Ричардъ! дѣйствительно онъ объ этомъ долго думалъ: это видно по его лицу, по его голосу, по его манерѣ.

— И я писалъ ему откровенно (вамъ, я думаю, не мѣшаетъ это знать), я говорилъ ему, что наши отношенія измѣнились; что я предпочитаю открытую неприязнь скрытой, что я благодарю его за сдѣланное мнѣ добро, за оказанную мнѣ протекцію; что мы идемъ разными дорогами и, слѣдовательно, намъ трудно сойтись.

Я слышала о вашемъ письмѣ, милый Ричардъ: — слышала безъ малѣйшаго упрека на вашъ счетъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? отвѣчалъ Ричардъ, смягчившись: — я очень радъ. Я говорилъ вамъ, что онъ, за исключеніемъ несчастнаго процесса, во всѣхъ отношеніяхъ благороднѣйшій человекъ. Я это всегда говорилъ и никогда въ этомъ не сомнѣвался. Я знаю, милая Эсмеръ, что слова мои кажутся вамъ и покажутся Адѣ, когда вы ей передадите нашъ разговоръ, предосудительными и несправедливыми; но еслибъ вы сами могли заглянуть въ эти несчастныя бумаги въ конторѣ Кенджа; еслибъ вы видѣли всю эту путаницу, за которую никто не хотѣлъ приняться, всѣ эти ордеры и контрордеры, всѣ эти предписанія и отгѣны, тогда бы вы сказали, что я еще умѣренъ въ моихъ выраженіяхъ.

— Все это можетъ быть справедливо, сказалъ я: — но не-уже-ли, Ричардъ, вы вѣрите, что въ этихъ бумагахъ есть хоть капля справедливости?

— Справедливость гдѣ-нибудь да должна же быть, Эсмеръ.

— Быть-можетъ, была прежде, давно, отвѣчала я.

— Нѣтъ, теперь, теперь должна быть гдѣ-нибудь, продолжалъ Ричардъ повелительнымъ тономъ: — и она должна быть открыта. Вы говорите, что процессъ измѣнилъ меня. Мистеръ Жарндисъ говоритъ, что онъ измѣняетъ, измѣнялъ и измѣнитъ каждаго, кто къ нему прикоснется, слѣдовательно тѣмъ съ большимъ усиліемъ я долженъ стараться привести его къ концу.

— Что жъ вы можете сдѣлать, Ричардъ? Уже-ли вы думаете, что

вырожденіе столькожъ лѣтъ не было попытокъ ни съ чьей стороны вышутаться изъ Оберканцеляріи? Что жь эти попытки, уменьшили трудности?

— Проще не можетъ тянуться вѣкъ, возразилъ Ричардъ съ такимъ гнѣвомъ, который невольно напоминалъ мнѣ покойнаго Гредли. — Я молодъ и крѣпокъ, а рѣшительность и энергія всегда дѣлали чудеса. Другіе, можетъ-быть, только вполовину предавали себя этому дѣлу, а я предался весь, весь...

— Тѣмъ хуже, тѣмъ хуже, милый Ричардъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, не бойтесь за меня, отвѣчалъ онъ нѣжно. — Вы добрая, милая, умная, безцѣнная дѣвушка, но у васъ есть свои предразсудки... Перейдемъ теперь опять къ мистеру Жарндису. Я говорю вамъ, милая Эсмиръ, что когда мы были съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, то они были неестественны.

— Уже-ли вражда и ненависть кажутся вамъ естественными отношеніями?

— Нѣтъ, я этого не говорю; я хочу только сказать, что эти обстоятельства ставятъ насъ на такую ногу, что родственныя отношенія ослабѣваютъ. Когда все кончится, я, быть можетъ, повѣрю, что ошибался въ мистерѣ Жарндисѣ. Быть-можетъ, голова моя просвѣтлѣетъ, когда я покончу прощенья, и я пойму все то, что вы мнѣ такъ краснорѣчиво доказываете, и буду готовъ просить прощенія у вашего опекуна.

Вотъ до какой степени довела его Оберканцелярія!

— Теперь, моя милая повѣренная, продолжалъ Ричардъ: — мнѣ хочется, чтобъ моя кузина Ада не думала, что я, говоря противъ мистера Жарндиса, руководюсь злобою, ненавистью или капризомъ. Я желаю, чтобъ за меня ходатайствовали вы передъ Адой, потому-что мнѣ самому не хотѣлось бы выказать ей свой характеръ со стороны настойчивости и жалобъ; я знаю какъ она много уважаетъ мистера Жарндиса и знаю, какъ вы умѣете смягчить все, что проходитъ черезъ ваши губки.

— Последнія слова ваши болѣе напоминаютъ мнѣ прежняго Ричарда, тѣмъ все то, что вы до-сихъ-поръ говорили, сказала я.

— Быть-можетъ, слова ваши справедливы, быть-можетъ я и самъ такого же мнѣнія; но дайте мнѣ оправиться, дайте мнѣ вышутаться изъ этихъ дѣлъ и я буду прежній, любящій васъ Ричардъ.

Я спросила его, не хочетъ ли онъ что-нибудь еще передать Адѣ.

— Безъ-сомнѣнія, хочу, отвѣчалъ Ричардъ: — и прошу васъ сообщить моей прелестной кузинѣ, что мистеръ Жарндисъ отвѣчалъ мнѣ на мое письмо съ своей обычной любезностью, называя меня попреж-

нему милымъ Рикомъ, увѣщевалъ меня (хотя это нисколько не подвигаетъ дѣла впередъ) отказаться отъ моихъ надеждъ и выразилъ готовность предать забвенію возникшія между нами недоразумѣнія. Скажите ей также, что хотя мы съ ней ведаемся рѣдко, но я неусыпно пекусь о ея интересахъ, точно также, какъ и о моихъ собственныхъ. Достигнувъ совершеннолѣтія, я нахожусь въ отвѣтственности передъ мистеромъ Жарядисомъ; но Ада еще находится подъ его опекой и, слѣдовательно, не можетъ располагать собою по желанію; достигнувъ совершеннолѣтія, она можетъ смѣло принять мое предложеніе. Скажите ей, что я съ новой энергіей примусь за процессъ. Разумѣется, я не желаю скрывать ни одного изъ моихъ дѣйствій отъ владѣтеля Холоднаго Дома.

— Ричардъ, сказала я: — вы такъ довѣряетесь мнѣ и однакожь не хотите принять отъ меня ни одного совѣта.

— Относительно процесса, милая Эсеиръ, я не могу; относительно всего другаго вашъ совѣтъ будетъ для меня лучшимъ напутствіемъ.

Какъ-будто у него было что-нибудь другое въ жизни! какъ-будто всѣ мысли, всѣ желанія его не были покрыты однимъ савяномъ!

— Однакожь, могу ли я сдѣлать вамъ одинъ вопросъ, Ричардъ?

— Хоть тысячу, сказалъ онъ, смѣясь: — если вы не можете, я не знаю кто жъ можетъ!

— Вы сказали мнѣ, что вы еще не установились въ жизни?

— Какъ же могъ я установиться; когда окруженъ такими шаткими дѣлами.

— Вы опять въ долгахъ?

— Въ долгахъ, отвѣчалъ Ричардъ, удивляясь моему простодушію.

— Не-уже-ли опять?

— Дитя мое, безъ-сомнѣнія. Я не могъ предаться этому дѣлу безъ расходовъ. Но развѣ вы забываете, или, можетъ-быть, вы не знаете, что когда дѣло кончится, я и Ада мы получимъ большое наслѣдство. Не беспокойтесь, душа моя, продолжалъ Ричардъ, почти смѣясь моею робости: — все будетъ хорошо, я все приведу къ желаемому концу.

Я такъ глубоко чувствовала опасность, на краю которой онъ стоитъ, что всячески старалась отвратить его, указать его ошибки ради Ады, ради опекуна моего, ради меня. Онъ выслушивалъ все, что я говорила, съ терпѣніемъ и ласкою; но слова мои не производили на него никакого дѣйствія. Я конечно не могла этому удивляться послѣ того, какъ онъ сухо принялъ письмо моего опекуна, и я рѣшилась употребить теперь вліяніе Ады.

Разставшись съ Ричардомъ, я пришла домой къ завтраку и старалась приготовить мою милочку къ разговору, который предстояло мнѣ

лнть съ ней ; мнѣ хотѣлось ей пояснить тѣ основанія, по поводу которыхъ мы считаемъ, что Ричардъ идетъ по ложной дорогѣ, увлекаясь вѣтренностью и малодушіемъ. Это причинить ей большое огорченіе, хотя она и вѣрила, вѣрила больше, чѣмъ могла вѣрить я, что Ричардъ оставитъ свое ложное направленіе. Она написала ему слѣдующее письмо:

Дорогой братъ мой !

« Эсфирь передала мнѣ все, о чемъ вы говорили съ ней сегодня утромъ. Я иду къ вамъ съ единственнымъ желаніемъ повторить отъ глубины души все то, что вы ужъ слышали отъ Эсфири ; я вполне убѣждена, что, рано или поздно, вы увѣритесь въ прекрасныхъ качествахъ брата Джона и горько будетъ вамъ сознаться, что вы его огорчали несправедливо.

« Не знаю какъ высказать вамъ то, что я чувствую, но я увѣрена, что вы поймете меня именно такъ, какъ мнѣ хочется, чтобы вы поняли. Я боюсь, что любовь ваша ко мнѣ заставляетъ васъ идти по ложной дорогѣ ; и если опасенія мои справедливы, то я васъ умоляю всѣмъ, что для васъ дорого, отказаться отъ тѣхъ ложныхъ интересовъ, до которыхъ вы напрасно хотите достигнуть. Чтобы вы ни предприняли для меня, не дѣлаетъ меня и вполнину такъ счастливой, какъ мысль, что вы совершенно свободны отъ этихъ тщетныхъ надеждъ, подъ пеленою которыхъ мы увидѣли Божій свѣтъ. Не сердитесь на меня за эти слова. Умоляю васъ, дорогой Ричардъ, откажитесь отъ этихъ смущающихъ ожиданій, въ которыхъ нѣтъ ничего, кромѣ несчастій и горести.

« Мнѣ нѣчего говорить вамъ, дорогой братъ мой, что вы совершенно свободны, и что вы найдете очень-легко другой предметъ, болѣе-достойный вашей любви, чѣмъ я ; другую дѣвушку, которая оцѣнитъ ваши стремленія за фортуной, которая будетъ утѣшаться вашей дѣятельностью ; для меня же эта попытка невыносима : я знаю, и знаю только по предчувствію моего любящаго сердца, какая развязка ожидаетъ вашу дѣятельность. Вамъ, можетъ-быть, странна рѣчь моя, рѣчь неопытной, молодой дѣвочки, но это говоритъ сердце, всегда преданное, всегда любящее. Будьте счастливы.

« Совершенно-преданная вамъ

« Ада ».

Это письмо скоро привело къ намъ Ричарда, но не произвело въ немъ никакой перемены. Онъ говоритъ намъ, что мы скоро увидимъ, кто правъ, кто виноватъ. Онъ былъ воодушевленъ нѣжностью Ады и я со вздохомъ только надѣялась, что, можетъ-быть, вполнѣдствіи это письмо произведетъ должное дѣйствіе.

Ричардъ и мистеръ Скимполь должны были провести этотъ день вмѣстѣ съ нами; на слѣдующее утро у нихъ были взяты мѣста въ общественной каретѣ, отправлявшейся въ Лондонъ. Мнѣ очень хотѣлось остаться наединѣ съ мистеромъ Скимполемъ, что было очень легко сдѣлать при нашей деревенской жизни. Встрѣтась съ нимъ, я ему сказала съ невозможною деликатностью, что на него падаетъ отвѣтственность за то, что онъ ободряетъ Ричарда идти по ложной дорогѣ.

— Отвѣтственность, милая миссъ Семерсонъ? повторилъ онъ съ веселой улыбкой: — что жъ мнѣ дѣлать съ вашей отвѣтственностью; я тутъ ровно ничего не понимаю. Я никогда не отвѣчалъ ни за что въ моей жизни и не могу отвѣчать.

— Я думаю, что каждый изъ насъ долженъ отвѣчать за свои поступки, сказала я робко. Онъ столько былъ старше меня, сколько ученѣе!

— Уже-ли это правда? говорилъ мистеръ Скимполь, принимая эту новую для него истину съ самой беззаботной и недоувѣрчивой улыбкой: — Уже-ли всякій обязанъ расплачиваться за себя? Я по-крайней-мѣрѣ не обязанъ; я никогда не былъ обязанъ. Посмотрите, милая миссъ Семерсонъ... и онъ досталъ изъ кармана цѣлую горсть мелкихъ серебряныхъ монетъ: — вотъ сколько тутъ денегъ. Но сколько — я не знаю: я не сумѣю счесть ихъ; скажите, что тутъ четыре шиллинга и девять пенсовъ, скажите, что тутъ четыре фунта стерлинговъ и девять пенсовъ — мнѣ это рѣшительно все-равно. Говорятъ, что я долженъ больше этой суммы. Оно можетъ быть и такъ. Я долженъ столько, сколько мнѣ повѣрили добрые люди — вотъ и все. Вотъ вамъ Гарольдъ Скимполь до послѣдней подробности. Если это называется отвѣтственность, такъ пусть я буду отвѣтственное лицо.

Тотъ беззаботный видъ, съ которымъ онъ положилъ деньги въ свой карманъ, та улыбка, съ которой онъ смотрѣлъ на меня, ясно говорили, что онъ не можетъ принять на себя никакой отвѣтственности.

— Когда вы говорите мнѣ объ отвѣтственности, началъ онъ снова: — мнѣ приходитъ въ голову, что никто въ мѣрѣ не можетъ такъ мило отвѣчать, какъ вы: васъ я считаю пробнымъ камнемъ всякой отвѣтственности. Когда я вижу васъ, милая миссъ Семерсонъ, въ центрѣ той системы, которую вы организовали вокругъ себя, то, мнѣ кажется, какой вамъ ни предложи вопросъ, вы вѣрно отвѣтите прекрасно — вы истинная отвѣтственность.

Послѣ этихъ словъ трудно было внушить мистеру Скимполю то, о чемъ я имѣла въ виду сказать; однакожъ я попыталась выразить ему общую нашу надежду, что онъ будетъ по возможности отклонять бѣ-

наго Ричарда отъ этой ложной дороги, на которую онъ вступилъ такъ безотчетно.

— Съ большимъ бы удовольствіемъ, отвѣчалъ онъ : — еслибъ я могъ. Но, милая миссъ Семерсонъ, я не имѣю ни искусства, ни притворства. Если онъ возьметъ меня за руку и поведетъ въ Вестминстерскую Палату за поискомъ фортуны, я пойду; Здравый Смыслъ, разумѣется, не пошелъ бы; но что жъ дѣлать, я не имѣю здраваго смысла.

— Это очень-дурно для Ричарда, сказала я.

— Не-уже-ли дурно? отвѣчалъ мистеръ Скимполь : — быть не можетъ! Предположимъ, что онъ сдружится съ Здравымъ Смысломъ — съ этимъ, конечно, славнымъ малымъ, покрытымъ морщинами, сильно-практичнымъ, имѣющимъ въ каждомъ карманѣ мелкихъ денегъ на цѣлый билетъ въ десять фунтовъ стерлинговъ, въ каждой рукѣ по счетной книгѣ, словомъ : съ человѣкомъ очень-похожимъ на сборщика податей; и если это Ричардъ, этотъ идиллическій пастушокъ, скажетъ Здравому Смыслу : — почтенный товарищъ, передо мной разстилается золотое поле надеждъ, широкая аллея, ведущая въ храмъ изобилія и счастья, потому-что юный другъ нашъ, какъ вамъ извѣстно, исполненъ повѣн, энергіи и предпримчивости — пойдемъ туда, укажи мнѣ дорогу; что же, вы думаете, отвѣтитъ Здравый Смыслъ? Онъ укажетъ ему на ложность мечты, на свои счетныя книги, на парики изъ конской гривы, на бѣлыя перчатки и повернетъ на прозаическую дорогу, и тогда вся сладость жизни — прости-прощай! У меня на это не станетъ духу, я не въ-состояніи смять цвѣтокъ при первомъ его расцвѣтѣ. Въ моемъ составѣ нѣтъ ничего такого, что бъ напоминало сборщика податей; я конечно недостоинъ уваженія, да я о немъ и не хлопочу. Быть можетъ, это дурно, но только это такъ!

Безполезно было говорить больше съ такимъ человѣкомъ; и я предложила ему идти на встрѣчу къ Ричарду и Адѣ, которые прогуливались въ паркѣ, и мы сошлись съ ними очень-скоро.

Мистеръ Скимполь началъ намъ рассказывать съ своей обычной легкой манерой, что онъ утромъ гулялъ по замку Чизни-Вольдъ и осматривалъ портретную галерею Дедлоковъ; что посреди покойныхъ леди этой знаменитой фамиліи, онъ видѣлъ такихъ громадныхъ пастушекъ, въ рукахъ которыхъ скромные посохи, казались воинственными орудіями, и которыя пасли стада свои, напудря предварительно свои парики и оклеяя мушками, для большаго внушенія страха поселянамъ. Тутъ былъ, говоритъ онъ, портретъ какого-то Дедлока въ воинственной бронѣ; онъ любовался взрывами минъ, разрушеніемъ городовъ, обвалами стѣнъ и грудю труповъ, покрывающихъ поле битвы; вся эта картина

была въ движеніи подъ ногами его лошади, какъ-будто-бы съ цѣлью выразить, что для него все это забава. Вся порода Дедлоковъ, говорилъ онъ, напоминаетъ ему автоматовъ съ стеклянными глазами и подъ стеклянными колпаками.

Легко понять, что имя Дедлоковъ заставляло теперь трепетать мое сердце и я очень обрадовалась, когда Ричардъ съ изумленіемъ бросился на встрѣчу какого-то незнакомца и подводилъ его къ намъ.

— Скажите пожалуйста, воскликнулъ мистеръ Скимполь: — Волисъ!

Мы спросили его кто это такой.

— Другъ и юридическій совѣтникъ Ричарда, отвѣчалъ мистеръ Скимполь: — и теперь, милая миссъ Семерсонъ, если вы хотите видѣть Здравый-Смыслъ, отвѣтственность, почтенность — вотъ вамъ истинное соединеніе этихъ качествъ — это Волисъ!

— Мы вовсе не знали что у Ричарда былъ знакомый подъ такимъ именемъ?

— Когда Ричардъ вступилъ на законную почву, отвѣчалъ мистеръ Скимполь: — тогда онъ разошелся съ Кенджемъ, и я думаю взялъ въ свои адвокаты Волиса, то-есть, я это знаю навѣрное, я его самъ познакомилъ съ Волисомъ.

— А вы сами давно знаете его? спросила Ада.

— Волиса? милая моя миссъ Клеръ, я съ нимъ познакомился точно также, какъ и съ многими другими джентльменами его профессіи. Ему поручено было какое-то на мой счетъ, какъ они называютъ, слѣдствіе; вотъ онъ производя слѣдствіе и познакомился со мной; я задолжалъ сколько-то и четыре пенса — понимаете, я не помню всей суммы, но знаю, что она оканчивалась четырьмя пенсами, это очень-странно! Добрый человекъ какой-то заплатилъ за меня и Волисъ кончилъ свое дѣло очень-благородно: оставилъ меня въ покоѣ, и между-тѣмъ просилъ меня познакомить его съ Ричардомъ, я и познакомилъ. Размышляя теперь объ этомъ, продолжалъ мистеръ Скимполь, смотря на насъ просительнымъ взглядомъ: — я думаю, не надуть ли онъ меня? Да, онъ мнѣ сунулъ въ руку бумажку и говорить «за комиссію»... не былъ ли это билетъ въ пять фунтовъ стерлинговъ — какъ вы думаете? кажется это именно были какія-то деньги!

Дальнѣйшія размышленія на счетъ этого предмета были прерваны приходомъ Ричарда и Волиса.

Ричардъ представилъ намъ своего друга. Это былъ господинъ худощавый, съ подщипанными и посинѣвшими, какъ-будто отъ холода, губами; онъ былъ длиннаго роста, очень-сухопаръ, съ красными пятнами

на лицѣ, имѣлъ привычку горбиться и ёжиться, и очень-коротенькую шею. Онъ былъ одѣтъ весь въ черное, въ черныхъ перчаткахъ и застегнуть до подбородка; въ немъ всего болѣе была замѣчательна какая-то безжизненность въ манерахъ и особенно странный взглядъ, съ которыми онъ слѣдилъ за Ричардомъ.

— Надѣюсь, что я не обезпокою васъ, милостивыя государыни, говорилъ мистеръ Волисъ, обращаясь къ намъ, и тутъ я замѣтила въ немъ еще одну особенность: онъ говорилъ какъ-то не разжимая губъ: — мы условились, милостивыя государыни, продолжалъ мистеръ Волисъ, чтобъ я сообщалъ мистеру Карстону, когда дѣло его будетъ въ докладѣ у лорда-канцлера; вчера неожиданно увѣдомилъ меня писецъ мой, что завтрашній день дѣло мистера Карстона будетъ на очереди; я сейчасъ же взялъ мѣсто въ почтовой каретѣ и очутился здѣсь.

— Да, говорить Ричардъ, торжественно смотря на меня и Аду: — мы не тянемъ дѣла попрежнему. Мы идемъ быстро, быстро вперед! мистеръ Волисъ, намъ надо будетъ нанять здѣсь экипажъ, чтобъ сегодня же вечеромъ быть въ городѣ.

— Какъ прикажете, сэръ, отвѣчалъ мистеръ Волисъ: — я совершенно къ вашимъ услугамъ.

— Позвольте-ка, говорить Ричардъ: — я сейчасъ схожу въ гостиницу и велю черезъ часъ приготовить намъ таратайку, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Mesdames, поручаю вашей любезности мистера Волиса.

Ричардъ посѣбно ушелъ къ гостиницѣ, а мы повернули домой.

— Необходимо ли, сэръ, присутствие мистера Карстона завтрашній день въ судѣ? спросила я.

— Нѣтъ, миссъ, отвѣчалъ мистеръ Волисъ: — въ этомъ нѣтъ никакой надобности.

Мы объ съ Адой выразили огорченіе, что онъ ѣдетъ только затѣмъ, чтобъ имѣть непріятности.

— Мистеръ Карстонъ принялъ за правило лично слѣдить за своими интересами, говорилъ мистеръ Волисъ: — а если кліентъ, имѣетъ свои правила и эти правила законы, то моя прямая обязанность, вести его по этой дорогѣ. Въ дѣлахъ я люблю быть точенъ и прямъ. Я вдовецъ, у меня три дочери: Эмии, Женни и Каролина; мое желаніе не только прокормить ихъ, но и оставить имъ честное имя. Это очень-пріятная обязанность, миссъ.

Это замѣчаніе относилось ко мнѣ, потому-что мистеръ Волисъ, шелъ со мной рядомъ.

— Какія чудныя окрестности! говорилъ мистеръ Волисъ: — я имѣю

престарѣлаго отца; онъ живетъ въ Таунтонской Долинѣ, мѣстъ его рожденія — дивные виды; но и здѣсь видъ прекрасный!

Чтобъ поддержать разговоръ, я спросила мистера Волиса, желалъ ли бы онъ жить въ деревнѣ?

— Вы, миссъ, касаетесь моей слабой струны. Здоровье мое разстроено (желудокъ въ плохомъ состояніи) и моя единственная мечта, поселиться въ деревнѣ, быть въ дамскомъ кругу, общества котораго лишаютъ меня мои занятія; но, согласитесь, имѣя трехъ дочерей на рукахъ и престарѣлаго отца, я не долженъ быть эгоистомъ. Правда, теперь я уже больше не содержу бабушки — вѣчная ей память: старушка скончалась на сто первомъ году своей жизни; но все-таки три дочери и престарѣлый отецъ — работы много, миссъ.

Надо было очень напрягать вниманіе, чтобъ понимать когда онъ говорилъ.

— Извините меня, что я говорю о дочеряхъ—это также моя слабая струна—мнѣ хочется оставить имъ нѣкоторую безбѣдность и честное имя.

Такимъ-образомъ пришли мы на хуторъ мистера Бойтсона; чай былъ готовъ и ожидалъ насъ. Вскорѣ послѣ насъ явился и Ричардъ. Онъ облокотился на кресло мистера Волиса и что-то сказалъ ему тихо. Мистеръ Волисъ отвѣчалъ вслухъ, по-крайней-мѣрѣ, такъ громко, какъ только онъ могъ сказать: — какъ вамъ угодно, сэръ; это совершенно въ вашей волѣ; я въ полномъ вашемъ распоряженіи.

Изъ послѣдующихъ разговоровъ мы узнали, что Ричардъ беспокоилъ мистеръ Скимполь, а потому, сколько позволяла вѣжливость, мы обѣщали присмотрѣть за нимъ.

Послѣ чая мы всѣ отправились къ той избушкѣ, въ которой путешественники наши наняли таратайку и тамъ нашли мужика, ожидавшего насъ съ фонаремъ.

Ричардъ и мистеръ Волисъ сѣли въ свой экипажъ — одинъ полный отваги, другой—какъ черное привидѣніе, безжизненное и бездушное.

Милочка моя говорила мнѣ послѣ ихъ отъѣзда: «что, будетъ ли Ричардъ счастливъ, или несчастенъ, будетъ ли онъ окруженъ друзьями, или покинутъ всѣми: она сочтетъ своимъ долгомъ только одно: любить его, любить безконечно.

Сдержать ли она свое слово?

Я смотрю впередъ на дорогу, вижу конецъ пути, вижу мертвую пустыню Оберканцеляріи, ея истлѣвшія надежды и—увы! мою милочку.

II.

ГРАФЪ Ѳ. В. РАСТОПЧИНЪ

и

ЛИТЕРАТУРА ВЪ 1812-МЪ ГОДУ.

Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года.

А. Пушкинъ.

Статья первая.

Наша критика не разъ поднимала вопросъ о томъ, есть ли у насъ литература, достойная имѣть свою исторію? Сомнѣніе можетъ теперь показаться страннымъ; но, лѣтъ двадцать назадъ, оно волновало литературный міръ нашъ и отчасти остается въ своей силѣ и теперь — не для ученой критики, а для нѣкоторой части публики. Это пренебреженіе отечественною литературою происходило и происходитъ отъ поверхностнаго знакомства съ нею, или отъ совершеннаго незнанія ея. Много виновата въ томъ и безотчетная вѣра въ преданіе, которое возводило въ число литературныхъ гениевъ самыя обыкновенныя бездарности и часто забывало живыя стремленія даровитыхъ писателей или обширныя начинанія энергическихъ личностей. Возвеличивъ Хераскова, какъ гениальнаго поэта, это на-слово принятое преданіе не много позволяло ждать отъ тѣхъ писателей, которые не были имъ замѣчены. Разумѣется, подобный взглядъ на нашу литературу могъ твердо держаться только до-тѣхъ-поръ, пока наука ограничивалась эстетическою оцѣнкою писателей, признанныхъ классическими, и только

на нихъ обращала вниманіе. Исходя отъ мысли, что литература должна быть выраженіемъ общества, многіе не видали подтвержденія тому въ русской литературѣ и заключали, что она недостойна изученія, оставаясь жалкимъ вырождаемъ французской. Въ наше время, благодаря болѣе близкому знакомству съ русской литературой прошлаго столѣтія, этотъ взглядъ измѣнился. Въ изслѣдователяхъ ея замѣтно уже стремленіе выйти изъ тѣснаго круга, въ которомъ до-сихъ-поръ заключали исторію нашей словесности, расширить его границы и выдвинуть писателей, на которыхъ прежде не обращали никакого вниманія, какъ на дѣятелей мелочныхъ, хотя они часто вносили въ литературу новыя начала и понятія.

Растопчинъ принадлежитъ именно къ числу писателей, о которыхъ почти не упоминалось въ различныхъ сочиненіяхъ, называющихъ себя «Исторіею Русской Словесности». Большая часть произведеній его, при жизни его изданныхъ, выходила въ свѣтъ безъ имени автора, и преданіе о немъ въ публикѣ начало забываться. Его афиши, брошенные среди разгара политическихъ событій, должны были имѣть къ массѣ читателей особенно-живое отношеніе, затрогивать въ ней самыя дорогіе интересы и приводить къ результатамъ чисто-практическимъ. Изъ этого прямаго отношенія многихъ сочиненій Растопчина ко времени, можетъ-быть, объясняется и то обстоятельство, что, когда прошло это время, они начали приходить въ забвеніе, о собраніи ихъ не думали, и только недавно изданы нѣкоторые изъ нихъ г. Смирдинымъ; а между-тѣмъ, въ отношеніи къ извѣстному направленію нашей словесности, Растопчинъ остается впродолженіе нѣкотораго времени главнымъ дѣятелемъ. Эту мысль подтвердить обзоръ литературной дѣятельности Растопчина, составляющій предметъ настоящаго сочиненія. Біографическихъ данныхъ коснемся мы, на сколько это нужно, для объясненія его произведеній.

Графъ Федоръ Васильевичъ Растопчинъ. родился 12 марта 1763 года ⁽¹⁾ въ Москвѣ. Воспитаніе богатаго русскаго барича въ прошломъ столѣтіи не обходилось безъ руководства иностранныхъ гувернёровъ, хотя

(1) А. Я. Булгаковъ въ своей «Біографіи графа Ф. В. Растопчина» (Отечественныя Записки 1826 г., ч. XXVI, стр. 54) говоритъ, что онъ родился въ 1765 году, основываясь, кажется, на словахъ самого Растопчина въ *Mes mémoires ou moi au naturel écrits en dix minutes*. Наше показаніе взято изъ надгробной надписи графа и подтверждается замѣчаніемъ одной брошюры 1813 года, которое будетъ приведено ниже. Ср. «Историческій, Статистическій и Географическій Журналъ» 1830 г., часть I, кн. I, стр. 86.

и русская стихія находила себѣ доступъ къ ребенку черезъ людей, окружавшихъ первые его годы. Въ этомъ отношеніи не послѣднюю роль играла мама. Растопчинъ говоритъ, что и онъ «имѣлъ десятка съ три заморскихъ учителей; но, помня поученія священника Петра и слова мамы Герасимовны, остался русскимъ». По нравственному вліянію на питомца Растопчинъ ставитъ русскую маму выше всякихъ французскихъ *bonnes*. «Хотя мамы эти, хаживавшія за дѣтьми, и были простыя барскія барыни, безъ просвѣщенія, въ набойчатыхъ или ситцевыхъ кофтахъ, съ повязаннымъ на головѣ платкомъ, но онѣ отнюдь у дѣтей ни умовъ, ни сердецъ не портили; хотя и пугали ихъ волками, мертвецами, смертью—курносой, но не говаривали, что отецъ дуракъ, мать зла, что все послѣ дѣтямъ достанется. И чѣмъ жены англійскаго конюха, швейцарскаго пастуха и нѣмецкаго солдата должны быть лучше, умнѣй и добронравнѣй женъ нашихъ прикащиковъ, дворецкихъ и конюшнихъ?» Таковы собственные слова Растопчина (въ повѣсти: *Охъ французы!*), на опытѣ основанныя. На него самого это вліяніе могло быть тѣмъ сильнѣе, что до пятнадцати лѣтъ большую часть года проводилъ онъ въ селѣ отца своего — Козмодемьянскомъ ⁽²⁾. Въ 1775 году Растопчинъ сдѣланъ былъ пажомъ, потомъ служилъ лейб-гвардіи въ Преображенскомъ Полку. Онъ рано обратилъ на себя вниманіе императрицы Екатерины, которая, въ разговорѣ съ Мамоновымъ, такъ выразилась о немъ: «у этого молодого человѣка большой лобъ, большіе глаза и большой умъ ⁽³⁾». По словамъ г. Булгакова, императрица «удостоивала его чести участвовать въ отборномъ ея обществѣ, въ которомъ блистали, между прочими, Сегюръ, Кобенцель, Гербертъ, Шуваловъ». Даръ замѣчать смѣшное и искусно выставлять его на показъ другимъ рано обнаружился въ Растопчинѣ. Часто, забавляя общество императрицы остроумными разсказами и замѣчаніями, Растопчинъ въ

(2) «Я здѣсь (пишетъ Растопчинъ къ П. Д. Цицианову изъ Козмодемьянска) смотрю и наполненъ тысячью воспоминаніями. Я здѣсь жилъ до 15 лѣтъ мѣсяцовъ по девяти въ годъ, первый годъ моей женатобы наединѣ съ женою и узналъ всѣ ея добродѣтели; здѣсь родился Сергуша и я позналъ неизвѣстное чувство стать отцомъ. Много здѣсь со мною было непріятнаго, но все окончилось». За сообщеніе драгоценныхъ писемъ Растопчина къ Цицианову, также писемъ С. Р. Воронцова и Головина къ Ѳ. В. Растопчину, мы обязаны благосклонности графа Андрея Ѳеодоровича Растопчина. Въ настоящемъ сочиненіи мы по возможности пользовались этою любопытною перепиской; когда-нибудь она, вѣроятно, напечатается вполнѣ и доставитъ прекрасныя подробности для исторической картины нашего общества, въ началѣ настоящаго столѣтія.

(3) «Отечеств. Записки», 1826 г., ч. XXVI, стр. 54.

то же время и самъ имѣлъ случай изощрять этотъ даръ и запастись новыми наблюдениями, сталкиваться съ противоположными мнѣніями. Собранія императрицы въ Эрмитажѣ раздѣлялись на большія, среднія и малыя. Извѣстно, что въ послѣднихъ принимало участіе только то отборное общество, которое составлялось изъ людей, пользовавшихся особеннымъ вниманіемъ ея за умъ, таланты, или заслуги отечеству. Въ малыхъ собраніяхъ забавы не связывались этикетомъ и походили скорее на откровенную бесѣду близкихъ другъ къ другу лицъ. *Литературная игра* была здѣсь однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ явленій. Вотъ въ чемъ она состояла. Императрица, или кто-нибудь изъ присутствующихъ, по ея желанію, предлагалъ на лоскуткѣ бумаги вопросъ или текстъ, какой приходилъ ему въ голову. Потомъ каждый изъ присутствовавшихъ обязанъ былъ, не приготавлиаясь и прочитавъ только послѣднія слова предъидущей фразы, продолжать ее или опровергать». Слѣдующіе два листка, такимъ образомъ составившіеся, всего лучше могутъ ознакомить съ характеромъ и ходомъ *литературной* игры избраннаго общества императрицы (*).

Листокъ 1-й «*Главныя правила эрмитажныхъ вечеровъ*. Писать четко, и это по первому пункту. Читать громко и явственно, помнить о здоровомъ смыслѣ, но привѣтничать къ нему добрую порцію веселости.

Не лгать — было бы прекрасною и доброю вещью.

Не уклоняться отъ предмета.

Не слишкомъ разглагольствовать.

Не лстять.

Не пускаться въ эпиграммы.

Кидать на бумагу первую мысль, которая взбредетъ въ голову — безъ чванства.

Въ особенности, господà, не злословить.

Иначе тотчасъ закрою засѣданія (*Екатерина*).

Быть исправну въ своей должности, т. е. сдѣлать двѣнадцать антрша прежде чѣмъ возьмешься за перо.

(*). Листки этихъ малыхъ собраній сохранилъ Левъ Александровичъ Нарышкинъ, составившій такимъ-образомъ довольно-обширный портфоль. П. П. Свьянинъ, получивъ эти драгоценные документы отъ К. А. Нарышкина, напечаталъ нѣкоторые изъ нихъ въ статьѣ: *Литературныя забавы Екатерины Великой въ Эрмитажѣ* («Сынъ Отечества», 1836 г., № 2, ч. 175-я, Отд. I, стр. 81—97). Изъ нея заимствуемъ мы два листка вмѣстѣ съ пояснительными подробностями.

Не задавать предметовъ, о которыхъ нѣчего говорить, каковы: смерть Буцефала, и тому подобное.

Стараться, чтобъ академія наша держалась какъ-можно-долго.

Самый лучший способъ для сего имѣть умъ за четверыхъ, хотя бы было насъ сорокъ (*Екатерина*).

Или ума за сорокъ, хотя бы было насъ четверо.»

Листокъ 2-й «*Дорога, которою думаю достигъ безсмертія.*

Много есть дорогъ, которыми его достигаютъ, но одинъ случай указываетъ, которую избрать.

Я стану за саними у ея величества.

Берегитесь: дорога, по которой сани ея величества ѣздятъ, сказывала мнѣ моя кормилица, еще ухабиствѣ дороги на островъ, гдѣ мы сегодня обѣдали (*Екатерина*).

Добрый отдыхъ послѣ добраго обѣда.

Я сдѣлаюсь безсмертнымъ мученикомъ за терпѣніе мое съ людьми скучными.

Я поѣду въ свитѣ г. Томаса.

Веселая кампанія, но врядъ ли дорога къ безсмертію (*Екатерина*).

Таковы были собранія, въ которыхъ Растопчинъ игралъ, вѣроятно, не послѣднюю роль и которыя можно назвать литературною его школою. «Игра», учрежденная императрицею, исключала совершенно риторическія фигуры и высокопарность, къ которымъ съ такою любовью обращались многіе прославленные писатели того времени; она незамѣтно отдаляла Растопчина отъ риторическаго направленія и указывала ему противоположный путь. Къ тому же онъ не былъ писателемъ ex professo и не имѣлъ нужды подчинять свои произведенія извѣстнымъ литературнымъ понятіямъ и условіямъ, въ его время господствовавшимъ, тѣмъ болѣе, что иное набрасывалъ онъ только для себя и, кажется, не имѣлъ намѣренія печатать. Сюда относимъ мы одно довольно-замѣчательное его произведеніе. Въ 1784 графъ оставилъ службу и отправился за границу. Изъ этого путешествія вынесъ онъ богатый запасъ остроумныхъ наблюденій, которыя и передалъ въ своихъ запискахъ о «Путешествіи по Пруссіи»⁽⁵⁾. Растопчинъ обращалъ вниманіе на экономическія условія тѣхъ странъ, черезъ которыя проѣзжалъ, постоянно сравнивая ихъ съ Россією. Въ неизданномъ *Возраженіи на книгу графа Стройновскаго* онъ говоритъ, между прочимъ: «Я самъ путешествовалъ почти четыре года и не въ юности моихъ лѣтъ; былъ

⁽⁵⁾ Напечатаны въ «Москвитиниѣ» 1849 года, №№ 1, 10, 13, 15; въ «Сочиненіяхъ графа Растопчина», изданныхъ А. Смирдиннымъ, пропущены.

во всей нѣмецкой землѣ, во всей Швейцаріи, видѣлъ часть Франціи, всю Италію, на которую такъ часто ссылается сочинитель, и повсюду видѣлъ многія тысячи людей въ томъ бѣдномъ и бѣдственномъ состояніи, о каковомъ ни послѣдній у насъ изъ націй просящій милостыню не можетъ себѣ сдѣлать понятія; ибо сіи у насъ не только принадлежать къ какому нибудь селенію, но имѣютъ въ ономъ или домъ, или землю, которую называетъ, по праву и сущности, своею: ибо онъ ея владѣетъ и часто у него есть овца и корова своя; а тѣ, конечно, пользуются и свободою и правомъ прибрѣтать собственность, но никогда ничего прибрѣсть не могутъ и, кромѣ рукъ и ногъ, ничего не имѣютъ, ниже куда голову преклонить отъ дождя и зноя. Входилъ въ подробное размышленіе и наблюденіе народонаселенности и промышленности, видѣлъ и слышалъ все съ отечествомъ моимъ, которое никогда не выходило у меня изъ мыслей, и когда что находилъ желательнаго, чтобы ввести у насъ, то по большей части видѣлъ тому препятствіемъ недостаточное населеніе: долго еще въ Россіи не можетъ достигнуть до той степени, въ какой оно въ другихъ странахъ.»

Подобныя наблюденія не вошли въ записки о путешествіи по Пруссіи. Въ нихъ Растопчинъ говоритъ преимущественно объ общественной жизни, сословіяхъ, правахъ страны, о впечатлѣніи, которое производятъ города ея, и, наконецъ, касается личныхъ сношеній своихъ съ замѣчательными людьми, встрѣчавшимися ему во время пребыванія въ Пруссіи. Необыкновенное остроуміе, оригинальность, самостоятельность взгляда, отсутствіе всякой затаенной мысли отличаютъ записки Растопчина. Это не Фонвизинъ, который въ письмахъ изъ чужихъ краевъ съ такою желчью описываетъ свое путешествіе, съ такимъ ожесточеніемъ нападаетъ на заграничную жизнь, никого не избавляя отъ безпощадныхъ насмѣшекъ; въ запискахъ Растопчина вы не найдете пристрастныхъ и безотчетныхъ обвиненій; взглядъ его свѣтелъ и незатемненъ посторонними цѣлями или личною антипатіею. Фонвизинъ писалъ свои письма не для публики, какъ и Растопчинъ — записки о своемъ путешествіи. По меткости и наблюдательности, оба произведенія могутъ быть поставлены рядомъ; но у Фонвизина нѣтъ того безпристрастнаго взгляда, который высказывается у Растопчина. Гораздо-разительнѣе разница между записками графа и «Письмами Русскаго Путешественника», какъ произведеніемъ чисто-литературнымъ, назначеннымъ для публики. Въ предисловіи ко второму изданію ихъ Карамзинъ говорилъ: «Я хотѣлъ при новомъ изданіи многое переимѣнить въ сихъ Письмахъ, и... не переимѣнилъ почти ничего. Какъ онѣ были писаны, какъ удостоились лестнаго благоволенія публики, пусть такъ и остаются»

ся. Пестрота, неровность въ слоги есть слѣдствіе различныхъ предметовъ, которые дѣйствовали на душу молодого, неопытнаго русскаго путешественника : *онъ сказывалъ друзьямъ своимъ, что ему приключалось, что онъ видѣлъ, слышалъ, чувствовалъ, думалъ — и описывалъ свои впечатлѣнія не на досугѣ, не въ тишинѣ кабинета, а гдѣ и какъ случалось, дорогою на лоскуткахъ, карандашемъ*. Карамзинъ проситъ извинить нѣкоторыя мелочныя подробности, встречающіяся въ его письмахъ, потому-что «человѣкъ въ дорожномъ платьѣ, съ посохомъ въ рукѣ, съ котомкою за плечами, не обязанъ говорить съ осторожною разборчивостью какого-нибудь придворнаго, окруженнаго такими же придворными, или профессора, сидящаго въ испанскомъ парикѣ, на большихъ ученыхъ креслахъ. А кто въ описаніи путешествій ищетъ однихъ статистическихъ и географическихъ свѣдѣній, тому, вмѣсто сихъ писемъ, совѣтую читать Бишингову Географію» (6). Казалось бы, такими словами Карамзинъ отстраняетъ отъ своихъ «Писемъ» всякія литературныя условія и формальности; но мы не рѣшаемся вѣрить его свидѣтельству, что «Письма» писаны «не на досугѣ, не въ тишинѣ кабинета, а гдѣ и какъ случалось». Въ противномъ убѣждаетъ насъ одно важное обстоятельство. Въ «Письмахъ Русскаго Путешественника» находимъ многія мѣста, нѣбликомъ заимствованныя изъ иностранныхъ писателей: Морица (7), Мура (Мооге) и другихъ; а такія заимствования предполагаютъ кабинетную работу. Откуда же объяснить противорѣчіе между предисловіемъ къ «Письмамъ Русскаго Путешественника» и самымъ сочиненіемъ? — Трудно отвѣчать на этотъ вопросъ. Кажется, Карамзинъ, тогда еще молодой и неизвѣстный, думалъ этою оговоркою указать на легкій, бѣллетристическій характеръ «Писемъ», хотѣлъ привлечь читателей, отрекаясь отъ всякихъ сухихъ педантическихъ приемовъ ученаго. Но заимсткова-

(6) «Письма Русскаго Путешественника» (М. Въ Унив. тип. у Хр. Ридгера и Хр. Клаудія 1797) ч. I, стр. 5 — 8. Въ смирдинскомъ изданіи сочиненій Карамзина, это предисловіе не перепечатано.

(7) На заимствования Карамзина изъ Морица высказывались намеки еще при жизни автора «Писемъ». Въ статьѣ «*О словѣ господина Карамзина*» читаемъ: «Путешествіе г-на Карамзина, которое очень неосновательно уподобляютъ Стернову и которое гораздо болѣе сходствуетъ съ *Морицовымъ* — драгоценное хранилище идей, чувствованій и т. д. «Аглая», издаваемая К. П. Шаликовымъ, 1808, май, стр. 57. Извѣстное описаніе рейнскаго водопада, помѣщаемое въ нашихъ хрестоматіяхъ, взято изъ статьи, напечатанной еще въ Дѣтскомъ Читаніи (изд. 2-е, ч. XVIII, стр. 25 — 30). «Рейнскій Водопадъ», переведенный (какъ сказано въ журналѣ) изъ описанія одного путешественника.

нія его почти всегда такъ вѣрны источнику своему, что «Письма Русскаго Путешественника» не могутъ похвалиться новостью и оригинальностью взгляда, что, впрочемъ, и трудно было ожидать отъ писателя столь-молодаго, долженствовавшаго явиться на судъ публики съ недоверіемъ къ своимъ силамъ. Растопчинъ для себя набрасывалъ записки о своемъ путешествіи; ему не нужны были справки съ иностранными сочиненіями, и довольно было отиѣтить тѣ происшествія, или предметы, которые особенно поразили его. Вообще, частое отсутствіе въ русской литературѣ XVIII столѣтія здравыхъ идей о значеніи писателя имѣло вредное вліяніе на самый характеръ и направленіе ея. Большинство писателей убѣждено было, что ходульность или, по-крайней-мѣрѣ, совершенное отрѣшеніе отъ обыкновеннаго тона и настроенія челоука есть необходимое условіе литературнаго произведенія. Превеличенная сентиментальность, такъ называемый высокій слогъ были слѣдствіемъ этого убѣжденія. Этихъ стѣснятельныхъ условій не соблюдалъ Растопчинъ, потому-что не считалъ себя писателемъ ex professo. Черезъ это много выигрываютъ его «Записки о путешествіи по Пруссіи». Простота изложенія, отсутствіе всякихъ риторическихъ украшеній придають имъ особенную привлекательность и свѣжесть, какъ и живымъ статьямъ нашихъ сатирическихъ журналовъ или, напримѣръ, запискамъ Данилова. Къ этому отдѣлу литературы можетъ быть отнесено и путешествіе по Пруссіи. Чтобъ показать, какъ интересны отдѣльныя подробности этихъ записокъ, приведемъ разсказъ о посѣщеніи Сан-Суси въ самое время кончины Фридриха Великаго :

«На дорогѣ все осталось въ тишинѣ. Крестьяне работали; дѣти въ селеніяхъ играли; скотина ходила спокойно въ полѣ. Что было болѣе Великаго Фридриха на свѣтѣ? Бытіе его пресѣклось, но ни мало вокругъ его не нарушило порядка дневнаго. Сколь мало существо челоука! Землетрясеніе, громъ, дождь, вихрь приводятъ все въ безпорядокъ, а смерть Великаго Фридриха ничего не разстроила. Мы пріѣхали прямо въ Сан-Суси. Прошедъ двѣ комнаты, вошли мы въ спальню. Я съ почтеніемъ обратилъ глаза на альковъ, въ коемъ стояла кровать, полагая, что тутъ лежало тѣло Великаго Фридриха. Но въ самое то же время увидѣлъ нѣчто походившее на челоука, сидящаго въ креслахъ и покрытаго синимъ плащемъ. Тутъ холодный потъ покрылъ мое лицо, не отъ страха, потому-что я мертвыхъ до-сихъ-поръ не боюсь, а отъ пронесшагося мгновенно размышленія, что тотъ, кто былъ столь достойно великъ, преобращенъ въ ничто и сокрытъ отъ глазъ людскихъ, яко предметъ обезображенный. Никогда бы я не имѣлъ духу просить, чтобъ его открыли, дабы взглянуть хоть разъ, и то въ первый и по-

свѣдѣній, на почтеннаго мертвеца; но швейцарь, мой товарищъ, обратился къ гусару, коего мы застали тутъ въ комнатѣ, свое платье надѣвающего, спросилъ: «можно ли посмотрѣть покойника?» — «Для чего нѣтъ? отвѣчалъ безчувственный слуга: — я его всѣмъ показываю». И за симъ словомъ, потянулъ плащъ, открылъ намъ лицо и корпусъ Великаго Фридриха. Тѣло мое, повинувшись чувству души, уклонясь по земли, отдало послѣдній долгъ сему великому мужу. Я, на него устремясь, спѣшилъ смотрѣть, не помню долго или коротко; но увидя его, до-сихъ-поръ еще не забылъ. Волосы его, довольно-густые, были всѣ бѣлые; лицо осталось совершенно такое, какъ изображается на всѣхъ портретахъ; на одной сторонѣ рта губы немного крѣпко были сжаты, натурально или, можетъ-быть, отъ тисненія при снятіи съ лица формы. Спокойствіе, величество и геройство остались въ чертахъ лица мертваго Фридриха. Онъ казался быть во снѣ; но жизнь его останется вѣчно наяву. Глаза, коими онъ заставлялъ любить себя и бояться, коими онъ вывѣдывалъ истину и открывалъ тайну въ глубинѣ сердець; глаза, коихъ быстроты ни одинъ взглядъ сносить не могъ, глаза сіи были закрыты и лучъ генія не сіялъ въ нихъ болѣе. Неподвиженъ, преисполненъ жалости и удивленія, я все смотрѣлъ на мертваго героя, все чувствовалъ, былъ горестно тронутъ и раздраженъ, огорченъ тѣмъ, что не засталъ его въ живыхъ, не узналъ взгляда его и не слышалъ голоса; озлобленъ вновь, что гнусному служителю дала смерть право показывать героя. Не заставъ Великаго Фридриха въ живыхъ, я радъ былъ смотрѣть на мертваго часъ, день, недѣлю. Сколько трудовъ, издержекъ, домогательствъ, дабы увидѣть челоуѣка случайнаго, достопамятную бумагу, мѣсто славнаго сраженія, махину, модель! А я наполнялъ свои чувства зрѣлищемъ рѣдкаго государя, совершеннѣйшаго изъ людей; но вдругъ гусаръ закрылъ Великаго Фридриха опять плащемъ, и снявъ, яко завѣсомъ смерти, сокрылъ его отъ глазъ моихъ на-вѣки».

Возвратившись изъ чужихъ краевъ, Растопчинъ желалъ служить волонтеромъ во вторую турецкую войну; но графъ Мамоновъ удерживалъ его подъ разными предлогами. «Я бился объ стѣну лбомъ въ 24 года, что не могъ выпроситься подъ Очаковъ» (писалъ онъ впоследствии къ Циціанову). Только Безбородко, отправлявшійся въ Турцію для мирныхъ переговоровъ, взялъ съ собою Растопчина, какъ надежнаго помощника въ занятіяхъ. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ былъ пожалованъ, 14 февраля 1792 года, камеръюнкеромъ. Потомъ назначенъ посланникомъ въ Португалію; но это намѣреніе рушилось смертью Императрицы.

Ближайшій свидѣтель послѣднихъ минутъ великой монархини и начала новаго царствованія, Растопчинъ оставилъ любопытную записку объ этихъ событіяхъ ⁽⁸⁾. Вотъ его разсказъ о томъ, какъ узналъ онъ объ опасной болѣзни, постигшей императрицу: «Бывъ въ Англинскомъ магазинѣ, я возвращался домой пѣшкомъ и прошелъ—было Эрмитажъ; но вспомнивъ, что назавтрѣ отъѣзжалъ въ Гатчину, вздумалъ зайти проститься съ Анною Степановною Протасовою. Вошедъ въ ея комнаты, увидѣлъ я дѣвицу Полетику, и одну изъ своихъ свояченицъ въ слезахъ. Онѣ сказали мнѣ о болѣзни императрицы, и были встревожены первымъ извѣстіемъ объ опасности. Анна Степановна давно уже пошла въ комнаты, и я послалъ къ ней одного изъ лакеевъ узнать пообстоятельнѣе о прошедшемъ. Ожидая возвращенія посланнаго, увидѣлъ я вошедшаго въ комнату скорохода великаго князя Александра Павловича, который сказалъ, что онъ былъ у меня въ домѣ просилъ отъ имени великаго князя, чтобъ я пріѣхалъ къ нему скорѣе. Исполняя волю его немедленно, встрѣченъ я былъ въ комнатахъ камердинеромъ Парлантомъ, который, прося меня обождать скорого возвращенія его императорскаго высочества, сказалъ, что императрицѣ сдѣлался сильный параличннй ударъ въ голову, что она безъ всякой надежды и, можетъ—быть, въ сію минуту и не въ живыхъ. — Спустя минутъ пять, пришелъ и великій князь. Онъ былъ въ слезахъ, и черты лица его представляли великое душевное волненіе. Обнявъ меня нѣсколько разъ, онъ спросилъ: знаю ли я о происшедшемъ съ императрицею? На отвѣтъ мой, что слышалъ отъ Парланта, онъ подтвердилъ мнѣ, что надежды къ спасенію никакой не было и просилъ убѣдительно ѣхать къ великому князю наслѣднику для скорѣйшаго извѣщенія, примолвя къ сему, что хотя графъ Зубовъ и поѣхалъ въ Гатчину, но что я отъ имени его, могу лучше разсказать о семъ несчастномъ происшествіи». Доѣхавъ домой на извозчикѣ, Растопчинъ велѣлъ запречь маленькія сани въ три лошади и въ часъ прискакалъ въ Софію; тогда ужъ было 6 часовъ пополудни. Здѣсь встрѣтился съ нимъ великій князь Павелъ Петровичъ. Растопчинъ передалъ его высочеству возложенныя на него порученія и получилъ приказаніе слѣдовать за великимъ княземъ. Онъ сѣлъ въ сани съ конюшеннымъ офицеромъ Быковымъ и поскакалъ за каретою.

Въ 8½ часовъ пополудни вѣхалъ въ Петербургъ, въ которомъ весьма-немногіе знали о происшедшемъ. Вскорѣ, по прибытіи во дворецъ, великій князь, призвавъ Растопчина въ кабинетъ, изволилъ ска-

(8) Бантышъ-Каменскій въ біографіи графа Растопчина приводитъ отрывки изъ этой записки, написанной 15 ноября 1796 года.

затъ: «Я тебя совершенно знаю таковымъ, каковымъ ты есть, и спрашиваю, чтобы ты откровенно сказала: чѣмъ ты при мѣхъ быть желаешь?» Имя въ всегда въ виду истребленіе несправосудія (продолжаетъ Растопчинъ), я, не останавливаясь ни мало, отвѣчала: «секретаремъ для пріема просьбъ». Великій князь, позадумавшись сказалъ: «знай, что я назначаю тебя генерал-адъютантомъ, для того, чтобъ ты правилъ Военною Коллегіею».

На Растопчина полились милости новаго императора: въ самый день восшествія Павла I-го на престолъ онъ пожалованъ былъ въ генерал-майоры (8 ноября 1797 г.), въ томъ же мѣсяцѣ (12 ноября) получилъ анненскую ленту, а въ день Высочайшаго коронованія (5 апрѣля 1798 г.)—орденъ св. Александра Невского и 470 душъ въ Орловской Губерніи (9). Вскорѣ, однакожь, графъ получилъ отставку отъ своей должности, и это возбудило въ немъ намѣреніе снова отправиться за границу. Гр. С. Д. Воронцовъ, бывший тогда посломъ нашимъ въ Лондонѣ, писалъ ему по этому случаю (отъ 1-го іюня нов. ст. 1798 года): «Je me fais une très agréable perspective de votre futur voyage dans les pays étrangers. Votre séjour en Angleterre sera pour moi une des plus agréables époques de la vie. Je rêverai un ancien ami, un homme au quel je dois beaucoup et pour le quel j'ai l'attachement, l'estime et la reconnaissance la plus profonde. Croyez mon bon ami, que j'ai pour vous la reconnaissance la plus sincère et que ce que je vous dois ne s'effacera jamais de mon coeur.» Но отставка Растопчина была непродолжительна; 24-го августа того же года онъ былъ назначенъ въ свиту его величества, а въ октябрѣ—третьимъ присутствующимъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Мы оставимъ въ сторонѣ дипломатическую дѣятельность его, о которой говорили уже гг. Терещенко и Бантышъ-Каменскій (10). Для нашей цѣли гораздо-любопытнѣе переписка, которая началась между Растопчинымъ, какъ членомъ Иностранной Коллегіи, и Суворовымъ, который предводительствовалъ въ то время австрійскою арміею. Не официальныхъ писемъ къ Суворову, скрѣпленныхъ только именемъ Растопчина, хотимъ мы коснуться (11), но тѣхъ, гдѣ Растопчинъ является

(9) Бантышъ-Каменскій въ «Словарѣ Достоп. людей русской земли». Спб. 1847, т. III, стр. 113 — 114.

(10) Терещенки, «Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи». (Спб. 1837), часть 4- стр. 205 и слѣд. Бантышъ-Каменскаго, «Словарь», ч. III, стр. 115 — 119.

(11) Таковы, напр., письма, напечатанныя въ «Исторіи Россійско-Австрійской Компаніи 1799 г.», Фукса, часть III, стр. 272, 274.

поклонникомъ великаго полководца, жаркимъ защитникомъ его славы. Близкія отношенія такихъ людей не лишены интереса. Здѣсь сталкивались два челоѣка равно-оригинальные по уму; но неожиданныя, противорѣчившія принятымъ условіямъ свѣта выходки Суворова иногда изумляли Раstopчина своею странностью и не находили себѣ оправданія въ его взглядѣ на вещи. Стоить только прочесть статью Раstopчина «О Суворовѣ», чтобъ видѣть, какія стороны особенно поразили его (12). Онъ, напримѣръ, рассказываетъ слѣдующіе два анекдота изъ своихъ собственныхъ сношеній съ Суворовымъ: «Сидя одинъ разъ съ нимъ наединѣ, наканунѣ его отъѣзда въ Вѣну, разговаривалъ о войнѣ и о тогдашнемъ положеніи Европы. Графъ Александръ Васильевичъ началъ сперва вычитать ошибки цесарскихъ начальниковъ, потомъ сообщать свои собственные виды и намѣренія. Слова текли какъ рѣка, мысли всѣ были чрезвычайнаго челоѣка: такъ его говорящаго и подобное краснорѣчіе я слышалъ въ первый разъ. Но посреди рѣчи, когда я былъ весь превращенъ въ слухъ и вниманіе, онъ самъ вдругъ изъ Цицерона и Юлія Кесаря обратился въ птицу и зашѣлъ громко пѣтухомъ. Не укротя перваго движенія, я вскочилъ и спросилъ его съ огорченіемъ: «какъ это возможно!» «а онъ взявъ меня за руку, смѣясь сказалъ: «поживи съ моѣ, закричишь курицей».

«Желая узнать мнѣніе его о знаменитыхъ войнахъ и о военныхъ книгахъ, проходилъ всѣхъ извѣстныхъ полководцевъ и писателей; но при всякомъ названіи онъ крестился. Наконецъ, сказавъ мнѣ на ухо: Юлія Кесаря, Аннибалъ, Бонапартъ, Домашній Лечебникъ, Пригожая Повариха, заговорилъ о химіи» (13).

Суворовъ узналъ Раstopчина еще въ Турціи и, въ знакъ своего расположенія, подарилъ ему свою военную палатку; дѣятельная же переписка между ними начинается съ того времени, когда Суворовъ отправился, по выраженію Императора Павла въ рескриптѣ къ нему, «спа-

(12) Этой статьи нѣтъ въ Сочиненіяхъ Раstopчина изд. г. Смирдина; она напечатана въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1808, № 3, стр. 241—249 подъ заглавіемъ: О Суворовѣ (письмо къ издателю Р. В. отъ 28 января 1808 г. с. Вороново). Подъ статью выноска С. Н. Глинки: «Синъ драгоцѣнный преданія о герояхъ италійскомъ сообщены издателю графомъ Ѳ. В. Раstopчинымъ».

(13) Глинка въ «Русскомъ Чтеніи» (Спб. 1845, часть I, стр. 227—235) приводитъ слышанный имъ отъ Раstopчина рассказъ о Суворовѣ. Основаніе его, конечно, можетъ-быть, справедливо, но не думаемъ, чтобы память Глинки могла сохранить въ настоящемъ видѣ и подробности, которыя въ подобномъ случаѣ очень-важны: отнимите ихъ—что останется? Потому мы не рѣшались воспользоваться этимъ неполнѣ-достовѣрнымъ документомъ.

сать царей». Растопчинъ сохранялъ всегда благоговѣніе къ генію Суворова и не могъ равнодушно смотрѣть, какъ оскорбляли его члены Гофкригерата. Послѣ битвы при Нови, Суворовъ писалъ къ Растопчину: «Еще новую побѣду Всевышній намъ даровалъ: новокомандующій генералъ Жуберъ, желая выиграть довѣренность своихъ войскъ, выступилъ 4-го числа августа изъ горъ съ арміею выше 30,000 чел., оставя Гави въ спинѣ. Соединенная армія его атаковала и, по кровопролитномъ бою, одержала побѣду. Все мнѣ не мило! Присылаемыя поминутно изъ Гофкригерата повелѣнія ослабляютъ мое здоровье, и я здѣсь не могу продолжать службы; хотятъ операціями править за тысячу верстъ: не знаютъ, что всякая минута на мѣстѣ заставляеть ее пережмнѣть; меня дѣлають экзекуторомъ какого-нибудь Д* или Т*. Вотъ новое В*. Д* распоряженіе, которое я вѣрилъ оригиналомъ отправленному съ донесеніемъ къ государю императору, подполковнику Кушникову, изъ котораго вы усмотрите, могу ли я болѣе быть здѣсь... Прощу ваше сіятельство доложить о семъ его императорскому величеству, какъ равно и о томъ, что, послѣ генуэзской экспедиціи, буду просить объ отзывѣ формально и уѣду отсюда. Болѣе писать слабость не позволяетъ». Это письмо взорвало раздражительнаго Растопчина; онъ отвѣчалъ Суворову ⁽¹⁴⁾: «Заклинаю васъ спасеніемъ Европы, славою вашею, презрите дѣйствіе злобы и зависти, вы имъ дѣлами вашими съ молодыхъ лѣтъ подвержены были; вамъ должно все повиноваться; и когда сама Франція ждетъ участи своей отъ руки вашей, то какъ могутъ заграждать путь вамъ тѣ, коихъ вы научили побѣждать и останавливать бѣгущихъ, забывающихъ стыдъ, вѣрность и страхъ Господень; увѣнчайте себя новою славою — презрѣніемъ тварей, недостойныхъ чувствовать цѣну добродѣтелей, васъ украшающихъ. Простите, сіятельнѣй-

(14) Въ смирдинскомъ изданіи сочиненій Растопчина напечатаны немногія письма къ Суворову, и то съ большими пропусками. Издатель взялъ ихъ изъ «Московского Телеграфа» и напечаталъ безъ всякихъ дополненій, которыя можно было сдѣлать по «Русскому Вѣстнику» (1842, № 3, Отд. II, стр. 365) по Исторіи «Россійско-Автрійской Кампаніи» Фукса и книгѣ г. Мплютина «Исторія войны Россіи съ Франціею». Впрочемъ, въ двухъ послѣднихъ сочиненіяхъ по специальному предмету часто опускаются тѣ мѣста, гдѣ Растопчинъ говоритъ о себѣ; въ приводимыхъ нами письмахъ эти мѣста сохранены. Кромѣ указанныхъ источниковъ, мы пользовались копіями съ писемъ Растопчина къ Суворову, за сообщеніе которыхъ обязаны благодарностью А. Д. Черткову. Не говоримъ ужъ объ опечаткахъ, искажающихъ въ смирдинскомъ изданіи многія мѣста. Напр. на стр. 152 напечатано «звание народное на помощь Государя» вмѣсто «Упованіе».

шій графъ; негодованіе государя велико и гнѣвъ сей справедливъ. А я бы желалъ, чтобъ эта жолчь, коею меня теперь рветъ отъ письма вашего, была бы вѣчно во рту у тѣхъ, кои его открываютъ для сказанія мерзостей и для наученія пакости подобныхъ себѣ. 7 августа 1799 г.» (15).

Въ томъ же мѣсяцѣ Раstopчинъ пишетъ:

«Сколь извѣстіе новой побѣды обрадовало сердце преданнаго вамъ человѣка, столь письмо ваше наполнило его горестію. — О всѣхъ предъидущихъ до сего рескрипта ваше сіятельство изволяете уже теперь знать мнѣніе государя и его предположенія. Онъ намѣренъ спасти Европу, все равно отъ французовъ или отъ цесарцевъ, а лучше сказать отъ барона Тугута. Но дабы предупредить въ семь, должно перемѣнить образъ настоящаго правленія во Франціи и потомъ предписать законъ двору вѣнскому, ограда всѣ его завистливыя предпріятія. Еслибъ государь оставилъ теперь союзныя державы, то онѣ принуждены бы нашлись заключить сепаратный миръ, на которой Франція охотно согласится, оставя Австріи волю забрать въ Италиі все, что она заблаго-разсудитъ, за тѣмъ, чтобъ чрезъ нѣсколько лѣтъ опять начать свои завоеванія; и въ то время ничто не спасетъ Австрійскую Монархію, Италию и нѣмецкую землю отъ неизбѣжной ихъ погибели. — Но куда дѣнутся плоды великихъ дѣлъ война, упованіе народное на помощь государя нашего и духъ бодрости, оживотворившій тѣ земли, кои вы избавили отъ ига французскаго? Но если, увѣнчавъ спасительное дѣло сіе, возстановленъ будетъ престолъ императора, и—великими дѣлами князя италійскаго. — Оканчиваю тѣмъ, что молю васъ со слезами и на колѣняхъ у ногъ вашихъ: останьтесь и побѣждайте. Повтореніе просьбы вашей итти въ отставку нанесетъ страшныя слѣдствія для общаго дѣла. Вамъ ли обижаться гнусными хитростями коварнаго правленія? Вамъ ли ждать соучастія въ сляѣ вашей отъ генераловъ, кои дожили, а не дослужились до сего званія? вы ихъ оставите, и они докажутъ, что ихъ участь или ничего не дѣлать, или быть повсемѣстно битыми. Русскіе будутъ съ вами и Богъ. Англія ничего не жалѣетъ, и уповательно, что экспедиція голландская возымѣетъ совершенный успѣхъ. Соединенные флоты мѣшать не могутъ, бывъ заперты въ брестскомъ портѣ. Вотъ все, что сердце и душа моя мыслить; они открыты передъ вами. Любите во мнѣ преданнаго вамъ человѣка и желающаго единственно славы государя и благоденствія Россіи и т. д. (16).

(15) Ср. Фукса «Исторія Р. Ав. кампаніи», III, стр. 239.

(16) Сочиненія Раstopчина, изд. Смирдина, стр. 151 — 153.

«Сіятельнѣйшій князь

милостивый государь.

«Въ дополненіе съ отправленнымъ фельдъегеремъ Крепышемъ буду имѣть честь сказать вамъ лишь то, что справедливость, кою отдаетъ англійская нація, должна вамъ быть пріятнѣй высокопарныхъ словъ вѣнскаго кабинета, который много говоритъ и ничего не дѣлаетъ. На всѣхъ праздникахъ пьютъ здоровье въ Англии: 1) короля, 2) императора руссійскаго, 3) избавителя Италіи — пѣсни новыя въ похвалу вамъ; чувства всѣ преданы вамъ, и Англичане также, что и земляки ваши, почитаютъ и гордятся вами.

Вамъ преданный

графъ Федоръ Растопчинъ.»

29 августа 1799.

Гатчино.

«Сіятельнѣйшій графъ

милостивый государь.

«Отправленіе двухъ послѣднихъ курьеровъ во время моей болѣзни воспріятствовало мнѣ писать пространно къ вашему сіятельству; но теперь могу удовлетворить моему желанію и увѣдомить васъ о многомъ. Изъ рескрипта государя изволите увидѣть, что, несмотря на чрезмѣрное его желаніе предуслѣть въ предпринятомъ подвигѣ, его императорское величество помышляетъ и о будущемъ, которое не общаетъ намъ большаго спокойствія, коль скоро республика французская останется на свѣтѣ таковою, какъ она есть; иначе же ей и быть невозможно. Призываясь, что я съ большимъ огорченіемъ вижу опасное положеніе Корсакова въ Швейцаріи; и если Массена, не дождавшись вашего прихода въ Швейцарію, разобьетъ Готца, то нашимъ войскамъ трудно будетъ сохранить ихъ позицію. Безпокойство мое на сей счетъ не прежде кончится, какъ съ извѣстіемъ о приходѣ вашемъ. Мы всѣ увѣрены, что руссійское войско съ вами непобѣдимо; и вы много людей найдете близъ государя, кои васъ не любятъ, а боготворятъ, потому—что есть люди, кои живутъ для славы государя и Россіи. А кто же съ начала бытія ея больше васъ ее прославилъ? но что мнѣ о семъ говорить?— Я не государь, не исторія, не Европа. О, еслибъ вы могли произвести во Франціи возстаніе въ пользу короля, войдя въ Франшъ-Конте! Вы бы раздѣлили ее на двое.— Тогда и короля Лудовика XVIII къ вамъ отправимъ. Искать славу сего подвига можно во всѣхъ случаяхъ, т. е. и при началѣ царствованія и при междоусобной войнѣ, полагать можно, слѣдовательно на нѣсколько лѣтъ Францію вовсе недѣйствительною. И

тогда, не теряя времени, принялся за австрийскій домъ и убавить его ходу, пообрѣзавъ крылья. Какъ сіе легко при означенномъ положеніи вещей, столь трудно будетъ, если кабинетъ вѣнскій заключить миръ и союзъ съ безбожнымъ французскимъ правленіемъ. Р. писалъ нѣсколько времени тому назадъ, что онъ желалъ бы повидаться съ отцомъ своимъ: государь теперь его изволилъ уволить на шесть мѣсяцевъ; и по полученіи отпуска тайный совѣтникъ Колычевъ имѣетъ вступить въ отправленіе должности при дворѣ вѣнскомъ. Г. Р. по привычкѣ жить въ Вѣнѣ и по высокому мнѣнію о баронѣ, весьма часто забывалъ, какому государю онъ служитъ. Колычевъ, хоть и не такъ затѣйливъ, но можетъ не хуже дѣло сдѣлать. — Баронъ составилъ поѣздъ свадебный для поправленія дѣлъ своего двора и дядькою отправилъ своего рыжого Дитрихштейна; но я увѣренъ, что его проектъ не удался, потому—что о дѣлахъ съ ними говорить не будутъ. Дитрихштейнъ и жить даже здѣсь не будетъ, а я готовъ что угодно на бумагѣ принять, а съ языка ничего. Баронъ до того и потерялся и заблудился, что отказывается отъ своихъ писемъ, что и случилось съ англійскимъ дворомъ по случаю учрежденія плана кампаніи, для чего они требовали г-на маіора лорда Мулграва, а теперь баронъ отказался его видѣть, предлагая въ извиненіе, что или онъ его не требовалъ, или учинилъ сіе ошибкою; но англійское министерство столь симъ глупымъ и безстыднымъ поступкомъ было раздражено, что предписало лорду Минту, своему въ Вѣнѣ посланнику, въ случаѣ отказа барона Тугута—дать удовольствіе по сему дѣлу, откланяться и ѣхать изъ Вѣны, оставя тамъ повѣреннаго въ дѣлахъ. Въ Голландіи народъ весьма хорошо расположенъ и приходъ нашихъ войскъ вѣрно обратитъ его на изгнаніе Французовъ; но откровенно скажу, боюсь обѣдовъ. Г. И. и нашъ Готлибъ Германъ такъ натянутся, что и свѣту Божьяго не взвидятъ.»

Суворовъ былъ для Растопчина полнымъ представителемъ русскаго богатырства и потому привлекалъ къ себѣ живое его сочувствіе. «У сына Ан. ваша жизнь (пишетъ онъ къ Суворову) и онъ толкуетъ ее сестрѣ — а она вездѣ васъ видитъ, хотя вы и одинъ на свѣтѣ.» Растопчинъ дорожитъ славою Суворова, какъ соотечественника, старается внушить ему твердость въ презрѣніи враговъ и завистниковъ и горячо принимаетъ къ сердцу оскорбленія, ему наносимыя. Люди, окружающіе насъ, всегда оказываютъ вліяніе на нашъ образъ мыслей и характеръ. II Растопчинъ, окруженный великими личностями его эпохи, «стаей славной екатерининскихъ орловъ», по выраженію поэта—видѣлъ въ нихъ представителей русской силы и въ немъ, какъ и во многихъ другихъ, невольно должно было возникнуть состязаніе ве-

личія русскаго народа. Стоить только просмотрѣть имена великихъ людей Россіи, которыхъ выставляетъ Растопчинъ въ «Мысляхъ въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ», чтобъ видѣть, что большая часть ихъ была живымъ примѣромъ самому Растопчину: онъ зналъ ихъ самъ, и ихъ величіемъ была отчасти воспитана его вѣра въ могучія силы русскаго человѣка.

До-сихъ-поръ мы видѣли Растопчина только, какъ человѣка государственнаго. Преданный вполнѣ дѣламъ государственнымъ, онъ и не думаетъ еще выступать на поприще писателя. Онъ пользуется полнымъ благоволеніемъ монарха, употребляетъ для добрыхъ дѣлъ свое вліяніе, спасая Карамзина отъ вредныхъ слѣдствій клеветы, доноса, на него сдѣланнаго, дружески помогая С. Р. Воронцову ⁽¹⁷⁾ и, при самомъ началѣ новаго царствованія, Безбородкѣ. Высто княжескаго достоинства, которое хотѣлъ пожаловать Растопчину императоръ Павелъ I ⁽¹⁸⁾, онъ испрашиваетъ почестъ престарѣлому отцу своему. Но въ 1801 году графъ долженъ выйти въ отставку, поселяется въ своемъ селѣ Вороновѣ и для него начинается совершенно-новая жизнь, спокойная, но однообразная, скоро надоедающая жизнь. Растопчинъ жилъ попеременно то въ деревнѣ, то въ Москвѣ. Здѣсь онъ часто проводилъ вечера у Карамзина и мучилъ супругу его, Екатерину Андреевну, оставаясь до трехъ, до четырехъ часовъ ночи. Нерѣдко также посѣщалъ Семена Ива-

⁽¹⁷⁾ Въ письмѣ отъ 14/25 мая 1799 года С. Р. Воронцовъ пишетъ къ Растопчину: «Vous m'avez rendu la vie, mon bon ami. Je vous ai déjà écrit, que si vous parvenez à me sauver, je vous consacrerai une chapelle comme à mon sauveur. Elle est déjà batie dans mon coeur, mais je me reserve de batir un temple dans une de mes terres, ou je finirai probablement mes jours, quand ma santé sera encore plus delabrée qu'elle ne l'est déjà. Il sera consacré à l'amitié et à la reconnaissance et parmi les personnes à qui je dois ces sentiments votre portrait aura une place très distinguée.»

⁽¹⁸⁾ Рассказываютъ, что, однажды находясь съ Растопчинымъ въ многочисленномъ обществѣ, гдѣ было много князей, императоръ Павелъ I спросилъ его: «Скажи мнѣ, отчего ты не князь?» Послѣ минутнаго колебанія Растопчинъ спросилъ императора, можетъ ли онъ высказать настоящую причину, и, получивши утвердительный отвѣтъ, сказалъ: «Предокъ мой, выѣхавшій въ Россію, прибылъ сюда зимой». — Какое же отношеніе имѣетъ время года къ достоинству, которое ему было пожаловано, спросилъ императоръ: «когда татарскій вельможа (отвѣчалъ Растопчинъ) въ первый разъ являлся ко двору, ему предлагали на выборъ или шубу или княжеское достоинство. Предокъ мой пріѣхалъ въ жестокую зиму и отдалъ предпочтеніе шубѣ». Этотъ отвѣтъ очень-позабавилъ императора. Mercure de France, du 21 messidor an X (10 juillet 1802), T. IX, p. 144.

новича Гамалью, друга и последователя Новикова ⁽¹⁹⁾. Домъ А. С. Небольсиной, которая по четвергамъ устраивала обыкновенно у себя собранія литературныя, также привлекалъ графа. Но полную и самую вѣрную картину деревенской жизни Растопчина съ 1803 года представляетъ намъ переписка его съ княземъ П. Д. Цициановымъ. Приводимъ изъ нея нѣкоторые отрывки.

«Отъ 9 марта 1803, с. Вороново.»

«Письмо твое изъ Тифлиса, любезный другъ, получилъ, другаго бы я поздравилъ съ зрѣлищемъ прелестной природы; но тебя утѣшать должно: хорошо смотрѣть на чудеса Создателя, когда имѣемъ на тотъ разъ спокойный духъ. Первое мое пророчество сбылось, что имя твое, а потомъ ловкость приведуть все разстроенное въ порядокъ. У меня все бы было здорово, но двѣ вещи сдѣлали большое неудовольствіе: отъ дурныхъ дорогъ хлѣбъ продажный и вино опоздали и я отъ сего могу понести убытокъ; да еще лучшій почти жеребецъ изъ арабскихъ умеръ, и я, къ несчастію, узналъ теперь на опытъ, что коноваль, чѣмъ ученѣе, тѣмъ скорѣе уморить лошадь. Они могутъ быть хорошіе лекаря, а доктора—никогда. Три самыхъ славныхъ лечили лошадь, два отъ начала сапа, а одинъ отъ нечистоты въ желудкѣ, а по смерти наши, что она умерла водяною болѣзнію и т. д.

«Отъ 25 марта, с. Вороново.»

«Хотя я три почты не имѣлъ отъ тебя извѣстія и знаю, что ты очень занятъ, разстроенъ, взбѣшенъ и проч., но, привыкнувъ, покуда живъ, беспокоиться о своихъ друзьяхъ, не спокоенъ на твой счетъ. Не имѣвъ между множества пороковъ, конии богатая природа меня одарила, лукавства, скажу напрямикъ, что если еще почты двѣ не получу писемъ, то принужденъ буду желать, чтобъ ты былъ боленъ, потому—что здоровому я не прощаю мѣсяць молчать и не найди 25 секундъ написать пять словъ о себѣ. Еслибъ я не такъ тебя хорошо зналъ, то бы написалъ и далъ, и дѣламъ, и времени часть молчаній—но сему быть нельзя и какая тебѣ польза сорить меня съ родомъ человѣческимъ? Поздравляю съ краснымъ воскресеньемъ и красною лентою. Ко мнѣ пишутъ, что Государь весьма-часто говорить съ удовольствіемъ о тебѣ и находить особливую пріятность въ твоихъ донесеніяхъ. Сосѣд мой О. отставленъ и я угроженъ его переселеніемъ на все лѣто въ мое сосѣдство. К., жертвуя службѣ здоровьемъ, развѣзжаетъ по инспекціи и

(19) Сѣверная Пчела, 1838, № 118, стр. 472.

готовить пѣхоту въ Москвѣ въ лучшемъ показатъ порядкѣ; сей разбитый воинъ вмѣстѣ съ предосторожнымъ А., говоря безпрестанно во всѣхъ окнахъ о войнѣ, могутъ преподавать молодымъ офицерамъ хорошіе уроки, и говоря безпрестанно о ретирадахъ, привести ихъ въ омерзение. Д. съ К. въ явной ссорѣ. Мы сидимъ и потѣемъ въ нижнемъ ужъ этажѣ, гдѣ отдѣланы двѣ комнаты; онѣ очень хороши, но, бывъ велики, кажутся очень нарядными, хотя и ничего богатаго нѣтъ. Сергій всякій день о тебѣ говорить. Зима наша держится и, глубокими своими снѣгами испортивъ дороги, много задержала обозовъ. Жена тебѣ кланяется и очень рада, что ты первую пріятность получилъ среди не-пріятностей».

«Отъ 22 апрѣля, с. Вороново.

«Два твоихъ письма, любезный другъ, одно отъ 8 марта, а другое отъ 17 я получилъ. Благодарю тебя за лошадь и жалѣю очень, что ты могъ подумать минуту о моемъ отказѣ. Вѣрно, если будутъ у меня отъ ней дѣти, то не откажешь взять и опять подарить какого-нибудь горячаго охотника. Не довольно бѣлый *Дутманъ*, но и славы своей достойный *Кади*, тотъ самый, коего съ фирманомъ Блестательной Порты провели съ конвоемъ отъ Мекки до Смирны, палъ, а остались два сѣрые пяти лѣтъ и трехъ лѣтъ, обѣ славныхъ породъ и прекрасныхъ статей. Прошу описать, какой породы и шерсти жеребецъ; да если нельзя будетъ его отправить лѣтомъ, такъ, чтобъ до сентября довести сюда, то пожалуйста дай ему перезимовать въ Георгіевскѣ для того, что первая зима несносна для этого рода лошадей, и должно непременно, чтобы они по травѣ нѣсколько походили, очистили тѣло и приутовились сносить на зиму конюшенный нечистый воздухъ. Миѣ очень жаль, что въ отсутствіе мое на четыре дня въ Москву, тотъ курьеръ, котораго твой братецъ отправилъ къ тебѣ, заѣзжалъ сюда; хотя я твои, а ты мои письма получаешь исправно, но извѣстія свѣжѣе бы дошли. Успокойся, пожалуй, на счетъ цѣны путешествія въ Швейцарію. Если слову не вѣришь, то я къ тебѣ изъ Москвы доставлю счетъ книгопродавца, а радуйся тому, что изданіе въ in 4° нашлось. Если ты предусиѣнешъ въ приведеніи Имеретіи въ подданство, тогда ты недоволенъ на нынѣшнее время, но и впредь сдѣлаешь сущую и важную пользу какъ Россіи, такъ и Грузіи. У меня мысль сія въ запасѣ иногда оставалась, но признаюсь, что я почиталъ се всегда химерой. Сія дорога можетъ быть вѣрнѣе той, что князь Потемкинъ въ Тавридѣ проложилъ въ Царьградъ, подписавъ на воротахъ *Путь въ Софію*. Москва про шведскія дѣла ничего точно не знаетъ; но такъ-такъ приутовленія

долго продолжались и ничего рѣшительнаго нѣтъ, то я думаю, что все окончится на краткихъ объясненіяхъ съ канцлеромъ, развѣ разрывъ у Англии съ Франціею, коего весьма ожидать можно, сдѣлаеть переворотъ въ теперешнемъ вещей положеніи. Царица грузинская въ Москвѣ въ большой модѣ; ее нашли очень умною и любезною, и она, по всѣмъ объ ней разсказамъ, должна имѣть много ловкости въ умѣ. О глупостяхъ московскихъ ничего не пишу, потому—что онѣ недостойны вниманія; но жаль, что умы взяли весьма дурную, какъ говоритъ К., покатошь и весьма—желательно, чтобъ дурное было только на словахъ, а не на дѣлѣ. Весна здѣсь открылась очень хорошо; теперь 18 градусовъ тепла. У меня въ полѣ, на дворѣ и въ домѣ дѣла множество и, какъ человѣкъ живетъ въ суетахъ, то и я отдаю сей долгъ природѣ. Прощай, трудись и находи награду въ успѣхѣ. Правда ли, что К., ѣздя лѣтомъ по Тифлису, заставляя себя обмахивать двумя ѣзовыми, по сторонамъ его кареты ѣзжавшихъ?»

«21 мая, с. Вороново.»

«Прежде чѣмъ отвѣчать на письмо твое отъ 27 апрѣля, опишу тебѣ, въ какомъ положеніи былъ, получа его. Ожиданіе пріѣзда Анны Степановны въ Москву, переездъ туда, безпокойство и скука свалили меня на третій день пріѣзда, потомъ занемогла и жена, и я, живучи съ нею въ разныхъ домахъ—потому—что она остановилась у Анны Степановны, гдѣ и безъ меня тѣсно было,—навѣщая ее, простудился еще больше и отъ сего, потерявъ совсѣмъ голосъ, чувствовалъ большую боль въ горлѣ, которая до дня пріѣзда сюда и продолжалась. За Крафтомъ я посылать не хотѣлъ, а московскимъ лечить себя не дамъ; хорошимъ никто не вѣритъ, а славные слишкомъ—богаты. Потомъ казначей казенной палаты слѣдующія мнѣ за вино 3,900 рублей, веза, потерялъ и, какъ онъ, по словамъ всѣхъ его знающихъ, хорошій человѣкъ и бѣдный, то ты легко догадаться можешь, что я тутъ сдѣлалъ. Наканунѣ отъѣзда моего изъ Москвы жена, пріѣхавъ ко мнѣ сидѣть, отпустила домой карету. За нею были два лакея; одинъ пошелъ пѣшкомъ, а другой, поднимаясь на гору у Пречистенскихъ Воротъ и не на мостовой упавъ, кричалъ: стой! всталъ, разстегнулся, но не могъ встать. Другой лакей посадилъ его въ карету, привезъ домой, пустили тотчасъ ему кровь и онъ чрезъ нѣсколько минутъ потомъ умеръ. Хорошій человѣкъ повесеніемъ, прекрасный собою, 24 лѣтъ. Смерть со всякимъ ежеминутно длучиться можетъ, но столь чрезвычайная и неожиданная разстроила меня еще больше. Садясь на другой день въ карету, отъѣзжая сюда получилъ твое письмо.

«Отъ 3 іюня, с. Вороново.

«Вотъ ужъ три почты, любезный другъ, что я не получалъ отъ тебя писемъ и немного беспокоюсь на твой счетъ, зная, сколь ты къ сердцу принимаешь много вещей, оттого, что милліоны людей на тебя не походятъ. Если придетъ горячка, то одолжишь многихъ. Кромѣ жены, мы всё нездоровы: я съ самаго несчастнаго моего путешествія въ Москву до-сихъ-поръ кашляю и душно сплю. Май мѣсяцъ былъ совершенный потопъ и такъ, что ни за что принятъ не возможно было; вообще отъ большихъ лѣсовъ въ здѣшней окрестности дождей слишкомъ-много бываетъ и отъ сего въ уборкѣ травы и хлѣбовъ можетъ выходить вредъ и затрудненіе. Я множество надѣлалъ испытаній и буду ждать ихъ успѣха, пытаюсь узнать силу новаго удобрения земли кислотою купоросною (acide de Nitr.); въ Голландіи два ужъ года, какъ во всѣхъ огородахъ не кладутъ навозу. А теперь очень занятъ я устройствомъ русской простой сохи. Фермеръ мой англійской со всѣмъ причтомъ и инструментомъ на сихъ дняхъ долженъ пріѣхать; но я ужъ очень богатъ всѣми орудіями для хлѣбопашества и нашелъ опытомъ, что соха имѣетъ больше выгодъ, чѣмъ думаютъ для пахатныхъ и мягкихъ вообще земель; неудобство ея то, что она дѣлаетъ уже плуга борозду и лежитъ на рукахъ у пахаря, отъ воли коего не совѣтъ зависить пущать ее глубже въ землю и пахать, а я дѣлаю сошники шире обыкновенныхъ, и къ разсохѣ, къ коей они утверждаются сзади, придѣлываю колесо, кое, подымаясь и опускаясь по волѣ, соразмѣрно и пахать будетъ глубже или мелче. Если удастся, то выгода та, что двѣ такія сохи вспашутъ въ день десятину точно такъ, какъ и два плуга; но надобно два работника и двѣ лишь лошади вмѣсто четырехъ мужиковъ, изъ коней два идутъ за плугами, а два ведутъ лошадей, коней надобно по двѣ въ плугъ, да еще и сильныхъ. Плугъ же весьма полезенъ для нераспашныхъ земель, кои онъ можетъ подымать съ весны и до морозовъ, а соха едва до половины мая; плугъ имѣетъ слишкомъ много тренія отъ широкой поверхности отрѣзовъ и сошниковъ, тяжелъ для лошадей и валить на одну лишь сторону. Газеты иностранныя пишутъ, что должна быть война у турковъ и персіянъ; но я сему не вѣрю, судя по Пасванъ-Оглу, коего Порта до-сихъ-поръ боятся и ласкаетъ. Ты увидишь, какія безразсудныя требованія дѣлала Англія, за то и война. Головинъ ко мнѣ пишетъ изъ Парижа, что французы весьма недовольны и хотѣли бь очень жить въ миру, чему я и вѣрю: тутъ нельзя и отомстить за вѣроломство и обиду, а должно смотрѣть съ берегу, какъ ихъ на моряхъ грабить будутъ. Недолго и Бонапарте наживетъ! Министерство великобританское не болѣе дорожитъ жизнію людей, чѣмъ хвостами лошадиными. Прощай мой другъ;

Богъ съ тобой, честь въ душѣ, умъ въ головѣ, духъ въ сердцѣ, а прочее найдешь у насъ въ домѣ».

«Отъ 24 юня, с. Вороново.»

«Съ 13 мая я ни строки отъ тебя не имѣлъ и не знаю, чему сіе приписать: что ты боленъ, разсерженъ или измученъ дѣлами? Я совѣмъ тѣмъ съ погъ сбился, но добровольно весь день почти на погѣ. Англичане мои пріѣхали, и мы съѣшимъ поскорѣе поправлять нехорошую и совѣмъ испорченную землю; теперь возять болотную горную землю, известку и навозъ на поля, и земля будущей весною будетъ 180 десятинъ засѣяно, а хотять ферму завести на 300 и болѣе десятинахъ, для чего и дѣйствуютъ машины надъ срубленнымъ лѣсомъ и обращаютъ мѣсто въ богатое поле. Доколѣ у насъ не прибавится втрое жителей въ хлѣбородныхъ губерніяхъ, дотолѣ заведенія англійскаго обработыванія земель не будутъ нужны, но здѣсь они и выгодны и доходны чрезвычайно сѣяніемъ травъ и овощами. Я смотрѣлъ заведеніе графа Румянцева въ подмосковной и видѣлъ навлучшій горохъ, дрилемъ посѣянный на 70 десятинахъ, а прошлаго года онъ снялъ по 18 четв. съ дес. и продавалъ по 11 руб. четв. Я очень доволенъ фермеромъ, также и машинистомъ; а что меня болѣе всего веселитъ, это ихъ восхищеніе отъ ловкости нашихъ мужиковъ, и одинъ изъ сихъ, называемый Пронька, на мой вопросъ: могутъ ли они столько сработать? отвѣчалъ мнѣ: «Имъ противъ насъ не вынести: у нихъ кишка—то пожиже». Ко мнѣ ужъ привезли всѣ орудія хлѣбопашества и многія изъ нихъ на здѣшнюю землю не годятся, между—прочимъ, двойной плугъ отъ жидкости грунта и тяжести плуга въ разсужденіи большаго тренія и длинны; но машинисты свои и мы приготовляемъ новые и удобнѣйшіе инструменты. Я на будущей недѣлѣ поѣду въ ливенскія деревни, гдѣ мнѣ непременно быть должно по многимъ причинамъ и отсутствіе мое отсюда продлится недѣли три. Жена и дѣти здоровы; Серѣжа усиѣваетъ чрезвычайно въ географіи и исторіи, но его учать безъ принужденія дабы изъ науки не сбѣгать нугалища и т. д.

«5 септября, 1803, с. Вороново.»

«Послѣднее мое письмо было къ тебѣ отпралено съ фельдъегеремъ Петромъ Федоровичемъ Харахоринымъ, коего я Петрушею уже называть не смѣю. Съ—тѣхъ—поръ въ нашемъ домѣ ничего чрезвычайнаго не произошло. Погода во весь августъ была чрезвычайная, но теперь платимъ мы долгъ природѣ. Дождь, слѣдственно грязь, сырость и пр. Заведеніе мое хлѣбопашества очень идетъ въ моду и учениковъ до-

волью къ веснѣ будетъ; 44 десятины разными образами застыны пшеницею, рожью и озимымъ ячменемъ, но много время потребно, дабы осилить предрасудки, а самолюбія и преодолѣть невозможно, потому-что первое покоряется иногда опытамъ, примѣрамъ и доказательствамъ, а самолюбіе, презирая все, увѣряетъ себя часъ-отъ-часу въ преимущество своею. Притомъ никто не хочетъ, несмотря на невѣжество, изъ мастеровъ сдѣлаться ученикомъ; хорошо еще, что прибыль заставляетъ отдаляться отъ правилъ сію часть людей, коихъ я называю окаменѣлыми. Въ Воронежѣ у меня еровыя вовсе пропали, а въ Ливнахъ дурны, на Битюгѣ вновь мною заведенныя еровыя пшеницы отиѣнно сего года родились, а рожь въ $12\frac{1}{2}$ разъ, несмотря на засуху. Въ Петербургѣ все слава Богу благополучно. Увѣряютъ, что Д. совсѣмъ было хотѣлъ отъправитъ въ чистую. Прощай; жду отъ тебя письма съ нетерпѣніемъ. Забылъ было сказать ложь К. Д. Е. Горичъ нашелъ въ каменной горѣ у Моздока бутылку съ водою, и стекло такъ тонко, что, чистя, сжимается и опять расправляется, и онъ заключилъ, что эта бутылка должна быть изъ тѣхъ, кои употребляли помпеевы солдаты, хотя римляне и никогда въ семъ краю не были. А доказательство Ц. было то, что подобные сей бутылкѣ сосуды есть въ развалинахъ Геркулана и Помпеи, на что я ему замѣтилъ, что изобрѣтено стекло не старѣ 400 лѣтъ. Еще у него же изъ полувигона фракъ, который, онъ увѣряетъ, вытканъ изъ рыбьихъ усомъ. Жена и дѣти тебѣ кланяются. Катерина Петровна очень хорошо дѣлаетъ столярную работу; мнѣ много хлопотъ, потому-что все устроить должно; но *patientia omnia vincit*. Письмо кончилъ какъ З., а тебя обниму какъ твой сердечный другъ».

Въ письмѣ отъ 17 сентября Растопчинъ пишетъ, между прочимъ: «Когда ты прїѣдешь назадъ благополучно, то я спрошу: имѣешь ли истинное понятіе о четырехъ-лѣтнемъ положеніи, когда, кромѣ зависти и безчестія со стороны сотоварищей, боролся и съ ненавистью каждаго. Мы здоровы. Осень хорошая и ты вѣрно бы мнѣ не упрекнулъ тѣмъ, что я не занимаюсь хлѣбопашествомъ — начало отиѣнное, и я, кромѣ собственной своей выгоды надѣюсь соучаствовать и въ общественной, какъ то многіе желаютъ воспользоваться моимъ заведеніемъ и учениковъ множество къ веснѣ приготовлено. Машинистъ преискусный, а объ старикѣ Патерсонѣ ничего не говорю, потому-что онъ извѣстенъ и въ Англіи и къ большому разсудку и опытности присоединяетъ страсть къ своему ремеслу и честныя правила: ты будешь завидовать мнѣ, что я его досталъ, а ему, что въ 61 годъ сохранилъ такъ свое здоровье».

Растопчинъ, съ самаго времени отставки почти безвыѣздно жившій въ деревнѣ, занимался усовершенствованіемъ своего сельскаго хозяйства

и воспитаніемъ дѣтей. Мы не безъ намѣренія привели всѣ тѣ письма его къ П. Д. Циціанову, въ которыхъ онъ рассказываетъ о своихъ сельско-хозяйственныхъ мѣрахъ, потому—что первое напечатанное произведеніе Растопчина было посвящено одной изъ такихъ мѣръ. Въ то время многіе русскіе хозяева начинали вводить у себя англійскіе способы удобренія земли. Нововведеніе это не замедлило возбудить недобріе въ другихъ; начались толки и споры. Однимъ изъ самыхъ жаркихъ приверженцевъ англійскаго земледѣлія былъ знаменитый въ свое время хозяинъ — Дмитрій Марковичъ Полторацкій. Мы не имѣемъ біографіи этого замѣчательнаго человѣка и потому не лишнимъ считаемъ привести современное о немъ извѣстіе, въ которомъ сквозь высокопарныя фразы легко видѣть сущность дѣла: «Нѣкоторые изъ почтенныхъ здѣшнихъ экономовъ (говоритъ неизвѣстный авторъ статьи: *Успѣхи земледѣлія по Калужской Губерніи*) вводятъ съ желаемымъ успѣхомъ въ употребленіе англійское земледѣліе. Изъ числа таковыхъ любителей земледѣлія прославился здѣсь извѣстный въ отечествѣ нашъ экономъ г. Пол...кій, который выписываетъ изъ Англійи искусныхъ въ семь дѣлъ людей для введенія совершенной англійской агрикультуры. Сей благонамѣренный сынъ отечества, желая распространить въ Россіи лучшій и легчайшій способъ обработыванія полей, вновь выписалъ двухъ искусныхъ ⁽²⁰⁾ англійскихъ земледѣльцевъ съ тѣмъ, чтобъ сіи безъ всякой платы обучали желающихъ учиться. Всякой хозяинъ можетъ посылать къ нему одного изъ учениковъ для наученія сего только нужнаго искусства. Его село Авчурино, отстоящее отъ Калуги въ 13 верстахъ, показываетъ образецъ порядка, опрятности пашни и скотоводства. Это есть священный храмъ елевзіской Цереры. Успѣхи земледѣлія довели до толикой степени, что въ теченіе лѣта крестьянинъ съ плугомъ на двухъ хорошихъ лошадяхъ, сверхъ уборки сѣна и хлѣба, легко обработать можетъ садовымъ образомъ до 40 казенныхъ десятинъ. Земли свои уваживаетъ обыкновеннымъ навозомъ, и болѣе мергелемъ, коего здѣсь довольно находится количество ⁽²¹⁾».

Растопчинъ посылалъ къ Полторацкому нѣсколько человѣкъ для обученія и велъ съ нимъ переписку; но она продолжалась, кажется, не

⁽²⁰⁾ Статья, изъ которой мы беремъ это извѣстіе, напечатана въ 1804 году.

⁽²¹⁾ Уранія (періодическое изданіе. Вторая четверть 1804 года. Въ Калугѣ) стр. 58—60.

долго. Мы иѣдемъ три письма графа къ Д. М. Полторацкому, котора и приводимъ ⁽²²⁾.

«Отъ 27 апрѣля, с. Вороново.

«Милостивый Государь мой Дмитрій Марковичъ !

Полученныя мною въ одно время два ваши письма доставили мнѣ двойное удовольствіе, и изъявя вамъ мою признательность за обѣщаніе открыть мнимъ посланнымъ экономическимъ ученикамъ всѣ тайны вашего успѣшнаго обработыванія земель, прошу принять въ извиненіе объясненія на счетъ чести *Gentleman* ⁽²³⁾. Я нечаянно провелъ шесть дней въ Москвѣ по межевому моему дѣлу и видѣлъ тутъ Щепотьева, который чрезвычайно-доволенъ вашимъ англичаниномъ и увѣрялъ меня, что ему дѣла гдѣ на пять будетъ. Молоотильную машину я весьма желаю имѣть; но какъ же ее поставить? Мнѣ хочется видѣться съ этимъ англичаниномъ для полученія плана на строеніе; а вы меня очень бы одолжили, когда бъ доставили вашъ, изъ коего бъ можно видѣть весь размѣръ, то-есть, на сколькихъ саженьяхъ должны быть овины, и что занимаетъ середина съ машиною. Да не можно ли доставить мнѣ тѣхъ землекоповъ, которые у васъ копали, и написать, по чему вы платили за десятину. Я не думаю, чтобы вы за правду удивлялись послѣдствіямъ слѣдствія Державина; вы слишкомъ умны, опыты и довольно живете въ семь распутномъ свѣтѣ, чтобъ себя увѣрить одинъ разъ навсегда въ неоспоримой несчастной истинѣ: деньги нужны честному для пріятной жизни, а безчестному для сохраненія жизни. Прощайте. Вотъ я полѣзъ въ преисподнюю, а должно все быть на поверхности. Жеребять у меня здѣсь пять и много обѣщаютъ; но неизвѣстно, что сдержатъ. Я недѣля черезъ три ѣду на 8 дней въ Петербургъ для свиданія съ г. Головинымъ, который отъѣзжаетъ въ чужіе края. Но какъ нынѣшнее лѣто мнѣ проводить поцыгански, все въ ѣздѣ, то я надѣюсь быть и у васъ, и подобно николамъ древнихъ мудрецовъ почерпнуть въ вашей частъ изъ тѣхъ знаній, которыя вмѣсто благодарности надѣлали вамъ завистниковъ и конечно не обогатили и васъ самихъ. Прощайте. Пользуйтесь свѣжимъ воздухомъ: это лучшее лекарство отъ физическихъ и моральныхъ припадковъ; о семъ свидѣтельствуешь тотъ, который съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію

Вашъ, милостиваго государя моего,

покорнѣйшій слуга графъ Федоръ Раstopчинъ.

⁽²²⁾ Письма эти, -полученныя нами отъ С. Д. Полторацкаго, относимъ мы къ 1803 году.

⁽²³⁾ Здѣсь опускаемъ мы нелюбопытное мѣсто о *Gentleman*, одной изъ лошадей графа.

«Отъ 16 сентября с. Вороново.

«Письмо ваше и вложенное къ Николаю Петровичу имѣлъ честь прочитать. Во время возвращенія вашего приведенъ ко мнѣ жеребецъ столь хорошихъ статей для Ливенскаго моего завода, что я рѣшился его туда отправить и для сего считаю излишнимъ приобрѣтеніе двухъ чалыхъ египетскихъ : прилагаю при семъ письмо, по коему я могъ ихъ получить, увѣренъ былъ, что условіе, или, лучше сказать, предложеніе ваше останется безъ исполненія. Наконецъ правосудіе получило за себя стряпчаго въ особѣ Гаврила Романовича ; боюсь только, чтобъ онъ не попустилъ на военную руку, хотъ и не дурно бы большую часть гражданскихъ аркибузировать. Я надѣюсь скоро васъ видѣть въ здѣшнемъ мѣстѣ и показать новыхъ скотовъ, съ Битюга приведенныхъ. Въ ожиданіи же прощайте и вѣрьте, что я навсегда съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію имѣю честь быть и проч.

«24 ноября, с. Вороново.

«Благодарю еще васъ за наученіе двухъ моихъ крестьянъ. Если на дѣлѣ они все то будутъ дѣлать, что знаютъ на рѣчахъ, то они могутъ почесться весьма-понятными. Одно изъ нихъ въ сопровожденіи столяра отправляю къ вамъ для снятія лекаль съ плуга, съ распашной сохи и боронъ. Вы очень бы меня одолжили, приславъ хотъ на время одинъ плугъ для лучшаго образца кузнецу; дѣсь на всѣ сіи орудія приготовленъ и сушится. Я получилъ письмо отъ Смирнова, гдѣ онъ пишетъ, что поѣхалъ къ *Arthur Young* для совѣтованія съ нимъ и приисканія извѣстнаго искусствомъ и опытностію фермера. *Young* изъ сего дѣлаетъ государственное дѣло и заключаетъ въ особѣ фермера честь аглицкаго хлѣбопашества, и не хочеть ударить себя лицомъ въ грязь. Многіе аглицкіе молодые хлѣбопашцы, узнавъ, что здѣсь начинаютъ вводить образъ ихъ сѣянія и удобренія земли, отправляются, и два ужъ, называемые *Cotton* и *Pretgmann* пріѣхали въ Петербургъ. Между прочими выгодами, кои я надѣюсь получить отъ своего фермера, полагаю и то, что вы въ путешествіяхъ вашихъ въ столичный градъ лишній день у насъ пробудете и дадите нашей работѣ то же вниманіе, кое привлекъ Рожерсъ, министръ торговли. Заводъ мой лошадиный прибавляется. Прощайте. Когда поѣдете въ Москву, то не минуйте покорнаго вашего слугу гр. Ф. Растопчина».

Даже и въ способахъ удобрять землю Растопчинъ остался русскимъ челоѣкомъ и возсталъ противъ англійскаго земледѣлія; отсюда, кажется, произошла и размолвка его съ Д. М. Полторацкимъ. Онъ писалъ къ Циціанову (отъ 30 сентября 1803 г.) : «Погода у насъ хорошая

и мы събѣшимъ попользоваться послѣднимъ временемъ, дабы нагуляться, да и къ веснѣ приуготовить землю. Между посѣтителями моей особы и пашни былъ Полторацкій, который, по естественной перемѣнѣ ко всему, потерялъ вкусъ къ хлѣбопашеству и говорилъ, что, кромѣ плуговъ, все прочее пустое и игрушка. Онъ влюбился въ барбарскаго мого жеребца Драгута, который, два года назадъ, приведенъ изъ Царяграда отъ Юсуфъ Аги. Прошлаго года онъ былъ въ другомъ состояніи, но Полторацкій давалъ мнѣ за него двухъ жеребцовъ, цѣною тысячи въ три, однакожь я отказалъ, сказалъ настоящую причину, за что до слезъ огорчилъ своего англичанина коновала, который думалъ, что обмануть лошадыю есть право людское».

«Я собираюсь праздновать Катерининъ день (пишетъ Растопчинъ отъ 18 ноября) и дамъ старшимъ въ домахъ крестьянамъ и бабамъ обѣдъ и по серебряному рублю. Противъ моего заведенія вооружились крѣико Полторацкій, Румянцова фермеръ и всѣ члены машинной кампаніи, которая рушилась оттого, что они подали планъ заведенія, но ничего не могли сдѣлать оттого, что до-сихъ-поръ не имѣютъ машиниста».

Растопчинъ не раздѣлялъ пристрастія Полторацкаго къ плугу и въ 1806 году напечаталъ брошюру «Плугъ и Соха», въ которой старался доказать превосходство сохи, или прежняго способа обработыванія земан. Эта книжка, изданная безъ имени автора (24), была первымъ изъ напечатанныхъ произведеній графа Растопчина. Немногимъ былъ извѣстенъ настоящій авторъ брошюры; ее приписывали кн. Дашковой (25),

(24) Вотъ полное заглавіе этого сочиненія: «Плугъ и Соха», писанное степнымъ дворяниномъ, М. 1806. Въ Универ. тип. На заглавномъ листѣ эпитаграфъ: *Отцы наши не глупы насъ были.*

(25) Евгенія, «Словарь Русскихъ Свѣтскихъ Писателей» (М. 1845 г.) Ч. I., стр. 159. Энциклопедическій Лексиконъ (1837 г.) ч. XV, стр. 391. Эти указанія совершенно-ошибочны, потому-что эпитаграфъ брошюры не имѣетъ никакого отношенія къ Дашковой, а между-тѣмъ, онъ явно указываетъ на автора книжки. Только г. Сушковъ приписывалъ брошюру гр. Растопчину, прибавляя, въ видѣ поясненія, слѣдующія слова: «Это произведеніе вызвано, можно полагать(?), англоманами, какъ называли въ 1814—1820 годахъ (!) агрономовъ, надъ которыми, однако, теперь ужъ не смѣются». «Драматическій Альбомъ», изд. Арапова и Роппольта (М. 1850), стр. 45. Какимъ образомъ книжка 1806 года могла быть вызвана англоманами 1814—1820 годовъ? Въ «Отеч. Зап.» прошлаго года (№ 8, Отд. V, стр. 84) сказано было о «Плугѣ и Сохѣ»: «Мы не рѣшаемся признать эту брошюру сочиненіемъ Растопчина, хотя она и въ его духѣ написана: въ ней упоминается о самомъ Растопчинѣ, какъ онъ не сказалъ бы о себѣ, и, главное, не его слогъ въ этомъ сочиненіи, написанномъ вяло, тогда-какъ въ каждой страницѣ Растопчина блещетъ

хотя эниграфъ, напечатанный на оборотѣ заглавнаго листа, прямо указывалъ на Растопчина :

Поболѣ другаго я по свѣту шатался,
Ученіемъ, людьми, вещами занимался,
И оттого, что внѣ Россіи долго жилъ,
Узналъ всю цѣну ей и больше полюбилъ.
Какъ сынъ, я преданъ ей и сердцемъ и душой,
Служилъ въ войнѣ, въ дѣлахъ, теперь служу съ сохой.
Я пользы общества всегда былъ вѣрный другъ,
Хочу увѣрить въ томъ, и возстаю на плугъ.

Всѣ обстоятельства, переданныя эниграфомъ, вполне примѣняются къ Растопчину : онъ дѣйствительно долго путешествовалъ, дѣйствительно «узналъ всю цѣну Россіи» и потому такъ настойчиво преслѣдовалъ французовъ и «французолобцевъ», «служилъ въ войнѣ (турецкой) и дѣлахъ», а въ 1806 году служилъ съ сохой. На введеніе англійскихъ приѣмовъ обработыванія земли Растопчинъ смотритъ, какъ на капризъ, проистекающій отъ страсти къ новостямъ. «То, что содѣлалось въ другихъ земляхъ вѣками и отъ нужды (говоритъ онъ), мы хотимъ посреди изобилія у себя завести въ годъ. Единственно по склонности къ новостямъ и въ подражаніе чужестраннымъ, по множеству перемиѣнъ въ одеждѣ, въ строеніи, въ воспитаніи, даже и въ образѣ мыслей. Теперь проявилась скоропостижно мода на англійское земледѣліе, и англійскій фермеръ столько же начинаетъ быть нуженъ многимъ русскимъ дворянамъ, какъ французской эмигрантъ, италіанскія въ домахъ окна, и скаковыя лошади въ запряжку. Хотя я русской и

умъ, льется черезъ край чувство и языкъ отличается новостью и силою чисто-русскихъ оборотовъ». Эти доводы едва-ли основательны. Для сельскаго хозяина главное доказательство годности или вреда какого-нибудь нововведенія дается опытами: почему же бы Растопчину не сослаться на факты, которые давало ему его хозяйство? Слогъ брошюры также не можетъ служить опорой высказанному мнѣнію, потому-что предметъ сочиненія какъ-то не поддается живому, блестящему изложенію; еще менѣе можно требовать, чтобъ въ сельско-хозяйственномъ трактатѣ «лилось черезъ край чувство». Мы имѣемъ наконецъ положительное доказательство, что брошюра, о которой идетъ рѣчь, принадлежитъ гр. Растопчину. Въ числѣ бумагъ графа, сообщенныхъ намъ сыномъ его Андреемъ Федоровичемъ, находится и статья о «Плугѣ и сохѣ»: большею-частью писана она рукою самого Растопчина и вся вообще исправлена имъ. Въ печатной брошюрѣ нѣтъ никакихъ отступленій отъ рукописи, только въ заглавіи сперва поставлено было: «писано степнымъ дворяниномъ на Селянкѣ въ отставкѣ».

сердцемъ и душою, и предпочитаютъ отечество всѣмъ землямъ безъ изъятія; не изъ числа однакожъ тѣхъ, которые, отъ упрямства, предрассудковъ и самолюбія, пренебрегаютъ вообще все иностранное и доказательства отражаютъ словами: *пустое, вздоръ, негодится*. Мое намѣреніе состоитъ въ томъ, чтобъ тѣмъ, кои прославляютъ англійское земледѣіе, выставляя выгодную лишь часть онаго, доказать, что сколь англійское обработываніе земли можетъ быть выгодно въ окрестностяхъ большихъ городовъ, столь бесполезно, или, лучше сказать, невозможно всеобщно для Россіи въ теперешнемъ ея положеніи» (26). Авторъ довольно-ловко старается доказать, что всѣ блестящія обѣщанія, которыя соблазняютъ русскихъ хозяевъ, совершенно неисполнимы при условіяхъ вашей жизни и климата; онъ признаетъ только выгоды механической части англійскаго хлѣбопашества — молотильни и нѣкоторыхъ орудій. Не намъ судить о томъ, на сколько вѣрны выводы Растопчина и каковы достоинства его брошюры; но мы не могли обойти его сельскохозяйственный трактатъ по многимъ причинамъ. На него должно обратить вниманіе ужъ и потому, что это первое изъ напечатанныхъ произведеній графа. Уже въ немъ видимъ зародыши того направленія, которое послѣ такъ широко развернулось. По своей страстной природѣ, Растопчинъ привязывалъ свои симпатіи даже къ такимъ предметамъ, каковы земледѣльческія орудія.

Споры о плугѣ и сохѣ волновали довольно-долго нашихъ агрономовъ, не разъ обнаруживались въ литературѣ и въ нихъ принимали участіе такіе люди, какъ Растопчинъ, Дашкова (27), Крыловъ. Озлобленіе на французовъ, возбужденное войною съ ними, нечувствительно сообщилося литературнымъ толкамъ о настоящемъ вопросѣ. Если Растопчинъ приступаетъ къ англійскому хлѣбопашеству, какъ къ модной новости, занявшей многихъ; если на примѣненіе его къ условіямъ нашего климата и быта смотритъ онъ такъ же, какъ на воспитаніе русскихъ французскими гувернёрами, то и Крыловъ, по самой природѣ своей нетерпѣвшей теоріи, не чуждъ подобнаго же взгляда на англійское хлѣбопашество, хотя онъ, разумѣется, и не думалъ объ опытахъ, а просто преслѣдовалъ его, какъ иноземщину. Въ комедіи «Модная Лавка» (28) Сумбурова

(26) «Плугъ и соха», стр. 5—6.

(27) Какая именно брошюра о «Плугѣ и Сохѣ» принадлежитъ Дашковой—мы не знаемъ. Можетъ-быть, ею было написано «Мнѣніе о плугѣ и сохѣ» (Спб. 1807). Сопиковъ называетъ авторомъ этой книжки какого-то И. Т. (ч. III. № 6248), хотя на самой брошюрѣ нѣтъ этого указанія.

(28) Напечатана въ первый разъ въ 1807 году.

такъ расписываетъ нареченнаго жениха своей дочери : «Зятюшка-то мой, г. Недосчетовъ, будетъ у меня заглядѣнье; онъ, моя жизнь, былъ въ Лондонѣ, въ Парижѣ и заѣзжалъ въ Европу! Ужъ нечего сказать, ученый человекъ, да и экономъ какой! И теперь, для экономіи, остался въ деревнѣ; знаешь, все на иностранный манеръ, и сѣть и жнеть все по нѣмецкому календарю; да полно земля-то у насъ такая дурацкая, что когда ему надобно лѣто, тутъ-то, какъ на смѣхъ, и придетъ осень — разореніе да и все тутъ» (29). Въ то самое время, когда толки о «Плугѣ и сохѣ» были въ большомъ ходу, когда они были предметомъ журнальныхъ статей, когда являлись попытки устранить нѣкоторыя неудобства англійскаго плуга въ русскомъ хозяйствѣ (30), въ то самое время Крыловъ написалъ басню «Огородникъ и Философъ» (31), въ которой осмѣивалъ излишнее увлеченіе теоріею и пренебреженіе живыми опытами, которые представляетъ самое хозяйство. Въ этомъ отношеніи Крыловъ совершенно сходится съ Растопчинимъ, который совѣтовалъ желавшимъ убѣдиться въ истинѣ его доказательствъ «поправить своимъ имѣніемъ, поѣздить по Россіи, посмотрѣть хорошенько и поговорить съ бородами, въ коихъ столько же ума, сколько и здраваго разсудка» (32). Такое же нравоученіе можно вывести и изъ басни Крылова : огородникъ совѣтуетъ философу приняться за дѣло ; но тотъ отвѣчаетъ, что «не взрылъ грядъ за недосугомъ :

Я все читалъ,

И вычиталъ,

Чѣмъ лучше : заступомъ ихъ взрыть, *сохой или плугомъ?*

Философъ гонялся за нововведеніями, теоріею; онъ

Читалъ, выписывалъ, справлялся,
И въ книгахъ рылся и въ грядяхъ,
Съ утра до вечера въ трудахъ.
Едва съ одной работой сладить,
Чуть на грядяхъ лишь что взойдетъ :
Въ журналахъ новость онъ найдетъ —

(29) Сочиненія Ивана Крылова, ч. III, стр. 311.

(30) См. статью «О новозобрѣтенныхъ земледѣльческихъ орудіяхъ» въ «Драматическомъ Вѣстникѣ», 1808 г., ч. V, стр. 29—32. Авторъ «пустился на опыты съ тѣмъ, чтобъ переладить англійскій плугъ на подобіе русской сохи» и изобрѣлъ русскій одноконный плугъ.

(31) Напечатана въ первый разъ въ 1811-мъ году, въ книжкѣ «Новыя басни Ивана Крылова (Спб. Въ тип. Губерн. Правленія. 1811). стр. 27.

(32) «Плугъ и соха», стр. 43.

И все изроетъ, пересадить
 На новый ладъ и образецъ.
 Какой же вылился конецъ?
 У огородника взошло все и поспѣло;
 Онъ съ прибылью — и въ шляпѣ дѣло;
 А философъ —
 Безъ огурцовъ.

Показавъ отношеніе этой басни Крылова къ вопросу, занимавшему многихъ въ то время, не можемъ не замѣтить, что въ произведеніяхъ Растопчина и баснописца попадаетея очень-много общихъ чертъ, и въ самомъ взглядѣ ихъ на дѣло довольно общаго. Ниже увидимъ, что въ комедіяхъ Крылова осмѣиваются тѣ же стороны русскаго общества, которыя преслѣдуетъ и авторъ «Мыслей въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ» и «Вѣстей».

Еще въ 1803 году, въ письмѣ къ Циціанову, Растопчинъ безъ особеннаго сочувствія отзывается о плугѣ и англійскомъ хлѣбопашествѣ вообще; но только въ 1806 году рѣшился онъ печатно высказать о немъ свое мнѣніе. Въ эти годы онъ болѣе занимался сначала сборами за границу, а потомъ воспитаніемъ дѣтей, судя по письмамъ его къ Циціанову, къ которымъ мы снова обращаемся.

«2-го декабря (1803), с. Вороново.

«Опять ты замолкъ; хорошо, что на прошедшей недѣлѣ кн. Д. Е. Циціановъ получилъ отъ сына письмо, гдѣ онъ пишетъ, что ты хоть несовсѣмъ здоровъ, но и не боленъ. Я нечаянно четыре цѣлые дни былъ въ весьма-непріятномъ и затруднительномъ положеніи. Небольшія, съ коимъ я очень знакомъ и который мнѣ большія оказываетъ услуги, занемогъ спазмами, кои, расслабя его старое и обветшалое тѣло, довели до опасности, коя еще больше усилилась отъ рвоты геморроидальной крови. Жена прислала ко мнѣ курьера, чтобъ я какъ-можно скорѣе пріѣхалъ, что мужъ умираетъ и желаетъ меня видѣть. Я пріекаалъ ночью и, пробывъ четыре дни у нихъ въ домѣ, былъ свидѣтелемъ самыхъ трогательныхъ явленій. Жена сходила отъ отчаянія съ ума; онъ оказывалъ твердость духа необычайную; люди въ отчаяніи. Ф. разсердился, увидя тутъ Крафта, коего больной хотѣлъ видѣть и о пріѣздѣ бывъ Ф. предувѣдомленъ, сказалъ Небольсиной: *qu'il ne remettra plus les pieds dans sa maison* и на ея замѣчаніе, что мужъ отъ сего умретъ, изволилъ сказать: *Il n'a qu'à mourir et alors je viendrai*. Ей сдѣлались конвульси; а мать публика нашла, что Ф. обманенъ, и что все сіе происшествіе выдуманное. А, ей-Богу, дубину

Петра Великаго рано въ Кунсткамеру отнесли... Мы всё здоровы. Я всегда въ большихъ хлопотахъ отъ управленія имѣніемъ, отъ прискиванія гувернёра для Сережи»...

Письмо отъ 20-го января (1804 г.) оканчивается такимъ образомъ:

«Я теперь занимаюсь приуготовленіями строить весною ферму и завести хорошую породу коровъ. Патерсонъ мой часть-отъ-часу болѣе мнѣ нравится. Мы готовимъ въ прибавокъ къ 8 плугамъ еще 10 и запашемъ славно. Я очень радъ, что самолюбіе съ нѣкоторою платой дѣйствуетъ надъ здѣшними крестьянами; а все сіе зависить отъ пестрой рубашки и сапогъ. Надѣюсь, что будущимъ лѣтомъ много будетъ, что тебѣ показать, и за многое похваляшь. До того прощай. Ты у меня предъ глазами и твой портретъ надъ моимъ писальнымъ столомъ виситъ противъ глазъ съ боку женнина портрета.

«Отъ 4 февраля, с. Вороново.»

«Слава Богу — слава и тебѣ — не за то, что ты безъ артиллеріи взялъ азіатскій Гибралтаръ, не за то, что къ чести побѣдителей Очакова и Измаила присоединилъ взятіе Ганжи, но за то, что просьба твоя и гласъ души благородной и сердца чувствительнаго обнявъ духъ солдатъ и, вмѣсто звѣрства, вселилъ въ нихъ человеколюбіе... Если бы ты былъ, когда я читалъ твое письмо и реляцію, то бы увидѣлъ, знаю ли я тебя и умѣю ли понимать. Слезы упали бы на твое лицо, либо на руку; но я надѣюсь, что мы въ жизни будемъ еще имѣть много случаевъ утѣшать и заставлять плакать другъ друга... Сергуша сестрамъ далъ праздникъ; у нихъ есть маленькая настольная иллюминація, и твое имя освѣщено было плошками изъ грецкихъ ореховыхъ скорлупъ, налитыхъ воскомъ; я отпѣлъ молебень; теперь остается тебѣ быть здоровымъ. Мы всё здоровы; безъ непредвидѣннаго какого-либо случая, я надѣюсь до марта изъ моего Воронова не тронуться. Я всегда возвращаюсь изъ Москвы въ огорченіи отъ видѣннаго и слышаннаго: развратъ достигъ до тѣхъ людей, кои почитались степенными. Мнѣ новыя хлопоты. Посѣщая въ бытность мою въ Москвѣ несчастную Небольсину, имѣлъ я тутъ нѣрѣдко случаи видѣться, говорить и спорить съ княгинею Дашковою; что жъ изъ сего вышло? Она отъ меня безъ памяти, пишетъ и я долженъ отвѣчать, читать у ней всё важныя переписки, а она кстати и некстати кричитъ, что она въ своей жизни нашла лишь трехъ человекъ, кои дѣлаютъ честь людямъ: Фридриха Великаго, Дидерота и меня. Однако ты не думай, чтобъ я возгордился. Ея похвала и ядъ и лекарство. — Прости, другъ, побѣдитель Ганжи. Когда учредишь все, успокоишь войска, приаришь плѣн-

ныгъ, напитаешься честію, сваришь похвалы и наплюешь на зависть, тогда подумай, что я охотникъ, хотя и въ отставку, до

Animal guerrier, qu'enfanta le Trident».

Въ письмѣ отъ 28-го февраля Растопчинъ съ большимъ безпокойствомъ извѣщаетъ Цицианова объ опасной болѣзни доктора, своего Крафта.

«Мы всѣ (пишетъ онъ) въ большомъ безпокойствѣ, по случаю тяжелой болѣзни Крафта. Онъ простудился и, не поправясь, началъ выходить, и теперь лежитъ въ плерезіи, и несмотря на вторичное пусканіе крови, лекарства и потъ, часъ-отъ-часу становится слабѣе и хуже. Ты знаешь человѣка, его искусство, привязанность къ намъ и легко представишь себѣ, каково мое и женино положеніе. Всякій человѣкъ претерпѣвать долженъ свои несчастія въ семь свѣтѣ; но потеря сія будетъ весьма для меня трудна. Можно иногда, имѣя причины, утѣшать себя въ потерѣ человѣка, коего считалъ долго другомъ и въ коемъ ошибся; но лишиться почтеннаго, нужнаго и умнаго человѣка, который часъ отъ часу становился дороже и сыскалъ мѣсто въ душѣ — это тяжело. Но во всемъ воля Божія; а мы, забывая часто, что мы прахъ, мнимъ быть безсмертными. Прощай. Богъ съ тобою.

«Поздравляю тебя съ новыми успѣхами. Мнѣ лестно то, что другъ мой на дѣлѣ исполняетъ то, что и почиталъ своимъ мечтаніемъ и невозможнымъ. Я положилъ начало на бумагѣ, а ты на землѣ: одно ничего не значить, а другое важно и славно. А конецъ обѣимъ одинъ — отставка и покой, если Богу угодно.»

«Отъ 9-го марта, с. Вороново.»

«Послѣднее письмо твое насъ очень тронуло; но я и самъ теперь утѣшать не въ состояніи, а дорого бы далъ, чтобъ ты былъ здѣсь и отеръ слезы, которыя льются изъ глазъ пятый день, какъ я лишился почтеннаго своего Крафта. Онъ въ девятый день послѣ самой мучительной болѣзни и муки нестерпимой, окончилъ жизнь свою, посвященную единственно на пользу человѣчества. Мы съ женою оплакиваемъ его, какъ друга и самонужнѣйшаго человѣка для жизни нашей. Хотя я тотчасъ писалъ ужъ въ Петербургъ и, можетъ-быть, скоро оттуда и будетъ какой-нибудь докторъ, но можетъ ли тотъ походить искусствомъ, душою и привязанностью на почтеннаго Крафта? Это происшествіе столь сильно меня встревожило, тѣмъ болѣе, что жена ему обязана была здоровьемъ, а Сережа жизнью, что я, помышляя единственно о ихъ здоровьѣ, принялъ намѣреніе продать пышное свое Вороново, сохранять свои доходы и, приведя въ порядокъ дѣла, ѣхать будущую весною на вѣсколько лѣтъ на житье въ такое мѣсто, гдѣ, въ тепломъ климатѣ, я

найду все способы къ спокойствію и къ воспитанію дѣтей. Я посылаю письмо къ Г. К., полагая, что государь лучше и удобнѣе пріобрѣтенія сдѣлать не можетъ для заведеній, кои ужь есть и могутъ остаться. Жена не очень здорова, а я, въ страхѣ на счетъ ея и дѣтей, пораженъ кончиною сего достойнаго человѣка, который на рукахъ у меня умеръ. Утѣшая несчастную его вдову и 7 дѣтей, самъ не могу еще прийти въ себя и очень нездоровъ. Прощай и вѣрь, что дружба твоя и жизнь суть двѣ важныя вещи въ моемъ положеніи теперешнемъ и будущемъ».

«Отъ 30 марта, с. Вороново.»

«Давно, любезный другъ, не имѣлъ отъ тебя писемъ и тѣмъ болѣе беспокоюсь, что въ Москвѣ дѣлаютъ всякія глупыя разглашенія на счетъ побитыхъ полковъ въ Грузіи, молодаго В., ограбленнаго горцами, раненаго и потомъ умершаго въ пропасти среди горъ. Я Москвѣ не больше вѣрю, какъ К. или К. Ц., но нельзя не беспокоиться, зная, что есть возможность быть всему на свѣтѣ. Я къ тебѣ писалъ на другой день послѣ случившагося у насъ несчастія. Я до-сихъ-поръ не могу привыкнуть къ смерти почтеннаго этого Крафта. Жена же его участвовала очень въ неприятомъ его положеніи, скучая жизнью деревенскою и привыкнувъ глазѣть въ Петербургъ, куда она при первой возможности и возвращается. Хоть мнѣ ни искусства, ни дружбы Крафта не найтись, но и до сентября безъ доктора жить съ семьею въ деревнѣ не возможно, и я, нашедъ въ Москвѣ одного Эндеміуса, который былъ главнымъ докторомъ при полкахъ гвардіи, уговорилъ его быть здѣсь до отъѣзда нашего въ Москву. Я ужь къ тебѣ писалъ, что намѣреніе наше есть ѣхать въ чужіе края въ маѣ 1805 года. Причины мои: здоровье жены, Сергуши и мое спокойствіе и желаніе заплатитъ долгъ, коего 306,000. Если я останусь здѣсь, то обширное Вороново съ развалинами своими унесетъ у меня большую часть дохода, не принося мнѣ ничего, а выѣхавъ изъ него съ домомъ и выведя вонъ конскій заводъ, я навѣрно получу отъ 25 до 30 тыс. дохода ежегодно. Я теперь жду отвѣта отъ К., къ коему писалъ, неужгодно ли государю купить Вороново за 350 тыс. р., хоть оно съ прикупомъ у Зиновьева деревни и издержекъ, стоитъ мнѣ 372 тыс. Тогда бы я былъ квитъ съ долгами и еще имѣлъ бы нѣсколько своего капитала, и эта мысль меня всегда очень тревожитъ, когда подумаешь, что жена можетъ остаться и съ долгами, и съ безпокойствомъ, не имѣя никакого понятія ни о управленіи имѣніемъ, ни о плутовствахъ людскихъ, коимъ она неотменно и вѣритъ. Но продамъ ли я или нѣтъ Вороново, а все въ сентябрѣ переѣду въ Москву и тамъ, приведу свои дѣла въ порядокъ, дождусь мая

и поѣду. Я еще не рѣшилъ на мѣсто нашего пребыванія, а думаю больше, что годъ пробуду въ Франкфуртѣ на Майнѣ, гдѣ по близости всѣхъ водъ и теплицъ могу заняться леченіемъ, а тамъ, если обстоятельства позволятъ, то поѣду на нѣсколько лѣтъ въ Швейцарію, и съ благословенною своею семьей, съ книгами и самъ съ собою могу надѣяться быть счастливымъ. Въ судьбѣ моей есть нѣчто странное: я нигдѣ даръ Божій найдти трехъ друзей, но ни съ однимъ навѣрно не могу дѣлать время: ты въ службѣ, гдѣ полезенъ отечеству и человечеству, Головинъ въ Парижѣ, на долго и всегда будетъ занятъ женою и мною, Н. убитъ своимъ состояніемъ и бѣгаетъ, противъ своего желанія, людей. Слѣдственно, здѣсь ли я, или въ другомъ мѣстѣ, друзья мои будутъ единственно въ душѣ моей, а я въ ихъ. Ты изъ газетъ увидишь, въ какомъ критическомъ положеніи Англія. Еслибъ король умеръ, то бы и замѣшательства не было; но онъ опять съ ума сошелъ и должно будетъ поставить или регента, или совѣтъ для управленія. Сія эпоха, можетъ быть, переломъ счастья англійской политики, которая грабятъ и кричатъ не велитъ. Вѣрно бы Питтъ не заключилъ въ Амьенѣ мира, а заключа, не началъ бы такъ скоро опять войны. Бонапарте всѣ завидуютъ, но онъ никому счастья не сдѣлалъ, и всѣ тѣ, кои собираются за деньги его убить, помышляютъ слишкомъ много о своей безопасности, дабы воспользоваться награжденіями за убійство. Жаль, что Моро тутъ замѣшался, не доволенъ ролю премудраго перваго генерала, а захотѣлъ въ первые консулы. Судя по многимъ изъ тѣхъ, кои пріѣхали изъ Англіи убивать Корсиканца, Витвортъ, коего звали *homme loyal*, вѣрно руководствовалъ симъ невиннымъ замысломъ. Я ничего гнуснаго правилъ аглицкаго министерства не знаю, а между глупыми привычками въ людяхъ говорятъ *honnête comme un Anglais*. Прощай. Богъ съ тобой. Жена тебѣ кланяется; дѣти, кромѣ Наташи, здоровы, а она неинного простудилась; я и самъ въ сильномъ ревматизмѣ и съ недѣлю не могъ писать. Весна открылась, но снѣгъ еще не сошелъ оттого, что дождя нѣтъ, а ясное небо и ночью бываетъ холодно. Прощай, мой другъ.»

«Отъ 3 мая, с. Вороново.»

«Опять три почты отъ тебя писемъ нѣтъ; слѣдственно, двѣ недѣли началось опять безпокойство на твой счетъ. Иногда, несмотря на дальнія выгоды отъ присоединенія Грузіи, я сержусь на себя за то, что, достигнувъ дѣла сіе, какъ надлежало, совершилъ; но всего придумать нельзя, и если я теперь безпокоюсь о тебѣ, что ты среди безпокойствъ и неудовольствій всегда подъ пулею и стрѣлою, то нельзя предвидѣть

было и того, что ты бы могъ и въ другомъ мѣстѣ, и безъ непріятелей быть завсегда въ опасности отъ каверзовъ и мерзостей сыновъ чловѣческихъ. Хочется и для тебя, и для себя, чтобы ты, оконча столь же славно, какъ началъ, возвратился на покой, но и въ семь сомнѣваюсь. По всему не пройдетъ годъ безъ войны чрезвычайной. Можно смотрѣть хладнокровно на нѣкоторыя происшествія; но есть такія, что равнодушіе влечетъ за собою бѣдство и позоръ. Я получаю извѣстіе сейчасъ, что въ Петербургъ пріѣхалъ курьеръ съ извѣстіемъ о принятіи Бонапартомъ титула императора Галловъ и короля италійскаго. Жену онъ свою отрѣшилъ, уничтожа бракъ, и женится на вдовствующей королеви этрусской съ тѣмъ, что въ случаѣ его бездѣтія, сынъ отъ перваго ея брака будетъ наслѣдникъ Бонапартовъ. Примѣть, что самъ возвращаетъ онъ Французамъ форму перваго ихъ правленія, приуча ихъ къ своему самовластію, присоединяетъ къ страшной французской силѣ и королевство Этрусское и возводитъ по себѣ отрасль бурбонскую на французскій престолъ, оба королевства Этрусскія — дочь короля гншпанскаго. Мнѣ то смѣшно, что люди не признаются никогда въ ихъ сумасшествіи, и стояло ли жизни близъ двухъ милліоновъ людей, потрясенія всѣхъ властей и произведенія непонятныхъ варварствъ и безбожія то, чтобы сдѣлать изъ пѣхотнаго капитана императора и короля? Последнее письмо твое меня тронуло; но ты согласишься со мною, что причины мои отъѣхать въ чужіе края весьма сильны. Жена очень разстроена здоровьемъ и поддерживаетъ себя порядочно и спокойною жизнію. Сергуша слабъ и Наташа тоже съ прошелшей зимы. Надежды и помощника нашего Крафта — нѣтъ, и мнѣ должно предупредить все, что въ волѣ чловѣка быть можетъ. Если ты будешь въ отставкѣ, то и тебѣ воды и бани худа не сдѣлаютъ, а планъ нашей ѣзды совершенно пригодиться можетъ и тебѣ. Исключая времени, сколько мы съ тобою были вмѣстѣ въ-теченіе послѣднихъ семи лѣтъ, ты жилъ въ деревнѣ, я въ Петербургѣ, потомъ я тебя смѣнилъ, а ты меня. Счастливъ я тѣмъ, что имѣю друга въ тебѣ, на коемъ остановится утѣшительная мысль, если бы я прежде тебя достигъ до часа смертнаго, и другъ мужа остался бы другъ жены почтенной и защитникъ сиротъ. Но когда бы обстоятельства твои позволяли соединиться намъ и въ чужихъ краяхъ, то бы Россія была съ нами и въ отечества... Я продалъ костромскія деревни — 400 душъ за 55 тыс. и самъ расплачусь съ мелкими долгами... Вороново я не продаю; многіе желали кунить его, но ни одинъ не рѣшился, кромѣ М., который хотѣлъ меня одолжить домомъ, картинами, мраморомъ и проч... У насъ была восемь дней несчастная Небольсина съ братомъ Николаемъ, который весьма тобою

восхищается; онъ, бывъ въ Неаполѣ и узнавъ о смерти брата, тотчасъ прѣѣхалъ. Онъ умёнъ, я думаю, честенъ, но воображеніе пылко и молодо и нѣмаетъ видѣть вещи въ настоящемъ видѣ.»

«Отъ 26 мая, с. Вороново.

«Безпокойство мое часъ отъ часу прибавляется тѣмъ болѣе, что курьера отъ тебя нѣтъ и Богъ знаетъ, когда ты кончишь свои походы и занятія. Коль ни славна для твоей исторіи та минута, въ кою ты родилъ великій планъ, нынѣ въ дѣйствіе приводимый, столько же она и безпокойна и мучительна для меня и для тѣхъ, кои по моему тебя любятъ, зная сердце и душу. Я боюсь, что еще до 10-го числа будущаго мѣсяца пробуду, не получа отъ тебя письма; мнѣ пора и непременно ѣхать должно въ воронежскія, а оттуда въ другія деревни, и я полагаю употребить на сіе обзорніе мѣсяць, слѣдственно я лишнюю недѣлю пробуду въ безпокойствѣ, доколѣ съ жениными письмами получу и твое. Я теперь очень хлопочу, чтобы въ сентябрѣ сыскать домъ въ Москвѣ. Жена на 6 недѣль поѣдетъ зимою въ Петербургъ, а я долженъ заняться приведеніемъ всѣхъ дѣлъ въ порядокъ, отъѣзжая въ маѣ на нѣсколько лѣтъ въ чужіе края, какъ для здоровья, такъ и для лучшей уплаты долговъ. Мы ѣдемъ не мотать и не веселиться, слѣдственно, избравъ пріятный городъ въ Швейцаріи или Франкфуртъ на Майнѣ, займемся воспитаніемъ милыхъ дѣтей и будемъ счастливы одинъ другимъ. — Мы здоровы и пользуемся самымъ прекраснымъ временемъ, кое продолжается болѣе мѣсяца. Хлѣбопашество мое въ совершенствѣ и съ нѣкоторымъ кокетствомъ въ отдѣлкѣ полей; озимый хлѣбъ отлѣпный, а яроваго всякаго близъ 140 десятинъ посѣяно будетъ; ты бы вѣрно меня не упрекнулъ теперь, что я пренебрегаю сею почтенною частію хозяйства. Я весьма доволенъ своими шотландцами, и каждый изъ нихъ рвется лучше сдѣлать по своей части. — Теперь я боюсь еще кровопролитной войны. Питтъ опять входитъ въ министерство, а съ его умомъ, съ денежными пособіями и жаждою истребить Францію онъ затащитъ и сухія державы, чтобъ изъ нихъ сдѣлать мокрыхъ куръ. Между тѣмъ Англія покорила весь Индостанъ подъ свое иго. Я дни черезъ три ѣду въ деревню къ княгинѣ Дашковой съ Авдотьею Селиверстовною Небольсяною и съ братомъ ея Николаемъ Селиверстовичемъ. Прощай. Жена тебѣ кланяется, дѣти любятъ, а я, пока живъ, неизмѣнный другъ твой».

Въ слѣдующемъ письмѣ (отъ 12 іюня, с. Вороново) Растопчинъ пишетъ, между прочимъ: «Письмо твое я получилъ въ одну изъ тѣхъ счастливыхъ минутъ, когда, бывъ здоровъ тѣломъ и спокоенъ духомъ, я былъ

среди богатаго поля, и тутъ, читая все, тобою писанное, вкусила удовольствіе, ничѣмъ неотравленное. Я благодарилъ всѣми чувствами Бога и кончилъ тѣмъ, что возвратился въ свой благословенный домъ, смоча лицо слезами приятными, сообщить извѣстіе о тебѣ женѣ, коей почтеніе и любовь ты вѣрно цѣнить умѣешь. — Бумаги твои, оставя съ нихъ списокъ, отослалъ къ зятю и надѣюсь видѣть ихъ въ Москвѣ; самъ я черезъ недѣлю ѣду въ дальнія деревни, и много стоитъ мнѣ разлучиться на мѣсяцъ съ милою семьею, но не хочется и запустить устроенныхъ уже заведеній.»

Въ концѣ письма Растопчинъ замѣчаетъ, что «если послѣднія происшествія во Франціи произведутъ войну, то мы принуждены будемъ отложить будущю весною поѣздку нашу въ чужіе края, по той причинѣ, что война должна быть всемістная и смѣшно будетъ, располагаясь ѣхать лечиться, изуродовать себя безпокойствомъ и страхомъ.»

«20 іюля, с. Козмодемьянское, 360 верстъ отъ Воронова.»

«Я здѣсь уже другой день и, пробывъ еще шесть, поспѣшу къ своимъ. Путешествіе мое до сихъ мѣстъ было самое вождельнное: хорошая погода, скорая ѣзда и пріятныя находки. Ёзда моя раздѣлилась на 5 частей. Оставя милыхъ моихъ въ 6 часовъ вечера, пріѣхалъ рано на другой день въ Калугу, гдѣ обѣдалъ у достойнаго тамошняго губернатора Андр. Лавр. Львова; онъ занятъ единственно дѣлами: устройствомъ губерніи и химерою искорененія всемістно зла, т. е. воздуха въ атмосферѣ — дай Богъ ему успѣть! Потомъ, продолжая свой путь еще 50 верстъ, пробылъ въ Козельской деревнѣ, одной изъ тѣхъ, на кою ты совершалъ купчую. Тутъ ничего чрезвычайнаго не было, кромѣ устрашающей тучи, но все сіе кончилось просто дождемъ и темнота не во-время смѣнилась дневнымъ свѣтомъ, слѣдственно и трагедіи сдѣлать не изъ чего. Въ этой деревнѣ, гдѣ не знали, что дѣлать съ дѣсомъ, пыльная рана, стоящая мнѣ единственно 320 р., пилить до 14,000 тѣсницъ и даетъ до 3000 руб. ежегодно доходу, не касаясь вовсе до крестьянъ. Отѣхалъ еще 50 верстъ, ночевалъ у вдовы, жены одного Пр., дяди Катерины Петровны и тутъ наѣхалъ въ городѣ пиръ у городничаго, состоящій изъ 60 особъ или людей. Потомъ два дни пробылъ у того самаго Василья Ивановича Протасова, коего ты выдалъ у насъ въ Москвѣ во время коронаціи. Онъ въ большомъ уваженіи по Тульской и Орловской губерніи и отъ сего самаго никогда не можетъ располагать временемъ, а дѣлать его съ сосѣдями, изъ коихъ мало есть такихъ, коимъ бы и изъ маусаиловой жизни можно отдѣлать секунду... Хорошъ г-нъ А., который 800 душъ прожилъ на изо-

bruterie regretum mobile; на вопросъ, къ чему оный онъ употребить намѣренъ (еслибъ избралъ), отвѣчаетъ: Богъ знаетъ, да вѣдь живучи въ деревнѣ, надобно чѣмъ нибудь заняться. Непротивенъ и Г. Х., который, говоря мнѣ «ваше превосходительство», извинялся, что онъ взялъ эту привычку, обращаясь часто съ губернаторомъ. Милъ и игрокъ Х., носящій, когда въ гостяхъ, старый платокъ умершаго въ Тулѣ губернаторомъ Г. и полученный имъ отъ жены его въ знакъ его преданности къ покойнику. Замѣчательнъ и отставной бригадиръ К., умоляющій сосѣдей позволить ему отъ себя и своими людьми сажать до нихъ проспекты. Но представь себѣ, что всѣ эти вышеописанные люди живутъ въ деревнѣ, бѣгаютъ одинъ къ другому отъ скуки и никакъ хлѣбопашествомъ не занимаются, говоря, что чего Богъ не дастъ, того не возьмешь, а между тѣмъ стараются другъ друга обыгрывать въ карты. А забылъ было 3000 душъ помѣщика Л., скряги, коего жизнь есть шестой актъ комедіи *Скуплаго* Мольера; онъ для того не живетъ совсѣмъ въ отдѣланномъ своемъ новомъ домѣ, что столяръ его, отданный на выучку, не поспѣлъ, слѣдственно и рамъ въ окна сдѣлать некому. — Въ ливенской деревнѣ, гдѣ говорили, что хлѣбъ не родится (въ той самой, на кою ты также совершалъ крѣпость), я нашелъ рѣдкой доброты весь урожай, и поле мое, даже и крестьянское, оттѣнилось отъ сосѣднихъ, а однодворцы, тутъ живущіе, яровой и озимый сѣютъ попеременно, не давая землѣ отдыхать ни на минуту и говорятъ: *плохо родится рожь, сама-пята приходитъ*. — Я здѣсь на своей родинѣ; всякое мѣсто приводитъ на память какое-либо маленькое происшествіе, пріятное по молодости лѣтъ; а мѣсто сіе, заключаая въ себѣ остатки батюшки и матушки моихъ, должно нѣкогда и меня ссудить мѣстомъ для сокрытія гнилаго тѣла. Теперь повнсюсь въ моей глуши, слабости, или какъ хочешь назови. Пріѣхавъ рано, я захотѣлъ лечь заснуть и три раза сряду видѣлъ одинъ сонъ, состоящій въ томъ, что батюшка ко мнѣ сюда пишетъ, будто Катерину Петровну въ Вороновѣ убили во время ея гулянья. Смѣйся, но всему есть возможность... Я очень пораженъ симъ сномъ тѣмъ паче, что они всегда для меня бывають незначущіе, а этотъ заключаетъ все, чѣмъ я счастливъ и награжденъ отъ Бога на семь свѣтѣ. Посмяйся, но и пожалѣй. Примѣть, что я посылаю и отсюда къ тебѣ газеты; взялъ ихъ изъ Воронова для отправленія. — Въ сію минуту я получаю твое письмо, отъ 27 іюня. Жалѣть еще болѣе о тебѣ не могу, потому-что давно со стороны трудовъ знаю тебя замученнымъ; но радъ, что ты здоровъ. Черезъ недѣлю надѣюсь быть посреди моего семейства. Прощай.»

«Отъ 27 іюня, с. Вороново.

«Десять уже дней, какъ я возвратился сюда и нашелъ всю свою семью въ добромъ здоровьѣ. — Я все безъ лекаря и рѣшился писать къ славному доктору Рихтеру въ Берлинъ, чтобы онъ прислалъ ко мнѣ некуснаго человѣка, коихъ въ нѣмецкой землѣ весьма-много безъ употребленія и безъ мѣстъ. Тотъ Французъ, о коемъ я къ тебѣ писалъ, наконецъ пріѣхалъ, а мы просимъ Бога, чтобы онъ навсегда таковымъ остался, каковъ есть теперь. Онъ весьма ученъ, воспитанъ дядею, который былъ первымъ учителемъ Дофина и былъ по части геометріи и географіи употребленъ при воспитаніи его и самъ; дочь его премилый ребенокъ, девяти лѣтъ, совершенно воспитана хорошо и всегда была при немъ; ему 41 годъ и метода ученія очень хороша. Сергуша очень силенъ уже въ исторіи и географіи, а особливо въ россійской, имѣя учителемъ мать, которая жизнь свою посвятила совершенно дѣтямъ и моему благополучію. Отъѣздъ нашъ въ чужіе края мы отложили на годъ или на два, для того, что мнѣ надобно привести въ порядокъ домашнія дѣла, а еще больше того, все думается, что ты расстаешься съ краемъ, гдѣ приобрѣлъ много славы, а еще больше болѣзней и безпокойствъ. Головинъ возвращается весною въ Россію и располагается жить гдѣтошъ въ подмосковной, не зная, что домъ его въ двухъ мѣстахъ треснулъ, а одна колонада почти совсѣмъ упала. — Жаль, мой другъ, что ты слишкомъ занятъ и не имѣешь время ко мнѣ чаще писать; очень, очень часто я за тебя крѣпко безпокоюсь, а когда и покоенъ, то и тогда не знаю, когда съ тобою увижусь и на долго ли; но — воля Божія, коей все, имѣющее разумъ, покоряться должно. — Прощай. Богъ съ тобой; Онъ благослова твою душу, спасетъ и тѣло и возвратитъ друзьямъ, кои нетерпѣливо тебя ждутъ.»

«Отъ 21 сентября, с. Вороново.

Близъ мѣсяца, другъ мой, не получалъ отъ тебя писемъ, хотя и были отъ тебя посланныя въ Петербургъ; но, полагая тебя слишкомъ занятымъ великими и успѣшными дѣлами, безпокоюсь въ душѣ, желая скорого окончанія. Кажется, что скоро должна быть у насъ война и другая; разрывъ съ Франціею сдѣланъ. Нашъ послѣдній, оставшійся въ Парижѣ — Убри оттуда выѣхалъ, и мы теперь съ Бонапартомъ въ войнѣ и въ невозможности сойтись вмѣстѣ. Видно, что въ Европѣ, по случаю восшествія на престолъ Бонапарта, будетъ генеральное произвожденіе. Но признаюсь, что я несовсѣмъ спокоенъ, зная безпокойную голову г-на Наполеона: онъ въ бѣшенствѣ столь много можетъ вреднаго для насъ задумать; мы можемъ всегда спасти Англію, а она насъ никогда. Какая

намъ нужда мѣшаться въ войну, отъ коей до-сихъ-поръ двумъ воюющимъ державамъ другаго вреда не произошло, какъ вооруженіе плоскодонныхъ судовъ у одной, и переписки въ охотники въ другой? Зачѣмъ набиваться на драку, когда мы убѣгаемъ отъ войны? А я все стараго мнѣнія, что Францію Россіи, Пруссіи и Австріи можно въ два года обратить въ первобытное ея положеніе. Мы всѣ, кромѣ меня, здоровы, а у меня часто что-то болитъ плечо и рука отъ стариннаго гатчинскаго ревматизма. Жена здорова, всѣмъ занимается, образуетъ дѣтей по своему подобію и пользуется блаженствомъ чистыхъ и добродѣтельныхъ душъ. Дѣти растутъ и, кажется, общаются много; не знаю сдержатъ ли слово. Сергуша успѣваетъ во многомъ. Учитель его часъ-отъ-часу становится для насъ дороже рѣдкими своими званіями и поведеніемъ. Я досталъ наконецъ доктора, коего мнѣ очень изъ Берлина выхваляютъ и онъ въ будущемъ мѣсяцѣ долженъ быть здѣсь. Хлѣбопашество мое идетъ какъ-нельзя-лучше. Машинистъ ставитъ молотильную машину совсѣмъ новаго построенія и мельницу, коя достойна быть показана хозяевамъ. Я очень-радъ, что испытанія надъ удобриваніемъ здѣшняго качества земли черною болотною землею совершенно всѣмъ награждены совершеннымъ успѣхомъ. Горохъ на трехъ десятинахъ, на кои высѣяно дрилемъ 15 четвериковъ, несмотря на поздній посѣвъ и самое сухое лѣто, далъ 28 четвертей; картофель, коего снято съ уваженной просто земли по 75 четвертей съ десятины, на той, гдѣ была черная болотная земля, родилъ 108 четвертей. Вотъ мои успѣхи: многіе смѣются, другіе находятъ въ моихъ сельскихъ занятіяхъ дальніе выходы, иные аччностъ къ деньгамъ, но я все продолжаю, живучи ужъ на свѣтѣ давно для пяти или шести человѣкъ. Прощай, мой другъ. Богъ съ тобой и все будетъ хорошо».

«Отъ 25 октября, с. Вороново.»

«Вчерашній день былъ для меня весьма памятенъ полученнымъ извѣстіемъ изъ Москвы изъ дома князя Д. Е., что ты живъ и возвратился въ Тифлисъ по взятіи эриванской крѣпости. Я теперь бывъ покойнѣе, стану ждать твоего письма. Представь себѣ мое положеніе: шесть недѣль я ничего больше не слыхалъ, какъ слѣдующее: «о князѣ Циціановѣ извѣстія нѣтъ; сообщенія всѣ прерваны; полкъ казачій въ горахъ перерѣзанъ; онъ разбитъ шахомъ самимъ; Имеретія взбунтовалась; полки, въ Грузію идущіе, не могутъ пройти и стоятъ въ Кизлярѣ». Вотъ, что убивало твоего искренняго друга и заставляло нѣсколько разъ проклинать ту минуту, въ кою я вздумалъ приступить къ трактованію о Грузіи. Москву ты знаешь. Наконецъ слава Богу, о тебѣ пекущемуся:

завистливые прикусать языкъ, трусы стануть хвалить, а друзья твои радоваться сердцемъ и душою; даже и лошади тебѣ благодарны будутъ, что ихъ мучить не такъ стануть, развоза сплетни и печальныя извѣстiя. Я прежде любилъ, а теперь душевно почитаю князя Дмитрія Егоровича за его къ тебѣ преданность; онъ на челоуѣковъ не походилъ; также долженъ отдать справедливость и князю Дмитрію Евсѣевичу: онъ тебѣ истинно любить. Вотъ моя реляція объ отличившихся въ Москвѣ. Б. тоже за тебя стоитъ горою и, хотя его не люблю, но сіе не должно иѣшать истинѣ. Я здоровъ съ женою и дѣтьми. Она была больна три дня головою и послѣ мнѣ призналась, что сіе было отъ безпокойства на твой счетъ. Я ужь къ тебѣ писалъ, что мы наконецъ имѣемъ гверниѣра такого, какъ хотѣлось, и Сергуша дѣлаетъ успѣхи въ его рукахъ. Я тебѣ новаго ничего сказать не могу, какъ то, что мы почти въ войнѣ съ Бонапартомъ, но римскій императоръ и прусскій король о войнѣ и слышать не хотятъ; ты увидишь много справедливыхъ проишествiй въ газетахъ. Посылаю къ тебѣ четыре портрета Емельянова. Я намелъ, что его подвигъ столь важенъ, что достоинъ быть спасенъ отъ времени. Прошу одинъ портретъ дать графу Воронцову и князю Козловскому, коего я какъ душу люблю, не зная совсѣмъ въ глаза. У меня есть до тебя просьба. Ты мнѣ съ большимъ сожалѣніемъ писалъ о лошади твоей любимой, кою испортилъ: пожалуйста, если она для употребленiя тебѣ не годится, а можетъ быть доведена весною, то подари мнѣ на ивалидное содержаніе: я недовольно умѣю быть благодарнымъ людямъ, но даже и скотамъ, а она бы въ хорошеѣ конюшнѣ въ покоѣ и холѣ скончала у меня жизнь, изъ коей часть была тебѣ полезна. Прощай; совѣтовать ничего не могу, ибо ты вышелъ изъ числа тѣхъ, коихъ служба должна считаться годами: ты ею теперь связанъ съ Россією и государемъ. Богъ съ тобой».

Здѣсь на время прерываемъ мы любопытную переписку Растопчина съ Циціановымъ. Изъ приведенныхъ писемъ можно уже видѣть, какъ проходила и чѣмъ наполнена была жизнь его въ Вороновѣ. Это продолжалось до самаго того времени, когда онъ назначенъ былъ главнокомандующимъ въ Москву. Въ концѣ 1811 года, по смерти знаменитаго президента Академіи Художествъ А. С. Строганова, думали выбрать преемникомъ ему Растопчина. Головинъ писалъ къ графу (отъ 6 октября 1811 г.): «Je viens d'apprendre par un homme, qui est à même de le savoir, que l'Academie des Arts, ayant perdu son président, a procédé à l'élection en vertu des priviliges et statuts, qu'elle a, de deux candidats pour la présidence et qui sont le Pr. Yousouhoff et toi. Ils ont porté le choix, qu'elle ont fait au ministre des lumières, pour être sou-

mis à la confirmation de l'Empereur. Ce que je te dis là, est un fait certain, vrai et positif». Но министръ народнаго просвѣщенія графъ А. К. Разумовскій объявилъ Высочайшую волю, чтобъ Академія Художествъ, впредь до повелѣнія, управляема была вице-президентомъ подъ надѣиємъ министра народнаго просвѣщенія (33). Такимъ-образомъ Растопчинъ остался непрежнему въ частной жизни.

Въ началѣ 1806 года графъ лишился одного изъ лучшихъ друзей своихъ — Циціанова, который былъ измѣнически убитъ на Кавказѣ. Голубинъ писалъ къ Растопчину (26 марта 1806 года): «Je suppose, mon ami, que vous savez déjà la fin malheureuse de Tzitzianoff; l'état perd un homme essentiel. Il est regretté par ceux, qui savaient apprécier ses talents et ses qualités morales et blâmé généralement pour son imprudence, et avec justice. Voici comme il périt. Ayant envoyé sommer le chan de Basa de se rendre, l'autre fit semblant de le vouloir et lui indiqua une hauteur, qui séparait nos troupes d'avec la ville, ou il lui prétendait vouloir remettre les clefs de la ville, pourvu qu'il ne se rende au rendez-vous que lui troisième et que lui de son côté fera de même. Tzitzianoff se rendit à la place indiquée, accompagné d'un officier et laissa ses chevaux à deux cosaques, qui le suivaient, le chan se rendit aussi avec son neveu et deux scélérats, qui restaient auprès de ses chevaux. Mais au moment où ils commençaient à parler, les deux monstres, assés gardaient les chevaux du chan, tirèrent l'un sur le malheureux Tzitzianoff, l'autre sur l'officier, qui furent tués tous les deux et leurs têtes emportées dans la ville de Basa». Въ Циціановѣ Растопчинъ потерялъ друга, съ которымъ дѣлился своими горестями и радостями, и притомъ въ какое время? Въ письмѣ отъ 17 мая 1806 года онъ писалъ ему: «Скажу тебѣ за диковинку, что я начинаю простывать головою и какъ-то холоднѣе смотрю на многое». Въ слѣдующемъ (послѣднемъ) письмѣ Растопчинъ говорить: «Господи помилуй! Какъ я ни люблю свое отечество, и какъ ни разрывался, смотря на многое, но теперь очень холодно смотрю на то, что бѣшло». Въ такомъ положеніи дружескіе советы Циціанова были нужны болѣе, чѣмъ когда-нибудь; но въ то самое время, когда Растопчинъ начиналъ холоднѣе смотрѣть на вещи, прежде возмущавшія его, приближались такіа обстоятельства, которыя должны были вызвать въ немъ прежнюю энергію. Положеніе Россіи во время войны съ Наполеономъ 1807 года въ человѣкѣ, который такъ горячо любилъ отчизну, не могло не вызвать горячихъ стремленій

(33) Краткое историческое свѣдѣніе о состояніи Императорской Академіи Художествъ съ 1764 по 1829 годъ (Спб. 1829), стр. 30.

на пользу общаго дѣла. Эти стремленія выразились дѣльнымъ рядомъ литературныхъ произведеній, къ разсмотрѣнію, которыхъ мы теперь приступимъ.

Первымъ изъ такихъ произведеній были «Мысли въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ». Брошюрѣ своей авторъ далъ довольно-оригинальную форму. Сила Андреевичъ Богатыревъ—идеаль, въ которомъ для Растопчина сосредоточивались все лучшія качества русскаго человѣка, сѣтуеть на слѣпое пристрастіе русскіихъ къ французамъ. Главная, основная мысль брошюры высказывается въ самомъ началѣ: «Господи помилуй! да будетъ ли этому конецъ? Долго ли намъ быть обезьянами? не пора ли намъ опомниться, приняться за умъ, сотворить молитву и, плюнувъ, сказать французу: згинь ты дьявольское наважденіе! ступай въ адъ, или въ свояси, все равно, только не будь на Руся»⁽³⁴⁾. Растопчинъ хочетъ показать, какое вредное нравственное вліяніе должны оказывать на Россію французы, которыхъ «все на перехватъ» принимаютъ. Нападки автора устремлены на воспитаніе, которое русскіе любятъ вѣрять заѣзжимъ французамъ, на моды, ими заносимыя къ намъ. Понятіямъ, которыя вкореняютъ французы молодому поколѣнію, ничтожнымъ ихъ достоинствамъ Растопчинъ противопоставляетъ великихъ людей родины, какъ примѣръ для подражанія. Такое стремленіе возбудить антипатію къ воспитанію и модамъ французскимъ давно уже обнаружилось въ нашей литературѣ и постоянно въ ней поддерживалось. Но въ «Мысляхъ» Богатырева съ особенной силой выступаетъ новый элементъ; бѣльшая часть брошюры направлена на характеръ французскаго народа и на государственныя перемѣны, совершившіяся во Франціи съ 1790 года. «На дѣлахъ они плутишки (говоритъ Богатыревъ), а на войнѣ разбойники; два лишь правила у нихъ есть: *все хорошо, лишь бы удалось. Что можно взять, то должно прибрать.* Хоть не много по шерсти поглядать, то и бунтъ. Вить что проклятые надѣлали въ эти двадцать лѣтъ! все истребили, пожгли и разорили. Сперва стали умствовать, потомъ спорить, браниться, драться; ничего на мѣстѣ не оставили, законъ попрали, начальство уничтожили, храмы осквернили, царя казнили, да какого царя! — отца. Головы, рубили, какъ капусту; все повелѣвали; то тотъ, то другой злодѣй. Думали, что это будетъ равенство и свобода, а никто не смѣлъ рта разинуть, носа показать, и судъ былъ хуже шемакина. Только и было два опредѣленія: либо въ петлю, либо подъ ножъ. Мало показалось своихъ рѣзать, стрѣлять, топить, мучить, жарить и ѣсть, опрокину

⁽³⁴⁾ «Мысли въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ», стр. 5. Сочиненія, стр. 8.

лесь къ сосѣдямъ, и начали грабить и душить нѣмцовъ и венгерцовъ, итальянцовъ и гишпанцовъ, голландцевъ и швейцарцовъ, приговаривая: послѣ спасибо скажете. А тамъ явился Бонапартъ; ушелъ изъ Египта, шикнулъ, и все замолчало. Погналъ Сенать въ зашей, забралъ все въ руки, запрегъ и военныхъ и свѣтскихъ и духовныхъ и сталъ погонять по всѣмъ по тремъ. Сперва стали роптать, потомъ шептать, тамъ головой качать, а наконецъ кричать: шабашъ республика! давай Бонапарта короновать; а ему то и на стать. Вотъ онъ и сталъ глава французская, и опять стало свободно и равно всѣмъ, то—есть: плакать и врытѣть; а онъ какъ угорѣлая кошка и пошелъ метаться изъ угла въ уголь, и до—сихъ—поръ въ чаду. Чему дивить: жарко натопили, да скоро закрыли. Революція пожаръ, французы головешки, а Бонапартъ кочерга. Вотъ отъ тово—то и выкинуло изъ трубы. Онъ и пошелъ драть. Италию разграбилъ, двухъ королей на острова отправилъ, кесарцовъ облудъ, прусаковъ до нага раздѣлъ и разулъ, а все мало! весь мѣръ захотѣлъ покорить—что за Александръ Македонскій? Мужичишка въ рекруты не годится: ни кожи, ни рожи, ни видѣнья; разъ ударить, такъ слѣдъ простынетъ и духъ вонъ; а онъ—таки лѣзетъ впередъ на Русскихъ». (35) Это мѣсто совершенно было вызвано политическими обстоятельствами того времени, къ которому относится брошюра и объясняется цѣлью ея. «Небольшое сочиненіе, изданное мною въ 1807 году (говорить Растопчинъ) имѣло своимъ назначеніемъ предупредить жителей городовъ противъ французовъ, жившихъ въ Россіи, которые старались приучить умы къ мысли пасть передъ арміями Наполеона» (36). Вотъ почему Богатыревъ съ одной стороны желаетъ представить въ омерзительномъ видѣ характеръ французовъ, съ другой прославляемаго предводителя побѣдоносныхъ армій выводитъ мужичишкой, который въ рекруты не годится, въ которомъ нѣтъ ни кожи, ни рожи, ни видѣнья. Здѣсь отличіе нападокъ Растопчина на французовъ отъ подобныхъ же сочиненій прежняго времени. Съ самаго начала революціи французской въ нашей литературѣ слышатся враждебныя о ней отзывы и поднимаются на нее гоненія, но то было большею частью опроверженіе принципа, его двигавшаго. Растопчинъ беретъ прямыя слѣдствія ея для благосостоянія государственнаго, какъ сторону, болѣе понятную для большинства, потому что на него хотѣлъ дѣйствовать авторъ «Мыслей».

(35) Мысли вслухъ и т. д. стр. 9—11.

(36) La vérité sur l'incendie de Moscou въ сочиненіяхъ, стр. 274.

Огромный успѣхъ встрѣтило это сочиненіе; оно быстро разошлось въ 7000 экземплярахъ. Головинъ писалъ къ графу Растопчину вскорѣ по появленіи «Мыслей»: «Сила Андреевичъ fait les délices du club anglois: on le lit dans tous les coins de chambres, des rires de joie et l'approbation des sentimens que manifeste le gentilhomme de Еромо-въ sont généraux dans la classe moyenne, les gens en place envisagent cette production sous (s) un autre point de vû, la jugent severement et prêtent à l'auteur une intention dont il est incapable d'avoir. Pour ce qui me regarde mon ami je te dirai qu'après avoir beaucoup ri de cette aimable production, j'ai blâmé l'auteur de lui avoir fait voir le jour et je crois que lorsque nous nous verrons à Voronova vous serez obligé de convenir de la verité de quelques observations que j'ai à faire sur cette production» (37). Не трудно понять причины успѣха «Мыслей въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ». При тѣхъ враждебныхъ чувствахъ къ французамъ, которыя неволью овладѣвали всѣми русскими во время войны съ Наполеономъ, съ восторгомъ встрѣтили остроумные нападки на французовъ. Оригинальность формы также не прошла безъ вниманія и вызвала многочисленныхъ подражателей. Какъ талантливый писатель, съ убѣжденіемъ возставшій противъ французскаго на насъ влияния, Растопчинъ становится на-время какъ-бы во главѣ литературной полемики противъ французовъ. Не разъ въ мелкихъ брошюрахъ, направленныхъ противъ нихъ, является Богатыревъ, какъ первый выразитель тѣхъ же стремленій: онъ ихъ родоначальникъ, его мнѣніе для нихъ авторитетъ. Много любопытныхъ чертъ представляетъ эта, теперь совершенно-забытая литература, сложившаяся изъ летучихъ брошюръ, мелкихъ статей, сатирическихъ стиховъ, торжественныхъ одъ. Удивительно выдержанное единство связываетъ, однако, раздробленные члены ея въ живое цѣлое. Вглядитесь пристально во всё, даже, повидимому, ничтожныя, литературныя явленія того времени съ полемическимъ характеромъ, и вы легко замѣтите въ нихъ нападки на однѣ и тѣ же слабыя стороны русскаго общества, ту же цѣль, тѣ же увлеченія. Эта общность направленія происходила не отъ подражательности, не оттого, что литература увлечена была какимъ-нибудь талантомъ въ извѣстную сторону; корень этого явленія лежитъ гораздо-глубже: это — единство мысли, воодушевлявшей всѣхъ въ то время.

Ко времени появленія «Мыслей въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ» относятся двѣ комедіи Крылова: «Модная Лавка» и «Урокъ Дочкамъ».

(37) Письмо отъ 15 апрѣля 1807 года. Правописаніе соблюдено подлинника.

Въ первой осмѣивается пристрастіе къ модамъ, во второй — пристрастіе къ французскому языку. Мадамъ, хозяйка модной лавки, является самымъ безнравственнымъ существомъ : у ней найдется и контрабанда; въ ея прежней парижской жизни отыщутся многіе не легкіе грѣшки; за деньги она готова сдѣлать изъ своего магазина мѣсто непріятныхъ любовныхъ свиданій — вотъ дѣятельность ея въ магазинѣ, не говоря ужъ о томъ, что за свои модные уборы, выставляющіе на-показъ всѣ женскія прелести, она беретъ самыя дорогія цѣны. Въ такомъ видѣ изображаетъ Крыловъ содержательницу модной лавки; точно также представляютъ ее и гравированныя каррикатуры того времени ⁽³⁸⁾. Напримеръ, на одной карриатурѣ изображена мадамъ, лежащая, съ обнаженною грудью; господинъ, сидящій передъ ней на стулѣ, восторженно читаетъ какую-то книгу; другой мужчина говоритъ, откланиваясь : «Завтра здѣсь у мадамъ... въ два часа я буду и... увѣнчаетъ насъ любовь» ⁽³⁹⁾. Противъ модныхъ одеждъ подобнаго рода вооружается и Растопчинъ, говоря : «Одѣты какъ мать наша Евва, сущія вывѣски торговой башн, либо мяснаго ряда». Въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ подобныхъ модницъ *натуральными дамами, раздѣтыми по модѣ*. Въ комедіи «Вѣсти», Богатыревъ упрекаетъ Набатову за модную одежду : «Ну, взгляни ты на себя, какъ ты одѣта? тебѣ давно за пятьдесятъ лѣтъ — вѣдь смѣхъ и грѣхъ! На что тыходишь? съ рукъ — на прачку, съ головы — на голландскаго шкипера. Одѣвала бы по старинѣ грѣшное тѣло, потеплѣй : вѣдь въ тебя, не бось, вѣтеръ дуетъ со всѣхъ сторонъ, какъ въ старыя опущенныя палаты; что ты за мокрая Венера изъ пѣны морской явилась? Ну, смотри! какъ зима тебя прихватитъ, сведетъ руки и ноги; вотъ и выйдетъ тюника сокомъ». Но Набатова «не хочетъ быть одѣта шутихой; она хочетъ жить въ свое удовольствіе». — «Да кто мѣшаетъ? (продолжаетъ Богатыревъ) пусть надъ вами смѣются. Да за что вы губите молоденькихъ дѣвушекъ вашимъ безобразнымъ одѣяніемъ? Эта мерзкая мода обливаетъ любовь и уваженіе холодною водою и, вмѣсто того, чтобъ привлекать, гонитъ прочь и жениховъ ловятъ, какъ бѣглыхъ. Въ-старину, и не очень-давно, у иной дѣвушки въ мѣсяцъ не увидишь руки безъ перчатки; а нынче воображенью и догадкѣ дѣла нѣтъ. Да прежде сего, одѣвались, а нынче раздѣваются. Иная ѣдетъ на балъ, какъ модель,

⁽³⁸⁾ Мы пользовались богатымъ собраніемъ карриатуръ, принадлежащихъ Императорской Публичной Библиотекѣ.

⁽³⁹⁾ Карриатура называется : *Дѣятельность французженки въ ма-мазиль*.

для живописцевъ; другая изъ отцовскаго дома, какъ изъ кунстъ-камеры; на рукѣ мѣшокъ съ бѣльемъ, все сквозить, все летить; разъ взглянулъ, точно какъ отъ купели принималъ» (40).

Завязка другой комедіи Крылова вся основана на пристрастіи двухъ провинціальныхъ барышень къ французскому языку. Отецъ заперъ ихъ въ деревнѣ и приставилъ къ нимъ няню Василису, которая должна не позволять имъ разговоръ на французскомъ языкѣ. Насмѣшки надъ пристрастіемъ русскихъ къ французскому языку начались еще съ Сумарокова и съ особенною силою повторялись въ старыхъ сатирическихъ журналахъ. У Растопчина, Крылова и другихъ писателей того времени они получили новый смыслъ, благодаря политическимъ отношеніямъ нашимъ къ французамъ. Это новое значеніе гоненій на французскій языкъ поймемъ мы, прочитавъ статью А. С. Шишкова: *Отвѣтъ на письмо господина Луки Говорова, напечатанное въ Вѣстникѣ Европы, апрѣля 1807 г., № 8-й, подъ заглавіемъ: Письмо изъ города N. N. въ столицу.* Упорный защитникъ славянскаго стиля приводитъ слѣдующія слова Порталиса: «Вспомните, что всеобщее употребленіе французскаго языка служить первымъ основаніемъ всѣхъ связей, которыя Франція имѣетъ въ Европѣ; оно приумножило ея могущество и славу. Сдѣлайте, чтобъ въ Англіи также говорили по французски, какъ въ другихъ краяхъ, то, конечно, будемъ мы знаменитѣе въ глазахъ сего надменнаго народа. Порталисъ прибавилъ еще къ сему (говоритъ Шишковъ), что еслибъ удалось имъ завоевать Англію, то прежде всего надобно истребить употребленіе природнаго языка. Прежде всего (продолжалъ онъ) старайтесь истребить въ государствѣ языкъ народный, а потомъ ужъ и самый народъ» (41). Такому взгляду на вліяніе французскаго языка въ Россіи не были чужды ни Растопчинъ, ни Крыловъ, ни другіе. «Всему свое названье (говоритъ Богатыревъ о французяхъ): Богъ помочь — *bon jour*; отецъ — *monsieur*; старуха-мать — *taman*; холопъ — *mon ami*; Москва — *Ridicule*; Россія — *Fi donc*».

Комедіи Крылова, вполнѣдствіи совершенно-заслоненныя его баснями, имѣли въ свое время большое значеніе. Появленіе ихъ, современное «Мыслямъ и Вѣстямъ» Растопчина и множеству мелкихъ полемическихъ статей, показываетъ, что сражались не съ призраками, но съ существенными недостатками и вредными сторонами современности. Тогда такіе нападки были, можетъ-быть, нужны болѣе, чѣмъ когда-

(40) Сочиненія, стр. 125—126.

(41) Собраніе сочиненій и переводовъ адмирала Шишкова. Спб. 1828, ч. XII, стр. 241.

нибудь. Какъ человѣкъ, затронувшій остроумной насмѣлкой самыя-живыя интересы извѣстнаго класса общества, Крыловъ не избѣгнулъ гоненія со стороны этого класса. Такова ужъ судьба комика. Ниже увидимъ мы, что нареканія слышались и на Растропчина за его *Вльсти*, и на него «разсердились за картину моднаго одѣянiя — натуральныя даны», за Моренкофа — нѣкоторые практикованные доктора. Другiе отзывы слышалъ Крыловъ отъ людей образованныхъ. Вскорѣ послѣ представленiя комедiи *Урокъ Дочкамъ*, напечатаны были слѣдующiе стихи:

Любя отечество, люблю я тѣхъ душой,
 Которы общею не страдаютъ слѣпотой;
 На моды не смотря, привыкли тѣмъ гордиться,
 Что привела судьба ихъ русскими родиться.
 Въ числѣ ихъ ты, Крыловъ — и дочкамъ давъ урокъ,
 Соотчичей драгихъ являешь намъ порокъ,
 Осмѣивая то постыдно состоянье,
 Въ которо привело насъ модно воспитанье. —
 Съ какимъ искусствомъ ты умѣлъ то описать,
 Что всякій день должны къ несчастью мы встрѣчать!
 Но что же прибыли имѣло представленье?
*Перемѣнили ли ты красавицъ нашихъ мнѣнье?
 Успѣлъ ли наготу прикрыть хотя платкомъ,
 Или русскимъ говорить заставилъ лязкомъ?
 Ахъ, нѣтъ! — Въ театрѣ былъ, французскимъ говорили,
 И спину въ вечеръ тотъ побольше открыли.*
 Хотя ты ихъ кололъ не въ бровь, а прямо въ глазъ,
 Урокъ полезный твой забыли тотъ же часъ.
 Въ немъ странностей своихъ никакъ не замѣчая,
 Ругаетъ дочь тебя и мать полунагая;
 Возстали на тебя ихъ дядя, братъ, отецъ,
 Всѣ полу-русскiе пустились наконецъ
 Полу-французскими бранить тебя словами. —
 Но несмотря на то и прозой и стихами,
 Надъ странностями ихъ шутить ты продолжай
 И смѣхомъ зрителей ихъ брани заглушай⁽⁴²⁾.

Отъ комедiй Крылова обратимся къ другимъ, менѣе-важнымъ явленiямъ той же отрасли литературы, которую мы назвали полемическою. Въ ней выражаются тѣ же стремленiя русскаго общества, но не съ такою искусствомъ. Вопросы поднимаются тѣ же самыя и метода напа-

⁽⁴²⁾ *Драматическiй Вѣстникъ*, 1808 г., № 8, стр. 72.

денія одиноваго. Напримѣръ: *Посланіе русскаго къ французолобцамъ* ⁽⁴³⁾ точно также разсуждаетъ сначала о французскомъ народѣ вообще, а потомъ «съ чистосердечіемъ русскаго доноситъ о характерѣ Французовъ особливо». Не оставлены безъ вниманія ни пристрастіе къ французскому языку, ни модное воспитаніе, ни мадамы. Въ нилу негодованія на французавъ, которое поддерживалось, кромѣ того, войною съ ними, литераторы не набѣгли увлеченій. Преслѣдуя вредныя случайности, приписанныя въ воспитаніе невѣжественными французскими гувернёрами, онѣ незамѣтно подняли руку и на то, что было вѣт порицаній и насмѣшекъ — на самое образованіе вообще. Съ особенной рѣзкостью выступаетъ эта крайность въ произведеніяхъ слабыхъ, напримѣръ, въ комедіи *Высылка Французовъ* ⁽⁴⁴⁾. И Растопчинъ не чуждъ увлеченій въ своихъ нападкахъ. Богатыревъ не знаетъ добрыхъ чертъ въ характерѣ французскаго народа; онѣ для него не существуютъ; изъ устъ его слышится только хула на французавъ, проклятіе имъ. Сила времени и обстоятельство движеть Растопчиннымъ, когда онѣ изрекаетъ такой рѣшительный приговоръ французамъ. Попробуемъ разобрать причины, которыя сдѣлали Растопчина рѣшительнымъ противникомъ ихъ. Было ли это результатомъ его воспитанія, или оказалось тутъ вліяніе нашей литературы XVIII вѣка? Судя по тѣмъ бѣднымъ свѣдѣніямъ, которыя мы имѣемъ о воспитаніи Растопчина, немного можемъ приписать въ этомъ отношеніи вліянію воспитателей. Сильнѣе могла подѣйствовать на него сатирическая журнальная литература прошлаго столѣтія; но не она была главною, преобладающею причиною открытаго возстанія Растопчина противъ французавъ. Въ немъ не замѣчаемъ того безпристрастія, которое такъ ощутительно въ наникъ старыхъ журналахъ, которое въ состояніи спокойно отдѣлать ложное и нечистое отъ того, что истинно и законно въ общеніи народовъ между собою. Новиковъ былъ издателемъ «Трутня», «Живописца», которые безпощадно преслѣдовали французское вліяніе въ его ложныхъ сторонахъ; но тотъ же Новиковъ печтатель на своемъ «издивеніи» многіе переводы съ французскаго. Растопчинъ самъ объясняетъ намъ причину своихъ нападеній и своихъ увлеченій въ слѣдующемъ замѣчаніи о «Мысляхъ въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ»: «Я

⁽⁴³⁾ *Посланіе Русскаго къ французолобцамъ* вмѣсто подарка на новый 1807 годъ. Спб. Въ типографіи Ф. Дрекслера (въ 8 д. л.). Авторъ брошюры — Василій Алексѣевичъ Левшинъ. См. Сѣвер. Пчела, 1826, № 105.

⁽⁴⁴⁾ «Высылка Французовъ», комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Въ Санктпетербургѣ, въ тип. И. Глазунова, 1807(8), стр. 91—92.

не говорилъ о Французахъ хорошаго; но мы были въ войнѣ и Русскимъ позволено было не любить ихъ въ эту эпоху⁽⁴⁵⁾.» Кроме этой главной причины, вызвавшей «Мысли», въ самой жизни Растопчина были обстоятельства, ожесточившія его противъ французскихъ воспитателей. Письма его къ П. Д. Циціанову всего лучше подтверждаютъ эту мысль. Приводимъ изъ нихъ тѣ мѣста, въ которыхъ онъ говоритъ о гувернёрахъ своего сына.

«Тотъ славный аббатъ *Millot* (пишетъ Растопчинъ отъ 21-го мая 1803 года), о коемъ я къ тебѣ писалъ и коего мы столь нетерпѣливо ждали для Серёжи, обнаружилъ себя по счастью въ отвѣтѣ на сдѣланныя ему предложенія, намисавъ все умно, пышно и благоговѣнно, кончилъ требованіемъ: *Pour qu'il lui soit permis en formant un jeune coeur à la vertu de l'élever dans la religion catholique Romaine.* Какое тебѣ это кажется? Не достойны ли мы этого мнѣнія глупымъ своимъ упорствомъ основывать хорошее воспитаніе на выговорѣ галльскаго языка? Я отвѣчалъ: *que j'étais enchanté d'avoir trouvé dans le zèle de m-r l'abbé pour sa religion le vrai motif de la tâche, qu'il voulait s'imposer, mais que je voulais pour mon fils, qui n'est pas un sauvage, un instituteur et pas un missionnaire, que tout homme élevé dans une religion quelconque doit y vivre et mourir et que je souhaitais à m-r l'abbé toute sorte de succès partout ailleurs que chez moi.* Отъ 3-го января 1804 года Растопчинъ пишетъ, между-прочимъ, къ Циціанову:

«Я принужденъ былъ прогнать ученаго дурака *Ballio*, коимъ меня наградила аббатъ *Nicolle*. Эта скотина вздумалъ при мнѣ сказать грубость и на другой день онъ уже былъ въ Москвѣ. Теперь, въ ожиданіи славнаго *m-r d'Alouville*, который былъ немошникомъ при воспитаніи дофина, я взялъ самаго скромнаго и благочестиваго нѣмца, который нѣкогда при мнѣ былъ въ иностранной коллегіи: онъ хорошо учился и время потеряню не будетъ, особенно въ нѣмецкомъ языкѣ».

Но здѣсь можемъ мы продолжать прерванную выше переписку графа Растопчина съ П. Д. Циціановичемъ. Исторія д'Алувилля, въ ней разсказанная, составляетъ цѣлый романъ и показываетъ вмѣстѣ, какимъ образомъ могло въ Растопчинѣ укорениться невыгодное мнѣніе о французскихъ гувернёрахъ.

Въ письмѣ отъ 1805 г. 12 января (с. Вороново) Растопчинъ пишетъ, между-прочимъ: «много зналъ Французовъ всѣхъ лѣтъ, породъ, разборовъ, но, право, ни одинъ на дѣло не годится, потому-что онъ ве-

(45) *La vérité sur l'incendie de Moscou* въ Сочиненіяхъ, стр. 274—276.

здѣ французъ и все дѣлаетъ безъ разсудка; слѣдственно, если все сдѣлается по послѣднему твоему письму, то мы чрезъ годъ, можетъ, и увидимся. Дай Богъ! я не очень доволенъ, что Ч. и Р. въ совѣтѣ. Справедливы слова Новосильцова, что покой для живаго человѣка не существуетъ. Нашлось, что нашъ почтенный d'Alouville такой же французъ, какъ и всѣ прочіе. Графиня М. поѣхала въ Петербургъ съ своячиною В. и эта пишетъ къ Катеринѣ Петровнѣ, что дурица М. въ пути открыла ей, что она и d'Alouville другъ въ друга влюблены, что она ждать будетъ отъ него письма и потомъ выйдетъ за него замужъ. Вышло, по показанію француза, что М. сама ему о своей страсти объявила, общала мѣсто въ Петербургѣ чрезъ свояка своего Хр., наговорила о большомъ наслѣдствѣ и проч., а у ней 800 руб. дохода, и послѣ отца, который прездоровый нѣмецъ, десять тысячъ рублей, да материнскихъ 60 душъ. D'Alouville увѣряетъ, что онъ всѣ сіи причины ей представлялъ и еще повторилъ письмомъ, что ему на ней жениться и по бѣдности и чтобъ не сдѣлать несчастія своей дочери, нельзя; но видно, что самолюбіе судя за жертву страсти, кою онъ произвелъ въ тридцатипятилѣтней дѣвкѣ, съ шестью зубами, глупой, капризной, больной. Вотъ какъ иногда большой умъ можетъ извинять глупость!»

«Отъ 4-го февраля, с. Вороново.»

«Нѣтъ тебѣ нужды сказать, какое дѣйствіе произвело послѣднее твое письмо изъ Цинвала; но божусь, что до сихъ поръ мы съ женою еще не опоминимся, и я послалъ человѣка ждать воронежской почты, чтобъ тотчасъ имѣть твое письмо, если оное есть; а когда нѣтъ, и тебѣ было легче, то дурно сдѣлалъ, что двухъ словъ не написалъ. Можетъ-быть, есть другіе живѣе меня; но у тебя право нѣтъ другаго Растончина, который и сердцемъ и душою весь твой и одного лишь желаетъ, чтобъ знать тебя счастливымъ, или спокойнымъ, или по-крайней-мѣрѣ здоровымъ. Довольно и того страданія, что, наживя друга, рѣшиться должно по обстоятельствамъ не жить почти никогда съ нимъ вмѣстѣ. Дай Богъ, чтобъ ты въ концѣ лѣта возвратился изъ такого края, гдѣ много слишкомъ надѣлалъ; но мнѣ кажется, что ты напрасно въ послѣднемъ экспедицію захотѣлъ самъ идти; хорошо окончилъ, но было умеръ отъ трудовъ. У насъ въ домѣ сдѣлалась престрашная революція. Тотъ d'Alouville, о коемъ я къ тебѣ много писалъ, истинно умный, честный и съ правилами человѣкъ, изъ подтишка и такъ, что никто сего не примѣтилъ, влюбился или, лучше сказать, рѣшился жениться на М. Эта старая, сухая, преглупая и съ 800 руб. дохода дѣвка съ ума (если можно) почти сошла и поѣхала въ Петербургъ, не сказавъ ни-

кому о своемъ намѣреніи слова, а мы узнали отъ своячины В., съ коею М** поѣхала и открыла свою тайну въ дорогѣ. Она уже предупредила Н**, но, не имѣя успѣха доставить жену важнаго мѣста, предалась отчаянію, что всего мудренѣй, что французъ, имѣя одиннадцати лѣтъ милую дочь отъ первой жены, и былъ умный человѣкъ съ большими знаніями наукъ и людей, влюбленъ самъ въ эту дуру, говоря, что онъ боится въ старости быть одинъ, что умъ для жены не нуженъ. Ты легко представишь, каково намъ было оставаться опять въ затрудненіи имѣть достойнаго человѣка и терять нужное время въ воспитаніи сына. Наконецъ, чтобъ это все кончить, я рѣшился имѣть счастливую чету въ домѣ и теперь ужъ будетъ дѣло М** испросить позволеніе у отца, который къ тому еще разъ самъ женится, и забыть, что она жертвуетъ счастіемъ и природою родствомъ съ Г. М**. Дочерей и Сережу учить по англійски очень добрая англичанка и еще мы приняли большую музыкантку m-me Minelli для ученія дѣтей на клавикордахъ. Жена, занимаясь безпрестанно всею тѣмъ, что можетъ способствовать къ воспитанію дѣтей, сдѣлала удивленія достойное сокращеніе российской исторіи до 1801-го года⁽⁴⁶⁾, и коль скоро оное переписано будетъ, то я къ тебѣ перешаю, и т. д.»

«Отъ 14-го февраля, с. Вороново.»

«Съ того дня, какъ я получилъ отъ тебя извѣстіе, что ты въ Динкамѣ боленъ, ни одной строки болѣе не имѣлъ, и никто въ Москвѣ отъ тебя и о тебѣ не получалъ извѣстія. Не знаю, что думать; остается весьма слабое утѣшеніе, что ты такъ занятъ дѣлами, что не успѣлъ слова ко мнѣ написать. Богъ знаетъ, когда и чѣмъ кончится это безпокойствіе. Ты вѣрно знаешь, что Д. Р** отказался отъ начальства въ Грузіи, отговариваясь незнаніемъ того края, обычаевъ и войны. Это я знаю отъ К. В**, который пѣлъ дѣлѣй часть твои похвалы и по секрету наединѣ сказалъ, что ты вызываешься въ Петербургъ для употребленія въ войну, которая, по его словамъ, должна быть необходимо. Признателенъ очень за попеченіе о племянникѣ, коего ожидаетъ на дняхъ. Мнѣ бы очень желалось его видѣть единственно, чтобъ наговориться о тебѣ; но сему не бывать, потому что въ этой семьѣ все по размѣру и по разсудку дѣлается, доколѣ нужда не дойдетъ; а такъ какъ я въ числѣ непогрѣбныхъ покойниковъ, то и останусь безъ извѣстія. Москва ли-

⁽⁴⁶⁾ Это сокращеніе российской исторіи находится нынѣ въ бумагахъ Ѳ. В. Растопчина, хранящихся у сына его.

шила своего спасителя — Еропкина; въ 83 года безъ болѣзни и въ хорошемъ положеніи разбитъ былъ параличемъ, отчего чрезъ три дня престалъ жить. Въ сію минуту у меня въ домѣ не очень здорово: Наташа больна жаромъ, но теперь лучше, а Сережа жалуется головою, да и я самъ не совсѣмъ здоровъ. Я къ тебѣ писалъ о глухой исторіи d'Alouville съ М**. Они какъ то нашли въ себѣ, что другъ въ друга влюблены и затѣяли свадьбу, она поѣхала въ Петербургъ выпрашивать жениху мѣсто и чиновъ; но какъ все сіе кончилось учтивостями со стороны благодѣтелей скорбящихъ, то и вышло, что любовь осталась безъ надежды. Дурица эта больна съ горя и я, помертвовавъ Сережѣ пѣкоторыми причинами быть сердиту за эту исторію, согласился и предложилъ влюбленной четѣ сочтаться и жить здѣсь; но выходитъ новое затрудненіе со стороны гордаго А. М**, отца невесты; онъ женился на чухонкѣ, или лифляндкѣ, и не даетъ позволенія дочери сдѣлаться французскою гражданкою, — ихъ дѣло кончить, а мое обвинять. — Жена тебѣ кланяется; она здорова, но обезпокоена болѣзнію дѣтей. Прощай, больше писать нечего, тѣмъ болѣе, что хочется тебя бранить за то, что ты меня мучаешь безъ милости, когда бы однимъ словомъ успокоить могъ».

«Отъ 30-го марта, с. Вороново,

Ты, поставя себя на единую лишь минуту на мое мѣсто, можешь легко представить, каково мнѣ было съ новаго года не имѣть отъ тебя писемъ. Наконецъ вчера получилъ два вдругъ отъ 30 генваря и 5 февраля. Ты мнѣ столь подробно написалъ о своемъ положеніи и дополнилъ еще двумя приложенными письмами, что я и не имѣю нужды видѣться съ N**, а на посѣщеніе его не очень считаю. Они всѣ всю жизнь играютъ въ шахматы и всѣ разжѣриваютъ, не зная, что можно быть мастеромъ и въ qui perd gagne. Въ его лѣта скрытность во нравѣхъ не можетъ быть приобретенная воспитаніемъ, а просто врожденная. Письмо Адама показываетъ умнаго малаго; а что онъ тебя любить и твой рыцарь, то сіе отъ многихъ и по многимъ знаю, счастливо на счетъ его сомнѣнія быть не можетъ; но край, гдѣ ты, не привлекаетъ важнаго теперь вниманія по той причинѣ, что затѣваютъ страшную войну и я боюсь одного, чтобъ дальнѣйшіе виды и затрудненіе кого послать не заставили рѣшиться оставить тебя для окончанія начатаго и еще новаго; по словамъ Адама dans six mois nous saurons à quoi nous en tenir au sujet de la Porte. Можно подумать, что весьма скрытно избираютъ удобное время посягнуть на раздѣлъ надыхающей Порты; но не можетъ быть; чтобъ вѣнскій дворъ ослѣпился столько на

святъ личности и предприимчивости Бонапарта. Теперь послали въ Берлинъ генералъ-адъютанта В** за самымъ рѣшительнымъ отвѣтомъ, и какъ уловительны, что тамъ на Французовъ не посягнуть, то и должно ожидать разрыву. Остава англичанъ грабить на морѣ, Бонапарте бросаетъ забирать въ Италию, прусской король въ нѣмецкой землѣ вокругъ себя, а Кобенцель примется за Валахию и Молдавию. Не лучше бы сямъ тремъ державамъ раздѣлить между собою все владѣнія оттоманскія безъ войны, отдавъ Франціи Египеть? Но видно сказано на судѣ божиѣмъ, что Бонапарте будетъ бичъ государей, а у этого желтаго мужичка много должно еще быть затѣй, и онъ, короновавшись въ Миланѣ королемъ ломбардскимъ, не замедлитъ помазаться миромъ въ Римѣ. Въ разговорѣ моемъ съ В** старикомъ онъ мнѣ сказывалъ, что войнѣ быть, а подробностей для того я у него не спрашивалъ, что у насъ почти разговоръ о политикѣ не говоритъ, ибо мнѣніе разное: онъ любитъ, изъ дружбы къ брату, Англію, а я увѣренъ, что Россія можетъ и должна имѣть собственные виды и поведеніе, или мѣняя другимъ расширять свои владѣнія, или, не взирая на другихъ и приобретаая и себѣ все, что истати; примѣръ одной Франціи недостаточенъ; когда эта земля, населенная сумасшедшими, покорила себѣ и силою и мнѣшіемъ больше половины Европы, то что можетъ предпринять Россія? Въ разговорахъ откровенныхъ (сколько они могутъ быть таковыми со стороны Г. В**), я дивился всезнаніямъ этого дѣловаго старика, ясности мыслей и точности выраженій: кажется все, что онъ въ допросѣ и готовился говорить безъ привязки. Жаль, что прежде и теперь жили у него не были больше напряжены. Странная мысль И. П. ѣхать въ Грузію. Я его съ 87-го года знаю: у него самая сумасбродная романтическая голова; онъ и пишетъ, и поетъ и танцуетъ, и въ Египеть бросается, придворный, профессоръ, Ловласъ, онъ все одинъ и какъ случится. Но теперь онъ нашелъ хорошій случай путешествовать, отправляясь въ Китай съ носомъ Г**. Вѣрно хотятъ дать въ Пекинѣ понятіе о нашемъ великолѣпнн. Кромѣ чиновниковъ, 1500 человекъ будетъ военныхъ, купили Шереметева роговую музыку, везуть панораму, представляющую переходъ Суворова въ Швейцарію, подарковъ множество. Дай Богъ, чтобы кутайка была потоньше, хорошо носить ее. Жена, я и двое дѣтей здоровы. Катерина Петровна, не довольствуясь тѣмъ, что посвятила все свое время на воспитаніе дѣтей, нашла часть изъ онаго и сочинила краткую російскую исторію и древнихъ географію съ объясненіями, кои такъ хорошо написаны и столь ясны и вѣрны, что можно заставлять дѣтей учить наизусть. Ты ошибаешься, полагая, что свадьбою мы избавились дуры М**; напротивъ, не выросла ничего для жениха, она

было умерла отъ отчаянія, а мы, чтобъ сохранить d'Alouville у насъ въ домѣ, потому—что достоинство его необыкновенное и онъ точно такой человѣкъ, какой для Сережи надобенъ, предложили держать его и съ женою, и теперь дура М**, испрося у отца позволеніе, должна за сѣхъ дней прѣѣхать сюда».

Въ письмѣ отъ 5-го апрѣля Растопчинъ говорить о своемъ французѣ: «Г. М. и женихъ d'Alouville идетъ въ российское подданство, видно для какихъ-нибудь большихъ выгодъ, а намъ все хлопоты искать еще другаго учителя. Прощай, мой другъ. Если тебѣ тяжело въ Тифлисѣ, то и мнѣ иногда грустно бываетъ здѣсь; но мы еще живы и судьба наша не въ нашей волѣ».

Отъ 3 мая, с. Вороново.

«Вотъ опять близъ мѣсяца, что отъ тебя писемъ нѣтъ; а по газетамъ знаю, что у тебя было землетрясеніе: избави Боже отъ лиссабонскаго! Мы все теперь здоровы и вчера соблюдаемъ весь порядокъ, сыграли свадьбу глупой М. Престранный человѣкъ этотъ d'Alouville: поѣхалъ на три дни въ Москву и прожилъ шесть недѣль. Онъ весь составленъ изъ расчетовъ, изъ гордости и изъ скромности; но знаній много, нравственности и истиннаго закона безъ святошества. Не знаю, Сергуша, когда меня не будетъ на свѣтѣ, будетъ ли знать цѣну всѣхъ моихъ пожертвованій для его воспитанія и что терпѣть должно отъ этихъ иноземцевъ. Дура М. рада и въ удивленіи, что, послѣ 38 лѣтнихъ поисковъ нашла жеребца. Слухи объ войнѣ утихли; кажется, нѣтъ годъ ничего не будетъ. По газетамъ увидишь, что Бонапартъ начинаетъ много вреда дѣлать Англіи, и если онъ нѣсколько тысячъ войска доставитъ Голкару въ Индію, то власть великобританская въ Азіи не скоро возстановится, а въ Лондонѣ все благоразумные люди желаютъ смѣны Питта, а друга его Дундаса (Lord Melville) прогнали. Жена ожила и дѣти копаются въ саду, а я дѣлаю себѣ камзолъ съ рукавами изъ китайки для полевой работы и дѣлаю тѣма. У меня теперь Новосильцовъ; на три дни съѣзжу въ Москву по дѣламъ. Прощай, будь здоровъ и бери Еривань, чтобъ не имѣть причины оставаться въ томъ краю, гдѣ гѣшутъ твое тѣло и терзаютъ твою душу. Богъ съ тобою». Отъ 30 мая Растопчинъ пишетъ, между—прочимъ: «Мы, любезный другъ, все здоровы и пользуемся безиримѣрно—прекраснымъ временемъ, которое устанавливается. Я опять въ строеніи и жарюсь на поляхъ и въ лѣсахъ, веду жизнь здоровую и въ одинъ часъ бываю цыганомъ, старостомъ и лѣшнимъ. Когда, Богъ дастъ, прѣдѣшь, то много найдешь новаго, можетъ быть, и хорошаго въ Вороновѣ. Дѣти здоровы. Ученіе

идеть порядочно; образъ нашей жизни отнюдь не переиживается. Г. М. стала *м-me d'Alouville*. Признайся, что эта мумія привлекательный ребенокъ».

Не долго оставался *d'Alouville* у Растопчина послѣ женитьбы. Въ письмѣ отъ 26 іюня графъ писалъ къ Цицианову: «Я боюсь, что, несмотря на все пожертвованіе для Сережи, этотъ *d'Alouville* не уживется, какъ можно было примѣтить что-нибудь между нимъ и душою М*, они совсѣмъ почти не говаривали. Ты же знаешь, какъ она скверна, стара и глуха; онъ человѣкъ скрытный и надменный. Я думалъ сдѣлать имъ одолженіе оставить жить въ домѣ, безъ чего послѣ брака имъ бы и головы преклонить негдѣ было; но она еще стала несноснѣе, а онъ боится, чтобъ ему не сдѣлали невѣжества. Онъ пошелъ въ подданство и вчера присланъ указъ въ сенатъ, чтобъ его причислить къ российскому дворянству; но не называть графомъ, что и справедливо, ибо онъ не эмигрантъ и пріѣхалъ и явился подъ названіемъ *Citoyen Armand Alouville*. Теперь пойдутъ бѣды, и онъ ѣдетъ объясняться».

Въ письмѣ отъ 11 октября находимъ и окончаніе всей исторіи. «Мы все здоровы (пишетъ Растопчинъ); жена по самому первому пути собирается ѣхать въ Петербургъ на мѣсяцъ и я поѣду ее провожать до деревни свояченицы Голицыной, которая отъ брата 20 верстъ. Сергуша остается со мною и я опять въ большихъ хлопотахъ и желчахъ. Этотъ *d'Alouville*, прибавляя часъ отъ часу къ прежнимъ новымъ мерзостямъ, теперь до того себя довелъ, что совсѣмъ не занимается ученіемъ сына, спитъ до 11 часовъ и большую часть дня дѣлитъ между жены и всеобщей исторіи, которую на просторѣ предпринялъ писать, притомъ Сережа привыкаетъ слишкомъ къ дочери *d'Alouville*, а это большая потеря въ ученьи. Голова идетъ кругомъ; Богъ знаетъ, гдѣ сыскать человѣка. Какое несчастіе, что Петръ Первый насъ обрилъ, а Шуваловъ заставилъ говорить нечестивымъ этимъ французскимъ языкомъ».

Изъ послѣднихъ словъ легко видѣть, до какого ожесточенія противъ французскихъ воспитателей довела Растопчина исторія *d'Алувиля*. Оскорбленный въ чувствахъ отца, находя препятствія въ своихъ благородныхъ усиліяхъ дать хорошее воспитаніе сыну, Растопчинъ тѣмъ менѣе могъ забыть и простить чужеземнымъ гувернёрамъ подобныя поступки, чѣмъ дороже было для него образованіе и чѣмъ впечатлительнѣе была его натура. Всякое препятствіе своимъ планамъ и желаніямъ преслѣдовалъ онъ съ самымъ жестокимъ упорствомъ; и если, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, не могъ достигнуть цѣли, то обращалъ съ какимъ-то озлобленіемъ оружіе на то, чего прежде съ жаромъ домогался. Растопчинъ, при всемъ своемъ умѣ, часто повиновался слѣпо влеченію горя-

чей минуты, первому движению сердца, и потому самъ же былъ въ состояніи осудить этотъ порывъ. И вотъ передъ этимъ—то человѣкомъ въ кругу его семейства прошли Милло съ сумасброднымъ планомъ обратиться иттомца въ католичество, Бальо съ своею грубостью и заносчивостью, наконецъ д'Алувиаль съ своею романтическою исторіею. Какое впечатлѣніе должны были оставить они въ Растопчинѣ и могло ли оно скоро изгладиться? Оно могло быть ослаблено противоположными явлениями; но въ то самое время, когда столько желчи накопилось въ душѣ графа, уже началась война съ французами. На «Мысляхъ въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ» не могли не отразиться эти домашнія тревоги Растопчина.

Мы видѣли, какимъ сильнымъ сочувствіемъ встрѣчена была брошюра Растопчина. Еще до появленія въ печати, она уже обходила читателей въ рукописи. Въ первый разъ издана была *безъ вѣдома автора* въ Петербургѣ (47) съ слѣдующимъ посвященіемъ

Отечеству.

Тебѣ — весь одному тебѣ принадлежу,
Пока жива душа моя, пока дышу!
Не въ нѣдрѣ ли твоемъ, не на твоемъ ли ложѣ,
Увидѣлъ свѣтъ, возросъ, воспитанъ я въ законѣ, —
Въ законѣ праотцевъ, во вѣкъ любезныхъ мнѣ? ·
Ихъ твердый духъ уже въ превыспренней странѣ;
Но ихъ же прахъ въ тебѣ съ почтеніемъ поживаетъ,
И ревностна ихъ кровь во мнѣ течетъ, пылаетъ.
Тебѣ полезнымъ быть — вотъ все, чего ищу!
Кому жь, коль не тебѣ я трудъ сей посвящу?

Изъ оды..... (48).

Издатель «Мыслей» А. С. Шишковъ (49) позволилъ себѣ измѣнить въ нихъ нѣкоторыя мѣста, кое-что прибавилъ отъ себя и въ концѣ

(47) «Мысли въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ». Съ дозволенія Санктпетербургскаго Ценсурнаго Комитета. Въ Санктпетербургѣ, въ тип. Ивана Глазунова, 1807 года, въ 4-ю д. л.

(48) Эпиграфъ этотъ очень идетъ къ брошюрѣ Растопчина, хотя не имъ написанъ. Онъ взятъ изъ «Оды на случай Высочайшаго Его Императорскаго Величества манифеста, изданнаго августа 30 (1806 года), М. Въ Ун. тип., въ 4 д. л., авторомъ которой Сопиковъ называетъ И. Попова. См. «Опытъ Россійской бібліографіи», ч. IV, стр. 37, № 7358.

(49) Свидѣтельство С. Н. Глинки. См. «Русское Чтеніе», отечественныя историческія памятники XVIII и XIX столѣтій, издаваемые Сергѣевъ

сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе : «Если читателю не понравится *мѣкотерья москвія* выраженія Силы Андреевича, то да проститъ ему оныя, уваживъ горячее чувство и любовь къ отечеству, искони славившемуся гостепріимствомъ, вѣротерпѣніемъ и покровительствомъ гоимыхъ за чѣстность и правду» (стр. 8). Эта оговорка могла отчасти ослабить то впечатлѣніе, которое авторъ «Мыслей» думалъ произвести на публику. Съ другой стороны, хотя брошюра была встрѣчена общими одобреніемъ и похвалами «Московскихъ Вѣдомостей»⁽⁵⁰⁾; но графу Растопчину не могли понравиться дополненія и перемены, сдѣланныя въ ней Шишковымъ; особенно оскорбило автора то, что послѣ словъ: «Честь Государю нашему и матушкѣ Россіи» прибавлено было: слава тебѣ, храбрый Беннигсенъ. Въ томъ же году Растопчинъ самъ издалъ въ Москвѣ⁽⁵¹⁾ свое произведеніе, въ первоначальномъ видѣ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Мысли въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ, съ приложеніемъ письма Силы Андреевича Богатырева къ одному пріятелю въ Москвѣ» (Москва, въ типографіи Платона Бекетова, 1807, въ 8 д. л., 16 стр.). Письмо Силы Андреевича, приложен-

Глинкою (Спб. 1845), ч. I, стр. 220. Впрочемъ, Глинка очень-часто невѣрно передаетъ дѣло. Такъ и здѣсь онъ влагаетъ Растопчину слѣдующія слова: «Я крайне неблагодаренъ Шишкову за то, что онъ, безъ моего согласія *перепечаталъ* мои листки, вставилъ *наряду съ Багратиономъ* и другими русскими полководцами имя Беннигсена, о которомъ я и не думалъ». Шишковъ не могъ *перепечатывать* листовъ Растопчина, потому-что они не были еще *напечатаны*; *Багратионъ* не упомянуть Растопчиннымъ въ числѣ русскихъ полководцевъ.

⁽⁵⁰⁾ Выписываемъ отзывъ Московскихъ Вѣдомостей: «Мысли въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ», новое Россійское неподражаемое сочиненіе. Входить въ подробное изчисленіе красоте сего сочиненія, быть бы трудъ и совершенно излишній и невозможный; излишній — поелку всякое слово вмѣщаетъ въ себя сильную и богатую мысль; невозможный же потому, что сердечныхъ чувствъ изображеніе никому еще не удавалось. Довольно сказать, что цѣль автора, страстно любящаго свое отечество, счастливо достигнутая, есть показать преимущество Россіянъ передъ Французами. Слогъ его такъ плѣнительенъ, такъ разителенъ, что цѣлыя страницы вѣзались ужъ въ памяти у всѣхъ, кто ни читалъ патріотическія сіи размышленія (Московскія Вѣдомости, 1807 г., № 37, стр. 834).

⁽⁵¹⁾ Въ «Отеч. Запискахъ» (1853 г., № 8, отд. V, стр. 82), сказано было, что «эта книжка («Мысли въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ»), была издана въ Москвѣ, *перепечатана* въ Петербургѣ». Дѣло было совершенно наоборотъ. Сопиковъ справедливо называетъ (№ 6338), московское изданіе «Мыслей» *вторымъ*, хотя невѣрно показываетъ, что оно въ 4-ю д. л.

ное къ московскому изданію «Мыслей», все направлено противъ дѣлокъ петербургскаго издателя : въ немъ, что ни слово, то намекъ на измѣненія и приставки, допущенныя въ петербургскомъ изданіи брошюры. «Получая отъ скуки московскія газеты (пишетъ Растопчинъ), увидѣлъ, что я *напечатанъ* и расхваленъ *безъ спросу*, Господь вѣдаетъ, по какой причинѣ. Не мудрено, что меня кой-кто въ Москвѣ знаетъ, потому-что многіе честные люди, по милости своей, не оставляютъ, а какъ *подслушали*, что у меня въ головѣ *бродило*, то это, право, диковина. Видно, много праздношатающихся, или уши длиннѣй стали, или я и за *правду* таки рѣчи говорилъ. Ну да что за бѣда, Господи помилуй! я мужикъ старой, кто осудить, ему же стыдно будетъ. Бранить не диковина, да было бы за что? А у меня, что на умѣ, то и на языкѣ. Каковъ въ колыбельку, таковъ и въ могилку. Какъ я прочиталъ, что меня хвалятъ, то сказалъ : «Ба! опять въ честь попалъ! Смотри пожалуй! Дай Богъ, чтобы въ прокъ пошло. *Подслушивать охотниковъ много*, и слушать таки есть, а *слушаться — мало*. Право такъ! я радъ сидя разговаривать *одинъ*, пусть говорятъ, что съ ума сошелъ, отъ слова ничево не подѣится, дай Богъ мнѣ доброе здоровье, а имъ тпунъ на языкъ. Согрѣшилъ грѣшной! *Ну да это бы все и такъ и сякъ, да вотъ что больно*. Зачѣмъ *перекромили* меня, *вѣтъ я думалъ, что хотѣлъ, а другой изволилъ придумать иное*. Кто просилъ? *Инова всунули, другога вытолкнули, а тамъ оговорка : жеска дескать рѣчь*. И вѣдомо такъ, вѣтъ правда не пуховикъ. Это нынче изъ нее дѣлаютъ помаду. Про меня грѣхъ сказать, что *мягко стелить, да жеско спать*. И ужъ вышло мнѣ «Красное Крыльцо» сокомъ! въ ком-то вѣки присѣлъ отдохнуть, на немъ потѣлъ, да и отъ него потѣю. Господи помилуй, да будетъ ли этому конецъ? а про васъ-то слово, я говорилъ дѣло. *Пусть мои рѣчи толкуютъ, да своихъ не примышивай*» (52).

Такъ объясняется происхожденіе *Письма Силы Андреевича Богатырева къ одному приятелю въ Москвѣ*. Самое простое, незначительное литературное объясненіе Растопчинъ умѣлъ облечь въ привлекательную форму и своему личному дѣлу дать нѣкоторую занимательность. Вообще, живое отношеніе къ лицамъ и обстоятельствамъ (то важнымъ, то ничтожнымъ) составляетъ отличительную черту его произведеній. Отсюда происходилъ успѣхъ или неудачи ихъ въ публикѣ.

(52) «Мысли въ слухъ на Красноѣ Крыльцѣ», стр. 13 — 15. Сочиненія, стр. 21 — 23.

«Мысли на Красномъ Крыльцѣ» были съ восторгомъ приняты всѣми: важность цѣли, къ которой стремился авторъ, устраняла личныя, мелочныя подробности, какія указаны въ *Письмѣ Богатырева къ одному другу въ Москвѣ*. Однородность интересовъ, одушевлявшихъ русскихъ во время войны съ Франціею, сблизила публику съ мыслями Богатырева точно также, какъ сблизала автора ихъ съ людьми одинаковаго направленія литературнаго. Въ концѣ 1807 года С. Н. Глинка предпринялъ изданіе «Русскаго Вѣстника»; цѣлью журнала было предлагать читателямъ все то, что непосредственно относится къ русскимъ. «Истинная добродѣтель (говоритъ издатель) не требуетъ похвалъ; но нужно напоминать о ней въ наставленіе другимъ». Въ то время, когда «Исторія Государства Россійскаго» только зачиналась еще подъ перомъ Карамзина, общеніе Глинки вносить въ журналъ многія статьи о древнихъ временахъ Россіи имѣло большое значеніе. Ниже постараемся мы показать характеръ «Русскаго Вѣстника» и его значеніе; теперь укажемъ только цѣль, къ которой стремился издатель. «Философы осьмнадцатаго столѣтія (говоритъ онъ) никогда не заботились о доказательствахъ; они писали политическія, историческія, правовыя, метафизическія, физическія романы; порицали все, все опровергали, общевали безпредѣльное просвѣщеніе, неограниченную свободу: не говоря, что такое то и другое; не показывая къ нимъ никакого снисхожденія; словомъ: они желали преобразить все по-своему. Мы видѣли, къ чему привели сіи романы, сіи мечты воспаленнаго и тщеславнаго воображенія! И такъ, замѣчая нынѣшніе нравы, воспитаніе, обычаи, моды и проч. мы будемъ противопоставлять имъ не вымыслы *романическіе*, но нравы и добродѣтели праотцовъ нашихъ. Пусть друзья блага общаго судятъ о преимуществахъ того и другаго!»⁽⁵³⁾ И такъ, изученіе старинны у Глинки получало примѣненіе къ современности. Не то же ли видимъ въ «Мысляхъ» въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ? Но мысль Растопчина получила болѣе обширное выраженіе въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Можно сказать, что журналъ Глинки общалъ только развитіе того, что въ «Мысляхъ» было высказано намеками. Растопчинъ привѣтствовалъ это предпріятіе съ самымъ теплымъ сочувствіемъ. Вскорѣ по выходѣ объявленія о изданіи «Русскаго Вѣстника» встрѣтившись съ С. Н. Глинкою у А. С. Небольсиной, онъ подошелъ къ нему и общалъ свое сотрудничество по новому журналу⁽⁵⁴⁾. Онъ просилъ издателя остано-

⁽⁵³⁾ «Русскій Вѣстникъ», 1808 г., № 1, стр. 6 — 7.

⁽⁵⁴⁾ Этотъ анекдотъ переданъ Глинкою (въ «Русскомъ Читеніи», I, 219 — 220) и совершенно подтверждается разсказомъ А. О. Растопчина.

вать запальчивое перо его. Въ первой книжкѣ «Вѣстника» помѣщена была статья Растопчина подъ заглавіемъ: «Письмо къ издателямъ отъ 22 декабря 1807 года, изъ села Зышунова»⁽⁵⁵⁾. Въ этой небольшой статейкѣ весь Растопчинъ съ своею ненавистью къ французолюбцамъ и иностранцамъ, съ своимъ живымъ, неистощимымъ остроуміемъ, съ своею оригинальною рѣзкостью и прямою выраженіемъ. «Письмо», по мѣткости нападокъ на пристрастіе къ иноземному, по блестящему изложенію можетъ быть поставлено на ряду съ *Мыслями въ службѣ на Красномъ Крыльцѣ*. Выписываемъ его вполнѣ: ⁽⁵⁶⁾

«Милостивый государь мой,
Издатель «Русскаго Вѣстника»!

«Хотя я имѣлъ и самъ человекъ съ десятокъ заморскихъ учителей, звалъ на чужой землѣ и говорю на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ, но со всѣмъ тѣмъ Богъ охранилъ меня отъ заразы. И я узналъ свою отчизну, помня примѣры предковъ, поученія священника Петра, и слова мамы Герасимовны, остался до-сихъ-поръ совершенно Русскимъ. Отдавая должную справедливость перу и уму сочинителя «Сумбеки» и «Натали баярской дочери»⁽⁵⁷⁾, увидѣлъ я обнародованіе ваше о «Русскомъ Вѣстникѣ»: хвалю столько же благое намѣреніе, сколько дивлюся смѣлости духа вашего. Вы имѣете въ виду единственно пользу общую и хотите издавать одну русскую старину, ожидая отъ нея изцѣленія слѣпыхъ, глухихъ и сумасшедшихъ, но забыли, что неизмѣнное дѣйствіе истины есть колоть глаза и приводить въ иступленіе. Конечно, вась читать будутъ многіе; всѣ благомыслящіе и любящіе законы, Отечество и Государя (слѣдственно и честь) отдадутъ справедливость подвигу вашему. Но для сихъ прошедшее не нужно; ибо они сами настоящимъ служатъ примѣромъ. А какъ заставить любить по-русски Отечество тѣхъ, кои его презираютъ, не знаютъ своего язы-

⁽⁵⁵⁾ Оно подписано псевдонимомъ *Устинъ Вльиковъ*. Съ этимъ именемъ встрѣтимся мы, говоря о «Вѣстяхъ», комедіи Растопчина, оправданіе которой авторъ напечаталъ въ формѣ *Письма Богатырева къ Вльикову*. Глинка въ примѣчаніи подъ «письмомъ» намекаетъ на Растопчина, какъ автора его, говоря: «Издатель усердно проситъ почтеннаго жителя села Зышунова и сосѣда его, Силу Андреевича Богатырева, обогащать «Русскій Вѣстникъ» замѣчаніями и письмами своими.» Въ «Русскомъ Читеніи» (I, 225) можно найти прямое доказательство, что статья писана Растопчиннымъ.

⁽⁵⁶⁾ Въ смирдинскомъ изданіи «Сочиненій Растопчина» оно не помѣщено.

⁽⁵⁷⁾ То-есть; С. Н. Глинки.

ка и по необходимости русскіе? Какъ привлечь вниманіе вольноопредѣляющихся въ иностранныя? Какъ сдѣлаться терпимымъ у раздѣтыхъ по модѣ барынь и барышень? Упрашивайте, убѣждайте, стыдите—ничто не подѣйствуетъ. Для сихъ отпадшихъ отъ своихъ и впадшихъ въ чужихъ, вы будете проповѣдникомъ, какъ посреди дикаго народа въ Африкѣ. До сего одни лишь иностранныя за наше гостеприимство, терпѣніе и деньги ругали насъ безъ пощады, а нынѣ уже и Русскіе къ нимъ пристають. Я не удивлюсь, есть ли со временемъ найдется какой-нибудь безстыдной враль, которой станеть намъ доказывать, что мы не люди, и что Богъ создалъ одно наше тѣло, а души вкладываются иностранными, по ихъ благоразсмотрѣнію; что мы безъ нихъ обратились бы въ четвероногихъ, безъ ихъ языка... и безъ ихъ поваровъ ѣли бы траву и жолуди. Мы съ перваго раза вытверживаемъ имя всякаго иностраннаго *искидка*, а они до-сихъ-поръ не могутъ правильно писать Суворовъ, а что еще лучше, что симъ великимъ именемъ называютъ въ Лондонѣ бѣлаго медвѣдя: и въ Парижѣ въ 1785 году показывали за деньги Француза, одѣтаго въ звѣривую кожу подъ вывѣской: *здесь можно видѣть страшное чудовище, которое говоритъ природнымъ своимъ московскимъ языкомъ*. Принимая живое участіе въ успѣхѣ вашего сочиненія, совѣтую приучать слегка къ забытой Русской были тѣхъ изъ соотчичей нашихъ, кои тѣломъ на Руси, а духомъ за границей; совѣтую называть подлинныя сочиненія наши переводами, разжаловать всѣхъ нашихъ именитыхъ людей въ иностранныхъ, украсить каждую книжку французскимъ и англійскимъ эпитрафомъ и картинной, представляющей невинную въ новомъ вкусѣ насмѣшку. Напримѣръ: представьте парикмахера, стригущаго русскаго съ надписью: *подстриженной съверной Самсонъ*, или обезьяну, которая учитъ медвѣдя танцевать съ надписью: *сержусь, но поклонюсь*; или бѣса, раздѣвающаго Русскаго, съ надписью: *облечится и просвѣтитя*.

«Вотъ совѣты, кои русской старикъ почитаетъ нужными для васъ, подтверждая, что оытность его и долгое обращеніе съ людьми убѣрили въ неоспоримой истинѣ, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ исправлять поврежденныхъ и проповѣдывать добродѣтель тѣмъ, кои ее ищутъ въ словаряхъ для переводу.

Впрочемъ, имѣю честь пребыть и проч.

Устинъ Вѣстникъ» (58).

(58) «Русскій Вѣстникъ», 1808 г., № 1, стр. 68—72.

Нелюбовь къ французамъ была, можно сказать, вдохновеніемъ Ра-
стопчина: почти всё его произведенія проникнуты и вызваны ею, по-
чти во всёхъ видно желаніе

Насъ удержать, какъ крѣпкою возжей,
Отъ жалкой тошноты по сторонѣ чужой.

Съ особенной задушевностью и теплотою высказываетъ Растопчинъ свои патриотическія желанія и надежды въ слѣдующемъ письмѣ къ Глику, писанномъ вскорѣ по напечатаніи «Письма Устина Вѣникова»: «Спасибо вамъ за напечатаніе грамотки моей въ 4-й книжкѣ Русскаго Вѣстника. Мой Устинъ Вѣниковъ продолженіе моего Богатырева и его Мыслей вслухъ на Красномъ Крыльцѣ. Пора духу русскому приосаниться. Шопоть дѣло сплетницъ. А я спѣшу вамъ сказать, что нашъ молодецъ Суворовъ приосанилъ мое перо, и оно изъ жизни его вырвало кое-что такое, что мысль и слова его ставитъ на одной чертѣ съ его геройствомъ. Этотъ чудакъ герой, какъ будто и изъ могилы своей выкликается душу, разумѣется, душу русскую. Вамъ, мой любезный сотрудникъ, непременно надобно побывать у меня въ селѣ Вороновѣ, гдѣ и получите отъ меня анекдоты о Суворовѣ, иначе не выпущу ихъ изъ рукъ. А чтобы вамъ не соскучиться въ дорогѣ, я пригласилъ васъ въ товарищи Д. А. Новосильцова и общаго нашего пріятеля Н. С. Муромцова. Оба они, по обычаю нашей молодежи, рыскали по чужимъ краямъ. Первый былъ тамъ съ нынѣшнимъ министромъ финансовъ, Гурьевымъ. Оба они, по замашкѣ ума, въ грязь лицомъ не ударятъ. Готовьтесь наострить слухъ къ выслушанію вѣстей о пресловутой Европѣ, которую теперь нанячить и водить на помочахъ нашъ другъ Наполеонъ. Можетъ-быть, изъ красноречія о заморскомъ выскажется что-нибудь и о нашей матери землѣ русской. Вѣдь все теперь еще въ раздумьѣ и въ разгулѣ. Но, что земля русская намъ не мачиха, объ этомъ готовъ спорить до-тѣхъ-поръ, пока не лягу въ мать сырую землю. Чего нѣтъ въ нашей родной колыбели? Было бы только у насъ горячее къ ней сердце, да обнимала бы ее покрѣпче душа русская; а то постоятъ она за себя» (59). Чайаніе великаго будущаго «родной колыбели», если только будетъ въ русскихъ «горячее къ ней сердце» водило перомъ Растопчина: просмотрите всё его сочиненія, и вы тотчасъ замѣтите, что всё они проникнуты однимъ духомъ, стремленіемъ къ одной цѣли, къ которой авторъ идетъ послѣдовательно и неуклонно. Цѣль та, чтобы «покрѣпче душа Русская обнимала родную колыбель».

(59) «Русское Чтеніе», Ч. I, стр. 225—226.

Какія же средства указываетъ Растопчинъ для достиженія этой возде-
лѣнной цѣли? Нужно «отпашииъ отъ своихъ» вкоренить убѣжденіе
въ великомъ значеніи народа; нужно по возможности устранить даже
такое «отпаденіе отъ своего». Средство не новое. Еще первый русскій
сатирикъ, скорбя слѣпымъ ожесточеніемъ испорченныхъ приверженцевъ
старинны противъ просвѣщенія, совѣтовалъ отрывать отъ нихъ молодое
поколѣніе, потому-что «примѣръ наставленія всякаго смѣльце», и го-
ворилъ, что главное дѣло воспитанія есть «сердце младенческое въ до-
брыхъ нравахъ утвердить». Растопчинъ столь же сильно чувствуетъ
вліяніе воспитанія на убѣжденія человѣка. Онъ подноситъ свою «на-
борную повѣсть изъ бывлей порусски писанную: *Охъ Французы!* ⁽⁶⁰⁾:
«Всѣмъ отдамъ, матерямъ, вдовымъ и вдовамъ, конхъ Богъ благо-
словилъ дѣтьми.

Всѣмъ женатымъ и замужемъ безъ дѣтей, не старѣ сорока лѣтъ.

Всѣмъ холостымъ мужчинамъ до пятидесяти-пяти лѣтъ.

Всѣмъ дѣвушкамъ до тридцати лѣтъ.

Разумѣется, благороднымъ, по той причинѣ, что сіе почтенное со-
словіе есть подпора престола, защита отечества, и должно предпochти-
тельно быть предохранено. Кушцы же и крестьяне, хотя подвержены
всѣмъ извѣстнымъ болѣзнямъ, кромѣ нервовъ и меланхоліи, но еще отъ
иноземства кой-какъ отбиваются, и сія летучая зараза къ нимъ не
присаеаъ. Они и до-сихъ-поръ французовъ называютъ нѣмцами. Рас-
топчинъ не скрываетъ дидактическаго направленія своей повѣсти. «Если
наконецъ хоть одинъ отецъ, хоть одна мать сберегутъ дѣтей отъ раз-
врата (говоритъ онъ), то я и доволенъ, и счастливъ. Сяду въ кресла,
посмотрю съ удовольствіемъ на свою чернильницу, потру лобъ, и ска-
жу: доброе дѣло! Велика милость господня!»

Впрочемъ, хотя авторъ приступаетъ къ разсказу съ цѣлью вывести
изъ него извѣстное нравоученіе, но въ немъ незамѣтно ни натажекъ,
ни утомительной морали. Содержаніе повѣсти очень-просто: женитьба
богатаго русскаго помѣщика на молодой дѣвушкѣ, безъ состоянія, си-
ротѣ, которая живетъ въ домѣ своей тѣтки. Множество эпизодовъ, раз-
сужденій, кстати и съ искусствомъ вставленныхъ въ разсказъ, при-
даютъ ему особенную оригинальность. Герой повѣсти — Лука Андрее-
вичъ Кремневъ является представителемъ добрыхъ сторонъ русскаго

(60) Странно, что эта повѣсть, одна изъ лучшихъ произведеній Растоп-
чина, не внесена г. Смирдынымъ въ Полное собраніе сочиненій графа.
Она напечатана въ *Отечественныхъ Запискахъ*, 1842, Т. XXIV, №
10. Написана повѣсть, вѣроятно, до 1812 года.

человѣка; это лицо не новое: это — Богатыревъ «Мысли вслухъ на Красномъ Крыльцѣ», это Устинъ Вѣнниковъ «Письма къ издателю Русскаго Вѣстника». Родство Кремнева съ Богатыревымъ такъ близко, что самъ авторъ называетъ его Богатыревымъ ⁽⁶¹⁾, обмолвка нечаянная, но не случайная: въ сущности и Богатыревъ и Вѣнниковъ и Кремневъ — одно лицо, одно воплощеніе того идеала русскаго человѣка, который сложился въ мысляхъ Раstopчина. Повѣсть какъ-бы не кончена, но, читая ее, трудно вѣрить, чтобы она писана была болѣе сорока лѣтъ тому назадъ — такъ мало въ ней того, что составляетъ общую принадлежность современныхъ ей литературныхъ произведеній! Въ противоположность идеальнымъ, оторваннымъ отъ дѣйствительной жизни героямъ повѣстей и романовъ того времени, Раstopчинъ выводитъ въ своей повѣсти живыхъ людей: тѣтку невѣсты, женщину практическую, но не всегда распорядительную; барскую барыню Крисанфовну, Феклистыча, который былъ нѣкогда женскимъ портнымъ, спился-было до того, что кричалъ на барыню: «слово и дѣло», но послѣ какъ-то установился и былъ женатъ на любимой сѣнной дѣвушкѣ, долгою жизнью скороня всѣхъ лучше себя людей, дошелъ до высшей степени почестей въ дворянскомъ домѣ; т. е. до дворецкихъ и пр. У Раstopчина была замѣчательная наблюдательность и не безъ основанія можно предполагать, что многія, вѣрно-очерченныя лица его повѣсти были простыми списками тѣхъ, которыхъ авторъ дѣйствительно зналъ и имѣлъ передъ глазами. Въ повѣсти есть, напримѣръ: Маремьяна Бобровна — лицо, которое является и въ комедіи графа «Вѣсти или убитый живой». У насъ есть прямое указаніе, что въ этой пьесѣ графъ вывелъ нѣсколько лицъ, названныхъ московскому обществу того времени. Если несомнѣнно, что тѣ лица сумароковскихъ комедій, которыя и до-сихъ-поръ не потеряли для насъ занимательности, были прямо выхвачены изъ дѣйствительности, окружавшей творца ихъ ⁽⁶²⁾, то подобный же фактъ можно указать и въ «Вѣстяхъ» или, лучше, во всѣхъ русскихъ комедіяхъ, имѣющихъ достоинство. Въ комедіи Раstopчина собственно нѣтъ дѣйствія развивающагося; это простая картина семейства, которое принуждено испытать на себѣ неприятыя слѣдствія ложныхъ вѣстей. Глава этого семейства Сила Андренчъ Богатыревъ; женихъ его дочери — Побѣдинъ находится въ дѣйствующей арміи. Отъ знакомыхъ — Развозова, Пустякова Богатыревъ

⁽⁶¹⁾ Тамъ же, стр. 314.

⁽⁶²⁾ Эта мысль прекрасно развита г. Пыпинымъ въ разборѣ сочиненія г. Булича «Сумароковъ и современная ему критика», «Санктпетербургскія Вѣдомости», 1854, № 84.

слышнть, что будущій зять его раненъ, а Набатова объявляетъ, что онъ убитъ. Это извѣстiе какъ громомъ поражаетъ—не Богатырева, у котораго мысль о защитѣ отечества подавляетъ всякія личныя скорби и интересы, но жену его. Докторъ Моренкофъ приготовляетъ уже все нужное, чтобъ пустить кровь Богатыревой; Пегасовскій написалъ ужъ оду на смерть Побѣдина, когда самъ онъ вдругъ является къ изумленному семейству уликою всѣхъ ложныхъ о немъ толковъ. Неумѣренныя, заносчивыя изліянія Богатырева противъ Набатовой (въ 12-мъ и 14-мъ явленіяхъ) показываютъ, что Растопчинъ преслѣдовалъ дѣло по горячимъ слѣдамъ: онъ, можно сказать, исторію вчерашняго дня захотѣлъ сегодня повторить на сценѣ. Но, перенося ее на сцену, авторъ какъ-бы незамѣтно прихватилъ нѣкоторыя изъ живыхъ лицъ, принимавшихъ въ ней участіе, и любимая, обычная манера нашей старой комедіи «выводить подлинники» (какъ выразился Новиковъ) повторилась и у Растопчина. Одинъ современникъ, хорошо его знавшій, говоритъ: «графъ написалъ много комедій, исполненныхъ остроты и критики на оригинальныя лица, между нами встрѣчавшіяся (63)». Вѣроятно, чувствуя, что подобныя комедіи не могутъ возбуждать общаго интереса, авторъ, «по прочтеніи своихъ комедій въ малоизъ общества, обыкновенно предавалъ ихъ огню (64)». Только «Вѣсти» были поставлены на сцену; но они не имѣли успѣха (65). Лицо Богатырева, вставленное въ комедію, много вредитъ живости пьесы и своими тирадами, особенно въ начальныхъ явленіяхъ, напоминаетъ утомительныя разсужденія Правдина въ «Недорослѣ». Съ другой стороны, холодный приѣмъ «Вѣстей» публикою объясняется частью тѣмъ, что въ нихъ ощутительно отсутствіе драматическаго движенія, частью тѣмъ, что авторъ вывелъ «подлинники»: то, что было вполне понятно и интересно для тѣснаго кружка знакомыхъ Растопчина, которымъ, конечно, извѣстны были эти «подлинники», не могло въ той же степени интересовать публику. А «подлинники», выведенные на сцену авторомъ, могли ли простить ему такой поступокъ? Судью комедіи былъ отчасти и подсудимый; легко видѣть, каковъ будетъ этотъ судъ. «Комедія *Вѣсти, или убитый живой* (разсказываетъ С. Н. Глинка) указывала на извѣстныя тогда въ Москвѣ лица. Все смодвилось. Повсюду раздавались шиканья и топанья, и роковыя отголоски свистковъ: остроуміе сочинителя уступило такому упор-

(63) *Біографія графа Ѳ. В. Растопчина* въ «Отеч. Зап.» 1826, ч. XXVI, стр. 79.

(64) Тамъ же, стр. 79—80.

(65) Фонвизинъ, соч. кн. II. Вяземскаго, стр. 225.

ному натиску, и онъ, въ пылу досады, прислалъ въ «Вѣстникъ» два письма, въ которыхъ зевесовскими перунами огромлялъ *ложки и кресла*. Въ силу предварительнаго условія, получа отъ меня отказъ, графъ запискою въ третьемъ лицѣ требовалъ у *майора Глинка* возвращенія его бумагъ. Я также въ третьемъ лицѣ отвѣчалъ, что майоръ Глинка благодарить графа за снятіе съ него бремени замѣчаній и съ удовольствіемъ возвращаетъ ему бумаги ⁽⁶⁶⁾. Вѣроятно, эти письма, о которыхъ упоминаетъ Глинка, были изданы Растопчиннымъ отдѣльно, подъ заглавіемъ; *Письма Устима Ульяныча Вѣникова къ Силѣ Андрѣвичу Богатыреву и отвѣтъ Силы Андрѣича Богатырева Устиму Ульяновичу Вѣникову* (М., въ типографіи С. Селивановскаго, 1808 г., въ 8-ю д. л. 15 стр.). Растопчинъ въ-самомъ-дѣлѣ нападаетъ въ этой брошюрѣ на *ложки и кресла*. «Объ Россіи ты говорилъ, какъ законный ея сынъ и нѣжный любовникъ (пишетъ Вѣниковъ къ Богатыреву), и хотя господа актёры изъ кожи лѣзли и галерейные засѣдатели много били въ ладоши, однакожь, правду сказать: ложная и кресельная публика несовсѣмъ благосклонно тебя приняла и заключила, что въ тебѣ много соли и ты пересолилъ» и т. д. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобъ Растопчинъ въ этомъ мѣстѣ *огромлялъ* *ложки и кресла зевесовскими перунами*, какъ выразился Глинка о письмахъ, къ нему присланныхъ. Но мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что во всѣхъ экземплярахъ брошюрки *Письма Вѣникова* вслѣдъ за четвертою страницю прямо идетъ девятая; кромѣ-того, брошюрку слѣдовало бы назвать *Письмо Вѣникова*, а не *Письма*, потому-что *одно* только письмо Вѣникова напечатано въ ней. Вѣроятно, средняя брошюрки, содержавшая второе письмо Вѣникова, была уже по отпечатаніи уничтожена авторомъ; этимъ объяснится и упомянутая нумерація страницъ. Растопчинъ самъ замѣтилъ, что дидактическій характеръ роли Богатырева не понравился публикѣ. «Нынѣ проповѣди не въ модѣ, а говори о погодѣ» (пишетъ онъ по этому случаю). Комедія явилась въ то время, когда племя Набатовыхъ—неугомонныхъ вѣстовщицъ, размножилось; праздникъ былъ на ихъ улицѣ: извѣстныя политическія обстоятельства того времени доставляли обильную пищу празднымъ языкамъ. «Вѣстямъ» (говоритъ Богатыревъ) есть фабрики, конторы и, смотря по людямъ, курсъ вѣстовой бываетъ ниже и выше, а въ иныхъ домахъ, какъ на Кяхтѣ, дѣлаютъ вѣстямъ промѣнъ и спѣшатъ ихъ съ

⁽⁶⁶⁾ См. статью С. Н. Глинка *Отвѣтъ Н. И. Грецу на статью его въ Русскомъ Вѣстникѣ* («Русскій Вѣстникъ», 1841 г., кн. VII, стр. 12—13).

рукъ сжить съ барышомъ. При всякомъ извѣстїи о сраженїи и пустятся по городу какъ почталлоны въ почтовый день, и примутся, какъ имъ угодно, производить въ чины, въ кавалеры, въ герои, въ трусы; отправить на тотъ свѣтъ живыхъ, возвращать оттуда мертвыхъ, и на другой день множество каретъ, нагруженныхъ вѣстями, ложью и сплетнями, скачутъ радовать и печалить. И это вижу, сидя подь окномъ. И какъ сломается карета, то ужъ никто не остановится прибрать цеховаго вѣстовщика, или вѣстовщицу, а всякій самъ спѣшитъ и боится, чтобъ его не обогнали, какъ курьера съ радостнымъ извѣстїемъ. *Часто рассказы этихъ публичныхъ вѣстовыхъ на нѣсколько времени направляютъ мнїе и самой публики, которая почтенна, да немножко легковѣрна* ⁽⁶⁷⁾. Въ этомъ мѣстѣ, какъ и во многихъ другихъ, слышишь не Богатырева, а самого автора: Растопчинъ самъ какъ-бы входитъ въ пьесу и вноситъ въ нее свои личныя мысли и ощущенїи; онъ часто увлекается ими, и Богатыревъ дѣлается орудїемъ для сообщенїя ихъ публикѣ. Изъ этого ужъ можно заключить, что авторъ не въ-состоянїи былъ дать живаго цѣлостнаго характера лицамъ своей комедїи: они являются только выразителями той или другой стороны общества, и нѣтъ въ нихъ жизненной полноты и разнообразїа чертъ. Богатыревъ только олицетворенїе патріотизма, все остальное для него чуждо, точно также, какъ Набатова олицетворенїе страсти къ сплетнямъ, Побѣдинъ—доблести, Пегасовскїй—страсти къ одописанїю. Одно-стороннее развитїе отличаетъ всѣ лица комедїи Растопчина и зависѣло сколько отъ цѣли автора, столько же и отъ тѣснаго объема самого дѣйствїя. Въ «Вѣстяхъ» Растопчинъ имѣлъ въ виду осмѣять Набатовыхъ съ разнохарактерною ихъ свитою и тѣмъ отстранить вредное при тогдашнихъ обстоятельствахъ влиянїе, которое толки ихъ могли имѣть на публику. Но гдѣ Богатыревъ, тутъ и ненависть къ французамъ и французолобцамъ, тутъ и гоненїе на моду, ихъ порожденїе, и на свѣтское quasi-воспитанїе. Главною цѣлью нападенїй остались вѣсти, какъ показываетъ самое названїе пьесы. Желанїе поразить сплетни тѣмъ орудїемъ, «котораго боится даже и тотъ, кто ужъ ничего не боится», имѣло въ то время большое значенїе. Такъ вредно дѣйствовали Набатовы на массу, что правительство должно было принять противъ нихъ мѣры. «Къ Б. точно писано (говоритъ Растопчинъ въ письмѣ къ Цацпанову отъ 17 января 1806 г.), чтобъ рассказы унимать, и одного болтуна отправили въ Петербургъ». Изъ этихъ словъ легко видѣть,

⁽⁶⁷⁾ Вѣсти, или убитый живой, комедїя въ одномъ дѣйствїи, соч. гр. О. В. Растопчина (М. 1808, въ 8-й д. л.) стр. 10. Сочиненїя, стр. 40—41.

какую близкую цѣль имѣлъ въ виду авторъ, и какъ важна была эта цѣль.

Заключая обзоръ перваго періода литературной дѣятельности Растопчина, мы можемъ сказать, что характеръ ея во время самыхъ блестящихъ его подвиговъ нисколько не измѣнится: въ 1812-мъ году онъ обнаружится только сильнѣе и спасительное дѣйствіе произведеній Растопчина на массу скажется осязательнѣе, чѣмъ прежде. Растопчинъ вполне былъ убѣжденъ, что авторъ «Мыслей вслугъ на Красноу Крыльцѣ», «Письма», «Вѣстей», точно также былъ защитникомъ отечества въ бѣдственную пору, какъ и всякій, встрѣчавшій врага съ оружіемъ въ рукахъ. И мы можемъ сказать, что онъ не ошибался. Листки летучихъ брошюръ сблизили его съ массою, съ народомъ, и когда, въ бурное время отечественной войны, онъ снова, уже какъ лицо, облеченное государственнымъ значеніемъ, возьмется за то же средство поддерживать духъ народный, оно выведетъ его прямо къ цѣли, къ той высокой цѣли, успѣшное достиженіе которой дало ему право написать подь своимъ портретомъ два краснорѣчивые своею правдою стиха:

Онъ въ Москвѣ родился,
И ей пригодился.

Н. ТИХОНРАВОВЪ.

III.

ПРАВОСЛАВНО-ДОГМАТИЧЕСКОЕ БОГОСЛОВІЕ.

Д. Б. Макарія, епископа винницкаго, ректора Санктпетербургской Духовной Академіи. Пять томовъ. Санктпетербургъ. 1850—1853.

Преосвященный Макарій, епископъ винницкій, по своимъ ученымъ, образцовымъ трудамъ въ короткое время занялъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ ряду духовныхъ нашихъ писателей. Уже первое изъ его изданныхъ въ свѣтъ сочиненій «Исторія Кіевской Академіи» заслужило единодушное одобреніе всѣхъ читателей; а «Исторія Христіанства въ Россіи до Равноапостольнаго князя Владиміра», показала еще въ болѣе свѣтѣ необыкновенный талантъ автора. Съ перенѣною мѣста и съ полученіемъ богословской кафедры, преосвященный Макарій обратилъ свою дѣятельность на новый предметъ, и въ послѣдніе годы издалъ «Введеніе въ Православное Богословіе» и, одинокимъ, пять томовъ «Православно-догматическаго Богословія». Эти два обширныя, монументальныя сочиненія съ перваго появленія своего въ печати возбуждали живѣйшее вниманіе ученой публики, которая единодушно осыпала ихъ заслуженными похвалами; самые строгіе и опытные судьи отдали имъ полную справедливость. Исполненные рѣдкихъ, капитальныхъ достоинствъ, безъ преувеличенія можемъ сказать, они заключаютъ въ себѣ всѣ права на европейскую извѣстность и, безъ сомнѣнія, составляютъ замѣчательнѣйшую эпоху въ исторіи богословскихъ наукъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ мы читали системы просвѣщеннаго архипастыря и имѣли уже случай познакомить читателей съ его «Введеніемъ»⁽¹⁾; теперь представимъ краткій отчетъ о самой догматикѣ. Чтобъ дать о ней сколько-нибудь раздѣль-

⁽¹⁾ См. 8 № «Отеч. Записокъ» за прошлый годъ.
Т. ХСV. — Отд. III.

ное понятіе, считаемъ необходимымъ указать : на ея планъ, на методъ и на особенно-существенныя, самостоятельныя достоинства, предоставляя подробный разборъ всего этого критикѣ, менѣе-стѣсенной предѣлами журнальной статьи.

Для вѣрнаго начертанія плана «Догматическаго Богословія» нужно, разумѣется, прежде всего знать предметъ его — христіанскую религію. Что же такое христіанская религія? Это — союзъ Бога съ человѣкомъ, не только общій ему съ другими существами, но, по преимуществу, союзъ, возстановленный, по паденіи нашемъ, чрезъ Единороднаго Сына Божія, Иисуса Христа. Слѣдовательно одни изъ догматовъ христіанскихъ содержатъ въ себѣ ученіе о Богѣ и Его отношеніи къ человѣку общемъ, или естественномъ, какое Онъ имѣетъ ко всему міру, какъ Творецъ и Промыслитель; другіе раскрываютъ понятія о Богѣ, какъ спасителя міра и объ особенномъ отношеніи Его къ человѣку. Первыя истины имѣли бы мѣсто и въ религіи первобытной, еслибъ мы сохранили ее въ цѣлости; а послѣднія принадлежатъ исключительно только религіи христіанской. На этомъ основаніи и система христіанской догматики, которая, какъ и всякая наука, должна быть вѣрною копіею своего предмета, раздѣляется на двѣ составныя части : 1-я на ученіе о Богѣ въ самомъ-себѣ, и общемъ отношеніи Его къ міру и въ частности къ человѣку, то-есть о *твореніи и промыслѣ*; 2-я на ученіе о Богѣ-Искупителѣ человѣковъ, или о *домостроительствѣ нашего спасенія*. Такому плану слѣдовали почти всѣ древніе и позднѣйшіе греческіе учителя церкви, которые обыкновенно дѣлили свои системы на *богословіе вообще* (*Θεολογία*), или на *богословіе простое* (*Θεολογία απλή*), разумѣя подъ нимъ истины перваго рода, и на богословіе, касающееся таинства, или *домостроительства искупленія* (*Θεολογία διχονομική*), слѣдуютъ и наши отечественные богословы. Какъ самый полный, естественный и сообразный съ существомъ дѣла, онъ не могъ быть не избранъ и преосвященнымъ Макаріемъ. Заслуга послѣдняго въ этомъ случаѣ состоитъ въ томъ, что онъ расширилъ рамы своего плана, помѣстивъ въ нихъ многіе вопросы и разсужденія, какихъ мы не видимъ въ другихъ подобнаго рода сочиненіяхъ, и давъ имъ въ высшей степени систематическій порядокъ. Не имѣя возможности показать на страницахъ журнала подробный составъ разсматриваемой нами догматики, укажемъ, по-крайней-мѣрѣ, на расположеніе общихъ, главнѣйшихъ истинъ, входящихъ въ составъ обѣихъ ея частей. Послѣ предварительныхъ понятій о догматическомъ богословіи, въ первой части, имѣющей предметомъ, какъ мы сказали, ученіе о Богѣ въ самомъ-себѣ и общемъ отношеніи Его къ міру, авторъ говоритъ о Богѣ, единомъ по существу и Троичномъ въ Лицахъ, потомъ о твореніи и промыслѣ. Во второй части, гдѣ разсматриваются истины собственно христіанской религіи, разсуждаетъ сначала о Богѣ-Спасителѣ вообще, Богѣ Трїединомъ, который, по безконечной благодати своей, въ предвѣчномъ Совѣтѣ положилъ возстановить падшее че-

ловѣчество чрезъ Слово — второе Лице Пресвятыя Троицы, впродолженіе тысячелѣтій разными способами готовилъ насъ къ принятію обѣщаннаго Мессіи, и наконецъ, въ предопредѣленное время послалъ Его въ міръ, на великій подвигъ спасенія міра. Послѣ этого, преосвященный Макарій, естественно, переходитъ къ ученію о Лицѣ Сына Божія, то-есть о таинствѣ Его воплощенія и таинствѣ совершеннаго Имъ искупленія человѣка. Но всѣ заслуги Спасителя, въ тройственномъ служеніи своемъ (пророческомъ, первосвященническомъ и царскомъ), возвѣстившаго намъ тайну спасенія, удовлетворившаго за насъ правдѣ Божіей, разрушившаго царство смерти и ада, не достигнуть своей цѣли, не принесутъ намъ никакихъ плодовъ, если мы останемся при прежней грѣховной нечистотѣ и мертвенности; потому-что мы тогда неспособны будемъ къ наслажденію вѣчнымъ блаженствомъ на небѣ, гдѣ, по словамъ Писанія, живетъ одна правда, и для котораго необходимо требуется полнота духовныхъ силъ. Очевидно, самъ-по-себѣ, безъ особенной помощи Божіей, этихъ условій человѣкъ никогда не можетъ выполнить — и вотъ Господь основываетъ на землѣ свою Церковь, какъ орудіе, чрезъ которое совершается наше очищеніе отъ грѣховъ, или освященіе, сообщаетъ намъ чрезъ нея благодать, возрождающую и укрѣпляющую насъ для жизни вѣчной въ святыхъ таинствахъ. Вслѣдствіе этого, авторъ раскрываетъ понятіе о Богѣ-Освятителѣ, и въ-частности понятіе о церкви, благодати и таинствахъ. Благодатными средствами, обильно сообщаемыми намъ Святою Церковью, не всѣ, однакожъ, равно пользуются: одни, при помощи ихъ, неуклонно идутъ по пути добродѣтели и благочестія, восходятъ отъ совершенства къ совершенству и такимъ образомъ приобретаютъ болѣе-и-болѣе способности къ наслажденію вѣчнымъ блаженствомъ; другіе, напротивъ, употребляютъ во зло полученные ими дары Св. Духа и закоснѣваютъ во злѣ; третьи, по выраженію Тайновидца, остаются ни теплыми, ни холодными по отношенію къ духовной жизни, возвращаются, такъ-сказать, между небомъ и землею и отходятъ въ вѣчность несовѣстнѣ-злыми, но и не успѣвъ принести плодовъ, достойныхъ покаянія. За предѣлами гроба, Небесный Судья сперва на частномъ судѣ воздастъ всѣмъ должное, а потомъ, въ день всеобщаго суда, опредѣлитъ рѣшительную участь цѣлому міру, сообразно вѣрѣ, покаянію и дѣламъ каждаго человѣка. Этимъ дѣйствіемъ Божіимъ окончится благодатное царство І. Христа, послѣ котораго наступитъ вѣчное царство Его славы. Ученіемъ о Богѣ, какъ судіи и издодвадцателѣ, оканчивается и догматическое богословіе преосвященнаго Макарія. Можетъ ли планъ имѣть болѣе естественности и систематическаго порядка?

Методъ разсматриваемаго нами сочиненія слѣдующій: при раскрытіи догматовъ, авторъ дѣлаетъ точное опредѣленіе имъ, занимая его изъ краткихъ и обширныхъ исповѣданій Православной Церкви; и такъ-какъ ученіе послѣдней основано на словѣ Божіемъ, писан-

номъ и устномъ, то, въ подтвержденіе этого ученія, онъ приводитъ свидѣтельства св. писанія и св. преданія, заключающагося преимущественно въ твореніяхъ святыхъ отцовъ; допускаетъ и соображенія разума и въ немъ находитъ новыя поясненія и подкрѣпленія на откровенныя истины, непревышающія нашихъ понятій; а при объясненіи догматовъ таинственныхъ, непостижимыхъ, показываетъ, какъ они, при всей своей непостижимости, свѣтоносны для вѣрующаго, какую тѣсную связь имѣютъ съ другими, доступными для насъ, христіанскими истинами, какъ достойны Бога и сообразны съ Его безконечными совершенствами, полезны для нравственности человѣка и проч.; иногда, для объясненія ихъ, употребляетъ сравненія, или подобія, заимствуя ихъ изъ міра физическаго и духовнаго и т. п. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, коротко излагаетъ исторію догматовъ, то-есть исторію ложныхъ о нихъ понятій, бывшихъ въ томъ, или другомъ вѣкѣ, и ученіе отцовъ церкви, защищавшихъ эти догматы и въ-подробности опредѣлявшихъ ихъ настоящій смыслъ и значеніе; наконецъ показываетъ отношеніе догматовъ къ христіанской жизни, то-есть выводитъ изъ нихъ нравственныя мысля и правила въ назиданіе вѣрующимъ. Методъ этотъ также новъ: хотя не въ такой цѣлости, онъ былъ обычнымъ методомъ древнихъ учителей церкви. Говоря о какой-либо истинѣ откровенія, особенно опровергая ученіе о ней неправомыслящихъ, они прежде всего устанавливали православный на нее взглядъ, утверждали ее на основаніи Слова Божія, доказывали свидѣтельствами предшествовавшихъ отцовъ и вѣрованіемъ Вселенской Церкви; не пренебрегали даже писателями языческими, напримѣръ, указывали на извѣстные акты *Пилата* и на письмо Плинія-младшаго къ императору Траяну и проч.; весьма часто обращались и къособію свѣтскихъ наукъ, считая ихъ весьма-полезными для христіанскаго богослова. Вотъ замѣчательное мнѣніе объ этомъ одного изъ вселенскихъ и просвѣщеннѣйшихъ учителей церкви, Григорія Богослова. «Полагаю (говоритъ онъ), что всякій, имѣющій умъ, признаетъ первымъ для насъ благомъ ученость, и не только сію благороднѣйшую и нашу ученость, которая, презирая всѣ украшенія и плодovitость рѣчи, емлется за единое спасеніе и за красоту умозерцаемую; но и *ученость внѣшнюю*, которою многіе изъ христіанъ, по худому разумѣнію, гнушаются, какъ злохудожною, опасною и удаляющею отъ Бога... Въ наукахъ мы заимствовали изслѣдованія и умозрѣнія, но отрунули все то, что ведетъ... къ заблужденію... Мы извлекали изъ нихъ полезное даже для самого благочестія, чрезъ худшее научившись лучшему, и немощь ихъ обративъ въ твердость нашего ученія. Посему не должно унижать ученость, какъ разсуждаютъ о себѣ нѣкоторые; а напротивъ того, надобно признать глупыми и невѣждами тѣхъ, которые, держась такого мнѣнія, желали бы всѣхъ видѣть подобными себѣ, чтобъ въ общемъ недостатокѣ скрыть свой собственный и избѣгать обличенія въ невѣжество». (Творен. св. отцевъ въ русск.

перев., издав. при Моск. Дух. Ак., томъ IV, стр. 63—64). У нѣкоторыхъ отцовъ и учителей церкви встрѣчаемъ, наконецъ, и краткую исторію догматовъ, а иногда и приложеніе ихъ къ нравственности. Сочиненія Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, блаженнаго Августина, Климента Александрійскаго и многихъ другихъ, особенно позднѣйшихъ церковныхъ писателей представляютъ на это нѣрѣдкіе примѣры. Такой способъ раскрытія откровенныхъ истинъ обыкновенно, хотя также не вполнѣ, употребляется и отечественными богословами (*). Но заслуга преосвященнаго Макарія въ этомъ случаѣ состоитъ въ томъ, что онъ первый соединилъ въ своей системѣ всѣ условія, или, такъ-сказать, всѣ черты древняго и новѣйшаго богословскаго метода, и придалъ имъ современную систематичность, хотя послѣднія три условія этого метода, то-есть соображенія разума, исторія догматовъ и особенно нравственныя приложенія, не составляютъ необходимости для христіанской догматики.

Перейдемъ къ болѣе-самостоятельнымъ ея достоинствамъ.

Вслѣдствіе избраннаго авторомъ метода, система его, ужь по одному этому не могла не имѣть особенной полноты и разнообразія. Эти драгоценныя качества получили еще большее развитіе и болшую цѣну отъ обширныхъ свѣдѣній преосвященнаго Макарія, всесторонняго взгляда его на предметъ и отъ несметнаго богатства источниковъ, которыми онъ пользовался и которые преимущественно употребляетъ въ дѣло при своихъ доказательствахъ и объясненіяхъ. Здѣсь во всемъ свѣтѣ мы видимъ его глубокое знакомство съ св. Писаніемъ, съ твореніями святыхъ отцовъ и вообще съ письменами, заключающими въ себѣ подробное вѣрученіе православной церкви. Кромѣ извѣстнѣйшихъ учителей ея, онъ приводитъ свидѣтельства и многихъ такихъ, существованія которыхъ иные изъ самыхъ патралоговъ даже не подозрѣвали. *Феодоръ Геракійскій, Евсеій Галликанскій, Салвіанъ, Цезарій, Викторъ Антиохійскій* и цѣлый *облакъ* другихъ подобныхъ свидѣтелей древности «въ Православно-догматическомъ Богословіи» являются съ своими свитками предъ изумленными взорами читателя, и каждый изъ нихъ подтверждаетъ священныя истины съ свойственною имъ силою и ясностью. Если божественное пролежденіе какого-либо догмата подвергается сомнѣнію, или пререканіямъ потому именно, что нѣкоторые не находили или не находятъ подробнаго ученія о немъ въ первоначальной цѣркви, въ такомъ случаѣ преосвященный Макарій; въ послѣдовательномъ порядкѣ призываетъ въ свидѣтели всѣ первые вѣка христіанства, заставляеть говорить со

(*). Наши богословы раскрываютъ догматы только на основаніи Св. Пис. и твореній святыхъ отцевъ; но къ исторіи догматовъ и къ соображеніямъ разума обращаются, такъ-сказать, мимоходомъ, а нравственныхъ приложеній не встрѣчаемъ ни у кого.

всею ясностью и подробностью каждый вѣкъ особо въ пользу пререкаемаго догмата, проводить нить священнаго преданія до самыхъ апостоловъ, и такимъ образомъ поставляетъ читателя какъ-бы лицомъ къ лицу съ истиною. Кромѣ твореній св. отцовъ, дѣяній и постановленій вселенскихъ и помѣстныхъ Соборовъ, древніе символы и исповѣданія, молитвы, каноны, пѣсни, чиноположенія, уставы, обряды и обычаи церковныя, мученическіе акты, четьи-минеи, церковная исторія — все это служить автору прекрасными источниками, изъ которыхъ онъ извлекаетъ новыя и сильнѣйшія доказательства и объясненія на раскрываемые имъ предметы богословія. Кодексы греческихъ и римскихъ императоровъ, произведенія древней и новѣйшей философіи и даже поэзія, сочиненія латинскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ и армянскихъ богослововъ, еврейскихъ парафрастовъ и древнихъ еретиковъ не оставлены также безъ вниманія со стороны преосвященнаго Макарія, и также представили отъ себя немаловажныя пособія къ подробнѣйшему раскрытію христіанскаго вѣрученія. При этомъ не знаешь, чему болѣе удивляться: обилію ли источниковъ, способности находить ихъ, или, наконецъ, терпѣнію и искусству, съ которыми авторъ извлекалъ изъ нихъ все, необходимое для своей цѣли. Къ особенной чести его должно сказать еще и то, что многіи изъ показанныхъ пособій онъ первый въ нашемъ отечествѣ началъ пользоваться какъ должно и какъ заслуживаетъ того ихъ важность, что онъ приводитъ слова писателей съ примѣрною точностью и обстоятельностью, верѣдко въ подлинникѣ, и безъ всякой натяжки ихъ смысла, и что, наконецъ, при всѣхъ подробностяхъ, въ которыя входитъ для объясненія предмета, онъ нисколько не обременяетъ его излишними доводами, а только преслѣдуетъ до-тѣхъ-поръ, пока этотъ предметъ въ глазахъ читателя не получитъ возможной ясности, пока не будутъ рѣшены всѣ недоумѣнія, какія только могутъ родиться на-счетъ его въ умѣ самомъ пытливомъ. Эта полнота и совершенная законченность въ раскрытіи богословскихъ истинъ, составляющія отличительныя качества всего сочиненія, достигаютъ послѣднихъ предѣловъ, когда преосвященный Макарій касается догматовъ, подвергавшихся превратнымъ толкованіямъ еретиковъ, или доселѣ-служащихъ спорными пунктами между православною церковью и обществами западныхъ христіанъ. Тутъ въ немъ является особенная энергія и неистощимость въ доводахъ; тутъ онъ приводитъ въ дѣйствіе всѣ свои несметныя источники и всѣ внутреннія средства: герменевтику, естествознаніе, діалектику и соображенія богословствующаго разума, и такимъ-образомъ со всѣхъ сторонъ подрываетъ основанія противниковъ и мнѣнія ихъ доводитъ иногда до самаго негѣпаго, не вдаваясь, впрочемъ, ни въ какія школьныя состязанія и діалектическія тонкости, столь недостойныя важности откровенныхъ истинъ. Для примѣра укажемъ на трактатъ объ исхожденіи Св. Духа—одинъ изъ предметовъ разногласія между православною и западною церковью, догматъ, раскрытый авторомъ съ такою полнотою и ясностью, съ такою

отчетливостью и вмѣстѣ съ такимъ безпристрастіемъ, которыя, кажется, должны разсѣять всѣ сомнѣнія на-счетъ его въ душѣ самаго упорнаго скептика. Всего трактата, по его обширности, мы не можемъ помѣстить на страницахъ журнала; укажемъ только точки зрѣнія, съ которыхъ авторъ смотритъ на вопросъ, и потомъ познакомимъ читателей со взглядомъ на него богословствующаго разума, соображеніями котораго преосвященный Макарій завершаетъ свои многочисленныя и неотразимыя доказательства, приводимыя имъ въ защиту одной изъ важнѣйшихъ и основныхъ истинъ нашей божественной религіи. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что подобныя соображенія, въ чемъ сознается и самъ авторъ, какъ увидимъ ниже изъ собственныхъ словъ его, не должно считать за дѣйствительныя доказательства въ строгомъ богословскомъ смыслѣ. Слово Божіе, голосъ Вселенской церкви и св. отцовъ ея—вотъ основаніе, на которомъ должны утверждаться всѣ вѣрованія истиннаго христіанина. Но къ особію разума православное богословіе и въ настоящемъ случаѣ, между-прочимъ, позволяетъ себѣ обращаться, потому-что иномыслящіе писатели, не имѣя въ Св. Писаніи и древнихъ писаніяхъ церкви достаточныхъ указаній въ пользу своего ученія, будто Духъ Святыи исходитъ и *отъ Сына* (*Filioque*), начали употребить жалкія сѣти схоластики, въ которыхъ, однакожъ, они сами путаются и тѣмъ еще больше обнаруживаютъ свое безсиліе. Правда, такое оружіе не опасно для православія, но оно можетъ иногда послужить соблазномъ для слабыхъ вѣроу и умоу; поэтому нѣкоторые отцы греческой церкви (напримѣръ, извѣстнѣйшій патріархъ константинопольскій, Фотій, и славный своею ревностію по вѣрѣ, Маркъ ефесскій), при защитѣ божественнаго догмата, стали дѣйствовать подобнымъ же оружіемъ—соображеніями разума, основанными, впрочемъ, на ученіи Вселенской церкви и на законахъ правильнаго мышленія, всячески избѣгая духа и мелочности схоластикова. По примѣру знаменитыхъ богослововъ греческихъ и по своему обыкновенію не оставляя въ раскрываемомъ предметѣ ни одной стороны незащищенной, и преосвященный Макарій въ своемъ обширномъ трактатѣ о происхожденіи Св. Духа извлекаетъ изъ вѣчныхъ законовъ разума новыя доказательства на истину, заимствуя ихъ изъ сочиненій помянутыхъ и нѣкоторыхъ другихъ отцовъ, но облекши въ особенную форму. Обратимся къ прерванной рѣчи. Догматъ о происхожденіи св. Духа отъ одного Бога-Отца авторъ разсматриваетъ а) на основаніи Св. Писанія, б) на основаніи древнихъ символовъ церкви и ученія соборовъ, с) на основаніи свидѣтельствъ св. отцовъ и учителей церкви восточныхъ и западныхъ; потомъ рѣшаетъ всѣ возраженія, представляемыя неправомыслящими, выводитъ слѣдствіе изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ отеческихъ свидѣтельствъ и наконецъ обращается къ соображеніямъ разума.

«Главнѣйшія изъ нихъ, говоритъ онъ, слѣдующія :

1) Несомнѣнная истина, принимаемая всеми христіанами какъ церкви

восточной, такъ и западной, что во Св. Троицѣ Отецъ, Сынъ и Св. Духъ суть едино по существу, но различны какъ Лица, а потому имѣютъ двоякаго рода свойства : существенныя, нераздѣльныя, общія для всѣхъ ихъ, и личныя, раздѣльныя, исключительно принадлежащія каждому изъ Нихъ порознь. Теперь спрашивается: къ чему въ Отцѣ должно относить то, что Онъ изводитъ изъ Себя Св. Духа (равно какъ и рождаетъ Сына?) Къ существу, или личности? Если къ существу, то надобно допустить, что Духъ Святой исходитъ не только отъ Отца и Сына, но и отъ самого себя (нелѣпость, которой не допускаютъ и западные христіане); ибо существо у всѣхъ Божескихъ Лицъ едино и нераздѣльно. Если же къ личности, то необходимо признать, что Духъ Святой исходитъ только отъ одного Отца, ибо Отецъ, какъ Лице, совершенно отличенъ отъ Сына и отъ Св. Духа, и что принадлежитъ одному изъ Нихъ, то ужъ не можетъ принадлежать другому.

2) Несомнѣнная истина, издревле также принимаемая всѣми христіанами, та, что во Св. Троицѣ, при троичности Лицъ, есть только одно начало — *μονάρχια*. И мы вполне соблюдаемъ эту истину и исповѣдуемъ единоначаліе въ Божествѣ, когда говоримъ, что отъ одного и того же Отца рождается Сынъ и исходитъ Духъ Святой. Но не соблюдаютъ ее и допускаютъ уже не одно, а два начала въ Божествѣ западные христіане, когда утверждаютъ, что Духъ Святой исходитъ отъ Отца и отъ Сына; ибо Отецъ и Сынъ суть едино только по существу, а какъ Лица, они суть два, и никакого другаго единенія, кромѣ единства по существу, не имѣютъ между собою, чтобы составить одно начало для Св. Духа; допустить же, будто исхождение Св. Духа относится къ существу Отца и Сына, которое обще и самому Св. Духу, какъ мы видѣли, значитъ допустить нелѣпость.

3) Вся церковь христіанская, восточная и западная, издревле учила и учитъ, что во Святой Троицѣ какъ не должно раздѣлять существа, такъ же не должно и сливать ипостасей, вопреки еретикамъ-Савеліанамъ. Но западные учителя сливаютъ нынѣ ипостаси Отца и Сына (и слѣдовательно впадаютъ въ савеліанизмъ), по-крайней-мѣрѣ въ томъ случаѣ, когда допускаютъ между Ними, кромѣ единства по существу, какое-то особое соединеніе, вслѣдствіе котораго эти два Лица единымъ, какъ говорятъ, и нераздѣльнымъ дѣйствіемъ изводятъ изъ Себя Св. Духа и служить для Него уже не двумя началами, или виновниками, а однимъ началомъ, однимъ виновникомъ.

4) По ученію вселенской церкви, всѣ три Лица Св. Троицы суть едино *только* по существу; слѣдовательно, какое единство со Отцемъ имѣетъ Сынъ, такое же точно имѣетъ и Св. Духъ. Но западные учителя допускаютъ нынѣ, что Сынъ имѣетъ со Отцемъ большее единство, нежели Духъ, когда говорятъ, что Отецъ и Сынъ суть едино еще по отношенію къ тому совокупному дѣйствію, которымъ изводятъ

изъ Себя Св. Духа, суть едино, какъ единое вѣчно-нераздѣльное начало Св. Духа.

5) Вселенская церковь всегда признавала въ Богѣ только : единичность по существу и троичность по Лицамъ. Но западные учителя не только признаютъ нынѣ въ Божествѣ единичность и троичность, но вводятъ въ Него еще двойственность. Признаютъ *единичность* : ибо учатъ, что Отецъ, Сынъ и Св. Духъ суть *едино* по существу ; признаютъ *троичность* : ибо учатъ, что Отецъ, Сынъ и Св. Духъ суть три Лица ; вводятъ *двойственность* : ибо учатъ, что Отецъ и Сынъ составляютъ *одно* вѣчно-нераздѣльное по отношенію къ Св. Духу, какъ Его начало, а Св. Духъ, по отношенію къ Нимъ, составляетъ *другое*, какъ происходящее изъ этого начала (Т. I. стран. 49—51)». — «Спрашиваемъ безпристрастнаго читателя, можно ли отвергнуть непрерываемость этихъ соображеній, основанныхъ на общезвѣстномъ вѣрованіи церкви и на вѣчныхъ законахъ разсудка?» (Т. I. стр. 449 — 451).

Но справедливость требуетъ, чтобъ мы привели здѣсь же и соображенія западныхъ богослововъ, представляемыя ими въ защиту своего ученія о догматѣ, чтобъ читатель даже изъ параллели этихъ соображенія могъ видѣть, на чьей сторонѣ истина, и убѣдиться въ суебности и поразительномъ бесіаніи тѣхъ, которые стараются защитить неправду. Итакъ — *audiatur et altera pars*.

«Изъ всѣхъ, придуманныхъ схоластиками (продолжаетъ пр. Макарій) соображеній, представляемыхъ западными христіанами въ подкрѣпленіе ихъ вѣрованія, что Д. Св. исходитъ и отъ Сына, доселѣ еще употребляются, и слѣдовательно признаются сравнительно лучшими только четыре :

1) Еслибъ Д. Св. не исходилъ отъ Сына, то дѣйствительно и не отличался бы отъ Него ; ибо Лица Пресв. Троицы Отецъ, Сынъ и Св. Духъ, у Которыхъ все едино, различаются между собою только чрезъ противоположное отношеніе одного Лица, какъ виновника, къ другому Лицу, какъ произшедшему отъ Него, и обратно». (3). Но объ эти мысли совершенно произвольны и не только не опираются на положительномъ ученіи древней церкви, но даже прямо ему противорѣчатъ ; ибо а) церковь издревле учила, что хотя Сынъ и Св. Д. отъ одного и того же Отца, но различаются между собою тѣмъ, что Сынъ отъ Отца рождается, а Д. Св. исходитъ, и б) вообще различала Божескія Лица не черезъ какое-то противоположное отношеніе ихъ другъ къ другу, а вѣруя, что Отецъ есть не рожденъ, Сынъ рожденъ отъ Отца, Духъ Св. отъ Отца исходитъ.

2) Только допуская исхожденіе Св. Духа отъ Сына, мы можемъ представить правильное отношеніе между Ними. Правда, и безъ того

(3) Cursus Theolog. compl. T. VIII, p. 641; Pervone op. cit. p. 441.

состоять Они въ известномъ отношеніи, и во первыхъ, въ-отношеніи единства; потому—что Оба происходятъ отъ одного Отца; а во вторыхъ, въ отношеніи различія; потому—что Оба происходятъ различнымъ образомъ. Но это не есть отношеніе Ихъ другъ къ другу непосредственное, и слѣдовательно не есть отношеніе высочайше-совершеннѣйшее, каковое необходимо представлять въ Св. Троицѣ» (4). Опять мысли, нисколько неосновывающіяся на положительномъ ученіи церкви и произвольныя; ибо на какомъ основаніи утверждать, что должно быть непосредственное взаимное отношеніе у Лицъ Пресв. Троицы, какъ Лицъ отдѣльныхъ, когда всѣ Они, по ученію св. Церкви, суть едино, или совершенно нераздѣльны по существу, и слѣдовательно состоятъ между собою болѣе, нежели въ непосредственномъ отношеніи? А съ другой стороны, почему же не назвать совершеннѣйшими и двухъ другихъ показанныхъ отношеній между Сыномъ и Св. Духомъ, то—есть отношеній по единству Начала и по различію происхожденія изъ этого Начала?

3) Если Д. Св. не исходитъ и отъ Сына, какъ отъ Отца, то, значитъ, Отецъ отличается отъ Сына дважды, именно рожденіемъ изъ себя Сына и изведеніемъ изъ себя Духа. Но должно принимать только *одно* отличіе, одну особенность у каждаго изъ Божескихъ Лицъ, потому-что совершенство ихъ состоитъ сколько въ высочайше-возможномъ единствѣ, столько же въ возможно-меньшемъ числѣ отличій и слѣдовательно въ томъ, чтобъ каждому Лицу, кромѣ одного отличительнаго, или личнаго признака, ничего другаго не усвоилось» (5). Но кто изъ насъ имѣетъ право назначать, изъ сколькихъ частныхъ чертъ должно слагаться личное свойство каждаго Лица Пресв. Троицы, когда таинство это непостижимо для нашего разума, и когда положительное ученіе древней церкви ясно говоритъ, что личное свойство Отца дѣйствительно заключаетъ въ себѣ не только двѣ, но даже три частныя особенности: ту, что Онъ самъ ни отъ кого не рожденъ и не исходитъ, ту, что Онъ рождаетъ Сына, и ту, что Онъ изводитъ изъ Себя Св. Духа? И, съ другой стороны, что за мысль, будто высочайшее совершенство Божескихъ Лицъ требуетъ, чтобы всѣ Они имѣли не болѣе, какъ по одному отличію, и будто Отецъ перестанетъ быть вполне совершеннымъ, если въ личномъ свойствѣ Его будемъ представлять двѣ, или три особыя черты?

4) Сынъ пріемлетъ отъ Отца все, за исключеніемъ отчества, которое одно не сообщимо, слѣдовательно пріемлетъ и божественную, плодоносную (fruchtbaren) волю. А потому Сынъ вмѣстѣ съ Отцемъ и подобно Отцу, чрезъ волю божественно участвуетъ (ist fruchtbar) въ изведеніи Духа» (6).

(4) Такъ излагаетъ это соображеніе Клѣ—Dogmatik, В. II, S. 187.

(5) Клѣ — ibid p. 187—188.

(6) Клѣ — ibid p. 188.

Но откуда извѣстно, что несообщимо у Отца одно только отчество, а свойство изводить изъ себя Духа Святаго сообщимо, когда, напротивъ, древніе учителя церкви то и другое равно приписывали одному Лицу Отца, и выражались, что Сынъ принялъ отъ Отца все, кромѣ свойства вообще быть виновникомъ другаго Лица, то-есть и свойства раждать Сына и свойства изводить Св. Духа? (7) А воторыхъ откуда мысль, будто Сынъ вмѣстѣ со Отцемъ изводить изъ Себя Духа Святаго какъ-то чрезъ волю?» (Т. I. стр. 451—454).

Предвидимъ изумленіе многихъ изъ нашихъ читателей, въ которое они вѣрно будутъ приведены крайнимъ безсиліемъ и невѣрностью этихъ соображеній, и въ недоумѣніи спросать: ужели западные богословы, знаменитые умомъ и ученостью, въ подкрѣпленіе своего ученія могутъ приводить столь ничтожныя основанія, которыя легко испровергнутъ всякій, знающій катихизисъ и простые законы логики? Не отвѣчая на это ничего, мы отсылаемъ скептиковъ къ самымъ выше указаннымъ источникамъ, или подлиннымъ сочиненіямъ, подробно излагающимъ упомянутыя соображенія, и, кромѣ того, советуемъ еще въ догматикѣ пр. Макарія прочесть разные доводы, приводимые римскими католиками изъ Св. Писанія и твореній отеческихъ, въ защиту прибавленія *Filioque*: то же поразительное безсиліе и та же неосновательность въ оправданіи себя за это прибавленіе еще болѣе убѣдятъ cadaго, что одна только чистая истина сильна и свѣтоносна сама въ себѣ, какъ бы ее ни старались подорвать и закрыть, и что, напротивъ, всякая низверженная мысль, на какой бы пышный пьедесталъ ни возводили ее, и какъ бы ее ни украшали, всегда будетъ выказывать свою шаткость, и не можетъ выдержать взгляда не только опытнаго, безпристрастнаго богослова, но и всякаго, сколько-нибудь знакомаго съ духомъ и существенными догматами религіи, христіанина. Еще болѣе разительнымъ доказательствомъ на это служить то, что нѣкоторые изъ мнимыхъ догматовъ западной церкви, напримѣръ, догматы о непогрѣшимости римскаго первосвященника, объ индульгенціяхъ и пр., или совершенно пали, или потеряли значительное измѣненіе, тогда-какъ истинный догматъ долженъ быть вѣчно непреложенъ, неизмѣняемъ.

Сказавъ о полнотѣ, которою особенно отличается «Православно-догматическое Богословіе» при доказательствахъ и объясненіяхъ, мы не можемъ умолчать объ этомъ драгоценномъ качествѣ и въ отношеніи къ самому составу богословскихъ истинъ, то-есть о томъ, что авторъ въ своей системѣ раскрываетъ не только главные, или основныя догматы вѣры, но не оставляетъ безъ особеннаго вниманія и изслѣдованія ни одной истины частнѣйшей, въ той справедливой увѣренности, что въ дѣлѣ религіи нѣтъ маловажнаго, что тутъ нельзя безнаказанно думать

(7) Выше примѣч. 746, 886—898.

такъ, или иначе объ извѣстныхъ предметахъ, принимать ихъ, или отвергать. Въслѣдствіе этого преосвященный Макарій старается въ возможной точности опредѣлить и разъяснить всѣ малѣйшія причины вѣроученія православной церкви, избѣгая, однакожь, бесполезныхъ, порождаемыхъ празднымъ любопытствомъ, богословскихъ вопросовъ; не смотритъ сквозь пальцы ни на одно, повидимому, малозначащее отступленіе отъ положительнаго ученія вселенской церкви, но съ свойственною православному богослову энергіею обнажаетъ всякую мысль, сколько-нибудь несогласную съ духомъ православія. Во всѣхъ пяти томахъ мы находимъ многочисленныя доказательства этому; но, для примѣра, укажемъ только на замѣчанія автора о «чистилищѣ», принимаемомъ римскими католиками, замѣчанія, которыя, надѣемся, не безъ участія прочтутъ даже любители одного только свѣтскаго чтенія: предметъ ихъ такъ близокъ къ сердцу cadaго смертнаго.

«Съ ученіемъ православной церкви (говоритъ преосвященный Макарій) о возможности для нѣкоторыхъ грѣшниковъ освободиться изъ узъ ада, по молитвамъ живущихъ, имѣеть нѣкоторое сходство ученіе римской церкви о *чистилищѣ*, хотя имѣеть и свое отличіе. Чтобы правильно судить о томъ и другомъ, надобно вникнуть, какъ излагають это ученіе сами римскіе богословы.

1) Они различають въ ученіи о чистилищѣ двѣ части: *существенную*, или то, что опредѣлено ихъ церковію и преподается, какъ догматъ, и *несущественную* — то, что церковію ихъ неопредѣлено и составляетъ предметъ богословскихъ мнѣній. Къ первой части относятся только два положенія: а) есть чистилище, то-есть такое мѣсто, или состояніе очищенія (*status expiationis*), въ которомъ души умершихъ, не получившихъ еще разрѣшенія какихъ-либо легкихъ грѣховъ, или и получившихъ разрѣшеніе грѣховъ, но не понесшихъ при жизни временнаго наказанія за грѣхи, терпятъ мученія для удовлетворенія правды Божіей до-тѣхъ-поръ, пока чрезъ эти мученія не очистятся и не содѣлаются достойными вѣчнаго блаженства; б) душамъ, находящимся въ чистилищѣ, весьма много помогаютъ молитвы о нихъ церкви, милостыни и особенно приношеніе безкровной жертвы. Къ несущественной части относятся рѣшеніе вопросовъ: а) есть ли чистилище опредѣленное какое-либо мѣсто, или нѣтъ, и гдѣ оно находится; б) какія мученія терпятъ тамъ души и огонь чистилищный есть ли вещественный, или метафорическій; в) сколько времени души находятся въ чистилищѣ; г) какъ вспомошествоють имъ молитвы церкви и проч. (8).

(8) Pervone præbet. Theol. vol. III, p. 308—310, Louan. 1839; Feier, Inst. Theol. Dogmat. VII, p. 41—47; Curs. Theolog. compl. VII, p. 1604 et seq; Lieberman Inst. Theolog. V, p. 406—413. Paris. 1839.

II. Останавливаясь мыслью на существенной части римскаго учения о чистилищѣ, находимъ въ ней и сходство съ учениемъ Православной Церкви о молитвахъ за умершихъ и несходство.

1) *Сходство* — въ основной мысли (идеѣ). Ибо какъ римская, такъ и православная церковь учить: а) что души нѣкоторыхъ умершихъ, именно умершихъ въ вѣрѣ и съ покаяніемъ, но не успѣвшихъ при жизни принести плодовъ достойныхъ покаянія, и слѣдовательно не успѣвшихъ заслужить отъ Бога полнаго прощенія своихъ грѣховъ и самымъ дѣломъ очиститься отъ нихъ, терпятъ мученія, пока не удостоится дѣйствительно такового прощенія и не очистятся; б) что въ этомъ случаѣ вспомошествуютъ душамъ умершихъ молитвы о нихъ живущихъ еще братьевъ о Христѣ, милостыми и особенно приношеніе безкровной жертвы.

2) *Несходство* — въ частности. Ибо: а) по учению православной церкви, души означенныхъ умершихъ терпятъ мученія потому, что отъ хотя покаялись предъ кончиною, но не успѣли принести плодовъ, достойныхъ покаянія, не успѣли заслужить отъ Бога полнаго прощенія грѣховъ, самымъ дѣломъ очиститься отъ нихъ и чрезъ то освободиться отъ естественныхъ слѣдствій грѣха — наказаній; а по учению римской церкви, души этихъ умершихъ терпятъ въ чистилищѣ муки собственно потому, что не терпѣли на землѣ временнаго наказанія за грѣхи для удовлетворенія правды Божіей, и терпятъ именно для того, чтобы удовлетворить ей; б) по учению православному, означенныя души очищаются отъ грѣховъ и заслуживаютъ отъ Бога помилованіе не сами собою и не чрезъ свои мученія, но по молитвамъ церкви, силою безкровной жертвы, и эти-то молитвы, не только помогаютъ страждущимъ, облегчаютъ ихъ участь, но и освобождаютъ ихъ отъ мученій («Прав. Испов.» ч. I. отв. на вопр. 64); а по учению римской церкви, души очищаются въ чистилищѣ и удовлетворяютъ правдѣ Божіей чрезъ сами свои страданія, въ чемъ бы ни состояли они, и молитвы церковныя только способствуютъ облегченію этихъ страданій (9).

3) Впрочемъ объ указанная разности въ римскомъ учении о чистилищѣ съ учениемъ православнымъ о молитвахъ за умершихъ, хотя касаются частныхъ, тѣмъ не менѣе важны и не могутъ быть приняты; потому-что объ несправедливы и низвращаютъ самую основную мысль догмата.

(9) На Флорентійскомъ Соборѣ это учение выражено такъ: «Si vere poenitentes in charitate Dei decesserint, antequam dignis poenitentiae fructibus de commissis satisfecerint et omissis: eorum animas poenis purgatorii post mortem purgari, et ut poenis huius modi releventur, prodesse eis fidelium suffragia, missarum scilicet sacrificia, orationes... (In definit. fidei).

б) Несправедлива та мысль, будто грѣшники покаившіеся должны еще принести нѣкоторое удовлетвореніе правдѣ Божіей за свои грѣхи, потерпѣвъ для сего какое-либо временное наказаніе, и будто непретерпѣвшіе такого наказанія здѣсь, должны потерпѣть его въ чистилищѣ для той же самой цѣли: полное и даже избыточествующее удовлетвореніе правдѣ Божіей за всѣхъ грѣшниковъ принесть однажды навсегда Христосъ-Спаситель, подъявшій на себя и всѣ грѣхи міра и всѣ казни за грѣхи. А грѣшники, чтобы получить отъ Бога совершенное прощеніе грѣховъ и избавиться отъ всякихъ наказаній за грѣхи, должны только усвоить себѣ заслуги Искушителя, т. е. увѣровать въ Него, истинно раскаяться въ грѣхахъ и принести плоды, достойные покаянія — добрыя дѣла. Слѣдовательно если нѣкоторые грѣшники, покаившіеся предъ своею кончиною, подвергаются по смерти мученіямъ, то потому единственно, что не успѣли еще вполне усвоить себѣ заслуги Спасителя, по слабости ли вѣры въ Него, или по недостаточности покаянія, а главное потому, что не принесли плодовъ, достойныхъ покаянія, и самымъ дѣломъ не очистились отъ грѣховъ, какъ и учить православная церковь.

б) Несправедлива и другая мысль, будто грѣшники очищаются въ чистилищѣ и удовлетворяютъ правдѣ Божіей чрезъ самыя свои мученія. Какъ бы ни понимали огонь чистилищныхъ мученій, въ смыслѣ ли буквального, или метафорическомъ, ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ нельзя приписывать ему такихъ дѣйствій. Если это огонь вещественный то онъ, по самой природѣ своей, неспособенъ очищать душу — существо простое отъ сквернъ духовныхъ. Если огонь метафорическій, т. е. внутреннія терзанія самой души, при постоянномъ сознаніи своихъ прежнихъ грѣховъ и глубокое сокрушеніе о нихъ: и все это не можетъ очищать душу въ жизни загробной, потому-что тамъ нѣтъ уже мѣста ни для покаянія, ни для заслугъ, ни для какого-либо личнаго самоисправленія, какъ вѣрують и римскіе католики. А пока человѣкъ остается во грѣхахъ неочищеннымъ и необновленнымъ, до-тѣхъ-поръ сколько бы ни терпѣлъ мученій, онъ не можетъ удовлетворить правдѣ Божіей одними стараніями своими и избавиться отъ этихъ неизбѣжныхъ слѣдствій грѣха. (Правосл. Испов. ч. I, отв. на вопр. 66).

в) Если души нѣкоторыхъ умершихъ терпятъ въ чистилищѣ мученія потому собственно, что необходимо самимъ грѣшникамъ покаившимся понести нѣкоторое временное наказаніе за грѣхи для удовлетворенія правдѣ Божіей, и если эти души чрезъ самыя свои мученія въ чистилищѣ дѣйствительно очищаются и удовлетворяютъ за себя Богу: то спрашивается, къ чему служатъ намъ молитвы и вообще всякое предстательство церкви? Находящіяся въ чистилищѣ, очевидно, должны мучиться дотолѣ, пока сами собою не принесутъ требуемаго отъ нихъ удовлетворенія и не очистятся чрезъ свои мученія; если же молитвы церкви только ослабляютъ и облегчаютъ эти мученія, то онѣ (молит-

вы) не только не сокращаютъ, напротивъ, еще продолжаютъ періодъ пребыванія душъ въ чистилищѣ, и слѣдовательно не столько полезны, сколько вредны. Не явно ли ниспровергается этимъ основная мысль о молитвѣ за умершихъ?

III. Обращая вниманіе на несущественную часть римскаго ученія о чистилищѣ, составляющую предметъ богословскихъ мнѣній, усматриваемъ въ ней еще болѣе разностей съ ученіемъ православной церкви о молитвахъ за умершихъ, хотя разностей, по внутреннему ихъ значенію, неважныхъ. Укажемъ здѣсь на двѣ, болѣе-замѣчательныя.

1) Православная церковь учитъ, что нѣтъ по смерти средняго разрада людей между спасаемыми, отходящими на небо, и погибающими, отходящими во адъ; нѣтъ средняго, особаго мѣста, гдѣ бы находились души покаившихся предъ кончиною, за которыхъ она молится, а всѣ онѣ отходятъ также во адъ, откуда только могутъ освободиться по ея молитвамъ («Правосл. Испов.» ч. I, отв. на вопр. 64; «Послан. вост. Патриарх.» о прав. вѣрѣ гл. XVIII). Наибольшая часть римскихъ учителей принимаютъ чистилище за особое, среднее мѣсто, и помѣщаютъ его то въ сосѣдствѣ ада во внутренности земли, то въ сосѣдствѣ неба, то на воздухѣ, хотя другіе признаютъ чистилище только за особое состояніе душъ, а не особое мѣсто, и замѣчаютъ, что души, находящіяся въ этомъ состояніи, могутъ нести свое временное наказаніе и очищаться въ томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ находятся и осужденные на вѣчныя муки (т. е. во адѣ), подобно тому, какъ въ одной темницѣ могутъ быть заключены люди двоякаго рода: и осужденные на заключеніе только до извѣстнаго времени, и осужденные навсегда ⁽¹⁰⁾.

2) Православная церковь рѣшительно отвергаетъ огонь чистилищный, огонь въ собственномъ смыслѣ, будто-бы очищающій души («Прав. Испов.» Ч. I. отв. на вопр. 66). Весьма многіе римскіе богословы принимаютъ этотъ огонь за дѣйствительный и вещественный (вѣрованіе, почти общепринятое въ самомъ народѣ римскаго исповѣданія), и потому въ доказательство своего ученія стараются избирать изъ Св. Писанія и изъ писаній древнихъ учителей церкви мѣста, въ которыхъ, повидимому, упоминается о такомъ огнѣ ⁽¹¹⁾. Другіе, напротивъ, понимаютъ чистилищный огонь въ смыслѣ не собственномъ, за мученія духовныя, и потому не приводятъ уже въ своихъ трактатахъ о чистилищѣ подобныхъ доказательствъ ни изъ Слова Божія, ни изъ писаній отеческихъ, присовокупляя, что сами древніе учителя имѣли объ этомъ огнѣ только *мыслия* и мнѣнія *различныя* ⁽¹²⁾, почему излишне было бы и опро-

⁽¹⁰⁾ Curs Theolog. complet. T. VII, p. 1607; Feier, Inst. Theol. Dogmat. VII, 42. Lieberman, Inst. Theolog. Compl. loc. citat.

⁽¹¹⁾ Curs Theolog. compl. loc. citat.

⁽¹²⁾ Pervone, Præl. Theolog. vol. III, p. 310—318. 325. 327; Klee, Manuel de l'hist. des dogm. T. II, p. 474. Par. 1848.

вергать означенныя доказательства. Третьи, наконецъ, вообще замѣчаютъ, что церковь ихъ не опредѣляла, въ чемъ состоитъ огонь чистилищный, вещественный ли онъ, или не вещественный, и потому понимать его такъ, или иначе — не относится къ вѣрѣ ⁽¹³⁾.

Не упоминаемъ о другихъ мнѣніяхъ касательно чистилища, каковы, напримѣръ: а) о томъ, долго ли находятся въ немъ души, и всѣ ли равное время; б) наказанія, какія онѣ тамъ испытываютъ, сильнѣе ли наказаній настоящей жизни и слабѣе ли адскихъ; в) молятся ли тамъ души за самихъ себя и за насъ, еще живущихъ; г) упражняются ли въ добрыхъ дѣлахъ, и подобное. Этимъ мнѣніямъ не приписываютъ почти никакой цѣны сами римскіе богословы, и занимаются ими весьма немногіе ⁽¹⁴⁾. (Т. V. стр. 181 — 187).

Другое, не менѣе драгоценное достоинство «Православно-догматическаго Богословія» состоитъ въ томъ, что въ немъ нѣтъ почти школьнаго духа и школьной сухости — обычныхъ принадлежностей ученыхъ системъ; что оно, напротивъ, исполнено жизни и занимательности, которыя такъ пріятно дѣйствуютъ на наше вниманіе. Священныя истины религіи, и сами въ себѣ заключающія высокій интересъ, въ разсматриваемой нами догматикѣ раскрываются съ такихъ сторонъ и съ такою непринужденностью, такъ ясно и общепонятно, и наконецъ облечены въ такую прекрасную форму, что, при всей своей возвышенности, увлекаютъ даже свѣтскаго читателя, доставляя ему, вмѣстѣ съ существеннѣйшею, духовною пищею, эстетическое наслажденіе. Все это показываетъ, что авторъ самъ имѣетъ ясный и раздѣльный взглядъ на излагаемые имъ предметы, и что въ составленіи его системы участвовалъ не одинъ холодный разумъ, а разумъ, одушевленный чувствомъ и убѣжденіемъ сердца. Многосторонняя ученость пр. Макарія, которой онъ не жалѣлъ при объясненіи откровенныхъ истинъ, особенно при защитѣ ихъ противъ лженнаго разума, еще болѣе придаетъ интереса прекрасному сочиненію архипастыря. Философъ, историкъ, естествоиспытатель, астрономъ — всѣ почти ученые въ системѣ его могутъ найти обильную для себя пищу. Для примѣра приведемъ мысли автора въ защиту сказанія Моисеева о твореніи, и въ защиту той истины, что весь родъ человѣчскій произошелъ отъ одной первоначальной четы. Извѣстно, что въ новѣйшее время одни изъ ученыхъ въ законахъ свѣтилъ небесныхъ и въ устройствѣ нашей планеты открыли мнимыя несообразности съ повѣствованіемъ связи бытописателя о шестидневномъ твореніи міра, несообразности, которыя будто бы рѣшительно подрываютъ божественное достоинство книги «Бытія»; а

⁽¹³⁾ Bellarmin, des purgat. lib. II. c. II.

⁽¹⁴⁾ Feier, Inst. Théolog. dogm. VII, p. 42—43; Curs. Théolog. compl. 171, p. 1068—1612.

другіе, основываясь на нѣкоторыхъ мѣстахъ Писанія и пораженные странною, почти нечеловѣческою наружностью дикихъ племенъ, по самому устройству тѣла болѣе походящихъ на животныхъ, нежели на разумныя существа (напр. см. въ путешествіи вокругъ свѣта Араго, описаніе обитателей мыса «Горнъ»), и изумительною скудостью въ этихъ племенахъ умственныхъ способностей, не хотѣя вѣрить, чтобъ эти племена имѣли одно съ нами происхожденіе и ту самую природу, которою одарены всѣ сыны Адама. Послушаемъ, какъ опровергаетъ преосвященный Макарій мнѣнія первыхъ и послѣднихъ.

«Возраженія, дѣлаемыя противъ Моисеева сказанія, говоритъ авторъ, суть слѣдующія: .

1) «Моисей говоритъ о сотвореніи свѣта въ день первый, а солнца въ день четвертый, тогда-какъ свѣтъ истекаетъ изъ солнца; слѣдовательно...» Но

а) Согласимся, что свѣтъ дѣйствительно есть матерія, протекшая изъ солнца и прочихъ свѣтилъ небесныхъ: почему же не могло быть, что Богъ сначала создалъ эту свѣтоносную матерію, а потомъ въ день четвертый сосредоточилъ ее навсегда въ опредѣленные вмѣстителища, т. е. небесныя свѣтила, подобно тому, какъ и вода создана была прежде своихъ вмѣстителей, и уже въ день третій отдѣлена была отъ суши, которую дотогѣ покрывала?

б) Въ новѣйшее время явилось другое мнѣніе, почти общепринятое учеными, что свѣтъ есть вовсе не истеченіе изъ солнца, а тончайшая жидкость, разлитая въ пространство, совершенно независимая отъ солнца и прочихъ свѣтилъ небесныхъ, которыя одарены только способностію приводить ее въ сотрясательное движеніе и чрезъ то дѣлать видимую. Если такъ, то излишне и спрашивать: могъ ли свѣтъ быть созданъ прежде свѣтилъ небесныхъ?

2. «Моисей говоритъ, что и растенія созданы прежде солнца, тогда-какъ безъ солнца они существовать не могутъ...» Но

а) Моисей говоритъ именно, что растенія созданы Богомъ, а не произошли по силамъ и законамъ природы. Слѣдовательно если и точно нынѣ растенія не могутъ существовать безъ свѣта солнечнаго: отсюда вовсе не слѣдуетъ, будто и въ началѣ они не могли явиться прежде солнца, по всемогущему слову Божію. Нынѣ, по законамъ природы, растенія зачинаются въ сѣмени и растутъ постепенно, а изъ сказанія Моисеева можно заключать, что вначалѣ Богъ создалъ ихъ прямо возросшими. (Быт. 1, 12).

б) Не должно забывать, что растенія созданы, по словамъ Моисея, прежде солнца, но не прежде свѣта, который существовалъ еще съ перваго дня. Слѣдовательно если и при самомъ созданіи растений требовался свѣтъ: онъ былъ.

3) «Моисей упоминаетъ о трехъ дняхъ, бывшихъ до сотворенія солнца, тогда какъ всякому извѣстно, что безъ солнца дней быть не мо-

жетъ». Нынѣ дѣйствительно безъ солнца день быть не можетъ, а тогда могъ. Для этого требовались только два условія: а) чтобы земля обращалась вокругъ собственной оси и б) чтобы свѣтоносная матерія, уже тогда существовавшая, приведена была въ сотрясательное движеніе. Но нельзя отвергать ни того, что земля начала вращаться вокругъ собственной оси еще съ перваго дня творенія, ни того, что Творецъ могъ въ три первые дня приводить непосредственною своею силою свѣтоносную матерію въ сотрясательное движеніе, какъ теперь, начиная съ четвертаго дня, приводить ее въ движеніе свѣтила небесныя, получившія къ тому способность отъ Бога (15).

4) «Повѣствуя о сотвореніи свѣтилъ небесныхъ, Моисей, говорятъ, допускаетъ двоякую погрѣшность: а) выражаетъ мысль, будто солнце, луна и звѣзды созданы собственно для земли, чтобъ освѣщать ее и служить ей въ знаменія и во времена; б) называетъ солнце и луну свѣтилами великими, тогда—какъ луна не только несравненно меньше солнца и звѣздъ, но и земли». Погрѣшности въ словахъ бытописателя нѣтъ никакой.

а) Онъ не говоритъ, чтобъ солнце, луна и звѣзды были созданы только для земли; и если упоминаетъ объ одномъ частномъ ихъ назначеніи по отношенію къ землѣ, умалчивая о другихъ цѣляхъ, то это потому, какъ мы ужъ замѣчали, что, предположивъ главнымъ образомъ описать происхожденіе земли, онъ касается другихъ тѣлъ небесныхъ только въ той мѣрѣ, какъ они относятся къ нашей планетѣ.

б) Равнымъ образомъ называетъ солнце и луну свѣтилами великими не по ихъ относительной величинѣ, а потому, какъ они кажутся съ земли; впрочемъ, и въ этомъ отношеніи называетъ луну свѣтиломъ великимъ только сравнительно съ звѣздами во время ночи, а сравнительно съ солнцемъ, называетъ свѣтиломъ *меньшимъ*.

5) «Моисей говоритъ, что міръ и въ частности наша планета, получили бытіе и полное образованіе въ продолженіе шести дней. Но наука, занимающаяся изученіемъ устройства земли (геологія), находитъ какъ на поверхности, такъ особенно во внутренности ея много такого, что могло получить образованіе только въ продолженіе столѣтій, или даже тысячелѣтій, а не шести дней». Не входя въ подробности этого возраженія, ограничимся замѣчаніями общими:

(15) Нельзя не припомнить при этомъ и словъ св. Василія—Великаго собственно о днѣ первомъ: «Моисей какъ—бы такъ сказалъ: мѣра двадцати—четырехъ часовъ есть продолженіе одного дня, или возвращеніе неба отъ одного знака къ тому же опять знаку совершается въ одинъ день. Почему всякій разъ, какъ отъ солнечнаго обращенія наступаютъ въ міръ вечеръ и утро, періодъ сей совершается не въ большее время, но въ продолженіе одного дня». (Бесѣд. на шестод. II въ Твор. Св. Отц. V, 37—38).

а) Моисей, какъ было сказано уже, пишетъ, что миръ и земля получили бытіе и образованіе въ продолженіе шести дней, не по силамъ и законамъ, нынѣ дѣйствующимъ въ природѣ, а по непосредственному Слову Божию. Но Всемогущій, безъ всякаго сомнѣнія, могъ въ самое короткое время, или даже мгновенно произвести то, что по силамъ и законамъ природы образовалось бы только въ теченіе столѣтій, или даже тысячелѣтій. Эти силы и законы начали дѣйствовать въ природѣ только съ-тѣх-поръ, какъ сама она вмѣстѣ съ бытіемъ получила полное образованіе отъ Бога — и распространять дѣйствіе ихъ на предшествовавшее время, подчинять имъ всемогущество самого Творца при первоначальномъ устройствѣ неба и земли несправедливо.

б) Упомянутая наука, занимающаяся изученіемъ устройства нашей планеты, имѣетъ весьма мало данныхъ для того, чтобы на основаніи ихъ могла сказать что-либо достовѣрное и неопровержимое касательно первоначальнаго образованія земли; а потому ограничивается только гаданіями, предположеніями, построеньемъ разныхъ теорій и системъ, которыя почти также быстро забываются, какъ быстро возникаютъ. Существовали цѣлыя десятки подобныхъ системъ, которыя нынѣ признаются ложными⁽¹⁶⁾, и истинная геологическая система, по сознанію болѣе безпристрастныхъ представителей этой науки (Кьюве), даже невозможна. Справедливо ли же показанія такой науки противопоставлять повѣствованію свящ. бытописателя и повѣрять первыми послѣднее?

в) Впрочемъ, и не отрицая достоинства этой науки, защитники Откровенія представили нѣсколько способовъ примирять съ показаніями ея повѣствованіе Моисеево, и способовъ болѣе или менѣе удовлетворительныхъ по суду безпристрастныхъ цѣнителей⁽¹⁷⁾.

г) Изъ числа самихъ геологовъ многіе, притомъ весьма ученые⁽¹⁸⁾, свидѣтельствуютъ, что сказаніе Моисеево о шестидневномъ твореніи

⁽¹⁶⁾ Изъ нихъ болѣе восьмидесяти казались противорѣчащими космогоніи моисеевой. Vid. apud Fraissinous-Défense du Christian, ou conférences sur la religion, tom. II, confér. VI; Cuvier: Rapport. de l'institut national; — Théorie de la surface actuelle de la terre par M. André, Paris 1806; Annales de la philosophie Chrétienne, 1831, № 9, 195: analyse des differents systèmes géologiques.

⁽¹⁷⁾ Пять изъ этихъ способовъ, или системъ примиренія, подробно рассмотрѣны и оцѣнены въ третьемъ томѣ — Sacrae Script. Cours. Complet., ed. Paris. 1842, въ статьѣ: Annotations géologiques a la Genèse, p. 1583 sqq. Еще одинъ способъ обстоятельно изложенъ въ книгѣ: Les livres saints vengés par Glair, T. I, p. 2 — 98, Paris 1845.

⁽¹⁸⁾ Таковы, напр., De Luc, Lettres sur l'hist. phys. de la terre, Paris 1798, André, Théorie de la surf. act. de la terre, Paris 1806; Buce-land, De la Géologie et de la Minéralogie dans leurs rapports avec la Théologie naturelle, Paris 1838.

совершенно согласно съ наиболее достовѣрными положеніями ихъ науки, хотя одни изъ этихъ ученыхъ принимаютъ дни творенія за дни обыкновенные, а другіе — за цѣлые періоды.

а) По мѣрѣ успѣховъ геологій, многое, что прежде считали противорѣчащимъ повѣствованію Моисея, нынѣ оказывается ложнымъ и потому нестоющимъ никакого вниманія⁽¹⁹⁾. А отсюда можно заключать, что, при дальнѣйшихъ успѣхахъ этой науки, и всѣ остальные, замѣствуемые изъ нея возраженія противъ Моисеева сказанія разсытятся сами собою (Т. II., стр. 98—102).

Не менѣе интересны отвѣты автора на возраженія тѣхъ, которые не хотятъ вѣрить въ происхожденіе всѣхъ племенъ земныхъ отъ одного корня. «Эта истина (говорить пр. Макарій) имѣетъ двоякаго рода враговъ: вонервыхъ, тѣхъ, которые утверждаютъ, будто и прежде Адама существовали на землѣ люди (преадамиты), и слѣдовательно Адамъ не есть праотець человѣческаго рода; воторыхъ, тѣхъ, которые допускаютъ, что вмѣстѣ съ Адамомъ было нѣсколько родоначальниковъ человѣческаго рода (коадамитовъ), и слѣдовательно люди происходятъ не отъ одного корня⁽²⁰⁾. А потому, для обстоятельнаго раскрытія этой истины, обратимъ вниманіе не только на положительныя ея доказательства, но и на мнѣнія, ей противоположныя». Вслѣдъ за этимъ, пр. М., доказываетъ происхожденіе всего рода человѣческаго отъ одной первозданной четы свидѣтельствами Св. Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта, общимъ вѣрованіемъ вселенской церкви и преданіями всѣхъ народовъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ, и наконецъ ужъ переходитъ къ рѣшенію возраженій.

Допускающіе существованіе преадамитовъ (продолжаетъ авторъ), и слѣд. непризнающіе Адама праотцемъ человѣческаго рода, представляютъ слѣдующія доказательства въ подтвержденіе своего мнѣнія:

а) Самъ Моисей въ первой главѣ книги Бытія иначе изображаетъ происхожденіе первозданной четы человѣческой, нежели потомъ во второй — происхожденіе Адама и Евы: въ первой главѣ онъ повѣствуетъ, что мужъ и жена созданы вмѣстѣ, и созданы по образу Божію; а во второй пишетъ, что сначала созданъ былъ одинъ Адамъ изъ земли, и ужъ чрезъ нѣсколько времени создана изъ ребра его Ева, не приписывая имъ образа Божія». Но Моисей говоритъ не о двухъ твореніяхъ, а объ одномъ и томъ же; только въ первой главѣ говоритъ вообще,

⁽¹⁹⁾ Ami Boué, Guide du géologue voyageur, tom. II, p. 224, Paris, 1836.

⁽²⁰⁾ Первой мысли держались нѣкоторые вольнодумцы еще съ первыхъ временъ христіанства; напримѣръ, *Юлианъ-Отступникъ* (Opp. eius pag. 181, edit. a Spanhemio); но во всей подробности раскрылъ ее въ XVII вѣкѣ *Исаакъ Пейрерій* въ сочиненіи: *Præadamitæ*, изд. въ 1655 г., а послѣднюю старались доказывать нѣкоторые естествоиспытатели въ прошломъ и отчасти въ нынѣшнемъ столѣтіи.

что Богъ сотворилъ челоуѣка по образу Своему, мужа и жену *со-творивъ ихъ*, отнюдь не опредѣляя, вѣстѣ ли, или не вѣстѣ; а во второй подробно рассказываетъ, какъ именно создалъ Богъ мужа и какъ жену. Для совершенной же очевидности того, что въ первой главѣ говорится о сотвореніи Адама и Евы, а не кого-либо другаго, довольно снести съ этимъ сказаніемъ первыя слова пятой главы «Бытія».

б) О Каинѣ и Авелѣ говорится, что первый *бѣ дѣляяи землю*, а послѣдній *бысть пастырь овецъ* (Быт. 4, 2). Но для того, чтобъ воздѣлывать землю, нужны разныя орудія, которыя, значить, были ужъ тогда изобрѣтены — кѣмъ же, если не людьми, жившими прежде? И оберегать стада свои Авель могъ только отъ воровъ: отъ какихъ же, если, кромѣ отца его, матери и брата, не было тогда другихъ людей, преадамитовъ? Изобрѣсть земледѣльческія орудія могъ самъ Адамъ, или даже Каинъ, тѣмъ болѣе, что, для воздѣлыванія дѣвственной еще почвы земли, особенно на Востокѣ, въ то время и не требовалось такихъ искусственныхъ и сложныхъ орудій, какія употребляются нынѣ. А цѣль пасенія не въ томъ только состоитъ, чтобъ оберегать ихъ отъ людей—хищниковъ, но и въ томъ, чтобъ перегонять овецъ съ однихъ пастбищъ на другія — лучшія, чтобъ наблюдать, какъ бы та или другая овца не заблудилась, чтобъ защищать ихъ отъ хищныхъ звѣрей и под.

в) «Послѣдующая исторія Авеля и Каина представляетъ нѣсколько случаевъ умозаключать, что тогда существовало ужъ очень—довольно другихъ людей, кромѣ Адама и Евы съ двумя ихъ сыновьями. Такъ, рѣшившись умертвить брата своего, Каинъ говоритъ ему: *пойдемъ на поле* (Быт. 4, 8). Здѣсь слово: *поле*, очевидно противопоставляется селу, или вообще мѣсту, населенному людьми. Совершивши братоубійство, Каинъ, между прочимъ, произноситъ: *и будетъ всякъ, обрѣтаяи мя, убіетъ мя* (—14). *Кого же онъ боялся*: отца или матери? И самъ Богъ полагаетъ на Каинѣ знаменіе: *еже не убити его всякому, обрѣтающему его* (—15). Затѣмъ Каинъ удаляется въ землю Найдъ, поемлетъ себѣ жену и создаетъ градъ (—16, 17): гдѣ жъ онъ обрѣлъ себѣ жену и кѣмъ населилъ градъ?» Изъ всѣхъ указанныхъ случаевъ дѣйствительно слѣдуетъ, что тогда существовало ужъ не мало людей на землѣ; но не слѣдуетъ, чтобъ это были преадамиты, а не потомки Адама. Каинъ совершилъ братоубійство спустя около 129, или, по хронологіи LXX-ти, около 229 лѣтъ (Снес. Быт. 4, 25, 5, 3) со времени происхожденія Адама и Евы; а въ такой періодъ они могли ужъ имѣть у себя не только многихъ сыновъ и дочерей, но и многихъ внуковъ. Изъ того, что Моисей не упоминаетъ объ этихъ потомкахъ Адама, несправедливо заключать, будто ихъ не было, когда извѣстно, что Моисей вообще весьма кратко и мало говоритъ о временахъ первоначальныхъ, допотопныхъ. Если такъ, то аа) и во дни Каина, когда онъ совершилъ братоубійство, могли уже быть мѣста, населенныя людьми, или, по-крайней-мѣрѣ, одно такое мѣсто; бб) было

кого бояться Канну: онъ могъ страшиться мести за кровь брата своего и отъ своихъ братьевъ и отъ ихъ потомковъ; вв) было, изъ кого найти Канну для себя супругу, и кѣмъ населить свой городъ, который, безъ сомнѣнн, не былъ похожъ на города нынѣшнн, а состоялъ изъ нѣсколькихъ палатокъ, или другихъ подобныхъ зданн, огражденных стѣною, или валомъ.

г) «Со времени происхожденн Адама протекло около мести, или, по хронологн LXX-ти, около семи тысячъ лѣтъ съ небольшимъ. Между тѣмъ, еще древнн Египтяне насчитывали цѣлыя десятки тысячъ лѣтъ своего политическаго существованн, а Индйцы и Китайцы насчитываютъ даже цѣлыя миллiоны. Кромѣ того, Халдеи еще во дни Александра Македонскаго имѣли у себя астрономическн наблюдени, восходившн за 472,000 лѣтъ, а Индйцы и Китайцы имѣютъ астрономическн наблюдени, обнимающн миллiоны лѣтъ». (21) Но, по новѣйшимъ изысканнмъ, всѣ эти числа оказались ложными и нестоющн никакого довѣрн. II аа) десятки тысячъ лѣтъ, которыми хвалились Египтяне и Халдеи, справедливо отвергали еще древнн писатели, видя въ этомъ одно суетное самохвальство и баснословн: (22) бб) миллiоны лѣтъ исторн индйской и китайской также баснословны самая древняя историческая эпоха политическаго образованн Индн относится ко временамъ Авраама; а достовѣрная исторн Китая восходитъ не даѣе, какъ за двѣ тысячи съ небольшимъ лѣтъ до Р. Хр. (23) вв) астрономическн наблюдени Халдеевъ и Египтянъ восходятъ едва за восемьсотъ лѣтъ до Р. Хр.; а таблицы астрономическн Китайцевъ и Индйцевъ еще новѣ. (24) Вообще всѣ тѣ историческн памятники, которымъ прежде нѣкоторые приписывали изумительную древность, нынѣ оказываются совсѣмъ не такъ древними и относятся ко временамъ послѣпотопнымъ. (25)

(21) Herodot. lib. II, pag. 55—64, ed. Stephani 1366; Diodor. Sicul. Biblioth. lib. II, pag. 118. Honov. 1604; Bailly—Traité de l'astronomie indienne et orientale, pag. 110, 129 et suiv. Paris 1787.

(22) Cicero de divin. I I. § 19; Diogen. Laërt. lib. IX. Segm. 35.

(23) VIII. Iones. De la chronologie des Hindous (Recherches sur l'Asie, tom. II); Abel. Remusat, Nouveaux mélanges asiatiques, tome 1, pag. 61. Paris 1829. О. Иамноа «Статистическое описанн Китайской Имперн» ч. I, стр. 159, 161. Спб. 1842. По свидѣтельству послѣдннго, преданн Китайцевъ о милiонахъ лѣтъ ихъ протекшей жизни, какъ ненаблюдающн основанн и притомъ наполненны нелѣпостями, самими китайскимн историками безусловно отвергнуты.

(24) La Place, «Exposition du système du monde», liv. V. chap. 1. pag. 291. 294; Klaproth. «Mémoires relatifs à l'Asie», pag. 397. Paris. 1824.

(25) Обстоятельнѣе см. у Глера: «Les livres saints vengés», tom. I, pag. 127—239, Paris. 1845. Здѣсь авторъ предварительно говоритъ о лѣто-

3) Тѣ, которые утверждаютъ, что люди происходятъ не отъ одного корня, а имѣютъ нѣсколькихъ прародителей, замѣствуютъ свои доказательства:

а) Изъ фзіологіи, или науки, изучающей свойства человѣческаго тѣла, и указываютъ преимущественно на рѣзкое различіе людей, по цвѣту кожи, напримѣръ, у Европейца бѣлый, а у Негра совершенно черный, и на столько же рѣзкое различіе по устройству лицеваго угла, простирающагося у нѣкоторыхъ до 85 градусовъ, а у другихъ нисходящаго до 60. Но для изъясненія какъ этихъ, такъ и всѣхъ другихъ разностей, замѣчаемыхъ между племенами человѣческими, вовсе нѣтъ нужды предполагать разность ихъ происхожденія: по свидѣтельству лучшихъ изслѣдователей природы, разности эти происходятъ отъ причинъ случайныхъ, каковы: различіе въ климатахъ и особенно разныя степени температуры, испаренія лѣсовъ и болотъ, возвышеніе почвы надъ уровнемъ моря, число, высота и расположеніе горъ, движеніе вѣтровъ, также различіе въ пищѣ, питіи, образѣ жизни и родѣ занятій, болѣзни родителей, переходящія въ отдаленнѣйшее потомство, смѣшеніе племенъ и подобное. Въ частности, различія въ цвѣтѣ кожи зависятъ главнымъ образомъ отъ различія въ климатахъ и преимущественно въ температурѣ. Такъ, одни и тѣ же Евреи, разбѣянные по разнымъ странамъ свѣта, представляютъ на себѣ всѣ цвѣта, отъ самаго бѣлаго, какой многіе изъ нихъ имѣютъ въ Россіи, Польшѣ, Англіи и Германіи, до самаго чернаго, какой имѣютъ они въ Индостанѣ. Различіе лицевыхъ угловъ зависятъ отъ различнаго развитія умственныхъ способностей у разныхъ поколѣній человѣческихъ: по мѣрѣ того, какъ развиваются и возвышаются мыслительныя способности въ челоѣкѣ и народѣ, онѣ дѣйствуютъ на развитіе мозга, который есть непосредственный органъ мысли; а развитіе мозга оказываетъ вліяніе на различное образованіе череповъ и бываетъ различіе въ лицевыхъ углахъ. Это подтверждается многочисленными опытами надъ неграми, у которыхъ умственныя способности умышлены и лицевой уголъ имѣетъ наименьшее число градусовъ. Когда нѣкоторые изъ этихъ дикарей принимаются въ образованное общество и начинаютъ, при содѣйствіи другихъ, мало по малу пользоваться своими познавательными способностями, раскрывать ихъ и усовершенствовать: вслѣдъ за тѣмъ измѣняется мало по малу и образованіе ихъ головы, увеличивается ихъ лицевой уголъ. Если это мало еще бываетъ замѣтно на нихъ самихъ, то на ихъ дѣтяхъ, внукахъ и правну-

внусахъ халдеевъ, египтянъ, индійцевъ и китайцевъ и о состояніи астрономіи у этихъ народовъ; затѣмъ разсматриваетъ по порядку самыя глѣтосныя и астрономическія свѣдѣнія и памятники каждаго изъ этихъ народовъ; наконецъ рѣшаетъ возраженія противъ защищаемой имъ истины, замѣствуемія изъ естественной исторіи.

какъ становится уже совершенно очевиднымъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ и на островахъ Антильскихъ подобныя примѣры случаются весьма часто. Кроме того, извѣстно, что многіе дикари въ Америкѣ, жители острова Суматры и другихъ восточно-индійскихъ острововъ, Коранбы, антильскіе негры и другіе издавна имѣли обыкновеніе давать черепу дѣтей своихъ произвольную, любимую форму, искажая голову младенца еще въ самой колыбели разными искусственными средствами. ⁽²⁶⁾

б) Изъ лингвистики, науки, занимающейся сравнительнымъ изученіемъ языковъ. «Быть не можетъ, говорятъ, чтобы такая многочисленность и такое различіе языковъ и нарѣчій, извѣстныхъ намъ по исторіи и статистикѣ, могли образоваться изъ языка одного человѣка, одного праотца человеческого рода». Но нынѣ самыя лучшіе лингвисты, послѣ долговременныхъ трудовъ, дошли до убѣжденія, что всѣ языки и всѣ нарѣчія человѣческія относятся къ тремъ главнымъ классамъ: индоевропейскому, семитическому и малайскому, и восходятъ къ одному корню, который одни находятъ въ языкѣ еврейскомъ, а другіе не опредѣляютъ. ⁽²⁷⁾ А какъ могли вначалѣ произойти разныя нарѣчія между людьми, происходящими отъ одного прародителя, это объясняетъ свящ. бытописатель своимъ повѣствованіемъ о чудесномъ смѣшеніи языковъ (Быт. II, 1—10).

в) Изъ географіи. «Извѣстно, говорятъ, что Америка совершенно отдѣлена отъ Стараго Свѣта морями, и до XV вѣка оставалась неизвѣстною обитателямъ этого свѣта. Между тѣмъ, когда въ XV вѣкѣ она была открыта Колумбомъ, то найдена довольно населенною. Откуда жъ происходятъ коренные Американцы, если они не имѣли у себя обоего родоначальника, одного или многихъ?» Но нынѣ не подлежитъ болѣе сомнѣнію, что о существованіи Америки знали и древніе, какъ видно изъ свидѣтельствъ Платона, Діодора Сицилійскаго, Плутарха, Юсіа Флавія, Виргилія, Плинія, Сенеки, Св. Климента Римскаго и другихъ. ⁽²⁸⁾ Доказано также, что за много вѣковъ до Колумба, Америку не только знали, но и посѣщали Финикіяне, Египтяне, Картаге-

⁽²⁶⁾ Blumenbach, «Manuel d'hist. naturelle, trad. de l'allemand», tom. 1, p. 77—80, Metz. 1803; Prichard, «Histoire naturelle de l'homme et des différentes races humaines», t. I, p. 139, 176. Paris 1843. Wiseman, «Discours sur les rapports entre la science et la religion révélée», p. 96—141; Paris, 1843.

⁽²⁷⁾ Viseman. Op. cit. p. 1—96.

⁽²⁸⁾ См. платоновъ разговоръ: *Тимей и Критіасъ*; Diodor. Sicul. lib. III, стр. 53. lib. V, стр. 19—20. Plutarch. lib. de facie in orbe lunæ, Joseph. Flak. de bello ind. II стр. 16; Virgil. Aeneid. VI, 796; Plin. lib. II, стр. 67; Senec. in Senec. in Medea; Horat. Odar. lib. I, vers. 21 seqq; Tibull. lib. IV, carm. I, v. 147 seqq; Opera S. Patrum, bui tempor. apostol. floruerunt, ed. Coteler. 1700, vol. I. p. 158.

ние, Китайцы, Татары, Камчадалы, Коряки, Калмыки, Скандинавы, и нередко основывали въ ней свои колоніи. Обозначаютъ даже самыя пути, по которымъ весьма легко могли сообщаться съ Америкю жители Старога Свѣта, указывая то на узкіе проливы, каковы: Куковъ, Беринговъ, еще и нынѣ запросто переходимый и переплываемый Чукчи, когда они вступаютъ въ войну (а это бываетъ почти ежегодно) съ жителями восточныхъ береговъ Америки, то — на цѣль острововъ, которая простирается непрерывно отъ Камчатки до полуострова Аляски въ Северо-западной Америкѣ и т. п. Нагляднымъ же доказательствомъ того, что жители Америки не суть аборигены, а переселились въ нее изъ Старога Свѣта, служатъ доселѣ сохранившіеся между ними многіе вѣрованія и обычая народовъ Азіи и Европы, напримѣръ: преданіе о всемірномъ потопѣ, о спасеніи, во время его, одного только семейства, обрѣзаніе младенцевъ, соблюденіе субботы, празднованіе юбилея въ каждый пятидесятый годъ, также храмы и башни вавилонской архитектуры, знаки татарскаго зодіака, фizioноміи Калмыковъ, норманскія руны, нарѣчія Коряковъ и т. под. (29)

«Къ чести новѣйшей науки должно вообще замѣтить, что нынѣ и она, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, (30) охотно признаетъ единство происхожденія всего человѣческаго рода (Г. II. стр. 109—119)».

Неправда ли, что подобное сочиненіе можно читать безъ скуки и свѣтскому человѣку? что оно можетъ пріятно занять вниманіе не только ученаго, но и всякаго, кто имѣетъ какое-нибудь сочувствіе къ истинѣ и наукѣ? Нельзя, особенно здѣсь, не принесть автору благодарности за то, что онъ въ необходимыхъ случаяхъ принимаетъ на себя всѣ орудія науки, дѣйствуетъ ими во имя религіи вѣрно и рѣшительно, и такимъ образомъ заставляетъ нередко самыхъ упорныхъ противниковъ вѣры признать ея божественное достоинство и собственную близорукость. Въ нашъ вѣкъ, когда успѣхи разума достигли столь значительной степени совершенства, въ нашъ вѣкъ многосторонняя ученость въ богословіи есть одно изъ важнѣйшихъ средствъ противъ враговъ церкви, вооруженныхъ всѣми пособіями наукъ, и «немошь»

(29) См. Dekker's Geschichte der Schiffahrt im Atlantischen Ocean, Bamberg 1814; Antiquités Mexicaines, Paris 1834, въ особенности II часть: «Recherches sur les popul. primitives de l'Amérique»; Humboldt, «Vues des Cordillères», tom. I, pag. 233—240; Крашенинниковъ «Истор. Камчатк.» ч. I, гл. 21 и ч. II, гл. 10, Maltebrune, «Précis de la géographie universelle», tom V, p. 107, 152, ed. 1821; Antiquitates Americanæ, Naumæ. 1837.

(30) Каковы *Ляседеъ* («vue générale des progrès de plusieurs branches des sciences naturelles, depuis la mort de Buffon», Paris 1822; p. 84), *Причардъ* (См. выше примѣч.) и *Гумбольдтъ* (см. его *Космосъ*, перев. на русскій языкъ Н. Фроловымъ. Сиб. 1848).

последнихъ (повторимъ слова вселенскаго учителя) «обращать въ твердость» христіанскаго «ученія» есть священный долгъ богослова.

Обращаемся наконецъ къ третьему, самому главному и самому существенному достоинству сочиненія. Разумѣемъ внутренній, чисто-православный его характеръ, проникнутый духомъ ученія Каваалической Апостольской Церкви. Чтобы вполне видѣть этотъ характеръ, надобно, разумѣется, прочесть всю систему; но можно судить о немъ и по тѣмъ общимъ и основнымъ истинамъ, или по тѣмъ началамъ, изложеннымъ во Введеніи, которыя показываютъ взглядъ автора на богословіе и сообщаютъ послѣдному нѣкоторымъ образомъ характеръ и направленіе. Вотъ эти истины, избранныя пр. Макаріемъ краеугольнымъ камнемъ для всего обширнаго зданія его догматики:

«1) Единственный источникъ (говоритъ авторъ) для православнаго догматическаго богословія есть божественное Откровеніе, т. е. *Св. Писаніе и св. преданіе*.

2) Непреложнымъ основаніемъ для этого богословія должно признать *Никоео-цариградскій символъ*, замѣнившій собою всѣ другіе символы и принятый вселенскою церковью за неизмѣнный образецъ Вѣры на всѣ вѣки, а вмѣстѣ съ этимъ символомъ, какъ дополненіе къ нему, и всѣ другія *вроопредѣленія св. вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и св. отецъ*, поименованныхъ Соборомъ Трульскимъ, также символы: *Св. Григорія Чудотворца* и извѣстный подъ именемъ *Св. Аванасія Александрійскаго*, принятые и уважаемые всею Церковью.

3) Постояннымъ руководствомъ при подробнѣйшемъ изложеніи догматовъ въ православномъ догматическомъ богословіи должно признать 1) *Православное исповѣданіе Каваалической и Апостольской Церкви восточной*; 2) *Посланіе восточныхъ патріарховъ о Православной Вѣрѣ* и 3) *Пространный христіанскій катихизисъ Каваалической Восточной Церкви* первое и послѣдній собственно въ тѣхъ частяхъ своихъ, въ которыхъ содержится изъясненіе на символъ вѣры (т. I, стр. 25, 26).

Простекая изъ столь чистаго источника, утвержденное на такомъ незыблемомъ основаніи и составленное подъ руководствомъ образцовъ, одобренныхъ самою церковью, сочиненіе, по всему этому не можетъ не заключать въ себѣ по-крайней-мѣрѣ главныхъ условій, необходимыхъ для православной догматики. Но умъ человѣческій, который съ такимъ трудомъ покоряется въ послушаніе вѣры (говоримъ вообще) и такъ склоненъ къ злоупотребленіямъ, особенно въ дѣлѣ религіи, при всемъ уваженіи своемъ къ божественности этого источника, къ непреложности этого основанія и непогрѣшимости самаго руководства, легко можетъ измѣнять характеру православія, конечно, не въ догматахъ, но въ нѣкоторыхъ частнѣйшихъ, повидимому, безразличныхъ мысляхъ, отгнѣкахъ мыслей, въ словахъ и выраженіяхъ, можетъ, по своей обычной пыт-

любопытности, проникать въ неистощимыя для него тайны, доступныя для одной только вѣры, и обходиться съ ними безъ должнаго благоговѣнн, подвергать ихъ критическому взгляду, анализировать своими діалектическими тонкостями и т. н. Все это тѣмъ возможно въ системѣ, чѣмъ она полнѣе и обширнѣе, чѣмъ авторъ ея владѣетъ въ большемъ знакомствѣ ученостью и многосторонними свѣдѣннми. Ничего подобнаго нельзя сказать о богословн преосвященнаго Макарія. Это читатель вполне увидитъ (даже смотря на автора отвлеченно, просто какъ на автора) изъ тѣхъ правилъ, внушенныхъ ему собственною духовною опытностью и цѣлымъ сонномъ древннхъ учителей церкви, которыми онъ оградилъ себя, приступая къ своему обширному труду, и которыя какъ нельзя болѣе показываютъ характеръ и направление всего сочиненн. Правила эти слѣдующія :

а) Надобно (говоритъ преосвященный Макарій) въ области православной догматики употреблять разумъ не иначе, какъ по примѣру древннхъ св. отцовъ, а не какъ хотять новѣйшіе поборники разума (ratio) рационалисты, то-есть, должно постоянно удерживать его въ послушанн вѣрѣ (2 Кор. 10, 5) ⁽³¹⁾, которая есть и основанн ⁽³²⁾, и источникъ ⁽³³⁾, и необходимое условн (Ис. 7, 2) ⁽³⁴⁾, и истинный судн (κρητήριον) всякаго богословскаго знанн ⁽³⁵⁾, наблюдать, чтобъ разумъ обходился съ откровенными истинами съ должнымъ благоговѣ-

⁽³¹⁾ Отношенн между разумомъ и вѣрою, какое должно существовать въ этомъ случаѣ, древнне учителя церкви старались объяснить подобнмъ. «Вѣра (говорилъ онн) должна быть госпожею, подобно Саррѣ въ домѣ Авраама—а разумъ, или философія, рабою, подобно Агари (Clem. Alex. Strom. I, pag. 284—285; Hieron, epist. 146 ad Magn).

⁽³²⁾ Πιστεύσαι δὲ θεμελίον γνώσεων. Clem. Alex. Strom. lib. VII, стр. 10. См. также Iren. adv. haer., ed. Massuet., lib. I, с. 1—10. lib. II, с. 28. Athana. epist. I ad Serapion. с. 20.

⁽³³⁾ Св. Златоустъ говоритъ: διὰ πίστεων ἢ γνώσιν καὶ πίστεων ἄνευ δικῆ ἐστὶ γνώσιν (Chrysost. hom. XI. in Epist. ad Phillip.); πίστεων ἔργον ἢ κατανόησιν (—hom. XXI in Hebr. n. I); св. Кириллѣ Александрійскн: μετὰ τὴν πίστιν ἢ γνώσιν καὶ οὐ πρὸ τῆς πίστεων. (Catech. in cap. 6 Ioann). См. также св. Кириллѣ Иерусалимскаго—Catech. v. 2, и св. Феофилакта Болгарскаго—in cap. ad Titum.

⁽³⁴⁾ Rationabiliter dictum est per prophetam: nisi credideritis, non intelligetis. (Is. 7, 9). Ubi procul dubio discrevit haec duo deditque consilium, quo prius credamus, ut id, quod credimus, intelligere valeamus. Proinde ut fides praecedat rationem, rationabiliter visum est. Augustin. Epist. CXX ad Consentium. Тоже у Климентѣ Александрійскаго—Strom. lib. II, с. 4, и у св. Василія Великаго—homil. in Palm. CXV.

⁽³⁵⁾ Κυριώτερον οὖν τῆς ἐπιστήμης ἢ πίστεως, καὶ ἐστὶν ἀντὶς κρητήριον. Clem. Alex. Strom. lib. II, с. 4.

вѣемъ ⁽³⁶⁾ и не смѣлся постигать и объяснять то, что превыше силъ его ⁽³⁷⁾, не дерзалъ *мудрствовать паче, еже подобаетъ мудрствовати* (Рим. 12, 3), но отнюдь не признавать разума судією вѣры, который будто бы имѣеть право подвергать сверхъестественные догматы своему критическому взору, произносить о достоинствахъ ихъ свой приговоръ, и потому истолковывать ихъ такъ, или иначе: это было бы ужь не употребленіе, а злоупотребленіе разума въ области откровеннаго богословія, злоупотребленіе, которое столько противно самому существу христіанскаго Откровенія, божественнаго и сверхъестественнаго, противно намѣренію Христа—Спасителя и Апостоловъ, требовавшихъ отъ людей преимущественно вѣры (Марк. 16, 16; Римл. 14, 23; Евр. 11, 6 и др.), злоупотребленіе, противъ котораго такъ возставали всѣ древніе учителя церкви ⁽³⁸⁾; б) слѣдовать при этомъ не какой либо частной системѣ философіи и ученію исключительно, а вообще здравому разуму и, по совѣту отцевъ, пользоваться всѣмъ, что только можно находить полезнаго для вѣры во всѣхъ знаніяхъ человѣческихъ, подобно пчелѣ, которая, садясь на каждый цвѣтъ, умѣеть извлекать изъ него одно то, что для ней годно ⁽³⁹⁾; в) всѣ такіа, даже законныя соображенія разума въ области догматическаго богословія, будутъ ли они принадлежать лично намъ, или будутъ заимствованы нами изъ писаній св. отцевъ, отнюдь не ставить наравнѣ съ самыми догматами, не сравнивать доказательствами или поясненіями догматовъ, заимствуемыми изъ Св. Писанія и св. преданія, не считать даже за дѣйствительныя доказатель-

⁽³⁶⁾ Πανταλοῦ μὲν αλαβροῦς διανοίας δεῖ, μάλιστα δὲ ὅταν περὶ Θεοῦ λέγωμεν τι, ἢ ἀκούωμεν. Chrysostom. homil. II, in epist. ad Hebr.

⁽³⁷⁾ Elaborandum est... (говоритъ св. Амвросій) ne quis adsertionem nostram per philosophiam deprædetur. Sic enim Arianos in perfidiam cuius se cognovimus, dum Christi generationem putant usu hujus sæculi colligendam. Reliquerunt Apostolum, sequuntur Aristotelem, reliquerunt sapientiam, quæ apud Deum est, elegerunt disputationis tendielas et ancupia verborum secundum dialecticæ disciplinam». (In. Psalm. CXVIII, serm. XXII, n. 10). Тоже см. у Тертуліана (de præeser. hæret. с. 7), у св. Златовуста (homil. in Ps. CXV, n. 1), св. Василія-Великаго (Contro. Evnomium lib. I), блаж. Августина (Serm. 87 de temp.).

⁽³⁸⁾ Ὁυ ταῖς ὑπὲρ μέτρον ἀκριβείαις καταλύειν ἀξίον, οὔτε μὲν ταῖς ἐς ἄκρον ἐράυναις ὑποφέρειν τὰ ὑπὲρ νοῦν. Cyrill. Alex. in prosphonet. ad imper. Theodosium.

⁽³⁹⁾ Basil. Magn. homil. in Ps. CXV; Augustin. de doctrina christ. lib. II. Достойны при этомъ вниманія слова Климента Александрійскаго: «поль именьемъ философіи я разумѣю не какую—либо частную систему — стоическую, платонову, эпикурейскую, или аристотелеву, но то, что въ этихъ школахъ находится истиннаго, что научаетъ правдѣ и благочестивому вѣдѣнію. Все такое, взятое въ совокупности, я называю философією (Stromat. lib. I, cap. 7).

ства въ строгомъ богословскомъ смыслѣ: забвеніе этого правила, какъ показалъ опытъ Римской Церкви, нерѣдко приводило къ тому, что частныя мнѣнія нѣкоторыхъ древнихъ учителей, или даже позднѣйшихъ богослововъ возводили на степень догматовъ ⁽⁴⁰⁾; г) не впадать въ излишнія диалектическія тонкости при разсужденіи о догматахъ, и тѣмъ болѣе избѣгать пустыхъ вопросовъ, неотносящихся прямо къ положительному ученію Церкви: примѣръ схоластики среднихъ вѣковъ показалъ, до чего могутъ довести догматическое богословіе подобныя тонкости и вопросы ⁽⁴¹⁾.

Всѣ эти прекрасныя правила вполне осуществлены въ «Православно-догматическомъ Богословіи», которое не даромъ носитъ это названіе: въ немъ нѣтъ не только ни одной мысли произвольной, или сколько-нибудь несообразной съ ученіемъ православной церкви, но даже и слогъ запечатлѣнъ характеромъ священныхъ истинъ, такъ-что самый тонкій богословскій вкусъ во всемъ сочиненіи едва найдетъ нѣсколько словъ, несовсѣмъ-удовлетворяющихъ его требованіямъ. Последнее, разсматриваемое нами, достоинство, то-есть духъ православія, имѣеть особенную важность и цѣну въ такой системѣ, какова система пр. Макарія: при изложеніи догматовъ, онъ шелъ не только по пути, проложенному его предшественниками; собиралъ въ одно цѣлое и стройное не только то, что въ разныхъ мѣстахъ говорятъ объ извѣстныхъ истинахъ св. писаніе и отцы церкви, и что нѣсколько разъ повторяли въ своихъ сочиненіяхъ всѣ древніе и новѣйшіе богословы, но весьма часто долженъ былъ пролагать новыя тропы. Принявъ на себя великій трудъ — раскрыть всѣ пункты христіанскаго вѣроученія во всей обширности и полнотѣ, онъ долженъ былъ выслушивать и обсуждать мнѣнія неправомыслящихъ, носящія на себѣ повидимому всѣ признаки истины, имѣть дѣло съ древнею и новѣйшею философіею, съ силою ея доводовъ, направленныхъ противъ религіи, и хитросплетеніями, которыя не разъ уловляли въ свои сѣти и опытные умы; долженъ былъ, наконецъ, для объясненія многихъ истинъ и опроверженія ложныхъ мнѣній, обращаться къ пособію свѣтскихъ наукъ и соображеній разума. Чтобъ, при всемъ этомъ, ни въ одномъ словѣ не измѣнить характеръ православія, а напротивъ, изъ всѣхъ средствъ, представляемыхъ земною мудростію, изъ сочиненій даже враговъ церкви извлекать, по выраженію

⁽⁴⁰⁾ Такъ самое ученіе *объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына*, выдаваемое вынѣ римскою церковью за догматъ, сначала (въ VII в.) было лишь частнымъ мнѣніемъ весьма-немногихъ.

⁽⁴¹⁾ Еще св. Григорій чудотворецъ убѣждалъ христіанскихъ богослововъ: «μη περιεργαζόμεθα τὸ Ευαγγελικὸν λόγον λέξεσι περιετήροις και ἀπεράντοις ζητήθειν και λογομαχίας σπειρόντες, και τὸν λείον και ἀδύτα τὸν τῆς πίστεως λόγον τραχύνοντες (citat. apud Damascen. in Eclog. Tit. 76 ex lib. περί σαρκώσεως και πίστεως».

вселенскаго учителя, только *полезное для благочестія*, для этого нужно имѣть умъ, глубоко-проникнутый духомъ древнихъ отцевъ; нужно обладать искусствомъ ичелы, которая изъ благовонныхъ и неблаговонныхъ цвѣтовъ умѣетъ извлекать одинъ чистый медъ.

Всѣ вышепоказанныя нами достоинства «Православно-догматическаго Богословія» — планъ, методъ, необыкновенная полнота, высокая ученость и духъ православія — дѣлаютъ его одною изъ наилучшихъ богословскихъ системъ нашего времени, вполне удовлетворяющею требованіямъ вѣка. Итакъ, если кто желаетъ получить возможно-явное, раздѣльное и отчетливое понятіе объ истинахъ и всемъ составѣ нашей божественной религіи, тому необходимо прочесть образцовое сочиненіе пр. Макарія, которое въ глазахъ всякаго православнаго христіанина тѣмъ болѣе имѣетъ цѣны, что составляетъ цѣлый почти *догматическій сборникъ* — обширный сводъ мыслей о догматахъ вѣры отцевъ православной церкви.

Г. ТИТОВЪ.

АРХИВЪ ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ,
относящихся до Россіи, издаваемый Николаемъ Калачовымъ. Кни-
ги второй, половина вторая. Москва. 1854 г. Въ 8-ю д. л.

Послѣ долгихъ ожиданій, возбужденныхъ интересомъ первой книги «Архива историко-юридическихъ свѣдѣній», появился наконецъ новый выпускъ этого ученаго изданія, заключающій въ себѣ вторую половину второй книги, то-есть *IV, V и VI отдѣленія и приложения*, по объявленной редакторомъ программѣ; другія отдѣленія будутъ выданы позже. Впрочемъ, вышедшая теперь въ свѣтъ половина сама-по-себѣ составляетъ уже довольно-толстую книгу, которая, и по важности своего содержанія, нисколько не уступаетъ прежнимъ изданіямъ г. Калачева : въ ней замѣчаемъ тотъ же прекрасный выборъ статей, касающихся наиболѣе любопытныхъ вопросовъ науки, ту же ученую добросовѣстность и тѣ же вѣщныя достоинства изданія.

Настоящая книжка «Архива», согласно съ назначеніемъ вошедшихъ въ нее отдѣловъ, главнымъ образомъ посвящена изслѣдованіямъ и матеріаламъ по предмету этнографіи и тѣсно-связанной съ нею устной народной словесности. Самое видное мѣсто между помѣщенными здѣсь изслѣдованіями и матеріалами занимаетъ превосходная статья профессора *Буслаева* : «Русскія пословицы и поговорки». Трудъ этотъ составленъ въ дополненіе къ книгѣ г. Снегирева, вышедшей въ 1848 году подъ заглавіемъ : «Русскія народныя пословицы и притчи», и, кромѣ дѣльнаго разсужденія о значеніи и исторической судьбѣ пословицы, представляетъ вѣрную критическую оцѣнку изданія г. Снегирева. Исторію пословицы авторъ раскрываетъ передъ нами въ общемъ очеркѣ, въ связи съ развитіемъ самой жизни и языка русскаго народа :

« Вместе съ образованіемъ грамматическихъ формъ, происхожденіе по-
 « словицы восходитъ ко временамъ доисторическимъ ; и какъ языкъ отъ
 « древнѣйшей эпохи, по преданію, переходитъ изъ рода въ родъ, сохра-
 « няя и до нашихъ временъ свои существенныя свойства въ устахъ на-
 « рода, такъ и пословица, составившаяся при чуждыхъ нашимъ време-
 « намъ обстоятельствахъ давно угасшей жизни, по преданію же, дохо-
 « дитъ и до насъ въ народной рѣчи. Между такой древнѣйшей, доисто-
 « рической притчей и пословицами позднѣйшими занимаютъ мѣсто соб-
 « ственно историческія, приуроченныя къ какому-нибудь историческому
 « факту, лицу или учрежденію... Однако, сколько бы ни набралось та-
 « кихъ историческихъ пословицъ, безъ-сомнѣнія, драгоценныхъ и для
 « историка, и для лингвиста : все-таки далеко не исчерпается ими все
 « богатство народныхъ рѣченій, изъ которыхъ одни, именно позднѣйшей
 « эпохи, кажутся намъ ясными и примѣнительными къ современному
 « быту ; другіе же, формациі доисторической, неопредѣленны, исполнены
 « намековъ на отжившую старицу, о которой сама исторія немного со-
 « хранила преданій. Эти два періода въ историческомъ развитіи посло-
 « вицъ отдѣляются другъ отъ друга распространеніемъ въ народѣ свѣта
 « христіанскихъ идей : потому пословицы перваго отдѣла носятъ на себѣ
 « характеръ мнѣческой, втораго — христіанскій. Пословица мнѣческаго
 « содержанія хотя и могла сохраниться въ употребленіи и до позднѣй-
 « шаго времени, но утратила свое настоящее, собственное значеніе, удер-
 « жавъ за собою только смыслъ переносный. Такъ, напримѣръ, кто ска-
 « жетъ теперь пословицу : « Солнце днемъ работаетъ, а ночью отдыхъ
 « беретъ, тому уже никакъ не можетъ придти въ голову, что Солнце
 « есть особенное существо изъ породы божествъ, и притомъ именно бо-
 « гиня, на которую первоначально и намекаетъ эта пословица ; подобно
 « тому, какъ слѣдующія галицкорусскія свидѣтельствуютъ о древнѣйшемъ
 « поклоненіи свѣтлѣамъ : передъ богомъ, солнцемъ, судице царице, мѣсяцъ
 « нашъ божокъ, а ктожъ намъ буде богovati, якъ его не стане». (страи.
 (2 — 3).

Предпославъ эту вполне-справедливую мысль, авторъ, съ помощью
 пословицъ древнѣйшей формациі и на основаніи различныхъ лингвисти-
 ческихъ соображеній, указываетъ характеристическія черты того тем-
 наго доисторическаго состоянія славянскаго племени, когда оно вело еще
 дикую жизнь звѣролововъ и пастуховъ. Онъ представляетъ, какъ человекъ
 въ борьбѣ своей съ хищными звѣрями мало-по-малу отъ простой ду-
 бины и каменнаго мѣла сталъ употреблять лукъ, стрѣлы и другія
 бое-дѣйствительныя орудія, которыя требуютъ уже знакомства съ ме-
 таллами, и какъ въ связи съ звѣроловнымъ и пастушескимъ бытомъ раз-
 вивается языческое полоненіе заповѣднымъ лѣсамъ, деревьямъ, дуплинамъ
 и животнымъ (быку, коровѣ и волку); въ эту же отдаленную эпоху,
 когда и охотникъ и пастухъ были товарищами коню, собакѣ, соколу,
 покровителями и защитниками стадъ, получили свое начало эпическія

басни о звѣряхъ. Отъ бродячаго пастушескаго быта славянскія племена постепенно перешли къ осѣдой жизни и къ тихимъ занятіямъ земледѣлія; изъ пословицъ видно какой значительный перевѣсъ получило у славянъ земледѣліе передъ всякимъ другимъ способомъ существованія. Славяне узнали и полюбили домашній кровъ, охраняемый роднымъ пенатомъ (домовымъ); семейныя связи ихъ установились и упрочились, и по мѣрѣ развитія взаимныхъ отношеній выработались у нихъ понятія о мирѣ или обществѣ, судѣ и правдѣ, выраженные въ формѣ краткихъ, но меткихъ пословицъ. Понятія эти надолго остались въ народной памяти.

Указавъ на образованіе пословицы въ эпоху доисторическую, г. Буслаевъ останавливается и опредѣляетъ ея мѣсто въ средѣ другихъ до истинныхъ до насъ временъ обломковъ древняго эпоса. «Было время (говоритъ онъ), когда пословица, создаваясь въ устахъ народа вмѣстѣ съ мифомъ и сказаніемъ, имѣла значеніе болѣе обширное и важнѣйшее, нежели теперь. Независимое отъ личнаго произвола ея происхожденіе видно уже изъ общаго признанія того, что она — сущая правда, никогда неизмѣнная. Однообразное теченіе не внѣшнихъ событий — а нравственнаго быта эпической старины, скованное обычаемъ, постоянно возводило свое начало къ темной старинѣ. Въ эту эпоху всякій вымыселъ, всякая новая мысль могли получить право гражданства не какъ новость, но какъ припоминаніе утраченнаго преданія, какъ уясненіе и развитіе того, что отчасти было уже давно всеѣмъ и каждому извѣстно. Слово, какъ вѣрнѣйшее хранилище преданія, по преимуществу должно было господствовать надъ всеми жизненными интересами эпическаго періода. Конечно, не всякая рѣчь, имѣющая предметомъ насущныя потребности, могла остановить на себѣ вниманіе... Слово, какъ выраженіе разумной силы, уже въ отдаленную эпоху рѣзко отдѣлилось отъ ежедневной рѣчи и мимолетнаго разговора, отличивъ себя мѣрнымъ, стихотворнымъ ладомъ, и принявъ черезъ то постоянную, никогда неизмѣняемую личнымъ произволомъ форму. Въ такомъ словѣ народъ впервые созналъ свое духовное бытіе, и понятіе о мысли соединилъ въ неразрѣшномъ единствѣ съ членораздѣльными звуками: потому — то и почтилъ онъ его высоко, и не какъ внѣшнее только выраженіе душевныхъ интересовъ, но какъ самую душу свою, какъ все умственныя и нравственныя убѣжденія, силою дара слова пришедшія въ видимость. Уваженіе къ этому высокому дару, которымъ Творецъ отличилъ человѣка отъ прочихъ твореній, было тѣмъ сильнѣе, что въ словѣ народъ видѣлъ не произвольную мысль отдѣльных лицъ, а мыслительность цѣлыхъ поколѣній, никому невѣдомо — когда и какъ образовавшуюся. Самая неизвѣстность доисторическаго происхожденія языка — достаточно уже подавала народу поводъ видѣть въ словѣ нѣчто господствующее надъ живыми, нарождающимися поколѣніями, смѣняющими другъ друга въ теченіе вѣковъ; тогда — какъ

«основной строи» языка въ своихъ обычныхъ изреченіяхъ, пѣсняхъ и «сказкахъ, поговоркахъ и заклятіяхъ, величаво простираетъ свое господство надъ всѣми поколѣніями. Пословица, вмѣстѣ съ загадкою, заклятіемъ, наговоромъ, судебнымъ и всякимъ другимъ многозначительнымъ изреченіемъ составляетъ часть того всеобъемлющаго и прекраснаго «слова, которому соответствуетъ греческое названіе *эпосъ*, по премуществу выражающее самое полное его проявленіе въ мнѳологическихъ преданіяхъ о богахъ и герояхъ. Такъ-какъ, по преданіямъ, «эпосъ идетъ испоконъ вѣку; то у народовъ, богатыхъ прошлою жизнью, онъ получилъ названіе *старинны* — какъ напримѣръ у насъ, или даже *бабушки, прабабки*, какъ у скандинавовъ въ названіи «Эда», т. е. старухи, рассказывающей про старину... Какъ отдѣльный членъ эпическаго преданія, пословица заимствовала свою обаятельную для всѣхъ силу отъ старины, откуда ведетъ она свое происхожденіе. Какъ въ заклятіяхъ и наговорахъ слово будто бы могло «насылать и лечить болѣзни, причинять и удалять бѣды и напасти: такъ въ пословицѣ явилось оно не только окончательнымъ рѣшеніемъ здраваго смысла: «пословица всѣмъ дѣламъ порѣшница», но и таинственнымъ изреченіемъ самаго рока. Въ пользу эпическаго характера пословицы надобно привести то обстоятельство, что въ старину захватывала она въ свой объемъ и прочіе члены эпическаго преданія, «каковы: примѣта, врачебное наставленіе, загадка и проч.» (стр. 35—37). Далѣе г. Буслаевъ прослѣдилъ связь пословицы съ разговоромъ, загадками и примѣтами, причѣмъ сдѣлалъ нѣсколько превосходныхъ замѣчаній о значеніи и историческомъ развитіи заговора, который мало-по-малу изъ простаго молебнаго обращенія къ языческимъ божествамъ измѣнился въ заклятіе, проникнутое чародѣйною силою. Въ заключеніе авторомъ сказано нѣсколько словъ о художественноиъ выраженіи пословицъ, которое стоитъ въ неразрывной связи съ эпическими формами самородной поэзіи. Мысль пословицы, возникающая въ народной фантазіи, вмѣстѣ съ самыми звуками, постоянно подчиняется ихъ складу и ладу, происходящимъ отъ созвучія въ наборѣ словъ и отъ размѣра, опредѣленнаго удареніями; въ народныхъ пословицахъ и поговоркахъ замѣчаются: аллитерація, рифма, иногда слишкомъ смѣлая, и игра словъ, какъ напримѣръ: «жни, баба, *полбу*, да жди себя *по лбу*», «*молоть* хоть *молодѣ*, да бьетъ старѣ».

Вотъ краткій очеркъ тѣхъ интересныхъ вопросовъ, на которые г. Буслаевъ обратилъ вниманіе читателя; но, сверхъ-того, въ разсужденіе его вошло много отдѣльныхъ любопытныхъ замѣчаній, касающихся славянскихъ древностей вообще и мнѳологіи въ-особенности. Къ разсужденію своему онъ присоединилъ довольно-большое собраніе пословицъ и поговорокъ, занявшее около шести печатныхъ листовъ, и статью: «О бѣлорусскихъ пословицахъ и поговоркахъ», которая содержитъ въ себѣ нѣсколько полезныхъ этнографическихъ указаній и лингвистиче-

скихъ приближеній, по поводу сборника бѣларусскихъ пословицъ и поговорокъ, напечатаннаго въ «Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію Русскаго языка и Словесности» — г. Носовичемъ. При составленіи своего собранія пословицъ и поговорокъ г. Буслаевъ пользовался и рукописными и печатными источниками, которыми представлялъ онъ подробный критическій обзоръ; нѣкоторыя же пословицы записаны имъ прямо съ народнаго говора. Между рукописными источниками были у него подъ-рукою сборники пословицъ XVII и XVIII столѣтій и «Златая чепъ», рукопись XIV вѣка. Въ собраніи г. Буслаева встрѣчаемъ много вариантовъ къ прежде-изданнымъ матеріаламъ этого рода, но еще болѣе новаго, равно любопытнаго и для археолога, и для лингвиста. Такимъ прекраснымъ матеріаломъ авторъ воспользовался въ своемъ разсужденіи, о которомъ мы сейчасъ говорили, съ должною основательностью и полнотою; слѣдовательно онъ предложилъ матеріалъ уже достаточно-обработанный и объясненный.

Не одинъ г. Буслаевъ чувствовалъ недостаточность книги: «Русскія народныя пословицы и притчи»; то же мнѣніе раздѣлилъ съ нимъ самъ издатель этого сборника — г. Снегиревъ. Въ разбирасмой нами книжкѣ «Архива», онъ напечаталъ дополненіе къ собственному своему изданію; въ это дополненіе, которое заняло одинъ печатный листъ, вошли пословицы и поговорки, случайно-попавшіяся собирателю въ рукописяхъ и книгахъ, и сообщенныя ему изъ разныхъ мѣстъ; но между ними встрѣчаются и такія, которыя были извѣстны уже прежде. Въ предисловіи къ своему собранію пословицъ и поговорокъ г. Снегиревъ касается тѣхъ замѣчаній, какія были сдѣланы на его книгу: «Русскія народныя пословицы и притчи», и возражаетъ на рецензію, возмущенную по поводу этого изданія въ «Современникѣ» 1848 года. Не останавливаясь долго на замѣчаніяхъ рецензента ни на оправданіяхъ издателя, мы позволимъ себѣ выписать нѣсколько указаній г. Буслаева, который изъ листа въ листъ сполна изучилъ книгу г. Снегирева. Упрекаемый въ неточности и неправильности текста «Русскихъ народныхъ пословицъ и притчей», г. Снегиревъ говоритъ въ свое оправданіе, что нѣкоторыя пословицы и поговорки дошли до насъ уже въ искаженномъ видѣ и собиратель нисколько не виноватъ въ этихъ искаженіяхъ; другія же ошибки объясняетъ онъ опечатками. Но кто знакомъ съ изданіемъ «Русскихъ народныхъ пословицъ и притчей», тотъ едва-ли согласится, чтобъ всѣ искаженія принадлежали времени и опечаткамъ. Г. Снегиревъ, при составленіи этой книги, пользовался тою же самою рукописью, какою воспользовался послѣ и г. Буслаевъ: это — «Повѣсти или пословицы всенароднѣйшія по алфавиту», рукопись Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, XVII вѣка. Но г. Снегиревъ далеко не почерпалъ всего собранія. «Я (говоритъ г. Буслаевъ) «перепечаталъ (отсюда) и многія такія пословицы, которыя хотя вошли въ изданіе Снегирева, но съ значительными измѣненіями, иногда даже

«затемняющими смыслъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ. У Снегирева, «118: «жена пряди рубашки, а мужъ *вези гужь*!» Что значитъ *вези гужь* т. е. веревку? Въ Архивн. сборникѣ: — «а мужъ *вези гужь*»: вить веревку — понятно. Снегир. 136: «за скудость ума *искать* будетъ сума»: сумы т. е. бѣдности, нищенства *искать* нечево: «это приходитъ само собою; въ Архивн. сборн. «за скудость ума *таскать* будетъ сума» Снегир. 147: «зубъ грызеть, что *имѣть*, «а рука емлетъ, что *держитъ*»: какъ же брать то, что уже держишь? «Архивн. сборн. восстанавливаетъ настоящей смыслъ: «а рука емлетъ, «что *досажеть*», т. т., что достапетъ. Снегир. 228: «моленой баранъ отличился, и къ гулящей пригодился». *Къ гулящей*—къ кому? «непонятно; недоразумѣние разрѣшаетъ Архивн. сборн. «*инь* гулящей «пригодился», т. е. козь отлучился баранъ, обреченный на убой, то («*инь ино*) убьемъ, какой попадетъ, гулящій. И въ другомъ мѣстѣ «г. Снегиревъ затемнилъ пословицу, прочитавъ *иль* вмѣсто стариннаго «*инь*: у Снег. 114: «есть собака, *иль* камени нѣтъ»; въ Архивн. «сборн.: «*инь* камени нѣтъ» — собака—то есть, да камня нѣтъ, чѣмъ ее ударить» и проч. (стр. 61 и далѣе). Не приводимъ другихъ критическихъ замѣтокъ г. Буслаева на сборникъ «Русскихъ народныхъ пословицъ и притчей», предоставляя самимъ читателямъ познакомиться съ указаніями, подобными сейчасъ выписаннымъ.

Кромѣ пословицъ и поговорокъ, въ настоящей книжкѣ «Архива» обращено вниманіе и на другіе памятники устной народной словесности исполненные многихъ любопытныхъ намековъ и указаній на съдую старину. Здѣсь напечатано шесть заговоровъ, сохранившихъ признаки древности и въ языкѣ, и въ содержаніи; изъ нихъ два заимствованы профессоромъ Григоровичемъ изъ рукописи, писанной полууставомъ, переходящимъ въ скорописъ, одинъ изъ рукописи XVIII столѣт., а остальные три записаны въ Сибири, между населеніемъ которой таится такъ много старинныхъ преданій и повѣрій. Къ заговорамъ этимъ присоединены дѣльные объяснительныя примѣчанія г. Буслаева. Заговоры представляютъ остатки древнѣйшихъ молебныхъ обращеній къ языческимъ божествамъ и заклятій, чародѣйная сила которыхъ будто бы вызывала сверхъестественную помощь, или отвращала неминуемую бѣду. Въ заговорахъ, напечатанныхъ у Сахарова въ «Сказаніяхъ русскаго народа». можно найти прямые свидѣтельства подобныхъ обращеній къ обожаемому въ язычествѣ свѣтлამъ: солнцу, лунѣ и звѣздамъ, также небу, зарѣ и облакамъ. Въ заговорахъ, напечатанныхъ въ «Архивѣ», находимъ обращенія къ *водѣ*, какъ стихіи, черезъ посредство которой совершалось очищеніе отъ болѣзней, и къ домашнему *очагу*. Приведемъ эти интересныя свидѣтельства: «Матушка вода! обмываешь ты круты берега, жел- «ты пески, бѣль-горючъ камень своей быстриной и золотой струей... Об- «мой-ка ты съ раба Божія младенца (имя) всѣ хитки и притки, узоры «и призоры, скорби и болѣзни, щипоты и ломоты!»— «Ахти мати, бѣ-

«лая печь! не знаешь ты себѣ ни скорби, ни болѣзни, ни щипоты и локоты; такъ бы рабъ Божій (имя) не зналъ бы ни хитки, ни притки, ни уроковъ, ни призоровъ»... и проч. Этотъ послѣдній заговоръ произносить у печнаго чеда, какъ при языческомъ жертвенникѣ. У Бѣлорусовъ есть поговорка: «сказалъ бы, да печь въ хаѣ», указывающая на особенное уваженіе къ домашнему очагу, уголья котораго до-сихъ-поръ переносятся на новоселье.

Несмотря на тѣ искаженія, которымъ подверглись и доселѣ подвергаются заговоры, несмотря на встрѣчаемыя въ нихъ позднѣйшія вставки, на замѣненіе стараго новымъ, подъ влияніемъ идей христіанскихъ, и на темныя, часто-безсмысленныя фразы, заговоры все-таки представляютъ весьма-важный матеріалъ для объясненія многихъ этнографическихъ и филологическихъ вопросовъ. Къ-сожалѣнію, до-сихъ-поръ заговоровъ собрано и напечатано весьма-немного, да и тѣ разбросаны по разнымъ изданіямъ ⁽¹⁾.

Заговоры тѣсно связываются съ исторіею чародѣйства. Отъ XVI и XVII столѣтій дошли до насъ весьма-любопытныя процессы о колдовствѣ и порчахъ. Въ «Архивѣ» напечатаны: «два акта XVII вѣка о волшебствѣ». — Это, вопрвыхъ, явка, кречатьяго помощника Дмитрія Головина на товарищѣ въ томъ, что они съ помощью чаръ помѣшали ему добыть кречета и, воторыхъ, сыскное дѣло про мастерицу: боярскій сынъ царицына чина Ѳеодоръ Яхонинъ показывалъ, что ходилъ-де онъ по государеву указу въ Кисловкѣ досматривать у мыльнъ (банъ) печатей, «и какъ де онъ Ѳеодоръ былъ противъ «мастерицы Ульянина двора, и у той Ульяны на дворѣ у тѣхъ дворницъ «въ избѣ шумъ большой и драка промежъ собою и *попрекаютца кореньемъ*, и онъ де Ѳеодоръ на тотъ дворъ взошолъ и къ Уляниннымъ дворницамъ къ Аленкѣ и къ Манкѣ въ избу входилъ; а они де «пьяны и при немъ Ѳеодорѣ, въ избѣ, Манка тое Аленку попрекала, а «говорила ей такъ, что де ты сказывала мнѣ, что ты видѣла золотную

⁽¹⁾ «Сахарова: сказаніе русс. народа» т. I; «Иллюстрація 1845 г., стр. 250 (статья Даля о повѣрьяхъ и предрасудкахъ русс. народа); «Ученыя Записки Моск. Унив., 1834 г., № 4, стр. 150; «Библ. для Чтенія» 1848 г., т. 90, стр. 2, 42, 47—58 («Этногр. Очеркъ Южн. Сибири», Гуляева); «Отечест. Зап.» 1848 г., т. 56., смѣсь стр. 204—6, т. 57, стр. 51, 149—150; «Губернскія Вѣдомости»: саратовск. 1845 г., № 33. Полтавск. 1846 г., № 28, 38, 41, 46; калужск. 1852, № 45; кievск. 1850, № 18, 20; малорус. и червононор. народн. думы и пѣсни. Слб. 1836 г., стр. 100; «Маякъ т. XVII, стр. 44—45. — У простолюдиновъ еще теперь ходять рукописныя собранія заговоровъ, часто подъ названіемъ лебѣнниковъ.

«мастерицу Аниу Коробакову, какъ она *сквозь перстень провлаки-вала полотенцо тонкое, и съ тѣмъ де полотенцомъ та Анна всходила въ Верхъ (во дворецъ) въ свѣтлицу*; а Аленка де въ тѣ поры при немъ Ѳедоръ запыралася и противъ Манкиныхъ рѣчей говорила, что де такихъ рѣчей не говаривала, то де звела на нее Аленку та Манка напрасно. И онъ Ѳедоръ, слыша такія рѣчи, отдалъ ихъ въ тѣпоры кисловскимъ рѣшеточнымъ сторожомъ за пристава». Во время этой ссоры Аленка похвлялась на свою противницу: «не ходитъ де тебѣ у меня и съ дочерью по сему свѣту!» (стр. 58, 60). Начались разспросы и ставки съ очей на очи; но, къ сожалѣнію, конецъ этого любопытнаго дѣла не сохранился, и мы не знаемъ, чѣмъ и какъ оно покончилось, и какое именно значеніе связывали наши предки съ провлакиваніемъ *сквозь перстень полотенца*. Эти документы, вмѣстѣ съ подобными же, напечатанными въ изданіяхъ Археографической Комиссіи, «Описаніи Шуи» и въ «Актахъ», изданныхъ въ дополненіе къ означенному описанію, составляютъ хотя не большое, но драгоценное приобрѣтеніе для науки; въ альманахъ: «Комета» также сообщено нѣсколько старинныхъ актовъ о волшебствѣ, но въ извлеченіи и съ опущеніемъ нѣкоторыхъ интересныхъ подробностей.

Назовемъ другія статьи, помѣщенные въ «Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній»: а) г. *Забѣлина*: «Извлеченіе изъ книги Златоуста». Въ числѣ книгъ духовно-назидательнаго чтенія, особенно любимыхъ нашими предками, весьма-важное мѣсто занимали сборники поученій и духовныхъ словъ, называвшіеся «златоустами», «златоструями», «измарагдами», «торжественниками». Сборники эти составлялись большею-частью изъ переводныхъ сочиненій Отцовъ Восточной Церкви и особенно изъ поученій и бесѣдъ Іоанна Златоуста; но нерѣдко встрѣчаются здѣсь и произведенія русскихъ проповѣдниковъ, съ несомнѣнными признаками русскаго народнаго быта. Г. Забѣлинъ воспользовался рукописью, хранящеюся въ архивѣ Оружейной Палаты, писанной полууставомъ XVI вѣка, и сдѣлалъ изъ нея любопытныя выписки, касающіяся древнихъ обычаевъ. Но особенно интереснымъ и важнымъ считаемъ мы указаніе, сдѣланное авторомъ на источники «Домостроя», одного изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ для внутренней исторіи русскаго общества допетровскаго времени. Въ нѣкоторыхъ словахъ разсматриваемаго Златоуста (говоритъ г. Забѣлинъ) встрѣчаются параллельныя мѣста, почти слово въ слово, съ «Домостроемъ». Вообще нужно замѣтить; что первыя главы «Домостроя», въ которыхъ заключается поученіе и наказаніе отца духовнаго, написаны подъ сильнымъ вліяніемъ духовныхъ словъ и поученій, которыя «Домострой» или сокращаетъ или выписываетъ только нѣкоторыя выраженія, почти всегда слово въ слово, безъ всякой перемѣны, размѣщая выписки по приличнымъ мѣстамъ, въ духѣ своей «собственной редакціи». Далѣе онъ указываетъ на такія заимствованія изъ «Измарагда» или «Стословца» цареградскаго патріарха Генадія и

разныхъ словъ Златоуста. Въ числѣ безыменныхъ русскихъ поученій находящихся въ означенномъ сборникѣ, г. Забѣлинъ обращаетъ вниманіе на слово о правдѣ и приводитъ изъ него интересную выписку, касающуюся внутреннаго состоянія тогдашней Россіи (смотри стран. 47 — 48).

6) г. *Попова* : «*Пиры и братчины*». Въ началѣ своего труда авторъ дѣлаетъ такую оговорку : «мы не предполагаемъ вполне объяснить этотъ любопытный предметъ, который, при извѣстныхъ нынѣ данныхъ, еще не можетъ быть объясненъ окончательно, но желали бы только обратить вниманіе на вопросъ и собрать въ одно цѣлое если не все, то по-крайней-мѣрѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о братчинахъ, заключающіяся въ древнихъ памятникахъ нашей письменности и замѣченныя въ новое время въ современной жизни народа». (стр. 19). Тѣмъ не менѣе г. Поповъ собралъ почти всѣ данныя объ избранномъ имъ предметѣ и изложилъ ихъ съ должною критической оцѣнкою ; онъ довольно-обстоятельно говоритъ о значеніи братчинъ, ихъ характеристическихъ особенностяхъ, и между-прочимъ о бояхъ, которыми онѣ сопровождалась. Двѣ существенныя черты, по словамъ автора, отличаютъ братчины отъ всякихъ другихъ пировъ : ихъ общинный характеръ и связь съ языческими празднествами. Общинный характеръ братчинъ доказывается ихъ общиннымъ отправленіемъ цѣлою волостью или селомъ (*ссыпчины, складчины*), привилегіями относительно куренія вина и варки медовъ и пива, и наконецъ болѣе всего правомъ суда : «братчина судить, какъ судья». Это право суда изслѣдовано г. Поповымъ подробно, и страницы, на которыхъ говорится о юридическомъ значеніи братчинъ, вмѣстѣ съ тѣми, на которыхъ помѣщены свѣдѣнія о скоморохахъ, являвшихся на братчины, принадлежатъ къ самымъ интереснымъ. Нельзя не замѣтить, однако, что связь братчинъ съ древними языческими празднествами указана авторомъ недостаточно-полно, хотя онъ и созналъ всю важность этой связи ; при сличеніи описанія братчинъ съ рассказами о языческихъ пирахъ древнихъ славянъ, говоритъ онъ, открывается такое сходство между ними, что нельзя не признать ихъ за одно и то же явленіе.

с) Въ настоящей книжкѣ «*Архива*» перепечатано рѣдкое нынѣ изданіе, вышедшее въ Санктпетербургѣ 1777 года : «*Описаніе свадебныхъ украинскихъ простонародныхъ обрядовъ, въ Малой Россіи и въ Слободской Украинской Губерніи, такожъ и въ великороссійскихъ слободахъ, населенныхъ Малороссіянами употребляемыхъ*. Сочиненное Григоріемъ Калиновскимъ, армейскихъ пѣхотныхъ полковъ, состоящихъ въ Украинской Дивизіи, прапорщикомъ». Но такъ-какъ это, хотя и дѣльно-составленное описаніе, было слово въ слово перепечатано въ книгѣ : «*Абвега русскихъ суевѣрій*» Чулкова (М. 1786 года, въ 8-ю д. л. 47 — 64 стр.) и такъ-какъ описаніемъ этимъ воспользовались также

составитель книги : «Позорище странныхъ и смѣшныхъ обрядовъ при бракосочетаніяхъ» (С. П. Б. 1797 г. стр. 212 — 238) и г. Терещенко въ сочиненіи своемъ : «Быть русскаго народа», то мы и считаемъ излишнимъ входить въ разсмотрѣніе столько извѣстнаго труда.

д) Если прибавить сюда два новыя свидѣтельства объ изгойствѣ, сообщенныя гг. Буслаевымъ и Микуцкимъ, да мою статью, напечатанную подъ заглавіемъ : «Миѳическая связь понятій : свѣта, зрѣнія, огня, металла, оружія и жолчи», то будетъ указано все, что сообщаетъ «Архивъ» по славянскимъ древностямъ, касающимся темной доисторической эпохи. Чтобы познакомить читателей съ основною мыслью моей статьи, позволяю себѣ привести слѣдующую выписку :

«Въ исторіи древнѣйшаго языка кроется источникъ многихъ миѳическихъ представленій. Человѣкъ первобытный всякой предметъ и всякое явленіе называлъ по тому впечатлѣнію, какое они производили на чувства своими свойствами и дѣйствіями. Но какъ многіе предметы и явленія могутъ производить одинаковыя впечатлѣнія, то естественно, что они были сближаемы народною фантазіею и обозначались названіями, родственными по корнямъ. Это филологическое сродство понятій отразилось и въ развитіи міѳа». Точно такъ родились въ народѣ и вѣрованія въ миѳическую связь обожевленной стихіи *свѣта* съ понятіемъ *зрѣнія*. «Солнечный свѣтъ даетъ возможность видѣть и различать предметы окружающаго насъ міра, ихъ формы и краски, а темнота уничтожаетъ эту возможность. Подобно тому зрѣніе позволяетъ человѣку осматривать и распознавать внѣшнюю природу, а слѣпота погружаетъ его въ вѣчный мракъ. Безъ глазъ также нельзя видѣть, какъ и безъ свѣта. Отъ того стихія свѣта и глаза, какъ орудіе зрѣнія, въ первоначальномъ языкѣ обозначались тождественными названіями : 1) *зрѣть*, *взоръ*, *зоркой* и *зоръ* (церковно-славян.) — свѣтъ, *зоря*, *зарница* (жолорос. *блискавица*), отдаленная молнія, *зорница*, утренняя звѣзда, предвѣстница зори, глаголъ *зорить*, прочищать, прояснять, наприжѣръ, зорить масло, то есть дать ему отстояться, очиститься. Слово *зракъ*, означающее у насъ око, глазъ, у Сербовъ значитъ : солнечный лучъ. 2) *Видѣть* и *видѣло* (сербск.) свѣтъ. 3) Глаголъ *дивитися* (жолоросск.) смотрѣть, и санскритскій его корень *дид*—свѣтитъ, сиять, блистать, *диван* (подающій свѣтъ), *dies* и *день*. Изъ такого сродства понятій свѣта и зрѣнія, во первыхъ, создано миѳическое представленіе *свѣтилъ небесныхъ очами*, и, вовторыхъ, родилось вѣрованіе въ *чудесное происхожденіе и таинственную силу глазъ*.

«Представленіе свѣтилъ глазами равно принадлежитъ народамъ стараго и новаго свѣта. Во многихъ языкахъ восточнаго архипелага названіе солнца означаетъ *око дня*. Скандинавскіе поэты солнце, луну и звѣзды называютъ *очами неба* и на-оборотъ *глазъ* человѣка—солн-

«цѣль. Эмическое уподобленіе свѣтлѣ небесныхъ глазамъ есть общее всѣмъ народамъ. Верховный богъ Скандинавовъ Одинъ (у Германцевъ: Вуотанъ) называется *одноглазымъ*: въ человѣческомъ образѣ этого божества олицетворено *дневное небо*, съ высоты котораго *солнце*, *словно громадное всемірное око*, *озираетъ землю*. То же пред- ставленіе Греки соединяли съ солнцемъ, *Нѣлюс*; напротивъ *ноч- ное небо*, *усиленное безчисленными звѣздами*, они представляли въ образѣ *тысячеглазаго* Аргоса. У Индійцевъ Сѣверной Америки существуетъ любопытное повѣрье о солнцѣ, которое представляется здѣсь въ человѣческомъ образѣ: *когда солнце закрываетъ свои глаза*, *тогда наступаетъ ночь*, подобно тому, какъ человѣкъ, за- жмурившій глаза, лишается свѣта и возможности видѣть... Стихъ о Голубиной книгѣ свидѣтельствуетъ, что *зори утреннія рождаются отъ очей господнихъ*. Утренняя зоря предшествуетъ восходящему солнцу; она только отблескъ отъ сіянія его божественнаго ока. По- тому Сербы *восходъ солнца* называютъ *прозоромъ Божиимъ*. Сло- во *прозоръ* имѣетъ одинъ корень съ словами: *зоря*, *зракъ* и *про- зрѣть*, и означаетъ: *окно*. Въ нашемъ языкѣ *окно* (оконце), какъ отверстие, пропускающее свѣтъ въ избу, филологически тождественно съ словомъ *око*; окно есть глазъ избы. Съ восходомъ солнца небо, до той минуты погруженное въ ночной мракъ, какъ будто *прозрѣ- ваетъ*; на небѣ вспыхиваетъ красная зоря, отблескъ божественнаго глаза — солнца, и вслѣдъ затѣмъ восходитъ самое свѣтило. Появля- ясь на краю горизонта, оно какъ будто *выглядываетъ* оттуда въ не- бесное *окно*, открытое ему богинею Зорею... Въ первый день святой недѣли, встрѣчая весну, крестьяне наши выходятъ въ поле смотрѣть съ пригорковъ на игру лучей *восходящаго солнца*. Какъ скоро свѣтило покажется на краю неба, они начинаютъ пѣть:

Солнышко ведрышко
Выгляни въ окошечко!

«Ту же пѣсню обращаютъ къ солнцу и тогда, *когда облака и тум- чи заволокутъ небо и день станетъ пасмурный*.

«Какъ свѣтъ уподоблялся зрѣнію, такъ наоборотъ зрѣніе нерѣдко получало значеніе свѣта. Изъ языческихъ повѣрій о созданіи человѣ- ка сближеніе этихъ понятій послужило основой весьма знаменатель- наго преданія о происхожденіи человѣческихъ глазъ. По свидѣтельству азбуковниковъ, *очи человѣческія создались отъ солнца*; то же вѣ- рованіе было у Индійцевъ. У нѣкоторыхъ народовъ уцѣлѣли преданія о томъ, что *глазъ человѣческій не только видитъ, но и свѣ- титъ*... Владѣя тою же силою, какая принадлежала обожествленнымъ свѣтиламъ, глаза человѣка должны были получить чудесное, таинствен- ное значеніе. Какъ солнечные лучи не только благотворно вліяютъ

«на природу, согрѣвая ее и воспитывая жатвы, но могутъ производить «засуху, вредную для урожая, и заразительныя испаренія; такъ и «съ глазомъ народная фантазія соединила силу творить и доброе, и «злое. Отсюда родилась вѣра въ *злаживанье*, общая всеѣмъ индо-«европейскимъ народамъ.» (Стр. 3 — 6).

Подобная доисторическая связь самыхъ разнообразныхъ понятій, объясняемая только исторіей языка, доказываетъ необходимость филологическихъ основаній при ученыхъ изслѣдованіяхъ въ области міеологіи; при помощи однихъ философскихъ воззрѣній, по нашему мнѣнію, трудно и даже невозможно отгадать смыслъ многихъ народныхъ преданій.

Кромѣ указанныхъ нами статей и матеріаловъ, въ настоящей книгѣ «Архива» напечатаны: «Извлеченія изъ сочиненія Михалона Литвина: о нравахъ Татаръ, Литовцевъ и Москвитянъ» (латинскій текстъ и переводъ г. Шестакова) и «Письмо князя Михайла Голицына изъ-за границы въ 1711 году» къ брату.

Къ сочиненію Михалона Литвина, г. Калачовъ приложилъ тщательное-составленное предисловіе объ ученомъ и библиографическомъ значеніи этого памятника. «Изъ множества иностранныхъ сочиненій разнаго «времени, въ коихъ прямо или косвенно упоминается о древней Россіи «(по словамъ предисловія), очень-немногіе такъ мало извѣстны, какъ «это въ библиографическомъ мірѣ. Еще труднѣе найти его въ библио-«текахъ, публичныхъ и частныхъ. Въ нашемъ отечествѣ едва-ли не «единственный экземпляръ его хранится въ библиотекѣ Московскаго «Университета... Экземпляръ, о которомъ мы говоримъ, вышелъ въ «свѣтъ въ Базелѣ въ 1615 году». Сочиненіе Михалона было написано въ 1550 году для Сигизмунда Августа. До насъ дошло оно невольно, а дошли только извлеченія изъ десяти книгъ, на которыя, по всему вѣроятію, было оно раздѣлено самимъ сочинителемъ. Въ этихъ книгахъ авторъ говоритъ о характерѣ и обычаяхъ татаръ, литовцевъ и москвитянъ, о правленіи и правосудіи у нихъ, положеніи женщинъ и рабовъ, религіозныхъ обрядахъ, духовенствѣ и военныхъ походахъ; о поединкахъ у москвитянъ, московскихъ перебѣжчикахъ, о Кіевѣ, Днѣпрѣ, Таврийдѣ, естественныхъ произвеніяхъ и восточномъ торговомъ пути. Описаніемъ нѣкоторыхъ юридическихъ особенностей той эпохи, сочиненіе Михалона «пополняетъ указанія нашихъ отечественныхъ памятниковъ. «Такъ, напримѣръ, представляя въ 4-мъ отрывкѣ мрачную картину су-«допроизводства въ Литвѣ, и указывая на преимущества въ судопроиз-«водствѣ у Татаръ и въ Государствѣ Московскомъ, авторъ вмѣстѣ съ «тѣмъ объясняетъ значеніе въ Литвѣ не только судебныхъ десятинь, «но также юридическихъ терминовъ, употреблявшихся и въ нашемъ «древнемъ отечествѣ, каковы: пересудъ, лице, осмичество (осмичество?), «дѣтскій. Такъ, выхваляя образъ жизни и обычай Москвитянъ и отга-

«вая должную справедливость правительственнымъ заботамъ и хозяйственной распорядительности Юанна III, сына его Василія Иоанновича и Юанна Грознаго, онъ указываетъ на близкую связь нашихъ древнихъ тогдашнихъ законовъ съ древнѣйшими литовскими»; въ другомъ мѣстѣ сообщаются свѣдѣнія о должностныхъ лицахъ въ Россіи и Литвѣ и объ учрежденіи, известномъ у насъ подъ именемъ ямской гоньбы (стр. VII).

Михалонъ Литвинъ сравниваетъ въ своемъ сочиненіи общественный бытъ и нравы татаръ и русскихъ (москвитянъ) съ общественнымъ бытомъ и нравами литовцевъ, не въ пользу послѣднихъ; онъ строго осуждаетъ своихъ соотечественниковъ и груститъ объ утраченной ими старинной простотѣ нравовъ. «Наши начальники (говоритъ онъ), не обращаютъ вниманія на то, что государство старѣетъ въ праздности, и что юности бывають здоровѣе въ военномъ станѣ, нежели дома; въ-старину молодежь наша не коснѣла въ лѣности, а постоянно упражнялась въ военныхъ занятіяхъ, по обычаю своихъ римскихъ предковъ; не дожидались тогда объявленія войны, или тяжкой обиды отъ врага, или благопріятнаго лѣтнаго времени, но вооружались и за частную обиду или за незначительное оскорбленіе, нанесенное подданнымъ; теперь не то». Авторъ даже находитъ доказательства въ пользу многоженства и затворничества женщинъ у татаръ, противопооставля этимъ обычаямъ излишнюю свободу литвянокъ; точно также противопооставляетъ онъ и другія литовскія обыкновенія татарскимъ и московскимъ, иногда переходя въ крайность. Сожалѣя о старинѣ, онъ возстаетъ противъ современной ему роскоши и изысканности, и совѣтуетъ послѣдовать примѣру москвитянъ, которые защищаютъ свою свободу не сукномъ мягкимъ, не золотомъ блестящимъ, а желѣзомъ, отражая силу силою; ибра они не выманивають, воздержанію татаръ противопооставятъ свое собственное воздержаніе, трезвости ихъ—свою трезвость, искусству—свое искусство!

Письмо князя Голицына писано изъ Амстердама, куда онъ былъ посланъ Петромъ-Великимъ учиться мореходному искусству, но, сознавая трудности этого ученія, просилъ объ измѣненіи своего назначенія: «О житіи моемъ возвѣщаю, житіе пришло самое бѣдственнее и трудное. Первое, что нищета, паче же разлученіе. Наука опредѣлена самая премудрая: хотя мнѣ всѣ дни живота своего на той наукѣ себя трудить, а не принять будетъ, для того, не знамо учитца языка, не знамо науки. Видимъ то, которые наша братья пріѣхали для обученія къ той же наукѣ, и ни единого не было, чтобы безъ латинскаго языка, да и тѣ въ три годы ни единый человекъ ни половины окончатъ не можетъ. А про меня вы сами можете знать, что кромѣ природнаго языка никакого не могу знать, да и лѣта мои уже ушли отъ науки...»

Наконецъ въ «Приложеніяхъ» разсматриваемой нами книжки «Архива» напечатаны: 1) указатель книгъ по русской исторіи, географіи, статистикѣ и русскому праву, вышедшихъ въ 1849 году, составленный г. *Капустинымъ*, и 2) указатель статей по тѣмъ же предметамъ, помѣщенныхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», издан. Павломъ Свищевымъ, за года отъ 1818—1825 включительно. Послѣдній указатель составленъ мною.

А. АФАНАСЬЕВЪ.

IV.

НОВЫЯ КНИГИ.

Карта Промышленности Европейской Россіи, съ показаніемъ Фабрикъ, Заводовъ и Промысловъ, Административныхъ мѣстъ по Мануфактурной части, Главнѣйшихъ Ярмарокъ, Водяныхъ и Сухопутныхъ Сообщеній, Портовъ, Маяковъ, Таможень, Главнѣйшихъ Пристаней, Карантиновъ и проч. Изданіе второе съ текстомъ, исправленное и дополненное по послѣднимъ свѣдѣніямъ Пав. Крюковымъ въ 1853 году. Текстъ Промышленной Карты. Часть I, или Очеркъ Мануфактурно-промышленныхъ Силъ Европейской Россіи, служащій текстомъ промышленной карты, въ двухъ частяхъ, составленный Павл. Крюковымъ. Санктпетербургъ. 1853.

Мы привыкли встрѣчать съ должнымъ почетомъ и уваженіемъ каждый дѣльный трудъ, посвященный строгому изслѣдованію внутреннихъ силъ какого бы то ни было уголка обширнаго нашего отечества : можно себѣ представить, какъ радостно приготовились мы привѣтствовать появленіе книги, сулящей намъ прочное знакомство съ самыми интересными вопросами коммерческой статистики, съ вопросами, касающимися дѣлой Европейской Россіи. Мы понимаемъ всю важность, всю трудность задачи, которую предположилъ себѣ разрѣшить г. Крюковъ и будемъ знакомиться съ предлагаемыми намъ богатствами, заранѣе сознавъ ту истину, что изысканія г. Крюкова, по кажущемуся существу и значенію своему, должны стоять на ряду съ другими статистическими изысканіями нашихъ трудолюбивыхъ писателей, каковы гг. П. И. Кешень, Гр. П. Небольсинъ, К. И. Арсеньевъ, Л. В. Тенгоборскій... Послѣ такихъ капитальныхъ трудовъ, какіе представили эти ученые, послѣ появленія третьяго тома «Etudes sur les forces productives de la Russie» Л. В. Тенгоборскаго, кажется, мы въ-правѣ ожидать чего-нибудь существенно-полезнаго и строго-очищеннаго критикой.

Карта и книга г. Крюкова продаются отдѣльно одна отъ другой : стало-быть, картой можно довольствоваться безъ книги, а книгой пользоваться отдѣльно отъ карты.

Вотъ передъ нами «Карта промышленности Европейской Россіи», скопированная съ карты, надъ составленіемъ которой, лѣтъ двѣнадцать назадъ, трудился господинъ Зиновьевъ; однакожь карта эта, какъ увѣряетъ г. Крюковъ, *исправлена имъ и дополнена по послѣднимъ свѣдѣніямъ.*

Само-собою разумѣется, что частное лицо не всегда бываетъ въ возможности располагать такими обширными матеріальными средствами, какими обыкновенно располагаютъ въ этихъ случаяхъ правительственныя мѣста и лица. Поэтому, бывъ хорошо знакомы съ отчетливостью, исполнительностью и роскошью правительственныхъ изданій послѣдняго времени, мы не въ-правѣ требовать, чтобъ частное лицо, какъ г. Крюковъ, было въ-состояніи представить намъ что-нибудь хоть нѣсколько-похожее на карты, обнаруживаемыя отъ правительства. Но мы полагаемъ, что если г. Крюковъ рѣшился воспользоваться старинною картою г-на Зиновьева и приобрѣлъ право на перепечатаніе ея, то ему и слѣдовало бы приложить стараніе, чтобъ выставленная имъ фраза: *исправлена и дополнена по послѣднимъ свѣдѣніямъ*, оправдывалась на дѣлѣ и вполнѣ соответствовала той степени требовательности, на которую вызвался самъ г. Крюковъ. Конечно, на картѣ, послѣдней имя г. Крюкова, обозначены желѣзныя дороги, Санктпетербурго-Московская и Варшавская, проведены изотермическія, изотерическія и изохименныя линіи, обозначены маяки, показана средняя температура года въ различныхъ мѣстахъ; несмотря, однакожь, на все это, врядъ-ли найдутся охотники рисковать своимъ зрѣніемъ на испещренномъ различными условными знаками листѣ, на прострѣствѣ отъ Рыбинска до Костромы и отъ Козельска до Ардатова: до такой степени эта любопытная мѣстность вся испещрена разнокалиберными и разнодѣйствующими сигналами.

Вообще говоря, вслѣдствіе принятой составителемъ карты системы, многообразными ея указаніями очень-трудно пользоваться. Такъ, напримеръ, при городѣ Тулѣ читатель находитъ 1) «глазъ въ треугольникѣ», 2) «циркуль съ линійкой» и 3) кружокъ съ буквами «В. б.». Изъ «экспликаціи» можно узнать, что эти три условныя знака обозначаютъ 1) административныя мѣста по мануфактурной части, 2) реальныя школы и школы мореплаванія и 3) воскобойные заводы. Но развѣ всѣ эти три предмета характеризуютъ хоть сколько-нибудь промышленность Тулы и ея уѣзда? Правда, близъ Тулы поставлены еще нѣтъ кружковъ съ словами Щ. о., П. р., Кж., Са., и Ми., но все это означаетъ обработку щетины и шерсти, и заводы кожевенныя, салотопенныя и мыловаренныя, а все-таки не даетъ никакого понятія ни о ружейномъ дѣлѣ, ни о самоварахъ—а эти двѣ отрасли промышленности составляютъ исключительную характеристику Тулы; притомъ же и нѣтъ приведенныхъ выше кружковъ поставлены такъ, что не знаешь, куда ихъ отнести: къ Тулѣ, или къ Веневу... Въ стагахъ, обозначенныхъ въ

надаваемых правительством газетахъ и журналахъ, мы находимъ самую вѣрную характеристику Тулы, да и въ текстѣ книги г. Крюкова, извлеченномъ изъ официальныхъ свѣдѣній, есть чрезвычайно-любопытныя общія черты промышленной производительности Тулы, а на картѣ вовсе этого невидно.

Мало этого : при городѣ Уральскѣ мы, кромѣ «вѣсовъ», означающихъ, что тутъ таможня, не нашли никакого другаго знака, какъ-будто тутъ вовсе нѣтъ никакой другой коммерческой дѣятельности.

Городъ Сухиничи, занимающій такое почетное мѣсто въ ряду промышленныхъ городовъ центральной Россіи, оставленъ издателемъ карты безъ всякаго знака отличія и поставленъ какъ-будто бы наряду съ Сердобскомъ, Аткаромъ и Городней.

Минскъ, Могилевъ-на-Днѣпрѣ, Гродно, Ковно, Умань, Черниговъ и многія другія мѣстности, замѣчательныя въ коммерческомъ отношеніи, точно также не охарактеризованы на картѣ никакою промышленною дѣятельностью.

При городахъ Зубцовѣ, Ржевѣ, Сычовкѣ, Могилевѣ-на-Днѣстрѣ, Царичинѣ, Камышинѣ, Волгскѣ, Хвалыискѣ, Брянскѣ и другихъ не поставлено даже «якоря», обозначающаго, что тутъ пристань.

На картѣ мы не нашли ни Днѣпровско-бугскаго Канала, ни желѣзно-конной дороги изъ Дубовки въ Качалинскую-Станицу, не нашли многихъ коммерческихъ дорогъ... не нашли многоаго, чего въ-правѣ были требовать отъ карты съ выписаннымъ выше заглавіемъ.

На составленіе, или, правильнѣе, на перекопировку за двѣнадцать лѣтъ до сего изданной карты, на ея *исправленіе и дополненіе по послѣднимъ свѣдѣніямъ* г. Крюковъ употребилъ много времени, и если не достигъ окончательныхъ результатовъ, не достигъ цѣли, къ которой онъ свою карту предназначалъ, то въ этомъ винить надо систему, которой онъ слѣдовалъ, стараясь охарактеризовать *многіе* города и *многія* селенія. Къ какой, напримѣръ, пользѣ служить можетъ свѣдѣніе, что въ какихъ-то *Хисловичахъ* существуетъ главнѣйшая конская ярмарка? что существенная будто-бы характеристика Сычовки и Гжатска — кожевенные заводы? что *Брынь* и *Вдовецъ* славятся изготовленіемъ шерстяныхъ тканей? или что *Конька*, *Коньково*, *Камисосовъ*, *Хомутецъ* и т. н., вовсе ничѣмъ не замѣчательныя мѣстности, славятся будто-бы кожевенными заводами? Всѣ эти свѣдѣнія служатъ развѣ только къ излишней пестротѣ и безъ того ужъ слишкомъ-пестрой картѣ.

Система условныхъ знаковъ придумана такъ перазсчитанно, что, открывшись картѣ безъ предварительныхъ познаній, можно подумать, что нѣкоторые дѣйствительно-замѣчательные города вовсе не имѣютъ никакого коммерческаго значенія, а что многія ничтожныя деревушки и городки будто-бы и въ-самомъ-дѣлѣ занимаютъ почетное мѣсто въ ряду промышленныхъ мѣстностей. Надо постараться упростить эту систему;

надо съумѣть придать картѣ надлежащую краткость, сжатость и полноту; надо избѣгать на къ чему неведущихъ околичностей и случайностей — вотъ тогда заслуга копировщика карты будетъ несомнѣнна и труды его дѣйствительно могутъ принести существенную пользу.

Несмотря на этотъ отзывъ, мы все-таки скажемъ доброе спасибо г. Крюкову: карта его можетъ служить нагляднымъ урокомъ будущимъ составителямъ промышленныхъ картъ Россіи; другой пользы отъ нея мы, признаемся откровенно, не видимъ. Карта г. Зиновьева также была не безъ недостатковъ; но карта г. Зиновьева принадлежитъ къ давно-протекшему времени; карта эта въ свое время была хороша; карта эта была только первымъ опытомъ; г. Крюковъ самъ призналъ ее непригодною для настоящей минуты: какими же полезными *исправленіями* и *дополненіями* обогатилъ онъ первоначальный, не ему принадлежащій трудъ? Почти никакими!

Обратимся теперь къ книгѣ г. Крюкова, къ книгѣ, которой онъ такъ неудачно сдѣлалъ два заглавные листа. На первомъ листкѣ онъ назвалъ свою книгу «Текстъ Промышленной Карты. Часть I», а на второмъ «Очеркъ промышленныхъ силъ Европейской Россіи, служащій текстомъ промышленной карты, въ двухъ частяхъ». Книга, кромѣ предисловія, состоитъ изъ *введенія* и *вѣдомостей*, или перечней, весьма-неискусно и нестарательно извлеченныхъ изъ драгоценныхъ официальныхъ свѣдѣній: введеніе-то и составляетъ первую часть, а эти перечни или вѣдомости — вторую, названную «Очеркомъ промышленныхъ силъ Европейской Россіи».

Что жъ это за введеніе и какъ велико на самомъ дѣлѣ искусство г. Крюкова извлекать весь интересъ изъ такой богатой сокровищницы статистическихъ данныхъ, какими всюду являются официальные свѣдѣнія?

Изъ «Предисловія» узнаемъ, что введеніе, или первая, приготовительная часть изданной имъ къ новому 1854 году книги *извлечена преимущественно изъ записокъ* (какъ послѣ увидимъ, изъ рукописныхъ записокъ) *барона А. К. Мейендорфа, посвятившаго себя изученію Россіи въ отношеніи ея промышленныхъ силъ: записки эти введены имъ во время его различныхъ поѣздокъ по Россіи.*

Вторая часть, или перечневая вѣдомости *заимствованы (?)* изъ официальныхъ свѣдѣній по 1850 годъ, имѣющихся въ Департаментѣ Мануфактуръ и Внутренней Торговли, и также изъ журналовъ и газетъ, издаваемыхъ по распоряженію правительства.

Посмотримъ же, какъ г. Крюковъ *заимствовалъ* данныя изъ свѣдѣній, какъ теперь открывается, тоже не имъ самимъ собранныхъ. Такъ-какъ г. Крюковъ на стр. IV своего предисловія объявилъ, что онъ не входилъ только въ *дальнѣйшую оцѣнку результатовъ*, а между-тѣмъ заверяетъ, что *въ отношеніи точности сообщаемыхъ имъ данныхъ можно сказать, что они никакъ не менѣе дѣйствительныхъ*, а на стр. III того же предисловія гово-

рять, что въ *общемъ видѣ* (выводѣ?) *промышленности* (о состояніи промышленности) (въ) *каждой губерніи* включено производство фабрикъ и заводовъ, которые, по ихъ незначительности, въ текстъ не упомянуты и на картѣ не обозначены; по нѣкоторымъ (же) губерніямъ въ «*общемъ видѣ*», по неопредѣлительности нѣкоторыхъ производствъ и незначительному ихъ развитію, взяты *предвидущія* (?) *цифры* приблизительно: то и надо предположить, что г. Крюковъ не хотѣлъ быть простымъ копипляторомъ, переписчикомъ, извлекателемъ и заимствователемъ чужихъ трудовъ, а взялся за дѣло съ умѣньемъ, съ полнымъ сознаниемъ и своихъ силъ и важности предприняемаго труда.

Въ введеніи упоминается о Финляндіи, о Закавказьѣ, о Сибири, но г. Крюковъ въ Закавказскомъ Краѣ обозначилъ одинъ лишь таможни и сальянскіе рыбные промыслы, да и то не въ книгѣ, а только на картѣ; въ самомъ же текстѣ, посвященномъ Европейской Россіи, во второй части, нѣтъ никакихъ свѣдѣній ни о Финляндіи, ни о Царствѣ Польскомъ, по той простой причинѣ, что у г. Крюкова *не было будто бы подъ рукою положительныхъ данныхъ* (стр. II). Сибирь и Закавказье, разумѣется, тоже не нашли себѣ мѣста въ книгѣ г. Крюкова — этого и надобно было ожидать.

Но вотъ что странно: вслѣдствіе какихъ уважительныхъ причинъ г. Крюковъ въ концѣ 1853 года заблагоразсудилъ оставить Астраханскую, Оренбургскую, Саратовскую и Симбирскую Губерніи въ тѣхъ границахъ, въ какихъ эти четыре губерніи когда-то прежде были? и за что онъ заставляетъ самихъ читателей добираться до свѣдѣній, которыя должны относиться къ пяти губерніямъ: Симбирской, Саратовской, Самарской, Астраханской и Оренбургской? Этой небрежности мы ничѣмъ объяснить не можемъ.

Не менѣе странно для насъ и то, вслѣдствіе какихъ уважительныхъ причинъ заблагоразсудилъ онъ вовсе исключить изъ своего обзора губернію Ковенскую?

Еще страннѣе исключеніе изъ обзора *почти всѣхъ* коронныхъ, казенныхъ и общественныхъ заводовъ и мануфактуръ. И съ какою цѣлью составитель не упомянулъ ни слова объ этомъ исключеніи? Не-уже-ли онъ не согласенъ, что многіе, и чуть-ли не всѣ казенные и коронные заводы даютъ сильное движеніе мануфактурно-промышленнымъ силамъ и имѣютъ огромное вліяніе на развитіе производительности того или иного края и на усугубленіе благосостоянія обитателей той или другой мѣстности? Подобнаго упущенія мы рѣшительно никакъ ни понять, ни оправдать не можемъ.

Но обратимся къ *извлеченіямъ* и *заимствованіямъ*.

Г. Крюковъ посвятилъ свою книгу, «изъ признательности», барону А. К. Мейендорфу, изъ записокъ котораго онъ преимущественно извлекъ всю первую часть своей книги.

Баронъ А. К. Мейендорфъ пользуется въ ученое и административное мѣсто обширною и почетною извѣстностью. Записки его чрезвычайно-интересны; но мы предполагаемъ, что онъ ихъ велъ, или такъ-сказать набрасывалъ въ дорогѣ, въ видѣ матеріаловъ для будущей ученой разработки. Это мы заключаемъ, во-первыхъ, изъ вышеприведенныхъ словъ самого г. Крюкова, что *записки ведены во время полюдья*, и во-вторыхъ — изъ свѣдѣній, краткости и сжатости этихъ замѣтокъ; во всякомъ случаѣ, личность автора этихъ замѣтокъ, меткость его взгляда, практичность, фундаментальность знанія промышленныхъ силъ Россіи и обширность эрудиціи высказываются на каждомъ шагу. Но, въ введеніи г. Крюкова мы не нашли той вѣрности оборотовъ, той легкости и плавности языка, какія привыкли встрѣчать въ произведеніяхъ барона Мейендорфа.

Мало этого: мы очень-ясно видимъ, что оригиналъ набросанныхъ барономъ А. К. Мейендорфомъ по дорогѣ замѣтокъ былъ писанъ по-французски и писанъ очень на-скоро, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, можетъ-быть, нечетко, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слова могли быть не дописаны. Г. Крюковъ переводилъ эти замѣтки и перевелъ дурно. Что они дурно переведены — этому доказательствомъ можетъ служить все введеніе, а что они писаны въ оригиналѣ по-французски, такъ это видно изъ слѣдующаго:

1) Г. Крюковъ затруднился въ выборѣ нѣкоторыхъ выраженій для перевода словъ, употребленныхъ самимъ авторомъ, и, чтобъ скорѣй кончить непривычную, можетъ-быть, работу, употреблялъ или два русскія слова, одно въ текстѣ, другое въ скобкахъ, или слово по-русски да то же слово по-французски. Напримѣръ: «склоны (значительныя покатости земли къ морю) (стр. 2); высотами (возвышенностями) (стр. 6); ятрышниковыя (любовыя) (стр. 7); народонаселеніе (населенность) (стр. 9); высоты (увалы) (стр. 19); обломки (*détritus*) (стр. 41); человекъ не будетъ принесенъ въ жертву производительности (*l'homme ne sera pas sacrifié à la production Sismondi*)! Ч. I стр. 64 и м. т. п.

2) Г. Крюковъ оставилъ безъ измѣненія тѣ примѣчанія, которыя баронъ А. К. Мейендорфъ, какъ по всему видно, сдѣлалъ по-французски лично для себя, или для того, кто захотѣлъ бы воспользоваться совѣтами и указаніями автора на-скоро-набросанныхъ замѣтокъ. Такъ, баронъ А. К. Мейендорфъ, обладая начитанностью, вспомнилъ, что онъ гдѣ-то на нѣмецкомъ языкѣ читалъ любопытныя изслѣдованія о черноземѣ и послѣдшилъ въ скобкахъ это себѣ отмѣтить; а г. Крюковъ помѣстилъ его замѣтку цѣлкомъ, какъ она была написана во французскомъ текстѣ: и вышло, что «надо справиться (*dans les annales de Roggendorf 1835 — 1839*)!» Это напечатано у г. Крюкова на 41 страницѣ первой части его «Очерка». Еще удивительнѣе слѣдующее: баронъ А. К. Мейендорфъ, набрасывая свои замѣтки по-французски,

употребилъ, для выраженія сурѣвности, французское слово «селза», а г. Крюковъ позабылъ ли справиться съ лексикономъ, или принявъ это слово, по созвучію съ словомъ «кольце», за чистое русское слово, нанечаталъ его русскими буквами, и вышло, что помѣшникъ Бунинъ и Павловъ съ успѣхомъ производятъ (развѣ «разведать») *кольцу!* (См. Ч. I стр. 45).

Вероятно неразборчивость рукописи наскоро-набросанныхъ по-французски замѣтокъ ввели г. Крюкова въ подобные промахи. Такъ, напримѣръ, мы нашли у него слѣдующія ссылки:

«См. о Самоѣдахъ г. Славина 1847 г.»: дѣло идетъ не о водевищѣхъ Славинѣхъ, а объ извѣстномъ писателѣ г. Владимірѣ Иславинѣ: г. Крюковъ не разобралъ слова *Islawin!* (См. Ч. I стр. 43).

Не повѣрилъ г. Крюковъ и правильности имени *Boguslaw*: вѣроятно ему незнакомы умныя и весьма-дѣльныя замѣтки, которыя нѣсколько лѣтъ уже помѣщаются въ разныхъ журналахъ о разныхъ отрасляхъ промышленности въ Бѣломорѣхъ г. О. А. Богуславъ: отъ этого у г. Крюкова, при словѣ о сельдахъ, поставлена такого рода замѣтка: «см. Записки г. Богусловскаго объ этомъ предметѣ 1839—1845 г.» (Ч. I стр. 42).

Въ раздумьѣ пришелъ составитель и отъ *publications de mr. Karłowitz*: онъ придумалъ пригласить читателей заглянуть точно въ книгу вотъ какую: «см. Публикованіе г. Карновича» (см. Ч. I, стр. 46).

Послѣ этого нечего и говорить о «см. *Cotta* изъ Таранта и его *обнародованіе* по этому предмету» (Ч. I, стр. 44), «См. Сочиненіе Вермана»...? (Ч. I, стр. 44 и 28). Насъ ужъ теперь не удивить, разумѣется, ни Нарская волость (Ч. I, стр. 37), ни городъ Лубмо (Ч. I, стр. 43), ни *мѣстечко* Судиславль (Ч. I, стр. 28), ни *Богуславскій Уѣздъ* Кіевской Губерніи (Ч. I, стр. 43), ни покойный Багрушинъ (Ч. I, стр. 48), ни афоризмъ, что «*сельские припасы и матеріалы* животнаго царства суть главный характеръ *національной* русской производительности» (Ч. I, стр. 49), ни то, что будто бы «Россия можетъ сдѣлаться *владычицею* *всѣхъ рынковъ* для (?) *назначенныхъ въ пищу продуктовъ*» (Ч. I, стр. 50), ни многое, даже очень-многое, совершенно тому же подобное.

Таковы *извлечения* изъ въ высшей степени любопытныхъ записокъ барона А. К. Мейендорфа; перейдемъ теперь къ сущности дѣла...

Но спрашивается: имѣемъ ли мы право войти въ критическій разборъ переведенныхъ нынѣ г. Крюковымъ «замѣтокъ» барона Мейендорфа? Положа руку на сердце, утвердительно отвѣчаемъ, что мы не имѣемъ на это никакого права, во первыхъ, потому, что замѣтки эти очень-дурно переведены г. Крюковымъ съ французскаго, вторыхъ, потому, что сомнѣваемся, предназначалъ ли ихъ самъ авторъ къ печати въ томъ самомъ видѣ, какъ ихъ первоначально набросалъ во время своихъ разъѣздовъ, и вторыхъ, наконецъ, потому, что внутренно

убѣждены, что замѣтки эти были только рамкою, планомъ, бѣглымъ рисункомъ, который требовалъ не сокращенія, а подробнѣйшаго развитія и дальнѣйшей обработки, съ подведеніемъ цитатъ изъ тѣхъ авторовъ, на которыхъ слегка и только на память, второпяхъ, во время разсѣловъ, ссылался баронъ А. К. Мейендорфъ.

Отстранивъ отъ себя эту обязанность, переходимъ ко второй части книги г. Крюкова — ужь не къ *извлеченіямъ*, а къ его *заимствованіямъ* изъ чужихъ трудовъ.

Г. Крюковъ въ предисловіи своемъ (стр. IV) говоритъ, что при составленіи *сего Очерка* онъ «имѣлъ цѣлю показать, во второй его части, по возможности подробно, *идь что дѣлается, безъ особенной какой-либо системы въ расположеніи*», и что «предлежащій опытъ мануфактурной статистики неполонъ и далекъ отъ точности еще и потому, что наша промышленность еще въ юношескомъ возрастѣ, *перемѣляется и перемѣщается съ каждымъ годомъ* и потому неуволнима для опредѣленнаго *вѣрными цифрами* представленія.

Съ нашей стороны было бы смѣшно и несправедливо требовать отъ частнаго человѣка вѣрныхъ цифръ въ такомъ обширномъ описаніи промышленности, за какое онъ принялся; но мы имѣемъ полное право ожидать, чтобъ приблизительное показаніе существеннѣйшихъ данныхъ было сдѣлано точно и даже пунктуально-точно. Если г. Крюковъ не достигъ до этого, то виною было не младенческое состояніе, не юношескій возрастъ нашей промышленности, а то, что самъ г. Крюковъ не приложилъ въ этомъ дѣлѣ никакого старанія и шивалъ свою книгу какъ-нибудь, что мы сейчасъ и докажемъ.

Г. Крюковъ не потрудился даже указать, къ какому именно времени относятся и изъ какихъ именно официальныхъ свѣдѣній заимствованы сообщаемыя имъ теперь данныя; а фразы, что свѣдѣнія эти обнимаютъ время *по 1850 годъ* и что они имѣются въ такомъ-то департаментѣ — только фразы. Что г. Крюковъ воспользовался нѣкоторыми вѣдомостями, имѣющимися въ Департаментѣ Мануфактуръ и Внутренней Торговли — этому мы охотно вѣримъ, потому-что вѣдомости о нѣкоторыхъ губерніяхъ дѣйствительно полны высокаго интереса и прекрасно составлены; но чтобъ г. Крюковъ далъ себѣ трудъ сдѣлать дѣльное извлеченіе *изъ журналовъ и газетъ, правительствомъ издаваемыхъ*, и даже, чтобъ онъ прилежно воспользовался официальными данными — въ этомъ мы сильно сомнѣваемся, и сомнѣнія свои тоже подкрѣпимъ доказательствами.

Первая часть названа имъ «Введеніе», вторая — «Промышленные округа». Промышленныхъ округовъ мы не нашли; нашли только перечневыя вѣдомости по губерніямъ, подобраннымъ по азбучному порядку, и то не по строгому азбучному порядку. Такъ, наприимѣръ, Курская Гу-

бернія предшествуетъ Курляндской, Псковская — Полтавской, Полтавская — Подольской, Подольская — Пермской.

Въ вѣдомостяхъ, касающихся Псковской Губерніи (стр. 153), два раза обозначенъ *Торжокскій Уѣздъ*. Такого уѣзда у насъ вовсе нѣтъ: есть *Новоторжскій Уѣздъ*, но онъ не въ Псковской, а въ Тверской Губерніи. Этого промаха не могутъ представить никогда официальные данныя.

Городъ Нарва показанъ дважды и въ двухъ губерніяхъ — въ Санкт-петербургской и въ Эстляндской (стр. 182 и 232).

Въ Лифляндской Губерніи обозначенъ *Феллинскій Уѣздъ* (стр. 90).

Одесса приурочена къ Екатеринославской Губерніи (см. ч. 2, стр. 55 и 245); а о Таганрогѣ упоминаетъ на стр. 224, посвященной Херсонской Губерніи.

Описывая Эстляндскую Губернію (стр. 232), г. Крюковъ ни слова не сказалъ о Балтійскомъ Портѣ, тогда-какъ изъ журналовъ и газетъ, издаваемыхъ правительствомъ, можно было извлечь необходимыя свѣдѣнія и объ этомъ городѣ, и о Ригѣ, и Ревелѣ, Либавѣ, Нарвѣ и другихъ. Между-тѣмъ (на стр. 24) видно, что городъ Балтійскій-Портъ г. Крюковъ считаетъ такимъ же, какъ и всякій другой портъ.

Говоря о Ярославской Губерніи (стр. 253—258), онъ не упомянулъ о городѣ Мышкинѣ.

При обзорѣ Костромской Губерніи, г. Крюковъ, Богъ-знаетъ почему, говоритъ (стр. 78) о грибахъ, собираемыхъ въ какомъ-то Судиславльскомъ Уѣздѣ, тогда-какъ о другихъ, болѣе-замѣчательныхъ въ этомъ отношеніи мѣстностяхъ, не говоритъ ни слова. Притѣмъ же *Судиславльскаго Уѣзда* — нѣтъ, и официальные данныя подобныхъ свѣдѣній представить не могли; о топорахъ, выдѣлываемыхъ въ заштатномъ городѣ Плѣсъ, Нерехотскаго Уѣзда, ничего не сказано (стр. 79).

Село Ромачи показано и въ Вятской Губерніи и въ губерніи Костромской (стр. 80 и 246): никто не повѣритъ, чтобъ подобнаго рода обломки могли существовать въ официально-собранныхъ свѣдѣніяхъ.

Говоря о городѣ Юрьевѣ, Владимирской Губерніи, г. Крюковъ забылъ выставить полное имя этого города: «Юрьевъ-Польскій» (стр. 19).

О городѣ Сергачѣ, Нижегородской Губерніи, дважды упоминается одно и то же (стр. 126 и 133).

Въ Воронежской Губерніи, называемыхъ г. Крюковымъ городовъ: Острогорска и Крутогорска — не имѣется (стр. 42).

Въ описаніи Гродненской Губерніи г. Крюковъ говоритъ о какомъ-то Гроднѣ — мѣстечкѣ Бѣлостоцкаго уѣзда, а о губернскомъ городѣ Гродно не говоритъ ни слова (стр. 51).

Въ обзорѣ Пермской Губерніи пропущенъ весьма-замѣчательный городъ Кунгуръ (стр. 162—169), тогда-какъ на картѣ онъ значится.

При обзорѣ Калужской Губерніи сказано про одну и ту же канатную фабрику — въ одномъ мѣстѣ (стр. 62), что на ней готовится до

1500 пуд. княтата, а въ другомъ (стр. 69), вмѣсто 1500 мы находимъ 15,000 пудовъ.

На стр. 94, Гомель названъ *мльстечкомъ* Бѣлицкаго Уѣзда, тогда какъ онъ давно уже возведенъ на степень уѣзднаго города. Г. Крюковъ забылъ прибавить, что городъ этотъ составляетъ собственность князя Варшавскаго.

Въ селѣ Хорошевѣ, Московской Губерніи, г. Крюковъ (стр. 407) нашелъ какую-то окисленную соль, а въ городѣ Коломнѣ (стр. 416) открылъ какой-то пастыльный *заводъ*(?). Дѣло объясняется тѣмъ, что въ Коломнѣ дѣлаютъ такъ-называемую мутовую пастилу; на эту пастилу г. Крюковъ обратилъ вниманіе, и за-то про новгородскую пастилу не сказалъ ни слова (стр. 435).

Въ Сергіевскомъ Посадѣ (стр. 419) онъ не взглянулъ на выдѣляемыя тамъ игрушки.

Въ «общемъ выводѣ» о состояніи промышленности въ Московской Губерніи г. Крюковъ нестарательно перечислилъ всѣ виды промышленности, а промышленныя оборотамъ Московской Губерніи подвелъ три разные цифровые итога, раздѣливъ ихъ на итоги годового производства: 1) главныхъ отраслей промышленности Московской Губерніи; 2) фабричной и заводской промышленности Московской Губерніи по уѣздамъ и 3) всѣхъ фабрикъ и заводовъ цѣлой Московской Губерніи (стр. 424).

Въ Кіевской Губерніи г. Крюковъ наименовывааетъ, вмѣсто села Межигорья—Межигорскую (стр. 72).

Въ Нижегородской Губерніи переименовывааетъ имя извѣстнаго въ Нижнемъ кунца Барбатежова — въ Борбатеннова (стр. 125).

Въ Оренбургской — Стерлитамацкій Уѣздъ называетъ Стерлитамацкимъ (стр. 143).

Въ Орловской Губерніи розно высчитываетъ маслѣбойни: на одной и той же страницѣ (стр. 148) у г. Крюкова показано ихъ и ровно 1,450 и болѣе 2,000.

Въ Полтавской Губерніи не упомянута знаменитая Рѣшетловка (стр. 458).

Въ С.-Петербургѣ насчитано, между-прочимъ, только *семь* красильныхъ, *два* небольшихъ заведенія, *пять* фортепянныхъ заведеній, *десять* экипажныхъ мастерскихъ, *четыре* мастерскія для приготовленія серебряныхъ издѣлій, *два* мастерскія замповщиковъ, *два* шелковыя фабрики, *два* макаронныя заведенія и проч. (стр. 174—179), тогда какъ стоить пройтисѣ по нѣкоторымъ только петербургскимъ улицамъ для убѣжденія, что у насъ несравненно-больше мастерскихъ. Вмѣсто Гостилицы, находимъ мы Гостилицкую, вмѣсто Стрѣльны — Стрѣльнишескую (стр. 184); многія мѣстности различныхъ промышленныхъ заведеній въ С.-Петербургской Губерніи вовсе не показаны.

Въ Саратовской Губерніи показанъ какой-то городъ *Калишкеръ* (стр. 489).

Богородскій Уѣздъ обозначенъ г. Крюковымъ въ Тульской Губерніи, тогда-какъ онъ находится въ Московской (стр. 217).

Во 2-й части книги г. Крюкова нѣтъ ни слова о такихъ замѣчательныхъ мѣстностяхъ, каковы, напримѣръ, Ворытинецъ, Гурьевъ, Лубны, Леовъ, Меджибожь, Норская Слобода, Перемышль, Рашевка, Сушичи, Умань, Уральскъ, Шкловъ, и т. п. Какія же уважительныя причины побудили г. Крюкова исключить данныя, которыя необходимо должны существовать и существовать въ официальныхъ свѣдѣніяхъ?

Многіе итоги подведены невѣрно. Для примѣра, возьмемъ Подольскую Губернію. Въ ней суконныхъ фабрикъ по вѣдомости значится 93, а въ общемъ выводѣ г. Крюковъ ставитъ 112; сахарныхъ заводовъ по вѣдомости 40, а въ общемъ выводѣ только 37; кожевенныхъ заводовъ по вѣдомости только 4, а г. Крюковъ считаетъ 9; мыловаренныхъ 5, а г. Крюковъ считаетъ тоже 9; петашныхъ заводовъ 2, а выставлено 5; свѣчносальныхъ 8, а поставлено 12, и т. д. Такихъ ошибокъ у г. Крюкова множество.

Дѣло въ томъ, что г. Крюковъ не только не держался никакой системы, въ его книгѣ мы не видимъ даже вовсе никакого порядка. При обзорѣ иныхъ губерній онъ, казалось, придерживался того, чтобы прежде разсматривать промышленность городовъ, сначала губернскаго, потомъ уѣздныхъ, а затѣмъ высчитывалъ села и деревни по уѣздамъ и говорилъ о разныхъ промыслахъ, которыми въ этихъ селеніяхъ занимаются. При обзорѣ другихъ онъ какъ-будто держался тожественности занятій и исчислялъ сначала мѣстности, въ которыхъ преобладаетъ, положимъ, ткачество, затѣмъ исчислялъ мѣстности, гдѣ развиваются другіе промыслы, напримѣръ, кожевенное производство, и такимъ образомъ отъ одного вида переходилъ къ другому. При обзорѣ иныхъ губерній онъ просто ничего не держался, а только списывалъ кое-какъ то, что попадалось подъ-руку. Послѣ такого перечня, г. Крюковъ сводилъ итоги въ видѣ рубрикой «общій видъ промышленности» выписывалъ, что въ такой-то губерніи такихъ-то фабрикъ столько-то, такихъ-то заводовъ столько-то; рабочихъ на такого-то вида фабрикахъ столько-то, годовое производство одѣживается во столько-то; иногда г. Крюковъ обходился и безъ этихъ цифръ. Въ заключеніе говорить онъ иногда о крестьянскихъ промыслахъ, о скотоводствѣ, о судоходствѣ, о коммерческомъ движеніи, а иногда ни о чемъ подобномъ не упоминаетъ, а кончаетъ тѣмъ, что обозначаетъ число всѣхъ фабрикъ и заводовъ, включая сюда и ремесленные заведенія, и заведенія, несоставляющія ни завода, ни фабрики.

«Журналы Министерства Внутреннихъ Дѣлъ», «Государственныхъ Имуществъ», «Горный Журналъ», «Мануфактурныя и Горнозаводскія Вѣсти», губернскія вѣдомости, «Коммерческая Газета» остались, по видимому, не приложимы къ книгѣ г. Крюкова.

Возьмемъ, напримѣръ, «Коммерческую Газету». Вотъ нѣкоторыя по-

павшіяся нѣтъ подъ-руку статьи, на которыя мы не замѣтили никакихъ указаній.

О льнопрядильныхъ Ком. Газ. 1851 № 87

О льнѣ » » 1852 № № 4 и 148; 1853 № 44.

О полотнѣ » » 1852 № 149, 1853 № 40.

О льняномъ сѣмени » » 1852 № 139, 1853 № 37.

Торговля и промышленность Ржева Ком. Газ. 1853 № 7, 8, 9, 10 и 19.

» » Кашина » » — № 34—36.

» » Торжка » » — № 42—45.

» » Борисоглебска 1851 № 102, 1852 № 50,
1853 № 46.

» » Ростовск. уѣзда 1852 № 126, 1851 № 147.

» » Харькова — № 135, 136

» » Рашевки 1851 № 140.

Тишанскія ярмарки Ком. Газ. — № 91.

Сибирская ярмарка » » 1852 № 42.

Ростовская ярмарка » » 1853 № 45.

Можно бы сдѣлать тысячи указаній на дѣльныя, драгоценныя данныя, обнародованныя отъ правительства, появившіяся въ публнкѣ до времени изданія книги г. Крюкова, на данныя, которыми онъ обязанъ былъ воспользоваться, и которыхъ мы все-таки не нашли въ его трудѣ; но это ни къ чему не поведетъ.

Итакъ карта г. Крюкова нехороша; текстъ къ ней дурно составленъ.

Неужели же въ-самомъ-дѣлѣ такъ и слѣдуетъ зачислить это изданіе бесполезнымъ?

Нисколько! Ужъ одно то, что заимствованія г. Крюкова, какъ они ни дурно сдѣланы, почерпнуты, хотя и отчасти, а все-таки изъ официальныхъ свѣдѣній: придаетъ книгѣ, въ которой они оттиснуты, чрезвычайно-важный интересъ. Еслибъ мы только были увѣрены, что г. Крюковъ не переназначалъ этихъ данныхъ, мы назвали бы ихъ драгоценнымъ сокровищемъ, алмазомъ въ корѣ, которому нужно только попасть въ руки даровитаго гранильщика, обладающаго хорошими ученными приемами статистика, чтобъ придать этому сокровищу блескъ и высокое значеніе: всякій знаетъ, какъ высоко мы ставимъ всякаго рода официальныхъ данныя— но въ томъ-то и дѣло, что у насъ нѣтъ увѣренности въ правильной переработкѣ г. Крюковымъ этихъ важныхъ данныхъ.

Скажемъ еще одно слово объ изданіи г. Крюкова. Г. Крюковъ явился въ нашей статистической литературѣ очень-неискуснымъ компиляторомъ, но книгу его тѣмъ не менѣе мы должны считать и дѣйствительно считаемъ драгоценнымъ, хоть и плохо-составленнымъ сборникомъ въ высшей степени любопытныхъ данныхъ. Грѣшно было бы, повторять, не поблагодарить г. Крюкова... За что же? за то, что ему пришла мысль набрать столько данныхъ, связать ихъ кое-

какъ и напечатать. Все-таки книга г. Крюкова можетъ принести какую-нибудь пользу.

Пусть не посягуетъ на насъ г. Крюковъ за строгость нашихъ замѣчаній. Онъ можетъ самъ видѣть, какъ велико было наше уваженіе къ его мысли издать книгу, какъ велико было наше желаніе ближе познакомиться съ его изданіемъ. Но онъ насъ самъ вынудилъ на эту строгость. Кому данъ талантъ, тотъ не долженъ зарыватъ его въ землю. Изъ предисловія г. Крюкова, изъ самой мысли его воспользоваться *официальными данными*, изъ самаго намѣренія воспользоваться прекрасными трудами барона А. К. Мейендорфа очень-ясно видно, что г. Крюковъ весьма-хорошо понимаетъ всю важность предпринятой имъ работы.

Тайная мысль : «я умываю руки ; мое дѣло — сторона ; мнѣ не хочется поприлежнѣе, пообдуманнѣе принятыя за разработку этихъ драгоценностей», не можетъ служить для него щитомъ. Еслибъ дѣло шло о какомъ-нибудь иностранномъ государствѣ, читатель махнулъ бы рукой на плохую книгу, а то дѣло идетъ о родномъ отечествѣ—о Россіи, источникомъ служить сокровище официальныхъ свѣдѣній... можно ли же послѣ этого хладнокровно смотрѣть на невнимательность къ такому богатству, каковы официальнымъ путемъ собранныя свѣдѣнія и статьи, помѣщаемыя въ періодическихъ правительственныхъ изданіяхъ?

А все-таки не можемъ кончить нашихъ словъ, не повторимъ добраго спасенія г. Крюкову, хоть за обнаруженіе сырыхъ, необдѣланныхъ, но все же драгоценныхъ данныхъ.

Судоходный дорожникъ Европейской Россіи, издаваемый Главнымъ Управленіемъ Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій. Часть I. Рѣка Волга, отъ Астрахани до Рыбинска. С. Петербургъ, 1854. Въ 8-ю д. л. IX, XLVIII, CLXXX и 271 стран.

Главное Управленіе Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій приобретаетъ право на благодарность всѣхъ, занимающихся изученіемъ нашей внутренней торговли и, что еще важнѣе, содѣйствуетъ успѣхамъ самой внутренней торговли, предпринимая столь капитальное изданіе, какъ «Судоходный Дорожникъ», представляющій полный сводъ самыхъ точныхъ свѣдѣній о водныхъ сообщеніяхъ всей Европейской Россіи и производящейся по нимъ торговлѣ. Драгоценность изданія, о первой части котораго мы теперь отдаемъ отчетъ, лучше всего видна изъ самого плана его, налагаемаго въ предисловіи :

Дорожникъ этотъ заключаетъ въ себѣ :

«I. Краткое обзорнѣе водныхъ путей.

«II. Статистическое описаніе сихъ путей, съ показаніемъ : а) источниковъ и теченія ; б) состоянія водъ ; в) судоходнаго состоянія, какъ нисходящаго, такъ и восходящаго ; г) искусственныхъ пособій для судо-

ходства; д) пристаней; е) законоположений, относящихся до судоходства по описываемому пути относящихся; ж) наименование судовъ, плавающихъ по рѣкѣ, мѣсть ихъ постройки и движенія; з) средствъ сплава и взводки судовъ; и) наименованія количества и цѣнности сплавляемой клади; і) мѣсть, откуда кладь подвозится къ пристаямъ и к) промысловъ прибрежныхъ жителей.

«III. Поверстное описаніе водяныхъ путей, съ означеніемъ прибрежныхъ населенныхъ мѣсть, притоковъ, мелей, переправъ, пристаней и гидрографическихъ сооруженій, также губерній, уѣздовъ, Округовъ путей сообщенія, ихъ Отдѣленій и Дистанцій».

«По самому назначенію Судоходнаго Дорожника, расположеніе его подчиняется главнымъ направленіямъ грузовъ, и самыя пути описаны не по естественному распределенію ихъ по бассейнамъ, а въ порядкѣ направленія клади; поэтому Судоходный Дорожникъ раздѣляется на восемь частей: *Первая часть* — описаніе низовья Волги отъ Астрахани до Рыбинска; *Вторая часть* — описаніе Волги отъ Рыбинска до Верхневолжскаго бейшлота, системъ Вышневолоцкой, Тихвинской и Маріинской, Ладожскаго Канала и р. Невы. *Третья часть* — описаніе притоковъ Волги (Камы, Вятки, Суры, Оки, Мокши съ Цною и Москвы). *Четвертая часть* — описаніе канала герцога Виртембергскаго и рѣкѣ Сухомы, Юга, Сѣверной Двины, Лузы, Вычегды, Ваги и Пинеги. *Пятая часть* — описаніе Наровы съ притоками и Западной Двины и притоковъ ея. *Шестая часть* — описаніе Днѣпра и притоковъ его. *Седьмая часть* — описаніе рѣки Ымана съ притоками, Огневской и Днѣпровско-Бугской системъ и Водынскихъ рѣкѣ. *Осьмая часть* — описаніе рѣкѣ Дога съ притоками и Днѣстра». (стр. II — IX первой нумераціи.)

На XLVIII страницахъ второй нумераціи, представляющихъ общее введеніе ко всѣмъ частямъ, въ краткомъ очеркѣ показывается «естественное раздѣленіе (внутреннихъ) водъ Россіи по бассейнамъ», «искусственныя сообщенія бассейновъ» и «движеніе грузовъ по водянымъ путямъ». Наконецъ, на CLXXX страницахъ третьей нумераціи представляется довольно-подробное «Статистическое описаніе Волги» по вышеобъясненному плану. Представляемъ здѣсь нѣкоторыя изъ официальныхъ данныхъ, сообщаемыхъ въ этомъ описаніи.

Длина Волги, по произведеннымъ въ послѣднее время измѣреніямъ по фарватеру отъ верхневолжскаго бейшлота до города Астрахани составляетъ 3,295 верстъ.

Съ пристаней Волги ежегодно отправляется до 15,700 судовъ; цѣнность всей клади ихъ простирается до 100 милліоновъ рублей сер.; разгружается на пристаяхъ Волги ежегодно до 8,650 судовъ; цѣнность выгружаемой клади простирается до 80 милліоновъ руб. сер.

Главные роды и количество (въ пудахъ) клади, отправляемой съ пристаней и разгружаемой въ пристаяхъ.

Муки пшеничной, ржаной и пр.....	30.200.000	22.800.000
Крупы манной, гречневой и пр.....	2.200.000	1.700.000

Циена сорочинскаго и простаго.....	1.400.000	1.450.000
Пшеницы.....	15.380.000	8.780.000
Ржи.....	2.500.000	1.750.000
Овса.....	9.500.000	4.600.000
Ячменя, гороху и другаго хлѣба.....	1.400.000	760.000
Сѣмена льнянаго, коноплянаго и пр.....	1.500.000	620.000
Масла коровьяго, деревяннаго коноплянаго и пр.....	85.000	80.000
Рыбы, вязлги, ширы.....	2.200.000	1.550.000
Жиру рыбьяго и тюленьяго.....	1.500.000	20.000
Сала.....	3.300.000	1.800.000
Соли.....	10.500.000	10.100.000
Москательныхъ и аптекарскихъ товаровъ	550.000	525.000
Бакалейнаго товару, фруктовъ и овощей.	280.000	350.000
Чаю и кофе.....	60.000	170.000
Сахару.....	90.000	(и меду) 340.000
Табаку и сигарь.....	65.000	65.000
Козьяго пуху, шерсти, конскаго волоса..	80.000	35.000
Мѣховъ и овчинъ.....	45.000	45.000
Юты, кожъ, кожевенныхъ издѣлій.....	200.000	140.000
Льна пеньки и пакля.....	2.000.000	50.000
Поташу и шадрику.....	900.000	600.000
Воску и восковыхъ свѣчъ.....	10.000	5.000
Свѣчъ стеариновыхъ и сальныхъ.....	275.000	120.000
Металлическихъ издѣлій и мѣдной монеты.	620.000	685.000
Металловъ.....	3.550.000	5.000.000
Галантерейнаго товара.....	65.000	50.000
Сукна, шелковыхъ и бумажныхъ тканей и пр.....	160.000	240.000
Полку, хлопчатой бумаги и пражн.....	230.000	100.000
Холста.....	200.000	90.000
Бумаги писчей и пр.....	80.000	95.000
Смолы, скипидару, дегтю.....	110.000	520.000
Разныхъ товаровъ до.....	3.000.000	2.300.000
Ванъ, водокъ, спирту.....	3.250.000	(ведеръ) 1.730.000
Лѣсу, тѣсу и пр. на.....	(рублей) 500.000 (*)	(рублей) 750.000 (**)

За статистическимъ описаніемъ Волги слѣдуетъ главный отдѣлъ первой части «Дорожника» «Поверстное описаніе Волги между Астраханью и Рыбинскомъ». Здѣсь вдоль широкой полосы, изображающей (выпрямленное) теченіе Волги, показывается глубина меженной воды по фарватеру на каждой верстѣ, вмѣстѣ съ подробнымъ обозначеніемъ и описаніемъ всѣхъ мелей, перекатовъ, пороговъ и т. д. Эти еже-

(*) Не считая 300 плотовъ и 1500 гонокъ.

(**) Не считая 2,200 плотовъ.

верстные показанія составляютъ самую существенную и драгоценную часть «поверстнаго описанія»; по берегамъ линіи, обозначающей Волгу, выставлены не только всѣ города, села и деревни, но и мельчайшія поселенія и построенія, стоящія на берегахъ Волги, съ краткимъ описаніемъ промышленности жителей и особенно торговли, производящей ими по Волгѣ. Въ описаніи пристаней подробно показывается, сколько ежегодно приходитъ и уходитъ судовъ, сколько и на какую сумму отправляется изъ пристани и выгружается въ пристани различныхъ родовъ продуктовъ и товаровъ. На соответствующихъ мѣстахъ обозначены также устья всѣхъ рѣкъ и рѣчекъ, впадающихъ въ Волгу, и описывается судоходство и сплавъ по мелкимъ притокамъ, которые не будутъ описаны отдѣльными статьями въ слѣдующихъ частяхъ «Дорожника». Драгоценность этихъ показаній состоитъ преимущественно въ ихъ полнотѣ и точности, и потому невозможно представить никакого обзора ихъ на одной или двухъ страницахъ нашего извлеченія. Общій обзоръ можетъ быть сдѣланъ только торговымъ оборотамъ волжскихъ пристаней, и мы представляемъ его.

Главные волжскія пристани, какъ извѣстно, Нижній Новгородъ и Рыбинскъ; онѣ далеко превосходятъ всѣ остальные обширностью своей торговой дѣятельности. «Поверстное описаніе» показываетъ, что въ нижегородской пристани грузится ежегодно товаровъ на 17,000,000 руб. сер. Изъ рыбинской пристани ежегодно уходитъ товаровъ на 22,000,000 руб. сер.; приходитъ на сумму 16,500,000 р. сер.

Второстепенныя въ сравненіи съ Нижнимъ и Рыбинскомъ, но чрезвычайно еще значительныя пристани по Волгѣ:

	Уходитъ товаровъ.	Приходитъ на сумму.
Астрахань	2,000,000	2,700,000
Дубовка (посадъ Сарат. Губ. Цариц. Уѣзда)	300,000	1,220,000
Саратовъ.....	800,000	2,000,000
Балаково (село Сарат. Г. Хвал. У.).....	900,000	» »
Хвалынскъ (городъ Сарат. Губ.).....	1,890,000	» »
Самара.....	3,000,000	300,000
Хрящевка (сел. Самар. Г. Ставроп. У.).....	1,600,000	»
Пристань бакалдинская (принадл. Г. Казани).	1,500,000	»
Казань.....	950,000	3,000,000
Лысково (Нижегор. Г. Макар. У.).....	1,800,000	100,000
Пристань городецкая (Нижег. Г. Балахи. У.)	1,500,000	550,000
Кострома.....	1,500,000	560,000
Ярославль.....	2,000,000	1,900,000

Вотъ списокъ остальныхъ поволжскихъ пристаней, производящихъ торговлю болѣе нежели на 5,000 р. сер. Перечисляемъ ихъ въ томъ же порядкѣ, какъ «Поверстное описаніе», идя по рѣкѣ вверхъ. Очень многія пристани только отправляютъ товары, не получая сами по водѣ ничего, потому цифра безъ всякаго поясненія означаетъ стоимость от-

правляемыхъ произведеній; когда же въ пристани не только нагружаются, но и разгружаются суда, стоимость получаемыхъ товаровъ, съ отгѣткою «прих (одитъ)», мы ставимъ ниже цифры отправляемыхъ товаровъ, по общему правилу остающейся безъ особенной отгѣтки):

Евстаевскъ.....	15,000	Николаевская слобода.....	180,000
Черный Яръ.....	28,000	Нижняя Добринка.....	20,000
прих.....	32,000	Калышкины.....	9,000
Царицынъ.....	14,270	Изербановка.....	7,500
Камышинъ.....	300,000	Красный Яръ.....	20,000
Банная.....	8,000	Сызрань.....	185,000
Черёбова.....	14,000	Екатериновка.....	200,000
Ровная.....	43,000	Новодѣвичье.....	57,000
Золотое.....	15,000	Сенгилей.....	25,000
Кочетная.....	30,000	Симбирскъ.....	200,000
Краснополе.....	47,000	Старая Майна.....	110,000
Привальная.....	60,000	Тетюши.....	300,000
Скатовка.....	20,000	Козловка.....	50,000
Ябловка.....	47,000	Сундырь.....	60,000
Волская.....	60,000	Чебоксары.....	500,000
Усова.....	75,000	прих.....	60,000
Покровское.....	150,000	Борьяновская пристань)...	5,000
Устье р. Елшанки.....	15,000	Козьмодемьянскъ.....	20,000
Паульская.....	50,000	Коротки.....	100,000
Екатериненштадтъ.....	55,000	Василь.....	35,000
Орловская.....	80,000	прих. ..	20,000
Волгскъ.....	100,000	Устье р. Чугунки.....	350,000
Широкое.....	6,000	Макарьевъ.....	60,000
Духовницкое.....	10,000	Балахна.....	35,000
Александровскіе хутора... ..	20,000	Катунки.....	17,000
Вострая Лука.....	36,000	Пучежъ.....	16,000
Хуторъ Остен-Сакена.....	15,000	Юрьевецъ.....	6,000

Отчетъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, за 1853 годъ. С. Петербургъ, 1854, въ 8-ю д. л. 40 стр.

Императорское Географическое Общество продолжаетъ трудиться на пользу русской науки съ тою же ревностью, какъ и въ прежніе годы, и съ постепеннымъ увеличеніемъ средствъ расширяетъ кругъ своей дѣятельности.

Число членовъ Общества постоянно увеличивается: къ 1-му апрѣля 1854 г. Общество состояло изъ 920 членовъ (89 болѣе, нежели въ предъидущемъ году), въ томъ числѣ дѣйствительныхъ членовъ въ самомъ (С. Петербургскомъ) Обществѣ было 517, по отдѣламъ его (Сибирскому и Закавказскому) 245.

«Для ученыхъ своихъ работъ Общество (*) въ 1853 году располагало

(*) (Отчетъ касается только одного С.-Петербургскаго Общества; отчеты о дѣятельности сибирскаго и кавказскаго отдѣловъ будутъ напечатаны по лучшему).

слѣдующими денежными средствами: къ 1 декабря 1852 г. оставалось различныхъ суммъ отъ прежнихъ лѣтъ 85,162 р. 78¹/₄ коп.; въ теченіе года поступило 24,338 р. 83 коп. Израсходовано изъ нихъ:

На наемъ дома, содержаніе канцеляріи и другія хозяйственныя издержки.....	4,837 р. 34 коп.
На бібліотеку и музей.....	1,067 р. 84 коп.
На экспедиціи, собраніе свѣдѣній, выдачу премій и пособія для ученыхъ работъ.....	11,801 р. 3 ¹ / ₂ коп.
На обнародованіе свѣдѣній.....	13,977 р. 89 коп.
Всего.....	33,200 р. 40 ¹ / ₂ к.

Въ 1854 году Общество ожидаетъ значительнаго увеличенія своихъ доходовъ — съ одной стороны отъ сбора недоимокъ, обращенія своихъ капиталовъ въ приращеніе процентами и проч., съ другой стороны — и это самая утѣшительная надежда — отъ увеличенія продажи своихъ изданій, доставившей и въ прошедшемъ году болѣе 3,000 руб. сер.

Библіотека Общества къ 1-му апрѣля 1853 г. содержала 2,665 книгъ (въ 5,500 томахъ), 420 (собраній) картъ и плановъ, 200 рукописей и проч. Въ томъ числѣ приобрѣтено въ 1853 году 275 сочиненій (въ 511 томахъ) и 16 собраній картъ (въ 178 листахъ). Только половина всего этого количества номеровъ была куплена Обществомъ; другая половина принесена въ даръ. Къ числу замѣчательныхъ приобрѣтеній въ послѣднемъ году принадлежатъ: собраніе рѣдкихъ картъ Россіи XVII и XVIII вѣковъ (доставлено д. чл. П. А. Ганомъ); полное собраніе картъ и сочиненій, изданныхъ Гидрографическимъ Департаментомъ (предоставлено имъ же въ даръ Обществу); и 10 картъ древняго Китая (доставленныхъ д. чл. В. П. Васильевымъ).

Ученая дѣятельность Общества въ прошедшемъ году была такъ же разнообразна, какъ и прежде. Въ 1853 г. оно снарядило три ученые экспедиціи: 1) для геогностическаго изслѣдованія девонской полосы между рѣками Воронежемъ, Дономъ и Волгою, отправился (въ маѣ) по порученію Общества, г. Пахтъ, и, возвратившись въ октябрѣ, уже представилъ краткій отчетъ (напечатанный въ «Вѣстникѣ»); подробный же отчетъ о всѣхъ изслѣдованіяхъ девонской полосы въ Россіи, по порученію Общества, готовится гг. Гельмерсеномъ и Пахтомъ. 2) Вторая экспедиція (отправленная Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ и Обществомъ) должна въ теченіе трехъ лѣтъ изслѣдовать состояніе нашего рыболовства на Волгѣ и Каспійскомъ Морѣ. Начальникъ экспедиціи д. чл. (академикъ) К. М. Бэръ уже представилъ Обществу подробный отчетъ о ея дѣйствіяхъ въ 1853 г. (напечатанный въ 1 книжкѣ «Вѣстника» за 1854 г.). 3) По приглашенію Комитета, учрежденнаго для изданія «Обозрѣнія внутренней торговли Россіи» посланъ особенный изслѣдователь для обозрѣнія украинскыхъ ярмарокъ. 4) Самая обширная экспедиція отправится (по полу-

чешіи заказанныхъ хронометровъ) нынѣшнимъ лѣтомъ для астрономическаго и топографическаго изслѣдованія страны между Иркутскомъ, Леною, Витимомъ, Яблоннымъ Хребтомъ и южною пограничною линіею, (т. е. восточной части Иркутской Губерніи и западной части Забайкальской Области). Если окажется возможнымъ, то ея изслѣдованія распространятся и на Даурію. Экспедиція состоитъ подъ начальствомъ Л. А. Шварца. Работы ея расчлены на три года.

Изъ картографическихъ предпріятій Общества обширѣйшее—хромолитографическое изданіе исправленнаго межеваго атласа Тверской Губерніи, котораго вышло четыре выпуска и которое будетъ окончено въ нынѣшнемъ году. Исправленіе межевыхъ атласовъ другихъ губерній продолжалось по прежнему, при участіи Генеральнаго Штаба и межеваго вѣдомства. Атласъ Рязанской Губерніи былъ исправленъ еще въ 1852 году; въ 1853 г. окончены работы по Тамбовской Губерніи; въ нынѣшнемъ году будетъ окончено исправленіе атласа Владимірской и начнутся работы по Ярославской губерніи.

Сверхъ-того, Обществомъ изданы или приготовлены къ изданію: двѣ карты д. чл. Я. В. Ханькова, изъ которыхъ одна опредѣляетъ всѣ астрономически-опредѣленные пункты въ сѣверо-западной части Средней Азіи, другая представляетъ озеро Иссыкъ-Куль съ окрестностями; карта новгородскихъ пятинъ и погостовъ д. чл. К. А. Неволіна, и подробныя карты Печорскаго Края, д. чл. П. И. Крузенштерна. Наполеонъ д. чл. П. А. Милютинъ занимается окончательнымъ исправленіемъ составляемаго имъ «Статистическаго Атласа Европейской Россіи» и скоро приступитъ къ его литографированію.

Въ 1853 году Обществомъ были изданы слѣдующіе сборники и книги:

1) 8-я и 9-я книжки «Записокъ Общества» (8-я подъ редакцію д. чл. К. А. Неволіна, 9-я д. чл. Д. А. Милютина), 2) шесть книжекъ «Вѣстника» Общества (подъ редакцію Секретаря Общества В. А. Милютина); 3) 2-я книжка «Сборника статистическихъ свѣдѣній о Россіи» (подъ редакцію д. чл. Е. П. Ламанскаго); 4) 2-я книжка «Сборника этнографическаго» (составленная д. чл. К. Д. Кавелинымъ); 5) нѣмецкій переводъ 1-го тома «Трудовъ Уральской экспедиціи» (подъ редакцію д. чл. М. А. Ковальскаго); 6) «сводъ записанной на инструкціи для камчатско-сибирской экспедиціи»; 7) отчетъ Общества на русскомъ и французскомъ языкахъ.

Всѣ эти изданія содержатъ въ себѣ до 297 печатныхъ листовъ (болѣе противъ прошлаго года 20-ю). Кромѣ-того, въ 1853 году были напечатаны, но еще не кончены печатаніемъ:

1) 10-я книжка «Записокъ» (подъ редакцію д. чл. П. П. Архипова); напечатано уже 5 листовъ; 2) 2-й томъ «Трудовъ уральской экспедиціи, заключающій» въ себѣ подробный отчетъ д. чл. Э. К. Гошмана о физико-географическихъ, геогностическихъ и этнографическихъ изслѣдованіяхъ; напечатано 20 листовъ; 3) 1-й томъ «Памят-

никовъ русскаго народнаго языка», обработанныхъ д. чл. И. И. Срезневскимъ; напечатано 5 листовъ; 4) «Сельская летопись Россіи за 1854 годъ» (собрание сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній, служащихъ къ опредѣленію климата), обработанная д. чл. В. С. Порошинымъ; напечатано 40 листовъ.

Приготавливаются къ изданію: 1) 3-й и слѣдующіе выпуски «Этнографическаго Сборника», въ которыхъ будутъ заключаться не описанія отдѣльныхъ мѣстностей, а систематически-обработанныя изслѣдованія о важнѣйшихъ предметахъ русской этнографіи; 2) 1-й и слѣдующіе выпуски «Обозрѣнія внутренней торговли Россіи»; 3) «Справочная статистическая книжка» (возможно-полный сводъ достовѣрныхъ числовыхъ данныхъ, касающихся Россіи) и 4) переводъ Риттера «Землевѣдѣнія», многосложный и чрезвычайно-важный трудъ, редація котораго возложена на д. чл. А. К. Гирса и П. И. Семенова; послѣдній, живя въ Берлинѣ, пользуется совѣтами и указаніями самого Риттера. Географія Сибири и сѣвернаго Китая переведена уже вся и въ 1854 году будетъ приступлено къ печатанію, хотя одной изъ частей громаднаго риттерова творенія.

Это огромное количество изданій далеко еще не могло вмѣстить всего запаса статей, которыя Общество предназначило къ печати и которыя въ портфеляхъ его еще дожидаются своей очереди только потому, что средства Общества не позволили ему издать въ прошедшемъ году еще гораздо-большаго числа печатныхъ листовъ, нежели сколько оно издало. Въ «Отчетѣ» Общества поименовано 26 важнѣйшихъ изъ этихъ статей, уже разсмотрѣнныхъ Обществомъ и предназначенныхъ къ печати. Какъ велико сочувствіе иногородныхъ корреспондентовъ къ дѣятельности Общества, доказывается огромнымъ количествомъ присылаемыхъ ему статей, число которыхъ въ прошедшемъ году доходило до 614; изъ нихъ нѣтъ почти ни одной, которая бы не заключала въ себѣ полезныхъ матеріаловъ, а многія признаны заслуживающими напечатанія. Для оживленія и направленія дѣятельности своихъ достойныхъ корреспондентовъ, Общество постоянно составляетъ и разсылаетъ программы. О сочувствіи самыхъ разнородныхъ сословій къ трудамъ Общества можно судить по итогам систематическаго указателя къ матеріаламъ Этнографическаго Отдѣленія Общества. Изъ 305 рукописей, вошедшихъ въ этотъ каталогъ, 38 доставлены учителями и смотрителями гражданскихъ училищъ, 20 — чиновниками, 15 — помѣщиками, 1 — лекаремъ, 174 — священниками, 6 — семинаристами, 8 — купцами и мѣщанами, 7 — крестьянами.

Нашъ краткій обзоръ трудовъ Общества въ 1853 году достаточно ужъ показываетъ, какъ они многообразны, неутомимы и полезны. Въ сто всякихъ похвалъ приведемъ заключеніе отчета, которое представляетъ вѣрнѣйшую оцѣнку дѣятельности общества и содержитъ лучшую похвалу ему:

«Изложивъ данныя, служащія къ объясненію дѣятельности Общества въ прошедшемъ году и состоянія его въ настоящую минуту, Совѣтъ считаетъ себя въ правѣ выразить убѣжденіе, что усилія его не остались безплодными, и что назначеніе, указанное Обществу Высочайше утвержденнымъ Уставомъ, достигается имъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. Ободряемые высокими покровительствомъ нашего Августѣйшаго Предсѣдателя, перестававшаго руководить нашими дѣйствіями и принимать въ нихъ живое участіе, мы тѣмъ вѣрнѣе стремимся къ предначертанной намъ цѣли, что въ неизмѣнно продолжающемся къ намъ благоволеніи Августѣйшаго Монарха видимъ наивѣрнѣйшій залогъ дальнѣйшихъ успѣховъ на поприщѣ изученія Россіи и русскаго народа. Въ прошедшемъ году мы были очастливлены новымъ знакомъ Монаршаго вниманія къ нашей дѣятельности. Представивъ Его Императорскому Величеству вышедшіе въ свѣтъ выпуска Атласа Тверской губерніи, Государь Великій Князь Константинычъ Николаевичъ увѣдомилъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ г. Вице-предсѣдателя о благосклонномъ принятіи сего изданія Государемъ Императоромъ:

«Государь Императоръ соизволилъ разсматривать Атласъ съ большимъ удовольствіемъ, и приказалъ объявить, что Его Величество любовался прекрасною работою и весьма благодаренъ за прекрасный трудъ сей».

Записки Горыгорѣцкаго Земледѣльческаго Института, изданныя Департаментомъ Сельскаго Хозяйства Министерства Государственныхъ Имуществъ. Книжка третья. Санктпетербургъ. 1854. Въ тип. Министерства Государственныхъ Имуществъ. Въ 8-ю д. л. 338 и 40 стр. 21 табл. вѣдомостей и 1 табл. рисунковъ.

Подобно предыдущимъ двумъ книжкамъ, о которыхъ мы въ свое время отдали отчетъ читателямъ, эта книжка состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: въ первомъ заключаются «Отчетъ за 1852 — 1853 академическій годъ по институту и училищу», «Отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ Учебной Фермы за 1852 года», «Отчетъ о сельскохозяйственномъ сѣвѣ при институтѣ 1853 года», «Выставка сельскихъ произведеній при институтѣ въ 1853 г.», «Опыты подъ жатвенною машиною Викторава, произведенныя при Учебной Фермѣ», «Объ основаніи и постепенномъ развитіи коренной овчарни при Учебной Фермѣ», «Отчетъ о путешествіи по центральнымъ губерніямъ Россіи, для обозрѣнія садовыхъ заведеній, лѣтомъ 1851 года, Э. Рого», «Сельскохозяйственные орудія и машины, приобрѣтенныя въ 1852 году въ Англіи и Америкѣ и находящіяся въ институтѣ» (съ рисунками), «Описаніе ручной солоноуборки Рауша, бывшей на горыгорѣцкой выставкѣ сельскихъ произведеній» (съ рисункомъ), «О метеорологическихъ наблюденіяхъ въ Горыгорѣцкомъ Институтѣ», К. Веселовскаго, «Метеорологическія наблюденія при институтѣ въ 1853 году», Составъ института и преподаваніе наукъ на 1853 — 54 годъ».

Уже этой выписки оглавленія достаточно, чтобы убѣдить cadaго въ

занимательности новой книжки «Записокъ»; укажемъ на главные факты, приводимые въ разныхъ статьяхъ.

Въ число предметовъ преподаванія введены кадастръ и люстрація и теперь, конечно, можно смѣло сказать, что нигдѣ нѣтъ спеціальнаго учебнаго заведенія по сельскому хозяйству, которое могло бы равняться съ институтомъ по обширности агрономическаго образованія.

Занятія воспитанниковъ по институту и училищу шли прежнимъ порядкомъ; по наступленіи вакаціоннаго времени, отправлено нѣкоторое число студентовъ, въ сопровожденіи адъюнкт-профессора по кафедрѣ ботаники, садоводства и минералогіи, г. Рего (автора недавно-изданнаго руководства къ садоводству и огородничеству), для агрономическаго обозрѣнія разныхъ губерній. Это путешествіе должно распространиться до южнаго берега Крыма, и имѣеть цѣлью ознакомить учащихся съ развитіемъ садоводства и огородничества въ Южной Россіи.

Въ 1852 — 53 году въ институтѣ числилось 215 студентовъ, изъ которыхъ окончили курсъ 57 : 31 съ званіемъ агрономовъ, 26 съ званіемъ дѣйствительныхъ студентовъ агрономіи.

Въ училищѣ было 60 учениковъ, изъ которыхъ выпущено съ званіемъ 14 человекъ.

Отчетъ по учебной фермѣ такъ обширенъ (стр. 24 — 112) и богатъ содержаніемъ, что мы не намѣрены приводить здѣсь полнаго извлеченія изъ него, надѣясь, что сельскіе хозяева, для которыхъ этотъ отчетъ представляетъ особенный интересъ, не преминутъ прочесть его весь и воспользуются множествомъ разсѣянныхъ въ немъ наблюденій и указаній. Упомянемъ только, что занятія воспитанниковъ фермы состояли въ обработкѣ полей, расчисткѣ и уборкѣ луговъ, въ обработкѣ опытнаго поля, огорода и сада, въ уходѣ за домашними животными, за пчелами, въ выдѣлкѣ кирпича, рѣзкѣ торфа, въ работахъ кузнечныхъ, слесарныхъ и столярныхъ, также плотничной, каменной, нечистой и штукатурной, бондарной, сапожной и портняжной, въ выдѣлкѣ овчинъ, выдѣлкѣ масла (растительнаго), приготовленіи сыровъ, въ обдѣлкѣ льна, наконецъ, въ работахъ шорныхъ, шаповальныхъ и малярныхъ.

Отдавая отчетъ о предвѣдущемъ выпускѣ «Записокъ», мы указали ужъ на этотъ отдѣлъ и особенно на опыты, производимые при фермѣ, и имѣющіе весьма-важное значеніе для агрономовъ.

Въ прошломъ году продолжались опыты сравнительнаго удобренія жергелемъ и навозомъ; оказывается, что польза отъ удобренія жергелемъ незначительна, особенно если принять въ расчетъ стоимость работы; должно пожалѣть только, что въ отчетѣ не приведенъ составъ почвы на опытномъ полѣ, а этотъ составъ, можетъ-быть, ужъ и самъ-по-себѣ объяснилъ бы слабость вліянія этого навоза на мѣстную растительность.

Интересны опыты надъ временемъ вырванія льна (по отцвѣтѣ, до и послѣ созрѣванія сѣменъ). Извѣстно, что во многихъ мѣстахъ отступаютъ отъ общепринятаго порядка уборки льна (до созрѣванія сѣ-

ленъ) съ тѣмъ, чтобъ воспользоваться сѣменами ; такъ поступаютъ, на-
примѣръ, очень-часто въ Ирландіи и не жалуются на результаты ; про-
изведенные при фермѣ опыты доказываютъ окончательно, что жертво-
вать сѣменами можно только въ такомъ случаѣ, когда хозяйство имѣетъ
въ виду получить тонкое волокно, что, напротивъ, для получения крѣп-
каго волокна (конечно, нѣсколько-болѣе грубого и жесткаго) должно
собирать ленъ послѣ созрѣванія сѣменъ. Полагаемъ, что, за немногими
исключеніями, въ Россіи долженъ быть принятъ этотъ порядокъ, пото-
му-что у насъ, какъ видно ужъ изъ рѣдкости посевоу и также изъ
отзывовъ иностранцевъ о русскомъ ленѣ (см. *Изслѣдованія о состоя-
ніи льняной промышленности въ Россіи*, изданныя въ 1842 году отъ
Министерства Финансовъ), ленъ получается преимущественно толстый.
Интересны были бы также опыты надъ вліаніемъ густоты посева на
тонкость волокна ; подобными опытами ферма оказала бы льняной про-
мышленности важную услугу ; но для этого, конечно, должно быть опре-
дѣлено весьма-точно отношеніе между густотою посева и высшимъ ну-
меромъ выпрядаемой нити, а для этого нужно содѣйствіе прядильни ;
мы увѣрены, что наши прядильныя заведенія охотно исполняли бы эту
вторую часть задачи. Тогда можно было бы рассчитать, въ какой сте-
пени и когда выгодно хозяину готовить ленъ для тонкихъ нумеровъ, и
вопросъ этотъ, безспорно, важный, но еще почти не тронутый, былъ
бы разрѣшенъ, *ins klare gebracht*, какъ говорятъ нѣмцы.

Были произведены при фермѣ и опыты мочки льна съ наблюденіями
надъ температурой воды ; эти опыты будутъ еще продолжаться. Инте-
ресны были бы опыты надъ теплою мочкой по способамъ Шанка и
Уатта ; также важно было бы опредѣлить, въ какой степени годенъ
сталаецъ для механическаго издѣлія. Пишущій эти строки видѣлъ на одной
ткацкой фабрикѣ предубѣжденіе въ пользу пряжи изъ сталаца, что, ка-
жется ему въ высшей степени неосновательнымъ.

Къ числу интересныхъ опытовъ должно причислить воздѣлываніе на-
ремы, хотя мы и не думаемъ, чтобъ на широтѣ Горокъ это дѣло мо-
гло сдѣлаться важнымъ для мѣстной промышленности.

По царству животныхъ интересны наблюденія надъ доинностью кастри-
рованной коровы и надъ кормленіемъ овецъ различными веществами.

Въ предъидущемъ выпускѣ «Записокъ» напечатаны были правила для
сельско-хозяйственныхъ съѣздовъ при Горыгорѣцкомъ Институтѣ ; 19
августа 1853 рѣчью г. предѣлительствующаго, директора института,
открытъ былъ первый съѣздъ. Несмотря на интересъ вопросовъ, за-
тронутыхъ въ этомъ съѣздѣ, онъ не представилъ важнаго ре-
зультата и это должно приписать тому, что не было предварительно
опредѣлено, какихъ вопросовъ коснутся совѣщанія ; для будущаго съѣзда
вопросы опредѣлены и съ этимъ значительно возрастаетъ заинтере-
сованность отчета. Желательно бы только, чтобы почтенные члены раз-
сматривали вопросы не съ одной эмпирической стороны, потому-что

многое можно предвидѣть на основаніи указаній науки; мы, напримѣръ, несомѣннѣно понимаемъ причину несогласій членовъ съѣзда въ мнѣніяхъ о пользѣ чернаго пара, и многіе даже ставятъ черныи паръ наравнѣ съ удобреніемъ (стр. 33 и 134): это очевидно несправедливо, потому—что черныи паръ не вводитъ въ землю минеральныхъ веществъ, а только придаетъ существующимъ уже форму, въ которой они удобнѣе всасываются корнями.

Выставка сельскихъ произведеній при институтѣ (вторая) открыта была 16 августа 1853 года и была значительно—богаче первой (въ 1850 г. было 813, въ 1853 — 1432 предмета); роздано всего 130 премій. Просматривая списокъ разнаго рода произведеній, бывшихъ на выставкѣ, мы замѣтили особенно слѣдующіе факты, изъ которые этотъ списокъ указываетъ: помѣщикъ Витебской Губ. Невельскаго Уѣзда, г. Гибер—фон—Грейфенфельсъ выставилъ разныя ткани и нитки, сработанныя въ основанной имъ, въ имѣніи его, школѣ механическаго пряденія и ткачества. Школа эта основана имъ въ 1852 году и составляетъ явленіе у насъ совершенно—новое, хотя давно чувствуется потребность подобныхъ учреждений. По отдѣламъ земледѣльческихъ орудій и машинъ и металлическихъ издѣлій много предметовъ представлено новымъ механикомъ учебной горыгоръцкой фермы Адискимъ. Заведеніе его при фермѣ, несмотря на недавнее существованіе, сработало въ 1852 году 67 разныхъ машинъ и 56 моделей. Литейная при этой мастерской еще не устроена.

Опыты надъ жатвенною машиною г. Викторова, о которой въ послѣднее время такъ много было писано въ хозяйственныхъ журналахъ, уже по этому заинтересуютъ многихъ. Найдено, что машина эта еще далеко несовершенна, такъ—что отъ частыхъ остановокъ работа идетъ медленно (въ 10 часовъ сжимаетъ около 4 десятинъ при 11—15 рабочихъ для уборки); кромѣ того, машина тяжела, разбрасываетъ и сильно вытрясаетъ хлѣбъ, не можетъ снимать хлѣба, поросшаго травой, полегшаго и отсырѣвшаго отъ дождей, наконецъ недолжно—прочна.

Статья о *коренной овчарнѣ* при фермѣ интересна по собственному въ ней результату, къ которому привело внимательное изученіе мереносовъ съ хозяйственной точки зрѣнія; не можемъ не выписать здѣсь нѣсколькихъ строкъ:

«...Отечественное овцеводство не можетъ быть основано вездѣ на одинаковыхъ началахъ, а должно имѣть два слѣдующихъ главныхъ направленія: въ средней полосѣ Россіи, гдѣ зимы болѣе продолжительны, кормовыя средства соразмѣрно дороги, и гдѣ нѣтъ возможности содержать обширныхъ стадъ, необходимо производить возможно тонкую шерсть, и болѣе подобное произведеніе, всегда высокоцѣнное, можетъ окупать большія издержки и доставлять хозяевамъ сего края чистую прибыль, между тѣмъ въ южныхъ, степныхъ губерніяхъ, при дешевизнѣ и изобиліи корма,

могутъ развиваться овчарни въ самыхъ большихъ размѣрахъ, но нѣтъ возможности привести въ исполненіе всѣ требованія самаго утонченнаго овцеводства и слѣдовательно должно обращать вниманіе болѣе на полновесность руна, чѣмъ на высшую тоннну шерсти».

Такое заключеніе, къ которому противъ воли пришли хозяева въ Южной Россіи, отчасти уже было указываемо печатно (въ первый разъ, если не ошибаемся, г. Гагемейстеромъ), ⁽¹⁾ а что производство тонкой шерсти именно успѣшно въ средней половинѣ Россіи, доказывается успѣхомъ овчарень польскихъ и остзейскихъ.

Отчетъ о путешествіи г-на Рего по девяти центральнымъ губерніямъ Россіи, для обозрѣнія садовыхъ заведеній, представляетъ весьма бѣглый очеркъ; очень-жаль, что ученый авторъ изъ богатаго, конечно, запаса своихъ замѣтокъ, сообщаетъ болѣе то, что касается внѣшняго вида садовъ и неважно для садоводства, какъ промышленности; такъ, напримѣръ, онъ обратилъ особенное вниманіе на теличныя растенія; мы же ожидали найти указаніе породъ деревьевъ, разводимыхъ на открытожъ коздухѣ, и преимущественно плодовыхъ, съ означеніемъ, гдѣ и почему какая порода разводится, или что препятствуетъ ея разведенію. Поэтому насъ болѣе удовлетворили замѣтки автора объ огородничествѣ и о садоводствѣ владимірцевъ, хотя и эти замѣтки весьма-кратки. Въ описаніи дачи Студенецъ авторъ вовсе не упоминаетъ о туловыхъ насажденіяхъ.

Второй отдѣлъ состоитъ изъ двухъ статей: первая изъ нихъ (*мочальный промыселъ поселенъ Могилевской Губерніи* г. Савинича) представляетъ сжатый обзоръ мочального производства съ технической и хозяйственной стороны; вторая (*Очеркъ исторіи ветеринарной медицины*) — рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи института 22 августа 1853 года, г. Раздольскимъ; въ концѣ ея почтенный авторъ справедливо обвиняетъ хозяевъ, что они не считаютъ нужнымъ для леченія домашнихъ животныхъ призывать свѣдущихъ ветеринаровъ. Но что же дѣлать, если и людей нерѣдко лечатъ знахари и знахарки?

Хозяйственныя и техническія руководства, издаваемые отъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества.

Руководство къ лѣсоводству, составленное членомъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, Корпуса Лѣсничихъ подполковникомъ Арнольдомъ С. Петербургъ, 1854. Въ тип. Департамента Внѣшней Торговли. Въ 8-ю д. л. XXII и 189 стр.

При составленіи этого руководства, авторъ принялъ въ основаніе весьма-справедливую мысль, что «запрещать расчистку лѣсовъ повсе-

(1) См. «Отеч. Записки» 1853 г. декабрь. Выставка мануфактурныхъ издѣлій въ Москвѣ, стр. 212 и 213.

мѣстно отнюдь не слѣдуетъ, а напротивъ, нужно стараться, чтобы лѣсъ находился въ надлежащемъ соотношеніи съ прочими сельско-хозяйственными угольями; при отсутствіи такой соразмѣрности не только не извлекается наибольшая возможная прибыль отъ даннаго пространства земли, но страдаетъ и все хозяйство цѣлаго края, потому что лѣсъ — предметъ общей потребности, слѣдовательно долженъ быть дешевъ, и недостатокъ его въ одномъ мѣстѣ только съ помощью большихъ пожертвованій можетъ быть вознагражденъ избыткомъ его въ другомъ мѣстѣ. Для Россіи вопросъ о лѣсномъ хозяйствѣ имѣетъ особенную важность въ слѣдствіе географическаго расположенія лѣсовъ, столь различнаго для разныхъ мѣстностей, что въ Вологодской Губерніи лѣса занимаютъ 91% всего пространства, а въ губерніи Астраханской — только 0,8%, минеральнымъ же топливомъ Россія относительно бѣдна, такъ что каменнаго угля добывается у насъ менѣе 5 милл. пуд. въ годъ, тогда какъ изъ Англій къ намъ уже въ 1845 году привозилось болѣе 6½ милл. пуд. Разсматривая лѣсоводство съ такой точки зрѣнія, увидимъ, что способъ хозяйства въ разныхъ полосахъ Россіи не можетъ и не долженъ быть одинаковъ, что мѣстами нужды промышленности требуютъ истребленія лѣса, мѣстами же — новыхъ насажденій; мѣстами естественный приростъ вполне можетъ удовлетворить потребностямъ, мѣстами же нужно искусственное увеличеніе лѣснаго запаса. Но понятно, что какой бы способъ хозяйства избранъ ни былъ, при приведеніи его въ исполненіе нужна правильность и систематичность, основанная, за недостаткомъ строго-научныхъ указаній, на выводахъ и наблюденіяхъ практики. Этой потребности и удовлетворяетъ книга г. Арнольда, раздѣленная на 4 части: *лѣсовозращеніе* (возобновленіе и разведеніе лѣса), *лѣсоохраненіе* (отъ вліяній атмосферическихъ пожаровъ, наѣдомыхъ и проч.), *таксація и устройство лѣсовъ и лѣсоуправленіе*. Пятая часть лѣсоводства — *лѣсная технология*, составитъ предметъ особаго руководства, и понятно, что такое оупиженіе не вредитъ цѣлому, по совершенному различію предметовъ. Богатство данныхъ собранныхъ г. Арнольдомъ и систематичность въ изложеніи дѣлаютъ, конечно, книгу его настольною для всякаго сельскаго хозяина. Ограничимся съ своей стороны желаніемъ, чтобы авторъ, приготавливая второе изданіе, не опустилъ изъ вида нѣкоторыхъ, неважныхъ, впрочемъ, неточностей, или описокъ: такъ на стр. 41-й онъ говоритъ, что расположеніе площадокъ, назначенныхъ для заѣва лѣсомъ, не важно; это едва-ли справедливо, потому что расположеніе можетъ имѣть вліяніе на степень освѣщенія деревьевъ, также на степень нагрѣванія ихъ солнцемъ.

Исторія Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго Полка. Составилъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго Полка капитанъ Карцовъ. Часть II. Санктпетербургъ. 1854. Въ 8-ю д. л. 531 и 86 стр., съ картами и планами.

Вторая часть труда г. Карцова обнимает историю Семеновскаго Полка отъ кончины Петра-Великаго до вступленія на престолъ императора Павла I. «Военныя дѣйствія полка съ 1725 по 1796 годъ», говоритъ его историкъ, «такъ малочисленны въ сравненіи съ разнообразными «внутренними учрежденіями, что совершенно поглощаются ими», потому «главный интересъ описываемаго періода заключается въ организаціи «полка, предметъ вообще малоизвѣстномъ и въ историческомъ отноше- «ніи почти неразработанномъ». По этой причинѣ «внутреннія учреж- «денія» полка поставлены г. Карцовымъ на первомъ мѣстѣ и занимаютъ большую половину второй части его исторіи. Постараемся изъ богатыхъ данныхъ, представляемыхъ г. Карцовымъ, извлечь особенно характери- стическія черты для краткаго обзоренія внутренней исторіи Семеновскаго Полка въ 1725 — 1796 годахъ.

Въ началѣ этого періода комплектованіе полка производилось, какъ при Петрѣ-Великомъ, преимущественно приѣмомъ недорослей изъ дворянъ, по прошеніямъ, подаваемымъ въ полковую канцелярію. При этомъ соблюдались два условія: 1) моложе 16 лѣтъ и старѣе 30 не принимали; 2) рѣдко принимали недоросля, имѣвшаго менѣе 30 душъ крестьянъ. Людей съ очень-значительнымъ состояніемъ, поступавшихъ такнмъ-образомъ въ полкъ солдатами, было очень-много. Такъ изъ 56 недорослей, принятыхъ въ январѣ 1737 года, двое имѣли по 1500 душъ, восемь отъ 1000 до 500, тринадцать отъ 500 до 100. Но съ 1762 г. (когда были утверждены постановленія о нравахъ дворянства вообще), и особенно съ 1775 года, когда комплектованіе полка вошло въ общій кругъ дѣйствій Военной Комиссіи, число дворянъ, записывавшихся въ полкъ солдатами, уменьшилось, а убыль людей стала пополняться преимущественно переводомъ изъ арміи и рекрутами. Число дворянъ, состоявшихъ въ полку рядовыми, было: въ 1726 году—1212, въ 1731 — 1126, въ 1754 (вначалѣ) 1321, (въ концѣ) 1454, въ 1762 (въ концѣ) 606, въ 1796 (въ концѣ) 171. Унтер-офицерскія вакансіи замѣщались почти исключительно производствомъ изъ солдатъ; а офицеры, почти всѣ производились изъ сержантовъ своего полка; впрочемъ, только до 1786 года, когда офицеры на большую часть вакансій стали производиться изъ камер-нашей. Офицерскія вакансіи въ арміи при Петрѣ-Великомъ замѣщались болѣею-частью гвардейскими унтер-офицерами, такъ-что наконецъ положено было давать офицерскіе чины только служившимъ солдатами въ гвардіи; но послѣ Петра-Великаго это правило было оставлено, и переводы гвардейскихъ унтер-офицеровъ офицерами въ армію бывали значительны только въ военное время. Такъ, напримѣръ, въ 1758 и 1759 годахъ было переведено изъ Семеновскаго Полка 140 человекъ офицерами въ армію.

Перемѣны въ составѣ Семеновскаго Полка были незначительны до самаго начала шведской войны 1788 года, когда комплектъ его, подобно штатамъ всѣхъ другихъ войскъ, назначенныхъ для дѣйствій вре-

тѣхъ пѣхотѣ, былъ увеличенъ, такъ-что, по новому положенію, онъ имѣлъ въ полномъ штатѣ своихъ 3408 человекъ (по штату 1732 года было только 2478 человекъ). Къ концу царствованія Екатерины II раздѣлялся онъ на 3 батальона и 14 ротъ, изъ которыхъ были: 1 гренадерская (рядовыхъ солдатъ 250), 1 егерская (рядовыхъ солдатъ 144) и 12 мушкетерскихъ (каждая изъ 200 человекъ рядовыхъ); унтер-офицеровъ было всего 238 (по штату 1732 г. только 150), обер-офицеровъ 73 (по штату 1732 г. 53); число штаб-офицеровъ осталось прежнее — 6.

Жалованье чиновъ Семеновскаго Полка постепенно увеличивалось въ слѣдующей пропорціи (ограничиваемая нѣкоторыми чинами):

	по штату до 1734 года.	1734 года.	1780 года.	
Полковникъ	1380 р.	2160 р.	2655 р.	60 к.
Капитанъ	216 —	360 —	588 —	60 —
Поручикъ	144 —	180 —	249 —	30 —
Прапорщикъ	97 р. 20 к.	120 —	172 —	20 —
Сержантъ	23 р. 77 к.	37 р. 37 к.	95 —	34 1/2
рядовой	старшаго оклада	18 р. 37 к.	18 р. 37 к.	21 — 80 1/2
	младшаго оклада	13 р. 37 к.	13 р. 37 к.	13 — 33 к.

Императрица Елисавета Петровна, въ награду за преданность, оказанную гвардейскими полками при восшествіи ея на престолъ, въ 1741 г. повелѣла отпускать нижнимъ чинамъ гвардіи ежегодно, сверхъ жалованья, по 4 р. на человека въ видѣ «имениннаго подарка».

Всего на содержаніе Семеновскаго Полка отпускалось: въ 1725 г. (по табели 1720 г.) 68,471 р. (опускаемъ копейки); въ 1726—1731 годахъ по 72,521 р.; въ 1732—1739 г. по 75,038 р.; въ 1740—1753 г. по 84,038 р.; въ 1754—1761 г. по 87,924 р.; въ 1762—1779 г. по 101,114 р.; въ 1780—1784 г. по 105,909 р.; въ 1785 г. отпущено 108,732 р.; 1786 г. 114,363 р.; 1787 г. 119,300 р.; въ 1788 г. 122,731 р.; въ 1789—1792 ежегодно по 125,402 р.; въ 1793—1796 г. по 152,098 р. Всего же съ 1725 по 1796 годъ включительно отпущено казною на содержаніе Семеновскаго Полка 6,908,583 р. 96 3/4 коп.

Изложивъ въ трехъ первыхъ главахъ исторію укомплектованія, состава и содержанія Семеновскаго Полка, г. Карповъ излагаетъ въ слѣдующихъ десяти главахъ исторію «управленія полка». Когда число гвардейскихъ полковъ было еще очень-невелико (сначала два, впоследствии четыре), и не было организовано общее управленіе гвардейскаго корпуса, «августѣйшіе самодержцы Россіи удостоивали Семеновскій Полкъ примаго и непосредственнаго участія въ его управленіи». Такъ императрица Екатерина I лично принимала докладъ о полковомъ управленіи отъ князя Меншикова и князя Голицына, командовавшаго полкомъ; императрица Аннѣ Іоанновнѣ благоугодно было всемилостивѣе принять на себя (10 декабря 1730 г.) званіе полковника Семеновскаго Полка.

«Всѣ бумаги, имѣвшія какую-либо важность, докладывались ей величеству; она сама утверждала переводъ офицеровъ изъ одной роты въ другую, удостоивала награды, по своему усмотрѣнiю, безъ представленiи, и дозволяла обращаться къ себѣ, какъ къ полковнику, съ просьбами, даже о дѣлахъ частныхъ». «Все царствованiе императрицы Елисаветы Петровны представляетъ рядъ постоянныхъ благоволенiй къ начальству полка» (стр. 45 — 47). Но при императрицѣ Екатеринѣ II, по значительному увеличенiю числа гвардейскихъ полковъ, прежнее непосредственное участiе царствующей особы въ управленiи отдѣльными полками сдѣлалось невозможнымъ, и ближайшее завѣдыванiе гвардiею поручено Военной Коллегiи.

Внутреннимъ управленiемъ полка завѣдывали, по правиламъ, составленнымъ въ послѣднiе годы царствованiя Петра-Великаго, «господа полковые штабы», комитетъ, состоящiй изъ всѣхъ штаб-офицеровъ полка.

«Всѣ штаб-офицеры имѣли при совѣщанiи равныя права голоса; въ этихъ засѣданiяхъ рѣшались денежные выдачи, торги съ подрядчиками, и всѣ хозяйственные предметы. Тамъ же утверждали назначенiе въ командировки, представленiя къ наградамъ, мѣры възысканiй, увольненiе въ отставку и въ отпускъ. Все это рѣшалось большинствомъ голосовъ. Если полковой командиръ приказывалъ что-либо лицамъ, завѣдывавшимъ хозяйственными частями, словесно, то они доносили объ этомъ полковымъ штабамъ: штабы утверждали или отмѣняли предложенiе полковаго командира. Влiянiе полковыхъ штабовъ простиралось и на фронтное образованiе. Они дѣлали смотры, испытывали рекрутъ и зачисляли ихъ во фронтъ. Даже благодарность за полковыя домашнiя ученiя отдавалась не отъ одного лица полковаго командира, а отъ всѣхъ господъ штабовъ.» (стр. 76 — 78) — «Командирами полка назначались старше изъ его штаб-офицеровъ, преимущественно подполковники. Они были вначалѣ только благодѣтелями за точнымъ исполненiемъ обязанностей всѣми чинами полка.» (стр. 80)

Но съ 1768 — 1770 годовъ начала возрастать власть полковаго командира, къ концу царствованiя Екатерины II дѣлающаяся совершенно независимой отъ полковыхъ штабовъ, засѣданiя которыхъ, прежде правильно бывшiя по два раза въ недѣлю, становятся рѣже-и-рѣже, и наконецъ совершенно прекращаются.

Не входя, по недостатку мѣста, въ подробности о ротномъ управленiи, комиссарiатской, квартирмейстерской и госпитальной частей управленiя, обмундированiи и вооруженiи Семеновскаго Полка, представимъ краткiй очеркъ исторiи принадлежавшихъ ему земель и его «помѣщенiя», и тѣмъ заключимъ обзоръ его «внутреннихъ учрежденiй».

Когда Петръ-Великiй перевелъ полкъ изъ села Семеновскаго въ Москву, онъ позволилъ его чинамъ строить дома за рѣкою Яузю. Возникшая такимъ образомъ «Семеновская Слобода» занимала огромное пространство и, кромѣ ея мѣстности, полку принадлежало много другихъ земель въ Москвѣ, такъ-что въ 1751 году, когда часть земель

была ужь продана, полкъ владѣль болѣе, нежели 45 десятинами въ чертѣ города. По окончательномъ утверженіи пребыванія Семеновскаго Полка въ С. Петербургѣ большая часть московскихъ земель оказалась излишнею для собственныхъ потребностей полка, и позволено было селиться на нихъ частнымъ людямъ, подъ условіемъ платить полку незначительную аренду. Мало-по-малу накопилось на этихъ арендаторахъ множество недвижимокъ; надзоръ и управленіе московскими землями даже перестали окутаться доходами съ нихъ; и когда особенная «командированная рота» Семеновскаго Полка, имѣвшая постоянное пребываніе въ Москвѣ, была расформирована въ 1771 году, полкъ совершенно пересталъ имѣть выгоды отъ своихъ московскихъ владѣній и находить въ нихъ надобность. На этомъ основаніи въ 1783 году всѣ строения, принадлежавшія еще полку въ Москвѣ, были проданы, полковое имущество также продано, или перевезено въ Петербургъ.

При переведеніи полка въ Петербургъ, Петръ-Великій призналъ удобнѣйшимъ, при тогдашнемъ состояніи нутей сообщенія, помѣстить обозную часть его въ Новгородѣ. Поэтому и въ Новгородѣ существовала до 1761 года особенная команда Семеновскаго Полка, обязанности которой, кромѣ ухода за обозными лошадьми и приготовленія матеріаловъ для постройки и ремонта полковаго обоза, состояли въ приготовленіи сѣна для полковыхъ лошадей (для чего были отведены большія пожни по Ильмену и Волхову) и доставкѣ его въ Петербургъ. Впослѣдствіи найдено возможнымъ продовольствовать полкъ сѣномъ и лѣсомъ изъ дачъ въ окрестностяхъ Петербурга, и въ 1761 г. новгородская команда уничтожена.

Въ Петербургѣ земля для постройки слободы назначена была Семеновскому Полку еще при Петрѣ-Великомъ; но только при Аничѣ Ивановичѣ (1739 г.) полкъ былъ дѣйствительно введенъ во владѣніе «мѣстомъ позади Фонтанки за обывательскими домами». По Фонтанкѣ это мѣсто простиралось отъ нынѣшняго Обуховскаго до нынѣшняго Аничкина мостовъ; направо граница шла по нынѣшнему Обуховскому Проекту и шоссе до Средней Рогатки, налево — отъ Аничкина Моста мимо владимірской церкви, вдоль Ямской до Шушарскихъ Болотъ, какъ видно изъ дѣлъ архива. Но такъ-какъ объ угодьяхъ за чертою города не было опредѣлительно сказано въ указѣ 1739 года, то, при размежеваніи 1765 года, почти всѣ они были отчислены изъ полковаго вѣдѣнія, какъ-что за полкомъ осталась только принадлежащая ему и нынѣ часть Волкова Поля.

До построенія слободы чинамъ полка, были отводимы квартиры въ обывательскихъ домахъ по разнымъ частямъ города. Построеніе слободы началось въ маѣ 1740. Первоначально полковыя строения были деревянныя; лѣсъ былъ доставляемъ съ казенныхъ дачъ по Невѣ, Свири и Волхову. Выгрузка и складка лѣса производилась самимъ солдатами полка (нижніе чины изъ дворянъ должны были поставить вмѣсто себя

рабочихъ изъ своихъ крестьянъ); дѣятельность была немощная. Чтобы выиграть время, людей, наряжаемыхъ на слѣдующій день, приводили на сборное мѣсто съ вечера и располагали на ночь бивакомъ. Въ началѣ юля приступили къ закладкѣ связей, въ половинѣ августа оны были уже подведены подъ крышу, въ концѣ августа уже красны окончанные дома, 30 августа они были освящены, 31-го были переведены въ нихъ двѣ роты (11 и 12), а въ октябрѣ былъ переведенъ весь полкъ. Въ 1764 г. почти вся слобода была перестроена по новому плану, и вмѣсто прежнихъ 300 связей было построено (конечно, въ болѣешихъ размѣрахъ) только 164. Слобода долго представляла какъ бы отдѣльное село, раздѣлявшееся отъ города Фонтанкою. По берегамъ Фонтанки росъ лѣсъ; съ другихъ сторонъ слободу окружали пустыя поля и рощи. Пустышность окрестностей доходила до-того, что зимою 1745 года ночью бродили по улицамъ воли и заѣдали скотъ во дворахъ. Частныя лица стали селиться около слободы не ранѣе 1750 года, когда начали отдавать незанятая слободою мѣста даромъ. Много вокругъ слободы было выстроено собственныхъ домовъ и чинами самого низкаго; въ 1776 году такихъ домовъ считалось до 182. Огромность этой-цифры объясняется тѣмъ, что, какъ мы видѣли, было множество зажиточныхъ и богатыхъ помѣщиковъ даже между нижними чинами полка; около 1750 года едва-ли былъ въ полку хотя одинъ унтер-офицеръ, который бы не имѣлъ лошадей и экипажа. Въ приказѣ 19 мая 1758 г. читаемъ: и «унтер-офицерамъ и солдатамъ ѣхать въ маретахъ цугами запрещается, но дозволяется въ одноколкахъ и коляскахъ».

Не удивительно, что въ полку, большая часть чиновъ котораго принадлежала къ хорошему обществу, даже между солдатами было довольно-много образованныхъ людей; любознательность усилилась особенно съ 1762 года, когда, побуждаемое примѣромъ императрицы, начальство полка стало поощрять ее всевозможными средствами и доводило до Высочайшаго свѣдѣнія объ отличнѣйшихъ въ этомъ отношеніи солдатахъ. Такъ въ приказѣ по полку отъ 25 декабря 1763 г. сказано: «Солдаты «Евграфъ Чemezовъ, за стараніе въ рисованіи, по докладѣ и по Ея «Императорскаго Величества словесному указу, производится въ капрала, «дабы, на то смотря, другіе къ наукамъ имѣли ревность». Обнаружившихъ особенныя способности отправляли въ Московскій Университетъ, откуда они возвращались съ повышеніемъ въ чинѣ (какъ примѣръ, г. Карцовъ представляетъ промеморію университета отъ 7 февраля 1765 г., по которой 1 фурьеръ, 3 капрала и 3 солдата представляются къ производству «за похвальное прилежаніе и отмінные успѣхи»). Въ 1783 г. для желающихъ изъ нижнихъ чиновъ были открыты при полковомъ госпиталѣ медицинскія лекціи, а въ 1793 г. императрица повелѣла въ Семеновскомъ Полку изъ числа ходящихъ въ разныя училища, выбрать 30 человекъ, желающихъ, и дозволить имъ ходить въ классы Морскаго Корпуса. Сожалѣемъ, что недостатокъ мѣста не дозво-

лаетъ намъ представить подробности и о подковыхъ школахъ для солдатскихъ дѣтей и солдатъ: они также достигали замѣчательнаго развитія. Въ 1750-ыхъ годахъ классы посѣщало ежедневно болѣе 70 человекъ нижнихъ чиновъ и 220 мальчиковъ; въ 1762 году въ одномъ изъ отдѣленій, называвшемся «Арифметическою Школою» преподавались: алгебра, геометрія, тригонометрія, артиллерія и фортификація; въ 1773 г. къ этимъ наукамъ были прибавлены исторія и географія.

Переходя къ военнымъ дѣйствіямъ Семеновскаго Полка въ 1726 — 1796 годахъ, мы можемъ быть кратки, какъ довольно-кратко рассказываетъ ихъ и г. Карцовъ, потому-что Семеновскій Полкъ довольно-редко, и то не въ полномъ составѣ своемъ, а только отдѣльными батальонами принималъ участіе въ войнахъ императрицы Анны, Елисаветы, Екатерины II, и не имѣлъ въ это время случаевъ отличиться такими блестящими образамъ, какъ прежде подъ Хоттебургомъ и Нарвою, а впоследствии подъ Аустерлицомъ и Фридрихсборгомъ, подъ Бородинымъ и Кульмомъ. Одинъ сводный батальонъ Семеновскаго Полка участвовалъ въ турецкихъ кампаніяхъ 1737 — 1739 года, былъ при штурмѣ Очакова и въ ставучанской битвѣ. Особенныхъ подробностей о его подвигахъ въ этихъ сраженіяхъ не осталось; но о значительности ихъ можно судить по большому числу выбывшихъ изъ строя (убито въ двухъ этихъ случаяхъ: обер-офицеровъ 3, нижнихъ чиновъ 90; ранено: обер-офицеровъ 8, нижнихъ чиновъ 137; всего 238 выбывшихъ изъ строя, при общемъ составѣ батальона въ 744 человекъ). Потомъ часть Семеновскаго Полка дѣлала шведскіе кампаніи 1741 — 1742 года; но отрядъ, въ которомъ она была, почти не встрѣчалъ непріятеля, и семеновцы только разъ дрались въ дѣлѣ у деревни Степани. Въ войнахъ Семилѣтней и въ турецкой 1769 — 1774 годовъ Семеновскій Полкъ не участвовалъ, но очень-многіе офицеры его получали, какъ особенную милость, назначеніе состоять прикомандированными къ дѣйствующей арміи. Очень-дѣятельное участіе принималъ Семеновскій Полкъ въ шведской войнѣ 1788 — 1790 годовъ. Первый батальонъ, дѣйствовавшій на сухомъ пути, отличился въ сраженіи при Скоби, гдѣ съ честью выдержалъ главный напоръ шведовъ; потери его въ этомъ блестящемъ для него дѣлѣ были—убитыми: нижнихъ чиновъ 35, ранеными: обер-офицеровъ 3, нижнихъ чиновъ 61. Около того же времени не менѣе отличился и 2-й батальонъ полка, посаженный на галеры, въ свенкундскомъ сраженіи между галерными флотіями; здѣсь, преслѣдуя шведскую флотію, поручикъ Бабарыкинъ пожертвовалъ жизнью, чтобы взять шведскую адмиральскую галеру. Потомъ съ честью участвовали семеновскія роты въ дѣлѣ при Савитайнолѣ. Изъ этого видимъ, что если Семеновскій Полкъ не имѣлъ въ войнахъ 1726 — 1796 годовъ случаевъ совершать такихъ громкихъ подвиговъ, какъ подъ Хоттебургомъ, или Кульмомъ, то его отдѣльные отряды поддерживали славу полка всегда, когда только встрѣчались съ непріятелемъ.

Замѣчанія о нынѣшнемъ состояніи обработки волокнистыхъ веществъ въ Россіи, составленныя по случаю московской выставки 1853 года, А. Шереромъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Департамента Внѣшней Торговли. 1854. Въ 8-ю д. л. 114 стр.

Обозрѣнію московской выставки мануфактурныхъ издѣлій 1853 года въ періодическихъ изданіяхъ прошлаго года посвящено было нѣсколько статей, изъ которыхъ особенное вниманіе публики заслужили статьи: Е. Андреева (въ «Отеч. Зап.»), Э. Баталина (въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ») и неизвѣстнаго автора (въ «Вѣдомостяхъ Московской Городской Полиціи»). Предметъ этихъ обозрѣній такъ обширенъ и въ то же время любопытенъ, что нѣтъ ничего удивительнаго, если эти статьи, при всей ихъ обширности и достоинствѣ, не въ-состояніи были объять предмета вполне, во всѣхъ его частностяхъ, исчерпать все то, что можно сказать и дѣльнаго, и любопытнаго по поводу выставки; хотя въ главномъ, то-есть въ указаніи и оцѣнкѣ замѣчательнѣйшихъ явленій выставки и въ выводѣ общихъ заключеній о современномъ состояніи различныхъ отраслей мануфактурной промышленности, всѣ три помянутыя статьи, равно какъ и книга г. А. Шерера, согласны между собою. Изъ сказаннаго понятно, что настоящія «Замѣчанія», хотя они случайнымъ образомъ и являются въ свѣтъ нѣсколько поздно, не могутъ не быть любопытными для всѣхъ тѣхъ, которые интересуются свѣдѣніями объ отечественной мануфактурной промышленности. Брошюра должна сдѣлаться въ глазахъ читателя еще интереснѣе, если онъ обратитъ вниманіе на то, что авторъ ея, А. Шереръ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ въ Россіи знатоковъ по предмету обработки волокнистыхъ веществъ, имѣлъ случай обозрѣвать выставки Санктпетербургскую 1849 года и многія заграничныя, въ томъ числѣ всемирную лондонскую. Въ настоящемъ сочиненіи почтеннаго автора, кромѣ достаточно-полнаго и отчетливаго описанія предметовъ, бывшихъ на выставкѣ, читателю должно показаться особенно-любопытнымъ подробное указаніе на всѣ замѣчательнѣйшія нововведенія (преимущественно по механической части), сдѣланныя на русскихъ фабрикахъ въ-теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ, нововведенія, которымъ преимущественно современная фабрикація (хлопчатобумажная, шерстяная, льняная и шелковая) обязана своими быстрыми успѣхами. Сверхъ-того, въ «Замѣчаніяхъ» г. Шерера читатель найдетъ много числовыхъ (статистическихъ) данныхъ, которыхъ нѣтъ въ «Указателѣ Московской Выставки». Нѣкоторые изъ числовыхъ данныхъ «Указателя», г. Шереръ считаетъ, какъ намъ кажется, необходимыми исправить; по-крайней-мѣрѣ стнмъ мы объясняемъ себѣ причину нерѣднаго разногласія между числовыми показаніями «Указателя» и «Замѣчаній». Напримѣръ: въ «Указателѣ» сказано, что на егорьевской фабрикѣ гг. Хлудовыхъ производится пряжи бумажной и льняной на 1,500,000 руб. сер., а

у г. Шерера значится — 1,800,000; въ «Указателѣ» производство на бумагопрядильнѣ наследниковъ А. С. Мазурина оценено въ 550,000 руб. сер., а въ «Замѣчаніяхъ» г. А. Шерера — въ 670,000 руб. сер. и т. д. Сочиненіе г. Шерера первоначально было напечатано въ «Журналѣ Мануфактуръ»; нынѣ оно хотя отпечатано отдѣльною книжкою, но, какъ кажется, въ весьма-ограниченномъ числѣ экземпляровъ; такъ-какъ по этому сочиненію очень-легко можетъ ускользнуть отъ вниманія многихъ читателей, то считаемъ нелишнимъ вкратцѣ указать на всѣ замѣчательнѣйшія мѣста его.

Авторъ прежде всего замѣчаетъ, что каждая изъ четырехъ разсматриваемыхъ въ фабрикаціи (шерстяная, шелковая, льняная и хлопчатобумажная) ознаменована была на выставкѣ особымъ, вполне-новымъ проявленіемъ; а именно: а) *по шерстяному дѣлу*—обработкою туземной шерсти гребнемъ, для производства камвольныхъ шерстяныхъ матерій; б) *по шелковому дѣлу* — подготовкою и пряденіемъ шелковыхъ охлопковъ; в) *по льняному дѣлу*—механическимъ пряденіемъ и ткачествомъ (вторично у насъ водворенными, но на этотъ разъ на основаніяхъ болѣе-раціональныхъ, чѣмъ прежде) и введеніемъ ирландскаго способа бѣлѣнія; д) *по хлопчатобумажному дѣлу*—отдѣлкою и фабричною подготовкою туземной марены, въ замѣнъ иностранной. Какіе же обстоятельства были главнѣйшими и ближайшими причинами этихъ капитальныхъ успѣховъ? Отвѣты, которые даетъ г. Шереръ на этотъ вопросъ, конечно, не могутъ не быть любопытными для многихъ изъ нашихъ читателей.

Хорошимъ качествомъ русской (и по первому матеріалу, и по работкѣ) камвольной пряжи, бывшей на выставкѣ 1853 года (хотя и прежде, 1852 года, были дѣланы неоднократныя попытки приготовленія камвольной пряжи изъ русской шерсти, но онѣ всѣ оставались безплодными; болѣе другихъ имѣли успѣха въ этомъ предпріятіи братья Гучковы, но и ихъ гребнекардная пражка оказалась годною только на выдѣлку однихъ дешевыхъ муслин-ленъ), мы обязаны, по мнѣнію г. Шерера, преимущественно введенію новыхъ французскихъ гребнечесальныхъ цилиндрическихъ приборовъ Гейльмана-Шлумбергера, между тѣмъ, какъ до самаго послѣдняго времени, въ-особенности въ Англіи, для чесанія шерсти гребнями отдавали преимущество неублажной машинѣ Коле съ колесами, до 10 футовъ въ діаметрѣ и нагрѣваемыми внутри парами.» Гейльманъ напалъ на счастливую мысль устроить гребнечесальный приборъ для шерсти на манеръ льночесальныхъ барабанныхъ снарядовъ. На гейльмановскихъ аппаратахъ, изготовляемыхъ на машинномъ заведеніи Шлумбергера въ Альзасѣ, шерсть, накладываемая на обсаженный тоненькими иглами цилиндръ (не болѣе полутора фута въ діаметрѣ), дѣйствіемъ подходящихъ къ нему сверху гребней освобождается отъ всѣхъ содержащихся въ ней длинныхъ волоконъ, уносимыхъ затѣмъ самою машиною въ видѣ длинной розной ленты;

съ нижней же части цилиндра оставшаяся на ономъ короткая шерсть счесывается особымъ, внизу придѣланнымъ, горизонтальнымъ короткимъ гребнемъ. До поступления въ ческу вся шерсть, для очищенія и бѣленія, протаживается нѣсколько разъ чрезъ горячій мыльный растворъ, а потому она во время обработки на чесальномъ приборѣ не нуждается ужъ въ содѣйствіи паровъ, необходимыхъ для подлежащаго хода снарядовъ Колье. Машина Гейльмана, требующая для надзора во время работы одного работника, или женщины и одного мальчика, обходится въ 400 руб. сер.» Шерсточесальные снаряды Гейльмана, введенные у насъ въ первый разъ братьями Гучковыми, находятся нынѣ на фабрикахъ Самсоновской въ С.-Петербургѣ и у купца Майкова въ Москвѣ. Такимъ-образомъ приготовленію камвольной пряжи положено прочное, какъ кажется, основаніе и можно надѣяться, что вскорѣ эта пряжа, за исключеніемъ однихъ высшихъ нумеровъ, не будетъ уже болѣе ввозиться изъ-за границы.

О сравнительномъ достоинствѣ русскихъ и иностранныхъ суконъ у насъ многіе имѣютъ очень-невѣрное понятіе: многими трудно отказать отъ старой, прежде-имѣвшей свое основаніе привычки ставить всегда иностранный суконный товаръ выше русскаго. Такимъ людямъ надлежитъ обратить вниманіе на слѣдующія слова А. Шерера: «Сукна и сатены Тилло, Танка, Вермана и Фидлера затмили бы совершенно-блѣдную экспозицію тонкихъ настоящихъ суконъ въ англійскомъ отдѣленіи на всемірной лондонской выставкѣ, представленныя притомъ не фабрикантами, а лондонскими суконными торговцами». — «Большая часть товаровъ, упомянутыхъ четырехъ фабрикантовъ (продолжаетъ А. Шереръ) стоитъ наравнѣ съ отборнѣйшими иностранными и даже цѣна приближается къ нимъ». Настояція сукна, по мнѣнію автора, въ сравненіи съ цѣнами, бывшими нѣсколько лѣтъ назадъ, стали дешевле болѣе чѣмъ на 25%, несмотря на возвышеніе цѣнъ на русскую шерсть. Выше съ удешевленіемъ улучшилось и достоинство сукна. «Двойной этотъ одинаково-важный результатъ должно приписать какъ болѣе старательности нашихъ фабрикантовъ, въ-особенности въ сбереженіи перваго матеріала, такъ и всеобщему ихъ убѣжденію въ необходимости употребленія лучшихъ заграничныхъ устройствъ для вполне-правильнаго производства дѣла. По собственнымъ наблюденіямъ мы смѣло можемъ сказать, что въ семь послѣднемъ отношеніи нѣтъ ни одного и малѣйшаго усовершенствованія, сдѣланнаго за границу, которое бы не ушло бы тотчасъ лучшими нашими суконными мануфактуристами. Извѣстный во всей Германіи механикъ Гартманъ, въ Хемницѣ, равно-какъ лучшія бельгійскія и англійскія машинныя заведенія снабжаютъ чужіе суконныя отечественныя фабрики всѣми улучшенными сукнодѣлательными снарядами. Въ числѣ сихъ послѣднихъ, кромѣ новѣйшей разбивной или щипальной машины съ крыльями, для подготовки шерсти въ пряденіе и для составленія однородныхъ мелаажей изъ окрашеннаго

въ разные цвѣта матеріала (важнѣйшаго условія при выработкѣ добротныхъ, наприкладъ, сѣрыхъ и другихъ разноцвѣтныхъ суконъ), мы укажемъ напередъ на чесальныя, или на кардъ-машинныя, съ особыми пріемными валиками, выкидывающими весь соръ и случайно-попавшія нечистоты, и на приборы, называемые у насъ коптиню (copin), т. е. соединяющіе второе чесаніе съ первымъ или грубымъ пряденіемъ, замѣнившіе повсюду употреблявшіеся прежде отдѣльные тонкочесальныя и грубопрядильныя снаряды. ... Мюльжени на манеръ хлопчато-бумажныхъ въ 300 и 400 веретенъ, отчасти даже самодѣйствующія, заняли на всѣхъ лучшихъ фабрикахъ мѣсто прежнихъ, очень-недѣльныхъ, тонкопрядильныхъ аппаратовъ. Затѣмъ слѣдуетъ упомянуть въ-особенности объ удачномъ введеніи въ самое послѣднее время механическихъ ткацкихъ станковъ для суконъ. Употребленіе ихъ оказалось въ-особенности полезнымъ для изготовленія кяхтинскаго товара, для котораго требуется совершенно-однообразное и ровное ткачество... Наконецъ, какъ явное усовершенствованіе, нельзя не выставить гораздо-лучшую окончательную ашретуру суконъ, даже въ товарѣ самыхъ низшихъ цѣнъ; тому содѣйствовало преимущественно усиливающееся употребленіе вальмовыхъ приборовъ съ прижимающими цилиндрами (Эссера съ клапаномъ и др.), улучшенныхъ стригальныхъ машинъ, поперечныхъ и продольныхъ и окончательныхъ ашретурныхъ снарядовъ по англійскому способу: наверхтываніемъ всей половинки на просверленный дырками металлическій цилиндръ, который, окутанный грубымъ полотномъ, ставится подъ герметически закрытый мѣдный колпакъ и затѣмъ подвергается дѣйствию водяныхъ паровъ.»

Минуя обзоръ шелковой промышленности обращаемся къ обзору льняной. Первыми свѣдѣніями о числѣ льнопрядильнъ въ Россіи и величинѣ производства на нихъ, мы обязаны г. О. Баталину. Приблизительныя данныя, сообщенныя имъ въ его статьяхъ (въ Спб. Вѣдомостяхъ) о московской выставкѣ, оказываются довольно-стодны съ данными, вѣроятно, болѣе-точными, которыя мы находимъ въ книгѣ г. Шерера. По мнѣнію автора «Замѣчаній», число веретенъ на частныхъ льнопрядильняхъ можно принять въ 12,000; производство же на нихъ должно превышать 60,000 пудъ. Льнопряденіе и механическое ткачество (льняныхъ тканей) — занятія еще очень-новыя въ Россіи, и начало которымъ положено годъ или два тому назадъ. По этому самому всякія обстоятельныя свѣдѣнія о состояніи этой фабрикаціи, конечно, должны интересовать всякаго читателя. О заслугахъ г. Мертваго по льнопрядильному дѣлу было писано неоднократно, но менѣе извѣстны заслуги почтеннаго фабриканта по другимъ отраслямъ льнянаго дѣла; о нихъ-то мы намѣрены сказать нѣсколько словъ, руководствуясь сочиненіемъ г. Шерера. Не ограничившись учрежденіемъ обширной и первой въ Россіи льнопрядильни, г. Мертваго рѣшился пополнить начатое имъ дѣло, введеніемъ у насъ механическихъ, равно-какъ и улуч-

венныхъ станковъ для производства полотень на манеръ иностранный и вмѣстѣ съ тѣмъ введеніемъ ирландскаго механически-химическаго ускореннаго способа бѣленія. «Прекрасная эта мысль осуществилась при помощи частнаго капиталиста Спиридонова: въ 1852 году 34 савоктскихъ и 38 голландскихъ станковъ постоянно доставляли полотняное и камчатное суровье на устроенную въ одно и то же время, по выѣздившимъ ирландскимъ образцамъ, бѣляльню. Обстоятельства особаго рода принудили г. Мертваго ужь въ концѣ того же года оставить своему компаньйону устроенное его трудами образцовое ткацкое и бѣляльное заведеніе. Г. Мертваго съ-тѣхъ-поръ, т. е. съ начала 1853 года, при содѣйствіи другихъ частныхъ капиталистовъ, вновь занимается поставкою при своей льнопрядильной фабрикѣ 136 ручныхъ голландскихъ, 24 широкихъ скатертныхъ и 130 механическихъ станковъ, изъ которыхъ большую часть мы видѣли въ дѣйствіи въ іюлѣ 1853 года; вмѣстѣ съ тѣмъ имъ начато устройство новой бѣляльни по ирландскому же способу, для которой всѣ машины и снаряды выписаны также изъ Англіи». Авторъ говоритъ, что онъ съ особеннымъ вниманіемъ разсматривалъ заведеніе г. Спиридонова и считаетъ долгомъ сказать, что оно обозначаетъ собою новую эпоху въ исторіи льняной промышленности въ Россіи. Г. Шереръ думаетъ, что учрежденіе особаго депо для исключительной продажи машиннаго льнянаго товара должно способствовать лучшему его сбыту — мысль вполнѣ справедливая и которая, замѣтивъ мимоходомъ, уже приведена въ исполненіе г. Спиридоновымъ, учредившимъ въ Москвѣ особое депо для продажи товара съ своей фабрики.

О бумагопрядильномъ дѣлѣ авторъ говоритъ слѣдующее:

«Въ этомъ отношеніи, по собственнымъ наблюденіямъ, мы въ правѣ повторить то же самое, что было сказано о вполнѣ удовлетворительномъ состояніи суконныхъ фабрикъ. Бдительно наблюдая за успѣхами и малѣйшими даже усовершенствованіями за границею, многія изъ нашихъ бумагопрядильныхъ по внутреннему ихъ устройству и содержанію, смѣло могутъ состязаться даже съ лучшими иностранными заведеніями. Въ числѣ нынѣшнихъ пріобрѣтеній по машинному дѣлу мы назовемъ: трепальные приборы съ большимъ трепаломъ о 4 крыльяхъ, замѣняющіе имъ простой вожжъ; хлопна выходитъ уже до того вскрытая, что по большей части требуетъ лишь одного прохода чрезъ окончательный трепальный снарядъ; — употребленіе таковыхъ же трепальныхъ аппаратовъ для смѣшиванія разбитой уже различныхъ сортовъ бумаги и составленія вполнѣ однородныхъ желанней; улучшенныя, на манеръ шерсточесальныхъ приборовъ, карды, покрытыя только въ половину досчатою крышею, а на другой половинѣ цилиндрами, работниками-чистителями, — въ слѣдствіе чего расчесываніе бумаги обыкновенно оканчивается въ одинъ разъ, на одномъ и томъ же аппаратѣ; наконецъ вытяжные станки съ особымъ механизмомъ, пріостанавливающимъ снарядъ тотчасъ, коль скоро оборвется одна изъ пропускаемыхъ лентъ. Равнымъ образомъ и самое пряденіе совершается съ

гораздо большим стараниемъ, чѣмъ прежде; вотъ почему трубчатая грубопрядильная устройства (tube-frame), соединяющія оба предварительные процесса пряденія, почти на всѣхъ первоначальныхъ бумагопрядильныхъ установкахъ мѣсто ровешовымъ машинамъ съ крыльями, какъ для перваго, такъ и для втораго, иногда даже и третьяго грубого пряденія (*basses à broches en gros et en fin*). Окончательное пряденіе производится отчасти на улучшеннаго устройства безпрерывныхъ или ватерныхъ приборахъ (*continue, watertristle*), большею же частью на мюльжени отъ 500 до 600 веретенъ. Пслѣдніе и у насъ во многихъ мѣстахъ замѣняются самодѣйствующими аппаратами (*selfactor*), несмотря на то, что выгода насчетъ удешевленія прядева отъ этого нововведенія не оказывается въ той пропорціи, какъ въ Англии, гдѣ высшая задѣльная плата допускаетъ съ замѣтною пользою работу даже сложнѣйшихъ механическихъ устройствъ.»

Заключимъ нашу статью замѣчаніями автора объ обработкѣ марены.

«Одна изъ новѣйшихъ и безспорно блистательнѣйшихъ заслугъ практическихъ нашихъ химиковъ состоитъ въ подготовкѣ, на манеръ иностранной, русской марены и въ добываніи изъ нея всѣхъ известныхъ красильныхъ пигментовъ. Честь перваго употребленія драгоценнаго этого туземнаго растенія, въ замѣнъ привозимаго изъ-за границы красильнаго порошка, принадлежить, какъ извѣстно, Баранову и Молчанову; но способы подготовки, ими употребляемые, были несовершенны и оставались недоступными всѣмъ прочимъ фабрикантамъ. Не болѣе трехъ лѣтъ тому назадъ, лучшіе наши химическіе заводчики (Киберъ, Шлише, Гессъ, Лепешкинъ) присоединили къ своему постоянному производству подготовку марены на манеръ французскій. Въ слѣдствіе полнаго усвѣха предпринятыхъ въ маломъ видѣ опытовъ и благоприятнаго приема этого, какъ бы новаго красильнаго вещества со стороны красильщиковъ, въ началѣ 1853 года промышленность наша обогатилась наконецъ первымъ значительнымъ заведеніемъ, устроеннымъ по образцу авиньонскихъ и нибюнгскихъ исключительное назначеніе отдѣлывать русскую марену и добываемые изъ нея красильные экстракты. Гг. Ахенбакъ и Наболицъ употребили на этотъ предметъ слишкомъ 25,000 руб. сер., снабдивъ основанную ими фабрику мельницею съ жерновами, выписанными изъ Франціи, и всѣми вообще необходимыми прочими снарядами и пособиями; они, кромѣ большаго количества гарансина, гарансе, и т. п. готовятъ въ день уже до 100 пудъ порошка изъ дербентской марены, который, по удостовѣреніи самыхъ красильщиковъ, предпочитается лучшему авиньонскому товару. Многократные опыты доказали, что красильное свойство русской марены хорошо подготовленной, относится къ авиньонской, какъ 8 къ 5, т. е. 5-ю пудами марены, стоющей 9 руб. 50 к. пудъ, красится столько товара, сколько 8 пудами французскаго крапа, продаваемого теперь по 7 р. 75 к. за пудъ, такъ-что и въ денежномъ отношеніи выгода остается за русскимъ матеріаломъ, нибюнгскимъ еще то преимущество, что изъ производятся еще нѣкоторые насыщенные ювансы, которыхъ трудно добиться заграничнымъ пигментомъ.»

Война на Востокѣ. Соч. Якова де-Санглена. Москва. Въ тип. Александра Семена. 1854. Въ 8-ю д. л. 14 стр.

Англо-Французы, историческій очеркъ Федора Русанова. Москва. Въ тип. В. Готье. 1854. Въ 18-ю д. л. 31 стр.

Оба эти сочиненія, вызванныя современными событіями, касаются ихъ съ разныхъ сторонъ. Г. Русановъ, представляя историческіе факты тысячелѣтнихъ народныхъ отношеній англо-французовъ, записанные кровью въ ихъ лѣтописяхъ, заключаетъ, что и теперешній союзъ ихъ окончится ссорой. Онъ говоритъ :

« Не въ первые они дружатся; обманчивые ихъ союзы, полезные дальновидной Англіи, всегда были и будутъ пагубны близорукой Франціи. Обиды ихъ новѣйше политики и публицисты, которые предсудматриваютъ въ современномъ, постыдномъ для христіанства союзѣ Англо-Французовъ прокъ забвѣнію старыхъ обидъ и общее стремленіе къ раздѣлу вселеннаго владычества. Англія не любитъ совѣтницевъ; она употребляетъ враждебную Францію орудіемъ своихъ замысловъ, къ исключительному преобладанію; страшная на водахъ, но бессильная на суцѣ и коварная Англія боится правдолюбивой и сильной Россіи, оплота Европы и Азии противъ притѣснительныхъ замысловъ островитянъ и старается, на крови своихъ враговъ Французовъ, основать пагубное для свѣта владычество, а потомъ сокрушить притупленное орудіе. Помудрѣе и посильнѣе Людовика Наполеона законные короли Франціи попадались въ сѣти англійскія, помощественнѣе племянникъ Людовика Наполеона былъ славный дядя Наполеонъ Великій; но и его величіе, сокрушившееся о твердую Россію, уступило мѣсто природному королю Франціи и ушло въ англійскіе узахъ. Торгашамъ не одолѣть мощной Россіи, возставшей на защиту сятаго дѣла и не поддержать затмившейся луны магометовой. »

Г. де-Сангленъ перебираетъ всѣ обвиненія, взведенныя на Россію завистниками ея величія, англичанами и французами, и доказываетъ несправедливость каждаго. Зависть и происходящее отъ-того недоброжелательство, были причиною, что они заключили союзъ съ Турціею и поставили предлогомъ мнимое равновѣсіе европейскихъ государствъ.

« Истинно рыцарскаго духа, возникшаго на Сѣверѣ въ лицѣ Императора Николая, не умѣли постигнуть на Западѣ, гдѣ безкорыстный рыцарскій духъ предковъ давно уступилъ мѣсто жалкому эгоизму. Начали перетолковывать намѣренія Россіи, приписывать ей тайное желаніе присвокупить къ обширнымъ своимъ владѣніямъ новыя власти, не смотря на то, что она торжественно и неоднократно объявляла противное. Я увѣренъ, что Англія и Франція вѣрили слову Рускаго царя; но зависть и происходящее отъ того недоброжелательство погасили въ нихъ благородную довѣрчивость. (стр. 7)

Новый русскій пѣсенникъ, или собраніе романсовъ, въ двухъ частяхъ. Москва. Въ тип. Александра Семена. 1854. Въ 12-ю д. л.; въ первой части 136, во второй — 169 стр.

Этотъ сборникъ, сравнительно со многими, появившимися въ нынѣшнемъ году, лучшій: и выборъ пѣсень потолковитѣе и изданіе почище. Поче-

му, однакожь, онъ названъ собраніемъ романсовъ? въ немъ есть и пѣсни, и романсы, что слѣдуетъ различать. Нужно было бы также отличить пѣсни старинныя отъ новыхъ, народныя отъ искусственныхъ, и выставить имена авторовъ подъ каждымъ стихотвореніемъ.

Новое не любо не слушай, а гдѣть не мѣшай. Русская сказка, въ стихахъ и десяти картинахъ. Москва. Въ тип. М. Смирновой. 1854. Въ 18-ю д. л 54 стр.

Для сказки и того довольно, что слушаютъ ее безъ скуки, добровольно, и можетъ иногда улыбку съ насъ сорвать. Такъ сказалъ Карамзинъ, но сказалъ давно. Новые сочинители сказокъ позабыли требованія, выраженные знаменитымъ авторомъ: ихъ сказки слушаютъ — зѣвая, на ихъ сказки улыбаются — не улыбкой удовольствія, а улыбкой сожалѣнія. Нѣтъ въ нихъ ни складу, ни ладу. Отчего это? Авторъ «Новаго не любо не слушай» очень-удачно и даже откровенно рѣшаетъ вопросъ нашъ. Онъ прямо говоритъ, что всякая галиматья — только сказка: слѣдовательно и всякая сказка — галиматья. Это теоретическое положеніе доказалъ онъ и практически своимъ произведеніемъ, которая — галиматья сугубая. Тутъ ужъ не просто хорошо, а хорошо на хорошо. Тутъ образцовая баллада Пушкина: «Гусаръ» размазывается на десяти картинахъ. Тутъ есть и хоры русалокъ и двѣ пѣсни гѣнаго — чего хочешь, того просишь, кромѣ вкуса, хорошихъ стиховъ и занимательности.

ЖУРНАЛИСТИКА.

Мечты и дѣйствительность, сочиненіе, напечатанное въ «Библиотекѣ для Чтенія» (№№ IV и V. Части 1 и 2-я). *Новыя стихотворенія* г. Тютчева («Совр.» № 5). *Стихотворенія* г. Стаховича.—**Осень.** («Моск.» № 6).—**Уличныя зрѣлища въ Италіи**, г. Бибинова. («Моск.» № 6).—**Мелочи изъ запаса моей памяти** г. М. Дмитріева. (Тамъ же).—**Исторія моей молодости**, соч. Араго. («Современникъ»).—**Жизнь и смерть послѣдняго владыки Черногоріи**, статья г. Ковалевскаго. (Тамъ же).—**Ловецкіе рассказы о каспійскомъ рыболовствѣ**, г. Небольсина. («Пятеонъ»); **Бѣлоруссія въ характеристическихъ описаніяхъ**, г. Шилевскаго. (Тамъ же).

Можно же вѣдь такъ мучить любознательность читающей публики, какъ это, напримѣръ, дѣлаетъ «Библиотека для Чтенія»! Она печатаетъ на своихъ страницахъ «сочиненіе» подъ названіемъ *Мечты и дѣйствительность* и требуетъ, чтобъ мы угадали чье сочине-

ше — это «сочинение». Поднимая кончикъ завѣсы, «Библиотека» говоритъ, что сочинение это принадлежитъ автору «Наслѣдства». Какого «Наслѣдства»? что это за «Наслѣдство»? Если сочинение, то гдѣ оно было напечатано? это романъ или юридическое исследование о законахъ наслѣдства? или можетъ быть историческое исследование о томъ же предметѣ? Праздный умъ читателя теряется въ догадкахъ. Когда говорить авторъ «Айвенго» или «Кенильворта», всякій знаетъ, что дѣло идетъ о Вальтерѣ Скоттѣ; авторъ «Чайльд-Гарольда» также всемъ извѣстенъ; авторы: «Фауста», «Гамлета», «Дон-Карлоса», не заставляютъ долго задумываться, кто они такіе; но, скажите намъ, кто такой авторъ «Наслѣдства»? У насъ, напримѣръ, говорятъ: авторъ «Фелицы», авторъ «Исторіи Государства Россійскаго», авторъ «Евгенія Онѣгина», авторъ «Героя нашего времени», но до апрѣля 1854 года, никто не произносилъ этихъ загадочныхъ словъ «авторъ Наслѣдства». Одна «Библиотека» въ состояніи была сказать это слово и — увы! сказала!

Мечты и дѣйствительность, сочинение автора «Наслѣдства» — не знаемъ чье. — По каталогу г. Смирдина значится нѣчто въ этомъ родѣ, напр.: «Наслѣдница, былъ вмѣсто романа, или романъ вмѣсто былин. Сочин. Петра Сумарокова. 2 ч. въ типог. Лазаревыхъ. 2 р. 80 к.» — Не то не «Наслѣдство», а «Наслѣдница». Есть правда, «Наслѣдство», въ 1 дѣйстви, сочиненія Коцебу; перев. съ нѣмец. Николай Краснопольскій. Санктпетербургъ, въ тип. Плавильщикова, 1843 г. (1 руб.)» Не то «Наслѣдство» сочинилъ Коцебу, на нѣмецкомъ, а на русскій оно было переведено. Есть «Наслѣдники» въ 1 дѣйстви., соч. Павла «Титова. Санктпетербургъ, въ тип. Губернскаго Правленія 1799 г. 1 р. 50 к.; есть «Наслѣдница» въ 1 дѣйстви. Писарева; есть «Наслѣдница Монтальда, или привидѣніе и таинства замка Безанто, соч. «Анны Радклифъ»: но нельзя же предположить, что бы Анна Радклифъ была въ наше время сотрудницей «Библиотеки для Чтенія». —

Больше мы не знаемъ ни одного наслѣдства. Начнемъ читать, и по слогу, по манерѣ писателя можетъ-быть догадаемся, кто такой авторъ «Наслѣдства», сочинившій «Мечты и Дѣйствительность».

«Дама была одѣта просто, но со вкусомъ: вся въ бѣломъ. Черные волосы окружали локонами ея кроткое и выразительное лицо; стройная и трагическая галія сохраняла всю гибкость первой молодости.» (Эта хозяйка дома).

«Анна Павловна молодая, красивая и остроумная пріятельница хозяйки...

«(Возгъ нея) юноша молчалъ, съ своею скромною и задумчивою физиономією, оживленною выраженіемъ молодости...»

Черезъ двѣ страницы:

«Вся почти мужчины были знаменитые люди.. Женщины все были молодыя, прелестныя и любезныя дамы или дѣвцы...»

Черезъ три строки :

«Каждый выбиралъ себѣ собесѣдниковъ и бесѣду, которые были ему по вкусу. Тѣ слушали *молодую блондинку, сверкающую умомъ и граціею*, которая говорила имъ за *трюхъ кокетливаго остроумія*. Тамъ въ каждой фразѣ великаго живописца являлась новая картина, *изумляющая или ослѣпляющая слушателей и слушательницъ...*»

Кто бы такъ хорошо писалъ, думаемъ мы? а вѣдь писалъ дѣйствительно кто-то. Отличительный признакъ этого автора былъ тотъ, что у него дамы всегда «молодыя, прелестныя и любезныя дамы или дѣвицы», блондинки сверкають умомъ и граціею, а кавалеры изумляютъ и ослѣпляютъ слушателей и слушательницъ...

Пересматриваемъ дѣйствующія лица и находимъ, что въ сочиненіи автора «Наслѣдства» выведены: Вьетанъ, Серве, Майеръ, Карлъ Брюловъ, Дрейшокъ, Пушкинъ и Спѣвала-Заиграйскій; о Викторѣ Ивановичѣ, Аннѣ Павловнѣ и Лизѣ не говоримъ ничего.

Однакожь мы должны послушать блондинку, сверкающую умомъ, и мужчинъ, все ослѣпляющихъ и изумляющихъ.

Страница 4 (она же и 79).

«Нечать вамъ съ того, что пьеса *кончилась*. Это — на томъ основаніи, что, къ сожалѣнію, того, что умный человѣкъ *думаетъ и говоритъ на скрипкѣ, на кларнетѣ, или на фортепьяно, ни перевести, ни разказать отъ себя невозможно.*»

Страница 83.

— «Да, да! это *трю* всегда производить... что то такое... удивительное... я это замѣтилъ... особенно, когда я играю это трудное *scherzo*...

Страница 87.

«Серве разсѣлся между нами въ покойныхъ креслахъ, облокотясь на ручки, и заложивъ ногу на ногу. Вся поза его выражала непринужденность и *отраду*» (?!)

— Какъ хорошо вы сдѣлали, мосьё Серве, что выбрали такой прекрасный инструментъ для своего удивительнаго таланта.

— Съ вѣкотораго времени самъ я думаю, что это не дурной *лицкъ* (?!), сказалъ Серве: *Я началъ было флейтою, и долго дулъ въ дырку, маршируя въ полку передъ барабаномъ; потомъ попробовалъ скрипку; но виолончель болѣе всякаго другаго инструмента согласенъ съ моею натурой. Это главное. Каждый долженъ знать свою запятку (и точку?)*.

Перейдемъ къ концу первой части: можетъ-быть тамъ музыки небудетъ.

Стр. 195.

«Она привѣтливо приняла поклонъ тощаго молодого человѣка, который вслѣдъ за тѣмъ представилъ ей другаго, дюжаго и здороваго, еще помоложе себя, но зато посмѣлѣе и посамоувѣреннѣе. Этотъ второй былъ Дрейшокъ, *толстый и розовый хлапъ учиненъ*, (?) по божески это значить: парень отличный.

Авторъ «Наслѣдства» пишетъ повѣсти побогемски?

Стр. 197.

«Дрейшокъ произвелъ громовой эффектъ, впечатлѣніе, тѣмъ болѣе глубокое, что *его* (?) не ожидали.»

«Карль Майеръ — кто бы это подумалъ! даже самъ Карль Майеръ *удулся* въ восторгъ: «Геній!.. великанъ! повторялъ онъ: какія октавы!.. Дибберга за поясъ заткнулъ!.. Передъ нимъ всё мы должны спрятаться *подъ* фортепьяны». Серве *высочилъ* изъ смежной комнаты и въ изумленіи, *бѣсъ* нарушить общее вниманіе, остановился у двери. *Глаза его сіяли, губы раскрывались. Лобъ* вытягивался до *потолка* (!!!). Когда Дрейшокъ *кончилъ*, Серве, *съ угаръ* отъ этой *волжанинско*й игры, бросился къ нему *стремглавъ* — сперва схватилъ его руки и сталъ сильно *жать* и *гнати* ихъ — потомъ обнялъ и расцеловалъ...»

Ну, въ Серве, *съ вытянутыми до потолка лбами*, и Дрейшокъ, этотъ «толстый и розовый хланъ учинень» бросаются другъ къ другу въ объятія; мы оставимъ ихъ и перейдемъ ко второй части.

«У Анны Павловны были два или три *музыкальные вечера*...»

Опять! перевертываемъ страницу.

«Здѣсь ничего не слышно! слишкомъ много брильянтовъ и золота!.. *сказалъ* Карль Брюловъ (а! вотъ и онъ), *вставая съ мѣста* *вплывши* пьесы Серве и *уходя въ кабинетъ* *хозяина*, *съ намѣреніемъ броситься въ объятія прелестной* *заванской* *сигарки*.» (!)

Такъ Серве бросается въ объятія Дрейшока, здѣсь Карль Брюловъ — въ объятія прелестной... сигарки! — Какое воображеніе! Но *какова* *страсть къ музыкѣ* у автора «Наслѣдства», который еще *въ самомъ началѣ* *сказалъ*, что о музыкѣ говорить не слѣдуетъ, потому-что *словами* *не передашь* *что скажетъ музыкантъ на скрипкѣ или кларнетѣ*. Будемъ выбирать мѣста, гдѣ плачутъ, смѣются, объдаютъ — но не говорить о музыкѣ. — Вотъ, кстати, на шестой страницѣ кто-то *плачетъ*... это Александръ.

«Прогнавъ камердинера, выпилъ онъ стакана три съ отчаянія — *страсти* *человѣческія* *высказываются* *такъ различно!* — и *прорывавъ съ полъ часа*, *заигралъ на скрипкѣ* *очень печально*. (заигралъ — такъ!) *Слезы* *каналы* *на рояльнужную* *доску*...»

Перевертываемъ много, очень-много страницъ и останавливаемся на 40-й. Кажется, здѣсь идетъ сужденіе о разговорѣ:

«Разговоръ означеннаго *сосѣда* *былъ легкой, поворотливый* (разговоръ?), *нештощимый* и съ одинаковою *пріятностью* *касался* *всѣхъ предметовъ*. Волненіе, которое *почувствовала въ себѣ* (?) Лиза въ предшествовавшее *посѣщеніе* *этого господина*, повторилось, если можно только назвать это *водненіемъ*. Къ концу *обѣда*, когда *осталось болѣе простора* *молу*, что (?) было стѣснено тарелками и стаканами (что же?) и усту-

вало късто *неблагодарному* удовольствію человека *набивать себя рыночными веществами* (?), Сиксть Брячиславичъ сдѣлалъ Лизѣ нѣсколько вопросовъ, относившихся *прямо къ ней самой*. Вопросы эти касались предметовъ, самыхъ драгоценныхъ для Лизы, *но*(?) она никогда не думала скрывать, или уменьшать, при чужихъ, значеніе, которое они имѣли въ ея глазахъ, и говорила о своемъ любимомъ, почти исключительно занятіи откровенно, съ любовью, съ увлеченіемъ(??). Тутъ только оказалось, что за этими вопросами сидѣтъ въ засадѣ злодѣйскій умыселъ Сикста Брячиславича: какъ тигръ, воспламененный видомъ беззащитной, готовой(?) добычи, онъ выпрыгнулъ изъ за нихъ съ свирѣпымъ предложеніемъ *играть съ четыре руки...*

И этотъ туда же! Пусть бы онъ лучше уступилъ *неблагодарному* желанію «набивать себя рыночными веществами»: мы по-крайней-мѣрѣ нашли бы какое-нибудь разнообразіе въ сочиненіи автора «Наслѣдства»; такъ нѣтъ! и онъ идетъ играть въ четыре руки. О жестокой Сиксть!

«О жестокой Александръ! (это тотъ, чьи слезы падали на резонансовую доску), въ какое положеніе ты ставишь несчастную Лизу! *перемьшати пальцы свои съ пальцами человека, котораго ты называешь Сикстомъ, безжусникомъ, барабаномъ...*»

Пропускаемъ восемь страницъ:

«Въ это утро исполняли *Героическую Симфонію* Бетховена.

Пропускаемъ шестнадцать страницъ:

«...Туда не стоитъ ходить. Страстно любить музык...»

Еще восемь страницъ:

«Музык...»

Еще восемь страницъ — и конецъ второй части сочиненія автора «Наслѣдства». — Кто жъ этотъ авторъ? Согласитесь, читатель, что вѣдь любопытно бы знать. Нельзя же вѣдь его называть «авторомъ повѣсти, въ которой розовый и толстый хлапъ учиненъ» или «авторомъ романа, въ которомъ у одного извѣстнаго виолончелиста лобъ вытянулся до потолка»? Такое названіе уже неудобно по своей длиннотѣ.

Въ V № «Современника» помѣщено восемнадцать стихотвореній г. Тютчева, служащихъ дополненіемъ къ тѣмъ, которыя были напечатаны въ № 3 того же журнала. Однакожъ стихи эти нисколько не могутъ дополнить того уваженія, которое мы получили къ таланту г. Тютчева, по прочтеніи его первыхъ стихотвореній. Всѣ восемнадцать новыхъ стихотвореній безцвѣтны по сравненію съ прежними. Вотъ, наиримѣръ, одно изъ этихъ восемнадцати стихотвореній, подъ названіемъ *Слезы*. Сколько въ немъ обветшалыхъ выраженій, праздныхъ словъ, непонятныхъ картинъ, неудавшихся стиховъ! Тутъ есть и «пурпуръ искрометныхъ вѣвъ», который «ласкаютъ очи», и «благоухан-

ний рубинъ плодовъ», и «созданье, погруженное въ вино» и «желкъ
кудрей сладострастный»...

Люблю, друзья, ласкать очами
Иль пурпуръ искрометныхъ винъ,
Или плодовъ между листьями
Благоухающій рубинъ. (?)

Люблю смотрѣть, когда созданье (?)
Какъ бы погружено (?) въ веснѣ,
И миръ заснулъ въ благоуханьи (?)
И улыбается во снѣ!..

Люблю, когда лицо прекрасной
Весенній воздухъ пламенитъ,
То кудрей желкъ взвѣваетъ сладострастный,
То въ ямочки вливается ланитъ.

Но что всѣ прелести павосскія царяцы,
И гроздй сокъ и запахъ розъ,
Передъ тобой, святой источникъ слезъ,
Роса божественной денницы!.. (??)

Небесный лучъ играетъ въ нихъ
И, преломясь о капли огнелы,
Рисуетъ радуги жизни
На тучахъ жизни громовыхъ. (?)

И, только смертнаго зенищъ
Ты, ангелъ слезъ, дотронешься крылами —
Туманъ разсѣется слезами,
И небо серафимскихъ лицъ
Вдругъ разовьется предъ очами.

Кто бы могъ подумать, что авторъ, написавшій такіе темные и не-
удачные стихи, былъ поэтомъ слѣдующаго, неподражаемаго стихотворе-
нія, одного изъ лучшихъ въ нашей поэзіи, вызваннаго тѣмъ же сюже-
томъ — *Слезами*.

Слѣзы людскія, о слезы людскія,
Лететь вы ранней и поздней порой, —
Лететь безвѣстныя, лететь незримыя,
Неистощимыя, неисчислимыя, —
Лететь, какъ льются струи дождевыя
Въ осень глухую, порою ночной. —

Стихотвореніе это напечатано въ числѣ многихъ другихъ, одинаково-
прекрасныхъ, въ 3 № Современника, и о нихъ-то мы поговоримъ въ
своемъ времени съ читателями, какъ обѣщали. Скажемъ только, что

ривъ—напечатанные (въ № 5) стихи г. Тютчева. ничего не прибавить къ его извѣстности, какъ поэта; даже жаль, что они напечатаны.

«Москвитянинъ» въ 6 № напечаталъ также нѣсколько стихотвореній, и между ними есть стихи г. М. Стаховича, которые особенно бросаются въ глаза своею странностью (*Старуха на печкѣ*). Авторъ хотѣлъ написать что-то въ простонародномъ духѣ, но это «что-то» ему вполне не удалось. Между тѣмъ, признаемся, мы ждали отъ г. Стаховича стиховъ болѣе-удачныхъ, и вотъ по какой причинѣ. Въ октябрьской книжкѣ «Москвитянина» за прошедшій годъ г. Стаховичъ помѣстилъ свое стихотвореніе *Осень*, гдѣ нѣкоторыя строфы справедливо могли обратить на себя вниманіе. Стихотвореніе это прошло незамѣченнымъ, вѣроятно, по отсутствію въ цѣломъ всякой мысли; но въ частности въ немъ были стихи прекрасныя и мы приведемъ изъ здѣсь съ удовольствіемъ, вмѣсто тѣхъ, которые напечатаны въ 6 № «Москвитянина».

Опять обнажены широкія поля!
Желтѣетъ озимей щетинистое жниво,
Рыхла становится двойная земля
И легко пашется застѣнная нива.

Давно ли солнце жгло и лѣтній день горѣлъ,
Гречиха, бѣлая какъ кипѣнь, побурѣла,
Овесъ завѣсистый какъ жемчугъ забѣлѣлъ
И рожь высокая поникнувши шумѣла.

Звуча прошла коса; досушіе серпы
Съ зари и до зари полосья пожнцели,
Ряды ложився, вязалися снопы
И конны, какъ стада, несметныя стояли

И говоромъ вся степь была оживлена;
Работа дружная и шумная кипѣла.
И пѣсня косарей раскатиста, звучна,
Далеко по зарѣ лилася п звенѣла.

Теперь замолкло все. Снопы въ скирдахъ лежатъ:
Опять на цѣлый годъ мы сыты и богаты,
И на току цѣпы и ладаць, и стучать,
И вѣское зерно дождемъ летять съ лопаты...

Теперь пора! густой ужъ стелется туманъ,
Давно желанный день, ненастный, наступаетъ
Листъ падаетъ шумя, и на просторъ полямъ
Звѣрей испуганныхъ изъ лѣса выгоняетъ.

Теперь—то мы пройдемъ и вдоль и поперегъ
 Овраги и бугры, и доли, и равнины,
 Услышимъ звонкій лай, ловцовъ ревущій рогъ,
 И, стоя на краю зіяющей стремнины,

Мы будемъ звѣря ждять. Вотъ ближе все звучить
 Гоньба согласная ватаги межъ кустами,
 И уши наостривъ, ученый песь дрожить...
 Но заяць сверкнулъ и покатылъ полями...

И такъ проходитъ день. Далеко отъ домовъ
 Осенній вечеръ насъ на полѣ настагаетъ...

Туманъ, какъ стрый волкъ, надъ жнивьями лежитъ,
 Дымится сизый паръ, трепещетъ глушь сѣдая,
 И зелень яркая, озимая, блеститъ,
 Морозу вѣпкого и снѣгу ожидаая. —

Люблю я этотъ часъ погаснувшего дня...

Вотъ нѣкоторыя строфы этого стихотворенія. Онѣ заключаютъ въ себѣ полный смыслъ и несравненно—поэтичнѣе того окончанія пьесы, которое придѣлалъ къ ней г. Стаховичъ. Отъ такого прекраснаго стихотворенія, повторяемъ, страненъ намъ показался переходъ къ «Старухѣ на печкѣ» того же автора; мы имѣли право ожидать чего—нибудь получше.

— Сколько разъ, читая описанія нашихъ путешественниковъ по Италіи, мы приходили въ отчаяніе отъ невыносимой скуки этихъ описаній. Можно было бы подумать, что Италія самая скучная страна въ мірѣ, еслибъ только слушать эти нескончаемыя «путешествія», «записки» и даже «письма», хотя бъ ихъ было *три*, или только *одно* — все-равно. Недавно, рецензентъ «Москвитянина» г. Г. защищалъ на *тридцати—двадцати* страницахъ одно *письмо* изъ Италіи, умѣстившееся на *двадцати—семи* страницахъ «Библіотеки для Чтенія». Мы скажемъ этому рецензенту, что, по нашему мнѣнію, одна страничка изъ статьи г. Бибикова *Уличныя зрѣлища въ Италіи* (Москв. № 6) знакомитъ насъ съ Италією несравненно—больше, нежели двадцать—семь страницъ «Трехъ Писемъ». Г. Бибиковъ показалъ, какъ можно занимательно писать объ Италіи послѣ всего того, что написано объ этой интересной и классической землѣ. Повѣрьте, что такія маленькія статейки, какъ «Пулчирелло», «Серенада», «Римскія и флорентинскія улицы» въ тысячу разъ больше даютъ намъ возможность чувствовать прелесть и итальянскаго неба, и итальянской архитектуры, и итальянской жилицы, нежели всѣ напыщенные возгласы о красотѣ, объ «очахъ, которыя сверкаютъ молніей» и тому подобномъ. Мы увѣрены, что не найдется ни

одного человека, который не прочелъ бы съ величайшимъ удовольствіемъ статьи г. Бибикова. И все дѣло состоитъ въ томъ, что авторъ не представляетъ изъ себя слѣпаго поклонника того, чему не слѣдуетъ поклоняться. Онъ также хорошо видитъ смѣшную, грязную и ничтожную сторону нынѣшней Италіи, какъ прекрасную, поэтическую и торжественную. Въ этомъ и вся задача. Диккенсъ, описывая свое путешествіе по Италіи и не желая замѣчать ничего дурнаго, представлялъ это путешествіе какимъ-то своимъ, или воздушнымъ полетомъ надъ Италією: и отъ этого его описаніе Италіи вышло дѣйствительно поэтическимъ и фантастическимъ вмѣстѣ. Нашъ Гоголь въ своемъ отрывкѣ «Римъ» вздумалъ дать почувствовать Италію, изобразивъ ее самыми яркими красками, и одними яркими — и картина ему не удалась...

Кстати, по поводу этой картины «Рима», написанной Гоголемъ, мы прочли у г. Г. (въ «Москвитиниѣ») неожиданно-оброненное имъ слѣдующее выраженіе: «На Гоголя не безъ основанія, пожалуй, нападали за его Римъ: въ-самомъ-дѣлѣ, стремясь всѣ черты передать словомъ, какъ-будто бы кистью, онъ громоздитъ черту на черту, ослѣпляетъ яркостью красокъ, вынужденъ для того, чтобъ передать тотъ или другой оттѣнокъ изображаемыхъ имъ предметовъ, прибѣгать къ выраженіямъ яркимъ, но мало-употребительнымъ, вынужденъ для того, чтобъ передать, укладывать мысль въ нескончаемо-длинный періодъ».

Мы съ удовольствіемъ прочли эти строки г. Г., который такъ сильно восхищался нѣкогда «Римомъ» Гоголя...

Возвращаемся къ скромному труду г. Бибикова. Въ 1 № «Москвитинна» онъ помѣстилъ интересный рассказъ изъ итальянской жизни, подъ названіемъ «Послѣдній Патито», а въ 6 № «Уличныя Зрѣлища». Намъ бы очень хотѣлось познакомить читателей съ рассказомъ г. Бибикова и потому мы выбираемъ самую короткую статейку «Флорентійскія Улицы». Въ рассказѣ, или, лучше, въ языкѣ г. Бибикова нѣтъ той поэзіи, какую находимъ у г. Яковлева, но за-то чрезвычайно-много наблюдательности и умѣнья представить предметъ живо, ясно и картинно. Впрочемъ, и г. Яковлевъ и г. Бибиковъ безспорно два лучшіе наши туриста-рассказчика въ послѣднее время (объ Италіи).

«Флорентійскія улицы носятъ на себѣ такой рѣзкій отпечатокъ среднихъ вѣковъ, что мы, въ нашихъ круглыхъ шляпахъ и широкихъ пальто, кажемся въ нихъ живыми анахронизмами. Я пріѣхалъ во Флоренцію часа въ три утра. Увлеченный прелестью тихой и свѣтлой ночи, я вскоре отдалъ свой чемоданъ слугѣ гостиницы, къ дверямъ которой поѣхъ меня ветурино, и отправился гулять по незнакомой мнѣ Флоренціи.

«Мало въ жизни наслажденій, которыя могутъ сравниться съ чувствомъ человека, пріѣхавшаго въ незнакомый итальянскій городъ!

«Полная луна освѣщала пол-улицы бѣловатымъ свѣтомъ, похожимъ на свѣтъ бенгальскаго огня, оставляя половину ея въ темно-голубой тѣнѣ,

но такой прозрачной, что въ самой густотѣ ея глазъ открывалъ проблескъ свѣта.

«Въ концѣ улицы, высоко, на темномъ занавѣсѣ неба, чернѣли зубцы громаднаго дворца. Куда ни взглянешь — всюду дворцы, поразившіе меня своей строгой архитектурой. Всѣ они сложены изъ нетесаннаго травертина. Окна безъ балконовъ, съ желѣзными рѣшетками, какъ окна тюрьмы. Такъ и пахнуло на меня воздухомъ среднихъ вѣковъ.

«Необыкновенной величины портоны одного изъ дворцовъ были полуотворены; я рѣшился войти въ него — и остановился отъ изумленія. Второй этажъ, выстроенный на массивныхъ стѣнахъ, былъ весь въ аркадахъ разной величины и формы; окна въ стѣнахъ, неправильно расположенныя, были всѣ закованы въ желѣзо; у самой стѣны каменная лѣстница, съ дивными рѣзными украшеніями, странными уступами и неровными ступенями, вели къ огромной желѣзной двери съ запорами и замками; вездѣ, по стѣнамъ, вѣшали были каменные плиты, съ изображеніемъ гербовъ съ старинными надписями; надъ одной изъ стѣнъ высилась четырех-угольная башня съ зубцами.

«Мнѣ такъ и казалось, что вотъ сейчасъ, сейчасъ зазвучатъ цѣпи, и воины, въ желѣзныхъ латахъ и шишакахъ, съ аллебардами на плечахъ, поведутъ узника; гремя оружіемъ, спустятся съ лѣстницы и пройдутъ въ часть двора, покрытую мракомъ ночи, и гдѣ мнѣ чудились и плаха и топоръ...

«Вдругъ въ аркадахъ послышались чьи-то шаги: кто-то въ темнотѣ искалъ ключемъ отверстіе замка въ желѣзной двери; ключъ щелкнулъ, тяжелый запоръ упалъ, громадная дверь завизжала на петляхъ, открылась и кто-то началъ спускаться съ лѣстницы...

«У меня забилось сердце.

«Увы! то не былъ ни воинъ въ вооруженіи среднихъ вѣковъ, ни гонимый въ черной мантии, ни узникъ въ цѣпяхъ — то былъ просто человекъ съ бритою бородой, въ круглой шляпѣ, въ плюсовой курткѣ простолюдина и въ длинныхъ панталонахъ!

«Этотъ современный костюмъ вмѣгъ разрушилъ мое очарованіе. Насильственно вызванный изъ средневѣковой жизни, въ которую я былъ погруженъ, что называется по уму, я сталъ походить на зрителя, который смотритъ, положимъ, Жидовку Галеви, душею причастенъ увлекательному представленію, и вдругъ, изъ-за дурно поставленной кулисы, видитъ будочника, нюхающаго табакъ.

«Я съ негодованіемъ отвернулся отъ синьора въ круглой шляпѣ и, глядя на живописный дворъ, силою воли старался придти въ прежнее настроеніе духа и, можетъ быть, успѣлъ бы въ томъ, еслибъ синьоръ въ круглой шляпѣ, плюсовой курткѣ и длинныхъ панталонахъ, не вздумалъ подойти ко мнѣ; онъ поклонился очень учтиво и объявилъ мнѣ, что онъ тюремщикъ *Барджелло* (*), что видѣлъ меня изъ окна, тотъ-часъ узналъ во мнѣ иностранца и поспѣшилъ ко мнѣ, чтобы показать мнѣ всѣ достопримѣчательности этого древняго замка.

(*) Барджелло — тюремный замокъ, въ одномъ изъ самыхъ роскошныхъ и населенныхъ кварталовъ Флоренціи. Онъ, во время республики, служилъ жилищемъ гонимому городу.

«Я бросил на него такой взгляд, что не понимаю, какъ онъ тотчасъ же не догадался, что у меня ужасно «чесались руки»; онъ продолжалъ говорить, не переводя духа и выговаривалъ К и Т, набирая воздуху всею грудью, словно насосомъ. Я не зналъ еще, что въ этомъ—то вдыханіи воздуха и состоитъ красота тосканскаго произношенія, и подумалъ, что этотъ господинъ рѣшился умереть чахоткой.

«Вотъ здѣсь, на самомъ этомъ мѣстѣ», сказалъ мой непрощенный чичероне, указавъ на плиту съ желѣзнымъ кольцомъ, лежащую посреди двора, «обезглавленъ и похороненъ Филиппо ди Лапи за измѣну республикѣ. Его казнили въ темную ночь, при свѣтѣ факеловъ, и палачу не сразу удалось отрубить голову. Гонимый городомъ тогда былъ Джіоакимо, братъ измѣнника; онъ, при каждомъ промахѣ палача, бросалъ ему драгоценную жемчужину своего ожерелья, приговаривая: *bravo ragazzo* (молодецъ) и хохоталъ во все горло. Надо вамъ сказать, что Джіоакимо былъ влюбленъ въ свою невѣстку и, послѣ смерти брата, хотѣлъ на ней жениться; но, какъ извѣстно по исторіи, онъ въ первую ночь своего брака былъ отравленъ ею, посредствомъ свѣчи, поставленной у его изголовья».

«Хотя я объ этомъ никогда не слыхалъ прежде и оставался увѣренъ, что все это не болѣе, какъ выдумка моего чичероне, я радовался его болтовнѣ, которая переносила меня опять въ средніе вѣки.. вдругъ, одно изъ оконъ башни съ шумомъ отворилось, изъ него высунулась женская голова, въ ночномъ чепцѣ (!) и, отыскавъ насъ заспанными глазами, закричала: «Джиджи! какъ пойдешь на рынокъ, не забудь, на деньги этого синьора, купить къ обѣду флажку вина!»

Начало свѣтать...

«Я поблагодарилъ Джиджи и отправился опять въ гостиницу.»

Изъ этихъ картинокъ состоитъ вся статья «Уличныя зрѣлища въ Италіи» и мы будемъ очень рады если встрѣтимъ продолженіе этихъ статей.

Въ «Мелочахъ изъ запаса моей памяти» г. М. Дмитріевъ продолжаетъ (Москв. № 6) рассказывать многія очень-занимательныя исторіи и продолжаетъ сердиться и негодовать на тѣхъ *молодыхъ* и не *молодыхъ*, но еще живыхъ, которые осмѣливаются думать иначе, нежели г. М. Дмитріевъ. Вольному воля, и г. М. Дмитріеву тоже самое. Особенно чѣмъ—то виноваты передъ г. М. Дмитріевымъ, племянникомъ И. И. Дмитріева и переводчицомъ Гораціевой «Науки о Поэзіи» — «Отечественныя Записки». Рассказывая про своего дядюшку, г. М. Дмитріевъ выражается такими словами: «Не было писателя и стихотворца, которому бы Дмитріевъ не отдавалъ справедливости, и той именно похвалы, которую тотъ заслуживаетъ, по мѣрѣ своего таланта. Онъ разбиралъ строго, анализировалъ подробно и доказывалъ ошибки безъ уступчивости; но всегда *хладнокровно, учтиво, съ достоинствомъ*». Запомнивъ хорошо, потомъ записавъ и наконецъ напечатавъ въ 6-мъ № «Москвитянина» 1854 года объ этомъ достоинствѣ покойнаго, г. М. Дмитріевъ забылъ

одно: пригнѣять это золотое правило къ своимъ собственнымъ сужденіямъ о здравствующихъ литераторахъ. Племянникъ готовъ скорѣй похвалить гр. Хвостова, нежели кого-либо изъ молодыхъ поэтовъ. Г. М. Дмитріева все огорчаетъ: зачѣмъ 13 лѣтъ назадъ называли того-то великимъ ученымъ, а не поэтомъ; другаго — великимъ поэтомъ, а не ученымъ; третьяго ни называли ни поэтомъ, ни ученымъ. Кажется, въ тринадцать эти лѣтъ г. Дмитріевъ ничего не припряталъ къ «Запасъ къ мелочамъ своей памяти» — жаль! а если бы припряталъ, тогда и придержался бы золотого правила своего дядюшки говорить о писателяхъ «гладнокровно, учтиво, съ достоинствомъ». Всѣ «Мелочи», вычтанныя въ 6-й книжкѣ «Москвитянина», почти исключительно относятся къ И. И. Дмитріеву, другу Карамзина, и всѣ онѣ интересны, за исключеніемъ развѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ самъ г. М. Дмитріевъ рассуждаетъ о поэзіи, о стихахъ и объ изящномъ вообще. Въ этихъ случаяхъ, онъ, впрочемъ, по весьма-извинительной причинѣ, негодуетъ на тѣхъ, которые не находили или не находятъ картиннымъ извѣстный стихъ:

То сей, то оный на бокъ гнется,

взумаются тѣмъ, которые не находили или не находятъ удивительной кълости, полноты и тонкой отдѣлки частей, въ слѣдующемъ изображеніи музъ:

«Изъ рукъ ихъ лиры *покатились*,
Главы къ колѣнамъ преклонились,
Власы *упали до земли*».

Хотя лиры не шары и, по нашему мнѣнію, кататься не могутъ (могутъ упасть изъ рукъ), и хотя фигура музъ, которымъ волосы закрыли лицо, не представляетъ собственно никакой фигуры, однакожъ г. Дмитріевъ при этомъ случаѣ находитъ удобнымъ сдѣлать замѣчаніе такого рода: «Приемы великаго мастера всегда поучительны; а потому не лишнее сдѣлать ихъ извѣстными».

Пусть читатель самъ судить, поучительны или нѣтъ эти приемы. Мы, признаемся, боимся произносить свое мнѣніе... Но пусть и читатель произносить свое мнѣніе осторожно, иначе онъ попадетъ въ незавидную категорію людей нелюбезныхъ и незнающихъ хорошаго обращенія.

«Не только Ив. Ив. Дмитріевъ, принадлежавшій къ образованному вѣку Екатерины, но и я уже, *человѣкъ позднѣйшаго времени*, и не имѣющій заслугъ моего дяди, нахожу, *что многое перемѣнилось и перемѣнилось не къ лучшему!* — Я не имѣю ни капли гордости въ своемъ характерѣ; я вообще простъ въ обращеніи и общежителенъ; но обращеніе вышшняго поколѣнія, особенно вышшнихъ *выходцевъ*, *заставляютъ и меня сжаться и приосамиться*».

Когда г. М. Дмитриевъ писалъ эти строки о любезномъ обращеніи того времени, къ которому принадлежитъ онъ самъ и его покойный дядя, вѣроятно, онъ забылъ сообразить одинъ анекдотъ, приведенный имъ же самимъ на стр. 101. Онъ относится къ любезному времени г. М. Дмитриева и мы могли бы съ своей стороны привести много подобныхъ же анекдотовъ. Этотъ анекдотъ доказываетъ, что въ разное время разумѣютъ совершенно-разныя вещи подъ словомъ «любезность». Тогдашніе образованные и любезные между собою люди, бывали подь-часъ кой-съ-къмъ нелюбезны. Зачѣмъ же слѣдовательно такъ бранить наше время?

Или вотъ еще образчикъ любезныхъ людей того времени, которые, безспорно, были любезны, но не могли же доставить удовольствія И. И. Дмитриеву, когда восхищались безусловно его стихами. Самъ г. М. Дмитриевъ говоритъ, что въ наше время нельзя такъ восхищаться стихами его дяди.

«Стихотвореніе: *Отъездъ* было написано Дмитриевымъ въ Сызранѣ, при возвращеніи его изъ годоваго отпуска, въ Петербургъ, на гвардейскую службу, въ Семеновскій полкъ. Написавши эту пьесу, онъ читалъ ее въ домашнемъ кругу, гдѣ были посторонніе. Когда дошелъ онъ до этого мѣста:

И гдѣ въ замерзломъ ручейкѣ
Видался каждый день съ Наядой,
Гдѣ кустъ, береза вдалькѣ
Казались мнѣ гамадридой,
А дѣлкъ или и самъ судья
Какой-нибудь Цирцей жертвой...

«Одинъ изъ слушателей, бывший въ то время судьей, всталъ, поклонился и очень добродушно сказалъ: «покорнѣйше благодаримъ, батюшка Иванъ Ивановичъ, что и насъ не забыли»... *Какова была простота!* можетъ-быть, и нынче не знаютъ, что спутники Одиссея были превращены въ свиней; но не *поблагодарятъ же такъ добродушно!* — Какое-то чувство сказало бы: «вѣрно онъ надъ нами смѣется.»

Изъ этого видно, что при покойномъ Иванѣ Ивановичѣ Дмитриевѣ и на памяти г. М. Дмитриева существовали любезные люди, но эти люди не всегда были истинными знатоками и цѣнителями стиховъ И. И. Дмитриева. Вотъ, надѣмся, самое скромное заключеніе, которое можемъ сдѣлать изъ этого анекдота.

Вообще должны мы сказать, что мелочи, помѣщенные въ 6 № «Москвитянина» очень-интересны и даже не въ одномъ литературномъ отношеніи, но и въ историческомъ. Дмитриевъ былъ министромъ юстиціи въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и все, что рассказываетъ г. М. Дмитриевъ объ этомъ періодѣ жизни своего дяди, насъ очень занимало. Мы бы желали еще болѣе подобныхъ рассказовъ.

— Статья о Риттерѣ, написанная по поводу изданія г. Фроловымъ II-го тома «Магазина Землеѣдѣнія и Путешествій», и столь восторженно превозносящая Риттера выше всѣхъ великихъ современныхъ ученыхъ, окончена въ юньской книжкѣ «Современника» и принадлежитъ г. Ушинскому. Узнавъ имя автора, мы можемъ объяснить панегирическій характеръ статьи, кромѣ догадки, высказанной въ прошедшей книжкѣ «Отеч. Зап.» преданностью автора своей любимой наукѣ.

— «Исторія моеи молодости», посмертное сочиненіе Араго, переводъ г. Д. М. П-ва, кромѣ важности для біографіи знаменитаго ученаго, имѣетъ еще и то достоинство, что написана прекрасно, какъ и все, что писалъ Араго; главное содержаніе этого отрывка — чрезвычайно-интересныя странствованія и бѣдствія Араго во время испанской войны, которая застала его на островѣ Майоркѣ. Въ общихъ чертахъ извѣстно было, сколькимъ опасностямъ подвергался Араго прежде, нежели успѣлъ добраться до Франціи; но ходячіе рассказы были не-совсѣмъ-вѣрны и не сообщали тѣхъ истинно-романическихъ подробностей, которыя такъ замечательны въ простомъ, но живомъ и прелестномъ рассказѣ самого Араго

— Изъ оригинальныхъ статей «Современника» лучшая *Жизнь и смерть послѣдняго владыки Черногоріи и послѣдовавшія за тѣмъ событія*, Ковалевскаго. Геройское мужество черногорцевъ, которое въ послѣднюю войну ихъ съ Омер-пашою проявилось едва-ли не съ большимъ блескомъ, нежели когда-нибудь, придаетъ важность ничтожному клочку бесплодной земли, населенной горстью людей. Въ настоящее время Черногорія, по выгодному своему положенію, относительно театра войны, привлекаетъ всеобщее вниманіе. Потому статья г. Ковалевскаго является какъ-нельзя-болѣе кстати.

«Ловецкіе рассказы о китайскомъ рыболовствѣ» («Пантеонъ» № 5: II. Рыболовныя суда; III. Наблюденія ловцовъ надъ рыбою) г. Небольсина представляютъ довольно-много интересныхъ свѣдѣній, какъ и всѣ статьи уважаемаго автора; можетъ-быть, надобно только пожалѣть о томъ, что онъ слишкомъ-рѣшительно отвергаетъ возможность пользы отъ опытовъ надъ искусственнымъ размноженіемъ рыбъ. Зачѣмъ смѣяться надъ этими изслѣдованіями, которыя только еще начинаются, которымъ посвящали свои труды замѣчательные физиологи и которымъ предвѣщаютъ успѣхъ первые естествоиспытатели и у насъ и за границею? Вопросъ такъ новъ, что практическая опытность самыхъ бывалыхъ людей далеко недостаточна для рѣшительнаго приговора; и все, что мы, неспециалисты, можемъ сказать въ этомъ дѣлѣ, едва-ли не должно ограничиться словами: искусственное разведеніе рыбъ — замыселъ смѣлый и трудный; но отчего же быть ему невозможнымъ, когда успѣшно идетъ дѣло, повидимому, гораздо болѣе затруднительное — искусственное высиживаніе цыплятъ?

— «*Бѣлоруссія въ характеристическихъ описаніяхъ и фактастическихъ повѣрьяхъ*» г. Шпилевскаго: 1) «*Золотая щука, сказка,*» (Пант. № 5).—Въ этой сказкѣ языкъ г. Шпилевскаго такъ же изысканъ, какъ общее заглавіе его статей: «Оскорбилась кочерга, что князекъ не хотѣлъ избрать въ жены себѣ ту княжну, которую она просватала за него: но Сеня-князекъ былъ непреклоненъ въ своемъ намѣреніи. Кочерга съ гнѣвомъ грозила ему страшнымъ наказаніемъ»... Такимъ языкомъ нельзя передавать народныхъ сказаній. 2) «*Свадебные обряды у застѣнковцевъ Витебской Губерніи*» описаны гораздо проще. Нѣкоторые обряды значительно разнятся отъ великорусскихъ. Такъ, напримѣръ, при обрученіи, «невѣста подходитъ къ жениху, бояре (друзки жениха) подносятъ ей водку, и она обязана налить ее въ свою рюмку и подать жениху. Это означаетъ согласіе невесты на вступленіе въ бракъ съ предлагаемымъ женихомъ». Когда женихъ, послѣ обрученія, прощается, «невѣста снимаетъ съ его головы шапку и надѣваетъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ (лѣтомъ свѣжихъ, а зимою сухихъ); съ этимъ вѣнкомъ женихъ возвращается домой; тамъ его мать снимаетъ вѣнокъ и бросаетъ въ печь». Въ противность нашему правилу, что женихъ въ день свадьбы не видитъ невесты до самаго пріѣзда ея въ церковь, у застѣнковцевъ соблюдается слѣдующій обычай: къ тому времени, когда одѣванье невесты окончено, въ невестинъ домъ пріѣзжаетъ женихъ съ боярами; отецъ невесты встрѣчаетъ его и вводитъ въ ту комнату, гдѣ сидитъ невеста съ подругами; всѣ садятся; невеста встаетъ и говоритъ отцу: «Родные мои батюшки! дайте мнѣ лошадей и телѣгу, чтобы она повезла меня въ церковь, гдѣ люди собираются, Господу Богу молятся».—«Отецъ невесты встаетъ, и взявъ ее подъ руку, ведетъ на дворъ и сажаетъ въ незапряженную телѣгу. Женихъ запрягаетъ лошадей» и поѣздъ отправляется въ церковь. Изъ этого видимъ, что роль невесты въ свадебныхъ церомоніяхъ гораздо болѣе самостоятельна у бѣлорусскихъ застѣнковцевъ, нежели у великоруссовъ.

Статья «*Прежняя и нынѣшняя Турція*», продолжаясь, достигла въ 5-мъ номерѣ «Пантеона» до современности, и описываетъ нынѣшній Константинополь.

Г. Строровъ напечаталъ въ этой же книжкѣ довольно-хорошую статью о Беллини, передѣланную изъ статьи одного нѣмецкаго музыкальнаго журнала.

V.

ПОСЛѢДНІЯ ВОЙНЫ АНГЛИЧАНЪ СЪ СЕЙКАМИ.

Пенджаб-сейки и ихъ сношенія съ англійскою Индією. — Ренджит-Сингъ. — Его наследники. — Грабежи сейковъ. — Вторженіе ихъ въ англійскія владѣнія. — Занятіе Лагора англичанами. — Политика лорда Гардинга. — Лордъ Дальгузи. — Мультаиъ. — Убійство англійскихъ офицеровъ. — Заговоръ сивазъ. — Сраженія при Шенабъ и подъ Мультаномъ. — Генералъ Вишъ. — Осада Мултана. — Измѣна Шир-Синга. — Отступленіе англичанъ и хитрость ихъ. — Лагерь и бездѣйствіе. — Прибытіе подкрѣпленій и вторичная осада Мултана. — Возстаніе въ Лагоръ. — Чуттур-Сингъ и майоръ Лауренсъ. — Афганъ. — Наступательныя движенія и неудачи англичанъ. — Разбитіе англичанъ при Чиланваллѣ. — Отправленіе въ Индію Непира. — Взятіе Мултана. — Окончательное пораженіе сейковъ. — Бѣгство афгановъ. — Будущность англійской Индіи.

Пенджабъ, или страна сейковъ, извѣстная въ Европѣ болѣе подъ названіемъ Королевства Лагорскаго, получила свое названіе отъ пяти рѣкъ, протекающихъ черезъ нея. На сѣверо-западъ она граничитъ Индомъ, а на юго-востокъ рѣкою Сутледже, стало-быть Пенджабъ имѣетъ форму треугольника, который опирается на сѣверо-востокъ на обширныя горы, принадлежащія къ Гиммалайскому Хребту, этому индійскому Кавказу. Пешауеръ и Деджаратъ, завоеванные сейками у афгановъ, выходятъ одни изъ треугольника. Климатъ и природа чрезвычайно-разнообразны въ этой обширной странѣ, простирающейся отъ жаркихъ пустынь Синда до снѣжныхъ горъ Кашмира и Афганистана. Пенджабъ имѣетъ пять миллионъ жителей и приносятъ ежегоднаго дохода около десяти миллионъ серебромъ. Рѣки, протекающія черезъ него, почти всѣ судоходны и составляютъ около семи сотъ миль протяженія, взятыя въ сложности.

Секта сейковъ основана однимъ *гуру*, то-есть пророкомъ, по имени Нанакъ, въ концѣ XV-го столѣтія нашей эры. Сейки вѣрили въ переселеніе душъ и почитали быка, какъ священное животное. Это племя отличается отъ прочихъ индусовъ свободою въ переходѣ изъ одной касты въ другую; и считаетъ высшею обязанностью посвящать себя военному званию. Сейки питаютъ къ мухамеданамъ сильное отвращеніе; ихъ священная книга называется *Грунтъ*, а военный крикъ: *побѣда гуру!*

Въ концѣ XVIII вѣка главные начальники сейковъ соединились для отраженія непрестанныхъ нападений на ихъ страну горцевъ Афганистана. Однако страна Пяти-Рѣкъ дѣлается извѣстною въ Индостанѣ только со времени послѣдняго своего владѣтеля, знаменитаго Ренджит-Синга. Онъ былъ сынъ одного изъ предводителей; родился въ 1780 году и послѣ смерти отца, въ 1794 году, былъ признанъ властителемъ Пенджаба. Молодой Ренджитъ выросъ въ глубокомъ невѣжествѣ и проводилъ время въ дикихъ оргіяхъ; потомъ, начавъ воевать съ сѣздами, онъ былъ такъ счастливъ и искусенъ, что увеличилъ понемногу свои владѣнія.

Первыя сношенія европейцевъ съ Ренджит-Сингомъ начались въ 1803 году, когда маркизъ Веллеслей, генерал-губернаторъ остиндскихъ колоній началъ войну съ мараттами и искалъ союзниковъ на сѣверѣ Индостана. Король сейковъ сначала помогалъ обѣимъ партиямъ, но скоро собственные выгоды заставили его перейти на сторону англичанъ, хотя онъ съ ужасомъ видѣлъ возрастающее ихъ могущество. Ренджит-Сингъ продолжалъ свои завоеванія на Востокъ, когда, въ 1809 году, его союзники, англичане, встревоженные этимъ распространеніемъ его власти, рѣшили остановить честолюбіе новаго Гейдер-Али, который хотѣлъ основать независимое государство на сѣверѣ Индостана. Въ концѣ этого же года заключенъ былъ трактатъ, по которому сейкамъ запрещено было переходить рѣку Сутледже и содержать войска болѣе, чѣмъ необходимо для спокойствія страны.

Несмотря на это, магараджа (титулъ, принятый Ренджит-Сингомъ) продолжалъ воевать съ своими сѣздами съ прежнимъ счастіемъ. Въ 1813 году онъ вторгся въ Кашмиръ и присоединилъ его къ своимъ владѣніямъ; потомъ присвоилъ онъ себѣ извѣстный брильянтъ коинуръ, принадлежавшій шаху Суджа, искавшему покровительства въ Лагорѣ. Невозможно слѣдовать за его мелкими побѣдами и продолжительной войной съ афганами за провинцію Пешауеръ, которою онъ все-таки овладѣлъ въ 1818 году. Въ 1821 году магараджа взялъ Дева-Измаэль-Ханъ и присоединилъ весь Деджаратъ къ Пенджабу. Въ мартѣ 1822 года прибыли въ Лагоръ два бывшіе офицера имперіи Наполеона, Алзаръ и Вентура, которые, послѣ распушенія французской арміи, въ 1815 году, отправились на Востокъ искать счастья. Они только-что оставили службу въ Персіи и должны были прежде всего побѣдить недовѣрчивость азіатскаго государя противъ европейцевъ вообще; однако они скоро успѣли въ этомъ, и каждому изъ

нихъ двѣ были полкъ, который они должны были обучить и дисциплинировать. Вскорѣ услыша о ласковомъ приѣмѣ Ренджит-Синга, къ нему съѣхались многіе опытные европейскіе офицеры, оставшіеся въ бездѣйствіи послѣ вѣнскаго конгресса. Магараджа убѣдился наконецъ въ могущество и силу Англо-Индійскаго Государства, и съ 1831 года сдѣлался союзникомъ англо-индійскаго правительства. Генерал-губернаторъ и магараджа дѣлали даже другъ другу попеременно визиты, стараясь въ этомъ случаѣ выказать необыкновенную роскошь. Однако страсть къ завоеваніямъ не покидала владѣтеля Лагора, и въ іюлѣ 1835 года онъ вторгся въ Синдъ. Роджганъ былъ уже взятъ и та же участь угрожала Сингалуру; кромѣ-того, онъ требовалъ у амировъ три миліона франковъ подати; но англичане уговорили его оставить несправедливыя требованія. Черезъ два года Ренджит-Сингъ вступилъ въ союзъ для востановленія шаха Суджи на тронѣ Кабула, а въ іюлѣ 1839 года, при началѣ кампаніи въ Афганистанъ, старый левъ Пенджаба окончилъ жизнь, полную тревогъ счастья и невозможностей.

Послѣ него вступилъ на тронъ сынъ его Курук-Сингъ, неспособный къ управленію и умершій въ 1840 году. Несчастье, казалось, преслѣдовало потомковъ магараджи. Его внукъ Нао-Негаль-Сингъ, честолюбивый и достойный продолжать дѣла Ренджита, былъ случайно убитъ развалившимся зданіемъ въ тотъ самый день, когда вернулся съ похороноу отца и вѣхалъ въ столицу.

Шир-Сингъ, губернаторъ Кашмира и сынъ одной изъ женъ Ренджит-Синга, овладѣлъ престоломъ послѣ непродлжительной борьбы съ другими претендентами. По съ новымъ правителемъ Пенджабъ былъ пять лѣтъ жертвою ужасной анархіи, которую невозможно описать.

Ренджит-Сингъ оставилъ послѣ себя наслѣдство завоевателя, то-есть армію въ 80,000 человекъ, хорошо-устроенную, и 370 пушекъ, не считая другихъ довольно-плохихъ орудій, которыя, по туземному обычаю, перевозились на верблюдахъ. Во время безпорядковъ, послѣдовавшихъ за смертью магараджи, большая часть европейскихъ офицеровъ, находившихся у него на службѣ, успѣли оставить страну, гдѣ жизнь ихъ подвергалась опасности. Войско освободилось отъ дисциплины, сдѣлалось ужасомъ государства и занималось только грабежомъ и убійствомъ. Это положеніе сдѣлалось наконецъ невыносимо, и дворъ Лагора, желая избавиться отъ арміи, предложилъ ей перейти черезъ Сутледже, для новыхъ завоеваній. Въ ноябрѣ 1845 года сейки перешли эту рѣку и вторглись въ англійскія владѣнія. Они угрожали уже Ферозепору, когда англо-индійскіе полки двинулись противъ дикаго непріятеля. Отчаянная храбрость его не устояла противъ дисциплины европейскіхъ войскъ: 20,000 сейковъ погибли въ сраженіяхъ при Моудки, Ферошахъ, Будивалѣ, Аливалѣ и Собраонѣ; остатки солдатъ Ренджит-Синга были прогнаны въ Пенджабъ и оставили побѣдителямъ 300 пушекъ. Лордъ Гардингъ, принявшій управленіе Индией въ 1844 году, оказалъ въ

этихъ обстоятельствахъ довольно ума и умеренности, что противорѣчило съ воинственнымъ и алчнымъ духомъ его предѣстниковъ. Три разорительныя войны только-что окончились при послѣднемъ генерал-губернаторѣ. Расходы компаниі ежегодно превышали доходы *дѣнадцатью* или *тринадцатью* милліонами франковъ, и она содержала войска *едвое* больше, чѣмъ метрополи. Лордъ Гардингъ чувствовалъ необходимость отказаться отъ новыхъ завоеваній. Не распространя владѣній компаниі, и то очень-обширныхъ, этотъ губернаторъ рѣшился взять Пенджабъ подъ покровительство Англіи до-тѣхъ-поръ, пока въ немъ установится порядокъ: это означало, по обыкновенію англійской политики, что страню эту овладѣютъ окончательно при первомъ удобномъ случаѣ. Трактатомъ 1846 года былъ назначенъ въ Лагоръ англійскій резидентъ съ 10,000 войска. Составленъ былъ также совѣтъ для управленія дѣлами этой страны, подъ прѣсмотромъ полковника сэра Генри Лауренса. Для усмиренія же войска, лордъ Гардингъ поручилъ самимъ сейкамъ наблюдать за спокойствіемъ государства. Въ 1846 и 1847 годахъ, эти остатки арміи сейковъ оказали новому правительству свое усердіе за деньги и прекратили нѣсколько небольшихъ возстаній въ провинціяхъ, словомъ: они замѣнили полицію во всемъ Пенджабѣ.

Эта система избавила народъ отъ униженія, а англичанъ отъ занятія государства своимъ войскомъ. Впрочемъ, англичане приобрѣли въ Лагорѣ такое вліяніе, что правительственный совѣтъ, уважая обычай своихъ покровителей, приказывалъ закрывать по воскресеньямъ всѣ публичныя заведенія.

Въ эту эпоху положеніе англійскихъ владѣній въ Индіи было лучше, чѣмъ когда-либо; но вдругъ, 12-го января 1848 года, лордъ Гардингъ передалъ свое управленіе маркизу Дальгузи, и положеніе всей страны тотчасъ же измѣнилось.

Городъ Мультавъ находится въ прекрасной провинціи, между лѣвымъ берегомъ Инда и правымъ Сутледже. Послѣ Лагора и Умритсира, Мультавъ почитается лучшимъ городомъ Пенджаба, и его положеніе на дорогѣ изъ Индостана въ Центральную Азію дѣлаетъ его еще значительнѣе въ торговомъ отношеніи. Всѣ нападенія съ Запада останавливались въ прѣжнее время у стѣнъ его.

Когда англичане вступили въ Пенджабъ, провинцію Мультавъ управлялъ Деван-Мульраджъ, владѣлецъ полунезависимый. Новые покровители страны потребовали, чтобъ онъ передалъ свою власть новому губернатору Сирдар-Хан-Сингу, избранному ими, который и отправился изъ столицы Лагора, 5-го апрѣля 1848 года, съ двумя англійскими офицерами, Ванъ-Анью и Андерсономъ, и 350 человекъ свиты. 18-го числа прибыли они къ стѣнамъ Мультана, и Деванъ принялъ ихъ повидимому ласково и радушно. На другой день англійскіе офицеры передали управленіе провинцію Хан-Сингу, и вышли изъ города, но у самыхъ воротъ на нихъ напало нѣсколько всадниковъ. Англичане спаслись, хотя покрытые ранами, и успѣли спрятаться съ

своими людьми въ одномъ загородномъ домѣ, укрѣпленномъ довольно-хорошо. На слѣдующій день это убѣжище было окружено жителями Мультана. Большая часть людей, сопровождавшихъ англичанъ, измѣнили имъ, и оба офицера погибли, дорого продавъ свою жизнь. Хан-Сингъ былъ взятъ въ плѣнъ.

Офицеръ Ван-Анью, тяжело-раненный, успѣлъ написать однако въ Лагоръ о началѣ этого несчастнаго происшествія, и въ то же время прекращеніе извѣстій, приносимыхъ туземными курьерами доказало, что убійство офицеровъ не было дѣломъ нѣсколькихъ фанатиковъ. Англичане надѣялись, однакожъ, уничтожить это возмущеніе посредствомъ самихъ сейковъ, и послали къ Мультану раджу Шир-Синга съ тремя тысячами, куда начальникъ Багавульпора и лейтенантъ Эдвардъ, командующій туземнымъ войскомъ въ окрестностяхъ Мультана, собирали наскоро всѣ силы, чтобъ присоединиться къ раджѣ. Эдвардъ и полковникъ Кортлендъ, служившій у сейковъ, собрали 7,000 человекъ и двинулись къ Мультану, гдѣ Мульраджъ набралъ 9,000 войска, изъ которыхъ третья часть не стоила названія солдатъ.

Въ это время еще одно обстоятельство увеличило нерѣшительность английскихъ властей въ Лагорѣ. 7-го мая одинъ всадникъ иррегулярнаго эскадрона предупредилъ капитана Валера, что составленъ заговоръ между сипаями, рѣшившимися убить всѣхъ европейцевъ, и что этотъ заговоръ скоро будетъ приведенъ въ исполненіе. Благодаря этому открытію, заговорщиковъ могли схватить и судили военнымъ судомъ. Двое, главные, были повѣшены, третій рѣшился сдѣлать полное признаніе и обвинилъ во всемъ мать лагорскаго магараджи, которую уже подозрѣвали въ недоброжелательствѣ къ Англичанамъ. Она была схвачена обманомъ и отвезена плѣнницею въ Бенаресъ, принадлежащій компаніи.

Между-тѣмъ соединенное войско подходило къ Мультану и въ семи миляхъ отъ города, на берегу рѣки Шенабъ, произошло сраженіе. Оно продолжалось нѣсколько часовъ, было ужасно и кровопролитно, но артиллерія англичанъ и дисциплинированные полки сейковъ дѣйствовали отлично — и побѣда осталась на сторонѣ соединеннаго войска, подвинувшагося къ Мультану.

1-го іюля 1848 года войско Мульраджа, состоящее изъ 12,000 человекъ, съ одиннадцатью пушками, вышло на встрѣчу соединеннымъ войскамъ, у которыхъ было 18,000 солдатъ и двадцать полевыхъ орудій мелкаго калибра. Новая битва произошла въ окрестностяхъ города. Мультанцы сражались отчаянно и неизвѣстно было, кто одержитъ верхъ; по-счастью, одинъ англійскій офицеръ, Квинъ, повелъ свой полкъ на непріятельскую батарею и овладѣлъ ею. Это придадо болѣе смѣлости соединеннымъ англо-индійскимъ войскамъ, которыя дружно двинулись впередъ, опрокинули всѣ препятствія и заставили противниковъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Во время побѣга Мульраджъ упалъ съ своего верблюда, вскочилъ на лошадь и усакалъ въ городъ. Побѣдители расположились на полѣ сраженія.

У лейтенанта Эдвардса не было ни артиллерии и ничего необходимого для правильной осады; онъ чувствовалъ слабость своихъ силъ и не рѣшался, вѣроятно по английскому благоразумію, взять городъ приступомъ; поэтому онъ отступилъ на четыре мили и устроилъ укрѣпленный лагерь въ ожиданіи вспомогательныхъ полковъ.

Но резидентъ Лагора не рѣшался отослать свое войско безъ высшаго приказанія, и послалъ въ Калькутту узнать: какъ ему распорядиться. Оtvѣтъ пришелъ нескоро, потому что главнокомандующій лордъ Гоугъ не хотѣлъ начинать военныхъ дѣйствій прежде окончанія дождей: въ дурную погоду англичанинъ дерется еще хуже. Однако въ началѣ юля центральное правленіе двинуло къ Мультапу 7,000 человекъ англо-индійцевъ съ 50-ю пушками.

1-го сентября 1848 года генералъ Вишъ съ своимъ штабомъ и всѣми инженерными офицерами дошелъ до укрѣпленнаго дома, гдѣ были убиты два английскіе офицера; но онъ не успѣлъ еще и осмотрѣть его, какъ изъ города ихъ замѣтили и начали стрѣлять. Генералъ тотчасъ же вернулся въ лагерь, говоря всѣмъ, что средства Мултана къ защитѣ гораздо-значительнѣе, нежели думали.

Стѣны города, соединенныя съ крѣпостью, окруженною рвами, простирались на милю въ окружности. Эти укрѣпленія находились въ центрѣ между каналами и садами, доказывавшими плодородіе страны и дѣятельность, но мѣшавшими атакѣ, и не позволяли приближаться по неровному пути, гдѣ каждый шагъ былъ защищаемъ отчаянно. 4-го сентября прибыла въ лагерь осадная батарея съ огромнымъ конвоемъ, состоявшимъ изъ 3,000 верблюдовъ и 280 телегъ, запряженныхъ быками. Огромность этого конвоя доказывается тѣмъ, что первые обозы были ужь въ лагерь, когда послѣдніе только что трогались съ мѣста ночлега, въ *восьми миляхъ* разстояніи. Мультианцевъ считали до 10,000 человекъ; у нихъ были 52 плохія пушки; осадное войско состояло изъ 8,000 англо-индійцевъ и 24,000 сейковъ, всего 32,000 человекъ и 75 орудій большаго калибра. Нѣкоторые сипай однако перешли къ неприятелю, вѣра обѣщаніямъ Мульраджа.

Жителямъ Мултана послана была прокламація, въ которой имъ давалось двадцать-четыре часа на спасеніе отъ бомбардированія. 6-го сентября батареи начали бросать въ городъ градъ бомбъ. Англо-индійская армія готовилась къ приступу, но генералъ Вишъ, разсчитавъ, что осажденные, можетъ-быть, въ силахъ долго сопротивляться, отдалъ новыя приказанія и рѣшился на правильную осаду. Саперы съ усиленною дѣятельностью работали въ траншеяхъ, но неприятель безпокоилъ ихъ безпрестанными выстрѣлами изъ небольшого укрѣпленнаго селенія; нѣсколько отрядовъ 10-го пока двинулись къ засадѣ неприятеля, чтобъ выгнать его оттуда, но солдаты Мульраджа, спрятанные въ садахъ и домахъ, отразили атаку съ такою силою, что англичане должны были отступить, оставя на мѣстѣ 68 человекъ.

Надобно было возвратиться въ траншею и отложить нападеніе до другаго дня. 10-го сентября бомбардировали впродолженіе цѣлаго дня это селеніе и все-таки не могли выгнать оттуда мультанцевъ. Однакожь, это было необходимо для продолженія регулярныхъ дѣйствій, потому-что это селеніе составляло важный укрѣпленный пунктъ. 12-го сентября утромъ двинулись впередъ 2,500 человекъ, изъ которыхъ 1,200 англичанъ. Артиллерія, несмотря на всѣ препятствія, поспѣдовала за солдатами, которые ворвались въ селеніе. Отчаянные защитники его были убиты и перестрѣланы въ своихъ убѣжищахъ. Европейскіе солдаты остановились только, когда всѣ укрѣпленія съ этой стороны города были въ ихъ власти. Успѣхъ этотъ обошелся побѣдителямъ очень-дорого, но онъ позволилъ устроить батарею въ 600 шагахъ отъ стѣнъ, чего не ожидали достигнуть и черезъ недѣлю. Теперь же тридцати или сорока часовъ батарейнаго огня было довольно, чтобъ сдѣлать значительную брешь, черезъ которую можно было взять городъ. Къ-несчастью, предположенія эти не могли исполниться, потому-что измѣна одного начальника сейковъ разстроила силы осаждающихъ и принудила ихъ отступить.

14-го сентября объявили лейтенанту Эдвардсу, что Шир-Сингъ перешелъ къ неприятелю съ 5,000 человекъ и 12-ю пушками. Осажденные и осаждающіе были очень-удивлены этою измѣною. Мульрадъ боялся довѣряться новымъ союзникамъ и нѣсколько дней не выпускалъ ихъ въ городъ, позволивъ имъ только стоять подъ защитою его батарей. Генералъ Вишъ чувствовалъ, что ему трудно продолжать осаду съ такими ненадежными помощниками, особенно когда 5,000 сейковъ, хорошо-выученныхъ англичанами, усилили защиту города. Англо-индійскіе полки и союзники ихъ устроили наблюдательный лагерь въ большомъ разстояніи отъ города, чтобъ выждать прибытія новыхъ подкрѣпленій. Итакъ 16-го сентября снята была осада Мултана и соединенное войско удалилось въ лагерь, устроенный въ пяти миляхъ на юговостокъ отъ Мултана и въ такомъ же разстояніи отъ Шенаба. Здѣсь, не боясь нечаянныхъ нападеній, генералъ Вишъ позаботился прежде всего о томъ, чтобъ удалить невѣрныхъ сейковъ, и послалъ большую часть изъ нихъ въ Ягоръ; остальныхъ же распустилъ подъ разными предлогами. Несмотря на всѣ предосторожности, лагерь генерала не избѣгалъ бы частыхъ нападеній, еслибъ Шир-Сингъ и Мульрадъ не ссорились между собою и не завидовали другъ другу. Три раза Мульрадъ подходилъ съ своимъ войскамъ на пушечный выстрѣлъ къ лагерю и опять уходилъ, боясь оставить Шир-Синга одного въ городѣ съ сейками. Чтобъ еще болѣе усилить вражду между соперниками одинъ англійскій офицеръ написалъ Шир-Сингу письмо, въ которомъ поздравлялъ его съ успѣхомъ и просилъ продолжать начатую роль для окончанія условленнаго предпріятія. Это письмо, разумѣется, постарались доставить Мульрадъ, который созвалъ совѣтъ и обвинилъ Сейка въ новой измѣнѣ. Тотъ, чтобъ избавиться отъ подозрѣній и доказать свою невиновность, поклялся, что не пощадитъ ни одного англичанина, или ихъ

союзника, которые попадутся въ его руки. Хитрость англичанъ принесла имъ, вмѣсто пользы, большой вредъ.

Между-тѣмъ генералъ Вишъ сдѣлалъ два важныя пріобрѣтенія, которыя нанесли много вреда непріятелю. Кавалеристы Эдвардса остановили 400 верблюдовъ, навьюченныхъ припасами, и саперы задержали на рѣкѣ нѣсколько лодокъ съ военными снарядами, шедшими въ осажденный городъ.

Въ это время Шир-Сингъ, желая въ другомъ мѣстѣ начать партизанскую войну, тайно вышелъ изъ Мультана. Англо-индійская армія осуждена была на бездѣйствіе. Осажденные, пользуясь этимъ, дѣлались смѣлѣе и поминутно безпокоили осаждающихъ. Въ этихъ нападеніяхъ англичане удостовѣрились въ превосходствѣ ружей сейковъ, хотя они заряжали ихъ не пулями, а неправильными кусками свинца.

Генералу Вишъ надоѣли эти ежедневныя стычки и онъ приказалъ приготовиться къ большой атакѣ, какъ вдругъ ночью 7-го ноября еще шесть отрядовъ сейковъ перешли къ непріятелю и заставили англо-индійцевъ принять опять оборонительное положеніе. На другое утро мультанцы напали въ-расплохъ на лагерь Эдвардса. Генералъ Вишъ, не давъ времени построиться колоннамъ, двинулъ англичанъ на непріятеля и заставилъ его отступить. Батарея Мульраджа осталась въ рукахъ европейцевъ и 700 сейковъ заплатили жизнью за переходъ на сторону непріятеля. Эта побѣда имѣла благотворное вліяніе на наблюдательный корпусъ; но за этими битвами послѣдовалъ опять періодъ продолжительнаго бездѣйствія. Мультанцы потеряли многихъ начальниковъ и занимались церемоніями похоронъ, англійскіе же офицеры устраивали лошадиныя скачки и разныя игры, чтобъ развлекать солдатъ.

11-го декабря прибылъ наконецъ авангардъ подкрѣпленія, ожидаемаго съ такимъ нетерпѣніемъ, а 21-го бомбѣйская колонна присоединилась къ генералу Вишу. Силы осаждающихъ увеличились теперь 1,500 англо-индійцевъ и такимъ же числомъ сейковъ, подъ предводительствомъ Эдвардса и Кортленда. Это войско имѣло 70 полевыхъ орудій и 64 пушки большаго калибра. Генералъ Вишъ оставилъ лагерь и приготовился къ вторичной осадѣ Мультана. Но что въ это время происходило въ лагерь?

Спустя нѣсколько времени послѣ лагорскаго заговора, надобно было послать сильный отрядъ для отысканія одного фанатическаго гуру, проповѣдывавшаго возстаніе противъ европейцевъ, и еще недалеко отъ столицы. Исторія этого лжепророка доказываетъ, какъ сильна въ индусахъ ненависть къ англичанамъ. Магараджа-Сингъ былъ поваромъ у другаго гуру, по имени Бер-Синга, и господинъ его, смертельно-раненный, передалъ ему, умирая, свою власть. Замѣшанный въ заговоръ 1847 года, Магараджа-Сингъ убѣжалъ въ Мультанъ къ Мульраджу и сдѣлался тамъ самымъ усерднымъ проповѣдникомъ войны противъ англичанъ.

Когда въ Лагоръ пришло извѣстiе о снятiи осады Мультана, столица была покойна и въ ней никто не ожидалъ возстанiя; однако англо-индiйское войско было готово выступить по первому сигналу, чтобъ уничтожить малѣйшее народное движенiе. Сирдаръ Гулаб-Сингъ, братъ Шир-Синга былъ арестованъ въ совѣтъ и всѣ бумаги его забраны. Хотя столица резидента была безопасна и защищена сильнымъ войскомъ, но нельзя было того же сказать о другихъ городахъ: англiйскiе начальники были разсыяны съ мелкими отрядами по враждебной странѣ.

Майоръ Лауренсъ, бывший секретарь сэра Вильяма Мак-Наутена, занималъ должность политическаго агента въ пешауэрской провинци, на самой опасной границѣ Пенджаба.

Въ январѣ 1848 года драгунскiй полкъ Шир-Синга и корпусъ пѣхоты сейковъ содержали гарнизонъ въ Пешауэрѣ. Первые мѣсяцы года прошли довольно-тихо для майора Лауренса, кромѣ неизбежнаго неудовольствiя при собиранiи податей. Резидентъ получилъ позволенiе составить полкъ изъ афгановъ въ то время, когда началось возстанiе въ Мультанѣ и открытъ былъ заговоръ въ Лагорѣ. Однако, несмотря на 6000 сейковъ и афгановъ, майоръ Лауренсъ чувствовалъ опасность своего положенiя. Въ-самомъ-дѣлѣ жизнь и власть европейскiхъ агентовъ была въ рукахъ туземныхъ солдатъ, которыхъ надобно было привлечь искуснымъ обращенiемъ и внушить имъ довѣренность: иначе, малѣйшая слабость, или нерѣшительность, могла произвести всеобщее возстанiе.

Первые признаки бунта появились въ концѣ iюля въ Газаретѣ, гдѣ управлялъ Чутур-Сингъ, отецъ Шир-Синга. Войско города было подъ начальствомъ капитана Аббота. Полковникъ Канара, служащiй у сейковъ, послалъ письмо капитану Абботу, предупреждая его о дурныхъ намѣренiяхъ Чутур-Синга. Это письмо было перехвачено и заставило заговорщиковъ ускорить свои дѣйствiя. Полковникъ Канара отказался передать имъ артиллерию и былъ убитъ своими солдатами. Чутур-Сингъ повелъ войско противъ важной крѣпости Аттокъ, защищающей дорогу въ Пешауэръ. Майоръ Лауренсъ, узнавъ объ этомъ, усилилъ гарнизонъ Аттока, истребилъ всѣ лодки на Индѣ и приказалъ стеречь всѣ броды на рѣкѣ. При полученiи печальныхъ извѣстiй изъ Мультана, войско сейковъ взбунтовалось и ворвалось въ крѣпость Дулип-Гуръ, гдѣ убило коменданта и полковника Гольмеса и потомъ, въ ноябрѣ 1848 года, явилось въ лагерь Шир-Синга. Между-тѣмъ, майоръ Лауренсъ былъ лишенъ всякой надежды на помощь, потому-что сообщенiя съ Лагоромъ были отрѣзаны; измѣна окружала его со всѣхъ сторонъ, но онъ все-таки не терялъ надежды. Влiянiе этого резидента было такъ велико, что печальныя извѣстiя изъ Мультана и даже измѣна Шир-Синга не могли нарушить спокойствiя въ Пешауэрѣ. Наконецъ, 23 октября, приближенiе Шир-Синга и многихъ полковъ бунтовщиковъ, произвело открытое возстанiе всѣхъ сейковъ. Майоръ Лауренсъ и офицеры его свиты успѣли только

вмочить на лошадей и уехать подъ прикрытіемъ пятидесяти афганскихъ воадниковъ. Зная, что у афгановъ гостепримство священно, какъ у всѣхъ кочующихъ народовъ, майоръ Лауренсъ рѣшился ѣхать въ Когатъ, гдѣ его семейство находилось подъ покровительствомъ Мухаммед-Акбар-Хана, но онъ жестоко ошибся, потому-что черезъ нѣсколько дней афганскій начальникъ предалъ всѣхъ своихъ гостей Чутур-Сингу, который подошелъ съ войскомъ въ Шенабъ. Изъ всѣхъ британскихъ резидентовъ одинъ только капитанъ Абботъ держался въ Газаретѣ.

Еще одно происшествіе запутало больше дѣла Пенджаба. Дост-Мухаммедъ и его афганы, пользуясь возстаніемъ сейковъ, вышли изъ де-фили Кибера, чтобъ занять Пешауэръ. Они не соединились открыто съ сейками, но начали, по обыкновенію, собирать податъ съ народа. Нѣкоторые изъ нихъ дрались позже въ арміи Шир-Синга въ двухъ большихъ сраженіяхъ, рѣшившихъ судьбу Пенджаба. 6-го ноября эти горцы вошли, какъ побѣдители, въ городъ Аттокъ, и лейтенантъ Гербертъ, тамъ командовавшій, съ большимъ трудомъ спасся отъ нихъ и попалъ въ руки Чутур-Синга.

Главнокомандующій англо-индійскою арміею былъ въ Симлтѣ, когда получилъ извѣстіе о снятіи осады Мультана, 19 сентября 1848 года. Онъ тотчасъ же далъ приказаніе собрать бригаду въ Ферозешорѣ и туземные пѣхотные полки усилить двумя-стами человекъ, отчего армія усилилась до 18,000 человекъ. Скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что самъ лордъ Гоугъ приметъ начальство надъ большою пенджабскою арміею; и дѣйствительно онъ прибылъ въ Лагоръ 13-го ноября, а 21-го ноября 1848 года явился въ армію, собранной на берегу Шенаба. Сейки тоже сосредоточили свои силы и стояли на другомъ берегу рѣки съ 30,000 войска и 36-ю орудіями. Англо-индійская артиллерія послѣдила напастъ на непріятеля и хотѣла перейти въ бродъ рѣку, но должна была отступить подъ огнемъ батарей сейковъ. Тогда генералъ подалъ сигналъ къ кавалерійской атакѣ. Эскадроны двинулись впередъ, поколебались съ минуту, потомъ стремительно бросились впередъ, ожидая, что сейки отступятъ; но тѣ спокойно раздвинулись и потомъ опять сдвинули свои ряды, окруживъ противниковъ. Положеніе англо-индійцевъ было очень-затруднительно, и надобно было, во что бы ни стало, выйти изъ него. Корстонъ, одинъ изъ лучшихъ офицеровъ кавалеріи, былъ убитъ въ то время, какъ старался выручить своихъ драгуновъ; полковникъ Гавелокъ и еще десять офицеровъ и около ста солдатъ заплатили жизнью за нападеніе; кромѣ-того, эта битва произвела печальное впечатлѣніе на всю армію при началѣ кампаніи.

Несчастное сраженіе заставило командующаго арміею ждать прибытія всей артиллеріи, чтобъ начать наступательное движеніе. 1-го декабря 1848 года, 7000 англо-индійцевъ, подъ начальствомъ генераловъ Такуэла и Кемпбела, получили приказаніе перейти рѣку выше лагеря сейковъ и напастъ на нихъ съ фланга въ то время, какъ главнокомандующій двинется съ фронта. Но недостаточныя свѣдѣнія

о мѣстоположеніи остановили это движеніе; притомъ же сейки отгадали намѣренія англо-индійцевъ. Они вышли изъ своего лагеря на встрѣчу неприятелю и прикрыли фланги кавалеріей. Войско компаніи не тратило зарядовъ до-тѣхъ-поръ, пока сейки не подошли къ нимъ довольно-близко, тогда конная артиллерія выступила впередъ и открыла по неприятелю сильный огонь, принудившій его отступить.

Ночью сейки въ порядкѣ покинули лагерь, оставя на полѣ битвы груды мертвыхъ тѣлъ и множество раненныхъ. Шир-Сингъ, командовавшій этою искусною ретиратою, отошелъ на берега Джелума, въ восьми миляхъ отъ своего лагеря, и сталъ въ укрѣпленной позиціи, гдѣ началъ прежде всего заботиться о томъ, чтобъ устроить свою армию, состоящую изъ 20,000 правильнаго войска и 10,000 плохо-вооруженныхъ сейковъ. 4-го декабря, главнокомандующій безъ всякаго препятствія перешелъ черезъ Шенабъ. Мостъ изъ лодокъ остался на рѣкѣ и англо-индійцы перенесли свой лагерь на другой берегъ. Потомъ войско продолжало подвигаться впередъ въ порядкѣ, а неприятель отодвинулъ свои аванпосты. Сейки расположились въ Руссулъ, близъ деңидей, въ которую они могли отступить въ случаѣ неудачи. Наконецъ, центръ былъ защищенъ многими траншеями и ровнымъ мѣстоположеніемъ, покрытымъ кустарниками. Главнокомандующій отдалъ приказъ сдѣлать атаку по всей линіи. Началась сильная канонада съ обѣихъ сторонъ, потомъ бригадиръ Пенниквикъ съ тремя полками инфантеріи подошелъ подъ неприятельскій огонь и принужденъ былъ отступить съ потерей. Когда бригада Пенниквика вернулась къ арміи, то 24-й королевскій полкъ потерялъ изъ 800 человекъ 460. Бригадиръ, лейтенантъ, полковникъ и двадцать-два офицера этого полка были убиты, или ранены; два туземные полка той же колонны пострадали точно такъ же. Во время этой отчаянной битвы бригада Моунтена бросилась на центръ неприятелей и подвигалась по густымъ кустарникамъ подъ градомъ картечь и ядеръ, истребившимъ солдатъ десятками. Первый напоръ колонны заставилъ отступить сейковъ; батареи ихъ были взяты, но пѣхота неприятеля окружила англо-индійскую армию и поставила ее между двухъ огней. Англичане отступили. На лѣвомъ флангѣ солдаты Шир-Синга сами начали атаку. Генералъ Такуэль пошелъ къ нимъ на встрѣчу съ кавалерійскимъ туземнымъ полкомъ и эскадрономъ англійскихъ драгунъ; но вдругъ туземный полкъ, который пріобрѣлъ блистательную репутацію побѣдами въ Кабуль, повернулъ назадъ и разсѣлся. Неудача была со всѣхъ сторонъ. Четыре пушки остались въ рукахъ сейковъ; и такъ-какъ не было приготовлено резерва, то невозможно было привести кавалерію въ порядокъ; она сформировалась только за полмили отъ мѣста сраженія, посреди госпиталя раненныхъ. На лѣвомъ флангѣ англо-индійская кавалерія и артиллерія дѣйствовали удачлвѣе и заставили замолчать неприятельскія батареи; но удавленіе пѣхоты не позволило имъ воспользоваться своимъ преимуществомъ.

Битва прекратилась съ наступленіемъ ночи. Послѣ этой холодной

и дождливой ночи, англо-индйцы могли сосчитать свои потери. Со времени истребленія кабульскаго гарнизона въ дефилеяхъ Тевсена, британскія войска не испытывали такого ужаснаго пораженія. Они отбили въ этотъ день у сейковъ двѣнадцать пушекъ и одно знамя; но лордъ Гоугъ потерялъ 2,400 человекъ, изъ которыхъ 132 офицера. Три пѣхотные полка, особенно 24-й полкъ, пострадали такъ сильно, что надобно было отослать ихъ въ Лагоръ и въ Рамнуггаръ, чтобъ укомплектовать; кромѣ-того, въ рукахъ непріятеля остались пять знаменъ и четыре пушки. Сейки, по своему обыкновению, добили раненныхъ, обобрали и изуродовали всѣ трупы.

Вотъ чѣмъ кончилась битва при Чиланвалла. Сейки отступили въ порядкѣ къ Руссулу, въ пяти миляхъ отъ англійскаго лагеря. Это пораженіе произвело большое впечатлѣніе въ Англии и общіе слухи назначили сэра Чарльза Непира, побѣдителя въ Сиддѣ, на мѣсто лорда Гоуга. Министерство раздѣляло мнѣніе газетъ и послало тотчасъ же этого генерала въ Индію чрезъ Суэцъ. Въ то время, какъ большая пенджабская армія стояла на берегу Джелума, подъ стѣнами Мультана произошло рѣшительное сраженіе. Тотчасъ по прибытіи вспомогательныхъ полковъ изъ Бомбѣя, генералъ Вишъ придвинулъ свой лагерь къ осажденному городу и приготовилъ серьезную атаку противъ вѣшнихъ укрѣпленій Мультана. 27-го декабря 1848 года осаждающіе составили четыре колонны и овладѣли окрестностями города, что стоило имъ неочень-значительныхъ потерь: благодаря многочисленности этихъ четырехъ колоннъ, они потеряли только двѣнадцать офицеровъ и сотню солдатъ. Четыре батареи были тотчасъ же устроены близъ стѣнъ города и дѣйствовали непрерывно весь день, 28-го числа. Въ слѣдующую ночь мортиры начали бросать бомбы каждыя десять минутъ. 29-го числа, открыли брешь въ воротахъ Деи и на другой день пушки самага большаго калибра были поставлены въ восьмидесяти метрахъ отъ стѣнъ. Осажденные, несмотря на это, храбро держались; вдругъ, 30-го декабря утромъ, страшный трескъ раздался въ крѣпости; столбъ дыма и пыли поднялся на воздухъ и рассыпался надъ городомъ градомъ камней и обломковъ. Это взлетѣлъ на воздухъ пороховой магазинъ. 31-го числа сдѣлался въ городѣ сильный пожаръ и продолжался всю ночь, такъ-что при свѣтѣ его осаждающіе могли продолжать разрушительное дѣйствіе бомбами. Этотъ пожаръ достигнулъ наконецъ запасныхъ магазиновъ, въ которыхъ было огромное количество зерноваго хлѣба, масла и другихъ легко-воспламеняющихся предметовъ. Однако храбрость осажденных не уменьшалась отъ этихъ несчастій. Англо-индйцы, съ своей стороны, усиливали дѣятельность, не прекращали ни на минуту огонь и разрушали городъ бомбами, тогда-какъ отряды кавалеріи и конной артиллеріи разъѣзжали въ окрестностяхъ, чтобъ отрѣзать всѣ пути бѣглецамъ. Рѣшительный приступъ назначенъ былъ на 2-е января 1849 года. По первому сигналу начальника, полковника Сталькера, бомбѣйскіе полки двинулись къ брешу, несмотря на безпрестанную пальбу осажденныхъ. Капитанъ Лейтъ

подошелъ первый къ стѣнѣ и получилъ сильный ударъ саблею; но двѣ раны не могли заставить его отступить. На помощь къ нему подошли солдаты, овладѣли брешью и сержантъ Беннетъ, изъ бомбѣйскихъ стрѣлковъ, первый водрузилъ знамя на укрѣпленіяхъ Мультана, хотя пули сыпались на него градомъ. Сейки были сбиты и часть города осталась во власти побѣдителей.

На другой день, и ночью, сейки взорвали нѣсколько минъ и нанесли англо-индіямъ много вреда. Мульраджа, вытѣсненный изъ города, удалился въ крѣпость съ четырьмя тысячами солдатъ и защищался отчаянно еще нѣсколько дней, такъ-что англо-индіицы должны были начать опять правильную атаку. Сдѣланы были подкопы для взрывовъ, огромныя бомбы били въ стѣны, и наконецъ 21-го января открыли двѣ бреши и хотѣли идти на приступъ, но Мульраджъ прислалъ генералу парламентарера: гарнизонъ сдавался безусловно. Генералъ Вишъ боялся новаго возстанія жителей въ пользу Мульраджи, къ которому всѣ были привязаны до самоотверженія, и потому поспѣшилъ отправить этого начальника сейковъ, подъ сильнымъ прикрытіемъ, въ большую пенджабскую армію. Въ Мультанѣ же поставили большой гарнизонъ. Послѣ этой замѣчательной побѣды, генерал-губернаторъ издалъ прокламацію, въ которой объявлялъ о паденіи Мультана и благодарилъ отъ имени правительства офицеровъ, которые отличились во время этой продолжительной осады, стоявшей англичанамъ такъ дорого.

Теперь все вниманіе было обращено на пенджабскую армію, собравшую всѣ силы передъ начатіемъ наступательныхъ дѣйствій. Лордъ Гоугъ приказалъ очистить мѣсто передъ своимъ лагеремъ и всякую ночь отряды европейцевъ и туземные работники дѣлали укрѣпленія противъ позиціи, занимаемой сейками. Въ началѣ февраля 1849 года редутъ, выстроенный впереди англо-индіицкихъ линій, началъ беспокоить индіицевъ до такой степени, что они принуждены были перемѣнить положеніе одной части своего лагеря. Уступая на одномъ пунктѣ, сейки съ необыкновенною скоростью начали работать противъ фланговъ войскъ Компаніи, чтобъ помѣшать сообщеніямъ и принудить принять сраженіе прежде прибытія подкрѣпленій. Эти искусные планы начали серьезно беспокоить полки лорда Гоуга, какъ вдругъ замѣтили, что непріятель оставилъ свой лагерь и неизвѣстно куда двинулся. Носились слухи, что сейки перешли черезъ Джелумъ и скрылись въ Доабъ; но, послѣ двухдневнаго недоразумѣнія, узнали, что солдаты Шир-Синга и не думали о ретирадѣ, а напротивъ, обошли англо-индіицкую армію и заняли позицію близъ Гужрата, въ шести миляхъ сзади лагеря англо-индіицевъ.

Еслибъ сейки могли воспользоваться своимъ счастливымъ планомъ, то перешли бы Шенабъ и вступили въ Лагоръ, но счастье не покидало англичанъ и спасло столицу Пенджаба отъ опасности. Рѣка Шенабъ неожиданно выступила изъ береговъ, и это обстоятельство, равно какъ поспѣшное приближеніе генерала Виша, помѣшали искуснымъ маневрамъ сейковъ и принудили ихъ остановиться у стѣнъ

Гужрата. По новымъ изслѣдованіямъ, сдѣланнымъ со всею осторожностью, армія сейковъ состояла изъ 60,000 человекъ, въ томъ числѣ 25,000 испытаннаго войска съ шестидесятью пушками мелкаго калибра. Лагерь Шир-Синга расположился полукругомъ около города Гужрата, оконечности котораго были прикрыты двумя глубокими каналами, выходящими изъ рѣкъ Шенаба и Двары. Центръ состоялъ изъ старыхъ полковъ Ренджит-Синга и находился прямо противъ англо-индійцевъ. Между двумя каналами было поле, ширинною въ милю, очень-удобное для сраженія..

21-го февраля 1849 года 25,000 англо-индійцевъ двинулись впередъ въ сопровожденіи ста пушекъ, болѣею-частью огромнаго калибра. Наѣженіе главнокомандующаго состояло въ томъ, чтобъ разорвать центръ непріятеля своимъ правымъ флангомъ и, пользуясь диверсією, лѣвымъ флангъ успѣлъ бы въ это время перейти черезъ каналъ и поставить между двухъ огней центръ сейковъ, составленный изъ лучшихъ полковъ. Въ семь часовъ утра, армія Компаніи двинулась въ порядкѣ на непріятеля. Артиллерія начала дѣйствовать ужаснымъ огнемъ. Пушки сейковъ понемногу затихли; тогда легкая артиллерія выступила впередъ и за нею вся армія, сопровождаемая пушками. Въ одиннадцатъ часовъ побѣда, казалось, была рѣшена. Напрасно кавалерія Шир-Синга старалась обогнуть слѣва англо-индійцевъ: 1,500 афганскихъ всадниковъ были разбиты и разбѣяны. Во время схватки, главнокомандующій былъ окруженъ сейками и чуть не былъ взятъ въ плѣнъ; его спасъ и освободилъ подоспѣвшій отрядъ. Наконецъ сейки, разбитые артиллерією лорда Гоуга, разбѣжались въ разныя стороны и бросили свои орудія. Побѣда осталась на сторонѣ англичанъ. Городъ и лагерь непріятелей подпали ихъ власти.

Легкая артиллерія и вся кавалерія арміи, подъ начальствомъ Такузля, преслѣдовали массы сейковъ. Ихъ убивали и разстрѣливали вездѣ; отъ совершеннаго истребленія спасло ихъ наступленіе ночи и усталость кавалеристовъ, несходившихъ съ лошадей пятнадцать часовъ сряду. Трофеями этой побѣды были лагерь, обозы, припасы и 53 пушки изъ 60, которыя имѣлъ непріятель; до 3,500 сейковъ осталось на полѣ битвы, тогда-какъ англо-индійцы считали свою потерю только въ 807 человекъ. Кавалерія и пѣхота Компаніи напала на непріятеля, уже ослабленнаго и разбитаго сильнымъ огнемъ артиллеріи, и это была главная причина скорого успѣха и незначительныхъ потерь англичанъ. Однако, и послѣ разбитія своего, раненные и утомленные сейки собирались небольшими толпами и съ отчаяніемъ нападали на побѣдителей.

6-го марта сейки начали переговоры черезъ майора Лауренса и освободили всѣхъ англо-индійскихъ плѣнниковъ, находившихся во власти Шир-Синга. Наконецъ главные предводители Чуттур-Сингъ, Шир-Сингъ и другіе тринадцать начальниковъ съ 16,000 сейковъ отдались безусловно генералу Джильберу съ остаткомъ артиллеріи, состоявшей изъ 41 орудія. Потомъ этотъ генералъ началъ переговоры съ горцами де-илен Кибера, чтобъ отрѣзать отступленіе афга-

нашъ, союзникамъ сейковъ, а самъ усиленными маршами повелъ армию въ Пешауэръ, гдѣ былъ уже 22-го марта. Несмотря однако на всю поспѣшность, онъ опоздалъ воспрепятствовать побѣгу кавалеріи Дост-Мухаммеда: афганы, незадерживаемые обозами, прошли уже долины и нашли вѣрное убѣжище въ горахъ. Стало-быть война была окончена. Генерал-губернаторъ занялся организаціею Пешджаба по образцу британскихъ владѣній.

Какіе будутъ результаты этого завоеванія, которое доставило англо-индійскому правительству болѣе десяти тысячъ квадратныхъ миль земли съ народонаселеніемъ въ 3,500,000 человекъ и доходомъ въ двадцать пять милліоновъ франковъ? Одна обязанность содержать въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ многочисленное войско въ покоренныхъ провинціяхъ очень-тяжела для финансовъ Компаніи. Во всей Индіи вообще, для-того, чтобъ управлять и держать въ повиновеніи 150 милліоновъ туземныхъ жителей, облагая ихъ торговлю пошлинами, находится только 70,000 англичанъ, изъ которыхъ 50,000 солдатъ, остальные негоціанты, правители и моряки. Къ этому числу европейцевъ надобно еще прибавить 40,000 метисовъ, происшедшихъ отъ смѣшенія англичанъ съ туземными племенами; правительство употребляетъ ихъ на неважныя мѣста администраціи, не допуская до высшихъ военныхъ чиновъ.

Индія, послѣ двухвѣковаго владычества компаніи купцовъ, можетъ скорѣе перейти подъ новое управленіе. Привилегія Компаніи, продолженная десятью годами въ 1844 году, окончится въ 1855 году. Какъ ни откладываютъ срокъ, но когда-нибудь метрополія должна же будетъ принять, вмѣстѣ съ обширными владѣніями знаменитаго общества, его долги и 300,000 войска. Какая же будущность ожидаетъ это огромное пространство земли, покоренное англичанами? Какую судьбу назначаетъ Провидѣніе этому гигантскому памятнику, воздвигнутому коммерческою жадностью англо-саксонскаго племени? Конечно, владычеству его трудно погибнуть отъ возстанія природныхъ жителей. Напрасно мусульмане Бангалора или Уда, племена Индусовъ изъ Раджпутаны и Бунделькунда встаютъ противъ европейцевъ: эти грабители разсыяны на огромномъ пространствѣ; они не одушевлены единомысліемъ; притомъ же у этихъ народовъ нѣтъ одной вѣрной цѣли, понятной для всѣхъ. Религіозныя предрасудки поставляютъ вѣчную преграду между разными кастами, и обоюдная ненависть между мусульманами, сейками и индусами, предупреждаетъ возстанія. Сотни неудавшихся плановъ, уничтоженныхъ появленіемъ дисциплинированнаго войска доказали уже, что съ этой стороны мало опасности. Племена Индостана едва-ли въ-состояніи своими собственными силами завоевать независимость. Нѣкоторые публицисты полагаютъ, что, по примѣру сѣверо-американскихъ колоній, компанія выжидаетъ только удобнаго случая отдѣлится отъ метрополіи. Но и это сомнительно. Стоитъ взглянуть на карту Индійскаго Полуострова, чтобъ понять, какъ незначительны эти 70,000 англичанъ, разсыянные по обширнымъ странамъ; къ тому же въ этомъ числѣ находится толь-

ко 15,000 купцовъ, плантаторовъ и журналистовъ, а остальное все— военные и чиновники. Все это дѣлаетъ совершенно-невозможнымъ образование въ Остидіи національности британскаго происхожденія; но зданіе, воздвигнутое всѣми неправдами и обманами, все же должно рушиться и вопросъ состоитъ только во времени, когда наступитъ это паденіе.

(Revue britannique).

VI.

ОБОЗРѢНІЕ

СОВРЕМЕННАГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА МАЙ 1854 ГОДА.

I. ГОСУДАРСТВЕННЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ (ИЗМѢНЕНІЕ И ДОПОЛНЕНІЕ СОСТАВА И ПРАВЪ ИХЪ).

— Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) для усиленія способствъ къ успѣшному производству дѣлъ въ Инспекторскомъ Департаментѣ Военнаго Министерства, къ штатному числу чиновъ онаго прибавить одного чиновника, которому и состоять при дежурномъ генералѣ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества; 2) чиновнику сему производить, за узаконенными вычетами, жалованья по 1120 р. 80 к. и столовыхъ по 629 р. 20 к. сер. въ годъ, и 3) по должности полагать его въ V классъ, а по пенсіи причислить къ I степени 3-го разряда.

II. ГУБЕРНСКІЯ УЧРЕЖДЕНІЯ (ИЗМѢНЕНІЕ И ДОПОЛНЕНІЕ СОСТАВА И ПРАВЪ ИХЪ).

— Высочайше повелѣно: къ 10 ст. II т. Св. Зак. Учреж. Гражд. сдѣлать примѣчаніе слѣдующаго содержанія: «Въ должность одесскаго градоначальника, за существующимъ тамъ комендантскимъ управленіемъ, должны быть всегда назначаемы военные генералы».

— Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта постановлено: 1) Оренбургскую Уѣздную Почтовую Контору преобразовать въ Войсковую 2 класса, отдѣливъ въ ея вѣдомство 6 почтовыхъ конторъ, и именно: Верхнеуральскую, Троицкую, Челябинскую, Орскую, Уральскую и Гурьевскую, съ Илецкимъ Почтовымъ Отдѣленіемъ и подвѣдомственными имъ станціями; 2) Въ зависимости Уфимской Губернской Почтовой Конторы оставить Уѣздныя Почтовыя

Конторы: Стерлитамакскую, Бѣлѣвскую, Бирскую, Мензелинскую и Златоустовскую со станціями, въ ихъ завѣдываніи состоящими.

III. Законы о службѣ гражданской.

— Высочайше повелѣно: нижепоименованныя должности, положенныя по штату Департамента Внѣшней Торговли, но невнесенныя въ расписаніе окладовъ для опредѣленія пенсій гражданскимъ чиновникамъ, отнести къ слѣдующимъ разрядамъ сего расписанія: правителя Канцеляріи Департамента Внѣшней Торговли ко 2 степени III разряда, архитектора сего Департамента, производителя дѣлъ Комитета для надзора за бракомъ товаровъ и смотрителя типографіи того Департамента къ VI, а помощника смотрителя этой типографіи къ VIII разрядамъ пенсіонныхъ окладовъ.

— Повелѣно: должность помощника управляющаго и казначея, во второклассныхъ таможенныхъ, непоказанную въ расписаніи должностей гражданской службы по классамъ, внести въ IX классъ сего расписанія.

— Вслѣдствіе возникшаго вопроса: какъ поступать относительно производства пенсій малолѣтнимъ дѣтямъ умершихъ генераловъ, штабъ и обер-офицеровъ, находящимся на воспитаніи въ учебныхъ заведеніяхъ своекоштными пансіонерами, или пансіонерами частныхъ лицъ? Высочайше повелѣно: содержаніе 239 ст. III т. Св. Зак. о служ. граж. (изд. 1842 г.) и 712 ст. 2 части 2 книги Св. Воен. Постан., возбуждшія настоящій вопросъ, замѣнить, для единообразнаго по всѣмъ казеннымъ учебнымъ заведеніямъ руководства, слѣдующимъ текстомъ: «Производство пенсій, назначаеваемыхъ за службу отцовъ и по другимъ случаямъ, пансіонерамъ и пансіонеркамъ Его Императорскаго Величества, во всѣхъ вообще казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ военнаго, такъ и гражданского вѣдомствъ, за которыхъ плата производится изъ Государственнаго Казначейства или изъ другихъ казенныхъ суммъ; равно какъ: а) воспитанникамъ изъ уроженцевъ Царства Польскаго, содержимымъ на-счетъ доходовъ Царства; б) дѣтямъ горскихъ князей и первостепенныхъ узденей, за которыхъ плата производится изъ Государственнаго Казначейства; в) воспитанникамъ изъ разныхъ казачьихъ войскъ, содержимымъ на войсковые капиталы; г) дѣтямъ генераловъ, штабъ и обер-офицеровъ Войска Донскаго, за которыхъ плата производится изъ военнаго капитала сего же войска — прекращается со времени поступленія ихъ въ тѣ заведенія на точномъ основаніи статей 234, 236 и 238 т. III Уст. о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ (изд. 1842 г.). Пенсіи пансіонеровъ и пансіонерокъ, воспитывающихся: а) на-счетъ Кабинета, или иныхъ собственныхъ суммъ Его Императорскаго Величества; б) на иждивеніи Особъ Императорской Фамиліи; в) содержимыхъ на-счетъ капиталовъ, пожертвованныхъ дворянствомъ, или частными лицами; г) пансіонеровъ и пансіонерокъ своекоштныхъ; д) пансіонерокъ и пансіонерокъ частныхъ лицъ и, наконецъ, е) всѣхъ тѣхъ воспитанниковъ и воспитанницъ, въ содержаніи которыхъ казна и пра-

вительство не участвуют, считаются неприкосновенною ихъ собственностью. Пенсии эти на руки имъ не выдаются, но доставляются къ начальству заведенія, которое вноситъ оныя въ кредитныя установленія для приращенія процентами и выдаетъ вмѣстѣ съ процентами воспитанникамъ и воспитанницамъ по выпускѣ ихъ изъ заведеній. Въ случаѣ смерти кого-либо изъ воспитанниковъ и воспитанницъ, послѣдовавшей во время пребыванія ихъ въ заведеніи, вся сумма, изъ пенсіона образовавшаяся, выдается ихъ матерямъ; а если матери уже умерли, то другимъ родственникамъ на основаніи общихъ законовъ о наслѣдствѣ. Матери, или опекуны, могутъ помѣщать малолѣтнихъ въ заведенія своекоштными пансіонерами или своекоштными пансіонерками на-счетъ пенсій, собственно таковымъ малолѣтнимъ пожалованныхъ.

— Повелѣно: 1) Высочайше дарованное, по мнѣнію Государственнаго Совѣта, 10 января 1849 г., право на призрѣніе сиротамъ нижнихъ почтовыхъ служителей, выслужившихъ послѣдствіи чины, распространить и на сиротъ мужескаго пола, остающихся послѣ смерти сортировщиковъ и другихъ подобныхъ званій канцелярскихъ служителей, недослужившихъ до чина, но по происхожденію своему принадлежащихъ почтовому вѣдомству. 2) въ вознагражденіе за такое право обязать этихъ сиротъ до полученія чина служить въ почтовомъ вѣдомствѣ, въ канцелярскомъ или другомъ званіи, по назначенію почтового начальства. Если жъ они получаютъ чинъ по спеціальному испытанію, то установленное 2 ст. приложенія, къ ст. 600 уст. о служ. Прав. (св. Зак. т. III по V прод.) обязательство выслужить 10-ти лѣтній срокъ въ почтовомъ вѣдомствѣ, остается въ своей силѣ. 3) Определенное въ Высочайше утвержденномъ 10 января 1849 г. мнѣніи, призрѣніе оказывать всѣмъ круглымъ сиротамъ, а остающимся при матеряхъ призрѣвать въ томъ только случаѣ, если матери ихъ сами о томъ будутъ просить и изъявлять согласіе на обязательную дѣтей ихъ службу въ почтовомъ вѣдомствѣ по достиженіи 17-ти лѣтняго возраста. 4) Если у призрѣнныхъ сиротъ родятся, во время обязательной ихъ службы въ почтовомъ вѣдомствѣ, дѣти мужескаго пола, то рожденныхъ въ нижнеслужительскомъ званіи отцовъ, считать принадлежащими почтовому вѣдомству; прижитыхъ же въ канцелярскомъ званіи, и потому подлежащихъ зачисленію къ III разряду, призрѣвать на точномъ основаніи настоящихъ правилъ. 5) При назначеніи сиротскаго содержанія не выходить изъ ассигнуемой по почтовому вѣдомству на сей предметъ суммы.

— Въ измѣненіи ст. 400 уст. о служ. по выбор. (Св. Зак. т. III по XIII прод.) постановлено: въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ комплектъ присутствія болѣе трехъ членовъ, дозволить членамъ отлучаться, по взаимному соглашенію, безъ предварительнаго разрѣшенія губернскаго начальства, на время до двухъ мѣсяцевъ, но съ тѣмъ, чтобъ на-лицо оставалось всегда не менѣе трехъ членовъ и чтобъ о воспользовавшихся отлучками было немедленно доводимо до свѣдѣнія начальства по порядку. Въ тѣхъ же мѣстахъ, въ которыхъ комплектъ присутствія составляетъ только изъ трехъ членовъ, дозволить членамъ отлучки также на время до двухъ мѣсяцевъ, но не иначе,

какъ по взаимному соглашенію съ кандидатами, избранными для замѣщенія ихъ на время отсутствія; если жъ такового соглашенія не послѣдуетъ, то испрашивать на отпускъ разрѣшенія губернскаго начальства, которое дѣлаеть вмѣстѣ съ тѣмъ распоряженіе о замѣщеніи уволеннаго въ отпускъ члена кандидатомъ, соблюдая притомъ очередь какъ въ увольненіи членовъ городскихъ присутственныхъ мѣстъ въ отпуска, такъ и въ замѣщеніи ихъ кандидатами.

IV. Законы относительно казеннаго управления.

— Для охраненія казенныхъ лѣсовъ на бывшихъ тептярскихъ земляхъ, Оренбургской Губерніи, при поискѣ и разработкѣ золота частными лицами, постановлены слѣдующія правила: 1) поискъ и разработка золота въ казенныхъ тептярскихъ земляхъ, Верхнеуральскаго Уѣзда, Оренбургской Губерніи, производится частными лицами свѣдома и при наблюденіи мѣстнаго лѣснаго управленія; 2) за поврежденный при поискѣ золота лѣсъ съ промышленниковъ взыскиваются, по установленной таксѣ, за строевой — попенныя, а за дровяной — посаженные деньги; 3) промышленники обязываются не дѣлать напрасно лѣсамъ никакого вреда, и вслѣдствіе того: а) соблюдать всѣ предосторожности отъ огня, а въ случаѣ пожара отвѣтствовать за вредъ, отъ того происшедшій; б) не повреждать деревъ безъ необходимой надобности, а о поврежденномъ лѣсѣ объявлять и платить попенныя или посаженные деньги; если жъ сами о семъ не объявятъ, то, при открытіи такого поврежденія лѣснымъ начальствомъ, платить таковыя деньги въ удвоенномъ количествѣ; и в) не впускать въ лѣсъ никакого скота, кромѣ необходимаго для работъ числа лошадей, которыхъ дозволяется пасти бесплатно въ ближайшемъ, по возможности, отъ присковъ разстояніи, исключая, впрочемъ, тѣхъ мѣстъ, которыя, будучи отграничены отъ пространствъ, пріиски окружающихъ, отдаются въ оброчное содержаніе по контрактамъ, или предназначены подъ лѣсоразведеніе; 4) потребныя при поискѣ и добычѣ лѣсные матеріалы отпускаются промышленникамъ, на общемъ основаніи, за попенныя деньги, и 5) отводы при поискахъ дѣлаются при депутатахъ отъ мѣстнаго лѣснаго управленія, съ соблюденіемъ правилъ, въ Горномъ Уставѣ указанныхъ.

— Высочайше повелѣно: А) Въ отмѣну и дополненіе подлежащихъ статей VI т. Св. Зак. и Уст. объ акцизѣ съ табаку (XI прод. къ V т.) постановить слѣдующее: 1) Воспретить сухопутный привозъ въ Россію изъ Закавказскаго Края чрезъ Кавказскую Линію всякаго иностраннаго курительнаго табаку, какъ въ приготовленномъ, такъ и неприготовленномъ видѣ; 2) Оставивъ во всей силѣ постановленіе ст. 2273 VI т. Св. Зак. (изд. 1842 г.), по которому иностранный курительный табакъ, наравнѣ съ другими чужестранными товарами, можетъ быть вывозимъ изъ Закавказскихъ въ другіе російскіе порты, съ доплатою въ привозныхъ портахъ пошлины по общему тарифу, дозволить торгующимъ вносить сію дополнительную пошлину, буде пожелаютъ, и въ самомъ Закавказскомъ Краѣ, а именно: въ Тифлис-

ской Таможнѣ, Редут-Кальскомъ и Бакинскомъ Карантинно-таможенныхъ Правленіяхъ, которыя обязаны въ таковыхъ случаяхъ наладывать на вывозимый табакъ установленныя въ Россіи для иностраннаго табаку бандероли, со взысканіемъ причитающихся за оныя денегъ, и выдавать провозителямъ свидѣтельства о внесеніи ими сей дополнительной пошлины и объ обложеніи табаку бандеролями, по каковымъ свидѣтельствамъ російскія портовые таможенныя мѣста имѣютъ табакъ сей пропускать безпрепятственно; 3) Относительно пропуска изъ Закавказскаго Края табаку тамошняго произрастенія, соблюдать слѣдующія правила: а) желающій вывезти въ Россію приготовленный изъ табачныхъ листьевъ закавказскихъ плантацій табакъ крошенный, тертый, въ сигарахъ, папиросахъ, руляхъ и каротахъ, обязанъ, впервыя, уложить оный въ установленныя въ 11 статьѣ Устава объ акцизѣ съ табаку помѣщенія, съ соблюденіемъ предписанныхъ въ трехъ примѣчаніяхъ къ сей статьѣ правилъ; ввторыхъ, на помѣщеніяхъ съ табакомъ налагать бандероли, опредѣленные для табаку внутренняго приготовленія, по бандерольному Тарифу и съ соблюденіемъ предписанныхъ въ 18 статьѣ того Устава правилъ для наклейки бандеролей, и третьихъ, согласно съ 19 и 20 статьями Устава объ акцизѣ, прикладывать къ бандеролямъ фабричное клеймо, или сургучную печать, а на помѣщеніяхъ выставлять продажную цѣну, соотвѣственно наложенному бандеролю; б) обложеніе бандеролями помѣщеній съ вывозимымъ въ Россію табакомъ закавказскаго произрастенія, равно и упаковка онаго въ ящики, тюки и т. п., должны быть производимы въ присутствіи мѣстнаго полицейскаго начальства, которое, въ удостовѣреніе того, что бандероли наклеены и табакъ упакованъ въ присутствіи полиции, обязано прикладывать полицейскую печать къ ящикамъ, или тюкамъ, въ которые уложены помѣщенія съ табакомъ, и снабжать отправителя, за свою подписью и приложеніемъ казенной печати, свидѣтельствомъ, въ которомъ должно быть показано качество и количество, или вѣсъ табаку, число какъ помѣщеній, такъ и тюковъ, или другихъ мѣстъ, имя и фамилія отправителя, съ удостовѣреніемъ, что показанный въ свидѣтельствѣ табакъ дѣйствительно закавказскаго произрастенія, и что онъ обложенъ установленнымъ порядкомъ надлежащими бандеролями. Свѣдѣнія же о времени и мѣстѣ, когда и куда табакъ отправляется и кому адресованъ, должны быть означены въ накладной, которая провозителю табаку обязана имѣть отъ отправителей, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, взысканія, опредѣленнаго въ 86 статьѣ Устава объ акцизѣ съ табаку за нехраненіе, или сокрытіе накладныхъ; в) обязанность таможеннаго надзора по Кавказской Линіи, равно какъ и черноморскихъ и каспійскихъ портовыхъ таможенъ, при слѣдованіи черезъ оныя партій табаку за печатями мѣстнаго полицейскаго начальства Закавказскаго Края, и сопровождаемыхъ вышеозначеннымъ свидѣтельствомъ того же начальства, ограничивается однимъ поверхностнымъ досмотромъ травпортовъ, для удостовѣренія лишь въ томъ, что дѣйствительно провозится тотъ самый табакъ, какой означенъ въ свидѣтельствѣ. Если же будутъ слѣдовать траспорты съ табакомъ безъ свидѣтельствъ, или

хотя и со свидетельствами, но без приложения къ тюкамъ и мѣстамъ печатей полицейскаго начальства Закавказскаго Края, таможенный надзоръ, или портовые таможи, приступаютъ къ повѣркѣ внутренняго содержанія мѣстъ съ табакомъ; и если, по вскрытіи всѣхъ сихъ мѣстъ, окажется не обандероленный табакъ, то таковой не долженъ быть признаваемъ закавказскимъ и не допускается къ дальнѣйшему слѣдованію въ Россію. По при проѣзжающихъ чрезъ Кавказскую Линію пропускается до трехъ фунтовъ табаку и трехсотъ сигаръ необандероленныхъ; находящіяся же при нихъ табакъ и сигары, въ большихъ противъ сего количествахъ, пропускаются не имаче, какъ съ наложеніемъ въ таможенномъ надзорѣ бандеролей, установленныхъ для табаку и сигаръ внутренняго приготовленія высшаго сорта, и со взиманіемъ опредѣленной за нихъ платы; г) дозволяется принимать отъ частныхъ лицъ, для пересылки съ почтою изъ Закавказскаго Края въ Россію, въ количествѣ, опредѣленномъ почтовыми правилами, приготовленный во всѣхъ видахъ въ Закавказскомъ Краѣ тамошняго произрастенія табакъ, обложенный бандеролями, установленными для табаку внутренняго приготовленія, но только въ такомъ случаѣ, если къ тюкамъ и мѣстамъ приложена печать полицейскаго начальства Закавказскаго Края, и табакъ сопровождается установленнымъ въ пунктѣ б... свидетельствомъ того начальства; безъ этого же свидетельства и безъ приложенныхъ къ тюкамъ и мѣстамъ съ табакомъ полицейскихъ печатей, табакъ для пересылки съ почтою изъ Закавказскаго Края въ Россію принимаемъ быть не долженъ; д) съ установленіемъ сихъ правилъ, Уѣздныя Казначейства Закавказскаго Края снабжаются всѣми сортами бандеролей, опредѣленными для курительнаго табаку и сигаръ внутренняго приготовленія, Екатериноградскій и Кизлярскій таможенные надзоры также бандеролями для высшаго сорта сего табаку и сигаръ, согласно съ пунктомъ е этихъ правилъ; а Тифлисская Таможня и Редут-Кальское и Бакинское Карантинно-Таможенныя Правленія бандеролями, для иностраннаго табаку назначенными. Отчетность въ приходѣ и расходѣ сихъ бандеролей надлежитъ вести по Уѣзднымъ Казначействамъ и означеннымъ таможеннымъ мѣстамъ на томъ основаніи, какъ постановлено въ статьяхъ 15 и 16 Устава объ акцизѣ съ табаку, и е) бандероли изъ Уѣздныхъ Казначействъ Закавказскаго Края можетъ получать всякій, сколько пожелаетъ, но не иначе, какъ цѣльными листами, за наличныя деньги и съ распискою въ полученіи. В) Настоящія правила привести въ дѣйствіе съ 1-го января 1855 года.

V. Законы о состояніяхъ.

— Въ дополненіе и измѣненіе ст. 852 Зак. о Сост. (Св Зак. т. IX по прод. IX) Высочайше повелѣно постановить: Царане, имѣющіе собственныя земли, равно-какъ и приписанныя къ землямъ частныхъ владѣльцевъ и духовнаго вѣдомства, хотя и могутъ, первые, во всякое время, а прочіе по прошествіи срока заключенныхъ ими условий, или прежде, если владѣлецъ на сіе согласится, просить о переходѣ

въ городское состояніе; но дозволеніе на таковой переходъ дается только тѣмъ изъ нихъ, которые представляютъ удостовѣреніе Городской Думы съ депутатами отъ дворянства, назначенными Областнымъ Предводителемъ, что они имѣютъ средства къ обезпеченію въ городахъ своего существованія знаніемъ какого-либо промысла, или мастерства, городскимъ обывателямъ свойственнымъ, и упражнялись уже въ семъ промыслѣ, или мастерствѣ, постоянно въ городѣ не менѣе пяти лѣтъ, или же обзавелись въ ономъ прочною осѣдlostью.

VI. Законы гражданскіе.

— Относительно крѣпостныхъ людей, переселяемыхъ въ Сибирь, вслѣдствіе представленія ихъ владѣльцами въ распоряженіе правительства, въ дополненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ, постановлено: 1) помѣщикамъ воспрещается въ выдаваемыхъ ими на управленіе имѣніями общихъ довѣренностяхъ, предоставлять управителямъ право удалять крестьянъ навсегда изъ имѣнія, чрезъ представленіе ихъ въ распоряженіе правительства, равно какъ и отдавать ихъ въ рекруты въ зачетъ будущихъ наборовъ или безъ зачета, такъ-какъ сн двѣ ибры взысканія принадлежать исключительно власти самого помѣщика; въ случаѣ же надобности употребить одну изъ нихъ во время отсутствія владѣльца изъ имѣнія, дозволяется ему каждый разъ уполномочивать на то управителя, или же кого-либо другаго, особою довѣренностью, въ которой должно быть поименовано самое лицо, подвергаемое симъ наказаніямъ; и 2) правила, установленныя уже по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, для огражденія помѣщичьихъ крестьянъ отъ напраснаго удаленія ихъ изъ имѣній, въ губерніяхъ: Кіевской, Волынской, Подольской, Виленской, Гродненской, Минской, Ковенской, Витебской и Могилевской, оставить въ своей силѣ.

— Въ дополненіе 2-го пункта и 1-го примѣчанія къ 3 пункту 11 прилож. къ 457 ст. Св. Зак. Гражд. (Т. X), а также 2589 ст. Учреж. Губер. (Т. II) и примѣч. 5-го къ ст. 2542 част. 1 книг. 11 Св. Воен. Постан. (по VII продол.) постановлено: пригульный скоть, находящійся въ предѣлахъ Оренбургской Губерніи и тамошнихъ казачьихъ войскъ (Оренбургскаго, Уральскаго и Башкиро-Мещерякскаго) въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ принятія его на продовольствіе откажутся жители, по дороговизнѣ корма и бесполезности самыхъ животныхъ въ хозяйствѣ, продавать съ аукціоннаго торга, по истеченіи 14 дней отъ времени явки о пригульномъ скотѣ, и вырученныя за оный деньги, за вычетомъ изъ нихъ издержекъ, употребленныхъ на содержаніе скота до продажи онаго, хранить по губерніи въ-теченіе двухъ, а въ войскахъ одного года, и потомъ, если хозяинъ найденнаго скота не явится, распредѣлять слѣдующимъ образомъ: двѣ трети обращать въ капиталъ для бѣдныхъ упомянутыхъ войскъ, а одну треть въ пользу той станицы или селенія, гдѣ живетъ тотъ, къ-мъ найденъ скоть, и въ пользу самого нашедшаго, по равной части.

— По ходатайству г. рижскаго военнаго, лифляндскаго, эстлянд-

скаго и курляндскаго генерал-губернатора, послѣдоваго Высочайшее созволениe о дозволеніи Курляндскому Обществу Сельскаго Хозяйства учредить Общество взаимнаго застрахованія отъ града и уставъ онаго удостоенъ разсмотрѣнія Его Величества во 2-й день апрѣля сего года.

VII. ЗАКОНЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО БЛАГОУСТРОЙСТВА

— Относительно продажи акцизныхъ питей изъ непринадлежащихъ откупу заведеній постановлены слѣдующія правила: 1) содержатели ренсковыхъ погребовъ, водочныхъ магазиновъ, пиво-и медоваренныхъ заводовъ и заведеній для продажи медоваго кваса, браги и сусла, которымъ дозволена продажа акцизныхъ питей на вынось, обязаны имѣть, для измѣренія сихъ питей, установленныя для откупа крупныя мѣры (именно: ведро, полведра и четверть ведра). Мѣры сии должны быть чугунныя, или мѣдныя, внутри и снаружи выгуженныя, вывѣренныя и заклеенныя въ Казенныхъ Палатахъ; 2) содержателямъ городскихъ трактирныхъ заведеній дозволяется продавать хлѣбныя, фруктовыя и другія водки, подслащенныя и неподслащенныя, распивочно въ самыхъ заведеніяхъ рюмками и въ другой стеклянной посудѣ всякой величины, лишь бы сии напитки были наливаемы изъ мѣрной стеклянной посуды за установленною печатью; 3) на мѣстную полицію возлагается наблюдение, чтобъ исчисленныя выше въ пун. 1, заведенія непременно имѣли указныя мѣры и чтобъ во всѣхъ непринадлежащихъ откупу заведеніяхъ, изъ которыхъ производится продажа акцизныхъ питей на вынось въ стеклянной посудѣ, таковая была клейменная и указной же мѣры, а равно, чтобъ самая выдѣлка сей посуды на стеклянныхъ заводахъ производилась согласно Высочайше утвержденному положенію 20-го февраля 1852 г.; 4) установленныя ст. 2464 и 2465 Уст. Торг. (Св. Зак. Т. XI) везапныя повѣрки мѣръ и вѣсовъ, въ разныхъ торговыхъ помѣщеніяхъ, чрезъ торговыхъ депутатовъ и членовъ городскихъ присутственныхъ мѣстъ, распространяются и на тѣ изъ непринадлежащихъ откупу заведеній, которымъ предоставлено право продажи акцизныхъ питей; 5) каждому обиженному при покункѣ изъ такихъ заведеній акцизныхъ питей предоставляется приносить жалобу полиціи, которая, по надлежащемъ изслѣдованіи обстоятельствъ, относящихся собственно къ жалобщику, поступаетъ на законномъ основаніи, то-есть либо сама доставляетъ удовлетворение правой сторонѣ, въ предѣлахъ, предоставленныхъ полицейскому разбирательству, либо передаетъ дѣло въ подлежащее судебное мѣсто; 6) въ случаѣ, еслибъ подобная жалоба была признана неосновательною, не подвергать истца тому взысканію, какое определено для несправедливыхъ доносчиковъ; 7) жалобы отъ самого того лица, кому проданы акцизныя питья изъ заведеній, непринадлежащихъ откупу, неуказными мѣрами, должны быть приносимы не позже 8 дней послѣ самаго происшествія, а допросы отъ постороннихъ лицъ не далѣе 30 дней. По пропусченіи сихъ сроковъ,

ни жалобъ ни доносовъ не принимать. Возлагаемое по 3 пункту настоящихъ правилъ на мѣстную полицію наблюдение за употребленіемъ въ означенныхъ въ томъ пунктѣ заведеніяхъ стеклянной посуды указной мѣры, отсрочить, на основаніи Высочайше утвержденнаго 1-го декабря 1852 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта, до 1-го января 1856 г.

— Въ дополненіе правилъ о поставкѣ суконъ и караези для арміи и флота (прилож. къ 263 ст. по IX прод. Т. XI Уст. Промыш.) постановлено: 1) въ обезпеченіе задаточныхъ поставщикамъ денегъ, сверхъ залоговъ, дозволенныхъ въ 29 пунктѣ сихъ правилъ, разрѣшается принимать еще слѣдующее: а) билеты Государственнаго Казначейства, съ зачетомъ нарастающихъ на оныя процентовъ, съ тѣмъ, чтобъ Казенныя Палаты высылали сіи билеты въ Главное Казначейство, гдѣ, по мѣрѣ предназначеннаго истребленія ихъ, они будутъ замѣняемы банковыми билетами; б) билеты Высочайше учрежденныхъ въ нѣкоторыхъ городахъ Банковъ, какъ-то: въ Тулѣ, Слободскомъ и проч., на основаніи постановленныхъ для таковыхъ билетовъ правилъ; в) акціи перваго и втораго Россійскихъ Страховыхъ отъ огня Обществъ: 1-го въ 400, а 2-го въ 50 руб. каждая; г) билеты финляндскихъ общественныхъ заведеній и лифляндскихъ, эстляндскихъ и курляндской кредитныхъ кассъ, въ полныхъ суммахъ; д) облигации перваго и втораго Польскихъ Займовъ, въ 1829 и 1835 г. заключенныхъ, по первоначальной цѣнѣ ихъ. *Примѣчаніе.* Сертификаты польскаго займа 1835 г. лит. В. въ залогъ принимаемы не будутъ; е) акціи Общества застрахованія пожизненныхъ доходовъ и разныхъ капиталовъ, по 40 руб. каждая; ж) акціи Харьковской Компаніи для торговли шерстью, въ половину нарицательной цѣны оныхъ; з) паи Товарищества Страховаго отъ огня Общества «Саламандра» въ 250 р. каждый; и) акціи Россійскаго Общества морскаго, рѣчнаго и сухопутнаго страхованія и транспортированія кладей, въ 30 р. каждая; к) паи Компаніи морскаго, рѣчнаго и сухопутнаго страхованія, подъ фирмою «Надежда» въ 60 руб. каждый; л) акціи Общества освѣщенія газомъ въ Санктпетербургѣ, по 30 руб. каждая; м) акціи Царскосельской Желѣзной дороги въ 40 руб. каждая; 2) вышепоименованные залого должны быть принимаемы на основаніяхъ, изложенныхъ въ §§ 3 — 8 правилъ о залогахъ на питейные сборы съ 1855 по 1859 годъ; 3) равномѣрно могутъ быть принимаемы и другія акціи, коихъ принятіе въ залогъ вообще по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ можетъ быть впрѣдъ разрѣшено.

— Въ дополненіе подлежащихъ статей Св. Зак. постановлено: Дуны, Магистраты и Рагуши, завѣдывающіе выдачею паспортовъ и свидѣтельствъ на отлучку городскихъ обывателей, выдаютъ сіи документы по журнальнымъ постановленіямъ, не ожидая просмотра ихъ уѣздными стряпчими, но потомъ посылаютъ постановленія сіи къ стряпчимъ, которые обязаны удостовѣриться: исполнены ли всѣ предписанные закономъ по сему предмету правила и обряды, и въ случаѣ замѣченныхъ упущеній доносить, по принадлежности, высшему начальству.

VIII. ЗАКОНЫ УГОЛОВНЫЕ.

— По положенію Сибирскаго Комитета Высочайше повелѣно: въ Сибири предавать военному суду ссыльно-каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ, обвиняемыхъ въ нарушеніяхъ уставовъ монетныхъ, за кои опредѣлены наказанія по ст. 588 и 604 уложенія 15 августа 1845 г., и тѣхъ изъ жителей Сибири, немнѣнныхъ правъ состоянія, которые будутъ обвиняемы въ соучастіи съ ссыльно-каторжными и ссыльно-поселенцами въ сихъ преступленіяхъ.

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ.

— *Обрушеніе монастырской стѣны въ Ярославль.* — 1-го мая, около 10 часовъ вечера обрушилась значительная часть высокой стѣны, окружающей Спасо-Преображенскій Монастырь, въ Ярославль, съ западной стороны и принадлежащей къ числу весьма многихъ древнѣйшихъ зданій въ этомъ городѣ. Стѣна эта, съ характеромъ военнаго укрѣпленія, начата строеніемъ, какъ открывается по стариннымъ монастырскимъ записямъ, въ началѣ XVI, а совершенно окончена въ первыхъ годахъ XVII столѣтія. Несмотря на свою трехвѣковую давность и покатистое мѣстоположеніе по Которости, по берегу которой тянется южною стороною, она все еще крѣпка, свѣжа и, кромѣ сѣверовосточной башни, давшей большія трещины, не представляла доселѣ ни малѣйшей опасности; особенно же, смотря на западную часть ограды, никакъ нельзя было воображать, что она подъ своей бодрой наружностью скрываетъ малосильные старости. Да его нѣтъ и въ самомъ дѣлѣ. Паденіе стѣны на этой сторонѣ произошло, по всей вѣроятности, отъ давленія бойницъ и амбразуръ, выдавшихся за лицевой фасъ корпуса, несоразмѣрнаго съ ихъ тяжестью и неподпертаго контрфорсами: амбразуры эти по самую площадь верхней галереи свалились цѣльною массою, а самый корпусъ стѣны подъ ними, до основанія, только обвалился или общепался съ наружной стороны, какъ по линейкѣ, на полтора кирпича въ толщину. Длина обвала простирается сажень на 8, идя отъ Святыхъ Воротъ до половины стѣны, соединяющей ихъ съ сѣверо-западною башнею. На всемъ этомъ пространствѣ не образовалось, отъ паденія твердыни, не только бреши, но и ни одной щели, и это служить ручательствомъ, что стѣна по внутреннему составу совершенно еще здорова, и памятникъ строительнаго искусства XII столѣтія, при надлежащемъ ремонтѣ, простоятъ еще нѣсколько столѣтій живымъ свидѣтелемъ минувшаго. Смотри на груды обвала и обнаружившіяся скелеты крѣпости, нельзя не удивляться громадности кирпичей и прочности цемента; при этомъ вполне понятно, что твер-

дыня сохраняет почти полтора ста лѣтъ грозный видъ послѣ литовскихъ ядеръ... Благодареніе Богу, при паденіи стѣны не случилось никакого несчастія; а случись это пораньше часомъ, или получасомъ, когда народъ въ большомъ количествѣ проходилъ тутъ послѣ всемогущей, послѣдствія были бы самыя плачевныя. (Я. Г. В.)

— *Метеоръ.* — Въ Ярославлѣ 29-го марта въ $\frac{1}{4}$ 12-го ночи на южной части небосклона, наглухо закрытой, какъ и все небо, сплошными и густыми облаками, сквозь которыя не проникалъ ни одинъ лучъ ни звѣздъ, ни мѣсяца, замѣчена была въ значительномъ разстояніи отъ горизонта длинная бѣлая полоса, подобная сѣверному сіянію, и довольно-широкая въ поперечникѣ. Въ длину простиралась она въ это время, съ одинаковыми вездѣ признаками, отъ глубины юго-востока до юго-запада, а въ сѣверной окраинѣ обрисовывалась какъ-бы сгущеннымъ темнымъ облакомъ. Черезъ нѣсколько минутъ свѣтлое пространство стало суживаться въ срединѣ, т. е. прямо на югъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ по всей полосѣ начали показываться, то вдругъ, то послѣдовательно, продольныя и поперечныя линіи, въ видѣ лентъ различной длины и ширины, съ болѣе-яркимъ сіяніемъ, часто при томъ измѣняя свое положеніе, видъ и степень яркости. Любопытно и вмѣстѣ страшно было смотрѣть, какъ онѣ поминутно вспыхивали, потомъ ослабѣвали, становились шире, затѣмъ опять суживались, и наконецъ вовсе погасали. Въ $\frac{1}{2}$ 12-го все явленіе, постепенно блѣднѣя, почти совершенно исчезло, но вскорѣ снова стало разгораться, растягиваясь въ то же время въ длину, и даже слилось съ южнымъ горизонтомъ. При этой новой вспышкѣ метеоръ сіялъ съ наибольшою яркостью на юго-востокъ и частью на юго-западъ; въ обоихъ пунктахъ было такъ свѣтло, что ясно различались мелкія группы облаковъ, проходившихъ подъ метеоромъ. Около $\frac{3}{4}$ 12-го загадочный свѣтъ снова сталъ усиливаться на югъ, съ ярко-бѣлыми вспышками, какъ-будто мѣсяцъ пробивалъ тутъ сильныя лучи сквозь облака, или какъ-будто занимался тутъ разсвѣтъ утра. Свѣтлыя массы, съ ихъ декорационными видоизмѣненіями, передвигались при этомъ отъ востока на юго-западъ, потомъ вскорѣ приняли обратное направленіе, наконецъ обхватили почти всю восточную часть небосклона. Сколько времени и въ какомъ видѣ послѣ продолжалось это явленіе—не замѣчено; равнымъ образомъ не обращено вниманія и на то, было ли въ это время что-нибудь подобное на сѣверномъ полушаріи; но на сѣверо-западъ стоялъ густой мракъ, какъ въ обыкновенныя темныя ночи. Днемъ, передъ этимъ явленіемъ, было малооблачно, + 5° по Реомюру, при южномъ, а потомъ восточномъ вѣтрѣ. На другой день все небо закрыто было перистыми полупрозрачными облаками, при бывшемъ вѣтрѣ съ сѣвера и при 1° тепла.

(С. П. В.)

— *Открытие еврейской больницы въ Симферополѣ.* — 1-го февраля нынѣшняго года открыта въ Симферополѣ еврейская больница послѣ торжественнаго молебствія, на еврейскомъ языкѣ, о здравіи и долголѣтствіи Августѣйшаго Монарха и Императрицы и Императорскаго Дома.

Первоначальными средствами больница эта обязана почетному гражданину Гинцбургу, который, вскорѣ послѣ переезда своего въ Симеорополь, возымѣлъ намѣреніе основать тамъ какое-либо общепольное заведеніе для Евреевъ. Смерть не дозволила ему быть исполнителемъ этого намѣренія; но, умирая, онъ завѣщалъ Симеоропольскому Еврейскому Обществу 4,200 руб. сер. на благотворительное учрежденіе. Мысль открыть больницу, въ которой особенно нуждалось еврейское общество, принадлежитъ собственно начальнику губерніи, генерал-лейтенанту Пестелю. Мысль эта принята была съ радостью, и за исполненіе ея ревностно принялись многіе изъ тамошнихъ Евреевъ, въ-особенности купецъ Соломонъ Нейманъ, принимавшій въ открытіи больницы самое дѣятельное участіе. Но какъ пожертвованныхъ покойнымъ Гинцбургомъ денегъ, часть которыхъ немедленно была употреблена на покупку двухъ домовъ, было бы недостаточно на учрежденіе и дальнѣйшее существованіе больницы, то предположено было увеличить эту сумму добровольными пожертвованіями и исходатайствовать у высшаго начальства согласіе на отдѣленіе части изъ коробочнаго сбора съ Евреевъ, на что и послѣдовало разрѣшеніе.

Больница пока открыта только на 10 человекъ, съ раздѣленіемъ на два отдѣленія: мужское на 6 кроватей и женское на 4 кровати, помѣщена въ обширномъ, но очень-хорошемъ домѣ, со всѣми удобствами и вообще снабжена всѣмъ, что только необходимо для подобнаго заведенія. (Ж. М. В. Д).

— *Благотворительное пожертвованіе.* — Вдова оренбургскаго 2-й гильдіи купца Наталія Дѣва изъявила желаніе пожертвовать въ пользу богадѣльни Шапошникова 6 т. руб. сер., съ тѣмъ, чтобъ сумма эта была причислена къ неприкосновенному капиталу богадѣльни, а проценты съ нея употреблялись для содержанія соотвѣтственнаго числа призрѣваемыхъ. Не излишнимъ считаемъ сообщить при этомъ вкратцѣ исторію самой богадѣльни.

Въ 1808 г. коллежскій ассесоръ Шапошниковъ пожертвовалъ 10 т. руб. асс. на постройку въ Оренбургѣ каменнаго зданія для богадѣльни, и 10 т. руб. асс. на содержаніе въ ней 25 человекъ призрѣваемыхъ. До окончанія постройки дома, г. Шапошниковъ, въ-теченіе 10 лѣтъ (съ 1808 по 1818 г.) содержалъ призрѣваемыхъ на свой счетъ, а въ 1818 г. просилъ о принятіи зданія богадѣльни, съ принадлежащимъ оной капиталомъ, въ 17,530 р. асс., въ вѣдѣніе Приказа Общественнаго Призрѣнія. По представленію о томъ мѣстнаго начальства, положеніемъ Комитета гг. Министровъ постановлено: 1) Устроенную Шапошниковымъ богадѣльню поручить въ управленіе городского головы, а вполнѣдствіи содержаніе ея приидти на себя Городской Думѣ. 2) Состоящую въ Приказѣ пожертвованную Шапошниковымъ для богадѣльни сумму, съ накопившимся процентами и впаданіемъ, обратитъ въ Оренбургскій Магистратъ, или Думу, для употребленія и приумноженія ихъ, съ тѣмъ, чтобъ капиталъ, внесенный жертвователемъ, оставался навсегда въ обращеніи неприкосновеннымъ. 3) Какъ проценты съ капитальной суммы не могутъ быть достаточны на исправное содержаніе богадѣльни, то Магистратъ обя-

занъ дополнять этотъ недостатокъ изъ суммы, составляемой, по 42 ст. Городоваго Положенія, изъ добровольныхъ складокъ, отъ торговаго сословія вступающихъ. 4) По оказавшейся неудобности пользоваться больныхъ гражданскаго вѣдомства въ учрежденномъ въ Оренбургѣ госпиталѣ, устроить для пользованія этихъ больныхъ помѣщеніе въ богадѣльнѣ Шапошникова, такъ—какъ, за помѣщеніемъ опредѣленнаго числа престарѣлыхъ, въ ней остается еще незанятою одна половина способнаго зданія. 5) Пользованіе больныхъ и присмотръ за ними возложить на обязанность городскаго врача; а вмѣстѣ съ тѣмъ и назначенные отъ казны на пользованіе бѣдныхъ по 300 р. асс. въ годъ обратить въ вѣдомство Оренбургскаго Городскаго Магистрата. 6) За цѣлость капитала, со включеніемъ накопившихся процентовъ и подавнѣ, члены Магистрата должны отвѣтствовать всѣ за одного и одинъ за всѣхъ; и 7) По содержанію богадѣленныхъ и больныхъ, по всѣмъ приходамъ и расходамъ богадѣльни, а равно и по обороту принадлежащаго ей капитала, Магистратъ обязанъ давать мѣстному Приказу Общественнаго Призрѣнія ежегодные отчеты, на основаніи установленныхъ для Приказа правилъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ предоставлено право капиталъ богадѣльни раздавать въ заемъ купечеству за узаконенные проценты; что же касается благотворенія, то не отнимается ни отъ кого добрая воля, при займахъ помянутаго капитала, давать и болѣе положенныхъ закономъ процентовъ; но это должно почитаться пожертвованіемъ добровольнымъ, которое можно принимать, но нѣтъ права требовать.

Въ настоящее время богадѣльня Шапошникова устроена на 25 человекъ; кромѣ—того, при ней находится больница на 8 кроватей; такимъ—образомъ полный комплектъ заведенія состоитъ изъ 33 человекъ. Содержаніе каждаго призрѣваемаго среднимъ числомъ обходится 24 руб. 76 коп. сер. въ годъ; по этому расчету, на проценты съ капитала, пожертвованнаго Дѣвою, составляющіе по 360 руб. въ годъ, можно будетъ содержать до 15 человекъ, и вслѣдствіе того комплектъ заведенія достигнетъ 48 человекъ. (Ж. М. В. Д.)

— *Наводненія.* — Въ Херсонской Губерніи, послѣ вскрытія въ первыхъ числахъ марта рѣки Днѣстра, произошло необыкновенное наводненіе, затопившее значительную часть городовъ Тирасполя и Григоріополя, жители которыхъ, вытѣсняемые изъ домовъ водою, принуждены были искать спасенія на крышахъ до—тѣхъ—поръ, пока не были перевезены, на собранныхъ для этого лодкахъ, въ болѣе—безопасныя мѣста. Всѣхъ жилыхъ строеній затоплено: въ Тирасполѣ до 100, а въ Григоріополѣ до 114; кромѣ—того, въ Тирасполѣ совершенно закрытъ бродъ и мостъ, соединяющій двѣ части города.

Въ Подольской Губерніи рѣка Днѣстръ вскрылась: въ Ушицкомъ Уѣздѣ 28 февраля, а въ Ямпольскомъ и Ольгопольскомъ 1 марта и, отъ сильной прибыли воды выступивъ изъ береговъ, затопила уѣздный городъ Ямполь, и въ уѣздахъ Ушицкомъ — мѣстечко Студеницу и заштатный городъ Старую—Ушицу, а въ Ольгопольскомъ — всю лѣжную часть мѣстечекъ Каменки и Рашкова. Въ Ямполѣ залило водой 37, въ Студеницѣ — 30, въ Старой—Ушицѣ — 38 домовъ, и сверхъ—

того, въ Ушицкомъ же Уѣздѣ, рѣка Ушица затопила часть мѣстечка Соколыца и находящіяся въ немъ гати и плотины. Въ Каменкѣ напоромъ льда и воды 25 домовъ разрушены совершенно. Жители, оставивъ свое имущество, едва успѣли спастись сами, съ потерю значительнаго количества скота, разнаго рода хлѣба, хозяйственныхъ снарядовъ и животныхъ. Понесенные отъ наводненія убытки еще не могли быть исчислены въ подробности. (Ж. М. В. Д.).

— *Пожары.* — Замѣчательнѣйшихъ пожаровъ, по официальнымъ доносеніямъ, насчитывается за время съ конца декабря по начало марта 25, изъ числа которыхъ 5 были въ городахъ и 20 въ мѣстечкахъ, селеніяхъ и деревняхъ. Общая стоимость убытковъ, причиненныхъ этими пожарами, простирается свыше 216 т. руб. сер. Отъ умышленныхъ поджоговъ произошли два пожара, прочіе же отъ разнаго рода неосторожностей. Въ пламени погибли пять человекъ: взрослый мужчина, мальчикъ и три дѣвочки. Изъ промышленныхъ, торговыхъ и общественныхъ строеній подверглись дѣйствию огня: бумажная фабрика въ Волынской Губерніи; шивоваренный и кожевенный заводы въ Харьковской; три вишкуренные заводы въ Волынской; сельскій запасный магазинъ тамъ же, и распива въ Самарской Приставѣ. Замѣчательнѣйшіе по количеству убытковъ пожары были: Енисейской Губерніи, въ г. Минусинскѣ, Волынской Губерніи; Заславскаго Уѣзда въ мѣстечкѣ Славутѣ, и Харьковской Губерніи Лебединскаго Уѣзда въ деревнѣ Тимошеевкѣ. Первымъ изъ этихъ пожаровъ причинено убытку на 32,950 р., вторымъ на 75 т. р. и послѣднимъ до 20 т. руб. сер. (Ж. М. В. Д.)

VII.

НОВОСТИ

ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВЪ, НАУКЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ (*).

Славянская литература: сербская поэзія, народныя пѣсни; Доснѣи Обрадовичъ, Субботичъ, Станко Враць и Вукъ Караджичъ; венгерскіе словаки и Коларъ; польскіе и чешскіе народныя поэты; пѣсни русняковъ. — Греческая литература: исторія Мелетія; современныя пѣсни грековъ; миріологи. — Германская литература: новыя сочиненія; журналы; новыя изданія Гумбольдта. — Собраніе стихотвореній Фалерслебена. — Берлинскія газеты. — Памятникъ Лудвигу Тиху. — Брошюра Даффиса. — «Негмен» — стихотворенія Гейзе. — Новыя сочиненія для древнегерманской литературы. — «Берлинскій бургомистръ» трагедія Гизеке. — Приготавлиемыя къ печати «Лондонскія письма» Т. Фонтани. — Переводъ на нѣмецкій *Ревизора* Гоголя, сдѣланный г. Видертомъ. — Приготовленія къ постановкѣ *Ревизора* на сцену Королевскаго Театра. — Городничій-Дерингъ. — «Претендентъ» новая драма Мейсснера. — Французская литература: экспедиція въ Сямъ; путешествія въ Китай; голландцы въ Бразиліи; исторія трапикствова и Лудовика XIV; питательныя вещества; система протекціонистовъ; фотографическая химія и проч. — Общественная жизнь въ Парижѣ: гѣто, сѣтки, загородныя гулянья; Булонскій Лѣсъ, увеселительныя поѣздки на Востокъ; двѣнадцать дней въ ямѣ; музыкальные вечера; дочь Даморо-Чинти. — Театры въ Парижѣ: Рашель и г-жа Мартелли; господинъ де-ла-Палиста; новыя водевилы и волшебныя пьесы; оперные театры. — Споръ Эжена Миркура съ Жоржъ-Зандомъ, Гальярди съ Александромъ Дюма. — Новыя книги: альманхаскія изданія; сказки Диккенса; замѣтки Лимейрака; литтисхскій театръ; гобеленовскіе обои; новыя романы; Сен-Маркъ-Жирарденъ; Ретнеъ де-ла-Бретонъ. — Датская литература. Наслѣдованія Глиниа. — Ученыя новости въ Англіи: путешествіе доктора Барта; фотографическія изображенія на стеклѣ; этиологія холеры. — Смерть Монгомери. — Англійская литература: исторія пипы; жизнь въ Цейланскихъ Лѣсахъ и въ Абиссиніи. — Новое сочиненіе Диккенса. — Чтѣ дѣлается въ Бельгіи: реставрація картинъ Рубенса; гравированіе на мѣди. — Итальянская литература: новыя сочиненія. — Испанская литература. — Новости въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ; литература и путешествія; общественная жизнь; открытіе асторской библіотеки. — Археологическія открытія въ Центральной Америкѣ — Извѣстія изъ Азіи: новыя находки ассирійскихъ древностей.

Въ послѣдней книгѣ нашего журнала мы сказали нѣсколько словъ о сербской литературѣ. Представляемъ теперь краткій обзоръ отдѣла народной поэзіи вообще въ славянскомъ мірѣ.

(*). Составлено по журналамъ: *Revue des Deux Mondes*, *Revue de Paris*, *Revue Britannique*, *Revue Contemporaine*, *Edinburgh Review*, *Bibliothèque de Genève*, *Illustration*, *Illustrated London News*, *Illustrirte Zeitung*, *Magazin für die Litteratur des Auslandes*, *Das Ausland*, *Erheiterungen*, *Athenaeum*, *Novellen-Zeitung*, *Institut*, *Indépendance Belge*, *Journal des Débats*.

Замѣчательнѣйшее явленіе въ исторіи славянскихъ литературъ XIX вѣка — возвращеніе ихъ къ первобытнымъ народнымъ источникамъ; это — уваженіе къ преданіямъ и народности, отличающееся отъ периодовъ подражаній.

Въ *Горскомъ Вльцѣ*, образцовомъ произведеніи послѣдняго черногорскаго владыки Петра II-го, лучшаго илирико-сербскаго поэта, видимъ мы за общою трапезою всего народа старцевъ, которые, какъ древніе этрусскіе авгуры, читаютъ судьбу каждаго племени, начертанную таинственными рунами на лопаткахъ быковъ и барановъ, подаваемыхъ за столъ, въ видѣ національнаго жертвоприношенія.

«Сердаръ (судья) Анко беретъ лопатку овна, очищаетъ ножомъ своимъ мясо и съ удивленіемъ спрашиваетъ: «откуда этотъ овецъ?» Ему отвѣчаютъ: «отъ Мартына бойца». — «Счастливы отецъ бойца!» продолжаетъ сердаръ: на твоемъ баранѣ чудная надпись о знаменитой будущности твоего семейства. Я очищаль тысячи лопатокъ, но ни на одной не читалъ такой прекрасной судьбы. А эта задняя лопатка, которую я беру, чья она? Я вижу, что родъ его погасаетъ. Пѣтухъ перестаетъ возвѣщать часы въ его домѣ, который превращается въ могильный склепъ, гдѣ гниютъ болѣе двадцати труповъ одного семейства».

Тогда одинъ черногорецъ смѣется надъ легковѣрностью своихъ собесѣдниковъ. «Вы похожи (говоритъ онъ) на нашихъ бабушекъ, которыя предсказываютъ дѣтямъ будущую судьбу ихъ, глядя или на ладонь, или заставляя ихъ вынимать бобы. Какъ могутъ эти мертвые и сваренныя кости знать, что случится съ живыми?»

Но всякая логика бесполезна, когда говоритъ повѣрье. Иногда является остроумный смыслъ и оригинальность въ этихъ своеобразныхъ произведеніяхъ поэзій. Такъ, напримѣръ, въ черногорской *пльнѣ*: *Красивѣйшій цѣптокъ въ свѣтъ*, сказано:

«Апельсинное дерево, покрытое благоуханными цвѣтами и стоящее на морскомъ берегу, хвалилось, что нѣтъ ничего въ мірѣ прелестнѣе его.

«Нѣтъ! я красивѣе тебя, вскричалъ лугъ, испещренный тысячами цвѣтовъ».

«Можете ли вы сравниться со мною? сказала обширная нива, на которой волновалась обильная жатва пшеницы.

«Не хватайтесь такъ», прервалъ ихъ виноградникъ, слышавшій этотъ разговоръ. «Я превосхожу всѣхъ васъ своею красотой».

Тогда одна молодая дѣвушка сказала, въ свою очередь: «красота ваша такъ скоро проходитъ! моя прочнѣе и продолжительнѣе».

Тутъ юноша, проходившій мимо, сказалъ съ улыбкою: «Золотистые апельсины, когда вы созрѣете, я васъ съѣмъ. Ты, лугъ, когда отцвѣтешь, я скошу тебя. Тебя, бѣлая пшеница, я сожну серпомъ и изготовлю изъ тебя хлѣбъ. Изъ тебя, красный виноградъ, я извлеку благородный сокъ и буду пить его съ храбрыми моими товарищами. А ты, молодая дѣвушка, когда ты подростешь, я женюсь на тебѣ и ты будешь принадлежать мнѣ. Слѣдовательно, самый красивый цѣптокъ въ мірѣ — холостой юноша».

Славянской поселеникъ знаетъ всѣ растенія и породы птицъ своей родины. У него бездна мѣстныхъ названій каждой звѣзды, каждому времени года, каждому мѣсяцу. Въ какое бы время ночи вы ни спросили его: *какой часъ?* Онъ взглянетъ на небо и безошибочно скажетъ вамъ время.

Въ 1829 году одинъ сирмійскій сербъ Эммануилъ Коларовичъ обнаружилъ до ста народныхъ пѣсень, болѣе всего извѣстныхъ въ славянскихъ областяхъ на Дунаѣ. Съ-тѣхъ-поръ другіе дополнили этотъ сборникъ. Чехамъ болѣе другихъ принадлежитъ честь распространенія славянскихъ пѣсень въ Европѣ.

Всѣ славянскія мелодіи отличаются отъѣнкомъ древности, чрезвычайно-сложимъ съ отрывками эллинской музыки, дошедшими до насъ. У Сербовъ поютъ даже съ незапамятныхъ временъ нѣсколько мелодій одинаковыхъ, нота въ ноту, съ греческими пѣснями Пида и Атики. Всѣ эти пѣсни поются въ минорномъ тонѣ. Съ первыхъ тактовъ вы знаете о чемъ поется.

Вліяніе этихъ народныхъ пѣсень распространяется за предѣлы областей, гдѣ ихъ поютъ. Можно даже утвердительно сказать, что мелодіи южныхъ славянъ, чрезъ посредничество Чеховъ, служатъ источникомъ, изъ котораго почерпаютъ нѣмецкіе композиторы свои мотивы. Эти народныя пѣсни передаются изъ рода въ родъ, и къ записаннымъ словамъ всегда присоединяются ноты для пѣнія. Собранія этихъ пѣсень составляютъ цѣлыя библіотеки.

Монахъ Досиѣй Обрадовичъ первый изъ сербовъ писалъ простонароднымъ языкомъ, и за это классики гнали его всю жизнь. Но вскорѣ народность восторжествовала. Епископъ Мушицкій въ прекрасныхъ одахъ, писанныхъ на славянскомъ языкѣ, сильно подвинулъ народную поэзію. Наконецъ простой пастухъ Милутиновичъ окончательно утвердилъ преобладаніе народнаго языка. По-несчастью, онъ отправился въ Лейпцигъ, гдѣ въ университетѣ освоился со всеми тонченностями нѣмецкой философіи, имѣвшей большое вліяніе на его послѣдовавшія сочиненія.

Лучшее его произведеніе *Серблика* представляетъ картину борьбы славянской народности съ греко-латинскимъ классицизмомъ. Сюжетъ поэмы состоитъ въ подвигахъ Георгія Чернаго, изложенныхъ въ видѣ народныхъ рапсодій. Эта поэма произвела большое впечатлѣніе на всѣхъ южныхъ славянъ. Всѣ восхищались ею, но не многіе поняли. Темнота языка дѣлаетъ ее действительно непонятною. Большую услугу окажетъ тотъ, кто переведетъ ее на простонародное нарѣчіе.

Милутиновичъ принадлежитъ къ числу гениальныхъ людей. Еслибы онъ остался вѣрнѣе народной музѣ, то былъ бы Гомеромъ своего народа; но нѣмецкая философія сбילה его съ толку. — Другой сербскій поэтъ, Субботичъ, простодушно говоритъ о немъ, что «Милутиновичъ похожъ былъ на того сельскаго врача, который, знаніемъ травъ и рода жизни своихъ больныхъ, производилъ надъ ними удивительныя леченія, приводившія въ изумленіе величайшихъ врачей. Его убѣдили ѣхать въ столицу учиться медицинѣ. Онъ трудился, выучился, воротился домой, но ужъ не вылечивалъ никого. Въмѣсто изученія тайнъ

природы, онъ выучился педантизму и сталъ мечить своихъ большихъ по новымъ теоріямъ. И слава его погибла, и больные его умирали». Нельзя лучше выразить борьбу поэзіи космополитизма съ народною.

Доснеей Обрадовичъ, восстановитель сербской литературы въ началѣ XIX вѣка, былъ въ Парижѣ, Берлинѣ, Лондонѣ; но полученное имъ образование произвело только смѣсь западныхъ литературъ съ славянскою поэзіею. Съ-тѣхъ-поръ учредились въ Сербіи академія на подобіе европейскихъ, но успѣхи въ нихъ неблистательны. Народная поэзія осталась единственнымъ типомъ, къ которому пристрастны всѣ Сербы.

Субботичъ, уроженецъ Сербскаго Воеводства, прославилъ родню своимъ дарованіемъ. Станко Враць, родившійся въ Стирін, несмотря на свое германское воспитаніе, сдѣлался отличнымъ народнымъ поэтомъ. Наконецъ Краоть Острожинскій первый познакомилъ своихъ соотечественниковъ съ новою поэзіею.

Станко Враць написалъ много балладъ, внушенныхъ ему древними гусларами. Вотъ одна пѣсня его — *Охотникъ*.

«Съ дубовъ слетѣли уже листья. Горы возвышаютъ къ небесамъ свои голыя вершины, какъ старики, потерявшіе послѣдніе волосы. Звукъ роговъ раздастся въ лѣсу; лай собакъ оглашаетъ долины и поля. Молодой охотникъ, полный огня и веселья, летитъ на своемъ скакунѣ вслѣдъ за зайцами и горною серною.

На слѣдующій годъ осень опять вызываетъ въ поле молодого охотника; но онъ ужъ разлибилъ охоту. Вокругъ него все безмолвно. Рогъ его виситъ въ пыли на стѣнѣ. Собаки его рвутся на своракъ. Онъ теперь охотится за другою дичью: онъ вздыхаетъ; онъ влюбленъ».

Поэтъ Вукъ написалъ на тотъ же сюжетъ пѣсню и назвалъ сердце женщины *лучшимъ любовъ охотника*.

«Съ зарею отправился я въ горы поохотиться. Солнце уже склонилось къ западу и длинная тѣнь сосенъ ложилась на меня. Вдругъ подъ деревомъ увидѣлъ я прелестную молодую дѣвушку. Голова ея покоилась на коннѣ вновь-скошеннаго трилистника; на груди ея сидѣли два голубя; у ногъ ея покоился молодой олень. Это былъ лучший лось моей жизни. Коню моему отдалъ я копыну трилистника, соколу моему — двухъ голубей, собакамъ моимъ — оленя, а дѣвушку я сохранилъ для себя».

Субботичъ болѣе всего вдохновлялся народными преданіями. Вотъ, на примѣръ, трогательная жалоба боснійской матери:

«Единственное утѣшеніе матери, молодой Конда, скончался. Не желая разстаться съ тѣломъ сына, бѣдная мать похоронила его близъ жилища своего, въ зеленой бесѣдкѣ. Подъ золотоплоднымъ апельсиновымъ деревомъ возвышается могила его. Каждое утро неутѣшная мать ложится на нее и разговариваетъ съ своимъ сыномъ. «Бѣдное дитя мое, скажи мнѣ, тяжела ли тебѣ земля? Твѣсятъ ли грудь твою кленовыя доски гроба?» Жалобный стонъ слышится изъ гроба: «О милая мать моя! не земля мнѣ тяжела, не кленовыя доски гроба, меня мучитъ отчаяніе моей невѣсты. Всякій разъ, какъ она

плачетъ, душа моя тоскуетъ въ небесахъ; когда она рыдаетъ, кости мои трясутся въ гробѣ».

У Субботича есть также надгробная пѣснь, которая можетъ быть помѣщена на ряду съ этой. Она названа *Росою*.

«Кто поутру и ввечеру сидитъ всегда на травкѣ у этого зеленѣющаго креста? Не молодая ли дѣвушка, потерявшая тутъ кольцо съ драгоценными камнями, или парчевую одежду? Не юноша ли это, ожидающій здѣсь предмета своей страсти? Нѣтъ! это неутѣнная мать сидитъ надъ гробомъ своего единственнаго сына. Всякій день заливается она тутъ слезами. При восходѣ солнца слезы ея текутъ о потерянномъ сынѣ; на закатѣ дня умоляютъ эти слезы Бога, чтобъ Онъ поскорѣе соединилъ ее съ сыномъ. Вечернія слезы ея блестятъ, какъ жемчужины при блескѣ луны, а утреннія, въ видѣ росы, поднимаются съ лучами солнца къ небу».

Изъ всѣхъ западныхъ славянскихъ племенъ, венгерскіе словаки болѣе другихъ сохранили народныхъ преданій, потому-что, по географическому положенію своему и коммерческимъ сношеніямъ, они привязаны къ Дунаю и Востоку. Ихъ народныя идилліи прелестны и часто подходятъ къ сербскимъ. Коларъ составилъ изъ нихъ сборникъ въ двухъ томахъ. Вотъ, на примѣръ, одинъ изъ словацкихъ романсовъ: «*Бѣдные любовники*».

«У меня нѣтъ ничего подъ солнцемъ: нѣтъ луговъ, нѣтъ стада, нѣтъ дома. Ты тоже бѣдная сирота, безъ родителей, безъ семейства. Но ты со мною, я обнимаю тебя; глаза твои горятъ огнемъ чистой любви; сердце твое бьется истинною страстью, и мое сердце отвѣчаетъ тебѣ тѣмъ же. Радуйся, мы счастливы, потому-что любимъ другъ друга. Сколько на свѣтѣ людей бѣднѣе и несчастнѣе насъ!»

У Чеховъ нѣтъ ужъ свѣжести преданій восточныхъ Славянъ. Въ поэзіи ихъ нѣтъ силы и величія. Историческія рапсодіи ужъ неизвѣстны имъ. Чтеніе чешской поэзіи утомляетъ. Нигдѣ, можетъ-быть, въ Европѣ не занимаются столько торговлею, промышленностью, биржевыми спекуляціями и желѣзными дорогами, какъ въ Прагѣ. Въ Польшѣ гораздо болѣе поэзіи. Дворянство Польши—латинское, но народъ остается славянскимъ.

Въ Польшѣ два рода народныхъ пѣсней: *краковскъ коломыйка*. Первая состоитъ изъ двухъ-трехъ строкъ, иногда изъ четырехъ строкъ. Это своенравная пѣсня поселанина Мазовіи, которою онъ выражаетъ свою радость.

Русняки въ Галиціи сочиняютъ также *коломыйки*. Это другаго рода пѣсни: длинныя, наполненныя аллегоріями самаго восточнаго вкуса. Онѣ похожи на пѣсни Сербъ. Въ нихъ видно болѣе семейной жизни:

«Близъ бѣлой хижины три зеленѣющіе сада. Въ одномъ соловей поетъ сладкія пѣсни, въ другомъ кукушка жалуется на судьбу свою, въ третьемъ нѣжная мать тихо говоритъ вновь обвинявшемуся сыну: «Дитя мое! что тебѣ пріятнѣе всего въ жизни: молодая ли жена твоя? теща ли? или родная мать?»— «Жена моя сладка душѣ моей, когда мы въ ладахъ съ нею. Тещу мою люблю я, когда она намъ не надѣдаетъ. Но ты, мать моя, носила меня въ утробѣ и родила

меня въ болѣзняхъ: потомъ ты кормила меня день и ночь своею грудью: ты одна, милая мать, всегда для меня дорога.

— Греческая литература произвела въ послѣднее время одно замѣчательное сочиненіе.

Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία, Μελετίου (*Церковная исторія Мелетія, митрополита аѳинскаго*), изданная Константиномъ Этибуломъ, профессоромъ философіи въ національномъ греческомъ институтѣ въ Константинополѣ. Авторъ этой исторіи, Мелетій, былъ артіискимъ архіепископомъ, а потомъ митрополитомъ аѳинскимъ въ концѣ XVII вѣка и въ началѣ XVIII. Вильмень упоминаетъ о немъ въ своемъ *Историческомъ опытѣ о состояніи грековъ*. Мелетій оставилъ два большія произведенія: «Общую Географію» и «Исторію Церкви». Послѣднее сочиненіе написано на древнемъ греческомъ языкѣ и о немъ знали только по плохому переводу на современный греческій языкъ, издавшему въ Вѣнѣ въ концѣ прошедшаго столѣтія. Объ оригиналѣ даже говорили, что онъ потерявъ и Этибулъ взялся перевести переводъ на древній греческій языкъ. Однако, не успѣлъ еще явиться первый томъ, какъ нашлась оригинальная рукопись и ее-то теперь издали въ настоящемъ видѣ.

Но чтò дѣлается теперь въ литературѣ современной Греціи? Въ нравахъ и обычаяхъ ея осталось много преданій древности, чтò видно изъ поэмъ и сказокъ, сочиненныхъ въ послѣднее время.

Такъ греки въ этихъ народныхъ произведеніяхъ измѣнили значеніе древняго Харона, который теперь означаетъ просто смерть. Вотъ отчего говорятъ теперь объ умершемъ, что его унесъ Харонъ. Его изображаютъ старикомъ, или хищною птицею. Харонъ вездѣ проходить, иногда верхомъ на лошади, забираетъ людей всѣхъ возрастовъ и скачетъ съ ними посреди тумановъ. Онъ очень-хитеръ, но иногда бываетъ великодушенъ и предупреждаетъ человѣка, котораго хочетъ унести. Тотъ можетъ бороться съ Харономъ и иногда побѣждаетъ его; но если Харонъ успѣетъ схватить противника за волосы, то ужъ нѣтъ никакого спасенія.

Харонъ живетъ въ черной палаткѣ, поддерживаемой руками храбрыхъ. вмѣсто веревокъ, въ ней косы молодыхъ дѣвушекъ.

Послѣ смерти собираются родные и знакомые и надъ тѣломъ плачутъ и терзаются. Эти надгробныя причитанія называются *мирологами*. Есть наемныя плакальщицы, какъ у римлянъ, называемыя *мирологистры*, которыя съ большимъ искусствомъ изображаютъ отчаяніе и рвутъ на себѣ волосы.

Но чаще всего мать или жена покойника занимаютъ эту трудную роль. Тѣло, одѣтое въ праздничное платье, лежитъ на постели, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще не исчезъ обычай класть покойнику въ ротъ мѣдную монету. Женщины, потерявшія недавно кого-нибудь изъ близкихъ, кладутъ плоды къ ногамъ умершаго и просятъ передать ихъ роднымъ. Всѣ друзья прощаются съ нимъ и кладутъ на носилки, въ которыхъ доносятъ его до могилы, потому-что во всей Греціи, кромѣ нѣсколькихъ большихъ городовъ, роскошь гробовъ неизвѣстна.

Послѣ похоронъ бываетъ иногда обѣдъ; но такъ-какъ въ домѣ покойника не должно топить печи въ день похоронъ, то сосѣди позволяютъ стирать у себя.

Вотъ одна изъ лучшихъ современныхъ поэмъ, описывающая погребальный обрядъ и борьбу съ Харономъ. Она называется *Смерть Деспы*:

«Деспа лежитъ на смертной постели... Вокругъ нея толпятся молодые подруги, прощаясь съ нею. Бѣдная мать Деспы, съ распущенными волосами, рыдаетъ надъ тѣломъ прекрасной дочери: «Деспа моя! (говоритъ она со слезами) скажи мнѣ хоть слово, улыбнись мнѣ... открой твои свѣтлые глазки... Какъ ты была хороша, какъ добра! И кто позавидовалъ моему счастью? Кажется, я хорошо тебя прятала даже отъ солнца, мыла и чесала тебя въ темнотѣ, не гордилась моимъ сокровищемъ... О, моя Деспа! Ты спишь, ты хочешь помучить мать и потомъ утѣшить ее поцалуемъ. Вставай же, дитя мое не терзай меня, душа моя... слышишь Деспа?... отвѣчай же... Не правда ли, что она что-то сказала—вѣдь вы слышали?..»

И несчастная мать покрывала собою тѣло молодой дѣвушки, цалуя ее въ губы и глаза.

«Деспа, ты не слушаешься матери (продолжала она), ты хочешь оставить меня одну, жестокая! но сжапись, если не надо мною, то надъ Димосомъ... вѣдь ты любила твоего Димоса... Вотъ онъ пріѣхалъ, Деспа! Деспа, слышишь ли, вотъ Димось. Онъ привезъ тебѣ изъ Венеціи много подарковъ, посмотри, Деспа!»

Но Деспа не отвѣчаетъ матери. Она держитъ въ одной рукѣ распятіе, въ другой вѣтку базилики, которая еще не успѣла завянуть на груди покойницы.

Ночью понесли Деспу къ послѣдному ея жилищу и молитвы священника смѣшивались съ шумомъ потока.

Варугъ показался всадникъ въ богатой одеждѣ на черномъ конѣ. При свѣтѣ луны онъ видитъ процессію и слышитъ страшныя слова: «Димось, Харонъ, позавидовалъ твоему счастью: онъ унесъ твою вѣвсту.

Димось молча сходить съ лошади, цалуетъ въ лобъ Деспу, потомъ, вскочивъ на коня, исчезаетъ изъ виду.

Онъ не скачетъ, а летитъ быстрѣе облаковъ, скорѣе звѣздъ.

«Что это за красивый всадникъ! вскричали души. Откуда онъ? А, это Димось! Зачѣмъ ты пріѣхалъ сюда, Димось?»

— За душою моею Деспы.

— Наврядъ-ли ты вернешься отсюда; зачѣмъ ты не оставилъ друзей коня и сѣдло? сказалъ Харонъ и хотѣлъ схватить его за волосы.

— Будемъ лучше бороться, сказалъ Димось. Если ты побѣдишь, то бери мою душу; если же нѣтъ, то отдай душу Деспы.

Харонъ согласился на бой и Димось успѣлъ повалить Харона, но тотъ схватилъ его за волосы и унесъ съ собою.

Вотъ еще другая поэма подъ названіемъ *Миценіе*.

«Маркъ всегда веселъ, какъ весенній день; Іоаннъ скученъ, какъ

пасмурный вечеръ. Въ домѣ Марка слышны пѣсни; въ домѣ Іоанна всегда тишина.

Вотъ въ ущельи стѣитъ человекъ съ ружьемъ, ожидая добычи. У него длинная борода, которую онъ не смѣетъ сбрить прежде, чѣмъ не отмститъ за смерть отца. Это Іоаннъ, который поджидаетъ Марка.

Наступила ночь, и Маркъ, вырвавшись изъ объятій жены, пошелъ къ кораблю, на которомъ ѣдетъ за наслѣдствомъ. Молодой человекъ счастливъ, потому-что думаетъ только о подаркахъ для своей вѣр-расной Ѳотини, но вдругъ привычное ухо охотника отличаетъ чужіе шаги. Онъ останавливается и пуля пролетаетъ надъ его головою. Маркъ выстрѣлилъ въ кустъ, откуда въ него цѣлили, и ожидалъ снова неприятеля, но кругомъ было все тихо. Маркъ зарядилъ ружье, вынулъ ятаганъ и пошелъ въ кустъ. Тамъ онъ увидѣлъ умирающаго Іоанна. «Божій судъ! вскричалъ Маркъ и быстро пошелъ къ гавани, не замѣчая, въ сильномъ волненіи, что, наклоняясь къ убійцѣ, онъ уронилъ свое обручальное кольцо. Съ разсвѣтомъ корабль снялся съ якоря и Ѳотини провожала его глазами съ террасы своего дома, потому-что мужъ запретилъ ей провожать его. Къ-чему лишнія слезы!

Іоаннъ чувствовалъ приближеніе смерти и видѣлъ отъѣздъ Марка. «Кто отмститъ за меня? шепталъ онъ, и въ эту минуту увидѣлъ кольцо врага и приближающагося монаха.

На другой день, въ домѣ Ѳотини пришелъ монахъ и сказалъ ей:

«Дочь моя, покорись волѣ Божіей... Вчера, проходя ущелье, я исповѣдалъ умирающаго, который поручилъ мнѣ отдать тебѣ это кольцо и сказать, что ты свободна. «Меня убилъ Іоаннъ...» говорить несчастный... скажи моей Ѳотини, чтобъ она въ этотъ же годъ выбрала себѣ мужа, который бы отмстилъ за мою смерть. Если она не послушается моей послѣдней воли, то на нее падетъ мое проклятiе...

Воля покойника священна, и потому ровно черезъ полгода Ѳотини праздновала другую свою свадьбу.

Въ эту ночь прибылъ въ гавань корабль и на немъ Маркъ съ большимъ богатствомъ. Въ нетерпѣніи увидѣть жену послѣ долгой разлуки, онъ первый выскочилъ на берегъ и побѣжалъ къ своему дому. Какъ сильно билось его сердце, когда онъ входилъ въ свальню Ѳотини... Но вдругъ страшный крикъ остановился у него въ горлѣ...

Бѣдный Ліакурось! зачѣмъ ты не выбралъ въ жены молодую дѣвушку? Развѣ у насъ мало красавицъ и бѣлокурыхъ и черноволосыхъ...

На другой день, когда сосѣдки пришли поздравлять новобрачныхъ, то нашли мертвыя тѣла ихъ, задушенныя руками Харона.»

* Очень-хороша тоже поэма *Gandé*. Это — молодая дѣвушка, которая ждетъ своего жениха пятнадцать лѣтъ. Напрасно отецъ упрашиваетъ ее выйти за другаго, чтобъ успокоить ея старость, она отказывается, потому-что обѣщала Кицо ждать его. Напрасно богатый владѣлецъ предлагаетъ ей свою руку: она остается вѣрна сво-

ему женику. Наконецъ, отецъ умираетъ; она принуждена сама работать для пропитанія; сосѣдки смѣются, что красота ея завяла и толкуютъ о смерти Кицо, о его измѣнѣ, о веселой жизни въ землѣ «ранковъ»: Гаиде все переноситъ и все ждетъ своего жениха.

Однажды, въ праздникъ жатвы, она сидѣла одна на пригоркѣ, не принимая участія въ веселіи, какъ завянувшая вѣтка на цвѣтущемъ кустѣ... Вдругъ лицо ея оживляется, глаза блестятъ, блѣдныя щеки покрываются румянцемъ... она слышитъ голосъ своего Кицо, видитъ его самого, прекраснаго и радостнаго, и бросается въ его объятія.

«— Я ждала тебя пятнадцать лѣтъ, прощентала она.

— Прости меня, Гаиде, отвѣчалъ Кицо... твоя вѣрность тронула меня и за гробомъ; я пришелъ самъ за тобою съ того свѣта. Харонъ не хочетъ больше разлучать насъ».

— Если мы обратимся теперь къ Германіи, то найдемъ въ ней слѣдующія литературныя новости:

Эмиль Ку (Kuh), извѣстный своими поэмами и повѣстями, издалъ *Характеристику Фридриха Геббеля* въ трехъ частяхъ. Въ первой разсматриваетъ авторъ сочиненія Геббеля въ литературномъ, историческомъ и эстетическомъ ихъ значеніи; во второй содержится біографія поэта, наполненная множествомъ анекдотовъ самыхъ занимательныхъ и очерки семейной жизни; въ третьей — сравненія суждений главныхъ германскихъ писателей о лучшихъ оригинальныхъ драмахъ Геббеля: Маріи, Юліи, Юдион, Магдалины, Агнесы Бернауэръ и проч.

«Aus der Welt des Herzens.» Подъ этимъ изысканнымъ названіемъ вышелъ въ свѣтъ романъ Освальда Тидемана. Конечно, въ этомъ мирѣ *сердца* нѣтъ ничего новаго, но онъ представляетъ занимательную картину внутренней жизни. Вышли также «Поэмы» Германа Кетте». Если авторъ былъ болѣе-разборчивъ, поэмы его были бы еще лучше. Газеты ихъ очень хвалятъ, между-прочимъ нью-йоркскія. Въ Нью-Йоркѣ издаются двѣ нѣмецкія газеты. Первая, *Die Schnellpost*—довольно-слабое изданіе; вторая, *Люциферъ*, ниже всякой критики. На шплетѣ ея изображенъ козелъ, прыгающій черезъ кружку пива.

Въ Берлинѣ издаются теперь *сто-восемьдесятъ* периодическихъ листовъ. Изъ нихъ 18 теологическихъ, 27 беляетристическихъ, 12 медицинскихъ и ботаническихъ; потомъ нѣсколько географическихъ, историческихъ, филантропическихъ, военныхъ, музыкальныхъ, агрономическихъ, охотничьихъ, кожноводскихъ, шахматныхъ, два стенографическіе и т. д.

На-дняхъ вышла любопытная книга для всѣхъ путешественниковъ, подъ названіемъ: «Развалины и Музеи Рима», соч. Эмиля Брауна.

Авторъ извѣстенъ своими основательными и обширными познаніями, какъ стараго, такъ и новаго Рима. Вотъ еще нѣсколько новыхъ нѣмецкихъ сочиненій:

«Островъ Сардинія». Историческое описаніе нынѣшняго состоянія этого острова, съ отношеніями его къ Италиі, сочиненія Нейгебура. Авторъ посѣтилъ Сардинію въ 1851 году и воспользовался всѣми источниками для составленія своей книги.

«Духовный годъ». Собрание религиозныхъ поэмъ Аннеты Дросте Гюльстофъ. Сочинительница этихъ гимновъ уже скончалась, и почитатели дарованія ея собрали оставшіяся послѣ нея сочиненія.

«Исторія Китайской Имперіи», соч. Гуцлафа, отъ древнѣйшихъ временъ до нанкинскаго мира. Знаменитый миссіонеръ и синологъ двадцать лѣтъ провелъ въ Китаѣ и между китайцами. Это плодъ долговременныхъ изученій и личныхъ наблюденій. Всѣ китайскія названія написаны по нѣмецкому выговору буквъ и потому могутъ служить нормою для будущихъ географовъ и путешественниковъ.

«Путешествіе вокругъ свѣта въ 1844 — 1847 годахъ», графа Карла Гёрца. Свѣжесть, живость и вѣрность картинъ, живое участіе къ природѣ и людямъ, составляютъ отличительное качество этой книги; сверхъ-того, авторъ нигдѣ не преувеличиваетъ, ничего не вымышляетъ. Въ путешественникѣ это — рѣдкость.

«Корсика» Фердинанда Грегорюиса, въ двухъ частяхъ. Исторія корсиканцевъ столько же отличается отъ прочихъ народовъ, какъ и характеръ ихъ. Сочиненіе это чрезвычайно-занимательно.

Ansichten der Natur, соч. Александра Гумбольдта. Третье исправленное и умноженное изданіе. Извѣстно, что, по возвращеніи автора изъ Америки, гдѣ онъ удивительною ученою дѣятельностью положилъ основаніе заслуженной своей славы, издалъ онъ въ первый разъ свои картины природы. Книга его была написана не только для однихъ ученыхъ, но увлекательностью своею говорила воображенію толпы. Со времени этого перваго изданія прошло полвѣка. Нынѣшнее изданіе увеличено почти вполонину противъ прежняго; нѣсколько главъ составлено вновь. Ученыя объясненія всѣ пополнены и вся книга вполне удовлетворяетъ нынѣшнему состоянію наукъ и познаній.

«Портной». Романъ въ трехъ частяхъ Карла Гольтея. Герой романа — театральнй портной. Но о театрѣ мало говорится въ романѣ; только нѣсколько фигуръ, какъ, напримѣръ, юмористическій сулмеръ Штиль, гениальная актриса Гравелли и Эмма Таубе, взяты изъ закулиснаго міра. Самъ герой дѣйствуетъ большею-частью въ ремесленномъ кругу и болѣе своего въ домѣ своего хозяина и учителя. Есть сцены и изъ высшаго круга. Нѣкоторыя изображены вѣрно и эффектно. Напримѣръ, эпизодическій рассказъ о Цецили и домашнемъ учителѣ.

Въ Нью-Йоркѣ издается еще одинъ ежемѣсячный сборникъ подъ названіемъ *Monaths-Heft*. Первая книга была напечатана въ числѣ 6000 экземпляровъ; второй потребовалось больше. Цѣна книги 25 цент. (37½ коп. сер.) съ двумя гравюрами и модною картинкою. При усиленіи германскаго народонаселенія въ Соединенныхъ Штатахъ нельзя удивляться этому числу подписчиковъ. Даже въ Калифорнію потребовано нѣсколько экземпляровъ. Статьи журнала не всегда оригинальныя и болѣею частью перепечатаны изъ нѣмецкихъ журналовъ. Но какъ съ Америкою Германія не имѣетъ трактата для обезпеченія литературной собственности, то это перепечатываніе допускается обычаемъ.

Вотъ еще собраніе произведеній Александра Гумбольдта подъ названіемъ :

— *Kleinere Schrifte* (малкія сочиненія). Уже нѣсколько лѣтъ литература наводнена безчисленными записками и мемуарами; но послѣ перваго любопытства публики, произведенія эти перестали производить эффектъ, потому—что въ нихъ менѣе всего правды, и читатель съ недоувѣрчивостію принимаетъ ихъ, если даже они подписаны знаменитыми именами. Ученыя, геогностическія замѣтки Гумбольдта никакъ не могутъ принадлежать къ числу всендневныхъ записокъ ни по содержанію, ни по изложенію. Самъ знаменитый ученый представляетъ слѣдующій анализъ своей книги.

«Первую часть посвятилъ я геогнозій Кордильеровъ Южной Америки, геогностическому описанію волкана Пичинчи, Боготы въ Новой Гренадѣ съ гигантскими ископаемыми костями, и двумъ восхожденіямъ на Чимборазо. Что касается до Пичинчи, я еще не печаталъ ничего о восхожденіи на него; объ остальныхъ же путешествіяхъ было описаніе въ *Deutsche Vierteljahrsschrift* и въ *Annuaire Astronomique*, Шумахера; но оно извѣстно только небольшому числу читателей. Смѣлость ученаго Себастьяна Висса и молодого Гарсиа Морено, рѣшившихся, изъ любви къ наукѣ, провести нѣсколько ночей въ кратерѣ Руку—Пичинчи, удивить и поразить каждаго читателя.»
 Рассказъ этотъ былъ нѣсколько лѣтъ тому напечатанъ въ *Revue Indépendante*, но въ неполномъ видѣ и съ многими ошибками. Теперь Гумбольдтъ самъ исправилъ его.

Послѣ геогностическихъ воспоминаній, Гумбольдтъ приводитъ три трактата физики: теорію изотермическихъ линій, которая не была нигдѣ напечатана; о составленіи воздуха и о увеличеніи звука ночью. Послѣдній трактатъ былъ помѣщенъ въ *Annales de chimie et de physique*.

Потомъ авторъ разсуждаетъ о размѣщеніи жара на всей поверхности земнаго шара. Невозможно не выписать поэтической страницы народнаго преданія о переворотахъ въ природѣ. Въ каждомъ народѣ есть подобныя легенды; но знаменитый писатель имѣетъ особенное пристрастіе къ вымысламъ жителей Новаго Свѣта.

«Долина Боготы (говоритъ Гумбольдтъ) имѣетъ особенный климатъ и собственныя свои преданія. Она, какъ Мехика, закрыта со всѣхъ сторонъ, и воды стекаютъ только въ узкій проходъ, называемый Текендама, безъ чего вся долина давно бы превратилась въ озеро. Преданіе туземцевъ говоритъ, что это и было прежде, когда луны не было еще на небѣ и когда въ горахъ жилъ дикій народъ мозкасы, которые не умѣли ни воздѣлывать землю, ни молиться.

Въ эту эпоху явился человекъ почтенной наружности, но другой породы, нежели мозкасы, по имени Ботчика; этотъ мудрецъ пришелъ съ Востока, какъ Манко Капакъ, и началъ учить горцевъ сѣять маисъ, одѣваться, слушаться старшихъ; установилъ у нихъ религію и гражданскія постановленія. Къ—несчастью, у Ботчика была жена Гюнтака, злая женщина, которая не могла видѣть добра на землѣ и старалась разрушить все, что постановилъ ей мужъ. Она волшебствомъ подвинула воду озера, и оно затопило всѣ берега, такъ—что немногіе жители могли спастись въ горахъ. Мудрецъ разсердился на жену и

прогналъ ее съ земли. Она удалась на небо и стала свѣтить оттуда луною къ большому удивленію мозкасовъ, которые точно также, какъ и предки аркадійцевъ, не были освѣщены ночью тихимъ свѣтомъ луны.

«Ботчика хотѣлъ исправить вредъ, причиненный мозкасамъ жесою и, разломавъ на-двое одну гору, сдѣлалъ отверстие, въ которое ушла вода и изъ озера сдѣлалась цвѣтущая долина Боготы».

Эта басня напоминаетъ великана Казнапа, который въ Капширской Долинѣ тоже раздвинулъ горы, чтобъ пропустить воду, наводнившую страну.

«Мудрецъ собралъ людей въ долину, выучилъ ихъ строить города, поклоняться солнцу и составилъ систему политическаго управленія, похожую на правленіе въ Мероэ и у буддистовъ Тибета, гдѣ власть была раздѣлена между гражданскою и духовною особою.

«Окончивъ свой трудъ, старецъ удался въ долину Ирака и жилъ тамъ двѣ тысячи лунъ».

Этотъ мифъ встрѣчается у многихъ народовъ Азии съ немногими измѣненіями. Ботчика—добро, или олицетвореніе солнца, Гюнтака—зло, или луна, производящая приливъ и отливъ. Люди никогда не сознаются, что улучшенія въ жизни ихъ произошли постепенно, сообразно съ требованіями; они скорѣе припишутъ это волшебству и выдумаютъ поэтическую сказку. Въ Греціи и Азии, въ Египтѣ и на островахъ Великаго Океана встрѣчаются одни и тѣ же повѣрья, та же страсть къ сверхъестественному.

Сборникъ Гумбольдта очень-пріятная и полезная книга, которая доставитъ удовольствіе всѣмъ читателямъ. Прѣвосходный языкъ писателя извѣстенъ; объ успѣхѣ тоже говорить нечего, потому-что всѣ произведенія великаго естествоиспытателя принимаются публикою съ восторгомъ.

— Гофманъ фон-Фаллерслебенъ, путешествовавшій съ ученою цѣлью по Голландіи и Бельгіи, недавно прибылъ въ Веймаръ. Недавно вышло изъ печати изданное имъ собраніе стихотвореній, служащее дополненіемъ къ смѣси нѣмецко-латинской поэзіи (Deutsch-lateinische Mischprose) отъ древнѣйшихъ временъ до нынѣшней поры, подъ заглавіемъ «In dulci júbilo». Онъ въ компаніи съ Оскаромъ Шаде, думаетъ основать новый журналъ въ Веймарѣ.

— Главныхъ политическихъ газетъ въ Берлинѣ пять. Болѣе всѣхъ расходуется «Vossische Zeitung» она сбываетъ 12,000 экземпляровъ. За ней слѣдуетъ древняя ея соперница, такъ-называемая «Spenerische Zeitung», которая расходуется въ 8000 экземплярахъ. «Die Zeit», еще недавно-основанная, какъ оціанальная газета; сбываетъ 6000 экземпляровъ; «Nazionalzeitung» — около 6000 экземпляровъ. «Новая прусская газета» («Kreuz-Zeitung») расходуется въ 3000 экземплярахъ.

— Въ Берлинѣ ходитъ подписка на учрежденіе памятника умершему въ прошломъ году поэту, Лудвигу Тику. До-сихъ-поръ собрали только около 600 талеровъ. Такая сумма недостаточна даже и для самаго скромнаго памятника.

— Проживающій въ Берлинѣ молодой филологъ докторъ Дасенсъ, одаренный прекраснымъ критическимъ талантомъ, издалъ въ свѣтъ подъ заглавіемъ «Вальтеръ фонъ дер-Фогельвейде» (Walther von der Vogelweide) брошюру, которая поясняетъ многое въ жизни и сочиненіяхъ этого древняго германскаго поэта. Не только для ученыхъ, но и для любителей литературы вообще любопытно будетъ это маленькое сочиненіе.

— Подъ заглавіемъ «Негмен» недавно вышло въ свѣтъ собраніе стихотвореній молодаго поэта Гейзе, получившаго отъ нынѣ царствующаго баварскаго короля пенсію въ 1000 гульденовъ. Въ этомъ собраніи помѣщены многія стихотворенія, ужъ прежде напечатанныя въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ; кромѣ того, «Zwölf Idyllen aus Sontent» и одно большое стихотвореніе «Perseus».

— Недавно вышли въ свѣтъ два очень-важныя для сочиненія древне-германской литературы: «Thomas Murner's Ulenspiegel» (Eulenspiegel), изданіе И. М. Лаппенберга, и «Sebastian Brant's Narrenschiff», изданіе Царике. Оба сочиненія показываютъ большое трудолюбіе авторовъ и совершенно выполняютъ задачу. Первое поясняетъ не только личность Мурнера, но и его эпоху.

— Робертъ Гизеке, извѣстный публикъ, какъ авторъ нѣсколькихъ весьма-интересныхъ романовъ, недавно написалъ трагедію въ стихахъ, подъ заглавіемъ «Der Burgermeister von Berlin» (Берлинскій Бургомистръ), сюжетъ которой заимствованъ изъ романа «Johannes Rathenow», соч. А. фон-Штераберга (1). Трагедія г. Гизеке дана была въ Лейпцигѣ, но имѣла не болѣе, какъ succès d'estime. Г. Гизеке недавно принялъ редакцію «Novellenzeitung», выходящей у Отто Шпамера въ Лейпцигѣ, и при которой онъ ужъ нѣсколько лѣтъ былъ весьма-дѣятельнымъ сотрудникомъ.

— Теодоръ Фонтанъ (Theodor Fontane), который въ началѣ этого года, вмѣстѣ съ Францомъ Куглеромъ, издалъ беллетристическій альбомъ «Argo», готовится къ изданію новую книгу, состоящую изъ лондонскихъ писемъ. Эти письма, изъ которыхъ многія ужъ были напечатаны въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и особенно въ журналѣ «Atlantis», выходящемъ у братьевъ Кацъ въ Дессау, не касаются политики, но за-то такъ увлекательно описываютъ лондонскую жизнь и самый городъ, какъ ни одна изъ современныхъ книгъ.

— Въ типографіи Тровича, въ Берлинѣ, недавно напечатанъ былъ *Ревизоръ* Гоголя въ нѣмецкомъ переводѣ Августа фон-Видерга. «Ревизоръ» на нѣмецкомъ языкѣ, однако, не явился въ свѣтъ для продажи, а напечатанъ подъ названіемъ манускрипта, лишь для однихъ театровъ. На заглавномъ листкѣ сказано: *Vüßpenmanuscript*. Нѣмецкіе литераторы обыкновенно печатаютъ свои драматическія произведенія въ видѣ манускрипта, потому-что, когда пьеса является въ продажѣ, какъ книга, всѣ театры въ Германіи пользуются правомъ ставить пьесу на сцену. Только въ Пруссіи существуетъ недавно-вышедшій

(1) А. Фон-Штерабергъ, одинъ изъ самыхъ любимыхъ публикой авторовъ въ Германіи, мѣсяца полтора назадъ умеръ въ бѣдности.

законъ, что директоры театровъ и въ этомъ случаѣ не имѣютъ права ставить на сцену пьесу, безъ согласія автора. До-сихъ-поръ еще ни одна пьеса, переведенная въ русскаго, не была поставлена на сцену въ Германіи — тѣмъ любопытнѣе на насъ будетъ узнать, какое впечатлѣніе произведетъ на нѣмцевъ чисторусская комедія (2). Мѣсяца полтора назадъ, г. Видертъ читалъ публично въ Берлинѣ свой переводъ. При этомъ чтеніи присутствовали извѣстнѣйшіе берлинскіе литераторы и они всѣ согласны въ томъ, что комедія эта на всѣхъ театрахъ Германіи должна будетъ имѣть успѣхъ. Знаменитый актеръ Дѣрингъ, который два раза слышалъ эту пьесу и болѣе всѣхъ другихъ берлинскихъ актеровъ заинтересовался ею, съ нетерпѣніемъ ждетъ, чтобъ она была принята на Королевскомъ Театрѣ. Онъ желаетъ играть роль Городничаго.

— На Готбургтеатрѣ, въ Вѣнѣ, который наравнѣ съ берлинскимъ занимаетъ первое мѣсто въ Германіи, готовятъ къ осени новую драму: «Der Pretendent» (Претендентъ), сочиненіе Альфреда Мейсснера, извѣстнаго въ драматической литературѣ своею трагедіею «Reginald Armstrang» (Регинальдъ Армстрангъ). Говорятъ, что и новая пьеса его можетъ ожидать того же успѣха. О повѣствовательномъ талантѣ Альфреда Мейсснера ужь упомянуто въ 3-мъ номерѣ «Отечественныхъ Записокъ». Альфредъ Мейсснеръ, внукъ Августа Мейсснера, извѣстнаго въ нѣмецкихъ бібліотекахъ для чтенія безчисленными своими романами («Алкивиадъ», «Біанка Капелло» и проч.), выступилъ на поприще литературы съ своими «Gedichte» (стихотвореніями), которыя поставили его рядомъ съ лучшими современными стихотворцами Германіи.

— Болѣе всего литературныхъ новостей во Франціи. Прежде всего назовемъ нѣсколько любопытныхъ сочиненій по разнымъ отраслямъ наукъ Литература, вышедшая въ послѣднее время въ Парижѣ.

— *L' Expedition de Siam au XVII siècle (Сіамская Экспедиція въ XVII вѣкѣ)*, соч. Этьенна Галуа. Многія происшествія царствованія Лудовика XIV до-сихъ-поръ оставались неразгаданными; и если въ послѣднее время не издали нѣкоторыхъ неизвѣстныхъ документовъ, публика до-сихъ-поръ не знала бы правды. Сужденія писателя о сношеніяхъ Франціи съ Сіамомъ въ XVII вѣкѣ состояли только въ насмѣшкахъ надъ посланниками-сіамцами и надъ довѣрчивостью великаго короля, который только передъ этимъ принималъ генуэзскаго дожа. Современники много писали о великолѣпныхъ праздникахъ, данныхъ по этому случаю, о роскошныхъ подаркахъ, предложенныхъ сіамскимъ королемъ Лудовику XIV, о костюмѣ азіатскихъ посланниковъ; но никто не говорилъ ни слова о цѣли этого посольства. Были даже люди, удивлявшіеся, что посольство это совсѣмъ

(2) Комедія «Горь отъ ума» Грибоѣдова существуетъ ужь въ трехъ нѣмецкихъ переводахъ, но до-сихъ-поръ ни однимъ директоромъ театровъ въ Германіи не поставлена на сцену, хотя по-большой-части они всѣ признають ея достоинства.

не существовало и что это была одна комедія, придуманная нѣкоторыми министрами, чтобъ развлечь короля и польстить его самолюбію тѣмъ, что самые отдаленные народы добивались его покровительства и чести быть ему представленными. Никто не спорить о томъ, что Лудовикъ XIV не былъ самолюбивъ. Да и кто могъ устоять противъ обольщеній славы и величія? Но изъ этого никакъ нельзя выводить, что посланники Сіама были переодѣтые французы, заучившіе свои роли для версальскаго маскарада. Этьеннъ Галуа опровергаетъ это мнѣніе въ своей книгѣ и доказываетъ подлинными документами достовѣрность сіамскихъ посланниковъ. Въ справедливости же этихъ документовъ никакъ нельзя сомнѣваться, потому-что автору этой книги поручено издать *коллекцію неизданныхъ историческихъ документовъ Франціи*, и въ рукахъ его находятся всѣ бумаги правительсва. Стало-быть сіамское посольство было не маскарадомъ, а политическимъ дѣломъ, внушеннымъ Лудовику XIV Кольберомъ, который, заботясь только о пользѣ Франціи, хотѣлъ уменьшить власть голландцевъ въ Индіи и устроить тамъ французскую торговую контору. Министръ короля сіамскаго вступилъ въ переговоры по этому дѣлу. Это былъ знаменитый искатель приключеній Констансъ Фольконъ, испытавшій въ своей жизни и завидную участь и страшныя несчастья. Онъ былъ преданъ Франціи и взялся устроить французскую торговую колонію, для чего и отправилъ къ Лудовику XIV посольство. Къ-несчастью, Констансъ Фольконъ умеръ неожиданно, и союзъ Сіама съ Франціею разстроился точно такъ же, какъ проектъ колоніи.

— *Voyage en Chine (Путешествіе въ Китай)*, соч. капитана Монфорта. *Une ambassade française en Chine (Французское посольство въ Китай)* соч. де-Ферриеръ ле-Вайе. Обѣ эти книги написаны объ одномъ и томъ же предметѣ, стало-быть ихъ можно и разсматривать вмѣстѣ. О Китаѣ ничего нельзя сказать новаго, потому-что эта страна находится въ неподвижномъ положеніи ужъ нѣсколько вѣковъ; развѣ только послѣднія происшествія пробуждаютъ этотъ народъ отъ вѣчнаго сна. Давно ли Европа ничего не знала положительнаго объ этой сказочной Небесной Имперіи; но съ-тѣхъ-поръ, какъ Англія вошла съ ней въ дружественныя сношенія — пушечными выстрѣлами, Франція и Соединенные Штаты воспользовались небольшимъ отверстіемъ, сдѣланнымъ въ китайской стѣнѣ, и бросились всѣ туда; миссіонеры, моряки, дипломаты поспѣшили въ эту страну и начали писать о ней. Лагрене первый издалъ нѣсколько сочиненій о Китаѣ. Теперь два путешественника: морской капитанъ и секретарь посольства издають въ одно время свои путевыя записки.

Разница положенія и характера двухъ писателей видна на каждомъ шагу. У капитана Монфорта можно найти самыя вѣрныя свѣдѣнія о торговлѣ и навигаціи. Онъ подробно описываетъ, какой грузъ можно привозить и гдѣ прибыльно продавать его. Онъ изучилъ всѣ берега моря, знаетъ глубину гаваней, время прилива и отлива, словомъ: всѣ матеріальныя средства страны.

Секретарь посольства де-Феррьеръ совсѣмъ не такой положительный человѣкъ. Онъ еще молодъ, пылокъ, принадлежитъ къ луч-

шему кругу, и потому его занимает только наружная сторона *всѣхъ* предметовъ: живописность *мѣстоположеній*, странность *типовъ*, нестерота *костюмовъ*.

Оба сочиненія написаны превосходно; но чтобъ имѣть полное понятіе о Китаѣ, надобно непременно прочитатъ ихъ вмѣстѣ. Если у де-Феррьера мало подробностей о нравахъ жителей, это оттого, что свѣтскій секретарь посольства не могъ, какъ нецеремонный капитанъ, vybrитъ себѣ голову, надѣть вмѣсто *фрака* балахонъ на *мѣху* и отправиться въ Нанкинъ, выдавая себя за жителя Формозы. Монфортъ увѣряетъ, что Китай и столица его совсѣмъ не такъ неприступны, какъ утверждаютъ многіе путешественники. Стоять только *нарядиться* китайцемъ — и васъ вездѣ пропустятъ.

Разумѣется, нетрудно замаскироваться китайцемъ тому, кто не видитъ въ этомъ униженія своего достоинства; но самъ же капитанъ рассказываетъ столько исторій о хитрости китайцевъ, о придирчивости ихъ, о безнаказанности притѣсненій, дѣлаемыхъ европейцамъ, и о ненависти къ нимъ, что послѣ этого надобно имѣть много смѣлости и любознательности, чтобъ отважиться на подобное опасное путешествіе. Замѣчательно, что капитанъ Монфортъ не старается хвастать своимъ героизмомъ и въ разказахъ его совсѣмъ нѣтъ *фанфаронства* и шарлатанства; напротивъ, онъ говоритъ очень-просто о своихъ приключеніяхъ, не стараясь казаться интереснымъ, потому-что ищетъ не *эффектовъ*, а только пользы. Онъ осматрѣлъ Макао, Кайтонъ, Амой, Нинг-Шю, Ганг-Чу, то-есть видѣлъ вездѣ базары и количество товаровъ. Въ Нанкинѣ онъ не нашелъ ничего примѣчательнаго; только дворцы и храмы показались ему странной архитектуры, которую онъ не беретъ описывать, сознавая, что ничего въ ней не понимаетъ. Однако, не надобно предполагать, чтобъ капитанъ не обращалъ никакого вниманія на искусство. Онъ очень-много описываетъ китайскихъ живописцевъ и *ремесло* ихъ. Живопись въ Китаѣ — ремесло, потому-что есть правила, установленныя для всѣхъ живописцевъ, имѣющихъ право только выбирать краски. Вотъ почему китайскій артистъ изображаетъ вѣчно одинъ и тотъ же сюжетъ, одно положеніе, одинъ *эффектъ*, какъ классики писали свои трагедіи, не смѣя нарушить правилъ классицизма.

Какой же успѣхъ можетъ быть у этого народа, когда онъ во всемъ слѣдуетъ прежнимъ правиламъ, не смѣя развить свою мысль? За тысячу лѣтъ китайцы были чрезвычайно образованы; но такъ-какъ съ-тѣхъ-поръ они не подвинулись ни на шагъ впередъ, то теперь впади опять въ дѣтство. Вообразите себѣ лошадь, которая вѣчно бѣгаетъ на кордѣ въ своемъ манежѣ. Событія поневолѣ заставляютъ китайцевъ принять новый путь. Тайныя общества составлены были въ Китаѣ еще во время войны съ англичанами и правительство покровительствовало имъ. Когда капитанъ Монфортъ посѣщалъ эту страну, въ 1846 году, общества эти усилились такъ, что правительство хотѣло ужь ихъ уничтожить, но не имѣло силы. Эта борьба окончилась, какъ извѣстно, возстаніемъ, которое, трудно сказать, чѣмъ окончится. Всею *вѣроятіемъ*, что инсургенты переимѣнятъ династію, переимѣ-

вить и нравы, и тогда китайская стѣна не будетъ существовать для другихъ народовъ. И это предположеніе несосвѣмъ-вѣроятно, потому-что характеръ китайцевъ самый странный, упрямый, постоянный, такъ-что наврядъ ли они согласятся отказаться отъ своихъ привычекъ.

Вообще книга капитана Монфорта написана занимательно и умно, и онъ можетъ похвастаться лучшимъ чичироме этой загадочной страны. Описанія его вѣрны, сужденія добросовѣстны, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны даже проблески поэзіи; смѣлый путешественникъ не исключительно занимается торговлею и мореплаваніемъ. Въ предисловіи онъ говоритъ, что никогда бы не рѣшился издавать свои замѣчанія, если бы Луи Мери (братъ извѣстнаго писателя, которому онъ посвятилъ свою книгу) не помогъ ему своими совѣтами и не заставилъ ее напечатать. Эта скромность дѣлаетъ честь писателю, который, вѣроятно, не замедлитъ издать еще другія путевыя впечатлѣнія, потому-что публика приняла записки о Китаѣ очень-благодарно.

Де-Феррьеръ не имѣетъ нужды скромничать, потому-что это ужъ не первое его сочиненіе и потому, что скромность — качество, неизвѣстное въ канцеляріяхъ французскихъ посольствъ; притомъ же авторъ самъ знаетъ, что слогъ его блестящій, свѣтскій, превосходно выражаетъ его собственный характеръ и положеніе въ свѣтѣ. Отъ него нельзя и требовать простоты и веселости капитана Монфорта. Де-Феррьеръ помнитъ на каждой страницѣ, что онъ секретарь посольства; что онъ не смѣетъ увлекаться своими собственными ощущеніями. Вотъ почему путешествіе его, несмотря на превосходныя описанія мѣстоположеній, картинъ, сценъ, видовъ, все-таки реляція — и больше ничего. Какія приключенія могутъ быть съ представителемъ государства, который, не зная препятствій, входитъ вездѣ съ огромною свитою, котораго встрѣчаютъ ласково, стараются угождать ему, исполнять всѣ его прихоти! Разумѣется, что подобный сибаритъ видитъ все съ хорошей стороны, не предполагая даже, что въ странѣ этой можетъ быть что-нибудь дурное. Это ужъ выходитъ не путешествіе, а прогулка для удовольствія.

Однако, несмотря на эти препятствія къ развитію занимательности разсказа, де-Феррьеръ умѣлъ увлечь читателя поэтическими описаніями и нѣсколько-странными замѣчаніями, похожими на эпиграммы. Напримѣръ, описывая Суматру, онъ говоритъ о народѣ батакахъ: «они довольно образованы, потому-что у нихъ есть музыканты, поэты, судьи, и если батаки людодѣды, то это потому, что они очень уважаютъ свои древнія постановленія».

Замѣчательны тоже показанія о колоніяхъ китайцевъ, распростра-няющихся съ каждымъ годомъ и занимающихъ огромныя пространства: китайцы работаютъ неутомимо, чтобъ изъ безплодной степи, или горы, сдѣлать цвѣтущую колонію. Трудолюбіе — главная черта характера китайцевъ, съ чѣмъ согласенъ и капитанъ Монфортъ. Со-временно народъ этотъ населяетъ всѣ необитаемыя страны и вездѣ учреждаетъ дѣятельные, торговые города, потому-что торговля, требующая хитрости, расчетливости, обмана, тоже въ характерѣ китаица.

Правда, капитанъ Мон-орть встрѣчалъ жителей Небесной Имперіи пьяными, нищими, голодными, игроками, безчувственными и недобрыми, но это исключенія, и самъ онъ сознается, что причиною этого опіумъ; а вообще китайцы со всею ихъ вѣжливостію неочень-пристрастны къ удовольствіямъ и думаютъ только о пользѣ и выгодѣ, почитаая всѣ средства позволительными для ея достиженія.

Секретарь посольства очень подружился съ красной пуговицей Гуангомъ, великимъ казначеемъ и первымъ секретаремъ вице-королемъ и, послѣ безконечныхъ вѣжливостей, китаецъ написалъ французу стихи, требуя отвѣта тоже въ стихахъ. Де-Феррьеръ немного смутился, потому-что никогда еще не случалось, чтобъ въ канцеляріяхъ посольствъ были поэты, но національная гордость одушевила его и онъ написалъ нѣсколько гладкихъ стиховъ въ восточномъ духѣ. Неизвѣстно былъ ли ими доволенъ китайскій поэтъ-казначей.

— Вотъ еще книга, въ которой также бѣльшая часть посвящена Китаю.

Voyage en Chine et dans les mers et archipels de cet empire pendant les années 1847, 1848, 1849 и 1850. *Путешествіе въ Китай по морямъ и по архипелагамъ этой имперіи отъ 1847 до 1851 года*) соч. Жюрьена де-ла-Гравьера. Авторъ этой книги, капитанъ корвета *La Bayonnaise*, былъ посланъ въ 1847 году французскимъ правительствомъ въ Кантонъ съ дипломатическими лицами, назначенными въ этотъ городъ. Въ это время китайское правительство отказывалось исполнить условія недавно-подписаннаго трактата съ Англіею, но пріездъ французскаго корвета въ Макао рѣшилъ миролюбиво эту ссору. Во время своего пребыванія въ Макао, въ Кантонѣ, на островахъ Филиппинскихъ, Маріанскихъ, въ Фу-Чу-Фу въ Нинг-По, Батавіи и Сингапурѣ, Жюрьенъ де-ла-Гравьеръ, какъ любопытный наблюдатель, записывалъ всѣ свои замѣчанія. Такъ-какъ путешественникъ прекрасно образованъ, отличный офицеръ и принадлежитъ къ лучшему обществу, то разсказъ его пріятенъ и увлекателенъ, какъ разговоръ умнаго, любезнаго человѣка. Исторія Китая представлена имъ въ самомъ серьезномъ видѣ. Новая извѣстія о постановленіяхъ и внутреннемъ устройствѣ этой имперіи показываютъ ее съ другой точки зрѣнія. Въ-самомъ-дѣлѣ, мнѣніе о небесной странѣ во многомъ измѣнилось съ-тѣхъ-поръ, какъ англичане принудили китайцевъ открыть европейцамъ свои гавани. Вся предполагаемая сила имперіи рушилась и мѣсто ея заступили хитрость и коварство. Еслибъ англійская армія рѣшилась идти дальше, то китайцы не могли бы никакъ остановить ее; но послѣ заключенія мира народъ этотъ опять началъ притѣснять европейцевъ и не исполнять трактатовъ. Побѣжденный на полѣ битвы, онъ остался побѣдителемъ въ дипломатическихъ проискахъ. Впрочемъ, официальные ихъ бюллетени никогда не сознавались въ пораженіяхъ и представляли ихъ, напротивъ, самими выгодными побѣдами, такъ-что теперь отдаленныя провинціи и даже дворъ не знаютъ правды. Однако статьи трактата нельзя было скрыть и китайское правительство, подписавъ ихъ, слѣдуетъ имъ только, когда исполненіе ихъ требуется военною силою. Стало-быть нанкинскій

трактатъ не принесъ никакой пользы; и если иногда европейцы допускаются въ Небесную Имперію, то ихъ встрѣчаютъ на каждомъ шагѣ такія непріятности и затрудненія, что имъ надобно много мужества, чтобъ выпутаться изъ этихъ непріятностей.

Офицеры *La Bayonnaise* испытали тоже много непріятностей, несмотря на явное покровительство правительственныхъ лицъ. Иногда, при приближеніи ихъ, цѣлое селеніе разбѣгалось и собиралось на дорогѣ, чтобъ помѣшать имъ идти дальше; въ послѣднемъ случаѣ надобно было только храбро идти въ самую толпу и китайцы, видя что не могли испугать иностранцевъ, спокойно расходились по домамъ. Главная черта характера китайцевъ — чрезвычайное миролюбіе. Это объясняется, какимъ образомъ нѣсколько сотенъ разбойниковъ могли произвести настоящую революцію и угрожаютъ существованію Небесной Имперіи.

Авторъ приводитъ также любопытныя подробности объ испанскихъ колоніяхъ на Филиппинскихъ Островахъ и голландскихъ колоніяхъ въ Батавіи. Разумѣется, онъ отдаетъ преимущество послѣднимъ, потому-что голландцы умною политикою и твердостью заставляютъ процвѣтать свои владѣнія, тогда-какъ испанцы приводятъ ихъ въ разстройство.

Наконецъ капитанъ *Байонезы* оканчиваетъ свои путевыя впечатлѣнія любопытными разсказами о королѣ острова Уалана Георгѣ и о королевѣ Помарѣ. Извлеченія изъ этой книги мы представляли нашимъ читателямъ въ прошломъ году.

— *Les Hollandais au Bresil (Голландцы въ Бразиліи)* соч. Нетчера. Въ январѣ 1500 года, два лейтенанта Колумба, Винцентъ Явезъ, Пинсонъ и Дьего де-Лепа, почти въ одно время пришли къ устью Амазонской Рѣки и открыли обширную страну, названную португальскимъ адмираломъ Педро Альваресомъ Кабралемъ *Санта Крузъ*. Потомъ французы назвали ее *Землею Бразилля* (красильное дерево) и съ-тѣхъ-поръ она сохранила названіе Бразиліи.

Эта богатая провинція принадлежала сначала Португаліи, была присоединена къ Испаніи и во время безпрестанныхъ войнъ видѣла голландцевъ, имѣвшихъ двойную цѣль: завладѣть богатыми землями и нанести вредъ Испаніи. Скоро колоніи голландцевъ начали процвѣтать и торговля ихъ сдѣлалась очень-важною.

Нетчеръ въ книгѣ своей *Голландцы въ Бразиліи* представляетъ всю исторію голландскихъ поселеній въ Новомъ Свѣтѣ. Авторъ самъ голландецъ и посвятилъ сочиненіе свое императору бразильскому, дону Педро II-му, но написалъ его по-французски, желая имѣть много читателей. Онъ не ошибся въ своемъ предположеніи, потому-что книга его занимательна и сюжетъ совершенно-новый: до-сихъ-поръ никто еще не описывалъ подвиговъ голландскихъ моряковъ въ Бразиліи.

Въ 1624 году адмиралы Якобъ Виллекенсъ и Питеръ Гейнгъ овладѣли Сан-Сальвадоромъ, который въ слѣдующемъ году былъ опять устъ испанцами и португальцами. Но компанія голландцевъ успѣла ужъ утвердить свою власть и владѣнія ихъ были такъ обширны, что графъ нассаускій Іоаннъ Морицъ былъ назначенъ губернаторомъ Гол-

ландской Бразиліи. При немъ колоніи были въ силѣ и богатство ихъ возрастало вмѣстѣ съ торговлею. Но жители состояли изъ смѣшанія португальцевъ, испанцевъ, индійцевъ, негровъ и только небольшого количества голландцевъ, и потому благосостояніе колоній не могло быть прочно. Когда Юаннъ Морицъ возвратился въ метрополию, два компаніи пошли хуже, средства ея истощались и вскорѣ явился *Вейра* — освободитель Бразиліи.

Фернандецъ Вейра пожертвовалъ для освобожденія своего отечества всѣмъ своимъ состояніемъ и даже жизнью. Объяснивъ голландцамъ войну, онъ одержалъ первую побѣду при Монте-дас-Табокасъ, и это было знакомъ всеобщаго возстанія. Голландцы долго держались съ обыкновенною твердостью и мужествомъ, но наконецъ принуждены были уступить числу, и 26-го января 1654 года сдали послѣдній городъ Ресифу Вейру.

— *La famille Aubry, Louspillac et Beautrubin. (Семейство Обри, Луспильякъ и Ботрюбенъ)* соч. Поля Мѣрса. Въ послѣднее время вышло много романовъ, какъ-будто бы это была необходимая пища для человѣческаго ума. Безъ стиховъ еще можно обойтись, но безъ романовъ никакъ.

Семейство Обри Поля Мѣрса выдается изъ цѣлаго легіона романовъ тѣмъ, что написано старательно и занимательно. Сюжетъ романа очень-простъ. Въ Почтовой Улицѣ живетъ патриархальное семейство Обри, состоящее изъ отца, строгаго старика, матери, блѣдной безответной Бригиты, двухъ сыновей, Пьера и Наталиса, и дочери Маріи. Ихъ посѣщаетъ одна старая родственница съ дочерью Мартою, прекраснымъ, но больнымъ ребенкомъ, и Наталисъ влюбляется въ чахоточную дѣвушку. Какъкъ въ послѣднее время романисты и драматурги употребляютъ во зло чахотку. Что за охота основывать свои эффекты на кашлю и осыпать постепенный ходъ неизлечимой болѣзни! Наталисъ артистъ и отправляется въ Римъ для изученія своего искусства. Когда онъ возвращается, его поражаетъ страшная вѣсть: Марта вышла замужъ за брата его, Пьера. Страданія артиста невыразимы и онъ не можетъ скрыть ихъ. Пьеръ начинаетъ подозревать жемъ въ неискренности и заставляетъ брата на дуэль; но пушотаты падаютъ изъ рукъ ихъ и они ужасаются своего преступленія. Однако Наталисъ не можетъ жить, потерявъ счастье, и застрѣливается. Марта умираетъ отъ простуды. Марія выходитъ замужъ.

Луспильякъ и Ботрюбенъ—это два комическія лица, двѣ характеристики, оживляющія идиллію.

— *Histoire de la Trappe (Исторія Траппистовъ)*, соч. Гальдена. Въ XI и XII вѣкахъ, когда всѣ западные народы, одушевленные геройствомъ рыцарства, устремились къ Гробу Господню, составилось много религиозныхъ обществъ равныхъ орденовъ. Въ эту эпоху основанъ былъ монастырь Сито (*Cîteaux*, названный такъ оттого, что въ странѣ этой было много цистернъ) въ Шалонѣ на Со-нѣ Робертомъ Альбертомъ и англичаниномъ Этьевомъ. Черезъ четырнадцать лѣтъ послѣ основанія этого убѣжища, молодой бургиново-

свѣй дворянинъ Бернаръ вступилъ въ него и самъ основалъ другой монастырь въ Клерво и сдѣлался извѣстенъ своимъ ученіемъ. Члены Сито съ 1148 года учредили до пятисотъ монастырей.

Одинъ изъ нихъ, основанный графомъ дю-Норшемъ, нахдился на границѣ Нормандіи, въ узкой долинѣ, окруженной лѣсами, орошаемой нѣсколькими источниками, которые, соединяясь, составляютъ рѣку Нюамъ. Мѣсто это съ незапамятныхъ временъ называлось Ла-Траншъ, неизвѣстно почему, и хотя аббатство назвали «Божимъ домомъ Богородицы» (Notre-dame-maison-Dieu), но его продолжали называть Ла-Транпомъ. Альбольдъ былъ первымъ аббатомъ въ Ла-Траншѣ и Бернаръ посѣщалъ его, какъ говоритъ преданіе. Еще теперь существуетъ гротъ, названный жилищемъ Бернара. Неизвѣстно, жилъ ли онъ въ немъ, или гротъ этотъ только посвященъ его памяти.

Правила Ла-Транпскаго Монастыря согласны съ предписаніями Бенедикта; это — уединеніе, бѣдность, повиновеніе, миръ, молчаніе, постъ, бдѣніе, молитва, труды и милосердіе. Эти правила сохранились еще до-сихъ-поръ у траппистовъ. Правда, что въ продолжительный періодъ времени отъ Альбольда до XVII-го вѣка, строгость правилъ значительно измѣнилась и ослабла; но ихъ долженъ былъ возстановить во всей силѣ человекъ, извѣстный прежде своею распутною жизнью, который, испивъ чашу всѣхъ наслажденій, удалился въ Ла-Траншъ. Это былъ Арманъ Жанъ Бутилье де-Рансе.

Монахи-трапписты напоминали о своемъ существованіи только благодѣяніемъ, и потому, когда революція уничтожила всѣ монастыри, епископы окружи просили сохранить Ла-Траншъ; однако правительство не хотѣло дѣлать исключеній и трапписты, подъ начальствомъ Августина Летранжа, отправились въ Швейцарію. Революція изгнала ихъ и оттуда, но притѣсненія придавали только силы монахамъ. Они напрасно искали убійца въ Европѣ и наконецъ отравились въ Америкѣ. Трапписты на короткое время возвратились во Францію, а потому опять были изгнаны, потому-что не хотѣли присягать учрежденію Имперіи. При реставраціи, они возвратились окончателно и съ-тѣхъ-поръ орденъ этотъ находится въ цвѣтущемъ положеніи. Въ 1834 году Григорій XVI учредилъ французское братство, начальникомъ котораго назначилъ аббата монастыря Ла-Транпской Богородицы съ титуломъ главнаго викарія и президента ордена Сито. Начальникъ этотъ находился въ Римѣ.

Вся эта исторія траппистовъ описана Казимиромъ Гальярденомъ, профессоромъ исторіи въ Лицѣ Лудовика-Велкаго. Кромѣ происшествій, относящихся собственно къ монастырю, авторъ прибавляетъ занимательныя подробности о роли, игранный монастырями въ средніе вѣка и о современномъ ихъ значеніи. Разсказъ Гальярдена живой и увлекательный. Сцены монастырской жизни, религиозныя церемоніи, внутренность церкви описаны имъ мастерски. Вообще, это одна изъ любопытныхъ историческихъ книгъ.

— Histoire du regne de Louis XIV (Исторія царствованія Лудовика XIV), соч. графа Локмаріа. Разсказъ о семидесяти-двухъ годахъ французской исторіи, наполненный самыми примѣчательными со-

бытіями, сжать авторомъ въ двухъ томахъ; но, несмотря на тѣсныя рамки, авторъ не пропустилъ ничего важнаго и даже не увлекся никакими происшествіями.

Есть люди, такъ высоко стоящіе надъ другими, что трудно говорить о нихъ хладнокровно, и Лудовикъ XIV принадлежитъ къ этому числу. Несмотря на то, что кости подобныхъ ему лицъ давно истлѣли, что современныя страсти угасли, историки никакъ не могутъ удержаться, чтобъ не пристать къ числу ихъ хулителей, или панегиристовъ. Нѣкоторые французскіе писатели находятъ большія ошибки въ его управленіи, осуждаютъ за уничтоженіе наутскаго эдикта, загнавшаго миллионы Французовъ за безконечныя войны, изнурившія Францію. Другіе историки, напротивъ, превозносятъ его царствованіе, какъ самую блистательную эпоху Франціи. Они напоминаютъ объ уваженіи могущества Франціи всѣми державами, исчисляютъ всѣхъ замѣчательныхъ людей, окружавшихъ тронъ короля, всѣ побѣды его. Альзасъ, Фландрія, Франш-Конте присоединились къ Франціи. Европа удивлялась этому королю. Испанская корона досталась французскому принцу; литература находилась на высокой степени и всѣ ей подражали, словомъ, никогда еще Франція не была на такой высокой степени могущества и славы.

Графъ Локмарія принадлежитъ къ партіи почитателей Лудовика XIV, но его нельзя смѣшивать съ панегиристами, потому-что онъ замѣчаетъ не одни свѣтлыя мѣста эпохи, но видитъ также и тѣни. Авторъ началъ разсказъ смертью Лудовика XIII. Кажется, онъ могъ бы выпустить первыя восемнадцать лѣтъ съ 1643 до 1661, потому-что ихъ никакъ нельзя назвать царствованіемъ Лудовика XIV. Только съ 14 мая 1661 года имя короля находится на публичныхъ бумагахъ и изображеніе его на монетахъ. До того времени управлялъ Мазарини. Впрочемъ, періодъ регентства Анны Австрійской, исторія фронды и министерства Мазарини очень-замѣчательны и придаютъ много важности и интереса шестидесяти-лѣтнему царствованію великаго короля.

— *Des substances alimentaires (О питательныхъ веществахъ)*, соч. Пайена. Вотъ книга, чрезвычайно-полезная и занимательная, потому-что написана общепонятно и изслѣдованія принадлежатъ къ ежедневнымъ примѣненіямъ. Во Франціи многія питательныя вещества въ торговлѣ бывають съ примѣсью, иногда вредною, и благодаря книгѣ Пайена, можно тотчасъ убѣдиться въ качествѣ пищи, не бывъ ученымъ химикомъ. Кромѣ-того, въ этой книгѣ объяснено вліяніе всякой пищи на желудокъ и, главное, на здоровье. Пища должна поддерживать человеческое тѣло, способствовать его развитію, внутренней теплотѣ, дыханію, органамъ. Авторъ разсматриваетъ разный родъ пищи и, руководимый теоріею и опытностью, учитъ, что именно полезно для человѣка. Напримѣръ, ученый химикъ говоритъ, что исключительно одинъ родъ пищи: мясо, хлѣбъ или овощи никакъ не могутъ быть полезны и даже въслѣдствіи вредны и непитательны, но ихъ надобно непременно мѣшать вмѣстѣ, а главное больше пить воды, которая чрезвычайно помогаетъ пищеваренію. Для развитія силъ весьма-полезно хоть три раза въ недѣлю кушать мясо.

Для каждого возраста, пола, образа жизни и даже характера, пища должна быть особенная; Пайенъ очень-ясно толкуетъ все это и даетъ самые полезные совѣты.

— Recueil des travaux de la société de sphragistique (*Собрание трудовъ Сфрагистическаго Общества*). Первое условіе для книги — простота мысли и простота названія, которое можно бы скоро запомнить. Вотъ почему Сфрагистическое Общество не могло имѣть большаго успѣха. Ученое и понятное названіе его означаетъ *смилографію*, то-есть собраніе документовъ и записокъ, относящихся къ специальному изученію печатей и гербовъ всѣхъ временъ. Слово *смилографія* неправильно составлено изъ латинскаго и греческаго, но оно принято всѣми въ наукѣ и понятно для всѣхъ.

Однако, несмотря на небольшіе недостатки, книга эта составлена добросовѣстно и заключаетъ въ себѣ много полезныхъ свѣдѣній. Въ ней собраны всѣ печати и гербы извѣстныхъ особъ среднихъ вѣковъ, происхожденіе и значеніе печатей, историческія свѣдѣнія о государственныхъ печатяхъ. Авторъ описываетъ потомъ лица, изображаемыя на печатяхъ, и приводитъ очень-любопытныя біографіи многихъ замѣчательныхъ лицъ, какъ-то Исаака Комнена, Маргариты Бургонской, Гуго IX, графа де-ла-Марша, Лудовика IX, короля французскаго, и др. Очень любопытны описанія аббатствъ, монастырей, братствъ, разныхъ церквей, коллегіумовъ. Собрано много документовъ и подробностей для составленія этой книги, истрчено много трудовъ и времени, но все-таки сочиненіе это не можетъ имѣть большаго успѣха для массы читателей. На печатяхъ болѣею частью изображались какъ въ древности, такъ и въ позднія времена тѣ же гербы государственные, провинціальныя, городскіе, семейныя, и если кто-нибудь придумывалъ печать собственно для себя, то она переходила въ потомство, если человѣкъ этотъ замѣчательный, если же нѣтъ, то не стоило и упоминаеть о ней.

— Histoire du système protecteur en France, depuis le ministère de Colbert jusqu'à la révolution de 1848. (*Исторія протекціонистской системы во Франціи со временъ Кольбера до Революціи 1848*), соч. Пьера Клемана. Безъ-сомнѣнія Кольберъ не первый изобрѣлъ средство увеличивать цѣны за привозъ нѣкоторыхъ иностранныхъ произведеній, или запрещать совершенно нѣкоторыя изъ нихъ, чтобъ не повредить національной промышленности. Прежде него Англія и Испанія приняли эти мѣры и употребляли ихъ въ болѣе-большомъ размѣрѣ. Особенно Испанія довела систему эту до крайней степени и не впускала къ себѣ почти никакихъ товаровъ. Но въ Франціи эта экономическая теорія была принята только во время министерства Кольбера.

До него французское правительство думало, что богатство націй состоитъ въ общемъ обмѣнѣ произведеній и что это болѣе сближаетъ народы, дѣлая ихъ необходимыми одинъ для другаго. Сюда писалъ слѣдующее: «Сколько есть различныхъ климатовъ, странъ и народовъ, столько и произведеній природы и искусства. Вотъ отчего провозилла торговля: у однихъ было много одного товара, у другихъ —

другого; они начали мѣняться для общей пользы и удобства, сблизались съ сосѣдами и съ дальними народами и отъ этихъ сношеній увеличивалось богатство и промышленность государствъ».

Кольберъ сначала думалъ тоже, какъ Сюлли, и по приказанію кардинала Мазарини составилъ записку въ томъ же смыслѣ. «Возьмите мои вина и шелковыя матеріи, говорила Франція, а я буду брать ваши полотна, шерстяныя ткани, кружева, рѣдкости Индіи, Китая, Японіи. Съ каждой стороны сбытъ произведеній будетъ увеличиваться вмѣстѣ съ благосостояніемъ народа и всѣ будутъ довольны и счастливы». Это было бы хорошо, еслибъ Франція и Голландія любили свои произведенія; но онѣ брали за нихъ деньги и это произвело волненіе въ умахъ тогдашнихъ экономистовъ.

«Какъ (говорили они) голландецъ привозитъ во Францію товаръ, продаетъ его за пятьсотъ эку и увозитъ деньги съ собою! У насъ остается товаръ, который скоро потребится, а у голландца будутъ чистыя деньги золотомъ или серебромъ».

Эта мысль заняла Лудовика XIV и министровъ его, и скоро вышелъ приказъ: основать во Франціи фабрики произведеній, покупаемыхъ прежде во Фландріи, Генуѣ и Венеціи, чтобъ французы пмѣли у себя все нужное и деньги не вывозились изъ королевства.

Отчего же правительство не догадалось, что Франція нисколько не бѣднѣла, покупая товары за границей? Если голландецъ продавалъ полотна на пятьсотъ эку, то покупалъ въ Бордо винъ на тысячу и, слѣдственно, преимущество было на сторонѣ Франціи, ничего не терявшей. Съ установленіемъ же новой системы, она начала дѣйствительно чувствовать убытокъ, несмотря на привилегіи, данныя національнымъ фабрикамъ. Самъ Кольберъ сознается черезъ два года, что вывозъ французскихъ винъ уменьшился, потому—что иностранцы тоже берутъ съ нихъ пошлины.

Торговля пострадала отъ таможенной системы и многія жалобы доходили до министра; но на нихъ не обращено было вниманіе, потому—что король хотѣлъ утвержденія этой теоріи, и она такъ утвердилась, что ее невозможно ужъ было уничтожить.

Даже земледѣліе потерпѣло много убытка отъ мѣръ Кольбера и пришло въ упадокъ. Не находя выгодъ отъ земледѣлства, работники перестали воздѣлывать землю и отъ этого происходилъ частый голодъ. Разумѣется, къ этому присоединились многія другія причины, но все-таки исторически доказано, что въ царствованіе короля, изумлявшаго своимъ великолѣпіемъ, и во время министерства экономъ Кольбера *осители селеній питались травою и оселудами*.

Преемники Кольбера продолжали со всюю строгостью эту систему запрещенія, и только въ половинѣ XVIII вѣка Тюрго хотѣлъ ввести систему протекторства. Но старыя идеи были сильнѣе и лишили его министерства. Въ 1786 году, онѣ были свергнуты въ свою очередь, и революція остановила всѣ вопросы торговли и промышленности.

Во время реставраціи опять началась борьба между двумя экономическими системами, до-сихъ-поръ еще неоконченная. Царь Кле-

умѣть объяснить въ своей книгѣ весь ходъ дѣйствій, всю усадку промышленности, начиная съ Кольбера и до нашихъ временъ. Несмотря на сухость предмета и на скатость слога, книга его довольно-любопытна и отличается оригинальнымъ взглядомъ.

— «De l'Italie et de l'Espagne», соч. Монлора. Авторъ этотъ извѣстенъ своею образованностью и никто лучше его не знаетъ итальятской литературы XVIII вѣка. Правда, немногие и занимаются ею, потому-что въ последнее время въ большой модѣ изучать произведенія англійскихъ и германскихъ писателей. Вотъ почему древнее отечество искусства находится въ пренебреженіи, и Монлоръ предпринялъ похвальный трудъ возстановить уваженіе къ итальятской литературѣ.

XVIII вѣкъ разбудили литературу и искусства отъ вѣчнаго сна. Это время возрожденія описываетъ авторъ и приводитъ имена писателей, отличившихся своими произведеніями.

Джузеппе Парини, ученый профессоръ, извѣстенъ своимъ краснорѣчьемъ. Онъ написалъ сатирическую поэму *Il Giorno*, въ которой осмѣялъ праздную жизнь ломбардцевъ. Парини имѣлъ огромное вліяніе и возбудилъ вкусъ къ серьезной литературѣ. Онъ одинъ изъ первыхъ понялъ гевій Альфieri.

Винченцо Монти считается официальнымъ поэтомъ и воспѣваетъ поочередно всѣхъ побѣдителей. Характеръ его непостоянный, но талантъ огромный, который произвелъ бы сильное впечатлѣніе, еслибъ былъ направленъ къ одной цѣли.

Джакомо Леопарди, отчаянный мизантропъ, ученый философъ, придалъ литературѣ новое направленіе.

Послѣ этихъ трехъ знаменитыхъ писателей, авторъ разбираетъ произведенія Манцони, Гросси, Берке, Пеллико, Николлини.

Объ Испаніи онъ помѣстилъ только археологическій этюдъ о разныхъ архитектурныхъ монументахъ этой страны. Въ этомъ этюдѣ много новаго и любопытнаго.

Книга Монлора написана просто, безъ всякихъ претензій на ученость и педанство, и потому читается съ большимъ удовольствіемъ.

— *Chimie photographique* (Фотографическая химія) составлена Баресвилемъ и Даванномъ. Фотографія сдѣлалась въ настоящее время не только отдѣломъ химіи, но и особенной наукою. Признанія превосходнаго открытія Ниепса и Дагерра распространились до такой степени, что надобно цѣлый томъ для объясненія открытій фотографіи. Извѣстный химикъ Баресвиль взялся составить эту полезную книгу и взялъ въ сотрудники одного изъ опытныхъ фотографовъ — Даванна.

Трактатъ фотографической химіи знакомитъ любителей новой науки съ необходимыми для нея познаніями. Онъ раздѣленъ на три части: въ первой заключаются основныя правила химіи; во второй приложенія фотографіи; третья состоитъ изъ словаря, гдѣ означены въ алфавитномъ порядкѣ всѣ химическія вещества и способы употребленія ихъ фотографами. Артисты и любители будутъ очень-благодарны за

изданіе книги, изъ которой они могутъ скоро и удобно выучиться фотографическому искусству.

— *Traité de cristallographie (Трактатъ кристаллографіи)*, соч. Огюста Гюара, съ шестнадцатью рисунками. Кристаллографіа принадлежитъ къ самымъ-труднымъ физическимъ наукамъ, и ею занимаются всего меньше. Она требуетъ большихъ познаній въ геометріи, минералогіи и химіи. Вотъ отчего кристаллографіа мало поодвинулась впередъ со времени Роме де-Лиль и Гаю, особенно во Франціи, гдѣ на нее не обращали никакого вниманія. Извѣстный математикъ, написавшій, подъ псевдонимомъ Огюста Гюара, много ученыхъ трактатовъ, взялся составить легкое и понятное обзорѣніе этой занимательной науки, которая отталкивала желающихъ учиться ей безчисленными трудностями. Кристаллографіа, представленная авторомъ, сдѣлалась теперь доступною почти всѣмъ по ясности, и заключаетъ много полезныхъ свѣдѣній, особенно для минералоговъ.

— *Le Voyage de Malouet à la Guyane (Путешествіе Малуэ въ Гвіану)*; издано Фердинандомъ Дени. У испанскаго короля Филиппа IV была богатая библіотека, но очень-глупый бібліотекаръ, который никогда не читалъ ни одной книги. Остроумный Ботрю, осматривая библіотеку, разговаривалъ съ ея хранителемъ и удивлялся его глупости. Вечеромъ Ботрю сказалъ королю: «Ваше величество, еслибъ я былъ на вашемъ мѣстѣ, то сдѣлалъ бы бібліотекаря министромъ финансовъ: это самый честный человекъ въ государствѣ, потому-что не дотрогивается до сокровищъ, вѣренныхъ его храненію». Авторъ изданной нынѣ книги, Фердинандъ Дени, тоже бібліотекаръ, но его Ботрю не назвалъ бы честнымъ бібліотекаремъ, потому-что онъ не только изучаетъ вѣренные ему книги, но еще самъ прибавляетъ къ нимъ превосходныя сочиненія и издаетъ забытыхъ писателей, имѣющихъ право пользоваться вниманіемъ публики. Такъ онъ издалъ *Путешествіе Малуэ въ Гвіану*. Имя этого писателя извѣстно: но сочиненія его никто не читалъ, несмотря на то, что оно было издано два раза. Дени издалъ его въ третій разъ и, вѣроятно, всѣ прочтутъ съ удовольствіемъ и удивленіемъ прекрасный рассказъ «Путешествія въ Гвіану». Издатель выпустилъ нѣсколько подробностей и отъ этого книга сдѣлалась интереснѣе.

— Перейдемъ теперь къ новостямъ общественной жизни и театровъ въ Парижѣ.

Послѣ жаркой, цвѣтущей весны, наступило въ Парижѣ самое пасмурное лѣто. Говорятъ, что это слѣдствіе *сердечнаго* согласія съ англичанами, вслѣдствіе котораго рѣшено, чтобъ даже климатъ Франціи не могъ быть лучше Англии. Итакъ розы, бабочки и жары сарылись изъ Парижа, и вмѣсто нихъ явились туманы, дожди, холодъ. Нигдѣ еще не видать ни кисейныхъ платьевъ, ни кружевныхъ шляпокъ и шарфовъ; всѣ кутаются въ теплыя пальто, а главное, скрываются подъ зонтиками. Надобно признаться, однако, что лондонская погода неумѣстна въ началѣ лѣта, потому-что въ это время весь Парижъ переѣзжаетъ съ квартиръ, выѣзжаетъ за городъ, на воды, или просто мѣняетъ мѣсто жительства. Любопытно видѣть, какъ по всѣмъ

улицамъ таятся обозы, экипажи; носильщики встрѣчаются на каждомъ шагѣ съ огромными ношами; служители бѣгаютъ съ дорогими вещами. Сколько хлопотъ при переездѣ богатыхъ изъ одной квартиры на другую; но за то какъ легко *перельзжатъ* бѣдняку! У нѣкоторыхъ вся мебель, все имущество состоитъ въ сигарномъ ящикѣ, или въ маскарадномъ костюмѣ, и они весело покидаютъ одинъ чердакъ, чтобъ возвратиться на другой, только въ другомъ кварталѣ. Это они называютъ ѣхать на дачу и пользоваться воздухомъ.

Цветочная выставка была великолѣпна и, несмотря на дурную погоду, привлекла многочисленную публику, потому-что въ началѣ лѣта всѣ имѣютъ особенное пристрастіе къ цвѣтамъ, всѣ хотятъ поскорѣ насладиться ихъ запахомъ и красотою, какъ-будто въ концѣ лѣта не будетъ больше цвѣтовъ.

Скачки въ Шантильи и на Марсовомъ Полѣ продолжаютъ; но потому ли, что онѣ все это время происходили во время проливнаго дождя, или потому, что увеселеніе это становится скучнымъ и однообразнымъ, публика заставляетъ скакать бѣгуновъ передъ пустыми ложами, гдѣ съ трудомъ можно найти любителей пари. Теперь только солнце можетъ собрать многочисленную публику; но такъ-какъ оно рѣдко является, то одинъ ученый объявилъ, что онъ изобрѣлъ искусственный свѣтъ, способный замѣнить солнце (неизвѣстно еще, будетъ ли оно свѣтить въ проливной дождь). Парижане готовы вѣрить изобрѣтателю, но требуютъ доказательствъ или опыта, а ученый съ своей стороны объявляетъ, что онъ, какъ и всѣ будущіе великіе люди, бѣденъ и прежде всего ему надобно собрать по подпискѣ извѣстную сумму. Но публика не любитъ бросать деньги и ждетъ настоящаго солнца, которое свѣтитъ для всѣхъ даромъ. И теперь ужъ начинаютъ подниматься на воздухъ шары съ разными эксцентрическими штуками. Въ прошломъ году летали съ шаромъ лошади, обезьяны, козы и даже левъ (говорятъ картонный), что же теперь придумаетъ Пуатвенъ и воздушная компанія, чтобъ возбудить любопытство зрителей! Теперь въ Парижѣ много китайцевъ, привлекающихъ толпу своими страшными фокусами. Нехудо заставить ихъ летать по воздуху. Можетъ-быть, эта новая игрушка понравится публикѣ, которая все еще думаетъ, что китайцы принадлежатъ къ какой-то странной породѣ, живущей особенною жизнью, непохожею на нашу.

При первыхъ лучахъ солнца начались также загородныя гулянья Мабиль, Шаторужъ, Анверскій Паркъ, Ранела. Впрочемъ, такъ-какъ тутъ праздники бывають вечеромъ, или, скорѣе, ночью, то солнца здѣсь и не нужно: его замѣняетъ газъ. Оркестры на этихъ балахъ стараются отличиться не музыкальностью и талантами, а только шумомъ, и, кажется, держать пари, чтобъ каждый разъ играть громче. Вообще, пари входятъ въ большую моду въ Парижѣ, такъ-что на каждый случай, какъ бы онъ ни былъ незначителенъ, находится всегда нѣсколько любителей, которые рады проиграть послѣднія деньги, чтобъ только заставить говорить о себѣ. Недавно одинъ спортсменъ держалъ пари, что онъ въ три часа съѣздитъ изъ Парижа въ Компьеръ и обратно и всѣ двадцать миль проскачетъ галопомъ. Другой,

желая блеснуть странностью, утверждалъ, что онъ въ часъ обойдетъ Булонскій Лѣсъ *на четверенькахъ*. Онъ выигралъ пари, но послѣ этого подвига никакъ уже не могъ выпрямиться и стать на ноги. Доктора охвасаются, что онъ принужденъ будетъ до конца жизни остаться четвероногимъ животнымъ.

Отѣльская желѣзная дорога окончена и открыта для публики. Это настоящая игруппа, неусѣивающая перевозить публику въ жидкое гулянье—Булонскій Лѣсъ, который очищается и украшается, тогда какъ Елисейскія Поля пустѣютъ. Говорятъ даже, что изъ нихъ сдѣланъ будетъ новый кварталъ Парижа, и что многія мѣста уже куплены, большею частью иностранцами. Увѣряютъ, что не только англичане и испанцы переносятъ свои пенаты въ Парижъ, но нѣкоторые жители Стамбула, любящіе тишину, перевозятъ свои сокровища въ Елисейскія Поля. Впрочемъ, все это еще одни слухи и всего вѣроятнѣе, что тѣнистый паркъ будетъ сохраненъ, потому что въ Парижѣ и то немного мѣстъ для публичнаго гулянья въ городѣ и окрестностяхъ, а Булонскій Лѣсъ, хотя и съ скорымъ сообщеніемъ, все-таки далекъ для всѣдневнаго гулянья. Притомъ же, зелень необходима для чистоты воздуха, и такъ—какъ въ послѣднее время уничтожили нѣсколько улицъ только для того, чтобъ дать свободу воздуху, то, вѣроятно, не уничтожатъ одного изъ лучшихъ садовъ столицы. Одни бульвары недостаточны для такого огромнаго города, который еще собирается расширяться.

Еще одинъ слухъ ходитъ по Парижу, будто бы составляется компанія для учрежденія увеселительныхъ путешествій, *trains de plaisir*, на Востокъ. Первая станція будетъ въ Мальтѣ, послѣдняя въ Константинополь. Сколько новыхъ ощущеній, видовъ, драматизма въ этомъ новомъ удовольствіи — и еще за самую дешевую цѣну! Западные поэты и писатели, избившіе всѣ возможные сюжеты, найдутъ новые предметы для своихъ сочиненій, запасутся вдохновеніемъ и вернутся съ богатою жатвою идей, которыми поспѣшатъ подѣлиться съ своими читателями. Живописцы, артисты тоже воспользуются этимъ рѣдкимъ случаемъ, чтобъ увидѣть Востокъ не на однихъ картинахъ. Можетъ—быть скоро на мѣстѣ древней Трои построятъ театръ, и французскіе артисты будутъ играть *Нельскую башню* и водевилы Баяра передъ образованными одалисками.

Любители сильныхъ ощущеній были нѣкоторое время въ большомъ волненіи. Въ мѣстечкѣ Экиюль работникъ Жиро упалъ въ глубокую яму вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ, который убился при паденіи, а Жиро цѣлые двѣнадцать дней оставался въ ямѣ, покада наши средства вытащили его оттуда. Газеты давали знать о положеніи несчастнаго, которому спускали пищу и который разговаривалъ изъ глубины съ лицами, устроивавшими наверху средство, чтобъ его спасти. Какое ужасное положеніе человѣка, погребеннаго заживо съ разлагающимся трупомъ! Когда его вытащили изъ ямы, то не только въ Парижѣ, но и въ другихъ городахъ Франціи поспѣшили сдѣлать сборы по подпискѣ, чтобъ хоть нѣсколько вознаградить его за страданіе. Одинъ добрый человѣкъ напомнилъ, что если Жиро достоинъ награ-

ды, то и спаситель его, саперъ Бернаръ, жертвовалъ жизнью для спасенія несчастнаго и потому не мѣшаетъ и его наградить за доброе дѣло. О немъ ничего не писали, не говорили, не охали, а онъ вызвался спасти несчастнаго по доброй волѣ, не ожидая другой благодарности, кромѣ благодарности Жиро. Въ пользу Бернара составляется также подписка.

Послѣдній зимній праздникъ данъ былъ въ Лондонѣ, а не въ Парижѣ, во все-таки во французскомъ кругу, принимавшемъ весь дворъ и вышнее лондонское общество. О великолѣпнѣ бала французскаго посланника кричатъ всѣ англійскія и французскія газеты. Во французскихъ описываютъ роскошь костюмовъ, комнатъ, блескъ освѣщенія, красоту женщинъ; въ англійскихъ высчитываютъ всѣ подробности богатаго бужета, въ которомъ были вишни, стояющія теперь по гинеѣ фунтъ и версики, которыхъ трудно найти по четыре шиллинга за штуку.

Музыкальные вечера все-еще не кончились, несмотря на лѣто. Явился новый талантъ, которому предсказываютъ самую блестящую будущность и который затмитъ Крувелли и Альбони; это—молодая дѣвушка, носящая имя, известное въ музыкальномъ мѣрѣ. Недавно одно благотворительное общество составило концертъ изъ любительницъ, и въ афишахъ напечатаны были имена всѣхъ артистокъ кромѣ одной, которая пожелала скрыть свое имя, чтобъ не быть обязанной только ему своимъ успѣхомъ. Публика съ нетерпѣнiемъ ожидала незнакомку, и молодая дѣвушка, вышедшая скромно и робко, начала пѣть романсъ *Матильды* изъ «Вильгельма Теля». Она спѣла его такимъ чуднымъ голосомъ, съ такою удивительною методою и чувствомъ, что всѣ слушали ее съ восторгомъ и потѣмъ осыпали громкими рукоплесканiями. Надобно было видѣть въ эту минуту волнение пожилой женщины, стоявшей у полуотворенной двери въ залу и жадно слѣдившей за каждымъ звукомъ, вылетавшимъ изъ груди дѣвушки, за каждымъ движенiемъ ея. Это была известная пѣвица, нынѣ учительница г-жа Даморо-Чинти, а молодая деютантка, въ первый разъ явившаяся въ публикѣ, ея дочь, Марiа Даморо, способная воскресить славу матери, если явится на сценѣ. Въ этомъ же концертѣ исполняли отрывокъ изъ ораторiи Генделя такъ превосходно, что настоящие артисты могутъ въ этомъ случаѣ позавидовать любителямъ какъ музыкантамъ, такъ и пѣвцамъ. Въ хорѣ участвовалъ одинъ молодой человекъ, получающiй 100,000 фр. годоваго дохода.

— Хотя для театровъ настало самое невыгодное время, но, несмотря на это, поминутно являются новыя пьесы, и публика наполняетъ всѣ двадцать залъ парижскихъ театровъ. Итальянская Опера замолкла и отправилась болышею-частью въ Лондонъ, гдѣ обѣщаютъ на лѣто самую великолѣпную труппу. Французскiй Театръ существовалъ до сихъ-поръ небольшими пьесами, отсылая пятнактныя драмы и комедiи въ Одеонъ и Амбигю, и вдругъ, послѣ пустыхъ слуховъ объ отставкѣ, замужествѣ и отъѣздѣ въ Калифорнiю Рапелли, она явилась на сценѣ въ роли Федры. Разумѣется, она была принята съ восторгомъ, тѣмъ болѣе, что всѣ почти были увѣрены, что она, послѣ успѣховъ въ Россiи и наживши огромное состоянiе, не захо-

четь опять трудиться и переносить капризы вѣтренной публики, которая въ ея отсутствіе также благосклонно приняла г-жу Дартесъ въ Геріонѣ только потому, что она хороша собой. Другая дебютантка на этой же сценѣ обратила на себя всеобщее вниманіе. Г-жа Мартелли, неигравшая еще нигдѣ, вышла въ роляхъ Арманды въ *Ученыхъ женщинахъ* и Сильвіи Мариво. Это молодая, прекрасная женщина съ свѣтскими манерами, приятнымъ голосомъ и умною игрою, хотя въ ней и замѣтна нѣкоторая сценическая неловкость, которая современемъ исчезнетъ. Приобрѣтеніе это совсѣмъ—великое для французской комедіи, гдѣ мало подобныхъ актрисъ на высокія комическія роли Мольера и Мариво.

Театръ Разнообразія поставилъ на сцену уморительный водевилъ въ одномъ дѣйствіи подъ названіемъ господина *де-ла-Палиса*. Неизвѣстно почему храбрый воинъ, маршалъ Франціи, ратный товарищъ короля-рыцаря Франциска I-го сдѣлался типомъ наивности и глупости, по милости поэта Ламонне, точно также, какъ знаменитый Мальборъ въ Англіи. Пѣсня имѣетъ огромную власть во Франціи, и стоить только сдѣлаться ей народною, чтобъ навсегда заклеить человека какою-нибудь смѣшною особенностью. Впрочемъ, можетъ-быть, безъ пѣсни имя Ла-Палиса было бы вовсе-неизвѣстно. Теперь вздумали вывести на сцену если не самого маршала, то его потомка, до-того глупаго, что изъ рукъ вонъ. Всѣ его надувають, смѣются надъ нимъ, похищаютъ у него невѣсту, заставляютъ жениться на какой-то актрисѣ и наконецъ увѣряютъ его, что онъ умеръ. Хоръ поетъ знаменитый куплетъ:

Monsieur La Palisse est mort,
Mort de maladie;
Un quart d'heure avant sa mort
Il etait encore en vie.

Пьеса написана для Арналя, который удивительно глупо играетъ главную роль, но все-таки пьеса не можетъ долго удержаться, потому-что на сценѣ довольно и одного Жокрисса.

Propre à rien—водевилъ въ одномъ дѣйствіи, имѣлъ тоже успѣхъ, потому-что былъ прекрасно разыгранъ. Одинъ торговецъ чрезвычайно нападаетъ на своего прикащика и поминутно говорить, что онъ ни къ чему негоденъ. Бѣдный Робино терпитъ всѣ преслѣдованія, потому-что любитъ крестницу хозяина, Баптистину; но это замѣчаетъ жена хозяина, чувствительная г-жа Жиродо, жалующаяся, что никто ея не понимаетъ, и бѣдному прикащику просто нѣтъ житья. Вдругъ ему вздумалось приволокнуться за непонятой женщиной, и тотчасъ жизнь его перемѣняется. Его ласкаютъ, одѣвають прилично, прибавляютъ жалованья, избавляютъ отъ работы и хозяинъ не смѣетъ ужъ его бранить, потому-что жена поминутно заступается за обиженнаго. Онъ даже застаетъ Робино у ногъ жены и, во избежаніе большихъ бѣдъ, передаетъ ему торговлю вмѣстѣ съ рукою крестницы, а самъ уѣзжаетъ подальше съ непонятою супругою.

Entre deux lions—тоже забавная пьеска, очень удобная для сѣзда

публики. Двое пожилых волокитъ, одинъ худой, а другой толстый, влюблены въ Коринну, которая занимается живописью; та дурачить ихъ, надуваетъ и выходитъ за третьяго; пародируя басню Лантена.

Arrive un troisième larron,
Qui saisit maître Aliboron.

Одеонъ поставилъ на сцену пятиактную комедию Серре, имѣвшую большой и заслуженный успѣхъ: *Que dira le monde?* Какъ много жертвуютъ этой пустой фразѣ! Г-жа де-Вернель молодая, богатая вдова любитъ молодаго человѣка Германа и не скрываетъ передъ свѣтомъ своей страсти; но Германъ дѣлается къ ней холоденъ и не спѣшитъ предложить ей своего имени, хотя знаетъ, что свѣтъ дурно говорить о молодой женщинѣ и даже не принимаетъ ея. Причина его холодности заключается, впрочемъ, въ богатствѣ вдовы, потому-что Германъ бѣденъ и не хочетъ, чтобъ свѣтъ говорилъ, что онъ продалъ себя. Но вдругъ онъ получаетъ неожиданное наслѣдство и хочетъ соединится съ любимою женщиною; тутъ его останавливаютъ городскіе толки. Репутація г-жи Вернель потеряна; мужчины, зная ея слабость къ Герману еще при жизни мужа, почитаютъ себя правѣ говорить о ней безъ уваженія и предлагать ей свои услуги. Герману предсказываютъ самую печальную будущность, если онъ пренебрежетъ мнѣніемъ свѣта, и предлагаютъ ему жениться на молодой дѣвушкѣ, которая его любитъ и пользуется самою завидною репутаціею. Можетъ ли устоять мужчина противъ всѣхъ этихъ доводовъ? Одна мысль вооружиться противъ свѣта, въ которомъ онъ долженъ жить, уже пугаетъ его; но онъ все-таки соглашается быть лучше несчастнымъ, чѣмъ оскорбить женщину, пожертвовавшую ему всѣмъ. Г-жа Вернель, узнавъ о его нерѣшимости, сама отказывается отъ подобнаго счастья и возвращаетъ Герману свободу. Пьеса написана прекрасно, безъ лишнихъ эффектовъ и натяжекъ. Разговоръ живой, остроумный; характеры естественны, современныя сцены занимательны, словомъ: авторъ собралъ всѣ элементы настоящей комедии и можетъ быть увѣренъ, что пьеса его будетъ играть зимою.

Ambigu-Comique заставляетъ плакать публику, только отъ смѣха. *Les contes de la mère l'Oie*, волшебство въ двадцати двухъ картинахъ, поставлено съ такимъ великолѣпіемъ, что превышаетъ даже въ этомъ отношеніи семь чудесъ свѣта. Тутъ введены всѣ персонажи сказокъ Перро: «Сандрильйона», «Ослиная Кожа», «Синяя Борода», «Спящая Красавица», «Красная Шапочка», «Котъ въ Сапогахъ», «Мальчикъ съ пальчикъ». Но дѣло не въ сюжетѣ, котораго почти нѣтъ, а въ удивительныхъ переменахъ, машинахъ, полетахъ, превращеніяхъ, за которыми не успѣваетъ слѣдить глазъ—такъ все дѣлается быстро и неожиданно. Больше всего поразило публику превращеніе тыквы въ золотую карету, въ которой Сандрильйона поѣхала на балъ. Это было настоящее волшебство. Въ пьесѣ множество дѣйствующихъ лицъ, но они играютъся пятью или шестью артистами, которые поминутно переодѣваются и являютъ передъ публикою въ новомъ видѣ. Публика

долго не устанетъ смотрѣть эту дѣтскую шутку, которою забавляются большія дѣти.

Paris en Chine, очень-умная пародія, которая смѣшаетъ публику до слезъ. Извѣстно, что ни одна замѣчательная пьеса, ни одно происшествіе не пройдутъ безъ того, чтобъ какой-нибудь изъ бульварныхъ театровъ не воспользовался сюжетомъ, вывернувъ его наизнанку. Китайцы въ Пекинѣ узнали, что соотечественники ихъ унижаются до-того, что служатъ забавою парижскимъ зѣвакамъ, и поймавъ трехъ французовъ, спасшихся отъ кораблекрушенія, заставляютъ ихъ дѣлать разныя штуки для увеселенія пекинской публики. Тѣ начинаютъ пародировать фокусы китайцевъ и до-того смѣшать, что даже актёры, играющіе серьёзныхъ китайцевъ, не могутъ удержаться отъ смѣха. Тутъ весь успѣхъ зависитъ отъ игры актёровъ; а такъ-какъ на этомъ театрѣ собрано нѣсколько превосходныхъ комическихъ талантовъ, то немудрено, что зала наполняется всякій вечеръ до-нѣльзя.

Лирическій Театръ вздумалъ поставить еще новую оперу, несмотря на конецъ музыкальнаго сезона, и привлечь публику именами Мери и Рейе. *Maire Wolframe* небольшой актъ, написанный Мери, почти не нуждается въ музыкѣ — столько въ немъ поэзіи, чувства, нѣжности; но Рейе тоже поэтъ въ музыкѣ и нашелъ прекрасныя мотивы къ музыкальнымъ стихамъ либретиста. Публика на часъ была перенесена на берега Рейна, прослушала наивную легенду съ аккомпаниментомъ увлекательной музыки, и съ досадою увидѣла, что наслажденіе это непродолжительно, тогда-какъ она готова была просмотрѣть еще пять подобныхъ актовъ.

— Въ литературѣ французской происходятъ самыя любопытныя ссоры. Извѣстно, что Эженъ Мирекуръ взялся за очень-щекотливый трудъ, издать біографіи современныхъ писателей. Но пока онъ рассказывалъ жизнь авторовъ мужескаго рода, все было тихо; когда же дѣло дошло до г-жи Зандъ, во всѣхъ журналахъ началась страшная полемика, разбирающая по строчкѣ всю біографію знаменитой писательницы. Сама она написала Мирекуру письмо, въ которомъ опровергнула многія показанія, и тотъ, какъ учтивый французъ, тотчасъ же во всемъ согласился съ г-жею Зандъ, говоря, что хотя онъ и писалъ по самымъ вѣрнымъ свѣдѣніямъ, но готовъ, въ угодность ей, отказаться отъ нѣкоторыхъ рѣзкихъ выраженій. Кажется, этимъ бы и должно все кончиться; но женщины, какъ въ жизни, такъ и въ литературѣ, нескорѣ забываютъ даже невольныя обиды, и г-жа Зандъ обратилась къ *Мушкетеру* Дюма, гдѣ нѣкто Эмиль Акантъ, называющій себя уполномоченнымъ г-жи Зандъ, помѣстивъ длинную статью, въ которой упрекаетъ Мирекура въ неискренность, несправедливости, неучтивости, неосторожности и выставляетъ писательницу бѣдною жертвою, занимающагося литературою совѣтъ не для того, чтобъ разбогатѣть на счетъ издателей, а чтобъ помогать бѣднымъ. Сама Жоржъ Зандъ тоже написала письмо въ томъ же «Мушкетерѣ», съ самыми невыгодными комплиментами Мирекуру, и тотъ, выведенный изъ терпѣнія, отвѣчавшій ужъ ей однажды весьма по-

дробно, не желая продолжать вѣчнаго спора, написалъ ей слѣдующую лаконическую записку:

«Позвольте мнѣ наконецъ попросить васъ окончить ваши остроумные нападки. Я ужъ имѣлъ честь сказать вамъ, что *вашу* біографію писалъ съ особенною осторожностью; но вы такъ раздражительны и самолюбивы, что не можете никакъ простить мнѣ правды, самой свисходительной. Чтожъ было бы, еслибъ я былъ строже въ моихъ сужденіяхъ? — я бы навѣкъ лишился покоя. Вы осмѣиваете и осуждаете каждое мое выраженіе; но, кажется, я ужъ отдалъ полную справедливость вашему таланту, гениальности, которыхъ я никогда не трону; но ваши мнѣнія, чувства и мысли совсѣмъ—необщія, и я смѣло могу признаться, что не раздѣляю ихъ, хотя бы вы за это опять наказали меня, хоть черезъ вашего уполномоченнаго.

«Кажется, пора кончить шумъ, поднятый изъ-за біографіи, написанной моею *ничтожною* прозою, какъ вы ее называете вашимъ превосходнымъ слогомъ. Я опять соглашаюсь со всѣми вашими требованіями, хотя ничего не писалъ безъ доказательствъ, и имѣю честь быть и пр. Мирекуръ».

Бѣдному Дюма тоже не мало достается за его страсть болтать обо всемъ и обо всѣхъ, и располагать событіями такимъ образомъ, чтобъ представить себя въ самомъ лучшемъ видѣ. *Записки* его ужъ остановлены судебнымъ порядкомъ, потому—что произвели безчисленное множество процессовъ, и знаменитый *Мушкетеръ*, посвященный тоже на прославленіе Дюма и комп., скоро принужденъ будетъ положить оружіе и замолчать на—время.

Всѣмъ извѣстна старая драма *Нельская башня*, сочиненная молодымъ писателемъ Гальярде; ее Александръ Дюма взялся поправить для сцены, и когда она имѣла большой успѣхъ, то издавъ подъ своимъ именемъ, не упомянувъ даже о *сотрудничествѣ* бѣднаго неизвѣстнаго писателя, воображая, что тотъ не посмѣетъ спорить съ всеильнымъ Дюма и позволить себя обобратить за незначительную сумму. Однако ожиданія Дюма не сбылись, потому—что *баранъ* (такъ называются во французской литературѣ писатели, нетребующіе, чтобъ имена ихъ упоминались въ печати, или просто продающіе свои произведенія ужъ извѣстнымъ авторамъ) Гальярде подалъ жалобу въ судъ за то, что имя его вычеркнуто въ афишѣ, что Дюма присвоилъ себѣ эту драму, и что, несмотря на постоянный полный сборъ театра Сен-Мартенскихъ Воротъ, настоящему автору пьесы не выдаютъ должной части по уговору. Дѣло это судили *шесть* разъ и, разумѣется, несмотря на славу Дюма, справедливость и ясныя доказательства были на сторонѣ Гальярде, и Дюма былъ обвиненъ, какъ человекъ, присвоившій себѣ чужую собственность. И чтожъ? Несмотря на это гласное рѣшеніе, онъ все—таки помѣстилъ въ полныхъ своихъ сочиненіяхъ несчастную драму *Нельскую башню*, не намекинувъ даже о *сотрудничествѣ* Гальярде, тогда—какъ изъ судопроизводства и черновой пьесы, написанной рукою Гальярде видно, что, не только интрига сцены, но даже разговоры сохранены вполнѣ и Дюма сдѣлалъ въ ней только небольшія поправки. Послѣ такой гласной

исторіи, оправданный Гальярде, въ которомъ, можетъ-быть, развился бы современемъ первоклассный драматическій талантъ, бросилъ литературу и уѣхалъ скорѣ въ Америку, а кругомъ виноватый Александръ Дюма остался въ Парижѣ и приобрѣлъ большую извѣстность и богатство, несмотря на то, которое, однакожъ, злые языки говорили, что онъ и въ послѣдствіи не разъ стригъ другихъ *барановъ*. Теперь, чрезъ двадцать—два года послѣ этого происшествія, Дюма опять представилъ всю исторію *Нельской башни* въ своихъ запискахъ и, разумѣется, въ такомъ видѣ, что изобразилъ себя великодушною жертвою, а бѣднаго Гальярде дерзкимъ, бездарнымъ забіякою. Но случилось, что Гальярде пріѣхалъ въ Парижъ въ то самое время, когда вышелъ этотъ замѣчательный томъ *Записокъ*; и хотя авторъ «Нельской Башни» давно оставилъ литературу, но написалъ Александру Дюма такое умное, острое, колкое письмо, что отъ него не поздоровится «Мушкетеру». Безъ блестящихъ фразъ и ненужной болтовни онъ опять представлялъ все дѣло просто и ясно, привелъ самыя вѣрныя доказательства своихъ словъ, напомнилъ всѣ неловкости, противорѣчія, хвастливость Дюма и упрекнулъ его благородно, что онъ чрезъ двадцать лѣтъ, думая, что противникъ его далеко, не постыдился донкихотствовать. Вотъ нѣкоторые отрывки изъ этого любопытнаго письма:

«Есть предметы, которыхъ не долженъ бы касаться писатель—дворянинъ, какъ вы, это — старыя ссоры и старыя любовныя интриги. Припоминать ихъ, значить то же, что разрывать могилы мертвыхъ. Но вы предполагаете, что, взявшись писать современную хронику, не имѣете права вычеркнуть изъ вашей интересной жизни знаменитую страницу *Нельской башни*. Въ такомъ случаѣ, не мѣшало бы вамъ представить событія въ настоящемъ ихъ видѣ; и если вы забыли ихъ, что не мудрено послѣ двадцати—двухъ лѣтъ и при вашихъ занятіяхъ, то по—крайней—мѣрѣ справились бы съ документами, которыхъ, кажется, довольно—много. Ясно, что вы хотите представить себя героемъ, а меня смѣшнымъ и жалкимъ; но я ужъ доказалъ вамъ, что не намѣренъ играть роль барана, и теперь опять готовъ опровергнуть всѣ ваши хвастливыя выходки. Вы объявляете, что вы одни *отецъ* пьесы, тогда—какъ въ судѣ было приведено собственное ваше письмо, въ которомъ вы сознаетесь, что *забыли* предупредить директора театра Гареля, чтобъ онъ поставилъ на афишѣ мое имя во второе представление пьесы, какъ вы обязались со мною, на что у меня есть тоже доказательства. Я очень понимаю, что еслибъ пьеса упала или успѣхъ ея былъ сомнительный, то вы не *забыли* бы этого. Въ другихъ, позвольте опять напомнить вамъ *шесть* приговоровъ суда, объявившихъ единогласно, что *я одинъ* настоящій авторъ пьесы, хотя я и предоставляю вамъ половину успѣха драмы, потому—что вы мои *отдѣленія*, или картины, назвали просто *дѣйствіями* и передѣляли нѣкоторыя сцены и разговоры. Я сознаюсь, что безъ вашего *сотрудничества* пьеса осталась бы ничтожною и неизвѣстною; но зачѣмъ же такъ немилосердно нападать на отсутствующаго противника и тратить на него такія драгоценныя комическія выраженія?

Вы знаете также, что моими свидѣтелями были люди почтенные и известные своею добросовѣстностью, а вы приводили только показанія Гарела, который, какъ директоръ театра, не могъ вамъ противорѣчить, потому-что самъ вздумалъ отдать вамъ мою пьесу для *передѣлки*. Правда, вы попробовали впутать туда же Жюль Жанена, но тотъ, какъ известно, не остался у васъ въ долгу и хорошо расплатился съ вами.

«Я не привожу здѣсь денежныхъ расчетовъ, но замѣчу, что и тутъ вы напрасно выставляете ваше великодушіе. Вы забыли, что получали за представленіе «Нельской башни» 300 фр., а я довольствовался 48-ю, чтобъ избѣжать жалобъ въ полицію. Когда же я уѣхалъ въ Америку, мнѣ не высылали и этой *суммы*, такъ-что братъ мой принужденъ былъ опять прибѣгнуть къ суду. Въ чемъ же состоитъ ваше безкорыстіе и великодушіе?»

«Стало-быть всё ваши остроумныя выходки ничего не доказываютъ. Когда же дѣло дошло до дуэли, къ которой вы меня принудили вашими нападкамии насмѣшками, въ отмщеніе за то, что вся публика узнала вашу недобросовѣстность, вы и тутъ не могли, чтобъ не прикрасить этого событія по-своему. Вы говорите, что къ вамъ явились столько секундантовъ, что вы между ними бросали жребій, кому достанется честь провожать васъ на мѣсто дуэли. Что касается до меня, я безъ лотереи обратился къ Сулье и Фонтану, и они согласились быть секундантами, потому-что знали хорошо все дѣло. Притомъ же вы, кромѣ вашей литературной славы, известны также, какъ опытный стрѣлокъ, и потому эта дуэль казалась вамъ шуткою, потому-что я никогда не учился ни стрѣлать, ни фехтовать. Вы сами сознаетесь, что желали отъ всего сердца убить меня — и чтожь? послѣ моего неловкаго выстрѣла, когда я подошелъ къ барьеру и сталъ передъ вами, вы долго цѣлились и... промахнулись. Это чрезвычайно удивило васъ, отличнаго стрѣлка, всегда попадающаго въ куколь и ласточекъ, и вы стараетесь шутками объяснить вашу промахъ; но дѣло въ томъ, что когда совѣсть несовѣстна-чиста, то и рука не можетъ быть вѣрна. Наши секунданты помѣшали намъ продолжать дуэль къ вашему, но не къ моему сожалѣнію, потому-что я вовсе не желалъ вашей смерти, предчувствуя вашу всесвѣтную славу.

«Извините, что я осмѣлился припомнить вамъ стараго *барана*, который и въ молодости не позволилъ себя остричь, и въ старости замѣчаетъ нѣкоторые промахи великаго романиста-историка, драматурга-поэта, охотника-воина, журналиста и пр. и пр. Гальярде».

— Въ самое послѣднее время вышли въ Парижѣ еще слѣдующія любопытныя сочиненія :

— *Des quinze joyes du mariage (Пятнадцать радостей супружества)*, новое изданіе рукописи, найденной въ руанской библіотекѣ и достоинство которой давно оцѣнено. Это одно изъ лучшихъ произведеній XV вѣка, представляющее любопытный анализъ супружеской и семейной жизни.

Въ 1830 году Андре Потье, библіотекаръ въ Руанѣ, открылъ эту рукопись и надалъ ее, объявля, что никакъ не могъ отыскать имени

автора. До-сихъ-поръ имя его оставалось неизвѣстнымъ; но Жанне, нынѣшній издатель, отыскалъ въ концѣ рукописи загадку въ стихахъ, въ которой подчеркнуты на разныхъ строкахъ три слова *la, sa и le* и заключаетъ изъ этого, что имя сочинителя патнадцати радостей супружества *Ласаль*. Можетъ-быть, это и правда.

Такъ-какъ текстъ сдѣлался ужъ темнымъ и многія выраженія совершенно непонятны, то Жанне представилъ скорѣе переводъ на современный языкъ, а не древнюю рукопись, выписавъ однако въ примѣчаніяхъ отрывки текста. Очень-любопытно прочесть въ наше время это литературное произведение XV вѣка и сравнить его съ современными сочиненіями.

La nouvelle fabrique des excellents traits de verité (Новая фабрика лучшей правды), сочиненія Филиппа Алькриппа, владѣтеля Нери въ Вербосѣ. Это тоже новая перепечатка стариннаго сборника анекдотовъ, шутокъ, выдумокъ, смѣшныхъ разсказовъ, явившагося въ XVI вѣкѣ. Въ XVIII вѣкѣ онъ былъ снова изданъ съ новыми дополненіями и толкованіями, и Жанне сдѣлалъ теперь новое изданіе, исправленное и значительно-уменьшенное, потому-что большая часть шутокъ, очень-обыкновенныхъ въ XVI и XVIII столѣтіяхъ, теперь невозможны въ печати. Между новыми и древними глупостями есть однакожь большое сходство.

— *Les Contes de Charles Dickens (Сказки Чарльза Диккенса)*, переводъ съ англійскаго Амеда Пишо. Сказки эти не новы, но еще не состарѣлись, и читатели и критики долго будутъ заниматься ими. Диккенсъ имѣетъ огромное вліяніе на англійскую литературу. Слогъ его такъ оригиналенъ и чисто-націоналенъ, что его трудно переводить на иностранные языки безъ потери лучшихъ оттѣнковъ; но Амеда Пишо очень-удачно представилъ по-возможности вѣрный переводъ. Можно даже немного упрекнуть его за излишнюю отчетливость, особенно въ оборотѣ фразъ, сохраняющихъ англійскій характеръ, но на французскомъ языкѣ несовсѣмъ-благозвучныхъ. Самый близкій переводъ не можетъ вполне согласоваться съ правилами языка, на который переводятъ, и потому гораздо-лучше немного отступать отъ образца и выбросить непереводаемые идиотизмы, довольно непонятные для всѣхъ, кромѣ англичанъ. Во всякомъ случаѣ трудъ Пишо достоинъ вниманія и доставилъ большое удовольствіе всѣмъ читателямъ.

Coups de plume sincères. (Искреннія замѣтки), Полеа Лимейрака. Съ нѣкотораго времени публика можетъ сказать: я не читаю, а только перечитываю, потому-что издатели не печатаютъ ничего новаго, а только перепечатываютъ. Даже фельетоны являются книгами и, критикуя прежде все и всѣхъ, сами добровольно подвергаются критикѣ. Критикъ Полеа Лимейракъ, прославившійся при Луи-Филиппѣ, собралъ всѣ свои фельетоны и представилъ ихъ снова публикѣ подъ нѣскольکو-изысканнымъ и несовсѣмъ-справедливымъ названіемъ: *Coups de plume sincères*. Эти три слова, кажется, сами удивлены, что авторъ соединилъ ихъ. Впрочемъ, надобно признаться, что

чрезвычайно—трудно найти приличное заглавіе книгѣ, лишенной единства мысли и составленной изъ разнородныхъ статей.

Поленъ Лимейракъ, между-прочимъ, изобличаетъ тайны журналистовъ, которые берутся расхвалить какого-нибудь писателя, чтобъ ввести въ заблужденіе публику. Съ большимъ искусствомъ онъ разбиваетъ также идоловъ, восхваляемыхъ многими журналистами, и ясно показываетъ ихъ недостатки, такъ—что отъ мнимыхъ знаменитостей остается очень—мало достоинствъ, чтобъ составить даже посредственнаго писателя. Разумѣется, многіе читатели скажутъ, что критикъ немного—поздно принялся обнаруживать правду и что теперь эти *идолы* такъ заброшены, что не могутъ даже защищаться. На это Лимейракъ замѣчаетъ, что писатель, каковъ бы ни былъ его талантъ, никогда не признаетъ себя совершенно—побѣжденнымъ и всегда найдетъ случай не только защищаться, но даже иногда и побѣждать. Не—уже—ли Гизо, Вильменъ, Кузенъ, противъ которыхъ возстаетъ Лимейракъ, не въ—состояніи защищаться? Но они молчатъ, можетъ—быть потому, что имъ надоѣло слышать одиѣ похвалы и они хотятъ узнать сужденіе старой критики.

Сужденія автора объ этихъ писателяхъ превосходны, хотя онъ ни словомъ не намекаетъ на ихъ политическую жизнь, а только изучаетъ литературное ихъ значеніе.

«Три знаменитые профессора (говоритъ Лимейракъ) — Гизо, Вильменъ и Кузенъ—приводили въ восторгъ молодежь во время реставраціи и были между собою очень—дружны. Изъ нихъ Гизо былъ чело­вѣкъ политическій, но никакъ не литературный, тогда—какъ друзья его одарены были необыкновенно—блестящимъ слогомъ. Вильменъ съ первыхъ попытокъ достигъ совершенства въ своемъ родѣ. Его слогъ, приятный, нѣжный, гармоническій, увлекалъ всѣхъ.

«Кузенъ, не всегда ясный, часто путался въ метафизическихъ терминахъ; но фразы его отличались смѣлыми оборотами, такъ—что его легко отличить отъ всѣхъ другихъ писателей.

«Трудно было отличиться Гизо возлѣ такихъ блистательныхъ соперниковъ; онъ началъ старательно обрабатывать слогъ свой, однако ни чѣмъ не могъ оживить его. Вотъ почему онъ весь предался политикѣ и ораторскому искусству, и на этомъ поприщѣ совершенно за­тмилъ своихъ друзей».

Авторъ очень—остроумно разбираетъ сочиненія этихъ писателей и особенно *Герцогиню Лонгвилль* Кузена. Это, можетъ—быть, лучшая статья во всей книгѣ. Потомъ Лимейракъ критикуетъ нѣкоторыя современные литературныя произведенія, и самъ впадаетъ въ преувеличенія, за что, недавно порицалъ другихъ журналистовъ. Онъ хвалитъ два или три сочиненія, и находитъ въ нихъ столько незамѣченныхъ достоинствъ, что, вѣроятно, сами авторы удивились, узнавъ объ этомъ. Впрочемъ, это личное мнѣніе автора, и онъ съ всегдашнейю своею откровенностью говоритъ, что не навязываетъ его никому и судить по своимъ впечатлѣніямъ. Онъ совершенно—справедливъ, потому—что о вкусахъ нельзя спорить.

— *Théâtre liégeois (Литтихскій Театръ)*. Новое это изданіе пересмотрѣно Бальё съ приложеніемъ историческаго предисловія и тремя гравюрами. Нарѣчіе литтихскихъ жителей принадлежитъ къ большому семейству романскихъ языковъ и составилось въ то же время, какъ и другіе діалекты языка оль. Цивилизація древнихъ народовъ, обитающихъ на югѣ и востокѣ Бельгіи, была сначала германская, потомъ кельтійская. Внѣслѣдствіи эти два элемента смѣшались и страна подчинилась совершенно вліянію Галліи. Однако множество германскихъ словъ осталось до-сихъ-поръ въ литтихскомъ діалектѣ; латинское вліяніе замѣтно тоже въ нѣкоторыхъ словахъ, а слѣды франковъ остались въ названіяхъ мѣстъ, стало-быть, литтихскій языкъ составилсѣ понемногу изъ разныхъ нарѣчій, какъ валахскій и многіе другіе. До основанія академій и учрежденія книгопечатанія литтихскій языкъ не имѣлъ, конечно, правилъ; но когда на немъ начали писать, явились люди съ талантами, составили тотчасъ же грамматику и начали дѣлать улучшенія, удаляясь отъ первоначальныхъ формъ, тогда-какъ разговорный языкъ оставался въ прежнемъ видѣ. То же самое случилось и въ другихъ странахъ. Литературный языкъ вездѣ стремится къ центру просвѣщенія и принимаетъ новые отбѣнки, тогда-какъ народныя діалекты сохраняются еще долго, особенно въ отдаленныхъ отъ центра провинціяхъ. Стало-быть народъ составляетъ языкъ и сохраняетъ его, а академики только передѣлываютъ его и подводятъ правила. Давно ужъ литтихскій языкъ пересталъ существовать въ литературѣ и сліялся съ французскимъ; но нѣкоторымъ ученымъ и писателямъ вздумалось почему-то обратить вниманіе на діалектъ простаго народа, и они нашли его такимъ живописнымъ, смѣлымъ и вѣрнымъ, что начали изучать его и потомъ писать стихами и прозою на этомъ новомъ языкѣ. Недавно издали народныя пѣсни литтихцевъ, перевели для нихъ басни Лафонтена и наконецъ писатель Гранганьяжъ написалъ серьезное сочиненіе *Этимологическій Словарь*, который смѣло можетъ стать наравнѣ съ подобными же трудами Дюфенбаха и Дица. Новое изданіе *Литтихскаго Театра*, достойно обратить вниманіе лингвистовъ. Эта небольшая книжечка представляетъ самыя вѣрныя картины древнихъ нравовъ. Тутъ собраны сочиненія многихъ авторовъ, работавшихъ для распространенія народнаго языка въ высшемъ обществѣ. Пьесъ тутъ пять: *Li voyage di Châfontaine* (путешествіе въ Шо-фонтенъ), превосходная картина веселыхъ туземныхъ нравовъ; *li Litgeois egad!* (объщаніе литтихца) хорошо-составленная пьеса, хотя немного-скупная; *li feste* (праздникъ), *di Heûte-s'-ploûs* (название одного селенія въ литтихской провинціи), *les Hypocondes*, превосходныя сцены высокаго комизма, изображающая жизнь на водахъ въ концѣ XVIII вѣка; наконецъ *li Malignan* (злой), неизвѣстная до-сихъ-поръ пьеса въ прозѣ, написанная аббатомъ Гено.

Литтихскій Театръ не только написанъ превосходно, но въ немъ заключаются достоинства, которыя нехудо перенять и другимъ литераторамъ. Есть комическія сцены до-того вѣрныя и оригинальныя, что невольно смѣшать. Бальё прибавилъ къ пьесамъ полезныя замѣ-

чаша и объясненія, знакомяща читателя съ этимъ оригинальнымъ языкомъ, на которомъ уже издается въ Литтихъ журналъ.

— Notice historique sur les Manufactures impériales de Tapisseries des Gobelins et de Tapis de la Savonnerie. (*Историческія замѣчанія объ императорскихъ мануфактурахъ ковровъ Гобеленовскихъ и Савонери*), соч. Лакордера. Гобеленова фабрика существуетъ уже два вѣка и, можетъ-быть, во Франціи нѣтъ ни одной мануфактуры, которая имѣла бы такое продолжительное существованіе, несмотря на политическіе перевороты и на перемѣны вкусовъ и нравовъ. Королевская Академія Живописи и Скульптуры, учрежденная въ 1663 году, подъ покровительствомъ Кольбера, не могла пережить царствованія Лудовика XVI. Римская школа для французскихъ живописцевъ основана гораздо-позже гобеленовой фабрики. Фарфоровый северскій заводъ причисленъ къ казнѣ только въ 1750 году, и изъ этого времени надобно вычесть годы Революціи до Имперіи, когда всѣ работы были остановлены; наконецъ публичныя выставки начались только съ 1673 года и подвергались безчисленнымъ измѣненіямъ. Одна только мануфактура Гобеленовъ оставалась неприкосновенною съ самаго начала царствованія Лудовика XIV и до нашихъ временъ. По ней можно изучать успѣхи, которые сдѣлало французское искусство. При Лебрёвъ, Гобелены носили скромное названіе «мануфактуры казенной мебели» но были настоящимъ лицеемъ, гдѣ участвовали всѣ извѣстные въ то время живописцы, рисовальщики, гравёры. Богатство ковровъ, мебели и посуды распространило извѣстность Гобеленовъ; но картины, писанныя Эделинкомъ, Одраномъ Русселе и учениками ихъ, доказываютъ, что эта мануфактура была въ XVII вѣкѣ почти единственнымъ хранилищемъ искусства. Въ слѣдующемъ вѣкѣ, Буше, назначенный директоромъ фабрики, ввелъ въ моду пастушескія сцены, которыя понемногу вытѣснили академическія правила, и Гобелены сдѣлались достойны украшать будуары, а не дворцы. Послѣ битвы Александра и знаменитыхъ ковровъ съ избраженіемъ древнихъ сюжетовъ, начали представлять Аминта и Сильвию, завтракъ султанши, секретъ, довѣренность и др. Во время Революціи Гобелены существовали съ большимъ трудомъ. Съ восшествіемъ на тронъ Наполеона мануфактура опять начала процвѣтать, и ковры начали опять дѣлать по древнимъ оригиналамъ.

Стало-быть исторія Гобеленовъ, какъ исторія національнаго искусства въ-продолженіе двухъ вѣковъ, чрезвычайно-любопытна, и Лакордеръ, нынѣшній директоръ мануфактуры, представилъ ее очень-вѣрно. Иначе и быть не могло, потому-что всѣ документы въ рукахъ автора и ему стоило только связать ихъ между собою и объяснить техническія выраженія. Книга его можетъ служить также превосходнымъ путеводителемъ для посѣтителей императорской мануфактуры Гобеленовъ и Савонери. Авторъ обѣщаетъ также издать въ скоромъ времени сочиненіе объ искусствѣ ткать ковры. Это будетъ тоже любопытная и полезная книга.

Les Rêves du Commandeur (*Мечты командора*), соч. Бернара. Подъ этимъ названіемъ вышли рассказы, въ которыхъ тайны

магін и алхиміи смѣшиваются съ дѣйствительностью. Замѣтно, что авторъ читалъ много Гофмана и еще больше Мечюрена. Сказки эти занимательны, но написаны съ явною цѣлю—испугать читателя. Къ чему это? Читатели теперь не такъ довѣрчивы и даже дѣти не вѣрятъ волшебству. Если писатель хотѣлъ доказать богатство своего воображенія, то онъ вполне достигъ своей цѣли. Впрочемъ, рассказъ его пріятенъ, слогъ легкой и, несмотря на нѣкоторыя странности, ужъ чересчуръ фантастическія, «Мечты командора» читаются съ большимъ удовольствіемъ. Чего же и требовать отъ мечтанія?

Berthe et Suzanne (*Берта и Сусанна*), комедія въ одномъ дѣйствіи, соч. Калонна. Пьеса эта замѣчательна прежде всего тѣмъ, что напечатана въ Алжирѣ и сочинена для алжирскаго театра, который не хочетъ пользоваться игранными пьесами. Эта маленькая комедія нисколько не хуже парижскихъ, и написана хорошими стихами. Дѣйствіе происходитъ въ XVII вѣкѣ при какомъ-то фантастическомъ германскомъ дворѣ, которые очень часто выводятся въ пьесахъ Скриба. Интрига занимательна, характеры вѣрны, разговоръ живой, дѣйствіе натурально, словомъ: все доказываетъ въ авторѣ рѣдкій драматическій талантъ, котораго достанетъ и на серьезную пятиактную комедію. Только необходимо, чтобъ Калонъ выбралъ современный сюжетъ, въ которыхъ, кажется, нѣтъ недостатка, а не описывалъ избитую, неестественную эпоху съ ея жеманствомъ, пеловками костюмами натянутымъ разговоромъ. Берта и Сусанна были бы совсѣмъ-нелишнія и на парижскихъ театрахъ.

— *Les Curiosités de Rome et de ses environs (Рѣдкости Рима и его окрестностей)*, соч. Робелло. Сочиненіе это раздѣлено на три части: въ первой описанъ городъ Римъ, во второй—окрестности его, *Agro romano*, въ третьей находятся описанія музеевъ. Авторъ не ограничивается сухимъ исчисленіемъ римскихъ памятниковъ: онъ примѣшиваетъ къ нимъ удачно исторію; особенно *Agro romano* чрезвычайно-занимательная часть, потому-что въ ней много любопытныхъ подробностей о развалинахъ и знаменитыхъ мѣстахъ, окружающихъ вѣчный городъ.

— *Causeries historiques et littéraires (Историческіе и литературные разговоры)*, соч. С. Сувестра. Автору пришла счастливая мысль представить читателямъ въ разговорной формѣ обзоръ образцовыхъ произведеній древней литературы отъ Гомера до Данта. Богатства древности считались до-сихъ-поръ принадлежностью однихъ ученыхъ; и хотя они, безъ-сомнѣнія, умѣютъ оцѣнить ихъ и понимать, но отчего же не подѣлиться наслажденіемъ и съ остальною публикою? Есть, правда, переводы древнихъ писателей, только изъ нихъ трудно понять красоты образцовъ и потому-то чудныя произведенія великихъ авторовъ часто предаются совершенному забвенію. Эмиль Сувестръ, читавшій съ успѣхомъ лекціи о литературѣ древнихъ, теперь издалъ ихъ въ видѣ занимательныхъ рассказовъ. Главное его достоинство состоитъ въ томъ, что онъ не хочетъ удивить читателя своею ученостью и потому понятенъ для всѣхъ. Слогъ его пріятный, замѣчанія умны, приведенныя выписки прекрасно выбраны, словомъ:

это легкой, остроумный разговоръ, изъ котораго можно научиться гораздо-больше, чѣмъ изъ толстыхъ in folio. Любопытны также его сравненія между литературами разныхъ эпохъ и направлениемъ умовъ.

Эмиль Сувестръ начинается съ пѣсни и аполога, какъ первоначальныхъ элементовъ всѣхъ литературъ. Послѣ обозрѣнiя поэзи евреевъ, онъ долго останавливается на литературѣ грековъ и римлянъ. Потомъ въ среднихъ вѣкахъ онъ анализируетъ Нибелунги, Пѣснь о Роландѣ, испанскiй романсеро, труверовъ, трубадуровъ и оканчиваетъ изучениемъ Данта. Этотъ курсъ Сувестра распространить вкусъ къ классическимъ произведенiямъ.

— *Souvenirs de voyages et d'études (Воспоминанiя о путешествiяхъ и этюдахъ)*. соч. Сен-Маркъ Жирардена. Вышелъ теперь второй томъ этого сочиненiя, который такъ же любопытенъ, какъ и первый, и содержитъ въ себѣ много превосходныхъ статей. Въ немъ только немного-странно разнообразiе и соединенiе предметовъ самыхъ развохарактерныхъ. Напримѣръ подлѣ *Кельтiйскихъ преданiй* находится разсказъ *Дружба у Скивоовъ*. Потомъ представлено *Общество у варваровъ во время феодальной системы* и рядъ занимательныхъ статей *о первыхъ подвигахъ Германцевъ въ Галлiи, о Христианствѣ въ Германiи, о Франкахъ*. За литературными и философическими изслѣдованiями, выведены ученые, историческiя критики объ *эпопее Карловиновъ, о Берть съ большими ногами, о Романъ Лисци*. Потомъ читатель съ удивленiемъ встрѣчаетъ переводъ съ датскаго *Гамлета*, индiйскую драму *Саконтала*, сравненiе Юанны д'Аркъ Шапелена съ вольтеровой, биографiи Гошмана и Кернера.

Это необыкновенное смѣшенiе разныхъ статей происходитъ оттого, что всѣ онѣ были напечатаны въ различныхъ журналахъ, а этюды читаны въ ученыхъ заведенiяхъ и только немного передѣланы для печати.

— *Rétif de la Bretonne (Ретифъ де-ла-Бретонъ)*, Шарля Монселе. Въ этой книгѣ изображена по вѣрнымъ документамъ вся жизнь Ретифа де-ла-Бретонъ со всѣми его похождениями, несчастiями, заключенiями. Шарль Монселе собралъ также все, что было писано про него, приложилъ полный каталогъ его сочиненiй, схожiй портретъ, снимокъ подписи и привелъ нѣсколько любопытныхъ отрывковъ. Надобно признаться, что трудъ этотъ совсѣмъ-нелегкiй и что требовалось много изученiй и разысканiй для представленiя такой подробной биографiи. Вѣроятно, Шарль Монселе имѣетъ особенное пристрастiе къ Ретифу де-ла-Бретонъ. Впрочемъ, стоить только заняться какимъ-нибудь предметомъ и тотчасъ же найдешь въ немъ столько новаго и любопытнаго, что невольно увлечешься. Препятствiя только разжигаютъ любопытство, и когда всѣ свѣдѣнiя собраны, авторъ съ удивленiемъ видитъ, что у него составилъ огромный томъ вмѣсто короткой биографiи. Очень можетъ быть, что то же самое случилось и съ Монселе. Въ предисловiи онъ объявляетъ, что не справлялся, оставилъ ли Ретифъ потомство, которому, можетъ-быть, не поправятся многiя подробности биографiи, и потому никакое влиянiе, ни-

никак просьбы не дѣйствовали на его сужденія и онъ представилъ все, какъ было, не измѣняя ничего произвольно.

Извѣстный писатель Жераръ де Нерваль давно уже представлялъ въ блистательномъ разсказѣ жизнь и приключенія *Ночнаго Наблюдателя*; но это сочиненіе можно назвать скорѣе романомъ, а не биографіею. Монселе отдаетъ полную справедливость разсказу Жерара де-Нерваля и самъ приводитъ неоспоримыя доказательства каждому сужденію, каждой чертѣ изъ жизни разбираемаго имъ писателя. Загнѣтимъ только, что авторъ биографіи уже слишкомъ увлекся своимъ сюжетомъ, когда сравнилъ Ретива де-ла-Бретоня съ Бальзакомъ. Правда, оба они были тонкими наблюдателями, доводили анализъ до крайности и стремились къ отысканію женскаго идеала. Можетъ-быть, въ жизни, привычкахъ, характерахъ двухъ писателей было много сходства, но за-то какое разстояніе между талантами автора *человѣческой комедіи* и сочинителемъ *Современникъ*. Впрочемъ, заблужденіе біографа очень-понятно, потому-что за подобную работу, какъ изученіе Ретива, надобно приниматься не иначе какъ съ увлеченіемъ.

Вообще, трудъ Монселе заслуживаетъ полнаго одобренія, и желательно, чтобъ авторъ съ такимъ же терпѣніемъ и добросовѣстностью принялся за изученіе какого-нибудь другаго писателя, оказавшаго литературѣ и искусству больше услугъ, чѣмъ Ретивъ де-ла-Бретонъ.

— Вышла также одна замѣчательная греко-латинская книга:

Oracula Sibillina (Оракулы Сицилы). Вышелъ второй томъ трудовъ знаменитаго ученаго эллиниста Александра, доказывающій, что филологическія науки идутъ все впередъ во Франціи и что Германія, Англія и Голландія не одиѣ имѣютъ право гордиться своими успѣхами.

Первая часть *Oracula Sibillina* явилась въ 1841 году; теперь же вышли XI, XII, XIII и XIV книги оракуловъ съ любознательными замѣчаніями на все сочиненіе. Эти четыре книги были извлечены ученымъ кардиналомъ Анжело Май изъ рукописей амброзіанской бібліотеки и ватиканскихъ манускриптовъ. Стѣтъхъ-поръ оракулы были еще переведены германцемъ Фридлибомъ, присоединившимъ къ нимъ еще рукопись, найденную въ Мюнхенѣ. Но оба эти изданія передаютъ только самый текстъ со всѣми его ошибками и недостатками. Александръ же понялъ, что этого недостаточно, и взялся исправить текстъ, исправить всѣ грамматическія ошибки и дополнить нѣкоторые стихи дѣяльности смысла. Теперь *оракулы* явились, стало-быть, въ новомъ видѣ и могутъ быть читаемы всѣми. Александръ относитъ это сочиненіе къ третьему вѣку послѣ Рождества Христова и приписываетъ его одному еврею изъ Александріи. Въ замѣчаніяхъ автора собрано много историческихъ подробностей; переводъ выставленъ противъ текста и написанъ превосходными латинскими гекзаметрами; вообще трудъ этотъ далеко превышаетъ изданіе Фридлиба. Впрочемъ, ученый эллинистъ сознается, что изданіе нѣмецкаго писателя и особенно мюнхенская рукопись оказали ему большія услуги и что онъ много изъ нихъ заимствовалъ точно также, какъ изъ манускриптовъ Эскуриала и другихъ источниковъ, которые всѣ означены въ примѣчаніяхъ.

— Посмотримъ теперь, что дѣлается въ ученомъ мѣрѣ Парижа: Въ засѣданіи Парижской Академіи Наукъ Дюбре читалъ слѣдующую записку: «Извѣстно, что въ изумрудѣ существуетъ основное вещество, открытое Бокелемъ и названное имъ глициномъ. Вѣрнѣе добытъ изъ этой земли металлъ посредствомъ дѣйствія потассія на хлористый глицій. Вотъ свойства, открытыя въ немъ знаменитымъ химикомъ: глицій представляется въ видѣ темносѣраго порошка, совершенно-похожаго на металлическій осадокъ. Онъ принимаетъ темно-металлическій цвѣтъ; а какъ при сильномъ жарѣ не оказывается въ немъ никакого измѣненія, то надобно полагать, что онъ съ трудомъ плавится. При обыкновенной температурѣ онъ не окисляется ни въ воздухѣ, ни въ водѣ, даже въ киплячѣ. Глицій, раскаленный на открытомъ воздухѣ, на платиновомъ листкѣ, воспламеняется, горитъ ярко и превращается въ бѣлый глицинъ. Онъ легко распускается въ кислотахъ сѣрной, хлористо-водородной и селитрянной. Въ соединеніи съ первыми двумя онъ освобождаетъ кислородъ, а съ послѣдней азотъ. Послѣднія изслѣдованія съ алюминіемъ заставили меня возобновить разысканія надъ глициемъ и, по совѣтамъ Сент-Клера Девиля, получилъ я нѣкоторые новые результаты, которые полагаю достойными вниманія академии. Глицій самый легкій изъ всѣхъ извѣстныхъ металловъ, нерастворяющійся въ водѣ при обыкновенной температурѣ, или при степени кипаченія. Плотность его равна 2, 1, слѣдственно онъ легче алюминія. По наружному виду можно его смѣшать съ цинкомъ; но онъ упорнѣе плавится и занимаетъ среднее мѣсто между этимъ металломъ и алюминіемъ. Огнеупорность его и неплотность служатъ физическими свойствами для отличія его отъ цинка. Не измѣняясь въ обыкновенной температурѣ, онъ легко окисляется при жарѣ плавильной трубки, но никогда не загорается, какъ цинкъ или желѣзо, въ подобныхъ обстоятельствахъ. Концентрическая азотная кислота, только при высокой температурѣ имѣетъ надъ нимъ дѣйствіе. Слабая азотная кислота не растворяетъ его, ни въ какомъ случаѣ. Хлоро-водородная и сѣрная кислоты, даже разжиженные, растворяютъ его съ развитіемъ кислорода. Концентрической растворъ потассія растворяетъ его даже въ холодномъ видѣ, но амоніакъ не производитъ надъ нимъ никакого дѣйствія. Глицинъ, изъ котораго извлекаютъ настоящий металлъ—глицій, можетъ дать кристаллизованныя соли, которыя я тщательно разсматривалъ и о которыхъ изслѣдованіе вскорѣ представлю академии».

— Перейдемъ теперь къ Англии, въ которой замѣтимъ нѣсколько ученыхъ и литературныхъ новостей:

Графъ Кларендонъ приказалъ издать карты и замѣтки доктора Барта, посѣтившаго Центральную Африку и открывшаго рѣки, еще неизвѣстныя ни одному путешественнику. Это любопытное изданіе выйдетъ въ скоромъ времени.

Докторъ Бартъ цѣлый годъ бродилъ по *Большой Стенѣ*, гдѣ перенесъ ужасныя лишенія и первый достигъ озера Чадъ. Ричардсонъ, начальникъ этой ученой экспедиціи, умеръ, но товарищи его, и особенно неутомимый Бартъ, рѣшились продолжать изслѣдованія. Док-

торъ занялъ небольшую сумму денегъ у визиря Борну и собрался одинъ отправиться на югъ и дойти до страны Адамана, которая славится лучшимъ климатомъ во всей Центральной Африкѣ. 29-го мая 1851 года вышелъ онъ изъ Куки и черезъ двѣ недѣли былъ въ Убѣ, городѣ, находящемся на сѣверѣ отъ Адамана, на широтѣ знаменитой горы Меридиѣ, которая была замѣчена майоромъ Денгамомъ во время его путешествія.

«Съ этого мѣста (говоритъ докторъ Бартъ) вся окрестность на югъ покрыта великолѣпными полями, оживленными безчисленными стадами, принадлежащими феллатисамъ. Атмосфера была еще довольно-холодна, небо покрыто тучами и часто слышался громъ. Страна, эта не только красива, но и плодородна. Жители обитаютъ въ хижинахъ, построенныхъ гораздо-лучше и крѣпче, чѣмъ на сѣверѣ Судана. Дожливое время года продолжается семь мѣсяцевъ въ Адаманѣ, народоселеніе котораго очень-значительно, потому-что, послѣ трехъ или четырехъ часовъ пути, я встрѣчалъ города, а между ними селенія невольниковъ, принадлежащихъ начальникамъ феллатисовъ. Невольники составляютъ здѣсь главное богатство жителей, и потому у главныхъ начальниковъ ихъ еще больше чѣмъ стадъ. Однако ими торгуютъ только въ племени Дама, находящемся на востокъ отъ Юлы, столицы Государства Адаманскаго. Торговля невольниками и слоновою костью составляетъ исключительное занятіе жителей. Слоновая кость здѣсь очень-дешева, потому-что слоновъ чрезвычайно-много. Въ Байа, находящейся въ двѣнадцать часахъ отъ Юлы, ихъ безпрестанно видишь передъ глазами. Сюда привозятъ бумажныя матеріи, стеклянныя бусы, соль и мѣняютъ эти товары на туземныя произведенія.

«Саро, расположенъ въ 52-хъ миляхъ отъ Убы и считается главнымъ городомъ сѣверной части Адаманы. Это важный торговый городъ. Не доходя до Саро, мы прошли еще черезъ городъ, называемый Умбутуди, окруженный живописными пейзажами, оживленными самою красивою породою пальмъ, называемою *штана*. Жители, никогда еще не видавшіе Европейцевъ, потому-что я первый забрался въ эту страну, приняли меня очень-ласково и съ особеннымъ уваженіемъ, воображая, что я существо совершенно-другой породы.

«Самымъ важнымъ днемъ моей странствующей жизни было 18-ое іюня, когда мы прибыли къ берегамъ рѣки Берруэ въ мѣстечко, называемое Танпъ, гдѣ впадаетъ въ нее рѣка Фаро, подъ 9° 2' сѣверной широты и 14° восточной въ 235 географическихъ миляхъ на югъ отъ Куки.

«Съ-тѣхъ-поръ, какъ я оставилъ Европу, я еще не видалъ такой огромной, величественной рѣки. Берруэ *мать вода*, гораздо-больше Фаро и полмили шире ея. Глубина рѣки, гдѣ мы переѣзжали ее, простирается до девяти футовъ съ половиною. Когда вы возвращались по той же дорогѣ черезъ одиннадцать дней, вода въ рѣкѣ поднялась еще на полтора фута. Фаро имѣетъ полмили ширины и три фута глубины. Когда же вода поднимается, глубина эта доходитъ до семи футовъ, что и случилось при нашемъ вторичномъ переѣздѣ. Обѣ

рѣки имѣютъ чрезвычайно-быстрое теченіе, особенно въ направле-
ніи къ западу, къ Ковара. Мы переѣзжали Берруэ въ челнокахъ,
сдѣланныхъ изъ древесныхъ стволовъ, имѣющихъ отъ двадцати-пяти
до тридцати футовъ длины и только одинъ или полтора фута ширины.
Черезъ Фаро мы прошли въ бродъ, но на обратномъ пути это было
ужь очень-опасно по причинѣ сильнаго теченія. Говорятъ, что въ
девяти дняхъ отъ Іолы, Берруэ поворачиваетъ на юго-востокъ, а
Фаро низвергается съ высокихъ скалъ, называемыхъ Лабуль.

«Въ дождливое время по всей странѣ двѣ эти рѣки разливаются
на большое пространство. Въ концѣ іюля вода достигаетъ самой
большой высоты и остается въ одномъ положеніи въ продолженіе сорока
дней, до первыхъ чиселъ сентября, когда начинаетъ быстро сбывать.
Обѣ рѣки наполнены крокодилами. Говорятъ, что въ Берруэ есть зо-
лотой песокъ. Мы съ трудомъ перебрались черезъ рѣки и пошли на
болотистой, но красивой землѣ, вовсе ненаселенной; 21 іюня были
мы ужь въ столицѣ Іола».

Эту прекрасную рѣку Берруэ, описываемую докторомъ Бартомъ,
не видалъ до него ни одинъ европеецъ. Стало-быть это очень-важ-
ное извѣстіе, которое впоследствии можетъ быть полезнымъ для
другихъ смѣлыхъ путешественниковъ. Опасно только разлитіе рѣкъ
въ дождливое время года. Докторъ Бартъ замѣчаетъ, что иногда Бер-
руэ поднимается до сорока и даже до пятидесяти футовъ выше обык-
новеннаго, и тогда не только опасно, но даже нѣтъ никакой возмож-
ности путешествовать по затопленной странѣ.

— Милль представилъ Академіи Наукъ фотографическія изображе-
вія, воспроизведенныя на эмальированномъ стеклѣ. Эти изображенія
чрезвычайно-красивы и эффектны. Онъ покрываетъ ихъ свѣтлымъ и
прозрачнымъ веществомъ, отъ котораго изображеніе ужь никогда не
измѣняется. Послѣ этого можно его, какъ фарфоръ, мыть и тереть.
Можно вставлять эти изображенія въ рамку безъ стекла.

— Въ Лондонѣ вышли «Ислѣдованія холеры» докторовъ Бели и
Гудля, наблюдавшихъ за ходомъ этой болѣзни въ Англіи и Ирландіи.
Собранные ими факты и статистическія цифры весьма-многочисленны.

— Сѣдой англійскій поэтъ Джемсъ Монгомери (его ненадобно смѣ-
шивать съ родственникомъ его Робертомъ Монгомери, авторомъ *Лю-
чери*, умеръ 30 апрѣля въ Шеффилдѣ. Несмотря на восемьдесятъ-
три года, которые прожилъ онъ до конца жизни былъ крѣпокъ и
здоровъ, и еще за два дня до смерти предсѣдательствовалъ въ од-
номъ благотворительномъ обществѣ и пѣшкомъ воротился оттуда до-
мой, пройдя слишкомъ мило разстоянія.

Монгомери родился 4-го ноября 1771 года въ Ирвейнѣ въ Шотланд-
скомъ Графствѣ Эйръ. Отецъ его былъ пасторомъ въ сектѣ морав-
скихъ братьевъ, и отправился съ женою своею миссіонеромъ въ
Вест-Индію, гдѣ они пали жертвою вреднаго климата. Уѣзжая,
отдалъ онъ своего сына въ учебное заведеніе этой же секты въ
Йоркшейръ. Какъ ни мало способствовало все окружающее этого
ребенка возбудить въ немъ искру поэзіи, но ужь на двѣнадцатомъ
году началъ онъ описывать стихами свои чувства и впечатлѣнія. Это

развитіе раннихъ дарованій не пожелало отдать его въ ученіе къ одному лавочнику, несмотря на глубокое отвращеніе мальчика къ занятію торговлею.

Отвращеніе это побудило его въ одно утро тихонько оставить своего хозяина и съ тремя шиллингами шестью пенсами въ карманѣ отправиться пѣшкомъ въ Лондонъ. Но эта попытка была неудачна. Утомленный и измученный до полусмерти, онъ принужденъ былъ воротиться. Вскорѣ потомъ произвелъ онъ и вторую попытку; на этотъ разъ достигъ столицы, гдѣ надѣлся найти издателя своихъ стихотвореній. Книгопродавецъ, къ которому онъ обратился, отказался отъ печатанія стиховъ, но лицо молодого поэта такъ ему понравилось, что онъ взялъ его къ себѣ въ приказники и далъ ему средство читать книги.

Пребываніе Монгомери въ Лондонѣ было непродолжительно. Въ 1792 году онъ получилъ изъ Шеффилда приглашеніе участвовать въ редакціи вновь-основанной газеты *The Scheffield Register*. Вслѣдствіи молодой Монгомери принялъ на себя редакцію этой газеты, назвавъ ее *The Scheffield Time*.

Сочиненія его: *The Wanderer in Switzerland* (Путешественникъ по Швейцаріи), былъ въ 1806 году такъ благосклонно принятъ публикою, что въ полтора года имѣлъ четыре изданія. Лучшія его стихотворенія: *The world before the flood* и *the Pelikan Islands*. Послѣ нихъ съ похвалою можно упомянуть о маленькихъ поэмахъ: *The West-Indian* и *Greenland*. Въ нихъ видно много теплоты чувствъ, простоты и звуковой версификаціи.

— Вотъ любопытное сочиненіе, вышедшее въ Лондонѣ:

The Pantropheon, or history of Food and its preparations from the earliest Ages of the World. By A. Soyer, author of: «The gastronomie regenerator». Embellished with steel plates, illustrating the greatest gastronomie marvels of antiquity. (Пантрофеонъ, или исторія пищи и ея приготовленія съ самыхъ отдаленныхъ временъ, соч. Соје, автора «Гастрономическаго возстановителя, украшенная гравюрами на стали). Знаменитый мастеръ повареннаго искусства, французъ, проживающій въ Лондонѣ, Соје, издалъ уже нѣсколько книгъ о теоріи и практикѣ своего искусства, написанныхъ высокопарнымъ и ученымъ слогомъ. Онъ выражаетъ въ нихъ глубочайшее уваженіе къ своему поваренному таланту, обладая, какъ онъ говоритъ, тѣмъ *mens divinus*, который одушевляетъ поваровъ и поваровъ. Последнее его сочиненіе названо *Пантрофеонъ* и содержитъ въ себѣ исторію древнѣйшихъ блюдъ и способа приготовленія ихъ. Вмѣстѣ съ ученымъ шарлатанствомъ и пышными фразами въ этой книгѣ много любопытнаго и занимательнаго о древнемъ и новейшемъ поваренномъ искусствѣ.

Кто читалъ Горация, тотъ знаетъ, что угрюмый Катонъ смягчался мягкими вивами и охотно занимался повареннымъ искусствомъ. Онъ даже самъ сочинилъ новый перогъ, котораго приготовленіе описано у Соје. Авторъ говоритъ, что нельзя назвать этого изобрѣтенія повара гениальнымъ, однако оно обнаруживаетъ внутреннее чувство

изящнаго, составляющее качество высоко-просвѣщенныхъ умовъ. Великія эпохи Перикла, Августа, Льва X, Лудовика XIV, королевы Анны были славны и въ гастрономическомъ отношеніи. Карлъ XII страстно любилъ торты; маршалъ де-Саксъ былъ большой любитель магаронъ.

О введеніи на парижскихъ банкетахъ итальянскихъ *beccafici* (бекасы, питающіеся болѣе фигами) рассказываетъ Соле слѣдующее: «Герцогъ С. былъ большой гастрономъ. Всякій профанъ назвалъ бы эту страсть обжорствомъ, но техническій человѣкъ видитъ въ этомъ гений. Древняя Греція воздвигала статуи подобнымъ людямъ, а римскій цезарь Вителлій награждалъ за это искусство цѣлыми областями. Герцогъ С. самъ образовалъ у себя въ домѣ молодаго повара, рекомендованнаго ему на смертномъ одрѣ бывшимъ его дворежникомъ. Нитоонецъ герцога дѣлалъ блистательные успѣхи. Однажды, въ сентябрѣ, собралось у герцога нѣсколько гостей—эпикурейцевъ, которые вполне могли оцѣнить изящный вкусъ хозяина и талантъ его повара. Весь обѣдъ прошелъ въ похвалахъ разнымъ блюдамъ; ожидали наконецъ десерта, который долженъ былъ увѣнчать славу хозяина. Входитъ самъ поваръ, и на серебрянномъ блюдѣ несетъ двѣнадцать яицъ.

«Какъ! вскричалъ герцогъ: — яица!» и всѣ гости значительно переглянулись.

Поваръ не сконфузился. Онъ подалъ одно яицо герцогу, тихонько надбилъ скорлупу и просилъ отвѣдать. Тотъ очистилъ еще болѣе отверстие и нашелъ тамъ что-то шарообразное, жирное и ароматическое. Это былъ золотистый фиговый бекасъ, удивительно начиненный и прошигованный.

Герцогъ протянулъ руку своему воспитаннику:

«Петроній вдохновитель твой, сказалъ онъ: — но и подражаніе ему заслуживаетъ славу. Благодарю тебя. Ты приносишь честь своему искусству и наставнику».

Однимъ словомъ, это было классическое блюдо древнихъ Римлянъ, прославленное Петроніемъ и Трималькіономъ. Блюдо это надѣлало тогда много шума въ Парижѣ. Всѣ бѣгали къ герцогу и просили его сообщить секретъ приготовления. Но знаменитое блюдо Петронія скоро было забыто.

Любопытно у Соле описаніе хлѣбнаго рынка (*forum pistrinum*) въ древнемъ Римѣ и разныхъ сортовъ существовавшихъ тогда хлѣбовъ: сенаторскаго, атлетовъ, воиновъ и проч.

«Вотъ мы на хлѣбномъ рынкѣ (говоритъ авторъ), окруженномъ великолѣпными колоннадами. Эдилы осматриваютъ припасы. Жатва была хороша. Пять четвериковъ пшеницы стоятъ восемь рублей серебромъ на наши деньги и мѣру. На рынкѣ много иностранцевъ. Императоръ Веспасіанъ переноситъ въ этотъ день въ храмъ Мира сокровища, взятые въ Іерусалимѣ. Посреди рынка стоитъ статуя Весты (богини булочниковъ). Вдоль стѣнъ открыты шкапы со множествомъ хлѣбовъ. Всѣ они въ пять дюймовъ толщины и съ глубокими надрѣзами сверху, чтобъ удобнѣе разламывать ихъ. Они пекутся просто изъ муки, воды и соли. Въ большихъ корзинахъ свалены ржакой хлѣбъ (*anto-*

pyron), назначенный для римскихъ невольниковъ и собакъ. Хлѣбъ атлетовъ печется съ бѣлымъ сыромъ. Хлѣбъ солдатскій (*biscelatum*) продается особенными поставщиками. Греки изъ Аѳинъ поставляютъ хлѣбъ сенаторамъ и гастрономамъ; онъ печется изъ тончайшей пшеничной муки съ солью, масломъ и молокомъ. Каппадокійскій хлѣбъ идетъ только на столы богачей. *Panis artoptitius* — родъ пирожного, выпекаемаго въ формѣ, называемой *artopia*, любимой высшимъ сословіемъ. Тутъ же продается и *panis madidus*. Это тѣсто изъ молока и муки, которыми римскія дамы и щеголи на ночь покрываютъ свое лицо, чтобъ сохранить свѣжесть его».

— По отдѣлу путешествій вышли въ Англии два замѣчательныя сочиненія :

Forest life in Ceylon (Жизнь въ лѣсахъ цейлонскихъ), соч. Нейтона (Knighton). Приятно послѣ дождей и тумановъ нашего климата, сидя передъ каминомъ, читать книгу Нейтона. Воображеніе тотчасъ перенесетъ васъ подъ теплое солнце тропиковъ, среди роскошной растительности Индіи. Вы будете чувствовать благоуханную атмосферу, увлечетесь до-того поэтическими описаніями автора, что забудете классическое сѣрое небо Лондона, дожди Париза и вообразите себя въ лѣсахъ Цейлона. Въ-самомъ-дѣлѣ, могутъ ли сравниться наши болота съ величественнымъ, хотя и искусственнымъ озеромъ Канди, въ которое вода проведена изъ сосѣднихъ источниковъ? Гигантскія работы прорытія озера напоминаютъ почти нечеловѣческіе труды древнихъ жителей Индіи и Египта. Широкая дорога окружаетъ это живое зеркало и сюда собираются вечеромъ всѣ жители Канди, всѣ европейскіе путешественники, вѣроятно, не жалѣющіе о гуляньяхъ своей родины. Посреди озера возвышаются бѣлыя стѣны бывшаго дворца. Это былъ сераль владѣтелей Канди; но Джон-Буль превратилъ это убѣжище посвященное любви и женщинамъ, въ пороховую фабрику.

Moral nations of the North!

Какъ говорить ироническій Байронъ о своихъ соотечественникахъ.

Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Канди Нейтонъ нашелъ камни, похожіе на друидическіе. «Я выражаю мое мнѣніе, обдумавши его (говорить авторъ), потому-что изучилъ старательно эти камни и увѣренъ, что друидическихъ памятниковъ еще больше въ Азіи, чѣмъ въ Европѣ. Въ Персіи, въ Дарабѣ, есть стѣна, составленная вся изъ друидическихъ памятниковъ, описанная сэромъ Юзелей. Стондженгъ видѣлъ тоже подобные памятники, но приписывалъ ихъ развалинамъ буддистскихъ храмовъ, что совершенно ошибочно. Въ Цейлонѣ я видѣлъ друидическіе камни, точно такіе, какъ на островѣ Англезіи. Послѣ всѣхъ нашихъ открытій египетскихъ и ассирійскихъ памятниковъ мы еще очень-мало знаемъ о друидизмѣ. Кто можетъ сказать, гдѣ было его начало, когда слѣды его видны въ Цейлонѣ и Великобританіи? Кто знаетъ какими средствами друидизмъ распространялся съ Запада на Востокъ, или съ Востока на Западъ?»

Не надобно предполагать, что книга Нейтона посвящена только

описаніямъ живописныхъ видовъ, озеръ и лѣсовъ — нѣтъ; въ ней очень-много драматизма. Самъ авторъ влюбляется въ одну туземную силь-иду, дерется на дуэли, видится съ нею при блескѣ звѣздъ, попадаетъ въ тюрьму, словомъ: тутъ собраны всѣ элементы романа. Должно-быть, что силь-ида Нейтона была исключеніемъ въ своемъ родѣ, потому-что авторъ описываетъ прекрасный полъ въ Цейлонѣ неочень-привлекательнымъ. Вотъ его сужденіе:

«Не думаю, чтобъ можно было придумать костюмъ и некривое жительство Цейлона. Большая часть изъ нихъ носить только короткую юбку — это самый бѣдный классъ; другія, достаточнѣе, надѣваютъ бѣлую рубашку, стянутую у горла, но она не доходитъ до кушака и развѣвается по плечамъ и груди очень-некрасиво, оставляя голыми спину и грудь. вмѣсто юбки, обвертываютъ нижнюю часть тѣла кускомъ матеріи. Дамы высшаго круга носятъ рубашки длиннѣе, обрисовывающія всѣ формы тѣла; но ихъ никогда не видно на улицахъ».

Мудрено понравится въ такомъ странномъ костюмѣ, но красота и молодость придають прелесть самымъ страннымъ украшеніямъ — вотъ отчего страсть Нейтона понятна и простительна. Вообще *Жизнь въ лѣсахъ Цейлона* написана очень-живо, увлекательно, живописно и, несмотря на безконечныя описанія чудесъ природы, читается съ большимъ удовольствіемъ.

Life in Abissinia (Жизнь въ Абиссиніи), соч. Мансфильда Паркинса, съ картами и иллюстраціями. Путешественникъ этотъ не принадлежитъ къ туристамъ-любителямъ, которыхъ производитъ Англія въ большомъ количествѣ и которые любятъ такой комфортъ, что въ дорогѣ не могутъ обойтись безъ всѣхъ излишествъ вседневной ихъ жизни. Они обыкновенно везутъ съ собою цѣлый возъ принадлежностей и припасовъ, потому-что не могутъ быть довольны никакою странною, никакимъ обѣдомъ, никакою прислугою, кромѣ англійской. Паркинсъ, напротивъ, не любитъ жизни сибарита. Онъ вездѣ найдетъ удобство и поддается къ разнымъ обычаямъ. Ему какъ-то вздумалось путешествовать, хотя онъ самъ хорошенько не зналъ, въ какую сторону ѣхать. Онъ взялъ свое ружье, самый легкій багажъ и отправился въ Абиссинію, гдѣ прожилъ три года. Прожить столько времени въ Абиссиніи — это не шутка! Паркинсъ насладился жизнью посреди дикихъ и, вернувшись на свой родной островъ, началъ, какъ всякій кровный англичанинъ, писать свои путевыя впечатлѣнія. Онъ вовсе не хотѣлъ составлять серьезной книги, полезной для этнологическихъ, или географическихъ свѣдѣній, но взялся за перо, чтобъ позабавить своихъ читателей любопытнымъ рассказомъ о своемъ дальнемъ путешествіи, о нравахъ чернаго народа, обитающаго на западномъ берегу Краснаго моря между Нубією, Нигрицією и Кафрскою Землею, который еще въ IV вѣкѣ былъ обращенъ въ христіанство. Самое названіе книги означаетъ, что она написана не съ ученою цѣлью. Путешественникъ говоритъ о себѣ, быстро переходитъ отъ одного предмета къ другому, не заботясь о читателѣ; словомъ, эта

книга такъ же оригинальна, какъ и самъ авторъ ея. Вотъ что онъ говоритъ о себѣ:

«25-го марта 1843 года я поѣхалъ изъ Суэца на арабской лодкѣ въ Едду, и съ этого дня на все время путешествія отказался отъ европейскаго костюма. Впродолженіе трехъ лѣтъ я ни разу не спалъ не только на кровати, но даже на тю-фякѣ. Мой красный кофакъ скоро износился, сандалии разорвались и я продолжалъ путь съ непокрытою головою и босикомъ».

Не знаемъ много ли подражателей найдетъ Паркинсъ, чтобъ путешествовать такимъ образомъ, и еще пѣшкомъ. Однако, несмотря на бѣдную одежду, смѣлый туристъ отправился дальше и все самими необыкновенными дорогами и скоро достигъ столицы Абиссиніи, Адовы. Мы изъ уваженія къ географіи называемъ столицею селеніе, составленное, какъ и всѣ африканскіе города, изъ хижинъ, построенныхъ изъ камней, грязи и покрытыхъ соломою; но въ немъ жилъ властитель страны король Уби и потому Адова — столица. Авторъ рассказываетъ любопытный анекдотъ объ этомъ африканскомъ властителѣ.

«Король Уби распустилъ слухъ, что онъ боленъ и не впускаетъ къ себѣ никого, кромѣ нѣсколькихъ приближенныхъ особъ. Такъ—какъ мнимая эта болѣзнь продолжалась довольно—долго, то въ народѣ начали говорить, что король умеръ и что наследники не хотятъ этого объявить прежде чѣмъ условятся, кому занять мѣсто покойника. Этотъ слухъ выдумалъ тоже самъ Уби, чтобъ испытать приверженность своихъ подданныхъ. Но абиссинцы, вмѣсто отчаянія, начали радоваться. Тогда Уби вышелъ на площадь и сказалъ слѣдующую рѣчь: «Я живъ и здоровъ. Но такъ—какъ добрый мой народъ радовался моей мнимой смерти, то онъ за это заплатитъ мнѣ *тескаръ* (добровольное приниженіе въ пользу правительства и духовенства).

«Пройдя всѣ города и селенія, путешественникъ остановился надолго въ долину Робаита, гдѣ такъ свыкъ съ жизнью туземцевъ, что тѣ не считали его за иностранца и даже просили его принять надъ ними начальство. Однако Паркинсъ отказался отъ этой чести, потому—что началъ уже скучать о покинутомъ отечествѣ и опять пошелъ пѣшкомъ черезъ горы и степи до Нила.

Книга Паркинса наполнена анекдотами, любопытными извѣстіями о нравахъ жителей, странными происшествіями, описаніями охотъ, видовъ и животныхъ, словомъ: она доставитъ самое—пріятное чтеніе если и не пріохотитъ никого подражать автору.

— Наша эпоха отличается нетерпѣніемъ, которое хочетъ поглотить время и пространство. Мы скоро будемъ жаловаться, что солнце непроворный живописецъ, что электричество медленный курьеръ. И то писатели дѣлаются по-большой-части импровизаторами, а критики обязаны превратиться въ стенографовъ; поэты не успѣваютъ сочинять стихи, какъ ихъ ужъ читаютъ наизусть, словомъ: ипербола въ наше время замѣнила истину. Правило это всего—ближе можно прирѣнить къ Диккенсу, который сдѣлался любимцемъ публики, читающей съ жадностью всѣ его произведенія. Еслибъ не придумали прежде него издавать романы ливрезонами, то публика заставила бы Диккенса принять

этотъ способъ, чтобъ только скорѣе насладиться тѣмъ, что успѣлъ написать романистъ. Вотъ отчего и критика, увлеченная всеобщимъ восторженіемъ, торопится разобрать первые ливрезоны его новаго произведенія, выходящаго еженедѣльно въ журналѣ *Household Words*, не дожидаясь, когда оно окончится.

Это будетъ совершенно-новый родъ критики, который, можетъ-быть, прійдется съ успѣхомъ. Судить о цѣломъ ужъ наскучило. Не лучше ли разбирать отрывки, стараясь отгадывать послѣдующія происшествія? Это возбудитъ больше любопытства въ читателяхъ.

Притомъ же Чарльзъ Диккенсъ такой писатель, для котораго этотъ родъ критики самый удобный, потому-что онъ увлекаетъ читателя не сюжетомъ романа, но отдѣльными сценами, портретами, подробностями, представляющими самые любопытные предметы для изученія, надъ которыми стоить подумать.

Новое произведеніе его называется *Hard Times*. Что оно означаетъ? *Тяжелыя времена* или *железный вѣкъ*? Надобно ли понимать, что авторъ описываетъ много несчастныхъ или много твердыхъ, безчувственныхъ сердець? Это объяснится въ концѣ; теперь же вотъ что говоритъ газета «*Illustration*» о началѣ:

Авторъ приводитъ читателя въ школу. Всѣмъ извѣстна привязанность Диккенса къ дѣтямъ, которымъ онъ посвятилъ лучшія свои страницы, потому-что самъ примѣрный отецъ семейства и хочетъ, чтобъ всѣ малютки проводили свое дѣтство счастливо. Вотъ отчего онъ въ Никласѣ Никльби возставалъ противъ безжалостныхъ воспитателей, видящихъ въ дѣтяхъ одинъ доходъ, и которые, чтобъ обогатиться на ихъ счетъ, кормятъ ихъ дурно и ничему не учатъ.

Въ этой школѣ содержатель не жестокъ и не скупъ, но онъ убиваетъ воображеніе дѣтей своею странною методою, которая съ вѣкотораго времени распространяется очень-быстро въ Англии. Основаніе этой методы положительность, факты, матеріальность.

«Самое главное въ жизни — дѣствительность (говоритъ учитель). Учите дѣтей только положительнымъ наукамъ, потому-что онѣ одиѣ необходимы, все прочее лишнее. Даже животныхъ можно приучить къ фактамъ. Матеріальность—это польза. Вотъ на какомъ основаніи я воспитываю моихъ собственныхъ дѣтей и тѣхъ, которыхъ мнѣ поручаютъ».

Такого положительнаго человѣка выводитъ писатель. Портретъ очень-замѣчательнъ. Томасъ Градгриндъ имѣетъ во всемъ квадратныя размѣры. Лобъ у него квадратный, плеча тоже, ноги, руки тоже квадратныя, даже платье его квадратное. Главное правило его: дважды два—четыре, ничего больше, ничего меньше. Въ карманѣ его всегда таблицы умноженія, мѣръ и вѣсовъ. Дайте ему какую хотите частичку человѣка, и онъ тотчасъ же скажетъ вамъ ея вѣсъ и мѣру; словожь: это не человѣкъ, а ариѣметическое правило, гальваническій аппаратъ, обязавшійся лишить дѣтей всѣхъ радостей дѣтства и наполнить ихъ головки цифрами, фактами.

«Дѣвочка № 20, сказалъ мистеръ Градгрингъ поднимая свой квадратный палець: я не знаю еще кто она?»

«Это я, Сесси Джюпъ, говоритъ дѣвочка краснѣя и присѣдая.

«Что это за имя Сесси? Васъ зовутъ Цецилія, такъ и носите это имя.

«Папенька зоветъ меня всегда Сесси, отвѣчаетъ ребенокъ, краснѣя еще болѣе и дрожащимъ голосомъ.

«Скажите вашему папенькѣ, чтобъ онъ называлъ васъ Цецилію — вотъ и все. Чѣмъ занимается вашъ отецъ?»

«Онъ служить въ циркѣ.

Градгриндъ нахмурилъ брови.

— Вы здѣсь не должны употреблять этого слова. Вашъ отецъ дрессируетъ лошадей — не правда ли?

«Когда въ циркѣ случаются новыя лошади, такъ папенька ихъ учитъ....

«Я вамъ приказалъ не употреблять никогда слова циркѣ. Вашъ отецъ вѣрно тоже лечитъ лошадей?»

— О, да; онъ ходитъ за больными лошадьми.

— Въ такомъ случаѣ онъ ветеринарный врачъ; объясните мнѣ, что такое лошадь?»

Этотъ вопросъ привелъ дѣвочку въ большое замѣшательство.

— № 20 не знаетъ, что такое лошадь; самое обыкновенное животное. Битцеръ, отвѣчай хоть ты.

Мальчикъ присталъ съ мѣста и отвѣчалъ быстро:

— Лошадь четвероногое, травоядное животное. У ней сорокъ зубовъ, а именно: двадцать—четыре коренныхъ, четыре глазныхъ и двѣнадцать переднихъ. Линяетъ весною. Въ болотныхъ странахъ теряетъ свои копыта, которыя тверды, но все—таки ихъ подковываютъ. Мѣта лошади узнаются по знакамъ во рту.

— Теперь дѣвочка № 20 будетъ знать, что такое лошадь.

Было въ классѣ еще одно страшное лицо: — комиссаръ отъ правительства, который изъ всего составлялъ системы и заставлялъ дѣтей глотать ихъ, какъ пилюли.

— Очень—хорошо, сказалъ онъ:—вы теперь знаете, что такое лошадь. Но скажите мнѣ: можно ли оклеить комнату обоями, на которыхъ изображены лошади?»

«Послѣ минутнаго молчанія половина дѣтей закричали хоромъ: «можно!» а другая половина, видя по лицу комиссара, что отвѣтъ не понравился ему, поспѣшила сказать: «нѣтъ, нельзя!»

Это бываетъ почти на всѣхъ экзаменахъ.

— Разумѣется, нельзя! подтвердилъ экзаменаторъ.

— А почему, нельзя?

Новое молчаніе. Наконецъ одинъ изъ мальчиковъ, поспѣше, рѣшается сказать:

— Я бы совсѣмъ не обклеилъ комнату обоями, а просто выкрасилъ бы ее.

— Вы должны обклеить обоями, закричалъ съ жаромъ комиссаръ.

— Что за разсужденія, замѣтилъ Томасъ Градгриндъ:—вамъ говорить, чтобъ вы наклеили обои, такъ вы должны слушаться, а не объявлять, нравится вамъ это или нѣтъ.

— Я вамъ объясню это, сказалъ экзаменаторъ послѣ новаго мол-

чанія. — Отчего на обояхъ нельзя изобразить лошадей? Оттого, что въ дѣйствительности могутъ ли лошади бѣгать по стѣнамъ комнатъ?

— Могутъ, отвѣчала половина класса; «нѣтъ», перебила другая.

— Разумѣется, нѣтъ, сказалъ комиссаръ, бросивъ презрительный взглядъ на тѣхъ, которые ошиблись. Поэтому-то, чего не бываетъ въ дѣйствительности, то не должно и существовать. Вами должны руководить факты, а не вкусъ.

Томасъ Грандгриндъ сдѣлалъ ободрительный знакъ головою.

— Я вамъ еще больше разовью эту систему, продолжалъ, одушевляясь, комиссаръ. — Предположимъ, что вамъ надобно положить въ комнату коверъ. Выберите ли вы такой, на которомъ изображены цвѣты?

Дѣти, увѣрившись, что отрицательные отвѣты счастливѣе закричали хоромъ: «нѣтъ!» Только нѣсколько робкихъ голосовъ осмѣлились сказать «да», и въ этомъ числѣ была Сесси-Джюпъ.

— № 20 отвѣчайте мнѣ: если вамъ случится послать коверъ въ вашей комнатѣ, или въ комнатѣ вашего мужа, когда вы выростете и выйдете замужъ, отчего вы выберете непременно такой, на которомъ изображены цвѣты.

— Оттого, что я очень люблю цвѣты, проговорила дѣвочка, покраснѣвъ до глазъ.

— И вы поставите на этотъ коверъ столы и стулья и позволите ходить по ковру въ сапогахъ?

— Что жъ, вѣдь отъ этого цвѣты на коврѣ не испортятся и не завянутъ. Вѣдь это не живые цвѣты, по которымъ нельзя ходить, а только изображенія ихъ, которыя красивы и нравятся. Можно вообразить, что это въ-самомъ-дѣлѣ цвѣты.

— Вообразить! закричалъ комиссаръ: — это чтó такое? развѣ вы смѣете воображать!

— Слышите, подхватилъ Томасъ Градгриндъ, никогда не смѣйте воображать.

— Факты, факты и факты: — вотъ чтó вы должны изучать.

— Факты, факты и факты, твердилъ комиссаръ.

— У васъ должно быть одно правило — фактъ, продолжалъ экзаменаторъ. Слово «воображеніе» не должно существовать въ вашемъ лексиконѣ, потому-что оно лишнее. Каждый предметъ полезный, или служащій для украшенія, не долженъ противорѣчить дѣйствительности. Въ-самомъ-дѣлѣ, вы не можете ходить по цвѣтамъ, такъ не для чего и изображать ихъ на коврахъ. Вы никогда не видали, чтобъ птицы или бабочки сѣлись на посуду, стало-быть, никакой нѣтъ надобности и рисовать ихъ. Четвероногія животныя не ходятъ по стѣнамъ, такъ не должны быть и на обояхъ. У васъ для всѣхъ употребленій есть математическія фигуры, стало-быть и употребляйте ихъ вездѣ. Вотъ вамъ фактъ и вкусъ.

Бѣдная дѣвочка была еще такъ молода, что не понимала этой новой системы, но, несмотря на это, испугалась ея.

Съ первой сцены читатель видитъ ужъ главную цѣль автора, которую онъ будетъ постепенно развивать.

Въ странѣ, почитающейсѣ огромною мануфактурою, колоссальнымъ банкомъ, у народа, который, какъ промышленный вѣчный жидъ, не знаетъ усталости, поэзія, въ общемъ ея значеніи, не можетъ имѣть много почитателей, воображеніе избѣгается всѣми, потому—что заставляетъ терять время — главный капиталъ англичанъ. Стало—быть портреты, приведенные потомъ, чрезвычайно—вѣрны. Только наврядъ ли писатель со всѣмъ своимъ талантомъ и огромною славою достигнетъ цѣли. Положительность и проза слишкомъ укоренилась въ Англии. Правда, онъ и не старается истребить ихъ, но только возстаетъ противъ системъ, стремящихся уничтожить все, что облегчало страданія, все, что заставляло забывать горькую дѣйствительность.

За этими послѣдователями реализма Диккенсъ описываетъ учителя Чокочайльда. Это тоже очень—любопытный типъ, напоминающій сотни преподавателей, вышедшихъ изъ—подъ пера автора. Онъ былъ бы въ—состояніи учить хорошо дѣтей, еслибъ самъ зналъ не такъ много и не задушилъ своего воображенія и смысла пятидесятью науками съ греческими названіями.

Градгриндъ очень—доволенъ, что школа принадлежитъ исключительно ему. Онъ сдѣлаетъ изъ нея образцовую школу, въ которой всѣ ученики будутъ образцовыми, какъ собственные его дѣти.

У него самого пятеро дѣтей, пять моделей. Только—что модели эти начали ходить, какъ папенька тотчасъ же послалъ ихъ въ школу. Самое первое ихъ воспоминаніе состоитъ въ томъ, что они испугались, увидя огромную черную доску, на которой великанъ чертилъ бѣлыя линіи.

Бѣдныя дѣти никогда не слышали о сказочныхъ герояхъ: «Котъ въ сапогахъ», «Мальчикъ съ пальчикъ» и другихъ знаменитостяхъ, приводящихъ въ восторгъ и ужасъ малютокъ. Увидя корову, они не подозрѣвали, что она, можетъ—быть, проглотила мальчика съ пальчикъ, а только твердили, что корова травоядное животное, жующее жвачку и надѣленное многими желудками.

Однажды мистеръ Градгриндъ возвращался въ свой домъ, на которомъ тоже отразился характеръ хозяина. Это большое четырехугольное зданіе съ тяжелымъ портикомъ, бросающимъ тѣнь на главныя окна и напоминающимъ густыя брови хозяина, подъ которыми скрывается блескъ его глазъ. Домъ этотъ построень по разсчетамъ, размѣрамъ, по всѣмъ возможнымъ правиламъ. Шесть оконъ находится съ одной стороны двери и шесть съ другой, итого двѣнадцать на одномъ фасадѣ и двадцать—четыре на другомъ. Садъ, лугъ, дворъ—все это вымѣрено по циркулю. За—то домъ снабженъ всѣми удобствами. Вездѣ проведенъ газъ и вода, вездѣ вентиляторы, желѣзные затворы, машины для чистки, вездѣ чистота необыкновенная.

Для маленькихъ Грандгриндовъ устроены разные учебные кабинеты: кабинетъ металлургическій, минералогическій, конхилологическій, словомъ: все, что могъ придумать образцовый отецъ—практикъ, собрано было въ пищу уму. За—то, когда въ сосѣднемъ городѣ Кокстоунѣ бывалъ миттингъ, то всегда находились добрые люди, намекавшіе на кабинеты Градгринда и превозносившіе его практическій харак-

теръ. Градгриндъ былъ увѣренъ, что достоинъ этихъ похвалъ, и онъ всегда доставляли ему большое удовольствіе.

Онъ былъ сначала мелочнымъ торговцомъ, но вдругъ честолюбіе заставило его бросить торговлю, чтобъ современемъ имѣть въ Парламентѣ какое-нибудь значеніе — значеніе арифметической фигуры.

Онъ былъ ужъ на дорогѣ къ своему дому, какъ вдругъ услышалъ музыку. Давали представленіе въ циркѣ, манежѣ, или ипподромѣ, и артистическая группа составлена была изъ уличныхъ плясунновъ, эквилибристовъ, силачей и наѣздниковъ. Томасъ Градгриндъ былъ не такой человекъ, чтобъ обратить вниманіе на жалкое препровожденіе времени и на несчастныхъ комедіантовъ, которыхъ надлежало бы посадить въ тюрьму, или исправительные дома; но завернувъ за балаганъ, онъ увидѣлъ толпу дѣтей, прильнувшихъ къ щелямъ досокъ и наслаждавшихся спектаклемъ, хоть съ задней стороны, но даромъ.

Это поразило почтеннаго практика. Какъ смѣютъ уличные артисты привлекать дѣтей и еще, можетъ-быть, изъ образцовой школы! Онъ вынулъ лорнетъ, чтобъ рассмотреть виновныхъ, и вдругъ — о ужасъ! дочь его Луиза, ученая металлургистка, наклонилась къ щели и съ жадностью смотритъ въ нее, а сынъ его, Томасъ, глубокой математикъ, лежитъ на животѣ и старается подглядѣть подъ доски, за которыми слышенъ галопъ наѣздниковъ.

— Луиза! Томасъ! закричалъ отецъ.

Дѣти встали, испуганныя и встревоженныя, и мальчикъ машинально пошелъ за отцомъ; но дѣвочка послушалась неохотно и на лицѣ ея выразилось нетерпѣніе. Она была еще, конечно, ребенкомъ, но въ пятнадцать лѣтъ дѣвочки ужъ начинаютъ превращаться въ женщинъ. Притомъ же она была недурна собой и отецъ полагалъ, что еслибъ не его отличная метода воспитанія, то характеръ Луизы былъ бы самымъ-своевольнымъ.

— Чтò вы дѣлали тамъ, спросилъ грозно Градгриндъ.

— Мы хотѣли посмотреть, чтò тамъ представляютъ.

Отецъ началъ бранить Томаса, но Луиза взяла всю вину на себя, вѣрая, что она насильно привела брата, потому-что ей было очень-скучно, давно скучно. Эта новость удивляетъ Градгринда и онъ спрашиваетъ, чтò Луиза чувствуетъ :

— Я устала, говоритъ дѣвочка.

— Отчего?

— Сама не знаю; отъ всего.

Въ-самомъ-дѣлѣ дѣти кажутся большими, истомленными, особенно Луиза. На лицѣ ея нѣтъ ни свѣжести, ни веселости, свойственной ей лѣтамъ. Выраженіе его недовольное и мрачное и по немъ иногда пробѣгаетъ молніею мысль, гаснущая отъ недостатка пищи.

Но практической отецъ не понимаетъ, чтобъ можно было устать не отчего; онъ велитъ молчать дочери и стыдиться ребячества, и только подходя къ дому, говоритъ :

— Чтò скажутъ твои друзья, Луиза, когда узнаютъ твою шалость? Развѣ ты не дорожишь ихъ мнѣніемъ? Развѣ тебѣ не стыдно будетъ передъ мистеромъ Бондерби?

При этомъ имени молодая дѣвушка посмотрѣла на отца подозрительно, но тотъ, не глядя на дочь, повторилъ еще нѣсколько разъ, всходя на лѣстницу: Что скажетъ мистеръ Бондерби? что онъ скажетъ?

Кто же этотъ Бондерби, которымъ пугаютъ хорошенькую Луизу? Это еще неизвѣстно ни читателямъ, ни критикамъ, потому-что Диккенсъ остановился на этомъ любопытномъ мѣстѣ. Читатели съ нетерпѣніемъ ждутъ продолженія *Hard Times*.

— Взглянемъ теперь, что дѣлается въ Бельгіи.

Бельгійская Академія Искусствъ назначила комиссію, которая, должна была отправиться въ Антверпенъ, чтобъ разсмотрѣть картины Рубенса и представить, что должно сдѣлать для поправки ихъ.

Вотъ отчетъ комиссіи о работахъ, предпринятыхъ для реставраціи картинъ великаго живописца, испорченныхъ какъ временемъ, такъ и многими поправками, и сыростью стѣнъ въ антверпенскомъ соборѣ.

«Работы въ соборѣ, для сохраненія картинъ Рубенса, ужь начаты и идутъ успѣшно. Окно, находящееся противъ картинъ и пропускающее очень-сильные лучи солнца, сдѣлано матовымъ. Рамы картинъ предположено сдѣлать шире и покрыть дубовыми досками стѣну, къ которой прислонены картины, чтобъ спасти ихъ отъ сырости. Кроме-того, внутри собора сдѣланы будутъ еще двѣ двери, чтобъ сквозная вѣтеръ не осыпалъ картины пылью. Всѣ эти улучшения, для сохраненія образцовыхъ произведеній, будутъ стоить довольно-дорого, но члены собора не пожалѣютъ ничего и торопятъ только работы.

Дурной лакъ, покрывающій картину *Снятіе со Креста*, счищенъ осторожно, точно также, какъ неловкія подкрашиванья, сдѣланныя на рукъ Магдалины и на небесномъ фонѣ картины. Мѣста же, гдѣ краски отстали и отвалились, возобновлены и приведены въ прежнее положеніе, такъ-что вся поверхность холста, представляетъ тотъ же видъ, гладкій и твердый, какой имѣетъ новая картина.

Картины *Благовѣщенія* и *Вшествія во храмъ*, точно также, какъ *Св: Христофоръ* и *Пустынникъ* требуютъ многихъ поправокъ, потому-что время и сырость повредили ихъ значительно. Но антверпенскіе артисты взялись реставрировать и эти произведенія Рубенса, такъ-что никакой знатокъ не отличить новѣйшей работы отъ древней, стало-быть въ непродолжительномъ времени картины великаго живописца получатъ прежній видъ, благодаря заботливости соотечественниковъ къ сохраненію драгоценныхъ памятниковъ искусства.

— Въ Академіи Искусствъ Эрнръ Корръ читалъ очень-любопытную записку объ исторіи гравированія на мѣди. Вотъ нѣкоторые отрывки изъ этой записки.

«Искусство гравированія долго не двигалось впередъ, пока Лудовикъ XIV не началъ ему покровительствовать. Тогда оно достигло до высшей степени совершенства, и имена Одрана, Нантеля, Древе, Виля сдѣлались вскорѣ извѣстны артистамъ. Бельгіецъ Эделингъ, приглашенный министромъ Кольберомъ во Францію, образовалъ нѣ-

около учениковъ: Бервика, Массара, Тардіе; но, несмотря на цвѣтущее состояніе искусства, оно съ 1709 года было совершенно заброшено и начало оживать понемногу только во времена Имперіи.

Въ эту эпоху граверы много работали, что видно по оставшимся отъ того времени произведеніямъ. *Наполеоновскій Музей*, иллюстрированное *путешествіе въ Испанію* Делаборда; *Флорентинская галерея*, *Греческая и римская иконографія*, иллюстрированные *произведенія Камозанса* и много другихъ изданій свидѣтельствуютъ объ усовершенствованіи гравированія. Число артистовъ по этой части опять возрасло. Въ послѣдующіе годы правительство не только покровительствовало гравёрамъ, но и помогало имъ, чтобъ поддержать репутацію французской школы, въ которой учителями были Форстеръ, баронъ Денойе, Дюпонъ и др.

Съ этой эпохи и до нашего времени гравированіе находится во Франціи на высшей точкѣ совершенства. Еще недавно правительство назначило 275,000 франковъ на гравированіе лучшихъ картинъ Французскаго Музея, какъ-то: *Пиллиримова* Поля Веронеза, *Актіоны Корреджіо*, *Милосердія* Андрея дель Сарто, *Иродіады* Люини и многихъ другихъ, которые еще неизвѣстны публикѣ. Немудрено, что съ подобною поддержкою искусство сдѣлаетъ новые успѣхи. Пожертвованія правительства въ пользу гравёровъ значительны, но зато и доходы съ казеннаго гравировальнаго заведенія немалы. Въ ней до четырехъ тысячъ досокъ, и разумѣется, что магазины эстамповъ преимущественно покупаютъ гравюры и заказываютъ ихъ здѣсь, потому-что всѣ извѣстные артисты находятся въ этомъ полезномъ заведеніи. Издатели Гупиль, Гашъ, Бейнаръ, выдающіе иллюстрированныя произведенія и гравюры, заказываютъ ихъ тоже въ казенной калькографіи.

Въ Англіи искусство гравированія начало входить въ употребленіе только въ 1710 году. Прежде этой эпохи, не только гравюры, но даже литографіи дѣлались въ Бельгіи. Однако въ концѣ XVIII-го вѣка, искусство это дошло до высшей степени совершенства, потому-что Георгъ II покровительствовалъ ему. Артистъ Вулеттъ, Стренжъ, Рейлендъ, Шарпъ, Бойдель и другіе сдѣлались извѣстны многочисленными произведеніями.

Англійское правительство было неочень-щедро къ артистамъ, но вкусъ къ гравюрамъ былъ уже возбужденъ въ публикѣ, и она могла сама поддержать это искусство. Разумѣется, что гравюры большаго размѣра были рѣдки, точно также, какъ и теперь; но виньетки и иллюстраціи были въ высшей степени прекрасны. Впрочемъ извѣстные граверы Гитъ, Борнетъ, Финденъ, Пей, Робинсонъ издають иногда довольно-большія гравюры.

Французская школа имѣетъ большое преимущество передъ другими и работы ея расходятся по всѣму свѣту; но въ XVI и XVII-мъ вѣкахъ Антверпенъ пользовался еще большимъ значеніемъ въ отношеніи гравировальнаго искусства. Въ эту эпоху фламандскую школу живописи поддерживали Рубенсъ и Ван-Дикъ, которыми восхищалась вся Европа. Гравюра же имѣла представителями великихъ артистовъ

Фостермана, Понтіуса, Босверта, Галли, Гольціуса, Саделера, Брюна и др. Удобное мѣстоположеніе Антверпена способствовало еще болѣе распространенію его произведеній, но испанское владычество прекратило занятія искусствами.

Напрасно въ половинѣ XVIII вѣка баронъ Леруа хотѣлъ воскресить гравировальное искусство въ Бельгін, исчезнувшее совершенно: усилія его были напрасны. Явились, правда, талантливые гравёры Клаэссенцъ, Кардонъ Жеготъ, Демельмстеръ, но и тѣ принуждены были оставить свое отечество, чтобы извлечь какую-нибудь пользу изъ своего искусства.

Наконецъ, пятнадцать лѣтъ назадъ, бельгійское правительство рѣшилось основать двѣ школы гравированія: одну въ Брюсселѣ, другую въ Антверпенѣ, и заведенія эти, основанныя немного-поздно, все-таки приносятъ много пользы и подвинуть впередъ искусство гравированія.

— Въ Италіи вышли слѣдующія замѣчательныя сочиненія:

— *Opere varie di Antonio Rosmini Sarbati.* (*Различныя сочиненія Антоніо Росмини*). Одинъ изъ первыхъ современныхъ философовъ Италіи, Росмини, издалъ свои сочиненія, какъ прежнія, такъ и новѣйшія. Особенно замѣчательна его *Логика*. Весьма-пріятно читать книгу о такомъ серьезномъ предметѣ, писанную простымъ, удобопонятнымъ языкомъ. Иные ученые, а особливо философы думаютъ, что о подобной наукѣ нельзя иначе писать, какъ важными и высокими фразами.

— *Tractato teorico-practico di economia politica* (*Теоретико-практическій трактатъ о политической экономіи*), сочиненіе профессора Боккарда. Всеобщія одобренія встрѣтили эту книгу, вполне-заслуживающую вниманія, какъ занимающихся этою отраслью государственныхъ наукъ, такъ и частныхъ лицъ.

— На испанскомъ языкѣ въ Мадридѣ вышла замѣчательная книга, заключающая въ себѣ обзоръ царствующихъ династій въ Испаніи. По рѣдкому стеченію обстоятельствъ, изъ каждой династіи царствовало только по шести королей, или королевъ. Такъ въ XIII вѣкѣ, были слѣдующія главныя событія: соединеніе коронъ Леона и Кастиліи; развитіе монархическаго начала и борьба національнаго единства. Въ это время царствовали шесть монарховъ.

Фердинандъ III, Альфонсъ X, Санчо IV, Фердинандъ IV, Альфонсъ XI, Педро I. За этимъ слѣдовала перемѣна династїи, и въ XIV вѣкѣ на престолъ восходитъ домъ Транстамара. Событія этой эпохи: распространеніе монархіи въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніи; присоединеніе коронъ арагонской, наварской и кастильской; завоеваніе Перу, Неаполя, Мексики и пр. Опять шесть государей.

Генрихъ II, Хуанъ I, Генрихъ III, Хуанъ II, Генрихъ IV, Фердинандъ и Изабелла и послѣ нихъ: перемѣна династїи. Въ XVI вѣкѣ австрійскій домъ вступаетъ на престолъ. Событія: распространеніе границъ присоединеніе Португалїи; упадокъ Испанїи; царствуютъ шесть королей.

Хуанна и Филиппъ, Карлъ I (Карлъ Пятый), Филиппъ II, Филиппъ III, Филиппъ IV, Карлъ II и переѣзна династїи. Въ XVIII вѣкѣ происходитъ восшествіе дома Бурбоновъ; потеря Америки; войны народныя и династическія изъ-за салического закона. Въ это время царствовали шесть королей.

Филиппъ V. Лудовикъ, Фердинандъ VI, Карлъ III, Карлъ IV, Фердинандъ VII, Опять переѣзна династїи. Іосифъ Бонапарте сдѣлалъ королемъ, но борьба между династією Бурбоновъ и Наполеона кончилась возвращеніемъ Фердинанда. Изабелла взшла на тронъ тоже послѣ династической борьбы, произведенной уничтоженіемъ салического закона.

— Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ литература не имѣетъ такого вліянія, какъ въ Европѣ, и потому успѣхи ея не такъ блистательны. Впрочемъ, она продолжаетъ тихонько идти впередъ и каждый мѣсяцъ даетъ обильную пищу читателямъ. Въ послѣднее время обратила на себя общее вниманіе публики корреспонденція двухъ писательницъ: г-жи Бремеръ и мистриссъ Говить. Бремеръ, шведская писательница, издала недавно свое путешествіе по Америкѣ подъ названіемъ *Notes of the New World*. Мистриссъ Говить, какъ извѣстный американскій синій чулокъ, вздумала познакомить своихъ соотечественниковъ съ этимъ произведеніемъ, и перевела его, только не съ шведскаго изданія, а съ рукописи автора. А такъ-какъ въ печати Бремеръ многое измѣнила и ослабила множество выраженій, то переводъ вышелъ несовсѣмъ схожъ съ оригиналомъ. Эта разница была замѣчена нѣкоторыми критиками и Бремеръ изъявила свое неудовольствіе въ письмѣ, посланномъ въ «Times», гдѣ и мистриссъ Говить помѣстила свое оправданіе. Эта женская полемика заняла всѣ американскіе журналы, наполненные если не остроумными, то любопытными и довольно-злыми намеками. Дюкю правду сказалъ, что *самый опасный врагъ женщины, это—женщина*.

Вообще *путешествїя* въ большой модѣ въ Америкѣ, и что сдѣлала Бремеръ для Новой Части Свѣта, то американцы дѣлаютъ для Европы. Поминутно выходятъ путешествія по Старому Свѣту, въ которыхъ вѣтъ ничего новаго. Недавно мистриссъ Грація Гринвудъ издала свои путевыя впечатлѣнія подъ названіемъ *Haps and mishaps of a tour in Europe*, гдѣ очень-наивно объявляетъ, что Англія находится на сѣверѣ Франціи, Шотландія—на сѣверѣ Англіи и много подобныхъ извѣстій. Притомъ же путешественница расположена восхищаться всѣмъ безъ исключенія. При первомъ замѣчательномъ монументѣ она истощила всѣ восторженные возгласы, и потомъ ужъ, не найдя другихъ выраженій, повторяетъ поминутно: *it is gorgeous!* При входѣ въ Тюльери она восклицаетъ: *it is gorgeous!* на Площади Согласія опять: *it is gorgeous!* въ Гамптон-Кортѣ тоже: *it is gorgeous!* въ церкви Св. Петра въ Римѣ три раза: *it is gorgeous!* Жаль, что про ея книгу нельзя сказать того же.

Мистриссъ Кора Мовать, молодая актриса, оставила сцену и издаетъ свои «Записки», какъ говорятъ, по желанію мужа. Эта книга любопытнѣе всѣхъ путешествій, потому-что изображаетъ одну изъ за-

нимательнѣйшихъ женскихъ біографій. Если по имени автора вообразить, что записки Кора Моватъ написаны въ томъ же духѣ и тонѣ, какъ записки Флоры и г-жи Сакки, то очень ошибутся: драма американской актрисы проста и трогательна. Она вышла замужъ очень-молодою и несчастныя обстоятельства довели ее скоро до самаго крайняго положенія. Молодая женщина рѣшилась взяться за перо, чтобъ не умереть съ голоду. Романы, повѣсти, журнальныя статьи, поваренныя книги — она готова писать все, и къ-счастью еще, нашелся издатель великодушнѣе, или разсчетливѣе другихъ, который продолжалъ давать ей работу. Наконецъ она написала комедію и отдала ее на сцену — и другое счастье: комедія имѣла успѣхъ. Тогда мистриссъ Кора Моватъ приняла послѣднее рѣшеніе, чтобъ составить себѣ скорѣе независимое состояніе. Она поступила на сцену и, несмотря на интриги партій, зависть товарищей, хлопоты и труды, достигла того, что составила себѣ сценическую репутацію и нажила честный кусокъ хлѣба.

Стиховъ пишутъ очень-мало въ Америкѣ, хотя чувствительная школа Марвела имѣетъ большой успѣхъ. Къ-несчастью, всѣ подражатели и ученики поэта не одарены большимъ талантомъ и возгласы ихъ къ лунѣ, звѣздамъ, зефирамъ, способные только нагнать сонъ.

Движеніе столовъ, произвело тоже замѣтное движеніе въ литературѣ. Произошли двѣ партіи, которыя ведутъ жестокою войну. — на бумагѣ. Почтенный судья Эдмондсъ занимается столкowanіями этихъ явленій и объясняетъ поочереды то Бэкона, то Сведенборга, съ которыми ведетъ продолжительныя бесѣды. Странное занятіе для судьи! но и многіе другіе, также серьезныя и уважаемые люди, ничѣмъ и ничѣмъ не занимаются, кромѣ столовъ.

Замѣчательнѣе всего въ американской литературѣ изданіе документовъ, относящихся къ исторіи Штата Нью-Йоркскаго, составленное Морганомъ и О'Каллаганъ, по порученію правительства. Въ этомъ рѣдкомъ изданіи собраны всѣ возможныя свѣдѣнія, карты, планы, виды, монеты, инструменты, открытія, и все это представлено въ превосходныхъ гравюрахъ. Напрасно только французскіе документы, полученные изъ архивовъ Франціи и Лондона, переведены на англійскій языкъ: этимъ они теряютъ свою оригинальность. Впрочемъ, за исключеніемъ этого небольшого недостатка, книга достойна всеобщаго вниманія.

Другое серьезное бібліографическое произведеніе содержитъ въ себѣ всѣ матеріалы, выбранныя изъ американскихъ газетъ съ начала нашего вѣка. Это очень-полезное изданіе, благодаря которому можно скоро дѣлать справки, не перебирая десятковъ томовъ.

Но самое важное событіе для литературы вообще — основаніе великолѣпной Асторской Библіотеки.

Богатый англичанинъ Джонъ Джакъ Асторъ хотѣлъ оставить по себѣ вѣчную память городу, въ которомъ нажилъ огромное состояніе и назначилъ 35,000 долларовъ на учрежденіе библіотеки. Скоро сумма эта показалась ему недостаточною и онъ прибавилъ еще 50,000 долларовъ, что составитъ 425,000 франковъ. Четыре года

назадъ положенъ первый камень зданія. Уже шесть мѣсяцевъ, какъ библиотека окончена, книги собраны, разложены, каталогъ составленъ. Нью-Йоркъ по справедливости можетъ гордиться великолѣпною библиотекою. Она находится въ центрѣ города, на самомъ выгодномъ мѣстѣ. Площадь Лафайета, куда она выходитъ, имѣетъ сообщеніе съ двумя главными улицами, впрочемъ, очень-спокойными, потому-что шумъ и движеніе бывають только въ торговыхъ кварталахъ. Всѣ окружныя дома отличаются замѣчательнымъ стилемъ и между ними пріятно поражаетъ зрѣніе красивый портикъ библиотеки съ бѣлыми мраморными колоннами. Внутренность зданія отвѣчаетъ наружному великолѣпно. Въ Асторской Библиотекѣ заведенъ самый строгій порядокъ. Каталогъ самый вѣрный, и въ немъ каждая книга напечатана на особенномъ листкѣ, почему при всякомъ прибавленіи сочиненій стоить только напечатать новые листки, вложить ихъ на свое мѣсто, а не перепечатывать весь каталогъ или дѣлать поминутно прибавленія. Служащіе при библиотекѣ такъ хорошо знаютъ свое дѣло, что читатель больше пяти минутъ не ждетъ книги, которую потребовалъ.

Для классификаціи книгъ принята система Брюне, введенная имъ въ своемъ *manuel du libraire*. Первую серію составляютъ теологическія книги. Ихъ 3,752; правовѣденіе имѣетъ представителями 3,107 томовъ, медицина—1,751, естественныя науки—4,249. Цѣлое отдѣленіе библиотеки назначено для сочиненій, относящихся къ промышленности. Особенная зала, заключающая до 5,000 томовъ, будетъ извѣстна, подъ названіемъ промышленной библиотеки. Математическихъ, астрономическихъ и механическихъ сочиненій собрано 5,000; произведеній объ изящныхъ искусствахъ 2,500. Коллекція филологіи простирается до 2,100 томовъ. Древняя литература дала 3,100 сочиненій, новѣйшая 11,134. Историческое отдѣленіе самое богатое и составляетъ четвертую часть всей библиотеки.

Кромѣ всѣхъ извѣстныхъ сочиненій, находящихся въ каждой публичной библиотекѣ, асторская обладаетъ многими рѣдкостями, которыми можетъ похвастать предъ Европою. Напримѣръ: у ней есть раскрашенный экземпляръ Мартенса *Palmarum genera et species*; сочиненіе Валича *Plantae asiaticae Rariores*, Порбурга—*Les plantes de la côte de Coromandel*, Одюбона—*Les oiseaux d' Amerique*, Ламберга — *Genus pinus*, одинъ экземпляръ *Arte de la lingua mexicana* сочиненіе Молина, которое теперь стоить не меньше пятидесяти долларовъ, и мексиканская грамматика Ринкона, продающаяся на вѣсь золота; между восточными сочиненіями есть тоже очень-рѣдкія, напримѣръ: *Семь морей*, грамматика персидскаго языка въ семи томахъ in folio, напечатанная во дворцѣ короля Уда, который самъ ее составилъ и *Солзда-кальпа-друма-Радго кант-дебъ*, санскритскій словарь въ семи томахъ in folio.

Въ продажѣ нельзя найти этихъ произведеній. Нѣкоторыя изъ нихъ присланы Индійскою Компаніею въ подарокъ Асторской Библиотекѣ, другія доставлены различными библиофилами. Послѣдній экзем-

ляръ пожертвованъ Мортономъ, извѣстнымъ авторомъ англо-бенгальскаго словаря.

Нельзя не упомянуть съ благодарностью о Гогсвелѣ, имя котораго будетъ уважаться наравнѣ съ именемъ великодушнаго основателя библиотеки. Асторъ пожертвовалъ сумму на сооружение зданія; но всѣ заботы по составленію библиотеки, всѣ труды, хлопоты, изысканія пали на Гогсвеля, который исполнилъ свое дѣло съ такимъ умѣньемъ, что безъ него Нью-Йоркъ долго бы еще не могъ пользоваться образцовыми произведениями всего свѣта. Мало-того, что Гогсвелъ собралъ всѣ древнія и современные сочиненія въ самое короткое время, онъ вздумалъ еще подарить Асторскую Библиотеку рѣдкими экземплярами, считающимися драгоценностями, и Нью-Йоркъ обязанъ ему тѣмъ, что обладаетъ нѣкоторыми единственными экземплярами. Остается только надѣяться, что національныя произведения займутъ почетныя мѣста въ этой библиотекѣ—разумѣется, современнѣе. Американскіе писатели вѣроятно поспѣшатъ присоединить новыя имена къ знаменитостямъ иностранныхъ литературъ.

— Джонъ Скейръ, корреспондентъ французскаго журнала *Athenaeum*, пишетъ изъ Нью-Йорка слѣдующія извѣстія о древностяхъ Центральной Америки :

«Я общалъ издателямъ Атенеума, въ 1852 году, собирать всѣ новости, относящіяся къ наукѣ о древностяхъ, и потому поспѣшилъ принять участіе въ экспедиціи, отправляющейся въ Центральную Америку, которой поручено было отыскать другой путь сообщенія, удобнѣе и скорѣе нынѣшняго. Экспедиція эта имѣла удовлетворительный успѣхъ и результатъ ея будетъ вскорѣ обнародованъ. Я, съ своей стороны, занимался собственными разысканіями, но въ то же время замѣтилъ въ Гондурасѣ превосходное мѣсто, гдѣ можно удобно провести желѣзную дорогу, которая послужитъ не только для удовольствія путешественниковъ, но можетъ быть очень-полезна и для торговыхъ сношеній.

«Цѣлый годъ провелъ я почти въ неизвѣстныхъ странахъ Центральной Америки и нашелъ много любопытныхъ и драгоценныхъ древностей. Я еще не могъ, по недостатку времени и средствъ, заняться исключительно археологическими изысканіями, однако успѣлъ собрать довольно матеріаловъ, о которыхъ составилъ отчетъ, представленный мною въ Этнологическое Общество Нью-Йорка. Вамъ же посылаю куда краткія выписки изъ моего отчета. Планы и рисунки развалинъ и древностей, найденныхъ въ Гондурасѣ и Сан-Сальвадорѣ, будутъ вскорѣ изданы при описаніи всего путешествія. Самое замѣчательное въ нихъ то, что до-сихъ-поръ они были неизвѣстны и никто не подозрѣвалъ ихъ существованія.

Развалины Тенампуа находятся на высокой горѣ, выдающейся надъ долиною Камаягуа. Гора эта чрезвычайно-крута со всѣхъ сторонъ и на нее можно взойти только въ одномъ мѣстѣ, но и этотъ путь прегражденъ развалинами каменныхъ стѣнъ. Плоская вершина горы имѣетъ полторы мили длины и полмили ширины, и все это пространство покрыто развалинами различной формы и величины. Болѣе

всего тут находится пирамидальных строеній въ три яруса, на которыхъ сдѣланы до-верху лѣстницы, какъ на мексиканскихъ *теокалли* (пирамиды). Главное строеніе, называемое храмомъ, имѣетъ триста футовъ длины и восемьдесятъ ширины. Въ немъ находится много небольшихъ пирамидальныхъ строеній; все доказываетъ, что это было самое важное мѣсто древней религіи. На вершинѣ находятся два четырехугольные резервуара для воды, которые теперь, разумеется, засыпаны обломками. Всѣхъ монументовъ, большихъ и маленькихъ, насчиталъ я до трехъ сотъ; но, за недостаткомъ времени, не могъ измѣрить даже главныхъ. У подножія горы разстлана плодородная равнина, на которой видны слѣды огромнаго народонаселенія, тогда-какъ развалины на горѣ не имѣютъ никакого сходства съ населеннымъ городомъ. Поэтому я предполагаю, что Тенампуа былъ не городъ, а священное мѣсто и крѣпость, куда скрывались жители долины во время опасности. Вообще, въ отдаленной древности храмы были въ то же время и укрѣпленіями, потому-что народы искали всегда защиты у своихъ боговъ.

Развалины Каламула. Эти развалины находятся тоже на возвышенности въ юго-западной сторонѣ долины Камаюгуа, на дорогѣ, идущей къ древнему индійскому городу Гуакикери. Мѣсто это чрезвычайно-живописно. Вся саванна покрыта огромными деревьями и почти окружена чистымъ источникомъ. Развалины эти имѣютъ большое сходство съ первыми; только ихъ не такъ много, какъ въ Тенампуа и притомъ онѣ гораздо-меньшаго размѣра. Главная пирамида покрыта снаружи камнемъ и лѣстница находится на западной сторонѣ зданія. Индійцы, проходя мимо этого монумента, снимаютъ шляпы.

Развалины Чапулистагуа. Онѣ находятся въ пятнадцати миляхъ отъ Камаюгуа въ долинѣ; близъ рѣки Сулако. Эти развалины замѣчательны какъ своею величиною, такъ и тѣмъ, что онѣ превосходно сохранились до-сихъ-порѣ. Главныя зданія образуютъ четырехугольникъ, изъ середины котораго идетъ широкая каменная дорога на высокой пригорокъ, гдѣ находится огромная пятиэтажная пирамида. У индійцевъ есть преданіе, что отъ Чапулистагуа до Тенампуа есть подземный ходъ, только врядъ ли найдется онъ теперь.

Развалины Камальтека расположены въ долинѣ Эспино, въ двадцати миляхъ на сѣверъ отъ Камаюгуа, и похожи на предвѣдущія. Главное зданіе возвышается на террасѣ, вымощенной каменными плитами и окружено небольшими монументами, поставленными симметрически. Вся долина наполнена древностями, и стоить только отрыть немного землю, чтобъ найти вазы искусной отдѣлки съ блестящею живописью, или другіе скульптурные предметы.

Въ Гондурасѣ и Сальвадорѣ и во всей странѣ отъ берега одного моря до другаго, я нашелъ до тридцати группъ подобныхъ же развалинъ, но на востокъ отъ Гондураса, въ провинціи Граціасъ, на границахъ Гватемалы, находятся самыя великолѣпныя развалины, которыхъ нельзя сравнить ни съ одними, видѣнными мною. Тутъ возвышается Копанъ, описанный ужъ путешественникомъ Стенексомъ. Развалины эти находятся на берегу рѣки Мотагуа, но я нашелъ такія же

въ долинахъ, орошаемыхъ рѣками Чамеликономъ и Сантѳаго и въ большой равнинѣ Сенсенти. Всѣ монументы такого же стѳля, какъ Копанъ, и покрыты скульптурными работами и иероглифами. Нѣкоторыя статуи превосходны и могутъ выдержать сравненіе съ лучшими произведеніями искусства.

Въ развалинахъ Тульпате я нашелъ колоссальную голову, которая можетъ похвастаться выраженіемъ самаго строгаго классическаго стѳля. Вообще здѣсь на каждомъ шагѣ встрѣчаются груды камней и обломковъ, такъ—что не только отдѣльные дома и церкви, но цѣлыя селенія и города построены изъ камней древнихъ монументовъ, а ихъ все еще очень—много.

Копанскія развалины не были еще никѣмъ старательно рассмотрѣны, потому—что это стоить большихъ трудовъ и хлопотъ. Я же получилъ отъ гондураскаго правительства не только позволеніе дѣлать разысканія, но мнѣ даны и триста человѣкъ работниковъ; однако, несмотря на это, мои труды не имѣли удовлетворительныхъ результатовъ, потому—что индѳйскій диктаторъ Каррера, принявшій титулъ президента Гватемалы, въ это время дѣлалъ нападенія на сосѣдей, и его иррегулярное войско разсыпалось по окрестностямъ, стало—быть ученые изслѣдованія подвергались большимъ опасностямъ.

Гватемала находится на возвышенномъ и здоровомъ мѣстѣ. По всему видно, что прежде она была богата и населена. Правитель Лемпира, кацикъ Серкины и Сенсенти послалъ на помощь копанскому кацiku тридцать тысячъ человѣкъ, съ которыми тотъ долго удерживалъ испанцевъ, и наконецъ отступилъ на гору, сохранившую до—сихъ—поръ его имя. Индѳйцы построили памятникъ на томъ мѣстѣ, гдѣ ояъ палъ, и каждый годъ собираются туда, принося въ даръ его душѣ камни.

Сан—Сальвадоръ занятъ бѳльшею—частью племенами Нагуаль, или настоящими мексиканцами. Во время нашествія испанцевъ, они населяли только страну между рѣками Лемпа и Парсифико.

Бѳльшая часть изъ нихъ сохранила свои древнѳе нравы и образъ жизни; но на берегу моря, на пространствѣ шестидесяти миль, начиная отъ порта Либертада до Акагутлы, вся страна, называемая *Берегомъ Бальзама*, населена индѳйцами, непонимающими ни слова помексикански и управляемыми собственными законами. Они торгуютъ извѣстнымъ *перуанскимъ бальзамомъ*, который, несмотря на свое названіе, дѣлается только на этомъ берегу.

Въ Сан—Сальвадорѣ главныя развалины находятся близъ Сан—Винценти и называются Опио. Онѣ состоятъ изъ огромныхъ террасъ, башенъ, пирамидъ, погребовъ и подземныхъ ходовъ, кромѣ множества зданій въ родѣ находящихся въ Паланкѣ. Жаль, что я не могъ рассмотреть особенностей этихъ развалинъ. Но на это мало и трехъ мѣсяцевъ, а я могъ располагать только нѣсколькими днями. Впрочемъ, я успѣлъ снять немного рисунковъ и плановъ, которые, какъ ужъ я сказалъ, будутъ приложены къ подробному описанію моего путешествія въ Центральную Америку».

Этнологическое Американское Общество выслушало очень—благо-

склонно отчеть Слейра и выразило ему благодарность за его полезныя изученія и разысканія о странахъ, почти неизвѣстныхъ не только европейскимъ, но и американскимъ ученымъ. Со временемъ эти любопытныя развалины, посѣщаемыя чаще путешественниками, могутъ быть, послужатъ къ поясненію историческихъ фактовъ, которыя досихъ-поръ чрезвычайнѣе-темны и недостаточны, о первобытныхъ народахъ, населявшихъ эти богатыя страны. Слѣдовъ величія и могущества первобытныхъ племенъ очень-много, но наукѣ надобно еще много трудовъ и времени, чтобъ изучить всѣ развалины, обломки, надписи, скульптурныя работы и по нимъ возсоздать эпоху процвѣтанія индійскихъ народовъ, находящихся теперь на низкой степени образованности. Всѣ ждутъ съ нетерпѣніемъ полнаго описанія путешествія Слейра.

— Наконецъ есть важныя новости и въ Азіи. Въ послѣднее время тамъ сдѣлано множество драгоценныхъ приобретеній древняго искусства. Недавно еще Лейардъ обогатилъ британскій музей важною коллекціою монументовъ различныхъ видовъ и формъ, барельежами, статуями, обелисками, скульптурными работами, надписями, эмальрованными плитами, оружіемъ, превосходно-выдѣланными вещицами изъ слоистой кости, вазами и проч. Эти предметы, за исключеніемъ немногихъ, найдены въ Хорзабадѣ, Куонджекѣ, Карамлестъ и Кала-Ширгагѣ. Большое количество ихъ открыто также въ обширныхъ развалинахъ, называемыхъ Нимрудъ и находящихся въ пятнадцати километрахъ на югъ отъ Ниневии, близъ мѣста, гдѣ рѣка Заб-Ала сливается съ Тигромъ. Скульптурныя работы Нимруда лучше сдѣланы, чѣмъ въ Хорзабадѣ; украшенія и принадлежности гораздо изящнѣе, хотя по генеалогическимъ надписямъ видно, что государь, имя котораго встрѣчается на всѣхъ зданіяхъ Нимруда, жилъ гораздо-прежде Саргона, строившаго Хорзабадъ. По тѣмъ же документамъ видно, что дворецъ Куонджека въ Ниневіи воздвигнутъ сыномъ Саргона.

Берлинскій музей приобрѣлъ большой обелискъ, на которомъ изображенъ этотъ государь. Монументъ этотъ найденъ въ развалинахъ древняго города Цитіума на островѣ Кипрѣ, гдѣ открыли также нѣсколько серебряныхъ золоченыхъ чашъ ассирійской работы. Одна изъ подобныхъ чашъ, съ рельефными фигурами, поступила въ луврскую коллекцію.

Открытие ассирійскихъ монументовъ на островѣ Кипрѣ—очень-значительный фактъ въ исторіи искусства. Онъ объясняетъ, какимъ образомъ прежде вступленія ахеменидовъ въ Малую Азію и Грецію, обѣ эти страны занимали у Ассиріи произведенія искусства и типы, сохранившіеся у грековъ по преданію вездѣ, гдѣ поселился этотъ народъ.

Въ отдаленную эпоху существовали частныя сообщенія между Кипромъ, Родосомъ, Критомъ и Сициліею, и артисты всѣхъ этихъ странъ, вѣроятно, изучали искусство гениальныхъ ассирійскихъ скульпторовъ, которые исполняли чудныя произведенія въ то время, когда Римъ еще не существовалъ. Серебряныя золоченыя кубки, найденныя въ Чери, такъ сходны съ кипрскими, что ихъ смѣло можно на-

звать современными и сдѣланными однимъ и тѣмъ же мастеромъ, стало—быть вотъ самое вѣрное доказательство сообщеній Ассиріи съ восточнымъ берегомъ Италіи. Анатомія фигуръ, изображенныхъ въ храмѣ Селинонта, по своимъ положеніямъ и нѣкоторымъ подробностямъ, принадлежащимъ условному ученію, а не природѣ, ясно показываетъ ассирійское начало. Стоять только сравнить барельефъ, найденный въ Марафонѣ, изображающій воина Аристіона, съ нѣкоторыми фигурами Хорзабада, и тотчасъ же поразитъ сходство между греческимъ и ассирійскимъ произведеніемъ. Глаза, волосы, мускулы—всѣ подробности одинаковы, точно какъ—будто бы одно изъ нихъ копія другаго.

Въ луврскомъ барельефѣ, изображающемъ Агамемнона и Тальенбіа есть пальма, которая встрѣчается также на древнихъ вазахъ, найденныхъ въ Греціи и Этруріи: не ясное ли это подражаніе пальмамъ Хорзабада?

Не одни ассирійскіе памятники доказываютъ эти артистическія сношенія. Въ Фивахъ есть картина, сдѣланная при Тутмесѣ III, то—есть за четырнадцать вѣковъ до христіанской эры. На ней изображены различные народы, приносящіе дары государю. Одна азіатская депутація, названная въ іероглифическомъ текстѣ *Руфа* (вѣроятно, жители Месопотаміи, завоєванной Тутмесомъ I), подноситъ властителю большое число вазъ различныхъ величинъ, формы, и украшенія которыхъ совершенно тѣ, какія были въ Греціи восемь вѣковъ спустя и какихъ никогда не было въ Египтѣ. Между этими вазами съ вавилонскими украшениями можно ясно отличить *силликсы*, *эногос*, *кантару*, *амфору*, *вакхическую чашу*, *летикусъ* и другія формы, извѣстныя только по греческимъ вазамъ, найденнымъ въ Санторинѣ и Милосѣ.

Аналогію между скульптурами Персеполиса и Греціи объясняли прежде тѣмъ, что барельефы Персеполиса работали греческіе плѣнные; но теперь всѣмъ извѣстно, что это сходство происходитъ отъ одинаковаго происхожденія искусства и артистовъ; только каждый народъ придалъ имъ направленіе, свойственное своему характеру.

Скульптурныя работы, найденныя Симономъ Руэ близъ Маалтанъ въ пятидесяти километрахъ на сѣверъ отъ Моссула, ясно доказываютъ ассирійское происхожденіе барельефовъ Птеріума.

Вѣроятно, что Персы продолжали снабжать восточными учителями Грецію, но вскорѣ ученики перегнали профессоровъ. Микенскіе львы сдѣлались уже знамениты, а капители Делоса украсились превосходными бюстами быковъ, точно такими же, какъ быки Персеполиса, если не лучше. На барельефахъ изображали греческихъ боговъ, снѣшанныхъ съ персидскими. То же самое смѣшеніе встрѣчается и на этрусскихъ вазахъ, на которыхъ, между сценами греческой мифологіи, проходитъ процессія животныхъ, принадлежащихъ восточной фантазіи. Азіатскій характеръ сохраненъ даже въ скульптурахъ Ассоса, гдѣ на одеждѣ фигуръ тѣ же украшения и звѣри, какія на барельефатъ Нимруда.

Кромѣ сходства въ искусствахъ, есть еще аналогія въ языкѣ грековъ и персовъ, несмотря на политическіе ихъ раздоры.

Что касается до египетскаго происхожденія, которому приписывали

впродолженіе двухъ вѣковъ греческое искусство, то стоитъ только ближе изучить монументы Египта и Греціи, чтобъ видѣть всю несообразность этого мнѣнія. Пятьдесятъ лѣтъ назадъ, простительно было антикваріямъ заблуждаться, потому—что они плохо знали произведенія греческаго искусства и не имѣли почти никакого понятія о землѣ египетской. Прежде перенесенія въ Англію статуй Партефона, прежде открытія эгинскаго фронтона, фриза Фигалии, метоповъ Селионта, Ассоса и Олимпіи, мраморовъ Ликии, прежде разысканій въ Милосѣ, Делосѣ, Афинахъ, Коринѣ, Санторинѣ, Керчѣ, Киренаикѣ, открытій, подарившихъ міру искусствъ вазы, статуи, гробницы, драгоценности, украшающія всѣ европейскіе музеи, ученые и артисты изучали искусство древнихъ только по нѣкоторымъ произведеніямъ относительно почти современныхъ, какъ—то, по Аполлону Бельведерскому, Діанѣ Версальской, Ладкоону, Геркулесу Фарнезскому и по римскимъ копіямъ.

Въ виллѣ Адріана найдены тоже римскія копіи, долго—бывшія представительницами египетскаго искусства. Винкельманъ замѣтилъ ихъ итальянское происхожденіе, но предполагалъ, что императоръ Адріанъ приказалъ сдѣлать самыя вѣрныя снимки съ *нѣкоторыхъ статуй египетскаго стиля*. Теперь никакъ нельзя сдѣлать подобнаго предположенія, потому—что характеръ египетскаго искусства извѣстенъ всѣмъ.

Римляне, подражая всѣмъ народамъ и копируя всѣ стили, могли въ—самомъ—дѣлѣ ввести въ заблужденіе потомство. Ассирійское искусство тоже ничего не знало у египтянъ, если судить по памятникамъ, открытымъ до—сихъ—поръ. Изображенія ассирійскихъ скульпторовъ, даже самыхъ древнихъ династій, не имѣютъ сходства ни съ одной изъ эпохъ египетскаго искусства.

Однако, такъ—какъ между Египтомъ и Ассирією существовали политическія и коммерческія сношенія, то эти страны легко могли мѣняться своими произведеніями, и занимали другъ у друга разные типы и способы, какъ это всегда бываетъ между сосѣдними народами. Вотъ отчего въ ассирійскихъ скульптурахъ встрѣчаются жуки съ символическими знаками, а у египтянъ—цилиндрическія формы амулетовъ Ниневіи и Вавилона. Лейардъ нашелъ въ развалинахъ Нимруда костяныя дощечки съ египетскими фигурами и даже съ іероглифическими надписями.

Въ 1831 году французское правительство назначило ученую экспедицію для разысканій въ Сиріи, Вавилоніи и Моссулъ. Работы предприняты были французскимъ консуломъ Викторомъ Пласомъ, и онъ успѣлъ уже прислать большое количество древностей, обѣщая музею еще много драгоценныхъ монументовъ, найденныхъ имъ въ развалинахъ.

До—сихъ—поръ въ парижскомъ музеѣ очень—мало вавилонскихъ и персидскихъ монументовъ, но они превосходно характеризуютъ стиль каждаго народа, тогда—какъ исторія ихъ мало извѣстна. Самая удивительная черта древнихъ артистовъ—единство въ правилахъ искусства. Самое маленькое изображеніе на драгоценномъ камнѣ, кажется, вырвано тѣмъ же самымъ артистомъ, которымъ изсѣчена въ скалѣ

колоссальная фигура. Стоитъ старательно изучить стиль египетскихъ и персидскихъ монументовъ, чтобъ увидѣть, что между ними нѣтъ ничего общаго.

За исключеніемъ монетъ, выбитыхъ царями Асмонейми, въ европейскихъ музеяхъ не было никакихъ монументовъ изъ Палестины, потому что колонна храма, сохранившаяся въ Сен-Жан-Латранъ, принадлежитъ по всемъ вѣроятностямъ, эпохѣ Ирода. Превосходные обломки гробницы, найденные Сольси въ скалѣ у воротъ Иерусалима, известной подъ названіемъ *Гробницы Царей*, представляютъ еще новый предметъ для изученія археологовъ. Въ прежнія времена израильтяне прибѣгали къ иностранцамъ для украшенія своихъ памятниковъ и зданій. Финикіи производили большую часть артистическихъ работъ. Они дали просторъ своему воображенію и изображали на зданіяхъ фантастическихъ животныхъ, львовъ, быковъ, точно какъ въ Тирѣ. Замѣтно тоже, что скульпторы эти были ассирійской школы. Но гробница, найденная Сольси, не имѣетъ никакого сходства съ финикійскими украшеніями. Во всехъ украшеніяхъ ея нѣтъ ни одного живаго вещества и всѣ орнаменты состоятъ изъ растений. Замѣчательно, что гирлянды на саркофагѣ составлены изъ винограда, лимоновъ, гранатъ и миндальныхъ вѣтвей. На одной изъ оконечностей находятся двѣ звѣзды съ кольцомъ, что встрѣчается на нѣкоторыхъ ассирійскихъ монументахъ и въ Хорзабадѣ. Финикіи употребляли этотъ орнаментъ на гробницахъ афинскихъ, африканскихъ и на алтаряхъ острова Гоццо. Въ то время, когда поклонялись Ваалу, могли принять и изображенія финикійской религіи.

Изъ всехъ этихъ замѣчаній видно, какъ важны ассирійскіе монументы для всеобщей исторіи. Цари Ниневіи имѣли вліяніе не только на народы западной Азіи, но и на Грецію, и поэтому европейскіе народы, за неимѣніемъ другихъ свѣдѣній, должны тщательнo изучать искусство ассирійянъ, начертанное неизгладимо на памятникахъ и развалинахъ храмовъ и дворцовъ.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Петербургъ пустынь. — Наслажденія загородной жизни и крошечныя ея неприятности. — Какимъ образомъ читатель вспоминаетъ о Петербургѣ. — Какъ много жизни въ Петербургѣ. — Благословенный уголокъ. — Цѣлительныя воды. — Увеселительныя парки. — Новое шоссе. — Измѣненіе парголовскихъ правъ. — Какія дачи въ модѣ. — Что дѣлаетъ Имперъ. — Нѣчто о Фрааклидѣ. — Что можетъ быть современемъ. — Пикники и гулянья на воздухѣ. — Забѣдательная женщина. — Какую дорогу избралъ однажды Бернадоттъ. — Неприятная исторія съ покойнымъ императоромъ Наполеономъ. — Знаменитые воздухоплаватели.

Только сбѣжить послѣдній снѣгъ и станетъ подсыхать грязь, какъ читатель (по крайней мѣрѣ это относится къ болѣе части читателей) спѣшитъ выбраться изъ пыльнаго и душнаго (такъ предполагается) города и отдохнуть на свѣжемъ воздухѣ дачи, или, еще лучше, деревни.

Можно ли (думаетъ читатель), оставаться лѣтомъ въ Петербургѣ? Сохрани Богъ! Камень накалится солнцемъ; всѣ дома покраются лѣсами и лѣстницами; мужики начнутъ штукатурить, чинить, красить и жѣть пѣсни; пыль, духота... нестерпимо! Да и кто же остается лѣтомъ въ городѣ? Помилуйте!

Читатель увѣжаетъ. Большой и тѣнистый садъ къ его услугамъ, рѣка или прудъ, цвѣты, лѣсъ, ароматный воздухъ, словомъ: все, что немало доставляетъ человѣку удовольствія. Читатель чувствуетъ себя совершенно-здоровымъ: это доказывается громаднымъ аппетитомъ. Прогулки раннимъ утромъ, прогулки вечеромъ, купанья, рыбная ловля, знакомство и визиты сосѣда, красивая мѣстность — какая бездна наслаждений! Какъ счастливъ бѣжавшій изъ Петербурга! Но посмотримъ на оборотъ медали. Сосѣдъ (съ него неперемѣнно слѣдуетъ начать — такъ ужъ принято съ незапамятныхъ временъ), сосѣдъ скученъ и безтолковъ до крайности; съ нимъ и двухъ словъ не о чемъ сказать; ему бы только покушать да поспать. Мѣстность, конечно, очень-красива; да вѣдь все одно да одно, воля ваша, прискучить. Прогулки пріятны, равно пріятны и въ лѣсу, и въ саду; но комары... Боже мой, что это за несносные комары! Руки, лицо и шея покрываются пузырями отъ этихъ кровосадныхъ тварей. А попробуйте уснуть! Только глаза ваши станутъ смыкаться, только почувствуете вы, что пріятная лѣнь и дремота одолеваетъ васъ — нестерпимый пискъ раздастся надъ ухомъ, и вы принуждены нарушить свой сладкій покой и отмахнуть грозною рукою ничтожнаго трубача. Нѣтъ сомнѣнія, крошечное насѣкомое сильно испугано вашимъ движеніемъ; оно сознаетъ все свое ничтожество передъ вашею ужасною рукою; оно понимаетъ, можетъ быть, что исполнская рука эта въ одно мгновение прекратитъ, если захочетъ, наслажденіе жить и пить алую кровь на прелестныхъ розовыхъ щечкахъ. Вы успокоились, вы опять готовы задремать; но возможно ли это, когда новый пискъ угрожаетъ явною опасностью вашему носу? Положимъ, что новымъ взмахомъ руки вы дали замѣтить комару, что ему не слѣдуетъ покушаться и на носъ — прекрасно; онъ попробуетъ ата-

ковать лобъ... Терпѣнье лопнуло; снисходительность, очевидно, не ведетъ ни къ-чему, и, дѣлать нечего, подкарауливъ врага вашего, вы со всего размаха ударяете себя по лбу. Чтожь изъ этого? Нѣжная подруга убитаго, его искренній пріятель, цѣлое семейство развѣ не стануть мстить вамъ за смерть дорогаго имъ существа? Со всѣхъ сторонъ слышится пискъ отчаянія и негодованія. Вотъ тоненькимъ голоскомъ рыдаетъ неутѣшная подруга погибшаго, воодушевительнымъ теноромъ кричитъ храбрый братъ его, гнусливо воетъ престарѣлый отецъ, отчаянно пищитъ мать, хоръ родныхъ и друзей... Боже! какая опасность грозитъ вамъ! Напрасно вздумали бы вы укутаться простынею — все равно, орудіе мщенія поразитъ васъ и подъ простынею. Напрасно станете махать руками: крики не дадутъ вамъ уснуть, пискъ выведетъ васъ изъ терпѣнія, у васъ и сонъ пройдетъ... а глядишь — ужъ и солнышко стало подниматься; па-стухъ пустилъ въ дѣло свой страшный инструментъ; на его музыку отозвались десятки коровьихъ голосовъ. Тамъ, если вы на дачѣ, явились разношники, если въ деревнѣ — мужикъ, запрягая свою лошадку, Богъ-знаетъ зачѣмъ дѣлаетъ ей громкія замѣчанія. Затѣмъ начинается вставать ваша прислуга: кто-то хлопнулъ дверь; кто-то уронилъ вязанку дровъ; посуду гдѣ-то грохнули на полъ; пѣтухи орутъ немилосердо; собака гдѣ-то завываетъ... короче: заснуть нѣтъ никакой возможности! Волею или неволею, вы должны встать. Трудно предположить, что вы встанете въ хорошемъ расположеніи духа; едва-ли вы замѣтите скоро прелесть утра, свѣжесть и благоуханіе воздуха; едва-ли прійдетъ вамъ на мысль, что хорошо, вотъ, вставъ такъ рано, пройдитесь, пока нежарко, заглянуть въ поле, гдѣ давнымъ-давно копошатся мужички, обливаясь потомъ, или посмотрѣть, чтò дѣлается въ саду и оранжерейхъ. До того ли? Не глядѣть бы ни на чтò — такъ надоѣли эти ничтожные комары! Впрочемъ, природа возьметъ таки свое: мало-по-малу пріятное впечатлѣніе ночи разсѣется... Утро такъ хорошо! Какая чудная зелень! какъ свѣтла вода! какъ пріятно дуетъ свѣжій вѣтерокъ!.. Вѣтерокъ, впрочемъ, пересталъ дуть прежде чѣмъ утвердилась въ васъ рѣшительность воспользоваться удобною минутою для прогулки. Солнце начинаетъ обнаруживать свое могущество. Трава ужъ не блеститъ миллионами росинокъ. Туманъ надъ водою исчезъ. Еще нѣсколько минутъ — и вы чувствуете, что можно, и не только можно, но и должно выкупаться. Это, разумѣется, очень-пріятно, на весьма однакожь короткое время. Чтò жъ потомъ? Бѣжать въ самый темный уголъ сада, расположиться въ густой, непроницаемой тѣни и... и чтò? Подумать о пыльномъ и душномъ Петербургѣ? чтò-то тамъ дѣлается теперь? Пусть надъ нимъ стоитъ вѣчное облако пыли; пусть красится и перестроивается онъ весь, съ головы до ногъ, то-есть, съ крышъ до мостовыхъ: пусть жарко и душно въ немъ; но, чтò ни говори, вѣдь тамъ все-таки живутъ люди; туда стекаются всесвѣтныя новости; тамъ бродятъ интересные слухи. И вдругъ, словно взгрустнется по Петербургѣ, чтò-то потянется къ нему. Тамъ такъ много жизни: дома сидишь — ктонибудь заѣдетъ и расскажетъ, гдѣ, напримѣръ,

показались англійскіе корабли, или что подумалъ сэръ Нэпиръ, вступающій въ Балтійское Море. Выйдешь на улицу — народъ; попадется, пожалуй, и знакомый, съ неистощимымъ запасомъ новостей и городскихъ толковъ. Въ кондитерской, если не дома, газеты, журналы... — Позвольте! вѣдь и на дачѣ, и въ деревнѣ можно имѣть газеты и журналы? Прекрасно. Почему же не воспользоваться ими? Отламывается вѣтка акаціи, въ защиту отъ комаровъ и мошекъ, развертывается журналъ и такимъ-то образомъ, рано или поздно, предстаютъ глазамъ читателя «Петербургскія Замятки».

Онѣ должны (дѣло нелегкое!) перенести читателя въ Петербургъ, защитить его отъ пыли и жара, скрыть отъ него запахъ краски и все неблаговидное и взаменъ показать только все то, что можетъ быть интересно и приятно читателю. «Замятки» должны быть постоянно занимательны, полны самыхъ свѣжихъ и разнообразныхъ новостей и точно изображать общественную жизнь Петербурга. Но вѣдь можетъ же случиться, что нѣтъ никакихъ новостей.... Читатель нахмурился... Ну нѣтъ, нѣтъ; этого не можетъ случиться: новости всегда есть въ Петербургѣ. Жизнь общественная кипитъ непрерывно, и удовольствій не оберешься! Во многихъ мѣстахъ, какъ, на примѣръ, на Невѣ, нѣтъ пыли; въ Лѣтнемъ Саду — тоже; въ Александровскомъ Паркѣ ея очень-мало, въ Петровскомъ — также немного. На Петербургской Сторонѣ очень-приятный воздухъ и, слава Богу, зелени довольно. Многіе утверждаютъ, что нѣтъ никакой надобности переселяться куда-нибудь далеко за городъ; что на Петербургской Сторонѣ можно нанять весьма-дешевое совершенно-лѣтній домикъ, съ садомъ, и наслаждаться ровно столько жъ, сколько наслаждались бы вы, на примѣръ, въ Палластровѣ, на Черной Рѣчкѣ и въ тому подобныхъ загородныхъ мѣстахъ. Почему не повѣрить этому? Почему, переѣзжая на Каменный Островъ, къ Лѣсному Институту, въ Паргалово, или куда бы то ни было, не согласиться въ то же время, что можно жить лѣтомъ и на Петербургской Сторонѣ? Нѣтъ никакой надобности спорить о вкусахъ. Все болѣе или менѣе зависитъ оттого, съ какой стороны человекъ взглянетъ на предметъ. Тамъ вы видите, на примѣръ, во всѣхъ отношеніяхъ прекрасную даму, въ неглиже, которая спрашиваетъ черезъ окно у своего сосѣда:

— Который часть, Любимъ Петровичъ?

Сосѣдь отвѣчаетъ:

— Адмиральскій, Анна Егоровна, нисколько не конфузясь, полагая, что съострилъ. Увидѣвъ такую сцену, одинъ засмѣется; другой скажетъ: «фи! какой тонъ!» а третій пройдетъ мимо совершенно-равнодушно... Пройдетъ мимо равнодушно потому, что онъ коренной житель Петербургской Стороны и случилось ему не разъ быть свидѣтелемъ подобныхъ сценъ. Гдѣ-нибудь на Каменномъ Острову, передъ готическими окнами дачи, въ красиво-расположенномъ цвѣтникѣ, посреди камелій, георгинъ, розъ и прочаго, вы, безспорно, встрѣтите иногда птицъ... это будетъ попугай въ бронзовой клѣткѣ. Но ужъ никакъ не увидите вы тамъ пѣтуха съ курами, а на Колтовской, или Малой-Развочинной домашнія птицы эти въ большомъ ходу. Хозяинъ-охотникъ

любуется своимъ пернатымъ богатствомъ и увѣренъ, что нигдѣ небу-
ются обитатели всей улицы. Онъ думаетъ, что не ходи тутъ его пѣтухъ
и куры — улица покажется пустынною и мрачною. Можетъ-быть онъ
и правъ. На Петербургской Сторонѣ въ отличномъ порядкѣ голубят-
ни... словомъ: на Петербургской Сторонѣ можно прожить лѣто совер-
но съ такимъ же наслажденіемъ, какъ въ деревнѣ. Есть даже нѣко-
торыя преимущества. Захворали вы, напримѣръ: въ Александровскомъ
Паркѣ Заведеніе Искусственныхъ Минеральныхъ Водъ — прелезное за-
веденіе. Домикъ съ различными квартирами для больныхъ, общая за-
ла, маленькій садикъ, отдѣленный отъ парка превосходною деревян-
ною рѣшеткой. На случай дождя — крытая галерея для гуляющихъ.
При хорошей погодѣ — нѣсколько дорожекъ, *прихотливо* — извиваю-
щихся вокругъ бесѣдки, въ которой отъ шести до десяти часовъ
утра играетъ оркестръ музыки; такимъ-образомъ, если нервы ваши
неочень-разстроены, вы смѣло и даже не безъ нѣкотораго удоволь-
ствия можете прогуливаться, искусно пробираясь между достаточнымъ
количествомъ пациентовъ и прекрасныхъ пациентокъ. Изъ этого крат-
каго очерка вы ужъ видите, что и въ самой болѣзни есть нѣкоторыя
пріятныя стороны. Пойдемъ дальше. Вечеромъ — легко можетъ слу-
читься, что больной пьетъ воды и вечеромъ... итакъ, вечеромъ —
одинъ шагъ за деревянную перегородку переноситъ васъ въ паркъ.
Едва очутились вы тутъ, какъ до слуха вашего ужъ долетаютъ звуки
оркестра. Издали видите вы легкую пыль, высоко-поднимающуюся
надъ «воксаломъ»; приближаясь къ этому увеселительному заведенію,
вы яснѣе-и-яснѣе различаете густыя толпы пестренькой публики.
Какъ хорошъ этотъ молодой человѣкъ въ сѣрой пастушеской шляпѣ
и туго-стланутомъ сюртукѣ!.. съ какимъ искусствомъ помакиваетъ
онъ крошечнымъ хлыстикомъ изъ китоваго уса! съ какимъ до-
стоинствомъ поглядываетъ на скромныхъ барышень! Сколько по-
бѣдъ можетъ одержать этотъ счастливецъ! Пріятеля всѣ до одно-
го завидуютъ ему; да это и очень-естественно. Недаромъ же
приобрѣлъ онъ репутацію льва на Петербургской Сторонѣ: у не-
го очень-много знакомыхъ; онъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ ди-
рижеромъ оркестра и извѣстенъ «за буетомъ». Перестать смо-
трѣть на него можно развѣ только dlatego, чтобы отдать долж-
ную дань удивленія почтенной дамѣ въ полупрозрачной жемчужной
шляпкѣ. Дама эта сама-по-себѣ заслуживаетъ вниманія своимъ гор-
дымъ видомъ и пріятною полнотою; но главѣйшимъ образомъ она
замѣчательна красотою и манерами своихъ дочерей. Ихъ три: стар-
шая, любимица матери, представляетъ легкое подражаніе маминѣ:
сообразно съ цвѣтомъ волосъ (они черныя), шляпка молодой особы
апельсиноваго цвѣта и великолѣпно убрана зеленью. Другая дочь, въ
бѣлой шляпкѣ, отличается необыкновенно-бойкимъ взглядомъ и про-
восходнымъ цвѣтомъ лица. Младшая, блондинка, до-того очарователь-
на въ голубой шляпкѣ, что, по всей вѣроятности, сестрицы были бы
очень-рады оставить ее дома. Мужчина солидныхъ лѣтъ рѣшительно
пораженъ красотою милаго семейства и не замѣчаетъ, повидимому,
толчковъ, получаемыхъ имъ отъ проходящихъ. Красота смягчаетъ

самое черствое сердце—это очевидно!.. Какъ эффектно «пронести» старый рысакъ молодого господина съ молодою госпожею! какъ ловко... «сдержалъ» рисова бородачій кучеръ передъ подъездомъ «воксала! Многие изъ гуляющихъ остановились и пристально осматривъ прихвальныхъ. Должно-быть, какой-нибудь богатый молодой человѣкъ съ женою.

Солнце садится. Наступаетъ очень-пріятное время для прогулки; но, какъ жаль! изъ воксала клубится слишкомъ-густой табачной дымъ, и толпы замѣтно рѣднютъ. Попадаются, правда, скромныя барышни; попадаются молодые люди въ плащахъ и алмазникахъ; въ воксалѣ становится шумно и, нѣтъ сомнѣнія, очень-весело; но все-равно, большому поря домой: чувствуется сырость. Какова-то будетъ погода завтра утромъ? много ли соберется на «воды»?... Чудныя воды! чѣмъ больше лечишься, тѣмъ больше хочется лечиться.

Здоровымъ обитателямъ Петербургской Стороны недалеко и отъ другаго, не менѣе пріятнаго гулянья—Петровскаго Парка, который подрукою. Вотъ охотники до гуляній по Петровскому Парку—ничего вѣтъ удивительнаго! Хозяинъ увеселительнаго заведенія подаромъ облязгалъ въ газетахъ, что онъ не щадитъ своихъ трудовъ и издержекъ, только бы «вечтѣннѣйшая» публика осталась довольною. Чтò ему барыши! ему дорого общественное вниманіе и удовольствіе. Да похвалитъ небо бабкористному труженику исполненіе его желаній! Пусть всегда столбомъ стойтъ дымъ и веселье во вновь-устроенномъ заведеніи! Да не коснется простуда и другія неспрїятности ни прекрасныхъ, хотя и немолодыхъ артистокъ, ни этихъ трудолюбивыхъ музыкантовъ! Пускай дождь идетъ по ночамъ и никогда не мѣшаетъ общему удовольствію! Да протянетъ Петровскій Паркъ руку Александринскому, и да разрастутся она оба въ высоту и въ ширину! Можетъ-быть, современемъ характеръ этихъ гуляній замѣнится—очень можетъ-быть. Но когда? это вокуда еще неизвѣстно. До-тѣхъ-поръ, впрочемъ, въ Петербургѣ есть гдѣ разгуляться, есть на чтò посмотреть. Общественныя кареты, извозчики, шароходы и шаровозы—всѣ эти болѣе или менѣе-удобныя машины везуть васъ по первому вашему желанію; заплатите только деньги—и наслаждайтесь!

Какая-нибудь «Сальенда» или «Ласточка» доставитъ васъ въ самое короткое время въ Петерговъ. Другой день посвятите поѣздкѣ въ Царское Село и въ Павловскъ. Поѣздка чрезвычайно-дешевая, быстрая и пріятная. Иосифъ Гунгль отличается поужежнему, садъ и воксалъ стали красивѣе. Гулянье въ Павловскѣ, какъ и вонда, стойтъ въ ряду лучшихъ. Дюпотонникъ и странныхъ нарядовъ, очень, очень-мало; лица разнообразны—иначе и быть не можетъ. Понятіе красоты простирается, очевидно, изъ сравненія; и будь всѣ лица на одинъ покрой, вышло бы Богъ-знаетъ что—страшно подумать!.. Отличиться можно было бы только платьемъ; этимъ, впрочемъ, можно отличиться и теперь. Сколько странныхъ и запутанныхъ происшествій! Какая бездна уморительныхъ сценъ! Сколько новыхъ сюжетовъ для комедій, водевилля, повѣсти и даже для цѣлаго романа, что мимоходомъ замѣтить было бы величшее. Но какъ ни забавно вышло бы такое положеніе человѣ-

чества, при настоящемъ остаться все-таки лучше. Пусть попадается иногда, даже часто, лицо некрасивое, попадаетея за-то и хорошенькое... Пусть это останется какъ было. Нововведенія и улучшенія могутъ быть полезны въ другомъ мѣстѣ. И, благодареніе небу, нельзя пожаловаться, что ихъ мало у насъ. Недалеко ѣхать за доказательствомъ. Взгляните на парголовскую дорогу: видѣсто непроходимого песку—шоссе; по сторонамъ канавы; не позабыты даже пѣшеходы: и для нихъ убита широкая тропинка... Лучшаго и желать трудно. Если мы уже выбрались на новую дорогу, то не будемъ останавливаться на недавно-посыпанномъ щебнѣ — поѣдемъ дальше. Дачи тянутся по всей дорогѣ; это, безъ-сомнѣнія, сокращаетъ еѣ по-крайней-мѣрѣ на половину. Не успѣли вы оглянуться, какъ ужъ и Поклонная Гора передъ вами. Куда не заблудитесь петербуржцы лѣтѣжъ! Съ Поклонной Горы до перваго Парголова — рукой подать. Всѣ дачи заняты—это фактъ. Жители Парголова—не коренные, а дачники—измѣнились, сильно измѣнились. Рѣчь идетъ преимущественно о прекрасныхъ обитательницахъ Парголова

— Что жъ, постарѣли онѣ? подурнѣли и... Помилуйте, какъ можно сказать такую вещь! Развѣ можетъ постарѣть обитательница Парголова, да и вообще, кто бы то ни былъ изъ прекраснаго пола? Ни подь какимъ видомъ! Здѣсь говорится совершенно о другомъ.

— О чемъ же?

Давно, съ незапамятныхъ временъ, жизнь въ Парголовѣ отличалась нѣскольکو деревенскою простотою. Дамы (это сущая правда) гуляли въ кисейныхъ, барежевыхъ и даже — если ужъ пошло на откровенность—въ ситцевыхъ платяхъ. Дѣ, дѣйствительно такъ было. Этого мало; дамы очень-часто наѣздили на смиренныхъ крестьянскихъ лошадакъ въ обыкновенномъ, а вовсе не амазонскомъ нарядѣ. Съ одной стороны, это, конечно, было немного-странно; съ другой доказывало совершенную простоту нравовъ и полную независимость мнѣній. Въ настоящее время не осталось и подобія былому. Дороги шелковыя матеріи на почемъ и, несмотря на нестерпимый жаръ, употребляются парголовскими дамами *исключительно*. Кружевъ и лентъ напутывается какъ-можно-больше; нерѣдко появляются накладки изъ цвѣтовъ. Мужчины стараются, повидимому, удержать первобытную простоту и безцеремонность: носятъ парусинное пальто и соломенные фуражки... Но чтѣ значать усилія слабаго мужчины передъ всеокрушающимъ желаніемъ женщины затмить своимъ нарядомъ и, если можно, уничтожить сосѣдку?! Паргалово измѣнилось.

Заманиловка, Кабаловка и такъ далѣе остались тѣмъ, чѣмъ были и прежде: много очень-порядочныхъ дачъ, бездна цвѣтовъ, обѣды при звукахъ странствующаго оркестра—все постарому.

Въ Паркѣ отстроены прекрасный домъ. Парголовцы надѣются, что и на ихъ улицѣ будетъ праздникъ, подразумевая подь словомъ «праздникъ» музыку. Исполнится ли надежда — это еще вопросъ нерѣшенный.

Нужно ли говорить о дачахъ у Лѣснаго Института?—Сухая матеріи (въ томъ только смыслѣ, что тамъ мало воды)!

— Какія дачи въ модѣ?

Вопросъ весьма-щекотливый. Если знакомые ваши живутъ на Каменномъ Острову, то каменно-островскія дачи — самыя модныя. Если вы живете у Лѣснаго Института, то, безъ всякаго сомнѣнiя, Лѣсной Институтъ прекраснѣйшее и моднѣйшее мѣсто во всѣхъ отношенiяхъ, и такъ далѣе. Въ крайнемъ случаѣ и палостровскія дачи могутъ назваться модными.

Если, кромѣ упомянутыхъ ужъ дачъ, читатель припомнитъ Крестовскій Островъ, Аптекарскій, Черную Рѣчку, Нову и Старую Деревни, Везбородкино, Екатерингофъ, петербургскую и московскую дороги, Тентелеву Деревню, Токсово, Александровскую Мануфактуру и десятокъ другихъ, менѣе-извѣстныхъ или пропущенныхъ здѣсь мѣстностей, то какииъ громаднымъ городомъ покажется Петербургъ, населившій такую бездну дачъ только частью своихъ обитателей! Сколько развѣхалось еще по Россii!

И за-всѣмъ-тѣмъ петербургскія улицы полны народомъ. На Невскомъ Проспектѣ есть гуляющiе; правда, не такъ ихъ много и не такiе они, какъ зимой, но все же встрѣтишь кого-нибудь и даже услышишь новости. Вечеромъ движенiе замѣтнѣе: каждый, по мѣрѣ силъ и возможности, сибѣжитъ за городскую черту подышать свѣжимъ (?) воздухомъ. Одинъ отправляется къ себѣ на дачу — это счастливѣйшiй. Другой, часто съ большимъ семействомъ, ѣдетъ къ родственнику или знакомому — этотъ ужъ несомнѣнъ-счастливъ. Еще злополучнѣе третiй, которому слѣдуетъ довольствоваться двухчасовою прогулкою въ публичномъ саду и удовольствiемъ подышать табачнымъ дымомъ. Каково же положенiе четвертыхъ, то-есть постоянно-пребывающихъ въ городѣ!.. Впрочемъ, у нихъ, можетъ-быть, найдутся свои удовольствiя, можетъ-быть... но все лучше бы на гулянье куда-нибудь.

Къ Излеру, напримѣръ, по старой памяти.

— А что Излеръ? спроситъ читатель, что онъ подѣлываетъ? Каковы гулянья въ Новой Деревнѣ? Нѣтъ ли чего-нибудь новенькаго? Какова музыка? Будутъ ли разныя *ночи*, картины и проч. и проч.?

Излеръ давно ужъ, по своему обыкновенiю, отворилъ гостеприимныя двери въ Заведенiе Искусственныхъ Минеральныхъ Водъ, и праздники пошли за праздниками. Два оркестра музыки: одинъ въ саду, другой въ залѣ; очень-искусные акробаты, пѣвцы... Какъ и всегда, выдумкамъ нѣтъ числа! Излеръ иначе не можетъ устроить гуляній, и въ этомъ дѣлѣ нѣтъ у него соперниковъ. Хоть число посѣтителей нѣсколько и уменьшилось, но отъ этого, очевидно, никто не потеряетъ. Публика стала чище, избраннѣе, и гулянье въ Новой Деревнѣ приобрѣло болѣе-свѣтлый и болѣе-скромный характеръ. Причина этого измѣненiя заключается въ прекращенiи дароваго входа — и слава Богу! Еще мѣсяць — публики станетъ собираться больше-и-больше, средства учредителя развернутся и, нѣтъ никакого сомнѣнiя, потянется безконечный рядъ «волшебныхъ» ночей. Теперь пока оркестромъ дирижируетъ г. Лундъ; говорятъ, однакожъ, что это продолжится недолго, и Иванъ Гунгль снова овладѣетъ капельмейстерскимъ жезломъ. Многое предстоитъ въ будущемъ, несмотря на то, что и на-

стоящее хорошо. Можетъ—быть, если все пойдетъ наладъ, г-ну Регенти несчастливому наконецъ взлетѣть высоко, высоко къ облакамъ и потому благополучно спуститься опять на землю. Попытки ужъ начались : «монгольеръ» сильно надувается и смѣло можно рассчитывать на успешное современемъ окончаніе добросовѣстныхъ усилій. Какъ полетитъ «монгольеръ» — это другой вопросъ. Исторія аэронавтовъ представляетъ намъ до-сихъ—поръ только довольно-плачевныя приключенія этихъ смѣльчаковъ. Рассказываютъ, что гениальный Франклинъ, присутствуя какъ-то при одномъ изъ воздушныхъ полетовъ, на вопросъ : «на что можетъ быть употребленъ съ пользою аэростатъ?» отвѣчалъ :

«Это дитя, только-что родившееся.

Дитя, надо замѣтить, подрастаетъ туго и (не оттого ли, что у него очень-много нянекъ), до-сихъ—поръ безъ глазъ : никакъ не можетъ направиться туда, куда ему хочется. Изъ рукъ вонъ плохо... неужели это бѣдное дитя навсегда останется слѣпымъ? До-сихъ—поръ попытки, какъ ужъ замѣчено выше, были весьма-неудачны. Печальная исторія аэростатныхъ путешественниковъ заключаетъ въ себѣ, однакожъ, частицу отраднаго поученія и сладкой надежды, что, при большомъ развитіи науки и при нѣкоторой благоразумной осторожности воздушныхъ путешественниковъ, игрушка обратится въ дѣло серьезное.

Не вдаемся въ бесполезныя доказательства очевидной пользы под-облачныхъ странствованій : это могло бы породить длиннѣйшую диссертацию. Взглянемъ на нихъ только съ одной стороны — со стороны удовольствій и переменъ, какія неизбежно породятъ усовершенствованные аэростаты въ общественной жизни. Кареты, коляски и всѣ вообще земные экипажи, само-собою разумеется, исчезли бы навсегда. Лошади стали бы бѣгать по улицамъ безъ всякаго дѣла, какъ бѣгаютъ теперь собаки — вора имъ отдохнуть! Концерты и спектакли, а главное — итальянская опера, давались бы круглый годъ, подымаясь лѣтомъ въ болѣе-прохладную атмосферу. Заоблачныя пикишки составили бы новый и въ высшей степени интересный родъ увеселеній. Нерѣдко большое общество, вооружась обыкновенными театральными трубками, отправлялось бы «посмотрѣть на луну», какъ теперь ѣздятъ смотрѣть кронштадтскій рейдъ. Маскарадныя свиданія замѣнились бы воздушными — это гораздо удобнѣе. Сантиментальные молодые люди же приглашали бы избранныхъ своего сердца бѣжать на край свѣта и укрыться отъ людей въ скромной хижинѣ ; они стали бы говорить : «летимъ! о! улетимъ отъ людей туда, къ нашей покровительницѣ—лунѣ. Тамъ, между небомъ и землею, мы станемъ ворхать въ крошечномъ аэростатѣ, любить другъ друга вѣчно», и проч. Дамы позаботились бы украсить свои воздушные экипажи и устроить ихъ такимъ-образомъ, чтобъ наряды ихъ и въ облакахъ были замѣчны въ такой же степени, какъ это случалось до-сихъ—поръ на землѣ, и даже, если можно, больше, больше. Первое время, можетъ-быть, прекрасный полъ трусилъ бы нѣсколько; но это продолжалось бы недолго. Жизнеописанія героинь-аэронавтовъ, отличившихся еще въ прошломъ столѣтіи, должны повидимому благотельно подѣйстви-

вать на современницъ. Вотъ, пожалуй, на случай надобности, краткій очеркъ несчастнаго приключенія прекрасной госпожи Бланшаръ.

Марія-Мадлена-Софія Арманъ родилась 25 марта 1778 года, неподалеку отъ Ла-Рошеля, въ департаментѣ Средней Шаранты, и очень-молодая вышла замужъ за знаменитаго аэронавта Бланшара. Бланшаръ, поднимаясь на воздухъ и опускаясь на землю, сумѣлъ найти себѣ милліоны и славу. Къ сожалѣнію, милліоны ушли скоро въ воздухъ, и славный аэронавтъ, умеръ въ бѣдности.

Молодая вдова не пришла въ отчаяніе; она принялась также за воздухоплаваніе, и оно дѣйствительно очень-скоро поправило ея разстроенныя обстоятельства. Привычка къ воздушнымъ путешествіямъ (она совершила ихъ до пятидесяти) и присутствіе духа въ г-жѣ Бланшаръ были непримѣрны; ей случалось не разъ засыпать въ своей крошечной лодочкѣ и такимъ-образомъ проводить цѣлую ночь далеко отъ земли, куда спускалась она ужь утромъ. Терпѣливо выносила г-жа Бланшаръ всѣ неприятности и неудобства своихъ воздушныхъ странствованій. Холодъ и опасности, нисколько не ослабляли въ ней аэронавтической страсти: они, казалось, напротивъ, увеличивали природный жаръ г-жи Бланшаръ, и она почти не жила на землѣ.

Дѣло шло благополучно до 1819 года. Въ іюлѣ этого злополучнаго года г-жѣ Бланшаръ пришла несчастная мысль удивить парижскую публику фейерверкомъ, спущеннымъ на довольно-большомъ разстояніи отъ земли. Неразсудительная попытка кончилась весьма-плачевно. Загорѣлся газъ и г-жа Бланшаръ опустилась сначала на крышу дома, и крикнула: «ко мнѣ!» а потомъ со всего размаха ударилась о мостовую—вѣчная память отважной г-жѣ Бланшаръ! Конечно, она поступила неосторожно; но это не должно лишать ее вашего участія!

Въ примѣръ осторожности и благоразумія и въ противоположность слишкомъ-большой отваги молоденькой вдовы, приводимъ отзывъ извѣстнаго полководца. Подъ Андернахомъ хотѣли употребить въ дѣло аэростаты и предложили это средство командовавшему тогда французскою дивизіею Бернадотту. «Нѣтъ», отвѣчалъ будущій король Швеціи, «я пойду лучше по ослиной дорожкѣ».

Говорятъ, будто бы Наполеонъ, будучи еще школьникомъ, вздумалъ непремѣнно подняться на воздухъ. По этому поводу онъ имѣлъ весьма-неприятную исторію съ Бланшаромъ; дѣло дошло до оружія. Въ запискахъ своихъ императоръ французозъ однакожь отрекается отъ этого подвига, сваливая его на одного изъ школьныхъ своихъ товарищей, именно на Дюпона.

Если мы упомянемъ имена: братьевъ Жозефа и Этьена Монгольеровъ, Пилатра де-Розье, Гарнерела, Садлера, Винцента Лунарди, Тестю-Бриси, Пуатавена, Битторжа, Биксію, Баррала, Сирано де-Бержерака, Жиру де-Вильетта, Годара, Мосмала, Оливари, братьевъ Робертъ, и, наконецъ, Пепена, то вы будете знакомы съ *цѣлотою* аэронавтовъ.

Изъ прекраснаго пола въ исторіи воздухоплаванія, кромѣ г-жи Бланшаръ, извѣстны: маркиза де-Монталамберъ, графиня де-Монталамберъ, графиня де-Подена, г-жи Тильбъ и дѣвица де-Лагардъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ самомъ непродолжительномъ времени г. Регенти подыметя высоко на своемъ «монгольѣрь» и займетъ не послѣднее мѣсто въ ряду покойныхъ и современныхъ знаменитостей по части воздухоплаванія. Станемъ ждать и надѣяться.

Изъ воздушныхъ пространствъ, въ которыхъ мы еще покуда плохе хозяева, спѣшимъ опуститься бережно на землю у русскаго и нѣмецкаго трактировъ. Но нѣтъ; вы тутъ не захотите пробыть и пяти минутъ: вамъ не нравится музыка; васъ не занимаетъ «безстрашное хожденіе» по канату. Дачи на Крестовскомъ очень-хороши, но гулянье у трактировъ выносить только избранные — отъ души желаемъ имъ всевозможныхъ удовольствій!

— Что хорошаго на Каменномъ Острову?

Все хорошо: дачи, люди, цвѣты, театръ...

М О Д Ы.

Женскія.

Въ такіе жары, какъ у насъ теперь, весь дамскій туалетъ состоитъ изъ кисеи, барежа, кружевовъ и фулара. Для катанья набрасывается мантилья *pelisse*, фасонъ которой мы ужъ нѣсколько разъ описывали въ нашемъ журналѣ. Эта мантилья дѣлается или изъ тюля на цвѣтной тафтѣ, или изъ гроденапля.

Мы видѣли одну такую мантилью изъ гроденапля, сѣраго цвѣта, обшитою внизу въ два ряда бѣлыми кружевами, шириною въ шесть вершковъ. Кокетка, также обшита, составляетъ берту, а кружева на прорѣзяхъ имѣютъ видъ рукавовъ. Большіе банты наверху и внизу прорѣзей дѣлаютъ эту мантилью очень-нарядною.

Вотъ еще мантилья такого же фасона, изъ бѣлаго вышитаго тюля на розовой тафтѣ; она также обшита кружевами; но сверхъ кружевовъ нашитъ еще рюшъ изъ розовыхъ тафтяныхъ лентъ; такой же рюшъ на кокеткѣ и на прорѣзяхъ.

Креповые платки и шали теперь въ большой модѣ. Мы всегда предпочитаемъ для лѣта бѣлый цвѣтъ, и потому креповые бѣлые платки для насъ кажутся гораздо-наряднѣе пестрыхъ, хоть надобно сознаться, что цвѣта и рисунки на пестрыхъ платкахъ подобраны превосходно.

Манишки сверхъ платьевъ надѣваются не только съ открытыми лицами, но и съ закрытыми.

Вотъ миленькій фасонъ манишки за-просто: сзади она круглая, а спереди съ концами, которые доходятъ до талии; узенькая бумажная тесемка нашита въ семь рядовъ вокругъ всей манишки и къ концу ея пришиты кружева. Два банта изъ бѣлой кисеи съ узенькими кружевами пришиты — одинъ на груди, а другой у талии.

Баски на платьяхъ все еще продолжаютъ носить; но иногда они появляются въ утрированномъ видѣ. Вотъ, на примѣръ, мы видѣли платье изъ шелковой матеріи съ подобными басками: лифъ у этого платья былъ совершенно-гладкій; баски такъ длинны, что спускались чуть не до колѣнъ; къ концу ихъ пришиты два волана, вырѣзанные круглыми зубцами и обшитые бахромой; точно такіе же три волана нашиты на юбку. Сзади у талии было нѣсколько большихъ складокъ, ежели 'одежин эшягор и — пшиволип еувд идрл чя множороп ивѣрѣшо в

ни одной сборочки. Конечно, этотъ фасонъ очень-оригиналенъ, но нельзя сказать, чтобъ онъ былъ красивъ; и если можно допустить его, то только для длинной и тонкой талии.

Шляпы такъ же малы, какъ и были.

Кружевные шляпки въ большой модѣ; онѣ убираются крѣповыми лентами, цвѣтами и перьями.

Мужскія.

Мода — это тѣма, на которую личный вкусъ каждаго и средства могутъ разыгрывать безчисленное множество варьяцій. Намъ слѣдовательно приходится говорить очень-мало.

Цвѣта фраговъ, сюртуковъ и пальто—преимущественно черный или синій. Рукава попрежнему широки.

Сюртуки дѣлаются одnobортными, воротники и отвороты иногда шелковые.

Панталоны изъ одноцвѣтнаго трико съ лампасами, или англійской парусины, весьма-узкіе.

Жилеты изъ одной ткани съ панталонами, двубортные и одnobортные, съ костяными пуговицами.

Рубашки съ безчисленнымъ числомъ складокъ, рукава широкіе и длинныя, безъ рукавичковъ, собираются у кисти, образуя бубъ.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

У Ш. БЕРНАРДА,

на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской,
въ домѣ Паскаля, № 11.

Пьесы для фортепьяно.

	Сер. Р. К.
<i>Aggiutorio</i> . — Mazurka de salon	— 85
<i>Bernard</i> . — Сто русскихъ народныхъ пѣсень, аранжированныхъ для одного фортепьяно. Новое передѣланное и съ 25 цыганскими пѣснями умноженное изданіе. Эта коллекція содержитъ въ себѣ такимъ-образомъ 125 пѣсень. Часть I.	3 —
— Еще сто русскихъ пѣсень аранжированныхъ для одного фортепьяно. Часть II. Это собраніе содержитъ въ себѣ кромѣ великороссійскихъ, избранныя малороссійскія пѣсни	3 —
— La danse des fées. Morceau caractéristique	1 —
— «L'enfant pianiste». Собраніе легкихъ пьесокъ для дѣтей, составленныхъ изъ любимыхъ мотивовъ, съ цѣлью возбудить въ малютокъ охоту къ музыкѣ. Посвящается добрымъ матерямъ, которыя намѣрены сами учить своихъ дѣтей первымъ началамъ фортепьянной игры	1 50
<i>Burgmüller</i> . — Une soirée à Varsovie. Mazurka	— 60
<i>Beyer</i> . — Rigoletto. Petite fantaisie (60 к.) 16 лѣтъ. Romance de Dargomijsky transcrite (40 к.) Талисманъ. Romance de Titoff transcrite (40 к.) Souvenirs des Puritains. Fantaisie.	— 60
<i>Derwies</i> . — Quand je dansais! Grande valse (60 к.) Le rêve. Impromptu	— 50
<i>Döhler</i> . — Deux nocturnes № 11. 12 (каждый 60 к.) Marches. op. 68.	— 85
<i>Goria</i> . — Chanson espagnole. Morceau de concert (85 к.) Un jour de printems. Etude-fantaisie (85 к.) Les bords de la Newa. Mazurka (60 к.) La chanteuse voilée. Fantaisie.	— 85
<i>Herz</i> . — Marche mexicaine nationale (75 к.) La Californienne Polka de salon (75 к.) La Tapada. Polka caractéristique du Perou.	1 —
<i>Jodkiozka</i> . — Souvenir de Chopin. Pensée poétique	— 75
<i>Kratzer</i> . — Romance polonaise variée	— 60
<i>Kuhn</i> . — La rose d'hiver. Nocturne (50 к.) Polka di bravura.	— 75
<i>Lee</i> . — Lélectricité. Etude de salon	— 85
<i>Lefebvre-Wely</i> — La garde montante. Caprice de genre	— 75
<i>Leschetitzky</i> . — Les adieux. Romance (60 к.) Les clochettes. op. 16	— 75
<i>Lewy</i> . — Vielliebchen. Polka de salon (60 к.) Polka-Mazurka	— 85
<i>Liszt</i> . — Deux mélodies russes: № 1. Ты не повѣришь. Air bohémien transcrit (1 p. 15 к.) № 2. Соловей. Nouvelle transcription (85 к.) Le désir. Valse célèbre variée	— 85

	Сер. P. K.
<i>Kontski.</i> — Le rappel à l'armée. Caprice heroique (1 p. 50 к.)	
Scherzo. Nouvelle édition augmentée (1 p. 15 к.) Souvenir de Berlin. Galop brillant	— 85
<i>Mayer.</i> — Romance sans paroles (50 к.) Chant du gondolier (60 к.) Nocturne op. 136 (50 к.) Le désir. Romance (60 к.) Grace. Etude	— 60
<i>Mulder.</i> — La cornemuse. Pastorale	— 60
<i>Osborne.</i> — La pluie de perles. Valse brillante. Nouvelle édition	— 75
<i>Meyer</i> (L. de.) Скажи зачѣмъ. Air bohémien transcrit et varié. Nouvelle édition.	— 75
<i>Pusch.</i> — Le boulevard de la Twerskaia. Grande valse	— 60
<i>Rubinstein.</i> — Mazurka—fantaisie (1 p.) Deux mélodies	— 75
<i>Schadek.</i> — Осѣдлаю коня. Ballade de Warlamoff transcrite, précédée d'une introduction (съ красивою вишьеткою)	— 85
<i>Schulhoff.</i> — Souvenir de Kieff. Mazurka. op. 39 (75 к.) Grande marche Cosaque. op. 38 (1 p. 50 к.) Grande sonate op. 37 (2 p.) Trois idylles. op. 36 (1 p. 50 к.) Menuet de Mozart.	— 50
<i>Schiller.</i> — «Тяжело не стало силы». Fantaisie (1 p.) Réverie (60 к.) Divertissement (75 к.) Le gondolier.	— 60
<i>Thalberg.</i> — L'art du chant appliqué au piano. op. 70. Quatuor de l'opéra i Puritani (75 к.) № 3. Tre giorni. Air de Pergolese transcrit (75 к.) № 4. Air du célèbre chanteur Stradella	— 85
<i>Vogt.</i> — Fugue d'amateurs (50 к.) Valse brillante.	— 85

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе *трехъ рублей серебромъ*, получаютъ *двадцать пять* процентовъ уступки, а выписывающіе на *десять руб. сер.*, пользуясь означенною уступкою, кромѣ того, *ничего* не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только особы, которыя обратятся съ своими требованіями *непосредственно* въ магазинъ М. Бернарда. На этихъ же условіяхъ можно выписывать изъ означеннаго магазина всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы и объявлены въ какомъ—либо каталогѣ.

Въ этомъ же магазинѣ вышла 1-го іюня шестая тетрадь музыкальнаго журнала «НУВЕЛЛИСТЪ» (годъ XV), которая содержитъ въ себѣ, между прочими: *Talezzy*, Le barbier de Seville, Fantaisie brillante — *Dreyschock*, Nocturne — *Vinet*, Mazurka de salon — *Langer*, Marche slavonne — *Louis*, Valse — *Hüntten*, Marguerite, petite fantaisie — *Кн. А. Голыцынъ*, Романсъ.

Музыкально-литературное прибавленіе № 6. (Годовая цѣна подписки 10 р., съ пересылкою 11 руб. 50 коп. серебромъ).

Гг. желающіе подписаться на Нувеллистъ на 1854 г. получаютъ сполна всѣ тетради, вышедшія сначала нынѣшняго года.

Печатать позволено, 1-го іюня 1854 г. Цензоръ А. Фрейманъ.

==

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

ВЪ МАГАЗИНѢ И. ПЕЦА, НЫНѢ СТЕЛЛОВСКАГО,

ВЪ БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ, ВЪ ДОМѢ ЛАУФЕРТА № 116.

СЕР. Р. К.

Пьесы для фортепьяно въ четыре руки.

<i>Beyer.</i> — Les délassements. Recueil de petit leçons, sur des Opéras : Norma, Lucia, Belisario, Puritani, Huguenot et fille du Régiments	1 —
<i>Boieldieu.</i> — Ouverture de l'opéra : La dame blanche (85 к.) Ouverture de l'opéra : Jean de Paris à quatre mains. (Nouv. éditions)	1 15
<i>Haberzettel.</i> — Valse à 4 mains	— 30
<i>Halpert.</i> — Petite-Valse	— 60
<i>Henselt. A.</i> — Mazurka et Polka à 4 mains.	1 50
<i>Hünten.</i> — Air Suisse varié, op. 32	1 —
<i>Koulbars.</i> — Deux Quadrilles	— 85
<i>Kolbe.</i> — Valse tirée de l'opéra : Freyschütz	— 30
<i>Katzeluck.</i> — Sonate F dur à 4 mains	— 70
<i>Lahmann.</i> — Contredanse française	1 15
<i>Moscheles.</i> — Rondo brillant (Adur)	1 15
<i>Rall.</i> — Variations à 4 mains	— 85
<i>Ries.</i> — Di tanti palpiti de l'opéra : Tancred	1 —
<i>Romanus.</i> — Contredanses françaises à 4 mains	— 85
<i>Rossini.</i> — Ouverture de l'opéra : Barbier de Seville.	1 15
<i>Steibelt.</i> — Ouverture de l'opéra : Romeo et Juliette	1 15
<i>Mozart.</i> — Quatuor Célèbre (G mol) arrangé à 4 mains.	3 —
— Quatuor Célèbre (Es dur) orrangé à 4 mains	4 —
<i>Weber.</i> — C. M. Invitation à la danse (Aufforderung zum Tanz) Rondeau brillant arrangée à quatre mains par A, Henselt.	2 —

Русскіе романсы для пѣнія съ фортепьяно.

<i>Арсамельскій.</i> — Гдѣ вы дни мои, дни весенніе	— 40
<i>Булаховъ. П.</i> — Ты для меня душа и сила	— 60
<i>Делюсто.</i> — Онъ удалий былъ дѣтина	— 60
— Говорятъ мой голосъ звонокъ	— 60
<i>Глинка. М. И.</i> — Только узналъ я тебя	— 50
— Когда въ часъ веселый	— 75
— Между небомъ и землей.	— 85
— О дѣва чудная моя	— 85
— Если встрѣчусь съ тобой	— 40
— Не называй ея небесной.	1 —
<i>Львовъ.</i> — Давно ли слѣдомъ за тобой	— 50
<i>Реймардъ.</i> — Я жду тебя	— 40
<i>Ромбергъ.</i> — Дайте крылья мнѣ перелетныя	— 60

	Сер. Р. К.
— Когдабъ онъ былъ теперь со мной	— 60
— Темнорусыя кудри милаго	— 60
— Младше дни	— 60
— Дайте крылья мнѣ перелетныя съ аккомп. фортепьяно и виолончеля	1 50
<i>Цыганская пьеса</i> : Мнѣ моркотно молоденькѣ	— 30

Пьесы для фортепьяно въ дѣвъ руки.

<i>Chopin.</i> — Quatre mazurkas favorites op. 33. Exécutées dans les concerts par A. Henselt	1 30
<i>Dœhler.</i> — Tarantelle célèbre. op. 39. Nouv. édition	— 75
<i>Hummel.</i> — Concerto (Amol.) op. 85. Nouv. édition.	3 —
<i>Henselt.</i> — Chœur et Ballet de l'opéra: Euryanthe	1 —
— La Fontaine. (60 к.) Pensée fugitive (40 к.) La Goadola. Etude (75 к.) Air russe de Noroff. (1 p.) Exercices préparatoires. Nouvelle édition	1 50
<i>Schulhoff.</i> — L'Ondine, op. 35. (85 к.) Sonate op. 37	2 —
— Menuet de Mozart (50 к.) Feuille d'Album	— 30

Танцы для фортепьяно.

<i>Gungl.</i> — Pygmalion-Polka	— 50
— Souvenir de Trianon-Valse	— 85
<i>Kazunski.</i> — Звѣздочка. Polka-mazurka	— 40
— Schottisch	— 60
<i>Kramer.</i> — Pola-Polka	— 40
<i>Liadoff.</i> — Zénéide-Polka-Mazurka	— 60
— Camilla-Quadrille	— 60
— Голубчикъ галопъ	— 60
<i>Strauss.</i> — Nocturne-Quadrille	— 60
— Pepita-Polka	— 40
— Aescular-Polka	— 30
— Veilchen-Polka	— 30

Въ этомъ же магазинѣ можно получать всѣ музыкальныя сочиненія, гдѣ и къмъ бы то ни было изданныя, или объявленныя въ какомъ-либо каталогѣ на слѣдующихъ условіяхъ: выписывающіе потъ не менѣе, какъ на *три* руб. сер., получаютъ 25 процентовъ уступки; выписывающіе же не менѣе, какъ на *десять* руб. сер., получаютъ тѣ же 25 процентовъ уступки и не платятъ ничего за пересылку; выписывающіе же болѣе чѣмъ на *двадцать* руб. сер., получаютъ гораздо больше уступки. Магазинъ И. Пеца, точнымъ и скорымъ выполненіемъ требованій приобрѣлъ лестное расположеніе и довѣріе всей музыкальной публики, которымъ постоянно пользуется болѣе семидесяти лѣтъ. Также и на будущее время всѣ требованія гг. иногородныхъ будутъ удовлетворяемы со всевозможною точностью, аккуратностью и всегда съ первоотходящеюпочтою. Каталоги, какъ для пѣнія, такъ и для всѣхъ инструментовъ, а равно и преискурантъ, рассылаются при посылкахъ безденежно.

Печатать дозволяется, 2-го мая 1854 г. Цензоръ А. Фрейтакъ.

EN VENTE :

CHEZ S. DUFOUR, LIBRAIRE DE LA COUR IMPÉRIALE.

DESCRIPTION DE L'ASIE MINEURE, par M. **TEXIER** (ordonnée par le Gouvernement français). Le rapport fait à l'Institut par MM. Letronne, Haase, Raoul-Rochette, etc., constate le mérite de ce grand ouvrage, résultat de quatre voyages consécutifs faits en Asie Mineure par M. Texier. Un grand nombre de villes anciennes ont été retrouvées par lui, offrant une foule de monuments d'arts du plus haut intérêt et de la plus belle conservation; l'architecture grecque montre son plus beau style. Les monuments mèdes et phrygiens offrent à la science, à l'histoire et aux arts, des découvertes du plus haut intérêt; enfin, la géologie et la géographie de l'Asie Mineure, si peu connues jusqu'à présent, vont l'être, grâce au zèle, au courage et aux talents divers que M. Texier a déployés dans ses missions scientifiques et périlleuses. *Ouvrage terminé*; trois volumes in-folio, reliés. Prix . . . 300 rbls.

HABITANTS DE L'INDE, dessinés d'après nature par le Prince *Alexis Soltykoff*, lithographiés à deux teintes par I. Trayer. Paris 1853. Un volume in-folio, cartonné . . . 30 rbls.

MONUMENTS DE L'ÉGYPTE ET DE LA NUBIE, d'après les dessins exécutés sur les lieux sous la direction de *Champollion le jeune*, et les descriptions autographes qu'il a laissées. Quatre volumes grand in-folio, renfermant 400 planches, en partie coloriées. Publié par ordre du Gouvernement pour faire suite à l'ouvrage de l'Expédition d'Égypte. Chaque livraison se compose de 10 planches. Prix de l'Ouvrage terminé . 175 rbls.

Dans ce grand ouvrage, tous les monuments dont la science est parvenue à découvrir le sens sont reproduits avec le soin le plus minutieux. Chaque jour le temps en détruit quelques-uns, mais dans cet ouvrage ils seront à jamais sauvés de l'oubli.

L'ORIENT, par E. FLANDIN. La publication se composera de 150 planches in-folio, lithographiées par l'auteur. — Album d'un voyageur qui a passé de nombreuses années en Orient, cet ouvrage reproduira les sites principaux, les monuments remarquables, les scènes des mœurs caractéristiques des pays qu'il a parcourus, des rives du Bosphore au fond du golfe Persique.

Il sera publié en 30 livraisons in-folio, contenant 5 planches tirées sur Chine. Prix de la livraison . . . 3 rbls.

ALBUM HISTORIQUE ET PITTORESQUE DE LA TAURIDE, par E. DE VILLENEUVE. Cet ouvrage paraîtra en 25 livraisons in-folio de 4 dessins chacune. Le texte contiendra l'explication des monuments, un aperçu historique des établissements génois en Tauride, le récit d'un Voyage dans cette Province, etc. Prix de chaque livraison . . . 2 rbls.

On paye toujours deux livraisons à l'avance. La cinquième livraison vient de paraître.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

С. Петербургъ, 9 июня 1854 года.

Ценсоръ Н. Пейкеръ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

въ 1854-мъ году

выходятъ въ первое число каждаго мѣсяца книжками, изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ отъ 20 до 25 листовъ большаго формата, съ восемнадцатью парижскими картинками модъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ :

Въ Петербургъ и Москвѣ : | Съ пересылкою, или доставкою:
15 рублей 50 коп. серебромъ. | : 17 рублей серебромъ.

ПОДПИСКА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ :

Въ Конторѣ Редакціи Отечественныхъ Записокъ, находящейся на Невскомъ Проспектѣ, на углу Малой Морской, въ домъ Бейльштейна.

ВЪ МОСКВѢ :

Въ Конторѣ Редакціи Отечественныхъ Записокъ у П. В. Базунова, на углу Большой Дмитровки, противъ Университетской Типографіи, въ домъ Загряжскаго.

ВЪ ОДЕССѢ :

Въ Конторѣ Редакціи Отечественныхъ Записокъ, при книжномъ магазинѣ М. И. Григорьева, на Де-Рибасовской Улицѣ, въ домъ Сивильной.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями, надписывая ихъ : *Въ Редакцію Отечественныхъ Записокъ, въ Санктпетербургъ.*

Печатать дозволяется. Санктпетербургъ, 30 іюля 1854 года.

Цензоръ А. Фрейгавъ.

**ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ.**

1854.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

АВГУСТЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ КОРОЛЕВА И К^О.

СОДЕРЖАНІЕ ВОСЬМОЙ КНИЖКИ.

стр

I. Причудница, комедія <i>Lone de-Vegi</i> . Переводъ съ испанскаго И. ПЯТНИЦКАГО .	485—256
Холодный Домъ. Романъ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА . Переводъ съ англійскаго И. А. Бирилева . Часть восьмая.	257—336
Шесть стихотвореній А. А. ФЕТА 1) «Люди сколько ни въ чемъ предо мной невиновны», 2) Элегія. 3) Свиданіе въ лѣсу, 4) «Не спится», 5) Первый ландышъ, 6) Знакомкѣ съ юга.	337—340
II. Воспоминанія русскаго путешественника о Вест-Индіи, Калифорніи и Ост-Индіи. <i>Статья третья</i> . (Адень: Красное Море; Суэць; Каиръ). А. Г. РОТЧЕВА	71—102
Объ «Антигонъ», трагедіи Софокла. С. Д. ШЕСТАКОВА .	103—134
Библиографическіе отрывки. I. <i>Нѣкоторыя нѣмецкія сочиненія о Россіи въ концѣ XVII-го и началъ XVIII-го вѣковъ</i>	135—158
III. Записки Военно-топографическаго Депю, по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію издаваемыя. Пятнадцать томовъ	45— 84
IV. Библиографическая Хроника (разборы 23 книгъ).	55—124
V. Кельтійская поэзія британскихъ бардовъ VI-го вѣка. — Взглядъ на исторію медицины отъ первыхъ вѣковъ до XIX столѣтія.—Леопольдъ Ранке.	17— 60
VI. Современная Хроника Россіи (за іюнь 1854 года)	15— 30
VII. Новости наукъ, литературы, искусствъ и промышленности. <i>Съ планомъ Сеиденгэмскаго Дворца</i> . <i>Моды</i> . (Съ двумя парижскими картинками дамскихъ и мужскихъ модъ, и съ рисунками экипажей фабрики <i>г. Пеллиса</i> , въ Петербургѣ).	81—129
Объявленія: 1) О подпискѣ на памятникъ В. А. Жуковскому ; 2) отъ Географическаго Общества; 3) Новыя музыкальныя сочиненія, продающіяся въ магазинахъ Бернарда и Стелловскаго .	

ОГЛАВЛЕНІЕ ВОСЬМОЙ КНИЖКИ.

АВГУСТЪ.

I. Словесность.

	СТР.
ПРИЧУДНИЦА , комедія ЖОЗЕ ДЕ-ВЕГГИ . Переводъ съ испанскаго Н. Пятницкаго	185 ✓
ХОЛОДНЫЙ ДОМЪ . Романъ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА . Переводъ съ англійскаго Н. А. Бирилева . <i>Часть восьмая</i>	237 ✓
ШЕСТЬ стихотвореній А. А. ФЕТА : 1) «Люди нѣсколько ни въ чемъ предо мной невинновы», 2) Элегія, 3) Свиданіе въ лѣсу, 4) «Не спится», 5) Первый ландышъ, 6) Знакомѣ съ юга.....	337

II. Науки и Искусства.

ВОСПОМИНАНІЯ русскаго путешественника о Вост-Индіи, Калифорніи и Ост-Индіи. <i>Статья третья</i> . (Аденъ; Красное Море; Суэцъ; Каиръ). А. Г. РОТЧЕВА	71 ✓
ОБЪ «АНТИГОНЪ» , трагедія Софокла . С. Д. ШЕСТАКОВА	103 ✓
БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ . 1. Нѣкоторыя нѣмецкія сочиненія о Россіи въ концѣ XVII-го и началѣ XVIII-го вѣковъ.....	135

III. Критика.

ЗАПИСКИ ВОЕННО-ТОПОГРАФИЧЕСКАГО ДЕПО , по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію издаваемыя. Пятнадцать томовъ.....	45
---	----

IV. Библиографическая Хроника.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

Стихотворенія Θ. Тютчева	55 ✓
XVI новыхъ поученій протоіерея Родіона Путяткина	75
Вѣрую въ Бога грозна и покорностью къ Царю сильна земля Русская	76
Съ нами Богъ! Впередъ! Ура!	—
О ходѣ законовѣднія въ Россіи и о результатахъ современнаго его направленія , А. Станиславскаго	77
Дополненіе къ Алтайской Флорѣ , С. Щеглеева	—
Руководство къ практической навигаціи и морской астрономіи ,	

	СТР.
кн. <i>Е. Голицына</i>	79
Указатель практическихъ наблюдений по русскому сельскому хозяйству, <i>А. Иванова</i>	82
Наставленіе къ разведенію гусей, <i>В. Циммермана</i>	83
Наставленіе къ разведенію индѣекъ, <i>В. Циммермана</i>	—
Наставленіе къ разведенію козъ, <i>В. Циммермана</i>	—
Элементарная книга для обученія чтенію и письму русскому и нѣмецкому, <i>Ө. Ренгартена</i>	84
Книга для постепеннаго упражненія въ чтеніи и переводахъ, <i>Э. Гэ.</i>	86
Руководство къ практическому изученію нѣмецкаго языка <i>А. Фонъ деръ Эльснитца</i>	87
Стихотворенія <i>Вячеслава Лихачева</i>	87

ПРОДОЛЖЕНІЕ НАЧАТЫХЪ ИЗДАНИЙ.

Высушенныя растенія воронежской флоры, изд. <i>Н. Тарачкова</i> ...	78
Высушенныя Растенія орловской флоры, изд. <i>А. Тарачкова</i> ..	—

ПЕРЕВОДЫ.

✓ Вржда Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ съ Англіею.....	76
✓ Обь англо-французской политикѣ въ восточномъ вопросѣ, перев. <i>Н. К-на</i>	—
✓ Обь англо-французской политикѣ въ восточномъ вопросѣ, перев. <i>М. Михайлова</i>	—
✓ Тайны англо-французской политики въ восточномъ вопросѣ.....	—
✓ Письмо въ Парижъ о нынѣшнемъ состояніи Турціи.....	—
Графиня де-Мадень, романъ, соч. <i>Е. П.</i>	87

ЖУРНАЛИСТИКА.

Что такое «Искренность въ Критикѣ?» («Современ.» № 7.)
 Что такое рѣзкость литературныхъ приговоровъ? Что такое журнальная послѣдовательность и отчего рождаются толки о простыхъ и обыкновенныхъ понятіяхъ?—«Замѣтки» *Новаго Поэта и его новое поэтическое произведение: «Апронія».*—Мелочи изъ запаса моей памяти г. М. Дмитріева («Москвит.» № 13.—*Разборъ сочиненія г. Булича о Сумароковѣ* въ «Современникѣ».—Статьи въ №№ 9, 10, 11 и 12 «Москвит.»: Исслѣдованія о балтійскихъ славянахъ, г. Гильфердинга; Картина аханнаго рыболовства при устьѣ Урала, г. Желѣзнова; Кизильскіе татары; Европейская Турція въ нынѣшнюю войну; Торговый флотъ въ Англіи; Переходъ Александра Великаго черезъ Гидаспъ; Письма Петра Великаго къ Шафирову; Лудовикъ XVII; Письма о ботаникѣ Шлендена; Письма Либиха о хвѣи; Грѣзъ; Консульство и Имперія, дю-Карнѣ. Смѣсь изъ «Московскихъ

Вѣдомостей» 1795 года. — Статьи №№ 6 и 7 «Библиотеки для Чтенія»: Обзорніе Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостей; До- изветти; Путешествіе въ Луристанъ и въ Аравистанъ; Сейден- гэмскій Дворецъ, и пр.—Статья въ 6-й кн. «Пантеона»: Ко- стяныя кони; Бѣлоруссія, г. Шпилевского; Письма изъ-за гра- ницы, г. Мундта и пр. — Нѣсколько словъ г-ну П. Иванову объ изданномъ имъ «Алфавитномъ Указателѣ къ Боярскимъ Книгамъ»	89
--	----

V. Иностранная Литература.

Кельтійская поэзія британскихъ бардовъ VI вѣка	17
Взглядъ на исторію медицины отъ первыхъ вѣковъ до XIX столѣтія.	31
Леопольдъ Ранке.....	50

VI. Современная Хроника Россіи.

Обзорніе современнаго движенія русскаго законодательства и распоряженій правительства по государственному управленію за июнь 1854 года.....	15
Событія въ Отеествѣ.....	25

VII. Смѣсь.

новости наукъ, литературы, искусствъ и промышленности.

Кристалльный Дворецъ въ Сейденгэмѣ: его происхожденіе, мѣст-
ность, наружный видъ, цѣль и значеніе; обзоръ его содержа-
нія; историко-архитектурныя палаты: египетская, греческая
и римская, мавританская, ниневійская, византійская, среднихъ
вѣковъ, эпохи возрожденія, итальянская, помпейскій докъ; кол-
лекціи произведеній ваянія; отдѣленія промышленной выставки;
портретная галерея; сады; коллекція допотопныхъ животныхъ;
торжество открытія; расчеты основателей на будущее (съ пла-
номъ Сейденгэмскаго Дворца). — Юбилей Королевскаго Англий-
скаго Общества Искусствъ. — Всемирныя выставки: париж-
ская нью-йоркская и общегерманская. — Взглядъ на новѣйшія
усовершенствованія въ устройствѣ пароходовъ: пароходы Антиль-
скій, Кюнердовой, Коллинсовой, Шотландской Компаній. —
Новый гигантскій пароходъ. — Быстрота плаванія, достигаемая
пароходами въ послѣднее время; соединеніе пароваго механизма
съ парусною оснасткою. — Памятникъ Уатту. — Желѣзная
дорога въ Калифорнію. — Подводный телеграфъ между Европою
и Африкою. — Электромагнитная гравировальная машина. —
Добываніе металловъ изъ руды электромагнитнымъ процессомъ. —
Обращеніе дикихъ животныхъ; искусственное разведеніе рыбы

и пивокъ. — Аклиматизированіе въ Европѣ яка. — Серизъ, поднесенный Либиху. — Рѣчи Чельмерса и Мизкурта о патологич рабочихъ. — О связи между вѣтромъ и болѣзнями. — Исцѣленіе кретинизма. — Вліяніе луны на землетрясенія. — Общественная жизнь въ Лондонѣ. — Общественная жизнь въ Парижѣ. — Парижская итальянская опера. — Некрологи замѣчательныхъ людей, умершихъ недавно во Франціи. — Смерть Эмиля Сувестра. — Некрологъ г-жи Зонтагъ (графини Росс). — Опера въ Лондонѣ; Гривз; *il Seraglio*, опера Моцарта. — *Santa Chiara*, новая опера Эрнста, герцога саксен-кобург-готскаго

81

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Cristophe le cordier. — *Le laquais d'Arthur*. — *Les compatriotes*. — *L'Homme à la tuile*. — *Un mari qui prend du ventre*. — Новая пьеса г. Григорьева. — Новости нѣмецкой сцены. — О подпискѣ на сооруженіе памятника В. А. Жуковскому. — Электрическій телеграфъ. — Излеровскіе праздники. — Квартетъ изъ Голландіи. — Балетъ съ Адмиралтейской Площади. — Поддѣльные цыгане. — Бенефисъ Гунгля. — Лѣтній нѣмецкій клубъ и его будущность. — Безбородкинскій Садъ. — Полюстровскій ключъ. — Монплезиръ.....

120

Моды (съ двумя парижскими картинками дамскихъ и мужскихъ модъ и съ рисунками экипажей фабрики г. Неллиса, въ Санктпетербургѣ).

ПРИЧУДНИЦА.

КОМЕДИЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Соч. Лопе де-Вега (*).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА :

ТИВЕРІО.	ЦЕЛІЯ.
ЛИСАРДА.	ПРУДЕНЦІО.
ЭЛІСО.	ФЕЛИСАРДО.
ФАВІО.	КАРРИЛЬЮ.
АЛЬГВАЗИЛЬ.	ДОН-ХУАНЪ.
НОТАРІУСЪ.	ФЛОРА.
БЕЛІСА.	ЧЕТВЕРО ЛАКНЕВЪ.

Дѣйствіе происходитъ въ Мадридѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Комната.

ТИВЕРІО и ЛИСАРДА.

ТИВЕРІО. — Снять ли у васъ наконецъ трауръ?

ЛИСАРДА. — Вотъ ужъ болѣе года, какъ отецъ ихъ умеръ.

ТИВЕРІО. — Стало-быть, мы можемъ сказать, что удовольствіе —
модъ печали.

(*) Мы чрезвычайно сожалѣемъ, что Лопе де-Вега еще не изданъ въ Риваденейровой «Библиотекѣ испанскихъ писателей» (1) и что мы принуж-

(1) *Biblioteca de autores españoles*, Madrid, 1846—51.

Мы имѣемъ у себя только XVII томовъ. Въ XVII-мъ обѣщано, что скоро выйдутъ:

1) *Novelistas posteriores à Cervantes*; 2) *Comedias de Don Juan de Alarcon* и 3) *Obras de Don Francisco de Quevedo Villegas*. — Рекомендуемъ это изданіе любителямъ испанской литературы: оно несравненно-лучше изданій Бодри во всѣхъ отношеніяхъ.

Лисарда. — Можеть-быть—удовольствіе, но только не для меня: я въ немъ лишилась такого примѣрнаго мужа.

Тиверіо. — О, какое бесполезное чувство!

Лисарда. — Бесполезное? Не-уже-ли не должна оплакивать своего спутника въ жизни та женщина, которая страстно его любила и столькимъ ему обязана? Развѣ не знаешь ты, что даже самыя птицы подають намъ въ томъ примѣръ? Такъ горлица, потерявъ голубя, переходитъ отъ обычной пѣсни своей къ тихимъ, жалобнымъ стонамъ и, лишившись супруга, не беретъ себѣ другаго и не садится ужь болѣе на зеленую вѣтку?

Тиверіо. — Такъ гдѣ жь садится она?

Лисарда. — На терновомъ кусту, на сухомъ сучкѣ.

лены пока довольствоваться изданіемъ Бодри, въ которое не вошли многія изъ его лучшихъ пьесъ. Вотъ что говорить объ изданіяхъ испанскихъ авторовъ Бодри, рецензентъ I-го тома дорновыхъ «Spanische Dramen» докторъ Карлъ Штаръ (Stahr) (2): «Въ Германіи для испанской литературы дѣлается мало, и ея любитель, если ему нѣтъ доступа къ сокровищамъ богатыхъ библиотекъ, долженъ нуждаться въ самомъ необходимомъ, а потому, по нашему мнѣнію, тѣмъ болѣе похвалы заслуживаетъ огромное предриятіе французскаго книгопродавца Бодри, который, въ своей «Европейской Библиотекѣ», какъ кажется, назначилъ и испанцамъ довольно-большое мѣсто. «Испанскаго Театра» ужь вышло теперь въ его изданіи пять толстыхъ томовъ; и хотя выборъ пьесъ, вошедшихъ въ его составъ, сравнительно, очень-невеликъ, эстетическая критика—старинная французская, слѣдовательно односторонняя; самое изданіе текстовъ далеко несоотвѣтствуетъ требованіямъ германской науки, за-всѣмъ-тѣмъ изданія эти, печатавшіяся подъ надзоромъ испанцевъ Очоа, Наваррете, Кинтаны, Моратина и другихъ, составляютъ единственный источникъ, изъ котораго мы должвы почерпнуть наши свѣдѣнія о богатой испанской литературѣ». Далѣе Штаръ продолжаетъ: «Изъ свѣтилъ первой величины Сервантесъ, Лопе и Кальдеронъ едва у насъ извѣстны: полное собраніе сочиненій Сервантеса издано прекрасно, тщательно и вѣрно г-мъ Бодри; этимъ изданіемъ занимался Наваррете; Кальдеронъ прекрасно изданъ Кейлемъ на иждивеніи книгопродавца Флейшера. Оба эти изданія, равно какъ и грамматика романскихъ языковъ Дидца (Diez) и также, можеть-быть, большой испанско-нѣмецкій словарь графа фон-Секедорфа (3) — явленія замѣчательныя по этой части. Но когда получимъ мы наконецъ возможно-полнаго (издать его совершенно-вполнѣ теперь ужь невозможно), критически и тщательно-издаваемаго Лопе?»

Строки эти писаны въ 1842 году, слѣдовательно, назадъ тому двѣнадцать лѣтъ; но мы можемъ и теперь повторить послѣднія слова Штара. Лопе до-сихъ-поръ вполнѣ не изданъ; въ изданіе Бодри вошло только

(2) Jahrbücher für Wissenschaft. Kritik. Berlin 1842. № 24.

(3) Слѣдовало бы сказать: барона фон-Секедорфа.

Прим. перевод.

ТИБЕРІО. — Горлинкамъ подражаютъ и тѣ, которыхъ я зову этимъ именемъ: пошли мнѣ судьба здоровье, не вру — вмѣсто того, чтобъ въ гостинныхъ спокойно сидѣть на дамской эстрадѣ, онѣ садятся тамъ словно на колючіе кусты: безпокойство ихъ такъ велико, что во весь день не посидятъ на мѣстѣ.

ЛИСАРДА. — Это ко мнѣ не относится, Тиберио, я никогда не искала себѣ другаго спутника въ жизни.

ТИБЕРІО. — А по всемъ правамъ могла бы: ты овдовѣла еще очень-молодою и съ такимъ богатымъ имѣніемъ, еслибъ только захотѣла, могла бы имѣть еще поддужины жениховъ.

ЛИСАРДА. — Съ двумя-то дѣтьми?

ТИБЕРІО. — Хотя бъ дѣтей была у тебя цѣлая дюжина.

двадцать пьесъ; старинное 25-томное изданіе драматическихъ произведеній Лопе чрезвычайно-рѣдко. Въ Россіи, сколько намъ извѣстно, у одного только С. А. Соболевскаго находится экземпляръ этого изданія, который почти полонъ: въ немъ недостаетъ только томовъ V-го, XIII-го и двухъ XXIV-хъ.

Въ испанскомъ текстѣ предлагаемой пьесы мы замѣтили слѣдующія опечатки:

1) Acto I, escena VIII, p. 446, c. 2 v. 18, напечатано *Elisa*, а слѣдовало бы быть: *Felisardo* и тамъ же v. 20 напечат. *Felis* вмѣсто *Elisa*.

2) Acto II, escena VII, p. 458, c. 1, v. 17, слово *Tiberio* пропущено и тамъ же v. 18 слово *Lis* совершенно-лишнее.

3) Acto II, escena XVII, p. 464, c. 1, v. 24, вмѣсто: *Belisa* напечатано *Celia*.

Для того, чтобъ сдѣлать понятнѣе читателю неожиданную развязку пьесы и характеръ Дон-Хуана, приводимъ слова Шака, знатока испанской литературы вообще и особенно драматической. Онъ говоритъ (*): «Упрекъ, дѣлаемый обрисовкѣ нѣкоторыхъ характеровъ въ пьесахъ Лопе, повидимому основательный, состоитъ въ томъ, что у него часто нѣкоторые характеры, особенно въ концѣ пьесы, вдругъ измѣняются безъ всякой видимой причины. Конечно, нельзя совершенно отрицать, что иногда тому причиною самая поситѣнность, съ какою пьеса писана авторомъ; но примѣры такой неожиданной перемѣны въ мысляхъ даже у лицъ, которыя, во всѣхъ остальныхъ частяхъ обрисованы чрезвычайно-тщательно и отчетливо, такъ часто попадаютъ въ испанскихъ пьесахъ, романахъ и повѣстяхъ, что мы принуждены искать объясненій этому явленію въ самой особенноти народа, служившаго прототипомъ этимъ характерамъ. Испанцы одарены такою быстротою, раздражительностью и подвижностью душевныхъ ощущеній, какой житель Сѣвера и не подозреваетъ; ихъ стремленія и желанія, во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, въ высочайшей степени рѣшительны; ихъ страсти также преслѣдуютъ цѣль свою стремительно и настой

(*) Geschichte der dramatischen Litteratur und Kunst in Spanien. Berlin, 1845—1846 B-de. B. II. S. 245 и 246.

Лисарда. — Плохо же ты меня знаешь.

Тиберио. — Если станешь заператься въ томъ, что чувствуешь.

Лисарда. — Въ чемъ мнѣ заператься? Мужъ мой оставилъ мнѣ сто тысячъ червонцевъ да двухъ дѣтей, которыхъ надѣюсь увидѣть въ скоромъ времени — одного женатымъ, другую замужемъ, а сама удалюсь въ деревню съ одною только горничною и лакеемъ.

Тиберио. — Ты разсуждаетъ прекрасно о томъ, что слѣдуетъ сдѣлать; отчего жъ на самошь-то дѣлѣ не позаботишься, чтобъ отдать Белису замужъ? Она ужъ въ такомъ возрастѣ, что пора объ этомъ подумать; притомъ тысячи человекъ ищутъ ея руки; что жъ касается до Дона-Хуана, то онъ мужчина.

Лисарда. — Какъ я могу отдать замужъ Белису и гдѣ найти мнѣ

чиво, но вмѣстѣ съ тѣмъ готовы, въ случаѣ, если эта цѣль окажется недосыгаемой, подчиниться голосу разсудка. У нихъ самыя противоположныя чувства смѣняются мгновенно, не проходя, какъ у насъ, длиннаго ряда постепенности: у нихъ всепожирающій огонь ощущеній находится рядомъ съ ледяною холодною. Испанецъ способенъ чрезвычайно-быстро переходить отъ самой пламенной любви, къ самой ужасной ненависти: думаешь, что онъ утолил свою жажду изъ того источника, о которомъ разсказываетъ Аріосто. Раздражительность чувства чести можетъ его заставить поднять смертоносное оружіе даже на тѣхъ, которые до этой поры были существами самыми дорогими его сердцу; но, вслѣдствіе того же самаго побужденія, онъ способенъ затаить въ груди волненія страсти, или даже казаться совершенно-равнодушнымъ. Разсматривая съ этой стороны произведенія испанскихъ драматурговъ, мы увидимъ естественность многихъ развязокъ въ ихъ драмахъ, которыя, при поверхностномъ разсматриваніи, могли бы показаться необъяснимыми, и нѣкоторыя неожиданныя перемѣны въ образѣ мыслей дѣйствующихъ лицъ, которыя съ перваго взгляда готовы принять за сумасбродство поэта, теперь являются намъ совершенно въ иномъ видѣ: мы видимъ, что все это черты, подмѣченныя въ самой натурѣ Испанца». — «Настоящая пьеса», какъ замѣчаетъ Тикноръ ⁽⁵⁾ «напечатана въ IX-мъ томѣ драматическихъ произведеній Лопе де-Веги (стр. 277 и слѣд.), вышедшемъ въ Барселонѣ въ 1618 году. Послѣ того она часто перепечатывалась подъ названіемъ: «La Melindrosa».

Шакъ говоритъ ⁽⁶⁾, что IX томъ Лопе де-Веговыхъ драматическихъ произведеній напечатанъ не въ Барселонѣ, а Мадридѣ, въ 1617 и 1618 годахъ, и что пьеса эта тамъ называется: *Los melindres de Belisa*.

У Очоа ⁽⁷⁾ она названа: *La Dama melindrosa*.

Въ экземплярѣ, принадлежащемъ С. А. Соболевскому, напечатано: *Barcelona, 1618, Sebast. de Cormellas*.

Въ подлинникѣ примѣчаній нѣтъ; они составлены переводчикомъ.

⁽⁵⁾ History of Spanish Literature, т. II стр. 180, замѣч. 33.

⁽⁶⁾ Т. II, стр. 693.

⁽⁷⁾ Teatro escogido de Lope de Vega. Paris, 1838, стр. 440—478.

ля нея челоуѣка такого знатнаго происхожденія и съ такими прекрасными качествами, какія создала она себѣ въ своемъ воображеніи?

Тиберио. — Вѣроятно, она шутить, если говоритъ, что такъ думаетъ.

Лисарда. — Есть женщины, которыя не могутъ выйти замужъ: едутъ онѣ себя такъ странно, что вся жизнь ихъ проходитъ въ томъ, по гоняются за суетой и наконецъ издоѣдаютъ цѣлому свѣту. Медля дѣлать выборъ, лучшее, обыкновенно, пропускаютъ, а потомъ сами стѣтъ навязываются.

Тиберио. — Стало-быть ты полагаешь, что Белиса изъ числа ихъ?

Лисарда. — Есть ли на свѣтѣ что-нибудь несноснѣй и причудливѣй ея? Есть ли такой мужчина, котораго бы она страстно любила изъ алчности къ деньгамъ, или за его умъ и наружность? Она похожа на улицу, гдѣ биржа: туда сходятся и генуэзскій рыцарь, и возвратившійся изъ Индіи португалець, и дѣловой челоуѣкъ, и адвокатъ, и богатый старикъ, и воинъ и щеголь; но ей никто изъ нихъ не пріятен, во всѣхъ находитъ она недостатки.

Тиберио. — Да простить меня Белиса: скромности и красоты у ней не отнимаю, но не должна она ни заноситься высоко, ни предаваться пустымъ мечтамъ.

Лисарда. — Тиберио, если ты хочешь поговорить съ нею и растолковать ей, что она забрала себѣ въ голову глупость, она сегодня ожидаетъ какихъ-то посѣтителей, а потому чрезвычайно-мила и весела: поговори съ нею.

Тиберио. — Я разсерженъ и клянусь честью, что она выйдетъ замужъ по моему выбору, хотя бы этого и не желала.

Лисарда. — Сегодня ждетъ она четырехъ жениховъ, не знаю, поправятся ли ей они?

Тиберио. — Не представляются ли они ей, обыкновенно, четверо вмѣстѣ?

Лисарда. — Тиберио, подстрекаютъ-то ихъ деньги.

Тиберио. — Деньги не должны ихъ подстрекать: онѣ кладутся въ монастырь ⁽¹⁾.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Комната.

Входятъ Белиса и Флора, ея горничная.

Флора. — Видно, жалози мѣшаютъ вамъ видѣть, какъ слѣдуетъ, лицу сеньора, если вы говорите, что кавалеръ на чалой лошади не статенъ, не молодцоватъ и не красивъ собою.

(1) Въ Мехикѣ монастыри до-сихъ-поръ служатъ банками.

Белиса. — Флора, эти жалюзи испортили—было глаза мои.

Флора. — Какъ это?

Белиса. — Ударили меня своими палками въ самые зрачки.

Флора. — Какія пустяки!

Белиса. — Какъ только подвинула я къ нимъ глаза свои, они возьми да и стукни меня; я тотчасъ отплатила имъ за это.

Флора. — Какимъ же образомъ?

Белиса. — Я выхватила изъ ноженъ ножъ и давай колотъ имъ то мѣсто, о которое ушиблась.

Флора. — Богатая выдумка! Слыхалъ ли кто, чтобъ ножомъ называли жалюзи?

Белиса. — По-крайней-мѣрѣ я сдѣлала отверстие, сквозь которое можно теперь смотрѣть на проходящихъ по улицѣ. Но скоро послѣдовало за это наказаніе: вмѣсто кавалера, мимо оконъ моихъ прошелъ...

Флора. — Кто жь?

Белиса. — Продавецъ оливковаго масла.

Флора. — И вы на него смотрѣли?

Белиса. — Признаюсь, смотрѣла; да только случилась бѣда: онъ замаралъ мнѣ платье.

Флора. — Вы стояли за рѣшеткой, а онъ шелъ по улицѣ: какъ могъ онъ васъ замарать?

Белиса. — А ты скажешь, что не могъ? Взгляни-ка на меня хорошенько.

Флора. — Глядѣть, замаралъ ли васъ масломъ тотъ, кто продавалъ его?

Белиса. — По-крайней-мѣрѣ я думаю, что замаралъ; подай мнѣ другое платье, а это сейчасъ же вели продать.

Флора. — Посмотрите: оно совершенно—чисто.

Белиса. — Глупенькая! не говорила ли я тебѣ много разъ, что мнѣ вредно, когда противорѣчатъ? Господи! Какой ужасный случай!

Флора. — Что съ вами?

Белиса. — Попробуй мой пульсъ, посмотри на мой лобъ: я совершенно умираю. Какая страшная лихорадка.

Флора. — Въ жизнь свою не стану поперечить вамъ, сеньйора: я такъ люблю васъ и такъ вамъ предана, что всегда стараюсь дѣлать вамъ удобное. На колѣняхъ васъ умоляю: простите меня.

Белиса. — Теперь лихорадка перестала.

Флора. — Остался ли жаръ?

Белиса. — Маленькій, но и тотъ проходитъ.

Флора. — Сюда идутъ ваша маменька и дядюшка.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Тъ же; входятъ Тиверіо съ Лисардой.

Белиса. — Сейчасъ принеси мнѣ сюда работу : не хочу, чтобъ оиа застали меня безъ дѣла.

Флора. — Не прикажете ли принести кружевную сѣтку ?

Белиса. — Это работа утомительная и требуетъ большаго искусства ; изъ такого множества коклюшекъ, одна мнѣ совершенно отвертѣла руки, а отъ другихъ, Флора, у меня сдѣлалась жестокая, нестерпимая боль въ пальцахъ.

Флора. — Вспомните, что работы я вамъ еще не приносила.

Белиса. — Или ты не слыхала, что не должна мнѣ поперечить? Сейчасъ же принеси мнѣ шарфъ : за этой работой отдыхаютъ руки.

(Флора уходитъ).

Лисарда. — Увѣрять ее было бы напрасно.

Тиверіо. — Не-уже-ли такъ трудно исполнить мое замѣреніе, племянница?

Белиса. — Сеньйоръ?...

Тиверіо. — Клянусь честью! снимаешь трауръ, а сама все хорошеешь.

Белиса. — По-крайней-мѣрѣ, дялюшка, отъ души желаю дѣлать вамъ угодное.

Тиверіо. — Одѣвшись по-свадебному, ты доказываешь это на дѣлѣ.

Лисарда. — Эй, Флора, креселъ сюда и двѣ подушки.

(Входитъ Флора).

Флора. — Вотъ и шарфъ вамъ.

Белиса. — Головные уборы дѣлаются нынче претяжелые. Прибери мой; онъ не столько украшаетъ, сколько утомляетъ меня.

Флора. — Вотъ и кресла ⁽²⁾, сеньйора.

Белиса. — Подозрѣваю, ужъ не пришли ли вы читать мнѣ проповѣди?

Тиверіо. — Если хочешь меня выслушать, возьми подушку.

Флора. — Сейчасъ за ней сбѣгаю (уходитъ).

Тиверіо. — Вѣдь я замѣняю тебѣ отца.

Белиса (кричитъ вслѣдъ Флорѣ). — Не приноси только подушки съ зеленью: вчера я на ней посидѣла и у меня сдѣлалась боль въ желудкѣ.

Тиверіо. — Не простудилась ли ты отъ зелени?

Белиса. — Мнѣ вредны травы, вышитыя на подушкѣ.

(Входитъ Флора).

(2) *Sila* — значить и кресло и кафедру.

Флора. — Вот и подушка здѣсь.

Тиверіо. — Садись здѣсь, Лисарда; а ты, племянница, садь вѣдѣ меня.

Белиса. — Мнѣ надоѣдаетъ сидѣть среди разноцвѣтныхъ кистей.

Тиверіо. — Надѣюсь услышать отъ тебя причину.

Белиса. — Причина та, что мнѣ кажется, будто сижу среди четырехъ докторовъ.

Тиверіо. — Какъ идетъ дѣло о замужствѣ?

Белиса. — Дурно, дядюшка; никто мнѣ не нравится.

Тиверіо. — Чтѣ жь тебѣ въ нихъ не нравится?

Белиса. — Недостатковъ у нихъ бездна.

Тиверіо. — Какіе же у нихъ недостатки?

Белиса. — Между-прочимъ, предлагаютъ мнѣ одного лысаго адвоката.

Тиверіо. — Какое дѣло тебѣ до его лысины?

Белиса. — Когда-бъ я хотѣла владѣть черепомъ вмѣсто мужа, въ такомъ случаѣ, конечно, подъ бокомъ человѣкъ съ лысиной былъ бы для меня сущю находкой.

Лисарда. — Притомъ онъ очень-богатъ?

Белиса. — Онъ хотѣлъ-было разбогатѣть, воспользовавшись этимъ случаемъ, да у случая не было хохолка на лбу, а потому онъ синхой и повернулся ко мнѣ.

Лисарда. — Зачѣмъ же отказала ты полковнику?

Белиса. — Развѣ это пустяки, что нѣтъ у него одного глаза?

Лисарда. — Какое дѣло до этого, если онъ вставляетъ себѣ другой, изъ серебра.

Белиса. — Позвольте, я сейчасъ вамъ все растолкую.

Лисарда. — Растолкуй пожалуйста.

Белиса. — Начнетъ человѣкъ этотъ клясться и говорить: «люблю тебя какъ глаза свои», а я знаю, что серебряный глазъ стоилъ ему два реала, стало-быть всю любовь свою ко мнѣ, и меня, которую называетъ онъ жизнью своею, цѣнитъ онъ всего только въ четыре реала. Кромя того, онъ не могъ бы никогда назвать меня «глазками своими».

Лисарда. — Замолчи пожалуйста.

Белиса. — Мнѣ же звать его «глазкомъ своимъ» значило бы надъ нимъ издѣваться.

Тиверіо. — О, какъ это остро и мило!

Лисарда. — А чтѣ ты скажешь о португальцѣ?

Белиса. — Чтѣ на мою грудь и плечи онъ надѣлъ бы власаницу.

Лисарда. — Не понимаю тебя.

Белиса.—Касаться меня черною, мохнатою и густою бородою то же, что власяницу надѣвать на мое лицо и зажимать ею мнѣ ротъ.

Лисарда.—А тотъ богатый кабальеро, изъ того мѣстечка, что въ Манчѣ?

Белиса.—Ноги у него велики.

Лисарда.—Развѣ это важный недостатокъ?

Белиса.—Неважный, маменька, если бѣ ужъ ноги у него не были такъ уродливо-длинные. Я испугалась ихъ длинноты и подумала про себя: если онъ разсердится, укрыться отъ его пинка тоже, что зарыть себя въ землю⁽³⁾. Притомъ я замѣтила, что ногти у него нѣсколько-черны, между-тѣмъ, какъ я нисколько не располагаю держать въ домѣ своемъ пустельги съ черными когтями.

Лисарда.—Не бѣлые ли были ногти у французскаго рыцаря?

Белиса.—Не хочу я быть «madame» и мужа своего звать «monsieur».

Лисарда.—Теперь скажи мнѣ: какой недостатокъ отыскала ты въ домѣ Луисѣ? человекъ онъ, кажется, молодой и хорошъ собою, притомъ грудь его украшаетъ ящерица св. Іакова?

Белиса.—Замолчите, маменька, не пугайте меня, скажите: вѣдь говорятъ, что женщины обнимаютъ своихъ мужей? Если у моего на груди будетъ ящерица, ни за что никогда не обниму его.

Тиверио.—Племянница, ящерицею только называется тотъ красный орденъ; имѣеть онъ видъ меча, а не ящерицы.

Белиса.—Довольно одного съ нею сходства, чтобъ заставить меня умереть со страха.

Тиверио.—Что это значить: съ тобою дѣлается дурно? Племянница, тебѣ никто не нравится, а годъ проходить такъ же скоро, какъ и цвѣты; придетъ время, когда ты расквѣешь, но ужъ будетъ поздно.

Лисарда.—Къ намъ стучатся.

Флора.—Точно стучатся.

Лисарда.—Посмотри, кто это.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тъ же, входятъ Альгвазилъ съ Нотариусомъ.

Альгвазилъ.—Мы всегда и повсюду входимъ безъ позволенія.

Тиверио.—Жезлы правосудія всегда имѣютъ это право.

⁽³⁾ Буквально: покрыться пинкомъ то же, что похорониться подъ гробовой плитой. Не хотѣлъ ли Лопе де-Вега сказать: «ноги его такъ длинны, что вездѣ достануть и укрыться отъ нихъ можно только подъ гробовой плитой?»

Альгвазилъ. — Сроки прошли : подумайте Лисарда, не угодно ли вамъ будетъ взять обезпеченіе у Элисо?

ТИБЕРІО. — Развѣ у тебя процессъ съ Элисомъ?

ЛИСАРДА. — Нѣтъ никакого средства получить съ него двѣ тысячи червонцевъ.

ТИБЕРІО. — Какъ не прибѣгнуть къ понудительнымъ мѣрамъ! довольно того, что онъ забываетъ про свое обязательство и обходится съ тобою какъ съ женщиною.

ЛИСАРДА. — Будетъ годъ, какъ померъ мой мужъ, а Элисъ все еще денегъ мнѣ не выплачиваетъ; я до-сихъ-поръ молчала по прежней дружбѣ нашей къ нему и потому еще, что онъ хорошъ съ сыномъ моимъ, дономъ Хуаномъ.

ТИБЕРІО. — Ступайте, господа, возьмите у него залогъ.

Альгвазилъ. — Пойдите, онъ живетъ недалеко отсюда.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ЛИСАРДА, БЕЛИСА, ТИБЕРІО и ФЛОРА.

ТИБЕРІО. — Я также хочу идти.

ЛИСАРДА. — Съ Белисой обморокъ.

ТИБЕРІО. — Что съ нею?

БЕЛИСА. — Мнѣ показалось, когда я увидѣла его съ жезломъ, что онъ выколетъ мнѣ глаза.

ТИБЕРІО. — Жезломъ глазъ не выкалываютъ, а съ помощью его берутъ залогъ ⁽⁴⁾.

ФЛОРА. — Васъ ждутъ по-крайней-мѣрѣ четыре жениха.

ЛИСАРДА. — Гдѣ они?

ФЛОРА. — Въ загѣ.

ЛИСАРДА. — Кто жъ это?

ФЛОРА. — Фабриціо.

БЕЛИСА. — Фабриціо я ужъ видѣла.

ТИБЕРІО. — Чѣмъ же не нравятся тебѣ Фабриціо?

БЕЛИСА. — Въ бородѣ и головѣ у него много снѣжныхъ хлопьевъ: а когда бываетъ такое множество этихъ бѣлыхъ мушекъ, значить глѣзо проходить.

ФЛОРА. — Другой изъ ожидающихся—врачъ.

БЕЛИСА. — Вотъ прекрасно! Жить вѣчно съ медикомъ! Я тотчасъ себѣ представляю, что нездорова; ужъ отъ одной мысли меня

⁽⁴⁾ Въ подлинникѣ: *Sacar ozo* — выкалывать глаза и *sacar prendas* — брать залогъ, собственно: извлекать залогъ.

бросаетъ въ ознобъ, точно въ четырехдневной лихорадкѣ, я вся дрожу... ти, ти, ти... Эй! несите меня въ постель.

ТИБЕРІО. — Не будь это моя племянница, даль-бы я ей пару пощечинъ.

ЛИСАРДА. — Бѣда моя, если она это услышитъ! Пойдемъ къ обѣднѣ, дитя мое, а жениховъ этихъ надобно выслать отсюда.

ТИБЕРІО. — Куда пойдешь ты такъ рано?

ЛИСАРДА. — Пойду къ святому Иерониму.

БЕЛИСА. — Ахъ, нѣтъ, матушка, это слишкомъ-далеко.

ЛИСАРДА. — Не будемъ закладывать кареты и пойдемъ пѣшкомъ къ Сан-Мигэлю.

БЕЛИСА. — Развѣ тягость въ ногахъ съ тяжестью душъ, вы ни во что считаете?

ТИБЕРІО. — Въ жизнь свою не приѣду къ тебѣ въ другой разъ.

ФЛОРА. — Сеньйора, васъ ждутъ женихи.

БЕЛИСА. — Господи, сколько хлопотъ! Эй, дай мнѣ стаканъ воды.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Комната Элисо.

Входятъ Элисо и Фавіо, его слуга.

ФАВІО. — Умоляю васъ, постарайтесь жениться: она богата, роду благороднаго и собой чрезвычайно-хороша.

ЭЛИСО. — У Белисы странныя мысли; ей ничто не нравится. Каждый день ходитъ по городу какой-нибудь новый анекдотъ объ этой несносной и нестерпимой дѣвушкѣ; и новыя и старыя причуды ея служатъ отдохновеніемъ усталымъ путешественникамъ ⁽⁵⁾. Правда и то, что многое на нее выдумываютъ; обыкновенно анекдоты растутъ по мѣрѣ того, какъ ихъ рассказываютъ: всякій, кто только ихъ рассказываетъ, прибавляетъ къ нимъ свое красное словцо. Она говоритъ, что всѣ мужчины внушаютъ ей одно только отвращеніе; что она не желаетъ себѣ ни глухого, ни умнаго; если кто высокъ, она жалѣетъ, зачѣмъ онъ не средняго роста; если не высокъ — зачѣмъ въ немъ этотъ недостатокъ.

⁽⁵⁾ *Тимонедо*, тогдашній писатель, назвалъ свое собраніе анекдотовъ «Отдохновеніемъ путешественниковъ» вѣроятно потому, что подобнаго рода книги можно читать и дорогой и на станціяхъ. Элисо хочетъ сказать, что анекдоты о Белисѣ рассказываются всѣмъ новопріѣзжающимъ какъ вещи интересныя, служащая имъ развлеченіемъ, отдохновеніемъ отъ безпокойствъ дороги.

ФАБИО. — Прекрасный вкус !

ЭЛИСО. — Одного человѣка отвергла за то, что у него была на лицѣ родинка, а другаго кабальеро за то, что онъ рыжій.

ФАБИО. — Последняго-то за дѣло.

ЭЛИСО. — Почему это?

ФАБИО. — Потому что рыжіе не пользуются хорошею славой (6).

ЭЛИСО. — Однажды, смотря на какого-то чрезвычайно-изящнаго жениха, она сказала, что онъ чистъ, какъ зеркало: чѣмъ жить съ этимъ безумцемъ, мнѣ лучше съѣсть его : онъ будетъ хорошъ на блюдѣ.

ФАБИО. — Въ Алькорконѣ Белиса могла бы слѣпить себѣ жениха: тамъ славная глина (7).

ЭЛИСО. — Она издѣвается и насмѣхается надъ людьми самыми прекрасными, самыми достойными.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

ТѢ ЖЕ И ВБѢГАЕТЪ ФЕЛИСАРДО СЪ ОБНАЖЕННОЮ ШПАГОЮ ВЪ РУКАХЪ.

ФЕЛИСАРДО. — Здѣсь ли Элисо?

ЭЛИСО. — О, Фелисардо!..

ФЕЛИСАРДО. — Ступай сюда поскорѣй, полагаю, что убилъ...

ЭЛИСО. — Чтò говоришь ты?

ФЕЛИСАРДО. — Одного наварскаго рыцаря, провожая Целію, которая шла изъ Герадо съ Аурелію. Вышли онѣ прогуляться поутру, вышелъ и я; за ними шолъ этотъ кабальеро; повернули онѣ назадъ— и онъ за ними, не отставая ни на шагъ до самаго фонтана: наконецъ это надобло не на шутку ихъ прислугѣ, вышелъ изъ терпѣнія и я, заговорилъ съ нимъ, онъ мнѣ отвѣчалъ и продолжалъ идти все прямо; я посмотрѣлъ на него пристально; онъ самъ выпрямился; тутъ вмѣшался я въ это дѣло и теперь... все ужъ кончено. Женщины разбѣжались, я подалъ руку Целіи и она теперь осталась...

(6) Испанская пословица говорить : « Nombre rajo y hembra barbada de lejos los saluda » то—есть человѣку красноволосому и женщинѣ съ волосами на бородѣ кланяйся издали.

(7) Чтòбъ въ Алькорконѣ была какая-нибудь особенная глина, объ этомъ Паскуаль Мадось ничего не упоминаетъ въ своемъ : « Diccionario geografico-estadístico-histórico de España y sus posesiones de Ultramar. Madrid. 1848—50 in 4°, XVI томовъ см. t. I p. 198 y 199. Изъ лопе де-веговой же комедіи *Al pasar del arroyo* (Lopé de-Vega, изд. Болри. стр. 207, столб. 2-й), видно, что въ Алькорконѣ были фабрики глиняныхъ издѣлій.

Элисо. — Гдѣ же?

Фелисардо. — У вашей двери.

Элисо. — Введите ее скорѣй сюда.

Фелисардо. — Целія, Целія!

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

Тѣ же, входятъ сперва Целія, а потомъ Фабіо.

Целія. — Братецъ!

Фелисардо. — Ты можешь теперь здѣсь укрыться и опасаться тебѣ тутъ нѣчего.

Целія. — Куда жь идешь ты самъ теперь?

Фелисардо. — Бѣгу въ Кармень.

Целія. — Безъ тебя мнѣ здѣсь оставаться нѣчего: я умру. Если оставаться здѣсь нѣтъ опасности, зачѣмъ ты уходишь? а если есть опасность, зачѣмъ покидаешь меня?

Элисо. — Она говоритъ дѣло, Фабіо, запрѣ нашу дверь; дѣлая эти отводы, вы только себя подвергаете большой опасности.

Фабіо. — Сейчасъ бѣгу исполнить ваше приказаніе. (*Уходитъ*).

Элисо. — Целія, здѣсь ты можешь скрыться, пока ты, Фелисардо, найдешь средство доставить ей убѣжище поудобнѣе.

Целія. — Онъ говоритъ дѣло, я здѣсь останусь пока мы не придумаемъ чего-нибудь лучшаго: я увѣрена, что двое молодыхъ людей, прекрасной наружности, видѣвшихъ какъ я сюда вошла, никому о томъ не проговорятся.

Элисо. — Не бойтесь, они этого не сдѣлаютъ, если только они народъ порядочный. (*Входитъ Фабіо*).

Фабіо. — Бѣда-то какая!

Элисо. — Что ты говоришь?

Фабіо. — Только-что я затворилъ обѣ двери на улицу, какъ вижу, что сюда идутъ полицейскіе; они-было и мнѣ кричали, но я, притворившись, что не слыхалъ, захопнулъ двери и стремглавъ побѣжалъ вамъ это объявить.

Фелисардо. — Что намъ дѣлать?

Элисо. — Въ этомъ домѣ нѣтъ никакого потайнаго мѣста и никакихъ другихъ выходовъ, кромѣ окошекъ и дверей.

Фабіо. — Сеньйоръ, они могутъ побыть пока въ моей комнатѣ.

Элисо. — Когда полиція отыскиваетъ человѣка за убійство, она не оставитъ и уголка, въ который бы не заглянула, тѣмъ болѣе, что мы не отворяли ей дверей нашихъ тотчасъ.

Целія. — Ахъ, я бѣдная!

Фелисардо. — Не огорчайтесь, сеньйора, можетъ-быть мы еще придумаемъ какъ вывернуться.

Элисо. — У меня въ домѣ были невольникъ и невольница; невольника звали Педро; онъ былъ крещенный христiанинъ, ходилъ за лошадьми; невольница Зара была родомъ изъ Гранады; теперь они въ моемъ помѣстьѣ, а потому вы можете взять на себя ихъ роли: ты, Фелисардо, ступай въ конюшню и тамъ, на веревкѣ, протянутой съ одного конца на другой, найдешь платье, которое по праздникамъ надѣваетъ на себя мой невольникъ; а вы, сеньйора, найдете въ кухнѣ платье Зары; ты возьми скребницу, а вы возьмите блюда — и тогда васъ никто не узнаетъ.

Фелисардо. — Я иду.

Целия. — И я также. (*Уходятъ*).

Фавіо. — Ужь начинаютъ ломать дверь.

Элисо. — Я удивляюсь ихъ неповоротливости. Такъ ли стучатся въ дверь, когда отыскиваютъ преступника? Сойди внизъ и скажи имъ, что я былъ въ своемъ кабинетѣ занятъ бумагами и счетами, и что досихъ-поръ ихъ никто не слышалъ; займи ихъ какими-нибудь разговорами, чтобъ Фелисардо съ Целиею имѣли время переодѣться.

Фавіо. — Сейчасъ иду. Дай Богъ, чтобъ все кончилось благополучно и обьясняющіе остались бы въ дуракахъ.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Элисо — Они могутъ узнать ихъ только по горести.

Тиранка любовь—своенравное мнѣніе ея намъ ясно доказывается сравненіемъ книгъ всѣхъ временъ—ты наука темная, писанная языкомъ метафорическимъ, языкомъ загадочнаго сонинка оивскаго!

Блаженъ тотъ, кто останавливается на твоей грамматикѣ, а не доходить до логики и реторики: болѣе-знакомый съ твоею теоріею, меньше показываетъ знанія на практикѣ.

Записывая насъ въ свой списокъ, ты, любовь, равняешь мудрыхъ съ дикими варварами, море съ огнемъ, зиму съ каникулами.

Я буду Улисомъ къ твоимъ волшебнымъ пѣснопѣніямъ: въ твоихъ приключеніяхъ, достойныхъ посмѣянія, мы видимъ только одинъ сладкія начала трагическихъ концовъ.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ же, входятъ Альгвазилъ, Нотариусъ и Фавіо.

Альгвазилъ. — Милостивый государь, съ такими людьми, какъ мы, казалось бы, вы могли вести себя какъ слѣдуетъ.

Элисо. — Я не зналъ ничего и, повѣрьте, умѣю держать себя. Меня развлекали счеты по зашутанному мнѣнію, притомъ же я не при-
вратникъ въ своемъ домѣ.

Альгвазилъ. — Вотъ ужь цѣлые два часа стою у дверей ва-
шихъ, изъ уваженія къ дому—и чтожь? Выходить вашъ слуга, весь
заспанный и сердитый.

Элисо. — Видно, каналья только-что сейчасъ проснулся; изволите
видѣть, встаетъ онъ неслашкомъ—рано. Клянусь вамъ жизнью, что
эта неумышленная невѣжливость къ особѣ вашей нисколько не мѣ-
шаетъ мнѣ быть съ вами вѣжливымъ, какъ это у насъ водится въ сто-
лицѣ; вы этого достойны. Скажите что вамъ угодно?

Альгвазилъ. — Вы произнесли бы слова эти такъ же ловко и то-
гда, когда знали бы зачѣмъ я къ вамъ прихожу—такъ ужь водится у
насъ, въ Мадридѣ! Не припомните ли, что, по прошенію Лисарды, на-
ложенъ былъ арестъ на движимое имѣніе ваше?

Элисо. — Точно-такъ! вы совершенно-правы. Что жь наконецъ она,
видю, несогласна ни на какую сдѣлку?

Альгвазилъ. — Какъ видите несогласна, сроковъ вамъ не оста-
лось: они все прошли. Прихожу взять у васъ обезпеченіе.

Элисо. — Отвѣчать мнѣ нечего, Лисарда имѣетъ теперь полное
право дѣйствовать.

Нотариусъ. — Стало-быть вы даете намъ позволеніе приступить
къ дѣлу?

Элисо. — Войдите, Фабіо отдастъ вамъ мое серебро; а если это-
го будетъ недостаточно, что легко можетъ случиться, васъ удовлетво-
рять другими вещами.

Нотариусъ. — Очень-хорошо: идемте жь.

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Элисо. — Ошибся я, полагая, что дѣло шло о Фелисардо, тогда-
какъ меня также ищутъ, также преслѣдуютъ какъ и его; впро-
чемъ, это хорошо, что они переодѣлись; будь они узаны — бѣда.
Что же касается до моего долга, надѣюсь въ скоромъ времени его
заплатить: въ концѣ этого мѣсяца жду денегъ. Теперь разсуждаю, какъ
и должно, да послѣ времени, а слѣдовало бы подумать объ этомъ
прежде. Посватайся я за Белису, полагаю, былъ бы теперь ужь
нужней причудъ ея. Причиной нерѣшительности моей ея характеръ.
Пойди посмотрѣть, что-то дѣлается тамъ съ имуществомъ моимъ;
нельзя не приглядѣть... Сдѣлать же предложеніе Белисѣ время еще не

ушло; успѣемъ еще вымѣнять долгъ на родство ⁽⁸⁾ и заплатитъ его, получивъ жену съ деньгами: имѣнiе у нея огромное; впрочемъ, только при богатствѣ и можно сносить капризы и имѣть жену-причудницу.

ЯВЛЕНIЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Поком Лисарды.

Лисарда, Белиса и Флора.

Лисарда. — Этотъ человѣкъ прекрасно рисуется, почему это онъ тебѣ не нравится?

Белиса. — Если вамъ хочется выйти замужъ, выберите себѣ такого человѣка, который бы на него былъ похожъ; моимъ требованiямъ онъ не удовлетворяетъ.

Лисарда. — Почему же не удовлетворяетъ?

Белиса. — Потому-что, рассказывая про одну ссору, показалъ...

Лисарда. — Чтò показалъ?

Белиса. — Кулакъ ⁽⁹⁾ съ фальшивыми маншетами.

Лисарда. — Велика важность!

Белиса. — Стало-быть, сеньйора, человѣку, который долженъ любить меня, дозволяется носить у рукавовъ рубашекъ фальшивыя маншеты? И, нося ихъ, держать себя такимъ разгильдяемъ, что онъ будетъ ронять ихъ съ рукъ, когда, желая показаться храбрымъ, начнетъ рассказывать про шпажные тычки свои, и когда за рукоятю шпаги начнутъ соскакивать и маншеты.

Лисарда. — Причуды эти, Белиса мнѣ ужъ чрезвычайно надоели: не знаю право, въ кого ты такая. Я причудницей не была.

Белиса. — Скажи, чтò же такое было, какъ не твои причуды, когда ты не захотѣла полюбить кавалера Толедскаго?

Белиса. — Дѣйствiя свои въ этомъ случаѣ я могу оправдать достаточной причиной.

Лисарда. — Мнѣ она по-крайней-мѣрѣ неизвестна.

Белиса. — Глаза у него были огромныя, а взглядъ страшный: если теперь онъ такъ смотритъ, будучи влюбленнымъ, каковъ же взглядъ долженъ быть у него, когда онъ разсердится? Очень-хоро-

⁽⁸⁾ Въ Испан. *deuda* — долгъ, *deudo* — родство, родня, родственникъ.

⁽⁹⁾ Испанское слово *riño* значитъ кулакъ, маншеты и рукоятъ шпаги. Передать порусски всю игру словъ подлинника — рѣшительно невозможно.

но сдѣлали, что ему отказали : я видѣла въ немъ образъ Д. Педро-Жестокаго : такъ похожъ онъ на его изображеніе.

Лисарда — А что скажешь о томъ, котораго предлагала я тебѣ третьягодня ?

Белиса. — Я замѣтила, что у него усы слишкомъ нависли на ротъ, а потому представила себѣ, что онъ или пудель, или дикій, или что это сочтется какая-нибудь жидкость сквозь оконную рѣшетку. Ему прекрасно пить молоко: можетъ его цѣдить сквозь свои усы...

Лисарда. — Какого же тебѣ надобно ?

Флора. — Ей надобно мужа маринованнаго (10).

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Тѣ же, входятъ Альгвазилъ и Нотариусъ.

Нотариусъ. — Все обдѣлано чудесно.

Альгвазилъ. — Правда, что сдѣлано хорошо.

Лисарда. — Какъ же вы сдѣлали ?

Альгвазилъ. — Все ужъ привезено и сложено: онъ просилъ меня чтобъ мы вамъ передали два живые заклада, которые я взялъ у него силою.

Лисарда. — Живые заклады ?

Альгвазилъ. — Княнусь честью, въ жизнь свою не видывалъ я такихъ прекрасныхъ невольниковъ.

Лисарда. — Вы мнѣ этимъ доставите большое удовольствіе.

Альгвазилъ. — Изъ нихъ одна — женщина.

Лисарда. — Женщина съ клеймами на лицѣ ?

Альгвазилъ. — Клеймъ нѣтъ ; но вы всегда властны ихъ положить. Эй, Педро и Зара, войдите сюда !

Лисарда. — Прекрасны — смотрѣть больше нечего.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Тѣ же, входитъ Фелисардо съ Целією (одптые невольниками).

Альгвазилъ. — Я взялъ ихъ у него потому, что полагалъ оказать вамъ этимъ большую услугу.

Лисарда. — На мои глаза эти мавры такъ хороши, что я готова выдать ему расписку въ полученіи двухъ тысячъ, а вамъ, сверхъ-того, сълать подарокъ, если онъ уступитъ мнѣ ихъ.

Альгвазилъ. — Этого ужъ много, сеньйора; я знаю онъ и такъ,

(10) То-есть изъ живыхъ людей никто не понравится ей.

это сдѣлать для васъ и для меня, а въ случаѣ ихъ продажи, ему будетъ пріятно доставить вамъ это удовольствіе.

Лисарда. — Всякая цѣна за нихъ — недорого, какъ бы ни была она высока.

Альгвазилъ. — У меня есть еще дѣло; да сохранить васъ нрбо!

Лисарда. — Заходите ко мнѣ послѣ; мой домъ всегда къ вашимъ услугамъ.

Альгвазилъ. — Безпокоиться нечего, намъ не будетъ надобности продавать залоги.

Лисарда. — Полагаю, что такъ.

Альгвазилъ. — Прощайте.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Тѣ же, кромѣ Альгвазила и Нотариуса.

Фелисардо (*всторону*). — Какой странный путь несчастья, хоть бы даже и обратился онъ въ мою пользу! Полагаю, что въ этомъ домѣ и нарядѣ, пока пройдетъ та буря, я могу быть совершенно-безопаснымъ. Бывало ли когда, чтобъ по началу исторіи, сколько ихъ ни было на свѣтѣ, можно было заключать о второй главѣ книги счастья? Можетъ ли быть что-нибудь удивительнѣе настоящаго случая со мною? Еще сегодня человекъ въ Мадридѣ былъ благороднѣе Сидя, свободнѣе Бернардо, а теперь онъ невольникъ, который обезпечиваетъ высканіе; притомъ насъ съ Целиемъ схватили такъ проворно, что не дали намъ времени хорошенько переодѣться; мы не могли даже и отвѣчать этимъ людямъ ни *да*, ни *нѣтъ*. До-сихъ-поръ не могу опонитъся, какъ слѣдуетъ, и самъ еще не знаю, что со мною будетъ далѣе.

Целия (*всторону*). — О! еслибъ могла я сѣтовать на васъ, врандѣбныя небеса, за тотъ нарядъ, въ которомъ теперь себя вижу: онъ даетъ мнѣ полное право выходить изъ таривніа, котораго въ настоящее время и желаю и прошу у васъ. Нечего мнѣ на себя пенять: то, что случилось со мною, случилось не отъ моей вины: меня обманули. Чѣмъ же наконецъ можетъ все это кончиться для меня? Какой вредъ могу я потерпѣть отъ этого? Полагаю, придется всего какунибудь недѣлю послужить здѣсь.

Белиса. — Разумѣется не болѣе; притомъ ты можешь разговариать вотъ съ нимъ.

Лисарда. — Если онъ сохранитъ свою твердость, я сдѣлаю свои деньги, что Элисо ихъ у меня оставитъ, хотя бы самъ того не желалъ. Новольникъ?

Фелисардо. — Сеньора?

Лисарда. — Надѣйся.

Фелисардо. — На что я могу надѣяться, слыша ваши слова?

Лисарда. — Имя твое?

Фелисардо. — Зовутъ меня Педро.

Лисарда. — Такъ ты христіанинъ?

Фелисардо. — Христіанинъ по милости Божіей, а по моему собственному несчастью, вы моя госпожа.

Лисарда. — Стало быть тебѣ тяжело здѣсь?

Фелисардо. — Нѣтъ, нетяжело; мнѣ было бы еще тяжело сидѣть въ тюрьмѣ за долги, которые вовсе не мои.

Лисарда. — Откуда ты родомъ?

Фелисардо. — Изъ Гренады, хотя самъ я родился въ Мадридѣ отъ невольницы; но я родился совершенно-отличнымъ отъ альпухарскихъ нравовъ, отъ которыхъ происходила моя родительница; отцомъ же моимъ былъ одинъ испанскій рыцарь, свѣтлый и прекрасный, какъ солнце.

Лисарда. — Какая жалость! слыхано ли, что подобное? А ты невольница?

Целія. — Зовутъ меня Зарой и я желала бы креститься; я родомъ изъ Орана и надѣюсь быть христіанкой, сеньора, если ворочусь къ моему прежнему господину до истеченія мѣсяца.

Белиса. — Если хочешь, можешь креститься и здѣсь. Надобно признаться, женщины въ Оранѣ красавицы.

Лисарда. — Да, она хороша собою. Флора, укажи кухню Зарѣ и объясни, что должна она дѣлать; а ты, Белиса, пошла бы взглянуть на новаго жениха.

Белиса. — Какая скука!

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

Флора, Фелисардо и Целія.

Флора. — Если такъ, иди со мной, Зара; а ты, Педро, пройдеши къ конюшню.

Фелисардо. — Я спрашиваю тебя не потому, что не хочу слушать.

Флора. — Лакей сына госпожи моей ходить теперь и за каретными лошадьми ея, и за его гнѣдой лошадыю.

Фелисардо. — У ней есть сынъ?

Флора. — Да еще прехорошенькій.

Фелисардо. — Его нѣтъ теперь дома?

Флора. — Онъ еще въ постели; по ночамъ Дон-Хуанъ ухаживаетъ за какою-то дамою, а потому не можетъ вставать съ разсвѣтомъ: большую часть онъ ложится спать не ранѣе двѣнадцати. Если останешься при немъ, господиномъ твоимъ будетъ братъ этой барышни, ангельскаго характера, а я, между-тѣмъ тебя угощу: къ довѣрчивости и обходительности располагаетъ наружность твоя. У меня отъ всего ключи. Пьешь ли ты вино? Скажи, ѣшь ли свинину?

Фелисардо. — Кажется, что ѣмъ; вѣдь ты знаешь, гдѣ я родился; только, я думаю, что со вчерашняго ужина, не разучился я ѣсть.

Флора. — О, какъ же я тебя угощу!

— Целія. — Педро, благодари жъ небеса за то, что тебя такъ будутъ угощать.

Фелисардо. — Выслушай, Целія.

Целія. — Чтò тутъ слушать.

Фелисардо. — Я все могу вынести, но не могу сносить твоей ревности.

ЯВЛЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

Входитъ на сцену Дон-Хуанъ; за нимъ идетъ Каррильйо, его лакей.

Хуанъ. — Осѣдлая ли ты лошадь?

Каррильйо. — Лошадь осѣдлана, но время бы обѣдать.

Хуанъ. — Какъ я усталъ вчера, воротившись домой!

Каррильйо. — Устаете-то вы не безъ причины.

Хуанъ. — Какъ только она у меня попросила денегъ, я впасть въ изнеможеніе и теперь совсѣмъ умираю.

Каррильйо. — Много лекарства предписывается отъ любви; полагають, что разлука изъ всѣхъ средствъ самое легкое; забвеніе вѣчный его спутникъ. Другіе предписываютъ заниматься книгами, охотой, тяжбами, веселыми играми, а всѣ согласны въ томъ, что надобно занимать сердца. Иной старается избавиться отъ любви колдовствомъ, а иной, сеньйоръ, прогоняетъ задумчивость свою, дѣлая напряженныи усилія въ другомъ вкусѣ. Плиній говорить, что одинъ любовникъ бросился... срамъ-то какой! на то мѣсто, гдѣ валялась лошачиха и что такимъ-образомъ одно животное взяло примѣръ съ другаго; сказалъ онъ это потому, чтобъ показать, что влюбленный человекъ походить на животное, а не потому, чтобъ ложе того животнаго имѣло силу прекращать болѣзнь любви. Я жъ говорю, что посвататься — лучшее лекарство отъ любви.

Хуанъ. — Гдѣ это слыхалъ ты рассказъ о Плиніи?

Каррильо. — Много есть людей, сеньоръ, у которыхъ нѣтъ самостоятельнаго дарованія; они посвятили себя переводамъ, и мы, глупые, стали знать теперь то, что высоко цѣнятся умными, и сами стараемся заслужить ихъ славу. У меня не одинъ Плиній есть въ переводѣ, есть Гораций и Луканъ.

Хуанъ. — Читалъ ли ты этихъ господъ?

Каррильо. — Что жъ тутъ мудренаго, коли переведены они на испанскій? Даже моя рыжая лошадь бормочетъ полатини: «тамъ они».

Хуанъ. — Радуясь этому отъ души: люди, которые желаютъ приобрести себѣ безсмертное имя въ мірѣ, ищутъ Горация въ латинскихъ книгахъ, а онъ—въ конюшнѣ. Вотъ дожили мы до-чего, несравненный Гораций, что даже лакей тебя читаетъ!

Каррильо. — Мнѣ слѣдовало бы еще болѣе дивиться тому, что вы такъ высоко себя цѣните за ваше знаніе латинскаго языка, тогда-какъ всякій, кто выдалъ вашу латинствующую особу, вѣчно-роющуюся въ книгахъ, въ плащѣ и при шпагѣ, не скажетъ, что вы знаете только одинъ латинскій языкъ.

Хуанъ. — Стало-быть умъ и знаніе составляютъ только принадлежность четырехугольных шапокъ и ученыхъ степеней, раздаваемыхъ Сигуэнсой и Валенсіей.

Каррильо. — По-крайней-мѣрѣ, по народному понятію, можетъ-быть и ошибочному, вотъ въ чемъ состоитъ разница: человекъ съ шпагой слыветъ за невѣжу, а въ баретѣ за ученаго.

Хуанъ. — Какой прекрасный силлогизмъ!

Каррильо. — Какъ бы то ни было, а этотъ силлогизмъ укорененъ въ народѣ.

Хуанъ. — О, какой скучный предрасудокъ въ Испаніи! Лишій въ плащѣ и со шпагою приобретаетъ себѣ безсмертную славу и теперь ею пользуется; дон-Иньиго де-Мендоза былъ знаменитый человекъ, оставилъ по себѣ много славы въ Испаніи. Я могъ бы привести тебѣ тысячи примѣровъ, которые были бы понятны народу, когда бы здѣсь говорилъ я съ нимъ.

Каррильо. — Пора вамъ умываться.

Хуанъ. — Позови Флору.

Каррильо. — Подождите немного, сейчасъ за нею схожу.

(Уходитъ).

Хуанъ. — Надобно знать, что не всякій талантливый человекъ достигаетъ длиннаго плаща и четырехугольной шляпы; еслибъ наука всегда одѣвалась въ длиннополая платья, то и мулы принимали бы въ ней участіе. Цезарь шелъ съ мечомъ на-голо за Марсомъ; «Записки»

его не покрыва Лета; у кого на рукахъ дважды тридцать-сень, кто итѣшаетъ тому скинуть половину?

Я видѣлъ и Цицерона въ шлягѣ, и Ксенофонта вооруженнымъ: науки и искусства, почему жь рыцарю не заниматься вами?

О ты, который опережаешь глазами самое дѣло; если перо въ рукахъ у Аполлона, а сталь у Марса, соедини въ себѣ одномъ ихъ различныя искусства!

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМИНАДЦАТОЕ.

Дон-Хуанъ; входятъ Целія, неся кувшинъ и тазъ, Флора несетъ полотенцо.

Целія. — Вотъ здѣсь вода и тазъ.

Флора. — А вотъ и полотенцо.

Хуанъ. — Флора?

Флора. — Къ чему такая осторожность?

Хуанъ. — Этой служанки я никогда прежде не видывалъ. Такъ вы выходите въ услуженіи? О, неблагодарныя времена!

Флора. — Вы еще больше удивитесь, сеньйоръ, узнавъ, что она невольница.

Хуанъ. — Она невольница! Флора, этого только не доставало.

Флора. — Жила она у Элисо, или вы ее никогда тамъ не видывали?

Хуанъ. — Никогда не видывалъ.

Флора. — Ее сюда привели въ обезпеченіе его долга.

Хуанъ. — Понудительныя мѣры, принятыя противъ него, можно извинить только тѣмъ, что намъ ею заплатили. Прелестная невольница!

Целія. — Скажите лучше несчастная, пока вамъ служу.

Хуанъ. — Какъ прекрасно платите вы долгъ! Налейте воды, сеньйора.

Флора. — Не-уже-ли эта невольница вамъ такъ нравится?

Хуанъ. — Видѣла ли ты другую, въ жизнь свою, лучше ея? Лейте больше воды, прошу васъ, лейте больше, пусть въ горнѣ уменьшится огонь, вами разведенный! Есть ли такіе глаза?

Целія. — Они могли бы брызнуть водою, когдабъ ея здѣсь не доставало.

Хуанъ. — Чьи руки были бы достойны ея умываться? Когда бь умывалась душа, вода изъ глазъ была бь очень-кстати. Подай мнѣ это полотенцо, Флора: нѣтъ нужды, что не сотреть оно того впечатлѣнія, которое произвела на меня эта невольница — она можетъ слѣ-

латъ честь своимъ присутствіемъ самой знатной госпожи. Сходите за брыжами.

Целія. — Сейчас схожу.

Хуанъ. — Ступай, Флора, дай ихъ ей.

Флора. — Иду.

Хуанъ. — Пожалуйста не приходи сюда назадъ.

Флора. — Не прійду, будьте покойны!

Хуанъ. — Смотрѣть на нее мнѣ чрезвычайно-пріятно; скажу ей что-нибудь наединѣ. Я никогда не видалъ этой невольницы у Элисо; онъ ее отъ меня скрывалъ, значить могъ судить по себѣ о томъ, какъ любятъ въ нее другіе: какъ же должно было огорчить его это происшествіе, особенно если онъ чувствуетъ къ ней любовь! Это ужасное несчастіе!

Целія. — Вотъ и брыжи, сеньйоръ. (*Входитъ Целія, неся въ корзинѣ брыжи*).

Хуанъ. — А здѣсь, сеньйора, и повинная вамъ голова моя. Это брыжи, а вы можете ихъ на меня надѣть вмѣсто толстаго желѣзнаго пояса, хотя и одного волоска было бы довольно, чтобъ удержать меня въ повиновеніи.

Целія. — Вы шутите? Надѣвайте брыжи. (*Надѣваетъ ихъ ему*).

Хуанъ. — Воротничекъ самъ по себѣ не желѣзо, но я ужъ чувствую — виноваты въ томъ вы — что въ тесьмахъ есть цѣпи.

Целія. — А я полагаю, что это камбрейское полотно.

Хуанъ. — Какое заблужденіе!

Целія. — Если эти тесемки — цѣпи ваши, вы легко могли бы разорвать оковы.

Хуанъ. — Добровольныхъ оковъ мѣсто — въ воображеніи. Никакъ не поймаю руками тесьмы, чтобъ завязать самому себѣ брыжи: завяжите ее мнѣ вы, подойдите сюда, подойдите ближе, не стыдитесь, свяжите мою свободу, которая ужъ съ-этихъ-поръ, начинаетъ вамъ принадежать, подойдите сюда, завяжите мнѣ брыжи.

Целія. — Я исполню это — это долгъ мой, того требуетъ моя служба. Но кто вамъ скажетъ, положимъ, что и удалось бы мнѣ ихъ надѣть какъ слѣдуетъ, хорошо или дурно сидятъ они на васъ? Иду за зеркаломъ.

Хуанъ. — Оно вовсе не нужно; зеркала, равнаго вашему лицу, не найдете; въ него смотрюсь я, какъ въ самое чистое стекло. Въ вашихъ прелестныхъ глазахъ вижу образъ свой; посмотрѣвъ въ нихъ, буду имѣть полное право сказать, что себя видѣлъ въ солнцѣ. Завязывайте жь!

Целія. — Ну, хорошо ли теперь ?

— Хуанъ. — Мнѣ хотѣлось бы спросить это у вашихъ блестящихъ звѣздъ ?

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ.

ТѢ ЖЕ И ФЕЛИСАРДО.

Фелисардо. — Клянусь, было бы прекрасно, если бы я теперь могъ прервать ихъ бесѣду; этотъ перерывъ обратился бы въ полный разрывъ между ними.

Хуанъ. — Кто это тамъ ?

Фелисардо. — Я, сеньйоръ.

Хуанъ. — Кто жь ты такой ?

Фелисардо. — Невольникъ, служу сегодня вамъ, по милости счастья, за которую его благодарю: эта милость доставляетъ мнѣ случай узнать васъ ближе. Прежде я принадлежалъ Элисо, а теперь — вамъ, собственно же говоря я ни вашъ, ни его, не знаю кому долженъ служить, пока могу говорить: «я невольникъ», но чей — право не знаю. Поступилъ я сюда, въ видѣ обезпеченія, за неплатежъ долга, по этому же обстоятельству поступилъ сюда и другой залогъ, который также въ закладѣ со мной; быть можетъ, закладъ тотъ самъ еще васъ арестуетъ ⁽¹¹⁾. Господинъ мой любилъ эту невольницу; я видѣлъ какъ она касалась вашей груди; неприлично ей съ вами связываться; впрочемъ, если станетъ онъ меня спрашивать про это, я не скажу ему ни слова.

— Хуанъ. — На видъ ты славный невольникъ, а защищая такъ ревностно интересы господина своего, ты мнѣ показалъ, что ты еще человѣкъ преданный.

Фелисардо. — Прекрасное начало, Зара; славно прогоняешь ты свое горе !

Целія. — Ты бранишь меня ?

Фелисардо. — Почему жь мнѣ тебя не бранить? Господинъ мой приказалъ мнѣ бранить тебя, и я имѣю полное право это дѣлать. Поступая такимъ образомъ, исполняю только приказанія того, кому принадлежу.

Хуанъ. — Прошу тебя, невольникъ, не брани ея, она не виновата; и то время, которое пробудетъ здѣсь, считай ее будто проданной, нѣтъ нужды, что куплена она Элисо. Господинъ ея теперь я.

(11) *Prenda* значитъ закладъ, залогъ любви и сослагат. написан. отъ глагола *prender* — брать, арестовать, плѣнять. Нѣтъ средствъ передать всѣхъ этихъ тонкостей въ переводѣ.

Фелисардо. — Чей же я?

Хуанъ. — Также мой.

Фелисардо. — Теперь-то я вашъ, но долженъ опасаться, сеньйоръ, своего прежняго владыцѣ, какъ бы не сказалъ онъ, что я его. Заръ гораздо бы лучше быть въ кухнѣ, чѣмъ здѣсь.

Целія. — А тебѣ также слѣдовало бы находиться при лошадахъ.

Фелисардо. — Онъ и то, по милости твоей, видятъ меня въ своихъ ясляхъ.

Целія. — А я, по твоей же милости, сижу за кухонною посудею, между-тѣмъ, какъ низкій образецъ неблагодарности, твоя Флора, и не думаетъ меня угощать.

Хуанъ. — Бога ради не ссорьтесь теперь больше; вы оба образцы преданности благородной и высокой, служите весело, вѣрьте въ мое особенное къ вамъ расположеніе и будьте увѣрены, что не отпущу васъ, не наградивъ.

Фелисардо. — Пусть ведетъ себя Зара какъ слѣдуетъ и я стану обходиться съ ней какъ должно.

Хуанъ. — Иду къ обѣднѣ — пора.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТОЕ.

Тъ же, кромѣ Дон-Хуана.

Фелисардо. — Скоро жъ измѣнился твой вкусъ.

Целія. — Или изъ-за этого сердншься ты на-самогъ-дѣлъ? Сохрани тебя Боже!

Фелисардо. — Развѣ я камень? алмазъ я или любовникъ? звѣрь или человекъ? идалго или самый низкій рабъ? Развѣ въ двухъ тысячахъ легахъ ⁽¹²⁾ стояла ты отъ мужчины? Нѣтъ — кто бы этому повѣрилъ! разстояніе межъ тобою и имъ было не шире тесьмы. Ты тамъ завязывала петли и узлы на шеѣ чужой головы, не длятого ли, чтобъ повѣсить ихъ веревками на мое горло? Ахъ, прекрасная Целія, видно, нельзя полагаться ни на увѣренія моря, ни на женское постоянство. Ты пришла сюда недавно, чтобъ представить въ этомъ ужасномъ несчастіи, достойномъ вѣчной славы, послѣднее доказательство любви, и ужъ въ объятіяхъ?

Целія. — Въ какихъ объятіяхъ?

Фелисардо. — Пусти меня, не удерживай!

(12) *Legua* — испанское лѣ; 8000 испанскихъ ярдовъ составляютъ одну испанскую легу, или около четырехъ англійскихъ миль: $17\frac{1}{2}$ испанскихъ легъ равны одному географическому градусу.

Целія. — Стало-быть надо проводить въ путяхъ такое серьезное время? Образуйся и осмотришься только, гдѣ мы находимся: въ общественной землѣ нашей — ты невольникъ, а я невольница. Если подозреваешь честь мою, ревнуйте тебя глупо: этимъ только оскорбляешь меня; для тебя, мой Фелисардо, стала я теперь невольницей, твоя же осора заставила меня служить: коли службу, на что жь тебя жаловаться? Вышла я вмѣстѣ съ другой служанкой подать уметься тому, кому жалала бы дать яду: онъ мужчина, притомъ еще молодой, наговорилъ мнѣ разныхъ вѣжностей — случай это самый обыкновенный: мужчина — по-речь, женщина — искра; приказалъ мнѣ принести свои брыжи — принесла брыжи, завязала тесьмы; сдѣлалъ меня зеркалачомъ — была зеркалачомъ.

Фелисардо. — И требуешь еще, чтобъ я смотрѣлъ на это равнодушно?

Целія. — Требую. Когда ты вышелъ, я была стекломъ, оно разбилось и зеркала не стало.

Фелисардо — Целія, лучше бы сказала ты мнѣ въ отвѣтъ, что женщина — зеркало, которое, въ отсутствіе хозяина, одинаково льститъ всякому лицу, какое бы къ нему ни подходило.

Целія. — Брось эту несправедливую ревность, брось ради глазъ моихъ! Велика бѣда наша, оставь эти пустяки!

Фелисардо. — Понимаю, Целія: это пустяки, что отражаются въ глазахъ твоихъ чужія прелести! Но это такіе пустяки, которые могутъ произвестъ огромныя оскорбленія ⁽¹³⁾. Намъ не пристало, находясь въ такой бѣдѣ, проводить время въ жалобахъ. Скажи мнѣ, мое сокровище, что дѣлать мнѣ съ остальнымъ нашимъ горемъ, котораго у насъ еще такъ много? Скажи мнѣ: хочешь ли, чтобъ мы нынѣшнею же ночью отправимся въ такое мѣсто, гдѣ фортуна не имѣетъ силы играть съ нами такія штуки? Желаешь ли, чтобъ вырвалъ я тебя отсюда?

Целія. — Богу известно была ли бы я противъ этого; но бѣгствомъ нашимъ мы поставимъ Элисо въ самое непріятное положеніе: мы живемъ здѣсь подъ именемъ его невольниковъ, а потому Лисарда не преминетъ сказать, что онъ насъ скрываетъ и его будутъ обвинять. Гораздо-лучше остаться здѣсь, пока пройдетъ гроза: нигдѣ такъ удобно отъ нея не скроешься, какъ въ этомъ домѣ. Сверхъ-того, мои родные станутъ меня искать и едва покажусь на улицу, въ своемъ настоящемъ платьѣ, узнаютъ тотчасъ. Для меня же, что можетъ быть

(13) Ninneria — пустяки, пина — зрачокъ.

теперь слышѣе, какъ находится въ такомъ мѣстѣ, гдѣ могу заслужить названіе твоей невольницы ?

Фелисардо. — Сеньора, ты мнѣ дашь прекрасный совѣтъ ; я видѣлъ слугъ, накрывавшихъ на столѣ. Целія, ступай на кухню, быть-можетъ они видятъ, что мы здѣсь.

Целія. — Удастся мнѣ унести кусочекъ для тебя, я заверну его въ полотенцо ; но нѣтъ, я вспомнила, что Флора сдѣлаетъ это лучше меня.

Фелисардо. — Никогда не видалъ я, чтобъ веда ты себя такъ глупо.

Целія. — Кто любить — боится.

Фелисардо. — Кто любить — вѣрять.

Целія. — Чему же я должна вѣрять, по-твоему ?

Фелисардо. — Что обожаю тебя, моя Целія : вѣдь отъ несчастій вѣрность усиливается.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Поком Лисарды.

Белиса и Флора.

Флора. — Чѣмъ могутъ кончиться эта печаль и это неудовольствіе ?

Белиса. — Теперь, Флора, всё удовольствія мои превратились въ слезы. Теперь мои причуды прекратились и надменность моя упала : небо испослало на меня наказаніе и въ настоящее время мнѣ вполне отомстили за себя мужчины. Сжался надо мной, я готова умертвить себя.

Флора. — Не говорите этихъ глупостей.

Белиса. — Другъ мой, я иду такими печальными путями, что мнѣ невозможно жить : въ такомъ несчастіи молчать мнѣ про свое безуміе то же, что рѣшиться умереть. Зачѣмъ же медлю ? Чтò удерживаетъ меня отъ смерти ?

Флора. — Такъ вы хотите...

Белиса. — Да, Флора, хочу умертвить себя : когда свѣтъ узнаетъ причину моей смерти, скажетъ, что я права. Убью себя непременно ;

а ты, Флора, когда я умру, можешь обнажить мою грудь и узнаешь причину, которую я теперь скрываю. Она будет написана на бумажкѣ такъ точно, какъ у человѣка, умирающаго по судебному приговору; бумажка та будетъ у меня на груди, когда погибну отъ желѣза, или веревки. Бѣдная жизнь моя! я думаю о томъ, какъ бы мнѣ тебя пресѣчь. Если заколюсь шпагой — изойду кровью, поблѣднѣю и могу принять безобразное положеніе. Если удавлюсь веревкой — сдѣлаюсь сама безобразной, языкъ нальется кровью, ротъ перекосятся... нѣтъ, нехороша смерть безъ раны!.. Отъ яда — почернѣю и распухну. Развѣ изъ жилъ открыть мнѣ кровь? Этотъ родъ смерти взять изъ Сенеки — сладостно умру тогда и славно будетъ умереть смертью философа, притомъ, умирая отъ кровоупусканія, сохраню красоту свою. Итакъ позволи ко мнѣ цирюльника; скажу, что хочу пускать кровь себѣ, а потомъ могу сорвать повязку и не надѣвать ея до самаго конца. Ступай, Флора, приведи его ко мнѣ.

Флора. — Чтò вы это говорите? Въ умѣ ли вы?

Белиса. — Мнѣ хочется умертвить себя.

Флора. — Ахъ, я несчастная!

Белиса. — Если медлишь, умерщвляю себя веревкой или, какъ Порція, какими-нибудь горящими угольями...

Флора. — Если моя вамъ преданность, моя любовь и то, что я родилась въ вашемъ домѣ, даютъ мнѣ право узнать причину вашего волненія, то все это вмѣстѣ и мои заплаканные глаза заставятъ васъ открыться мнѣ.

Белиса. — Это невозможно.

Флора. — А если сдѣлать этого нельзя, соединимъ вмѣстѣ нашу жизнь и умремъ одной смертью.

Белиса. — Если ты мнѣ обещаешь, что одна и та-же участь, для уравненія насъ, постигнетъ обѣ наши раны, въ такомъ случаѣ, такъ и быть, открою тебѣ свое горе.

Флора. — Обещаю вамъ это.

Белиса. — Такъ слушай-же: ты увидишь, что причинъ этому много и всѣ онѣ равны моему несчастью. Тебѣ извѣстно, Флора, что я родилась въ Мадридѣ, на утѣшеніе и удовольствіе моихъ богатыхъ родителей и почти выросла на ихъ рукахъ, взлелѣянная ихъ нѣжностью: могла бъ ужъ выйти за мужъ, а еще говорила какъ ребенокъ. Изъ Индіи, Восточной Индіи, гдѣ было у моего отца двойное зло ⁽¹⁴⁾ —

(14) Двойное зло, то-есть, съ одной стороны, жемчугъ и алмазы, съ другой — золото и серебро.

лились въ его домъ и сундуки жемчугъ и алмазы, серебро на расходы и золото на оправы ⁽¹⁵⁾. Большую часть времени родные мои проводили въ собираніи сокровищъ и, любя меня страстно, тратили ихъ на меня: то сдѣлають, бывало, новыя праздничныя платья, то богатые наряды. Братъ мой Дон-Хуанъ, бывъ тогда студентомъ, не истрчивалъ столько на книги, лакеевъ и пажей, сколько издерживала я на зеркала, курительныя свѣчки ⁽¹⁶⁾ и перчатки; притомъ, дѣлая эти глупости, держала себя такъ надменно, что родные мои никакъ не могли меня выдать замужъ: тридцать тысячъ червонцевъ, которые изъ этого огромнаго имѣнія достаются на мою часть, болѣе нежели мои собственыя качества заставляютъ мужчинъ толпами приходить на меня глядѣть: они смотрятъ, желая приобрести мое расположеніе. Я, чрезвычайно-много думая о своемъ огромномъ имѣніи — быть-можетъ ввели меня въ заблужденіе мой умъ и моя наружность — сдѣлалась такой причудницей, что стала главнымъ предметомъ всѣхъ столичныхъ разговоровъ. Одно время я говорила, что руки и лицо у меня изъ мяса, а все остальное какъ у рѣзныхъ фигуръ: ихъ одѣваютъ сверху только для вида, а нѣтъ у нихъ ни ногъ, ни тѣла — вездѣ одинаковая толщина; я никогда не выходила со двора, если шумѣлъ вѣтеръ; а если заставалъ онъ меня на улицѣ, кричала во все горло, что вѣтеръ меня унесетъ. Я никогда не видала боя быковъ, боялась, чтобъ они ко мнѣ не перескочили, хотя передо мною и находились тысячи желѣзныхъ рѣшотокъ. Я никогда не позволяла перевозить себя по каменному мосту чрезъ Мансанаресъ, несмотря на то, что это — маленькая рѣчка. Въ жизнь свою я не ѣдала монашескихъ сливъ ⁽¹⁷⁾, потому-что многіе говорить, будто-бы онѣ рождаются голыми; также я никогда не ѣла улитокъ, потому-что онѣ никогда не выметають своей комнатки. Никогда не соглашалась, чтобъ съ меня портной снималъ мѣрку: боялась, чтобъ онъ меня не обнялъ; я никогда не хотѣла, чтобъ башмачникъ зналъ мой нумеръ: онъ дѣлалъ мнѣ башмаки и перваго нумера, и втораго, и даже шестнадцатаго: я не желала, чтобъ мои любопытные обожатели хвалились тѣмъ, что имъ извѣстны мои нумера ⁽¹⁸⁾. Въ жизнь свою не хотѣла я

⁽¹⁵⁾ *Gastos* — расходы, издержки; *engastes* — оправы. Корень одинъ: *gastar*.

⁽¹⁶⁾ Полагаю, что здѣсь идетъ рѣчь о *postillas de olor*, а не о *pastillas de boca*.

⁽¹⁷⁾ *Ciruelas de frailes* — такъ называются въ Испаніи большія, длинныя, зеленныя сливы.

⁽¹⁸⁾ *Punto* значить, между прочимъ, стежокъ, дырочка на чулкѣ, отъ распустившейся петли, и во множественномъ числѣ вообще чулочныя петли.

вграть въ карты: отъ пиковоѣ масти ⁽¹⁹⁾ застывала во мнѣ кровь. Но къ-чему рассказываю вещи, тебѣ извѣстныя; и можетъ ли языкъ все пересказать? Дѣ, Флора, съ такими-то причудами я отказала многимъ: и знатымъ рыцарямъ, и богатымъ, и дворянамъ, и благороднымъ, и вельможамъ; многіе изъ нихъ были орденскими кавалерами, многіе занимали довольно-значительныя мѣста въ войскахъ, другіе состояли на службѣ гражданской, а я всегда находила тысячу недостатковъ во всѣхъ тѣхъ, которые за меня сватались. Не знаю, сказать ли мнѣ тебѣ прежде чѣмъ себя убью — боюсь, какъ-бы ты не оскорбила меня за мои безразсудства—но, видно, дѣлать нечего, должна тебѣ открыться. Чего же трушу я? Страстно люблю я раба — онъ драгоценный залогъ; Альгвасиль привелъ его моеѣ матери: видно такъ угодно судьбѣ! Безъ шутокъ, Флора, вначалѣ-было старалась я всячески беречься, но бесполезно: въ этихъ темницахъ, тюремщикомъ—любовь⁽²⁰⁾, она накалываетъ смертью подобное сопротивленіе; не сплю, не ѣмъ, сама не знаю къ добру ли, къ худу ли ведутъ эти мысли. Издѣвалась я прежде надъ людьми мнѣ равными, а теперь люблю ничтожнаго невольника. Не говори никто: воды этой пить не стану: времена переходчивы—унижаютъ гордость, возвышаютъ смиреніе, превращаютъ причуды въ дѣла важныя, обогащаютъ людей мелкихъ, дѣлаютъ нищими людей богатыхъ. Грѣшить прихоть, а честь изволь за нее расплачиваться.

Флора. — Что могу я отвѣчать вамъ? За васъ мнѣ самой стыдно, и молчу только потому, чтобъ не оскорбить васъ; но не могу отъ васъ скрыть, что это странное безумство съ вашей стороны.

Белиса. — Перестаетъ ли быть красота красотой гдѣ бы то ни было? Камень, родившійся алмазомъ въ рудникѣ, перестаетъ ли быть алмазомъ оттого, что его носить недостойная рука, или потому, что его покрываетъ перчатка? Поэтому неудивительно, что съ тобою случилось то же, что и со мной. Не хочу тебя въ томъ обвинять, чтобъ оправдать себя передъ самой-собою, а себя я умерщвляю.

Флора. — Лучше поискать другаго средства.

Белиса. — Кромѣ смерти, есть ли другое какое средство, которымъ можно было бы помочь мнѣ?

Флора. — Надобно немедленно выгнать его изъ дому.

Белиса. — Моя мать къ нему привыкла и его полюбила, а его отсутствіе можетъ только усилить мою страсть.

⁽¹⁹⁾ *Espadas* — пики (собственно мечи, шпаги: у испанцевъ онѣ соотвѣтствовали французскимъ пикамъ).

⁽²⁰⁾ Можно перевести и такъ: «въ этихъ дѣлахъ судья — любовь» и проч.

Флора. — Такъ заставьте положить ему клеймы на лицо, или прикажите его высѣчь; сдѣлайте его такимъ безобразнымъ, чтобъ почувствовать къ нему отвращеніе.

Белиса. — Можетъ ли даже звѣрь въ одно время и ненавидѣть и любить?

Флора. — Если ревность прогоняетъ любовь, то подумайте: не влюблена ли въ него эта невольница?

Белиса. — Не создана-ли небесами ревность приправою къ любви, Флора?

Флора. — Должны же вы на что-нибудь рѣшиться.

Белиса. — Я рѣшилась умереть.

Флора. — Подумайте...

Белиса. — Думая, я только борюсь съ страстью своею, между-тѣмъ, какъ страстно пренебрегаю самую жизнь. Хочу принять твой совѣтъ и заставить положить клеймы на этого невольника: я теперь поступаю какъ человѣкъ, который хочетъ разбить зеркало дьявола, чтобъ въ него не глѣтѣться.

Флора. — Ваша матушка...

Белиса. — Ступай теперь въ ту комнату.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Входятъ Элисо съ Лисардой.

Лисарда. — Нечего вамъ возражать мнѣ; сердитесь на меня, а невольниковъ мнѣ уступите.

Элисо. — Взявъ у меня обезпеченіе и сдѣлавъ мнѣ эту неприятность, не отнимаете ли вы у меня теперь то, въ чемъ нахожу я свое удовольствіе?

Лисарда. — Вы — рыцарь честный, а я — женщина.

Элисо. — У меня также есть до васъ просьба, а потому, желая услужить, дѣлаю вамъ это удовольствіе; но замѣйте, что отдаю я вамъ трехъ невольниковъ.

Лисарда. — Какъ это?

Элисо. — Третій невольникъ я; а какимъ это образомъ — узнаете послѣ.

Лисарда. — Если, быть можетъ, думаете жениться на Белисѣ, то ея характеръ вамъ извѣстенъ.

Элисо. — Знаю, что замышляю невозможное, но все-таки прошу васъ, переговорите съ ней объ этомъ наединѣ.

Лисарда. — Хорошо, я это сдѣлаю. Она была здѣсь сейчасъ, а ужъ ушла.

Элисо. — Поговорите ей только *объ* этомъ. Мой родъ вамъ извѣстенъ, а свадебные подарки вы ужь получили.

Лисарда. — Теперь Педро и Зара мои; пойду поговорить съ Белисой. (уходитъ).

Элисо. — Теперь я твердо рѣшился терпѣливо сносить всѣ удивительныя ея сумасбродства.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Элисо. *Входитъ Фелисардо въ одежду невольника.*

Фелисардо. — Элисо! душа моя...

Элисо. — Любезный мой Фелисардо! какъ поживаешь здѣсь?

Фелисардо. — Въ этой мрачной тюрьмѣ съ такимъ же нетерпѣніемъ ожидалъ тебя видѣть, съ какимъ птицы ожидаютъ появленія дня.

Элисо. — Ты вмѣстѣ съ Целию: можетъ ли гдѣ-нибудь быть для тебя тюрьма?

Фелисардо. — Это правда; но я не имѣю свободнаго времени сказать ей и одного словечка. — Ну, что новенькаго насчетъ раны? Не могу ли отсюда выйдти? Не проболтался ли онъ, что я ранилъ его?

Элисо. — Идальго хотя еще живъ, но очень-труденъ; не выходи изъ своего убѣжища, иначе, подвергнешь свою жизнь опасности!

Фелисардо. — Удивительный случай!

Элисо. — Это мѣсто лучшее убѣжище.

Фелисардо. — А ищутъ ли Целию?

Элисо. — Тоже ищутъ. Ну, какъ она здѣсь поживаетъ?

Фелисардо. — Хорошо, хотя и беспокоитъ ее нѣсколько здѣшняя служанка, которая всѣ силы свои употребляетъ на то, чтобъ какъ можно лучше меня угостить.

Элисо. — Ревность?

Фелисардо. — Сегодня чуть-было меня не убила. Если увидать, что я съ тобой такъ разговариваю, мы можемъ возбудить подозрѣніе.

Элисо. — Ходишь-ли ты со двора?

Фелисардо. — Очень-рѣдко.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Фелисардо. *Входитъ Лисарда.*

Лисарда. — Если это такъ огорчаетъ тебя, Белиса, не бойся, въ жизнь свою не стану говорить тебѣ о замужествѣ. Педро?...

Фелисардо. — Сеньора?...

Лисарда. — Я всегда имѣла намѣреніе тебя купить; только не прійми моего къ тебѣ расположенія за другое чувство.

Фелисардо. — Вы навели меня купить?

Лисарда. — Элисо мнѣ уступилъ тебя сегодня и ты теперь принадлежишь мнѣ. Развѣ онъ тебѣ этого не говорилъ?

Фелисардо. — Вѣрно боялся, чтобъ я не расчувствовался.

Лисарда. — Развѣ тебѣ не нравится быть у меня?

Фелисардо. — Нахожу большое удовольствіе служить вамъ, сеньйора; но Элисо все-таки мой первый господинъ.

Лисарда. — Дурно платишь ты мнѣ за любовь мою.

Фелисардо. — Докладываю вамъ, что благодаренъ за милость и ваше особенное ко мнѣ благоволеніе.

Лисарда. — Ты мнѣ обязанъ болѣе нежели полагаешь.

Фелисардо. — Отрывистыя слова — признаки любви.

Лисарда. — Люблю тебя какъ самой-себя.

Фелисардо. — Тысячу разъ цалую ваши ноги.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ТѢ ЖЕ И ЦЕЛІЯ.

Лисарда. — Не Зара ли это?

Фелисардо. — Она.

Лисарда. — Зара, что тебѣ здѣсь надобно?

Целія. — Я пришла за Педро: его зоветъ къ себѣ Дон-Хуанъ, господинъ мой.

Лисарда. — Иди скорѣй.

Целія. — Не начинаешь ли также тебя потчывать и госпожа моя?

Фелисардо. — Опять ревность?

Целія. — Чтѣ жъ прикажешь ты мнѣ дѣлать, когда самъ подаешь къ тому поводъ?

Лисарда. — Прекрасно! поди, пожалуй, вздумали здѣсь разговаривать!

Фелисардо. — О, Целія, какая ты странная! (*Уходитъ*).

Целія. — Я только спросила у Педро, не возьмется ли онъ сегодня меня выучить молитву на завтрашній день.

Лисарда. — Развѣ ты ея не знаешь?

Целія. — Не знаю.

Лисарда. — Выучить тебя можетъ Флора. Ступай на кухню!

Целія. — И этой женщиной также начинаетъ нравиться Фелисардо; но погодите, я съумѣю отомстить за себя. (*Уходитъ*).

Лисарда. — Что это, въ-самомъ-дѣлѣ, не могу я выбить изъ головы своей мысли о невольникѣ? Думать о немъ мнѣ вовсе не пріятно, да и самыя мысли какъ-будто несомнѣнь-чисты. Правителю мнѣ до чрезвычайности его станъ, разговоръ и лицо. Какое легкомысліе! Остановись любовь, этой: боюсь погубить себя.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Лисарда. Входитъ Белиса.

Белиса. — Узнавъ, что Педро вашъ, что вы купили его у Элизы, я пришла вамъ кое-что посоветовать насчетъ его.

Лисарда. — Ужъ вѣрно опять какая-нибудь прихоть.

Белиса. — Говорятъ мнѣ, что онъ бѣглый, а потому сегодня приказали бы вы его заклеить.

Лисарда. — Не-уже-ли, Белиса, клеить клейма на такое прекрасное лицѣ?

Белиса. — Какое до этого дѣло? онъ не плѣнникъ.

Лисарда. — Мнѣ жаль его лица, оно не заслуживаетъ, чтобъ касалось его желѣзо.

Белиса. — Или вы находите, что лицо его такъ прекрасно?

Лисарда (*всторону*). — Совсѣмъ-было высказала свои чувства. — Что могу я находить въ лицѣ невольника?

Белиса. — Такъ согласитесь его заклеить.

Лисарда. — Это неприлично: вѣдь, можетъ-быть, опять случится его продать; въ такомъ случаѣ мы будемъ похожи на тѣхъ, которые дѣлаютъ съ гербомъ свои шпалеры.

Белиса. — Такъ потеряете невольника.

Лисарда. — Ужъ лучше его потерять, нежели клеить по твоему совѣту. Умоляю тебя, не причудничай, не требуй, чтобъ клеили прекрасное лицо.

Белиса. — Что жь, если оно мнѣ не нравится? Еслибъ я васъ попросила, чтобъ вы меня возненавидѣли, а полюбили вашего Дон-Хуана, ваши глаза тотчасъ бы сказали: такъ ли я родилась, какъ Дон-Хуанъ? — Отдерни занавѣски у этой кровати, Флора, ступай скорѣй, позови цирюльника: я тотчасъ стану пускать себѣ кровь, я сегодня умираю. Зовите ко мнѣ доктора! Вы тотчасъ же увидите, оканчиваю ли я сегодня жизнь, которую отъ васъ получила; вы увидите, что лучше: меня потерять, или заклеить лицо мавру.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Лисарда, а потомъ Тиверіо.

Лисарда. — Бываетъ ли на свѣтѣ такая странная церемѣя? Та, которая прежде боялась, бывало, одного крика, теперь доходить до такой дерзости, что желаетъ положить клейма самому прекрасному на свѣтѣ цевольнику; или измѣнился ея характеръ, или она находитъ въ этомъ свою выгоду? Слыханы ли такія сумасбродства и жестокости!

(Входитъ Тиверіо).

Тиверіо. — Пусть обмороки эти не предсмертные признаки, а все-таки, Лисарда, нельзя смотрѣть на нихъ безъ состраданія. Я никогда не видывалъ въ такомъ изнеможеніи Белисы. Чтò такое съ ней случилось?

Лисарда. — По обыкновенію дурить: забрала себя въ голову, что надобно заклеить Педро.

Тиверіо. — Да развѣ онъ вашъ?

Лисарда. — Не успѣла еще его купить, а ужъ должна поступить съ нимъ такъ жестоко!

Тиверіо. — Ея нравъ вамъ извѣстенъ; но поступать такъ жестоко было бы неблагоуразумно. Вы можете сказать, что его заклеили, между-тѣмъ, наложивъ фальшивыя клейма, пощадите ихъ обоихъ и никого не оскорбите: недолжно также и ее приводить въ такое сильное огорченіе: вѣдь она свѣтъ вашихъ глазъ.

Лисарда. — Можно ли устроить такъ, чтобъ клейма казались настоящими?

Тиверіо. — Можно и очень-легко.

Лисарда. — Вотъ до-чего меня доводятъ угрозы Белисы! Теперь тебѣ остается, Тиверіо, придумать клейма.

Тиверіо. — Охотно беру это на себя, только бѣ эта сумасшедшая не надѣлала намъ бѣдъ. Кажется, она сюда идетъ, или это Педро?

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Тиверіо. Входитъ Фелисардо.

Фелисардо. — Ахъ, сеньйоръ?

Тиверіо. — Какъ поживаешь въ новомъ-то домѣ?

Фелисардо. — Все идетъ хорошо, благодаря Бога; любятъ меня здѣсь всѣ.

Тиверіо. — За Лисарду я ручаюсь, а за Белису нѣтъ; она при-

казывает положить тебѣ клейма, и я, для ея прихоти, хлопочу здѣсь объ этомъ, хотя самому мнѣ и жаль тебя чрезвычайно.

Фелисардо. — Какъ положить мнѣ клейма? Только попробуйте вы это сдѣлать, нѣтъ нужды, что я вѣренъ — за себя не отвѣчаю — готовъ васъ обоихъ лишитъ жизни.

Тиверио. — То же вѣрно сдѣлать и съ невольницей.

Фелисардо. — Нѣтъ силъ притворяться больше: я убійца наварскаго рыцаря. Ступайте сюда, я здѣсь скрываюсь.

Тиверио. — Что говоришь ты?

Фелисардо. — Что я тотъ самый человекъ, который своею обнаженною шпагой нанесъ смерть тому идальго.

Тиверио. — Отъ горя, что его будутъ клеймить, онъ начинаетъ заговариваться. Успокойся! клеймить тебя не стануть.

Фелисардо. — Подождите, я сейчасъ выйду туда, гдѣ могу заплатить жизнью за это открытіе.

Тиверио. — Разсуди, что, для исполненія ея воли и съ тѣмъ вѣстѣ для избѣжанія этой неприятной операціи, знаки будутъ фальшивые: мнѣ хочется обоимъ вамъ нарисовать клейма такую краскою, которая тотчасъ бы отстала.

Фелисардо. — Такъ расписывайте же насъ такимъ составомъ, который могъ бы стираться, а потомъ ужъ зовите меня вашимъ невольникомъ.

Тиверио. — Педро, подожди меня здѣсь (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Фелисардо. Входитъ Целія.

Целія. — Ушелъ ли Тиверио?

Фелисардо. — Ушелъ.

Целія. — Что скажешь о Лисардѣ?

Фелисардо. — Что убѣгаю ея, не желая тебя огорчить.

Целія. — А о Бельсѣ?

Фелисардо. — У ней родилась совершенно-новая прихоть, которую привести въ исполненіе чрезвычайно-затруднительно.

Целія. — Рассказывай же поскорѣй.

Фелисардо. — Подожди; несчастіе насъ преслѣдуетъ и дѣлаетъ навсегда невольниками здѣсь.

Целія. — Какъ это такъ?

Фелисардо. — Сегодня намъ кладутъ клейма.

Целія. — Чѣмъ вызвано такое безуміе?

Фелисардо. — Белись этого захотѣлось.

Целия. — Такъ объяви мнѣ кто ты.

Фелисардо. — Теперь это ненужно : насъ обонхъ заклеимъ фальшивыми клеймами, и они въ настоящую минуту, ей-Богу, будутъ намъ очень-кстати : никто насъ не узнаетъ, между-тѣмъ, какъ Элисо, когда былъ здѣсь, сказывалъ мнѣ, что насъ ищутъ.

Целия. — Случись, что стали бы насъ клеимъ на самокъ-дѣлѣ, кто сталъ бы класть клейма тебѣ, клеимъ бы съ тѣмъ вмѣстѣ и меня : отпечатокъ твоего лица у меня въ душѣ и клейма на немъ тамъ.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Тъ же, Дон-Хуанъ и Каррильйо.

Хуанъ. — Удивительно! Эти невольники никогда не разстанутся!

Каррильйо. — Это буква съ своей черточкой, подпись съ своими росчерками.

Хуанъ. — Держитъ онъ себя точно дворянинъ.

Каррильйо. — Притомъ какъ уменъ.

Хуанъ. — А! я этого не зналъ.

Каррильйо. — Не угодно ли вамъ съ нимъ поговорить?

Хуанъ. — Поговорить я съ нимъ готовъ, но не могу, если онъ уменъ и хорошъ, радоваться тому, что разговариваетъ такъ часто съ Зарой.

Фелисардо. — Никто насъ здѣсь не видитъ (*обнимаются*), ты можешь меня обнять, ничего не опасаясь.

Целия. — Ты всегда предупреждаешь мои желанія.

Хуанъ. — Чтò это такое?

Каррильйо. — Мнѣ кажется, у насъ покастляски это значить, что они обнимались.

Хуанъ. — Зачѣмъ это ты ее обнимаешь, олухъ?

Целия. — Видѣлъ ли насъ Дон-Хуанъ?

Фелисардо. — Разумѣется, что видѣлъ.

Хуанъ. — Собака, какъ осмѣливаешься ты это дѣлать въ такомъ знатномъ домѣ?

Фелисардо. — Сеньйоръ, если полагаете, что это — любовь, ваша любовь напрасно такъ думаетъ...

Хуанъ. — Ступай въ конюшню, собака.

Фелисардо. — Извините, сеньйоръ, какая я собака? развѣ я не христіанинъ?

Каррильйо. — Однако, названіе это его пугаетъ. Эй, Педро!

Фелисардо. — Что тебѣ надобно?

Каррильйо. — Быть христіаниномъ прекрасно ; но замѣть, что здѣсь невольницъ не обнимаютъ.

Фелисардо. — А водится ли здѣсь, чтобъ господинъ съ закономъ до нихъ добирался?

Каррильйо. — Водится.

Фелисардо. — Водится? Такъ погоди жь (*уходитъ*).

Каррильйо. — Пожалуй, эта собака что-нибудь накуролеситъ.

Хуанъ. — Замѣть, Зара, что напрасно ты стараешься свести меня съ ума своимъ пренебреженіемъ.

Целия. — Я вѣтренницей быть несогласна.

Хуанъ. — Такъ что жь ты для меня сдѣлаешь?

Целия. — Быть вашей женой готова.

Хуанъ. — Рыцарю взять тебя безчестно.

Целия. — А требуете вы отъ меня развѣ дѣла честнаго?

Хуанъ. — Вѣдь ты невольница.

Целия. — Вы также были бы невольникомъ въ Алжирѣ.

Хуанъ. — Я и то невольникомъ въ твоихъ Алжирѣ.

Целия. — Когда бъ это было такъ, вы не имѣли бы права преслѣдовать меня.

Хуанъ. — Любовь меня заставляетъ это дѣлать.

Целия. — А меня моя кровь и честность : вамъ я въ болѣеи чести, чѣмъ вы здѣсь.

Хуанъ. — Постой, не уходи.

Целия. — Стараться побѣдить меня — напрасно, развѣ возьмете меня за себя замужъ.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Лисарда.

Каррильйо. — Матушка ваша.

Лисарда. — И въ шутку мнѣ даже жалко заставить заключить ихъ обоихъ. Дон-Хуанъ, это ты?

Хуанъ. — Позвольте мнѣ поцеловать эти ноги.

Лисарда. — Что дѣлалъ ты сегодня?

Хуанъ. — Прошелся немножко по прадо.

Лисарда. — А ты здѣсь?

Каррильйо. — Вы сильно меня пугаетесь.

Лисарда. — Какъ же мнѣ не боятся сумасшедшаго?

Хуанъ. — Оставьте Каррильйо, сеньйора, мнѣ нужно съ вами поговорить.

Лисарда. — Говори.

Каррильо. — Никогда не былъ такимъ миленькимъ ⁽²¹⁾ въ глазахъ вѣнникъ, какъ теперь.

Хуанъ. — Этотъ невольникъ, котораго вы держите въ вашемъ домѣ, красивѣе и щедроватѣе, чѣмъ слѣдуетъ быть невольнику; недостатокъ этотъ важнѣе изъянства: страсть къ вину побѣждается любовью; это хуже, чѣмъ воровство: любовь похищаетъ души, а это значитъ похищать достоинствя у небесъ; это хуже, чѣмъ побѣгъ: онъ могъ бы бѣжать, но, надеясь погубить и мужество и нѣжность, не дорожитъ тѣмъ, что потерялъ свою свободу, а выжидаетъ, пока удастся ему погубить здѣсь честь и жизнь. Сужу по этому, что вамъ слѣдовало бы его продать: въ немъ много такихъ качествъ, которыя невольнику совершенно-лишны.

Лисарда. Продай его, Дон-Хуанъ!

Хуанъ. — Да, продайте его тотчасъ, безотлагательно. Довольно того, что я вамъ это совѣтую; не спрашивайте меня больше, возвратите его Элисо, если не хотите продать куда-нибудь въ другое мѣсто, и скажите ему, что желаете оставить у себя одну эту невольницу.

Лисарда. — Хорошо жь, если слѣдуетъ мнѣ продать или возвратитъ его Элисо, пусть удалится отсюда вѣнникъ и невольница; не хочу держать у себя въ невольницахъ такой восхитительной красавицы: вѣдь любовь сильнѣй вина покоряетъ своей власти и людей пристрастныхъ къ вину; сильнѣе обыкновеннаго воровства, если похищаетъ души; хуже побѣга: не бѣжить, а ожидать, чтобъ погибла жизнь, имущество и честь.

Хуанъ. — Невольница не сердитъ васъ и не безчеститъ.

Лисарда. — Чѣмъ же безчеститъ меня невольникъ?

Хуанъ. — Ужь однимъ тѣмъ, что обвиняетъ невольницу.

Лисарда. — Видѣлъ ли ты это самъ?

Хуанъ. — Я самъ видѣлъ, какъ они обвинялись, видѣлъ это и Каррильо.

Лисарда. — Нашелъ свидѣтеля!

Каррильо. — Я видѣлъ, какъ они спрещивали руки и, словно палочками, колотили другъ-друга въ спину; нитъ только не доставало

(21) Лопе, какъ и вообще всѣ испанцы, никогда не пропуститъ случая съострить. *Carrillo* (собств. *carillo*) уменьшительное отъ *caro* — милый, дорогой, драгоценный. *Carrillo* (съ двумя г) значитъ щека, дѣтская тележка, свитокъ; слѣдственно ясно, что рѣчь идетъ здѣсь о *carillo*, а не о *carrillo*.

вскрикивать, обнимаясь: «froloque, froloque»⁽²²⁾, подобно «ламандинамъ», которые дѣлали это всякій разъ, когда заключали выгодный миръ съ Франціею, или какъ, порою, дѣлають то же ручные голуби: уткнувшись носиками другъ въ друга и шепчуть себѣ въ шею слова любви.

Лисарда. — Это, должно быть, говорить у тебя ренность, Дон-Хуанъ. Или нѣтъ у тебя тамъ женщинъ прекрасныхъ и свободныхъ? Оставь эту мавританку, она настоящая магометанка, не старайся ее побѣдить: это преступленіе, которое можетъ намъ стоить и состоянія и чести. Педро, за его проступокъ, можно побранить, запретить ему приходить навѣрхъ и переступать черту этихъ корридоровъ.

(Уходитъ)

Хуанъ. — Ушла ль сеньора?

Каррильйо. — Унесла съ собой и свои обѣ ноги и надѣтые на нихъ чапаны.

Хуанъ. — Вотъ какое удовольствіе доставляетъ мнѣ моя матушка!

Каррильйо. — Молчите, вы также ужасны съ вашей стороны: затѣмъ желаете, чтобъ продала она Педро? Онъ человекъ умный, смиренный и держитъ себя какъ дворянинъ.

ДВѢНАДЦАТОЕ.

Тъ жѣ. Входитъ Целія съ клеймами на лицѣ.

Целія. — Приношу мои жалобы на эту жестокость Небу: на землѣ же нѣтъ ни средства противъ этого, ни состраданія ко мнѣ.

Хуанъ. — Что это значить? Можетъ ли быть что хуже этой злобной шутки? Вѣрно подозрѣвали, что я люблю Зару, а потому и испортили ей лицо, чтобъ я чувствовалъ отвращеніе къ тому, что всегда мнѣ въ ней такъ нравилось. Не правда ли это?

Целія. — Правда.

Хуанъ. — Каррильйо, разсмотри это хорошенько.

Каррильйо. — Иль еще вы въ этомъ сомнѣваетесь? Отчего же вы остолбенѣли и такъ измѣнились въ лицѣ? Довольно, вы видите, что лицо ея испорчено; сдѣлано это для того, чтобъ любовь ваша утихла и чтобъ ваша честь какъ-нибудь не подверглась большой опасности. Вы ждали отъ нея взаимности, а ей обезобразили лицо.

Хуанъ. — Дай мнѣ взглянуть, Каррильйо, на эти щечки! безжалостныя руки запятнали ихъ розы. Я имѣю полное право говорить, что жестокий ножъ рѣзалъ ихъ. Или это розовое небо, держалъ въ

(22) Тоже, что нѣмецкое: froh, fröhlich.

новельчествъ алжирскій мавръ? Какія черныя кометы затмѣваютъ такъ несправедливо твои золотистыя лучи? Эти пунцовыя розы принесли такой черный плодъ, что видѣть ихъ подернутыми чернымъ, тоже, что смотрѣть на затмѣнiе солнца. Эти розы покрыты мракомъ; меркнетъ свѣтъ, который—было показывался съ ея востока: настаетъ ночь и смерть, и одна судьба постигаетъ и ея свѣтъ и мою жизнь. Тотъ, кто на такой бѣлой бумагѣ написалъ эти буквы, не воображалъ, что стану къ ней прикладывать свою душу для того, чтобъ на ней вышлн желтымъ сдѣланныя клейма. Подойди сюда, не огорчайся, печатай меня своими клеймами.

Целія. — Затѣмъ вы подходите ко мнѣ такъ близко?

Хуанъ. — Любовь дала мнѣ это позволенiе.

Целія. — А мнѣ не позволяеть этого жестокость моихъ враговъ.

Хуанъ. — Ты совершенно—права и теперь меня поставила въ такое положенiе, что я вынужденъ сдѣлать глупость. Погодите розы чистыя, я пойду и сдѣлаю, чтобъ это оскорбленiе, нанесенное вашей красотѣ, почувствовали тѣ, которыя заставляютъ ихъ тускнѣть и блѣкнуть. Поидемъ, Каррильйо.

Каррильйо. — Куда вы идете?

Хуанъ. — Я намѣренъ на ней жениться. Прежде была она хороша, а теперь, съ клеймами, стала еще лучше.

Каррильйо. — Вы не можете этого сдѣлать: она не христіанка.

Хуанъ. — Но Лисарду огорчить я могу.

Каррильйо. — И не боитесь вы оскорбленiя?

Хуанъ. — У безумнаго не бываетъ страха.

Каррильйо. — Послушайте, замѣьте, подождите немножко.

Хуанъ. — Любовь съ гнѣвомъ не ждуть. *(Уходятъ).*

Целія. — Дон-Хуанъ принялъ эти фальшивыя клейма за настоящiя, между-тѣмъ, какъ всему этому виной ревность. Фелисардо такъ милъ и хорошъ, что какой бы нарядъ ни надѣлъ на себя, во всякомъ правитя всѣмъ: Белиса, Лисарда и Флора любятъ его одинаково. Кто бъ подумалъ, что въ причудницѣ можетъ произойдти такая большая перемена?

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Целія. Входитъ Фелисардо *(съ клеймами на лицѣ).*

Фелисардо. — Ты здѣсь?

Целія. — Или ты меня не видишь? Какъ это ты сюда зашелъ?

Фелисардо. — Любовь дала мнѣ позволенiе, свои крылья подвезла къ ногамъ моимъ. Какъ идти къ тебѣ эти клейма!

Целія. — Они лежатъ на моей чести, сопровожде мое, несмотря на то, что Дон-Хуанъ, увидѣвъ меня залепленнымъ, надѣлалъ ужъ много безумствъ.

Фелисардо. — Какъ это?

Целія. — Мнѣ кажется, онъ теперь находится въ такомъ сильномъ раздраженіи, что готовъ умертвить самого-себя.

Фелисардо. — Ахъ, я несчастный! вотъ въ какое запутанное положеніе завела насъ жестокая любовь! Но, погоди, мы выйдемъ изъ этихъ затрудненій: одно только, что здѣсь мы беззащитны, заставляя меня переносить оскорбленія, наносимыя твоему прекрасному личику.

Целія. — Какія оскорбленія, мое сокровище? Еще нынче я получила отъ любви эту подлину и либрю. Что сегодня принадлежу тебѣ, тому свидѣтели всѣ пять чувствъ моихъ: радуется слухъ, также радуется рука и уста. Дятого, чтобъ ни забвеніе, ни познаніе не могли обмануться, что я твоя, глаза мои уставлены на клейма, словно пушки съ бойницами. Что думаешь ты о своихъ клеймахъ?

Фелисардо. — Мнѣ досажно, если они, будучи своего собственнаго оттиска, не будутъ такими, какими желаютъ ихъ твои клейма. Мои глаза ихъ также видятъ, а мои уста ихъ хвалить, и даже сильный смехъ завивывается у главъ съ устами: клеймами, которыя принадлежатъ тебѣ, глаза цѣнятся такъ высоко, что, будучи у нихъ въ такомъ почтеніи, желаютъ ихъ себѣ присвоить. Уста же говорятъ, что къ нимъ клейма ближе и принадлежатъ имъ; но въ такомъ деликатномъ вопросѣ ихъ примирить могутъ только сами клейма, если мы ихъ соединимъ. Обними меня и я уйду.

Целія. — Любовь подходитъ, душа робѣетъ. *(Обнимаются).*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Тѣ же. Входятъ Белиса и Флора.

Белиса. — Мы приходимъ сюда въ самое время. Не говорила ли я тебѣ, собака, чтобъ ты шагу не переступалъ дальше лѣстницы?

Фелисардо. — Я сюда пришелъ не безъ причины: я вошелъ спросить тебѣ вещи, которыя выдаются мнѣ здѣсь.

Белиса. — А зачѣмъ тебѣ было ее обнимать?

Фелисардо. — Я все-равно, что мужъ ей, а она мнѣ жена.

Белиса. — Съ какихъ это поръ?

Фелисардо. — Съ той самой минуты, въ которую насъ залепляли, мы соединили наши клейма и съ-тѣхъ-поръ у насъ все вмѣстѣ.

Белиса. — Развѣ можетъ христіанинъ жениться на мавританкѣ?

Фелисардо. — Въ душѣ она укъ христіанка, а совершить надъ ней христіанскіе обряды зависить отъ васъ: окрестить ее и выдать замужъ вы можете въ одинъ день.

Белиса. — Желаешь ли ты этого?

Целия. — Очень бы желала. Мое благородное происхожденіе вполнѣ достойно Педро: по отцѣ онъ рыцарь, а по матери, нѣтъ нужды, что она мавританка, онъ также благородный.

Белиса. — Ступай, безстыдница, во внутренніе покои, а ты, собака, ступай внизъ!

Целия. — Развѣ это васъ сердить?

Белиса. — Грубіянка! ступай туда, куда тебѣ слѣзть.

Целия. — Иду.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Тѣ же, кромѣ Целии.

Белиса. — А ты чего здѣсь дожидаяешься?

Фелисардо. — Смотрю, не смягчится ли ваша жестокость.

Белиса. — Любовь могла бы смягчиться, когда бъ ты былъ способенъ ее чувствовать. Поди сюда, Педро!

Фелисардо. — Семьюра...

Белиса. — Жалѣлъ ли ты себя, когда тебя клеймили?

Фелисардо. — Жалѣлъ ли о томъ — это извѣстно одному Богу. Лицо такая часть тѣла, которая всегда въ большой чести и уважается рѣшительнѣе предпочтительнѣе предъ прочими; притомъ я зналъ, что чрезъ лицо я всегда могъ бы находиться въ почетѣ.

Белиса. — Такъ ты полагаешь теперь, что виной всему этому я?

Фелисардо. — А кто жъ другой?

Белиса. — Дон-Хуанъ.

Фелисардо. — Стало-быть онъ сдѣлалъ это изъ ревности.

Белиса. — Прошла ль теперь боль твоя?

Фелисардо. — Дай-то, Богъ, чтобъ также прошло и самое чувство оскорбленія!

Флора. — Остановитесь, вы себя губите!

Белиса. — Меня приводитъ въ восторгъ, Флора; красота его лица.

Флора. — Какъ, и теперь вы еще находите его прекраснымъ?

Белиса. Клейма такого рода пятна, которыя красавцамъ придаютъ большую красоту, тогда-какъ безобразия лица другихъ менѣе-прекрасныхъ невольниковъ. Это наказаніе мнѣ отъ небесъ за мои прищуды! Невольникъ причиною моея смерти, а невольница возбуждаетъ

во мнѣ ревность! Ахъ, Флора, какой дурной совѣтъ ты мнѣ подала: онъ заклеялъ, а я заперла къ себѣ двери благоразумію.

Флора. — Я вамъ это присоветовала длитого, чтобъ вы, какъ-нибудь не нанесли оскорбленія вашей чести.

Белиса. — Такъ ты забываешь, что моя любовь, для снягченія этихъ ужасныхъ страданій, готова на что-нибудь рѣшиться? Какъ бы коснуться мнѣ руки этого невольника?

Флора. — Очень-легко. Развѣ вы не причудница?

Белиса. — Тутъ не могутъ помочь никакія причуды; любовь вторгается къ намъ силою. Придумай, Флора, какъ бы коснуться мнѣ его руки; случая этого упускать не надобно.

Флора. — Васъ обуреваютъ ужасное безуміе. Притворитесь, что вы падаете въ обморокъ, а я устою: пусть онъ васъ отнесетъ на своихъ рукахъ.

Белиса. — Это будетъ отличная выдумка. Ахъ, Боже, Боже!

Флора. — Что такое?

Белиса. — Комаръ укусилъ мнѣ палець и обжегъ меня, словно молнія; я умираю и вся изнемогаю.

Фелисардо. — Отъ комара?

Флора. — Зачѣмъ ее раздражать? Чего тебѣ хочется? или ты не знаешь причудъ ея? ты видишь, что она лишилась чувствъ.

Фелисардо. — Лишилась чувствъ?

Флора. — Ожидай навѣрное, что она не очнется въ четверо сутокъ. Возьми ее на руки, у меня нѣтъ силъ ее поднять.

Фелисардо. — Такъ мнѣ надобно нести ее на рукахъ?

Флора. — А почему жъ тебѣ ее не нести?

Фелисардо. — Такъ и быть, исполню твое приказаніе.

Флора. — А я пойду поглядѣть: неидетъ ли кто.

Фелисардо. — Удивительный у ней обморокъ! дѣлать нечего, буду носилками, понесу эту покойницу.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Тъ же и Целія.

Целія. — Куда это ты идешь съ этою ношею?

Фелисардо (*держа на рукахъ Белису*). — Этотъ образъ смерти, лишенный дыханія и жизни, несу я положить его постель: Флора велѣла мнѣ отнести Белису, которая упала здѣсь въ обморокъ; притомъ она госпожа моя.

Целія. — По-крайней-мѣрѣ ужъ говорилъ бы мнѣ, что ее чрезвычайно любяшь.

Фелисардо. — Пусть бы небеса переменяли мою настоящую жизнь на лучшую! Развѣ не видишь ты въ какомъ она положеніи?

Целія. — Ахъ ты жестокой Фелисардо! самъ ты рѣшуешь меня сильно, а я вѣрна тебѣ, неблагоухарнѣйшее созданье! Если я тебя прежде ревновала, то имѣла на то полное право: зачѣмъ же ты такъ меня оскорбляешь теперь?

Фелисардо. — Въ этомъ нарядѣ, мнѣ непринужденъ, а только исполняю мою обязанность, Целія, и ничѣмъ не оскорблю тебя: эта глупая причудница, какъ только комаръ укусилъ ее, закричала, что она умираетъ, а мнѣ приказали нести ее.

Целія. — Запрещаю тебѣ даже дотрогиваться до нея.

Фелисардо. — Развѣ ты не видишь въ какомъ она положеніи? Не бросить-же мнѣ ее здѣсь?

Целія. — Брось, если желаешь доставить мнѣ удовольствіе; а если тебѣ пріятно держать ее на рукахъ, не бросай. Могу ли видѣть тебя я съ другою женщиною на рукахъ?

Фелисардо. — Она безъ чувствъ.

Целія. — Безъ чувствъ?

Фелисардо. — Развѣ это не правда?

Целія. — Неси ее, сбрось съ этой галереи, пусть ее разобьется!

Фелисардо. — Это было бы прекрасно, потому-что она столько же меня ненавидитъ, сколько мать ея меня превозноситъ; притомъ, еслибъ я только захотѣлъ, нынче, полагаю, могъ бы быть казначеемъ всего ея имущества, и теперь еще надѣюсь ее обмануть.

Целія. — Ахъ, Фелисардо, дурно устриваются дѣла наши: мы ужъ и такъ сблизись съ настоящей дороги. Куда жъ можемъ попасть наконецъ? Какой конецъ можетъ принести время этимъ несчастнымъ приключеніямъ?

Фелисардо. — Теперь-то ты и нашла время рассуждать объ этомъ. Не видишь ли ты, что я устаю?

Целія. — Положи ее здѣсь и пройдемъ тихонько въ мою комнату, поговоримъ тамъ о нашихъ дѣлѣ; теперь тебя здѣсь не спросятъ.

Фелисардо. — Пойдемъ пожалуй, а ее я оставляю здѣсь.

Целія. — Пойдемъ.

Фелисардо. — Она не пришла еще въ-себя. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

Белиса. Входитъ Флора.

Флора. — Правда, я много трудилась, неутомимо работала, за-то могу теперь сказать, что довольно-таки помогла судьбѣ покончить

съ этии причудами. Сколькоиъ ни видала она мужчицъ, всёхъ отвергала по своимъ причудамъ. Амуръ, котораго оскорбила, ей въ отищеніе, заставилъ ее влюбиться въ невольника и она, несмотря на его низкое происхожденіе, желаетъ взять его за руку.

Белиса (*приподнимается*). — Напрасно ты ворчишь, если извѣстна тебѣ сила могущественной любви.

Флора. — Такъ вы здѣсь, сеньйора?

Белиса. — Помогите мнѣ прежде встать, а тогда я тебѣ все объясню.

Флора. — Странное дѣло! когда я вышла, вы лежали на его рукахъ, и онъ отсюда васъ не вынесетъ.

Белиса. — Ахъ! Флора, не для меня созданы эти узы: едва ты вышла за дверь, а я припала къ его груди и, какъ женщина, любящая его страстно, предалась пріятнымъ мечтамъ—то касалась его руки, то лицомъ касалась его шеи, и дѣлала это такъ ловко, какъ—будто самъ обморокъ мною распорядился: тутъ вошла Зара, увидала это и, какъ ревнивая ремора-рыба, которая, по народнымъ суевѣріямъ, останавливаетъ корабль, прильнувъ къ нему—остановила мой корабль, который шелъ—было на всехъ парусахъ. Хотя мнѣ было тяжело быть свидѣтельницею ихъ ревности, однакожь оскорбленіе это доставляло мнѣ удовольствіе. Видалъ ли кто такой лабиринтъ, слыхалъ ли кто про такія сплетенія любви? Могла это только я слышать, потому—что обморокъ у меня былъ притворный; я услышала тутъ, что меня ревновала та, которая сама была главнымъ предметомъ моей ревности: я теперь ясно открыла самыя странныя тайны, такія тайны, которыхъ нѣтъ ни въ миеологiи, ни въ исторiи.

Флора. — Ахъ, сеньйора, что жъ они такое говорили?

Белиса. — Она называла его Фелисардо, а не Педро, а онъ ее звалъ Целіею.

Флора. — Какъ...

Белиса. — Дѣ, Целіею, а не Зарой.

Флора. — Неужто? ахъ Боже мой!..

Белиса. — Однимъ словомъ: изъ ихъ отношеній, жалобъ, страховъ, я поняла, если только не ошибаюсь, что это не невольники.

Флора. — По всему видно, что вы ошибаетесь.

Белиса. — Какъ, я ошибаюсь, Флора?

Флора. — Если вы не ошиблись, скажите: какъ же дозволили бы они себя заклеить? Кто велѣлъ бы имъ сносить клейма, выжженные раскаленнымъ желѣзомъ? Правда и то, что намедни, войдя какъ—то въ комнату Педро, я видѣла тамъ дорогое полукафтанье; но

онъ, какъ видно теперь, меня обманулъ, сказать, будто украшій невольницъ принесъ его туда спрятать.

Белиса. — Ты у него видѣла дорогое полукастанье?

Флора. — Да еще претонное.

Белиса. — Ну если это кабальеро, доведенный до такого печальнаго положенія какими-нибудь несчастіемъ?

Флора. — Не будь на немъ клеймъ, я ни сколько бы не усомнилась въ томъ.

Белиса. — Чтò жь намъ теперь дѣлать?

Флора. — Молчать.

Белиса. Хорошо, сдѣлать это можно; но разсуди, что они могутъ уйти и тогда я погибла, и погибла совершенно, какъ-скоро онъ не Педро, а Фелисардо.

Флора. — Чтòбъ помѣшать его бѣгству, могу дать вамъ совѣтъ, но только дурной.

Белиса. — Я ужь угадываю въ чемъ заключается этотъ совѣтъ.

Флора. — Такъ скажите.

Белиса. — Слушай! скорѣй позови ко мнѣ Каррильйо.

ЯВЛЕНІЕ ВОСНАДЦАТОЕ.

Тъ жь и Каррильйо.

Флора. — Вѣрно, чтòбъ избавить меня отъ труда его отыскивать, вотъ идетъ онъ самъ.

Белиса (*всторону*). — Любовь привела его сюда по моему прошенію.

Каррильйо. — Вотъ до-чего можетъ довести безуміе любви! Лисарда плачетъ и, въ наказаніе Дон-Хуану, обѣщаетъ выйти замужъ, а онъ, чтòбъ больше огорчить ее, обѣщаетъ жениться на невольницѣ.

Флора. — Любовныхъ дѣлъ маклеръ, чтò новенькаго?

Каррильйо. — Ай! какъ ты меня было-испугала, жестокая наперстница причудливой нимфы! Она у тебя чего ужь изъ себя не дѣлаетъ...

Флора. — Взгляни, она здѣсь.

Белиса. — Какъ мнѣ и не причудничать, увидѣвъ тебя, Каррильйо: можетъ ли быть какой змѣй страшнѣе тебя?

Каррильйо. — Простите меня, сеньйора, говорю я это вовсе не изъ злости; если вамъ угодно узнать меня, испытайте на дѣлѣ.

Белиса. — Сдѣлай мнѣ одно одолженіе.

Каррильйо. — Готовъ сдѣлать для васъ все, чтò прикажете. жестокости. Вчера — подумай, какой срамъ! — меня заставили сходить на рѣку.

Целия. — Замѣтъ, мой Фелисардо, что судьба наша началась не-

Белиса. — Я замѣтила, Каррильо, что Педро собирается бѣжать; кромѣ того, онъ становится такъ дерзокъ, что входитъ въ комнату Зары, а этого терпѣть нельзя. Сходи къ какому-нибудь кузнецу и вели ему сдѣлать длинныя кандалы съ толстыми шейными кольцомъ.

Каррильо. — Не безпокойтесь насчетъ этого, сеньора: не далѣе какъ вчера, нашъ сосѣдній регидоръ снялъ точно такіе кандалы съ одного невольника, я пойду и попрошу ихъ у него.

Белиса. — А потомъ, кстати, съ помощью прислуги нашей, надѣньте ихъ на Педро.

Каррильо. — Приглашу къ себѣ на помощь здоровяка-лакея, который живетъ насупротивъ; усы у него намазаны камедью и человѣкъ онъ такой разбитной, что лучше кучера (*уходитъ*).

Белиса. — Ступай скорѣй, по-крайней-мѣрѣ я теперь буду покойнѣе, между-тѣмъ, разузнаю настоящимъ образомъ: Педро онъ, или Фелисардо.

Флора. — Жду конца этому дѣлу.

Белиса. — Вѣдь должно же это чѣмъ-нибудь кончиться.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ.

Белиса, Флора. Входятъ Лисарда, Дон-Хуанъ и Тиберио.

Лисарда. — Клянусь вамъ, что скоро увидите вы ищеніе, которое я вамъ готовлю.

Тиберио. — Воздержитесь, сестрица; Дон-Хуанъ еще молодъ.

Белиса. — Что это значить, Дон-Хуанъ?

Хуанъ. — Причиной этому ваши жъ выдумки: матушка складываетъ на тебя всю вину. Сталъ ли бы кто другой клеймить такую хорошенькую невольницу? Жестокости, видно, понравились твоимъ причудамъ.

Белиса. — А тебѣ какое до этого дѣло?

Хуанъ. — Какъ какое дѣло, когда она моя жена.

Лисарда. — О, презрѣнный человѣкъ! изъ твоего ли рта выходятъ эти поношенія твоей крови?

Тиберио. — Говорить онъ это въ-сердцахъ, сестрица; не такой человѣкъ Дон-Хуанъ, чтобъ опозорить нашъ родъ.

Хуанъ. — Говорю я это не шута, дядюшка.

Тиберио. — Молчи, безумный!

Лисарда. — Стойте! если Дон-Хуанъ рѣшится жениться на невольницѣ, такъ я выйду замужъ за невольника; вѣдь половина имѣнія принадлежитъ мнѣ.

Тиверіо. — Сестрица, слѣдовательно ты также сумасшедшая. Чему жъ ты удивляешься, что сынъ на тебя похожъ ?

Лисарда. — Нельзя быть благоразумной въ такихъ обстоятельствахъ. Сдѣлаемъ расчетъ сегодня же. Дон-Хуанъ никакъ не долженъ полагать, что получить свою законную часть сполна : вотъ ужъ въ одинъ годъ издержала я на его долги, наряды и удовольствія тысячь пять... чтѣ говорю я ? какихъ пять, даже болѣе семи тысячь червонцевъ.

Хуанъ. — Если думаете выйдти замужъ, матушка, и имѣете намѣреніе насъ оставить, можете, безъ околичностей, выходить замужъ за того, за кого выйдти давно ужъ положили въ умѣ вашемъ ; а я и сестра станемъ жить вмѣстѣ.

Тиверіо. — Вонъ отсюда ! Что за срамъ такой !

Хуанъ. — Въ лицѣ вашемъ чту сѣдины отца моего (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТОЕ.

Тѣ же, кромѣ Дон-Хуана. Входятъ сперва Фелисардо, а потомъ Каррильйо съ четырьмя лаккеями.

Фелисардо. — Можно ли это сносить ? Доброе ли это дѣло ?

Тиверіо. — Чтѣ это значить ?

Фелисардо. — Не довольно ли съ васъ того, что наложили на меня эти клейма, тогда-какъ я и не думалъ бѣжать ? Зачѣмъ еще приказываете вы надѣвать на меня эти длинные кандалы съ шейнымъ кольцомъ ?

Лисарда. — Я этого не приказывала.

Белиса. — Приказала я.

Фелисардо. — Въ чемъ же состоитъ вина моя ?

Белиса. — Маменька, онъ хотѣлъ бѣжать : я это знаю отъ Зары.

Лисарда. — Куйте его въ желѣзы ! Собака должна сидѣть на цѣпи.
(*Входитъ Каррильйо съ четырьмя лаккеями*).

Каррильйо. — Я приготовилъ и кандалы съ кольцомъ и локкнхъ молодцовъ.

Лисарда. — Надѣвайте ихъ на этого бѣглеца мавра !

Лаккей 1-й. — Эй ! Санчо, говорятъ онъ страшный слячъ.

Лисарда. — Куйте его, а мы уйдемъ отсюда.

Фелисардо. — Какое странное стеченіе обстоятельствъ !

Тиверіо. — Миѣ кажется, что ковать его не за чтѣ ?

Белиса. — А я нахожу, что есть за чтѣ.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ-ПЕРВОЕ.

КАРРИЛЬЙО, ФЕЛИСАРДО И ЛАКЕЙ.

ФЕЛИСАРДО. — Подходите, собаки.

КАРРИЛЬЙО. — Такъ ты намъ ренъ защищаться?

ФЕЛИСАРДО. — Нѣтъ, я чувствую свое достоинство и знаю то, что вы сволоочь, а оскорбленій и обидъ я не чувствую. Васъ много и я долженъ уступить. *(Начинается драка; его схватываютъ и, прижавъ къ полу, надвѣваютъ на него кандалы).*

ЛАКЕЙ 2-й. — Сдайся, собака; сдавайся, Мухаммедъ!

ФЕЛИСАРДО *(всторону)*. — О, небеса! та, которая такъ страстно меня любитъ, мститъ мнѣ такъ жестоко!

ЛАКЕЙ 3-й. — Ну, собака, не шевелись!

ЛАКЕЙ 4-й. — Надобно получше заклепать.

КАРРИЛЬЙО. — Сдѣлано крѣпко, какъ ни тряся — не сорветъ.

ФЕЛИСАРДО. — Могу сказать сегодня, что несчастія мои дошли до нѣльзя.

ЛАКЕЙ 1-й. — Тебѣ извѣстно, что теперь надобно быть откровеннымъ и щедрымъ.

КАРРИЛЬЙО. — Осушите-ка сперва по полному стакану въ этой тавернѣ, а потомъ я сюда принесу двадцать оливокъ: никто не останется у насъ голоденъ.

ЛАКЕЙ 2-й. — Я буду вамъ служить вмѣсто фонаря. *(Уходитъ).*

ФЕЛИСАРДО. — Жестокая любовь! не стыдно ли тебѣ насылать на меня такія ужасныя несправедливости вслѣдъ за такою сумятицею, вслѣдъ за такимъ горемъ? Къ-чему было надвѣвать на шею толстое желѣзное кольцо тому человѣку, который никогда не убѣгалъ твоихъ цѣпей? Не клеймишь ли ты меня въ награду за мою страстную любовь? Повелительница жестокая, несправедливость твоя ужасаетъ меня; у тебя наказаніе опережаетъ самое преступленіе; кажется, служу тебѣ хорошо, а ты кладешь мнѣ клейма. Прекрасный это лавръ — славная награда любви! Человѣкъ вѣренъ всѣмъ твоимъ непостоянствамъ, а ты посылаешь ему клейма, длинныя кандалы съ шейнымъ кольцомъ, слезы и обиды! Тебѣ, конечно, хотѣлось убѣдить меня въ томъ, что, имѣя постоянно передъ глазами клейма, я никогда не буду раскаиваться въ ихъ причинѣ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Зала.

Элисо и Лисарда.

Лисарда. — Умѣрьте вашъ гнѣвъ, Элисо.

Элисо. — На какой войнѣ онъ вамъ достался, Лисарда, что вы обращаетесь съ нимъ какъ съ варварскою добычею? Надѣвать длинныя кандалы съ шейнымъ кольцомъ честнаго невольника, который, притомъ, едва успѣлъ сдѣлаться вашимъ! Чтѣ же послѣ этого надѣнете вы ему черезъ мѣсяцъ?

Лисарда. — Вамъ извѣстно, что моя дочь безумная: захотѣла этого непременно; а я, боясь, чтобъ она совершенно не помѣшалась, должна была уступить; впрочемъ, вы сами можете ее за это пожурить.

Элисо. — Признаюсь, Лисарда, къ славному хозяину попалъ мой невольникъ послѣ бѣлоства, которое онъ у меня видѣлъ. Когда-нибудь вы узнаете, кто онъ такой.

Лисарда. — Хвалю его добрыя качества, и виню во всемъ Белису.

Элисо. — Что за причуды клеймить человѣка! Когда бъ вы знали его настоящее имя — правда, сама наружность достаточно ужъ говорить за нѣ — вы почувствовали бы состраданіе. Подумайте, зачѣмъ отгоняете ^{бѣ} _{отъ} отъ себя это чувство?

Лисарда. — Готова прижать его и теперь между зрачковъ глазъ своихъ.

Элисо. — Кормите его, какъ слѣдуетъ, и ласкайте: онъ этого стоитъ; когда-нибудь...

Лисарда. — Но кто жъ онъ такой?

Элисо. — Я знаю только одно, это вы узнаете послѣ: что тотъ, кто любить, готовъ и страдать.

Лисарда. — Вы приводите меня въ большое замѣшательство.

Элисо. — Нѣчего меня больше спрашивать: вы скоро увидите, Лисарда, замѣчательныя превращенія.

Лисарда (*всторону*). — О, любовь! когда бъ оправдались мои попорзвнїя! Сегодня жъ объявлю мою волю этому мнимому невольнику.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Элисо. Входитъ Каррильйо.

Каррильйо. — Не знаю, кто можетъ ужаться съ такую несносною женщиною!

Элисо. — Что скажешь Каррильйо?

Каррильйо. — Скажу вамъ очень-мало или ничего. Что можно сказать про вѣтеръ? Причуды я называю вѣтромъ.

Элисо. — Я страстно люблю Белису, а потому не могу принимать причудъ ея за вѣтеръ. Правда, вѣтеръ стихія, которая обыкновенно превращается въ огонь, а этотъ вѣтеръ раздуваетъ огонь во мнѣ.

Каррильйо. — Жаль мнѣ, что вы такъ слѣпы.

Элисо. — Положимъ, что моя любовь могла бѣ замерзнуть отъ ея причудъ; но, будучи льдомъ, я весь пылаю отъ ея огня и не могу уснуть.

Каррильйо. — Когда бѣ я теперь, сеньйоръ, не торопился отыскать Тиберио, славныя вещи поразсказалъ бы вамъ.

Элисо. — Не о Белисѣ ли?

Каррильйо. — Да; замѣтите, что Белиса, этотъ ребенокъ, который просить еще конфетку и не станетъ ее ѣсть, не разломивъ пополамъ. Которая, испугавшись лягушки, въ одинъ часъ отворила себѣ два раза кровь, теперь безпрестанно падаетъ въ обмороки, которые также ясно показываютъ, какъ лучи присутствіе солнца, что она страстно влюблена въ своего невольника. Упавъ въ обморокъ, требуетъ, чтобъ его къ ней позвали, а не то, говорить, я умру. Все дѣло въ томъ, что эта избалованная дѣвочка беретъ за руку невольника, то-есть, что сердце ея тогда только успокоивается, когда она касается ногтей⁽²³⁾.

Элисо. — Чрезвычайно хвалю прекрасныя качества Педро за то, что они служатъ лекарствомъ Белисѣ; жаль только, что она начинаетъ любить того, кто не можетъ любить ее.

Каррильйо. — Почему жъ не можетъ? Развѣ онъ не мужчина?

Элисо. — Мужчина-то онъ мужчина, хотя и невольникъ.

Каррильйо. — А если званіе невольника не мѣшаетъ ему любить, то въ остальномъ положитесь ужъ на меня: я замѣтилъ, что онъ ее обожаетъ, хотя притворяется, будто ему надоѣло, что его безпрестанно занимаютъ леченіемъ этой сеньйоры. Но онъ — молодой человекъ и любимъ, она — красавица: надобно быть пошлымъ дуракомъ, чтобъ не клевать такой приманки; ему было бы даже прибыльно коснуться ея ногтей. Я думаю, вы сами замѣчаете, что рѣдкимъ фениксомъ ей показалась сордка, а самымъ первымъ красавцомъ — человекъ въ длинномъ платкѣ?

Элисо. — Это наказаніе небесъ.

Каррильйо. — Какъ справедливо говорятъ люди, что нѣтъ на свѣтѣ

(23) *Una* — ноготь.

ничего хуже, какъ быть причудливой женщиной. Не угодно ли вамъ еще о чемъ-нибудь меня спросить?

Элисо. — Нѣтъ, довольно. Прощай.

Каррильо. — Прощайте. (*Уходитъ*).

Элисо. — Кто бы подумалъ, что человѣкъ благородный и притомъ другъ мой, способенъ на такія низости? Фелисардо! этого ли ждалъ я отъ тебя въ награду? Не предательски ли поступаешь ты со мной? Возможно ли, что, позабывъ Целію, ты влюбляешься въ предметъ моей любви?

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Элисо. Входитъ Дон-Хуанъ.

Хуанъ. — Зачѣмъ ты здѣсь остановился?

Элисо. — Ты ли это, другъ благородный и честный?

Хуанъ. — Мой ли это Элисо?

Элисо. — Дон-Хуана ли вижу я передъ собой?

Хуанъ. — Чтò это за невольница, которую ты сюда прислалъ?

Элисо. — Довольно.

Хуанъ. — Ахъ, я несчастный!

Элисо. — Кажется, всё здѣсь въ заговорѣ противъ моей чести. Говорилъ бы ужь прямо, что она тебѣ нравится.

Хуанъ. — И нравится еще такъ, что самъ дивлюсь тому, какъ живъ человѣкъ послѣ смерти! Не хочешь ли ее мнѣ уступить? Не продашь ли ее мнѣ?

Элисо (*всторону*). — Мое мнѣніе будетъ тутъ и вѣрно и быстро. Такъ ты ее сильно любишь?

Хуанъ. — Въ жизнь свою я не видывалъ себя въ такомъ плачевномъ положеніи. Вижу, что она къ моимъ мольбамъ непреклонна, а потому долженъ забыть свое происхожденіе и взять ее за себя; а когда она будетъ моей женой, предамъ себя смерти или уйду въ такое мѣсто, гдѣ бы никогда ни одинъ человѣкъ меня не видалъ.

Элисо. — Да, я вижу, что любовь, виновница твоего безумія, заставляетъ тебя ухаживать за ней. Одно только могу тебѣ сказать, что она особа знатная, а ты рожденіемъ своимъ не равенъ ей.

Хуанъ. — Да развѣ она не турчанка?

Элисо. — Отвѣчать тебѣ на это то же, что сказать кто она; ну ужь извини — не скажу; вѣдь говорю тебѣ довольно, что выиграешь, если возьмешь ее за себя.

Хуанъ. — Такъ я могу на ней жениться?

дѣла. Мы всегда привыкли быть исправными. Кто жь станетъ чистить лошадей?

Лисарда. — Это дѣло можно оставить.

Целия. — Я спрячусь покажѣсть.

Лисарда. — Сядь въ это кресло, а ты, Педро, подойди къ ней и разговаривай.

Фелисардо. — Какъ могу я ее вылечить? Ваше заблужденіе меня удивляетъ. Чтѣ во мнѣ такого, что могутъ ее исцѣлить мои ногти? Развѣ я лось? ⁽²⁵⁾.

Лисарда. — И это ужь для тебя тягостно?

Фелисардо. — Славнаго медика доставляютъ вамъ, сеньора: заботиться о вашемъ здоровьѣ поручаютъ тому, кто ходитъ за лошадьми.

Лисарда. — У тебя къ этому большая способность, а лошадей пока можно оставить. Займись своимъ дѣломъ, Флора, а я пойду поговорить съ Тиберио.

Целия. — *(прячется, между-тѣмъ, какъ Лисарда съ Флорой уходитъ)*. Теперь я здѣсь спряталась. Небеса, помогите мнѣ понять это запутанное дѣло!

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Фелисардо и Белиса.

Фелисардо. — Ну, говорите, я здѣсь, чтѣ жь долженъ я дѣлать?

Белиса. — Дай мнѣ эту руку.

Фелисардо. — *(Всторону)*. Любовь-тиранка, я узнаю тебя; но чего ты отъ меня хочешь? Целию люблю страстно, а эту причудливую и докучливую женщину ненавижу. Чтѣ еще прикажете?

Белиса. — *(Всторону)*. Любовь помоги мнѣ: я нѣмѣю!

Фелисардо. — Мнѣ совѣстно, что вы берете вашей ручкой такую жесткую и мозолистую руку; она сдѣлалась такою, какъ вы ее видите, отъ чистки скребницей шести лошадей.

Белиса. — Педро, я съ нею отдыхаю.

Фелисардо. — Если я дѣлаю вамъ этимъ облегченіе, сеньора, скажите: какимъ же образомъ могли очутиться на мнѣ эти длинные кандалы съ шейнымъ кольцомъ? Почему поступаете вы такъ со мной, если я вашъ врачъ?

Белиса. — Потому-что, если ты уйдешь, я безъ тебя истомлюсь и умру?

⁽²⁵⁾ Вѣроятно, у испанцевъ, копыта лошади употреблялись для леченія какихъ-нибудь болѣзней.

Фелисардо. — Кладутъ ли клейма и надѣваютъ ли кандалы съ кольцомъ какому-нибудь невольнику безвинно?

Белиса. — Не требуй отъ меня оправданій. Здѣсь вотъ, здѣсь ужасная боль!

Фелисардо. — Что сдѣлалось съ вашею милостью?

Белиса. — Желаю оказать милость тому, кто даже не проситъ у меня простой благосклонности.

Фелисардо. — Какъ это?

Белиса. — Не знаю право: садятся мнѣ на глаза какія-то пылинки, такія маленькія, что едва ихъ замѣчаетъ солнце; чрезъ глаза входить они въ меня и, сладостно волнуя, щиплютъ меня за сердце.

Фелисардо. — Какая жалость!

Белиса. — Сжался надо мною.

Фелисардо. — Я больше себя жалѣю; по вашей милости, на мнѣ эти кандалы съ кольцомъ.

Белиса. — Это не должно тебя безпокоить; по твоей милости я на себя ношу точно такіе же (*всторону*)... Что сказала я? что это такое? была сумасшедшей, а теперь стала полной дурой. Какое несчастье! я вся изнемогаю, жми мнѣ скорѣй руку.

Фелисардо. — (*Всторону*). Упала въ обморокъ... Слыхано ли что-нибудь подобное! Должно-быть съ ней сдѣлалось дурно отъ стыда; теперь легко понять какого рода ея болѣзнь. Но, что я буду дѣлать, несчастный! какое дать мнѣ ей лекарство?

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ же и Целія.

Целія. — Помочь ей вы очень можете.

Фелисардо. — Почему это могу?

Целія. — Потому-что тотъ, кто давалъ ей руку, можетъ ли говорить теперь, что руки ей не давалъ.

Фелисардо. — Какъ глупа твоя любовь!

Целія. — Да, она глупа, а не легкомысленна. Ахъ, Фелисардо, что это такое? Не зная, что я здѣсь, ты полагаешь, что можешь на свободѣ оскорблять меня; но ты ошибся. Дон-Хуанъ меня любитъ и я устрою такъ, что нынче жъ увидишь меня въ его объятіяхъ.

Фелисардо. — Ты желаешь безвинно умертвить того, кто изъ-за тебя же терпитъ такія гоненія? сокровище мое, эта безумная причудница желаетъ непременно, чтобъ я выслушивалъ всѣ ея слова; безъ сомнѣнія, она узнала или подозрѣваетъ кто я, а потому я невольно вынужденъ быть ея врачомъ. Она взяла меня за руку и всунула мнѣ этотъ

брильянтъ, который ты видишь. Не сердись на меня напрасно! теперь предлагаю его глазамъ твоимъ, какъ добычу, отвязую у непріателя; пусть Белиса заплатится этимъ красотъ твоей за свое напрасное сумасшествіе! Сокровище мое, возьми этотъ брильянтъ и ступай отсюда, пока она еще не пришла въ себя.

Целія. — Съ чего это ты взялъ, чтобъ я пошла отсюда; давай мнѣ цѣлый міръ — не пойду; твой брильянтъ тамъ, возьми его.

Фелисардо. — Такъ ты желаешь, чтобъ ушла отсюда я?

Целія. — Да. Если любовь заставляетъ ее падать въ обморокъ, пусть она всегда найдетъ въ тебѣ этотъ камень; а на счетъ себя, я съумѣю ее разувѣрить.

Фелисардо. — Итакъ я уйду отсюда; твоя воля — законъ мнѣ. *(Уходитъ)*.

Белиса. — *(Всторону)*. Чтò это я услышала? чего я жду въ своемъ глупомъ заблужденіи? Вонъ отсюда! говорю тебѣ: я умираю.

Целія. — Чтò съ вами, сеньйора?

Белиса. — О ты, облако моей радости и того солнца, на которое я смотрю! маменька, маменька! Флора! бѣгите сюда всѣ домашніе! Эй вы, люди!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Белиса, Целія. Входятъ Лисарда, Флора и Каррильйо.

Лисарда. — Чтò это такое? Какъ печальна моя жизнь! Причуды это, или что-нибудь случилось?

Белиса. — Нѣтъ, это не причуды.

Лисарда. — Чтò жъ это такое?

Белиса. — Теперь можете вымѣрять локтями этихъ невольниковъ и увидите сами, что одного изъ нихъ надо наказать, о чемъ я васъ и буду просить. Вы хорошо знаете тотъ брильянтъ, который я купила за сто ефимковъ.

Каррильйо. — Говорите яснѣе: отъ недоумѣнія вы заставляете насъ играть въ молчанку.

Белиса. — Я упала здѣсь въ обморокъ, а Зара подошла къ моей рукѣ и взяла у меня этотъ брильянтъ.

Каррильйо. — О хитрая собака! сейчасъ показывай намъ руку.

Лисарда. — Не-уже-ли, Зара, ты становишься воровкой?

Целія. — Сеньйора.

Каррильйо. — Молчи подлая собака.

Флора. — Воровка! кто бы это подумалъ?

Лисарда. — Чтò можешь ты сказать въ свое оправданіе?

Белиса. — Машенька, если не передадите ее Каррильо, я станете меня просить, чтобъ я ее простила, и если не прикажете лить ей горячее сало на голую руку, въ такомъ случаѣ считайте меня тотчасъ мертвою.

Лисарда. — Каррильо...

Каррильо. — Сеньора...

Лисарда. — Передаю ее тебѣ. (*Лисарда и Флора уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Белиса, Целия и Каррильо.

Каррильо. — Оставьте меня одного съ ней.

Целия. — Сеньора...

Белиса. — Брось ее въ огонь. (*Уходитъ*).

Каррильо. — Теперь ваша милость въ моей власти, какъ вы видите.

Целия. — Хорошо. Что жь ты будешь со мной дѣлать?

Каррильо. — А вотъ вы это сейчасъ увидите.

Целия. — Въ умѣ ли ты?

Каррильо. — Борзая собака, благодари еще свое счастье за то, что оно тебѣ послало въ лицѣ моемъ такого благороднаго палача: можешь заключить изъ этого, что будетъ тебѣ здѣсь плеть и горячая свинина ⁽²⁶⁾.

Целия. — Вѣдь ты мужчина.

Каррильо. — Знаю, что мужчина.

Целия. — А я развѣ не женщина?

Каррильо. — Женщина, заслужившая наказаніе...

Целия. — Дай время поговорить. (*Кричитъ*) Фелисардо!

Каррильо. — Зачѣмъ эти крайности? напрасно станешь оглашать воздухъ своими криками.

Целия. — Фелисардо, супругъ мой!

Каррильо. — Супругъ твой бесѣдуетъ съ Мухаммедомъ.

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тѣ же. Входитъ Дон-Хуанъ.

Хуанъ. — Вы увидите, что и въ Римъ схожу, а все-таки буду упорствовать въ своихъ заблужденіяхъ: я очень-хорошо знаю, кто она.

Целия. — Дон-Хуанъ, сеньоръ...

Хуанъ. — Чтò это значить?

Каррильо. — Когда узнаете, чтò случилось здѣсь, увидите, что поступать такъ я имѣю и причину и позволеніе. Брильянтъ, который сестрица ваша купила вчера у золотыхъ дѣлъ мастера, украла эта

⁽²⁶⁾ *Tocino ardiendo*—на германійскомъ нарѣчій: *tocinas*—свѣченье розгами,

собака; она стоит теперь передъ вами, эта смиренница! Мнѣ приказали ее высѣчь и я, какъ вы видите...

Хуанъ. — Ахъ, ты собака! (*выдерживаетъ шпагу*) сейчасъ тебя убью!

Коррильо. — Тиберіо! Лисарда! Флора! Белиса!...

Целія. — Умоляю васъ, оставьте его: дѣйствительно ему было приказано это сдѣлать.

Хуанъ. — Для васъ, сеньйора, оставляю его. Слыхана ли такая злость! слыхано ли такое неистовство? Видана ли такая зависть? О, прелестные глаза! выместите вы оскорбленія ваши на моихъ глазахъ, приставьте мнѣ эту шпагу къ груди моей, смотрите, она ужь здѣсь, колите меня, дайте мнѣ тысячу смертей — я ихъ заслуживаю.

Целія. — Сеньйоръ, позвольте мнѣ уйти, я боюсь Лисарды; оставьте меня ради Бога, сеньйоръ: если застанутъ здѣсь васъ, и меня съ вами безъ свидѣтелей, начнутся новыя клеветы. Пустите меня, я пойду въ кухню, пустите меня!

Хуанъ. — Подожди.

Целія. — Не могу (*уходитъ*).

Хуанъ. — Слыхана ли такая жестокость! Не горько ли мнѣ, что едва вы меня увидѣли, а ужь бѣжите, между-тѣмъ, я пришелъ въ самое то время, какъ подлый лакей замышлялъ было нанести поруганіе совершенствамъ, идеалу. Постойте, я васъ образумлю: она должна быть моею женою и это будетъ такъ скоро, что вы удивитесь, и тогда уже помочь будетъ невозможно.

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Дон-Хуанъ. Входятъ Тиберіо и Лисарда.

Тиберіо. — Дон-Хуанъ, что это такое ты говоришь?

Хуанъ. — Слушайте, что я ей говорю: вы—оба особы, которыхъ я долженъ въ настоящее время оказывать уваженіе. Я нашелъ здѣсь человѣка, который хотѣлъ высѣчь Зару; когда бъ онъ такъ скоро отъ меня не ускользнулъ, онъ получилъ бы должное воздаяніе за свою безумную дерзость. Прошу васъ замѣтить, что я не желаю, чтобъ кто-нибудь осмѣливался налагать свои руки на мою жену.

Лисарда. — Что?

Хуанъ. — Она мнѣ жена.

Тиберіо. — Было бы гораздо-лучше, дон-Хуанъ, сейчасъ позвать сюда кого-нибудь, чтобъ отвезти тебя въ домъ нунція.

Хуанъ. — Я нисколько не сумасшедшій, Тиберіо.

Тиберіо. — Можетъ ли человѣкъ въ полномъ умѣ говорить такіа слова? Молокосось, невѣжа! мнѣ хочется дать тебѣ...

Хуанъ. — Дядюшка...

Тиберио. — У тебя вовсе нѣтъ стыда; постой же, я вызову его рукой своей на твои щеки.

Хуанъ. — Говорите со мной повѣжливѣе. Когда бъ не были вы моимъ дядею... (*Уходитъ*).

Тиберио. — И ты осмѣливаешься говорить мнѣ это?

Лисарда. — Прошу тебя, оставь его. Если онъ хочетъ жениться на невольницѣ, въ такомъ случаѣ я выйду замужъ за невольника.

Тиберио. — Чтò говоришь ты?

Лисарда. — Мнѣ хочется нѣмъ отомстить. Нынче жъ выйду за Педро и отдамъ ему мое имѣніе. Силъ не достаетъ у меня терпѣть долге сумасбродства Дон-Хуана и причуды Белисы.

Тиберио. — Ты такъ же безразсудна, какъ и они; но у меня есть для нѣмъ обоимъ такое лекарство, которымъ ты можешь нѣсколько похолодить ихъ жаръ и навести на нихъ страхъ.

Лисарда. — Какъ же могу я это сдѣлать?

Тиберио. — Здѣсь, въ столицѣ, Лисарда, живетъ одинъ кабальеро, котораго зовутъ Фелисардо; онъ до-того похожъ на этого Педро, твоего невольника, что если поставитъ ихъ вмѣстѣ да надѣтъ на нѣмъ одинакое платье, полагаю, ихъ не могли бы узнать даже самыя короткіе знакомые. Притомъ клейма у Педро фальшивыя, а кандалы съ кольцомъ можно, по произволу, снимать и надѣвать. Одѣтъ Педро можно богато и сказать, что онъ женился тайно, что все это дѣло обдѣлалъ ему я, и, написавъ подложное брачное свидѣтельство, этимъ наведешь ты на дѣтей своихъ страхъ и надѣнешъ узду: одному, на его страстныя желанія, а другой, на ея невыносимыя причуды.

Лисарда. — Твой совѣтъ мнѣ нравится; но вѣдь они могутъ узнать Педро.

Тиберио. — Мнѣ этого-то и хочется; пусть они также думаютъ, что невольнику передаешь ты имѣніе свое, тайно ихъ обманывая.

Лисарда. — Хорошо, но прежде должно все это рассказать Педро.

Тиберио. — Иду съ нимъ объ этомъ переговорить.

Лисардо. — Ступай, Тиберио. О небеса! нахожу свое испѣленіе, а откуда оно мнѣ приходитъ—не знаю сама! Подозрѣваю, что этотъ невольникъ тотъ самый кабальеро. Они этою выдумкою, выдаютъ меня замужъ въ шутку, а я выхожу замужъ безъ всякихъ шутокъ. Если вѣрять душѣ, никакъ нельзя сомнѣваться, истинный Педро—Фелисардо:

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Белиса и Флора.

Белиса. — Подай сюда свѣчей.

Флора. — Приготовляю ихъ, сеньйора.

БЕЛИСА. — Флора, придвинь сюда письменный столъ.

ФЛОРА. — Вамъ угодно писать ?

БЕЛИСА. — Да и нѣтъ. Мнѣ хочется передать мои мысли бумагѣ, а между-тѣмъ боюсь, что не найдется пера, которое съумѣло бы выразить эти странныя чувства.

ФЛОРА. — Расскажите мнѣ, сеньора, какъ это случилось, что Зара такъ сильно васъ огорчила ?

БЕЛИСА. — Чтобъ освѣжить душу, я притворилась, что мнѣ сдѣлалось дурно, и когда онъ подалъ мнѣ свою руку, всунула ему брилльян товое кольцо.

ФЛОРА. — Кому? Педро?

БЕЛИСА. — Да, Педро. Я это сдѣлала, чтобъ Педро, несмотря на свое низкое происхожденіе, могъ понять меня; но онъ не захотѣлъ понять потому, что эта неугомонная невольница, этотъ демонъ, или женщина, которая, спрятавшись гдѣ-то, подсматривала за нами, пылая ревностью, вдругъ выскочила къ нему и — чтожъ ты думаешь, Флора? онъ отдалъ ей тотъ брилльянтъ, воображая, что я лежу въ обморокѣ. Я, справедливо на нихъ негодуя за нанесенное мнѣ оскорбленіе, по-крайней-мѣрѣ, чтобъ удовлетворить свое зрѣніе, придумала сказать, что она у меня его украла. Мнѣ только досадно, что она избавилась отъ приготовленнаго ей наказанія.

ФЛОРА. — Дон-Хуанъ виноватъ въ томъ, что ея не наказали. Забудьте, что вы ошибались, полагая, что Педро понимаетъ вашу любовь: объяснились вы ему небольшие какъ только знаками, тогда-какъ межъ людьми неравными, если вы не изберете средствъ, которыя подготовляли бы къ объясненію и открывали любовь лица высшаго человека къ низшему, ему никогда не узнать про любовь вашу.

БЕЛИСА. — Когда бъ я навѣрное знала, Флора, что это тотъ Педро, о которомъ я думаю, я можетъ быть и рѣшилась бы ему сказать, что моя любовь ревнива.

ФЛОРА. — Благородная стыдливость всегда бѣжитъ дневнаго свѣта; теперь ужъ ночь: темнота обыкновенно даетъ двойное позволеніе всякой свободѣ. Поговорите съ нимъ безъ огня и скажите ему: «Педро, это я, я люблю тебя».

БЕЛИСА. — Какъ посмотрю я на свои прошлыя причуды, удивляюсь лишь сама! За-то любовь и послала мнѣ это наказаніе; ей противиться въ настоящее время, значило бы давать оружіе смерти на самой-себя. Знаешь ли, что должна ты сдѣлать, если придетъ сюда Педро, для-того, чтобъ я могла скорѣе побѣдить мою стыдливость? Притворись, будто, снимая со свѣчей, погасила одну ненарочно.

ФЛОРА. — Это можно сдѣлать; но какъ же быть съ другою свѣчей?

Белиса. — Зажженной не должна остараться ни одна свѣча; чтобъ нѣ лучше можно было высказать ему мою мысль, я также погашу и свѣтъ своего разсудка. Стань здѣсь; сюда идутъ невольники.

(Прячутся за шпалеры).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

ТѢ ЖЕ. Входитъ Целія съ Фелисардо.

Фелисардо. — Целія, я рѣшился и это рѣшеніе, какъ ты видишь, раздражаетъ меня.

Целія. — Удержись и подумай сперва хорошенько обо вѣхъ послѣдствіяхъ, которымъ подвергаешь себя.

Фелисардо. — Мнѣ хочется открыться. Дождитесь, чтобъ когда-нибудь исполнили надъ тобой то наказаніе, которое хотѣли—было привести въ исполненіе сегодня, и чтобъ какой-нибудь подлый лакей въ другой разъ осмѣлился поднять свою руку на эти глаза, которые блескомъ своимъ спорятъ съ солнцемъ, было бы неблагоразумно.

Целія. — Обдумай сперва все это хорошенько.

Фелисардо. — Чего жъ мнѣ ждать, когда мнѣ только-что сейчасъ рассказывали про наварскаго рыцаря, что онъ, какъ женщины послѣ родовъ, нынче въ первый разъ послѣ своей болѣзни выходилъ къ обѣднѣ? Кроме этого, я сытъ по горло несчастіями, мною перенесенными: бѣмъ плохо, сплю того еще хуже, въ-добавокъ, ношу на себѣ эти кандалы съ кольцомъ. Когда бъ не для тебя, я не вынесъ бы этой жестокости. Вчера—подумай сама, какой срамъ!—меня заставили схватить на рѣку.

Целія. — Замѣть, мой Фелисардо, что судьба наша началась несчастнымъ приключеніемъ, а за этимъ ужъ послѣдовала тысяча другихъ приключеній. Согласна, что платѣ на тебѣ неприличное и работы у тебя низкія, но разбери, что у меня не менѣ твоего и горя и страданій.

Фелисардо. — Не-уже-ли лучше страдать, чѣмъ бѣжать отсюда?

Целія. — Душа говоритъ мнѣ, что страдать лучше. Бѣги скорѣй изъ этой комнаты, я вижу тамъ Белису.

Белиса. — Подожди, Педро.

Фелисардо. — У меня есть дѣло на дворѣ.

Целія. — Погоди.

Фелисардо. — Съ трепетомъ подхожу.

Белиса. — Не уходи: матери моей здѣсь нѣтъ, мнѣ надобно съ тобой поговорить.

Целія. — Ахъ, я несчастная!

Фелисардо. — Чтѣ съ тобой?

ЦЕЛІЯ. — Развѣ ты не видишь что?

ФЕЛИСАРДО. — Видно, опять ревнуешь?

ЦЕЛІЯ. — Развѣ я каменная?

ФЕЛИСАРДО. — Успокойся мое сокровище: еслибъ давали мнѣ всѣ сокровища міра, скажу цѣлому свѣту, что не прогнѣню тебя на нихъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

ТѢ ЖЕ. ВХОДЯТЪ ЛИСАРДА И ТИВЕРІО.

ЛИСАРДА. — По-крайней-мѣрѣ, такъ говорить.

ТИВЕРІО. — А какъ Дон-Хуанъ молодой человѣкъ, то это меня не удивляетъ.

ЛИСАРДА. — Каррильо говорилъ мнѣ еще про него...

ТИВЕРІО. — Что еще?

ЛИСАРДА. — Что онъ и безумные друзья его согласились вмѣстѣ увести невольницу.

ФЛОРА. — Теперь невозможно говорить съ нимъ, сеньйора: здѣсь тысяча свидѣтелей.

БЕЛИСА. — Молчи. Любовь всегда умѣетъ помогать въ крайнихъ случаяхъ.

ФЛОРА. — Если вы ею больны, прибѣгните къ ней за лекарствомъ.

БЕЛИСА. — Флора...

ФЛОРА. — Сеньйора...

БЕЛИСА. — Поправь эти свѣчи.

ФЛОРА. — Эта безумная, вмѣсто того, чтобъ сказать: «сними со свѣчей» говорить: «поправь ихъ». Вся любовь — коварство.

БЕЛИСА. — Ты свѣчу погасила?

ФЛОРА. — Сняла съ нея низко и погасила.

БЕЛИСА. — И этого ты не умѣешь сдѣлать!

ФЛОРА. — Я не умѣю ни поправлять свѣчу, ни съ нея снимать. Кто гаситъ, тотъ не поправляетъ. Этой вотъ свѣчей я ее зажгу опять.

БЕЛИСА. — Постой, я научу тебя, какъ надобно поправлять.

ФЛОРА. — О, смѣхъ-то какой! Вотъ вы и сами свѣчу погасили.

ЛИСАРДА. — Что это значить?

ТИВЕРІО. — Мы остались въ потьмахъ.

ЛИСАРДА. — Какъ же это случилось?

ФЛОРА. — Случилось это вотъ какъ: стали поправлять свѣчи и погасили ихъ.

ЛИСАРДА. — Вотъ прекрасный случай подойти мнѣ къ моему невольнику.

Белиса. — Теперь объяснюсь съ нимъ окончательно; теперь выскажу ему любовь мою.

Целия. — Тѣ, которые желаютъ мнѣ зла, не могутъ теперь помышлять мнѣ. Приближусь къ моему сокровищу.

(Подходятъ мало-по-малу: Белиса къ своей матери, Целия къ Флоръ, а Фелисардо къ Тиберию).

Лисарда. — Ахъ, мое сокровище! хочешь ли выслушать меня?

Белиса. — Моя неизмѣнная любовь можетъ ли желать чего-нибудь другаго. Выслушайте только вы ее.

Фелисардо. — Ахъ вы мои глазки (*обращаясь къ Тиберию*), не сердитесь на эти глупыя притязанія.

Тиберию. — Мнѣ говорите вы эти слова?

Фелисардо. — Или ты не вѣришь?

Тиберию. — Я увѣренъ, что Дон-Хуанъ непременно надѣлаетъ какъ-нибудь глупостей.

Фелисардо. — Полагаю, что глупости Белисы могутъ меня больше огорчить.

Целия. — Однимъ словомъ: жизнь моя (*обращаясь къ Флоръ*), что это тебѣ хочется безпрестанно возбуждать во мнѣ ревность?

Флора. — Кто это?

Целия. — Еще спрашиваешь: кто это? или ты не видишь?

Флора. — Ты находишься въ приятномъ заблужденіи.

Целия. — Умоляю тебя не говори съ ней.

Флора. — Съ кѣмъ это не должна говорить я?

Белиса (*обращаясь къ Лисардѣ*). — До-сихъ-поръ не смѣла тебѣ открыться, но теперь ничто не мѣшаетъ мнѣ высказать мою мысль.

Лисарда. — Я должна была скрывать мои ужасныя мученія, а потому только одному Богу извѣстно, что я этимъ временемъ перенесла.

Фелисардо (*обращаясь къ Тиберию*). — Дай мнѣ свою руку.

Тиберию. — Дать тебѣ руку... зачѣмъ это?

Фелисардо. — Не сердись пожалуйста: вводить тебя въ гнѣвъ я вовсе не желалъ, но это не отъ меня зависѣло.

Тиберию. — Эй, свѣчей сюда! Что это такое? Я не узнаю, Лисарда, ни твоего голоса, ни твоихъ сужденій.

Белиса. — Сокровище мое! въ какое затруднительное положеніе ставишь ты мою стыдливость! Дай мнѣ свою руку.

Лисарда. — Пожалуй возьми ихъ 'обѣ.

Фелисардо. — Что жъ не даешь ты мнѣ своей руки?

Тиберию. — Эй, свѣчей!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

ТѢ ЖЕ. ВХОДИТЬ КАРРИЛЬЮ (СЪ ФАКЕЛОМЪ И СЪЖИМЪ ИМЪ ИДУЩЕМУ ЗА НИМЪ ДОН-ХУАНУ.)

КАРРИЛЬЮ — Куда это вы идете?

ХУАНЪ. — Ей-Богу, я хожу какъ шальной. Чтѣ это вы всѣ здѣсь дѣлаете?

ТИБЕРІО. — Ждемъ огня.

БЕЛИСА. — Ахъ! да я разговаривала не съ Педро; но это ничего, по-крайней-мѣрѣ я ей все сказала.

ЛИСАРДА. — Такъ я открывалась Белисѣ, что страстно люблю моего невольника. Впрочемъ, она сказала мнѣ также, что къ нему равнодушна.

ФЕЛИСАРДО. — Оказывается, что я разговаривалъ съ Тиберио и объяснялся ему въ любви.

ТИБЕРІО. — Я ничего не могъ понять, полагая, что говорю съ Лисардой, а теперь вижу, что это невольникъ Педро изволялъ мнѣ напѣвать эти нѣжности.

ЦЕЛІЯ. — О ночь, мать заблужденій! теперь только я вижу, что говорила нѣжности Флорѣ.

ЛИСАРДА. — Зачѣмъ являешься ты грекомъ и зажигаешь Трою?

ХУАНЪ. — Сеньйора, отдайте мнѣ мою жену: нынѣшнею ночью я ее увезу, а куда — вы увидите. Вы желаете выйти замужъ и я также намѣренъ жениться, притомъ я знаю, что поступаю благоразумно.

ЛИСАРДА. — Ступай, Флора, запри Зару.

ХУАНЪ. — Вы хотите запереть ее?

ТИБЕРІО. — Погода, выслушай.

ХУАНЪ. — Можетъ ли ждать тотъ, кто пылаетъ страстью?

ЛИСАРДА. — Ты также, Педро, вмѣстѣ съ Флорой долженъ казнить Зару.

ФЕЛИСАРДО. — Мнѣ чрезвычайно-пріятно, сеньйора, исполнить это приказаніе самъ вижу, что Дон-Хуанъ поступаетъ несправедливо.

ХУАНЪ. — Ахъ ты собака, и ты осмѣливаешься развѣвать ротъ на меня!

ФЕЛИСАРДО. — Точно я собака, но только одного этого садика, и пока охраняю въ него входъ и сторожу его, вамъ не войти въ него и чрезъ глиняныя стѣны; не сорвать въ немъ плода, желаннаго вами и вашей безумною любовью; у меня тамъ посѣяна зеленая надежда и вы увидите изъ моего мщенія то, на чтѣ готовъ я для нея рѣшиться. Раздраженная собака не узнаетъ и своего хозяина, а потому я, какъ собака, васъ укушу: вѣдь любовь бѣсится отъ ревности.

(Флора и Фелисардо уводятъ Целію).

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

Дон-Хуанъ, Тиевріо, Лисарда, Белиса и Каррильйо.

Хуанъ. — Пустите меня наказать этого грубаго негодяя за его безумную дерзость.

Тиевріо. — Дон-Хуанъ, остановись и разсуди, что ты не долженъ терять уваженія къ своей крови, этимъ сѣдинамъ и моему совѣту.

Хуанъ. — Я старикомъ не былъ, а вы молоды были и знаете, что любви простиительно въ юныя лѣта дѣлать глупости; къ-тому жъ я не вонимаю узкой тропы обязанностей, на которую вы меня ставите.

Лисарда. — Не отвѣчай ему, оставь его сумасшествовать.

Хуанъ. — Маменька, отдайте мнѣ мою супругу.

Белиса. — Братъ, хотя я до-сихъ-поръ молчала, но твоя дерзость возбудила и во мнѣ справедливое негодованіе. Какую это супругу ты требуешь?

Хуанъ. — Супруга моя — Зара.

Белиса. — Зара? невольница?

Хуанъ. — Какое дѣло до-того, я ее прошу, значить я знаю, кто она.

Белиса. — А если тебѣ извѣстно объ этой турчанкѣ что-нибудь особенное, не то, что знатъ про нея здѣсь всѣ, тебѣ слѣдовало бы поступать умнѣе и, какъ человѣку благородному, не здѣсь о томъ хлопотать.

Хуанъ. — Ну, а еслибъ я привелъ вамъ сюда такого человѣка, который сказалъ бы то же, что и я, тогда чтобъ вы мнѣ на это сказали?

Тиевріо. — Когда бъ человѣкъ, достойный вѣры, открылъ намъ наше заблужденіе и мы нашли бы приличнымъ женить тебя на женщинѣ, у которой клейма на лицѣ, въ такомъ случаѣ я самъ готовъ нынѣшнимъ же вечеромъ ее за тебя выдать.

Хуанъ. — Ступай, Каррильйо, и позови сюда Элисо... нѣтъ, пожди, пождемъ оба: я лучше сюда приведу отца ея.

Каррильйо. — Сеньйоръ, что намѣрены вы дѣлать? Подумайте, ради Бога, что позорите вашъ родъ.

Хуанъ. — Подлая душа! или хочешь, чтобъ я тебя убилъ?

Каррильйо. — Я вамъ свѣчу: не-уже-ли вы не видите вашего сумасбродства?

Хуанъ. — Любовь мнѣ также свѣтитъ.

Каррильйо. — Согласенъ; но разберите, что этотъ факелъ свѣтитъ воскомъ и имъ питается, а потомъ обратите ваше вниманіе на то, что онъ заставляетъ пламя свое тянуться книзу и отъ того самаго воска, который поддерживаетъ его жизнь, получаетъ себѣ смерть и презрѣніе.

Хуанъ. — Философъ — и кто-жъ? — лакей! Клянусь небомъ, что обрублю тебѣ ноги... Ступай впередъ.

КАРРИЛЬЮ. — Может ли какой свѣтъ свѣтитъ слѣпому любовнику? (*Каррильо и Хуанъ уходятъ*).

ТИБЕРІО. — Мнѣ кажется, Лисарда, что теперь самый удобный случай заняться устройствомъ твоей мнимой свадьбы.

ЛИСАРДА. — Побѣжай и распорядись, чтобъ Педро превратился въ Фелисардо и женихомъ ужъ пріѣхалъ бы ко мнѣ. Погоди, скоро я уйму влюбленныхъ.

ТИБЕРІО. — Сейчасъ иду. Узнать его невозможно: на немъ нѣтъ теперь ни клеймъ, ни кандаловъ съ кольцомъ; притомъ онъ будетъ въ великолѣпномъ платьѣ, которое я ему приготовилъ.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМНАДЦАТОЕ.

Лисарда и Белиса.

ЛИСАРДА (*всторону*). — Этою хитростью могу обмануть и самого Тиберио: онъ думаетъ, что своею свадьбою я наказываю дѣтей моихъ, между-тѣмъ, какъ мнѣ дѣйствительно хочется выйти замужъ за того человѣка, который носить на себѣ одно только имя невольника. Знаешь ли куда отправился Тиберио?

БЕЛИСА. — Ужъ вѣрно пошелъ за полиціею?

ЛИСАРДА. — Стало-быть ты не знаешь, что я выхожу замужъ? или не слыхала ты этой тайны?

БЕЛИСА. — Вы выходите замужъ?

ЛИСАРДА. — Нынѣшнимъ же вечеромъ мой будущій супругъ пріѣдетъ сюда женихомъ; съ-часу-на часъ жду его.

БЕЛИСА. — А кто жъ онъ такой?

ЛИСАРДА. — Онъ кабальеро: Тиберио ужъ поѣхалъ за нимъ въ каретъ и привезетъ его съ собой.

БЕЛИСА. — Ужъ не Мартело ли ⁽²⁷⁾ прочите вы намъ въ батюшки?

ЛИСАРДА. — А вотъ ты сейчасъ увидишь люблю ли я Мартело. Я только одно знаю, что вы ужасно надоѣли мнѣ вашими глупыми прихотями. Я васъ выростила, а вы теперь совершенно измучили меня: ты — своими безпрестанными причудами и сумасбродствами: вѣчно у тебя засореніе въ желудкѣ и поминутно пускаешь себѣ кровь; а тотъ глупый — требованіемъ себѣ дорогихъ платьевъ, цѣпей и желаніемъ, полными пригоршнями сыпать несметное золото; то лошадей ему покупай, то давай денегъ; а теперь вздумалъ жениться; но пришелъ всему конецъ и шутки превратились въ дѣла серьезныя. Теперь я не нѣжная мать, теперь не плачу и не сокрушаюсь ни о чемъ; будь я

(27) *Martelo* — слово это значить и любовь, привязанность, и горе, заботы, хлопоты.

мать невольника, и тогда была бы я въ бѣльшемъ почтеніи. Я женщина несвѣдущая въ дѣлахъ и на подъемъ тяжелая, а потому мнѣ необходимо имѣть при себѣ человѣка, который бы могъ меня успокоить и присмотрѣть за моимъ имѣніемъ.

Белиса. — Все это такъ, но прошу васъ, выслушайте меня.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ.

Входятъ Тиберіо и Фелисардо. (*Послѣдній одѣтъ съ большимъ вкусомъ; на немъ ужь нѣтъ ни кандаловъ, ни клеймъ.*)

Тиберіо. — Входите смѣлѣе; говорю вамъ: васъ приказали просить.

Фелисардо. — Даже подойти не смѣю.

Тиберіо. — Входите жь, но замѣтьте, что вы должны назвать себя Фелисардо.

Фелисардо. — Странное дѣло! говорить мнѣ, чтобъ я назвался моимъ настоящимъ именемъ.

Лисарда. — Поневолѣ должна быть терпѣливой.

Белиса. — Вашъ настоящій поступокъ будетъ несогласенъ съ общественнымъ мнѣніемъ о васъ. Смотрите на васъ и не вѣрю, что вы выходите замужъ.

Тиберіо. — Супругъ твой ужь пріѣхалъ.

Белиса. — О небеса! что я вижу? Не Педро ли это?

Фелисардо. — Хотя привело меня сюда собственное желаніе, однакожъ все-таки скажу, что эту необыкновенною смѣлостью обязанъ любви.

Лисарда. — Милости просимъ, сеньйоръ, намъ чрезвычайно-пріятно посѣщеніе ваше, за него тысячу разъ благодарю васъ; я та счастливая женщина, которую вы избрали.

Тиберіо. — Господа обрученные, прошу садиться.

Белиса. — Тиберіо...

Тиберіо. — Что тебѣ надобно?

Белиса. — Правда ли, что они молодые?

Тиберіо. — Не безпокойся, они еще не молодые, а полагаю, ужь помолвлены.

Белиса. — Такъ это не Педро?

Тиберіо. — Какой Педро?

Белиса. — Педро, здѣшній невольникъ.

Тиберіо. — Въ умѣ ли ты?

Белиса. — Какъ это случилось, что маменька выходитъ за Педро?

Тиберіо. — Разбери хорошенько, что этотъ человѣкъ — кабалъеро и зовутъ его Фелисардо.

Белиса. — Пожалуй, посмотрю на него и попристальнѣе... нѣтъ никакого сомнѣнія, что это онъ. Чего жь я жду?

Тиверіо. — Сперва размотри его получше: вѣдь у невольника Педро на лицѣ клейма.

Белиса. — Это правда: вы вывели меня изъ большаго заблужденія; впрочемъ, можетъ-быть и то, что онъ ихъ снялъ.

Тиверіо. — Какимъ же образомъ онъ могъ ихъ снять, когда они у него выжжены на тѣлѣ? Подумай, что говорить это — нелѣпо: тебя примутъ за сумасшедшую.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТОЕ.

Тѣ же. Входятъ Флора и Каррильйо.

Флора. — Боже ты мой, какъ женихъ-то хорошъ!

Каррильйо. — Во всю жизнь мою я не видалъ лица, которое такъ удивительно походило бы на нашего невольника.

Белиса. — Флора...

Флора. — Сеньора...

Белиса. — Мое оскорбленное терпѣніе выносить этого больше не въ силахъ. Развѣ не Педро этотъ человекъ?

Флора. — Сеньора, онъ очень на него похожъ.

Белиса. — Флора, ступай, позови сюда сейчасъ Педро.

Флора. — Слѣпой увидѣлъ бы, что это Педро.

Белиса. — Не думай, Педро, что можешь безнаказанно оскорблять мою кровь: мнѣ должно умертвить тебя... Посторонитесь!

Фелисардо. — Чтò это такое?

Лисарда. — Это моя сумасшедшая дочь, которую никакъ не могли запереть сегодня. Эй, возьмите ее отсюда!

Фелисардо. — Какая жалость!

Белиса. — Это ужъ слишкомъ: можно ли такъ меня дурачить!

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬПЕРВОЕ.

Тѣ же. Входитъ Целія. (*Изящно одѣтая, въ длинномъ покрывалѣ и въ сопровожденіи лакея*).

Целія. — Полагаю, что успѣла сюда во-время.

Тиверіо. — Эта дама — посаженная мать.

Фелисардо. — Для васъ сберегъ я это мѣсто: вы мнѣ такъ хороги, что, кромѣ того, мѣсто вамъ готово и у меня въ душѣ.

Лисарда. — Садитесь здѣсь, сеньора.

Белиса. — Развѣ это не невольница Зара? Вотъ я тебя, собака!

Тиверіо. — Привяжите эту сумасшедшую.

Целия. — Кто такая эта воинственная сеньора?

Лисарда. — Пожалуйста не обращайтесь на нее внимание, извините ее. Эти припадки дѣлаются съ ней отъ налившихъ причудъ.

Белиса. — Развѣ это не Зара? Слыхано ли что подобное? Ну же, Зара, скажи мнѣ: какъ соглашаешься ты, будучи женою Педро, чтобъ онъ женился на другой?

Целия. — Не отъ причудъ ли своихъ поимѣшалась она совершенно?

Белиса. — Не-уже-ли мнѣ пропустить имъ это безнаказанно? Не была бы я женщиной, еслибъ имъ за себя не отомстила.

Фелисардо. — Люди! не пускайте ее сюда,

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬВТОРОЕ.

Тѣ же. Входятъ Дон-Хуанъ, Пруденцію (*отецъ Целии*), Элисо и полиція.

Хуанъ. — Прошу васъ войдите. Въ домъ свадьба; васъ не замѣтить.

Фелисардо. — Опустя свое покрывало. Целия. Ахъ я несчастный!

За тобой пришелъ отецъ.

Элисо. — Гдѣ жъ Фелисардо?

Фелисардо. — Это Элисо—что-то будетъ?

Альгвазилъ. — Кто здѣсь Фелисардо?

Фелисардо. — Фелисардо — я. Что вамъ угодно?

Альгвазилъ. — Оиъ ли это?

Элисо. — Оиъ.

Фелисардо. — Такъ это ты, Элисо, привелъ сюда полицію?

Элисо. — Справедливость требуетъ, чтобъ я наказалъ ложнаго друга.

Фелисардо. — Я ложный другъ?

Элисо. — Или тебѣ неизвѣстно, что я искалъ руки Белисы? Не женишься ли ты на ней теперь? Мнѣ сказали, что ты женишься; притомъ это видно и по твоему наряду.

Фелисардо. — Я женюсь на ней?

Элисо. — Кто жъ другой какъ не ты? Не лучшее ли доказательство твоего предательскаго поступка то, что ты переодѣлся въ платье вольника, позволялъ себя заклеивать и продать, какъ-будто для того, чтобъ тебя не арестовали за твое прошлое преступленіе? Опять не ясное ли доказательство и то, что захожу тебя здѣсь женихомъ, въ такомъ щегольскомъ, изящномъ и богатомъ нарядѣ?

Фелисардо. — Если окажется, что я на-самомъ-дѣлѣ виноватъ передъ тобой, въ такомъ случаѣ, позволяю тебѣ заколоть меня моею собственною шпагой.

Белиса. — Зачѣмъ заператься тебѣ, Фелисардо, въ томъ, что было?

Это должно такъ быть. Вѣдь ты ужь на мнѣ женился и женился сегодня.

Фелисардо. — Съ чего это ты взяла, что я на тебѣ женился?

Белиса. — Ты скажешь: «нѣтъ?» Вотъ свидѣтели Флора и Каррильйо.

Элисо. — Низкій человекъ! какъ же запираешься ты въ томъ, что видѣли двое свидѣтелей?

Лисарда. — Эти свидѣтели правды не скажутъ. Белиса это придумала: ей завидно, что онъ мой мужъ. Элисо, отдаю ее тебѣ: пусть она будетъ твоей женой, а Фелисардо принадлежить мнѣ.

Целия. — (*Сбрасываетъ съ себя покрывало*). Поттише, сударыня, мнѣ онъ мужъ и настоящая жена ему — я; онъ самъ вамъ это подтвердитъ.

Фелисардо. — Это совершенная правда.

Пруденцио. — Не Целия ли это?

Хуанъ. — Она.

Пруденцио. — Если это такъ, Дон-Хуанъ, прошу у васъ извиненія, что далъ вамъ слово.

Хуанъ. — Глядя на другихъ, которыя въ своихъ надеждахъ обманули такъ жестоко, мнѣ какъ-то легче и мое собственное горе; впрочемъ, если Элисо настоящей кабалъеро, я увѣренъ, что онъ не откажется отъ руки Белисы.

Белиса. — Слѣдовало бы такъ. Прошу у него прощенія, что пренебрегала имъ прежде; прошу прощенія и у Целии за мое жестокое съ ней обращеніе, также у Фелисардо; но онъ, достигнувъ цѣли своихъ желаній, вѣроятно, теперь и не чувствуетъ прошлыхъ наказаній. Если его слѣдуетъ посадить въ тюрьму, готова служить, ему и вамъ, всѣмъ что я имѣю.

Альгвазилъ. — Господа, тотъ раненый кабалъеро теперь совершенно-здоровъ; намъ только остается помирить нашихъ друзей.

Фелисардо. — Подите, Тиберио, и устройте такъ, чтобъ онъ пришелъ сюда какъ нашъ посаженный отецъ.

Тиберио. — Будьте покойны: онъ отъ этого не откажется, а я между-тѣмъ буду посаженнымъ отцомъ Флоры и добраго Каррильйо.

Лисарда. — А я замужъ не вышла, хотя задумала о томъ первая. Кончаю комедію.

Белиса. — Что жъ касается до моихъ причудъ, благородное собраніе, прошу у васъ извиненія въ нихъ.

Перевелъ съ испанскаго И. ПЯТНИЦКІЙ.

ХОЛОДНЫЙ ДОМЪ.

РОМАНЪ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

Часть восьмая.

ГЛАВА XXXVIII.

БОРЬБА.

Когда настало время отъезда въ Холодный Домъ, мы не пропустили назначеннаго дня и были встрѣчены самымъ радушнымъ, самымъ внимательнымъ приемомъ. Здоровье и силы мои возстановились совершенно; попрежнему, въ радостномъ расположеніи духа, вбѣжала я въ свою комнату и, найдя на столѣ связку хозяйственныхъ ключей, поздоровалась съ ними, какъ съ старыми пріятелями. «Принимайся за свой долгъ Эсэиръ», сказала я себѣ-самой, побрякивая ключами: «принимайся съ чувствомъ полного удовольствія и подъ вліяніемъ той любви, которая такъ безвозмездно тебя окружаетъ!»

Первыя утра, по моему пріѣздѣ, были хлопотливы и суетливы; столько бѣготни изъ одной комнаты въ другую, въ-особенности изъ моей въ Воркотню, и обратно столько счетовъ, уборки ящиковъ, комодовъ и проч. что, право, время для меня не шло, а летѣло. Приведа все въ надлежащій порядокъ, покончивъ всѣ хлопоты, я поѣхала на нѣсколько часовъ въ Лондонъ; подробности письма, которое я должна была сжечь на хуторѣ мистера Бойтсорна, заставляли меня спѣшить этой поѣздкой. Такъ по-крайней-мѣрѣ я думала.

Цѣль поѣздки я свалила на Кадди Желлиби: я до-сихъ-поръ не могу отвыкнуть отъ ея дѣвичьяго имени — такъ оно мнѣ пріятно. Написала къ ней предварительно письмецо, прося ее сопутствовать мнѣ при исполненіи нѣкоторыхъ дѣлъ. Отправясь изъ дому очень-рано въ почтовой каретѣ, я въ полдень пріѣхала въ Лондонъ, въ Ньюманскую Улицу.

Мы не видались съ Кадди еще ни разу послѣ ея свадьбы ; она была такъ рада моему прїѣзду, встрѣтила меня съ такою любовью, что я, право, начала бояться ревности ея мужа. Онъ между-тѣмъ былъ по-прежнему плохъ, то-есть добръ, я хочу сказать, и съ утра до вечера не имѣлъ ни минутки свободнаго времени.

Старый мистеръ Тервейдроупъ былъ еще въ постели и Кадди варила ему шоколадъ. Задумчивый маленькій мальчикъ, ученикъ (забавная вещь быть ученикомъ танцмейстера) ожидалъ окончанія варки съ тѣмъ, чтобъ снести стаканъ шоколаду на верхъ въ комнату мистера Тервейдропа. Кадди говорила мнѣ, что ея свекоръ былъ очень-добрый и чувствительный человекъ, и они поживали вмѣстѣ очень-счастливо.

Подъ словами : «поживали вмѣстѣ» надо было понимать, что старикъ мистеръ Тервейдроупъ пользовался безвозмездно всѣмъ лучшимъ въ домѣ, то-есть имѣлъ лучшую комнату, прекрасный столъ и всевозможныя бездѣлушки, необходимыя для комфорта ; между-тѣмъ, какъ Кадди и бѣдный мужъ ея имѣли только то, что могли сохранить отъ своихъ трудовъ за издержками на старика Тервейдропа, и тѣснились въ двухъ углахъ чердачка надъ конюшнями.

— Ну а что твоя ма, Кадди ? сказала я.

— Я, Эсэиръ, слышу иногда о ней, отвѣчала Кадди : — отъ бѣднаго па ; а сама выдаюсь съ ней очень, очень-рѣдко. Я могу сказать съ радостью, что мы очень-дружны, хотя ма все еще считаетъ ужасной глупостью мой бракъ съ танцмейстеромъ. Она боится, чтобъ это не имѣло на нее дурнаго вліянія.

Мнѣ пришло въ голову, что мистриссъ Желлиби, промѣнявъ свои естественныя обязанности на телескопическую филантропію, застраховала себя ужь однимъ этимъ отъ всевозможныхъ вліяній. Разумѣется, мысль эту я никому не высказала.

— А твой папа Кадди ? спросила я.

— Онъ приходитъ къ намъ всякій вечеръ, отвѣчала Кадди : — и такъ любить сидѣть здѣсь, въ уголку, что сердце радуется, смотря на него.

Взглянувъ въ уголъ, я замѣтила на стѣнѣ отпечатокъ головы мистера Желлиби и очень была рада, что онъ нашелъ для себя спокойное мѣстечко.

— Ну, а ты, Кадди, говорила я : — готова нари держать, что ты постоянно въ трудахъ ?

— Да, моя милая, отвѣчала Кадди : — я дѣйствительно очень-занята. Скажу тебѣ по секрету, я и сама даю уроки въ танцованьи Зворовье-то Принца слабовато : мнѣ надобно ему пособлять. Вѣдь онъ

здѣсь отпрыгаетъ два часа, потомъ бѣжить въ другую школу, потомъ въ третью школу; потомъ частные уроки, постоянные ученики, живущіе у насъ на дому: онъ, бѣдняжка, очень устаеть.

Во всякомъ случаѣ, мнѣ казалось очень-страннымъ отдавать дѣтей на постоянное жительство въ школу, съ единственной цѣлью учиться танцамъ. Я спросила Кадди: много ли у васъ такихъ учениковъ?

— Четыре отвѣчала Кадди: — одинъ и живетъ съ нами вмѣстѣ, а другіе трое уходятъ ночевать въ свои квартиры. Они добрыя дѣти. Только сойдясь вмѣстѣ, начинаютъ шалить и играть, а танцами не занимаются; мы ихъ стараемся всячески развѣщать по разнымъ угламъ. Вонъ тотъ, котораго ты видѣла, теперь вальсируетъ въ кухнѣ.

— Вѣдь они учатся однимъ только па, думаю я?

— Однимъ только па, отвѣчала Кадди: — и чтобъ выучить па, имъ надо очень-много времени; а лѣтомъ мы встаемъ въ пять часовъ утра и танцуемъ съ ними фигуры.

— Какая трудолюбивая жизнь! воскликнула я.

— Я тебя увѣряю, моя милая, отвѣчала Кадди улыбаясь: — когда утромъ приходятъ ученики и звонятъ (колокольчикъ проведемъ въ нашу комнату, чтобъ не будить рано мистера Тервейдрона), я подыму окно и взгляну на нихъ. они стоятъ у дверей съ бальными башмачками подъмышкой и мнѣ приходитъ въ голову, что это маленькіе трубочисты.

Все это мнѣ казалось очень-страннымъ, а Кадди съ большимъ удовольствіемъ рассказывала мнѣ тайны своихъ собственныхъ уроковъ.

— Такъ вотъ ты видишь, моя милая: — для избѣжанія лишнихъ расходовъ я и должна кой-что знать на фортепянахъ и на скрипкѣ: я и занимаюсь теперь этими инструментами въ свободныя минуты отъ хозяйственныхъ занятій. Ты знаешь, что дома я вѣдь ничего не умѣла; разумеется, сначала, надо признаться, музыка очень-трудна; но у меня вѣрный слухъ и я приучена къ усидчивости; за это, во всякомъ случаѣ, я должна быть благодарна ма; а если есть желаніе, Эсэиръ, такъ право можно до всего достигнуть.

Съ этими словами Кадди сѣла, смѣясь, за фортепяно и въ-самомъ-дѣлѣ очень-недурно съиграла какую-то кадрилъ; краснѣя, смѣясь встала она съ табурета и, переконфуженная своими первыми успѣхами, говорила мнѣ:

— Не смѣйся же, не смѣйся надо мною, добрая дѣвушка!

Я бы, кажется, скорѣе заплакала. Впрочемъ, я ни плакала, ни смѣялась. Я хвалила ее отъ всего сердца и ободряла сколько могла. Я была внутренно убѣждена, что хотя Кадди была только женою танцмейстера и все честолюбіе ея заключалось только въ томъ, чтобъ самой сдѣ-

латься учительницей танцования, но она шла по своей дорогѣ вѣрными шагами и занималась дѣломъ своимъ совершенно-добросовѣстно; а это, по моему мнѣнію, стоитъ любой миссіи.

— Другъ мой, говорила Кади, въ восторгѣ: — ты можешь понять, какъ ты меня утѣшаешь. Я тебѣ очень, очень-благодарна. Загнѣть, сколько перемѣнъ даже во мнѣ самой, Эсэиръ. Вспомни тотъ вечеръ, когда я, запачканная въ чернилахъ, встрѣтила васъ съ Адой такъ невѣжливо, такъ грубо. Кто бѣ, глядя на меня тогда, могъ подумать, что я въ-состояніи учить танцамъ, заниматься хозяйствомъ и проч.?

Пока мы съ ней разговаривали, пришелъ и мистеръ Тервейдроупъ молодой; онъ готовился давать урокъ въ танцевальномъ залѣ; при видѣ его, Кади мнѣ сказала, что она теперь свободна и совершенно-готова къ моимъ услугамъ. Мнѣ еще рано было идти по дѣламъ и я очень радовалась, что могла не только не отрывать отъ занятій Кади, но и сама пособить имъ. Мы всѣ втроемъ принялись за урокъ.

Ученики были очень-забавный народъ. Кромѣ меланхолическаго мальчика, который вальсировалъ въ-одиночку въ пустой кухнѣ, было еще два мальчика и одна грязная, маленькая дѣвочка въ газовомъ платьѣ. Маленькая дѣвочка казалась преждевременно-созрѣвшей; на ней была какая-то дѣдовская шляпка, также изъ газу, и башмачки ея лежали въ старомъ затасканномъ бархатномъ ридикюлтѣ; мальчики были очень-неуклюжи; въ карманахъ у нихъ брякали камни и видѣлись оголодавшія кости отъ завтрака. При видѣ ихъ я невольно спросила Кади: какимъ образомъ пришло въ голову ихъ родителямъ посвятить дѣтей своимъ танцамъ? «Не знаю, говорила Кади; ихъ родители очень-бѣдные люди; можетъ, они хотятъ сдѣлать изъ нихъ танцмейстеровъ, а можетъ, готовить ихъ для театра; мать меланхолическаго мальчика, содержитъ распивочную лавку инбирнаго пива». Цѣлый часъ мы танцовали очень-серьезно; меланхолическій мальчикъ выдѣлывалъ такія чудеса ногами, что я съ трудомъ удерживалась отъ смѣха; казалось, икры его и ступни были въ полномъ восторгѣ, которому не суждено было сообщаться выше. Кади принимала въ преподаваніи живое участіе; она такъ была дѣятельна, что мужу ея почти не зачѣмъ было вмѣшиваться и онъ преимущественно игралъ на скрипкѣ. Къ-тому же, она переняла его прекрасную манеру, его легкость, и, обладая хорошимъ станомъ и хорошенькой наружностью, была очаровательна. Такимъ-образомъ танцовали мы до звонка.

По окончаніи урока, мужъ Кади началъ готовиться идти въ другую танцевальную школу, а Кади—со мной. Я между-тѣмъ оставалась въ танцевальной залѣ и наблюдала за учениками. Два входящіе маль-

чича пошли наверхъ, чтобъ надѣть полусапожки и вѣшнуться въ волосы ученика, живущаго подъ кровлею мистера Тервейдропа; потомъ спустились внизъ, помѣстились подъ одной изъ лиръ, нарисованныхъ на стѣнахъ танцевальной залы, достали изъ кармановъ тартинки съ масломъ и говядиной и приступили къ утоленію аппетита, возбужденнаго танцами. Дѣвочка въ газовомъ одѣяніи, ощутивъ сандалинъ въ свой шитый ридикюль, всунула голову въ шляпу огромныхъ размѣровъ, и на мой вопросъ: любить ли она танцевать? отвѣтивъ гордо: «только не съ мальчишками!» надменнымъ шагомъ пошла домой.

— Старикъ мистеръ Тервейдроппъ очень-огорченъ, говорила Кадди: — что еще не успѣлъ одѣться и не можетъ имѣть удовольствія видѣть тебя. — Онъ тебя, Эсэиръ, ужасно любить.

Я выразила всю признательность за подобное вниманіе и, разумѣется, не сочла долгомъ прибавить, что отсутствіе его мнѣ еще болѣе пріятно.

— Онъ одѣвается очень-долго, говорила Кадди: — ты знаешь какія у него прекрасныя манеры; ими всѣ любятъ. Ахъ, Эсэиръ, какъ онъ добръ къ папенькѣ! Онъ однажды цѣлый вечеръ рассказывалъ ему про принца-регента, и я никогда не видала па въ такомъ восторгѣ.

Въ умѣ моемъ живо представилась картина, какъ мистеръ Тервейдроппъ-старикъ выказываетъ свой тонъ и манеры передъ мистеромъ Желлиби. Я невольно спросила Кадди: что же онъ заставляетъ твоего папѣ говорить съ нимъ, или нѣтъ?

— Нѣтъ, говорила Кадди: — папѣ ничего не говорить; но мистеръ Тервейдроппъ говорить, папѣ удивляется, слушаетъ и очень любитъ слушать. Я знаю, что папѣ едва-ли способенъ къ тому, чтобъ перенять прекрасныя манеры и тонъ мистера Тервейдропа; но по-крайней-мѣрѣ вѣстѣ они очень хороши. Ты не можешь повѣрить, какіе они друзья. Я никогда не видала, чтобъ папѣ нюхалъ табакъ; но, сидя съ мистеромъ Тервейдроппомъ, онъ всякій разъ возьметъ щепотку табаку изъ его табакерки и постоянно въ продолженіе цѣлаго вечера прикладываетъ ее къ носу.

Всего забавнѣе казалось мнѣ, что мистеръ Тервейдроппъ, такъ или иначе, спасалъ уши несчастнаго мистера Желлиби отъ баррибульскихъ проектовъ.

— Что же касается до Биби, говорила Кадди съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ: — то я, право, думала, Эсэиръ, что, не имѣя своихъ дѣтей, я не должна брать его къ себѣ, что онъ стѣснить мистера Тервейдропа и наскучить ему; напротивъ, любезность старика въ этомъ

отношеніи выше всего на свѣтѣ. Онъ призываетъ его къ себѣ, моя милая, заставляетъ его подать себѣ газеты, отдаетъ ему корочки отъ своихъ тостовъ, дѣлаетъ ему разныя порученія, посылаетъ просить его у меня шестипенсовую монету, и т. п., словомъ, продолжала Кадди весело: — я очень, очень-счастлива и должна быть очень-благодарна. Куда мы идемъ, Эсэиръ?

— Въ Старую Причальную Улицу, сказала я: — мнѣ надобно переговорить съ однимъ адвокатскимъ клеркомъ, который встрѣтилъ меня, когда я первый разъ пріѣхала въ Лондонъ и который провелъ меня къ вамъ.

— Въ такомъ случаѣ, съ тобою всего естественнѣе идти мнѣ.

Мы пошли въ Старую Причальную Улицу, отыскивали квартиру мистриссъ Гуппи, обладающей свойствомъ быть истинной свекровью, и тамъ навели справки о мистерѣ Гуппи. Мистриссъ Гуппи занимала нижній этажъ; выглядывая на насъ, она подвергалась очевидной опасности треснуть, какъ орѣховая скорлупа, подъ нажимомъ двери; однакожь на призывъ нашъ выползла благополучно и пригласила насъ взойдти. Маленькая гостиная была убрана, въ ожиданіи насъ, чистенько; главное украшеніе состояло въ портретѣ единственнаго сына, мистера Гуппи, который былъ поразительно-похожъ и такъ великъ, что врядъ-ли могъ быть вынесенъ обратно изъ комнаты. Сама мистриссъ Гуппи, одѣтая въ огромный чепецъ, была толстенъкая старушка, съ очень-закрасѣвшимися носомъ, съ блуждающимъ глазомъ и постоянною улыбкою на губахъ.

Въ комнатѣ, кромѣ портрета мистера Гуппи, былъ и самъ оригиналъ. Онъ былъ разодѣтъ очень-пестро и, сидя на концѣ стола, углублялся въ чтеніе судебныхъ бумагъ, подпирая лобъ свой указательнымъ пальцемъ.

— Миссъ Семерсонъ! воскликнулъ мистеръ Гуппи, вставая съ своего стула: — здѣсь, истинный оазисъ, матушка; будьте такъ добры, поставьте стулъ для пріятельницы миссъ Семерсонъ и очистите немножко дорогу.

Улыбка придавала мистриссъ Гуппи какой-то плутовской видъ. Она исполнила просьбу сына и усѣлась въ уголокъ, прижимая обѣими руками къ груди своей носовой платокъ, какъ успокоительную припарку.

Я представила Кадди, и мистеръ Гуппи, откланявшись, выразился, что друзья мои найдутъ всегда въ Старой Причальной Улицѣ самый радушный пріемъ. Послѣ рекомендаціи, я приступила къ изъясненію цѣли моего прихода.

— Я нигда смѣлость писать къ вамъ, сэръ, сказала я.

Мистеръ Гуппи, въ видѣ подтвержденія словъ моихъ, вынулъ изъ

бокового кармана мою записку, прижалъ ее къ своимъ губамъ и слова опустилъ въ карманъ, отъбѣсивъ мнѣ многозначительный поклонъ. Мистриссъ Гуппи была отъ всего этого въ такомъ восторгѣ, что, улыбаясь, мотала головой и локтемъ давала знать Кадди о тѣхъ приятныхъ чувствахъ, которыя волновали ее сердце.

— Могу ли я сказать вамъ наединѣ нѣсколько словъ? спросила я.

Трудно передать, какое вліяніе произвелъ этотъ вопросъ на мистриссъ Гуппи: она прижимала платокъ къ губамъ, подталкивала Кадди локтемъ и ногой, мотала головой и только съ большимъ трудомъ была въ-состояніи вывести бѣдную Кадди чрезъ корридоръ въ сосѣднюю комнату, заставленную кроватью и комодомъ.

— Миссъ Семерсонъ, говорилъ мистеръ Гуппи: — извините за такое выраженіе родительскихъ чувствъ при видѣ сыновняго счастья. Матушка очень-взволнована и ея поступки—слѣдствіе нѣжной любви ко мнѣ.

Боже, какъ вспыхнулъ, какъ измѣнился въ лицѣ мистеръ Гуппи, когда я откинула вуаль!

— Я желала имѣть удовольствіе видѣть васъ на нѣсколько минутъ здѣсь, въ вашей квартирѣ, сказала я: — потому-что, помню, вы говорили мнѣ, по поводу извѣстнаго обстоятельства, что приходъ мой къ вамъ, въ контору мистеровъ Кенджа и Корбая могъ бы нѣкоторымъ образомъ компрометировать васъ, мистеръ Гуппи.

Я знаю, что я и теперь компрометировала его страшно; я никогда не видала такого замѣшательства, такой боязни, такого волненія, которое выражалось на лицѣ мистера Гуппи.

— Миссъ Семерсонъ, миссъ Семерсонъ... бормоталъ мистеръ Гуппи: — я... я... извините меня, миссъ... но въ нашей профессіи... то-есть мы... мы должны выражаться... выражаться опредѣлительно... Вы говорите... вы изволите говорить... о томъ обстоятельствѣ... когда я... когда я имѣлъ честь... выразить... сдѣлать... предложеніе... которое... мнѣ... гм. гм!..

Очевидно, у него что-то стояло въ горлѣ, съ чѣмъ онъ никакъ не могъ справиться. Онъ прикрывалъ ротъ рукою, прокашливался, кривлялся, усиливался проглотить, опять прокашливался, опять кривлялся, озирался вокругъ, перебиралъ бумаги — ни что не пособляло.

— На меня напалъ, миссъ, какой-то столбнякъ, рѣшился онъ наконецъ выговорить: — я подверженъ, клянусь вамъ, подверженъ приливамъ крови... вотъ-съ это потому я и не могу... гм... гм... пройдетъ-съ.

Я дала ему нѣсколько времени оправиться. Онъ употребилъ эти

минуты на размышленіе, прикладывавъ руку ко лбу, потиралъ носъ и наконецъ, отодвинувъ стулъ свой въ уголъ комнаты, началъ говорить смѣлѣе, но все-таки безпокойно :

— Намѣреніе мое было, замѣтить, миссъ... Господи !.. раздраженіе дыхательнаго горла... ужасно... гм... гм !.. мое намѣреніе, миссъ, было замѣтить, что вы оказали въ то время столько великодушія и отринули мое предложеніе. Вы... вы конечно не имѣете ничего противъ этого. Конечно не было свидѣтелей... и, быть-можетъ, чтобъ успокоить мен... чтобъ успокоить свою совѣсть... вы готовы всегда и при всѣхъ... высказать... повторить вашъ отказъ...

— Безъ всякаго сомнѣнія, сказала я: — я отклонила дѣлаемое мнѣ вами предложеніе, мистеръ Гушпи, безъ всякой преднамѣренной мысли.

— Благодарю васъ, миссъ, отвѣчалъ онъ, размѣряя столъ своими дрожащими руками: — слова ваши совершенно-удовлетворительны и дѣлаютъ вамъ честь... Гм, гм !.. раздраженіе дыхательнаго горла... это такъ... Гм... гм... гмгм... вы, можетъ-быть, разсердитесь, если я скажу... впрочемъ, вашъ умъ... вашъ здравый смыслъ... если я скажу, что мое предложеніе было... Гм, гм... проклятое раздраженіе !.. было послѣднее и больше не возобновится...

— Я это совершенно понимаю, сказала я.

— Быть-можетъ... конечно... гм, гм... въ этомъ нѣтъ надобности... но такъ, для успокоенія меня... вашей совѣсти... вы не сочтете лишнимъ подтвердить это объясненіе... то-есть, понимаете... форменный отказъ? говорилъ мистеръ Гушпи.

— Совершеннѣйшимъ и полнѣйшимъ образомъ подтверждаю его, отвѣчала я.

— Благодарю васъ, благодарю васъ, говорилъ мистеръ Гушпи: — очень-великодушно... очень-благородно съ вашей стороны. Я, гм, гм... очень сожалею, что мои будущіе планы въ связи съ настоящими обстоятельствами, которыя, выше моей власти, лишаютъ меня возможности возобновить когда бы то ни было, это... гм, гм... предложеніе и... гм !.. цѣпи Гименея... должны быть предъ миртовыми вѣтвями дружбы... гм гм !..

Раздраженіе дыхательнаго горла помогло дѣлу и пресѣкло измѣреніе квадратнаго содержанія стола.

— Быть-можетъ теперь я могу высказать вамъ цѣль моего посѣщенія? начала я.

— Я сочту за счастье выслушать ваше желаніе, миссъ; я совершенно убѣжденъ, это вашъ здравый смыслъ... гм, гм... вашъ положительный умъ... то-есть гм... гм... что вы видите въ настоящемъ

свѣтъ все, все, и слѣдовательно всякое замѣчаніе ваше можетъ только доставить мнѣ удовольствіе.

— Вы были такъ добры, выразили мнѣ при томъ обстоятельствѣ...

— Извините, миссъ, говорилъ мистеръ Гуппи:—но... но... ги... ги... знаете, лучше говорить о фактахъ, чѣмъ... ги... ги... о выраженіяхъ... можетъ-статься, я что-нибудь и выразилъ... теперь не припомню...

— Вы выразили при томъ обстоятельствѣ, начала я снова:—готовность вступить въ мои интересы, упрочить мое благосостояніе, дѣлать розыски о судьбѣ моей. Я знаю, что причиной такой мысли въ васъ было мое настоящее положеніе: вы знали, что я сирота, обязанная всѣмъ мистеру Жарндису. Единственная цѣль моего къ вамъ посѣщенія, мистеръ Гуппи, состоитъ въ томъ, чтобъ убѣдить васъ оставить всякое желаніе разспрашивать исторію моего рожденія; я ее знаю и много думала о ней, въ-особенности въ послѣднюю болѣзнь мою, и пришла наконецъ къ такому заключенію, что если вы дѣйствительно желаете мнѣ счастья, если вы дѣйствительно питаете ко мнѣ чувство дружбы, то вы оставите всѣ попытки розысковъ относительно меня. Быть-можетъ, вы ими и не занимались; въ такомъ случаѣ, извините, что я васъ обезпокоила; но если вы стали ужь приводить въ исполненіе ваше обѣщаніе, то я умоляю васъ, ради моего спокойствія, ради нашей дружбы, ради всего на свѣтѣ, отказаться отъ него вполне.

— Я долженъ сознаться, говорилъ мистеръ Гуппи:—что вы, миссъ, выражаетесь съ такимъ вѣрнымъ чувствомъ и такъ здравомысленно, какъ только можно. Ничто не можетъ быть справедливей, какъ такое благородное желаніе; и если я за нѣсколько минутъ передъ этимъ осмѣливался ошибиться въ васъ, за-то теперь испрашиваю у васъ совершенное прощеніе. Нѣтъ надобности говорить, миссъ, ги... ги... ваше вѣрное чувство и здравый смыслъ тому порукой... что, испрашивая прощенье, я не касаюсь того предмета... ги... ги... который вы сами уже рѣшили удовлетворительно.

Я, впрочемъ, должна сказать въ оправданіе мистера Гуппи, что раздраженіе дыхательнаго горла было слѣдствіемъ не грубости сердца, но того жалкаго положенія, котораго онъ самъ стыдился, и онъ отъ всей души радовался, что еще можетъ для меня что-нибудь сдѣлать.

— Если вы мнѣ позволите высказать все сразу, такъ, чтобъ снова не возвращаться къ тому, что ужь было говорено, начала я, замѣтивъ, что мистеръ Гуппи желаетъ опять вступить въ оправданіе:—то вы мнѣ сдѣлаете большое снисхожденіе, сэръ. Я пришла къ вамъ такъ таинственно потому, что не измѣняла и не хотѣла измѣнить вашей просьбѣ: держать въ секретѣ тѣ объясненія, которыя нѣкогда между

нами происходили. Богданъ, о которой я говорила, лишила меня всякаго опасенія прійти къ вамъ и откровенно изложить мою просьбу. Она единственно состоитъ въ томъ, что я вамъ ужъ высказала, и я увѣрена, что вы мнѣ позволите надѣяться на ея совершенное исполненіе.

Опять скажу въ оправданіе мистера Гуши, что онъ все болѣе и болѣе стыдился своего положенія и, радуясь, что можетъ быть для нея какъ-нибудь полезенъ, отвѣчалъ мнѣ :

— Клянусь честью, клянусь жизнью, клянусь душою, миссъ Семерсонъ, что до-тѣхъ-поръ, пока во мнѣ будетъ хотя одна капля крови, я буду стараться исполнять ваши желанія. Съ-этѣхъ-поръ я оставляю все мои розньски на вашъ счетъ, и если вамъ угодно, я готовъ сейчасъ же, въ присутствіи всѣхъ, произнести клятву. Повѣрьте, все, что я говорю въ настоящую минуту, произнесъ мистеръ Гуши скороговоркой : — я говорю истину, совершенную истину...

— Я совершенно вѣрю вамъ, сказала я, остановивъ его въ изліяніи клятвъ : — довольно; благодарю васъ отъ всего моего сердца. Кадди, я готова, моя милая!

Матушка мистера Гуши вышла съ Кадди изъ другой комнаты (клавая мнѣ радостно, улыбаясь и подмигивая) ; мы простились и пошли домой. Мистеръ Гуши проводилъ насъ до дверей съ видомъ человека, бредящаго или еще несомнѣннѣ-проснушагося, и, вытараща глаза, слѣдилъ за нами.

Но спустя минуту онъ побѣжалъ къ намъ безъ шляпы; вѣтеръ развѣвалъ его волосы; дойдя до насъ, онъ остановился и сказалъ съ жаромъ :

— Миссъ Семерсонъ, клянусь честью, вы можете на меня положиться.

— Я вамъ вѣрю, сказала я, вѣрю совершенно.

— Извините, миссъ, продолжалъ мистеръ Гуши, остановясь : — но такъ-какъ эта леди... гм... гм!.. ваша свидѣтельница... въ видахъ успокоенія вашей совѣсти... которую мнѣ бы хотѣлось видѣть въ совершенно-спокойномъ состояніи... еслибъ, миссъ, вы были такъ добры... и повторили при ней... гм... гм!.. то, о чемъ мы говорили... что составляетъ нѣкоторымъ образомъ...

— Кадди, сказала я, обращаясь къ ней : — я думаю, ты не будешь удивлена, если я скажу тебѣ, моя милая, что никогда не было никакого обѣщанія...

— Никакого предложенія вступить въ бракъ... прибавилъ мистеръ Гуши.

— Никакого предложенія вступить въ бракъ, повторила я : — со стороны этого джентльмена...

— Вильяма Гуппи, жительствоващаго въ Мидльсекской Части на Пентонской Площади въ Пентонвильскомъ Переулкѣ.

— Со стороны мистера Вильяма Гуппи, жительствоващаго въ Мидльсекской Части на Пентонской Площади въ Пентонвильскомъ Переулкѣ.

— Благодарю васъ, миссъ, говорилъ мистеръ Гуппи — Совершенно правильно... гм... гм!.. Извините, какъ имя и фамилія этой леди?

Я сказала.

— Онъ замужемъ, я полагаю? говорилъ мистеръ Гуппи. — Замужемъ.—Благодарю васъ. Каролина, дочь Желлиби, жена Тервейдропъ, жительство имѣеть въ Ньюманской Улицѣ, въ Оксфордскомъ Кварталѣ. Очень-обязанъ.

Онъ ушелъ домой, но потомъ опять прибѣжалъ назадъ.

— Что касается до этого пункта, то я долженъ сказать вамъ, что мои планы въ будущемъ, въ соединеніи съ тѣми обстоятельствами, которыя выше моей власти, препятствуютъ мнѣ возобновить то, что нѣсколько минутъ назадъ, было кончено между нами совершенно, говорилъ мистеръ Гуппи грустно и задумчиво:—дѣлать нечего. Вы сами знаете, что дѣлать нечего. Я вполне надѣюсь на васъ.

— Вы совершенно-правы, отвѣчала я.—Предметъ этотъ не допускаетъ сомнѣній.

— Благодарю васъ, миссъ Семерсонъ, благодарю васъ.

И мистеръ Гуппи снова побѣжалъ домой и снова вернулся назадъ.

— Это очень-великодушно съ вашей стороны, миссъ, очень-великодушно, говорилъ онъ:—еслибъ можно было воздвигнуть алтарь подѣ сънью дружбы... но клянущъ всѣмъ, что мнѣ дорого, вы можете полагаться на меня во всѣхъ отношеніяхъ, не касаясь только нѣжныхъ струнъ...

Борьба различныхъ ощущеній въ *измѣннической* груди мистера Гуппи, въ-особенности безчисленная бѣготня его отъ насъ къ собственной двери и обратно, съ растрепанными волосами, сильно-требовавшими стрижки, были немаловажной причиной, заставлявшей насъ удалиться поспѣшнѣе домой. И мы спѣшили; на сердцѣ у меня было легко, очень-легко; а мистеръ Гуппи долго еще стоялъ у двери и колебался: сбѣгать за нами, или нѣтъ?

ГЛАВА XXXIX.

Стряпчій и клиентъ.

Въ Канцелярской Улицѣ есть гостинница Саймонда; тамъ, на дверяхъ подѣ крупной надписью: НИЖНИЙ ЭТАЖЪ, виднѣется имя ми-

стера Волиса. Гостинница маленькая, поделѣнная, блѣдная, грязная; что въ родѣ большого грохота, съ двумя отдѣленіями и рѣшетомъ. Взглянешь на нее и подумаешь, что мистеръ Саймондъ былъ въ свое время порядочный кулакъ и построилъ гостинницу изъ стараго строительнаго матеріала, очень-знакомаго съ грязью, гниlostью и другими признаками вещественнаго разрушенія, способными упрочить память покойнаго стремленіемъ къ скорому наденію. Въ этомъ грязномъ мавзолеѣ, въ память Саймонда, видѣется юридическій гербъ мистера Волиса.

Контора мистера Волиса, отталкивающая по расположенію и оттолкнутая по положенію, находится въ углу и примыкаетъ къ глухой стѣнѣ. Узкій, грязный корридоръ, выстланный сучковатымъ поломъ, ведетъ къ черной, какъ сажа, двери мистера Волиса, въ темный уголъ, гдѣ не видать Божьяго свѣта и въ самый-яркій лѣтній день. Корридоръ перегороденъ черной балкой, отдѣляющей ходы въ подвальный этажъ, и объ эту балку запоздалые цивилисты вѣчно бьются лбами. Комната мистера Волиса такихъ малыхъ размѣровъ, что одинъ писецъ можетъ открыть дверь, не вставая съ своего стула, между-тѣмъ, какъ другой писецъ, сядышій съ первымъ за одной конторкой, локоть объ локоть, можетъ съ такою же удобностью, не приподымаясь, шевелить щипцами въ каминѣ. Запахъ какъ-будто отъ паршивой овцы, въ соединеніи съ запахомъ отъ плѣсени и пыли совершенствуется еще вечернимъ, а иногда и дневнымъ употребленіемъ сальныхъ свѣчъ для освѣщенія, и запахомъ отъ пергамена и кожъ, лежащихъ въ засаленныхъ ящикахъ. Вообще, атмосфера такъ хороша, что изъ рукъ вонъ. Человѣческая память не въ-состояніи запомнить, когда послѣдній разъ краснели комнаты, или отбѣливали потолки въ квартирѣ мистера Волиса. Оба каминна дымятъ страшно и вездѣ видѣны непроницаемый слой грязи и ржавчины. Побитыя, плохо-замазанная стекла въ своихъ тяжелыхъ рамахъ имѣютъ два замѣчательныя свойства: вѣчно-грязны и открываются не иначе, какъ съ большимъ усиленіемъ. Этимъ и объясняется феноменъ, что въ жаркое время лѣта, въ зубахъ каждой рамы торчитъ по полѣну.

Мистеръ Волисъ очень-почтенный человѣкъ. Дѣла его неважны; но онъ очень-почтенный человѣкъ. Великіе адвокаты, составившіе себѣ уже состояніе, или подвизающіеся только на поприщѣ обогащенія, считаютъ его очень-почтеннымъ человѣкомъ. Онъ не опуститъ изъ виду ни одного хорошаго случая — это первый шагъ къ почету. Онъ себѣ не позволяетъ никакихъ удовольствій — второй шагъ къ почету. Онъ молчаливъ и серьезенъ — третій шагъ къ почету. Пищевареніе его въ плохомъ состояніи — а это въ высшей степени почтительно. Онъ вездѣ

косить траву, гдѣ только можно, для трехъ своихъ дочерей и кормить еще отца, въ Таутонской Долинѣ.

Главный принципъ англійскаго законовѣдѣнія состоитъ въ томъ, чтобъ дѣлать дѣла для своей собственной пользы, и этотъ принципъ выполняется отчетливо, единственно, по всѣмъ кривымъ путямъ лабиринта, извѣстнаго подъ названіемъ: англійское судопроизводство. Смотри съ этой точки зрѣнія, оно кажется стройнымъ, связнымъ цѣлымъ, а не страшнымъ хаосомъ, какъ обыкновенно думаютъ о немъ непосвященные: Заставьте ихъ взглянуть въ истинномъ свѣтѣ на этотъ великій принципъ дѣлать дѣла для своей пользы насчетъ ближняго — и вѣрно они перестанутъ ворчать и глумиться.

Но, не понимая этого ясно, а рассматривая только вполонину избивчиво, непосвященные иногда страдаютъ въ своемъ спокойствіи и въ карманѣ, сердятся и ворчатъ. Тогда почтенность мистера Волиса торжественно ставится противъ нихъ, какъ охранительныя латы.

— Отмѣнить это постановленіе, сэръ? говоритъ мистеръ Кенджъ истерзанному кліенту: — отмѣнить его, дорогой мой сэръ? Я съ вами несогласенъ; я никакъ не могу раздѣлить этого мнѣнія. Поприте этотъ законъ, сэръ, и вы увидите, какое дѣйствіе произведетъ вашъ необдуманный поступокъ на классъ практикантовъ, имѣющихъ — да позволено мнѣ будетъ такъ выразиться — глубоко-достойнаго представителя въ лицѣ мистера Волиса, адвоката противной партіи? Сэръ, этотъ классъ практикантовъ стерся бы съ лица земли. Но вы не въ-состояніи перенести — я хочу сказать, что вся соціальная система не въ-состояніи перенести утрату такихъ людей, какъ мистеръ Волисъ. Прилежень, предусмотрителенъ, неутомимъ и точенъ. Дорогой сэръ мой, я понимаю ваши настоящія ощущенія, допускаю ваше негодованіе касательно современнаго состоянія дѣлъ; скажу болѣе: я понимаю, что оно вамъ должно быть нѣсколько-тяжело, но никогда я не могу возвысить моего голоса въ пользу уничтоженія цѣлаго класса людей, подобныхъ мистеру Волису.

Почтенность мистера Волиса была съ торжественнымъ, побѣждающимъ эффектомъ цитирована и въ парламентскихъ засѣданіяхъ, какъ сіе значитъ въ записи знаменитѣйшихъ адвокатовъ и въ нижеслѣдующемъ порядкѣ:

№ 517,869.

Вопросъ. Если я понимаю васъ, то эти формы судопроизводства причиняютъ замедленіе?

Отвѣтъ. Точно такъ-съ, нѣкоторое замедленіе.

Вопросъ. И трѣбуютъ большихъ расходовъ?

Отвѣтъ. Безъ-сомнѣнія, онѣ не могутъ быть выполнены безъ нѣкоторыхъ издержекъ.

Вопросъ. Причиняютъ несказанныя неудовольствія?

Отвѣтъ. Я не приготовился отвѣчать на этотъ вопросъ; но что касается до *меня*, то *мнѣ* онѣ никогда никакого неудовольствія не причиняли; совсѣмъ напротивъ.

Вопросъ. Такъ вы полагаете, что уничтоженіе этихъ формъ повлечетъ за собою уничтоженіе цѣлаго класса практикантовъ?

Отвѣтъ. Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія.

Вопросъ. Можете ли вы указать на одного изъ представителей этого класса?

Отвѣтъ. Могу. Напримѣръ, мистеръ Волисъ: онъ совершенно разорится.

Вопросъ. Мистеръ Волисъ считается въ ихъ профессіи почтеннымъ человѣкомъ?

Отвѣтъ (уничтожающій всѣ вопросы по-крайней-мѣрѣ на десять лѣтъ). Мистеръ Волисъ считается въ ихъ профессіи *очень*-почтеннымъ человѣкомъ.

Такъ въ откровенныхъ разговорахъ частные авторитеты, неменѣе-безкорыстные генеральныхъ авторитетовъ, утверждаютъ, что они не понимаютъ куда идетъ вѣкъ; что люди бѣгутъ безъ оглядки и скользятъ надъ пропастью; что головы у нихъ не на мѣстѣ; что эти перемѣны пахнутъ смертью такимъ людямъ, какъ мистеръ Волисъ: это человѣкъ, который обладаетъ несомнѣнными достоинствами, отцомъ въ Таутоиской Долинѣ и тремя дочерьми дома. Сдѣлайте еще шагъ въ этомъ несчастномъ направленіи, говорятъ они, и мы спрашиваемъ васъ: что будетъ съ отцомъ Волиса? Что жь ему прикажете: умереть съ голоду? А что жь будетъ съ дочерьми Волиса? Прикажете имъ идти въ швейки или въ гувернантки?..... «То-есть точь-въ-точь разсуждаютъ такъ, какъ будто-бъ мистеръ Волисъ и вся его родня были никто другіе, какъ людоеды, которыхъ предлагается истребить. Въ-самомъ-дѣлѣ, всѣ умозаключенія ихъ сводятся къ одному: какъ можно истребить племя людоедовъ! Попробуйте сдѣлать людоедство дѣломъ незаконнымъ и вы погубите всѣхъ Волисовъ. (*) Какъ это возможно!..

(*) Для поясненія этого мѣста, напомнимъ читателямъ, что англійское судопроизводство, изобильное рѣчами адвокатовъ, въ рукахъ которыхъ законы служатъ только орудіемъ прижимокъ, взятокъ и всевозможныхъ злоупотребленій, встрѣчало во всѣ эпохи цивилизаціи значительную оппозицію со стороны людей здравомыслящихъ; но вся эта оппозиція, мнѣнія которой раздѣляетъ и авторъ, опровергалась правомъ сильного или давностью и вообще аргументами, приведенными авторомъ въ этой главѣ.

Однимъ словомъ мистеръ Волисъ, его три дочери и отецъ въ Таунтонской Долинѣ служатъ предохранительными столбами, подпирающими зданіе, готовое рухнуть съ минуты на минуту. И у многихъ людей, при многихъ обстоятельствахъ, всегда вертится на языкѣ вопросъ, что будетъ съ Волисами, какія постигнутъ ихъ бѣдствія, или что они могутъ выиграть? но никогда и никто не заботится замѣнить зло добромъ.

Лорд-канцлеръ, десять минутъ назадъ, окончилъ послѣднее засѣданіе и начался длинная вакаціи. Мистеръ Волисъ, его молодой кліентъ, нѣсколько синихъ нѣшковыхъ, поспѣшно набитыхъ бумагами и утратившихъ свою правильную форму, какъ змѣи, только-что нажавшіяся, возвратились въ свой оффиціальныи вертепъ.

Мистеръ Волисъ, покойный, неизмѣнный, какъ и слѣдуетъ быть человѣку съ такимъ почетомъ, какъ онъ, медленно снимаетъ свои черныя узкія перчатки, словно кожу съ своихъ рукъ, снимаетъ свою узкую шляпу, словно черепъ съ своей головы, и почтенно садится за свою конторку. Кліентъ срываетъ свои перчатки, швыряетъ шляпу куда-то въ уголь, мало заботясь куда; бросается въ кресло, ворча и едва переводя духъ, склоняетъ свою горячую голову на ладонь и смотритъ точь-въ-точь какъ статуя отчаянія.

— Опять ничего не сдѣлано, говоритъ Ричардъ: — это ужасно!

— Не говорите, что ничего не сдѣлано, отвѣчаетъ хладнокровный Волисъ: — это нехорошо, сэръ, несправедливо, сэръ!

— Что жъ сдѣлано? что жъ сдѣлано? спрашиваетъ Ричардъ, мрачно смотря на него.

— Быть-можетъ вашъ вопросъ не такъ поставленъ, отвѣчаетъ Волисъ: — быть-можетъ, вамъ надо спрашивать: что дѣлается, что дѣлается?

— Что жъ дѣлается? говоритъ нетерпѣливый кліентъ.

Волисъ сидитъ, держа руки на конторкѣ, въ покойномъ расположеніи духа; онъ занимается соединеніемъ оконечностей пальцевъ правой руки съ оконечностями пальцевъ лѣвой руки; смотритъ пристально и внимательно на своего кліента и отвѣчаетъ ему:

— Много, много дѣлается, сэръ. Мы приложили наши плечи къ колесу, мистеръ Карстонъ, и колесо вертится.

— Да, только колесо-то кажется зубчатое, говоритъ мистеръ Карстонъ. — Что я теперь буду дѣлать эти четыре или пять проклятыхъ мѣсяцевъ? продолжаетъ онъ, вскакивая со стула и прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Мистеръ Карстонъ, отвѣчаетъ Волисъ, не спуская глазъ съ своего кліента: — вы человекъ очень-пылакаго темперамента и это меня за васъ пугаетъ. Извините меня, если я позволю себѣ дать вамъ совѣтъ быть похладнокровнѣе, потерпѣливѣе, не такъ горичиться: вы вѣдь этииъ только портите себѣ кровь, здоровье ваше слабѣетъ...

— То-есть однимъ словомъ: подражать вамъ—не такъ ли? мистеръ Волисъ, говоритъ Ричардъ, садясь опять въ кресло съ сардоническимъ смѣхомъ и топая ногами о безцвѣтный коверъ.

— Сэръ, отвѣчаетъ мистеръ Волисъ, смотря на своего кліента, точно съ такимъ же взглядомъ, какъ голодный коршунъ смотритъ на пыленка: — сэръ, говоритъ онъ своимъ задыхающимся голосомъ и съ безкровнымъ спокойствіемъ:—я не имѣю претензіи считать себя образцомъ для подражанія вамъ, или кому бы то ни было. Все мое желаніе состоятъ только въ томъ, чтобъ оставить моимъ тремъ дочерямъ незапятнанное имя. Съ меня этого достаточно: я не заносчивъ, сэръ. Но такъ-какъ вы, мистеръ Карстонъ, указываете на меня, я готовъ сознаться, что я желалъ бы удѣлить вамъ частицу моего спок... вижу, вы хотите сказать моей нечувствительности... пожалуй, сэръ, извольте, моей нечувствительности... такъ я бы желалъ удѣлить вамъ, сэръ, частицу моей нечувствительности.

— Мистеръ Волисъ, оправдывается кліентъ, слегка покраснѣвъ:— я не имѣю намѣренія укорять васъ въ нечувствительности.

— Быть-можетъ, безъ намѣренія, но вы укоряете, отвѣчаетъ равнодушный Волисъ: — и очень-натурально. Обязанность моя состоятъ въ томъ, чтобъ блюсти за вашими интересами съ полнымъ присутствіемъ духа; слѣдовательно я долженъ быть хладнокровенъ, и понимаю, что въ подобныя минуты я долженъ казаться вамъ, человеку взволнованному и разстроенному, существомъ безчувственнымъ. Дочери мои знаютъ меня лучше. Престарѣлый отецъ мой знаетъ меня вѣрнѣе. Но они знаютъ меня больше времени чѣмъ знаете вы, и доврчивое око любви непохоже на подозрительное око дѣловаго человека. Я впрочемъ, не хочу этимъ сказать, чтобъ дѣловые люди были подозрительны — совсѣмъ нѣтъ. Я блюду за вашими интересами и желаю, чтобъ всѣ неудачи падали на меня—да, единственно на меня. Но ваши интересы требуютъ, чтобъ я былъ хладнокровенъ и методиченъ, мистеръ Карстонъ, и я не могу быть иначе; да, сэръ, не могу даже изъ угожденія вамъ.

Мистеръ Волисъ, взглянувъ на конторскую кошку, сторожившую терпѣливо мышъ у одной изъ щелей пола, устремляетъ свой чарующій взглядъ на молодаго кліента и начинаетъ своимъ заглохнувшимъ

полуголосомъ, какъ-будто-бы въ немъ торчалъ какой-то нечистый духъ, который нейдетъ ни назадъ, ни впередъ :

— Вы спрашиваете, сэръ, что вы будете дѣлать во время длинныхъ вакацій? Я надѣюсь, что вашъ-братъ, молодой офицеръ, найдетъ много себѣ развлеченій, если только захочетъ. Если бы вы спросили меня, чѣмъ я буду заниматься въ эти дни, я могъ бы вамъ отвѣтить положительно, что буду блюсти за вашими интересами; я буду постоянно здѣсь и день и ночь слѣдить за ними. Это моя обязанность, мистеръ Карстонъ, и вакаціи ли, судейскій ли терминъ, для меня безразлично все-равно. И если вамъ надо посоветоваться со мной касательно вашихъ дѣлъ, вы меня всегда найдете здѣсь къ вашимъ услугамъ. Другіе адвокаты выѣзжаютъ изъ города. Я не выѣзжаю, сэръ. Не то, чтобъ я осуждалъ ихъ за желаніе провести лѣто на дачѣ—нѣтъ, я только говорю: я не дѣлаю изъ города ни шагу. Эта конторка—ваша скала, сэръ.

Мистеръ Волисъ ударяетъ рукой по верхней доскѣ конторки и она издаетъ глухой, гробовой звукъ. Впрочемъ, на ухо мистера Ричарда Карстона этотъ звукъ производитъ успокоительное дѣйствіе и мистеръ Волисъ, надо думать, не сомнѣвается въ этомъ.

— Я совершенно-убѣжденъ, мистеръ Волисъ, говоритъ Ричардъ болѣе-дружескимъ и болѣе-веселымъ голосомъ : — что на свѣтѣ нѣтъ человѣка обязательнѣе васъ и что имѣть дѣло съ вами, значитъ имѣть дѣло съ такимъ человѣкомъ, который не требуетъ за собой присмотра. Но поставьте себя на мое мѣсто; вообразите себя въ этомъ аду, гдѣ все глубже и глубже погружаешься въ пропасть, гдѣ постоянно надеешься и постоянно надежды лопаются одна за другой; гдѣ замѣчаешь, что съ каждымъ днемъ становишься хуже и хуже и что улучшенія нѣтъ ни въ чемъ— и тогда вы увидите все въ черномъ свѣтѣ, какъ иногда вижу я.

— Вы знаете, говоритъ мистеръ Волисъ: — что я, сэръ, никогда не подаю надеждъ. Я вамъ сказалъ съ перваго дня нашего знакомства: мистеръ Карстонъ, не ожидайте отъ меня надеждъ, въ-особенности въ такомъ дѣлѣ, гдѣ большая часть проторей и убытковъ должна быть покрыта капиталомъ, оспариваемымъ процессомъ, я бы поступилъ безчестно, еслибъ вздумалъ подавать надежды. Со стороны можно было бы заподозрить меня въ корыстолюбіи. Однакожь, если вы говорите, что нѣтъ никакой перемѣны къ-лучшему, то я не могу удержаться; чтобъ не опровергнуть васъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? воскликнулъ Ричардъ радостно:—какъ же вы меня опровергнете?

— Мистеръ Карстонъ, вы опираетесь на...

— На скалу, какъ вы только-что сказали.

— Да, сэръ, точно такъ, говоритъ мистеръ Волисъ, заскочивъ кивая головой и постукивая по верхней доскѣ конторки, которая издастъ гробовай звукъ и какъ-будто говорить: пепелъ на пепелъ, прахъ на прахъ:— да-съ, мистеръ Карстонъ, на скалу, а это что-нибудь да значить. Вы дѣйствуете самостоятельно и не спутаны видами другихъ. И это что-нибудь да значить. Дѣло не дремлетъ; мы его шевелимъ, провѣтриваемъ, подталкиваемъ. И это, надѣюсь, что-нибудь да значить. Теперь процессъ Жаридиса не столько по дѣлу, сколько по имени — и это что-нибудь да значить. Никто не можетъ забросить его умышленно или по нерадѣнію—и это, разумѣется, что-нибудь да значить.

Ричардъ, всныхиваеъ мгновенно и ударяеъ сжатымъ кулакомъ по верхней доскѣ конторки.

— Мистеръ Волисъ! говоритъ онъ, еслибъ тогда, какъ я впервые вступилъ подъ крышу мистера Жаридиса, нашелся человекъ, который захотѣлъ увѣрить меня, что мистеръ Джонъ Жаридисъ не то, чѣмъ онъ кажется, что мистеръ Джонъ Жаридисъ не лишентъ эгоистическихъ интересовъ, клянусь, я бы не нашелъ достаточно-рѣзкихъ выраженій, чтобъ заставить молчать клеветника; горячо бы заступился я за мистера Джона Жаридиса — такъ мало понималъ я свѣтъ, такъ плохо зналъ я людей, между-тѣмъ, какъ теперь я говорю вамъ прямо: мистеръ Джонъ Жаридисъ, въ моихъ глазахъ, есть истинная причина процесса; и всякое замедленіе по дѣлу, всякая неприятность по Оберканцеляріи заставляеъ меня болѣе-и-болѣе ненавидѣть этого человека и думать, что все это дѣло рукъ его.

— Нѣтъ, нѣтъ, сэръ, говоритъ мистеръ Волисъ:—не говорите этого. Мы все должны вооружиться терпѣніемъ. Съ другой стороны, я не люблю злословить, сэръ; я никогда не злословлю, сэръ.

— Мистеръ Волисъ, отвѣчаеъ взбѣшенный клиентъ:—вы знаете такъ же хорошо, какъ и я, что онъ бы забросилъ процессъ, еслибъ только могъ.

— Онъ былъ недѣятеленъ, замѣчаеъ мистеръ Волисъ съ негодованіемъ:—да, онъ былъ недѣятеленъ. Но быть-можетъ, онъ имѣлъ дружелюбныя побужденія. Кто можетъ читать въ сердцѣ человѣческомъ, мистеръ Карстонъ?

— Вы можете, отвѣчаеъ Ричардъ.

— Я, мистеръ Карстонъ?

— Да, вы знаете, въ чемъ состояли его умыслы. Сталкивались наши интересы, или нѣтъ? Отвѣчайте мнѣ на этотъ вопросъ, говоритъ Ри-

чардъ, сопровождая слова свои тремя ударами кулака о скалу своихъ упований.

— Мистеръ Карстонъ, отвѣчаетъ Волисъ, неподвижный ни на волосъ и немигающій своими жадными глазами: — я бы преступилъ свои обязанности, обязанности вашего стряпчаго и совѣтника по дѣлу, я бы измѣнилъ справедливости, еслибъ выставлялъ ваши интересы тождественными съ интересами мистера Жарндиса. Нѣтъ, они не тождественны, сэръ. Я не вдаюсь въ причины нетождественности. Я, мистеръ Карстонъ, имѣю отца, самъ отецъ, и не мое дѣло вдаваться въ причины; но я не могу отступить отъ моихъ официальныхъ обязанностей; не могу кривить передъ долгомъ, еслибъ даже прямота моя и могла пестѣть семейный раздоръ. Я понимаю, что вы хотите знать мое мнѣнiе, мнѣнiе адвоката, и я вамъ говорю прямо, что ваши интересы нетождественны съ интересами мистера Жарндиса.

— О я это знаю навѣрное! вскричалъ Ричардъ: — я знаю, что вамъ это давно извѣстно.

— Мистеръ Карстонъ, отвѣчаетъ Волисъ: — я не имѣю привычки говорить о третьемъ лицѣ больше, чѣмъ нужно. Я хочу сохранить имя свое незамысловатымъ также, какъ составить трудомъ неусыпнымъ тремъ дочерямъ моимъ, Эмилѣ, Джени и Каролинѣ, кусокъ насущнаго хлѣба. Также я стремлюсь къ тому, чтобъ не прерывать дружественныхъ отношенiй съ своими юридическими собратами. Когда мистеръ Скимполь доставилъ мнѣ честь, сэръ—я не прибавляю эпитетовъ къ этому слову, я не говорю высокую честь, сэръ, потому—что не люблю вдаваться въ предѣлы лести — и познакомилъ меня съ вами: я вамъ говорилъ въ этой самой комнатѣ съ полной откровенностью, что дотогдѣ не могу высказать вамъ своего мнѣнiя, доколѣ будетъ руководить вами другой юридическiй братъ мой. И я говорилъ вамъ по долгу совѣсти, говорилъ такъ, какъ долженъ былъ говорить о конторѣ Кенджа и Корбала, столь высоко—стоящей въ общественномъ мнѣнiи. Вы, сэръ, сочли лучшимъ довѣрить ваши интересы мнѣ. Вы отдали мнѣ ихъ руками, сэръ, и я принялъ ихъ руками. Ваше дѣло, сэръ, стоитъ теперь въ этой конторѣ на первомъ планѣ. Мои пищеварительныя отправленiя, какъ вы, я думаю, не разъ отъ меня слышали, находятся не въ исправности; покой, можетъ—быть, улучшилъ бы ихъ, но я, сэръ, не могу предаваться покою въ то время, пока на меня возложена обязанность защищать ваши права. Гдѣ бы я ни понадобился вамъ, вы всегда можете сыскать меня здѣсь. Требуйте меня всюду и я всюду явлюсь. Время длинныхъ вакацiй, сэръ, я посвящаю на болѣе—глубокое изученiе вашихъ интересовъ и упрочу возможность повернуть все (не исключая

и лорда-канцлера) послѣ нихайлова террина, и если я наконецъ поздравлю васъ, сэръ, говорить мистеръ Волисъ съ строгостью опредѣлительнаго субъекта:—если я наконецъ поздравлю васъ, сэръ, отъ всего моего сердца, съ достиженіемъ вашей дѣли — что, я могъ бы сказать вамъ точнѣе, только не люблю подавать надеждъ — вы не будете обижаны ниѣ ничѣмъ, кромѣ нѣкотораго маленькаго разсчета, не включая сюда того процента, который уступается обыкновенно клиентомъ въ пользу адвоката съ выиграннаго капитала. Я буду просить тогда васъ, мистеръ Карстонъ, не забыть ревностнаго и дѣятельнаго участія, которое я принималъ по вашему процессу; я не думаю о правильности и вѣрности веденія дѣла: это моя юридическая обязанность, сэръ. По окончаніи этого дѣла благополучно, все кончится между нами.

Волисъ, прибавляетъ въ родѣ *nota bene* къ этой деклараціи своиѣ принципы, что такъ-какъ мистеръ Карстонъ изволитъ отправляться къ своему полку, то не благоугодно ли будетъ ему удостоить его преданнаго адвоката билетикомъ въ двадцать фунтовъ стерлинговъ на имя своего агента.

— Потому-что въ послѣднее время было нѣсколько консультаціи по дѣлу и необходимыхъ справокъ, замѣчаетъ мистеръ Волисъ, переворачивая листы своей записной книги:—а эти вещи требуютъ довольно-значительныхъ расходовъ; я же далеко не капиталистъ. Когда мы только-что вступили въ настоящія наши отношенія, я сказалъ вамъ открыто: мой непреложный принципъ, чтобъ адвокатъ съ своимъ клиентомъ былъ совершенно-откровененъ; что я далеко не капиталистъ, и если капиталъ стряпчаго имѣетъ въ глазахъ вашихъ цѣну, то вамъ лучше оставить бумаги ваши въ конторѣ мистеровъ Кенджа и Корбая. Да, мистеръ Карстонъ, здѣсь, въ этой конторѣ, вы не найдете ни тѣхъ выгодъ, ни тѣхъ невыгодъ, которыя сообщаетъ капиталъ. Это (и мистеръ Волисъ ударяетъ еще разъ по верхней доскѣ своей конторки, издающей глухой звукъ) ваша скала — и только!

Молодой клиентъ, неприятное расположеніе духа котораго нечувствительно смѣнилось эемерными надеждами, беретъ перо и чернила и пишетъ обязательство въ двадцать фунтовъ стерлинговъ; не безъ нѣкотораго колебанія думаетъ онъ, какимъ числомъ закрѣпить свою бумажку—явный признакъ, что агентъ его подозрительнымъ глазомъ посмотритъ на эту рукопись. Во все это время мистеръ Волисъ, замкнутый и тѣломъ и духомъ, слѣдитъ за нимъ внимательно. Во все это время конторская кошка мистера Волиса сторожитъ мышъ у половой щели.

Наконецъ клиентъ, пожимая руку мистеру Волису, умоляетъ его ради неба и земли употребить все свое стараніе къ благополучному

окончанію оберканцелярскаго процесса. Мистеръ Волисъ, субъектъ, неподходящій никогда надеждъ, помещаетъ ладонь свою на плечо кліента и говоритъ съ улыбкой:

— Вѣчно здѣсь, сэръ, вѣчно за вашимъ дѣломъ. Лично, или чрезъ письмо ниште меня здѣсь, сэръ, плечомъ къ колесу.

Такъ разстаются они и Волисъ, оставшись одинъ, занимается выборкою нѣкоторыхъ мелочей изъ своей записной книги въ расходную книгу, въ пользу своихъ трехъ дочерей; и сидитъ онъ за своей работой, словно хитрая лисица, или медвѣдь, слѣдящій однимъ глазомъ за курами, или заблудившимся профѣжнимъ, а другимъ—дающій знать своимъ дѣтенышамъ о своихъ замыслахъ.

Впрочемъ, это говоритья не съ тѣмъ, чтобъ обидѣть трехъ, сыролицыхъ, поджарыхъ, своекорыстныхъ красавицъ, обитающихъ подъ сѣнью дѣдушки въ смрадномъ домишкѣ, лежащемъ въ сыромъ саду въ Кеннингтонѣ.

Ричардъ, удаляясь изъ непроницаемой тѣни Саймондской Гостинницы въ свѣтъ Канцелярскаго Переулка (сегодня лучамъ солнца удалось разсѣять его мракъ), задумчиво идетъ подъ тѣнью деревьевъ Линкольнскаго Сквера. Дѣ, трепетная тѣнь отъ листьевъ этихъ деревьевъ часто падаетъ на понурия головы, огрызенныя ногти, мрачный глазъ, неровную поступь, безцѣльный, сонный взглядъ, тягостную, вывороченную жизнь. Ричардъ еще несовсѣмъ-изношенъ Оберканцеляріей; но она, разужбется, доноситъ его до послѣдней нитки; ничто не можетъ выйдти цѣлымъ изъ-подъ ея ежовыхъ сѣтей.

Пока Ричардъ идетъ грызя ногти и думая крѣпкую думу подъ тѣнью Линкольнскаго Сквера, двѣ пары глазъ, свойственныя извѣстнаго рода субъектамъ, не теряютъ его изъ виду. Владѣтели этихъ глазъ мистеръ Гуппи и мистеръ Вивль; опершись на довольно-низкую каменную балюстраду, толкуютъ они о жертвѣ Оберканцеляріи, а жертва проходить мимо ихъ, упорно смотря подъ ноги и не замѣчая своихъ критиковъ.

— Вильямъ Г. говоритъ мистеръ Вивль, поглаживая свои бакенбарды:—посмотри, братецъ, тутъ вѣдь есть самосгораніе, то-есть, понимаешь, не мгновенное, а, знаешь, этакое, медленное самосгораніе.

— Гм! говорить мистеръ Гуппи:—запутался бѣдняжка; чай по уши въ долгахъ. Я его мало знаю. Онъ всегда, изволишь видѣть, держалъ себя такъ высоко, какъ монументъ. Я радъ, что мы отъ него избавились... Такъ вотъ что Тонни, они все занимаютъ попрежнему...

И Мистеръ Гуппи переиъняетъ положеніе рукъ, прислоняется опять къ каменной балюстрадѣ и вообще держитъ себя какъ человѣкъ, имѣющій начать очень-интересный разговоръ.

— Такъ они, сэръ, занимаются все попрежнему, вытаскиваютъ всякій хламъ изъ подвала, разбираютъ бумаги. Если они будутъ такъ копаться надъ этими дрязгами, то имъ потребуется по-крайней-мѣрѣ лѣтъ семь.

— А Смоль пособляетъ имъ?

— Да онъ отъ насъ ушелъ. Онъ сказалъ Кенджу, что дѣла дѣдушки требуютъ его непремѣннаго присутствія; что дѣдушка очень-старъ и дряхлъ и тому подобное. Мы какъ-то съ нимъ нѣсколько по-разладились. Я ему намекнулъ объ этомъ; онъ говоритъ, что мы съ тобой виноваты, и правъ, бестія: мы дѣйствительно съ тобой поступили тутъ несовсѣмъ-чисто. Дѣлать нечего, я опять съ нимъ сталъ на прежнюю ногу и такимъ-образомъ узналъ чѣмъ они занимаются.

— Ты туда не заглядывалъ?

— Тонни, говоритъ мистеръ Гуппи, нѣсколько озадаченный: — не скрывая отъ тебя ничего, скажу тебѣ прямо: меня немного тянетъ къ этому проклятому дому, въ-особенности когда я одинъ; съ тобой вмѣстѣ — еще туда-сюда; вотъ потому-то я и предлагаю тебѣ сходить вмѣстѣ за твоими вещами. Слышишь, ужъ часъ бѣтъ? Тонни, продолжаетъ мистеръ Гуппи становясь таинственнымъ и нѣжно-краснорѣчивымъ:—необходимо, чтобъ я напечатлѣлъ въ твоемъ умѣ еще разъ, что обстоятельства, которыя выше моей власти, совершили грустные переиъны въ тѣхъ планахъ будущаго... Я ихъ нѣжно лелѣялъ въ сердцѣ моемъ и въ моихъ невозданномъ образѣ, о которомъ я говорилъ тебѣ какъ другу. Образъ этотъ исчезъ; идолъ нисшелъ съ своего престола. Единственное желаніе мое нынѣ состоитъ только въ томъ, чтобъ тотъ предметъ, на который съ помощью такого друга, какъ ты, я старался бросить лучи справедливости — покинуть, предать окончательному забвенію. Какъ ты думаешь, ты, который зналъ этотъ скрытый капризный характеръ еущества, подвергшагося мгновеннымъ *элементамъ*, я спрашиваю тебя: какъ ты думаешь, другъ мой Тонни, вѣрно ли предположеніе наше, что эти письма, которыя составляли цѣль нашихъ желаній, исчезли съ ними вмѣстѣ, или, быть-можетъ, они не подверглись тѣмъ же мгновеннымъ *элементамъ* и остались гдѣ-нибудь въ скрытомъ мѣстѣ?

Мистеръ Вивль размышляетъ нѣсколько минутъ, мотааетъ головой отрицательно и виолнѣ убѣжденъ, что предположеніе ихъ вѣрно.

— Тонни, говоритъ мистеръ Гуппи, идя по двору: — будь другомъ

и войны моя правильно. Не входя въ мелкія подробности, я повторяю тебѣ, что Idaho ужь нѣтъ. Теперь единственная цѣль моя: все предать забвенію. Я на это рѣшился; къ этому побуждаютъ меня моя совѣсть, несведнній Idaho и обстоятельства, которыя выше моей власти. Вотъ какъ, если ты покажешь мнѣ знакомъ, мановеніемъ глаза, движеніемъ руки, что въ твоей комнатѣ находятся бумаги, сколько-нибудь похожія на тѣ нисъма, то клянусь тебѣ, сэръ, я ихъ тотчасъ брошу въ огонь, принимая всю отвѣтственность на себя.

Мистеръ Вивль киваетъ утвердительно головой. Мистеръ Гуппи, поднятый высоко въ своемъ собственномъ мнѣніи, тѣмъ полуюридическимъ, полуроманическимъ изложеніемъ дѣла передъ лицомъ своего друга (этотъ джентльменъ, какъ извѣстно, имѣетъ страсть выражаться въ формѣ допроса, или въ формѣ парламентской рѣчи) сопровождаетъ мистера Вивля съ особеннымъ достоинствомъ къ дому самосгорѣвшаго канцлера.

Тамъ небывалая суматоха. Каждое утро, въ восемь часовъ аккуратно, принесется дѣдушка Смольвидъ на новое пепелище; съ нимъ вмѣстѣ принесется и бабушка Смольвидъ въ-сопровожденіи Юдионъ и Барта, и каждый день регулярно остаются они въ этой труппѣ до девяти часовъ вечера, подкрѣпляя себя скудною пищею изъ сосѣдней мелочной лавочки, копышатся, возятся, чистятъ, моютъ, вытаскиваютъ оставшія послѣ покойника сокровища, и держать все въ такомъ секретѣ, что весь дворъ, вѣчно-любопытельный, начинаетъ сходить съ ума. Ему мерещатся чайники съ гниесами, пуншевыя вазы съ кронами, тюфяки и подушки, набитые банковыми билетами Англіи; и вотъ запасается онъ грошевою книжкою (съ ярко-нарисованнымъ фронтисписомъ), въ которой «съ достовѣрностію изображена исторія пресловутаго мистера Даніеля Денсера» и его любезной сестрицы, равно какъ и книжицей о мистерѣ Элизѣ, урожденцѣ Суффолька, и примѣриваетъ да прилаживаетъ всѣ эти достовѣрные сказанія, почерпнутыя изъ книжиць, къ мистеру Крку. Дважды призывается мусорщикъ и отвозитъ въ сборное мѣсто нечистотъ кучу старыхъ бумагъ, битыхъ бутылокъ и всякаго хлама, и съ любопытствомъ выбѣгаютъ надворные жители, суютъ носы въ каждую корзину битомъ-набитую всякими дряггами и отходятъ назадъ, нахлобачившись пыли и не удовлетворивъ своего любопытства. Два джентльмена, неочень-чистые относительно обшлаговъ и пуговиць, отложили въ сторону прожорливыя перышки и шолковую бумагу и шныряютъ взадъ и впередъ по сосѣдству отдѣльно, потому-что товарищество ихъ, за невнѣніемъ общихъ интересовъ, прекратилось. Гостинница Солнца не опускаетъ изъ виду пригнѣнить современиыя событія къ вечернимъ гармо-

ническими миттингамъ. Маленькій Свилльсъ, въ качествѣ таланта первой руки, съ громаднымъ успѣхомъ, какъ вдохновенный пѣта, пересмѣиваетъ свои домодѣльные произведенія остроумнѣйшими замѣчаніями о наслѣдствѣ послѣ умершаго канцлера; даже сама миссъ М. Мельманзонъ въ возобновленной каледонской мелодіи вытягиваетъ арію о любви собакъ къ разнаго рода пойламъ (какой бы крѣпости они ни были) съ такими руладами, съ такимъ киваньемъ головы на сосѣднюю дверь, что всѣ аплодирующіе ей тотчасъ понимаютъ намѣкъ на любовь мистера Смольвида удить деньгу и съ шумнымъ восторгомъ кричатъ : *bis, bis, bis!* Но тѣмъ не менѣе надворное народонаселеніе не подвигается ни на шагъ къ открытію тайнъ, о чемъ мистриссъ Перкинсъ и мистриссъ Пайперъ имѣютъ сообщить, не безъ нѣкоторыхъ *nota bene*, преждемъ жильцу, появленіе котораго производитъ всеобщее удовольствіе, похожее нѣкоторымъ образомъ на насмѣшку.

Мистеръ Вивль и мистеръ Гуппи, предметы общаго вниманія всѣхъ жильцовъ, питающихъ къ нимъ высшую степень уваженія, стучатся у запертой двери покойнаго мистера Крука; дверь, противъ ожиданія всѣхъ жильцовъ, отпирается юридическимъ друзьямъ и это обстоятельство измѣняетъ уваженіе на дурное мнѣніе о такихъ высокихъ джентльменахъ.

Ставни дома почти всѣ притворены, а въ нижнемъ этажѣ такъ темно, что горять свѣчи. Молодой мистеръ Смольвидъ вводитъ друзей за прилавокъ; сначала они ничего не видятъ, кромѣ мрака и тѣней; во, по мѣрѣ расширенія своихъ зрачковъ, начинаютъ отличать мистера Смольвида—дѣдушку; онъ сидитъ въ своемъ креслѣ надъ ямою или, лучше сказать, надъ могилою, наполненною разными бумагами и тряпьемъ; въ этой могилѣ роется, какъ опытный могильщикъ, дѣвственная Юдиъ; воодаль, на полу, сидитъ бабушка Смольвидъ, заваленная разнымъ хламомъ, разной макулатурой; повидимому она получила эти подарки отъ своего любезнаго супруга впродолженіе дня, доставляя ему случай швырять ими себѣ въ голову, цѣлыми пучками за-разъ. Все общество, не исключая и Смоля, покрыто слоемъ пыли и грязи и имѣетъ какой-то демонскій видъ. Въ комнатѣ больше хлама и дрязговъ, чѣмъ было прежде, и она кажется еще грязнѣе чѣмъ была; къ-тому же буквы, которыми исписаны стѣны покойникомъ, даютъ всему какой-то заколдованный характеръ.

При входѣ посѣтителей мистеръ Смольвидъ и нравственная Юдиъ мгновенно скрещиваютъ на груди руки и прекращаютъ свои разъяскіи.

— Ага! стоить почтенный старичокъ : — какъ ваше здоровье джентльмены? Пришли за вашими вещами, мистеръ Вивль? Очень-ло-

рошо, очень-хорошо, сэръ. Ха, ха, ха! Мы бы пожалуй ихъ продали, чтобъ выручить кой-что за квартиру; хорошо, что вы пришли въ срокъ. Надѣюсь, что вы здѣсь совершенно какъ дома. Очень-радъ, что вижу васъ, очень-радъ!

Мистеръ Вивль благодарить его и между тѣмъ обращаетъ глаза направо и на-лѣво. Глазъ мистера Гуппи слѣдитъ за глазомъ мистера Вивля; глазъ мистера Вивля, принявъ прежнее направленіе, остается при прежней бессмысленности. Глазъ мистера Гуппи встрѣчается съ глазомъ мистера Смольвида; этотъ любезный джентльменъ все еще ворчитъ, какъ какой-нибудь инструментъ, которому приближается срокъ завода. — Какъ ваше здорье, сэръ... какъ ваше здорье... какъ ваше... какъ... и, сойдя наконецъ съ завода, впадаетъ въ шипящее молчаніе. Въ это время мистеръ Гуппи ошеломленъ присутствіемъ мистера Телькингорна. Знаменитый адвокатъ стоитъ передъ нимъ въ темномъ углу, заложивъ за спину руки.

— Мистеръ Телькингорнъ такъ добръ, что взялся быть моимъ адвокатомъ, говоритъ дѣдушка Смольвидъ : — разумѣется я не гожусь въ кліенты такого джентльмена, но онъ очень-добръ, очень-добръ.

Мистеръ Гуппи побуждаетъ легкимъ толчкомъ своего друга, осмотрѣть вокругъ еще разъ и отвѣшиваетъ мистеру Телькингорну очень-неловкій поклонъ. Знаменитый адвокатъ отвѣчаетъ ему легкимъ киваньемъ головы, стойтъ-себѣ по-прежнему, устремивъ на нихъ свой взоръ, какъ-будто ему только и дѣла, что любоваться такими зрѣлищами.

— Большое имущество, сэръ, я думаю? говоритъ мистеръ Гуппи дѣдушкѣ Смольvidу.

— По-большей-части все хламъ и тряпье, дорогой другъ мой! хламъ и тряпье! Я, Бартъ и внучка моя Юдишь рылись, рылись, чтобъ отыскать кой-что годное въ продажу — ни зги нѣтъ. Все хламъ, да дрянъ, дрянъ... дрянъ!

Мистеръ Смольвидъ опять сошелъ съ завода. Глазъ мистера Вивля, побуждаемый глазомъ мистера Гуппи, опять пошелъ бродить направо и налѣво.

— Незачѣмъ намъ утруждать васъ, сэръ, говоритъ мистеръ Вивль: — позвольте намъ взойдти наверхъ.

— Куда угодно, дорогой сэръ, куда угодно. Здѣсь вы дома; располагайтесь какъ хотите.

Подымаясь на лѣстницу, мистеръ Гуппи вздергиваетъ вопросительно бровью и смотритъ на мистера Вивля. Тонни мотааетъ головой. Комната, обиталище любителя фешенэбльнаго круга, грязна и гадка; въ

изломанномъ каминѣ видѣется и до-сихъ-поръ пепелъ и коксъ отъ того угля, который горѣлъ въ достопамятную ночь. У нихъ сильное отвращеніе ко всѣмъ предметамъ; они не иначе касаются чего-нибудь, какъ обмета предварительно съ него пыль, и говорятъ между собою только шопотомъ. Стараясь повозможности сократить свой визитъ, они укладываютъ поспѣшно небольшую подвижность мистера Вивля.

— Посмотри-ка, говоритъ Тонни съ трепетомъ: — ползеть эта проклятая кошка!

Мистеръ Гушпи отступаетъ за стулъ.

— Смоль говорилъ мнѣ о ней, отвѣчаетъ онъ на слова Вивля: — Въ ту ночь она металась какъ драконъ, выбѣжала на крышу и двѣ недѣли бродила чортъ-знаетъ гдѣ; потомъ голодъ ее пробралъ, спустилась сюда въ трубу — просто кости да кожа. Она, право, навониваетъ мнѣ самого Крука... Брысь! проклятая!

Леди Женни, шипя и ворча небольшо слушается повелѣній мистера Гушпи; но въ дверь входитъ мистеръ Телькингорнъ; она вырывается, какъ тигрица, изъ-подъ его ржавыхъ ногъ и, выгнувъ дугою хребетъ, мчится выше по лѣстницѣ, быть-можетъ, съ тѣмъ, чтобъ бродить по крышѣ и спуститься въ трубу.

— Мистеръ Гушпи, говоритъ мистеръ Телькингорнъ: — могу ли я перемолвить съ вами слова два?

Мистеръ Гушпи занимается укладкой блистательной галереи британскихъ красавицъ въ шляпную картонку, унижающую эти художественныя произведенія даровитой кисти.

— Сэръ, отвѣчаетъ онъ, покраснѣвъ: — я желаю быть совершенно-вѣжливымъ передъ каждымъ членомъ юридической профессіи, въ-особенности передъ однимъ изъ нихъ, столь извѣстнымъ, столь знаменитымъ, какъ вы, сэръ; но вмѣстѣ съ тѣмъ я долженъ проповѣдать, мистеръ Телькингорнъ, что если вамъ, сэръ, угодно говорить со мной, то пусть этотъ разговоръ будетъ въ присутствіи моего друга.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? говоритъ мистеръ Телькингорнъ.

— Да, сэръ, это мое желаніе.

— Извольте, извольте.

Мистеръ Телькингорнъ, такъ невозмутимъ, какъ камень очага, къ которому онъ тихо приблизился.

— Дѣло, о которомъ я хотѣлъ перемолвить съ вами, говоритъ знаменитый членъ юридической профессіи: — не такой, впрочемъ, важности, чтобъ могло заставить васъ прибѣгать къ условіямъ, мистеръ Гушпи.

Адвокатъ останавливается, чтобъ улыбнуться, и улыбка его, похожая на гримасу, такъ же ржава, какъ и его панталоны.

— Васъ можно поздравить, мистеръ Гуппи, продолжаетъ онъ: — вы счастливецъ, сэръ.

— Ничего, такъ-себѣ, мистеръ Телькингорнъ: — жаловаться не могу, сэръ.

— Жаловаться! Высокіе друзья, знакомство въ высшемъ кругу, свободный доступъ къ феешенэбльнымъ красавицамъ! Нѣтъ, мистеръ Гуппи, я знаю, что многіе въ Лондонѣ готовы были бы отдать свои уши за половину вашихъ правъ.

Мистеръ Гуппи самъ похожъ на человѣка, который готовъ отдать свои покрасѣвшія и все еще красѣющія уши, чтобъ только избавиться отъ этого разговора, и въ замѣшательствѣ своемъ онъ отвѣчаетъ:

— Сэръ, если я исполняю долгъ мой, по назначенію Кенджа и Корбая, то друзья мои и мои знакомые не имѣютъ къ этому долгу никакого отношенія, точно также, какъ ни къ одному изъ членовъ юридической профессіи, не исключая и мистера Телькингорна. Я не считаю себя обязаннымъ прибавлять къ сказанному ни одного слова болѣе, и при всемъ моемъ уваженіи къ вамъ, не желая оскорбить васъ, повторяю, не желая оскорбить васъ...

— О, конечно!

— Больше я не могу произнести ни одной іоты.

— Прекрасно! говоритъ мистеръ Телькингорнъ, спокойно кивнувъ головою: — судя по этимъ портретамъ, вы принимаете, сэръ, живое участіе въ феешенэбльномъ кругу?

Этотъ вопросъ обращаетъ мистеръ Телькингорнъ къ удивленному Тонни, который долженъ сознаться въ своихъ нѣжныхъ слабостяхъ.

— Добродѣтель, которой лишены весьма-немногіе изъ Англичанъ... замѣчаетъ мистеръ Телькингорнъ.

Въ это время адвокатъ стоитъ спиною къ камину; но вотъ онъ поворачивается къ нему лицомъ, вставляетъ стекло въ свой глазъ и говоритъ:

— Кто это? А-а! леди Дедлокъ. Большое сходство, въ нѣкоторомъ родѣ. Не достаетъ только силы характера. Прощайте джентльмены, добраго дня!

По его уходѣ, вспотѣвшій мистеръ Гуппи спѣшитъ укладкою галерей британскихъ красавицъ въ унижающее ее хранилище и оканчиваетъ трудъ свой помѣщеніемъ наверхъ леди Дедлокъ.

— Тонни, говоритъ онъ своему остолбенѣвшему другу: — пожалуйста, уберемся отсюда поскорѣе.

— Уберемся, отвѣчаетъ Тонни.

— Напрасно буду я дольше скрывать отъ тебя, дорогой другъ мой, говорить мистеръ Гушпи: — что между мной и однимъ изъ членовъ этой лебедеподобной аристократіи, которую я держу здѣсь, въ картонкѣ, были близкія, тайныя отношенія. Могло прійти время, когда бы я открылъ передъ тобою причины этихъ отношеній; но теперь это время не прійдетъ. Моя клятва, нисшедшій идолъ и обстоятельства, которыя выше моей власти, заставляютъ все предать забвенію. Я заклинаю тебя, какъ друга, тѣмъ интересомъ, который ты принимаешь въ фешонзбельномъ кругу, и тѣми успѣхами, въ которыхъ я бы могъ тебѣ споспѣшествовать на фешонзбельномъ поприщѣ, не подымать погребальнаго савана съ этой тайны ни единымъ вопросомъ!

Пока мистеръ Гушпи изливается въ этомъ паюсѣ, мистеръ Вивль выражаетъ полное удивленіе, всклокоченными волосами всей головы и даже благовоспитанныхъ бакенбардъ своихъ.

ГЛАВА XL.

Дѣла общественныя и частныя.

Англія была нѣсколько недѣль въ страшномъ положеніи. Лордъ Кудль хотѣлъ оставить Парламентъ, сэръ Томасъ Дудль не принималъ портфеля, и такъ-какъ во всей Великобританіи нѣтъ достойныхъ людей, кромѣ Кудля и Дудля, то министерство падало. Къ-счастью для Англіи, враждебная встрѣча, казавшаяся одно время неизбѣжной между сими великими людьми, кончилась ничѣмъ; а еслибъ пуля одного изъ нихъ положила на мѣстѣ другаго, или, еслибъ Кудль и Дудль пали жертвами взаимной мести, то бѣдному государству пришлось бы ждать правленія до-тѣхъ-поръ, пока маленькій Кудль и маленькій Дудль, бѣгающіе теперь въ курткахъ и длинныхъ чулкахъ, не сдѣлались бы взрослыми людьми. Впрочемъ, это огромное національное несчастье было отвращено самимъ лордомъ Кудлемъ. Сей достославный мужъ успѣлъ открыть своевременно, что если въ жару парламентскихъ преній онъ и говорилъ съ презрѣніемъ и негодованіемъ о безславномъ поприщѣ сэра Томаса Дудля, то этимъ онъ хотѣлъ только выразить, что, несмотря на все различіе офіціальнахъ мнѣній, ничто въ мірѣ не принудитъ его не воздать наипатлѣйшаго удивленія этому государственному савонику; съ своей стороны, сэръ Томасъ Дудль сознавался, что въ глубинѣ души своей онъ всегда почитаетъ лорда Кудля зеркаломъ добродѣтели и чести для потомства.

Но все-таки Англія была впродолженіе нѣсколькихъ недѣль на рубежѣ погибели; она, какъ прекрасно выразался сэръ Лейстеръ Дедлокъ, уподоблялась ладѣ, лишенной кормчаго во время бури. Всего удивительнѣе, однакожъ, что сама Англія и ухомъ не веда въ этотъ критическій для нея періодъ; она попрежнему ѣла, попрежнему пила, женилась, выходила замужъ, точь-въ-точь какъ старый свѣтъ передъ потопомъ.

Но Кудль зналъ опасность, Дудль въ ней не сомнѣвался, и всѣ приверженцы ихъ партій, всѣ ихъ наперстники и кліенты трепетали въ ожиданіи скорого паденія государства. Наконецъ сэръ Томасъ Дудль не только согласился принять портфель, но вступилъ въ парламентъ торжественно, влача, кромѣ своей дражайшей для отечества особы, и всѣхъ своихъ братьевъ, племянниковъ, шуриновъ и свояковъ. И снова горизонтъ надъ Англіей озарился надеждой.

Дудль счелъ обязанностью разсыпаться и разсѣяться по Англіи преимущественно въ формѣ совериновъ и пива. Въ этой метаморфозѣ онъ сдѣлался полезна не только въ нѣсколькихъ мѣстахъ вдругъ, но почти на всей территоріи государства. И вотъ Британія занимается усердно набиваніемъ кармановъ Дудлемъ въ видѣ совериновъ, глотаніемъ Дудля въ видѣ пива и ложнымъ увѣреніемъ, для спасенія національной славы и гордости — что она не дѣлаетъ ни того ни другаго. Такимъ-образомъ внезапно кончается лондонскій сезонъ, потому-что всѣ Дудли и Кудли разсыпались по лицу Британіи для поддержанія жителей въ ихъ нравственныхъ упражненіяхъ.

Поэтому-то мистриссъ Раунсвелъ, управительница Чизни-Вольда, не получая еще никакихъ инструкцій, предвидитъ ясно, что надо ожидать въ скоромъ времени знаменитую фамилію Дедлоковъ, увеличенную длиннымъ хвостомъ братьевъ, сестрицъ и вообще джентльменовъ, могущихъ, какимъ бы то ни было образомъ способствовать британской конституціи. И вотъ, схвативъ Время за волосы, тащитъ его почтенная старушка по корридорамъ и галереямъ, по будуарамъ и заламъ, по лѣстницамъ и террасамъ, чтобъ оно успѣло наложить паркетъ, положить ковры, выколотить тяжелые занавѣсы, протереть зеркала и окна, постлать и нагрѣть постели, приготовить приѣмныя и кухни, и всему дать такой видъ, который бы соотвѣтствовалъ высокогнѣрному достоинству Дедлоковъ.

Сегодня вечеромъ, на закатѣ солнца, кончились приготовленія мистриссъ Раунсвелъ. Пустынно и торжественно смотритъ замокъ; въ немъ столько помѣщенія и ни одного жильца; висятъ только одни фа-

мильные портреты по длиннымъ стѣнамъ парадныхъ залъ. Такъ жили и такъ умерли они, какъ живу и умру я, можетъ сказать любой Дедлокъ, проходя по галереямъ замка и смотря на своихъ прадѣдовъ и прабабушекъ; такъ видѣли они эти корридоры спокойные и одинокіе, какъ вижу ихъ теперь я; такъ думали они, какъ думаю теперь я, о томъ ущербѣ, который смерть ихъ нанесетъ отечеству; такъ находили они, какъ теперь нахожу я, невозможнымъ повѣрить, чтобъ свѣтъ могъ обойтись безъ нихъ; такъ ушли они изъ этого міра, какъ уйду я отъ нихъ, запирая наглухо дверь; такъ не оставилъ они по себѣ никакого слѣда, какъ не оставляю я никакого слѣда на паркетѣ, и такъ умерли они, какъ умру я.

Сквозь блистающія рамы, незакрытыя ставнями, проливается кругомъ яркій свѣтъ. Замокъ, отражающій лучи заходящаго солнца, горитъ серебромъ и золотомъ и не похожъ ужъ болѣе на сѣрую массу темнаго камня. При такомъ яркомъ свѣтѣ оттаиваютъ замерзлыя на стѣнахъ Дедлокъ, черты ихъ намалеванныхъ лицъ приходятъ въ странное движеніе подъ трепетною тѣнью древесныхъ листьевъ. Строгий судья, помещенный въ углу, начинаетъ судорожно мигать. Подбородокъ и щеки пучеглазаго Бармонета, вооруженнаго жезломъ, покрываются пѣжными ямочками. На грудь камнесердой пастушки падаетъ согрѣвающій лучъ солнца, вокругъ головы волюмпіевой прапращуры (поднятой на высокія каблучкахъ) ложится лучезарное сіяніе. Статсдама двора Карла-Второго, одаренная круглыми глазами (и вообще округленными прелестями) словно купается въ золотистой влагѣ.

Но съ закатомъ солнца свѣтъ заиѣняется темнотою. Потускли помы, тѣни медленно поднимаются по стѣнамъ и, какъ Время и Смерть, обращаютъ Дедлокковъ во мракъ ничтожества. Теперь на портретъ миледи, поставленный надъ большимъ каминномъ, падаетъ густая тѣнь отъ какого-то стараго, сучковатаго дерева; словно тяжелая рука держитъ надъ ея головою тяжелый покровъ, ожидая удобной минуты закрыть ее: и блѣдна и трепетна становится миледи подъ этою тѣнью.

Выше-и-выше поднимаются по стѣнамъ мрачныя сумерки; вотъ еще видѣются красноватые пятна свѣта на потолокъ; вотъ наконецъ и совершенная темь.

Весь ландшафтъ, который такъ близкимъ казался съ террасы, улетѣлъ назадъ и измѣнился, какъ измѣняется все прекрасное, все близкое, въ неясный призракъ. Кой-гдѣ ползутъ легкіе туманы, падаетъ роса и благоуханіе садовъ отягощаетъ воздухъ. Вотъ сливаются гѣса въ сплошныя темныя массы, словно въ одно громадныхъ размѣровъ дерево. Вотъ встаетъ мѣсяць, отдѣляетъ въ этихъ массахъ деревья.

одно отъ другаго, сверкаетъ тамъ и сямъ блѣдными горизонтальными линиями и обращаетъ аллеи и просяки въ свѣтлыя галереи, прикрытыя фантастическимъ сводомъ.

Вотъ мѣсяць поднялся высоко и огромный замокъ, ожидающій жильцовъ, похожъ на тѣло безъ жизни. Теперь, пробираясь по корридорамъ, только со страхомъ можно думать о тѣхъ живыхъ существахъ, которымъ приходится спать въ этихъ уединенныхъ спальняхъ; а о мертвыхъ, которые ужь сыпали въ нихъ во времена давно-прошедшихъ, и врагу не посоветуешь задуматься. Теперь время тѣней; каждый уголокъ кажется мрачной пещерой, каждая ступень внизъ — пропастью; теперь цвѣтныя стекла блѣднымъ и полинялымъ цвѣтомъ отражаются на вошеномъ полу; всякій образъ, всякую фигуру можетъ создать воображеніе изъ тяжелыхъ лѣстничныхъ балокъ, кромѣ ихъ собственной; оружіе на стѣнахъ блеститъ какимъ-то страннымъ сверканьемъ, которое скорее похоже на украдчивое движеніе; теперь закрытые забралами шлемы съ ужасомъ заставляютъ думать, что въ нихъ скрыты человѣческія головы. Но изъ всѣхъ тѣней въ Чизни-Вольдѣ, тѣнь надъ портретомъ миледи, въ длинной парадной залѣ, появляется первая и исчезаетъ послѣдняя; въ этотъ часъ и при этомъ лунномъ освѣщеніи она имѣетъ видъ двухъ грозящихъ рукъ, поднятыхъ надъ прекрасной головкой и готовыхъ поразить блистательную красавицу при каждомъ трепетѣ ея сердца.

— Она нездорова, сударыня, говоритъ грумъ въ пріемной комнатѣ мистриссъ Раунсвель.

— Миледи больна! Что съ ней?

— Онѣ, сударыня, дурно себя чувствовали и въ послѣдній разъ бывши здѣсь, то-есть не тогда, когда изволили быть всесемейно, а когда миледи пріѣзжали однѣ. Миледи въ тотъ разъ мало выходили изъ дома и, противъ обыкновенія, все сидѣли въ своей комнатѣ.

— Чизни-Вольдъ, Томасъ, прибавляетъ снисходительно управительница замка: — возстановитъ здоровье миледи. Здѣсь такой чистый, такой благотворный воздухъ.

Томасъ, быть-можетъ, имѣетъ свое собственное мнѣніе касательно этого предмета, но онъ выражаетъ его только потираніемъ головы съ затылка къ вискамъ, и удаляется въ людскую, чтобъ угоститься холоднымъ пастетомъ и элемъ.

Этотъ грумъ еще только плотва передъ цѣлымъ стадомъ акулъ.

На слѣдующій вечеръ являются сэръ Лейстеръ и миледи съ огромною свитой и за ними тянутся всѣ братцы, кузены и проч. по всѣмъ

рубамъ компаса. Съ этого времени продолженіе нѣсколькихъ недѣль, шныряють взадъ и впередъ таинственные люди безъ имени и прозвища, и разсѣваются по тѣмъ частямъ государства, гдѣ Дудль разлился золотоноснымъ и хвѣльнымъ ливнемъ; собственно говоря, это народъ безпокойнаго характера и нигдѣ ничего недѣлающій.

При такихъ общественныхъ дѣлахъ сэръ Лейстеръ съ пользою употребляетъ своихъ кузеновъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, что можетъ быть лучше достопочтеннаго Боба Стеблза? Кто съумѣетъ занять во время обѣда любителей охоты за пушнымъ звѣремъ такъ ловко, какъ займетъ онъ? Могутъ ли быть на свѣтѣ джентльмены лучше кузеновъ, утѣющихъ заѣхать въ избирательныя собранія, въ общинныя совѣты, повергнуться тамъ-и-сямъ и выказать себя на сторонѣ Англій? Волюннія, правду сказать, значительно ужъ поотцвѣла; но она хорошаго происхожденія и многіе, даже очень-многіе высоко цѣнятъ ея игривую рѣчь, ея французскія остроты, которыя такъ ужъ стары, что опять кажутся новинками. Ей принадлежитъ честь идти къ обѣду, опираясь на руку Дедлока, и даже привилегія пройти въ первой парѣ. При такихъ общественныхъ обстоятельствахъ танцовать, значить сдѣлать услугу отечеству и Волюннія прыгаетъ, сколько можетъ, въ пользу неблагодарной, невознаграждающей пенсіями отчизны.

Миледи мало заботится о многочисленныхъ гостяхъ; она все еще дурно себя чувствуетъ и потому поздно выходитъ изъ своей комнаты. Но при всѣхъ наводящихъ тоску обѣдахъ, при всѣхъ тяжелыхъ завтракахъ, плачевныхъ балахъ и другихъ скучныхъ сборищахъ, появленіе ея приноситъ радость.

Сэръ Лейстеръ считаетъ глубоко-невозможнымъ, чтобъ тотъ, кто имѣетъ счастье быть допущенъ подъ покровительствоющую кровлю Чизни-Вольда, могъ нуждаться въ какомъ бы то ни было отношеніи, и подъ вліяніемъ совершеннѣйшаго самодовольствія, движется онъ, среди гостей, какъ какой-нибудь великолѣпный холодильникъ.

Ежедневно рыщутъ кузены по пыли и по газонамъ, заѣзжаютъ въ избирательныя собранія, въ городскія совѣты, въ балаганы, гдѣ собираются податели голосовъ (въ кожаныхъ перчаткахъ и съ арапниками въ рукахъ, если ѣдутъ въ графства, и въ замшевыхъ перчаткахъ и съ хлыстиками въ рукахъ, если ѣдутъ въ мѣстечки) и ежедневно привозятъ назадъ подробные рапорты, надъ которыми въ послѣобѣденныя часы трудится краснорѣчіе сэра Лейстера. Ежедневно Волюннія имѣетъ съ сэромъ Лейстеромъ небольшой родственный разговоръ касательно состоянія націи, дающій сэру Лейстеру поводъ предполагать, что Волюннія болѣе-мысляща женщина, чѣмъ онъ о ней прежде думалъ.

— Какъ наши дѣла? говоритъ Волюмнія, скрестивъ руки: — безопасны ли мы?

Великое дѣло выборовъ приходитъ теперь къ концу и Дудль скоро прекратитъ разсыпанье и разливанье своей особы по алчущей Англїи. Сэръ Лейстеръ только-что входитъ въ длинную парадную залу послѣ объѣда, словно торжественная звѣзда, окруженная облаками кузеновъ.

— Волюмнія, отвѣчаетъ сэръ Лейстеръ (у него въ рукахъ газета): — мы идемъ довольно-сносно.

— Только сносно!

Хотя на дворѣ лѣто, но въ собственномъ каминѣ сэра Лейстера разведенъ огонь. Онъ садится къ камину въ свое кресло, защищенное экраномъ, и повторяетъ съ большою твердостью: — Волюмнія, мы идемъ довольно-сносно; въ словахъ его замѣтна примѣсь нѣкотораго неудовольствїя, какъ-будто бы онъ хотѣлъ сказать: — смотрите на меня, я человѣкъ необыкновенный, и потому если я говорю «довольно-сносно», то этому слову нельзя приписывать его обыкновенное значеніе.

— Во всякомъ случаѣ в-а-м-ъ нѣтъ оппозиціи? говоритъ Волюмнія съ самоувѣренностью.

— Нѣтъ, Волюмнія. Это несчастное государство, къ моему прискорбію, потеряло разсудокъ во многихъ отношенїяхъ, однакожъ оно...

— Не до такой степени безумно. Слава Богу, я этому очень-рада!

Послѣднія слова Волюмнія реставрируютъ ее снова въ милостяхъ сэра Лейстера.

Баронетъ внимательнымъ наклонїемъ головы отвѣчаетъ на ея умозрѣніе и въ этомъ нѣмомъ отвѣтѣ такъ и видно слѣдующее мнѣніе:

«Мыслящая женщина, хотя иногда и скоро».

По правдѣ, замѣчаніе блистательнаго Дедлока, касательно вопроса объ оппозиціи, совершенно-излишне: сэръ Лейстеръ, при настоящихъ обстоятельствахъ, смотритъ на свое кандидатство какъ на огромный оптовый заказъ, требующій быстрого исполненїя; что жъ касается до двухъ другихъ незначительныхъ мѣстъ, которыя принадлежать ему въ Парламентѣ, то ихъ считаетъ онъ мелочной торговлей, посылаетъ туда двухъ джентльменовъ и, указывая на нихъ своимъ прикащикамъ, говоритъ: — вы будете такъ добры, сострапаете изъ присланнаго мною матеріала двухъ членовъ Парламента.

— Къ-сожалѣнію, я долженъ вамъ сказать, Волюмнія, что во многихъ мѣстахъ народъ оказывалъ дурное направленїе духа, и что оппозиція министерству выражалась недостойно и неумѣренно.

— Бе-зд-ѣль-ни-ки! говоритъ Волюмнія.

— Даже, продолжаетъ сэръ Лейстеръ, бросая взглядъ на кузеновъ, возлежащихъ вокругъ него по софамъ и оттоманамъ: — даже во многихъ, вѣрнѣе сказать, въ большей части тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ министерство имѣло свою партію...

(Примѣчаніе въ скобкахъ. Кудли и кудлисты своя партія; Дудли и дудлисты — своя).

— Даже и въ тѣхъ мѣстахъ... мнѣ, какъ англичанину, тяжело это говорить—партія восторжествовала не иначе, какъ вслѣдствіе громадныхъ расходовъ. Сотни тысячъ, говоритъ сэръ Лейстеръ, озирая кузеновъ съ возрастающимъ достоинствомъ и съ возрастающимъ негодованіемъ: — сотни тысячъ фунтовъ стерлинговъ!

Если у Волюніи былъ недостатокъ, такъ только одинъ — наивность. Наивность, собственно говоря, очень-идетъ къ кудрявой головкѣ, къ коротенькому платьицу, панталончикамъ и передничку; но какъ-то не клеится съ накладной косой, румянами и розовымъ ожерельемъ. Какъ бы то ни было, только подъ вліяніемъ этой наивности Волюнія спрашиваетъ нѣжно:

— Зачѣмъ такія суммы?

— Волюнія! замѣчаетъ сэръ Лейстеръ, съ совершенной серьезностью: — Волюнія!..

— Нѣтъ, нѣтъ, я не то хотѣла сказать, вскрикиваетъ Волюнія съ своимъ любимымъ маленькимъ вигомъ: — какъ я глупа! я хотѣла сказать: какъ жалко, что такія суммы!

— Я очень-радъ, отвѣчаетъ сэръ Лейстеръ: — что вы объ этомъ жалуете, Волюнія.

Волюнія спѣшитъ выразить свое мнѣніе, что дерзновенные должны быть причислены къ измѣнникамъ и партія на зло имъ должна восторжествовать.

— Я очень-радъ, Волюнія, повторяетъ сэръ Лейстеръ, не обращая вниманія на ея послѣднее выраженіе личныхъ мнѣній: — я очень-радъ, что вы хотѣли сказать: «какъ жалко». Дѣ, это очень-жалко, это позоръ избирателямъ. Чтò жъ касается до вашего неумѣстнаго и необдуманнаго вопроса, Волюнія: «зачѣмъ?» я вамъ отвѣчу на него: «на необходимые расходы». И я увѣренъ въ вашемъ здоровомъ смыслѣ, Волюнія, что вы не рѣшитесь больше развивать этого вопроса ни здѣсь и нигдѣ.

Сэръ Лейстеръ считаетъ истиннымъ долгомъ взглянуть въ заключеніе на Волюнію уничтожающимъ взглядомъ, потому-что ходитъ молва будто-бы эти необходимые расходы очень-похожи на подкупъ по-край-

до такой степени, что она не въ-состояніи долге заниматься вязаньем кошелека.

— Онъ еще ни разу не прїѣзжалъ сюда съ-тѣхъ-поръ, какъ я здѣсь, прибавляетъ Волюмнія: — я просто терзалась холодностью этого вѣроломнаго созданія; наконецъ я начала думать, что его нѣтъ на этомъ свѣтѣ.

Быть-можетъ возрастающій сумракъ вечера облакаетъ лицо миледи какою-то тѣнью; только оно очень-мрачно, какъ-будто въ ней гнѣздится мысль: «я желала бы, чтобъ его въ-самомъ-дѣлѣ не было на этомъ свѣтѣ».

— Мистеръ Телькингорнъ, говоритъ сэръ Лейстеръ: — всегда принять здѣсь радушно; онъ молчаливъ вездѣ, гдѣ бы ни былъ. Это чловѣкъ достойный и достойно-уважаемый.

Тошій кузенъ предполагаетъ, что онъ «чегхтовски богатъ.»

— Да; въ немъ нуждаются, говоритъ сэръ Лейстеръ: — платять ему, безъ-сомнѣнія, хорошо и онъ принять почти какъ равный въ самомъ высшемъ кругу...

Всѣ вскакиваютъ, потому-что, какъ разъ подъ окномъ раздался выстрѣлъ.

— Боже мой! что это такое? вскрикиваетъ Волюмнія съ своимъ любимымъ маленькимъ визгомъ.

— Должно-быть убили крысу, говоритъ миледи.

Входитъ мистеръ Телькингорнъ въ-сопровожденіи меркуріевъ съ лампами и свѣчами.

— Нѣтъ, нѣтъ, говоритъ сэръ Лейстеръ: — я не думаю. Вы не любите сумерекъ, миледи?

Напротивъ, миледи очень любить сумерки.

— А вы Волюмнія?

Оказывается, что для Волюмніи нѣтъ ничего восхитительнѣе, какъ сидѣть и разговаривать въ потьмахъ.

— Возьмите, въ такомъ случаѣ, огонь прочь, говоритъ сэръ Лейстеръ: — извините, Телькингорнъ. Какъ ваше здоровье?

Мистеръ Телькингорнъ подходитъ своимъ обыкновеннымъ тихимъ шагомъ, надѣется, что миледи здорова, пожмаетъ руку сэру Лейстеру и садится на указанный ему стулъ, по другую сторону маленькаго пюпитра, употребляемаго баронетомъ при чтеніи газетъ. Сэръ Лейстеръ думаетъ, что миледи можетъ простудиться, сидя у открытаго окна. Миледи очень-благодарна за его вниманіе, но она не боится простуды и любить дышать свѣжимъ воздухомъ. Сэръ Лейстеръ

встаетъ, плотнѣе закутываетъ шейку миледи въ шарфъ и опять возвращается на свое мѣсто. Пользуясь этимъ временемъ, мистеръ Телькингорнъ беретъ щепотку табаку.

— Ну, говорить сэръ Лейстеръ: — какъ шли выборы?

— О, очень, очень-вяло! Никакого шанса. Они поставили на-своемъ. Вы совершенно разбиты. Три противъ одного.

Въ этомъ состоитъ нѣкоторая часть политики и искусства мистера Телькингорна; онъ не имѣетъ никакого политическаго мнѣнія, то-есть ровно никакого, и не принадлежитъ никакой партіи; поэтому-то онъ и говоритъ: *вы* разбиты, а не *мы*.

Сэръ Лейстеръ величественно-гнѣвнень. Волюнтія никогда не слышала подобныхъ вещей.

— Вы знаете, это то мѣсто, говорить мистеръ Телькингорнъ, когда опять всё смолкло: — на которое они прочили сына мистриссъ Раунсвелъ.

— Мѣсто, отъ котораго, какъ вы мнѣ тогда очень-правильно сказали, говорить сэръ Лейстеръ: — онъ имѣлъ достаточно такту и здраваго смысла отказаться. Я ни въ какомъ случаѣ не похваляю образа мыслей мистера Раунсвелъ, образа мыслей, который онъ выказалъ здѣсь, бывъ не болѣе получаса времени; но отдамъ справедливость, что въ отказѣ его виднѣн здравый смыслъ.

— Га! говорить мистеръ Телькингорнъ: — однакожь это не помѣшало ему быть очень-дѣятельнымъ на выборахъ.

Слышно, какъ спирается въ груди дыханіе сэра Лейстера, какъ онъ поспѣшно глотаетъ воздухъ и говоритъ задыхающимся голосомъ:

— Ясно ли я понимаю васъ, Телькингорнъ? хотите ли вы сказать, что мистеръ Раунсвелъ былъ дѣятеленъ при настоящихъ выборахъ?

— Необыкновенно-дѣятеленъ.

— Противъ?...

— О, разумѣется, противъ васъ. Онъ хорошо говоритъ; простъ но увлекателенъ. Онъ производилъ потрясающій эффектъ и имѣлъ большое вліяніе. Относительно дѣловой части, онъ всѣхъ увлекъ за свои мнѣніемъ.

Все общество чувствуетъ, хотя и не можетъ видѣть за темнотою, какъ величественно и гнѣвно тарачить глаза сэръ Лейстеръ Дедлюкъ.

— И его сильно поддерживалъ, продолжаетъ мистеръ Телькингорнъ, въ видѣ окончательнаго удара: — его сынъ...

— Его сынъ, сэръ? повторяетъ сэръ Лейстеръ, съ боязливою вѣжливостію.

— Да его самъ, сэръ Лейстеръ.

— Его сынъ, который хотѣлъ жениться на молоденькой дѣвочкѣ, горничной миледи?

— Тотъ самый, сэръ. У мистера Раувезеля только одинъ сынъ.

— Въ такомъ случаѣ клянусь честью, говоритъ сэръ Лейстеръ, послѣ страшной паузы, въ продолженіе которой слышно было сильное хрипѣніе въ его груди: — въ такомъ случаѣ, клянусь честью, клянусь жизнью, клянусь моими правилами и репутаціей, общественные шлюзы открыты и воды... ги.. воды прорвались въ тѣ предѣлы, въ тѣ связи приличій, которыми держится все на землѣ.

Общій взрывъ негодованія всѣхъ родственниковъ.

Волюмнія думаетъ, что теперь настало время... понимаетъ, такого рода, что кто-нибудь, облеченный министерскою властью, сдѣлалъ бы что-нибудь. Вялый кузенъ замѣчаетъ, что отечество скачетъ на почтовыхъ къ чоугту.

— Прошу, говоритъ сэръ Лейстеръ, все еще задыхающимся голосомъ: — не дѣлать на этотъ случай никакихъ болѣе замѣчаній. Комментарій излишни. Миледи, позвольте мнѣ замѣтить вамъ, касательно этой молодой дѣвочки...

— Я не имѣю намѣренія, говоритъ миледи, глядя въ окно, и хотя тихо, но рѣшительно: — отпустить ее отъ себя.

— Не въ томъ дѣло, отвѣчаетъ сэръ Лейстеръ: — я очень-радъ, что вы не имѣете этого намѣренія; я хотѣлъ только замѣтить, что если вы ее считаете достойною своего покровительства, то употребите все ваше вліяніе, чтобъ спасти ее отъ этихъ коварныхъ рукъ. Укажите ей, какимъ насиліямъ могутъ подвергнуться ея привычки и берегите ее для болѣе-достойнаго человѣка. Внушите ей, что она можетъ сыскать себѣ мужа, здѣсь въ Чизни-Вольдѣ, который не рѣшится — сэръ Лейстеръ придумываетъ выраженіе и наконецъ продолжаетъ... совратить ее съ правилъ ея предковъ.

Эти замѣчанія сэръ Лейстеръ высказываетъ съ неизмѣнною вѣжливостью и совершеннымъ почтеніемъ, съ которыми всегда обращается къ миледи. Она только слегка киваетъ головою въ знакъ отвѣта.

Мѣсяцъ всталъ высоко и холоднымъ, блѣднымъ лучомъ своимъ освѣтилъ головку леди Дедлокъ.

— Достойно замѣчанія, говоритъ мистеръ Телькингорнъ: — что этотъ народъ даже очень-надмененъ.

— Надмененъ? сэръ Лейстеръ не вѣрить ушамъ своимъ.

— Меня не удивить, если они, то-есть женихъ и всѣ, откажутся

отъ этой дѣвочки; но я не знаю согласится ли отказаться она, даже живя при такихъ счастливыхъ условіяхъ, въ Чизни-Вольдѣ.

— Ну-съ... говорить сэръ Лейстеръ дрожащимъ голосомъ: — ну-съ, продолжайте. Вамъ это лучше извѣстно: вы знаете этотъ классъ на-рода.

— Дѣйствительно, сэръ Лейстеръ, отвѣчаетъ адвокатъ: — я говорю только о томъ, что знаю. Я могу рассказать одну исторію, если только позволить миледи.

Миледи наклоняетъ, въ знакъ согласія, голову; Волюмнія въ восторгѣ. Ахъ, исторію! Наконецъ-то онъ, что-нибудь расскажетъ! и вѣрно страшную исторію о какихъ-нибудь привидѣніяхъ, говоритъ Волюмнія.

— Нѣтъ; о плоти и крови. Мистеръ Телькингорнъ останавливается на минуту и потомъ повторяетъ нѣсколько болѣе противъ обыкновеннаго выразительнымъ голосомъ: — увѣрю васъ, миссъ Дедлокъ, только о плоти и крови. Подробности этой исторіи сэръ Лейстеръ, я узналъ недавно; онъ коротки и могутъ служить подтвержденіемъ тому, что я сказалъ. Я скрою имена дѣйствующихъ лицъ; надѣюсь, леди Дедлокъ, не сочтетъ меня невѣжливымъ.

При слабомъ мерцаніи огня въ каминѣ видно, что мистеръ Телькингорнъ смотритъ на мѣсяцъ; при блѣдныхъ лучахъ мѣсяца видно, что леди Дедлокъ сидитъ спокойно.

— Землякъ мистера Раунсвеля человекъ точно такихъ же правилъ и понятій, имѣлъ, какъ мнѣ сказывали, дочь, которая была такъ счастлива, что обратила на себя вниманіе знаменитой леди; я говорю о знаменитой леди въ настоящемъ смыслѣ этого слова, то-есть не только знаменитой въ его глазахъ, но и знаменитой по замужству своему съ человекомъ вашихъ достоинствъ, сэръ Лейстеръ.

Сэръ Лейстеръ, говоритъ снисходительно:

— Понимаю, мистеръ Телькингорнъ.

Въ этихъ словахъ слышится, что сэръ Лейстеръ вполне понимаетъ, что такая знаменитая леди должна казаться въ глазахъ какого-нибудь желѣзозаводчика сверхъестественно-знаменитой.

— Леди была богата и прекрасна, любила эту дѣвочку, осыпала ее милостями и держала при себѣ. Но леди, при всей своей знаменитости имѣла тайну, которую хранила нѣсколько лѣтъ. Дѣло въ томъ, что въ молодости своей она была помоявлена съ однимъ повѣсой: онъ служилъ въ арміи капитаномъ и приносилъ несчастіе всему, что къ нему прикасалось. Бракъ не состоялся, но она родила ребенка, котораго онъ былъ отцомъ.

При слабомъ мерцаніи огня въ каминѣ видно, что мистеръ Телькингорнъ смотритъ на мѣсяцъ; при блѣдныхъ лучахъ мѣсяца видно, что леди Дедлокъ сидитъ спокойно.

— Когда капитанъ умеръ, леди считала тайну свою недоступной; но стеченіе обстоятельствъ, о которомъ нечего упоминать, открыло эту исторію. Какъ я слышалъ, причиной къ этому была ея неосторожность; это показываетъ, какъ трудно людямъ самаго твердаго характера (я долженъ замѣтить, она была очень-тверда) имѣть всегда надъ собою власть. Открытіе этой тайны повлекло за собою, какъ вы понимаете, семейныя непріятности и раздоръ. Я предоставляю, сэръ Лейстеръ, судить вамъ объ оскорбленіи мужа. Но не въ томъ дѣло. Когда открытіе этой тайны дошло до слуха земляка мистера Раунсвеля, то онъ на милости знаменитой леди смотрѣлъ какъ на позоръ своей дочери, и вырвалъ ее изъ знаменитаго дома, какъ изъ самаго преступнаго и презрѣннаго мѣста; онъ не понималъ нисколько той чести, которую дѣлаютъ ему и его дочери ласки знаменитой фамиліи — вотъ какъ они надменны, сэръ. Исторія моя этимъ кончается. Надѣюсь, леди Дедлокъ извинитъ мнѣ ея грустное направленіе.

Со всѣхъ сторонъ поднялись различныя мнѣнія, богѣе или менѣе-сходныя съ мнѣніемъ Волюмніа. Эта юная дѣвственница никакъ не можетъ допустить существованіе подобной леди и считаетъ всю исторію вымысломъ. Большинство придерживается мнѣнія вилаго кузена, которое коротко и выражается въ слѣдующемъ афоризмѣ :

— «Чогхъ съ нимъ, съ этимъ землякомъ, мистегха Гхаунсвеля». Сэръ Лейстеръ все это относитъ къ пагубному вліянію Ват-Тэйлора и чертитъ въ головѣ свой планъ, сообразно съ этимъ мнѣніемъ.

Впрочемъ, всѣ выражаютъ очень-мало желанія разговаривать, потому-что съ началомъ *необходимыхъ расходовъ* кой-гдѣ, поздно по вечерамъ сидѣли въ Чизни-Вольдѣ, и это первый вечеръ, что семейство одно, безъ посѣтителей. Ужь десять часовъ пробило, когда сэръ Лейстеръ проситъ мистера Телькингорна позвонить и велѣтъ подать свѣчи.

Мѣсяцъ покрылся облакомъ. Миледи первый разъ движется, встаетъ съ своего стула и подходитъ къ столу за водой.

Мигающіе при свѣтѣ лампъ кузены спѣшатъ исполнить ея желаніе. Миссъ Волюмніа, всегда готовая взять, если что-нибудь предлагаютъ, беретъ также стаканъ воды и удовлетворяется однимъ глоткомъ.

Леди Дедлокъ, величественная, изящная, самовластная, поражающая собою всѣхъ, проходитъ длинную перспективу мимо этой нимфы, которую окончательно уничтожаетъ сравненіемъ съ собою.

ГЛАВА XLI.

КОМНАТА МИСТЕРА ТЕЛЬКИНГОРНА.

Мистеръ Телькингорнъ входитъ въ свою комнату, устроенную въ бельведерѣ. Онъ слегка запыхался, входя по высокой лѣстницѣ, хотя и шелъ довольно-тихо. Въ лицѣ его можно подмѣтить, едва только подмѣтитъ, что онъ какъ-будто собой доволенъ, какъ-будто свалилъ какую-то гору съ плечъ своихъ. Сказать о человѣкѣ такъ отчетливо, такъ строго скрытною, что онъ торжествовалъ, это будетъ также несправедливо, какъ предположить, что онъ взволнованъ любовью, или какими бы то ни было чувствомъ, или вообще какой-нибудь романтической слабостью. Довольно сказать, что въ немъ можно подмѣтить нѣкоторое самодовольствіе. Быть-можетъ, въ немъ есть сознаніе власти, быть-можетъ она выражается въ его походкѣ, когда, ухвативъ одну изъ мускулистыхъ рукъ своихъ другою, закладываетъ онъ ихъ объ себѣ за спину и безъ малѣйшаго шума прохаживается взадъ и впередъ.

Въ комнатѣ стоитъ огромный письменный столъ; на немъ много лежитъ бумагъ. Лампа горитъ подъ зеленымъ колпакомъ; очки мистера Телькингорна лежатъ на столѣ; спокойныя кресла придвинуты, и видно, что онъ хочетъ часъ-другой заняться бумагами передъ отходомъ ко сну. Только не видать въ адвокатѣ дѣловаго настроенія. Бросивъ взглядъ на документы, ожидающіе его вниманія — причемъ онъ низко нагнулся къ столу, потому-что вечеромъ плохо могъ читать печатное и писанное — старикъ отворилъ оконную дверь и вышелъ на свинцовую крышу. По ней прогуливается онъ тихо взадъ и впередъ и съ удовольствіемъ вспоминаетъ—если только такой холодной человѣкѣ, какъ онъ, можетъ нѣтъ удовольствіе — объ исторіи, которую только-что рассказывалъ внизу.

Было время, когда люди, столько знающіе, сколько знаетъ мистеръ Телькингорнъ, входили на крыши башенъ, чтобъ прочесть въ звѣздахъ исторію своей судьбы; миллионы звѣздъ покрываютъ и теперь небо; только блескъ ихъ блѣденъ при сіяніи мѣсяца. Если Телькингорнъ, прогуливаясь такъ методично взадъ и впередъ, ищетъ своей звѣзды, то эта звѣзда должна быть очень-тусклымъ пятнышкомъ, иначе она не нѣгла бы такого ржаваго представителя на землѣ. Если онъ хочетъ прочесть свою судьбу, то, можетъ-быть, она начерчена ближе къ глазамъ его и другимъ почеркомъ.

Шагая по крышѣ, онъ внезапно останавливается противъ окна и видитъ въ немъ пару постороннихъ глазъ. Потолокъ въ его комнатѣ

нижок и верхняя часть двери, противоположной окну, стеклянная; окно прикрывается ставнемъ, обитымъ байкой; но мистеръ Телькингорнъ не закрылъ ставня, потому—что, ночь тепла. Глаза, остановившіе его вниманіе, смотреть сквозь стекло двери при входѣ въ бельведерь. Мистеръ Телькингорнъ знаетъ ихъ твердо. Давно ужъ кровь не подступала такъ близко и такъ сильно къ его щекамъ, какъ въ эту минуту, когда онъ узналъ передъ собою леди Дедлокъ.

Онъ входитъ въ комнату и леди Дедлокъ идетъ ему на встрѣчу, запирая за собою обѣ двери. Въ глазахъ ея дикое безпокойство: что это, страхъ или гнѣвъ? Поступь ея тверда, манеры ея точно тѣ же, какія были нѣсколько часовъ назадъ въ парадной залѣ.

Что это : страхъ или гнѣвъ? — трудно рѣшить. И то и другое можетъ покрыть блѣдностью прекрасное лицо.

— Леди Дедлокъ ?

Она молча садится въ кресло, придвинутое къ столу, и пристально смотритъ на адвоката.

— Зачѣмъ вы публично рассказали мою исторію? говоритъ она.

— Мнѣ было необходимо, леди Дедлокъ, дать вамъ почувствовать, что исторія ваша мнѣ извѣстна.

— Давно ли вы ее узнали ?

— Я подозрѣвалъ ее давно, но узналъ недавно.

— Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ ?

— Нѣсколько дней.

Онъ стоитъ передъ ней, опираясь одною рукой о спинку стула, другую заложивъ въ карманъ своей старомодной жилетки, точь-въ-точь какъ онъ не разъ ставалъ передъ ней со дня ея замужества. Та же форменная вѣжливость, то же натянутое уваженіе, весьма, впрочемъ, похожее и на насмѣшку, то же самое непроницаемое, холодное существо и на такомъ же почтительномъ отдаленіи, которое ничѣмъ не можетъ сократиться.

— Слова ваши касательно бѣдной дѣвушки вѣрны ?

Онъ слегка наклоняетъ и подаетъ впередъ голову, какъ-бы желая показать, что неясно понимаетъ вопросъ.

— Вы помните, что вы рассказывали. Справедливо это или нѣтъ? Ея друзья знаютъ также мою исторію? Говорятъ объ этомъ въ городѣ? Неписаны ею стѣны и кричатъ о ней на всѣхъ перекресткахъ ?

Такъ ! Гнѣвъ и страхъ и стыдъ ! Они борются между собою. Какая непостижимая сила воли у этой женщины ! какой смѣлой рукою удерживаетъ она власть надъ этими страстями ! Такъ думаетъ мистеръ Тель-

кингорнъ, стоя передъ мною, и только на-волосъ насунувъ брови больше противъ обыкновеннаго, выдерживаетъ онъ ее взглядъ.

— Нѣтъ, леди Дедлокъ, это была только гипотеза, потому-что, сэръ Дейстеръ съ такою высокою надменностью смотритъ на этотъ классъ людей. Но эта гипотеза осуществится, если только они узнаютъ, что мы съ вами знаемъ.

— Слѣдовательно, они еще не знаютъ?

— Не знаютъ.

— Могу ли я спасти отъ позора бѣдную дѣвочку?

— На это, леди Дедлокъ, отвѣчаетъ мистеръ Телькингорнъ: — я не могу произнести рѣшительнаго мнѣнія.

И побуждаемый непреоборимымъ интересомъ, слѣдитъ онъ за ея внутренней борьбой и думаетъ:

«Власть и сила этой женщины поразительны!»

— Сэръ, говоритъ она и со всею энергіею старается сжать губы, чтобъ говорить внятно: — я скажу вамъ проще. Я не опровергаю вашей гипотезы. Я не только допускаю ее, но и вѣрю въ ея справедливость точно также, какъ вѣрите вы, потому-что я видѣла и поняла мистера Раунсвеля. Я знаю, что еслибъ онъ могъ узнать мою жизнь, то счелъ бы молодую дѣвушку опозоренной за то только, что она, безъ всякаго желанія съ своей стороны, обратила на себя мое покровительство. Но я люблю ее или, лучше сказать — потому-что я больше ужъ не принадлежу этимъ мѣстамъ — я любила ее; и если вы способны оказать вниманіе женщинѣ, лежащей у вашихъ ногъ, и не забудете ея просьбы, то она навсегда запомнитъ ваши милости.

Мистеръ Телькингорнъ, внимательный въ высшей степени, пожимаетъ плечами съ нѣкотораго рода самоуниженіемъ и насупливаетъ брови еще нѣсколько-больше.

— Вы приготовили меня къ огласкѣ и я вамъ за это благодарна. Чего вы хотите еще отъ меня? Нѣтъ ли еще чего-нибудь, что я должна исполнить? Быть-можетъ, для успокоенія моего мужа, я должна подтвердить истину вашихъ словъ? Продиктуйте мнѣ и я все напишу, что вамъ угодно.

«И она въ-самомъ-дѣлѣ напишетъ!» думаетъ адвокатъ, слѣдя за движеніемъ ея руки, твердо-взявшей перо.

— Я не намѣренъ утруждать васъ, леди Дедлокъ. Прошу васъ, успокойтесь.

— Я давно ожидала этого дня, какъ вы знаете, и не желаю ни сама щадить себя, ни быть пощаженой. Вы не можете сдѣлать для

меня хуже того, что вы уже съѣдали. Говорите же, что теперь остается?

— Леди Дедлокъ, ничего не остается больше. Я попрошу у васъ позволенія сказать вамъ нѣсколько словъ, когда вы перестанете говорить.

Казалось бы, имъ нѣчего слѣдить другъ за другомъ, но они пристально смотрятъ одинъ на другаго, а звѣзды смотрятъ на нихъ сквозь открытое окно. При блѣдномъ сіяніи мѣсяца виднѣются невозмутимые лѣса, огромный домъ и послѣднее жилище людей на землѣ — кладбище... кладбище! Гдѣ же въ эту безмятежную ночь могильщики съ ихъ заступами? они бы обогатили мистера Телькингорна еще одной послѣдней тайной, въ добавокъ ко всемъ его тайнамъ. Родился ли его могильщикъ? выкованъ ли ему заступъ? — странные вопросы, когда подумаешь о нихъ; а, можетъ, и еще страннѣе, когда не будешь о нихъ думать при такой звѣздной и лѣтней ночи.

— О раскаяніи, объ угрызеніи совѣсти, вообще о чемъ-либо подобномъ, говорить теперь леди Дедлокъ: — я не скажу вамъ ни слова. Еслибъ я и не была нѣма въ этомъ отношеніи, вы были бы глухи. Оставимъ это: это не для вашихъ ушей.

Она хотѣла-было протестовать, но она презрительнымъ мановеніемъ руки заставила его молчать.

— Я пришла, сюда, говорить съ вами о другихъ, ближе-подходящихъ къ вамъ предметахъ. Вы должны знать, что брильянты мои цѣлы; ихъ могутъ отыскать въ моемъ будуарѣ; точно также цѣлы всѣ мои богатые платья, всѣ находящіяся у меня цѣнныя вещи. Я взяла съ собою нѣсколько денегъ — замѣтите, однакожъ, очень-немного. Чтобъ не возбудить подозрѣній, я въ чужомъ платьѣ и уйду отсюда навсегда. Вотъ что я хотѣла вамъ сказать. Доведите слова мои до свѣдѣнія того, кому слѣдуетъ.

— Извините меня, леди Дедлокъ, говоритъ мистеръ Телькингорнъ, съ полнымъ спокойствіемъ: — я несовершенно-ясно понимаю васъ. Вы уходите?...

— Навсегда. Я оставляю Чизни-Волдъ сегодня ночью, сейчасъ.

Мистеръ Телькингорнъ качаетъ головой. Миледи встаетъ; но она не отводитъ даже и руки отъ студа, не вынимаетъ руки изъ кармана своего старомоднаго жилета, а только качаетъ головой.

— Какъ, мнѣ не уходить отсюда?

— Не уходить, леди Дедлокъ.

— Знаете ли, какое облегченіе Чизни-Волду принесетъ мое бы-

ство? Забыли вы о томъ пятнѣ и позорѣ, который лежитъ на этомъ зѣнкѣ? и гдѣ этотъ позоръ и что этотъ позоръ?

— Нѣтъ, леди Дедлокъ, я не забылъ.

Не удостовнѣ его больше ни однимъ словомъ, она идетъ къ двери и ужъ готова отворить ее, какъ мистеръ Телькингорнъ останавливаетъ ее; онъ говоритъ неподвижно, не пошевеливъ ни ногою, ни рукою, ни даже не возвысилъ своего голоса.

— Леди Дедлокъ, будьте такъ добры, остановитесь и выслушайте меня; въ противномъ случаѣ, прежде чѣмъ вы дойдете до лѣстницы, я позволю во всѣ колокольчики дома и тогда долженъ буду разказать все, что мы съ вами знаемъ, въ присутствіи всѣхъ гостей и всей прислуги.

Онъ побѣдилъ ее. Она колеблется, дрожитъ и въ волненіи прикладываетъ руку къ своей головѣ — слабые признаки для всякаго другаго, но для испытаннаго глаза мистера Телькингорна они достаточны; онъ понимаетъ ихъ.

Онъ тотчасъ же послѣ этого говоритъ :

— Будьте такъ добры, выслушайте меня, леди Дедлокъ.

И указываетъ ей на стулъ, съ котораго только-что она встала. Она медлитъ, но онъ указываетъ ей снова и она садится.

— Отношенія наши, леди Дедлокъ, несчастны, но, не считая себя причиною этого несчастія, я не прошу у васъ прощенья. Положеніе мое относительно сэра Лейстера вамъ такъ-хорошо извѣстно, что вы давно знаете, какъ я всегда искалъ случая открыть эту тайну.

— Сэръ, отвѣчаетъ она, не сводя глазъ съ пола, на которомъ теперь сосредоточено ея вниманіе : — лучше было бы, еслибъ я ушла. Вы удержали меня напрасно. Мнѣ болѣе нѣчего сказать вамъ.

— Простите меня, леди Дедлокъ, если я заставлю васъ выслушать еще нѣсколько словъ.

— Я буду слушать васъ у окна: здѣсь мнѣ душно.

Въ пронырливомъ взглядѣ адвоката можно было прочесть минутное опасеніе при движеніи миледи къ окну; ему показалось, что она пугается въ душѣ намѣреніе сброситься внизъ и, пораженная выступными карнизами стѣны, бездыханная, упадетъ на террасу; но это опасеніе было мгновенно; наблюденія надъ ея холоднымъ лицомъ, этимъ прямымъ, смѣлымъ взоромъ, съ какимъ она смотрѣла не внизъ, а на звѣзды, успокоиваютъ адвоката.

— Леди Дедлокъ, говоритъ онъ, стоя два шага позади ея : — до-сихъ-поръ я еще и самъ не рѣшился, какой принять образъ дѣйствій; до-сихъ-поръ я еще не обдумалъ положительно, какъ я долженъ идти

впередъ, а потому, пока я прошу васъ держать исторію вашу въ такой же тайнѣ, въ какой вы держали ее до-сихъ-поръ, и не удивляться, что и я буду на этотъ счетъ совершенно—нѣтъ.

Онъ замолчалъ, выжидая отвѣта; но отвѣта не было.

— Извините меня, леди Дедлокъ, но это весьма-важное обстоятельство. Удостоиваете ли вы меня вашимъ вниманіемъ?

— Я васъ слушаю.

— Благодарю васъ. Я, разумеется, въ этомъ не сомнѣваюсь, зная необычайную силу вашего характера, и потому вопросъ этотъ могъ бы быть лишнимъ съ моей стороны. Но я люблю, или, лучше сказать, имѣю привычку знать навѣрное дорогу, по которой иду. Главное вниманіе мое въ этомъ несчастномъ дѣлѣ обращаетъ на себя сэръ Лейстеръ.

— Такъ зачѣмъ же, говоритъ она задыхающимся голосомъ и не отводя мрачнаго взора отъ отдаленныхъ звѣздъ : — вы удерживаете меня въ этомъ домѣ?

— Потому-что все мое вниманіе обращаетъ на себя о-н-ъ. Леди Дедлокъ, мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ, что сэръ Лейстеръ намеренный человѣкъ, что его довѣріе къ вамъ высоко и что онъ легче повѣритъ паденію съ неба этого мѣсяца, чѣмъ вашему паденію, какъ его жены.

Дыханіе спирается въ ея груди; она дышетъ тяжело и прерывисто, но стоитъ такъ же гордо, такъ же непреклонно, какъ онъ тысячу разъ видывалъ ее посреди блестящаго общества.

— Я говорю вамъ, леди Дедлокъ, что считаю болѣе-возможнымъ собственными руками вырвать съ корнемъ любое дерево изъ этой земли, чѣмъ поколебать довѣріе сэра Лейстера къ вамъ, или разрушить союзъ, васъ соединяющій. Даже теперь, имѣя противъ васъ такія ясныя улики, я все-таки не рѣшаюсь открыть ему глаза; я не боюсь, что онъ не повѣритъ, нѣтъ, это и для него невозможно, но потому, что ничто не можетъ его приготовить къ этому удару и онъ его не перенесетъ.

— Или даже мой побѣгъ? отвѣчаетъ она : — подумайте объ этомъ.

— Побѣгъ вашъ, леди Дедлокъ, откроетъ всю истину, тысячу разъ откроетъ и всѣмъ и каждому, и тогда спасти честь фамиліи отъ позора будетъ, разумеется, невозможнымъ, хотя даже на одинъ день.

Въ отвѣтъ его слышна твердая рѣшительность, недопускающая никакого возраженія.

— Если я говорю, что сэръ Лейстеръ обращаетъ на себя все мое вниманіе, то подъ его именемъ разумѣю я и честь всей фамиліи Дед-

Локовъ. Сэръ Лейстеръ и баронство; сэръ Лейстеръ и Чизни-Вольдъ; сэръ Лейстеръ и его предки (мистеръ Телькингорнъ очень-сухъ при этомъ перечеѣ) какъ вамъ извѣстно, леди Дедлокъ, это одно и то же.

— Продолжайте.

— Потому-то, продолжаетъ мистеръ Телькингорнъ, своимъ обыкновеннымъ голосомъ : — мнѣ надо долго и серьезно подумать. Если возможно, то исторія ваша должна быть скрыта отъ свѣта; но какъ она можетъ быть скрыта, если сэръ Лейстеръ лишится разсудка, или будетъ лежать на смертномъ одрѣ, если завтра утромъ я нанесу ему этотъ ударъ? Какъ объяснить передъ обществомъ мгновенную въ немъ перемену? Что привело его въ такое положеніе? Что постыло между вами раздоръ? Эти вопросы, леди Дедлокъ, подымутъ дѣйствительно крики на всѣхъ перекресткахъ, прибѣгутъ афиши на всѣхъ стѣнахъ улицъ, и вы не должны забывать, миледи, что эта молва будетъ поражать не одну васъ (васъ я не имѣю здѣсь въ виду), но вашего мужа, леди Дедлокъ, вашего мужа.

Онъ все болѣе-и-болѣе становится откровеннымъ, но ни на волосъ не возвышаетъ своего голоса.

— Съ другой стороны, продолжаетъ онъ : — сэръ Лейстеръ любить васъ до безумія, и онъ будетъ не въ-состояніи преодолѣть это безуміе и тогда, когда узнаетъ то, что мы съ вами знаемъ. Я беру, разумеется, крайность, только это такъ; а если это такъ, то лучше, можетъ-быть, чтобъ онъ ничего не зналъ. Лучше вообще, лучше для него, лучше для меня. Всѣ эти обстоятельства я долженъ сообразить, и потому въ сію-минуту очень-трудно на что-нибудь окончательно рѣшиться.

Она стоитъ безмолвно и смотритъ на тѣ же звѣзды, а звѣзды меркнуть и, кажется, будто ихъ блѣдность заставляетъ блѣднѣть и миледи.

— Теперь, говоритъ мистеръ Телькингорнъ : — я долженъ руководствоваться обстоятельствами. И пока прошу васъ хранить все въ тайнѣ, и я то же буду дѣлать съ моей стороны.

— То-есть я должна влечь мою жизнь и ожидать пытки со дня на день, по вашему приказанію? говоритъ она, все еще смотря на небо.

— Да, я боюсь, что это такъ, леди Дедлокъ.

— Вы считаете необходимымъ приковать меня къ позорному столбу?

— Я увѣренъ въ необходимости того, что вамъ предлагаю.

— И я должна еще быть на этой блистательной сценѣ, на которой играла такъ долго? и подмостки подо мною должны рухнуть по вашему мановенію? говоритъ она медленно.

— Не безъ предуведомленія васъ, леди Дедлокъ. Я не сдѣлалъ ни шага, не сообщивъ объ этомъ предварительно вамъ.

Она предлагаетъ ему вопросы точно такъ, какъ-будто бы говорила во снѣ, или твердила наизусть урокъ.

— Мы должны встрѣчаться попрежнему?

— Попрежнему, если вы позволите.

— И я должна скрывать мой позоръ, какъ скрывала его такъ долго?

— Какъ скрывали его—да. Я бы самъ не коснулся этого предмета, леди Дедлокъ; но теперь позвольте замѣтить вамъ, что эта тайна не должна вамъ казаться въ настоящее время тягостнѣе. Она не была ни лучше, ни хуже, чѣмъ теперь. Конечно, она теперь стала мнѣ извѣстна; но я думаю, мы никогда не довѣрялись одинъ другому.

Нѣсколько минутъ простояла она въ молчаливой задумчивости и потомъ спросила:

— Больше ничего вы не имѣете мнѣ сказать теперь?

— Я хотѣлъ бы знать, леди Дедлокъ, согласны ли вы со мною и оправдываете ли вы мои поступки, говорить методически мистеръ Телькингорнъ, медленно потирая себѣ руки.

— Можете знать.

— Хорошо. Теперь я, какъ дѣловой человѣкъ, только бы желалъ, чтобъ вы дали слово въ случаѣ, если это обстоятельство откроется сэру Лейстеру, подтвердить, что въ моемъ разговорѣ съ вами я единственно старался о томъ, чтобъ сохранить его честь, его репутацію, его званіе; я бы желалъ то же самое исполнить и относительно васъ, леди Дедлокъ, но—увы! это невозможно.

— Я буду свидѣтельствовать о вашей преданности, сэръ.

Передъ этимъ отвѣтомъ и послѣ него она стоитъ задумчиво нѣсколько секундъ, потомъ поворачивается къ двери и идетъ тѣмъ же надменнымъ, тѣмъ же величественнымъ шгомъ, какъ и всегда. Мистеръ Телькингорнъ отворяетъ предъ ней обѣ двери точно такъ же, какъ сдѣлалъ бы это вчера, или какъ сдѣлалъ бы это десять лѣтъ назадъ, и отъѣхиваетъ ей свой старомодный, глубокій поклонъ; но несовсѣмъ-обыкновенный взглядъ бросаетъ на него прелестная голова, скрываясь въ темнотѣ, и несовсѣмъ-обыкновенно (хотя различіе было и ускользающее) принимаетъ законникъ этотъ взглядъ. Оставшіеся насидѣть, онъ обдумываетъ, что женщина была не подъ влияніемъ своего обыденнаго принужденія.

Вѣрнѣе могъ бы понять онъ внутреннюю борьбу этой женщины, еслибъ видѣлъ, какъ металась она по своей комнатѣ съ закинутыми

назадъ волосами, ломая руки; вѣрнѣе бы понялъ онъ, еслибъ видѣлъ какъ эта женщина безъ усталости, несмотря на позднее время ночи, ходила взадъ и впередъ по Террасѣ Привидѣній, сопутствуемая роковыми шагами.

Но адвокатъ, по ея уходѣ, закрывъ окно, задернулъ занавѣсъ, легъ на постель и заснулъ. И когда померкли звѣзды и блѣдный день заглянулъ въ комнату бельведера, старое лицо соннаго адвоката какъ-будто вызывало могильщиковъ и ихъ заступы.

Тотъ же блѣдный день, заглянувъ въ собственную спальню сэра Лейстера, видитъ какъ знаменитый баронетъ прощаетъ кающееся отечество въ величественно-снисходительномъ снѣ; такъ же видитъ онъ, какъ во снѣ вступаютъ кузены въ различныя официальныя должности, главная обязанность которыхъ состоитъ единственно въ полученіи жалованья; какъ дѣвственна Волюмнія предлагаетъ свою руку и приданое въ пятьдесятъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ старому, отвратительному генералу, ротъ котораго полонъ фальшивыхъ зубовъ, какъ ортепянныхъ косточекъ, но генералъ заслуживаетъ удивленіе всего Бата и страхъ многихъ обществъ; заглядываетъ блѣдный день также и въ чердаки и свѣтелки, на дворы и конюшни, гдѣ спитъ незадорное самолюбіе въ дворицкихъ конурахъ и бредитъ о блаженствѣ, неразлучномъ съ волей и прихотью.

Всходитъ солнце и сдергиваетъ за собою весь покровъ ночи, весь бредъ и сладкія мечты; будитъ дремлющій листъ и цвѣтокъ; будитъ животныхъ бродящихъ, летающихъ и ползущихъ, будитъ садовниковъ и бредутъ они по газону, топча изумрудныя, яхонтовыя и жемчужныя капли росы, и вздымаетъ онъ высоко къ небу дымъ изъ дѣятельныхъ кухонь. Наконецъ будитъ онъ и беззаботнаго мистера Телькингорна, и адвокатъ узнаетъ, проснувшись, что сэръ Лейстеръ и леди Дедлокъ спокойно провели ночь въ своемъ благополучномъ замкѣ и готовы гостепріимно принимать всѣхъ въ Линкольншайръ.

ГЛАВА XLII.

Контора мистера Телькингорна.

Съ зеленѣющихъ нивъ, остѣненныхъ широколѣвными дубами дедловскаго помѣстья, переносится мистеръ Телькингорнъ въ душливую жару и пыль Лондона. Способъ перемѣщенія его съ одного мѣста на другое—также одна изъ его тайнъ. Онъ отправляется въ Чизни-Вольдъ точно такъ, какъ-будто-бы шелъ изъ своего кабинета въ другую ком-

нату, и возвращается изъ Чизни-Вольда въ Лондонъ такъ, что и не узнаешь, уходилъ ли онъ съ Полей Линкольнской Палаты, или вѣтъ. Никогда не надѣваетъ онъ дорожнаго платья и никогда ни съ кѣмъ не говоритъ о своихъ поѣздкахъ. Онъ также незамѣтно исчезъ сегодня утромъ изъ своего бельведера въ Чизни-Вольдѣ, какъ неожиданно является вечеромъ въ собственной своей квартирѣ.

Подобно черноперой лондонской птицѣ, изъ породы тѣхъ, которыя вьютъ гнѣзда на этихъ благотворныхъ поляхъ, гдѣ всѣ овцы употребляютъ на пергаментъ, всѣ козы — на парики, всѣ луга — на рынки, возвращается тайно домой прокопченный и завалый адвокатъ. Несмотря на то, что онъ живетъ посреди людей, съ людьми не ведетъ онъ дружескаго знакомства; дожилъ онъ до преклонныхъ лѣтъ, но не испыталъ сладостныхъ дней счастливой юности, и, привыкнувъ снова свою паутину въ углахъ и закоулкахъ человѣческой природы, забылъ, что у нея есть обширныя и свѣтлыя стороны. Въ горнилѣ, изъ накаленной мостовой и накаленныхъ стѣнъ строеній, высохъ онъ, какъ тонкая дрань, и жаждущая душа его въ состояніи мечтать только о столѣтнемъ, густомъ какъ масло, портвейнѣ.

Фонарищикъ ужь подставлялъ лѣстницу къ фонарямъ, освѣщающимъ ту сторону Полей Линкольнской Палаты, на которой живетъ мистеръ Телькингорнъ, когда сей достославный жрецъ фешонбельныхъ тайнъ только еще являлся на свой дворъ.

Входя по лѣстничнымъ ступенямъ вверхъ, замѣчаетъ адвокатъ улыбающуюся и кланяющуюся фигурку маленькаго человѣчка.

— Уже-ли это Снегси ?

— Точно такъ, сэръ. Надѣюсь, вы, слава Богу, здоровы. Я-было заходилъ къ вамъ и теперь иду домой.

— Вотъ что! Зачѣмъ же вы заходили ко мнѣ?

— Сэръ, говоритъ мистеръ Снегси, наклоня шляпу набокъ, въ знакъ особеннаго почтенія къ своему постоянному покупателю: — мнѣ хотѣлось молвить вамъ словца два.

— Можете вы переговорить со мной на лѣстницѣ?

— Совершенно могу, сэръ.

— Говорите.

Законникъ поворачивается, кладетъ руку на желѣзныя поручня лѣстницы и наблюдаетъ за фонарищикомъ, зажигающимъ фонари на дворѣ.

— Дѣло касается... говоритъ мистеръ Снегси тихимъ и таинственнымъ голосомъ: — дѣло касается, сэръ, до чужестранки.

Мистеръ Телькингорнъ смотритъ на него съ удивленіемъ.

— Какая чужестранка? говорить онъ.

— Чужестранка, сэръ, французенка, если я не ошибаюсь. Я самъ незнакомъ съ этимъ языкомъ, сэръ, но, по манерамъ и наружности, думаю, что она французенка, по-крайней-мѣрѣ непременно ужь чужестранка. Я видѣлъ ее у васъ, сэръ, когда имѣлъ честь исполнять съ мистеромъ Бакстомъ нѣкоторое порученіе касательно мальчика...

— А, понимаю, mademoiselle Hortense.

— Очень можетъ быть, сэръ. Мистеръ Снегсби прокашливается почтительно въ шляпу. — Я, изволите видѣть, съ трудомъ произношу чужестранныя имена вообще, но увѣренъ, что вы произносите правильно, именно Муу... но никакое отчаянное усміе не можетъ побосить горю, и мистеръ Снегсби откашливается извинительно.

— Что жъ вы имѣете сказать о ней? спрашиваетъ мистеръ Телькингорнъ.

— Вотъ что, сэръ, отвѣчаетъ поставщикъ канцелярскихъ принадлежностей, осыная ротъ свой, для большей таинственности, шляпой: — она крѣпко нападаетъ на меня, сэръ. Семейное счастье мое велико, такъ велико, какъ только можно желать, мистеръ Телькингорнъ; но изволите видѣть, жена моя ревнива — отъ слова не станется — очень ревнива. И теперь, сэръ, посудите сами мое положеніе: чужестранка, въ нѣкоторомъ родѣ, изъ-себя очень-недурна и приходитъ однажды ко мнѣ въ лавку; разъ-то ничего бы; нѣтъ, ее — отъ слова не станется — нелегкая суетъ всякой день къ намъ на дворъ. Что бъ ей, кажется, слоняться на дворѣ?... такъ нѣтъ... вѣдь это, знаете, сэръ... ну, словомъ, обсудите сами, сэръ...

Мистеръ Снегсби, высказавшись съ очень-плачевными гримасами, дополняетъ рѣчь свою въ родѣ утешенія горестнаго состоянія души кашлемъ, призывающимся на всякій случай.

— Что жъ вы объ этомъ думаете? спрашиваетъ мистеръ Телькингорнъ.

— Я былъ увѣренъ, что вы поймете мое положеніе, сэръ, отвѣчаетъ Снегсби: — если потрудитесь вникнуть въ раздражительность жены моей. Извольте видѣть: чужестранка, имя которой вы только-что произнесли совершенно-правильно, должна-быть очень-бойкая женщина; она на-лету схватила, въ тотъ, помните, сэръ, вечеръ, слово Снегсби; давай наводитъ обо мнѣ справки и мастъ къ намъ въ обеденное время. Теперь Крикса, горничная мамъ, знаете, существо робкое, страдаетъ — отъ слова не станется — припадками, перенугалась страшно этой му... то, понимаете, чужестранки-то, а вѣдь она, сэръ,

такъ поглядываетъ страшно и такъ говоритъ быстро, что, дай Богъ, мужичиѣ устоять на ногахъ; такъ вотъ Крикса-то, сэръ, перепугавшись и полетѣла съ лѣстницы внизъ головой, растянулась на полу, да изъ одного обморока въ другой — и пошла потѣха. Къ-счастью, всѣ хлопоты по кухнѣ пали на мою жену, и я одинъ остался при лавкѣ. Вотъ, сэръ, входитъ она въ лавку и говоритъ : «мистеръ Телькингорнъ меня къ себѣ не пускаетъ, такъ я хочу быть здѣсь и добьюсь чего хочу». Съ-тѣхъ-поръ и начала слоняться, сэръ, именно слоняться, говоритъ мистеръ Снегсби, съ особеннымъ выраженіемъ : — всякой день у насъ на дворѣ. Судите сами, какія отъ этого могутъ выйдти послѣдствія. Ужь не только женѣ, да, чего-добраго, и сосѣдямъ могутъ взбрести въ голову такія умозаключенія, что Боже упаси. Между-тѣмъ, какъ мнѣ, сэръ, говоритъ мистеръ Снегсби съ отчаяннымъ трясеньемъ головы : — клянусь вамъ, и въ голову никогда не приходятъ никакія чежестранки; видывалъ ихъ въ-старину съ метелками и грудными дѣтьми, а нынче выдаю съ тамбуриномъ и въ серьгахъ — вотъ и все.

Мистеръ Телькингорнъ слушаетъ очень-серьезно исповѣдь мистера Снегсби и, дослушавъ до конца, говоритъ :

— Все, Снегсби ?

— Все, сэръ, отвѣчаетъ поставщикъ канцелярскихъ принадлежностей, съ такимъ кашлемъ въ кулакъ, который ясно говоритъ : « съ меня и этого будетъ, сэръ! »

— Не знаю, чего хочется mademoiselle Гортензіи, говоритъ адвокатъ : — она просто сумасшедшая, я полагаю.

— Хотя бы и съумасшедшая, сэръ, жалобно говоритъ мистеръ Снегсби : — все-таки плохое это утѣшеніе, того-и-гляди, собьеть съ толку все семейство.

— Разумѣется, разумѣется, отвѣчаетъ адвокатъ : — этому надо положить конецъ. Я понимаю, какъ вамъ неприятны ея посѣщенія. Вотъ вы что сдѣлайте : первый разъ, какъ она явится къ вамъ, отправьте ее ко мнѣ.

Мистеръ Снегсби просіялъ радостью; отвѣсивъ множество поклоновъ, прокашливается онъ слегка и уходитъ. Мистеръ Телькингорнъ подымается выше и рассуждаетъ, должно думать, такимъ-образомъ :

« Ужь эти женщины! отъ нихъ только и толку на землѣ, что хлопоты, да безпорядки. Не успѣлъ еще съ барыней сладить, глядь, тутъ горничную на шею навязываютъ. Да эту-то я скоро угомоню ».

Размысливъ, отворяетъ онъ дверь, ошущю бредетъ по темнымъ комнатамъ и засвѣчиваетъ огонь. Свѣчи горятъ неярко и аллегорія на потолкѣ плохо видна ; но осанистый римлянинъ, смѣло-выскочившій изъ

облаковъ, видѣтъ ясно. Впрочемъ, мистеръ Телькингорнъ не удостоиваетъ его своимъ вниманіемъ; онъ достаетъ изъ бокового кармана маленькій ключикъ, отпираетъ имъ ящикъ, изъ ящика достаетъ другой ключъ, имъ отпираетъ сундукъ, изъ сундука вынимаетъ третій ключъ и такъ далѣе, пока наконецъ не попадаетъ на ключъ отъ виннаго погреба, куда и готовится спуститься за своимъ столѣтнимъ портовейномъ. Вотъ беретъ онъ свѣчку и идетъ было къ двери; вдругъ раздается стукъ.

— Кто здѣсь? Ага, мистриссъ, это вы? Кстати пожаловали, очень-кстати! Мнѣ только-что говорили о васъ. Ну-съ, что вамъ нужно?

И привѣтствуя mademoiselle Гортензію такими нѣжными выраженіями, адвокатъ ставитъ свѣчку на каминъ въ комнатѣ своего писаря и постукиваетъ ключомъ по сухимъ, впалымъ щекамъ своимъ. Mademoiselle Гортензія, молча, сверкаетъ глазами по сторонамъ и тихо затворяетъ дверь.

— Мнѣ стоило большаго труда отыскать васъ дома, сэръ, говоритъ она.

— Вотъ что!...

— Дѣ, сэръ, я была у васъ нѣсколько разъ, но мнѣ всегда говорили, что или васъ нѣтъ дома, или вы заняты, или вы не хотите меня принять.

— Вамъ говорили совершенно-вѣрно.

— Вздоръ, лгали!

Иногда въ mademoiselle Гортензіи много страшнаго; такъ и кажется что она прыгнетъ, какъ тигрица, и невольно испугаешься ея и отступивши шага два назадъ. Такое чувство страха гнѣдится въ настоящую минуту въ мистеръ Телькингорнъ; онъ уступаетъ ему, а французиска съ полузакрытыми глазами только презрительно улыбается, качаетъ головой и бросаетъ по сторонамъ взгляды.

— Ну мистриссъ, говоритъ адвокатъ, нетерпѣливо постукивая ключомъ о каминъ: — если вамъ, что-нибудь надо, такъ говорите сейчасъ же.

— Вы дурно поступили со мной, сэръ. Вы поступили со мной низко.

— Низко? повторяетъ законникъ, потирая ключомъ себѣ носъ.

— Дѣ, низко и подло, говорю я вамъ. Вы обманули меня. Вы заставили меня надѣть то платье, въ которомъ, можетъ-быть, была миазма; заставили меня придти сюда, разыграть комедію съ мальчикомъ... Что? неправда? говорите! и тигрица снова готова сдѣлать прыжокъ на свою жертву.

«Ты зелье, страшное зелье», думает про себя мистеръ Телькингорнъ, смотря на нее разсѣянно.

— Ну что жь, холопка, вѣдь тебѣ за это и заплачено, говоритъ она.

— Не ты ли заплатилъ! отвѣчаетъ она съ бѣшенствомъ: — ты далъ мнѣ два соверина — вотъ они; проглоти ихъ самъ, старый, если хочешь, и съ этими словами она бросаетъ деньги почти въ него и съ такою силою, что они сдѣлали по полу нѣсколько рикошетовъ прежде, чѣмъ полетѣли въ углы, гдѣ, повертѣсь, улеглись спокойно.

Мистеръ Телькингорнъ потираетъ ключомъ себѣ голову, а mademoiselle Гортенція саркастически смѣется, повторяя: — ты заплатилъ! ты заплатилъ!

— Стало-быть ты очень-богата, прелестный другой мой, говоритъ адвокатъ: — что бросаешь деньги на полъ.

— Я богата, я очень-богата, отвѣчаетъ она: — только злобой и ненавистью. Я ненавижу миледи отъ всего моего сердца—ты это знаешь.

— До-сихъ-поръ не зналъ.

— Ты зналъ и зналъ очень-хорошо, потому и просилъ доставить тебѣ нѣкоторыя свѣдѣнія. Ты зналъ, что я еп-г-г-г-г-агее.

И такое количество г-овъ, съ которыми произнесла mademoiselle Гортенція слово engagé, казалось ей недостаточнымъ для выраженія ея гнѣва, потому она еще сжимаетъ зубы, скрежещетъ ими и ломаетъ пальцы на рукахъ.

— Такъ я зналъ? такъ я зналъ? говоритъ мистеръ Телькингорнъ, рассматривая бородку ключа.

— Безъ-сомнѣнія зналъ. И правъ: я ненавижу ее, говоритъ mademoiselle Гортенція, смотря на мистера Телькингорна черезъ плечо.

— Ну-съ, больше вы ничего не имѣете сказать мнѣ, mademoiselle?

— Я безъ мѣста, сэръ. Помѣстите меня, пристройте меня на хорошихъ условіяхъ. Если вы не хотите, или не можете этого сдѣлать, то дайте мнѣ средства отмстить миледи; опозорить ее, обезчестить ее. Я пособлю вамъ. Вы вѣдь добиваетесь этой цѣли—я знаю! все знаю!

— Вы, кажется, ужь чересчуръ много знаете, отвѣчаетъ мистеръ Телькингорнъ.

— Развѣ я говорю неправду? Развѣ я такъ глупа, какъ маленькій ребенокъ? Ужели вы меня заставите вѣрить, что вся эта продѣлка съ грязнымъ мальчикомъ была только вслѣдствіе вашего пари съ кѣмъ-то. О! Боже мой, о mon Dieu! я не такъ глупа! я не такъ глупа! и черные глаза ея, кажется, были закрыты и открыты въ одно и то же время.

— Выслушайте меня, мистриссъ, говоритъ мистеръ Телькингоръ, постукивая по подбородку ключомъ и смотря на нее равнодушно: — вотъ что я вамъ скажу...

— А! выслушать васъ! перебиваетъ его mademoiselle Гортензiа съ гнѣвнымъ и грознымъ киваньемъ головы: — выслушать васъ!..

— Вы, пожаловали сюда, продолжаетъ адвокатъ, не обращая на нее вниманiя: — съ очень-умѣренной просьбою, которую сейчасъ изложили; если эта просьба не исполнится, такъ вы, чего добраго, пожалуете сюда опять?

— Да, опять, говоритъ mademoiselle Hortense еще съ болѣе-гнѣвнымъ и болѣе грознымъ киваньемъ головы: — еще опять и еще опять и тысячу разъ опять!

— И если васъ здѣсь не примутъ, вы, можетъ-быть, захотите прогуляться и опять къ мистеру Снегси.

— Да, опять, повторяетъ mademoiselle, съ совершенною рѣшимостью: — еще опять и еще опять и тысячу разъ опять!

— Очень-хорошо. Теперь позвольте посоветовать вамъ, mademoiselle Hortense, взять свѣчку и поискать ваши соверины. Я думаю, вы ихъ найдете за перегородкой моего писаря, гдѣ-нибудь въ углу.

Mademoiselle Hortense презрительно смѣется, глядя черезъ плечо на адвоката.

— Вы не хотите?

— Не хочу!

— Очень-хорошо. Чѣмъ бѣднѣе вы, тѣмъ, стало-быть, богаче я. Теперь къ дѣлу. Видите ли вы, мистриссъ, вотъ этотъ ключъ отъ моего виннаго погреба? Большой ключъ, не правда ли? но тюремные ключи побольше и потяжелѣе его. Въ этомъ государствѣ есть исправительные дома; двери у этихъ домовъ крѣпки, очень-крѣпки; и я боюсь, что особѣ съ вашимъ темпераментомъ и съ вашею дѣятельностью не понравится сидѣть тамъ даже нѣсколько часовъ. Что вы на это скажете?

— Я скажу, отвѣчаетъ mademoiselle Hortense, совершенно-спокойнымъ и твердымъ голосомъ: — что ты подлый мошенникъ!

— Можетъ-быть, отвѣчаетъ мистеръ Телькингоръ спокойно, высмаркиваясь: — не я не спрашиваю вашего мнѣнiя обо мнѣ, а я спрашиваю ваше мнѣнiе о тюрьмѣ.

— О тюрьмѣ я ничего не думаю. Что мнѣ до нея за дѣло?

— Что вамъ за дѣло? говоритъ законникъ, укладывая медленно носовой платокъ въ карманъ и поправляя воротнички — а вотъ что

я вамъ скажу: законъ въ нашей доброй Англiи строго запрещаетъ безпокоить гражданъ посѣщеніями противъ ихъ желанія; и если онъ узнаетъ, что кто-нибудь, хотя бы это была и женщина шатается въ чужіе дома противъ желанія владѣтелей, онъ деспотически предписываетъ схватить эту женщину, посадить въ тюрьму подъ строгій надзоръ и запереть ее тамъ.

— Въ-самошъ-дѣлѣ? отвѣчаетъ mademoiselle Гортензія, въ томъ же шутивомъ тонѣ: — это очень-забавно, сэръ, право очень-забавно. Только мнѣ до этого никакого нѣтъ дѣла.

— Любезный другъ мой, говоритъ мистеръ Телькингоръ: — попросите еще разъ прійти ко мнѣ, или къ мистеру Снегсби, такъ вы узнаете, какое вамъ до этого дѣло.

— Если я прійду еще разъ, такъ вы, пожалуй, меня посадите въ тюрьму?

— Пожалуй посажу.

Разумѣется, пѣна у рта mademoiselle Гортензіи была бы несовмѣстна съ такимъ веселымъ расположеніемъ духа, въ какомъ она теперь находится; но право, еслибъ еще немножко, тигрица забрызгала бы ядовитой пѣной лицо знаменитаго адвоката.

— Однимъ словомъ, мистриссъ, говоритъ мистеръ Телькингоръ: — мнѣ очень-непріятно оскорбить васъ; но если вы еще разъ пожелаете сюда безъ приглашенія, или къ мистеру Снегсби, я вынужденъ буду передать васъ въ руки полиціи. Полиція очень-вѣжлива съ дамами, но грубо обращается съ безпокойными тварями — слышишь ли ты это, холопка!

— Не посмѣешь, старый! шипитъ mademoiselle Гортенція: — я докажу тебѣ, что ты не посмѣешь!

— И если, продолжаетъ законникъ, не обращая никакого вниманія на шипѣніе тигрицы: — и если, холопка, я помѣщу тебя въ надежныя руки, то много утечетъ воды, пока снова получишь ты свободу.

— Не посмѣешь, негодяй, не посмѣешь! шипѣла mademoiselle, вытягивая впередъ руки.

— А теперь пока, говоритъ адвокатъ, все-таки не обращая на нее никакого вниманія: — я совѣтую тебѣ убраться и очень, очень подумать прежде, чѣмъ захочешь снова пожаловать сюда.

— Совѣтую тебѣ, старикъ, подумать, не одинъ разъ о томъ, что ты врешь! отвѣчаетъ Гортензія.

— Ты была отпущена твоей леди, замѣчаетъ мистеръ Телькингоръ, провожая ее съ лѣстницы: — какъ безпокойная и дерзкая дѣвка; те-

перъ ты принимаешься за другія глупости, такъ совѣтую тебѣ выучить наизусть, мистриссъ, слѣдующее все, что я говорю, то думаю, и чѣмъ грожу, то исполню.

Mademoiselle Hortense спускается съ лѣстницы не отвѣчая и не оборачиваясь. Адвокатъ спускается также, но только въ винный погребъ; достаетъ оттуда покрытую паутиной и заросшую мхомъ бутылочку портвейна, и возвратясь въ свой кабинетъ, садится въ кресло и наслаждается своимъ столѣтнимъ винцомъ. По-временамъ, закинувъ голову назадъ, видитъ онъ осанистаго римлянина, указывающаго на аллегорію и облака.

ГЛАВА XLII.

Разсказъ Эсобра.

Нѣчего говорить, какъ часто задумывалась я о судьбѣ моей матери, и какъ тяжело было моему сердцу не считать ея въ живыхъ. Я не смѣла приблизиться къ ней, напомнить ей о себѣ письменно, потому-что опасность, которой она ежедневно подвергалась, вселяла въ меня непреодолимый страхъ. Знать, что жизнь моя есть единственный укоръ матери — невыносимая пытка. Я не смѣла нетолько произносить ея имя, но, кажется, боялась даже и выслушать его. Если когда-нибудь въ моемъ присутствіи разговоръ склонялся на Чизни-Вольдъ, на сэра Лейстера Дедлока... на леди Дедлокъ, что, разумѣется, случалось довольно-часто, я старалась не прислушиваться къ этому разговору, уходила изъ комнаты съ единственною нѣлью, чтобъ какъ-нибудь случайно, словомъ или выраженіемъ лица, не измѣнить тайнъ, которую я считала священнымъ долгомъ хранить такъ глубоко, какъ могла.

Но съ какимъ наслажденіемъ вспоминала я звуки материнскаго голоса, когда оставалась одна; какъ жаждала я повторенія этихъ сладкихъ, нѣжныхъ звуковъ, которымъ суждено было невозвратно и только однажды коснуться моего слуха! Съ какимъ чувствомъ я тысячу разъ проходила мимо порога городского отеля Дедлоковъ, не смѣя и не питая никогда надежды заглянуть туда. Я видѣла еще разъ мою мать: это было въ театрѣ — Боже! сколько непонятныхъ, неизъяснимыхъ чувствъ взволновалось въ истерзанной груди моей. Но всему конецъ. Все прошло и прошло навсегда. Судьба моя была такъ счастлива! Но врядъ ли могу я сказать что-нибудь исключительно о себѣ; разсказъ мой будетъ только повѣстью о добротѣ и великодушіи окружающихъ меня благодѣтелей.

Соединясь снова въ Холодномъ Домѣ, мы очень-часто поговаривали

о Ричардѣ. Грустно было милочкѣ моей, очень-грустно обвинять своего прекраснаго кузена; но дѣлать нечего, этого требовала справедливость, хотя любовь и не позволяла сердиться на милаго Рика, даже за его поступки противъ мистера Жарндиса. Опекунъ мой щадилъ ея чувство и никогда ни однимъ упрекомъ не оскорблялъ Ричарда.

— Рикъ ошибается, моя милая, говорилъ онъ ей: — что жь дѣлать: ошибаться — въ природѣ человѣка; мы все ошибались болѣе или менѣе въ жизни. Мы должны надѣяться на время и на тебя; подъ вашимъ совокупнымъ вліяніемъ онъ броситъ ложное направленіе и снова пойдетъ по прямой дорогѣ.

Мы однакожь узнали впоследствии, что мистеръ Жарндисъ только тогда предоставилъ вліянію времени судьбу Ричарда, когда ужь убѣдился въ совершенной невозможности открыть передъ нимъ истину. Онъ писалъ къ нему, ѣздилъ къ нему, говорилъ съ нимъ, употреблялъ все неистощимыя средства своего добраго сердца, чтобъ убѣдить его; но все оказалось тщетнымъ. Бѣдный, заблужденный Ричардъ былъ глухъ и слѣпъ ко всемъ убѣжденіямъ, внушеннымъ неискреннею добротою мистера Жарндиса.

— Если я несправедливъ, говорилъ Ричардъ: — то, по окончаніи оберканцелярскаго процесса, я буду съ раскаяніемъ просить прощенія. Если я брожу въ потьмахъ, то справедливость требуетъ разъяснить это несчастное дѣло, чтобъ оно не могло служить ловушкою для другихъ. Дайте мнѣ кончить процессъ — и слѣпота спадетъ съ меня и я брошу ложную дорогу.

Вотъ обыкновенные отвѣты Ричарда. Процессъ по дѣлу Жарндисовъ такъ завладѣлъ всей его природою, что невозможно было предложить ему ни одного доказательства въ безполезности его хлопотъ, чтобъ онъ не опровергъ его самымъ софистическимъ образомъ, опираясь все-таки на Оберканцелярію.

— Нѣтъ, говорилъ однажды опекунъ мой: — мнѣ кажется, что удерживать его, значитъ дѣлать ему вредъ; предоставимъ все времени.

Однажды, при удобномъ случаѣ, я сообщила опекуну моему ошасенія, что мистеръ Скимполь даетъ вредные совѣты Ричарду.

— Совѣты? отвѣчалъ опекунъ мой, смѣясь: — что ты, мой другъ! кто будетъ слушать совѣтовъ Скимполя?

— По-крайней-мѣрѣ, мистеръ Скимполь ободраетъ его, мнѣ кажется, сказала я.

— Можетъ ли это быть, другъ мой? отвѣчалъ опекунъ мой опять: — кто будетъ слушать его ободренія?

— Вы думаете, что можно быть спокойным на-счетъ Ричарда въ этомъ отношеніи?

— Разумѣется. Общество такого простодушнаго, такого невиннаго существа не только безвредно, но послужитъ для него, я думаю, удовольствіемъ и утѣшеніемъ. Что же касается до совѣтовъ, ободреній, вообще до чего-нибудь серьезнаго, то къ этому такой ребенокъ, какъ Скимполь, совершенно-неспособенъ.

— Скажите, братецъ Джонъ, спрашивала Ада, подошла въ эту минуту къ намъ и смотря черезъ мое плечо:—отчего онъ такой ребенокъ?

— Отчего онъ такой ребенокъ?.. повторилъ опекунъ мой, потирая себѣ голову: — отчего онъ такой ребенокъ?..

— Да, братецъ Джонъ.

— Гм!.. отвѣчалъ онъ съ разстановкой, все болѣе-и-болѣе, трепля свои волосы: — онъ, видите ли, весь чувство и... и воспримчивость, и... и доброта, и... и воображеніе. Эти качества, кажется, не уравнены въ немъ. Я думаю, что тѣ люди, которые восхищались его направленіемъ, когда онъ былъ еще ребенкомъ, придавали ему слишкомъ-большое значеніе, упустивъ изъ виду тѣ достоинства, которыя могли бы въ жизни примирить умъ съ сердцемъ. Вотъ почему онъ такой ребенокъ, сказалъ опекунъ мой, остановясь и смотря на насъ спокойно: — что вы на это скажете?

Ада, смотря на меня, говорила, что, къ ея сожалѣнію, мистеръ Скимполь заставляетъ Ричарда дѣлать лишніе расходы.

— Уже ль Ричардъ тратится на него? отвѣчалъ опекунъ мой поспѣшно: — этого не должно быть. Нѣтъ, нѣтъ, этому надо положить конецъ!

Я прибавила, что мистеръ Скимполь, какъ мнѣ кажется, за подарокъ въ пять фунтовъ стерлинговъ отрекомендовалъ Ричарда мистеру Волису.

— Уже ль? отвѣчалъ опекунъ мой и быстро тѣнь неудовольствія покрыла лицо его: — вотъ онъ каковъ! вотъ онъ каковъ! Въ немъ нѣтъ корыстолюбія ни на волосъ. Онъ не имѣетъ никакого понятія о цѣнности денегъ. Онъ приводитъ Рика къ Волису, другъ съ Волисомъ, беретъ у него пять фунтовъ стерлинговъ, и это дѣлаетъ безъ всякой мысли, безъ всякой цѣли. Я даже увѣренъ, моя милая, что онъ вамъ самъ разсказалъ объ этомъ.

— Да, самъ, отвѣчала я!

— Такъ я и зналъ! воскликнулъ опекунъ мой торжественно.— Вотъ онъ каковъ! Еслибъ онъ зналъ, что поступокъ его нехорошъ, еслибъ онъ бралъ деньги съ умысломъ, вѣрно, не сказалъ бы вамъ объ этомъ

ни полслова; а онъ говорилъ вамъ точно такъ же, какъ и братъ деньги: совершенно въ простотѣ сердечной. Посмотрите на него въ собственной его квартирѣ и тогда вы поймете его лучше. Сдѣлаемъ ему визитъ, вымоемъ ему, за эти глупости, хорошенько голову. Погѣрьте, друзья мои, Гарольдъ Скимполь сущій ребенокъ, сущій ребенокъ!

Въ — самомъ — дѣлѣ, на другой день отправились мы въ Лондонъ и рано утромъ подошли къ двери мистера Скимполя. Онъ жилъ въ части города (известной подъ названіемъ Полигона), которая въ то время служила убѣжищемъ для испанскихъ выходцевъ, бродившихъ тамъ въ своихъ плащахъ и съ папиросами. Считался ли мистеръ Скимполь хорошимъ жильцомъ, потому — что добрый другъ его Кто-Нибудь, всегда во-время уплачивалъ за него квартирные деньги; или считался онъ человѣкомъ, до-того не способнымъ къ дѣламъ, что съ нимъ никакъ не развяжешься, какъ бы то ни было, онъ ужъ нѣсколько лѣтъ жилъ на одной и той же квартирѣ. Она, согласно ожиданіямъ нашимъ, была въ совершенномъ беспорядкѣ: поручни лѣстницы были сломаны, ручка звонка, судя по ржавому концу проволоки, давнымъ-давно оторвана и отпечатки грязныхъ ногъ на ступеняхъ были единственнымъ признакомъ обитаемости.

Дюжая горничная, въ платьѣ, лопнувшемъ по швамъ, и въ взорванныхъ башмакахъ, очень напоминала растрескавшуюся, переспѣлую ягоду; на нашъ стукъ она приотворила дверь и высунулась. Увидавъ мистера Жарндиса (мы не сомнѣвались съ Адой, что онъ платилъ ей деньги за услуги мистеру Скимполю, и слѣдовательно она знала его) она отворила дверь настежь и просила войти. Замокъ у наружной двери былъ сломанъ и переспѣлая ягода замѣняла его цѣпью, замотанною на гвоздь; совершая эту операцію она предложила намъ идти наверхъ.

Мы поднялись въ первый этажъ по лѣстницѣ, украшенной слѣдами грязныхъ ногъ. Мистеръ Жарндисъ, безъ дальнихъ церемоній, вошелъ въ комнату и мы вошли за нимъ. Комната была грязна, но меблирована; въ ней была большая скамейка, софа съ множествомъ подушекъ, кушетка, кресло, фортепьяно, книги, кисти, краски, газеты, ноты, нѣсколько эскизовъ и картинъ. Разбитое стекло въ грязной рамѣ замѣнялось клочкомъ бумаги, между-тѣмъ, какъ на столѣ были три маленькія блюдечка, одно съ персиками, другое съ виноградомъ, третье съ бисквитами, и бутылка съ легкимъ виномъ. Мистеръ Скимполь, въ халатѣ развалился на софѣ, пилъ душистый кофе изъ старинной чашки и

тайского фарфора (было около полудня) и любовался стѣнными цвѣтами, выюющимися по балкону.

Появленіе наше нисколько не смутило его; онъ тотчасъ же соскочилъ съ мѣста и принялъ насъ совершенно-радушно.

— Вотъ гдѣ я живу! говорилъ онъ, когда мы старались сѣсть, что, разумеется, было сопряжено съ большимъ трудомъ, потому-что бѣлая часть стульевъ была переломана: — вотъ гдѣ я живу! Это мой скромный завтракъ. Многіе любятъ къ завтраку телячья ножки, или кусокъ баранины; я не люблю. Дайте мнѣ персикъ, чашку мокко, стаканъ бордо—и я сытъ. Видите ли, кофе, виноградъ... это напоминаетъ о Югѣ, о солнцѣ... и тепло и поэтично; а мясо, баранина... тутъ ничего нѣтъ южнаго... животная потребность и—только!

— Эта комната для консультацій съ моимъ другомъ (по-крайней-мѣрѣ, ее бы такъ называли, еслибъ онъ еще практиковалъ), это его святилище, его лабораторія, говорилъ опекунъ мой.

— Правда, совершенно правда, замѣчалъ мистеръ Скимполь, весело смотря вокругъ: — это птичья клетка: въ ней сидитъ птичка и поетъ. Ей иногда подрѣзаютъ крылышки, но она поетъ-себѣ, да поетъ!

Онъ предлагалъ намъ гостепріимно блюдечки съ персиками и виноградомъ, а самъ твердилъ: — поетъ-себѣ, да поетъ! не пѣснь честолюбія, но поетъ-себѣ—да и только.

— Прекрасный виноградъ! говорилъ опекунъ мой: — что это, Гарольдъ, подарокъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: — не подарокъ; я беру у одного очень-любезнаго садовника. Вчера вечеромъ мальчикъ, который принесъ эти фрукты, спрашиваетъ меня: прикажу ли я ему теперь дожидаться денегъ, или послѣ прійти за ними. — «Любезный, сказалъ я ему: — это какъ тебѣ угодно: если у тебя много лишняго времени, жди сколько хочешь». Должно-быть мальчикъ дорожилъ временемъ, потому-что ушелъ и до-сихъ-поръ не возвращался.

Опекунъ мой взглянулъ на насъ съ улыбкой, которая ясно говорила: — вотъ, друзья мои, дитя: можно ли съ нимъ говорить о серьезныхъ вещахъ?

— Посѣщеніе ваше, говорилъ мистеръ Скимполь, наливая себѣ стаканъ бордо: — знаменуетъ сегодняшний день; мы его назовемъ днемъ Ады и Эсвири. Вы должны познакомиться съ моими дочерьми. Одну изъ нихъ я называю Красотою, другую — Нѣжностью, третью — Веселостью. Посмотрите на ихъ: онѣ будутъ отъ васъ въ восторгѣ.

Мистеръ Скипполь всталъ ужъ и хотѣлъ идти за своими дочерьми, но опекунъ мой просилъ его подождать еще минуту.

— Сколько угодно, мой милый Жарндисъ, отвѣчалъ привѣтливо мистеръ Скипполь, возвращаясь къ своей сестрѣ: — время здѣсь ни почему; мы никогда не спрашиваемъ который часъ. Ты, можетъ, скажешь, что мы непорядочные люди? быть можетъ оно и такъ. Мы живемъ, какъ живется, мало думая о томъ, какъ бы слѣдовало жить.

Мой опекунъ взглянулъ опять на насъ и во взорѣ его можно было прочесть: — вотъ какое дитя!

— Послушай Гарольдъ, началъ опекунъ мой: — я хочу поговорить съ тобой о Рикѣ.

— А! о лучшемъ изъ моихъ друзей! отвѣчалъ мистеръ Скипполь радушно: — быть-можетъ мнѣ не слѣдовало бы съ нимъ дружить, потому-что онъ въ разладѣ съ тобой; но что жь дѣлать! въ немъ столько познн, что нравится или не нравится тебѣ, а я не могу не любить его отъ всего сердца.

Откровенность, съ которою онъ выражался, была неподдѣльна и лишена всякихъ эгонистическихъ видовъ; она очаровала моего опекуна и, я думаю, также мою милочку Аду.

— Ты можешь любить его сколько твоей душѣ угодно, отвѣчалъ мистеръ Жарндисъ: — но, Гарольдъ, надо побережь карманъ его.

— Аа! возразилъ мистеръ Скипполь: — его карманъ? Ты всегда говоришь о такихъ вещахъ, которыхъ я не понимаю, продолжалъ онъ, помакивая бисквиты въ стаканъ съ виномъ и привѣтливо улыбаясь намъ съ Адой.

— Если ты любишь развѣзжать съ нимъ туда и сюда, говорилъ опекунъ мой откровенно: — по-крайней-мѣрѣ не заставляй его платить за двоихъ.

— Мой милый Жарндисъ, отвѣчалъ мистеръ Скипполь, которому такая мысль казалась комически-забавною: — что жь я буду дѣлать? если Ричардъ беретъ меня съ собой, я долженъ ѣхать. Какъ же я буду платить? у меня нѣтъ никогда ни копейки денегъ. Да еслибъ у меня и были деньги, я не зналъ бы что съ ними дѣлать. Положимъ, я спрошу сколько это стодитъ? положимъ, мнѣ отвѣтять: семь шиллинговъ, семь пенсовъ. Я тутъ ровно ничего не пойму. Не бѣгать же мнѣ къ дѣловымъ людямъ и не справляться у нихъ, что значать семь шиллинговъ и семь пенсовъ? Для меня это настоящая китайская грамота, которую я во-вѣки-вѣковъ не пойму.

Все это такъ, говорилъ опекунъ мой, во всякомъ случаѣ довольно безъискусственнымъ отвѣтомъ мистера Скимполя : — по-крайней-мѣрѣ когда тебѣ придется развѣзжать съ Рикомъ, ты бери деньги у меня, разумеется, не говоря ему объ этомъ ни слова, и предоставь ему рассчитывать и расплачиваться за тебя.

— Мой милый Жарндисъ, отвѣчалъ мистеръ Скимполь : — я все готовъ сдѣлать, что можетъ тебѣ доставить удовольствіе ; но мнѣ кажется это пустая только форма, только... предразсудки. Увѣряю васъ, миссъ Клеръ и миссъ Семерсонъ, увѣряю васъ, мистеръ Карстонъ баснословно богатъ. Ему стѣдуетъ подписать только какому-то бумажку, или какой-то билетикъ, или что-нибудь въ этотъ родъ — и на него такъ и посыплются деньги !

— На-самомъ-дѣлѣ это не такъ, отвѣчала Ада : — онъ очень, очень-бѣденъ, мистеръ Скимполь.

— Уже-ли бѣденъ ? возразилъ мистеръ Скимполь, весело улыбаясь : — вы удивляете меня, миссъ.

— И тѣмъ еще бѣднѣе, что питается самыми пустыми надеждами, говорилъ опекунъ мой, положивъ руку на рукавъ халата мистера Скимполя : — пожалуйста, Гарольдъ, избѣгай всячески ободрять его въ этомъ несчастномъ дѣлѣ.

— Любезный и добрый другъ мой, отвѣчалъ мистеръ Скимполь : — милая моя миссъ Семерсонъ и милая моя миссъ Клеръ, я право не знаю, могу ли я его ободрять : въ процессахъ, да и во всей юриспруденціи я ничего не понимаю. Онъ, это правда, ободряетъ меня. Покончивъ дѣла въ Оберканцеляріи, онъ приходитъ ко мнѣ, говорить о широкихъ надеждахъ, заставляетъ меня удивляться имъ, и я удивляюсь, но больше ничего не знаю, въ чемъ и сознаюсь передъ нимъ.

Это спокойствіе, подъ которымъ онъ выставлялъ себя передъ нами, эта доброта и легкость сердца, съ которыми онъ такъ фантастически говорилъ о себѣ самомъ, могли, безъ-сомнѣнія, служить утѣшеніемъ моему опекуну. Чѣмъ больше я видѣла Скимполя, тѣмъ меньше была я въ состояніи подозрѣвать, чтобъ онъ могъ имѣть не только вредное, но даже какое-нибудь вліяніе на кого бы то ни было.

Узнавъ, что *испытаніе* его (какъ онъ выражался) кончилось, мистеръ Скимполь оставилъ весело комнату и пошелъ за своими дочерьми, (сыновей его не было дома), порадовавъ опекуна моего своимъ дѣтскимъ характеромъ. Онъ скоро вернулся назадъ, ведя трехъ дочерей своихъ, и мистриссъ Скимполь, которая съ-молоду, должно-быть, была очень-хороша собою, а теперь страдала различными болѣзнями.

— Рекомендую, говорилъ мистеръ Скимполь : — вотъ первая дочь моя, Аретуза; ее я зову Красотой. Она играетъ немного, рисуешь немного, поетъ немного, точь-въ-точь какъ ее отецъ. Вотъ моя вторая дочь, Лаура; ее я зову Нѣжностью; она немножко играетъ, но не поетъ. Вотъ третья дочь моя, Китти; ее я зову Веселость; она не играетъ, но немножко поетъ. Мы все понемножку рисуемъ, понемножку композуемъ и никто изъ насъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія ни о времени ни о деньгахъ.

Мистриссъ Скимполь, какъ мнѣ показалось, тяжело вздохнула, когда мужъ ее перечислялъ эти достоинства дочерей. Мнѣ также показалось, что она значительно посматривала на опекуна моего и желала дать ему замѣтить, что на него смотреть.

— Весьма-забавно, говорилъ мистеръ Скимполь, весело осматривая насъ всѣхъ : — и не только забавно, но и юмористически-интересно подмѣчать семейныя особенности. Въ нашемъ семействѣ мы все дѣти и я самый младшій изъ нихъ !

Дочери, которыя, казалось, любили его нѣжно, были въ восторгѣ отъ этого забавнаго факта; болѣе всѣхъ радовалась Веселость.

— Развѣ не такъ, мои милыя? говоритъ мистеръ Скимполь : — это наша натура. Вотъ миссъ Семерсонъ, съ удивительно-административными способностями и съ удивительнымъ познаніемъ житейскихъ мелочей. Я увѣренъ, что для миссъ Семерсонъ будетъ очень-дико слышать, что есть люди, которые не имѣютъ понятія какъ сдѣлать котлеты; между-тѣмъ мы не имѣемъ ни малѣйшаго объ этомъ понятія. Мы не съумѣемъ ни сварить, ни спечь. Игла и нитка не бываютъ у насъ въ рукахъ. Мы удивляемся людямъ, обладающимъ практическою мудростью, которой не достааетъ въ насъ, но не сердимся на нихъ и не споримся съ ними. Зачѣмъ же имъ бранить насъ и ссориться съ нами? Живите съ Богомъ посредствомъ вашей практической мудрости и дайте намъ жить посредствомъ васъ — вотъ и все, что намъ надо.

Онъ разсмѣялся, но казался также спокойнымъ, какъ всегда, и вполне довѣряющимъ истинѣ словъ своихъ.

— Мы сочувствуемъ, цвѣтки мои, говорилъ мистеръ Скимполь : — сочувствуемъ всему, не правда ли ?

— О правда, папа, правда! воскликнули все три дочери вдругъ.

— Въ этомъ состоитъ наша особенность, говорилъ мистеръ Скимполь : — и вотъ здѣсь живемъ мы посреди всего житейскаго хаоса. Мы способны присматриваться ко всему и любоваться всѣмъ; мы присматриваемся и любуемся. Что жъ больше можемъ мы сдѣлать? Вотъ дочь моя — Красота; она замужемъ ужъ три года; замужемъ за ребенкомъ,

нѣтъ еще двухъ ребятишекъ—кажется, право очень-пріятно, хотя совершенно-противно политической экономіи. По поводу ея свадьбы, мы также задавали праздники и веселились, толкуя о дѣлахъ житейскихъ. Красота однажды привела своего молодого мужа сюда, и они свили себѣ гнѣздышко здѣсь, наверху, и живутъ какъ птички. Того и жду что Нѣжность и Веселость также обзаведутся ребятишками и совьютъ свои гнѣздышки здѣсь, наверху. Вотъ такъ мы и живемъ, а какъ, и сами не знаемъ, но знаемъ, что живемъ и живемъ весело.

Красота была еще слишкомъ молода и трудно было повѣрить, что она мать двухъ дѣтей. Я не могла удержаться, чтобъ не пожалѣть какъ о судьбѣ матери, такъ о судьбѣ двухъ ея малютокъ. Ясно было видно, что три дочери мистера Скимполя выросли какъ случилось, и набрались столько кой-какихъ свѣдѣній, что могли быть пріятною забавою отцу въ его досужной лѣтн. Онѣ были и причесаны и одѣты по его вкусу. Прическа Красоты была классическая; волосы Нѣжности были сметены въ широкія косы, а Веселость убрана кокетливо: но ея открытому лбу и вискамъ вились мелкіе, крутые букии. Одежда нѣ соответствовала прическѣ, хотя и была небрежна и несовсѣмъ-свѣжа.

Я и Ада занялись разговорами съ ними и нашли, что образъ мыслей ихъ совершенно отцовскій; мистеръ Жарндисъ, между-тѣмъ, сильно потирая голову и сильно жалуясь на восточный вѣтеръ, разговаривалъ въ уголку съ мистриссъ Скимполь, и мы не разъ слышали, какъ у нихъ раздавался звонъ монетъ. Мистеръ Скимполь ушелъ переодѣться, потому-что обѣщался проводить насъ до дому.

— Цвѣтки мои! сказалъ онъ, войдя опять къ намъ: — позаботьтесь о матери: она сегодня не такъ здорова. Я ухажу съ мистеромъ Жарндисомъ дня на два; услышу тамъ пѣніе жаворонковъ и сохранию свою любезность; а то ее опять, пожалуй, обратятъ въ дурное расположение духа, если я останусь дома.

— О, папѣ, вы намекаете на этого гадкаго человѣка, сказала Веселость.

— И когда же онъ вздумалъ беспокоить, когда папѣ предавался созерцанію цвѣтовъ и небесной лазури, прибавила лаура.

— И когда воздухъ былъ такъ исполненъ ароматомъ, сказала Аретуза.

— Значитъ, въ немъ нѣтъ поэтического настроенія, прибавилъ мистеръ Скимполь съ совершеннымъ добродушіемъ; разумѣется, это было нѣсколько-неловко съ его стороны; поступокъ его былъ лишенъ тонкихъ чувствъ человѣчества... Дочери мои были оскорблены, говорятъ

мистеръ Скимполь, обращаясь къ намъ : — неловкимъ поступкомъ одного честнаго человѣка...

— Какого же честнаго, папà ! быть не можетъ, чтобъ онъ былъ честный ! въ одинъ голосъ вскрикнули всѣ три дочери.

— Ну пожалуй грубіяна, что-то въ родѣ ежа въ человѣческомъ образѣ, говорилъ мистеръ Скимполь : — онъ хлѣбникъ по сѣдству. Мы у него заняли двои кресла : не у кого было взять, а кресла были нужны—разумѣется, обратились къ тому, у кого были лишнія ; у него, должно-быть, были лишнія, и онъ далъ ихъ намъ на-прокатъ. Ну и прекрасно! дѣло сладилось, мы взяли кресла и, кажется, все кончено; нѣтъ-таки этотъ настойчивый ёжъ сталъ требовать ихъ назадъ и отдалъ у насъ ; и что же вы думаете, остался онъ этикъ доволенъ ?— ничуть не бывало. Онъ началъ говорить, что кресла сильно подержаны. Я разсуждалъ съ нимъ ; выставялъ ему на видъ его недоразумѣнія. Я говорилъ ему : — любезный другъ, въ твои лѣта надо быть разсудительнѣе и не думать, что кресла такая вещь, которую ставить за стекло на полку ; кресло не такой предметъ, которымъ можно было бы любоваться только издали. Пора тебѣ знать, что кресла употребляются для сидѣнья и слѣдовательно не могутъ сохраняться безконечно. Если бы кресла твои были неподержаны, это значило бы, что они у насъ не употреблялись, то-есть считались вещью негодной и неудобной ; тогда ты могъ бы сердиться—я понимаю ; но сердиться за-то, что они были въ употребленіи, воля твоя, это нелогично. — Что жъ бы вы думали ? несмотря на всѣ эти доводы, онъ оставался невразумимъ и употреблялъ дерзкія выраженія. Будучи такъ терпѣливъ, какъ въ эту минуту, я попробовалъ прибѣгнуть въ болѣе-поэтическому объясненію :— Послушай, другъ мой, говорилъ я, какъ ни различны наши дѣловыя способности, но не забудь, что мы дѣти одной и той же матери—природы. Въ это яркое лѣтнее утро ты видишь я лежу на софѣ, цвѣты окружаютъ меня, плоды стоятъ передо мною на столѣ, безоблачное небо разстлана передъ моими взорами, воздухъ исполненъ благоуханія и я наслаждаюсь лицеарѣніемъ природы. Умоляю тебя, ради нашего братства, не заслонять отъ меня фигурою озлобленнаго хлѣбопека этихъ дивныхъ красотъ, раскинутыхъ рукою Всемогущаго передо мною. Но онъ заслонялъ, говорилъ мистеръ Скимполь, съ совершеннымъ удивленіемъ : — увѣрю васъ, заслонялъ и всегда готовъ заслонить, и я очень-радъ, что могу уйти на нѣсколько времени къ моему другу, Жарндису.

Но мистеръ Скимполь вовсе не заботился о томъ обстоятельствѣ, что жена и три дочери остаются дома и должны будутъ встрѣтить

лѣтбоекъ и выслушивать его грубости; впрочемъ, для нихъ это было старой исторіей. Онъ простился съ семействомъ своимъ такъ нѣжно и такъ мило, какъ все дѣлалъ въ жизни, и отправился провожать насъ въ совершенно-спокойномъ расположеніи духа. Спускаясь съ лѣстницы, намъ удалось замѣтить сквозь отворенныя двери въ другихъ этажахъ, что квартира мистера Скимполя, сравнительно съ другими квартирами дома, была просто роскошный дворецъ передъ хижинной поселеннаго.

Мистеръ Скимполь былъ такъ говорливъ и любезенъ съ нами, что мнѣ оставалось только слушать его и любоваться его разказами; Ада также раздѣляла мое очарованіе и даже вѣтеръ, который дулъ прямо съ Востока, когда мы находились въ Полигонѣ, перемѣнилъ совершенно свое направленіе и не беспокоилъ ревматизмъ мистера Жардиса. Въ эти минуты веселой болтовни я не думала и не гадала, что къ вечеру меня ожидаетъ такое событіе, которое оставитъ по себѣ неизгладимое воспоминаніе.

Речаческій взглядъ мистера Скимполя на житейскія обязанности могъ быть, пожалуй, подозрителенъ; но не подлежало никакому сомнѣнію, что онъ какъ дитя обрадовался перемѣнѣ мѣста, свѣжему воздуху, зелени и прочимъ красотамъ деревни. Нисколько не утомясь дорогой, онъ прежде всѣхъ насъ былъ ужъ въ залѣ, сѣлъ за фортепяно, наигрывалъ, пѣлъ баркароллы, заздравныя пѣсни на итальянскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ.

Незадолго передъ обѣдомъ мы собрались всею семьей въ залѣ; мистеръ Скимполь, не покидалъ фортепянъ; онъ наигрывалъ отрывки разныхъ пьесъ и, между-прочимъ, выказывалъ желаніе заняться отдѣлкою нѣкоторыхъ эскизовъ веруламскихъ развалинъ, которыя онъ началъ-было набрасывать на бумагу года два тому назадъ; но они тогда ему крѣпко надобли.

Мистеръ Скимполь не успѣлъ еще окончить разказъ о своихъ предположеніяхъ на завтрашній день, какъ отворилась дверь изъ пріемной комнаты и человекъ подалъ мистеру Жардису карточку.

— Сэръ Лейстеръ Дедлокъ! съ удивленіемъ прочелъ опекунъ мой вслухъ!

Трудно описать, что сдѣлалось со мной, когда я услышала имя почитителя; онъ былъ ужъ въ залѣ, стоялъ близко отъ меня, но я не могла собраться съ силами, не могла пошевелиться, не видала Ады, ничего не видала вокругъ; и когда опекунъ мой произнесъ мое имя, я смутно догадалась, что меня представляютъ сѣру Лейстеру Дедлоку.

— Будьте такъ добры, садитесь, сэръ Лейстеръ,

— Мистеръ Жарндисъ, говоритъ сэръ Лейстеръ, кланясь и садясь въ кресло : — я почелъ себѣ честию сдѣлать вамъ визитъ...

— Вы дѣлаете мнѣ честь, сэръ Лейстеръ.

— Благодарю васъ, мистеръ Жарндисъ. Я желалъ имѣть честь зайти къ вамъ, возвращаясь изъ Линкольншайра съ тѣмъ, чтобъ вы сказали мое глубокое сожалѣніе, что мои непріязненные отношенія къ тому джентльмену... котораго вы знаете и у котораго вы провели нѣсколько дней—извините, о немъ я не люблю много распространяться—помѣшали вамъ, и въ-особенности вашимъ дамамъ, осмотрѣть мой собственный замокъ въ Чизни-Вольдѣ ; между-тѣмъ, какъ я счелъ бы себѣ за честь и большое удовольствіе, еслибъ дамы ваши осчастливили своимъ посѣщеніемъ галереи моего замка, которыя въ нѣкоторомъ отношеніи могутъ удовлетворить ихъ художественному и утонченному вкусу.

— Вы весьма-обязательны, сэръ Лейстеръ и я считаю долгомъ выразить вамъ мою признательность какъ за себя, такъ и за моихъ дамъ, которыхъ имѣлъ честь вамъ представить.

— Очень можетъ быть, мистеръ Жарндисъ, что тотъ господинъ, о которомъ я, по извѣстнымъ причинамъ избѣгаю говорить, очень можетъ быть, что онъ доставилъ мнѣ непріятность совершеннымъ искаженіемъ передъ вами моего характера и моихъ правилъ ; быть-можетъ, онъ увѣрилъ васъ, что вы не будете приняты въ моемъ линкольншайрскомъ помѣстьи съ тою вѣжливостью и вниманіемъ, которыя члены фамиліи Дедлокъ умѣютъ всегда оказывать всѣмъ леди и джентльменамъ, доставляющимъ намъ честь своимъ посѣщеніемъ Чизни-Вольда. Я, съ моей стороны, прошу васъ вѣрить, сэръ, что это недостойная клевета.

Мой опекунъ вѣжливо выслушалъ это замѣчаніе, на которое отвѣчалъ только поклономъ.

— Мнѣ было очень-прискорбно, мистеръ Жарндисъ, продолжалъ сэръ Лейстеръ : — увѣряю васъ, мнѣ было очень-прискорбно узнать отъ управительницы Чизни-Вольда, что одинъ джентльменъ изъ вашего общества, человѣкъ повидимому съ любовью къ изящнымъ искусствамъ, точно по такимъ же причинамъ, которыя я имѣлъ честь высказать, не могъ осмотрѣть портретныя галереи съ тѣмъ вниманіемъ, съ тою свободою, съ тѣмъ удовольствіемъ, съ которыми хотѣлъ рассмотреть фамильные портреты, которые, не сомнѣваюсь, достойны внимательнаго обзора со стороны человѣка свѣдущаго и съ образованнымъ вкусомъ.

При этомъ сэръ Лейстеръ вынулъ изъ кармана карточку и сквозь

очки началъ читать не безъ нѣкотораго смущенія, однакожь съ совершенною важною :

— Мистеръ... Гайрольдъ... Гирольдъ... Гарольдъ... Скамплингъ... Скемплингъ... Скимполь... Мистеръ Гарольдъ Скимполь...

— Вотъ владѣтель этой карточки, честь имѣю представить вамъ, мистера Гарольда Скимполя, говорилъ опекунъ мой, подводя его къ сэрю Лейстеру.

— Аа! возразилъ баронетъ : — я очень-радъ, что могу познакомиться съ вами, мистеръ Скимполь, и лично выразить вамъ мое сожалѣнiе, что вы не хотѣли подробно осмотрѣть Чизни-Вольдъ. Позвольте надѣяться сэръ, что если вамъ когда-нибудь случится снова быть въ моемъ замкѣ, васъ не остановятъ ложные слухи о негостепрiимствѣ его владѣтелей.

— Вы слишкомъ-добры сэръ Лейстеръ Дедлокъ. Пользуясь вашимъ позволенiемъ, я, разумеется, не премину почерпнуть все наслажденiе и всю пользу, которая можетъ доставить обзоръ такого-величественнаго замка, какъ Чизни-Вольдъ. По моимъ понятiямъ, владѣтели такихъ помѣстiй, какъ линкольншайрское, говорилъ мистеръ Скимполь съ своимъ обычнымъ непринужденнымъ видомъ : — общественные благодѣтели. У нихъ сосредоточено множество такихъ предметовъ, которые возбуждаютъ восторгъ и удивленiе въ томъ классѣ бѣдняковъ, къ которому принадлежу я, и не пользоваться ихъ предложенiями, значить быть неблагодарнымъ къ ихъ благодѣянiямъ.

Сэръ Лейстеръ въ высшей степени былъ доволенъ такимъ образомомъ мыслей мистера Скимполя.

— Вы артистъ, сэръ? спросилъ онъ его.

— Нѣтъ, сэръ, отвѣчалъ мистеръ Скимполь : — я человекъ, въ полномъ смыслѣ праздный, но любитель всего изящнаго.

Такой отвѣтъ былъ еще болѣе въ духѣ сэра Лейстера.

Баронетъ послѣ того выразилъ искреннее желанiе лично принять мистера Скимполя въ Чизни-Вольдъ. Мистеръ Скимполь высказалъ какъ лестно и почетно для него желанiе сэра Лейстера.

— Мистеръ Скимполь говорилъ, продолжалъ сэръ Лейстеръ, обращаясь къ моему опекуну : — говорилъ управительницѣ моего замка (она, какъ онъ могъ замѣтить, женщина издавна привязанная къ нашему роду)...

— Это было въ то время, когда я вздумалъ посѣтить васъ, миссъ Семерсонъ и миссъ Клеръ, шопотомъ передалъ намъ мистеръ Скимполь.

— Что онъ находится въ Линкольншайрѣ, съ другомъ своимъ мистеромъ Жаридисомъ...

При этомъ сэръ Лейстеръ поклонился моему опекуну.

— И такимъ образомъ я узналъ изъ обстоятельствъ, о которыхъ имѣлъ честь лично выразить мое прискорбіе. Не только мистеръ Жарндисъ, нѣкогда знакомый съ леди Дедлокъ и даже находящійся съ нею въ отдаленномъ родствѣ (о чемъ сообщила мнѣ сама миледи) и къ которому супруга моя питаетъ высокое уваженіе; но повѣрьте мнѣ, еслибъ всякій другой джентльменъ былъ остановленъ ложными слухами отъ посѣщенія Чизни-Вольда, мнѣ было бы это очень-прискорбно.

— Я васъ прошу, сэръ Лейстеръ, вѣрить, отвѣчалъ опекунъ мой:— что я, равно какъ и все мы глубоко чувствуемъ лестное ваше вниманіе. И если мы не посѣтили Чизни-Вольда, то этотъ промахъ прямо падаетъ на меня, и я считаю долгомъ своимъ просить у васъ за него прощеніе.

Я не подымала глазъ на посѣтителя; во все время пока онъ былъ у насъ, меня волновали напряженные чувства: сердце билось такъ сильно, словно хотѣло вырваться изъ груди; кровь приступала къ головѣ и я дивлюсь, какъ могла я упомнить ихъ разговоръ; я слышала звуки, но, казалось, безъ малѣйшаго умственного участія.

— Я передалъ это обстоятельство леди Дедлокъ, говорилъ сэръ Лейстеръ, вставая съ своего стула:— и миледи сообщила мнѣ, что, въ бытность свою въ Линкольншайръ, она имѣла удовольствіе обмѣняться нѣсколькими словами съ мистеромъ Жарндисомъ и съ его родственницами.—Позвольте мнѣ мистеръ Жарндисъ, повторить вамъ и вашимъ дамамъ тѣ же увѣренія, которыя я только-что имѣлъ удовольствіе сообщить мистеру Скимпполю. Извѣстные обстоятельства заставляютъ меня не желать чести принимать у себя въ Чизни-Вольдѣ мистера Бойтсорна; но это нежеланіе относится лично къ этому господину, не касаясь, въ полномъ смыслѣ слова, ничего посторонняго.

— Вы знаете мое всегдашнее о немъ мнѣніе, сказалъ мистеръ Скимпполь, весело смотря на насъ:— это любезный быкъ, который забралъ себѣ въ голову принимать всякій цвѣтъ за красный.

Сэръ Лейстеръ Дедлокъ закашлялъ, какъ-бы давая этимъ знать, что дагѣе онъ не желаетъ ничего слушать о такомъ господинѣ, и съ большою въжливостью и церемоніями пожелалъ намъ добраго дня и уѣхалъ.

Со всею поспѣшностью ушла я въ свою комнату и оставалась тамъ до-тѣхъ-поръ, пока слова не успокоилась. Мое поведеніе внизу, въ присутствіи сэра Лейстера пугало меня; но какъ я была рада, когда, вернувшись къ моей милочкѣ, не замѣтила ни малѣйшаго подозрѣнія на мой счетъ. Они только насмѣхались надъ моею молчаливостью и неловкостью передъ лицомъ высокаго линкольншайрскаго баронета.

Въ это время я обдумала, что приближается время открыть опекуну моему тайну, которую я такъ долго хранила. Приглашеніе сэра Лейстера Дедлока, возможность быть у него въ домѣ, сближеніе съ моею матерью, даже вниманіе баронета къ мистеру Скимполю—все это было для меня такъ тягостно, что я боялась оставаться долѣе въ этомъ положеніи безъ руководства и помощи моего опекуна.

Вечеромъ, когда всѣ разошлись по своимъ комнатамъ, я еще поболтала немного съ Адой въ нашей маленькой гостиной и, простясь съ моею милочкой, пошла не въ свою дверь, но къ библіотекѣ мистера Жарндиса. Я знала, что въ это время онъ еще занимался чтеніемъ и въ-самомъ-дѣлѣ увидѣла зеленый свѣтъ, падавшій изъ-подъ колпака его кабинетной лампы.

— Можно войти? спросила я.

— Безъ-сомнѣнія, маленькая старушка. Что съ тобою случилось?

— Ничего, добрый опекунъ мой. Мнѣ хотѣлось переговорить съ вами о себѣ наединѣ.

Онъ подаль мнѣ кресло, закрылъ книгу, положилъ ее въ сторону и съ внимательнымъ взоромъ обернулся ко мнѣ. Я не могла не замѣтить на лицѣ его того же выраженія, которое видѣла въ тотъ вечеръ, когда онъ говорилъ мнѣ, что его тревожатъ мысли, врядъ ли понятныя для меня.

— Что касается тебя, дорогая Эсэвръ, то близко всѣмъ намъ, сказалъ онъ : — говори, милая дѣвушка : я всегда люблю и готовъ тебя слушать.

— Я знаю, знаю васъ, добрый опекунъ мой, говорила . : — и потому я пришла къ вамъ просить вашего совѣта, просить вашей помощи. О, какъ я въ васъ нуждаюсь, какъ я въ васъ нуждаюсь, еслибъ вы знали !

Онъ смотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, не ожидая встрѣтить во мнѣ ни такой откровенности, ни такого волненія.

— Съ какимъ нетерпѣніемъ ждала я вечера, продолжала я : — чтобъ поговорить съ вами послѣ отъѣзда сегодняшняго гостя.

— Сегодняшняго гостя, моя милая, сэра Лейстера Дедлока?

— Да.

Мистеръ Жарндисъ скрестилъ руки и, смотря на меня, съ полнымъ удивленіемъ ожидалъ моихъ словъ. Я не знала, какъ приготовить его къ тому, что я имѣла ему сообщить, и колебалась.

— Эсэвръ, сказалъ онъ мнѣ, наконецъ, съ улыбкою : — врядъ ли на землѣ есть еще два существа, отношенія между которыми могутъ быть отдаленнѣе отношеній между тобою и сэромъ Дедлокомъ.

— Добрый опекунъ мой, и я точно такъ же думала, нѣсколько времени тому назадъ.

Улыбка смѣнилась на лицѣ его серьёзностью; онъ всталъ, медленно подошелъ къ двери и, убѣдясь, что она затворена, опять сѣлъ на свое мѣсто.

— Помните ли вы, добрый опекунъ мой, сказала я : — когда, во время бури, говорила съ вами леди Дедлокъ про свою сестру?

— Помню, душа моя, помню.

— Помните ли, какъ, говоря о сестрѣ, она сказала вамъ, что онъ разошлись и обѣ идутъ по разнымъ дорогамъ?

— И это помню, мой другъ.

— Отчего же онъ разошлись, опекунъ мой? отчего пошли онъ по разнымъ дорогамъ?

Лицо его приняло странное выраженіе, и онъ началъ мнѣ говорить серьёзно :

— Что это за вопросы, дитя мое! Какъ я могу знать причины, возбудившія взаимную ненависть двухъ сестеръ? Я полагаю, что, кромѣ ихъ самихъ, никто этого не знаетъ. Кто можетъ открыть тайны этихъ двухъ прекрасныхъ и надменныхъ женщинъ? Ты знаешь леди Дедлокъ. И еслибъ тебѣ случилось видѣть когда-нибудь ея сестру, ты бы поняла, что и она такъ же надменна, такъ же горда и такъ же высокомерна, какъ и миледи.

— О, добрый опекунъ мой! я знала ее, знала нѣсколько лѣтъ.

— Ты знала ее?

Онъ замолчалъ и задумался.

— Эсэиръ, началъ онъ снова : — когда ты, давно ужъ, говорила со мной о Бойтсорнѣ и я сказалъ тебѣ, что онъ намѣренъ былъ вступить въ бракъ, но что дѣвушка, которую онъ любилъ, умерла для него навсегда, ты, Эсэиръ, тогда знала, стало-быть, кто была эта дѣвушка?

— Нѣтъ, опекунъ мой, отвѣчала я, прозрѣвая отчасти истину : — я не знала тогда, и теперь еще навѣрное не знаю.

— Сестра леди Дедлокъ.

— Отчего же они... едва могла я произнести : — отчего же онъ разошлись, добрый опекунъ мой?

— Причиной была она; но что заставило ее отринуть предложеніе Бойтсорна, на которое прежде была согласна— это тайна ея непреклоннаго сердца. Онъ предполагалъ впоследствии (но это было только одно предположеніе), что, поссорясь съ сестрой, она стала раздражительна

и, будучи оскорблена надменностью леди Дедлокъ, не хотѣла вступить въ бракъ съ человѣкомъ низшаго значенія, чѣмъ баронетъ, мужъ ея сестры. Какъ-бы то ни было, только она написала ему письмо, въ которомъ говорила, что все между ними должно быть кончено; что она, въ полномъ смыслѣ слова, умерла для него; что, зная его гордость, его понятія о чести, которыя питаетъ и сама, она вынуждена на эту жертву и будетъ жить и умереть одинокой. Разумѣется, съ тѣхъ-поръ онъ никогда не видалъ ея; да и никто, кажется, никогда не видывалъ ея.

— О, добрый опекунъ мой! воскликнула я, давъ волю слезамъ: — вы знаете ли, что всѣмъ этимъ несчастіямъ причиною, хотя и невинной, я — я, ваша бѣдная Эсэиръ.

— Ты, Эсэиръ?

— Да, я, опекунъ мой, я невинная причина всему.

— Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть, Эсэиръ! говорилъ онъ съ изумленіемъ.

— Узнайте, добрый опекунъ мой, узнайте все: леди Дедлокъ — моя мать!

Я хотѣла ему рассказать тутъ же, что писала ко мнѣ мать моя, но онъ не былъ въ состояніи болѣе слушать. Онъ говорилъ со мной такъ нѣжно, такъ разсудительно, такъ ясно очертилъ мнѣ все то, что казалось мнѣ неопредѣленно-смутнымъ тогда, когда умъ мой ничѣмъ не былъ взволнованъ; я была проникнута къ нему самой-пылкой благодарностью. Мнѣ казалось, что я никогда не любила его такъ нѣжно, никогда не была ему благодарна отъ такой полноты сердца, какъ въ эту ночь. И когда онъ проводилъ меня до двери моей спальни, и прощаясь, поцаловалъ меня, и когда я легла въ постель, мысли мои сосредоточились на одной молитвѣ, чтобъ Небо послало мнѣ трудами, любовью, преданностью этому человѣку хотя бы сколько-нибудь выразить, какъ я цѣнила, какъ я благословляла его.

ГЛАВА XLV.

Вопросъ и отвѣтъ.

Утромъ на слѣдующій день опекунъ мой пригласилъ меня къ себѣ въ комнату и я показала ему все содержаніе письма моей матери «Тутъ нѣчего болѣе дѣлать», сказалъ онъ мнѣ: «надо глубоко хранить тайну и избѣгать встрѣчь, подобныхъ вчерашнимъ». Онъ понялъ мои чувства и раздѣлялъ ихъ вполне. Онъ даже взялся отстранить мистера Скиппола отъ дальнѣйшаго знакомства съ баронетомъ.

Одной особѣ, имя которой онъ не имѣлъ надобности говорить мнѣ, ему было невозможно ни пособить, ни дать совѣта, несмотря на все его желаніе. Если ея подозрѣнія на-счетъ адвоката справедливы, въ чемъ онъ почти не сомнѣвался, то тайна должна быть открыта. Онъ зналъ нѣсколько этого адвоката, какъ по виду, такъ и по слуху, и не было сомнѣнія, что онъ человѣкъ очень-опасный. «Но во всякомъ случаѣ», говорилъ онъ мнѣ : «какой бы оборотъ ни приняли обстоятельства, ты не можешь имѣть никакого на нихъ вліянія.

— И я не думаю, говорилъ онъ : — чтобъ подозрѣнія падали на тебя, моя милая. Могутъ не знать, что между тобою и миледи существуетъ связь.

— Что касается до адвоката, это такъ, отвѣчала я : — онъ, я думаю, не имѣетъ на мой счетъ никакихъ подозрѣній. Но есть еще два лица, которыя меня беспокоятъ, опекунъ мой.

И я ему рассказала о мистерѣ Гушпи, что онъ, по моему мнѣнію, догадывается о моемъ происхожденіи; но что, впрочемъ, я надѣюсь на его безмолвіе и данное мнѣ слово.

— Слѣдовательно, отвѣчалъ опекунъ мой : — опасность съ этой стороны отстранена. Кого же ты еще подозрѣваешь?

Я напомнила ему о французанкѣ и о той настойчивости, съ которою она мнѣ дѣлала предложеніе своихъ услугъ.

— Да, да, отвѣчалъ опекунъ мой, задумчиво : — она опаснѣе какого-нибудь клерка; впрочемъ, съ другой стороны, моя милая, вѣдь она добивалась только быть у тебя въ услуженіи, и очень-натурально, что, лишась одного мѣста, она горячо добивалась другаго. Къ-тому жъ, она видѣла васъ съ Адой, дня два тому назадъ, и слѣдовательно обратилась къ тебѣ, какъ къ знакомой.

— Манеры ея были очень-странны, сказала я.

— Да; но вѣдь манеры ея были странны и тогда, когда она, въ пылу негодованія, сбросила съ себя башмаки и пародировала босая по мокрой травѣ; вѣдь такая продѣлка могла кончиться не только тяжелой болѣзнію, но, пожалуй, и смертію, говорилъ опекунъ мой : — вѣтъ, мой другъ, этихъ беспокоиться нѣчего. У страха глаза велики, какъ говорится; и если посмотрѣть вокругъ себя такими глазами, то, повѣрь мнѣ, рѣдкое обстоятельство не покажется важнымъ и опаснымъ. Будь спокойна, дитя мое, и пусть прекрасное сердце твое будетъ такъ же неприкосновенно, сохраняя эту тайну, какъ оно было прекрасно, когда ты ничего не знала о своей судьбѣ. Это будетъ лучше для всѣхъ. Раздѣляя тайну твою...

— Вы будете утѣшать меня, добрый опекунъ мой...

— Я буду слѣдить за всѣмъ, что дѣлается въ этомъ семействѣ, но—крайней—мѣрѣ буду слѣдить на столько, сколько позволяет мое отъ него удаленіе. И если прійдетъ время, когда я буду въ-состояніи протянуть руку помощи тому существу, имя котораго даже и здѣсь лучше не произносить, то я протяну эту руку, протяну ради ея дочери, которую такъ нѣжно и много люблю.

Я благодарила его отъ всего сердца. И какое же чувство могло быть въ душѣ моей къ этому человѣку, кромѣ высокой благодарности?

Окончивъ разговоръ нашъ о предметѣ, который такъ глубоко меня занималъ, я пошла къ двери, но опекунъ просилъ меня остановиться и побыть еще съ нимъ нѣсколько минутъ.

Обернувшись быстро назадъ, я увидѣла на лицѣ его то же доброе, ясное выраженіе и еще проблескъ какой-то мысли, которую, мнѣ казалось, я поняла.

— Милая Эсфирь, сказалъ мнѣ опекунъ: — давно ужъ, давно лежить у меня на сердцѣ мысль, которую я хотѣлъ тебѣ сообщить.

— Что жъ такое, добрый опекунъ мой?

— Я всегда затруднялся высказаться передъ тобою и теперь затрудняюсь. Между-тѣмъ, мнѣ бы хотѣлось говорить прямо, съ полною свободою и хотѣлось, чтобъ и ты выслушала меня совершенно—хладнокровно и спокойно. Позволь мнѣ написать тебѣ объ этомъ, мой другъ.

— Добрый опекунъ мой, вы знаете, съ какимъ удовольствіемъ я прочту все то, что вы напишете мнѣ.

— Скажи же, душа моя, говорилъ онъ съ милой улыбкой: — скажи же откровенно: такъ ли я простъ и чистосердеченъ въ эту минуту, какимъ казался тебѣ всегда; такъ ли я безкорыстенъ и добродушенъ, какимъ ты привыкла меня видѣть?

— Вы мнѣ кажетесь такимъ же, безъ всякаго измѣненія, отвѣчала я, съ самой чистосердечной откровенностью.

И въ-самомъ-дѣлѣ, если и мелькало въ немъ что-то особенное, то развѣ на одну только секунду. Онъ былъ такъ чувствителенъ, такъ добръ, такъ нѣженъ, какъ всегда.

— Похожъ ли я, мой ангелъ, на человѣка, который говорить не то, что думаетъ, который имѣетъ затаенную мысль, какая бы она ни была, словомъ: на человѣка, который скрываетъ какую-то тайну, продолжалъ опекунъ мой, смотря на меня своимъ яснымъ, прямымъ взглядомъ.

— Вовсе не похожи, дорогой опекунъ мой.

— Можешь ли ты вполне положиться на меня и повѣришь ли ты всему тому, что я тебѣ скажу?

— Совершенно повѣрю, сказала я отъ чистаго сердца.

— Милая дѣвушка, дай мнѣ твою руку.

Онъ взявъ мою руку, обнялъ меня нѣжно и смотрѣлъ на меня съ такою любовью и съ такимъ чистосердечіемъ, съ какимъ только самый добрый отецъ можетъ смотрѣть на своего ребенка.

— Съ того времени, когда я встрѣтился съ тобой въ почтовой каретѣ, говорилъ опекунъ мой: — ты произвела во мнѣ много перемены, ты окружила меня цѣлымъ міромъ добра.

— Ахъ, добрый опекунъ мой! но сколько вы для меня сдѣлали съ того времени...

— Объ этомъ не стѣить и помнить, моя милая.

— Я никогда не забуду вашихъ благодѣній.

— Нѣтъ, милая Эсепъ, говорилъ онъ, полусерьезно: — теперь пока позабудь все и помни только одно, что ничто въ мірѣ не можетъ измѣнить меня. Увѣрена ли ты въ этомъ, дитя мое?

— Совершенно увѣрена, отвѣчала я.

— Вотъ все, что мнѣ нужно, говорилъ опекунъ мой: — но я не могу твоимъ вѣрить словамъ, маленькая старушка, потому-что можетъ-быть, ты говоришь теперь необдуманно. Даю тебѣ недѣлю на размышленіе: и если черезъ недѣлю ты не переимѣнишь своихъ мыслей и будешь все-таки убѣждена, что я ни за что въ мірѣ къ тебѣ не переимѣнюсь, то пришли свою Черли ко мнѣ за письмомъ. Если же ты не будешь вполне убѣждена во мнѣ, то не присылай, не присылай ни за что въ свѣтъ.

— Опекунъ мой, сказала я: — я такъ крѣпко убѣждена въ васъ, что непременно пришлю за вашимъ письмомъ.

— Онъ пожалъ мнѣ руку и больше не говорилъ ничего.

Прошла недѣля, въ продолженіе которой между мной и опекуномъ моимъ не было сказано ни одного слова. Наконецъ насталъ и назначенный вечеръ, котораго я съ нетерпѣніемъ ожидала. Оставшись одна, я сказала Черли:

— Поди, маленькая Черли, постучись у двери бібліотеки мистера Жаридиса и скажи, что я тебя прислала за письмомъ.

Маленькая Черли побѣжала по лѣстницамъ и черезъ нѣсколько минутъ, которыя показались мнѣ по крайней-мѣрѣ нѣсколькими часами, принесла письмо.

— Положи его на столъ и ступай, сказала я.

Черли положила письмо на столъ и ушла, а я долго смотрѣла на конвертъ не смѣя до него дотронуться, и сколько мыслей толпилось въ оловѣ моей!

Цѣлой панорамой пробѣжала передо мною вся жизнь моя; сначала дѣтство пасмурное и угрюмое, которое я провела въ домѣ крестной матери; смерть этой гордой и надменной женщины; улыбающаяся жизнь Гринлифа, предвѣстница полного счастья, которое ожидало меня въ Холодномъ Домѣ; наконецъ тѣ неизмѣнно-радостные дни, которые я провела среди моихъ благодѣтелей, подъ благотворнымъ кровомъ добраго опекуна моего—и я знала, я была убѣждена вполне, что все счастье мое сосредоточивалось въ немъ, въ этомъ неподдѣльно-доброемъ существѣ, чье письмо лежало передо мною.

Я взяла письмо и начала читать. Какое теплое выраженіе любви! сколько чувства, сколько нѣжныхъ, безкорыстныхъ совѣтовъ! Слезы радости, слезы благодарности заставляли меня останавливаться почти на каждомъ словѣ; но я прочла его до конца, прочла не одинъ разъ, а нѣсколько, и положила опять на столъ.

Я предчувствовала содержаніе письма. Мистеръ Жарндисъ спрашивалъ меня: согласна ли я быть его женою, владѣтельницею Холоднаго Дома.

Это не было, такъ-называемое, любовное письмо, исполненное междометій и восклицательныхъ знаковъ—нѣтъ; оно было писано точно такимъ же добросердечнымъ, душевнымъ тономъ, съ которымъ всегда говаривалъ со мною опекунъ мой. Читая письмо, я въ каждой строчкѣ видѣла его добрый образъ, слышала звуки его мягкаго, идущаго къ сердцу голоса. Онъ обращался ко мнѣ, какъ-будто я осыпала его благодѣніями, и онъ чувствовалъ и цѣнилъ все то, что я для него дѣлала. Онъ напоминалъ мнѣ, что онъ ужъ на закатѣ жизни, а я еще только расцвѣтаю; что онъ старъ; что я передъ нимъ дитя, и настаивалъ, чтобъ я какъ можно тщательнѣе размыслила о различіи нашихъ лѣтъ. Онъ говорилъ мнѣ, что, вступая съ нимъ въ бракъ, я ничего не выиграваю, и ровно ничего не теряю, отказавъ ему; потому-что онъ не можетъ измѣниться ко мнѣ, и увѣренъ, что рѣшеніе мое, какое бы онъ ни было, будетъ совершенно-честно и справедливо; что онъ долго обдумывалъ этотъ шагъ, и наконецъ рѣшился на него единственно съ тою мыслью, чтобъ дать мнѣ почувствовать, что есть люди, готовые згладить мрачное предсказаніе моего дѣтства; что онъ часто думалъ о нашемъ будущемъ и предвидѣлъ, что прійдетъ время, когда Ада, достигнувъ совершеннолѣтія, оставитъ насъ и мы должны будемъ переизмѣнить настоящій образъ жизни. Отъ этой мысли онъ всегда переходилъ на мысль соединиться со мной бракомъ и такимъ-образомъ рѣшился сдѣлать мнѣ предложеніе. Онъ заклиналъ меня выкинуть въ его письмо и вѣрнѣе обдумать этотъ шагъ, не увлекаясь добрымъ

сердцемъ, всегда готовымъ осчастливить его нѣжную привязаность. Въ случаѣ моего рѣшенія, или въ случаѣ моего отказа, онъ желалъ бы остаться ко мнѣ въ тѣхъ же самыхъ отношеніяхъ, въ какихъ онъ былъ прежде. Что жъ касается до тѣтушки Дердонъ, до маленькой старушки, то онъ былъ увѣренъ, что она останется неизмѣнною.

Таково было содержаніе письма, исполненнаго строгимъ достоинствомъ. Въ немъ опекунъ мой выражался, какъ безпристрастное ответственное лицо, излагавшее предложеніе друга, за котораго ходатайство валь.

Онъ ничего не говорилъ мнѣ о моей измѣнившейся наружности, о моемъ таинственномъ происхожденіи, но я поняла его, я видѣла его великодушіе, я чувствовала, что онъ готовъ оказать мнѣ полную опору, хотя и извѣстенъ ему позоръ моего рожденія и хотя болѣзнь обезобразила меня. Я чувствовала, что обязана посвятить всю жизнь мою для его счастія.

Но все-таки я плакала горько, все-таки мнѣ казалось, что оторвалось отъ моего сердца что-то, что я понесла какую-то утрату, которой я не понимала ясно и для которой не могла прибрать никакого имени. Я была счастлива, была благодарна, была полна свѣтлыхъ надеждъ, но все-таки плакала горько, горько!

Мало-по-малу я подошла къ зеркалу: глаза мои опухли и были красны. «Эсэиръ, Эсэиръ, сказала я себѣ:—уже ли это ты?» и снова слезы готовы были брызнуть изъ глазъ, но я удержала ихъ.

«Вотъ такъ, такъ, Эсэиръ, говорила я, распуская свои волосы:—ты, будущая хозяйка Холоднаго Дома, должна быть весела какъ птичка. Разгони же грусть свою скорѣе, скорѣе!

Въ головѣ моей мелькнула мысль, что было бы со мной, еслибъ опекунъ мой женился на другой? Какая была бы переменна въ моей жизни? И такая плачевная картина представилась моему воображенію, что я взяла хозяйственные ключи, побренчала ими, поцаловала ихъ и спрятала въ коробку.

Причесывая волосы передъ зеркаломъ, я думала, что слѣды моей болѣзни, обстоятельства моего рожденія были новыми пружинами, возбуждающими меня къ большей, большей, большей дѣятельности. О Боже! какъ я должна трудиться, чтобъ сколько-нибудь быть достойной твоехъ великихъ щедротъ! Да теперь можно было съѣсть и поплакать, поплакать слезами радости!

Странная судьба моя! я, ничтожная воспитанница надменной крестной матери, я становлюсь женою лучшаго изъ людей—мистера Жарандеса, становлюсь владѣтельницей Холоднаго Дома!

Но почему же это странно? Если мнѣ самой не приходило никогда въ голову такой мысли, за-то другіе пророчили мнѣ это счастье. Въ самомъ-дѣлѣ мистрисъ Вудкоуртъ...

Быть-можетъ, это нѣя напомнило мнѣ о высохшихъ цвѣтахъ, которые хранились у меня въ книгѣ. Теперь лучше съ ними разстаться: они были воспоминавіемъ чего-то прошлаго, чего-то забытаго. Дѣ, теперь лучше съ ними разстаться.

Книга съ этими цвѣтами лежала въ другой комнатѣ, въ которую надо было идти мимо спальни Ады. Я взяла свѣчку и пошла за цвѣтами. Я не могла удержаться, чтобъ не поцаловать моей милочки.

Я знаю, что это слабость, знаю, что это дурно, но что дѣлать! глаза мои не слушались меня и съ рѣсницъ моихъ одна слеза за другою капала на прекрасное личико Ады. Еще хуже: я взяла засохшій букетъ цвѣтовъ и тихонько приложила къ губамъ ея. Зачѣмъ?— я въ это время думала о любви ея къ Ричарду! Потомъ я принесла цвѣты въ свою комнату, приложила къ огню и они мгновенно обратились въ прахъ!

.....

Прійдя въ столовую на слѣдующее утро, я застала опекуна въ обыкновенномъ расположеніи духа: онъ былъ такъ же милъ, такъ же откровененъ, какъ и всегда. Въ манерахъ его не было никакой перемены, и мнѣ казалось, что (впрочемъ, быть-можетъ, это мнѣ такъ казалось) и во мнѣ не было никакой перемены. Мнѣ случалось не разъ оставаться съ нимъ съ глазу на глазъ и я думала, что онъ заговоритъ со мной о письмѣ; но ничего не бывало: онъ не произнесъ ни одного слова.

Это молчаніе продолжалось и на другое утро и на третье, словомъ: продолжалось цѣлую недѣлю, которую прогостилъ у насъ мистеръ Скимполь.

Я думала, что мнѣ нужно писать отвѣтъ; пробовала приняться за письмо, оставалась одна въ своей комнатѣ, но не могла сдѣлать приличнаго начала и откладывала со дня на день.

Такимъ-образомъ протянулась еще недѣля, очень для меня мучительная, и опекунъ мой не произнесъ ни одного слова.

Наконецъ мистеръ Скимполь уѣхалъ.

Какъ-то мы втроемъ, однажды, послѣ обѣда хотѣли покататься верхомъ; одѣвшись прежде Ады, я сошла внизъ и застала опекуна одного; онъ стоялъ спиною ко мнѣ и смотрѣлъ въ окно.

Услышавъ шаги мои, онъ обернулся съ улыбкою и сказалъ:

— Ахъ это ты тѣтушка Дердонъ! ужъ ты и готова?

Я рѣшилась, во что бы ни стало, переговорить съ нимъ.

— Опекунъ мой, сказала я, дрожа всѣмъ тѣломъ : — когда вы можете получить отъ меня отвѣтъ на ваше письмо ?

— Когда онъ будетъ готовъ, моя милая, отвѣчалъ онъ.

— Я думаю, что онъ ужь готовъ.

— Что жь, его принесетъ Черли? спросилъ онъ шутя.

— Нѣтъ, я его принесла сама, добрый опекунъ мой, отвѣчала я.

Я обняла его и поцаловала крѣпко, очень-крѣпко.

— Это поцалуй владѣтельницы Холоднаго Дома? спросилъ онъ.

— Да, да, отвѣчала я, краспя.

И мы поѣхали кататься. Въ немъ не было никакой перемѣны въ обращеніи со мною. И я ни о чемъ не сказала моей милочкѣ.

ШЕСТЬ СТИХОТВОРЕНІЙ А. А. ФЕТА.

I.

Люди нисколько ни въ чемъ предо мной невинорны, я знаю,
Только я тутъ для себя утѣшенія большаго не вижу.
День мнѣ торопнѣе всечасно своею тяжелой заботой,
Ночь, какъ добрая мать, принимаетъ въ объятія на отдыхъ.
Что мнѣ за дѣло, что кто-то, весь день протомившись бездѣльемъ,
Ночью съ негѣпнымъ раздумьемъ пробьется на ложѣ безсонной?
Пламя дрожитъ на свѣтильнѣ — и около мысли любимой
Зыблются робкія думы, и все переходятъ оттѣнки
Радужныхъ красокъ. Тренещетъ душа и тренещетъ разумокъ.
Сердце—Икаръ неразумный, изъ мрака, какъ бабочка къ свѣту,
Къ мысли завѣтной стремится. Вотъ, вотъ опаленныя крылья,
Кругъ описавши во мракѣ, несутся въ невѣрномъ полетѣ
Пытку свою обрываютъ добровольную. Я же не знаю,
Что добровольнымъ зовется и что недобавляющимъ на свѣтѣ...

II.

ЭЛЕГИЯ.

Не говори, мой другъ: она его забудетъ.
Измѣнивъ времени всемогущаго полетъ:
Измученной души напрасный жаръ пройдетъ,
И образъ роковой преслѣдовать не будетъ
Очей задумчивыхъ. Свободнѣй и смѣлѣй
Вдохнетъ младая грудь; замедленныхъ рѣчей

Польется снова токъ блистательный и сладкій;
 Ланиты расцвѣтутъ, и въ зеркало украдкой
 Невольно станетъ взоръ съ вопросомъ забѣгать...
 Опять весна въ груди, и счастье опять.
 Мой милый, не легѣи прекраснаго обмана:
 Въ душѣ мечтательной смертельна эта рана.
 Видадь ли ты въ лѣсахъ подъ тѣнью дубовъ
 Съ винтовками въ рукахъ засѣвшихъ шалуновъ,
 Когда съ холмовъ крутыхъ, долины оглашая,
 Безукоризненно несется гончихъ стая,
 И празднымъ юношамъ дриадъ жестокихъ дань,
 Уже изъ-за куста выскакиваетъ лань?
 Вотъ — вотъ — и выстрѣлы; и въ переливахъ дыма
 Еще быстрѣ лань, какъ-будто невредима,
 Проклятыямъ вопреки и хототу стрѣлковъ,
 Уносится во мглу безбрежную лѣсовъ;
 Но ловчій опытный, ужь на позывъ побѣдный
 Къ сомкнувшимся губамъ рожокъ подѣмлетъ мѣдный...

III.

СВИДАНИЕ ВЪ ЛѢСУ.

«Ты ль это? такъ поздно?» — «Я сбился въ потемкахъ съ дороги.
 При мѣсяцѣ тускломъ тропа обманула лѣсная.
 Грустила? меня вспоминала?» — «Скажи мнѣ, могла я
 О чемъ постороннемъ подумать, любимецъ мой строгій?»
 — «О! дай же мнѣ руку! Позволь цаловать эти ноги.
 «Дрожишь; что съ тобою?» — «Не знаю: въ лѣсу я, гуляя,
 Пугаюсь, чуть листъ зашумитъ, или птица ночная.
 Ахъ! знать, мы преступны, коль сердце такъ полно тревоги!
 «Вгляни-ко мнѣ въ очи, въ лицо. Никогда не бывала
 Вина такъ смѣла, тревога съ улыбкой такую:
 Уже ль ты преступна, что быть мнѣ съ тобой позволяла?
 Сiju я далеко. Любуюсь съ отрадой нѣмой...
 И такъ я, мой ангелъ земной, наслаждаюсь съ тобою,

IV.

Не спится. Дай зажгу свѣчу. Къ—чему читать?
 Вѣдь снова не пойму я ни одной страницы,
 И яркій, бѣлый свѣтъ начнетъ въ глазахъ мелькать,
 И ложныхъ призраковъ заблещутъ вереницы.
 За что жь? что сдѣлалъ я? чѣмъ грѣшенъ предъ тобой?
 Уже ли помыселъ мнѣ долженъ быть укоромъ,
 Что такъ язвительно смѣется призракъ твой
 И смотреть на меня такимъ тяжелымъ взоромъ?

V.

ПЕРВЫЙ ЛАНДЫШЪ.

О, первый ландышъ! Изъ-подъ снѣга
 Ты просишь солнечныхъ лучей;
 Какая дѣвственная нѣга
 Въ душистой чистотѣ твоей!

Какъ первый лучъ весенній ярокъ!
 Какіе въ немъ нисходятъ сны!
 Какъ ты плѣнителенъ, подарокъ
 Воспламеняющей весны!

Такъ дѣва въ первый разъ вздыхаетъ,
 О чемъ, не вѣдая ещо,
 И въ первый разъ благоухаетъ
 Ея блестящее плечо.

VI.

ЗНАКОМЪ СЪ ЮГА.

На сѣверъ грустный съ пламеннаго юга,
 Прекрасныхъ дней прекрасная подруга,
 Ты мнѣ привѣтъ отраднѣй принесла,
 Но холодомъ полночнымъ все убило,
 Чтò сердце тамъ такъ искренно любило,
 И чѣмъ душа такъ радостно цвѣла.

О, какъ бы я на милый зовъ отвѣтилъ
Тамъ, гдѣ луны встающей дискъ такъ свѣтелъ,
Гдѣ солнца блескъ живителемъ и жгучъ,
Гдѣ дышетъ ночь невыразимой тайной
И теплятся надъ спящею Украиною
Въ лучахъ лазурныхъ звѣзды изъ-за тучъ,

И грезитъ прудъ, и дремлетъ тополь сонный,
Вдоль тучъ скользя вершиной заострённой,
Гдѣ воздухъ, свѣтъ и думы за-одно,
И грудь дрожитъ отъ страсти неминуемой,
И вѣткою все просится пахучей
Акація въ раскрытое окно.

ВОСПОМИНАНІЯ

РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА О ВЕСТ-ИНДИИ, КАЛИФОРНИИ И ОСТ-ИНДИИ.

Статья третья.

Прибытіе въ Аденъ. — Видъ Адена. — Важность его. — Второй Гибралтаръ. — Англія покупаетъ Аденъ. — Укрѣпленія Адена. — Его положеніе. — Разсказъ о захватѣ Адена Англичанами. — Капитанъ Хенъ. — Сдѣлка англичанъ. — Миѣніе людей правдивыхъ о такомъ поступкѣ. — Реестръ англійскихъ захватовъ. — Близорукость французовъ. — Парсы. — Ихъ обряды. — Жизнь. — Обычай. — Обѣдъ у парсовъ. — Рѣчи англичанъ. — Балдерки. — Пляски балдерокъ. — Обращеніе Парсовъ съ женами. — Кладбища Парсовъ. — Ихъ храмы. — *Бутылочный* человекъ (*Bottle-walah*). — Его пожертвованія. — Еще продѣлка англичанъ на островѣ Пинангъ. — Ихъ договоръ во имя Будды. — Жизнь на пароходѣ. — Плаваніе по Красному Морю. — Ныряющіе арабы. — Кораллы Краснаго Моря. — Прибытіе въ Суэцъ. — Взглядъ на него. — Домъ Бонапарте. — Лагерь и кладбище французовъ. — Библейскія воспоминанія. — Транзитъ по перешейку. — Верблюды. — Караваны. — Кареты въ пустынѣ. — Путешествіе по пустынѣ. — Гостиницы. — Телеграфы. — Хамсинъ. — Прибытіе въ Каиръ. — Первое впечатлѣніе Каира: городъ «Тысячи и Одной Ночи».

Плаваніе наше отъ Цейлона до Адена было чрезвычайно-успѣшно: легкой попутный вѣтерокъ, во все время перехода, паруса и паръ, спокойная и свѣтлая поверхность океана—вотъ обстоятельства, неразлучно-сопровождавшія пароходъ нашъ *Pottinger*, принадлежащій Остиндской Компаніи.

Подходя къ берегамъ, мы увидѣли нестройно-нагроможденные утесы и горы безъ малѣйшаго признака растительности; обнаженныя гранитныя массы разнообразнѣйшихъ формъ горами спускались къ берегу океана и потомъ громоздились въ безпорядкѣ, поднимаясь на высоту нѣсколькихъ тысячъ футовъ.

Сколько глазомъ можно окинуть пространство, нѣтъ ни горсти земли, ни травки, ни одного дерева; только съ боковъ этихъ несокрушимыхъ гигантовъ сбѣгали дикія, черныя, бурныя, а иногда огненнаго цвѣта полосы: эти переливы свѣта производятъ удивительный эффектъ подъ знойнымъ арабскимъ небомъ. Издали обнаженные скалы чрезвычайно-похожи на дома, церкви, башни; но съ приближеніемъ, созданныя воображеніемъ зданія уступаютъ мѣсто гудамъ вѣковыхъ камней и разлетаются какъ видѣнія фатаморганы. Такая панорама развивалась передъ нами вдоль береговъ Счастливой Аравіи.

Наконецъ пароходъ сталъ врѣзываться въ узкую тѣснину: это ближайшая точка, раздѣляющая Азію отъ Африки, начало пролива Бабель-Мандебъ. *Pottinger*, описавъ крутую дугу, бросилъ якорь передъ обнаженными утесами, изъ которыхъ нѣкоторые высятся на 1700 фут. Гавань Аденъ превосходна; ея вѣчно-спокойный бассейнъ можетъ вмѣстить сотни судовъ всѣхъ размѣровъ. Мы должны были ждать парохода Остиндской Компаніи съ почтою и съ пассажирами изъ Бомбея, а потому я имѣлъ достаточно времени для-того, чтобъ ознакомиться съ мѣстностью и чтобъ собрать нѣкоторыя свѣдѣнія.

Аденъ находится на оконечности полуострова Аравіи и составляетъ, или по-крайней-мѣрѣ составлялъ, до занятія его англичанами, часть области Іюмена, «прелестнѣйшей страны въ Аравіи», по сказанію географій. Я уже очертилъ вамъ преддверье Адена, а къ очерку моему прибавлю только, что здѣсь нѣтъ ни капли прѣсной воды на значительное пространство, и что какое-то горько-солодковатое поило привозятъ сюда на мулахъ и верблюдахъ въ кожаныхъ мѣшкахъ за нѣскольکو десятковъ верстъ; къ довершенію картины прибавлю, что здѣсь гдѣ по шести не бываетъ дождя; а все-таки Аденъ находится въ Счастливой Аравіи, хотя, право, острова гряды курильской или алеутской покажутся предъ нимъ раемъ.

Но Аденъ неоцѣнимъ потому, что имѣетъ превосходный, безопасный во всякое время года портъ, потому-что обстрѣливаетъ, такъ сказать, съ громадной высоты утесовъ своихъ Индійскій Океанъ, охраняя такимъ образомъ Бомбей, Цейлонъ, Мадрасъ и Калькутту, словомъ: всѣ берега, принадлежащіе Англо-Индіи, отъ всѣхъ нескромныхъ притязаній со стороны морей, омывающихъ эти владѣнія; неоцѣнимъ Аденъ потому, что здѣсь сборный пунктъ, складочное мѣсто Англии для силъ морскихъ и сухопутныхъ. Еслибъ въ настоящее время зашевелился Египетъ, ей ничего не стояло бы на своихъ пароходахъ изъ Калькутты и Бомбея перебросить нѣсколько десятковъ тысячъ сипаевъ въ Суэцъ и совершенно-неожиданно посѣтить Абаса папу.

Хитрая, любостыжательная политика англичанъ, очень-хорошо понимая какъ для нея важенъ Египетъ — этотъ транзитъ въ Индію, постаралась *покупкою* Адена обезпечить и обезопасить себя съ этой стороны. Я расскажу, какъ Англія сдѣлала эту *покупку*, а теперь прибавлю, что Аденъ въ настоящее время одна изъ главныхъ морскихъ станцій на пути въ Индію (*Over-Land*) чрезъ Средиземное Море, Египетъ и Красное Море. Здѣсь все пароходы Остиндской Компаніи запасаются углемъ, котораго огромныя количества лежатъ въ береговыхъ магазинахъ. При *покупкѣ* Адена, Англія имѣла цѣлью устроить здѣсь второй Гибралтаръ при входѣ въ Красное Море, и въ-самомъ-дѣлѣ, *очень-дешево* купивъ его, она употребила въ немногіе годы владычества своего на берегахъ Аравіи болѣе 12 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, т. е. болѣе 72-хъ милліоновъ рублей серебромъ на его укрѣпленіе.

Отъ гавани до города почти десять верстѣ. Ступивъ на берегъ, нельзя не удивиться, видя огромное количество каменнаго угля, запасеннаго для пароходовъ. Недалеко отъ этихъ магазиновъ, при подошвѣ утеса, выстроены красивый домикъ — это гостиница, которую содержитъ царь⁽¹⁾; онъ беретъ по три руб. сер. за ночлегъ и обѣдъ, если пьете тухлую воду; за вино платится особо. Въ правой сторонѣ при входѣ въ гавань, на пригоркѣ, стоитъ домъ губернатора «Полномочнаго агента Англіи», который въ 1839 году усмиривъ здѣшнихъ арабовъ и въ награду получилъ этотъ постъ. По сторонамъ жилища офицеровъ, имѣющихъ занятія въ гавани; строенія чрезвычайно похожи на сквозныя кѣтки, въ которыя со-всѣмъ-тѣмъ не проходитъ воздухъ, потому-что здѣсь почти всегда 100° по Фаренгейту, но за-то толпами вьются всякаго рода мошки, мухи и комары.

Какъ вездѣ на Востокѣ, здѣсь ѣздить верхомъ на ослахъ: они очень-породисты и скачутъ шибко и охотно. За цѣлый день обыкновенная плата 30 коп. сер. съ проводникомъ, по-большой-части арабскимъ мальчишкой, который прилежно скачетъ на своихъ ногахъ за галопирующимъ осломъ. Туристъ, которому непремѣнно надобенъ мѣстный колоритъ, за рупію (75 к. сер.) можетъ цѣлый день прокататься на долговой шѣ верблюда. Конечно, въ этомъ много поэзіи, но труда больше, а потому я предпочелъ осла, несмотря на то, что дорога шла во все время крутояромъ, я черезъ три четверти часа былъ уже въ городѣ.

(1) *Окепоклонникъ*. Объ этой сектѣ будетъ говорено.

При самомъ вѣздѣ въ городъ простѣчена дорога въ громадномъ утесѣ, высота котораго болѣе 900 футовъ: какихъ трудовъ и усилій стоило пробиться сквозь эту толщу! Здѣсь крѣпостныя ворота, защищенныя батареями, расположенными на горахъ, и брустверами. На самыхъ возвышенныхъ пунктахъ оконечностей двухъ утесовъ, раздвоенныхъ для дороги, переброшенъ подъемный мостъ. Множество батарей расположены на утесахъ и на ихъ возвышенностяхъ: онѣ защищаютъ входъ въ то узкое пространство, которое отдѣляетъ берега Аравіи отъ зари канскихъ береговъ; въ этомъ мѣстѣ ширина пролива не болѣе трехъ четвертей версты.

На первый разъ, не сообразивъ стратегическую важность Адена, дивяшься и спрашиваешь себя: зачѣмъ на пустынныхъ берегахъ Индійскаго Океана поставлены эти орудія смерти? Отъ какихъ нападений просить защиты эти несокрушимые утесы, гдѣ отъ вершины до подошвы нѣтъ даже дыханія жизни? Но эти вопросы быстро разрѣшаются, когда, взглянувъ на нестройныя граниты Адена, вы видите и здѣсь длинныя вѣтви ногъ того поляца, котораго мы называемъ — Англіей.

Нѣкогда цвѣтуцій Аденъ въ настоящее время совсѣмъ не напоминаетъ о своемъ прежнемъ благосостояніи. Онъ расположенъ въ глубокой ложбинѣ будто на днѣ погасшаго кратера, и со всѣхъ сторонъ окруженъ горами, которыя обставлены батареями. Нѣкоторые дома новѣйшей постройки довольно-красивы; болѣею же частью Аденъ представляетъ груды развалинъ и землянокъ, которыя гораздо больше положи на звѣринныя норы, нежели на жилища людей. Посреди ихъ замѣчательна башня въ нѣсколько сотъ футовъ вышины, прежде бывшая арабская мечеть, а нынѣ англичанами обращенная в обсерваторію. На гребняхъ горъ, на возвышенностяхъ 800 — 1000 футовъ видны сохранившіеся остатки укрѣпленій, поставленныхъ здѣсь во времена отдаленной древности.

Парсы, переселившіеся изъ Бомбея, ведутъ значительныя торговыя дѣла въ Аденѣ; они же принимаютъ снабженіе кораблей, сюда приходящихъ. Аденъ едва-ли не самое бесплодное мѣсто на землѣ, а потому всякаго рода провізія, даже вода, доставляются сюда на ослахъ и на верблюдахъ за двадцать-пять верстъ. На здѣшній рынокъ привозится большое количество слоновой кости изъ Абиссиніи, а также золотой песокъ, въ той странѣ добываемый, идетъ сюда же. На каждомъ шагу арабскія женщины съ длинными, высокими кувшинами на головахъ, стройною, величественною осанкой и складками одежды своей напоминаютъ женъ временъ библейскихъ.

Версты за двѣ, подъ пушками крѣпости, обстрѣливающей городъ и гавань, есть древняя стѣна, носящая названіе Турецкой; она обозначаетъ линію англійскихъ владѣній. Но такъ-какъ арабы, вытѣсненные отсюда, ушли изъ Адена не по своей охотѣ, то нерѣдко меткими выстрѣлами изъ винтовокъ они протестуютъ противъ незаконнаго захвата англичанъ; а такіе протесты чрезвычайно уменьшаютъ прелесть прогулки за стѣнами города. Впрочемъ, это враги довольно-спокойные.

Страсть къ наживѣ, къ деньгамъ, у нихъ сильнѣе чувства мести, а потому они привозятъ въ городъ всѣ припасы, всю провизію безъ которыхъ Адены вымерь бы съ голоду. Англійскій караулъ при входѣ за черту турецкой стѣны требуетъ отъ нихъ небольшой формальности: онъ отбираетъ и холодное и огнестрѣльное оружіе, точно такъ, какъ это дѣлаютъ при входѣ въ театры капельдинеры, которымъ мы отдаемъ пальки и шубы свои, а при выходѣ изъ города арабы получаютъ все обратно.

Писатель, принимающій на себя обязанность рассказывать совершившіяся событія, безъ-сомнѣнія, имѣетъ право судить о нихъ строго, когда они кажутся ему достойными порицанія. Я бы, можетъ быть, не имѣя достаточныхъ источниковъ и матеріаловъ, воздержался отъ разсказа о захватѣ Адена англичанами, еслибъ не слышалъ, такъ-сказать на мѣстѣ во время странствованій моихъ по Индіи отъ самихъ англичанъ, всѣ подробности этого любопытнаго, весьма-рѣзко очерчивающаго ихъ характеръ событія. Впрочемъ, для составленія справедливаго понятія объ этомъ происшествіи, довольно принять въ основаніе изложеніе дѣла однимъ изъ губернаторовъ Остиндіи въ 1838 году. Компанія явилась необходимая надобность въ складочномъ мѣстѣ для каменнаго угля на пути отъ Суэца въ Бомбей и на островъ Цейлонъ, откуда ея пароходы идутъ въ Мадрасъ, въ устьѣ Ганга, въ Сингапуръ и въ Хон-Конгъ. Съ этою цѣлью она сперва поселилась на островѣ Сокотро; овладѣвъ этимъ островомъ, она послала на него военный отрядъ, но оставила это мѣсто по причинѣ чрезвычайно-вреднаго климата и совершеннаго недостатка въ благонадежномъ портѣ. Впослѣдствіи Компанія Остиндская дѣлала заселенія въ Макалахъ на юговосточномъ берегу Аравіи, въ Мокѣ, въ Джедо, Коссеирѣ, Суэцѣ и, смотря по надобности, она посѣщала эти мѣстности. Наконецъ съ развитіемъ пароходства, ей сталъ нуженъ одинъ только портъ и, разумѣется, Адены удовлетворялъ всѣмъ требованіямъ, а потому рѣшено было захватить этотъ портъ, во чтѣ бы ни стало.

Я постараюсь изложить событія послѣдовательно и въ-особенности указать на обстоятельства, которыя поставили въ сношенія англичанъ

съ Аденомъ. Сначала, по предложенію губернатора Бомбея, было предложено захватъ этотъ сдѣлать безъ всякихъ предварительныхъ, шитро-сплетенныхъ мѣръ; но впоследствии придумано было средство лучшее, достойнѣйшее Остиндской Компаніи.

Одинъ изъ капитановъ (Накода), ходящихъ на старомъ каботажномъ суднѣ въ Персидскомъ Заливѣ, застраховалъ его въ Бомбей и, по назначенію агента Компаніи, сложивъ грузъ свой въ устьяхъ Евфрата, съ намѣреніемъ выѣхалъ на кораблѣ своемъ на берегъ; въ Бассорѣ составили ложные документы въ доказательство происшедшаго крушенія и заплатили какому-то армянину 17 фун. стерлин. (почти сто руб. сер.) за составленіе этихъ документовъ.

Бомбейскій домъ выдалъ сумму, въ которой было застраховано судно, и на капиталъ, вырученный такою честною продѣлкою, былъ выстроенъ другой корабль *Деріо-Девлетъ*, который по документамъ получилъ владѣтелемъ какого-то принца индійскаго, и только поэтому имѣлъ право ходить подъ англійскимъ флагомъ.

Въ январѣ 1837 года, *Деріо-Девлетъ* вышелъ изъ Мадраса съ фрахтомъ для Калькутты и на Малабарскій Берегъ, подъ англійскимъ флагомъ и также съ намѣреніемъ былъ разбитъ капитаномъ на берегахъ Адена. Жители разграбили корабль и не оказали ни малѣйшаго вспоможенія его командѣ и пассажирамъ, оставшимся безъ припасовъ на разбитомъ суднѣ, а впоследствии погибшимъ при попыткѣ спастись на берегъ. Только немногимъ удалось избѣжать смерти, но и тѣ были тотчасъ же ограблены. Нѣсколько мухаммеданскихъ женщинъ, отправлявшихся на поклоненіе въ Мекку, при этомъ случаѣ потеряли шоруганіе и, разумѣется, напрасно умоляли о защитѣ. По всѣмъ вѣроятіямъ, султаны Адена подѣлился добычею; во всякомъ случаѣ, грабежъ судна происходилъ съ его вѣдома.

Управленіе Бомбея, узнавъ объ этомъ происшествіи, подготовленнымъ англійскими агентами, тотчасъ же донесло о немъ англо-индійскому регенту, присовокупивъ, что оскорбленіе, нанесенное правительствомъ Адена лицамъ и собственности, находившимся подъ покровительствомъ англійскаго флага, требуетъ внимательнаго изслѣдованія и немедленнаго удовлетворенія. При этомъ случаѣ управленіе Бомбея просило, чтобы ему было дозволено безъ потери времени, если бы таковое требованіе не было совершенно удовлетворено, употребить силу; вмѣстѣ съ тѣмъ оно просило, чтобы дозволено было тотчасъ же занять портъ Адена въ вознагражденіе обиды, нанесенной англійскому флагу.

Вотъ что говорить по поводу этого дѣла губернаторъ Бомбея въ своей оправдательной депешѣ, о которой я упоминалъ выше:

« Это предложеніе не было принято главнымъ управленіемъ. Быть-можетъ, предложенная мѣра оказалась слишкомъ-рѣшительною; но во всякомъ случаѣ, по законамъ образованныхъ націй, всякое правительство имѣетъ право требовать вознагражденія за ущербы, нанесенные его подданнымъ. Въ этомъ вознагражденіи должно уже заключаться удовлетвореніе какъ за нанесенный вредъ, такъ и гарантія въ томъ, что нанесеніе подобнаго вреда уже не повторится; а если сторона, причинившая ущербъ, не хочетъ или не можетъ удовлетворить подобнаго требованія, то оскорбленная сторона имѣетъ полное право принять мѣры въ отищенію и такимъ образомъ обезпечить себя ».

Англо-индійское правительство не одобрило мѣры занятія береговъ Адена, предложенной управленіемъ Бомбея и предписало истребовать только удовлетвореніе отъ аденскаго султана, говоря: « Если нанесенное оскорбленіе за флагъ Англіи, поднятый на « Деріо-Девлетъ », будетъ удовлетворено, то можно будетъ войти въ дружескія сношенія съ султаномъ, по поводу приобрѣтенія Адена для каменно-угольныхъ магазиновъ, или для захода въ гавань судовъ, укрывающихся отъ бурь ».

Вотъ вълѣдствіе такихъ хитросплетенныхъ мѣръ и наставленій, управленіе Бомбея поручило капитану Хену, отправленному по этому обстоятельству депутатомъ въ Адень, истребовать отъ султана удовлетвореніе за обиду флагу, а также его согласіе на постройку магазиновъ для храненія каменнаго угля. Капитанъ Хенъ увѣдомилъ, что султанъ отдастъ о.отно и на выгодныхъ условіяхъ этотъ почти пустынный берегъ Адена, и потому депутату было предписано вступить по этому предмету въ сношенія съ султаномъ, сообразно предписаніямъ Главнаго Управленія Остиндской Компаніи.

Послѣ переговоровъ съ капитаномъ Хеномъ, султанъ согласился выдать треть цѣнности ограбленнаго корабля, а потому безъ спора, формальнымъ актомъ, утвржденнымъ его подписью и скрѣпленнымъ печатью, онъ уступалъ во владѣніе англичанамъ городъ и близлежація къ Адену земли, съ тѣмъ, что покупатели обязаны внести ему 8,700 испанскихъ піастровъ, или 12,428 р. 57 к. сер. вмѣсто 6,000 или 8,571 р. 42 к. с., получаемыхъ имъ корабельнаго сбора въ аденскомъ портѣ.

Вѣдь, казалось бы, что выгоды этой сдѣлки? Обѣ стороны, казалось, сходились и расходились честно; но прошу послѣдовать за событіями. Присланный депутатомъ капитанъ Хенъ не зналъ ни слова поарабски; при немъ былъ переводчикъ, одинъ изъ тѣхъ плутовъ-агентовъ, которымъ капитаны кораблей выдаютъ одобрительные аттестаты при выходѣ изъ посѣщаемыхъ ими портовъ. Этотъ переводчикъ, въ-

роятно, желая упростить формы дипломатических сношений, похитилъ печать такъ-называемаго арабскаго султана и приложилъ къ продажному акту.

Депутатъ Хенъ во время этихъ переговоровъ уже получилъ третью сумму за разбившійся корабль и преспокойно держалъ въ карманѣ готовый актъ. Ему было назначено прощальное свиданіе съ султаномъ; но свиданіе это не состоялось, потому что капитанъ Хенъ узналъ, будто бы сынъ султана составилъ заговоръ задержать его на этомъ прощаньи и отнять всѣ бумаги, до порученія относящіяся. Капитанъ Хенъ полагаетъ, что замыселъ этотъ былъ составленъ для того, чтобъ отнять у него полученные деньги за ограбленный корабль «Деріо-Девлетъ».

«Какъ бы то ни было (говоритъ губернаторъ Бомбея), актъ на владѣніе Аденомъ у насъ въ карманѣ и многоуважаемый капитанъ Хенъ удостоверяетъ, что стойкость съ нашей стороны, которую мы должны показать въ этомъ дѣлѣ, да нѣсколько горстей удачно-брошенныхъ пистроновъ, окончательно упрочатъ все за нами. Какъ бы то ни было, я радуюсь такому благоприятному исходу столкновеній: вслѣдствіе ихъ, мы удержимъ за собою Аденъ, который можетъ служить надежнымъ складочнымъ мѣстомъ для нашихъ военныхъ снарядовъ, припасовъ и каменнаго угля, а также безопаснымъ убѣжищемъ для транспортовъ и купеческихъ судовъ. Оставлять корабли наши и пароходы на произволъ варваровъ, которые, увлекаясь порывами необузданныхъ страстей, могутъ ежеминутно нарушать священнѣйшіе договоры, значило бы воздвигать на зыбкомъ пескѣ наши крѣпости».

«Присовокупляю, что капитанъ Хенъ вполне заслужилъ благосклонное вниманіе начальства, и что онъ долженъ быть вознагражденъ за всѣ издержки, понесенныя имъ во время возложеннаго на него порученія; а потому предписываю представить по этому предмету полная свѣдѣнія».

Итакъ вотъ почетныя права, въ силу которыхъ основался этотъ, такъ справедливо называемый второй Гибралтаръ!

И далеко отъ намѣренія представить, что всѣ эти событія мнѣ удалось разгадать своимъ собственнымъ соображеніемъ: все, мною сказанное, почерпнуто отъ людей, достойныхъ вѣроятія, и изъ остиндскихъ же журналовъ. Въ Бомбей очень-хорошо всѣ знали, что тайна этихъ дальновидныхъ оборотовъ выдана однимъ изъ семи или восьми англичанъ, находившихся въ аденскомъ гарнизонѣ. Капитанъ Хенъ не опровергалъ, не преслѣдовалъ издателей журналовъ, говорившихъ объ этомъ событіи, и такимъ-образомъ молчаніемъ своимъ созналъ свой подвигъ. Впрочемъ, кромѣ этого, въ то же время совершились замѣчательныя дѣла. Капитанъ Хенъ благоразумно истребовалъ, прежде разговоровъ объ Аденѣ,

сумму за Деріо-Девлетъ, и тогда же одинъ изъ нашихъ, состоящихъ подъ начальствомъ Мехмета-Али, сталъ угрожать нападеніемъ на Аденъ. Вслѣдствіе того, весьма-удачно воспользовавшись страхомъ арабскаго султана, ему было отъ англійскаго депутата, вмѣсто заслуженнаго преслѣдованія, обѣщано покровительство отъ наступающаго врага. Кстати: впоследствии позабыли вознаградить того капитана (*Насода*), который разбилъ Деріо-Девлетъ.

Положимъ, что есть даже нравственныя выгоды отъ того, что Аденъ изъ гнѣзда разбойниковъ сталъ складочнымъ мѣстомъ для каменнаго угля, что англо-индійская корреспонденція, вмѣсто полугода, теперь доходить по назначенію въ одинъ мѣсяцъ; глубоко-убѣжденный, что подобные пункты на земномъ шарѣ должны непременно сдѣлаться достояніемъ націй образованныхъ, я столько же мало соболѣзную о вытѣсненіи изъ Адена какого-нибудь арабскаго султана съ его дикимъ племенемъ, какъ о долѣ, постигающей въ настоящее время племена краснокожихъ индійцевъ, исчезающихъ изъ долинъ Калифорніи и Орегона; но, радуясь отъ души полезному приложенію къ пользамъ человѣчества безжизненныхъ гранитныхъ грудъ Адена, нельзя хвалить и рукоплескать мѣрамъ лицемерія, къ которымъ пристушено бываетъ къ упроченію подобныхъ захватовъ. Такіе подвиги не дѣлаютъ чести людямъ, позволяющимъ себѣ столь недостойные происки во вредъ ничтожнаго араба и вмѣстѣ выставляющимъ себя на удивленіе міра опорой справедливости, нравственности и просвѣщенія! А въ отвѣтъ тѣмъ, которые бы мнѣ сказали, что люди политическіе не должны быть честными людьми, лишь бы успѣхъ вѣнчалъ дѣла ихъ, я бы отвѣчалъ не запинаясь, что, вслѣдствіе такихъ ученій, всѣ сношенія народовъ между собою станутъ невозможны, а потому они разрушительны для обществъ!

Конечно, было бы нравственнѣе купить городъ, нежели подъ какимъ-нибудь хитросплетеннымъ предлогомъ захватить его; но такая покупка не всегда сообразна съ требованіями и условіями права народнаго. Въ подобныхъ сдѣлкахъ нужна полная увѣренность, что интересы нейтральные останутся неприкосновенными; и сверхъ-того, нужно убѣжденіе въ правахъ продавца. Вслѣдствіе трактатовъ между Портою и Англіею, для поддержанія которыхъ она содержитъ посланника въ Константинополѣ и консуловъ во всей Турціи, султанъ турецкій признанъ обладателемъ Адена. По какому же праву англичане безъ всякихъ переговоровъ, только по случайно-представившейся надобности, признаютъ властителемъ цѣлой области арабскаго шейха, въ ней водворившагося и самовольно титулующагося султаномъ? Правда, что турецкій султанъ, предъявляющій притязанія на Аденъ, въ немъ не имѣетъ ни-

какой власти; но такихъ городовъ найдется много почти у самыхъ воротъ стамбульскихъ; они очень-часто управляются ни отъ кого независимыми начальниками; легко можно взяться отъ всякаго такого правителя добыть владѣльческій актъ, по которому онъ за деньги уступить владѣніе свое; можетъ-быть и то, что этотъ владѣтель далъ бы актъ, взявъ бы деньги за него, да владѣнія бы не выдалъ. Даже такого акта, такого лоскутка бумаги Англія не можетъ представить на владѣніе свое Аденомъ! Одинъ изъ директоровъ компаніи сэръ Генри Вейлокъ положительно говоритъ о томъ въ письмѣ, публично адресованномъ на имя лорда Мельборна; онъ въ этомъ письмѣ доказываетъ, что захватъ Адена есть дѣло насилія и обмана; лордъ Линдгустъ съ презрѣніемъ опровергаетъ доводы и объясненія британскаго правительства по поводу этого дѣла. Таковы мнѣнія двухъ мужей чести и правды по случаю этого захвата, въ самой Англіи.

Здѣсь да позволено мнѣ будетъ указать фактически на расширеніе Англіи съ 1814 года: въ 1814—15—16 годахъ Англія взяла лучшую часть Неполя; въ 1817—18—19, она испровергла имперію Маратовъ и утвердилась въ Сингапурѣ; въ томъ же 1819 году, безъ всякихъ предварительныхъ столкновеній, а только въ видахъ необходимыхъ мѣръ, Англія захватила въ Индіи слѣдующія мѣста: Гатрасъ, Невихъ, Нейти, Бари, Буй, Ассирхуръ, Копаль; въ 1820 году совершилось паденіе Дварки; 1824—25—26 годы были употреблены на войны съ бирманцами; войны эти кончились покореніемъ обширной области и владычествомъ надъ Рангуномъ; 1834 годъ отмѣченъ взятіемъ Курга и нападеніемъ на Кантонъ, которое кончилось тѣмъ, что Англія силою оружія поставила своего консула въ средѣ китайцевъ. Между тѣмъ, какъ совершались эти событія въ Индіи, Англія утверждала свои многочисленныя заселенія на новомъ обширномъ материкѣ — я говорю объ Австраліи. Умалчиваю о тѣхъ сдѣлкахъ, которыя, не составляя матеріальныхъ захватовъ областей, имѣли въ существѣ тѣ же результаты; такимъ-образомъ не говорю о трактатахъ съ семействомъ Эмир-Хана въ 1817 году; молчу о Гейдер-Абадѣ. Но какъ умолчать о хозайничествѣ англичанъ въ Египтѣ, который, ставъ транзитомъ оствидской линіи, представляетъ только протяженіе англо-индійскихъ владѣній? Нынѣшній властитель Египта не есть ли только покорный слуга, управитель, то, что называютъ испанцы *Maiordomo*, въ той англо-индійской фермѣ, въ которой такъ долго гремѣла незатѣваемая слава фараоновъ!

И странное дѣло! скажу, возвращаясь къ Адену, что я не могъ смотрѣть безъ удивленія на недалекость французскихъ агентовъ.

находящихся въ томъ краѣ : не понимая, что этотъ второй Гибралтаръ поставленъ для того, чтобъ остановить могущее возродиться стремленіе Франціи къ берегамъ Англо-Индіи со стороны океана, они увѣряютъ, что всѣ старанія англичанъ сосредоточить въ Аденѣ аравійскую торговлю, останутся тщетны; что Адену суждено быть навсегда угольной ямой, гарнизонъ которой арабы держатъ въ заперти! что владѣніе Аденомъ, котораго крѣпости и батареи стѣютъ ужь Англіи до двѣнадцати милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, не находка... и такія рѣчи я слышалъ неоднократно отъ французскихъ агентовъ въ Помдишери, отъ ихъ консуловъ въ Коломбо, Капрѣ и Александріи!.. Какъ же не подивиться такой близорукости Франціи и не сказать : «кого Господь какаетъ — у того умъ отнимаетъ!»

Я сказалъ, что въ Аденѣ главнѣйшіе торговые обороты находятся въ рукахъ парсовъ. Постараюсь занять вниманіе читателей, передавъ тѣ свѣдѣнія, которыя мнѣ удалось собрать о нихъ. Предки парсовъ, поселившіеся въ Индіи, были послѣдователи ученія Зороастра, ушедшіе изъ Персіи во время нашествія халифовъ мухаммеданскихъ въ половинѣ VII-го столѣтія. Персидскія преданія говорятъ, что вначалѣ они нашли убѣжище на югостокѣ Индіи и поселились въ Іздѣ и Керманѣ, впоследствии; по этимъ же преданіямъ парсы перешли въ Ормицъ; но историки, заслуживающіе большаго вѣроятія, приводятъ парсовъ черезъ Хорасанъ, а впоследствии говорятъ, что они поселились въ Санджанѣ.

Подходя къ Санджану, парсы застигнуты были жестокою бурей и устрешенные путники дали обѣтъ : если они избѣгутъ гибели, содержать вѣчно священный огонь въ честь божества Изал-Бирхама. Они счастливо прибыли на мѣсто; нѣкоторые изъ нихъ явились къ владѣтелю области и просили позволенія поселиться въ землѣ его. Ихъ представители явились къ князю санджанскому, который требовалъ свѣдѣній о вѣрѣ, ими исповѣдуемой; на такое требованіе парсы просили нѣсколько дней срока и представили изложеніе своей вѣры въ 16 главахъ на санскритскомъ языкѣ.

Парсъ, съ которымъ я познакомился въ Аденѣ, былъ человекъ просвѣщенный; недавно возвратясь изъ Европы, онъ даже привезъ портретъ Рашели. Онъ говорилъ мнѣ, что по своимъ уставамъ храбрые парсы поклоняются стихіямъ и божеству Ормузду; что въ семи случаяхъ хранятъ молчаніе : во время омовеній, когда смотрятъ на божество, приносить жертвы огню, во время принятія яствы и при нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ; они употребляютъ цвѣты и духи въ своихъ религіозныхъ церемоніяхъ; что поклоняются коровѣ и обливаются ея изверженіями; сва-

деиные обряды охотно сопровождаютъ музыкою и пѣснями ; украшаютъ и окуриваютъ благовоніями женъ своихъ ; охотно раздаютъ милостыни и устриваютъ колодцы и водохранилища. Ихъ мужчины и женщины очень-человѣколюбивы ; для молитвъ и для яствъ носятъ священный поясъ ; для поддержанія священнаго огня жгутъ благовонное дерево ; молятся пять разъ въ день ; строго сохраняютъ супружескую вѣрность ; ежегодно обрядами поминаютъ предковъ и вообще глубоко уважаютъ уставы вѣры своей.

Парсы получили дозволеніе остаться, съ тѣмъ, что они не будутъ носить оружія ; что въ обществѣ они станутъ говорить на языкъ той земли, въ которой намѣрены поселиться ; что станутъ одѣвать женъ своихъ по обычаю женъ индійскихъ и что обряды бракосочетанія будутъ совершаться ночью.

Вскорѣ парсы размножились и утвердились. Такъ поддерживая священный огонь предъ божествомъ Бирхама, они провели три столѣтія. Впослѣдствіи парсы перенесли этотъ огонь въ пустыню, преслѣдуемые мухаммеданами.

Главные религіозныя книги послѣдователей Зороастра написаны на ученыхъ, мертвыхъ языкахъ ; не многіе жрецы ихъ понимаютъ. Жрецы парсовъ отличаются отъ свѣтскихъ людей бѣлой чалмой. Въ Индіи они немногочисленны ; въ ней только пятьдесятъ тысячъ парсовъ, изъ которыхъ двадцать живутъ въ Бомбей ; во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть англійскія станціи, или тамъ, гдѣ есть хоть нѣсколько-значительная торговля, вы навѣрное найдете жрецовъ парсовъ ; въ ихъ вѣрѣ болѣе терпимости, нежели между индусами, а потому они и могутъ вести торговые обороты ; при тѣсныхъ же связяхъ и товариществѣ всякое дѣло, всякое предпріятіе въ ихъ рукахъ становится монополією. Въ Бомбей парсы — первые купцы, банкиры, корабельные строители, биржевые маклера, агенты, слуги и работники. Они занимаются землемашествомъ и гонятъ водку изъ пальмоваго сока.

Гебры, или парсы, изъ Ізды и Кермана, говорили мнѣ, что они живутъ тамъ въ числѣ четырехъ тысячъ семействъ, въ чрезвычайной бѣдности, преслѣдуемые мухаммеданами. Они отправляютъ богослуженіе свое скрытно, и многіе изъ нихъ объявляютъ даже, что они мухаммедане ; а какъ о вѣрѣ ихъ ни слова не говорится въ Алкоранѣ, то ихъ дозволяется мучить, угнетать и даже убивать, какъ животныхъ. Я видѣлъ также нѣсколькихъ гебровъ, которые ходятъ на поклоненіе живымъ огнямъ въ Баку, на берегахъ Каспійскаго Моря. Они утверждали мнѣ, что произошли не отъ персовъ и что начало ихъ рода на сѣверѣ Индіи. Мнѣ казалось, что они не кавказскаго племени, какъ тѣ, которые

вышли изъ Персіи, и что они имѣли всѣ привычки индусовъ; въ жилищѣхъ ихъ, окружающихъ обширный очагъ, на которомъ горитъ священный огонь, я не замѣтилъ одежды; эти гебры были совершенно наги, и между ними я не видѣлъ тѣхъ обрядовъ, которые не разъ наблюдалъ въ Индіи: эти гебры бормотали только какія-то молитвы.

Несмотря на льготы и свободу, которыми парсы пользуются въ Индіи, они носятъ печать тѣхъ вѣковыхъ угнетеній, которымъ подвергались во времена могущества мухаммеданъ. По привычкамъ, парсы очень-похожи на жидовъ; и если они не такъ скупы, какъ жида, то никакъ не уступаютъ ни въ промышленномъ направленіи, ни въ стойкости для достиженія однажды положенной цѣли. Парсы дѣлятся на касты, которыя ярко обозначаются. Званіе строителя — почетнѣйшее; за нимъ слѣдуетъ званіе купца. Мнѣ кажется, они чрезвычайно-трудолюбивы, и очень-довольны, когда къ ихъ имени прикладывается словечко: *esquire*.

Англійское правительство даетъ развитіе этому тщеславному направленію. Я самъ слышалъ въ Калькуттѣ, какъ англійскій чиновникъ, читая имена присяжныхъ, къ прозвищамъ парсовъ прибавлялъ *esquire*, то-есть: его благородіе. Мнѣ случилось быть въ сборищахъ этихъ почитателей Зороастра и видѣть празднества ихъ. Одинъ изъ знакомыхъ парсовъ пригласилъ меня къ себѣ на ужинъ, которымъ онъ праздновалъ свое примиреніе съ братомъ. Общество собралось въ великолѣпномъ загородномъ домѣ, ему принадлежавшемъ. На воротахъ сада горѣлъ щитъ, въ честь королевы Викторіи и весь садъ былъ иллюминированъ. Я вошелъ въ обширную залу, освѣщенную множествомъ хрустальныхъ лампъ, въ которыхъ горѣло кокосовое масло; о такомъ освѣщеніи мы въ Европѣ не имѣемъ понятія.

Хозяинъ былъ одѣтъ въ бѣлое широкое платье, а на плечахъ его красовалась кашмировая шаль, такъ-что съ перваго взгляда онъ былъ очень-похожъ на женщину, еслибъ не длинныя усы. Стоя, принимая онъ гостей своихъ и тотчасъ же, послѣ привѣтствія, родственники его подавали гостю на подносѣ цвѣты, одежду его брызгали розовою водою и предлагали бетель, завернутый въ окрашенный золотомъ листъ. Потомъ всѣ усаживались и начиналась пляска и пѣсни баядерокъ, которыя въ Индіи называютъ *Ночисами*. Вотъ въ чемъ состоятъ ихъ пляска: баядерка одѣта только въ кисейное покрывало, вышитое золотомъ и серебромъ, и спускающееся не ниже колѣнъ; на ногахъ у нея нѣтъ ничего, кромѣ деревянныхъ сандалій, которыя прикрѣпляются тонкимъ ремешкомъ къ большому пальцу; она становится на концѣ комнаты и за нею три музыканта, съ инструментами, похожими на

волюнку, на скрипку и на кларнетъ ; главный же музыкальный инструментъ обыкновенно там-тамъ. Баядерка идетъ медленно по комнатамъ, въ-сопровожденіи неразлучныхъ музыкантовъ. Пройдя комнату, она, не оборачиваясь, идетъ назадъ на прежнее мѣсто. Въ ея движеніяхъ, жестахъ, нѣтъ бѣшеной страсти испанскаго сальтарелло и фанданго, но и пляска баядерки ясно выражаетъ всю тревогу и блаженство любви. Эта пляска постепенно изъ спокойной, граціозной походки, переходитъ въ отрывистыя, непокоряющіяся кадансу движенія. Пѣсни баядерокъ при пляскахъ, какъ я имѣлъ случай убѣдиться, неочень-скромны, и въ этомъ отношеніи нисколько не уступятъ пѣснямъ, которыя я часто слышалъ въ Хили, Перу, Мехикѣ и въ Калифорніи. Баядерки поютъ на индостанскомъ нарѣчій; во время пляски баядерка съ группою музыкантовъ непремѣнно старается остановиться передъ всякимъ гостемъ, и въ это время плещетъ на него розовою водою. Это значитъ, что посѣтитель долженъ отдѣлаться отъ нея какою-нибудь монетою; если гость не поторопится выдать ей рупію, она садится у ногъ его и дотѣхъ-поръ поѣтъ, дѣлая надъ головою своею фигуры изъ кисейнаго одѣяла, пока вы не отвяжетесь отъ нея. Несмотря на оригинальность танца, на поэтическій костюмъ баядерки, на всю обстановку, ее окружающую; несмотря на то, что сначала европеецъ будто прикованъ къ этому новому зрѣлищу, она ему скоро надоедаетъ, потому-что скучно смотрѣть на такую пляску, въ которой мужчина не принимаетъ участія : главное, я никакъ не могъ привыкнуть ни къ пѣснямъ ихъ, ни къ дикой игрѣ музыкантовъ, и по-большой-части уходилъ съ головою болью отъ оглушительнаго там-тама. Баядерки, пляшущія предъ обществомъ, неисповѣдующимъ религіи индусовъ, по-большой-части мухамеданки. Баядерки болѣе образованы, нежели другія женщины въ Индіи, и между ними я встрѣчалъ красавицъ. Всѣ танцовщицы, исключая баядерокъ индійскихъ, находящихся при нѣкоторыхъ пагодахъ, принадлежатъ къ кастѣ паріевъ.

Хозяинъ дома обыкновенно ничего не платитъ баядеркамъ за пляски, потому-что гости щедро вознаграждаютъ ихъ.

На этомъ праздникѣ ужинъ былъ поданъ на европейскій ладъ, а потому я не стану его описывать. Хозяинъ, пригласившій насъ, самъ не могъ быть съ нами за столомъ, потому-что обряды религіи ему это воспрещали. Когда мы отужинали, онъ явился для выслушанія рѣчей (Speeches), безъ которыхъ англичане жить не могутъ. Признаюсь, этотъ отдѣлъ вечера вдоволь позабавилъ меня. Я люблю слушать импровизованнаго оратора, когда онъ послѣ ужина силится связать несвязныя рѣчи, ищетъ словъ въ карманѣ, говорить не то, что бы ему

сказать хотѣлось, терлется и ужь договариваетъ не языкомъ, а руками!... Я люблю слушать, когда самыя обыкновенныя, простыя вещи выражаются тономъ рѣшительнымъ, важнымъ, диктаторскимъ, словомъ: такимъ тономъ, который вы только и услышите между британскими ораторами. Нашъ ораторъ хотѣлъ просто выпить за здоровье хозяина, и поздравить братьевъ съ примиреніемъ — и что жь? Онъ разразился длинной, нескончаемой рѣчью, которую бѣдный парсъ слушалъ повеселевъ и потупивъ глаза въ землю, словно къ смерти приговоренный; въ этой рѣчи, сколько я помню, дѣло доходило даже до слоновъ, львовъ и тигровъ индійскихъ.

Въ другой разъ мнѣ случилось быть съ французскимъ консуломъ на обѣдѣ парсовъ. Для насъ былъ накрытъ особый небольшой столъ, потому-что гости съ нами обѣдать не могли; и хотя столъ нашъ стоялъ въ почтительномъ разстояніи, такъ-что мы осквернить никого не имѣли возможности, но мы видѣли все, что происходило за столомъ парсовъ. Поставили на столъ десятка три тарелокъ, безъ вилокъ и безъ ножей, и передъ каждымъ гостемъ, вмѣсто стакана, мѣдную чашку; подали рисовый хлѣбъ и нѣсколько странно-приготовленныхъ блюдъ, въ которыхъ господствовалъ рисъ — любимое и почти единственное кушанье парсовъ. Мясa за нхъ столомъ не было. Во время обѣда не сохранялось молчаніе, предписываемое уставомъ нхъ вѣры: разговоръ шелъ живо и громко, несмотря на то, что парсы пили одну воду. Я замѣтилъ, что, садясь за столъ, они сняли свои бѣлыя одежды и остались въ однихъ рубашкахъ; эта часть одѣянія почитается священной между парсами и подвязывается поясомъ, который они, какъ индусы, никогда не скидаютъ и называютъ *кусти*. Нѣкоторые изъ нихъ пили вино за наше здоровье и, вѣроятно, нарушали тѣмъ свои обычаи.

Смотря на нашъ обѣдъ и на скромную трапезу парсовъ, не было никакого сомнѣнія, что она не стоила и четвертой части того, что было истрачено на наше угощеніе: нашъ столъ обильно былъ уставленъ винами, ликерами и всякаго рода кушаньями. Я не думаю, чтобы многимъ путешественникамъ удалось побывать на такомъ обѣдѣ, и этимъ приглашеніемъ хозяинъ нашъ желалъ изъяснить консулу всю дружбу и уваженіе. Обѣдъ нашъ должно было приготовить совершенно-отдѣльно, даже въ кухнѣ сдѣлать особое отдѣленіе. Съ величайшими предосторожностями подавался консулу огонь, когда онъ закуривалъ наргилѣ. Мѣдныя чашки на столѣ поставлены были съ тою цѣлю, чтобы мы нечестыи глазами не осквернили воду. Парсы точно такъ, какъ и индусы, пьютъ не прикасаясь къ краямъ сосуда, но, нѣсколько поднявъ

его, наливаютъ воду въ ротъ, и это они такъ ловко дѣлаютъ, что ни одной капли не проливаютъ.

Одежда мужчинъ состоитъ изъ широкихъ шальваровъ и длинныхъ широкополыхъ кафтановъ. Рубаха и шальвары изъ бѣлаго шелкового фуляра, а кафтанъ изъ бѣлой кисеи; на головѣ носятъ нѣчто въ родѣ высокаго кивера около двухъ четвертей, обтянутого черною клеенкой.

Парсы происходятъ отъ племени кавказскаго, а потому лица ихъ женщинъ совершенно отличаются отъ индѣйскихъ и несравненно-красивѣе. Женщины носятъ шальвары, какъ то обыкновенно на Востоцѣ, и кисейное покрывало зеленое, или красное, вышитое звѣздами. Почти всѣ жены парсовъ, какого бы званія ни были, сообразно обычаемъ Востока, ходятъ сами за водою и занимаются хозяйствомъ. Онѣ остаются въ совершенномъ невѣжествѣ и мужья обращаются съ ними неочевидно-внимательно. Во время родовъ жены изгоняются изъ жилищъ и по-большей-части отсылаются въ конюшни; въ это время онѣ не могутъ прикасаться ни къ домашней утвари, ни къ какимъ бы то ни было вещамъ, составляющимъ домашнее хозяйство. Парсы очень-ревнивы и, говорятъ, часто отравляютъ женъ своихъ. Жена, уличенная въ невѣрности, теряетъ, какъ и слышалъ, всѣ права свои, и должна, для очищенія, отправиться въ дальнее путешествіе, изъ котораго рѣдко возвращается.

Парсамъ дозволяется имѣть только одну жену. Если въ продолженіе девяти лѣтъ у жены нѣтъ дѣтей, или есть только дѣти женскаго пола, мужъ можетъ жениться на другой; но онъ обязанъ содержать первую свою жену. Въ такомъ случаѣ и жена можетъ выйти замужъ. По уставамъ вѣры парсовъ, мужъ можетъ быть увѣренъ въ вѣчномъ блаженствѣ послѣ смерти, если жена родитъ ему сына.

Парсы на касты собственно не раздѣляются; впрочемъ, они заняли многое изъ жизненныхъ обычаевъ индусовъ. Напримѣръ: женщины ихъ не могутъ показываться въ публичныхъ зрѣлищахъ; дома онѣ живутъ отдѣльно отъ мужей; ѣдятъ отдѣльно, и вообще почитаются какою-то собственностью. Дѣвочки обручаются въ дѣтствѣ съ мальчиками и выходятъ замужъ, не достигнувъ и десятилѣтняго возраста. Въ случаѣ смерти жениха, родители могутъ отыскать для дочери другаго; считается постыднымъ, если отецъ не можетъ сыскать жениха для своей дочери.

Совсѣмъ тѣмъ, жены парсовъ пользуются болѣею свободою, нежели жены индусовъ; имъ дозволяется сидѣть у оконъ и даже присутствовать при гостяхъ, принимаемыхъ мужемъ; и въ обоихъ случаяхъ онѣ остаются съ незакрытымъ лицомъ.

Женщины употребляютъ для одеждъ своихъ не прозрачную кисею, но шелкъ, и по-большой-части, какъ я сказалъ, носятъ шальвары. Одежды ихъ богато вышиваются золотомъ и даже трехлѣтнія дѣти носятъ вышитыя золотомъ платья. Жены парсовъ страстно любятъ головныя украшенія и уборы изъ драгоценныхъ камней, жемчуговъ и брильянтовъ. Совсѣмъ не рѣдкость видѣть женщину, обвѣшанную дорогими уборами на 70—80 т. р. с.; даже на годовыхъ дѣтяхъ видишь браслеты и драгоценныя кольца.

Мнѣ очень хотѣлось видѣть, какъ парсы погребаютъ своихъ покойниковъ; знакомецъ мой привелъ меня на возвышенность, находящуюся за городомъ. Здѣсь было пространство, огороженное рѣшеткою, футовъ въ 20 вышиною и около 60 футовъ въ діаметръ; въ этой оградѣ стояли подмости, имѣвшія три яруса, а неподалеку была вырыта яма. На первый ярусъ кладутся трупы мужчинъ, на второй трупы женщинъ, а на третій — дѣтей. Трупы прикрѣпляются въ нѣсколькихъ мѣстахъ къ подмосткамъ желѣзными полосами и, по уставамъ вѣры парсовъ, представляются дѣйствию воздуха. Хищныя птицы, въ несчетномъ множествѣ собирающіяся въ такихъ мѣстахъ, жадно бросаются на оставленные трупы и въ немногія минуты пожираютъ ихъ. Кости впоследствии сбрасываются въ вырытую яму; когда яма наполнится, такое же кладбище устраивается въ другомъ мѣстѣ.

Люди закиточные имѣютъ свои собственныя кладбища, надъ которыми устраиваются металлическія сѣтки для предохраненія тѣлъ умершихъ отъ хищныхъ птицъ.

Одни жрецы могутъ входить въ эти ограды; дверь ихъ всегда крѣпко занерта; даже осматривать кладбища считается святотатствомъ. Люди, употребляемые для переноски труповъ, считаются нечистыми, исключены изъ всѣхъ обществъ и составляютъ родъ отдѣльной касты. Парсъ, неосторожно-прикоснувшійся къ такому носильщику, немедленно долженъ переѣмнить одежду и омыться.

Парсы не дозволяютъ осматривать своихъ храмовъ. Тѣ, которые я видѣлъ снаружи, были небольшія строенія, неимѣвшія никакой архитектуры, и къ-сожалѣнію, я не могу сказать ни слова, въ подтвержденіе великолѣпныхъ описаній и картинъ, воспроизведенныхъ художниками при описаніи храмовъ огнепоклонниковъ.

Священный огонь парсовъ горитъ постоянно въ желѣзномъ сосудѣ, который находится въ простомъ, безъ всякихъ украшеній храмѣ. Парсы утверждаютъ, что огонь, горящій въ ихъ главномъ храмѣ, зажженъ въ Персін, за четыре тысячи лѣтъ, ихъ учителемъ Зороастромъ; отъ этого огня зажигаются всѣ другіе.

Жрецы ихъ (маги) носятъ бѣлую чадму и только ею отличаютъ, какъ я сказалъ, отъ свѣтскихъ людей; они могутъ жениться.

Женщины ходятъ въ храмы не въ одинъ часъ съ мужчинами. Вообще же парсы посѣщаютъ рѣдко свои храмы. Обыкновенно парсъ молится четыре раза въ день, и въ каждый разъ употребляетъ одинъ часъ на молитву; но для молитвы онъ не ставитъ себѣ въ обязанность ходить въ храмъ: онъ молится, устремивъ глаза на землю, на воду, на огонь, или на звѣзды. Тѣ же парсы, которые находятъ, что слишкомъ-много употребляетъ на молитву по четыре часа въ день, сходятся съ своими магами и освобождаются ими отъ этой обязанности за весьма-умѣренную плату.

Парсы молятся предпочтительно при солнечномъ восходѣ, почитая это свѣтило величайшимъ, священнѣйшимъ огнемъ. Обожаніе огня распространяется у нихъ въ такихъ размѣрахъ, что они не занимаютъ ремеслами, требующими огня, не употребляютъ огнестрѣльнаго оружія и не гасятъ огня. Иные путешественники утверждаютъ даже, что парсы не гасятъ пожара; но это совершенная выдумка.

Мнѣ случалось видѣть парсовъ во всякое время дня, отирающихъ свои богослужебные обряды. При восходѣ и закатѣ солнца они обращаются къ свѣтилу, опускаютъ длинный рукавъ своей одежды съ лѣваго плеча до самой земли; читая молитвы, они подбираютъ рукавъ этотъ снова. Часто вы видите парсовъ, собравшихся на берегу для поклоненія морю; они приносятъ ему въ жертву рисъ, сахаръ и цвѣты; парсъ, зажигающій въ лавкѣ многочисленныя лампы свои, набожно и почтительно покланяется имъ.

Въ бытность мою въ Калькуттѣ, я слышалъ рассказъ о великодушнѣ и щедрости одного изъ парсовъ, чрезвычайно-разбогатѣвшаго отъ торговыхъ оборотовъ. Имени его я не упомяну. Онъ началъ торговлю дѣла свои, продавая пустыя бутылки, а потому и былъ извѣстенъ кличкой *Bottlewallah*, то-есть: бутылочный человѣкъ. Впослѣдствіи королева Викторія пожаловала его баронетомъ и добрый парсъ ни мало не гордился такимъ возвышеніемъ и не обижался оставшейся при немъ кличкой. Расторговавшись отъ бутылокъ, онъ сталъ торговать опиумомъ и едва не разорился; но вдругъ дѣла его приняли блистательный оборотъ. Я видѣлъ гравюры, которыя изображаютъ всѣ переходы судьбы этого человѣка. На одной гравюрѣ красивый корабль его съ богатымъ грузомъ выходитъ изъ гавани подъ всеми парусами; на другой — этотъ же корабль съ изломанными мачтами, безъ парусовъ, схваченный бурей, уже готовъ исчезнуть въ волнахъ; наконецъ, корабль, полуразрушенный входитъ въ портъ: на немъ было все достояніе владѣльца.

Великолѣпный домъ его въ Бомбей возбуждаетъ всеобщее любопытство: ходять дивиться роскоши и убранству этого дома.

Ему принадлежали пятнадцать кораблей огромнаго размѣра; и чтобъ дать вѣрное понятіе о богатствѣ этого бутылочника, скажу, что въ Кантонѣ было уничтожено на четыреста тысячъ фунтовъ стерлинговъ опиума, ему принадлежавшаго, и отъ такой утраты онъ не разорился. На устройство госпиталя, имъ основаннаго, этотъ человѣкъ пожертвовалъ десять тысячъ фунт. стерл. съ тѣмъ, чтобъ правительство внесло такой же капиталъ. Само-собою разумѣется, правительство согласилось; но едва парсъ извѣстился объ этомъ согласіи, внесъ еще десять тысячъ ф. стерл. Тогда правительство остановилось взносами, вѣроятно, опасаясь, что основатель госпиталя еще разъ удвоитъ пожертвованіе свое; но въ награду исходатайствовало ему отъ королевы Викторіи, какъ я ужъ сказалъ, титулъ баронета. Доброе дѣло на томъ не остановилось: соотечественники счастливаго бутылочника въ соревнованіе открыли подписку, по которой собрали десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ съ тою цѣлю, чтобъ на проценты съ капитала переводить на гужатскій языкъ (нарѣчіе парсовъ) и издавать книги, полезныя для дѣтей парсовъ. Бутылочникъ и на такое распоряженіе своихъ соотечественниковъ отвѣчалъ новою щедротой: онъ присовокупилъ къ ихъ пожертвованію новый капиталъ, вдвое-сильнѣе сдѣланнаго ужъ взноса; словожь: на госпиталь и на другія полезныя учрежденія парсъ внесъ не менѣе 60 т. фунт. стерлинговъ (то-есть до 360 т. рублей серебромъ); но и на этомъ онъ не остановился: каждое утро у воротъ его дома раздаются пятьдесятъ рупій (до 30 р. сер.) нищимъ. Конечно, не всѣ шѣзютъ средства этого человѣка; но вообще парсы очень расположены къ подобнымъ подвигамъ. Одинъ изъ нихъ во время продолжительной засухи выстроилъ обширное водохранилище на городской площади; этотъ же самый человѣкъ, празднуя основаніе храма парсовъ, построеннаго въ Калькуттѣ, устроилъ въ день праздника чрезъ своихъ корреспондентовъ обѣдъ во всей Англо-Индіи, на которомъ имѣлъ до 50 т. гостей.

Прежде нежели я возвращусь на палубу моего парохода, который, взявъ запасъ каменнаго угля и принявъ пассажировъ, пришедшихъ изъ Бомбея, товары и корреспонденцію, назначенные въ Европу, готовъ отправиться въ Суэцъ, мнѣ бы хотѣлось разсказать еще одинъ подвигъ англичанъ, который, кромѣ истекающихъ изъ событій выводовъ, рѣзко ихъ очерчивающихъ, имѣетъ свой собственный интересъ: онъ былъ разсказанъ во всѣхъ журналахъ въ Индіи и многимъ очень-памятенъ.

Въ Провансѣ Малакксомъ появилось множество разбойниковъ, тревожившихъ торговлю между китайскими берегами и Индію; регентъ Ин-

дін, для прекращенія ихъ набѣговъ, вознамерился устроить въ этихъ широтахъ портъ для военныхъ кораблей. Онъ послалъ изслѣдовать мѣстность, и получилъ доносеніе, что самый удобный пунктъ для исполненія намѣренія его — островъ Пинангъ. Островъ этотъ принадлежалъ одному изъ тамошнихъ владѣтелей, жившихъ на материкѣ въ Кедахѣ, и именовавшемуся королемъ. Пинангъ въ то время былъ почти необитаемъ и нетрудно было уладить это дѣло.

Англичане имѣли всегда военное судно или въ Пинангѣ, или на берегахъ Кедаха; они обизывались наблюдать, чтобъ король, заключившій съ ними сдѣлку, отъ нея не былъ въ убыткѣ, и наконецъ обизывались вносить ему ежегодно двѣ тысячи фунтовъ стерлинговъ. Право не знаю, въ договорѣ регента Англо-Индій съ новымъ союзникомъ названы ли они *высокодоговаривающимися сторонами*; я рассказываю одно происшествіе. Мы уже видѣли на какія деньги они купили Аденъ; видѣли, какъ они заботились получить убѣжденіе въ самостоятельности аденскаго султана; впоследствии увидимъ, какъ они обратились къ папѣ - египетскому съ покорѣйшею просьбою дозволить имъ перевозить остиндскую корреспонденцію черезъ его владѣнія, словно къ совершенно-независимому властителю, и какъ въ 1840 году они напали на него же, какъ на своего вассала. И дѣйствительно, въ настоящее время Абас-паша, какъ я самъ видѣлъ, только управитель англійской фермы, лежащей на пути изъ Остиндіи въ Европу. Я упоминаю объ этомъ потому, что кедахское дѣло рѣшительно похоже на всѣ ихъ продѣлки, которыя имъ до-сихъ-поръ такъ счастливо сходили съ рукъ.

Нѣсколько столѣтій тому назадъ, поклонники Мухаммеда перешли въ Малую Азію и нѣкоторые изъ нихъ образовали области. Такъ возродилось и Кедахское Королевство, исторія котораго мнѣ неизвѣстна; извѣстно только всѣмъ, что незначительные азіатскіе князьки признаютъ надъ собою верховное владычество одного сильнѣйшаго султана, оставаясь, впрочемъ, въ независимости: то сознаніе состоитъ въ неслыжкѣ подарковъ и въ-особенности же пріветствій. Таковы были сношенія владѣтеля Кедаха съ сіамскимъ королемъ.

До-тѣхъ-поръ, пока англичане считали нужнымъ втереться въ одно изъ кедахскихъ владѣній, они, не задумываясь, признавали его совершенную независимость и не думали контролировать его владѣльческихъ жтовъ. Но едва стали они твердою ногой въ Пинангъ, какъ въ умѣхъ ихъ возродилось по этому поводу сомнѣніе и явилась надебность пометить отношенія владѣтеля Кедаха къ сіамскому королю. Капитанъ Лейтъ, самъ слѣдившій это дѣло, донесъ англійскому регенту, что король не-

дахскій вѣроятно вассалъ сіамскаго короля. И вслѣдъ за такимъ доношеніемъ, регентъ послалъ предписаніе въ Пинангъ не объ уничтоженіи договора, не о возвращеніи занятыхъ земель, но о строгомъ наблюденіи, чтобъ во всѣхъ могущихъ встрѣтиться обстоятельствахъ не было нанесено безчестія именн и оружію Англо-индійской Компаніи. Между-тѣмъ сіамцы, негодуя за то, что владѣтель Кедахъ позволялъ такъ близко водвориться европейцамъ, напали на его земли. Англичане, вмѣсто того, чтобы исполнить договоръ, по которому они обязались защищать отъ ущерба и нападеній короля, позволившаго имъ поселиться въ Пинангъ, не пошевелились съ мѣста и тѣмъ оградили отъ нареканія и чести, и кредитъ, и оружіе Англо-индійской Компаніи. Наконецъ въ 1821 году, во время отсутствія короля, сіамцы напали на городъ. Естественнымъ послѣдствіемъ такого нападенія были грабежъ, насиліе, пожаръ и убійство: изъ ста-восьмидесяти тысячъ жителей осталось едва шесть тысячъ!...

Загорѣлась война между англичанами и бирманами. Въ этомъ случаѣ англичане употребили всѣ старанія, чтобъ не допустить сіамцевъ соединиться съ враждебною Бирмою; они съ этою цѣлью отравили полномочнаго агента въ 1824 году. Онъ составилъ договоръ между Англією и Сіапомъ, въ первой строкѣ котораго стояло не *воззваніе къ Богу Всемогущему*, даже не красовалось на этомъ договорѣ турецкое *Бисмиллахъ*; на этотъ разъ этотъ договоръ былъ написанъ во имя *Будды!* Въ немъ англичане безъ всякой совѣсти представляли Кедахъ сіамцамъ; но такъ-какъ надо же было щегольнуть рыцарскимъ великодушіемъ, то они позволяли королю жить тамъ, гдѣ онъ можетъ. Король этотъ ушелъ въ британскія владѣнія; но какъ ужъ онъ лишился престола, то надо было положить ему пенсію; пенсія эта была назначена, но королю выдавалась только половинная сумма!.. другой половины онъ никогда не видалъ какъ ушей своихъ!..

Вѣроятно, со мною всякій согласится, что эти событія не лишены интереса; впоследствии они были изложены въ сочиненіи г. Андерсона, секретаря на островѣ Пинангъ; экземпляръ своего сочиненія онъ поднесъ правительству англо-индійскому и, вѣроятно, оно нашло, что это сочиненіе чрезвычайно-интересно, потому-что успѣшило скупить все изданіе. Книга г. Андерсона была напечатана въ 1824 году.

Пароходъ нашъ былъ выстроенъ не для тропическихъ плаваній; онъ переведенъ сюда съ линіи, соединяющей Суутгемптонъ съ Константинополью. Не было никакой возможности, при удушающей температурѣ, постоянно стоящей, и день и ночь, на 100° по Фаренгейту, оставаться въ каютахъ. Съ нами было до 200 человекъ пассажировъ и въ томъ

числѣ около полусотни дѣтей. Къ ночи палуба парохода отъ кормы до трубъ раздѣлялась парусиною на два отдѣленія: въ одномъ помѣщались кавалеры, въ другомъ дамы и дѣти. «Какое прекрасное изобрѣтеніе — домъ!» говаривалъ я часто, когда приходилось кочевать по цѣлымъ мѣсяцамъ или подъ открытымъ небомъ, или въ парусинной палаткѣ; а чтобъ вполне окѣнить, что такое мягкая, хорошая постель, надо поспать на палубѣ остиндскаго парохода, на переходѣ изъ Адена въ Египетъ!.. Еслибъ можно было, смотря на страданіе другихъ, утѣшиться, сказавъ: «вѣдь не мнѣ одному худо!» въ утѣшеніи недостатка не было бы. Многіе изъ нашихъ пассажировъ, въ-особенности дамы, рѣшительно не могли выдерживать палящаго зноя, господствующаго въ Красномъ Морѣ. И въ-самомъ-дѣлѣ было тяжело: мертвый, постоянный штиль и день и ночь, ни дыханія вѣтра, и какой-то сѣровато-матовый цвѣтъ неба днемъ, и заревомъ облитый, раскаленный сводъ вначалѣ ночи, а потомъ душный непроницаемый мракъ!..

Каждое утро палуба нашего парохода представляла удивительную картину: ровно въ пять часовъ, неумолчный, какъ судьба, билъ барабанъ, а потомъ раздавался крикъ: *Wash the deck!* — пошелъ палубу мыть! Тогда неумолчные матросы въ одинъ мигъ срывали наши летучія перегородки, а вѣстовые (*Stewart*) торопились перетащить дѣтей и полусонныхъ нашихъ дамъ въ каюты. Многія дамы, въ самой легкой одеждѣ, будто фантастическія видѣнія исчезали въ люки парохода. Странные, разнообразнѣйшіе утренніе костюмы, еще неприспущенная, неумытая лица и мужчинъ и дамъ, обильно-напудренные не рисовымъ порошкомъ, а сажею отъ трубъ пароходныхъ, нагроможденные стулья и столы, оставшіеся съ вечера на палубѣ, пожарныя помпы, заливавшія палубу потоками воды — и вся эта толпа, ненаходящая мѣста отъ духоты и жара, всѣ эти группы, какъ я сказала, представляли картину, которую можно видѣть только на англо-индійскомъ пароходѣ. Впрочемъ, надо сказать въ успокоеніе, что въ Красномъ Морѣ почти нѣтъ дождей, и даже саранча, одна изъ семи азѣв древняго Египта. здѣсь явленіе рѣдкое, а заснѣвъ, за исключеніемъ тѣхъ неудобствъ, о которыхъ шла рѣчь, мнѣ на Потинжерѣ было очень-хорошо. И столъ и вино на англо-индійскихъ пароходахъ, могутъ удовлетворить даже выскательнаго гастронома. Утромъ въ 5 часовъ, едва раздавался барабанъ, я сѣвшигъ въ нарочно-устроенную въ это время на палубѣ палатку, гдѣ купался подъ проливнымъ дождемъ, проведеннымъ отъ машины парохода; но здѣсь температура морской воды такъ высока, что она несколько не освѣжаетъ; затѣмъ спускаясь въ каюту, у буфета я требовалъ большой стаканъ воды со льдомъ: и это удобство есть на

пароходахъ остиндскихъ. Значительные запасы льда берутся для переходовъ въ тропическихъ широтахъ и для него въ трюмѣ парохода есть особо, съ всевозможнымъ тщаніемъ, устроенный погребъ. Вслѣдъ за стаканомъ холодной воды со льдомъ являлся кофе. Въ 9 часовъ барабанъ съзвалъ насъ къ завтраку—обѣду; въ 12 мы занимались полдникомъ; этому занятію названіе: *tiffin*; здѣсь подаются сыръ, масло, разнообразныхъ видовъ сухари и сухарики, и тѣсныя кружки бутылокъ съ мадерой, хересомъ, портвейномъ и пр... Въ 3 часа полный обѣдъ — и какой?.. не обѣдъ, а пиръ Балтазара! Въ 8 часовъ снова за столъ, загроможденный вилогами, сухарями и разнороднымъ виномъ, не считая шорттеру, грогу и др. Я забылъ сказать, что на этихъ пароходахъ два раза въ недѣлю подается шампанское — чего же еще надо?.. Остиндскіе пароходы можно назвать чудовищными ресторанами; на нихъ слѣдовало бы сдѣлать надпись: «Сядься завтракать, полагай, что ты обѣдать не будешь, и такъ обѣдай, какъ—будто ты не завтракалъ». И не даромъ же одинъ изъ туристовъ сказалъ: «жизнь на кораблѣ — обширное освѣженіе» (*Life on board is one vast refection*)

Надо же себѣ вообразить страданіе людей, которыхъ бьетъ море и для которыхъ невыносимъ самый запахъ яствъ Лукулла!.. а что касается до тѣхъ, кого море *любитъ*—ужь конечно, они всегда съѣдятъ на заплаченные деньги. Несмотря на то, вовсе неудивительно, и при этомъ обиліи, на англо-индійскихъ пароходахъ встать совершенно-голоднымъ. И здѣсь, за исключеніемъ немногихъ блюдъ, которыя разносятъ стюартами, какъ у американцевъ, всякъ старается положить на тарелку то, что у него подъ-рукою... И здѣсь, если вы станете ждать, чтобъ вамъ поднесли, вы непремѣнно останетесь безъ обѣда... «*No ask, no dinner!*» какъ говорилъ одинъ изъ моихъ путевыхъ спутниковъ, у котораго я и перенялъ эту, впрочемъ, обезпечивающую методу, необходимую для всякаго, кто хочетъ здѣсь обѣдать не однимъ воображеніемъ.

У многихъ англо-индійскихъ выходцевъ есть на пароходѣ своя прислуга: это китайцы, индусы, или малайцы. Они высматриваютъ лучшія блюда, лучшіе куски и наперерывъ стараются угостить ими господъ своихъ: этихъ господамъ и хорошо, да не у всякаго въ прислугахъ малайцы, китайцы и индусы.

Общество наше значительно увеличилось въ Аденѣ: на пароходѣ изъ Бомбея прибыли компанейскіе офицеры, чиновники отставные и въ отпуску, и индійскіе негоціанты, сѣвшіе въ Европу одни для восстановления здоровья, другіе — кредита... Съ нами былъ порядочный запасъ дамъ, по-большой-части хорошенькихъ и молодыхъ, и при нихъ толпы

дѣтей, черныхъ и желтыхъ нашекъ и кормилицъ: вся эта шумная тага заливалась на палубѣ крикомъ, визгомъ и плачемъ съ утра до вечера, не давая никому покоя! Часто, подходя къ мимолетной нашенкѣ, мнѣ хотѣлось сказать ей: «какъ хороши ваши малытки. А въ которомъ часу они ложатся спать?..»

Когда я былъ новичкомъ на англійскихъ корабляхъ и пароходахъ, я покорялся обычаямъ и не смѣлъ молвить слова ни съ одной леди дотѣхъ—поръ, пока, бывало, меня кто—нибудь не *представитъ* ей. Но мнѣ надоѣла эта чопорность, и впоследствии, несмотря на такіа стѣснительныя мѣры, я отважно начиналъ знакомство и никогда не сожалѣлъ о моей отвагѣ. Въ—самомъ—дѣлѣ, не дико ли сидѣть съ женщиной двѣ недѣли, цѣлый мѣсяцъ на одной палубѣ, въ одной каютѣ, за столомъ рядомъ — и не смѣть открыть рта предъ нею, затѣмъ, что я еще не былъ ей *представленъ*? А скука, бездѣйствіе, однообразная жизнь на палубѣ корабля не—уже—ли недостаточны длятого, чтобъ кинуть такой глупый обычай?

Черезъ нѣсколько часовъ проливъ Баб—эль—маждебъ остался за нами и мы вошли въ Красное Море. Пролитъ этотъ мѣстами очень—узокъ, и мы простыми глазами хорошо видѣли влѣво берега Африки, вправо берега Аравіи, равно—песчаные, равно—пустынные. Скоро мы были на параллели Мѣка, а чрезъ нѣсколько дней въ зрительную трубку рассматривали то мѣсто, къ которому пристають поклонники, отправляясь въ Мекку; были минуты, въ которыя открывались передъ нами въ голубомъ пространствѣ вершины Синая.

Въ Красномъ Морѣ муссоны не такъ чувствительны, какъ въ Индійскомъ Океанѣ, хотя переходъ изъ прохлады океана въ удружающую атмосферу пролива чрезвычайно—замѣтенъ. Съ мая до ноября постоянно дуютъ сѣверные вѣтры вдоль Краснаго Моря; а съ этой эпохи господствуютъ у пролива южные, между—тѣмъ, какъ у Суэцкаго Перешейка—сѣверные вѣтры. Это раздѣленіе вѣтровъ разительно—замѣтно близъ Джебды, и потому здѣсь часто стоятъ продолжительныя штилы и переѣбныя маловѣтрія. Южные вѣтры дуютъ съ болѣею силою, нежели сѣверныя; они для плавателей удобнѣе; чрезвычайно—порывисты и поднимаютъ густыя облака пыли. По ночамъ, до восхожденія солнца, дуетъ обыкновенно береговой вѣтеръ, а въ морѣ совершенно—тихо; потомъ, около десяти часовъ утра, снова приходитъ постоянно—дующій южный морской вѣтеръ, а у береговъ устанавливается штиль. Пользуясь этимъ мочнымъ вѣтромъ, корабли поднимаются къ Суэзу. Подвигаясь такимъ—образомъ довольно—успѣшно къ югу, они встрѣчаютъ большія препятствія, направляясь къ сѣверу. Изъ Джебды до Коосира суда иногда приходятъ

въ мѣсяцъ; считается хорошимъ переходомъ плаваніе въ 30 дней отъ Баб-эль-мандеба до Суаца, тогда-какъ на обратный путь потребно не болѣе 8 сутокъ. Въ такія подробности вхожу я потому, что вся торговля Краснаго Моря основана на условіяхъ этихъ физическихъ явленій.

Я никогда не забуду ловкости аденскихъ арабовъ, которые, во все время стоянки нашего парохода на якорѣ, безпрестанно окружали его по обѣимъ бортамъ. Они съ удивительнымъ искусствомъ ныряли за мельчайшею монетою, брошенною съ парохода въ море, и никогда безуспѣшно не всплывали на поверхности воды. Я любилъ вечеромъ, когда тропическое солнце скрывалось за утесами Адена, выѣзжать съ этими арабами на шлюпкѣ въ заливъ, преддверіе Краснаго Моря, и любоваться дивами океана, которыхъ только здѣсь мнѣ видѣть удалось въ такихъ огромныхъ размѣрахъ. Вообразите себѣ недалеко отъ того мѣста, гдѣ корабли становятся на якорь, на глубинѣ морской, цѣлые лѣса коралловъ всевозможныхъ цвѣтовъ и формъ, красующихся въ зеркальной безднѣ океана; посреди коралловыхъ вѣтвей, сплетенныхъ изъ нихъ гротовъ и пещеръ, безчисленны стада рыбъ, блестящихъ разливани радуги, играютъ въ глубинѣ и скрываются отъ малѣйшаго шороха въ непроницаемой густотѣ подводныхъ поростовъ. Нѣсколько далѣе я замѣтилъ далеко-выдававшуюся отмель; на глубинѣ одного аршина, неболѣе, тончайшій песокъ лежитъ на днѣ ея, и въ то время, когда море гладко, какъ стекло, стада тюленей, выставивъ свои неподвижныя морды, кажется, дышать преладю вечера. Они подпускаютъ очень-близко, и глѣвно, не-хотя ныряютъ въ воду при приближеніи человѣка. Я очень-хорошо знаю, что отливъ рыбъ въ водѣ несравненно-живѣе и что въ своей стихіи ихъ разнообразныя краски быстро исчезаютъ; но рыбъ такихъ различныхъ формъ и прелестныхъ цвѣтовъ мнѣ видѣть нигдѣ не удалось. Мнѣ сказывали, что рыбы, которыя водятся въ здѣшнихъ кораллахъ, вредны и въ пищу не употребляются.

Не надолго разстались мы съ землею; скоро открылся передъ нами мысъ Мухаммеда (Ras Muhamed), прилегающій къ заливамъ Софанію и Суаца; утесы послѣдняго остаются вправо и, обогнувъ известковыя возвышенности острова Шедуана, пароходъ въ заливъ. Здѣсь берега ужъ не скрываются отъ глазъ; на нихъ незамѣтно движенія, нѣтъ жизни, все мертво; взору открываются песчаныя пустыни и опаленныя вершины Хорева и Синая.

Наконецъ начинаетъ бѣгать точка; она постепенно растетъ, расширяется: это Суэцъ — груды развалинъ города похожи на утомленнаго верблюда, поникшаго головою въ сыгучіе пески пустыни. Повсюду за-пустѣніе и въ разрушавшихъ стѣнахъ его, и въ громадныхъ песчаныхъ

насыпяхъ, его окружающихъ со всѣхъ сторонъ; въ гавани замѣтно нѣсколько арабскихъ судовъ безъ снастей, безъ парусовъ, до-тѣхъ-поръ, пока сойдутся караваны богомольцовъ изъ Марокко и Алжира отправляющіеся отсюда въ Мекку; а въ древніе годы здѣсь кипѣла торговая дѣятельность Финикии, Аравіи и Венеціи, и пристани Суэца были завалены товарами Азіи и Африки. Времена переиѣнились. Теперь Суэцъ больше ничего какъ этапъ, станція на пути въ Англо-Индію; немногія горсти золота, разливающагося отъ путешественниковъ, на жгновеніе посѣщающихъ эту станцію, бѣдно продовольствуютъ нѣсколько избранныхъ лицъ, съ которыми Компанія имѣетъ дѣло. Остальной людъ, неимѣющій возможности, не находя средствъ существованія отъ негодарной почвы, бродитъ по берегу моря, питаясь ракушками и добываемой рыбой. Невысокій минареть, базаръ, въ которомъ видны нѣсколько восточныхъ кофейныхъ домовъ, да на площади домъ, въ которомъ жилъ генераль Бонапарте во время египетской кампаніи — вотъ все, что Суэцъ можетъ представить любопытству путешественника. Домъ этотъ наружности весьма-скромной; фасадъ его выходитъ на древній каналъ, нѣкогда соединявшій Красное Море съ Средиземнымъ; открывая слѣды этого канала, Бонапарте едва не погибъ въ волнахъ, подобно фараону.

Суэцъ находится въ недалнемъ разстояніи отъ древняго и знаменитаго Арсиноя, Крокодилополиса, въ настоящее время хуже всякой слободы; въ немъ не болѣе 1500 полунагихъ обывателей. Вмѣсто домовъ грязныя мазанки; главная городская стѣна почти совершенно разрушилась и вообще въ такомъ положеніи, что страшно ѣхать возлѣ нея: того и гляди что рухнетъ и задавить.

И здѣсь, какъ въ Аденѣ, почва не производитъ ничего; воду привозятъ въ кожаныхъ мѣшкахъ за шесть верстъ; и что это за вода? Выкройте изъ юфти кострюлку, вскипятите въ ней хорошую воду, дайте постоять — и пейте этотъ теплый взваръ: тогда вы получите понятіе о здѣшней водѣ. Съ нами былъ большой запасъ содовой воды и шипучаго лимонада, который мы взяли съ парохода.

Близъ города мнѣ указали на мѣсто, гдѣ стоялъ лагерь французевъ, и на ихъ кладбище. Нѣтъ ни камня, ни креста на этомъ мѣстѣ; замѣтея одинъ холмъ, на который вѣтеръ пустыни наноситъ безпрестанно волны песку.

Путешественникъ находится здѣсь на межѣ, отдѣляющей Азію отъ Африки; онъ стоитъ предъ двойственнымъ источникомъ вѣры и науки. Изъ котораго же источника почерпнетъ онъ? Первая ближе къ нему, она осязательнѣе, затѣмъ, что этотъ край, обильный древними чуде-

сами, еще носить на себѣ печать времени первобытныхъ; въ немъ все дышетъ духомъ библейскихъ сказаній! Память безсознательно перелистываетъ страницу за страницей той священной книги, по которой наши матери научили насъ лепетать первыя слова; самому холодному, положительному воображенію предстоитъ здѣсь вспомнить о событіяхъ, которыя Моисей передалъ всѣмъ въкамъ своимъ боговдохновеннымъ сказаніемъ.

Тропа, по которой проходятъ караваны, не есть ли тотъ самый путь по которому проходилъ Іосифъ, еще юноша, проданный братьями купцамъ Египта? Въ шатрахъ каравана, разбитыхъ на берегу моря, мнѣ кажется, я узнаю шатеръ Іакова, путешествующаго среди дѣтей своихъ, многочисленныхъ, со всѣми стадами своими, составлявшими тогда одно богатство.

Изъ этихъ утесовъ, выдвинувшихся на пески пустыни, вышелъ народъ Израиля, ведомый божественнымъ облакомъ; по гласу Бога живаго онъ переходитъ черезъ море, покорно предъ нимъ раздвинувшееся. Ночью, при безмолвіи пустыни, мнѣ кажется, я слышу, будто слабѣющіе звуки, будто эхо, раздаются шаги избраннаго народа, среди изумленной, разступившейся стихіи... потомъ ревъ свирѣпыхъ волнъ и вошь воиновъ Египта и потомъ, далеко, далеко на другомъ берегу моря, я слышу радостныя пѣнопѣнія во славу Божию и звуки мусикійскіе, разносимые въ пространствѣ легкимъ дуновеніемъ вѣтра.

Длинная вереница мужчинъ и женщинъ, исчезающая въ пескахъ, приводитъ мнѣ на память тотъ же народъ, постигнутый игомъ рабства и увлеченный побѣдителями далеко отъ полей родныхъ, подъ эти шатры, въ которыхъ вольно ходить вѣтеръ пустыни; я представляю себѣ дочерей Сіона, съ распущенными власами, въ растерзанныхъ покровахъ, обремененныхъ оковами, рыдающихъ и поющихъ высокіе гимны!

На югъ отъ Суэца въ двадцати верстахъ указываютъ на камень, гдѣ Моисей возсылалъ молитву Господу, по переходѣ черезъ волны моря; вотъ мѣсто, свидѣтельствующее о великомъ событіи, о явленіи, совершившемся вопреки всѣхъ условій физическихъ, затѣмъ, что ширина моря достигаетъ здѣсь до пяти верстъ, а глубина до тринадцати сажень.

Въ разстояніи полуружейнаго выстрѣла отъ азіатскаго берега возвышаются группы пальмъ и колючихъ кустарниковъ. Преданіе говоритъ, что здѣсь пророкъ изсѣкъ воду изъ камня, бѣгущую до сихъ дней посреди песковъ и утоляющую жажду проходящихъ каравановъ.

Абас-паша, нынѣшній повелитель Египта, взялъ на себя переправу пассажировъ и товаровъ англо-индійскихъ. Въ Суэцѣ насъ привезли въ гостиницу, имъ устроенную. Здѣсь учреждена контора, въ которой путешественники берутъ билеты на проѣздъ пустыней въ Каиръ и по-

томъ въ Александрію. Каждый путешественникъ платитъ отъ Суэца до Александріи, включая полное содержаніе во время перехода, 12 фунтовъ стерлинговъ, то-есть, 72 руб. сер. Само-собою разумеется, что въ это содержаніе не входятъ расходы путешественника, по прибытіи его въ Каиръ; но, садясь на пароходъ, идущій по Нилу въ Александрію, онъ предъявляетъ билетъ свой и снова вступаетъ въ права. Я поспѣшилъ взять билетъ; но, располагая отправиться изъ Каира въ Сирію, заплатилъ за проѣздъ только до этого города. Утромъ, на солнечномъ восходѣ, мы выѣхали изъ Суэца; близъ англійской факторіи стояли и лежали нѣсколько сотъ верблюдовъ, готовыхъ принять на высокіе гребни свои цѣлыя горы груза; на этихъ животныхъ товары, приходящіе изъ Остиндіи и Китая, отправляются до Каира. Животныя грунты *кораблей пустыни* отправляются партіями изъ Суэца. По одному слову бедуина, верблюдъ, лежащій недвижимо на песчаномъ ложѣ, при приближеніи хозяина, съ дикимъ ревомъ приподнимается на оба колѣна, вытягивая по землѣ заднія ноги и махая чудовищною головою; онъ грозитъ укусить хозяина, кладущаго между двухъ его холмовъ тяжелые вьюки; по данному знаку онъ быстро вскакиваетъ на ноги и мѣрными шагами отправляется въ путь. Чрезвычайно-трудно выносить толчокъ, который даетъ верблюдъ неопытному сѣдоку, вскарабкавшемуся на сѣдло, положенное между горбовъ его: нужно держаться крѣпко за сѣдельную луку, когда онъ вскакиваетъ сперва на заднія, потомъ на переднія ноги; въ первой попыткѣ, я едва не полетѣлъ черезъ голову. Отъ меня зависѣло отправиться съ этою партіей, но въ такомъ случаѣ мнѣ предстояло бы тащиться на спинѣ верблюда нѣсколько сутокъ подъ раскаленнымъ небомъ и по накаленному песку. Я, можетъ-быть, и рѣшился бы на такую прогулку, но долгое мое пребываніе въ тропическихъ широтахъ и жизнь на морѣ подъ тропическимъ небомъ, гдѣ необъятное пространство почти всегда освѣщено ярко-голубымъ цвѣтомъ, разрушило мое зрѣніе, и я не могъ смотрѣть на бѣлыя массы песку, рассыпавшагося по пустынѣ, а потому предпочелъ отправиться въ одной изъ крытыхъ двухколесныхъ каретъ, приготовленныхъ для пассажировъ, т. е. въ четверомѣстномъ экипажѣ (*Vans*), который, будучи запряженъ четверкою малыхъ арабскихъ лошадей, въ сопровожденіи вооруженнаго каваса (проводника), мастерски управляется арабомъ.

Можно отдать полную справедливость Абас-пашѣ: онъ позаботился о comfortъ путешественниковъ, или, лучше сказать, все, что я видѣлъ въ пустынѣ, устроено Англо-индійскою Компаніею, у которой паша имѣетъ обратно право исключительно перевозить пассажировъ изъ Суэца въ Александрію и обратно. Англо-индійская Компанія, желая потянуть

его, немного разговаривала, а потому за нашею осталась правя тропица черезъ Египетъ; впрочемъ, его агенты — англичане, и они же управляютъ всѣми дѣлами.

Во всѣхъ образованныхъ странахъ есть обыкновеніе брать половину платы за прѣздъ съ дѣтей; правда, по этому поводу часто бываютъ съ родителями споры и разговоры, доказывающіе, что нѣтъ возможности встрѣтить на дорогѣ мальчика-путешественника старѣе семи лѣтъ; они всегда моложе вопреки наружности и вопреки свидѣтельству о рожденіи, которое не предъявлять же стать. Во избѣжаніе всѣхъ разговоровъ и споровъ, повелитель Египта беретъ одинаковую плату и съ взрослого и съ ребенка на рукахъ кормилицы. Конечно, это тяжело, но такъ приказано нашею.

Отъ Суэца до Каира 150 верстъ... Мнѣ, пожалуй, скажутъ: «Какъ это вы рѣшились пуститься въ путь по пустынѣ? Я бы на вашемъ мѣстѣ — ни за что!» Успокойтесь! Въ наше время это дѣло очень-легкое! Почти не стоило бы и говорить о немъ, еслибъ мнѣ не хотѣлось правдиво доказать вамъ, что я въ пользу вашу отсекся отъ того удовольствія, въ которомъ рѣдко отказываютъ себя путешественники, описывая бѣды и опасности, ими неиспытанныя. Ужь лучше, коли говорить, такъ говорить правду.

А правда то, что если вы сѣли въ карету (Vans) Абас-паши, такъ и пустыни нѣтъ. Пустыня, со всѣми ужасами, катастрофами, бѣдствіями, о которыхъ и донынѣ любить мечтать разгоряченное воображеніе, едва-ли не исчезла какъ тѣнь! Какъ быть! Мы живемъ въ вѣкѣ, строго-положительномъ: я въ пустынѣ не стало поэзіи, какъ и во многомъ въ жизни. И хоть бы вы заплатили деньги за то, чтобъ на васъ напали бедуны, чтобъ пострадали васъ и даже ограбили — нельзя! такъ въ этомъ отношеніи строга полиція паши! Вотъ поэтому, кто-то изъ туристовъ и сказалъ: «Помилуйте, на что похожа теперь пустыня? она ее совсѣмъ испортили!»

Само-собою разумѣется, что въ каретахъ нельзя брать съ собою никакого багажа, кромѣ развѣ маленькаго дорожнаго мѣшка. Кладь отправляется караваномъ; компанія позволяетъ брать съ собою дѣсти фунтовъ клади; за излишнее беретъ по 4 испанскихъ піастра за два съ половиною пуда. Одинъ изъ нашихъ пассажировъ, чиновникъ Остивдской Компаніи имѣлъ подъ своимъ багажемъ полтара десятка верблюдовъ; за кладь свою онъ заплатилъ, кажется, тридцать два фунта стерлинговъ, то-есть 192 руб. сер. (*).

(*) Испанскій піастръ = 1 р. 42³/₄ р. с.

Можеть-быть, вы снова спросите меня: «Какимъ же образомъ, въ пустынь, въ волнахъ сыпучихъ, въ этомъ океанѣ песку, вы не собьетесь съ дороги? Вѣдь ее заноситъ безпрестанно вѣтръ пустынный, страшный *хамсинъ*». Дѣло въ томъ, что по всему протяженію пустыннаго пути разставлена линія телеграфовъ и построены станціи, такъ-что они у проводника всегда въ глазахъ. По ночамъ зажженные костры указываютъ дорогу.

На пути отъ Суэца до Каира восемь станцій. Въ нихъ проводятъ перемѣняютъ лошадей; эти маленькія лошади мчатся вихремъ по глубокому песку пустыни.

Не думайте, что въ этой пустынь вы рискуете умереть съ голоду: вы обезпечены совершенно насчетъ вашего желудка. Вода вездѣ превосходная, а вино еще лучше; но здѣсь за него платится особо. Мы выѣхали изъ Каира послѣ полудня.

На одной изъ этихъ станцій намъ подали обѣдъ, напоминавшій Понжера; а кажется, на четвертой, гдѣ мы остановились ночевать, насъ напоили добрымъ чаемъ и уложили въ мягкія постели — и это все въ пустынь. На всякій случай, для безопасности, всегда отправляются двѣ кареты вмѣстѣ.

Послѣ долгаго странствованія по морю, ѣзда въ каретѣ, даже въ пустынь, вещь хорошая! И между-тѣмъ, какъ арабскіе наши кони несли насъ по пустынь, увязая подъ-часъ выше колѣна въ песокъ, мнѣ приходило въ голову: не странное ли дѣло называть эту сообщительную линію, чуть не кругосвѣтное плаваніе, *береговою*, *Overland*, только потому, что въ двухколесномъ дилижансѣ промчатъ васъ 150 верстъ? Ну, право, это ужъ слишкомъ-большая ипербола.

Чтобъ сдѣлать удовольствіе тѣмъ читателямъ, которые любятъ *сильныя ощущенія*, я скажу, что мнѣ удалось въ Египтѣ видѣть одинъ изъ тѣхъ грозныхъ феноменовъ, которые надолго остаются въ памяти; но я видѣлъ его не въ пустынь, а во время плаванія по Нилу: вы догадываетесь, что я говорю о страшномъ *хамсинѣ*; поарабски слово это значитъ *пятьдесятъ*; обыкновенно онъ господствуетъ въ весеннее равноденствіе. Хамсинъ, достигнувъ всей своей силы, дуетъ дѣлы сутки, но иногда и трои сутки. Горе путнику, застигнутому хамсиномъ среди песковъ такой пустыни, гдѣ нѣтъ ни телеграфовъ, ни станцій, ни каретъ двухколесныхъ! Войско Камбиза, высланное для покоренія Ливіи, пало отъ ударовъ хамсина, такъ-что не осталось ни одного очевидца; а въ немъ было 50,000 человекъ!

Не одна сила этого вѣтра, не однѣ массы пыли, взвѣваемые имъ, дѣйствуютъ разрушительно: все удушающій жаръ иногда мгновенно

умерщвляетъ и людей и животныхъ. Вѣроятно, войско Камбиза было подвергнуто всѣмъ этимъ губительнымъ дѣйствіямъ хамсина.

Есть еще свойство хамсина, о которомъ я не упомянулъ: онъ съ невѣроятною скоростью сушитъ или разлагаетъ тѣла, имъ пораженныя. Многіе писатели утверждаютъ, что остовъ верблюда, сраженнаго хамсиномъ, вѣситъ не болѣе десяти килограммовъ. (Килограмъ = 2, 443 фунта).

Хамсинъ извѣстенъ подъ многоразличными именами. Арабы называютъ его *самумъ*, т. е. ядъ; Турки зовутъ его *шаміэли*.—(Не отсюда ли Саміэль?) Между европейцами хамсинъ извѣстенъ подъ именемъ: вѣтра пустыни, южнаго, знойнаго, ядовитаго и проч.

Вотъ обстоятельства, при которыхъ мнѣ удалось испытать это явленіе:

Мы плыли по спокойной поверхности Нила, нисколько не думая о близкой опасности. Вдругъ стало невыносимо-душно и порывистый вѣтръ, шквалами ударившій въ паруса нашей канги, все болѣе-и-болѣе обдавалъ насъ сухимъ, палящимъ жаромъ. Равнина, на сколько глазами можно было окинуть, горы Ливіи и Аравіи, ясно, незадолго еще до хамсина, видѣнные нами, мгновенно скрылись въ громадныхъ тучахъ пыли и въ нѣсколькихъ шагахъ мы съ трудомъ могли различить растущія пальмы. Огромные столбы песку, словно пирамиды, быстро возрастали, крутились въ воздухѣ и рушились на первую преграду, которую встрѣчали въ страшномъ ходѣ своемъ. Солнце, какъ раскаленное ядро, стояло на небѣ и, наконецъ, исчезло въ массѣ тучъ и пыли. Въ воздухѣ разливался сухой зной, отъ котораго стѣснялось дыханіе, болѣла грудь. По-временамъ, когда лучи солнца пробивались на минуту сквозь мракъ, намъ казалось, что весь горизонтъ подходитъ къ намъ и готовъ засыпать насъ цѣлымъ обваломъ пыли! Къ нашему величайшему счастью, налетѣвшій шквалъ вырвалъ огромный парусъ, и тогда наша канга, черпнувшая ужъ нѣсколько разъ бортомъ, снова выпрямилась, и мы пристали къ берегу. Съ этой минуты большая опасность миновалась и мы могли переждать бурю; но сильно мучились отъ палящаго, удушающаго воздуха.

Подъѣжая къ Каиру, мы видѣли множество феллаховъ — мужчинъ и женщинъ, на приготовительныхъ работахъ для желѣзной дороги, которую англичане предполагаютъ провести отъ Суэца. Вся эта толпа полунагихъ труженниковъ таскала въ корзинахъ землю и вела насыпь. Впослѣдствіи я постараюсь объяснить, почему Англо-Индія предпочтительно хлопочетъ объ устройствѣ желѣзной дороги, а оставляетъ безъ вниманія мысль возобновленія канала, соединявшаго нѣкогда Красное Море съ Средиземнымъ.

Теперь же я заключаю мой рассказъ прибытіемъ въ Каиръ.

Приближаясь къ городу, природа мѣняется видъ : оазисы пальмъ встрѣчаются чаще и массы бѣловатаго песку смѣняются чудесною зеленью. Мы въѣжали въ Каиръ поздно вечеромъ; далеко не доѣзжая города, насъ встрѣтили человекъ десять феллаховъ съ зажженными факелами. Они бѣжали передъ нашими экипажами и по сторонамъ, освѣщая дорогу и нѣсколько не отставая отъ насъ. Бронзовые лица нашихъ скороходовъ, освѣщенные длинными полосами огня, ихъ фантастическая одежда, наши кавасы на лихихъ коняхъ и нашъ быстро несущійся поѣздъ—все переносило меня въ рассказы «Тысячи одной Ночи»; а увидѣвъ въ сторонѣ, передъ самымъ въѣздомъ въ городъ, ярко освѣщенный дворецъ Абас-паши, я съ нетерпѣніемъ хотѣлъ привѣтствовать этотъ городъ Гарун-Аль-Рашида, со всеми его чудесами, которыя такъ живо рисуетъ Шехеразада.

Поѣздъ нашъ сталъ на площади *Леэбекіахъ*, и я очутился во французскомъ ресторанѣ (*Hotel d'Orient*) на восточный складъ.

А. РОТЧЕВЪ.

ОБЪ «АНТИГОНЪ», ТРАГЕДІИ СОФОКЛА (*).

(Посвящается Е. А. Анатъевой).

Нѣтъ сомнѣнія, что эсхилова трагедія «Семь вождей подъ Фивами» заложила въ душѣ Софокла первую мысль объ «Антигонѣ». Не говоря ужь объ отдѣльных мѣстахъ, объ отдѣльных мысляхъ и выраженіяхъ, напоминающихъ образецъ, оставленный Софоклу великимъ отцомъ трагедіи, достаточно указать на конецъ трагедіи Эсхила и сравнить его съ началомъ трагедіи Софокла, чтобъ убѣдиться въ истинѣ нашего положенія. Въ трагедіи Эсхила вѣстникъ приносить съ поля битвы извѣстіе, что эвскія войска побѣдили аргосцевъ, что шесть аргосскихъ вождей убиты, но что два сына Эдипа, Этеокль и Полиникъ, пали отъ руки другъ друга. Вслѣдъ затѣмъ являются на сценѣ Антигона и Исмена; онѣ идутъ за тѣлами своихъ братьевъ и поютъ жалобную пѣснь. Она прервана появленіемъ глашатая, который возвѣщаетъ рѣшеніе эвскаго сената. По этому рѣшенію Этеокль долженъ быть похороненъ съ честью, а Полиникъ, какъ врагъ отечества, будетъ

(* Въ прошломъ мѣсяцѣ напечатали мы это знаменитое твореніе Софокла, въ переводѣ С. Д. Шестакова. Теперь предлагаемъ статью переводчика о самой трагедіи.

брошенъ непогребенный и трупъ его достанется въ добычу хищнымъ птицамъ. Антигона объявляетъ рѣшительно глашатаю, что она не покорится этому рѣшенію Фивскаго Сената. Глашатай уходитъ съ угрозою, а хоръ фивскихъ дѣвушекъ раздѣляется на двѣ половинны, изъ которыхъ одна пристаетъ къ Антигонѣ, чтобъ вмѣстѣ съ нею похоронить Полиника, а другая, вмѣстѣ съ Исменою, идетъ оказать ту же честь Этеоклу. Трагедія оканчивается торжественною процесіею погребенія и трилогія дѣйствуетъ на душу успокоительно, такъ-какъ братьямъ, соединеннымъ смертью, воздается безпрепятственно послѣдняя честь. Объявленіе сенатскаго постановленія служить только къ тому, чтобъ прервать жалобы сестеръ и снести трупы со сцены : права человѣчества безъ борьбы одерживаютъ побѣду надъ безжалостною строгостью общины, чуждой погибшимъ братьямъ.

Софоклъ долженъ былъ многое измѣнить въ основаніи своей драмы. У него Этеоклъ похороненъ ужъ до начала трагедіи; запрещеніе похоронить Полиника, которое у Эсхила слѣдуетъ непосредственно за смертью братьевъ, когда ихъ тѣла находятся передъ глазами, идетъ не отъ сената, но отъ того, кто наслѣдовалъ по смерти сыновъ Эдипа престолъ фивскій. Запрещеніе это у Софокла сопровождается угрозою смертной казни за его нарушеніе. Эсхиль объ этомъ не знаетъ. Ночью бѣжало непріятельское войско отъ города; запрещеніе объявлено ужъ Креонтомъ, но оно не всѣмъ еще извѣстно въ городѣ. Еще прежде, чѣмъ Креонтъ явился въ собраніи фивскихъ старѣйшинъ объявить свою волю, прежде, чѣмъ эти старѣйшины собрались на площади передъ дворцомъ Креонта выслушать его приказъ, Антигона рѣшилась ужъ исполнить долгъ любви, несмотря на предстоящую смерть, и исполнила его прежде, чѣмъ Креонтъ могъ подумать о какомъ-нибудь сопротивленіи своей власти. У Эсхила, вмѣстѣ съ ней идетъ хоронить Полиника часть фивскихъ дѣвушекъ, изъ которыхъ состоитъ у него хоръ; у Софокла Антигона одна совершаетъ свое дѣло, и тѣмъ выше выдается ея героизмъ надъ всѣмъ ея окружающимъ. Она приглашаетъ сестру къ участію, но сестра отказывается.

Такимъ-образомъ, несмотря на очевидное вліяніе эсхиловой трагедіи на созданіе Антигоны, трагедія Софокла остается полною собственностью нашего поэта, котораго вмѣстѣ съ древними можемъ мы называть ученикомъ Эсхила, но только въ томъ смыслѣ, что отецъ греческой трагедіи, какъ предшественникъ нашего поэта, могъ указать ему точку, съ которой нашъ поэтъ долженъ былъ отправиться. Но, отправившись отъ этой точки, поэту предстояло еще проложить цѣлый

путь, и это сдѣлалъ онъ самъ, силами своего собственного творчества, совершенно-оригинально. Если мы обратимся къ поэтамъ предшествовавшаго періода, то ни въ эпосѣ, ни въ лирической поэзіи не найдемъ мы преданія объ Антиговѣ такимъ, какимъ находимъ его у Софокла. Напротивъ, первоначальное преданіе не знаетъ ничего о запрещеніи похоронить Полиника, какъ не знаетъ оно и о заступничествѣ Фезея, котораго Эсхилъ въ своей трагедіи «Молящіяся» дѣлаетъ защитникомъ общихъ законовъ Эллады, приписывая его настоятельнымъ требованіямъ то, что ѳивяне похоронили всѣхъ убитыхъ подъ стѣнами своего города аргосскихъ вождей. И то и другое преданіе сложилось ужъ позднѣе въ Аѳинахъ. Источникомъ этихъ преданій было нерасположеніе аѳинянъ къ своимъ грубымъ сосѣдямъ. Кажется, Эсхилъ первый ввелъ эти преданія въ поэзію. Современникъ Эсхила — Пиндаръ говоритъ о семи кострахъ у всѣхъ семи воротъ ѳивскихъ, для сожженія убитыхъ съ обѣихъ сторонъ. У Эсхила это было сдѣлано только по просьбамъ Фезея, а позднѣе сложилось ужъ у аѳинянъ преданіе, что Фезей долженъ былъ предпринять войну для поддержанія правъ человѣчества, и что только побѣдою могъ онъ принудить ѳивянъ къ уваженію этихъ правъ. Согласно съ этимъ, переноситъ Эсхилъ и Эврипидъ мѣсто погребенія убитыхъ изъ ѳивской земли въ область аѳинскую, въ Элевсинъ и Элевтеры. Но съ Пиндаромъ согласуется еще другое, безъ всякаго сомнѣнія, древнее преданіе, что братья-враги сожжены были на одномъ кострѣ, и что пламя этого костра раздѣлялось на-двое. Это преданіе, частью въ первобытной своей чистотѣ, частью смѣшенное съ позднѣйшими преданіями, упоминается у многихъ писателей греческихъ и римскихъ позднѣйшаго времени.

Отсюда видно, что подвигъ Антигоны совершенно неизвѣстенъ древнему преданію. По словамъ одного изъ современниковъ нашего поэта, Іона Хіосскаго, Антигона и Исмена жили еще во время войны эпигоновъ, въ которой сынъ Этеокла, Леодамъ, защищалъ ѳивы противъ Тессандра, сына полиникова. Напротивъ, Мимнермъ Колофонскій въ своихъ элегіяхъ сообщаетъ преданіе, по которому Исмена была въ связи съ Теоклименомъ-прорицателемъ и, по приказанію Аѳины, еще во время перваго похода противъ ѳивъ, убита Тидеемъ у воротъ въ то время, какъ она черпала воду изъ источника того же имени. Если древнее преданіе упоминаетъ о Теоклименѣ, возлюбленномъ Исмены, то о любви Антигоны къ Гемону до Софокла нигдѣ не говорится. Напротивъ, въ древней эдиподен Кинееона Спартанскаго Сониксъ проглотилъ Гемона, любезнаго сына Креонтова, еще до появленія въ ѳивахъ Эдипа. Все это указываетъ на то, какъ свободно пользовались аѳин-

скіе драматички древними преданіями, какъ измѣняли ихъ для художественныхъ и патріотическихъ цѣлей.

Изъ этого видно, какъ осторожно надобно переносить отношенія и характеры лицъ одной трагедіи на другую, взятую изъ одного круга преданій. Такимъ-образомъ «Антигона» сама въ себѣ замкнутое художественное произведеніе, при созданіи котораго поэтъ нисколько не имѣлъ въ виду связать ее съ позднѣйшими двумя трагедіями, взятыми изъ того же преданія («Эдипъ царь» и «Эдипъ въ Колонѣ»). Если въ этихъ двухъ трагедіяхъ и встрѣчаются указанія на нашу трагедію, то ихъ нужно объяснять не столько желаніемъ поэта связать три различныя трагедіи, сколько естественнымъ повтореніемъ того, что ужъ разъ заложено было въ душѣ поэта.

Начиная трагедію, поэтъ оставляетъ зрителямъ догадываться о тѣхъ происшествіяхъ, которыя, будучи внѣ дѣйствія, раскрываемаго въ самой трагедіи, непосредственно, однакожъ, ему предшествовали. Непрительское войско дѣлаетъ приступъ къ городу; какъ у Эсхила шесть еивскихъ вождей у шести воротъ города низлагаютъ шесть вождей непрительскихъ, у седьмыхъ воротъ два сына Эдипа падаютъ другъ отъ друга. Не въ единоборствѣ поражаютъ они другъ друга, какъ разказывается это у Аполлодора, но встрѣтились они случайно въ общемъ бою. Но у Эсхила смертью двухъ братьевъ спасены Фивы, и всѣ дальнѣйшія происшествія покрыты мракомъ. Трагедія Софокла заставляетъ предполагать, что войско аргосское остается еще нѣкоторое время подъ стѣнами Фивъ послѣ смерти братьевъ. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, можемъ мы заключить изъ словъ Исмены въ началѣ трагедіи. Въ этихъ словахъ различаетъ Исмена двѣ поры: смерть братьевъ и отступленіе аргосскаго войска. Между двумя этими происшествіями совершенно было (какъ надобно полагать) погребеніе Этеокла, тогда-какъ трупъ Полиника остается еще въ рукахъ аргосцевъ. Въ этотъ же промежутокъ является Креонтъ царемъ и военачальникомъ еивскимъ на мѣсто убитаго Этеокла. Только утромъ, наступившимъ за тою ночью, когда отступили осаждающіе, находитъ Креонтъ время раскрыть передъ собраніемъ еивскихъ старѣйшинъ свои политическія убѣжденія. Къ трупу Полиника приставлена ужъ стража; въ этомъ трупѣ началось ужъ разложеніе, какъ видно послѣ изъ словъ сторожа; птицы ужъ терзали его и разнесли его части по городу, какъ говоритъ послѣ Тиресій.

Драматическій поэтъ создаетъ свой собственный міръ, въ которомъ все получаетъ отъ него душу и жизнь. Древняя трагедія не выводила обыденныя страсти современнаго общества; она не брала даже свои типы

изъ временъ историческихъ; главнымъ источникомъ ея были преданія доисторическаго времени. Давность этихъ преданій давала поэту право пользоваться различными ихъ редакціями и даже измѣнять и разнообразить ихъ по своему произволу. Творческой фантазіи поэта не было положено границъ. Героємъ драмы можетъ быть только такое лицо, которое способно возбудить сочувствіе. Въ этомъ требованіи заключается причина того, почему такъ часто поэты измѣняли первоначальное преданіе. Другая причина отступленій отъ первобытныхъ преданій была обусловлена и самымъ временемъ, въ которое жили поэты. Жизнь внесла въ общество много новыхъ идей, которыя чужды были тому времени, когда слагались преданія. Здѣсь будетъ у мѣста сказать нѣсколько словъ о возрѣніяхъ Софокла на жизнь и искусство.

Одною изъ труднѣйшихъ задачъ давно ужъ сталъ тотъ вопросъ, что понималъ древній міръ подъ именемъ Судьбы. Въ древнихъ преданіяхъ Судьба была какая-то страшная сила, которая господствовала не только надъ людьми, но и надъ самими богами. Въ первобытныхъ преданіяхъ человекъ является игрушкою этой неотразимой судьбы, которая ведетъ его, какъ слѣпаго, къ предназначенной ею цѣли. Такое возрѣніе господствуетъ еще во время Гомера. Въ его пѣсняхъ мы видимъ, что отецъ боговъ и людей, великій Зевсъ, точно также, какъ самый послѣдній и слабый изъ его сыновъ, покоряется господству этой неотразимой Судьбы и напрасно иногда ропщетъ на нее. Для слушателей слѣпаго пѣвца это было, конечно, лучшее рѣшеніе всѣхъ ихъ недоумѣній и вопросовъ умственныхъ и нравственныхъ. Еще у Эсхила прикованный къ скалѣ Прометей объявляетъ Зевсу, что надъ нимъ тяготѣетъ Судьба, предъ которою должны пасть всѣ боги Олимпа; еще у Эсхила, слѣдовательно, Судьба — та страшная, непонятная сила, предъ которой склоняется свобода боговъ и людей. Не то находимъ мы ужъ у Софокла. Внимательный читатель не можетъ не замѣтить глубоко-религіозный характеръ его произведеній; во всякомъ словѣ, во всякой мысли его замѣтно желаніе обратить вниманіе зрителя на высшую силу, которая всѣмъ управляетъ. Но какая жъ эта высшая сила? Какому божеству поклоняется Софоклъ? Той же ли Судьбѣ, которой поклонялся міръ эпическихъ преданій? На этотъ вопросъ можно, кажется, отвѣчать отрицательно. Правда, народная мифологія требовала еще неуклоннаго почтенія даже отъ образованныхъ грековъ. Но споръ и распри боговъ, доставлявшія столько удовольствія греку временъ гомеровыхъ, обойдены на трагической сценѣ молчаніемъ, за которымъ скрывается убѣжденіе въ томъ, что прекратились эти распри между олимпійцами, что единство воли соединило ихъ всѣхъ, что они

составляютъ теперь одну силу. Цѣль этой перемѣны была та, чтобы перенести на Зевса всю силу прежней властительной судьбы, и отъ него ужъ теперь исходить добро и зло, которыя достаются на долю смертныхъ. Очевидно, что, при господствѣ такого воззрѣнія, характеръ Судьбы долженъ былъ измѣниться въ самомъ существѣ своемъ. Это не была ужъ болѣе бездушная сила, слѣпая необходимость безотчетно-дѣйствовавшая. Сила осталась та же; она была еще таинственна по своей природѣ, неотразима въ своихъ дѣйствіяхъ, но дѣйствовала она ужъ подѣ руководствомъ духа, по законамъ неуклонной справедливости. Ея дѣйствія были также закрыты для людей, какъ и прежде, но они не были ужъ случайны и произвольны. Трудно опредѣлять съ точностью, въ какой степени ясности и опредѣленности представлялись эти мысли уму Софокла. Но нельзя, кажется, сомнѣваться, что онѣ дѣйствительно проглядываютъ въ его произведеніяхъ. Не разъ, правда, высказано было положеніе, что нѣкоторыя изъ его великихъ произведеній основаны на совершенно-противоположномъ воззрѣніи, на томъ, что человечество подчинено желѣзной волѣ Судьбы, которая безъ цѣли и безъ размышленія идетъ своимъ путемъ, не разбирая жертвъ, которыя она раздавливаетъ своей тяжелою ногою; или на томъ, что люди находятся во власти равнодушныхъ и своевольныхъ боговъ, играющихъ людскимъ счастьемъ и разрушающихъ его часто только для того, чтобы показать свое могущество. Нельзя отвергнуть, что по-крайней-мѣрѣ первое изъ этихъ воззрѣній весьма-согласно съ цѣлями драматической поэзіи. Что можетъ въ-самомъ-дѣлѣ дать болѣе-богатыя средства къ раскрытію трагической ироніи, какъ не этотъ контрастъ между человѣкомъ съ его надеждами, опасеніями, желаніями и предпріятіями и мрачною, неумолимою судьбою? Но не та была цѣль высокаго искусства, и Софоклъ стремился къ другой цѣли. Ему нужно было раскрыть всю глубину души человѣческой, а это раскрытіе было невозможно при прежнемъ воззрѣніи на судьбу. Какое чувство могъ внушить трагическій герой, шедшій только по волѣ судьбы къ трагической развязкѣ своей жизни? Собственно говоря, въ такой драмѣ не было даже элемента драматическаго въ собственномъ смыслѣ. Такая драма была бы скорѣе эпической поэмою, только съ формою драматическою. Собственно драматическій элементъ вносится только тогда, когда является свободная воля чловѣка. Трагическая судьба и здѣсь все также ведетъ и рѣшаетъ дѣйствіе; но эта судьба ужъ не внѣ чловѣка; она не тяготеетъ надъ нимъ, какъ чуждая сила, но заключена въ немъ самомъ, въ его волѣ, въ его страстяхъ.

И въ нашей трагедіи Судьба играетъ только второстепенную роль.

Надъ родомъ Лая тяготѣетъ проклятіе боговъ, перешло это проклятіе на дѣтей и на внуковъ его, но оно должно кончиться смертью сыновей Эдипа, послѣднихъ потомковъ мужскаго поколѣнія въ этомъ несчастномъ родѣ. Довольно ужъ пало жертвъ гнѣвной судьбы; но нѣтъ, падаетъ и еще одна жертва, эта жертва — Антигона. Но погибаетъ ли она только потому, что принадлежить къ несчастному роду лабдакову, что грѣхи отцовъ требуютъ ея гибели? Положительно можно отвѣчать: нѣтъ. Еслибъ Софоклъ думалъ сдѣлать Антигону только жертвою общей трагической судьбы всего рода, онъ долженъ бы присоединить къ той же судьбѣ и Исмену. Ибо нельзя объяснить, почему эта судьба, какъ слѣпая судьба, должна была поразить одну сестру и пощадить другую? Правда, въ самой трагедіи встрѣчаемъ мы указанія на эту несчастную судьбу всего дома; хоръ говоритъ, что въ судьбѣ Антигоны видятъ онъ вновь древнее зло лабдакова дома, что Антигона несетъ отцовскую борьбу; но это только пункты сравненія, на значеніе которыхъ указываетъ для того, чтобъ смягчить нѣкоторымъ образомъ горькія скорби Антигоны тою мыслью, что эти страданія общи всему ея роду. Когда люди грѣшатъ, говоритъ хоръ, боги ослѣпили ихъ умъ; если бѣда поражаетъ ихъ—боговъ на то воля; судьба или боги хоронятъ Антигону въ каменномъ покоѣ, или гробу, какъ была превращена въ камень Ниоба. Кто не видитъ, что это только общія мысли, которыя нѣсколько не проникаютъ въ самое дѣйствіе? Сюда же принадлежатъ и тѣ слова хора, что Креонтъ не долженъ болѣе молиться богамъ, потому—что отъ судьбы нельзя уйти. Такихъ указаній на могущество судьбы много въ трагедіи. Но съ другой стороны не разъ высказывается и та мысль, что Антигона и Креонтъ погибли отъ своей собственной страсти, отъ своего собственного ослѣпленія; точно также погибаютъ Гемонъ и Эвридика.

Какая же мысль лежитъ въ основаніи нашей трагедіи? Прочитавъ ее внимательно, мы найдемъ не разъ мысль, которую хотѣлъ поэтъ привести.

Страсть, невладоющая собою, ведетъ къ гибели; только тотъ можетъ быть счастливъ, чья воля покорна разсудку; гордость и нарушеніе правъ божескихъ или человѣческихъ навлекаютъ на чловѣка тяжкіе удары судьбы. Эту мысль дѣлаетъ Софоклъ наглядною тѣмъ, что выводитъ борьбу двухъ началъ, изъ которыхъ каждое само-по-себѣ справедливо и истинно. Съ одной стороны, начало религиозное, съ другой, начало общественное. Представители того и другаго начала, правые сами въ себѣ безъ отношенія къ другому, ви-

новны своею неуступчивостью и гордостью. Глубокая трагическая скорбь лежит именно въ томъ, что дѣйствующіе характеры, имѣя внутренніи оправданія тѣхъ убѣжденій, по которымъ они дѣйствуютъ, не имѣютъ того же оправданія во вѣншихъ отношеніяхъ, потому-что, упорно преслѣдуя свою цѣль, они вступаютъ въ чужую область и нарушаютъ чужія права. Начинается борьба, которая могла бы разрѣшиться только взаимною уступчивостью; но это разрѣшеніе невозможно, потому-что ни та, ни другая сторона не хочетъ уступить, потому-что ни одна не умѣетъ остаться въ предѣлахъ благоразумія. Трагическая развязка неизбежна. Еслибъ обѣ стороны умѣли остаться въ границахъ, тогда не было бы трагедіи.

Посмотримъ теперь, какъ эта мысль развивается въ трагедіи. На разсвѣтѣ дня начинается дѣйствіе. Передъ дворцомъ Креонта является Антигона и вызываетъ сестру свою Исмену, чтобъ сообщить ей новость, которую сама она только-что узнала. Креонтъ объявилъ ужъ свое запрещеніе хоронить Полиника, но не знаютъ еще этого въ городѣ всѣ граждане, не знаетъ и Исмена. Прежде всѣхъ узнала объ этомъ запрещеніи заботливая и любящая Антигона. И вотъ, встревоженная, оскорбленная и раздраженная нарушеніемъ человѣческихъ правъ, является она на сценѣ, чтобъ сообщить о томъ Исменѣ и пригласить ее къ участию въ дѣлѣ любви и благочестія. Съ перваго появленія ея на сценѣ зритель ужъ заинтересованъ ею. Раннимъ утромъ, когда ночь еще несовсѣмъ успѣла уступить свое мѣсто дню, на огромной пустой площади видитъ онъ одну дѣвушку. Все пусто и тихо вокругъ; все еще спитъ въ городѣ. Чтѣ же подняло ее раньше всѣхъ? чтѣ привело ее сюда одну, бестрашную? Но вотъ на ея вызовъ выходитъ Исмена. Антигона начинаетъ говорить, и зритель чувствуетъ вѣстѣ съ Исменою, что въ душѣ ея тревога; что какое-то страшное слово готовится сказать она. И рассказываетъ Антигона сестрѣ, какую новую скорбь приготовилъ имъ ихъ добрый Креонтъ и приглашаетъ Исмену къ участию въ погребеніи Полиника. Но Исмена, столь же добрая и любящая, также глубоко-убѣжденная въ тѣхъ правахъ, за которыя стоитъ Антигона, не смѣетъ преступить границъ, назначенныхъ женщиной ея положеніемъ въ обществѣ. Напрасно, однакожъ, напоминаетъ она Антигонѣ о несчастной судьбѣ отца, матери и братьевъ; напрасно хочетъ вразумить ее насчетъ ихъ положенія: всѣ слова ея, шедшія изъ добраго сердца, но вѣстѣ-съ-тѣмъ изъ неослѣпленнаго страстью разсудка, послужили только къ тому, чтобъ еще болѣе раздражить и безъ того оскорбленное сердце Антигоны. Она не хочетъ внять благоразумнымъ совѣтамъ сестры и объявляетъ ей, что одна схоронитъ Полиника, что участіе

сестры въ этомъ дѣлѣ не будетъ ужь теперь ей мило. Видитъ Исмена, что слова разсудка невняты раздраженному сердцу; что не въ-силахъ она отклонить сестру свою отъ опаснаго дѣла. Сжалось ея доброе, нѣжное сердце при мысли о той опасности, которой подвергается ея единственная сестра, и молить она ее не говоритъ, по-крайней-мѣрѣ, никому о своемъ намѣреніи, и сама общается молчать. Но эти слова участія только оскорбляютъ Антигону; она отвѣчаетъ сестрѣ, что не желаетъ ея молчанія, что ей пріятнѣе будетъ, если Исмена всеиъ объ этомъ раскажетъ, что если она сама и умретъ за совершеніе погребенія брата, то умретъ славною смертію, что съ любовью встрѣтитъ ее, любящую, братъ въ подземномъ мірѣ, а Исмена будетъ ненавистна и ей и умершему брату. Какъ ни жестки были слова сестры, но, расставаясь съ нею, Исмена не можетъ не выразить своего удивленія и любви къ прекрасной душѣ:

Хоть ты, безумная, теперь идешь,
Но все жь друзьямъ своимъ ты милый другъ.

Сказавъ это, Исмена уходитъ назадъ во дворецъ, а Антигона идетъ назъво въ поле, гдѣ лежитъ непогребенное тѣло Полинника.

Какъ скоро измѣнились отношенія двухъ сестеръ! Еще за нѣсколько минутъ сказанныя слова не повторитъ ужь теперь Антигона, не назоветъ она свою сестру *милой головкой*. И вотъ споръ объ исполненіи долга любви къ брату раздѣлилъ два преданныя одно другому сердца. Новое горе присоединилось къ тѣмъ скорбямъ, которыя оплакивала Антигона въ первыхъ словахъ при появленіи на сценѣ: горе отчужденія отъ родной сестры. Душа Антигоны вся отдалась мысли объ исполненіи долга любви къ брату; она не могла себѣ представить, чтобъ сестра ея иначе могла думать. Мысль поэта уже ярко выразилась въ прологѣ: зрителю ясно уже, что начинается борьба между двумя началами, борьба страшная, необходимо-ведущая къ трагической развязкѣ. Передъ нимъ явилось уже лицо, представляющее одно изъ этихъ началъ, и онъ видитъ, что въ характерѣ этого лица нѣтъ ручательства за болѣе успокоительную развязку. Высокая и гордая душа Антигоны не умѣетъ смиряться предъ обстоятельствами, и зритель съ участіемъ ждетъ развязки этой начавшейся борьбы. Съ какимъ искусствомъ выведенъ въ прологѣ контрастъ двухъ родныхъ сестеръ! Обѣ имѣютъ доброе, нѣжное, любящее сердце, но одна съ душою крѣпкою и гордою, закаленною въ страданьяхъ, способною къ дѣланъ, требующимъ силъ необыкновеннаго даже мужа; другая съ душею робкою и слабою, научившеюся изъ прежнихъ страданій покор-

ности и уступчивости. Уже въ этомъ прологѣ видно, какая судьба ожидаетъ обѣихъ сестеръ въ послѣдствіи.

Вслѣдъ затѣмъ является на сцену хоръ. Этотъ хоръ представляетъ собою собраніе аѳинскихъ старѣйшинъ, которые пришли сюда, по приказанію Креонта, выслушать слово его. Вступая въ оркестру, хоръ поетъ свою первую пѣснь (народость), въ которой прежде всего приветствуетъ восходящее солнце, потомъ прославляетъ побѣду, одержанную аѳинянами надъ осаждавшими ихъ аргосцами. И въ этой побѣдной пѣснѣ поэтъ нашель случай указать, какъ-бы мимоходомъ, главную мысль трагедіи. Она находится въ той строкѣ, гдѣ хоръ поетъ о Капанеѣ, пораженномъ молніею Зевса, оскорбленнаго гордостью и надменностью аргосцевъ. Въ концѣ своей пѣсни хоръ гонитъ отъ себя мрачныя воспоминанія о прошедшихъ несчастіяхъ и приглашаетъ всѣхъ идти въ храмы благодарить боговъ за спасеніе отечества. Многозначительна эта побѣдная пѣснь хора, неизмѣющая, повидимому, никакого отношенія ни къ предъидущему, ни къ послѣдующему дѣйствию. Разговоръ двухъ сестеръ въ прологѣ скорбно настроилъ зрителя, показавъ ему нестоимое страданіе лабакова дома; тяжело лежитъ на его душѣ воспоминаніе о томъ, какъ враждебно разстались двѣ сестры; мысль его съ Антигоною. Радостная и религіозная пѣснь хора успокоиваетъ нѣсколько его разстроенный прежнею сценою духъ и обращаетъ его мысли въ другую сторону. Если слова Антигоны возбуждали въ немъ сочувствіе къ ея дѣду и вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ-быть, враждебное чувство къ Креонту, то слова хора ставятъ его на другую точку зрѣнія. Онъ видитъ, что хоръ не расположенъ къ Полинику, котораго онъ называетъ врагомъ отечества и причиною бѣдствій народныхъ. Зритель знакомится съ другою стороною дѣла; но его участіе къ Антигонѣ не уменьшается тѣмъ, что чувства народа несогласны съ нею; напротивъ, оно возвышается, когда онъ видитъ, что она остается одна съ своею любовью. Если мысль его отвлечена была на нѣкоторое время отъ Антигоны и обращена пѣснью хора на другіе предметы, то еще съ болѣею заботою, съ болѣеимъ участіемъ обращается она снова на нее, когда, въ слѣдующемъ эпизодѣ, является на сцену Креонтъ, налагаетъ свои политическія убѣжденія и объявляетъ собравшемуся народу, какъ онъ, согласно съ ними, приказалъ похоронить Этеокла и бросить непогребеннымъ трупъ Полиника, и когда хоръ признаетъ за Креонтомъ право *изречь законъ на мертвыхъ и живыхъ*. Признавая это право, хоръ отклоняетъ, однакожъ отъ себя обязанность наблюдать за исполненіемъ этого закона, говоря, что угроза смерти достаточна для того, чтобъ законъ былъ исполненъ въ-точности. На это

Креонтъ возражаетъ, что не разъ надежда на корысть людей губила. Только одно это побужденіе и знаетъ онъ; его только и можетъ бояться и подозрѣвать. Отъ Креонта, равно какъ и отъ хора, далека та мысль, что могутъ быть другія побужденія, болѣе чистыя, что они дадутъ слабой дѣвушкѣ силу презрѣть опасность; а между-тѣмъ зритель знаетъ все это и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ развязки. Чѣмъ меньше Креонтъ думаетъ объ Антигонѣ, чѣмъ неожиданнѣе открывается послѣдствіемъ ея поступокъ, тѣмъ сильнѣе возбуждается гнѣвъ Креонта. Такого рода долговременный обманъ самого-себя совершенно въ духѣ Софокла.

Едва сказалъ Креонтъ послѣднія слова, какъ является одинъ изъ стражей, приставленныхъ имъ къ тѣлу Полинника. Изъ его длинной и нескладной рѣчи, или, лучше сказать, изъ его длиннаго предисловія заключаетъ Креонтъ, что онъ принесъ плохую новость. Послѣ долгихъ околичностей объявляетъ наконецъ стражъ, по настоятельному требованію Креонта, что раннимъ утромъ совершилъ неизвѣстно кто надъ тѣломъ Полинника весь обрядъ погребенія.

Съ драматическимъ пафосомъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ рѣзкій контрастъ составляетъ странная фигура стороны, взятая изъ обыденной жизни и мастерски-обрисованная. Для него выше всего собственная жизнь; ему досталось по жребію отнести Креонту неприятную новость; со страхомъ является онъ предъ строгимъ своимъ повелителемъ. Этотъ страхъ обнаруживается сначала въ нескладной рѣчи, потомъ въ широкомъ, многословномъ разсказѣ, въ которомъ смѣшаны общія мысли и простонародныя изреченія. Еще Аристотель замѣтилъ, что тотъ, чье дѣло нечисто, охотно прибѣгаетъ къ предисловіямъ и къ различнымъ изворотамъ рѣчи; такъ рабы непрямо отвѣчаютъ на предлагаемые имъ вопросы. Подобными контрастами пользовался и Эсхилъ для возвышенія главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Въ нашей трагедіи это простонародное лицо сторожа поднимаетъ идеальную высоту Антигоны и въ то же время бросаетъ какой-то особенный, подкрашенный ироніею, свѣтъ на неуважительную горячность и раздражительность Креонта.

По окончаніи разсказа сторожа, хоръ высказываетъ мысль, которая давно ужъ тѣснится въ его душу: не боговъ ли воля обнаружилась въ этомъ таинственномъ погребеніи Полинника? Это было первое невольное, легкое напоминаніе Креонту о правахъ, данныхъ богами мертвымъ, и объ обязанностяхъ, наложенныхъ ими на живыхъ въ-отношеніи къ мертвымъ. Рѣзко и жестко останавливаетъ Креонтъ хоръ и опровергаетъ его мнѣніе, доказывая, что боги не могутъ чтить злодѣя и врага свое-

го. Въ ослѣпленіи страсти Креонтъ считаетъ боговъ за одномысленныхъ съ собою людей, раздѣляющихъ его убѣжденія. Снова возвращается онъ къ своему прежнему предположенію, что одно корыстолюбіе могло вмѣшаться въ это дѣло и преступить его законъ. Онъ выражаетъ свое подозрѣніе, что стражи сами похоронили тѣло, будучи подкуплены гражданами, которые давно уже были недовольны распоряженіемъ Креонта. Онъ распространяется при этомъ о пагубномъ вліяніи денегъ на жизнь людей. Стараясь убѣдить другихъ въ истинѣ своего предположенія, онъ еще далѣе отходить самъ отъ истины. Онъ грозитъ казнью ослушникамъ своей воли; наконецъ, обращаясь къ стражу, говоритъ ему, что если не сыщутъ они виновнаго, то сами получаютъ назначенную ему казнь. А зритель знаетъ виновнаго, и сильно встревожено его сердце, потому что не знаетъ еще онъ, чѣмъ кончится эта борьба. Понимаетъ онъ теперь, что какъ ни права съ одной стороны Антигона, однакожь она затронула другія права неменѣе-сильныя, неменѣе-достойныя уваженія. Креонтъ защитникъ правъ своей земли. Полютникъ оскорбилъ и нарушилъ эти права, когда пришелъ съ враждебнымъ войскомъ разорить родной городъ. Такъ думаетъ Креонтъ. Онъ убѣжденъ, что онъ не только можетъ, но и долженъ лишить Полиника права, даннаго ему смертью, права на честное погребеніе, такъ какъ Полиникъ оскорбилъ священное право, которое имѣла надъ нимъ его родная земля. Креонтъ наблюдалъ законы правоты общественной, но онъ забылъ законъ своихъ боговъ насчетъ погребенія мертвыхъ, законъ, на которомъ основывала свои дѣйствія Антигона.

Креонтъ уходитъ въ свой дворецъ; затѣмъ уходитъ и стражъ къ своему мѣсту. Его немногія слова, которыя онъ говоритъ предъ своимъ уходомъ, своею простотою и краткостью образуютъ совершенный контрастъ съ длинною, наполненною общими мѣстами рѣчью Креонта. Стражъ вышелъ ужъ теперь изъ того затруднительнаго и опаснаго положенія, въ которомъ онъ былъ при первомъ вступленіи своемъ на сцену; онъ не боится болѣе за жизнь свою и, уходя, выражаетъ только свою радость о томъ, что уходитъ цѣлъ, что спасся отъ опасности, отъ которой не чаялъ спастись. На сценѣ остается только одинъ хоръ, и начинается пѣть.

Первый стасимонъ, въ которомъ хоръ прославляетъ изобрѣтательность ума человѣческаго, умѣющаго покорить все своей силѣ, кровью смерти. До-сихъ-поръ хоръ находится все еще въ совершенной неизвѣстности о виновникѣ, навлекшемъ на себя гнѣвъ царя, и потому въ пѣснѣ своей выражается онъ только общими мыслями: онъ не желалъ бы,

чтобъ преступникъ былъ участникомъ его совѣта и раздѣлялъ съ нимъ кровь. Но вотъ одинъ изъ хора видитъ стража, возвращающагося съ Антигоною, и прискорбно стало его сердце: онъ начинаетъ предчувствовать истину. Еще болѣе-тяжелое чувство стѣснило грудь зрителя, который знаетъ истину.

Во второмъ эпизодѣ стражъ рассказываетъ Креонту съ витѣватостью простолюдина, желающаго возвысить свои заслуги, какъ схватили они Антигону на мѣстѣ преступленія. Видимо-пораженный Креонтъ спрашиваетъ о подробностяхъ: тяжело ему сознание въ томъ, что онъ обманулся въ своихъ подозрѣнiяхъ. Рассказываетъ ему стражъ подробно, какъ пришла Антигона еще разъ насыпать землю на трупъ брата, съ котораго смели-было ее стражи, какъ проклинала Антигона ихъ за это, какъ схватили они ее и какъ безстрашно она во всемъ созналась. Къ ней теперь обращаетъ Креонтъ свою рѣчь. Онъ спрашиваетъ ее, признается ли она въ томъ, что сдѣлала. Она отвѣчаетъ такъ, какъ можетъ отвѣчать только тотъ, кто сознаетъ всю правоту своего дѣла: *я говорю, что сдѣлала и отрицать не стану*. Какой контрастъ между этимъ краткимъ отвѣтомъ Антигоны и многословнымъ рассказомъ стража! Въ этихъ немногихъ словахъ высказалась вся сила гордой души, все безстрашіе пламеннаго сердца. Смутился Креонтъ предъ этою непоколебимостью женщины и, какъ-бы желая дать ей средство спастись, или, скорѣе, желая сыскать себѣ-самому выходъ изъ этого горькаго состоянія, спрашиваетъ онъ Антигону: знала ли она о его запрещеніи хоронить Полинника? На вопросъ Креонта послѣдовалъ тотъ же гордый отвѣтъ: *Да, я знала. Какъ не знать? То знали всѣ*. Потомъ раскрываетъ она предъ нимъ свои убѣжденія, въ силу которыхъ не могла она поступить иначе: «вѣчный законъ боговъ исполнила она; а власть человеческая не въ-силахъ ниспровергнуть этотъ законъ». Въ концѣ своей рѣчи, увлеченная своимъ одушевленіемъ, замѣчая, можетъ-быть, противорѣчіе въ Креонтѣ, она прибавляетъ, что только безумный можетъ обвинить ее въ безуміи. Хоръ осуждаетъ ее за неукротимость и неуступчивость. Раздраженъ Креонтъ сопротивленіемъ дѣвушки и ея смѣлыми рѣчами. Гнѣвъ увлекаетъ его и онъ грозитъ смирять непокорную. Онъ хочетъ сдѣлать участницею ея злой судьбы и невинную Исмену, которую подозрѣваетъ въ томъ же преступленіи. Онъ велитъ позвать ее.

Спокойно спрашиваетъ Антигона Креонта: довольно ли будетъ ему ея смерти и, получивъ утвердительный отвѣтъ, проситъ его о скорѣйшемъ исполненіи ея казни, такъ какъ примиреніе между ними уже невозможно. Замѣчательно слѣдующее затѣмъ мѣсто по искусству, съ

какимъ выразилъ поэтъ, какъ сильно были увлечены страстью оба лица въ спорѣ. За исключеніемъ тѣхъ немногихъ словъ послѣ первой рѣшительной выходки Антигоны, въ которыхъ хоръ частью осуждалъ, частью извинялъ ее, ни слова болѣе не промолвилъ онъ во все продолженіе спора. И, однакожь, обоимъ спорящимъ кажется, что хоръ на ихъ сторону; оба они не замѣчаютъ даже, что они высказываютъ это другъ другу.

Креонтъ. — Но лишь одна изъ Кадмова народа
То видишь ты.

Антигона. — То жь видать и они,
Но отъ тебя свою скрываютъ мысль.

Креонтъ. — И что жь, тебѣ не стыдно думать такъ,
Какъ ни одинъ не думаетъ изъ нихъ?

Вслѣдъ затѣмъ, когда Креонтъ упрекнулъ Антигону въ томъ, что она оскорбила брата своего Этеокла, поставивъ наравнѣ съ нимъ Полиника, который былъ врагомъ его и отечества, она возражаетъ:

Не злобу я, любовь дѣлать родилась.

Въ этихъ прекрасныхъ словахъ высказалась вся красота души Антигоны. Невольно-пораженный ими, Креонтъ не находитъ въ умѣ своемъ новыхъ возраженій и прибѣгаетъ уже къ сарказму:

Иди же къ нимъ туда и ихъ люби
Тамъ, подъ землей, коль ты должна любить.
Пока я живъ, не властвовать жень.

Но его прерываетъ хоръ извѣщеніемъ, что видитъ онъ идущую Исмению. Ея нѣжная душа выливается въ слезахъ, а новые удары готовятся ей тою, о которой она плачетъ. Напрасно отвѣчаетъ она утвердительно на вопросъ Креонта объ участіи ея въ дѣлѣ Антигоны: послѣдняя не признаетъ этого участія; напрасно молитъ ее Исмения не покрывать ее безчестіемъ и позволить ей раздѣлить судьбу сестры, дать ей возможность примириться съ тѣнью брата: все также отвергаетъ ее Антигона тѣми же жесткими, оскорбительными словами. Не можетъ она простить сестрѣ ея перваго поступка, который кажется ей измѣною умершему брату; нескоро прощаетъ глубоколюбящая душа оскорбленіе чувства. Антигона несовсѣмъ-права въ своемъ судѣ надъ Исмениюю; по-крайней-мѣрѣ теперь могла бы она отступить отъ своего прежняго мнѣнія, но она ослѣплена страстью, духъ ея раздраженъ

предшествовавшим споромъ съ Креонтомъ, и она неспособна уже уступить, она неспособна уже понять великодушной любви и преданности сестры. И не можетъ Креонтъ понять ни высокаго сердца Антигоны, ни трогательно-пѣннаго сердца Исмены, и называетъ онъ ихъ безумными. Чтобъ измѣнить рѣшеніе Креонта, Исмена касается еще нетронутой струны въ сердцѣ Креонта — его отцовскаго чувства; она напоминаетъ Креонту, что онъ убьетъ въ Антигонѣ невѣсту своего собственнаго сына. Коротко и рѣзко отвѣчаетъ ей Креонтъ, что онъ не хочетъ дурной жены для сына. Здѣсь только вспомнила Антигона о своемъ женихѣ; за него оскорбилась она словами Креонта, не за себя: «О милый мой Гемонтъ, говоритъ она, какъ оскорбляетъ тебя отецъ твой!» Напрасно смиренно напоминаетъ Креонту о томъ же хоръ: «Самъ адъ хотѣлъ разрушить этотъ бракъ», отвѣчаетъ ему Креонтъ и вмѣстѣ-съ-тѣмъ выражаетъ убѣжденіе въ томъ, что хоръ раздѣляетъ его мнѣніе объ участи Антигоны; потомъ велитъ онъ отвести ее въ домъ. Въ этой отерочкѣ казни видно, что недаромъ напомнили ему о сынѣ: невольно закрался уже страхъ въ душу Креонта.

Второй стасимонъ. Рѣшилась судьба Антигоны; неизбежная пагуба предстоить Креонтову дому. И вотъ хоръ въ своей пѣсни поетъ могущество пагубы (*ἄτη*): если разъ она вошла въ какой-нибудь родъ, то переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе до самой послѣдней вѣтви этого рода, подобно тому, какъ вздутый валъ съ высоты своей низвергается на дно подводной глубины и поднимаетъ песокъ съ самаго дна морскаго. Такъ гибнетъ весь лабдаковъ домъ; вотъ послѣдняя его свѣтлая вѣтвь уносится страшною пагубой. Это печальное размышленіе навело хоръ на мысль о величїи и могуществѣ Зевса. Гордость смертнаго не въ-силлахъ противиться его могуществу, котораго не можетъ побѣдить ни всепобѣждающій сонъ, ни неустающіе въ своемъ теченїи мѣсяцы. А смертнаго жизнь находится во власти *ἄτη*. Ея источникъ лежитъ въ гордомъ возмущенїи челоуѣка противъ Зевса. Страсти и легкомысленныя надежды часто вводятъ челоуѣка въ заблужденіе. Если боги хотятъ наказать кого за преступную гордость, тому зло кажется добромъ и идетъ онъ прямо къ пагубѣ.

Если первый стасимонъ былъ назначенъ для того, чтобъ воспѣть могущество челоуѣческаго ума и слегка только коснуться его опасныхъ сторонъ; то здѣсь дальнѣйшимъ развитїемъ драмы наведемъ хоръ на мысль о тѣхъ стремленїяхъ людей, которыя, будучи противны божественной волѣ, неизбежно приводятъ ихъ къ пагубѣ. Если Антигона и дала первый поводъ къ подобнымъ размышленїямъ, то нельзя не вл-

дѣтъ, что вторая половина пѣсни хора имѣетъ отношеніе только къ Креонту, хотя самъ хоръ, можетъ-быть, и не сознаетъ этого приложенія. Вѣдь Креонтъ первый преступилъ священные законы боговъ въ своемъ запрещеніи хоронить Поллику; вѣдь онъ далъ Антигонѣ причину и поводъ нарушить законы гражданскіе. Самый выборъ словъ, употребленныхъ потомъ, дѣлаетъ для насъ это отношеніе несомнѣннымъ. Поэтъ говоритъ объ *αὐδραὶν ὑπερβασία* — о чрезмѣрной гордости мужей; то же самое слово *αὐδραὶν* упоминаетъ онъ и въ послѣдней антистропѣ гдѣ говоритъ о легкомысленныхъ стремленіяхъ. И на кого другаго могли указывать эти слова, какъ не на Креонта, который преслѣдовалъ цѣль недостижимую. Не безъ намѣренія оставилъ поэтъ Креонта на сценѣ во время этой пѣсни, для того, чтобъ мудрыя размышленія хора достигли его слуха и привели его на истинный путь.

Но вотъ является Гемонъ, креонтовъ сынъ. Съ кроткою любовью отца спрашиваетъ его Креонтъ: не съ гнѣвомъ ли на отца пришелъ онъ, услышавъ объ участи, которая готовится Антигонѣ? Съ почтительною покорностью сына отвѣчаетъ ему Гемонъ, что добрый совѣтъ отца ему всего дороже. Еще надѣется несчастный юноша, что отецъ измѣнитъ свой приговоръ. Но подозрительна эта покорность Креонту, и начинаетъ онъ излагать сыну тѣ побужденія, которыя привели его къ этому рѣшенію. Въ началѣ рѣчи своей онъ хвалитъ Гемона, какъ добраго сына; выражаетъ надежду, что Гемонъ отвергнетъ свою невѣсту послѣ того, какъ она найдена непокорною воли его отца; доказываетъ, что онъ не можетъ простить ту, которая презрѣла его законъ, но долженъ наказатъ ее, долженъ показатъ примѣръ строгости на своихъ домашнихъ, чтобъ тѣмъ скорѣе повиновались чужіе. Видно, что ему досадно, что женщина осмѣлилась противиться его волѣ, и чувство этой досады надъ всѣмъ беретъ верхъ. Хоръ находитъ, что Креонтъ судилъ умно. Скромно и спокойно возражаетъ Гемонъ отцу. Онъ старается отклонить отца отъ пагубнаго рѣшенія. Ни слова не говоритъ онъ о себѣ, о своихъ отношеніяхъ къ Антигонѣ; онъ хочетъ показатъ отцу, что думаетъ только о его пользѣ, о его доброй славѣ. «Поступокъ Антигоны, говоритъ онъ, заслуживаетъ скорѣе золотой чести; весь городъ скорбитъ о ней, а ты, отецъ, этого не можешь знать». Наконецъ старается показатъ ему, что онъ увлеченъ страстью; совѣтуетъ ему послушатся добраго дружескаго слова. Поэтъ далъ Гемону ту же роль въ-отношеніи къ сестрѣ. Какъ Исмена съ нѣжною любовью сестры старается отклонить Антигону отъ ея опаснаго предпріятія, такъ точно Гемонъ съ почтительною сына представляетъ Креонту всю опасность его неуступчивости; какъ Исмена

напоминаетъ Антигонѣ о пагубныхъ слѣдствіяхъ непреклонной гордости, такъ Гемонъ напоминаетъ о томъ же Креонту.

Хоръ не ослѣпленъ страстью; ему доступно всякое слово разсудка. Такъ и теперь не скрылось отъ него, что въ словахъ Гемона есть правда, и онъ высказываетъ это Креонту съ почитательною скромностью; но слова хора только раздражаютъ Креонта, и съ этой минуты разговоръ отца съ сыномъ принимаетъ все болѣе-и-болѣе характеръ страсти и раздраженія. Наконецъ Креонтъ выходитъ изъ себя и приказываетъ тотчасъ привести Антигону, чтобъ она умерла предъ глазами своего жениха. Но Гемонъ не хочетъ ждать этой страшной минуты и уходитъ. Напрасно хоръ указываетъ Креонту на скорбь и отчаяніе сына: страсть уже совершенно овладѣла Креонтомъ, онъ ужъ не можетъ разсуждать. Какъ искусно выразилъ поэтъ это несчастное состояніе Креонта въ слѣдующихъ стихахъ:

Не измѣнить онъ участи дѣвиць.

Хоръ. — Такъ смерть обоимъ имъ назначилъ ты?

Креонтъ. — Невинной — нѣтъ! Ты дѣло говоришь.

Въ одну и ту же минуту и рѣшаетъ Креонтъ и отмѣняетъ свое рѣшеніе. Онъ имѣлъ ужъ случай убѣдиться въ невинности Исмены, слѣдовательно онъ не забылъ бы этого, еслибъ дѣйствовалъ только по убѣжденіямъ своимъ, а не по побужденіямъ страсти. Онъ могъ желать наказанія Антигоны, потому-что она была виновна въ нарушеніи закона; но зачѣмъ же хотѣлъ онъ присоединить Исмену? Какую же смерть назначаетъ онъ Антигонѣ? Живая умереть она въ каменной гробницѣ. Страсть видимо раздвоилась въ душѣ Креонта: съ одной стороны гнѣвъ побуждаетъ его преслѣдовать свою цѣль, съ другой, примѣшиваεται страхъ, безсознательный страхъ человѣка, который чувствуетъ, что онъ несовсѣмъ-правъ. Онъ ужъ не хочетъ теперь убить Антигону; онъ оставитъ ее живую умирать въ каменной гробницѣ; онъ положитъ ей тамъ нѣсколько пищи, чтобъ очистить совѣсть свою, въ которой, видно, пробудилось уже раскаяніе; но онъ старается подавить это раскаяніе горькимъ сарказмомъ противъ несчастной Антигоны, противъ ея почтенія къ подземнымъ богамъ.

Разстался отецъ съ сыномъ ожесточенные другъ противъ друга, и это даетъ поводъ хору воспѣть всемогущество бога любви, Эрота, который и правдивыхъ людей мысль къ неправдѣ и пагубѣ сводитъ, который возбудилъ и эту кровную вражду отца съ сыномъ. Появленіе

Антигона прерываетъ эту пѣснь. Ее ведутъ изъ заключенія въ тотъ покой, изъ котораго она никогда не должна выйти. Хоръ не можетъ удержать слезъ жалости. Но это чувство состраданія не отнимаетъ у хора его обычнаго спокойствія : на вопли и жалобы Антигоны отвѣчаетъ онъ утѣшительными словами, къ которымъ примѣшиваетъ иногда указанія на ея ошибку. Спокойный размѣръ его стиховъ составляетъ сильный контрастъ съ безпрестанно-измѣняющимся размѣромъ стиховъ, которыми выражаетъ свои жалобы Антигона. Неравнодушно она разстается съ своею жизнью. Холодно, закрыто для всякаго женскаго чувства оставалось ея сердце до-тѣхъ-поръ, пока не отдала она послѣднй долгъ брату. Теперь только видитъ зритель, что ея сердце способно къ теплымъ чувствамъ юности, и тѣмъ выше цѣнить онъ ея жертву, чѣмъ скорбище ея разставанье съ жизнью. Горькія жалобы вырываются изъ груди Антигоны. Плачетъ она о томъ, что живая сходитъ въ адъ, что, оставляя своего жениха на землѣ, будетъ она невѣстой Ахеронту. Въ утѣшеніе хоръ говоритъ ей, что отходить она къ мертвымъ, покрытая славой; что одной ей досталась завидная участь: живой сойти въ адъ. Слова хора напоминаютъ Антигонѣ о судьбѣ Ниобы, которая обращена была когда-то въ камень; но сравненіе это кажется хору неприличнымъ, потому-что Ниоба родилась отъ боговъ, а Антигона вела свой родъ отъ смертныхъ людей. Чтобы смягчить, однакожь, рѣзкость этихъ словъ, хоръ прибавляетъ, что славно для смертнаго человѣка имѣть одну судьбу съ бессмертными. Антигона принимаетъ эти слова хора за насмѣшку надъ собой и обращается съ жалобой къ богамъ, и къ городу, и къ гражданамъ, и спрашиваетъ: «во имя какихъ правъ терпитъ она такую жалкую участь?» Замѣчательнъ отвѣтъ хора на ея жалобу :

Далеко въ дерзости зашла,
И о высокой правды тронъ
Толкнулось, сильно ты дитя!
Овцовскій подвигъ ты несешь.

Выше поставила Антигона на своей сторонѣ правду; но въ этихъ словахъ говоритъ хоръ ей, что правда не можетъ быть на сторонѣ тѣхъ, которые переступаютъ границы, назначенныя волею человеческой. За правду стояла Антигона, но она оскорбила правду, потому-что была слишкомъ-высокомерна. И снова, чтобы смягчить этотъ укоръ, прибавляетъ хоръ, что Антигона несетъ овцовскій подвигъ; что несчастная судьба отца увлекаетъ ее къ пагубѣ. Еще яснѣе выражаетъ свою

мысль хоръ послѣ, когда онъ говоритъ Антигонѣ, что ее погубила собственная гордость. Жалоба Антигоны прервана приходомъ Креонта, который велитъ увести немедленно Антигону въ назначенную ей гробницу. Но тоскливое чувство страха въ душѣ Креонта еще сильнѣе выражается теперь. Его слова ужъ не такъ жестки и рѣшительны: не говоритъ ужъ онъ, что лишитъ жизни Антигону; онъ хочетъ только отдѣлать ее отъ живыхъ; пусть живетъ, если можетъ, въ томъ каменномъ покоѣ; въ смерти ея онъ неповиненъ. Такъ старается обмануть Креонтъ сердце и совѣсть свою. Давно ужъ въ немъ, какъ видно, происходитъ борьба и не знаетъ онъ, какъ ее покончить.

Последняя прощальная рѣчь Антигоны заключаетъ въ себѣ какъ-бы оправданіе ея поступка. И въ ея душѣ зародилось сомнѣніе въ своей правотѣ. Прежде она убѣждена была въ томъ, что боги ее оправдываютъ; теперь ей кажется возможнымъ, что судъ боговъ будетъ согласенъ съ судомъ людей. И вотъ она ищетъ оправдать сама себя. Оправданіе это заключается въ томъ, что она воздала послѣднюю честь своему брату. Но согласно ли это оправданіе съ характеромъ Антигоны? Здѣсь мы остановимся на слѣдующихъ стихахъ, которые нѣкоторыми учеными считаются за позднѣйшую вставку.

Когда бъ я матерью была дѣтей,
 Когда бъ супругъ мой смертью былъ сраженъ,
 Нѣтъ, никогда не сдѣлала бъ того
 Народу вопреки. А почему?
 Умереть супругъ, второй его замѣнить;
 Когда одно дитя я потеряю,
 Другое отъ другаго мужа будетъ.
 Но, если мать съ отцомъ лежать въ землѣ,
 То брата у меня не будетъ больше:
 Вотъ почему почтала я тебя,
 Мой милый братъ!

Якобъ (August Jacob) въ своемъ «Введеніи» къ изданію Антигоны доказываетъ подложность этихъ стиховъ. Онъ полагаетъ, что стихи эти вставлены послѣ Софокла, хотя и въ очень-древнее время, такъ-какъ ихъ зналъ ужъ Аристотель (*). Источникомъ ихъ онъ считаетъ оди-

(*) Шнейдевицъ считаетъ вѣроятнымъ, что эти стихи вставлены сыномъ Софокла, Иофонтомъ, который послѣ смерти отца еще разъ ставилъ Антигону на сцену.

разсказъ Геродота (III, 119). По словамъ Геродота, Дарій приговорилъ къ смерти Интаферна со всѣми его родственниками мужскаго пола; но супруга Интаферна просила оставить ей одного брата. Когда царь спросилъ съ удивленіемъ, почему она проситъ себѣ брата, а не мужа, или сына, она отвѣчала: царь, если богу угодно, я могу имѣть другаго мужа и, потерявъ этихъ дѣтей, могу имѣть другихъ; но брата другаго я не могу ужъ имѣть, такъ-какъ отца моего и матери моеи нѣтъ ужъ въ живыхъ.

Въ этомъ разсказѣ, говоритъ Якобъ, женщина была въ дѣйствительной необходимости сдѣлать выборъ между мужемъ, сыномъ и братомъ: она была на-самомъ-дѣлѣ жена и мать. Совершенно-другое въ нашей трагедіи. Далѣе Якобъ находитъ противорѣчіе въ этихъ словахъ Антигоны со всѣмъ ея характеромъ, противорѣчіе, разрушающее цѣлое основаніе художественнаго произведенія. Антигона говоритъ здѣсь, что она повиновалась бы Креонту въ известномъ случаѣ. Какъ согласить это съ тѣми словами, которыя она говоритъ прежде сестрѣ, что Креонтъ не имѣетъ права помѣшать ей въ исполненіи обязанности къ близкимъ? Какъ согласить это съ словами, сказанными ею потомъ Креонту, что законъ, богами установленный, ставить она выше закона человѣческаго? Этотъ законъ, о которомъ она говорила, существовалъ равно и для мужа и для сына. Наконецъ не могла она дѣлать съ Креонтомъ ненависть къ мужу и къ дѣтямъ, какъ не могла дѣлать ненависть къ брату, если она родилась дѣлать любовь, а не злобу. Еслибъ, говоритъ Якобъ, Антигона начала прежде свое оправданіе передъ Креонтомъ этими словами вмѣсто тѣхъ высокихъ словъ, которыя она сказала тогда Креонту («не Зевсъ далъ этотъ законъ»): не отвернулись ли бы съ отвращеніемъ отъ такого оправданія афиняне, а вмѣстѣ съ ними и мы? Но теперь эти стихи въ томъ мѣстѣ, гдѣ они вставлены, прикрываются предшествовавшими красотами нашей трагедіи, и привычка противится признанію, что они не заслуживаютъ этого покровительства. Но и не говоря о томъ, что эти стихи недостойны Антигоны, что они находятся въ противорѣчій со всею ея природою, можно еще спросить: нужно ли было Антигонѣ подобное оправданіе своего поступка, на которое она рѣшилась прежде безъ всякаго страха и безъ всякаго сомнѣнія? Могла ли она хотѣть оправдываться передъ Креонтомъ, которому она такъ мало прежде оказывала уваженія? Наконецъ ей не было надобности говорить это оправданіе для народа, для хора, въ сочувствіи и одобреніи котораго она была постоянно увѣрена.

Въ самомъ выраженіи находитъ Якобъ доказательство неподлинности

этихъ стиховъ. *Когда бы я матерью была дѣтей* : въ этомъ стихѣ Якобъ находитъ неточное выраженіе ; собственно нужно было сказать : когдабы у меня негдѣ сынъ и запрещено было его хоронить. Ту же самую неточность видитъ онъ въ словахъ : «когда бы умеръ мой супругъ»; нужно : еслибы супругъ мой былъ убитъ, и мы запрещали его хоронить. Эти слова : *народу вопреки* несогласны съ убѣжденіемъ Антигоны, такъ-какъ она видѣла всегда въ этомъ запрещеніи волю одного Креонта, а не всего народа. Ясное доказательство замѣшательства видитъ Якобъ въ словахъ :

Другое (дѣтя) отъ другаго мужа будетъ.

Антигонѣ слѣдовало бы сказать, что, въ случаѣ смерти сына, она можетъ имѣть другаго сына. Между-тѣмъ въ этихъ словахъ соединяется нѣсколько представленій : вопервыхъ, она теряетъ мужа, потомъ теряетъ и дѣтя отъ перваго же мужа ; она выражаетъ надежду найти другаго мужа и имѣть дѣтя отъ этого втораго мужа.

Какимъ же образомъ произошла эта вставка ? Якобъ объясняетъ такъ : «многимъ казалось непонятнымъ, какимъ образомъ Антигона жертвуетъ собою для мертваго брата, забывая о своемъ живомъ женихѣ». И вотъ для разрѣшенія этой задачи и вставлены были эти стихи, авторъ которыхъ, по мнѣнію Якоба, не владѣетъ ни языкомъ, ни поэтическимъ талантомъ. Его ограниченность видна изъ того, что онъ нашелъ параллель между Антигоною и тою женщиной, о которой рассказываетъ Геродотъ. Та не сознавала въ себѣ никакой обязанности умереть вмѣстѣ съ своими родными, или за нихъ, напротивъ, она хотѣла жить лишась мужа и дѣтей. При выборѣ одного изъ осужденныхъ, она не взвѣшивала побужденій долга или любви, но имѣла въ виду лишь то, что могло быть полезно ей въ будущемъ. Такого рода холодное размышленіе ни мало несогласно съ восторженною душою Антигоны.

Въ защищеніе этого мѣста Бѣкъ приводитъ слѣдующія основанія : Антигона несовершенно-невинна : она преступила законъ, данный властью гражданскою. Отъ кого бы ни шелъ этотъ законъ, отъ одного ли лица, или отъ цѣлаго аѳинскаго народа, во всякомъ случаѣ нарушеніе его было преступленіемъ противъ государственнаго начала. Если, по своимъ убѣжденіямъ политическимъ, или для художественной цѣли, назвалъ Софоклъ этотъ законъ креонтовымъ, а не постановленіемъ сената, какъ сдѣлалъ это Эсхилъ, все же остается законъ волею государства, потому-что

Креонъ законный государь. Бёкъ полагаетъ, что именно потому и становится Антигона трагическимъ лицомъ, что она виновна въ этомъ нарушеніи гражданскаго закона. И вотъ почему могло ей казаться необходимымъ нѣкоторое оправданіе ея поступка. Въ самыхъ словахъ не находить онъ никакого противорѣчія характеру лица. Антигона говоритъ, что она не сдѣлала бы для мужа, или сына, того, что сдѣлала теперь для брата; и въ-самомъ-дѣлѣ не жертвуетъ ли она брату женою, бракъ, надежду имѣть дѣтей? Наконецъ Бёкъ находитъ это мѣсто согласнымъ съ характеромъ всей древности нечувствительнымъ и жесткимъ (derb). Какъ ни силенъ авторитетъ Бёка, какъ ни справедливы отдѣльные положенія, которыя онъ приводитъ въ защиту мѣста, нельзя, однакожь, не сознаться, что оно не носитъ на себѣ печати того мастера, который виднѣнъ въ другихъ частяхъ трагедіи. Въ выраженіи дѣйствительно есть что-то обличающее менѣе-искусную руку. Страшно какъ-то видуются эти стихи съ предыдущими и послѣдующими. Впередѣ вспоминаетъ Антигона о томъ, какъ отдала она послѣднюю честь отцу и матери, какъ сама обмыла ихъ и одѣла, какъ потомъ сдѣлала то же брату. Въ послѣднихъ стихахъ указываетъ она на то, какъ, исполнивъ дѣло благочестія, заслужила упрекъ въ нечестіи. Всѣ слова ея касаются только дѣйствительно-бывшаго, всѣ дышатъ истинною искренностью — и вдругъ между ними слышатся такія слова, которыя переносятъ насъ изъ дѣйствительной жизни Антигоны въ жизнь воображаемую. Не время и не мѣсто было Антигонѣ фантазировать о томъ, что сдѣлала бы она въ томъ положеніи, въ которомъ еще не была, когда предъ нею стояла страшная дѣйствительность. Риторическій характеръ этого мѣста сильно противорѣчитъ искренней душѣ Антигоны. Что Антигона не была съ одной стороны невинна, въ этомъ нельзя не согласиться съ Бёкомъ; но трудно согласиться въ томъ, что она сама сознавала свою виновность и считала нужнымъ оправдывать свой поступокъ. Какъ согласить это оправданіе поступка съ послѣдующими словами, въ которыхъ она называетъ его дѣломъ благочестія? Какъ согласить его съ этими словами:

Но если судъ боговъ одинъ съ людьми,
То, казнь терпя, сознаюсь я въ винѣ;
А если заблуждаются они (люди)...

И съ слѣдующими затѣмъ словами хора:

Тотъ же бури порывъ, тотъ же вихря потокъ
У двѣнцы въ душѣ...

Съ гордой душой Антигоны несомнѣнно полное признаніе своей вины, слѣдовательно несомнѣнно и оправданіе. Она сознается только такъ, какъ можетъ сознаваться непреклонная воля; всякое оправданіе для нея униженіе. Якобъ выписываетъ, между-прочимъ, мнѣніе Гёте объ этихъ стихахъ. Вотъ слова Гёте: «Такъ встрѣчается въ «Антигонѣ» одно мѣсто, которое всегда казалось мнѣ пятномъ, и дорого далъ бы я, еслибъ какой-нибудь знающій филологъ доказалъ намъ, что это мѣсто вставленное и подложное. Героиня, высказавшая въ-теченіе трагедіи всё основанія своего дѣйствія, и раскрывъ всю свою душу, приводитъ наконецъ въ ту минуту, какъ идетъ на смерть, такой мотивъ, который совершенно-дурень и близокъ къ комическому».

Уходя съ сознаниемъ правоты, прокликаетъ Антигона Креонта, желая ему столько же зла, сколько онъ ей причинилъ. Еще разъ повторяетъ она, что она терпитъ за то, что свято чтитъ святое — и ее уведать такую же гордою, такую же непоколебимою, какъ явилась она на сцену въ первый разъ.

Хоръ поетъ четвертый стасимонъ: торжественную пѣснь смерти, которою онъ какъ-бы напутствуетъ Антигону въ ея послѣдній путь. Забылъ хоръ вину Антигоны, забылъ и тѣ горькія слова, которыя онъ ей говорилъ прежде; сердце его объято однимъ чувствомъ жалости и состраданія, и поетъ онъ пѣснь, которая могла бы утѣшить Антигону, но не дойдетъ ужъ эта пѣснь до Антигоны. Главная мысль этой пѣсни та, что власть судьбы сильна надъ человѣкомъ, что никакія средства человѣческія не могутъ спасти отъ ней человѣка. Но проглядываетъ въ этой пѣсни и другая мысль: что оскорбленіе боговъ влечетъ за собою казнь оскорбившаго. Два воззрѣнія, древнее и новое, соединились въ этомъ хорѣ. Древнее — о силѣ судьбы, и новое — о богахъ, управляющихъ этой судьбой. Хоръ не признаетъ Антигону виновною въ той степени, какъ признаетъ это Креонтъ; хоръ осуждалъ Антигону въ глаза, пока не совершилась судьба ея, пока онъ надѣялся на возможность перемены. Но, упрекая Антигону, хоръ въ то же время сочувствовалъ ей и сознавалъ, сколько высокаго заключалъ въ себѣ ея подвигъ. А между-тѣмъ Антигона гибнетъ, судьба не щадитъ ея. И кому же могъ приписать хоръ ея погибель, какъ не судьбѣ? Пренія народныя убѣжденія давали ему еще средства объяснить страшную участь высокой и чистой души. Но къ кому же относится другая часть хора? На кого метить другая мысль? Отвѣтъ не сомнителенъ. Примѣръ Ликурга предвѣщалъ Креонту недоброе. Только новыя убѣжденія могли дать хору отрадную надежду, что не останется безъ возмездія презрѣніе законовъ божественныхъ.

И действительно, въ пятомъ эпизодѣ та же самая мысль высказывается еще яснѣе. Не гадательными и не темными словами хора произносится она здѣсь; прямо и ясно высказываетъ ее въ лицо Креонту человекъ, обладающій высокимъ искусствомъ гаданія и пророчанія. На сценѣ появляется слѣпецъ, съ вожаемымъ мальчикомъ. Съ почтениемъ встрѣчаетъ его Креонтъ. Но кто жь этотъ слѣпой старецъ, что самъ царь принимаетъ его съ такимъ уваженіемъ? Это—Тиресій, которому открыто будущее, который лучше всѣхъ въ ѳивскомъ народѣ умѣетъ истолковать волю боговъ. А пришелъ онъ затѣмъ, чтобъ объявить Креонту о гнѣвѣ боговъ, которые не принимаютъ ни жертвъ, ни молитвы. Креонтъ навлекъ этотъ гнѣвъ на городъ; онъ долженъ скорѣе исправить свою ошибку и умилостивить боговъ. Едва только выслушалъ Креонтъ Тиресія, какъ ужъ забылъ свое уваженіе къ гадателю, забылъ первыя свои слова, въ которыхъ самъ признавалъ нелижвое его знаніе. И возвратился Креонтъ къ прежней своей мысли: и Тиресія считаетъ онъ подкупленнымъ, какъ прежде считалъ подкупленнымъ сторожа. Еще далѣе увлекаетъ его гнѣвъ; самого Зевса оскорбляетъ онъ, какъ прежде оскорбилъ боговъ подземныхъ. Напрасно старается возвратитъ его Тиресій къ болѣе-разсудительнымъ мыслямъ; ослѣпленный страстью, онъ не можетъ внять словамъ разсудка. Наконецъ и Тиресій раздраженъ оскорбительными словами Креонта; торжественно предсказываетъ онъ Креонту, что скоро домъ его огласится воплями мужей и женъ; что скоро за погибель Антигоны заплатитъ онъ и самъ погибелью другаго близкаго себѣ человека; что смутится весь городъ. По уходѣ Тиресія хоръ и Креонтъ молчатъ нѣсколько времени. Наконецъ хоръ прерываетъ молчаніе; онъ напоминаетъ Креонту, какъ нелиживы всегда были предсказанія Тиресія. Знаетъ это Креонтъ и самъ, и страхъ сильно заговорилъ въ немъ. И вдругъ измѣнился этотъ гордый, недоступный прежде никакому совѣту Креонтъ: теперь самъ онъ смиряется предъ благоразуміемъ хора и проситъ его совѣта. И смѣло даетъ хоръ теперь свой совѣтъ, чтобъ онъ вывелъ изъ могилы Антигону и похоронилъ Полиника. И торопятъ его хоръ, и торопится самъ Креонтъ. Поспѣшно онъ отдаетъ приказаніе своимъ слугамъ, чтобъ они шли разломать ту каменную гробницу, въ которой онъ думалъ заключить Антигону навѣки, а самъ спѣшитъ къ тому мѣсту, гдѣ лежитъ трупъ Полиника, чтобъ самому исполнитъ то, въ чемъ онъ такъ настойчиво мѣшалъ другимъ.

Боюсь, не лучше ль древніе законы
Хранить всегда и такъ окончить жизнь.

Этими словами сознаетъ онъ наконецъ всю несостоятельность своихъ убѣжденій и своего характера. Невольно приходятъ на мысль его собственныя слова, которыя говорилъ онъ прежде объ Антигонѣ, что скорѣй всего падаетъ упрямый духъ.

Хоръ остается одинъ на сценѣ. Онъ еще надѣется, что все можетъ быть поправлено и призываетъ Вакха, бога, покровителя Эивъ, чтобъ онъ явился на помощь погибающему городу. Но скоро уничтожается эта надежда съ появленіемъ одного изъ креонтовыхъ слугъ, который приходитъ вѣстникомъ страшныхъ событій. Исполнилось предсказаніе Тиресія; исполнились и слова хора, который, торопя Креонта, говорилъ ему, что скорыя бѣды предупреждаютъ неразумныхъ. Дѣйствительно предупредила бѣда. Пока Креонтъ спорилъ съ прорицателемъ, пока онъ медлил потомъ исполнить его мудрый совѣтъ, Антигона не ждала спасенія и повѣсилась въ своей темницѣ. И откуда могла она ждать этого спасенія послѣ того, какъ каменная стѣна воздвигалась между нею и живущими на землѣ людьми. Не хотѣла она ждать мученій медленной, томительной смерти и разомъ покончила свою жизнь. Между-тѣмъ Гемонъ проникаетъ въ ея могилу и находитъ ее ужь мертвою. Раздаются его отчаянные вопли и въ эту минуту является тамъ же опоздавшій Креонтъ. Гемонъ обнажаетъ мечъ и убиваетъ самого себя. За смерть Антигоны заплатилъ Креонтъ смертью сына; но впереди ждетъ его еще новое горе. Вмѣстѣ съ хоромъ внимаемъ разсказу вѣстника Эвридика, креонтова жена. Выслушавъ разсказъ вѣстника, ни слова не сказала Эвридика и удалилась въ домъ. Въ испугѣ остается хоръ на сценѣ, не зная, какъ объяснить эту глубокую тишину. Но вотъ новое зрѣлище отвлекаетъ на-время его мысли отъ Эвридики: является Креонтъ съ тѣломъ сына на рукахъ. Слышитъ хоръ теперь жалобы и вопли Креонта. Является изъ дома слуга и возвѣщаетъ о смерти Эвридики. Въ страшныхъ дохміяхъ (*) изливаетъ Креонтъ муки, которыми полно его сердце; наконецъ онъ чувствуетъ потреб-

(*) Размѣръ дохмія въ подлинникѣ слѣдующій: $\bar{\cup} \quad \bar{\cup} \quad \bar{\cup} \quad \bar{\cup} \quad \bar{\cup} \quad \bar{\cup}$. Такимъ размѣромъ выражалось самое скорбное состояніе убитаго сердца. Въ переводѣ я старался найти соотвѣтствующій этому размѣръ. Ближе всего, кажется, къ греческому дохмію анапестъ, соединенный съ ямбомъ или хорей съ дактилемъ. Я поставилъ это или и считаю нужнымъ объяснить его, дабы не показалось кому страннымъ сравненіе двухъ совершенно-различныхъ въ нашемъ языкѣ размѣровъ. Я предлагаю читать этотъ размѣръ такъ, чтобъ въ пяти слогахъ былъ средній слогъ съ особенно-высокимъ удареніемъ, по такой нормѣ: $\bar{\cup} \quad \cup \quad \bar{\cup} \quad \cup \quad \bar{\cup}$.

ность скрыть отъ людей свое горе и просить, чтобъ его увели въ домъ. Желаніе его исполняется. Хоръ въ заключеніе трагедіи еще разъ повторяетъ мысль, положенную въ ея основаніи:

Хоръ. — Мудрость выше всего; счастье первое въ мей.
 И боговъ оскорблять намъ не должно ни въ чемъ.
 А надменная рѣчь горделивыхъ людей
 Судьбы страшную казнь призываетъ на нихъ,
 И въ лѣтахъ наконецъ
 Они учатся мудрыми быть.

Характеры обоихъ представителей борьбы съ самаго начала ирри были ведены такъ, что необходимо должны были привести къ той развязкѣ, которою разрѣшилась драма. Поэтъ видимо заботился о томъ, чтобъ бѣльшая часть участія зрителей вмѣстѣ съ удивленіемъ доставляла Антигонѣ.

Антигона — это высокій типъ женскаго мужества. Съ непреклонною волею, которую она наслѣдовала отъ отца своего, соединяется въ ней его горячность и раздражительность. Разъ предложивъ себѣ цѣль, она безстрашно идетъ къ ней; препятствія не останавливаютъ ее, но раздражаютъ только и возбуждаютъ еще болѣе ея ревность къ достиженію своей цѣли. Этимъ объясняется ея жестокость въ отношеніи къ Исменѣ. Разъ не нашедши въ ней, чего искала, она потому ужъ постоянно отвергаетъ эту нѣжную сестру. Антигона имѣетъ жениха, котораго она любитъ, какъ видно изъ немногихъ словъ, сказанныхъ ею къ нему заочно; но она забыла о немъ, какъ забыла и о себѣ; только о мертвомъ братѣ своемъ помнила она. И только ужъ тогда вспомнила она о женихѣ, о томъ счастьи, которое общала ей жизнь, когда, исполнивъ священный долгъ любви къ брату, готовилась разстаться съ жизнью. Тутъ только и было время почувствовать, какъ много теряетъ она; тутъ было мѣсто и страху при мысли о той ужасной смерти, которая была такъ близка. Еслибъ поэтъ не воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ возвратитъ Антигону къ ея женской природѣ, мы не имѣли бы въ ней дѣльнаго характера. Если въ самопожертвованіи Антигоны мы видимъ подвигъ, къ которому способна только женская душа, то съ другой стороны въ

Горе, гѣре мѣ. Это и анапесто-ямбъ и трохео-дактиль, если угодно. При моемъ чтеніи, кажется мѣ, довольно-хорошо выражается тяжелый характеръ дохміа.

ея предсмертныя жалобахъ видимъ мы выраженіе слабой женской души. Но эта слабость нисколько не унижаетъ Антигону въ нашихъ глазахъ, а напротивъ, еще болѣе возвышаетъ цѣну ея подвига. Если Антигона, исполняя святой долгъ любви къ брату, вступила во враждебное отношеніе къ Креонту, то въ этомъ былъ виновенъ самъ Креонтъ, котораго необдуманное распоряженіе привело ее къ необходимости выбрать между гнѣвомъ его и оскорбленіемъ брата, между наказаніемъ и отвѣтственностью предъ богами за нарушеніе ихъ вѣчнаго закона. Какъ женщина, не могла она долго колебаться въ этомъ выборѣ: вѣдь не имѣлъ Креонтъ права возбранить ей исполненіе священнѣйшей для нея обязанности? воля боговъ для нея выше устава человѣческаго. И въ этомъ убѣжденіи, что она угождаетъ богамъ, Антигона не хочетъ даже скрыть своего дѣла. Не славы, не похвалы человѣческой ищетъ она, когда хочетъ, чтобъ всѣ знали о ея подвигѣ; но ложь и притворство противны ея благородной душѣ. Креонтъ требовалъ смерти за нарушеніе своего закона, и смерть Антигоны удовлетворила этому требованію; но эта смерть, отчасти вольная, не уничтожила силы закона боговъ, напротивъ, доставила ему торжество. За смертью Антигоны слѣдуетъ конечное разрушеніе всего креонтова дома.

Обращая вниманіе на характеръ Креонта въ нашей трагедіи, съ самага начала видимъ мы его въ заблужденіи, которое постепенно ведетъ его отъ одной ошибки къ другой. Не великодушна была его поспѣшная строгость, съ которою онъ въ ту же ночь, какъ только отступили отъ города непріятельскія войска, велѣлъ объявить, чтобъ оставили непогребеннымъ, въ добычу хищнымъ звѣрямъ, трупъ его собственнаго племянника. Если Полиникъ и былъ виновенъ передъ роднымъ городомъ, то смертью своею онъ ужъ заплатилъ за эту вину: не было закона, который бы принуждалъ безчестить мертваго и запираеть его душѣ двери ада; напротивъ, послѣ Креонтъ самъ признаетъ законы боговъ, которые другое предписываютъ людямъ. Аѳонскіе современники поэта въ этомъ распоряженіи Креонта могли видѣть только ту же безчеловѣчность, противъ которой воевалъ ихъ Оезей. Распоряженіе Креонта было противно и благочестію: ему слѣдовало бы прежде всего вспомнить о богахъ, какъ это дѣлаетъ хоръ въ первой своей пѣснѣ при вступленіи на сцену. Поэтъ не безъ намѣренія выставилъ этотъ контрастъ между благочестивымъ хоромъ, который хочетъ теперь забыть о бояхъ и идти въ храмы благодарить боговъ за спасеніе отечества, и неблагочестіе Креонта, начинающаго свое правленіе оскорбленіемъ божественныхъ законовъ. Возвѣщая свое приказаніе, Креонтъ забылъ, что въ его домѣ живутъ двѣ сестры убитаго; что его запреща-

ніе похоронитъ Полиника должно оскорбить ихъ самыя завѣтныя чувства. Забылъ Креонтъ потомъ, что это первый день его правленія, созываетъ онъ еивскихъ стариковъ и, подъ угрозою строгаго наказанія велитъ, ихъ наблюдать за исполненіемъ своего закона. Ни о чемъ не подумалъ Креонтъ. Онъ не хотѣлъ, конечно, оскорбить чувства этихъ двухъ любимыхъ сестеръ; напротивъ, изъ рѣчи, которую онъ говоритъ собранію еивскихъ старѣйшинъ (хору), видно, что его первое распоряженіе имѣетъ ту цѣль, чтобъ дать почувствовать своимъ политическимъ противникамъ всю силу своей власти. Онъ подозрѣваетъ, что имѣетъ тайныхъ враговъ между гражданами; эта мысль не оставляетъ его до самой печальной развязки, когда онъ понялъ наконецъ, что самый жесточайшій врагъ его былъ онъ самъ. Всякій разъ, какъ только начинаетъ говорить о Полиникѣ, впадаетъ онъ въ страсть, и несмотря на то, что благо государства служитъ ему предлогомъ, которымъ онъ прикрываетъ и оправдываетъ свою страсть, онъ не можетъ скрыть, что тутъ замѣшаны личныя его отношенія. Издавъ свое опредѣленіе, запрещавшее хоронитъ Полиника, Креонтъ не можетъ ужъ отступить назадъ, не оскорбивъ своей гордости; уступка кажется ему-самому потерю чести, униженіемъ достоинства мужа; а между тѣмъ, постъ далъ ему всѣ средства къ тому, чтобъ эта уступка была не такъ тяжела для его гордости. Законъ его нарушается не однимъ изъ недовольныхъ гражданъ, какъ онъ подозрѣвалъ; онъ нарушается слабою, безпомощною дѣвушкою, которая была побуждена къ тому совѣтъ не тѣми причинами, какія могъ подозрѣвать Креонтъ. Все соединилось, повидимому, для того, чтобъ съ достоинствомъ, приличнымъ мужу, отказаться отъ своего намѣренія; онъ еще болѣе раздраженъ тѣмъ, что всѣ его расчеты оказались ошибочными. Ему досадно болѣе всего то, что женщина осмѣлилась возстать противъ его распоряженія; еще болѣе раздражается онъ, когда видитъ, что она оправдываетъ свой поступокъ, считая его долгомъ, наложеннымъ на нее самими богами. А онъ думалъ, что боги на его сторонѣ. Всѣ его предположенія, одно за другимъ, оказываются послѣдними и необдуманними. Напрасно обвинялъ онъ стража въ нарушеніи его закона, напрасно подозрѣвалъ своихъ политическихъ противниковъ въ подкупѣ стражей; подозрѣніе въ участіи Исмены въ дѣлѣ Антигоны, обвиненіе прорицателя Тиресія въ корыстолюбіи: все оказалось неосновательнымъ. Не разъ имѣлъ онъ случай убѣдиться въ своей ошибкѣ; не разъ можно было ему увидѣть и понять, въ какую глубокую пропасть ведетъ его смерть Антигоны; но онъ оставался при своемъ; потому-что страсть ослѣпила его, и онъ не могъ ужъ видѣть то, чего нельзя было не видѣть человѣку, неослѣпленному страстью. Лег-

комысленно хотѣлъ онъ разорвать священнѣйшія узы семейнаго родства, и зато разрушено все его счастье: погибло все, что было ему мило, и онъ остался одинъ влачить бѣдственную жизнь.

Одинъ только Креонтъ и пережилъ эту несчастную борьбу. Погибла Антигона жертвою своей любви къ брату; погибъ юный, восторженный Гемонъ жертвою своей любви къ невѣстѣ; погибла Эвридика, нѣжная, любящая мать, жившая только сыномъ и для сына. Только жизнь Креонта пощажена этою губительною судьбою. Но была ли это пощада? И зачѣмъ только Креонта оставилъ поэтъ въ живыхъ? Нѣтъ надобности отвѣчать на первый вопросъ, но стѣдуетъ остановиться на второмъ. Въ нашей трагедіи Креонтъ — представитель и защитникъ начала общественнаго, которое находится въ борьбѣ съ началомъ религіознымъ. По своимъ понятіямъ о богахъ, народъ аѣинскій сочувствуетъ болѣе религіозному началу, а поэтъ — представитель своего народа. Еще яснѣе будетъ намъ, почему Софоклъ такъ глубоко сочувствовалъ религіозному началу, когда мы вспомнимъ, что онъ самъ былъ жрецъ, что его жреческое достоинство налагало на него обязанность защищать и отстаивать это начало. Вотъ отчего не далъ поэтъ лицу Креонта той высоты, на которую онъ поставилъ Антигону. Поэтъ изображаетъ намъ Креонта человѣкомъ, который, предписавъ себѣ *держаться лучшихъ совѣтовъ*, составилъ нѣкоторыя доблестныя правила съ твердою рѣшимостью неуклонно слѣдовать имъ во всей своей жизни; но его необдуманность и раздражительность вводятъ его въ различныя заблужденія чрезъ неумѣстное приложеніе этихъ правилъ. Въ исполненіи своего закона, запрещавшаго хоронить Полника, видитъ онъ нѣкоторымъ образомъ свое собственное дѣло, свой особенный интересъ, и настаиваетъ еще съ болѣею неуступчивостью. Интересъ государственный здѣсь скорѣе предлогъ, нежели основаніе. Его собственная совѣсть говоритъ противъ него, но онъ не хочетъ послушаться ея голоса, потому—что ему стыдно унизить свою гордость даже передъ собственной совѣстью. Но неволью выражается этотъ внутренній голосъ въ нерѣшительности его дѣйствій, и въ тѣхъ изворотахъ рѣчи, которыми онъ старается оправдать то или другое свое дѣйствіе. Поэтъ не имѣлъ, слѣдовательно, въ виду представить въ Креонтѣ высокій нравственный характеръ, какъ, напримѣръ, въ Эдипѣ царѣ. Лицо Креонта удовлетворяетъ только тѣмъ требованіямъ трагическаго героя, которыя выставилъ Аристотель въ своей пѣтикѣ (13): «чтобъ герой не отличался ни особою доблестью и справедливостью, ни слишкомъ дурными качествами, которыя повергли бы его въ несчастіе, но чтобъ онъ по ошибкѣ и заблужденію какому-нибудь впадалъ въ бѣду».

Скажемъ нѣсколько словъ о прочихъ характерахъ нашей трагедіи. Отличительныя черты характера Исмены — нѣжность, кротость и покорность судьбѣ. Она не принимаетъ никакого участія въ дѣйствіи, а потому и не коснулася ея трагическая развязка. Вездѣ она является слабою и робкою, даже въ той сценѣ, гдѣ она хочетъ сдѣлать себя участницею Антигоны послѣ того, какъ послѣдняя ужъ схвачена и приведена на судъ Креонта.

Гемонъ, по словамъ Тиресія, платитъ своею смертію за ошибку отца. Но была другая причина его смерти: намъ нельзя не видѣть въ ней подтвержденія главной мысли всей трагедіи. И Гемонъ увлеченъ страстью; онъ мыслитъ не такъ, какъ позволено мыслить человѣку. П здѣсь царствуетъ Эринія души. Любовь была первою причиною гемонова безумства: «кто во власти ея, тотъ безумствуетъ», говоритъ хоръ. И такъ и Гемонъ страстью увлеченъ къ погибели. Только одна Эвридика жертва креонтова неразумія. И она, правда, растералась, какъ упала на нее неожиданно гроза семейныхъ бѣдъ; но нѣжное чувство нашего поэта не дѣлаетъ ей никакого упрека. Еще прежде она потеряла одного сына, пожертвовавшаго великодушно своею жизнью для спасенія роднаго города, и вотъ другой доведенъ до самоубійства. Зачѣмъ ей было жить еще? Ея оправданіе словъ поэта: *она вся — мать.*

Хоръ состоитъ изъ еивскихъ стариковъ. Въ статьѣ моей о Софоклѣ, помѣщенной во II-мъ томѣ Пропилеевъ, я имѣлъ уже случай говорить о значеніи хора въ трагедіи Софокла. Хоръ представляетъ собою среду, въ которой совершается трагическое событіе. Это событіе касается только нѣкоторыхъ лицъ, но лицъ, властвующихъ общою симпатіей, и потому хоръ не остается равнодушнымъ зрителемъ событія, но принимаетъ въ немъ живое участіе. Участіе это, впрочемъ, ограничивается только однимъ чувствомъ; это, слѣдовательно, страдательное участіе. Хоръ не увлекается самъ страстью, подобно дѣйствующимъ лицамъ въ трагедіи; онъ остается спокойнымъ, разсудительнымъ даже послѣ страшной развязки драмы. Въ нашей трагедіи, какъ и въ трагедіи «Эдипъ царь» самый возрастъ хора уже опредѣляетъ достаточно его характеръ. Въ его преданности прежнему царскому дому видитъ Креонтъ ручательство въ томъ, что также будетъ онъ преданъ и новому правителю; но забылъ Креонтъ, что Антигона послѣдняя отрасль этого прежняго царскаго дома; что она, слѣдовательно, имѣетъ право по-крайней-мѣрѣ на сочувствіе аэинянъ. Не забыла этого Антигона и въ своихъ предсмертныхъ жалобахъ называетъ себя послѣднею царевною. Хоръ колеб-

лется между двумя спорящими сторонами, не зная на которую ему склониться, такъ-какъ оба имѣютъ одинаковое право на его участіе. Слѣпость-далекой, однакожь, по возрасту отъ Антигоны, онъ не можетъ вполне понимать и раздѣлять ея убѣжденій, тѣмъ болѣе, что привычна возрастала въ немъ другія убѣжденія, и потому онъ видитъ сначала въ дѣлѣ Антигоны только ту сторону, которая достойна осужденія. Только тогда, когда слова Тиресія, мудраго прорицателя, который пользовался полнымъ довѣріемъ въ Афинахъ, раскрыли ему свѣтлую сторону въ подвигѣ одной и темную сторону въ настойчивости другаго; только тогда получаютъ его мысли болѣе определенное направленіе: онъ прямо уже говоритъ противъ Креонта. Но и тутъ, посылая Креонта исправить ошибку, торопя его, самъ спокойно остается дожидаться развязки, и только молитвою къ Вакху, богу защитнику Эвры, выражаетъ онъ свое участіе. И въ концѣ трагедіи, когда всѣ дѣйствующія лица поражены уже страшною судьбою, хоръ все еще сохраняетъ всѣ силы разсудка; онъ можетъ еще вывести заключеніе изъ страшнаго, совершившагося передъ его глазами трагическаго событія.

Эврипидъ нѣсколько измѣнилъ характеръ дѣйствія въ своей «Антигонѣ». Ученые несогласны, впрочемъ, въ томъ, какъ далеко отошелъ Эврипидъ отъ Софокла (*). Одни полагаютъ, что борьба окончилась у Эврипида счастливою развязкой—бракомъ Антигоны и Креонта. Антигона пригласила Гемона къ участію въ погребеніи Полиника; вмѣстѣ были они схвачены и представлены къ Креонту. Последний наставляетъ на томъ, чтобъ Гемонъ отказался отъ Антигоны и взялъ другую жену; но наконецъ богъ Діонисъ измѣняетъ мысли Креонта, который соглашается на бракъ Гемона и Антигоны. Другіе признаютъ, что развязка трагедіи Эврипида была другая: Гемонъ долженъ былъ отказаться отъ Антигоны, но соединился съ ней тайнымъ бракомъ. Отъ этого брака родился сынъ—Мемонъ. Когда онъ выросъ, Креонтъ узналъ тайну его рожденія, и тутъ послѣдовала та же трагическая катастрофа. Во всякомъ случаѣ, Эврипидъ далъ болѣе простора любви Гемона и Антигоны и, слѣдовательно, его трагедія имѣла совершенно-другой характеръ.

Антигона считается, по извѣстіямъ древнихъ, тридцать-второю драмою Софокла. Изъ предшествовавшихъ «Антигонѣ» трагедій до насъ дошли только двѣ: «Эантъ» и «Электра». О времени, когда наша трагедія была дана, сохранилось извѣстіе въ изложеніи содержанія трагедіи, сдѣлан-

(*) Отъ эврипидовой Антигоны осталось лишь нѣсколько небольшихъ отрывковъ.

номъ Аристофаномъ Византійскимъ. Онъ сообщаетъ, что Софоклъ сдѣланъ былъ стратегомъ въ войнѣ самосской послѣ того, какъ имѣлъ успѣхъ на сценѣ, давъ свою «Антигону». Легко можетъ статься, что грамматикки, знавшіе, что Софоклъ былъ вмѣстѣ съ Перикломъ въ походѣ самосскомъ стратегомъ и что, незадолго передъ этимъ походомъ, поставлена была на сцену «Антигона», соединили оба факта, какъ причину и слѣдствіе, и приписали успѣху трагедіи избраніе Софокла въ военачальники. Для насъ важно только это указаніе въ томъ отношеніи, что оно даетъ возможность опредѣлить время постановки трагедіи на сцену. Бёкъ въ своихъ «*Nachträgliche Bemerkungen zu der ersten Abhandlung über die Antigone des Sophokles*» показалъ, что Софоклъ былъ стратегомъ въ первый самосскій походъ, который падаетъ на четвертый годъ восемьдесятъ-четвертой олимпіады (Ol. 84,4); слѣдовательно «Антигона» дана была въ третьемъ году той же олимпіады (Ol. 84,3), въ 441 году до Р. Х. Софоклу было тогда около 55 лѣтъ.

С. ШЕСТАКОВЪ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ (1).

Нѣкоторыя нѣмецкія сочиненія о Россіи въ концѣ XVII-го и началѣ XVIII-го вѣковъ.

Изъ ежегодныхъ отчетовъ Императорской Публичной Библиотеки и многихъ статей въ повременныхъ нашихъ изданіяхъ извѣстно, что въ послѣдніе четыре года однимъ изъ главныхъ стремленій ея начальства было: постепенно собрать въ ней, въ особомъ Отдѣленіи, все, когда-либо и на какомъ-бы то ни было языкѣ напечатанное о нашемъ отечествѣ, по всѣмъ проявленіямъ и сторонамъ внѣшней и внутренней его жизни. Мы знаемъ и всегда съ глубокимъ уваженіемъ помнимъ попытки въ этомъ родѣ нѣкоторыхъ частныхъ лицъ (2); но частныя собранія живутъ въ неразрозненномъ составѣ рѣдко долѣе жизни ихъ

(1) Предлагаемая здѣсь статья есть только начало труда обширнаго и чрезвычайно-важнаго для отечественной науки, предпріяятаго чинами Императорской Публичной Библиотеки. Просвѣщенному начальству ея угодно было избрать «Отечественныя Записки» для ознакомленія публики съ драгоценными матеріалами, въ Библиотекѣ находящимися, и мы позволяемъ себѣ, передъ лицомъ нашихъ читателей, принести искреннѣйшую благодарность начальству Библиотеки за честь, которую оно оказало нашему журналу. Смѣемъ надѣяться, что обиліе матеріаловъ, которыми такъ богато наше знаменитое книгохранилище, дозволитъ современемъ обратить этотъ разрядъ статей въ постоянную серію, или «*stehende Artikel*» нашего журнала. Душевно желаемъ этого для пользы науки, и увѣрены, что всѣ образованные читатели раздѣлятъ съ нами это желаніе. *Ред.*

(2) Въ главѣ такихъ попытокъ стоитъ извѣстное и заслуживающее даже, въ разныхъ отношеніяхъ, имя *знаменитаго* собранія А. Д. Черткова, которому изданъ каталогъ, съ нѣсколькими прибавленіями, въ Москвѣ, въ 1838—1845 годахъ. Другая, тоже очень-примѣчательная коллекція, но собственно только рѣдкихъ древнихъ изданій, составлялась княземъ А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ въ Берлинѣ и перешла нынѣ въ собственность графа В. Н. Панина.

собрателей; сверх-того, публика получает право и возможность пользоваться ими лишь по воле владѣльца и, наконецъ, степень большей или меньшей ихъ полноты зависитъ не только отъ матеріальныхъ средствъ собирателя и отъ извѣстнаго направленія ученой его дѣятельности, но и отъ многихъ случайныхъ, нисколько неподвластныхъ ему обстоятельствъ. Напротивъ, въ тѣхъ книгохранилищахъ, которыя учреждаются Монаршею волею для общественнаго употребленія на вѣчныя времена, и дѣйствуютъ подѣ непосредственнымъ Державнымъ покровительствомъ по одной неизмѣнной системѣ — все это обусловливается другими, гораздо-выгоднѣйшими началами. Потому существованіе упомянутыхъ частныхъ собраній не могло и не должно было останавливать начальства Публичной Библиотеки въ его начинаніи, какъ равно не могло здѣсь быть рѣчи и о какомъ-нибудь совѣстничествѣ, развѣ только въ благороднѣйшемъ смыслѣ соревнованія. Начальство Библиотеки постоянно имѣло и теперь имѣетъ въ виду осуществить и, такъ сказать, докончить мысль незабвеннаго нашего Аделунга, который, признавая вполнѣ всю важность туземныхъ источниковъ для изученія Россіи и ея исторіи, старался, однако, въ то же время обратить большее вниманіе нашихъ ученыхъ на богатство данныхъ, заключающихся въ источникахъ иноземныхъ. Мы говоримъ *докончить*, потому-что цѣль Библиотеки не только обзрѣть, посредствомъ изданія каталоговъ и историко-критическихъ разборовъ, все напечатанное о Россіи на другихъ языкахъ, но и собрать самыя книги въ натурѣ, чтобы имѣть съ указаніемъ дать каждому желающему и полную возможность пользоваться тѣми, на что указывается.

Исторія этого начинанія, въ первомъ къ нему приступѣ и въ дальнѣйшемъ его ходѣ, не лишена сама-по-себѣ нѣкоторой занимательности.

Сперва, для упомянутой цѣли, соединено было все, что нашлось разсыяннымъ по разнымъ Отдѣленіямъ самой Публичной Библиотеки. Изъ этого уже образовался запасъ довольно-значительный, особенно рѣдкихъ и драгоцѣнныхъ сочиненій, появившихся въ бывшей Польшѣ на польскомъ и на другихъ языкахъ. Такія сочиненія всегда преимущественно любилъ собирать графъ Юсифъ Залусскій, основатель Варшавской Публичной Библиотеки, положенной, какъ извѣстно, въ первое начало нашей. Потомъ, на основаніи этой наличности и по библиографическимъ замѣткамъ чиновъ Библиотеки, а равно изъ множества имѣющихся въ ней печатныхъ каталоговъ всѣхъ мѣстностей и эпохъ, былъ составленъ и въ 1851-мъ году, съ Высочайшаго соизволенія, напечатанъ, но только въ видѣ манускрипта, всего въ пятидесяти экземплярахъ, особый реестръ подѣ заглавіемъ: «Матеріалы къ проекту вол-

наго каталога сочиненій о Россіи, на всѣхъ иностранныхъ языкахъ изданныхъ». Цѣль этого реестра, заключающаго въ себя 3,766 номеровъ, состояла, впрочемъ, отнюдь не въ томъ, чтобъ представить уже какой-нибудь ученый, систематическій трудъ, или даже простое начало такого труда; но единственно въ томъ, чтобъ имѣть передъ собою нѣчто въ родѣ первой канвы, или рамы, которая, при дальнѣйшихъ дополненіяхъ и исправленіяхъ, прояснила бы чего еще должно искать и привела бы, наконецъ, къ возможно-полной номенклатурѣ заглавій сочиненій, а отсюда и къ возможно-полной коллекціи самыхъ сочиненій. Для этого упомянутый реестръ былъ разосланъ въ наши университеты и ученые общества и къ разнымъ частнымъ ученымъ, которые, встрѣтивъ это предпріятіе единодушнымъ и самымъ живымъ участіемъ, доставили Библіотекѣ много полезныхъ указавій. Между-тѣмъ, одновременно и совѣстно съ сими дополненіями въ каталогѣ, быстро расло и собраніе книгъ въ натурѣ. Неослабные поиски внутри Россіи и за границею, чрезъ посредство какъ книгопродавцевъ, такъ и особе-посланныхъ комиссіонеровъ; просмотръ появляющихся въ чужихъ краяхъ многочисленныхъ *антикварныхъ* каталоговъ, которые, вслѣдствіе установившихся постоянныхъ сношеній, присылаются иногда даже въ рукописяхъ, или въ корректурныхъ листахъ, чтобъ дать Библіотекѣ возможность удержать за собою нужное ей прежде, нежели оно можетъ перейти въ другія руки; безпрестанная, непосредственная переписка со всѣми, такъ-сказать, краями свѣта и участіе во всѣхъ главнѣйшихъ аукціонныхъ продажахъ; радужное содѣйствіе многихъ изъ нашихъ любителей болѣе или менѣе важными приношеніями; наконецъ Всемилостивѣйшее вниманіе, которымъ удостоилъ почтить это отечественное дѣло Государь Императоръ, Высочайше повелѣвъ передать въ Публичную Библіотеку все, чего въ ней недоставало, изъ Императорскихъ Эрмитажной и Царскосельской — все это въ-совокупности доставило такую обильную жатву, которая далеко превзошла всѣ ожиданія, даже всѣ прихвальные расчеты. Къ 4-му января 1854 года, новое Отдѣленіе Библіотеки, вмѣсто 3,766 номеровъ прежняго, болѣею-частью фактивнаго, или составленнаго à priori, реестра, заключало въ себя уже въ натурѣ 10,333 сочиненія въ 13,392-хъ томахъ, сверхъ составляющихъ особый его разрядъ періодическихъ изданій и мелкихъ вѣсѣ на случаи (*Gelegenheitsschriften*), числомъ до 2,000, и эти цифры все еще продолжаютъ возрастать съ каждымъ днемъ.

Такимъ-образомъ дѣло, начатое въ тиши, безъ другихъ къ нему средствъ, кромѣ текущихъ доходовъ Библіотеки и частныхъ приношеній, безъ всѣхъ тѣхъ пышныхъ возгласовъ, на которые такъ расточи-

телей Западъ, но съ истинною любовью и съ неослабвующею дѣятельностью, достигло, въ сравнительно очень-короткій періодъ времени, огромнаго развитія, которымъ открывається широкое поле для отечественной науки. Мы, конечно, не можемъ еще и теперь провозгласить, чтобъ у насъ было *esse*, но можемъ уже громко сказать, что у насъ *memamprimo болѣе, чѣмъ есть гдѣ-нибудь*, и притомъ множество такого, *чего нѣтъ нигдѣ*, словомъ: что Публичная Библіотека по этой специальности несомнѣнно *первая въ мірѣ*. Этой сокровищницѣ, представляющей такую массу матеріаловъ для всесторонняго изученія нашего отечества и доступной для каждаго наравнѣ со всѣми другими частями Библіотеки, составлены уже, сверхъ общаго инвентаря, алфавитные каталоги въ двухъ видахъ: подробномъ и сокращенномъ, и готовится теперь каталогъ систематическій, который одинъ вполнѣ укажетъ обиліе и относительную важность нашего собранія.

Пока продолжается и, дасть Богъ, можетъ-быть скоро приблизится къ своему окончанію этотъ обширный трудъ, начальство Библіотеки, желая предварительно ознакомить публику хотя съ нѣкоторыми составными частями своей коллекціи, предпринимаетъ сообщать черезъ тотъ журналъ, который, по самому его заглавію, имѣетъ предметомъ все «отечественное», библіографическія замѣтки о разныхъ примѣчательностяхъ новаго Отдѣленія. Но, чтобъ придать этимъ замѣткамъ болѣе разнообразія и занимательности, въ ряду ихъ предположено обозрѣвать, кромѣ книгъ, существенно-важныхъ, или полезныхъ по ихъ содержанію, и такія, которыя замѣчательны своею оригинальностью, причудливостью, или особенною рѣдкостью, то, что въ общепринятой на Западѣ терминологіи разумѣется подъ названіемъ: «*curiosa*». Одно только общее замѣчаніе должно быть здѣсь предпослано: настоящіе отрывки, какъ и вообще все Отдѣленіе, изъ котораго они берутся, могутъ имѣть интересъ и полное свое значеніе лишь для знающихъ иностранные языки, ибо черезъ приведеніе заглавій, выписокъ, цитатъ и проч. въ русскихъ переводахъ естественно утратилась бы всякая библіографическая точность.

Для перваго опыта помѣщаются здѣсь, изъ числа упомянутыхъ выше «диквинокъ», два разряда кѣмечскихъ сочиненій о Россіи, напечатанныхъ въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтій и едва-ли теперь извѣстныхъ многимъ библіографамъ, даже и между усидчивыми нѣшцами. Обзорніе ихъ, представляя нѣсколько довольно-любопытныхъ подробностей, послужитъ вмѣстѣ доказательствомъ, до чего, даже въ эту отдаленную отъ насъ эпоху, доведено было литературное шарлатанство и въ какой степени уже тогда изъ двухъ благороднѣйшихъ даровъ

человѣчества : слова и письма, умѣли устроить вѣтъ торговой промышленности.

I) Георгъ Адамъ Шлейссингъ (*Georg Adam Schleissing*, или *Schleusing*).

Находя въ нашемъ собраніи множество книгъ съ именемъ Шлейссинга (*Schleissing*), мы, чтобъ ознакомиться съ ихъ авторомъ, обратились прежде всего, разумѣется, къ всегдашней настольной нашей книгѣ : Аделунговой «*Kritisch-literärische Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700*», St. Petersburg und Leipzig, 1846. Но Аделунгу, всегда столь точному, когда онъ говоритъ о книгахъ, которыя самъ видѣлъ, не попадались въ руки творенія Шлейссинга. Онъ пишетъ о нихъ только со словъ другихъ и, приводя всего два, одно въ двухъ изданіяхъ, съ неполными и переназначенными заглавіями, прибавляетъ : «Шлейссингъ, повидимому, самъ былъ въ Россіи и даже въ Сибирѣ; «но въ томъ, что онъ говоритъ, много невѣрностей, особенно касательно послѣдняго края. Намъ, къ-сожалѣнію, не удалось собрать «никакихъ дальнѣйшихъ о немъ свѣдѣній». (Т. II, стр. 382 и 383) (3).

Вслѣдствіе того мы должны были прибѣгнуть къ другимъ извѣстнымъ источникамъ ; но и они не могли удовлетворить нашей любознательности. Въ ученыхъ и историко-литературныхъ нѣмецкихъ словаряхъ Шлейссингъ или совсѣмъ пропущенъ, или является почти лишь по имени. Штукъ (*Stuck*) въ своемъ «*Verzeichniss von älteren und neueren Reisebeschreibungen*, Halle, 1784,» приводитъ одно только изъ его сочиненій, и называя автора, вмѣсто *Schleissing*, *Schleusinger*, не знаетъ даже его имени, для которыхъ оставленъ у него между скобками пробѣлъ (т. I, стр. 271). Трудюлюбивый нашъ исторіографъ Миллеръ, упоминая, въ нѣсколькихъ словахъ также лишь объ одномъ сочиненіи Шлейссинга, не говоритъ ничего о его личности (*Sammlung Russischer Geschichte*, т. VI, стр. 31). И другой извѣстный изыскатель, Мейнерсъ, равномѣрно имѣлъ въ рукахъ только одно сочиненіе и равномѣрно ничего не знаетъ о лицѣ автора («*Vergleichung des älte und neuern Russlandes*», Leipzig, 1798, т. I, стр. 32). Библиографъ, специально-занимавшійся русскою исторіею въ самой Россіи (возже пострѣженникъ Александро-Невскаго монастыря) Бурхардъ Адамъ Сел-

(3) Замѣтимъ, впрочемъ, что статья о Шлейссингѣ помѣщена не въ текстѣ сочиненія Аделунга, а въ «*Nachträge*», о которыхъ издатель, сынъ его, говоритъ въ предисловіи, что они принадлежатъ къ тѣмъ бумагамъ отца его, которыя послѣ его смерти найдены несовершенно-оконченными и частью даже неприведенными въ порядокъ.

лий, который издалъ свое «*Schediasma literarium de scriptoribus qui historiam politico-ecclesiasticam Rossiae scriptis illustrarunt*», Revaliae, 1736, въ близкую еще къ сочиненіямъ Шлейссинга эпоху, цитуетъ (стр. 33) съ обыкновенною ему неточностью одну только часть, или тогъ, одного изъ этихъ сочиненій. Наконецъ современникъ Шлейссинга, гнто Вендель, самъ издавшій о Россіи очень-странную книжку, о которой мы представимъ отчетъ въ другой разъ ⁽⁴⁾, хотя и пишетъ въ ней, что узналъ многое о нашемъ отечествѣ изъ словесныхъ разсказовъ Шлейссинга, съ которыми часто встрѣчался въ іенской типографіи Гольвера, но говоритъ о немъ только, что онъ «состоялъ долгое время въ службѣ царя и, слѣдовательно, долженъ быть почтенъ за самовидца (стр. 21).»

Какъ между-тѣмъ въ книгахъ Шлейссинга личность его стоитъ вездѣ на первомъ планѣ, то вопросъ о ней казался намъ тѣмъ любопытнѣе, что отъ разрѣшенія его должна зависѣть нѣкоторымъ образомъ и степень вѣры къ разсказываемому имъ. Потому оставалось искать ближайшихъ объ этой личности свѣдѣній въ собственныхъ сочиненіяхъ Шлейссинга. Мы имѣли терпѣніе прочесть ихъ, отъ доски до доски во *всѣхъ* изданіяхъ (читатель увидитъ ниже, что на это точно нужно было *терпѣніе*) и изъ сличенія того, что Шлейссингъ самъ о себѣ говоритъ, съ нѣкоторыми намеками о немъ другаго его современника, дѣльнаго и достойнаго всякой вѣры Гривія ⁽⁵⁾, успѣли возсоздать біографическій очеркъ, совершенно-достаточный для оцѣнки произведеній нашего автора.

Георгъ Адамъ Шлейссингъ (Schleissing), или Шлеузингъ (Schleusing) (онъ самъ писалъ свою фамилію разнообразно) родился въ Дрезденѣ, или въ окрестностяхъ этого города, можетъ-быть въ Мейссенѣ, около 1660-го года, и выслушалъ курсъ правовѣдѣнія въ университетѣ, вѣроятно, Іенскомъ, гдѣ выучился немного-лучше полатини нежели понѣмецки, и еще лучше владѣть шпагою, нежели латинью. Изъ устарѣвшаго студента онъ сдѣлался тѣмъ, что называли тогда странствующимъ школьникомъ (*fahrender Schüler*), чѣмъ-то въ родѣ искателя приключеній безъ другихъ рессурсовъ, кромѣ своего званія *литерата* (*homme de lettres*), кочующаго изъ одного города въ другой и живущаго изо дня въ день. Схвативъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Россіи изъ книги Оларія, новѣйшаго тогда путешественника по этому малю-

⁽⁴⁾ Wendel, Peter Alexeovitz warhaftes Bildniss etc. Dresden, 1698, in 4°.

⁽⁵⁾ Gryphius, Apparatus sive dissertat. isagogica de scriptoribus, historiam seculi XVII illustrantibus, Lipsiae, 1710. Стр. 558 и слѣд.

известному краю, онъ вздумалъ пуститься на отвѣръ и черезъ Норвегію, Швецію и Финляндію добрался до Нарвы. Этотъ путь онъ совершилъ, какъ должно думать, съ нѣсколькими купцами и въ Нарвѣ интервальандскій (шведскій) губернаторъ баронъ Шперлингъ снабдилъ его, по рекомендаціи одного богатаго тамошняго торговца, наскортомъ для прѣзда въ «Московію». Выѣхавъ изъ Нарвы, съ длинною рапиромъ у бока, 20-го марта 1684 года, Шлейссингъ 25-го прибылъ въ Новгородъ, откуда переѣздъ его до Москвы, на долгихъ (mit einem «Gischwosnack»), протянулся со 2-го апрѣля до 22-го. На этомъ пути ему случилось остановиться въ домѣ у одного помѣщика, котораго сынновья, при видѣ его рапиры, захотѣли знать, какъ съ нею обходятся. Устроивъ, вслѣдствіе того, пару деревянныхъ рапиръ, Шлейссингъ далъ молодымъ людямъ нѣсколько уроковъ, и дѣло такъ имъ полюбилось, что они стали уговаривать его пробить у нихъ нѣсколько мѣсяцовъ съ хорошимъ жалованьемъ; но «имѣвъ надобность торопиться» (зачѣмъ торопиться и вообще съ какою цѣлью онъ ѣхалъ въ Москву, Шлейссингъ нигдѣ не объясняетъ), онъ отказался отъ ихъ предложенія. Москва, когда онъ туда прѣхалъ, была еще наполнена живымъ отголоскомъ смуть, волновавшихъ ее послѣ кончины царя Феодора Алексѣевича. Эти событія внушили «странствовавшему школьнику» мысль *первое* его сочиненія подъ громкимъ именемъ: «Anatomia Russiæ deformatæ», о которомъ мы сейчасъ будемъ говорить. Его пребываніе въ Россіи не могло, впрочемъ, никакъ продолжиться долѣе трехъ лѣтъ, потому-что въ 1688-мъ не только Шлейссингъ самъ находился опять въ Германіи, но и книга его была уже издана. Онъ, по всей вѣроятности, не бывалъ далѣе Москвы, хотя, если вѣрить его собственнымъ словамъ, ѣздилъ «ради военныхъ дѣлъ» ⁽⁶⁾ и въ Сибирь. Ему не посчастливилось въ Россіи, по-крайней-мѣрѣ онъ не вышелъ въ ней въ люди и не нашлся. Паспортъ для отправления воссояси обошелся ему только въ 3 рубля и онъ остался очень-доволенъ, что не пришлось ему заплатить болѣе, потому-что, какъ самъ говоритъ, обыкновенная цѣна такого паспорта восходила отъ 5-ти до 100 р., «nach dem der Mann ist.» Успѣхъ, который имѣла вынужденная имъ, по возвращеніи въ Германію (впрочемъ, на первый разъ безъименно) упомянутая выше «Anatomia Russiæ deformatæ», далъ ему мысль промышлять своею поѣздкою въ большихъ разгѣрахъ и онъ принялся издавать, назвавшись уже по имени, цѣлый рядъ книжонокъ, въ которыхъ, подъ различ-

(6) Weila nun sothanes Sieweriam en Militair Affaires gar genau in Augenschein zu nehmen... gute Gelegenheit gehabt.

ными, хитро-придуманнѣми новыми заглавіями, повторилось въ существѣ все одно и то же. Гривій, на котораго мы выше сослались, очень хорошо зналъ нашего молодца въ это время въ Бреславлѣ: Шлейсингъ былъ въ крайней скудости и печаталъ свои вѣчные варіаціи на одну и ту же пѣсню съ тою лишь цѣлью, чтобъ выпрашивать себѣ что-нибудь у тѣхъ, кому ихъ посвящалъ, или кому подносилъ экземпляры. Между-тѣмъ въ предисловіи къ каждой *мнимо-москв* его книжкѣ мы встрѣчаемъ стереотипное увѣреніе, будто-бы прѣжнее изданіе, бывъ навечатано только въ сотнѣ экземпляровъ, давно уже исчезло изъ книжной торговли. Разныя прибавки и вставки, которыя авторъ вкладывалъ постепенно въ каждое изданіе, не болѣе заслуживаютъ вѣри, чѣмъ титулъ *бывшаго штабсъ-капитана* (Capitaine-Lieutenant) *царской службы*, которымъ онъ сталъ величать себя съ четвертой своей книжки. Его описаніе Сибири, очевидно, составлено изъ рассказовъ кунцовъ, съ которыми онъ познакомился въ Москвѣ. Приложенная къ позднѣйшимъ изданіямъ карта Сибири и большая часть находящихса при нихъ видовъ мѣстностей и портретовъ были, по всей вѣроятности, только плодомъ его воображенія; даже тамъ, гдѣ нашъ путешественникъ старается описывать, безъ выдумокъ и прикрасъ то, что дѣйствительно самъ видѣлъ, онъ часто грѣшитъ по невѣжеству. Такъ у него сѣяна Волга съ Волховомъ, безбожно изуродованы собственные имена и русскія слова и особенно встрѣчаются самыя сѣйшія неглѣности вездѣ, гдѣ онъ пускается въ этимологическое словопроизводство. Впрочемъ, какъ ни маловажны сочиненія Шлейсинга въ отношеніи къ наукѣ, они не лишены нѣкотораго интереса для опредѣленія точки, съ которой иностранцы смотрѣли на Россію въ концѣ XVIII-го вѣка до начала преобразованій Петра Великаго.

Послѣ этихъ замѣтокъ о лицѣ автора и характерѣ его сочиненій вообще, мы прослѣдимъ теперь рядъ ихъ, находящійся въ Императорской Публичной Библиотекѣ. Большая ихъ часть, повторяемъ, неизвѣстна библиографамъ и всѣ съ теченіемъ времени сдѣлались чрезвычайно-рѣдкими.

1) *Anatomia Russiae deformatae*. Das ist: Beschreibung des Moskowiter oder Reusslandes, wie es sich anjetzo unter Regirung zweener Zaaren ader (sic) Gross-Fürsten Iwan und Peter Alexewiz, als Herren Gebrüdern, eigentlich befindet: kürztzlich und gründlich, mit allen sich bisshero zugebrachten Begebenheiten, Ambassaden und dergleichen, auch darbey vorgegangenen grausamen Rebellion von Haupt biss zum Ende, nebst allerhand lustigen und kurtzweiligen Discursen von mancherley Sachen, so der Autor selbst erfahren, in einem Zweygespräche vorge-

stellet, von G. A. S. J. U. Candidato. Zittau, 1688. Въ 12-ю долю л., 166 стр. и, сверхъ того, 13 нумерованныхъ.

Это первое сеченіе явлено было Шлейссингомъ, какъ мы уже сказали, безъименно, вѣроятно, въ намереніи испытать свои силы и посмотреть каковъ будетъ ему приемъ; но для насъ, посвященныхъ въ тайну этого анонима, очень-нетрудно разгадать поставленные въ заглавіи начальныя буквы G(eorg) A(dam) S(chleissing) J(uris) U(trisque) Candidatus. Шлейссингъ передаетъ здѣсь, въ формѣ разговора между вымышленными собесѣдниками, свои путевыя впечатлѣнія, описаніе происшествій слѣдовавшихъ за кончиною царя Теодора Алексѣевича и очеркъ общественнаго и частнаго быта нашихъ предковъ. Сколько все это ни запутано, поверхностно, мелко и даже душно изложено по языку, но нѣтъ сомнѣнія, что новость предмета и картина Россіи съ тогдашними ея событіями не могли не возбудить, при помощи заманчиваго заглавія, любопытства современниковъ Шлейссинга, которыхъ онъ впервые знакомилъ съ случившимся у насъ со времени путешествія Олеарія.

Мы считаемъ неизлишнимъ привести здѣсь заглавія тѣхъ семи разговоровъ, которые составляютъ *Анатомію Россіи*, съ одной стороны, чтобъ отмѣтить главные предметы, обратившіе на себя вниманіе нашего автора, съ другой, чтобъ указать какъ мало разницы между этимъ его сочиненіемъ и явившимися послѣ.

Dialogus I. Von der Reise aus Narva, der Königl. Schwedischen Kauff- und Handels-Stadt in Lieffland, biss nach Mosco, der Zaarischen Haupt und Residentz-Stadt in Reussland.

D. II. Von der Zaarischen oder Gross-Fürstl. Haupt-und Residentz-Stadt Mosco.

D. III. Von denen beyden jetztregierenden Zaaren, oder Gross-Fürsten Iwan Alexewiz, und Peter Alexewiz, als Zween Herren Gebrüdern, wie auch von der vor wenig Jahren darbey fürgelauffenen grausammen Rebellen.

D. IV. Von der Reussischen Religion und was für Neuerung mit der Creutz-Segung darinnen sich eräuget.

D. V. Von der Reussischen Policey und Justitz Wesen.

D. VI. Von der Reussen Sitten, Leben, Handel und Wandel insgemein.

D. VII. Von denen sich in Reussland auffhaltenden Kauff-Lenten, Officirern, auch andern Ausländern.

Первый изъ этихъ разговоровъ — единственный, котораго содержаніе не повторилось въ послѣдующихъ сочиненіяхъ Шлейссинга.

Въ Императорской Публичной Библіотекѣ два экземпляра «Анатоміи Россіи», разнящіеся, во первыхъ, заглавными листами и, во вторыхъ,

посвященіемъ. Разница въ заглавныхъ листахъ ничтожна и едва-замѣтна: на одномъ экземплярѣ выставлено мѣсто печати: городъ Циттау, на другомъ его нѣтъ; но значеніе этого различія объясняется разностью посвященій: первый экземпляръ посвященъ циттаускому городскому начальству, а другой—бреславльскому; въ прочихъ отношеніяхъ оба совершенно-сходны и ясно, что нашъ литературный промышленникъ перепечаталъ, можетъ-быть, въ позднѣйшее время только заглавный листъ и посвященіе, чтобъ, какъ говорили и говорятъ нѣмцы, убить однимъ ударомъ двухъ мухъ, то-есть получить деньги, или подарокъ, отъ циттаускихъ ратсгеровъ, взять тоже потомъ и съ бреславльскихъ. Замѣтить еще, что это изданіе обезображено множествомъ опечатокъ, которыя въ первомъ, циттаускомъ экземплярѣ, перешедшемъ къ мамъ изъ библиотеки Залуускаго, тщательно исправлены отъ руки или самимъ авторомъ, или кѣмъ-нибудь другимъ, имѣвшимъ передъ собою его рукопись: иначе нѣкоторыя фразы оставались бы совершенно-непонятными, какъ напр. находящаяся сверху стр. 123-й.

2) *Neu-entdecktes Sibirien, oder Siewerien, wie es anzitz mit allen Städten und Flecken angebauet ist, nebst dessen Strömen, stehenden Seen, Bergen, Gründen, Wäldern, Handel und Gewerbe, Einwohnern, Sitten, Sprache, Policeywesen, und Gränzen, so wohl biss an Kara Kathaya und Chineische-Mauer, als auch an die gantze grosse Tartarey und andere Asiatische Länder. Worbey derer beyden Zaaren, Iwan und Peter Alexewiz, als Herren Brüdern, und derer Schwester, der Princessin Sophia bisshero geführtes Gouvernemen, auch wie durch jüngst entdeckte Rebellion der ältere Zaar, Iwan Alexewiz, abgedancket, die Princessin sich in ein Closter begeben, und alles in einem (sic) ändern Stand gesetzt worden. Kürztlich, jedoch gründlich denen Curieuses Liebhabern vorgestellt. Jena, gedruckt bey Johann Gollnern, Ao. 1690. Въ 12-ю д. л., 167 стр.*

Изъ 14-ти главъ, на которыя раздѣлено это второе сочиненіе, первая повторяетъ содержаніе III-го разговора «Анатомія», съ прибавкою нѣсколькихъ собственныхъ именъ и нѣсколькихъ словъ о воцареніи Петра Великаго. Въ главахъ II—X очень-запутанно разсказывается о Сибири вообще, о Тобольскѣ, о ссыльныхъ, о Кара-Катахъ, Астрахани, Архангельскѣ, о санной ѣздѣ въ Россіи и въ Швеціи, наконецъ о Самоѣдахъ, или дикихъ людяхъ. Остальное—повтореніе разговоровъ II, IV, V, VI и VII-го, но уже не въ разговорной, а въ повѣствовательной формѣ.

Здѣсь авторъ вполне назвался въ заглавіи такъ: *Georg. Adam. Schlessing, J. U. C., Dresdâ Misnic.*

Аделунгъ ошибается, говоря (Т. 2, стр. 383), что рукопись этого сочиненія находится въ Румянцовскомъ Музеумѣ: тамъ хранится только списокъ, снятый съ печатнаго экземпляра.

3) *Neu-entdecktes Sieweria, worinnen die Zobeln gefangen werden, wie es anjetzo angebauet und bewohnet ist, nebst desselbigem Landes abgefasseter Charta, in welcher alle Gräntzen, so wohl biss an Kithaiskia, und die gantze Asiatische Tartarey, als auch Samojedia, Nova Zembla, und Cazaner Land; worbey auch der jetzige Zustand derer beyden Zaren Iwan und Peter Alexewiz, nebst der Princessin Sophia, wie Sie bisshero zusammen regieret und was darauf erfolgt ist, in beliebter und gründlicher Kürtze allen curieusen Liebhabern und Gönnern vorgestellt.* Dantzig, druckts Johann-Zacharias Stoll, 1692. Въ 8-ю д. л., 100 стр. и, сверхъ того, 10 нумерованныхъ посвященія бургомистрамъ города Торна и предисловія.

На заглавномъ листѣ: *Georg Adam Schleissing, Dresdā-Misnicus.*

Одинъ выходившій въ то время въ Германіи критическій журналъ, подъ заглавіемъ «*Monatliche Unterhaltungen*», напечаталъ (?) разборъ, очень, впрочемъ, умѣренный, предъидущаго сочиненія (№ 2) Шлейссинга, гдѣ, нисколько не сомнѣваясь въ дѣйствительности его поѣздки въ Сибирь и пр., позволилъ себѣ только нѣкоторыя замѣчанія на этимологическіе выводы автора касательно названій Сибири и Самоѣдовъ. Шлейссингъ отвѣчалъ на эту критику ругательствами и настоящимъ вторымъ изданіемъ, съ нѣсколькими переименованіями противъ перваго заглавіемъ и съ обыкновеннымъ своимъ увѣреніемъ въ предисловіи, что первое совсѣмъ уже расхвачено.

Въ этомъ второмъ изданіи мы находимъ 12 главъ перваго, съ опущеніемъ за тѣмъ всѣхъ историческихъ событій, случившихся во время пребыванія Шлейссинга въ Москвѣ. Въ вознагражденіе, онъ прибавилъ одну главу подъ новымъ заглавіемъ: «*Von dem Reussischen Frauen-Zimmer, und ihren Hochzeit machen*»; она, однакожъ, не иное что, какъ отрывокъ изъ 14-ой главы перваго изданія.

Упомянутой въ заглавіи карты Сибири нѣтъ въ нашемъ экземплярѣ, но ея не было равноумѣрно и въ миллеровскомъ того же изданія (*Samml. Russ. Gesch. T. VI, стр. 31*), изъ чего, при личности автора, рождался бы поводъ заключать, что она была только на заглавномъ листѣ. Миллеръ прибавляетъ, что если эта карта дѣйствительно существовала, то въ ней, вѣрно, было очень мало правды, потому-что самый текстъ

(?) Годъ 1690, стр. 379 и слѣд. Издателемъ этого журнала былъ извѣстный Тенцель (*Tentzel*).

книги облугает множествомъ грубѣйшихъ ошибокъ. Мы, однакожъ, идемъ сказанную карту, и точно проецированную вѣдностей, при слѣдующихъ двухъ оставшихся неизвѣстными Миллеру сочиненіяхъ, или, лучше сказать, изданіяхъ все того же сочиненія.

4) *Derer beyden Czaaren in Reussland Iwan und Peter Alexewi, nebst dero Schwester der Princessin Sophia, bisshero Dreyfach-geführter Regiments-Stab, und was darauff erfolget ist, nebst dem jetzigem Zustande in Reussland und allerhand Curieusesen Sachen, so sich bisshero darinnen zugetragen, auch denen sich darinnen auffhaltenden Teutschen. Worbey eine kurtze Beschreibung des wilden und zuvor unbewohnten Sieweria, durch und durch mit Kupferstücken gezieret und wolmeinend herausgegeben. Zittau, druckts in Verlegung des Autoris Michael Hartmann, 1693. Въ 8-ю д. л., 110 стр. и 8 нумерованныхъ листовъ: первый содержитъ въ себѣ гравированное заглавіе, а второй описанное нами сейчасъ заглавіе, напечатанное красными и черными чернилами; потомъ слѣдуетъ посвященіе съ пробѣлами, то-есть предшествующихъ ему бѣлымъ листомъ и съ пустыми пространствами въ самомъ текстѣ, для включенія именъ лицъ по выбору автора, наконецъ предисловіе.*

Здѣсь Шлейснингъ задумалъ уже украсить себя титуломъ, котораго не было на прежнихъ его изданіяхъ и который едва-ли когда прилагалъ ему на-самомъ-дѣлѣ, именно: *Georg Adam Schleissing, in Czaarischen Diensten gewesener Capitaine-Lieutenant.*

Несмотря на приданный заглавіемъ этому сочиненію видъ совершенно-новой книги, оно въ десяти своихъ главахъ передаетъ опять, съ нѣсколькими лишь прибавками, рассказъ тѣхъ же самыхъ историческихъ событій, то же самое описаніе Москвы и вообще все, что было въ прежнихъ изданіяхъ, кромѣ относящагося до Сибири. Эта послѣдняя часть, хотя и означенная въ общемъ названіи книги, составляетъ отдѣльное приложение съ новою нумераціею страницъ (1 — 99) и съ слѣдующимъ особымъ заглавнымъ листомъ:

5) *Neu-entdecktes Sieweria, worinnen die Zobeln gefangen werden, wie es anjetzo angebauet und bewohnet ist, nebst desselbigen Landes-Gränzen, so wohl biss an Kithaiskia, Königreich China und die gantze Asiatische Tartarey, als auch Samojedia und Nova Zembla. Zum andernmahl, auff Begehren Curieuseer Liebhaber aufgelegt, jedoch in vielen Stücken verbessert und vermehret, auch mit desselbigen Landes-Charta, so ein Schlüssel zum gantzen Wercke, und mit andern Kupfer-Stücken gezieret und herausgegeben. Gedruckt in Zittau, bey Michael Hartmann, 1693. Въ 8-ю д. л., 99 стр.*

Находящаяся при книгѣ карта и 13 картинокъ, болѣе нежели по-

средствѣнныя, даже и по отношенію къ эпохѣ, исполнены какимъ-то Отгоферомъ (С. Othofer). Одной изъ картинокъ, изображающей царя Іоанна Алексѣевича, недостаетъ въ нашемъ экземплярѣ, но мы находимъ ее въ слѣдующемъ новомъ изданіи :

6) Derer beyden Czaaren in Reussland, Iwan und Peter Alexewiz, als Herren Gebrüdern, nebst Dero Schwester der Prinzessin Sophia, bisshero dreyfach-geführter Regiments-Stab, und was sich darbey zugetragen, auch andern curieusen Sachen, wobey ein gründlicher Bericht des zuvor in höchsten Ehren-Stande gelebten, nunmehr aber ins Elend nach Siewerien ewig verbannten Knees Vassili Vassilowiz Galyczens, über die Reussische Armée gewesenenen Generalissimi, durch und durch mit Kupfer-Stücken gezieret. Gedruckt im Jahr Christi 1694. Безъ означенія мѣста печати. Въ 8 д. л., 150 стр. и 5 нумерованныхъ листовъ, содержащихъ въ себѣ двойное, какъ въ изданіи 1693 года, заглавіе, но напечатанное только черными чернилами, и посвященіе графу Палатину Филиппу.

На первомъ заглавіи авторъ названъ бывшимъ *штабъ-капитаномъ*, а на второмъ — *капитаномъ* царской службы. Подъ посвященіемъ оный подписался, какъ въ прежнихъ своихъ книжкахъ, просто : Georg Adam Schleissing, Dresdâ-Misnicus.

Стр. 1 — 119 представляютъ одно лишь новое изданіе первой части предъидущаго сочиненія (№ 4-й), съ очень-немногими перемѣнами; во въ приложеніи есть нѣкоторая разность : оно занимаетъ здѣсь только 30 страницъ съ продолженіемъ той же нумераціи (120 — 150) и имѣетъ слѣдующее заглавіе :

7) Sieweria mit der abgefasseten Land-Charta so wohl biss an die Chinesische Mauer und gantzen Asiatischen Tartarey, als auch, Samojedia, Novâ Zembla, und das Mare Vaigats, nebestandern Kupfer-Stücken und einem vollkommenen gründlichen Bericht des rebellischen gewesenenen Generalissimi Galyczen, wie derselbige eewig nach Siewerien condemniret worden, wobey auch derer beyden Länder Toom. und Tingus, so auff Befehl derer Czaaren Sudoost-Wärts 200 Meylen hinter Sieweria aufgesuchet worden, und annoch beständig unter Czaarischer Bothmässigkeit stehen. Im Jahr Christ Anno 1694.

Карта и картинка тѣ же, что въ предъидущемъ изданіи, но число картинокъ увеличено двумя, изъ которыхъ одна — мнимый портретъ князя Голицына.

Замѣтимъ въ заключеніе, что если книжки Шлейссинга и удовлетворяли, можетъ-быть, въ свое время главной его цѣли : доставлять ему насущный хлѣбъ, то, однакожь, всё безпреставно-поновляемья из-

данія не спасли ихъ отъ очень-скараго забвения. Шведъ Штраленбергъ, авторъ известной монографіи о Сибири: «Das nord-und-östliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das ganze Russische Reich mit Siberien in sich begreiffet», хотя она издана была не позже 1730 года, не зналъ уже жалкихъ надѣлій голоднаго студента. Въ этой монографіи находится подробный перечень всего, написаннаго дотѣмъ о Сибири, исходящій до сечивеній самыхъ мелкихъ и ничтожныхъ, но книжонекъ Шлейссинга Штраленбергъ не почтилъ ни однимъ словомъ упомяновенія. Напрасно было бы искать ссылки на нихъ и въ какой-нибудь другой серьезной книгѣ: судьба ихъ была исчезнуть изъ памяти людской, какъ-скоро самъ авторъ пересталъ напоминать ими своимъ илюстрицамъ о своихъ нуждахъ.

II Теофилъ Вармундъ (*Theophilus Wahrmundus*).

1) *Universa religio Moscovitica, das ist: die aufgehende Sonne der Christlichen Religion, wie und zu welcher Zeit dieselbige durch die finstere Wolcken des Heydenthums sich herfür gethan, und das ganze Moscovitische Reich bestralet, auch was darinnen, biss auf jetzige Zeit, so wol in ihren Glaubens-Artickeln, als Kirchen-Ceremoniis, vorgegangen und geändert worden ist. Allen Curieusen Liebhabern gründlich und eündlich vorgestellt. 1694.* Безъ означенія мѣста. Въ 8-ю д. л., 88 стр. и 6 нумерованныхъ листковъ, на которыхъ напечатано посвященіе герцогу саксонскому Фридриху Августу.

2) То же самое сочиненіе, безъ означенія, что это *второе* его изданіе съ слѣдующими измѣненіями въ заглавіи: *Universa religio Ruthenica sive Moscovitica, oder die aufgehende... geändert worden ist, und wie weit Sie mit andern Religionen überein komme... gründlich und wohlmeunend vorgestellt. Freystad, 1698.* Въ 8-ю д. л., 119 стр. и 4 нумерованныхъ, содержащихъ въ себѣ предисловіе.

Посвященіе перваго изданія начинается замѣчаніемъ, что во всемъ христіанствѣ нѣтъ ни одного народа, который покрывалъ бы догматы своего исповѣданія такою глубокою тайною, какъ московитяне (!!), «и вотъ отчего, прибавляетъ авторъ, всѣ историки, писавшіе объ этомъ народѣ, говорятъ такъ мало, или даже совсѣмъ не говорятъ о его вѣрованіяхъ». Владѣствіе того онъ рѣшился восполнить такой недостатокъ, къ чему имѣлъ всѣ средства «weiln nun eine geraume Zeit mich in Czaarischen Kriegs-Diensten befunden, und ihre ganze Religion darbey gründlich und genau zu beobachten gute Gelegenheit gehabt». Въ концѣ книги находится еще слѣдующее заключеніе, въ томъ же самомъ смыслѣ: «Dieses habe ich von der Reussischen Religion dem gunst-geneigten Leser, so ich theils

in Sarmatischen Reichen selbst angemercket, theils von klugen Reussen erfahren und aufgeschrieben, zur dienstlichen Nachricht beylegen wollen».

Несмотря на придаваемый себѣ такимъ образомъ видъ нагляднаго воззрѣнія и какъ-бы авторитета, г. Вармундъ, незнавшій, безъ сомнѣнія, по-русски и вычерпавшій матеріалы для своей книги изъ мутныхъ источниковъ, переполнилъ ее на очень-небольшое число данныхъ болѣе или менѣе основательныхъ множествомъ изъясненій, при чтеніи которыхъ трудно различить, что въ его разсказѣ должно отнести къ несправедливому предубѣжденію, что къ обманутому легковѣрію и что, наконецъ, къ одному лишь глубокому невѣжеству. Самихъ даже заглавій нѣкоторыхъ изъ 15-ти главъ, составляющихъ все сочиненіе, достаточно, чтобъ оцѣнить вздорность понятій автора и тѣхъ свидѣній, откуда онъ ихъ заимствовалъ. Какъ, однакожъ, благодаря, подобно издѣліямъ Шлейссинга, новости предмета, его книга послужила исходною точкою къ множеству перепечатокъ, контрафакцій и даже переводовъ на другіе языки, то мы помѣстимъ здѣсь ея оглавленіе, безъ перемѣны сохраненное во всѣхъ послѣдующихъ перепечаткахъ :

I. Von der Reussischen oder Moscovitischen Bekehrung zur Christlichen Religion.

II. Von der völligen Bekehrung derer Reussen zu den Christlichen Glauben.

III. Von denen Haupt-Stücken der Christlichen Moscovitischen Religion.

IV. Von denen, so die Reussen vor Feinde ihrer Kirchen, und denjenigen, so sie für Ketzler halten und aestimiren.

V. Von der dreyfachen Geistl. Verehrung derer Reussen: 1) des H. Ehestandes, 2) der hohen Obrigkeit, und 3) des Geistl. Kirchen-Ampts.

VI. Von den Reussischen Kirchen und ihren Ceremoniis.

VII. Von den Reussischen Glaubens-Artickeln.

VIII. Von der Heiligen Dreyfaltigkeit.

IX. Von der Reussischen Tauffe.

X. Von dem Reussischen Abendmahl.

XI. Von der Reussischen Fasten.

XII. Von denen Verstorbenen und ihren Begräbnüss-Ceremoniis.

XIII. Von den Seelen nach dem Tode.

XIV. In welchen Stücken die Reussen mit der Evangelischen Religion über einkommen und desswegen gar wohl Christen können genennet werden.

XV. In welchen Stücken die Reussen oder Moscoviter, ob sie gleich als Nachföglinge der alten und ersten Griechischen Kirchen sich rühmen, dennoch durh ihre eigene Menschen Satzungen und Irrthümer weit von derselbigen abgewichen seynd.

Но кто же былъ этотъ Theophilus Wahrmundus, котораго имя выставлено въ заглавіи обоихъ изданій? При нѣкоторомъ знакомствѣ съ нѣмецкою литературою той эпохи и съ ея приѣмами, намъ съ перваго взгляда было очевидно, что Вармундъ — псевдонимъ, и это заключеніе вполне подтвердилось при прочтеніи предисловія ко второму изданію (1698), гдѣ издатель, умалчивая, впрочемъ, совершенно о предыдущемъ 1694 года, говоритъ, что настоящее разсужденіе (Tractätgen) досталось ему отъ одного человѣка, долго, по собственному его утѣренію, проживавшаго въ Россіи и изучавшаго тамошнюю религію, но который никогда не хотѣлъ открыть причины, побуждающей его явиться передъ публикою *подъ вымышленнымъ именемъ* (т. е. Вармунда). «Отъ этого (продолжаетъ издатель) мы колебались—было печатать его сочиненіе, опасаясь, что оно составлено, можетъ—быть, болѣе «ex gelatione quam inquisitione»; но теперь, когда всѣ умы въ Европѣ заняты большимъ посольствомъ, отправленнымъ отъ Московскаго Царя въ разнымъ иностраннымъ дворамъ, и этимъ событіемъ возбуждено общее любопытство, между—прочимъ, и касательно вѣры, исповѣдываемой въ его государствѣ, мы не можемъ уже долѣе отлагать изданіе поминутной книжки, желая поставить каждаго въ возможность обсудить ея содержаніе и развѣдать, посредствомъ дальнѣйшихъ изысканій, степень ея правдивости». Послѣ этого, для ключа къ задачѣ, кто именно прятался здѣсь подъ именемъ Вармунда, мы обращались къ многочисленнымъ писателямъ, старымъ и новѣйшимъ, занимавшимся раскрытіемъ псевдонимовъ и анонимовъ нѣмецкой литературы; но тщательная справка съ лексиконами и сборниками Плаксія, Фабриція, Дальмана, Гейманна, Форстера, Миліуса, Эрша, Рассмана (они всѣ также входятся въ Императорской Публичной Библіотекѣ) ничего намъ не наружила. Въ нихъ является множество разоблаченныхъ Вармундовъ, но нѣтъ ни Теофила, ни настоящаго сочиненія. Его нѣтъ и у Аделунга, хотя, по выписаннымъ нами выше словамъ, мнимый Вармундъ *самъ былъ* въ Россіи до 1700 года, слѣдственно входилъ въ планъ аделунгова обзорѣнія. Вообще, мы нашли нѣсколько словъ о книгѣ Вармунда только въ извѣстномъ, къ сожалѣнію, прекратившемся на первой части, сочиненіи покойнаго профессора Московскаго Университета Буле: «Versuch einer kritischen Literatur der Russischen Geschichte», Moskwa, 1810; но и эти немногія слова лишены всякой точности. Извѣстно, что въ прежнее время на заглавіяхъ диссертаций, которыя были защищаемы въ германскихъ университетахъ и потомъ печатались, почти всегда находятся совокушно имена двухъ лицъ: профессора, предсѣдательствовавшаго при диспутѣ *президента*, или *пропонента*, и то

го соискателя ученой степени, который велъ диспутъ, или защищалъ тезы *respondenta*, и что большею-частью очень-трудно опредѣлить, кто изъ нихъ двухъ былъ настоящимъ авторомъ напечатанной диссертациі. Буле, приводя такую диссертацию страбургскаго профессора Дангауера: «*De religione Moscovitarum*», изданную впервые въ 1660 году (а не въ 1662, какъ сказано у Буле), по которой *respondentomъ* былъ Михайль Оппенбушъ, прибавляетъ: «*Der Respondent heisst auch zuweilen (?) Wahrmond, und unter diesem Namen wird ihm öfter die Schrift selbst beygelegt. Eine deutsche Uebersetzung davon ist: J. G. Pritii Moscovitischer Kirchenstaat*», Leipzig, 1698 и пр. (стр. 268). Все это не имѣетъ, однакожь, никакого основанія и доказываетъ только, что Буле не видалъ самъ сказанныхъ книгъ. Впервые респондентъ въ диссертациі Дангауера всегда и вездѣ называется Оппенбушемъ и никогда и нигдѣ не именованъ Вармундомъ, какъ это видно изъ имѣющихся въ Библиотекѣ четырехъ ея изданій, и воторыхъ, переводъ, который Буле приписываетъ Прицію, совсѣмъ не переводъ: это просто новое, подъ другимъ заглавіемъ изданіе книги Вармунда, которая и первоначально явилась не на латинскомъ, а на нѣмецкомъ языкѣ, и Прицій не былъ ни переводчикомъ ея, ни издателемъ, а только, какъ изъяснено будетъ ниже, написалъ къ ней предисловіе.

Мы, съ своей стороны, имѣя передъ собою самыя книги, по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, смѣло утверждаемъ, что «*Universa Religio Moscovitica*», подъ псевдонимомъ Теофила Вармунда — опять произведение Георга Адама Шлейссинга.

Въ заключеніе послѣдняго изданія своей «*Sieweria*», 1694 года, зотъ неутомимый промышленникъ писалъ: «*Werde aber künftig geliebtes Gott, weilln ich anietzo mit einigen guten Freunden in Moscovgar genaue Correspondentz getroffen, ein mehrers darthun.*» И вотъ, въ томъ же самомъ 1694 году появляется новая книга, если не о тѣхъ же именно предметахъ, которые такъ ужъ были избиты Шлейссингомъ, то по-крайней-мѣрѣ также о Россіи, съ подобнымъ же заманчивымъ заглавіемъ, сслетеннымъ изъ латинскихъ и нѣмецкихъ словъ, книга со всѣми его любимыми оборотами фразъ, съ тѣми же анекдотами, или, правильнѣе, сказками, съ тою же постройкою посвященій, вообще въ томъ же тонѣ и на томъ же дурномъ нѣмецкомъ языкѣ, наконецъ съ тѣмъ же неизбѣжнымъ упоминаніемъ, что авторъ «самъ былъ въ Россіи и находился на службѣ царской». Первый его запасъ — путешествіе въ Россію и въ Сибирь и исторія тройственнаго въ ней соцарствія — былъ истощенъ и притомъ собственное его имя слишкомъ ославилось какъ перепечатчика все одного и того же подъ разными

заглавіями: тогда онъ выступилъ съ новымъ издѣліемъ, подъ вышпеннымъ для себя новымъ именемъ; а тронувъ однажды это новое поле, принялся воздѣлывать и его по своему обычаю, то-есть перепечатывать свою книжку съ приставкою къ ней другихъ заглавій. Въ этомъ особенно благопріятствовалъ ему общій интересъ, возбужденный на Западѣ первымъ путешествіемъ Петра Великаго, тотчасъ повлекшимъ за собою, какъ мы уже сказали, второе изданіе «Московской религіи», которому, чрезъ умолчаніе о первомъ, давался видъ какъ-бы чего-нибудь опять совершенно-новаго.

Скажемъ сперва нѣсколько словъ о каждомъ изъ этихъ двухъ изданій и потомъ обратимся къ перепечаткамъ и переводамъ.

Первое изданіе, 1694 года, имѣетъ, сверхъ печатнаго заглавнаго листа, еще другой, гравированный, съ двумя изображеніями: по лѣвую сторону заглавія Св. Елены (то-есть Св. Ольги), съ подписью: «S. Helena, prima fundatrix Christianae Religionis in Moscovia», а по правую Св. Владимира, съ подписью: «Wolodimirus (sic), Magnus Dux Russiae, propagator Religionis Christianae in Moscovia».

Во *второмъ* изданіи, 1698 года, такіе же два заглавные листа и вообще по тексту оно совершенно-сходно съ первымъ, кромѣ посвященія, которое замѣнено въ немъ предисловіемъ, и прибавки къ послѣднимъ, заключительнымъ словамъ, которыя мы выписали выше, еще слѣдующихъ: «teils auch von andern Autoribus affgeschrieben». Но по шрифту и бумагѣ второе изданіе несравненно-лучше и, сверхъ-того, оно украшено картинками, которыхъ нѣтъ при первомъ. Онѣ изображаютъ: древнихъ идоловъ москвитянъ (Stribi, Mocossi, Chorsi и Pionipi), благословеніе народа патріархомъ, водоосвященіе, обрядъ Св. Крещенія и обрядъ погребенія.

3) «Anhang von der Reussischen oder Moscovitischen Religion, in was vor Zustande selbige in vorigen und diesen jetzigen zu Ende lauffenden Seculo gewesen, und noch sey, vorjetzo zusammen getragen und herausgegeben von dem Liebhaber der vorhergehenden Historie». Leipzig, 1698. Въ 8-ю д. л., 155 стр. и 13 нумерованныхъ съ оглавленіемъ.

Издатель, или редакторъ, подписавшійся подъ предисловіемъ С. К. Dürpoldisiw. Misn., прибѣгнувъ къ подлогу только на заглавномъ листѣ своей книги, гдѣ скрыто ея происхожденіе; но въ предисловіи онъ откровенно сознается, что это лишь *третье изданіе* вармундовой «Universa Religio Moscovitica», исправленное и дополненное по нѣкоторымъ новѣйшимъ авторамъ. Между послѣдними приводится и Шлейссингъ — новое въ нашихъ глазахъ доказательство, что ему же принадлежитъ и эта книга. въ которой онъ старался привлечь вниманіе публики на

прежнія, забытыя свои произведенія. Что касается до «дополненій», то они, сколько мы могли замѣтить, состоятъ только въ оглавленіи и въ новомъ измѣненіи заключительной фразы, гдѣ не говорится уже болѣе отъ лица автора о пребываніи и службѣ его въ Россіи, а приводится просто авторитетъ *двухъ* (неименованныхъ) писателей, бывшихъ очевидцами всего, чтó здѣсь описывается, въ настоящемъ (XVII-мъ) и прошедшемъ столѣтіяхъ.

Это изданіе не имѣетъ ни фронтисписа двухъ первыхъ, ни картинокъ.

Сочиненіе, на которое указывается въ словѣ заглавія: «Anhang» — извѣстная біографія царя Іоанна Васильевича, составленная Одерборномъ и вышедшая въ нѣмецкомъ переводѣ Христіана Кюне (послѣ нѣсколькихъ другихъ, гораздо-старѣйшихъ переводовъ Гейнриха Ретеля (Rätel), въ томъ же 1698-мъ году, въ Эрфуртѣ. Но настоящій «Anhang», имѣя свой особый заглавный листъ и свою нумерацію страницъ, составляетъ отдѣльное цѣлое (*).

4) «Moscowitischer oder Reussischer Kirchen-Staat. Zum ersten mahl in Deutschland mit einer Vorrede heraus gegeben von M. Jo. Georgio Prietio, Sonnabends-Prediger bey der Kirchen zu St. Nicolai in Leipzig». Leipzig, 1698. Въ 12-ю д. л., 144 стр. и, сверхъ-того, четыре нумерованныхъ посвященія (товарищу Прицію, пастору при той же церкви, Іоанну Гюнтеру) и 16-ть предисловія.

Вотъ та книга, которой будто-бы нѣмецкій переводъ Буле принимаетъ Прицію, тогда-какъ въ каталогахъ и даже въ ученыхъ сочиненіяхъ онъ называется иногда прямо *ея авторомъ* (°). То и другое

(*) Буле и здѣсь опять впадаетъ въ странную ошибку, которую также можно объяснить только тѣмъ, что онъ не видѣлъ самыхъ книгъ. Продолжая оставаться въ увѣренности, что Вармундъ и Оппенбушъ были одно и то же лицо и что диссертация о религіи москвитянъ написана первоначально на латинскомъ языкѣ, Буле говоритъ что *другой ея нѣмецкій переводъ* (сверхъ мнимаго Прищева) сдѣланъ былъ Христіаномъ Кюне и приложенъ къ его переводу одерборновой жизни царя Іоанна Васильевича; но, повторяемъ, вармундово сочиненіе *никогда* не являлось на латинскомъ языкѣ и, слѣдственно Кюне, который перевелъ одного Одерборна, не могъ *переводить* на нѣмецкій такой книги, которая и *вышла* только на этомъ языкѣ.

(°) Напр. въ программѣ Ритмеера: De hodierno Christianorum Graecorum statu, Helmstadii, 1710, in 4°, на послѣдней страницѣ. Трудолюбивый и вообще весьма основательный Цедлеръ (Zedler), собиратель или главный редакторъ бывшаго, въ свое время, однимъ изъ первѣйшихъ авторитетовъ для ученаго міра и теперь еще часто необходимаго для справокъ «Universal-Lexicon aller Wissensehaften und Künste» (Leipzig und Halle, 1747, въ-листъ). приводитъ подъ именемъ Феофила Вармунада

равно ошибочно. Прицій, написавшій и подписавшій только *предисловіе*, самъ говоритъ въ немъ: «*Wer davon (то-есть этого сочиненія) der Urheber sey, solches können wir nicht gewiss sagen; es ist aber ein Mann, welcher zu dem Wercke selbst geschickt genug gewesen; denn er hat nicht allein das Land in Person gesehen, und sich lange in Moscau aufgehalten: sondern er hat auch alles mit sonderbahrem Fleisse untersucht und sich der Unterrichtung glaubwürdiger Leute gebrauchet etc.*». Между-тѣмъ это просто опять буквальная перепечатка книжки нашего пріятеля Вармунда-Шлейссига, въ которой новаго только заглавіе, довольно-незначущее предисловіе пастора Приція и нѣсколько переименованныя изображенія съ нѣмецкими, вмѣсто латинскихъ, подписями Св. Елены и Св. Владимира⁽¹⁰⁾. Какъ нигдѣ тутъ не упомянуто о *прежнихъ* изданіяхъ, то запутанная фраза заглавія: «*Zum ersten mahl in Deutschland mit einer Vorrede heraus gegeben von M. J. G. Pritio*» справедливая въ-разсужденіи предисловія, но отнюдь не касательно самой книги, легко могла ввести въ заблужденіе покупателей, на чтò, вѣроятно, и рассчитывалъ ея издатель. И дѣйствительно, ему это удалось, даже не только въ-отношеніи къ массѣ публики, но и въ-отношеніи къ ученымъ. Такъ, сверхъ Буле, Риттмайера и многихъ другихъ, эта книга приписывается Прицію и въ приведенномъ выше *современномъ* журналѣ: «*Monatliche Unterhaltungen*»⁽¹¹⁾.

По случаю этого собственно изданія, не зная, вѣроятно, предшествовавшихъ ему, ученый сочинитель *Изображенія Древней и Новой Греческой Церкви* Гейнекцій въ справедливомъ негодованіи восклицалъ⁽¹²⁾: «*Die neueren Schriften, als der Moscovitische Kirchenstaat und andere dergleichen Tractätgen, welche theils wider, theils vor diese Nation herauskommen, sind bey Jederman in frischem Anden-*

(т. 52) одно только фрейштадтское изданіе (№ 2), но сливаетъ его заглавіе ошибочно съ настоящимъ, лейпцигскимъ, такимъ-образомъ: «*Universa Religio Ruthenica et Moscovitica, vom Moscovitischen Kirchenstaat.*»

⁽¹⁰⁾ Другихъ картинокъ въ этомъ изданіи нѣтъ.

⁽¹¹⁾ Въ этомъ журналѣ, который совсѣмъ не слышалъ или забылъ о Вармундѣ и прежнихъ его изданіяхъ, говорится, что большая часть книги Приція заимствована изъ сочиненій, половины XVII столѣтія, Оппенбува и Швабе. По сличеніи ихъ нынѣ оказалось, что это замѣчаніе несправедливо, но при всемъ томъ «*Moscovitischer Kirchen-Staat*» или, лучше сказать, оригиналъ его: «*Universa Religio Moscovitica*», не можетъ быть названа формальнымъ плагиатомъ, такъ-какъ, въ книгѣ Вармунда, кромѣ другой редакціи, есть много разныхъ дополненій и прибавлены также замѣтки о исторіи русской церкви послѣдующаго времени.

⁽¹²⁾ *Abbildung der alten und neuen Griechischen Kirche. Leipzig, 1711. стр. 63.*

cken und meistentheils in denen *Actis Eruditorum* ⁽¹³⁾ recensiret. Es hat dieses Volk von so vielen Saeculis her das Unglück gehabt, dass jederman von demselben die grössten Absurditäten ganz frey in die Welt hineingeschrieben, weil sich von denselben niemand einiger Antwort befürchten kunte».

Несмотря, однако, на такія замѣчанія умныхъ и ученыхъ критиковъ, этотъ «Tractätgen» такъ пришелся по вкусу читавшей публикѣ того времени, что его стали даже переводить на иностранныя языки, чего не удостоивались прежнія сочиненія Шлейссинга.

5) «La religion ancienne et moderne des Moscovites». Cologne, 1698, въ 8-ю д. л., 154 стр. и двѣ нумерованныя съ оглавленіемъ.

6) То же самое сочиненіе и подъ тѣмъ же заглавіемъ, Amsterdam, 1698. Одинаковые съ первымъ форматъ и нумерація страницъ.

Еслибъ мы знали нѣмецкое сочиненіе псевдонима Вармунда только въ одновременномъ съ этими французскими изданіями его 1698 года, при которомъ нигдѣ не означено, что оно *второе*, то очень-трудно было бы рѣшить: французскій или нѣмецкій текстъ считать подлинникомъ; но какъ послѣдній былъ ужъ напечатанъ четыре года передъ тѣмъ, и именно въ 1694-мъ году, то ясно, что упомянутый вопросъ рѣшается въ его пользу. Между-тѣмъ французскій издатель—хотя нѣмецкій оригиналъ переданъ имъ во всей точности, съ соблюденіемъ всѣхъ его подраздѣленій, названія главъ и проч.—тщательно оберегся сказать гдѣ-нибудь, что его книга *переводъ*; напротивъ, начиная ее безъ всякаго предисловія, или предувѣдомленія, онъ кончаетъ, точь-въ-точь какъ нѣмецкій авторъ, слѣдующими словами, которыя читатель, незнавшій о подлинникѣ, могъ отнести собственно къ лицу того, кто былъ только переводчикомъ: «Voilà le Recueil de la Religion des Moscovites que j'ai eeu devoir donner au Public, et que j'ai composé en partie moi-même pendant le séjour que j'ai fait dans les Etats du Czar etc.». Разность есть только въ картинкахъ. Предметы ихъ, кромѣ второй, одни съ нѣмецкимъ подлинникомъ, но композиція и рисунокъ совсѣмъ другіе и, сверхъ-того, четыре идола, которые въ Вармундѣ 1698-го года изображены на четырехъ отдѣльныхъ листахъ, здѣсь представлены на одномъ.

Изданія кѣльнское и амстердамское составляютъ, въ существѣ, одинъ и тотъ же оттискъ, различіиися только заглавнымъ листомъ. Послѣднихъ сдѣлано было два, съ означеніемъ разныхъ мѣстностей, вѣроятно, для скорѣйшаго сбыта книги.

(13) Критическое обозрѣніе, издававшееся въ Лейпцигѣ.

7) «Religie der Muscoviters, Oud-tijds en Hedensdaeghs met der selver wonderlijke Ceremonien, Gewoonten, Lewens-wijs» etc. Nauwkeurig ondersogt van een geleerd Hoogduytisch Heer, en van hem uitgegeven. Nu vertaeld, en vermeerderd met veelerley seldsaeme Sonderlingheden van Muscovien en de Muscoviters». Thiel, 1698. Въ 8-м д. л., 230 стр. и 12 нумерованныхъ съ предувѣдомленіемъ и оглавленіемъ

8) То же самое, съ тѣмъ же заглавіемъ, но съ прибавкою въ концѣ его: «Tweeden Druck. Met byvoegingh van een seer Aenmerklijke Land en Water-Reys, onlanghs gedaen door een Afgesondene Gesantschap der tegenwoordige Czaarsche Majesteit uyt Muscovien en China». Tuel, 1699. Въ 8-ю д. л., 2 части въ одномъ томѣ. Въ первой части, сверхъ 12-ти нумерованныхъ страницъ съ предувѣдомленіемъ и оглавленіемъ, 230 стр. Во второй, сверхъ 18-ти также нумерованныхъ съ предисловіями переводчика и автора и двумя оглавленіями, 201 стр.

Изданіе 1698 года дѣлится на двѣ книги. Въ *первой* книгѣ 16 главъ, изъ которыхъ 15 содержатъ въ себѣ переводъ вармундова сочиненія; но голландскій издатель былъ добросовѣстнѣ французскаго, означивъ въ самомъ заглавіи, что это переводъ съ нѣмецкаго ⁽¹⁴⁾. Последняя, то-есть 16-я глава, представляетъ описаніе кievскихъ пещеръ, извлеченное большею-частью изъ гербиніевыхъ «Religiosae Kijovienses cyptrae» (Jenae, 1675). *Вторая* книга, начинающаяся со стр. 135 — компиляція, безъ большой системы, изъ множества авторовъ о замѣчательностяхъ «Москови». Тутъ есть всего понеожку: географіи, статистики, исторіи, администраціи, климатологіи, торговли, описанія разныхъ мѣстностей, нравовъ, обычаевъ и пр.; но все это заимствовано изъ сочиненій, явившихся въ половинѣ XVII столѣтія, хотя во время изданія настоящей книги давно уже царствовалъ Петръ Великій и начались его преобразованія.

Изданіе 1699 года, въ *первой* его части (стр. 1 — 230) — простая перепечатка, буква въ букву, изданія 1688 года, въ половинѣ его составѣ. *Вторая* часть, совершенно-независимая отъ первой, и во

(14) Въ предувѣдомленіи сказано, что нѣмецкій подлинникъ былъ изданъ безъ имени автора, который «не хотѣлъ назваться передъ публикой при такомъ маленькомъ сочиненіи.» Это доказываетъ, что голландскій переводъ былъ сдѣланъ или съ «Anhang» (№ 3), или съ «Kirchenstaat» (№ 4), и что переводчикъ не зналъ двухъ первыхъ изданій, появившихся съ именемъ Вармунда, если, впрочемъ, онъ не считалъ явнаго псевдонима наравнѣ съ анонимомъ.

ея содержанію и по нумераціи страницъ, но соединенная съ нею общими заглавіемъ и переносными слогами (*кустодации*), содержитъ въ себѣ известное китайское посольство Избранда Идеса и записки Лудольфа о естественной исторіи Россіи, что не входитъ въ предметъ теперешней нашей статьи.

Замѣтимъ еще, какъ довольно-любопытную подробность, что въ обоихъ голландскихъ изданіяхъ, хотя они названы переводами съ нѣмецкаго, картинки не нѣмецкаго подлинника, а французскихъ, выше сего приведенныхъ изданій ⁽¹⁵⁾. Это обстоятельство заставляетъ думать, что оба французскія изданія и первое голландское (второе было однимъ простымъ сколкомъ съ перваго), вышедшія всѣ въ одномъ и томъ же 1698 году, были изготовлены вмѣстѣ и однимъ и тѣмъ же хозяиномъ, или распорядителемъ.

Бѣдный Вармундъ-Шлейсингъ, вѣроятно, уже умеръ, или по-крайней-мѣрѣ отказался отъ литературно-промышленныхъ своихъ предпріятій, какъ вдругъ кто-то вздумалъ опять освѣжить его книгу передъ нѣмецкою публикою, совсѣмъ, впрочемъ, не подозрѣвая первоначальнаго ея происхожденія.

Мы показали, что сочиненіе Вармунда имѣло въ XVII столѣтіи четыре изданія, изъ которыхъ два (№№ 1 и 2) съ его именемъ и два (№№ 3 и 4) безыменные. Но видно, ни одно изъ нихъ не дошло до свѣдѣнія позднѣйшаго нѣмецкаго издателя, и это незнаніе дало поводъ къ забавной мистификаціи. Имѣвъ передъ собою только французскій переводъ (№ 5), въ которомъ, какъ уже упомянуто, не значилось никакого указанія, что это *переводъ*, какой-то ученый, неназвавшійся по имени, счелъ его за оригинальное французское сочиненіе, неизвѣстное его соотчичамъ, и принялся этотъ французскій переводъ съ нѣмецкаго перелagать опять съ французскаго на нѣмецкій. Такому недоразумѣнію мы обязаны появленію сочиненія Вармунда опять и въ XVIII столѣтіи, какъ *новости въ нѣмецкой литературѣ*, подъ слѣдующимъ заглавіемъ :

9) «Religion der Moscoviter, oder ausführliche Beschreibung derer

⁽¹⁵⁾ Картинки нѣмецкихъ изданій находятся еще при англійскомъ сочиненіи: «The Russian Catechism... to which is annex'd a short account of the Church-Government and ceremonies of the Moscovites», вышедшемъ въ Лондонѣ въ 1723 и потомъ вторично въ 1725 году; но сама эта книга не можетъ быть названа переводомъ вармундовой; въ ней собраны матеріалы и изъ многихъ другихъ еще источниковъ, въ числѣ которыхъ «Universa Religio Moscovitica» занимала только вспомогательное мѣсто. То, что в заимствовано изъ нея, представлено только въ извлеченіяхъ.

Religion Anfang, Fortgang und jetzigen Wachsthum, wie auch ihrer Sitten, Gebräuche und Ceremonien, erstlich in Frantzösischer Sprache verfasst, nunmehr Teutsch übersetzt. Franckfurt am Mayn und Leipzig, 1712. Въ 8-ю д. л., 10 нумерованныхъ страницъ предисловія и оглавленія и 144 стр.

10) То же самое и тамъ же, 1714.

11) То же самое и тамъ же, 1717.

Новаго въ этихъ трехъ изданіяхъ, совершенно, впрочемъ, передающихъ содержаніе книги Вармунда, есть: во первыхъ, редакція, которая несравненно—лучше нѣмецкаго подлинника, ибо Шлейссингъ, какъ выше замѣчено, писалъ очень—дурно, и притомъ съ его эпохи самый языкъ усовершенствовался, и вторыхъ, предисловіе. Възъ шелъ впередъ и Россія въ—особенности двинулась исполнинскими шагами. Геній Петра наложилъ на нее печать неожиданнаго величія, и завѣса, герметически закрывавшая старинную «Московию» отъ остальной Европы, все болѣе—и—болѣе приподнималась. Уже нѣсколько добросовѣстныхъ ученыхъ, каковы были Коль, Бергъ, Гейнециій, изучивъ религіозныя вѣрованія Россіи по самымъ источникамъ, пролили на этотъ предметъ новый свѣтъ и послѣ ихъ работъ становилось все труднѣе пускать въ печать нечѣпости, подобныя издѣліямъ Вармунда «съ товарищи». Нашъ «переводчикъ» (der «Ubersetzer», какъ онъ себя называетъ) чувствовалъ это и умылъ себѣ руки въ предисловіи. Предваривъ читателя, что передаетъ ему настоящую книгу лишь *на слово французскаго автора*, нисколько не принимая на себя отвѣтственности за истину его повѣствованія, онъ прибавляетъ: «Съ одной стороны, намъ недовольны еще знакомы многіе предметы московской религіи и символическій смыслъ ея обрядовъ, а съ другой, мудрыя и полезныя преобразования нынѣ державствующаго царя произвели вообще столько перемѣнъ въ его государствѣ, что прежніе о немъ рассказы вскорѣ уже, можетъ—быть, останутся только свидѣтельствомъ того, что можетъ твердая и благотворная воля великаго монарха».

Что касается до приведенныхъ *трехъ* изданій этой книги, то они составляютъ въ—сущности лишь одно, на которомъ постепенно былъ перемѣняемъ только заглавный листъ, съ означеніемъ позднѣйшаго года. Сверхъ—того, въ третьемъ, 1717 года, есть въ оглавленіи и въ двухъ первыхъ листахъ текста нѣкоторая разность въ приводкѣ длины строкъ (justification).

Фронтисписъ и картинки тѣ же, что во французскихъ изданіяхъ, но оттиски ихъ хуже.

ЗАПИСКИ ВОЕННО-ТОПОГРАФИЧЕСКАГО ДЕПО,
по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію из-
даваемыя. Пятнадцать томовъ. Санктпетербургъ. 1837—1853.

Это изданіе началось въ 1837 году, и до-сихъ-поръ вышло его XV томовъ въ 4-ую долю листа большаго формата, со многими планами и геодезическими чертежами.

Кто пожелаетъ изучить высшую геодезію, тотъ долженъ внимательно читать «Записки». Онъ найдетъ въ нихъ и правила этой науки и превосходные примѣры ихъ употребленія въ практикѣ. Для занимающихся русскою географіею «Записки» содержатъ въ себѣ драгоцѣнные матеріалы, посредствомъ которыхъ во всей подробности можно опредѣлить пространство и относительное положеніе различныхъ странъ обширѣйшаго въ свѣтѣ государства, ихъ очертанія и ихъ возвышенія надъ океаномъ, что необходимо для метеорологіи. Наконецъ «Записки» могутъ свидѣтельствовать о быстрыхъ успѣхахъ точныхъ наукъ въ Россіи, о щедрыхъ пособіяхъ правительства, и о трудахъ достойныхъ исполнителей его благородныхъ намѣреній.

Къ-сожалѣнію, «Записки» извѣстны только немногимъ спеціалистамъ, тогда-какъ онѣ должны быть справочною книгою всего образованнаго общества, всѣхъ любителей чтенія наставительнаго, а не чтенія для избѣжанія скуки отъ совершенной праздности.

Принявъ намѣреніе составить обзорніе дѣйствій Военно-топографическаго Депо и сдѣлать ихъ общезвѣстными, признаемся, насъ устрашаетъ обширность труда, по причинѣ разнообразія предметовъ, и потому предупреждаемъ читателей, что мы сами не считаемъ своего опыта совершенно-удовлетворительнымъ.

Цѣль, обширность и высокое ученое достоинство «Записокъ Военно-топографическаго Депо» со всею точностью объяснены въ «Предисловіи» ихъ перваго издателя, генерала Шуберта. Съ 1818 года

Т. ХСУ. — Отд. III. 4

геодезическія работы, производимыя въ Россіи по распоряженію Генеральнаго Штаба, приняли систематическій ходъ на прочныхъ основаніяхъ, сообразныхъ съ новѣйшими улучшенными методами, потому-что исполненіе ихъ начали поручать офицерамъ, свѣдущимъ въ астрономіи и высшей геодезій; но подробности и результаты этихъ работъ, даже самое ихъ существованіе оставались неизвѣстными: журналы наблюденій и вычисленія хранились рукописными въ архивѣ Депю и были недоступны даже для астрономовъ, желавшихъ пользоваться ими для сравненія съ собственными своими подобными наблюденіями и вычисленіями. Военный министр, графъ (нынѣ свѣтлѣйшій князь) Чернышевъ обратилъ на это свое вниманіе и, по его представленію, 19 февраля 1835 года, послѣдовало Высочайшее повелѣніе издавать «Записки Военно-топографическаго Депю» и на издержки назначено 5000 руб. ассигнаціями ежегодно. Генералъ Шубертъ приступилъ къ издаванію «Записокъ» на слѣдующихъ до-сихъ-поръ неизмѣнившихся правилахъ :

1) Каждое измѣреніе помѣщать вполнѣ, чтобъ читатели могли слѣдить результаты и вновь вычислять ихъ по другимъ методамъ; 2) всѣ наблюденія оставлять въ первоначальномъ ихъ видѣ; 3) означать методы ихъ вычисленія; 4) цѣль изданія состоятъ не только въ приведеніи въ извѣстность работъ ужъ оконченныхъ, но и въ усовершенствованіи познаній офицеровъ, употребляемыхъ для геодезическихъ измѣреній; поэтому въ «Запискахъ» будутъ помѣщаться описанія новыхъ методовъ, новыхъ инструментовъ и другихъ предметовъ, относящихся къ низшей и высшей геодезій; 5) первую часть «Записокъ» начать исторією Военно-топографическаго Депю и геодезическихъ измѣреній въ Россіи.

Это общее изложеніе содержанія «Записокъ» показываетъ, что и наша статья должна быть раздѣлена на двѣ части: въ первой будетъ заключаться исторія Депю, во второй — геодезическія работы и множество географическихъ и топографическихъ свѣдѣній о разныхъ частяхъ Россіи.

I. Исторія Военно-топографическаго Депю.

Въ Россіи все растетъ и созрѣваетъ не по днямъ, а по часамъ: начало Военно-топографическаго Депю, достигшаго въ нѣсколько десятковъ лѣтъ настоящаго блистательнаго состоянія, должно отнести къ 1796 году. Тогда императоръ Павелъ Петровичъ, усмотрѣвъ недостатокъ въ хорошихъ картахъ, учредилъ чертежную собственно для себя, и въ августѣ 1797 года преобразовалъ ее въ Депю Картъ съ тѣмъ, чтобъ оно было не только военнымъ, но полнымъ государственнымъ архивомъ картъ и плановъ, и чтобъ чиновники его приводили чертежи въ надлежащую между ними связь и порядокъ, сочиняли и издавали подробные планы и карты для общественнаго употребленія съ присоединеніемъ къ нимъ необходимыхъ описаній. Первымъ начальникомъ этого общегеографическаго заведенія былъ генералъ Опшерманъ,

который имѣлъ право отсюду требовать нужныя для него свѣдѣнія, и всѣ военные чины были обязаны представлять въ Депо Картъ оригиналы чертежей и ихъ описаній, составляемыхъ ими по препорученіямъ своихъ начальствъ. Потомъ, 15 декабря 1798 года, Правительствующій Сенатъ объявилъ указомъ : «Въ пресѣченіе злоупотребленій, могущихъ произойти отъ напечатанія и изданія общихъ и частныхъ плановъ земель Россійской Имперіи, топографическія, крѣпостныя и всякаго рода карты, въ военномъ отношеніи, представлять на предварительное разсмотрѣніе Собственно Его Величества Депо Картъ». Этимъ указомъ руководствуются и нынѣ : цензурные комитеты не имѣютъ права давать дозволенія на изданіе картъ и плановъ безъ одобренія Военно-топографическаго Депо.

Генераль Опшерманъ недолго управлялъ Депо Картъ, потому-что ужь въ октябрѣ 1797 года мѣсто его занялъ генераль Толстой и былъ въ этой должности до 1-го мая 1801 года. Въ-теченіе четырехъ съ половиною лѣтъ, несмотря на бѣдность средствъ, Депо Картъ получило нѣкоторый порядокъ въ управленіи, собралъ и привело въ извѣстность много важныхъ чертежей, картъ и плановъ, и въ 1799 году издало «генеральную карту части Россіи», раздѣленную на губерніи и уѣзды съ почтовыми и другими дорогами. Въ то же время была начата и подробная карта всей Россіи. Нельзя также не упомянуть, что полковники Бернонвиль и Штейнгель въ 1797 и 1798 годахъ, занимались съѣмкой Литовской Губерніи и Русской Финляндіи, или нынѣшней Выборгской Губерніи : эти съѣмки, хотя и несовершенны, должно считать началомъ систематическихъ геодезическихъ работъ въ Россіи. Для специалистовъ надобно замѣтить, что въ то время по Высочайшему повелѣнію на топографическихъ картахъ горы отдѣлялись кистью, крутизны — темною тушью, отлогости же — блѣдною; но баронъ Штейнгель, капитанъ и преподаватель въ Первомъ Кадетскомъ Корпусѣ, училъ ужь рисовать горы перомъ, какъ это нынѣ дѣлается.

Депо Картъ помѣщалось въ Зимнемъ Дворцѣ и не имѣло особеннаго штата; для работъ прикомандировывались штаб-офицеры и обер-офицеры изъ Инженернаго Корпуса и изъ другихъ командъ; на чертежные и письменные расходы дано было единовременно 665 руб. и ежегодно отпускалось изъ Кабинета 1060 руб. ассигнаціями. Къ этимъ суммамъ государь императоръ прибавилъ, также изъ Кабинета, 370 руб. на ежемѣсячныя порціоны всѣмъ трудившимся офицерамъ въ Депо Картъ. Въ 1798 году были назначены въ него восемь художниковъ, съ жалованьемъ на всѣхъ 2,200 руб. въ годъ; на инструменты, мѣдныя доски, и проч. отпускалось ежегодно 800 руб., и первоначальное обзаведеніе инструментовъ стоило 1,036 руб.

31 іюля 1805 г. Депо Картъ поступило въ вѣдѣніе инженер-генерала графа Сухтелена, который немедленно исходатайствовалъ Высочайшее повелѣніе о съѣмкѣ пространства, заключающагося между Не-

вою, Финскимъ Заливомъ и Ладожскимъ Озеромъ до границъ Выборгской Губерніи, также прибрежной части Эстляндіи отъ устья Наровы до границы Лифляндіи и части Волынской Губерніи, смежной съ Австріею. Составленіе упомянутой общей карты Россіи, извѣстной подъ именемъ *столистовой*, продолжалось дѣлательно; но графъ Сухтеленъ первый замѣтилъ существенный и капиталный ея недостатокъ: въ ней не было вѣрныхъ пунктовъ, опредѣленныхъ астрономически и необходимыхъ для основной сѣти, составляемой изъ частныхъ сѣмокъ. Чтобы пособить этому важному недостатку, графъ Сухтеленъ въ 1802 году назначилъ нѣкоторыхъ офицеровъ квартирмейстерской части учиться астрономіи у академика Шуберта, который для ихъ употребленія издалъ хорошее «Руководство къ опредѣленію географическихъ широтъ и долготъ» на нѣмецкомъ языкѣ. Оно переведено и на русскій языкъ и имѣло нѣсколько изданій. Первыми учениками Шуберта были полковникъ Довре, майоръ Фридриціи, капитаны Нейдгарды 1-ый и 2-ой, поручики Теслевы 1-ый и 2-ой, Гартингъ, Теннеръ и Ивановъ. Изъ нихъ, въ 1804 г., Теслевъ 2-ой и колonoвожатый Шубертъ, вмѣстѣ съ академикомъ Шубертомъ, ѣздили въ Полоцкъ для наблюденія солнечнаго затмѣнія, причѣмъ опредѣляли и широту этого города. Потомъ ихъ отправили для опредѣленія широтъ Сердоболя, Повѣнца, Онѣги, Архангельска, Вытегры, Кеми и монастырей Соловецкаго и Никольскаго. Въ слѣдующихъ 1805, 1806 и 1807 годахъ были опредѣлены широты и долготы Новгорода, Новой Ладоги, Нейшлота и кирки Мендугаріи Теслевыми 2-мъ и 3-мъ; Нарвы и Ревеля—Теслевыми 1-мъ и поручикомъ Шубертомъ; Выборга, Гапсала и Пернова—Теслевыми 2-мъ и 3-мъ и колonoвожатымъ Вейраухомъ. Эти немногіе пункты почли достаточными для *столистовой* карты, и послѣ того Депо Картъ долго не думало объ астрономическихъ наблюденіяхъ. Въ 1804 году Депо перешло въ выстроенный для него домъ, въ которомъ нынѣ помѣщается Гвардейскій Штабъ.

Итакъ, первый шагъ къ усовершенствованію геодезическихъ работъ, то-есть къ основанію ихъ на астрономическихъ наблюденіяхъ, былъ сдѣланъ гр. Сухтеленемъ. Послѣ того, въ 1810 г., Депо Картъ поступило въ вѣдѣніе Военнаго Министерства, и, по проекту князя Волконскаго, управлявшаго въ 1811 г. квартирмейстерскою частью, учреждена была при немъ механическая мастерская, подъ управленіемъ доктора астрономіи и физики Рейссига. Къ 1812 г. оно получило новый штатъ съ яснымъ опредѣленіемъ предметовъ его занятій и съ переименованіемъ въ *Военно-топографическое Депо*, которому было поставлено въ обязанность: «собираніе, составленіе и храненіе картъ, плановъ, «чертежей топографическихъ и статистическихъ описаній, журналовъ и «донесеній о военныхъ дѣйствіяхъ, проектовъ и диспозицій наступательной войны, и въ-особенности сочиненіе основательныхъ записокъ и «таблицъ изъ историческихъ военныхъ свѣдѣній». Занятія Депо рас-

предѣлены были по шести отдѣленіямъ: 1) особыхъ порученій, 2) астрономическихъ и тригонометрическихъ съѣмокъ, 3) составленія и черченія картъ, 4) надзора за архивомъ и библиотекой, и выписокъ для составленія военной исторіи, географіи и топографіи Россіи, 5) гравирования и печатанія картъ и плановъ и 6) письмоводства и счетной части. Выписка книгъ и картъ изъ-за границы и покупка ихъ въ Россіи зависѣли отъ воли военнаго министра. Для полнаго содержанія Депо назначено 44 т. руб., изъ которыхъ 35,400 р. на жалованье служащимъ, и 8,600 р. на ремонтъ инструментовъ и другіе расходы; сверхъ-того, разрѣшено было продолжать продажу картъ и получаемыя за нихъ деньги употреблять на хозяйственные расходы. Изъ остаточныхъ суммъ директоръ Депо имѣлъ право выдавать, съ утвержденія министра, 5 т. руб. отличнымъ чиновникамъ въ добавокъ къ ихъ жалованью. Въ то же время и механической мастерской данъ новый штатъ, по которому положены 1 профессоръ, 4 вольные подмастерья и 14 казенныхъ мастеровыхъ; на жалованье имъ назначено 7600 руб., а на покупку матеріаловъ 3 т. руб. ассигнаціями.

Таковъ былъ составъ Военно-топографическаго Депо въ продолженіе походовъ противъ Наполеона; и эти самые походы много ограничивали его дѣйствія для главной цѣли; однако надворный совѣтникъ Пансеръ, капитанъ Теннеръ и поручикъ Ивановъ занимались въ 1810 и 1811 г. тригонометрическимъ измѣреніемъ около Финскаго Залива, между С. Петербургомъ, Ревелемъ и Дерптомъ; полковникъ Буковский съ 1811 по 1813 г. сдѣлалъ военно-топографическое и статистическое описаніе Кавказской Губерніи и Линіи съ картой этой страны; въ томъ же 1811 году, по Высочайшему повелѣнію, издано статистическое описаніе Киргизскихъ Степей съ картою и 15 видами, составленное поручикомъ Гевердовскимъ; съ 1812 по 1815 г. полковникъ Хатовъ продолжалъ съѣмку Новой Финляндіи и Аланскихъ Острововъ, начатую въ 1809 г., и сдалъ ее полковнику Черкасову; въ 1814 г. кончена столетовая карта Россіи, и въ 1815 г. полковникъ Шубертъ, снялъ часть французскихъ департаментовъ Арденскаго и Марнскаго.

12-го декабря 1815 года учрежденъ Главный Штабъ, въ составъ котораго, въ 1816 г., вошло и Военно-топографическое Депо. Подчинившись такимъ-образомъ вполне управляющему Главнымъ Штабомъ кн. Волконскому, оно было переведено въ домъ этого Штаба, причемъ шестое его отдѣленіе обращено въ рисовальное и присоединена къ нему чертежная квартирмейстерской части. Эта перемена потребовала и измѣненія въ штатѣ Депо, по которому назначено:

На жалованье служащихъ.....	24,560 руб.
» ремонтъ матеріаловъ и инструментовъ	3,000 »
» на чертежные припасы.....	3,000 »
» канцелярскіе расходы.....	1,000 »

31,560 руб. ассигнаціями.

Покупка картъ и книгъ за границею осталась на прежнемъ основаніи, то-есть выдавалось ежегодно 1,000 червонцевъ. Должность директора Депо принялъ на себя кн. Волконскій; первое, секретное его отдѣленіе не было образовано; второе, астрономическое, препоручено оберберггауптману Вильбрехту; третье, по сочиненію картъ—полковнику Теслеву, четвертое, архивное—полковнику Деиріарду; пятое, гравировальное—полковнику Милашевичу; а завѣдываніе хозяйственною частью—генералу Селявину. Библиотека Депо была сдана полковнику Михайловскому-Данилевскому, соединена съ библіотекою квартирмейстерскою и значительно увеличена военными и историческими книгами, купленными, по Высочайшему повелѣнію, въ Парижѣ полковникомъ Хатовымъ и капитаномъ Данилевскимъ. Геодезическіе инструменты всѣ были переданы въ механическую мастерскую.

Въ 1818 г., число гравёровъ и словорѣзовъ увеличено избранными изъ кантонистовъ 25-ю человекъ. Въ 1819 году заведена литографія. Впродолженіе 1819 и 1821 годовъ выстроена на Главномъ Штабѣ астрономическая обсерваторія, на которой въ 1829 г. начались наблюденія постояннымъ наблюдателемъ, и которая была снабжена полуденною трубою Рейхенбаха, универсальнымъ снарядомъ Эртеля, столовыми часами Луи-Берту, зрительными трубами Фраунгофера. Астрономическимъ теодолитомъ Эртеля опредѣлена широта обсерваторіи, полуденною трубою наблюдались лунныя прохожденія чрезъ меридіанъ, а зрительными трубами—закрытія звѣздъ луною, для опредѣленія долготы той же обсерваторіи.

Менахическая мастерская въ 1821 г. распространена и названа *Механическимъ Заведеніемъ Главнаго Штаба*, и новымъ штатомъ опредѣлено его назначеніе: 1) изготовлять всѣ математическіе, оптическіе и физическіе инструменты для съѣмокъ; 2) снабжать ими инструментальный кабинетъ Главнаго Штаба; 3) дѣлать инструменты для всѣхъ казенныхъ мѣстъ за назначенную цѣну и 4) приготоовлять учениковъ для исправленія мелкихъ починковъ на большихъ съѣмкахъ. На всѣ издержки назначено 17,300 руб. асс. въ годъ, да на единоразовую покупку инструментовъ и матеріаловъ отпущено 12 т. руб.

Такимъ-образомъ попеченіями кн. Волконскаго Военно-топографическое Депо получило полное и прочное устройство. Но способы его дѣйствій вдругъ распространились учрежденіемъ *Корпуса Топографовъ* 28-го января 1822 г. Корпусъ этотъ предназначено составить изъ способнѣйшихъ кантонистовъ Военно-сиротскихъ Отдѣленій, подъ завѣдываніемъ директора, въ должность котораго опредѣленъ генералъ Шубертъ, начальникъ 3-го Отдѣленія Депо. Воспитанники, или нижніе чины Корпуса, названные *топографами*, должны были имѣть хорошія свѣдѣнія въ математикѣ, топографической и тригонометрической съѣмкѣ, рисованіи плановъ и черченіи ихъ на камнѣ. По степени познаній, они раздѣлялись на два класса и учились въ новой школѣ, въ кото-

рой преподавателями были офицеры квартирмейстерской части и Корпуса Топографовъ, куда кантонистовъ принимали по строгому экзамену въ арифметику, алгебру до уравненій 2-й степени, плоской тригонометрiи, чистописанiи и въ рисованiи плановъ. Успѣхи въ самомъ Корпусѣ означались балами, число которыхъ въ обоихъ классахъ полагалось 120. Въ первомъ, или высшемъ классѣ преподаются: алгебра, сферическая тригонометрiя, коническія сѣченія, высшая геодезія, математическая географiя и географiя всеобщая; во второмъ же, или низшемъ: арифметика, плоская геометрiя, стереометрiя, алгебра, плоская тригонометрiя, низшая геодезія, русская географiя и русская грамматика. Для перехода изъ втораго класса въ первый надобно получить по-крайней-мѣрѣ 75 балловъ, а для производства топографовъ 1-го класса въ офицеры — не менѣе 100 балловъ. Офицеры другихъ родовъ службы могли вступать въ Корпусъ Топографовъ по экзамену въ тѣхъ предметахъ, которые требовались отъ топографовъ, удостоиваемыхъ къ производству въ офицеры.

Корпусъ Топографовъ обѣщаль и оказалъ важныя пособія въ геодезическихъ работахъ; но 1824-ый годъ должно считать эпохой этихъ работъ. Тогда, для преподаванiя астрономiи офицерамъ квартирмейстерской части и Корпуса Топографовъ пригласили профессора Дерптскаго Университета В. Я. Струве, и съ этого времени образовалась знаменитая русская школа астрономовъ и ученыхъ геодезистовъ. Для курса астрономiи въ Дерптѣ, а нынѣ въ Пулково, назначено два года и, по окончанiи его, офицеры командировуются на съѣмки. Нельзя пересчитать всѣхъ учениковъ Струве, но должно назвать изъ нихъ перваго курса:

Гвардейскаго Генеральнаго Штаба штабс-капитанъ Эссенъ;

Главнаго Штаба капитаны: Вронченко, Обергъ, Меланъ, Розениусъ; штабс-капитаны: Ортенбергъ, баронъ Искюль фон-Гильдебандъ и поручикъ Швидковъ.

Корпуса Топографовъ: поручики Васильевъ, Горюновъ, Максимовъ и подпоручикъ Войновъ.

Съ 1825 г. весьма-много улучшилось грацированіе и печатаніе картъ, а продажа ихъ начала принести значительныя суммы, какъ видно изъ слѣдующаго отчета:

въ 1816 году.....	6,053 р. 15 к. асс.
» 1817 »	16,486 » 80 » »
» 1818 »	22,062 » 43 » »
» 1819 »	26,220 » 85 » »
» 1820 »	23,688 » 50 » »
» 1821 »	23,308 » — » »
» 1822 »	17,303 » 85 » »
» 1823 »	31,366 » — » »
» 1824 »	15,909 » 85 » »
» 1825 »	14,958 » 56 » »

197,357 р. 99 к. асс.

Эти цифры весьма-краснорѣчивы, а между-тѣмъ часто случалось слышать, что русская географія и топографія бѣдны хорошими картами! Впослѣдствіи еще болѣе увѣримся въ такомъ предрасудкѣ, происходящемъ отъ незнанія того, что дѣлается въ Россіи по части наукъ.

Въ 1826 году, въ тылу дѣйствующей тогда арміи противъ персіянъ, въ первый разъ составленъ былъ отрядъ изъ 24 топографовъ и двухъ унтер-офицеровъ, подъ начальствомъ Генеральнаго Штаба капитана Генцеля, для съѣмки мѣстъ, занятыхъ русскими войсками. Удѣльно-достигнутая цѣль этимъ отрядомъ и польза его дѣйствій заставили назначать подобные отряды и къ частнымъ экспедиціямъ противъ горцевъ. Топографскіе отряды, слѣдуя за войсками, снимаютъ маршруты, опредѣляютъ направленіе главныхъ хребтовъ горъ, ихъ отраслей, и пр., и такимъ-образомъ проходы между недоступными громадами сдѣлались извѣстны и положены на карты, изъ которыхъ большая часть уже отгравирована.

Въ томъ же году генералъ Шубертъ издалъ «Руководство для исчисленія тригонометрической съѣмки» съ принадлежащими къ нему таблицами. Посредствомъ этой книги всѣ геодезическія работы были приведены къ единообразію. Кромѣ формулъ и таблицъ, въ ней заключаются и правила для веденія журналовъ измѣреній на съѣмкахъ. Обер-квартирмейстеръ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, полковникъ Коцебу, сдѣлалъ первый опытъ опредѣленія долготы и широты мѣстъ посредствомъ прохожденія луны черезъ меридіанъ.

Безпрестанно-накоплавшіеся планы, геодезическіе чертежи и карты требовали полнаго каталога, по которому можно было бы отыскивать ихъ и скоро, и безъ труда. Эту работу принялъ на себя генералъ Шубертъ и успѣлъ ее кончить въ 1830 году. Каталогъ раздѣляется на *общій* и *частный*. Въ общемъ, состоявшемъ въ 1835 году изъ 17 томовъ, было помѣщено 35 т. номеровъ, и онъ служитъ документомъ для пріема и сдачи архива; поступающіе въ него новые планы, карты, и пр. записываются по порядку номеровъ, изъ которыхъ каждый принадлежитъ и картѣ, состоящей изъ многихъ листовъ; при номерѣ означаются мѣсто и годъ изданія, число листовъ и масштабъ карты. Частный каталогъ, состоявшій въ 1834 году изъ 50 томовъ и расположенный по роду картъ, служитъ для удобнѣйшаго ихъ отысканія и обзорнія. Разбирая богатства Военно-топографическаго Депо, генералъ Шубертъ отдѣлялъ отъ нихъ проекты крѣпостей и укрѣпленій, и передавалъ ихъ Инженерному Департаменту, отъ котораго истребовалъ всѣ планы и карты топографическіе. Также и съ С. Петербургской Академіей Наукъ онъ обмѣнялся нѣкоторыми гравированными досками и книгами, передавъ ей доски рисунковъ къ книгѣ «Flora Rossica» и нѣсколько книгъ, неотносящихся къ военному искусству.

Подобные же каталоги были составлены изъ описаній мѣдныхъ досокъ и инструментовъ.

Въ 1832 году послѣдовало новое образованіе Генеральнаго Штаба, причѣмъ и Военно-топографическое Депо получило новый штатъ. Управляющій Депо, генералъ Шубертъ, переименованъ въ директоры и подчиненъ генерал-квартирмейстеру. Депо удержало свои шесть отдѣленій: Письмоводительное, Топографическое, Астрономическое, Гравировальное и Печатное, Техническое и Архивъ. Топографы, по своимъ познаніямъ, раздѣлены на три класса и на роты съ нумерами. Топографы третьяго класса не могутъ быть унтер-офицерами. Во всѣхъ ротѣхъ положено 456 топографовъ, и одна изъ нихъ, находящаяся въ С. Петербургѣ, называется Ротою Военно-топографическаго Депо, нумера не имѣетъ и составляетъ собственно Школу Топографовъ, управляемую инспекторомъ изъ штаб-офицеровъ Генеральнаго Штаба, или Корпуса Топографовъ. Въ ней 120 топографовъ 1-го и 2-го классовъ, изъ которыхъ послѣдніе учатся гравировальному, словорѣзному и литографическому искусствамъ. Преподаваніе наукъ, какъ выше сказано, раздѣлено на два класса, и въ каждомъ изъ нихъ топографы занимаются по 61 часу въ недѣлю; то же число часовъ назначено и для гравирововъ. Изъ перваго класса топографы производятся въ офицеры, когда получаютъ на экзаментѣ не менѣе 175 балловъ изъ 210, изъ которыхъ 40 положено для геодезій и по 20 для всеобщей географіи, сферической тригонометріи и математической географіи.

Упомянемъ еще, и въ послѣдній разъ о продажѣ картъ и плановъ. Ихъ продано :

Въ 1826 году	на 16054 руб. 63 коп. асс.
— 1827 —	» 26686 — 20 — —
— 1828 —	» 47781 — 70 — —
— 1829 —	» 20456 — 20 — —
— 1830 —	» 20482 — — — —
— 1831 —	» 29136 — 50 — —
— 1832 —	» 18528 — — — —
— 1833 —	» 12630 — 30 — —
— 1834 —	» 17102 — — — —
	208858 — 03 — —

Разсматривая каталогъ картъ и плановъ, находимъ въ нихъ многія достопамятности, изъ которыхъ обратимъ вниманіе читателей на «Журналы военныхъ дѣйствій, планы сраженій и операціонныя карты російско-императорскихъ войскъ, расположенныя по войнамъ»:

Осада Смоленска,

Походъ царя Іоанна Васильевича на Казань въ 1552 г.

Война, по случаю избранія Станислава Лещинскаго въ 1733—1735 г.

Шведская война царя Алексѣя Михайловича,

Шведско-турецкая война Петра I, съ 1700 по 1721 г.

Шведская война при Елисаветѣ Петровнѣ, съ 1741 по 1743 г.

Шведская война при Екатеринѣ II, съ 1788 по 1790 г.

Шведская война при Александрѣ I, съ 1808 по 1809 г.
 Турецкая война при Аликѣ Иоанновѣ, съ 1736 по 1739 г.
 Турецко-польская война при Екатеринѣ II, съ 1769 по 1774 г.
 Походъ противъ Пугачева 1771 г. и проч. и проч.

Въ нашей статьѣ нѣтъ возможности пересчитать всѣ карты и планы; пусть читатели обратятся сами къ каталогу, помѣщенному въ I-мъ томѣ «Записокъ».

Все, здѣсь предложенное, извлечено изъ исторіи Военно-топографическаго Депо, составленной генераломъ Шубергомъ; слѣдующее продолженіе этой исторіи заимствовано ужъ изъ тѣхъ томовъ «Записокъ», которые изданы генераломъ Тучковымъ, начиная съ X-го тома.

Въ 1844 г. Высочайше повелѣно: 1) увеличить оклады содержанія офицеровъ и чиновъ Военно-топографическаго Депо; 2) Письмоводительное Отдѣленіе назвать Канцеляріей Депо; Астрономическое, какъ состоящее изъ одного астронома, не называть отдѣленіемъ; Архивъ тоже исключенъ изъ числа отдѣленій, такъ-что остались только отдѣленія 2, 4 и 5, превратившіяся въ *первое*, *второе* и *третье*, и 3) увеличить также оклады Школы Топографовъ, почему ноября 30-го 1844 г. были Высочайше учреждены новые штаты Депо и его Школы, послѣ которыхъ въ 1844 г. опредѣлены форма погоновъ и лягунокъ для топографовъ. Въ лягункѣ каждаго топографа должны находиться: 1) ручная бусоль съ зрительной трубой; 2) ручная мензула и при ней латунный масштабъ съ транспортиромъ; 3) ящикъ съ красками, кусокъ туши, блюдечко, двѣ кисти и отвертка для циркуля; 4) кожаный футляръ съ циркулемъ, рейсфедеромъ, перочиннымъ ножомъ, съ двумя карандашами, палочкой для кистей и кускомъ гумми-эластики; 5) два угольника и линейка деревянные, и 6) нѣсколько листовъ бумаги для мензулы. Въ 1845 г. дозволено ротѣ топографовъ, кромѣ 10 своекоштныхъ, имѣть еще 10 также своекоштныхъ топографовъ изъ вольноопредѣляющихся. Въ 9-й день іюля 1846 г. Высочайше утверждены новыя положенія о Гравёрномъ и Словорѣзномъ Отдѣленіяхъ С. петербургскаго Батальйона Кантонистовъ, и о граверахъ и словорѣзахъ Военно-топографическаго Депо.

Въ томъ же 1846 г., по ходатайству г. военного министра кн. Чернышева, купленъ домъ у Вольно-Экономическаго Общества, присоединено къ нему смежное зданіе, гдѣ помѣщался Гвардейскій Генеральный Штабъ, и въ эти дома переведены Военно-топографическое Депо и его архивъ. Кромѣ изящной внутренней и наружной архитектуры, великолѣпія входовъ и лѣстницъ, новое помѣщеніе Депо отличается всевозможными удобствами. Болѣе 45 т. нумеровъ драгоценныхъ матеріаловъ для военной исторіи, геодезій и топографіи Россіи и другихъ государствъ наполняютъ залы, расположенныя въ трехъ этажахъ и совершенно обезпеченныя отъ пожара сводами, плитными полами, желѣзными

дверьми и пневматическимъ отопленіемъ. Въ одной изъ залъ нижняго этажа помѣщены всѣ мѣдныя доски и собраніе оттисковъ всѣхъ картъ, плановъ, рисунковъ и другихъ предметовъ, изданныхъ при Военно-топографическомъ Депо. При архивѣ находится и запасное отдѣленіе для новыхъ богатствъ архива, всегда и безпрестанно прирастающаго; такъ съ 1836 по 1846 г. поступило въ него 35 т. листовъ разныхъ картъ, плановъ и эстамповъ, и до тысячи геодезическихъ и математическихъ инструментовъ. Архивъ управляется по собственнымъ правиламъ, въ которыхъ, между прочимъ (§ 13), сказано: «Безъ дозволенія военнаго министра, или генерал-квартирмейстера Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, никто не можетъ пользоваться матеріалами архива». Для свѣдѣнія петербургскихъ жителей, не бесполезно замѣтить, что часы, поставленные въ 1837-мъ году въ одномъ изъ оконъ Главнаго Штаба, повѣряются по наблюденіямъ на обсерваторіи; слѣдственно, они надежнѣе часовъ всѣхъ столичныхъ часовщиковъ.

Въ заключеніе этого быстрого историческаго обозрѣнія Школы и перемѣнъ Военно-топографическаго Депо, въ которомъ съ 1846 года не было никакихъ существенныхъ измѣненій, должно сказать, что Депо каждый годъ составляетъ отчеты о своихъ дѣйствіяхъ; изъ этихъ отчетовъ послѣдній, за 1850-й годъ, напечатанъ въ XIV-мъ томѣ «Записокъ». Каждый отчетъ раздѣляется на двѣ части: въ первой помѣщаются геодезическія, топографическія и астрономическія работы на съѣмкахъ; во второй — занятія отдѣленій. О первыхъ работахъ будемъ говорить съ подробностью въ продолженіе нашей статьи; о вторыхъ же, для показанія ихъ обширности, сдѣлаемъ примѣрную выписку изъ упомянутаго послѣдняго отчета.

«По 1-му Отдѣленію (Топографическому): 1) Военно-топографическая карта Россіи; масштабъ 3 версты на англійскій дюймъ. Работы производились въ этомъ году (1850) на 145 листахъ. 2) Топографическая карта Финляндіи на 42-хъ листахъ; масштабъ 5 верстъ въ дюймъ. Работы по этой картѣ производились на 13 листахъ. сверхъ того, продолжались копированіе картъ, исправленіе, иллюминированіе и другія подобныя работы.

«По 2-му Отдѣленію (Гравировальному). Продолжалось гравированіе: 1) военно-топографической карты Россіи на 155 доскахъ; 2) топографической карты Финляндіи на 42-хъ доскахъ; 3) новой маршрутной карты Россіи на 30-ти листахъ и на 28-ми доскахъ; 4) генеральной карты Оренбургскаго Края на 2-хъ листахъ; масштабъ 50 верстъ въ англійскомъ дюймѣ; 5) карты возвышеній Валдайскихъ Горъ и пунктовъ, ближайшихъ къ дерптскому меридіану на 2-хъ доскахъ; масштабъ 25-тъ верстъ въ англійскомъ дюймѣ; 6) карты возвышеній надъ поверхностью Чернаго Моря главныхъ пунктовъ, тригонометрически-измѣренныхъ въ Крыму и Закавказскомъ Краѣ, на 1-й доскѣ;

«масштабъ 25-ть верстъ въ англійскомъ дюймѣ; 7) форматъ на 2-хъ
«доскахъ, для опредѣленія рамокъ съѣмочныхъ планшетовъ, съ масш-
«бами для тригонометрическихъ пунктовъ. Сверхъ-того, по новымъ съ-
«дѣніямъ производилась корректура контура лѣсовъ, горъ, шатена водъ
«и другихъ предметовъ на картахъ прежнихъ годовъ. Всѣхъ гравир-
«вальныхъ работъ производилось на 215 доскахъ, изъ которыхъ 9-тъ
«кончены, 40 картъ исправлено, а остальные 207 продолжаютъ гравир-
«ровкой.

«*По литографіи.* 1) Военно-топографическая карта Восточной Бу-
«гаріи на 12 листахъ; масштабъ 2 версты въ англійскомъ дюймѣ, и
«2) военно-топографическая карта Восточной Румелии на 21-мъ листѣ;
«масштабъ 2 версты въ англійскомъ дюймѣ. Обѣ карты совершенно
«кончены и поднесены Государю Императору къ Пасхѣ. Вновь пред-
«принята карта окрестностей С. Петербурга для маневровъ (на 16 ли-
«стахъ); масштабъ 1 верста въ англійскомъ дюймѣ; карта эта будетъ
«отпечатана цвѣтами.

«*По печатной.* Отпечатано съ мѣдныхъ досокъ картъ, плановъ,
«атласовъ и проч. 15,241 листъ, бланковъ 36,339 лист., пробъ 1095
«листовъ. Отпечатано съ камней и цинковыхъ досокъ: картъ, плановъ
«и пробъ 10,412 листовъ, бланковъ 7,896 листовъ.

«*По Геодезическому Отдѣленію.* Производились геодезическія и
«астрономическія исчисленія окончательныхъ результатовъ. Составля-
«лись проекты и сметы для военно-топографическихъ съѣмокъ, хроно-
«метрической экспедиціи и тригонометрическихъ измѣреній. Съданы
«сѣти: 1) меридіановъ и параллельныхъ круговъ губерній: Москов-
«ской, Владимірской, Херсонской, Калужской и Тульской; 2) тригоно-
«метрическихъ пунктовъ губерній: Калужской, Тульской, Московской
«и части Херсонской. Приведены въ надлежащій порядокъ широты и
«долготы тригонометрическихъ точекъ: Калужской, Тульской и Рязан-
«ской Губерній. Составлены алфавитные списки тригонометрическихъ
«точекъ губерній: Калужской, Тульской, Рязанской, Ярославской и
«Владимірской. Конченъ и напечатанъ списокъ точекъ Россіи, кото-
«рыхъ опредѣлено географическое положеніе.

«*По Архиву.* Въ-теченіе года поступило вновь: 1) гравированныхъ
«картъ 3,162 листа; 2) мемуаровъ, книгъ и тетрадей 290. Въ числѣ
«картъ находится 1,057 планшетовъ, инструментальныхъ и глазоизмѣ-
«рныхъ съѣмокъ и 2,105 листовъ картъ Россіи и иностранныхъ госу-
«дарствъ.

«*По 3-му Отдѣленію (Механическому).* Вновь сдѣлано 220 ин-
«струментовъ и исправлено 409.

«*По Инструментальному Кабинету.* Къ 1-му ноября 1849 г.
«въ этомъ Кабинетѣ геодезическихъ и астрономическихъ инструментовъ
«находилось 5,027. Въ-теченіе года вновь поступило: 1) изъ Механи-

«ческаго Отдѣленія 224; 2) выписанныхъ изъ-за границы и купленныхъ «у вольныхъ мастеровъ 5.

«По Канцелярїи. Всѣ распоряженія директора и работы Депо сосредоточиваются въ его Канцелярїи, гдѣ производилась также цензура картъ и плановъ, издаваемыхъ частными лицами. Всего было входящихъ бумагъ 1804.

«По продажной Депо. Къ 1-му ноября 1849 года состояло .

картъ, плановъ и проч. ... 28,095 лѣст.

вновь поступило 10,496 »

38,591.

Продано и отпущено на казенное

употребленіе 8,984 лѣст.

геодезическихъ инструментовъ и

зрительныхъ трубъ 78 »

вновь поступило 62 »

140.

Продано 55.

II. Геодезическія и астрономическія работы.

Геодезическія и астрономическія работы такъ обширны и разнообразны, что нѣтъ никакой возможности заключить ихъ въ ограниченной журнальной статьѣ; по этой причинѣ предлагаемъ обзоръ только тѣхъ измѣреній, которыя производились подъ управленіемъ генераловъ: Шуберта, Теннера, Вронченко и полковника Ходзько, и которыя обнимаютъ обширныя пространства.

А) Измѣренія генерала Шуберта.

Работы по всякой тригонометрической съѣмкѣ состоятъ: 1) въ измѣреніи основанія; 2) въ измѣреніи угловъ треугольниковъ и ихъ вычисленія; 3) въ астрономическихъ наблюденіяхъ широтъ, долготъ и азимутовъ различныхъ точекъ всей тригонометрической сѣти, и въ вычисленія тѣхъ же самыхъ количествъ по правиламъ геодезіи, и наконецъ 4) въ вычисленія относительныхъ положеній всѣхъ точекъ, изъ которыхъ измѣрялись углы, или въ вычисленія ихъ координатъ. Измѣренія, произведенныя подъ управленіемъ генерала Шуберта, должно считать образцомъ, или *типомъ* всѣхъ прочихъ измѣреній и вычисленій, потому—что всѣ они совершенно—сходны между собою по употребляемымъ снарядамъ, по способу наблюденій и по формуламъ для вычисленій, и всѣ эти снаряды, способы наблюденій и формулы въ первый разъ были введены въ Россіи В. Я. Струве, при его градусномъ измѣреніи дерптскаго меридіана, такъ—что всѣ русскіе геодезисты при-

надлежать къ одной школѣ. По этой причинѣ, описавъ измѣренія генерала Шуберта, мы не будемъ ужъ имѣть надобности входить въ подробности о такихъ же работахъ въ другихъ мѣстахъ Россіи.

Тригонометрическая съѣмка генерала Шуберта обнимаетъ губерніи: Санктпетербургскую, Псковскую, Витебскую и часть Новгородской; она продолжалась двѣнадцать лѣтъ, отъ 1820 по 1832 годъ включительно, и относящіяся къ ней работы помѣщены въ I, II, IV, VI и VII частяхъ «Записокъ».

Изъ тригонометріи извѣстно, что, для опредѣленія всѣхъ угловъ и сторонъ треугольника, надобно знать три его части, между которыми должна быть извѣстна одна сторона; ее измѣряютъ непосредственно и называютъ *базисомъ*, или *основаніемъ* всей сѣти треугольниковъ предположенной тригонометрической съѣмки. Если въ треугольникѣ, имѣющемъ стороною это основаніе, будутъ измѣрены два прилежащіе къ нему угла, то не трудно вычислить и прочія двѣ стороны, которыя дѣлаются сторонами двухъ смежныхъ треугольниковъ; измѣривъ по два угла въ этихъ двухъ треугольникахъ, вычисляемъ ихъ стороны, и потому будемъ знать по сторонѣ въ каждомъ изъ новыхъ, примыкающихъ къ нимъ треугольниковъ, въ которыхъ опять слѣдуетъ измѣрить углы, и т. д. Такимъ-образомъ измѣряется и вычисляется вся сѣть съѣмки; но какъ при измѣреніи угловъ неизбѣжны погрѣшности, которыя на обширной сѣти могутъ столько накопиться, что вычисленная сѣть не будетъ въ-точности представлять относительное положеніе земныхъ предметовъ, принятыхъ за вершины ея треугольниковъ, то измѣряютъ другія *основанія*, называемыя *повѣрительными*, потому-что, вычисливъ ихъ, какъ стороны треугольниковъ, и найдя ихъ вычисленныя величины одинаковыми съ измѣренными, имѣемъ право заключить, что упомянутыя погрѣшности незначительны и сѣть вѣрно представляетъ относительное положеніе избранныхъ земныхъ предметовъ.

Генералъ Шубертъ, связавъ свою обширную сѣть съ четырьмя основаніями, изъ которыхъ первое находилось между Московскою Славянкою и Ижорою и служило общою стороною четыремъ большимъ треугольникамъ, составляемымъ изъ колоколни въ Колпинѣ, главнаго купола придворной церкви въ Царскомъ Селѣ, главнаго купола Софійскаго Собора и колоколни церкви въ Ѳедоровскомъ Посадѣ; второе — въ Новгородской Губерніи, близъ озера Ильменя, между деревнею Усполюнью и селомъ Коростыней, и соединялось также съ четырьмя треугольниками изъ колоколенъ въ селеніяхъ Погощи, Коростыни, Голино и Перекомскогъ Монастырѣ; третье—опять близъ С. Петербурга, на старой московской дорогѣ, потому-что признаки конечныхъ точекъ перваго основанія были уничтожены работами на московскомъ шоссе; наконецъ, четвертое, въ Витебской Губерніи, на границѣ Дриссенскаго и Людянскаго Уѣздовъ, близъ мѣстечка Освеи. Первое основаніе, содержащее болѣе осьми верстъ, было измѣрено въ 34 дня, начиная отъ 26 мая 1820 года,

поручикомъ Вольховскимъ, прапорщиками Дюгамелемъ и барономъ Корфомъ 1-мъ, и колонновожатымъ Ризенкамфомъ 2-мъ; второе, также въ 8 верстъ, было кончено въ 28 дней, отъ 22 мая 1824 года, поручикомъ Дюгамелемъ, прапорщикомъ барономъ Ливеномъ и топографами Воробьевыми 1-мъ и 2-мъ; измѣреніе третьяго основанія, содержавшаго болѣе десяти верстъ, продолжалось 28 дней, и на немъ работали подпоручикъ Дюгамель и прапорщикъ Воробьевъ 2-й; наконецъ, четвертое основаніе, болѣе десяти верстъ, было измѣрено въ 1831 году, также въ 28 дней поручиками Воробьевыми 1-мъ и 2-мъ.

Снарядъ для измѣреній основаній, или *снарядъ базисный*, состоитъ изъ четырехъ жезловъ, или изъ четырехъ желѣзныхъ цилиндровъ, длиною въ двѣ сажени, или въ 14 англійскихъ футовъ, а въ поперечникѣ въ 9 линий при температурѣ $+14^{\circ}$ Реомюра. Каждый жезлъ вложенъ въ брусъ, склеенный изъ кусковъ еловаго дерева, хорошо-высушенныхъ и густо покрытыхъ свѣтлострой масляной краской. На верхней сторонѣ бруса сдѣланы три отверстія: одно продолговатое и два круглыя; сквозь послѣднія, затыкаемые деревянными цилиндрами съ мѣдными бляхами, можно увѣриться въ сохраненіи жезломъ его прямолинейной формы при переносѣ съ мѣста на мѣсто; въ продолговатое же отверстіе, длиною въ 10 и шириною въ 2 дюйма, вкладывается термометръ, котораго шарикъ прикасается къ жезлу и чрезъ то показываетъ его температуру. При измѣреніи основанія, жезлы кладутся на чугунные треножки съ твердыми дубовыми штативами; оставаемые между жезлами промежутки вымѣриваются высовками, или *языками*, выдвигаемыми посредствомъ винтовъ дятого, чтобъ онѣ прикасались къ жезламъ безъ малѣйшаго удара. Высовки — серебряные масштабы, длиною въ 4 дюйма и раздѣленные на сотыя ихъ доли. Жезлы полагаются, приблизительно, параллельно направленію измѣряемой линіи; наклоненіе ихъ къ горизонту измѣряется дугами чугуннаго сектора съ мѣднымъ лимбомъ, прикрѣпляемаго къ поверхности бруса. Всѣ четыре жезла располагаются точно въ вертикальной плоскости, воображаемой чрезъ основаніе, и которой положеніе опредѣляется наблюденіями чрезъ мѣдные діоптры съ шелчинками и зрительною трубкою. Точки начала и конца ежедневныхъ измѣреній означаются чугунными клиньями, наверху которыхъ находятся стаканы съ водою; въ эти стаканы опускаются съ концовъ жезловъ цилиндрическіе отвѣсы на золотыхъ нитяхъ; отвѣсы, погружаемые въ воду, очень-скоро приходятъ въ спокойное состояніе.

На концахъ избраннаго основанія закладываютъ кирпичные фундаменты для пирамидъ; въ квадратныя поверхности этихъ фундаментовъ прочно вѣдываются также квадратныя чугунныя плиты съ пересѣкающимися выпуклыми діагоналями; въ точкахъ ихъ пересѣченій свинчиваются серебряные цилиндры, которыхъ центры обозначаются точками. Потомъ плиты закладываются кирпичами съ трехъ сторонъ, оставляя

пустоты надъ упомянутыми цилиндрами, чтобъ можно было видѣть опускаемые на ихъ центры отвѣсы. Первая пирамида, отъ которой начинается измѣреніе, складывается послѣ нѣсколькихъ дней работы, вторая же—послѣ совершеннаго ея окончанія.

Означивъ колыями вертикальную плоскость основанія, начинаютъ его измѣреніе посредствомъ всѣхъ четырехъ жезловъ, изъ которыхъ первый однимъ своимъ концомъ полагается на треножникъ, а другимъ на фундаментъ пирамиды, и съ того же конца опускается отвѣсъ надъ центромъ серебрянаго цилиндра. Уложивъ жезлы въ вертикальной плоскости, записываютъ дѣленія на соединяющихъ ихъ высовкахъ, ихъ наклоненія и температуры по термометрамъ, которыхъ показанія сѣбруютъ потомъ съ термометромъ нормальнымъ. Сумма дѣленій на высовкахъ, превращаемыхъ въ доли сажени, съ длинами жезловъ и съ толстотою золотой нити отвѣса составляетъ полную длину всѣхъ четырехъ жезловъ. По окончаніи дневной работы, конецъ послѣдняго жезла означается чугуннымъ клиномъ, вкапываемымъ въ землю подъ отвѣсомъ, спускаемымъ съ этого жезла.

По окончаніи измѣренія основанія жезлами, длина каждого изъ нихъ приводится къ температурѣ $+14^{\circ}$ Реомора и къ горизонтальной плоскости по весьма-простой формулѣ. Послѣ того все основаніе пролагается на поверхность океана, принимаемую за поверхность земли.

Вершины треугольниковъ, примыкающихъ къ основаніямъ, означаются или на зданіяхъ, если съ нихъ можно измѣрять углы, или на особенныхъ *сигналахъ*, которые суть помосты, утверждаемые между четырьмя вертикально-поставляемыми бревнами. Углы этихъ треугольниковъ измѣрялись сперва теодолитами, сдѣланными въ механическомъ заведеніи Военно-топографическаго Депо; но какъ они оказались ненадежными, то выписаны теодолиты изъ Мюнхена, отъ Эртеля, и ими переизмѣрялись углы всей сѣти. Этими работами, начиная съ 1821 по 1832 годъ, занимались капитанъ Раковский, прапорщикъ Дюгамель, Ризенкампъ 2-ой, Скалонъ 3-ій, баронъ Ливенъ, Воробьевъ 2-ой, Максимовъ, Ивановъ 3-й, Злобинъ и подпоручикъ Павловъ. Хотя наблюдатели были разные, однако одинаковое достоинство снарядовъ и одни и тѣ же способы наблюденій сообщали имъ совершенное тожество.

Треугольники сѣти раздѣляются на три разряда. Въ треугольникамъ *перваго разряда*, означаемыхъ въ журналѣ измѣреній буквою А и составляющихъ основу сѣти, измѣрялись всѣ три угла съ тридцатикратнымъ повтореніемъ. Треугольники *втораго разряда*, означаемые буквою В, служатъ повѣркою предъидущихъ и дополненіемъ сѣти; въ нихъ каждый уголъ измѣрялся также отдѣльно, только съ меньшимъ числомъ повтореній. Посредствомъ треугольниковъ *третьяго разряда* опредѣляются положенія какихъ-нибудь замѣчательныхъ предметовъ, и какъ они не входятъ въ составъ сѣти, то въ нихъ измѣряютъ только по два угла. Въ треугольникахъ перваго и втораго разряда, *нѣтъ* нѣтъ

весьма-большія стороны (болѣе 20 верстъ), находимы были такъ-называемые *сферическіе излишки*, чрезъ которые треугольники превращаются въ прямолинейные, и стороны ихъ вычисляются ужъ по правиламъ прямолинейной тригонометріи. Взаимная связь треугольниковъ позволяла ихъ вычислять по разнымъ *даннымъ*, и чрезъ то повѣрять какъ величины угловъ, такъ и самыя вычисления. Вѣроятныя погрѣшности каждаго угла оказались немного-болѣе *одной секунды*. Такая необыкновенная точность оправдывается сравненіемъ величинъ основаній, опредѣленныхъ вычислениями, съ ихъ величинами, непосредственно-измѣренными: въ трехъ повѣрительныхъ основаніяхъ разности простирались только до $\frac{1}{678125}$, $\frac{1}{9961}$ и $\frac{1}{89633}$ долей ихъ длины.

Для опредѣленія мѣста на земной поверхности измѣренной и вычисленной тригонометрической сѣти, надобно знать географическую широту, по-крайней-мѣрѣ, вершины одного треугольника и *азимутъ* одной его стороны, то-есть уголъ, который составляетъ она съ меридіаномъ, проводимымъ чрезъ упомянутую вершину; но какъ отъ ошибокъ, неизбежныхъ при измѣреніи угловъ, можетъ измѣниться положеніе сѣти, то широты и азимуты опредѣляются наблюденіями во многихъ ея точкахъ, чрезъ что представляется возможность дѣлать повѣрки и исправлять погрѣшности. Всѣ такія астрономическія наблюденія въ измѣреніяхъ ген. Шуберта производилъ поручикъ (нынѣ подполковникъ) Леммъ, употребляя столовый хронометръ Луи-Берту, и 8 и 12-ти дюймовые теодолиты Эртеля, барометръ и термометръ Дерптскаго Университета механика Брюккера. Мѣста наблюденій были выбраны въ Санктпетербургѣ, на островѣ Голландѣ, въ Псковѣ, Новгородѣ, Тарасовѣ, на Поклонной Горѣ, близъ Полоцка, въ Телятниковѣ и Званахъ. Наблюденія широты въ Санктпетербургѣ, какъ главной точки всей сѣти генерала Шуберта, были производимы сперва (въ 1828 г.) на обсерваторіи Главнаго Штаба, а потомъ (въ 1832 г.) внѣ города, во временной обсерваторіи, построенной на возвышеніи между Лѣснымъ Институтомъ и Выборгской дорогой. Последний рядъ наблюденій принятъ рѣшительнымъ предпочтительно предъ первымъ, потому-что недовольно-твердое основаніе обсерваторіи Главнаго Штаба заставило подозрѣвать, что употребляемый въ ней снарядъ не могъ оставаться совершенно-неподвижнымъ. Во временной обсерваторіи съ 4 іюня по 1 іюля было сдѣлано 167 опредѣленій широты эртелевымъ вертикальнымъ кругомъ № 41, и съ 16 іюля по 7 августа — 124 опредѣленія такимъ же кругомъ № 44; необыкновенная точность этихъ опредѣленій доказана строго-критическимъ ихъ разсмотрѣніемъ по теоріи вѣроятностей, и результаты ихъ состоятъ въ слѣдующемъ:

	<i>Широта.</i>	<i>Долг. отъ Паризжа.</i>
Временная обсерваторія.....	59° 59' 41", 220	28° 1' 18", 799
Обсерваторія Академіи Наукъ	59 56 30, 006	27 59 30, 000

— Генеральнаго Штаба	59	56	15,	825	28	0	11,	062
— Пулковская.....	59	46	18,	975	28	0	47,	936

Долгота обсерваторіи Генеральнаго Штаба определена наблюдением надъ прохожденіемъ луны чрезъ меридіанъ, производимыми съ 1829 до 1835 года.

Наблюдения азимуты, какъ самыя труднѣйшія во всѣхъ геодезическихъ работахъ, производились двумя обратными рядами: съ обсерваторіи Академіи Наукъ на дудергофскую вышку въ 1825 г. и обратно съ нея на обсерваторію въ 1830 г.; получены два результата, изъ которыхъ разность простиралась только до $8''{,}25$.

Эти подробности приложены здѣсь для показанія чрезвычайной точности наблюдений; а какъ въ другихъ упомянутыхъ мѣстахъ соблюдалась такая же строгость наблюдений и тѣмъ же самымъ астрономомъ, то не считаемъ нужнымъ говорить о нихъ: читатели могутъ сами въ томъ увѣриться, заглянувъ въ IV томъ «Записокъ».

Последняя работа въ геодезической съѣмкѣ состоитъ въ *исчисленіи координатъ*, то-есть въ определеніи абсолютнаго положенія различныхъ ея точекъ на земной поверхности, потому-что относительныя ихъ положенія опредѣляются углами и сторонами самой сѣти треугольниковъ. Эту последнюю задачу въ первый разъ разрѣшилъ Кассини, при составленіи геометрической карты Франціи. Изъ всѣхъ точекъ геодезической съѣмки одна принимается за главную и чрезъ нея проводится полуденная линія, то-есть пересѣченіе меридіана съ земною поверхностью, и къ ней чрезъ ту же точку линія перпендикулярная, то-есть, пересѣченіе съ поверхностью земли той плоскости, которую воображаютъ чрезъ зенитъ перпендикулярно къ меридіану, и которую въ астрономіи называютъ *первою вертикальною плоскостью*. Потомъ въ прочихъ точкахъ сѣти воображаютъ дуги большихъ круговъ, перпендикулярныхъ къ линіи полуденной и къ линіи перпендикулярной: эти-то дуги — *координаты* сѣти опредѣляютъ абсолютное положеніе каждой ея точки. Для вычисленія этихъ координатъ съ удовлетворительною строгостью въ первый разъ составлены формулы Пюссаномъ; но генералъ Шубертъ исправилъ ихъ и сообщилъ имъ большую строгость, принявъ во вниманіе обширность своей сѣти, покрывающей четыре русскія губерніи и фигуру земли, какъ эллипсоида вращенія. Формулы его, помѣщенные въ VII части «Записокъ», должно считать прекраснымъ рѣшеніемъ одной изъ труднѣйшихъ задачъ геодезіи. Генералъ Шубертъ по весьма-основательнымъ причинамъ не принялъ способа Бесселя, который вычислялъ кратчайшее разстояніе каждой точки сѣти отъ центральной, или отъ определенной астрономически вмѣстѣ съ направленіемъ этого разстоянія, или его азимута. Этому способу не слѣдовалъ и прусскій генералъ баронъ Мюфлингъ при геодезическихъ работахъ Прусскаго Генеральнаго Штаба: избравъ точку, въ-точности опредѣляемую астрономически, баронъ Мюфлингъ вычислялъ долготы и шир-

ты вершинъ перваго отъ нея начинающагося треугольника; отъ нихъ переходить къ вершинамъ другаго треугольника, и т. д. Очевидно, что такимъ-образомъ черченіе геодезическихъ картъ подводится подъ черченіе картъ географическихъ и приблизительныя формулы вычисленія координатъ замѣняются формулами совершенно-строгими и весьма-простыми. Причины, по которымъ генералъ Шубертъ предпочелъ способъ Кассини способу барона Мюллинга, мы не считаемъ совершенно-убѣдительными, и потому было бы весьма-любопытно и полезно передѣлать вычисленія генерала Шуберта. Впрочемъ, великій трудъ конченъ съ полнымъ успѣхомъ и подробное изложеніе съѣмки губерній Санкт-петербургской, Псковской, Витебской и части Новгородской, въ учебномъ отношеніи — самый лучший практическій курсъ геодезін.

В. Измѣренія генерала Теннера.

Геодезическія и астрономическія работы генерала Теннера начались съ 1816 года и въ продолженіе восемнадцати лѣтъ обняли губерніи: Виленскую, Курляндскую, Гродненскую и Минскую. Полное ихъ изложеніе помѣщено въ VIII, IX и X частяхъ «Записокъ». Въ немъ заключается обзорное мѣстоположеніе губерній, утвержденные проекты тригонометрическихъ съѣмокъ, имена трудившихся офицеровъ Генеральнаго Штаба и Корпуса Топографовъ, употребляемые геодезическіе и астрономическіе снаряды и журналы самыхъ работъ.

Въ началѣ обширныхъ своихъ занятій, генералъ Теннеръ встрѣчалъ много препятствій какъ въ расположеніи мѣстности, по-большой-части низменной и покрытой лѣсами, что заставляло его строить сигналы по 20 сажень высотыю, такъ и въ несовершенствѣ присланныхъ къ нему снарядовъ, особенно базиснаго прибора. Несмотря на то, генералъ Теннеръ не только кончилъ свой трудъ съ полнымъ успѣхомъ, но еще присоединилъ къ нему измѣреніе градусовъ меридіана, какъ продолженіе меридіана дерптскаго. Обширность этого труда видна изъ того, что генералъ Теннеръ измѣрилъ 1) четыре основанія, изъ которыхъ одно на льду озера Дрисвята; 2) опредѣлилъ высоты надъ уровнемъ моря 227 мѣстъ, причемъ сдѣлано было много наблюденій надъ *земнымъ преломленіемъ свѣта*; 3) опредѣлялъ и вычислялъ широты и долготы 1418 мѣстъ, и 4) геодезическую съѣтку треугольниковъ соединилъ съ одной стороны съ градуснымъ измѣреніемъ В. Я. Струве, а съ другой, съ геодезическою съѣткою прусскою, такъ-что къ измѣренію В. Я. Струве прибавлена дуга, заключающаяся между Бѣлиномъ и Бриетеномъ въ $4^{\circ} 32' 11''$, и русскія геодезическія работы, соединившись съ прусскими, вошли въ составъ такихъ же работъ европейскихкихъ.

Кончивъ градусное измѣреніе, генералъ Теннеръ просилъ Бесселя вычислить изъ него сжатіе и разиѣры земли. Бессель, на основаніи всѣхъ тогда извѣстныхъ геодезическихъ измѣреній, нашелъ, что

длина среднего градуса = 57044,4667 туазовъ
 сжатіе земли.... = $\frac{1}{302}$,
 большая полуось = 3271922,099 туаз.
 меньшая = 3261106,276 —

Но эти числа должны измѣниться, потому-что градусное измѣреніе французское весьма-сомнительно, и астрономы должны скоро убѣдиться, что, для рѣшенія этой задачи, можно употреблять только меридіаны нидѣйскій и русскій и наблюденія надъ маятникомъ.

Въ обширныхъ работахъ генерала Теннера участвовали: штабс-капитанъ Мессингъ, прапорщики Гецель, Врангель, Занденъ, Бирдикъ, Михайловъ, Ходзько, Каменскій, Комелевъ, Нестеровъ, Чижовъ, Герасимовъ, Коровниковъ, Григорьевъ; поручики: Тюфяевъ, Войничъ-Саможенцкій, Козьминъ, и астрономы виленской обсерваторіи.

Въ XI-й части «Записокъ» находится краткое описаніе геодезической съѣмки Царства Польскаго, производимой также подъ вѣдѣніемъ генерала Теннера въ 1846 году, при содѣйствіи полковника Гецеля, капитана Иванова, штабс-капитана Злобина; поручиковъ: Наперсникомъ и Маслова, и прапорщиковъ: Бубнова, Юденича, Тензина, Егорова 4-го, Ядрова и Бѣлинскаго. Эта съѣмка опирается на основаніе, измѣренное близъ Варшавы; одна часть ея треугольниковъ направлена вверхъ по Вислѣ до Замостья и соединяется съ другимъ основаніемъ при Тарно-Градѣ и съ первоклассными треугольниками австрійскими; другая часть идетъ внизъ по Вислѣ до прусской границы близъ Торна; наконецъ, третья часть назначена для продолженія первоклассной сѣти отъ Пулавы до Кракова. Точность всѣхъ этихъ измѣреній обнаружилась сравненіемъ величинъ варшавскаго основанія, одной вычисленной, а другой непосредственно измѣренной: первая = 2710,5531 саж., вторая = 2710,5448, то-есть разность между ними = $\frac{7}{10}$ долямъ дюйма.

Въ томъ же году генералъ Теннеръ завѣдывалъ полевыми геодезическими работами въ губерніи Кіевской и въ Бессарабіи, изъ которыхъ бессарабскія служатъ продолженіемъ русскаго меридіана и производились подполковникомъ барономъ Искюлемъ фон-Гильдебандомъ, поручикомъ Ротштейномъ, прапорщиками Мухаренко и Шульгинимъ, четырьмя топографами и второю половиною военно-рабочей № 26 роты инженернаго вѣдомства.

Наконецъ въ XII части «Записокъ» помѣщено подробное описаніе тригонометрической съѣмки губерній Вольнской и Подольской, произведенной также подъ начальствомъ генерала Теннера. Оно состоитъ изъ двухъ отдѣленій: въ первомъ содержится исторія триангуляціи съ 1836 по 1841 г., описаніе геодезическихъ и астрономическихъ инструментовъ, вычисленіе длины староконстантиновскаго основанія, вычисленіе первоклассныхъ треугольниковъ, вычисленіе высотъ тригонометрическихъ точекъ надъ Балтійскимъ Моремъ, вычисленія хода часовъ, географическія широты и долготы вершинъ первоклассныхъ треугольниковъ и

вычисленіе координатъ; во второмъ же — измѣреніе повѣрительнаго основанія близъ Староконстантинова, измѣреніе угловъ, астрономическія наблюденія въ Кременцѣ, Погорѣлой, Супруновцахъ и Балтѣ.

С. Труды генерала Вронченко.

Отъ 1828 до 1832 г., генералъ (тогда еще поручикъ) Вронченко одинъ успѣлъ опредѣлить географическое положеніе пяти мѣстъ въ Молдавіи, *одинадцати* въ Валахіи, *шестнадцати* въ Булгаріи, *четырнадцати* въ Румліи и *одного* въ Сербіи, употребляя для широтъ астрономическій теодолитъ, для долготъ же — сравненіе хронометровъ, пороховые сигналы, прохожденіе луны чрезъ меридіанъ и закрытіе звѣздъ. Въѣздъ съ тѣмъ онъ занимался наблюденіями надъ склоненіемъ магнитной стрѣлки.

Въ 1834 и 1835 г. г. Вронченко, уже въ чинѣ полковника, слѣлалъ астрономическое путешествіе по Анатоліи и составилъ полное и превосходное описаніе этой малозвѣстной страны. Оно помѣщено въ III и V частяхъ «Записокъ».

Первая часть этого описанія, кромѣ «Предисловія» содержитъ въ себѣ четыре отдѣленія: 1) Мѣстность, 2) Произведенія края, 3) Горы и мѣстечки, и 4) Гражданское устройство. Во второй части три отдѣленія: 1) Области, города и мѣстечки, 2) Взаимныя отношенія и бытъ малоазійцевъ, и 3) Земледѣліе, промышленность и торговля.

Характеръ своего превосходнаго и, къ-сожалѣнію, малозвѣстнаго труда г. Вронченко означаетъ въ «Предисловіи» съ математическою точностью. Онъ пишетъ:

«При составленіи *Обозрѣнія Малой Азіи въ нынѣшнемъ ея состояніи* приняты были слѣдующія правила: 1) Руководствоваться «только свѣдѣніями, которыя могъ приобрести путешественникъ лично или разспросами, не занимая ничего изъ книгъ, писанныхъ о Малой Азіи, ни древнихъ, ни новыхъ; разспросы же повѣрять, сколько возможно, одинъ другимъ. 2) На наружный видъ земли — горы, равнины и воды, и также на произведенія края, какого бы рода они ни были, «смотреть только въ отношеніи географическомъ и статистическомъ, не входя ни въ какія сужденія по части физики и естественной исторіи. 3) О народахъ, населяющихъ Малую Азію, ихъ жилищахъ, домашнемъ бытѣ, взаимныхъ отношеніяхъ, занятіяхъ и торговлѣ, а также и объ управленіи говорить единственно то, что существуетъ въ настоящемъ времени; такимъ-образомъ, объ остаткахъ древнихъ зданій упоминается только при случаѣ; въ мѣстахъ очень немногихъ. Археологическихъ и историческихъ изслѣдованій не помѣщается въ *Обозрѣніи* вовсе, не излагается также и государственныхъ законовъ, кромѣ «нѣкоторыхъ основныхъ, необходимыхъ для поясненія фактовъ».

Кажется, авторъ для своей картины назначилъ тѣсныя рамки; но примите трудъ посмотрѣть на нее, и вы удивитесь разнообразію ея лю-

большаго значенія предметовъ. Отдѣленіе «Мѣстность» — полная эмпирическая географія Анатолиі, начинающаяся «общимъ взглядомъ», за которымъ слѣдуютъ подробности не комбинированныя, какъ у большинства географовъ, но наблюдаемыя самовидцемъ. Въ этихъ подробностяхъ описаны горы, большія равнины, рѣки, впадающія въ Черное Море, въ Мраморное, въ Архипелагъ и Средиземное Море, озера, непиткіи вліянія стояка, минеральныя воды, морскіе берега, свинцово-серебряныя рудники, соль земляная, озерная и приморская, селитра, квасцы, мраморъ, гѣнка, лѣса и другія растенія, домашнія и дикія животныя, птицы и насекомыя, климатъ и его дѣйствіе на здоровье жителей. Относительно климата, всю Малую Азію авторъ раздѣляетъ на четыре части: *южный берегъ, западный берегъ, северный берегъ и средняя высокая полоса*. Равнины, прилежащія къ Средиземному Морю, составляютъ самую жаркую часть полуострова. Здѣсь зимы весьма-невысокія деревья терпятъ жестка, много которыхъ тотчасъ выростаютъ дома; шубы не переводятся, особенно въ мѣстахъ, закрытыхъ отъ сѣвера и обращенныхъ къ полудню; конецъ февраля и мартъ составляютъ весну; температура въ донныя дни доходитъ до 20°, и рѣдко бываетъ ниже 10 Р. Въ апрѣлѣ, въ 8 часовъ утра, термометръ показываетъ 20° въ тѣни, и въ 3-мъ часу полудни жаръ возрастаетъ до 30° также въ тѣни, на солнцѣ же — до 40° и 45°. Съ долины и прибрежныхъ долинъ жители удаляются въ горы, во избѣжаніе желчныхъ и перемежающихся лихорадокъ, къ которымъ въ нынѣшнихъ мѣстахъ присоединяется глазная болѣзнь, происходящая отъ обычной сытой дѣтской ножи открытымъ небомъ. Въ ноябрѣ посѣваетъ вторая жатва, срѣзаетъ ананасы и лимоны; гранаты же и сладкіе стручки, известные въ Россіи подъ именемъ *асираханскихъ*, и фиги срѣзываютъ въ сентябрѣ. Зима продолжается громами и дождями. Климатъ западнаго берега считается наилучшимъ во всей Малой Азіи. Съ апрѣла начинается лѣто, и домашнія животныя пользуются надѣли три водопитіемъ кормомъ. Въ июлѣ трава высыхаетъ; нивы орошаются искусственно; свинныя псыны, июль и августъ, въ которые термометръ восходитъ до 25° въ тѣни, преклоняется морскимъ вѣтромъ *имбатомъ*; ананасы срѣзаетъ въ декабрѣ, но всегда и водѣ невкусныя. На сѣверномъ берегу бываетъ снѣгъ и въ январѣ морозы достигаютъ 10 и 12°; природа мертвѣетъ, какъ на Сѣверѣ. Такая суровая зима продолжается иногда до конца февраля, и деревья безъ вѣтвей стоятъ до конца марта и даже. Лѣтніе жары начинаются въ маѣ. Въ средней высокой полосѣ, простирающейся къ западу отъ Токата до Олимпта, зима начинается съ половины ноября съ морозами днемъ до 2 и 5°, а ночью отъ 5 до 10°; снѣгъ ложится толстыми слоями около трехъ мѣсяцевъ; нѣкоторые рѣки замерзаютъ во всю свою ширину; лѣто начинается съ конца мая безъ дождей и тумановъ.

Въ «ходѣ общественныхъ дѣлъ» описаны налоги, судопроизводство,

полиціи, почты и сословія людей частныхъ, раздѣляющихся на владѣльцевъ земель, духовенство, купечество, ремесленниковъ, земледѣльцевъ, слугъ и невольниковъ. Нынѣ весьма-любопытно прочитати свѣдѣнія о налогахъ. «Трудно (взвѣсивъ г. Вроченко) исчислѣти всѣ налоги съ разныхъ сословій; хотя каждый изъ нихъ отдѣльно не великъ, но въ сложности они составятъ изрядную сумму, которая была бы неотъгугительна, еслѣбъ къ ней не дѣлалось множества прибавокъ, называемыхъ одновременными, но новаторящихся безпрестанно, даже болѣе одного раза въ годъ. Съ такого-то дома означено въ годъ 400 «шастровъ, а этотъ домъ платитъ ежегодно до трехъ тысячъ. Правитель знаетъ, сколько получено налоговъ съ города, или округа, въ предъидущемъ году, и, смотря по обстоятельствамъ, онъ прибавляетъ къ тому сотню-другую тысячъ шастровъ; онъ знаетъ также, въ какой соразмѣрности разлагалась вся сумма на разные сословія, и при-держивается прежней пропорціи въ главномъ, измѣняя ее въ подробностяхъ. Напримеръ: въ такомъ-то городѣ банмачники платили въ прошломъ году 20 тысячъ, а въ нынѣшнемъ могутъ заплатить 22 тысячи, хотя по закону должны были бы заплатить только 8 тысячъ. Потомъ старшины сословія или цеха, разлагаютъ на членовъ его не 22, а 26 тысячъ, потому-что надобно же жить всякому своимъ трудомъ. Притомъ говорятъ: мусульманъ-сапожниковъ тридцать, а христіанъ двадцать; мусульмане заплатятъ тридцать, а христіане также тридцать, потому-что христіане богаче мусульманъ. Тутъ пойдутъ уплаты и займы у банкира, и проценты, и тюремное за долги заключеніе, а между-тѣмъ правитель объявляетъ старшинамъ, что съ него требуютъ присылки въ столицу экстренной суммы, или лошадей, свота, и пр., за что по расчету, съ банмачниковъ надобно взыскать 4 тысячи шастровъ. Раздѣлъ пойдетъ опять, и хорошо, если банмачники отдадутся 40 тысячами!

«Поголовная подать (харачъ), платимая всѣми взрослыми (слыше се-снн лѣтъ) иновѣрцами-мужчинами, тягостна для нихъ, не какъ большой налогъ, но какъ налогъ постыдный, какъ плата за позволеніе носить на плечахъ голову въ теченіе года. По нынѣшнему установленію (при султанѣ Махмудѣ), харачъ составляетъ 60, 40 и 20 шастровъ съ головы иновѣрца, смотря по его состоянію. И такъ, самый большой харачъ, съ прибавками къ нему бакшиша сборщикамъ, не составляетъ суммы значительной въ сравненіи съ тѣмъ, что семейство платитъ подъ разными другими предлогами.

«Въ разныхъ областяхъ сумма налоговъ соразмѣрна съ доходами частныхъ лицъ, съ цѣнностью произведеній, вырабатываемыхъ производительнымъ сословіемъ. Но это зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ: отъ личности правителя и его отношеній къ лицамъ государственнымъ; отъ большаго или меньшаго покровительства, которымъ пользуются общины и ихъ старшины у константиновольскихъ вельможъ и банкировъ;

«отъ личности банкировъ частныхъ и ихъ сношеній съ правительствомъ; наконецъ, отъ характера народа, болѣе или менѣе послушнаго. Говоря вообще, въ Малой Азій рабочій классъ платитъ въ немногихъ мѣстахъ 40, въ очень-многихъ 60, и въ нѣкоторыхъ даже до 70 процентовъ съ того, что онъ выработываетъ и что ему доставляетъ земля. Только необычайная ограниченность нуждъ и привычка къ суровой жизни могутъ сдѣлать возможнымъ перенесеніе такихъ налоговъ; но не на долгое время, пока не истощатся старые запасы.»

О судопроизводствѣ и полиціи говорить нечего: все зависитъ отъ количества взятокъ, которыя можно сорвать съ подсудимаго. Прежде за подлогъ въ добротѣ товара и за обвѣсъ приколачивали торговца гюдемомъ за ухо къ дверямъ лавки; нынѣ заставляютъ его расцѣпляться. «Многіе правители оставляютъ долго безъ вниманія доносы на подлогъ товаровъ, и потомъ принимаются за виновнаго разомъ. Въ Айдапѣ на откупѣ право жечь и толочь кофеи; всѣ содержатели кофеенъ обязаны покупать у монополиста, богатаго армянина кофеи уже въ порошокѣ. Паша, однажды, призвалъ армянина и сказалъ ему: ты мошенникъ, ты въ кофеи мѣшалъ четвертую часть жженого ячменю; у тебя продажа въ рукахъ ужъ около пяти лѣтъ; ежегодно ты продаешь кофею столько-то, слѣдовательно крадешь столько-то: всего же ты укралъ 80 тысячъ піастровъ, которые ты мнѣ и заплатишь сего дня — ступай! Армянинъ поцаловалъ у паша полу платья, вышелъ, и чрезъ два часа принесъ пашѣ 80 тысячъ піастровъ. Послѣ того, началъ онъ примѣшивать въ кофеи еще болѣе ячменю, нежели прежде.»

Не имѣя ни права, ни мѣста для большихъ выписокъ, хотя мы могли бы собрать много весьма-любопытнаго изъ описанія древнихъ и новыхъ городовъ, какъ, напримѣръ, Конія, Кесарей, Бруссы, Смирны, Никомидіи, Синопа, ограничиваемся только извлеченіемъ изъ описанія домашней жизни турокъ и состоянія грековъ:

«Вотъ, напримѣръ, хозяйство человѣка знатнаго, владѣльца земли, получающаго значительные доходы. Хозяинъ среднихъ лѣтъ и не отличается никакой особенностью. Домъ просторенъ; къ задней части его, къ женскимъ комнатамъ, примыкаетъ садъ, обнесенный высокою стѣною. У хозяина двѣ жены; одна — дочь стариннаго пріятели его отца; другая — бывшая жена зажиточнаго купца. У первой жены двое дѣтей — дочь одиннадцати лѣтъ, и сынъ пятилѣтній; у второй еще нѣтъ дѣтей. Каждая жена живетъ въ особомъ отдѣленіи дома. При первой женѣ живетъ старушка, мать хозяина, которая очень любитъ свою невѣстку; при второй живетъ ея мать. Невольницъ въ первомъ гаремѣ четыре черныхъ и одна бѣлая, очень-молодая и хорошенькая; новая жена смотритъ на нее не очень благосклонно. Въ мужской части дома живетъ въ однихъ комнатахъ съ хозяиномъ братъ его, лѣтъ шестнадцати. Хозяинъ встаетъ съ восхожденіемъ солнца, выходитъ изъ гарема одѣтый, принимаетъ ожидающихъ уже его людей: изъ чте-

« лица его пришелъ пѣшеходъ съ извѣстіемъ о всемъ, что тамъ дѣ-
« лается; поселенный невольникъ принесъ жалобу на сосѣда, попортив-
« шаго каналъ для орошенія поля; садовникъ принесъ плодовъ. Немно-
« го позже явился христіанскій старшина съ предложеніемъ о покупкѣ
« у него сезама и пшеницы. Старшину принимаетъ хозяинъ, сидя на
« софѣ; другіе стоятъ у дверей, а старшина приглашается сѣсть на
« ковромъ покрытомъ полу, немного поодаль отъ хозяина; ему подають
« кофей, но не трубку, хотя онъ не одинъ уже годъ добивается этой
« чести. Утро проходитъ въ принятіи посѣщеній. Предметомъ разгово-
« ровъ между гостемъ и хозяиномъ бывають дѣла экономическія, отно-
« шенія разныхъ лицъ, новыя требованія налоговъ, продѣлки правите-
« лей, преобразованія, милиція, надежды на полученіе должности. О се-
« мейныхъ дѣлахъ говорится рѣдко, и то только между короткими при-
« теями. Настаетъ полдень, время завтрака.

« Въ гаремѣ утро прошло еще спокойно. Первая жена хозяина сна-
« ла въ одной комнатѣ съ его матерью и своими дѣтьми. Съ восходомъ
« солнца всѣ встали; невольницы прибрали тюфяки и одѣяла съ полу,
« уложили въ стѣнной шкафъ, подушки разиѣстали по софамъ у стѣнъ.
« Умылись, помолились, выпили по чашкѣ кофейю, мать выкурила двѣ
« трубки, пошла одѣваться. Жена сурмить свои брови и рѣсницы, за-
« плетааетъ свои и подвязываетъ подложныя косы, красить ногти, при-
« крѣпляетъ къ вискамъ нитку золотыхъ монетъ, надѣваетъ коралловое
« ожерелье; шелковые шальвары ея розоваго цвѣта, кофточка шалева,
« рубашка сырцовая, прозрачная какъ паутина, съ длиннымъ разрѣзомъ
« на груди; голову убираетъ она шелковымъ платочкомъ съ вязаной
« бахромой; на пальцы надѣваетъ кольца, къ ушамъ привѣшиваетъ серьги.

« Вторая жена, простившись съ хозяиномъ — онъ ночевалъ въ ея
« комнатѣ — одѣвается еще шеголеватѣе первой, при помощи невольни-
« цы и матери своей, которая ухаживаетъ за ней очень-старательно,
« журить ее за нерадѣніе о нарядахъ, совѣтуетъ ей быть лукавѣе съ
« мужемъ; досадуетъ, что дочь еще не беременна — ей хочется имѣть
« внука, сына челоуѣка знатнаго, котораго сынъ отъ первой жены мо-
« жетъ умереть, и внукъ сдѣлаться единственнымъ наслѣдникомъ от-
« цовскаго имѣнья. До завтрака хозяйка успѣла побывать въ саду, при-
« казавъ напередъ выйдти оттуда двумъ работникамъ; третій, старикъ,
« оставленъ въ покоѣ; онъ съ розою на истасканной чалмѣ, босой и
« запачканный, чиститъ что-то около ираморнаго бассейна. Мать хозяй-
« ки женщина набожная; она молится три раза въ день и столько же
« разъ дѣлаетъ омовенія. Въ чемъ состоятъ омовенія, неизвѣстно: она
« беретъ кувшинчикъ съ водою, выходитъ куда-то и, возвратившись чрезъ
« пять минутъ, начинаетъ молитву.

« Обыкновенное время обѣда — захожденіе солнца, лѣтомъ; сумерки
« весною и осенью; зимою совершенное наступленіе ночи. Вотъ обѣдъ:
« на табуретѣ ставятъ родъ мѣднаго бѣленаго круглаго подноса съ ар-

«винъ въ поперечникѣ; вокругъ его кайма изъ ломтей съжжого пше-
«ничнаго хлѣба, домашняго печенія; на подносѣ соль и перецъ въ за-
«лоченыхъ чашечкахъ; ложки изъ кокосоваго орѣха съ рукоятками изъ
«слоновой кости и коралловъ. Недалеко отъ блюда стоитъ на та-
«сбуретѣ серебряная курильница, въ которой жжется что-то издающее
«тяжелый и не очень пріятный запахъ. Обѣдающіе садятся вокругъ та-
«сбурета, поджавъ ноги, на разостланной по ковру тонкой холстинѣ.
«Невольницы покрываютъ грудь каждой особы салфеткой и на колѣни
«кладутъ другую салфетку для утиранія пальцевъ. Каждый, сидя, умы-
«ваетъ руки и вытираетъ особою третьею салфеткою. Куманье, въ ма-
«ленькихъ металлическихъ или фаянсовыхъ блюдахъ съ крышками, ве-
«зерь передаетъ у двери гарема невольницамъ. Хозяинъ беретъ изъ
«блюда первый, пальцами, если то мясо, ложкою, если жидкость или
«пилавъ. Въ знакъ благорасположенія, хозяинъ подаетъ кусокъ мяса
«матери, женѣ; дочери онъ хочетъ показать любовь свою еще силь-
«нѣе — мнетъ пальцами правой руки на ладони лѣвой щечотку пилаву,
«скатываетъ изъ нея шарикъ и кладетъ въ ротъ дѣвучкѣ, которая при-
«нимаетъ этотъ знакъ нѣжности съ почтительнымъ приматіемъ къ гру-
«ди обѣихъ рукъ. Всѣхъ блюдъ наберется десятка два и болѣе: въ де-
«сяти видахъ жареная и вареная баранина, каймакъ, похлобка жлема
«я сладкая, обѣ предъ концемъ обѣда, два пилава, одинъ съ начинка,
«другой въ концѣ. Нѣкоторыя блюда заѣдаютъ лежащими на столѣ въ
«красочныхъ тарелочкахъ икрой, пастромой (вяленой говядиной), ду-
«сия или тремя родами сыра; на закуску плоды. Обѣдъ длится минутъ
«двадцать или полчаса; потомъ каждый умываетъ руки и ротъ, пьетъ
«чашку кофея; хозяинъ куритъ трубку, а если онъ не пренебрегаетъ
«жизельнымъ, то еще до трубки заключаетъ обѣдъ мордачиннымъ глот-
«комъ водки или рема.

«Сынъ знатнаго человѣка живетъ въ гаремѣ съ матерью своею лѣтъ
«до девяти или десяти; потомъ празднуется его обрѣзаніе и переводится
«въ мужскую половину, гдѣ и живетъ подъ надзоромъ дядьки. Такой
«модомъ учитъ мальчика грамотѣ, если знаетъ ее, а если нѣтъ, то
«въ учителя берется одна изъ духовныхъ особъ. Подъ именемъ грамо-
«ты разумѣется арабскій языкъ, т. е. чтеніе и письмо на немъ; раз-
«сумѣть же языкъ хорошо—дѣло трудное: оно предоставляется улемамъ,
«которые и сами не всегда бываютъ въ томъ очень сильны. Малы-
«чкѣ учится потомъ наукѣ считать, занимается съ учителемъ разби-
«раніемъ Корана и, можетъ быть, одной или двухъ какихъ нибудь
«книгъ, предпочтительно историческихъ; между тѣмъ онъ дѣлается хо-
«рошимъ вѣдокомъ, строгимъ взыскателемъ съ слугъ малѣйшей несп-
«равности, волочится изподтишка—и воспитаніе его кончено.

Картина состоянія грековъ темна, какъ слѣдствіе порабощенія; но и
въ ней есть свѣтлыя точки, доказывающія силу святой вѣры и необык-
новенныя способности несчастнаго народа.

«Греческія церкви въ Анатоліи очень низки въ сѣдствие мусульманскаго закона, запрещающаго иновѣрцамъ строить дома и тѣмъ наче храмы — выше домовъ мусульманскихъ. Чтобъ придать внутренности церквамъ лучшій видъ, молы ея опускаются аршина на полтора въ землю. Большая часть церквей бѣдны и постройкой и украшеніемъ: дурно сложенная каменная или деревянно-каменная стѣна съ плоскою или едва прихвѣтно возвышающеюся кровлею, низкая дверь, очень узкія окна съ двѣтными стеклами, а иногда и безъ стеколъ, галлерей на при входѣ, около котораго на стѣнѣ намалеванъ страшный судъ самымъ уродливымъ образомъ; иконостасъ изъ досокъ, или рѣзной съ начерченной позолотою; сосуды и утвари въ жалкомъ состояніи. Свѣчи для иконъ дѣлаются изъ сала и воска: свѣтлѣнью обмакиваютъ въ сало черное, вощеное, а потомъ разъ или два въ желтый или красный воскъ. Монастырей греческихъ собственно въ Анатоліи нѣтъ; но въ городахъ, гдѣ есть епископы, при домахъ ихъ, построенныхъ близъ церквей и довольно большихъ, помѣщаются монахи, которыхъ число незначительно. Въ Смирнѣ при церкви св. Фотиніи большой митрополитій домъ съ пристройками, а монаховъ немного.

«Жилыща деревенскихъ Грековъ довольно-хороши сравнительно съ турецкими по всему западному берегу полуострова: они тамъ деревянными съ кирпичемъ или глиною. Въ деревняхъ сѣвернѣе озера Аполоніи дома велики и построены особеннымъ образомъ: подъ общею черепичною кровлею двѣ отдѣльныя половинны, состоящія каждая изъ одной комнаты съ возвышеннымъ аршина на полтора поломъ, радѣлящими промежуткомъ, въ видѣ стѣнъ, безъ передней стѣны; въ комнатахъ, гдѣ живутъ только вьюю, а лѣтѣмъ складываютъ всякую всячину, почти темно и невѣтрность страшная; стѣны вѣсного почини. Около дома довольно много пристроекъ для скота, дворъ обнесенъ плетнемъ изъ терновника, а позади садъ изъ плодовыхъ и шелковичныхъ деревьевъ, винограду и овошей. Какъ греческіе, такъ и турецкіе дома означены снаружи, подъ кровлею, надписями года и числа постройки, и съ именемъ хозяина.

«Греческое духовенство равнѣно по всемъ селеніямъ, и даже до деревень, гдѣ нѣтъ церквей, кромѣ самыхъ бѣдныхъ и малочисленныхъ. Въ Смирнѣ находится митрополитъ, подчиненный константинопольскому патриарху; въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ епископы, въ остальныхъ иногда игумены безъ монастырей, но по большей части протопопы и священники. Они, какъ старшіе въ городѣ, участвуютъ въ совѣтахъ старшинъ, получаютъ съ народа подать, въ видѣ складки, на свое содержаніе, и сверхъ того плату за исправленіе грѣбъ духовныхъ. Старшіе, принадлежащіе къ числу правителей, довольно важны; ихъ не всегда уважаютъ, но всегда болѣе или менѣе боятся, по вліянію ихъ на дѣла общественныя, и по дружбѣ съ областными правителями; низшихъ, особенно простыхъ монаховъ и священниковъ, об-

«шее имѣніе причисляетъ къ черно-рабочему классу. У анатолийскихъ грековъ духовное званіе не наследственное; сынъ священника есть такой же гражданинъ или сельянинъ, какъ сынъ ремесленника и земледѣльца. Желающій поступить въ священники учится все-какъ служить объдню, читать на разные случаи молитвы по книгѣ, иногда же только наизусть; потомъ его поставляетъ епископъ, хотя и знаетъ его невѣжество; но что дѣлать, — гдѣ взять лучшаго? Это относится до простыхъ священниковъ и церковниковъ; епископы же, архимандриты, игумены, присылаемые изъ Константинополя, грамотны, умѣютъ читать погречески.

«Ново-греческій языкъ употребляется по западнымъ берегамъ Малой Азіи, и только въ прибрежныхъ селеніяхъ: въ Айдаѣ уже его знаютъ немногіе. Далѣе къ сѣверу говорятъ, хотя очень-дурно, погречески въ деревняхъ, что при озерѣ Аполлоніи, въ Брусѣ, но въ деревнямъ около Никомидійскаго залива и Босфора; также въ прибрежныхъ селеніяхъ Чернаго Моря до Самсуна и, можетъ-быть, далѣе: впрочемъ, отъ самаго Синопа его знаютъ уже не всѣ. Во внутренности края только въ деревняхъ по окрестностямъ Кесареи Греки знаютъ свой языкъ, или лучше сказать какое-то очень-странное и едва понятное его нарѣчіе, въ самой же Кесареѣ, и во всѣхъ мѣстахъ, кромѣ означенныхъ, турецкій языкъ есть единственный, известный взрослымъ жителямъ. Низшее духовенство служитъ объдню по-турецки. Въ Смирнѣ есть школы для дѣтей Грековъ, какъ при церквахъ, такъ и отдѣльныя, содержимыя частными людьми, но учатся въ нихъ по самой грубой методѣ, дурно и медленно. Въ Манисѣ, Никомидіи и еще, кажется, гдѣ то въ двухъ мѣстахъ заведены недавно ланкастерскія школы греческаго языка, ариметики и географіи; дѣти выучиваются языку плохо, не имѣя случая говорить на немъ нигдѣ и ни съ кѣмъ, кромѣ учителя, но и учителя говорятъ охотнѣе по-турецки. Въ остальныхъ городахъ священники обучаютъ дѣтей турецкой грамотѣ, писанной греческими буквами; турецкія же буквы знаютъ немногіе, даже священники, совершающіе богослуженіе по-турецки, читаютъ книги, печатныя или писанныя греческими буквами.

«Состояніе греческой общины значительно зависитъ отъ старшинъ: если они люди извѣстные, имѣющіе связь съ константинопольскими богатыми Греками, то правители щадятъ общину, опасаясь жалобъ, которыя могли бы подать поводъ къ большимъ неприяностямъ; такіе сильные старшины находятся не во многихъ мѣстахъ. Если старшины не имѣютъ опоры въ Константинополѣ, то они стараются приобрести благорасположеніе правителей, что не выгодно для народа, который, когда правитель и старшина заодно, лишень всякой опоры, долженъ отдаться безответно на произволъ своихъ притѣснителей. Частные люди обыкновенно не любятъ старшинъ, гаушаются ими, какъ измѣнниками своихъ соотечественниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и боят-

«ся ихъ. Впрочемъ, каждый, залучивъ въ руки власть, забываетъ
«прежнія свои нареканія на другихъ, дѣлается не лучше, если не ху-
«же своихъ предѣстниковъ.

«Греки опасаются надѣвать, выходя изъ дома, лучшее свое платье,
«стараясь выказывать небывалую бѣдность, не только укрывая до-
«статокъ свой отъ правителей, но и зная, что, одѣвшись богато, они
«подвергнутся на улицѣ поруганію, даже побоямъ отъ народа. За то
«въ другихъ мѣстахъ, гдѣ правители оказываютъ болѣе снисходитель-
«ности къ не-магометанамъ, Греки дѣлаются нахальными, при малѣй-
«шей возможности обижаютъ Турокъ дѣломъ и гордымъ съ ними обра-
«щеніемъ, ругаются надъ ихъ обрядами вѣры. Въ подобныхъ случаяхъ
«Турки терпятъ долго, жалуясь только на правителей, позволяющихъ
«за деньги обижать народъ; но вышедши изъ терпѣнья, они мстятъ
«жестоко.

«Турки презираютъ Грековъ, не вѣрятъ имъ ни въ чемъ, почитаютъ
«ихъ низкими обманщиками; но прибѣгаютъ къ нимъ безпрестанно;
«Греки, съ своей стороны, хотя не боятся и ненавидятъ Турокъ, хотя
«гнушаются ими, какъ невѣрными, но видятъ, что они могутъ около нихъ
«поживиться, лѣнуть къ нимъ, сколько возможно. Кромѣ одной вѣры,
«нѣтъ ничего въ свѣтѣ, чѣмъ бы анатолійскій Грекъ не пожертвовалъ
«своей выгодѣ; нѣтъ человѣка, котораго бы онъ не обманулъ охотно,
«тѣмъ болѣе Турка, своего владыку — притѣснителя, своего врага-
«согражданина. Греки впились во всѣ части турецкаго общества, опу-
«тали его сѣтями своихъ ухищреній, и угождая, уступая, прельщая,
«унижаясь предъ каждымъ, наживаются отъ cadaго; они богаче Ту-
«рокъ почти вездѣ, хотя съ нихъ берутъ болѣе, нежели съ Турокъ.
«Грекъ уменъ, дѣятеленъ, предприимчивъ, смѣливъ — только на лег-
«кій промыселъ; въ работѣ же онъ едва ли не лѣнивѣе Турка. До-
«казательствомъ тому служитъ бѣдность Грековъ — земледѣльцевъ; бо-
«гаты только торгаши, промышленники разнаго рода, изъ которыхъ
«иные не могутъ назвать ремесла своего по имени, если они не утра-
«тили наконецъ чувства стыда и приличія.

«Домашній бытъ Грековъ въ Анатолиі весьма различенъ въ разныхъ
«мѣстахъ. Въ Смирнѣ и по селеніямъ приморскимъ онъ значительно
«уклоняется отъ турецкаго: женщины ходятъ вездѣ съ открытымъ ли-
«цомъ, не прячутся отъ постороннихъ, собираются вмѣстѣ съ мужчи-
«нами, даже съ Турками, въ одни общества. Во внутренности края
«дѣло иное: тамъ покрываая, дикость, нелюдимость совершенно на ту-
«рецкій ладъ. Семейныя отношенія Грековъ почти вездѣ одинаковы:
«жена есть служанка, если не рабыня, мужа; она не смѣетъ сѣсть
«за одинъ столъ съ нимъ, не имѣетъ голоса въ дѣлахъ хозяйствен-
«ныхъ. Дѣти тожѣ на ряду со слугами. Гречанки, въ отношеніи мѣст-
«ности и нравственности, стоятъ гораздо выше отцевъ и мужей сво-
«ихъ, хотя въ иныхъ городахъ Малой Азіи поведеніе ихъ не отличает-

«ся строгостью. Смирна составляет особенность: тамъ расцвѣтло сдѣлало большіе успѣхи во всѣхъ сословіяхъ, а у Грековъ особенно. «Брусса немногимъ отстала отъ Смирны, къ чему способствовало и то обстоятельство, что Брусса есть мѣсто изгнанія изъ Константинопля не только нѣкоторыхъ исключаемыхъ изъ службы сановниковъ, но и женщинъ двусмысленнаго поведенія.»

Астрономическія наблюденія, для опредѣленія широтъ и долготъ, г. Вронченко производилъ призматическимъ кругомъ Штейнгеля, тремя хронометрами и отражательной бусолью. Онъ вѣдиль всегда веревъ, хронометры держалъ въ поясъ, а кругъ въ чемоданѣ, на вьючной лошади. Путешествіе по Малой Азіи началъ онъ съ 20 мая 1834 г. изъ Смирны въ Синопъ, отсюда въ Кесарею, изъ Кесарей въ Бамладъ. Потомъ былъ онъ въ Никоидіи, въ Никей, Эскишегрѣ, въ Кятаю, Коніи, въ пристани Календери, изъ которой пробѣжалъ чрезъ Атолю, Макри и Кюджасъ. Болѣзнь въ городѣ Муглѣ прекратила его путешествіе и наблюденія въ 1834 г. Въ слѣдующемъ 1835 г. путешествіе его состояло изъ трехъ поѣздокъ. Въ первую, онъ посѣтилъ, Куну-Адассы, Муглу, Айланъ, и пр.; во вторую — плавалъ изъ Смирны въ Константинополь; въ третью — былъ въ Пергамѣ, Бруссе и пр. Онъ опредѣлилъ географическое положеніе *ста* мѣстъ, изъ которыхъ только одна Смирна находится къ росписи географическихъ положеній въ «*Connaissance des temps*», такъ—что наблюденія г. Вронченко — единственныя основанія для составленія вѣрной карты Малой Азіи, которой сѣтъ приложена къ V части «Записокъ».

Д. Труды полковника Ходзько.

Труды полковника Ходзько относятся къ Кавказскому и Закавказскому Краю, гдѣ и прежде его занимались съѣмками полковникъ фондер-Ховень съ 1835 по 1838 г., генералъ Мендѣ съ 1838 по 1841 г., полковникъ Ивановъ съ 1841 по 1843 г., и полковникъ Герасимовъ съ 1843 по 1846 годъ. Этими работами снято 216880 квадратныхъ верстъ. Масштабъ былъ принятъ $\frac{1}{42000}$, или $\frac{1}{84000}$, и большая часть Закавказскаго Края была снята *полуинструментально*, то—есть по значительнымъ дорогамъ и рѣкамъ пройдено мензулою, а пространство между ними назначено глазомерно; въ нѣкоторыхъ неприступныхъ и лѣсныхъ мѣстахъ, а также въ землѣ непринадлежннхъ горцевъ снято все на глазъ; въ немногихъ только мѣстахъ Кавказскаго Края сдѣлана сплошная инструментальная съѣмка. И такъ по этимъ работамъ нельзя было составить строгой карты Кавказа и Закавказья и получить о нихъ удовлетворительныхъ физико-географическихъ свѣдѣній. Для достиженія этой важной цѣли, собственно геодезическія работы начались здѣсь съ 1846 г., въ который, въ Ставропольской Уѣздѣ, на правомъ берегу рѣки Кубани, было осмотрѣно (рекогносцировано) 11394 квадратныя версты, а между Кубанью и Лабой 5755

квадратныхъ верстѣ. Въ 1847 г., подъ вѣдѣніемъ полковника Ходзько, капитаномъ Обергомъ 2, поручикомъ Александровымъ 2, праворицкомъ Смирновымъ 2, подпоручикомъ Павленко и 11 топографами съ 4-мя переводчиками, нестроевою ротой при одномъ офицерѣ и конвойною командою донскихъ казаковъ произведены слѣдующія работы: 1) Избрано удобное мѣстоположеніе для измѣренія основанія между Шамхорскимъ подстоємъ и деревней Давлеръ; послѣ всѣхъ необходимыхъ распоряженій для уравнианія мѣстности, построенія мостовъ и каменныхъ пирамидъ на концахъ основанія, онъ былъ измѣренъ въ 4296,4 сажени. 2) Составлено 20 первоклассныхъ треугольниковъ, и измѣрены всѣ ихъ углы и зенитныя разстоянія. 3) Поручикъ Александровъ опредѣлялъ широты и азимуты 9 пунктовъ: въ Нухѣ, Кубѣ, Ахтѣ, Хозры, Курахѣ, Чирахѣ, Кумухѣ, Ходжалѣ, Махѣ и на горѣ Турчадахѣ. Въ 1848 г. съѣтъ треугольниковъ продолжалась отъ берега Каспійскаго Моря и отъ Кубы къ Шемахѣ, Нухѣ, по Лезгинской Линіи чрезъ Шушу до соединенія съ треангуляціею 1847 г., близъ городовъ Нухи и Эривани. Сверхъ того, были сдѣланы астрономическія наблюденія въ Дагестанѣ и по Кавказской Линіи по Тереку отъ Кубы до Владикавказа; всего опредѣлено астрономически 26 точекъ.

Въ XIV части «Записокъ», въ отчетѣ Военно-топографическаго Дѣла за 1850 годъ, находимъ, что полковникъ Ходзько трудился въ южной части Закавказскаго Края: 1) отъ сигнала Ах-Даго и Гюзельдара продолжена съѣтъ первоклассныхъ треугольниковъ до крайней точки юго-западной оконечности границы имперіи съ Турціею. 2) Между Ленкораномъ и сигналомъ Кульмъ, у города Ордубата, измѣрены два первоклассные треугольника. 3) Изъ вычисленныхъ зенитныхъ разстояній опредѣлялся коэффициентъ земной рефракціи, начиная отъ уровня моря и постепенно до высоты 13,000 футовъ. Для дополненія этого труда поднимались еще выше, на Большой Араратъ (16,000 фут. надъ моремъ), причемъ измѣрено 136 зенитныхъ разстояній главныхъ первоклассныхъ пунктовъ. Независимо отъ геодезическихъ работъ, на вершинѣ Арарата сдѣланы барометрическія наблюденія, въ продолженіе четырехъ сутокъ, чрезъ каждый часъ днемъ и ночью. 4) Связь первоклассной съѣты около Нухи съ первоклассными треугольниками возлѣ Шуши оказалась невыполнимою, по причинѣ дѣсовъ и камышей. Поэтому назначенникъ кавказскій сносился съ персидскимъ правительствомъ о дозволѣніи построить въ Персіи, на правомъ берегу Аракса-Зили, четыре сигнала. Согласіе персидскаго правительства получено въ началѣ сентября, а въ послѣднихъ числахъ этого мѣсяца прибыли въ Ордубатъ персидскіе чиновники. Хотя немедленно приступлено было къ осмотру мѣстности, однако трудность сообщенія, медленность персіянъ, считавшихъ 25 верстѣ большимъ переходомъ, и дурная погода замедлили успѣхъ работъ, и въ продолженіе октября едва выбрали и построили три сигнала. Въ настоящее время начинаются измѣренія угловъ этихъ

треугольниковъ и продолжаютъ работы въ Малышнинскомъ Уѣздѣ. 5) Астрономическія наблюденія производились въ Тифлисъ и на сигналъ Кульмъ, гдѣ опредѣлены широта и азимуты.

Наконецъ, въ отчетѣ Военно-топографическаго Депо за 1851 годъ (часть XV «Записокъ») сказано: «Преодолювъ все трудности при переходѣ съ инструментами черезъ ледники Кавказскаго Хребта, въбраваясь на отвѣсныя скалы, сдѣлана связь, начиная отъ сѣти, продолженной въ прошедшихъ годахъ на вершины центральнаго хребта, между горами Эльбрусомъ и Казбекомъ, и оттуда спустились на плоскость до Владикавказа. Въ южной части Закавказскаго Края сдѣлана связь близъ Ордубата. Въ восточной части составлена связь для продолженія сѣти до Дербента. Успѣху работъ много препятствовали сильнѣшіе жары, особенно въ июлѣ, на долині Куры, гдѣ все офицеры, топографы и нижніе чины перенесли изнурительныя лихорадки и трое изъ послѣднихъ умерли. Астрономическія занятія въ этомъ году состояли въ наблюденіи солнечнаго затмѣнія и въ опредѣленіи времени, широты и азимута на сигналѣ Карамон-Дагъ и на горѣ Галадурт въ Осетіи. Кромѣ того, сдѣланы предварительныя исчисленія наблюденій въ горской Осетіи и абсолютныхъ ихъ высотъ, какъ для новой карты Кавказскаго Края, такъ и для составленія рельефнаго изображенія того же края».

Этимъ оканчиваются извѣстія о трудахъ полковника Ходзько въ «Запискахъ Военно-топографическаго Депо». Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ ихъ продолженія съ послѣдними выводами; а между-тѣмъ дополнимъ ихъ изъ «Кавказскаго Календаря» на 1854 годъ, гдѣ помѣщены двѣ таблицы: 1) высотъ надъ поверхностью моря 892 пунктовъ Кавказскаго и Закавказскаго Края и въ Персіи, и 2) высотъ надъ уровнемъ Чернаго Моря 61-го мѣста на урочищѣ Коджоры. Изъ первой таблицы видно, что однимъ г. Ходзько опредѣлены высоты 195 пунктовъ, изъ которыхъ нѣкоторые лежатъ ниже моря; именно: равнина Сагантъ на 56 англійскихъ футовъ, Божій Промыслъ — на 60, Баку — на 53, Ленкорань — на 65, Дербентъ — на 15, и уровень Каспійскаго Моря — на 85 футовъ.

Описаніе работъ топографическихъ, которыми наполняются геодезическія сѣти положеніями ближайшихъ между собой предметовъ, представляемъ пересмотрѣть самимъ читателямъ: иначе наше обозрѣніе выйдетъ изъ предѣловъ журнальной статьи.

Кромѣ описаній обширныхъ геодезическихъ и топографическихъ работъ, въ «Запискахъ» помѣщены многочисленныя астрономическія наблюденія подполковника Лемма въ Землѣ Донскихъ Казаковъ и въ Персіи, о соединеніи русскихъ сѣтей съ прусскими и австрійскими, извѣстія о хронометрическихъ экспедиціяхъ между Пулково, Москвой, Казанью и Варшавой; но о всѣхъ этихъ трудахъ читатели «Отечествен-

ныхъ Записокъ» были увѣдомлены въ свое время, и потому нѣтъ надобности повторять о нихъ.

Между приложениями къ «Запискамъ» читатели, безъ-сомнѣнiя, съ удовольствiемъ пересмотрятъ «Материалы для исторiи русскаго оружiя» между которыми чрезвычайно-любопытна выписка изъ журнала походовъ Петра-Великаго къ крѣпостямъ Выборгу, Ревелю и Ригѣ въ 1710 году, помѣщенная въ XIII части, къ которой приложена еще обширѣйшая таблица: «Списокъ точекъ Россiи, географическое положеiе которыхъ извѣстно, расположенный по губернiямъ, губернiи же слѣдуютъ по алфавиту». Всѣхъ областей и губернiй помѣщено здѣсь 66, а всѣхъ мѣстъ 7197, съ объясненiемъ, откуда заимствованы материалы.

Но мы остановимся на «Топографическомъ описанiи Сѣвернаго Урала, осмотрѣнномъ въ 1847 и 1848 годахъ» и на «Извлеченiи изъ дневника, веденнаго въ южномъ отрядѣ уральской экспедицiи 1848 года, заключающемъ очеркъ мѣстности между Уральскимъ Хребтомъ и Обью, и подробное описанiе хода язвы, свирѣпствовавшей въ 1848 году на Уралѣ, бывшей причиною бѣдственной неудачи экспедицiи». Эти три прекрасныя статьи составляютъ необходимое дополненiе къ книгѣ, изданной Русскимъ Географическимъ Обществомъ подъ названiемъ «Уралъ», составленной астрономомъ Ковальскимъ и на которую рецензiя помѣщена была въ свое время въ «Отечественныхъ Запискахъ».

Упомянутыя статьи написаны г. прапорщикомъ топографовъ Юрьевымъ, и можно рѣшительно сказать, что едва-ли найдется гдѣ-нибудь топографическое описанiе страны, столь ясное, столь рельефное, какъ описанiе сѣверной части Урала, начиная отъ Чердыни, составленное г-мъ Юрьевымъ: читая его, мы какъ-будто путешествовали съ авторомъ, и все, что онъ описываетъ, какъ-будто видѣли собственными глазами. Еслибъ, въ доказательство этого, мы захотѣли сдѣлать нѣсколько выписокъ, то весьма затруднились бы въ выборѣ; пусть любители географiи запасутся XIV-ой частью «Записокъ» и сами прочтутъ два первыхъ отдѣленiя труда г. Юрьева: мы увѣрены, что они вполне согласятся съ нашимъ мнѣнiемъ; читателей же негеографовъ мы познакомимъ съ его дневникомъ, для всѣхъ любопытнымъ.

1848 года 29 июня, подъ сѣв. широтою 66°, при рѣкѣ Копполѣ, экспедицiя раздѣлилась на два отряда, на сѣверный и южный; изъ нихъ послѣднiй, въ которомъ находился г. Юрьевъ, поступилъ подъ начальство г. майора Стражевскаго и отъ мѣста раздѣленiя перешелъ въ тотъ же день на гору Тумболова, гдѣ г. Юрьевъ измѣрилъ основанiе для мензульной триангуляцiи, предположенной продолжать непрерывно по Уралу до горы Квосмъ-Нёръ. Но и безъ затруднительной триангуляцiи мензулою отрядъ не могъ продолжать пути отъ непрерывныхъ дождей, повременамъ съ грозой, и отъ тумана, препятствовавшаго видѣть окружающiе предметы; съ 1-го по 9-е июля про-

стоялъ онъ на одномъ мѣстѣ, при рѣкѣ Неаде-Юганъ. Июля 10-го, г. Стражевскій и Юрьевъ ѣздили на высокую гору Тумболова-Тей-Кеу для опредѣленія направленія водораздѣла, но по дурной погодѣ потеряли и трудъ и время и измучили своихъ оленей, которые отъ комаровъ и оводовъ падали, рвали упряжь и кружились. До 14-го июля отрядъ, хотя и медленно, но все еще подвигался впередъ на измученныхъ оленяхъ и дошелъ до вершины рѣки Псади-Юганъ, гдѣ, въ стадѣ, палъ одинъ олень : это было началомъ язвы, усиливавшейся ежедневно, такъ-что 19-го июля пало вдругъ 37 оленей, годныхъ въ упряжь, а утромъ слѣдующаго дня, на вопросъ г. Стражевскаго о состояніи стада, толмачъ отвѣчалъ, что «остатки потеряли счетъ пали и перестали даже шкуры сдирать». Чтобы отдѣлать здоровыхъ оленей отъ упавшихъ, г. Стражевскій приказалъ перегонять ихъ стадо съ мѣста на мѣсто; но и это не помогло : лишь перегонять его, какъ чрезъ часъ отдыха, пять или шесть оленей оставались на мѣстѣ. Въ первые дни надежа, проводники, остатки и самоѣды, снимали шкуры и даже съ жадностью ѣли мясо умершихъ оленей. Г. Стражевскій запретила и то и другое; но дикари нарушали запрещеніе ночью, разсуждая : «гдѣ это слыхано, чтобъ отъ оленьей болѣзни умираетъ человекъ».

Подрядчикъ и хозяинъ оленей, березовскій уроженецъ, Василій Усковъ, вида быстрое уничтоженіе бѣдныхъ животныхъ, составлявшихъ все его имущество, выпросилъ у начальника отряда кусокъ восковой свѣчи и пошелъ въ свой чумъ. Чрезъ полчаса горный мастеровой, находившійся въ услуженіи отряда, сказалъ, что «Василій Василичъ какую-то божественную книгу читаетъ вслухъ : можетъ, Богъ дастъ, къ утру проведется, и олени перестанутъ падать. Дай-то Господи, истинный Христосъ!» Остатки же говорили свое : «это вѣрно ужъ такое мѣсто пропащее ; тутъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, вѣрно чумъ когда-нибудь стоялъ. Старики сказывали, если чумъ поставится на старое мѣсто, то ужъ не миновать бѣды. Это вѣрно! Нужно непременно заколотъ блага здороваго оленя въ жертву и потомъ его шерстью окурить стадо». Отрядъ ждалъ перемены погоды, чтобъ сойти съ этого *пропащаго* мѣста; но дождь лилъ во всю ночь, и утромъ наступилъ дождь, что «ужъ мало осталось живыхъ оленей : если не вѣрите, посмотрите сами». И дѣйствительно, ночью былъ страшный валежъ животныхъ.

Язва подвигалась къ сѣверу и трудности переѣздовъ часъ-отъ-часу увеличивались, потому-что къ югу, на всемъ протяженіи Урала, не осталось ни одного живаго оленя; сами остатки въ чумахъ почти на половину померли, или были жестоко больны. Впрочемъ, язва не простиралась сѣвернѣе рѣки Войкара, почему сѣверный отрядъ экспедиціи благополучно достигъ до Ледовитаго Моря; на югѣ же опустошеніе и между людьми и между оленями было ужасное. Г. Стражевскій, при

всѣхъ своихъ усиліяхъ, долженъ былъ убѣдиться, что не осталось никакихъ средствъ продолжать путешествіе; онъ принужденъ былъ заботиться о спасеніи вѣреннаго ему отряда, потому-что одинъ изъ служителей, горный мастеровой заболѣлъ заразою, которая начиналась болячкою на лицѣ, потомъ лицо начинало опухать; кому суждено было умереть, у того пухла вся голова до такой степени, что не видно было мѣста глазъ, носа и проч.; опухоль переходила къ горлу, и человекъ умиралъ отъ удушья.

Юля 27-го г. Стражевскій объявилъ, что, убѣдившись въ невозможности дальнѣйшаго путешествія по Уралу, онъ закрываетъ экспедицію. Вслѣдствіе того онъ потребовалъ, чтобъ г. Юрьевъ показалъ ему всѣ свои вещи и инструменты, не исключая мелочныхъ, для осмотра и для назначенія, какіе изъ нихъ взять и какіе оставить, потому-что кладъ надобно было уменьшить до самой крайности. Покуда была возможность доставать небольшое число оленей, до-тѣхъ-поръ отрядъ, оставивъ многія вещи, понемногу подвигался по направленію къ селу Мужа, лежащему на Оби и на такой возвышенности, что окружающія его мѣста назывались *материкомъ*. Юля 28-го заболѣлъ горный мастеровой, Павелъ Вакиновъ. Для больного назначили особенную нарту и сдѣлали на ней постель, которую вмѣстѣ съ большимъ привязали къ нартѣ; но страданія его увеличивались; онъ едва могъ говорить и предъ смертью просилъ о помощи его женѣ и пятерымъ дѣтямъ. Похоронивъ несчастнаго, отрядъ успѣлъ еще пройти верстъ двадцать къ востоку отъ Урала. Къ-вечеру 2-го августа захворали вдругъ оба проводника, остякъ Павелъ и самоѣдъ Юкхоръ. Августа 4-го отрядъ лишился всѣхъ оленей, и потому оставалась надежда только на собственные силы. Около полудня 5-го августа, г. Стражевскій, Юрьевъ, одинъ горный мастеровой, толмачъ и подрядчикъ сдѣлали котомки, положили въ нихъ необходимое платье, сухари, журналы, черные планы и другія записки, важныя для экспедиціи; каждому досталось по пуду ноши. Прочія вещи, минералы, инструменты и проч., увязавъ, оставили на тундрѣ, надѣясь, что ихъ доставятъ зимой. Отобравъ отъ больныхъ проводниковъ несомнѣнныя показанія о дорогѣ и подѣлившись съ ними сухарями, странники отправились въ путь, руководствуясь бусоллю.

На пути, для сбереженія сухарей, питались грибами и ягодами. Августа 7-го г. Стражевскій собралъ всѣ сухари и раздѣлялъ ихъ поровну, фунта по два на человека; но ихъ достало только до 12-го августа; питаться надобно было только моршкою и грибами, которые собирали на каждомъ привалѣ, несмотря на усталость отъ труднаго пути по тундрамъ и болотамъ; чрезъ нѣкоторыя изъ нихъ пробирались почти ползкомъ. Августа 13-го на одномъ озерѣ среди тундры путешественники увидали двухъ дикихъ гусей съ гусенкомъ; но у нихъ не было ружья, и потому всячески старались добыть только гусенка

палками; послѣ двухчасовой работы, гусенокъ сдѣлался ихъ добычей и г. Стражевскій раздѣлилъ его на шесть частей, на три обѣда и на три ужина для четверыхъ. Варя въ двухъ чайникахъ грибы, половину каждой шестой доли гусенка опускали въ нихъ, и такой супъ казался весьма-вкуснымъ и питательнымъ. Хлебали супъ поочередно двумя ложками и наблюдали, чтобъ никто не проглотилъ лишней ложки. Послѣ супа, г. Стражевскій дѣлилъ и кусочекъ гусенка поровну.

Августа 17-го, послѣ двѣнадцатидневнаго странствованія, отрядъ нашелъ много грибовъ, называемыхъ *сыроложками*; каждый навалилъ ими свою котомку и употреблялъ сухіе не только вмѣсто хлѣба, но и вмѣсто сахара, закусывая ими чай, котораго выпивали стакана по четыре на привалахъ. Августа 22-го теплое и ясное утро обогрѣло и оживило путешественниковъ. Въ этотъ торжественный день коронація Ихъ Императорскихъ Величествъ, г. Стражевскій захотѣлъ сдѣлать роскошный обѣдъ: онъ высыпалъ въ грибную похлебку послѣднюю щепотку соли, которую сберегалъ какъ лекарство.

Августа 25-го путешественники вышли на хорошую дорогу, переправились чрезъ рѣчку и начали подниматься на горные хребты. На другой день дорога раздѣлилась на двѣ; но обѣ вели къ селенію Мужы, потому-что подрядчикъ узналъ ихъ и увѣрялъ, что по одной изъ нихъ не разъ ѣздили зимою, но не ручался за ея проходимость лѣтомъ: залпы рѣки могли затруднить переправы безъ лодки. Другая, зырянская дорога, шедшая на югостокъ, была еще лучше; но подрядчикъ говорилъ, что она дѣлаетъ большой крюкъ; поэтому онъ отдѣлился отъ отряда и пошелъ по зимней дорогѣ.

Августа 27-го, г. Стражевскій совѣтовалъ своимъ товарищамъ собрать послѣднія силы и идти, не останавливаясь, въ надеждѣ достигнуть села Мужы въ одинъ день; но, несмотря на такое радостное извѣстіе, ноги не слушались и руки отнялись отъ слабости и отъ тяжести котомокъ. Къ-вечеру пришелъ къ густому и мокрому лѣсу, при опушкѣ котораго влѣво увидали Обь. При крикахъ: Обь! Обь! всѣ сняли шапки и поблагодарили Бога за вѣрную надежду на спасеніе послѣ двадцатидвухъ-дневнаго странствованія подъ дождемъ и безъ пищи. Тутъ всѣ забыли даже голодъ и думали только, что на другой лѣтъ будутъ въ теплой избѣ и увидать людей. И дѣйствительно, пройдя утромъ версты полторы, странники услышали лай чужой собаки. Г. Юрьевъ пошелъ въ ту сторону; но товарищи воротили его сивальными окликами; возвращаясь, онъ увидалъ людей, шедшихъ на встречу: это были зырянинъ Филимонъ Рочевъ съ двумя своими рабочими-остяками. Радужный и гостеприимный зырянинъ, услыхавъ отъ подрядчика, что онъ оставилъ отрядъ вѣстахъ въ тридцати на раздѣленіи дорогъ, тотчасъ послалъ трехъ остяковъ по зырянской дорогѣ, а самъ ночью сдѣлалъ переходъ по зимней. «Этотъ радостный день (пишетъ г. Юрьевъ) никто не забудетъ изъ нашихъ спутниковъ. При-

«несенные хлѣбъ, рыба, молоко, сахаръ, чай и нѣсколько вина обра-
«довали насъ невыразимо. Майоръ строго запретилъ, чтобъ никто не
«снѣлъ съѣсть куска безъ его позволенія, и самъ раздавалъ пищу по
«усмотрѣнiю».

Ужъ смерклося, когда отрядъ пришелъ въ Мужи; но, не снимая кото-
мокъ, всѣ прямо отправились въ церковь принести благодарность Богу
за спасенiе и прекращенiе невыносимыхъ трудовъ и опасностей.

Послѣднiе шестнадцать верстъ отрядъ сдѣлалъ въ 2½ часа; на
пути пересѣкли двѣ рѣчки, а къ самому селенiю, около версты,плы-
ли въ лодкѣ по Сорю (заливъ Оби). Еслибъ не встрѣтилъ ихъ Рочевъ,
то имъ пришлось бы мучиться около залива и искать обхода за нѣ-
сколько верстъ. Подрядчикъ вышелъ верстами четырьмя ниже селенiя
и, связавъ плоть изъ двухъ лѣсинъ, переплылъ на немъ узкое мѣсто
залива и добрался до селенiя.

Послѣ трехнедѣльнаго изнурительнаго и почти безнадежнаго странство-
ванiя, путешественники провели первую ночь безпокойно: отвычка отъ
комнатнаго тепла и радость были причиною бессонницы. Засыпавши
на-минуту пробуждались страшными грезами, вскакивали и старались
увѣриться, что они ужъ не въ тундрахъ, не на голой, мокрой землѣ,
подлѣ огня, который сжигалъ ихъ оборванное платье. Несмотря на по-
степенный и осторожный переходъ отъ грибовъ и голода къ хлѣбу, г.
Стражевскiй сдѣлался боленъ лихорадкою, продолжавшеюся десять дней.
Всѣ прочiе походили также болѣе на тѣни, нежели на людей; цвѣтъ
кожи былъ видѣнъ только между пальцами обожженныхъ и опухшихъ
рукъ; съ ногъ начали спадать ногти; самъ дюжiй и привыкшiй къ
климату подрядчикъ бредилъ два дня, какъ въ горячкѣ. Замѣчательно,
что, несмотря на голодъ, отрядъ, или, лучше, его твердый начальникъ
сберегъ собаку, на которую часто посматривали служители. Г. Стра-
жевскiй часто говорилъ имъ, что еще рано бить собаку, которая не
требовала корма, питаясь полевыми мышами; надобно беречь ее до са-
мой крайности, и особенно дятото, кто по болѣзни принужденъ бу-
детъ остаться въ пустынѣ, въ ожиданiи помощи.

На другой день послѣ перваго ночлега у Рочева, собрались въ его
избу всѣ остяки селенiя и, смотря на пришлецовъ, какъ на дикихъ
звѣрей, пересказывали другъ другу ихъ походенiя и чрезвычайно
удивлялись, что они питались *поганю травою*, то-есть грибами.
Также удивлялись и пеняли своимъ соотечественникамъ-оленоводамъ,
оставшимся на Уралѣ: «какъ не могли они найти въ стадѣ бѣлыхъ,
«красивыхъ оленей для принесенiя въ жертву и чрезъ то отвратить
«заразу, которой подобную не видывали и не слыхивали ихъ старики».

Слухи о неожиданномъ прибытiи отряда на Обь въ село Мужи ско-
ро дошли до Березова, откуда немедленно прiѣхали березовскiй исправ-
никъ г. Булыгинъ и обдорскiй засѣдатель г. Бекрѣвъ, для получе-
нiя подробныхъ свѣдѣнiй о несчастныхъ и объ инородцахъ, остав-

шился безъ помощи на Уралѣ. Г. Стражевскій обо всемъ увидѣнныя къ сенціально, и г. Беаръевъ отправился на мѣста, опустошенные лавою; но, посылвъ на лодкахъ по рѣкѣ Синѣ, не достигъ до своей цѣли за мелководіемъ по каменному дну; только въ октябрѣ, по зинемому пути, поднялся онъ изъ Обдорска на Урость, и съ ершоломъ и казаками объѣхалъ все его протяженіе, почти до верхняго Сыгны; по дорогѣ онъ раздавалъ заводныхъ оленей и съѣстные припасы бѣдствующимъ инородцамъ.

По выздоровленіи г. Стражевскаго, отрядъ 4-го сентября вошелъ въ Березовъ и прибылъ туда чрезъ шесть дней. Г. Юрьевъ описываетъ свой дневникъ благодарностью начальнику отряда: «Долгои «вишняю себѣ принести истинную благодарность г. майору (нынѣ под- «полковнику) Н. И. Стражевскому, отъ имени всѣхъ бывшихъ въ от- «рядѣ, которые обязаны ему своимъ спасеніемъ. Благодарными рас- «поряженіями, попеченіемъ о каждомъ изъ насъ и хладнокровнымъ «перенесеніемъ тяжелыхъ лишеній и трудовъ, онъ ободрялъ насъ, за- «ставляя съ твердостью и надеждою слѣдовать его прекрасному, рѣди- «му, по обстоятельствамъ, примѣру».

Къ статьямъ г. Юрьева приложены карта Урала, на которой изображенъ путь южнаго отряда, и планъ города Березова, о достопримѣчательностяхъ котораго г. Юрьевъ пишетъ слѣдующее:

«По восточной сторонѣ Воскресенскаго собора, вѣтъ ограды церков- «ной, едва примѣтный дерновой холмъ съ деревяннымъ крестомъ и «палисадомъ означаетъ убогую могилу князя А. Д. Меншикова, со- «сланнаго въ 1727 году, умершаго въ 1729 году и будто-бы по- «хороненнаго подлѣ дочери его, княжны Маріи, невѣсты императора «Петра II-го. Отъ жилища К. Меншикова не осталось никакихъ слѣ- «довъ; только въ сѣверной части города, на песчаной возвышенности «горнаго берега, обѣнненнаго вѣковыми лиственницами, у такъ-называе- «мой заручейной церкви (во имя Рождества Богородицы) показывается «мѣсто, гдѣ былъ домъ знаменитаго изгнанника; деревянная же цер- «ковь, имъ выстроенная, сгорѣла въ 1808 году.

«Тутъ же, у церкви Рождества Богородицы, саженьяхъ въ двадцати «на сѣверо-западъ, отдѣльно отъ городского кладбища, находится мо- «гила графа А. И. Остермана, бывшая долго въ неизвѣстности и слу- «чайно открытая полковникомъ Гофманомъ весною 1848 года. Чтобъ «узнать, до какой глубины проникаетъ дѣйствіе мороза въ разныя «почвахъ, г. Гофманъ велѣлъ бить шурфы. Когда взрыли гору «близъ церкви и проникли глубины до десяти футовъ, то уперлись «въ истлѣвшій гробъ, въ которомъ находились остатки другаго гроба «съ уцѣлѣвшими позументами и лоскутками шелковой матеріи, и чере- «помъ, покрытымъ прахомъ и землею. Г. Гофманъ тотчасъ приказалъ «засыпать гробъ и, заключивъ по золотому позументу, что тутъ была «могила какаго-нибудь знатнаго человѣка, обратился за справками къ

«члену-корреспонденту Р. Г. О., смотрителю училищъ, г. Абрамову, «который, по собраннымъ свѣдѣнiямъ, рѣшилъ, что тутъ поконится «ирахъ графа А. И. Остермана. Тогда г. Гошманъ покрылъ могилу «свѣжнмъ дерномъ и поставилъ черннй большой крестъ, къ которому «была прибита мѣдная дощечка съ изображенiемъ графской короны «и съ латинскими буквами: А. О.; могилу обнеси простою оградомъ «и отслужили на ней панихиду. Послѣ буквы А. О. были перемѣненны на Н. О. (Heinrich Osterman).

«Могила князя Ѳеодора Долгорукова и понынѣ достовѣрно неизвѣстна. «Впрочемъ, преданiе указываетъ мѣсто близъ могилы княжны Марiи «Меншиковой, что подтверждается слѣдующимъ памятникомъ: г. Абрамовъ, «съ дозволенiя тобольскаго преосвященнаго и гражданскаго губернатора, «разыскивая рукописныя и другiя рѣдкости Березова, сообщилъ, между- «прочимъ, объ одной, долго въ тайнѣ хранившейся въ Воскресенскомъ «соборѣ — о золотомъ медальонѣ, въ которомъ заключается святая въ «кольцо прядь свѣтлорусыхъ волосъ. Описывая этотъ медальонъ, г. «Абрамовъ прибавляетъ свѣдѣнiя, переданныя въ потомство церковными «старостами, престарѣлыми жителями Березова, знавшими о существо- «ванiи медальона. Онъ поступилъ въ Спасскую церковь (нынѣ Вос- «кресенскiй соборъ), по смерти князя Ѳ. Долгорукова, вмѣстѣ съ «иконою, у которой онъ висѣлъ на вѣнчикѣ изображенiя святаго; вложенныя «въ него волосы будто-бы взяты отъ умершей его супруги Марьи «Александровны, съ которою былъ тайно обвинчанъ старымъ священ- «никомъ, за что подаренъ ему барсовый плащъ, долго хранившiйся въ «его потомствѣ. Ѳеодоръ и Марья въ лѣтнее время прогуливались по «городу, причемъ на ней было всегда черное платье, чаще бархатное, «съ окладкою изъ серебрянаго позумента. Марья Александровна, а «потомъ вскорѣ супругъ ея были похоронены близъ деревянной Спас- «ской церкви, на южной сторонѣ (на востокъ отъ нынѣшней каменной), «и на могилахъ ихъ были деревянные памятники, то-есть простые «срубы въ два толстыхъ бревна. Медальонъ, особенно въ 1739 году, «когда постигла казнь нѣкоторыхъ изъ Долгорукихъ, былъ скрывается «въ церкви какъ секретный прикладъ Долгорукихъ, о которомъ духов- «ныя лица не смѣли никому говорить. Кромѣ медальона, въ березов- «скихъ церквахъ показываютъ нѣкоторыя старыя утвари, облаченiя «священниковъ и церковнослужителей, принесенныя въ даръ Менши- «ковымъ и другими извѣстными лицами. Въ Воскресенскомъ соборѣ, «на церковныхъ книгахъ, по которымъ и теперь служатъ, сдѣлана «надпись княжною Еленою Долгорукою: *на поминованiе родителей.* «Книги эти присланы въ Березовъ, по ея возвращенiи въ С. Петербургъ».

Наконецъ въ той же XIV части «Записокъ» находятся два топо- «графическiя описанiя части Сѣвернаго Урала отъ 64¹/₂ до 66° сѣ- «вѣрной широты, изслѣдованной въ 1850 году, и рѣки Печоры съ ея

притоками Уньи, Илыга, Подсерема, Щугура и Уссы, составлены недоручникомъ Брагинимъ.

Изъ нашего по необходимости краткаго обзорѣнія читатели могутъ усмотрѣть, что «Записки Военно-топографическаго Депо» содержатъ въ себѣ множество драгоценныхъ матеріаловъ для русской географіи и топографіи, и что послѣ ихъ изданія нельзя ужь жаловаться на недостатокъ хорошихъ картъ и другихъ пособій для изученія Россіи въ географическомъ и топографическомъ отношеніи. Благодаря нашему щедрому правительству, подобныя жалобы нынѣ непростительны и доказываютъ только незнаніе самыхъ чистыхъ источниковъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Стихотворенія Э. Тютчева. Санктпетербургъ. 1854. Въ тип. Э. Праца. Въ 12-ю д. л. 139 стр.

Наконецъ, послѣ долгаго молчанія, въ литературѣ нашей снова послышались поэтическіе звуки и чувствуется вдохновительное присутствіе музы. Тому ужъ много лѣтъ, какъ мы перестали слышать ея голосъ и думали, что тѣ наслажденія, которыми она, какъ цвѣтами, убрала нашу молодость, давно прошли для насъ и не возвратятся вновь. Разъ пустивъ корни въ землю, искусство не умираетъ; но пышный цвѣтъ бываетъ на немъ только однажды. Намъ казалось, что мы ужъ оставили его позади себя, что отъ прекрасной весны нашего искусства сохранились лишь немногія преданія, какъ вдругъ откуда-то послышался прежній гармоническій строй и чей-то звучный голосъ снова напѣваетъ слуху давно-знакомую ему мелодію... Пріятно забыться хоть на часъ въ бесѣдѣ съ музою и вспомнить то время, когда она была постоянною гостью въ нашей литературѣ.

«Среди громовъ, среди огней,
Среди клокочущихъ зыбей,
Въ стихійномъ, пламенномъ раздорѣ,
Она съ небесъ слетаетъ къ намъ —
Небесная — къ земнымъ сынамъ,
Съ лазурной ясностью во взорѣ,
И на бунтующее море
Льетъ примирительный елей». (Стр. 78).

Да, это она... И кто бы не узналъ ея по этой «лазурной ясности» въ очахъ и «примирительной» улыбкѣ, съ которою она сходитъ къ намъ «среди громовъ, среди огней», «среди клокочущихъ зыбей»? Такова она всегда — среди мира и тишины, во время военныхъ бурь и непогодъ. Чтò бъ ни совершалось вокругъ, какія бы тучи ни ходили по горизонту, природа ея остается неизмѣнна. Вѣчно-ясная, вѣчно-прекрасная, она живетъ на недоступной высотѣ, откуда все представляется ей въ свѣтломъ сіяніи. Съ улыбкою смотритъ она на міръ Божій, п никакая гроза не смутитъ ея покоя. Самое смятеніе природы видитъ

она не иначе, какъ въ яркихъ, радужныхъ цвѣтахъ. Изъ прозрачныхъ облаковъ и изъ молніеносныхъ тучъ равно беретъ она свои краски, которыми пишетъ великолѣпныя картины. Радости жизни становятся ярче подъ ея оживленною кистью, и самыя тревоги жизненныя какъ-бы смягчаются и получаютъ болѣе-нѣжный колоритъ отъ одного прикосновенія волшебной руки ея. Какъ сама она полна гармоніи, такъ все, даже самыя горькія жалобы сердца, разрѣшаются на языкѣ ея въ удивительную гармонію. Какъ не узнать поэзіи, хотя бы даже по нѣсколькимъ оторваннымъ звукамъ!

Душа поэта, говоря его же словами, «элизіумъ тѣней...

« Душа моя — элизіумъ тѣней —
Тѣней, безмолвныхъ, свѣтлыхъ и прекрасныхъ,

Ни радостямъ, ни горю не причастныхъ.

Душа моя — элизіумъ тѣней!

Что общаго межъ жизнью и тобою,

Межъ вами, призрани минувшихъ лучшихъ дней,

И сей безчувственной толпою?» (Стр. 26).

Хотите вы, можетъ-быть, знать, что творится иногда въ этомъ маленькомъ мірѣ — душѣ поэта? Послушайте еще разъ его самого :

« И море и буря качали нашъ чолнъ ;
Я, сонный, былъ предавъ всей прихоти волю.
И двѣ безредѣльности были во мнѣ —
И мной своевольно играли онѣ.
Кругомъ, какъ кимвалы, звучали скалы
И вѣтры свистѣли, и гѣли валы.
Я въ хаосѣ звуковъ леталъ оглушенъ ;
Надъ хаосомъ звуковъ носился мой сонъ...
Болѣзненно-яркій, волшебно-нѣмой,
Онъ вѣялъ легко надъ гремящею тьмой,
Въ лучахъ огневицы развилъ онъ свой міръ,
Земля зеленѣла, свѣтился эфиръ...
Сады, лабиринты, чертоги, столпы...
И чудился шорохъ несметной толпы.
Я много узналъ мнѣ невѣдомыхъ лицъ :
Зрѣлъ тварей волшебныхъ, таинственныхъ птицъ —
По высямъ творенья я гордо шагалъ,
И міръ подо мною недвижно сіялъ...
Сквозь грѣзы, какъ дикій волшебника вой,
Лишь слышался грохотъ пучины морской,
И въ тихую область видѣній и сновъ
Врывалася гѣна ревущихъ валовъ». (Стр. 48).

Узнаёте ли поэта? видите ли, что онъ живетъ двойною жизнью — одною, которая у него общая со всѣми нами, и другою, таинственною, которая принадлежитъ ему одному? Послушайте его, поговорите съ

нимъ, и вы опять повѣрите волшебной силѣ поэтическихъ словъ и видѣній.

И видится ему часто въ Божіемъ мірѣ совсѣмъ не то, что видимъ мы въ немъ нашими простыми глазами, и часто чувствуется ему въ немъ нѣчто такое, о чемъ мы и не подозреваемъ. Вотъ сошла на землю темная ночь : для васъ все скрылось, все исчезло ; но въ безмолвіи ночи, въ ея неразгаданномъ мракѣ, душа поэта чувствуетъ нѣчто родное, знакомое ей по отдаленнымъ воспоминаніямъ :

«Святая ночь на небосклонъ взошла
И день отраднѣй, день любезнѣй,
Какъ золотой коверъ она свила —
Коверъ, накинутый надъ бездною.
И, какъ видѣнье, внѣшнѣй міръ ушелъ...
И человекъ, какъ сирота бездомный —
Стоитъ теперь и немощенъ и голъ,
Лицомъ къ лицу предъ этой бездною темною...
И чудится давно-минувшимъ сномъ
Теперь ему все свѣтлое, живое,
И въ чуждомъ, неразгаданномъ ночномъ
Онъ узнаетъ наследье родовое». (Стр. 100).

Кто изъ насъ не пережилъ прекраснаго дня и не видѣлъ потомъ тихо-нисходящей ночи ? Но кто изъ насъ видѣлъ этотъ «золотой коверъ», раскинутый надъ бездною, или кто подмѣтилъ, какъ ночь *всходила* надъ землею, и какъ она свивала его, между-тѣмъ, какъ внѣшнѣй міръ *уходилъ* прочь, подобно видѣнію ? Или кто уловлялъ это неразгаданное, но родное, что слышится каждому въ безмолвномъ мракѣ ночи, хотя и не находить себѣ выраженія на обыкновенномъ языкѣ ?

Не удивляйтесь же, что рѣчи поэта иногда отзываются таинственностью. Надъ міромъ, который видимъ вѣтъ намъ, у него распростирается еще свой міръ, доступнѣй лишь поэтическому глазу ; душа его полна видѣній и сновъ, которыхъ никто не можетъ намъ рассказать, кромѣ его самого. Кто хочетъ войти въ смыслъ его видѣній, тотъ пусть внимательно прислушивается къ его рѣчамъ и не теряетъ изъ нихъ ни одной черты. Иное можетъ показаться вовсе-неимѣющимъ образа, что въ сущности лишь не уловляется имъ сполна. Не-вниманіе, конечно, легче ; но нѣкоторые образы и не могутъ быть иначе уловлены, какъ при усиленномъ вниманіи. Напримѣръ, этотъ образъ жизни, который мы находимъ у того же поэта :

«Какъ океанъ объемлетъ шаръ земной,
Земная жизнь кругомъ объята снами :
Настанетъ ночь, и звучными волнами
Стихія бьютъ о берегъ свой.
То гласъ ея : онъ нудитъ насъ и проситъ,
Ужъ въ пристани волшебнѣй ожилъ чолнѣ...»

Приливъ растеть и быстро насъ уносить
 Въ неизмѣримостъ темныхъ волнь.
 Небесный сводъ, горящій славой звѣздной,
 Тайнственно глядитъ изъ глубины,
И мы плывемъ, пылающею бездной
Со всѣхъ сторонъ окружены». (Стр. 12).

Какое великолѣпное представленіе того, что въ жизни есть таинственнаго, неуловимаго, неразгаданнаго, того, что владѣть нами и чѣмъ мы владѣть никогда не въ-состояніи! И кто, однако, поручится, что многіе не пропустятъ этого произведенія оттого только, что не привыкли останавливаться надъ стихомъ мыслью и думаютъ усвоить себѣ всякую поэтическую идею, не давая себѣ ни малѣйшаго труда. Намъ, кажется, напротивъ, что, даря читателя прекраснымъ образомъ, поэтъ въ-правѣ потребовать и съ его стороны нѣкотораго труда, нѣкотораго вниманія къ себѣ. Неудачнымъ можно считать тотъ только образъ, который не покорается даже и усиленному вниманію.

Мы не могли потомъ не узнать поэзію по другому, можетъ-быть, болѣе-общему, но неменѣе-вѣрному признаку. Помните ли то время, когда у насъ процвѣтала цѣлая школа поэтического искусства, когда почти каждая новая луна приносила намъ и новыя роскошныя цвѣты ея? Тогда мы знали поэзію не по слуху; тогда она была нѣчто живое, въ-очью совершавшееся. Всякій, у кого только было ухо, могъ легко узнать ея строй и изучить въ живыхъ примѣрахъ ея мелодію. Чтобы почувствовать прелесть художественности, неужно было прибѣгать къ теоріямъ, или обращаться къ давно-оставленнымъ книгамъ и отыскивать ихъ подъ пылью на полкахъ бібліотеки: художественные образы лежали въ свѣжихъ спискахъ на столѣ, или, даже еще проще, у всѣхъ были въ свѣжей памяти: ихъ знали наизусть, ими любовались наизусть, ихъ читали и перечитывали другъ другу. Кто прошелъ черезъ эту школу, или хотя только пережилъ ея время, тому поэзія всегда отзовется какъ нѣчто-родное, давно-знакомое.

Тогда не знали точныхъ опредѣленій и означали этотъ неуловимый эфиръ, которымъ вѣетъ отъ всего поэтического, словомъ: «невыразимое». Послѣ того много опредѣлилось въ поэзіи, подвергнутый анализу поэтической процесъ сталъ яснѣе для чистой мысли и художественность сдѣлалась высшимъ опредѣленіемъ поэтического достоинства. Но и сверхъ всѣхъ найденныхъ опредѣленій осталось еще нѣчто неуловимое въ поэтической прелести, что до-сихъ-поръ не покорается никакому анализу и не выражается никакимъ точнымъ словомъ. Эта поэтическая квинтэссенція дается лучше-всего по сравненіи съ готовыми образцами, съ тѣми особенно, которые сами-собою остаются въ памяти и, какъ музыкальные звуки, легко пробуждаются въ ней при малѣйшемъ напоминаніи. Для привыкшаго къ нимъ слуха достаточно двухъ или трехъ вѣрныхъ тоновъ, чтобы распознать истинно-поэтическое отъ поддѣльнаго.

Послушайте, напримѣръ, эти звуки : не знакомые ли они вамъ ?

«Надъ виноградными холмами
Плывутъ золотыя облака,
Внизу зелеными волнами
Шумить померкшая рѣка ;
Взоръ постепенно изъ долины,
Подъемясь, всходитъ къ высотамъ
И видитъ на краю вершины
Круглообразный, свѣтлый храмъ.
Тамъ, въ горнемъ, неземномъ жилищѣ,
Гдѣ смертной жизни мѣста нѣтъ,
И легче и пустынно—чище
Струя воздушная течеть.
Туда взлетая, звукъ нѣмѣеть —
Лишь жизнь природы тамъ слышна,
И нѣчто праздничное вѣетъ,
Какъ дней воскресныхъ тишина». (Стр. 41).

Мотивъ не новый, но онъ именно потому и дорогъ намъ, что мы знакомы съ нимъ давно, что помнимъ его еще со времени лучшаго изъ нашихъ поэтовъ. Между—тѣмъ вы не скажете, конечно, чтобъ это было подражаніе : вы найдете лишь одинаковое чувство, вызванное одинаковымъ положеніемъ.

Это было тогда какое—то общее гармоническое настроеніе въ литературѣ, отъ котораго доносится до насъ развѣ изъ стараго времени нѣкоторые затерявшіеся звуки, въ родѣ слѣдующихъ :

Востокъ бѣлѣлъ... ладья катилась,
Вѣтрило весело звучало!
Какъ опрокинутое небо
Подъ нами море трепетало.
Востокъ алѣлъ... она молилась,
Съ кудрей откинувъ покрывало,
Дышала на устахъ молитва,
Во взорахъ небо ликовало...
Востокъ вспыхивала... она склонилась,
Блестящая поникла вѣя,
И по младенческимъ ланитамъ
Струились капли огневая»... (Стр. 36).

Потревожьте немного память своего слуха, и вы почувствуете, что поэтъ возобновляетъ вамъ даже знакомые образы и соединенную съ ними прелесть. Какъ тамъ видѣли вы взоръ, подъемлющійся съ долины и постепенно восходящій къ высотамъ до горняго жилища, гдѣ слышна лишь жизнь природы, такъ здѣсь встрѣчаете вы, можетъ—быть, еще болѣе—знакомое вамъ «вѣтрило», откинутое съ кудрей «покрывало», «алѣющій востокъ», «ликующее небо», и еще многое за ними, что несо-

всѣмъ—легко сказывается словомъ, но что лучше узнается памятью чувства.

Такъ—какъ у насъ пошло на поэтическія воспоминанія, то мы не можемъ удержаться, чтобъ съ помощью нашего поэта не возобновить въ памяти читателей еще одного задушевнаго мотива изъ добраго стараго времени :

«Итакъ, опять увидѣлся я съ вами,
 Мѣста печальныя, хоть и родныя,
 Гдѣ мыслилъ я и чувствовалъ впервые.
 И гдѣ теперь туманными очами,
 При свѣтѣ вечерющаго дня,
 Мой дѣтскій возрастъ смотреть на меня.
 О, бѣдный призракъ, немощный и смутный
 Забытаго, загадочнаго счастья!..
 О, какъ теперь безъ вѣры и участія
 Смотрю я на тебя, мой гость минутный!
 Куда какъ чуждъ ты сталъ въ моихъ глазахъ,
 Какъ братъ меньшей, умершій въ пеленахъ! (Стр. 51).

Надобно быть очень-юнымъ, чтобъ не узнать этого «бѣднаго призрака» перваго дѣтства и его забытаго, загадочнаго счастья; надобно быть большимъ новичкомъ въ литературѣ, чтобъ не обрадоваться этимъ «печальнымъ, хотя и роднымъ мѣстамъ», гдѣ вы мыслили и чувствовали впервые, какъ давнишнимъ милымъ знакомцамъ. Мотивъ такъ свѣжъ, что никто не сочтетъ его заимствованнымъ, и послѣдній оборотъ его такъ своеобразенъ, что никому и въ голову не придетъ искать въ немъ подражанія. Тайна этого поразительнаго согласія и почти созвучія между старымъ и новымъ опять заключается не столько въ сходствѣ отдѣльныхъ звуковъ, сколько въ общемъ настроеніи, которое принадлежало только одному времени, одной минувшей эпохѣ въ литературѣ, и которое составляло какъ-бы исключительную собственность только извѣстнаго поколѣнія.

Рѣшительно можно сказать, что никто такъ вѣрно не усвоилъ себѣ и никто такъ хорошо не сохранилъ лучшихъ поэтическихъ мотивовъ пушкинскаго періода литературы, какъ г. Тютчевъ. Своею мелодіей, своими образами и еще тою «невъразимою» прелестью, которая остается въ поэзіи послѣ звучнаго стиха и яркаго образа, онъ прямо переноситъ насъ въ тотъ золотой вѣкъ. Онъ непремѣнно самъ былъ въ той мастерской, гдѣ работали лишь истинные художники; онъ видѣлъ тайну красоты своими собственными глазами и навсегда запечатлѣлъ образъ ея въ душѣ своей. Иначе мы, право, не умѣемъ понять, какъ, напримеръ, въ «іюлѣ 1850 года» могло быть написано слѣдующее стихотвореніе :

«Пошли Господь свою отраду
 Тому, кто въ лѣтній жаръ и зной,

Какъ бѣдный нищій, мимо саду
 Бредеть по жаркой мостовой;
 Кто смотритъ вскользь черезъ ограду
 На тѣнь деревьевъ, злакъ долинь.
 На недоступную прохладу
 Роскошныхъ, свѣтлыхъ луговинъ.
 Не для него гостепрѣимной
 Деревья сънью разрослись.
 Не для него, какъ облакъ дымной,
 Фонтанъ на воздухѣ повисъ.
 Лазурный гротъ какъ изъ тумана
 Напрасно взоръ его манитъ,
 И пыль росистая фонтана
 Главы его не освѣжить.
 Пошли Господь свою отраду, и т. д.» (Стр. 68).

Тутъ нѣтъ ни одной черты, которая бы исключительно принадлежала пушкинскому періоду. И этотъ нищій, который бредеть въ лѣтній жаръ и зной, и эта дорога, идущая мимо сада и лишенная его прохладной тѣни — все это неотъемлемая собственность самого поэта, равно какъ и самая мысль стихотворенія, граціозно-спрятанная за ними, какъ, говоря словами другаго поэта, «прячется въ саду малиновая слива подъ тѣнью сладостной зеленого куста». Но какого времени, какъ не пушкинскаго, этотъ художественный строй, эта удивительная гармонія всѣхъ красокъ, наконецъ это рѣдкое умѣнье провести всю мысль въ одномъ образѣ, ни разу не разоблачивъ ея до наготы?

Самая мысль о смерти не возмущаетъ ясности взгляда и разрѣшаетъ гармонію. У нашего поэта :

«И гробъ опущенъ ужъ въ могилу,
 И все столпилось вокругъ.
 Толкуются, дышать черезъ силу.
 Спиряетъ грудь тлетворный духъ
 И надъ могилою раскрытой,
 Въ возгласіи, гдѣ гробъ стоитъ.
 Ученый пастырь сановитый
 Рѣчь погребальную гласитъ.
 Въщааетъ брѣвность человѣчью,
 Грѣхопаденье, кровь Христа —
 И умною, пристойной рѣчью
 Толпа различно занята.
 А небо такъ неглубинно-чисто,
 Такъ безпредѣльно надъ землею,
 И птицы рѣютъ голосисто
 Въ воздушной безднѣ голубой». (Стр. 18).

Распознавъ разъ поэзію, всегда стѣдуетъ труда всмотрѣться пристально въ ея фязіономію. Приятно, во первыхъ, отыскать въ ней общія,

родовыя черты, находимыя болѣею-частью по сравненію ; еще пріятнѣе отличить въ ней индивидуальное и какъ-бы личное, открывающееся глазу при болѣе-отчетливомъ наблюденіи. Мы согласились на первыя въ доказательство того, что имѣемъ дѣло съ истинною поэзіею; теперь можемъ полюбоваться нѣкоторыми изъ нихъ въ стихотвореніяхъ г. Тютчева безъ всякой затаенной мысли. Подъ какимъ бы небомъ ни родилась поэзія, однимъ изъ самыхъ неизмѣнныхъ свойствъ ея было всегда—возвращать человѣка къ природѣ. Жизнь городовъ, при всѣхъ ея выгодахъ, имѣетъ то важное неудобство, что не только разлучаетъ насъ съ природою, но нерѣдко подавляетъ въ насъ самое чувство красоты ея. Между нашихъ каменныхъ стѣнъ, среди нашего искусственного быта, мы становимся невнимательны и равнодушны къ тысячеобразной жизни естества, глухи и слѣпы къ ея свободнымъ проявленіямъ; мы съ каждымъ днемъ все болѣе-и-болѣе отчуждаемся отъ природы и нерѣдко оканчиваемъ тѣмъ, что бѣжимъ ея, какъ чего-то враждебнаго намъ. Это значитъ почти то же, что потерять одинъ изъ главныхъ органовъ для наслажденія жизнью. Поэзія возвращаетъ намъ это драгоценное чувство. Сама любимая дочь природы, питающаяся самыми ароматными ея испареніями, она ставитъ человѣка лицомъ къ лицу передъ нею и снова пробуждаетъ въ немъ заснувшую любовь къ общей матери. Перенесенный въ ея лоно поэзіею, житель города смягчается и снова становится полною сочувствію природѣ и доступенъ наслажденію ея красотами.

Мы давно ужъ не встрѣчали столько чувства природы и столько мастерства въ ея изображеніи, какъ у г. Тютчева. Взоръ его постоянно обращенъ къ ней ; что бы онъ ни говорилъ, о чемъ бы ни помышлялъ, природа вѣчно передъ нимъ съ своею нетлѣнною красою. Между ними какъ-будто существуетъ самое тѣсное связующее ихъ родство ; на всякій звукъ ея есть у него свой отзывъ; для всякаго ея явленія есть у него соотвѣтствующія краски. Кроткая, или грозная, въ пышномъ весеннемъ нарядѣ, или въ печальномъ осеннемъ убранствѣ, природа, кажется, одинаково-хороша въ его поэтическихъ изображеніяхъ. И яркій полдень, и золотистый вечеръ, и темная бездна ночи — все дышитъ истинною подъ его одушевленной кистью.

«Лѣнливо дышетъ полдень мглистый,
Лѣнливо катится рѣка,
И въ тверди пламенной и чистой
Лѣнливо таютъ облака.
И всю природу, какъ туманъ,
Дремота жаркая объемлетъ,
И самъ теперь великій Панъ
Въ пещерѣ нимфъ спокойно дремлетъ». (Стр. 3).

Красокъ немного, но какъ всё онѣ истинны, какъ вѣрно подмѣчены у самой природы ! Автору, очевидно, знакома тайна рисовать немногими,

но подлинными чертами красоту ея явленій. Но вотъ сошелъ полднennyй зной, и тихая ночь покрыла землю своими крылами : у поэта готовы ужъ новыя краски, и нѣсколько штриховъ дають почувствовать прелесть новой картины :

«Тихой ночью, позднимъ лѣтомъ,
Какъ на небѣ звѣзды рдѣютъ,
Какъ подѣ сумрачнымъ ихъ свѣтомъ
Нивы дремящія зрѣютъ!..
Усыпительно—безмолвны,
Какъ блестятъ въ тиши ночной
Золотистыя ихъ волны,
Убѣленные луной!» (Стр. 66)

Намъ нравится выразительная краткость поэта : она свидѣтельствуетъ о неподдѣльности чувства. Какъ оно сказалось въ немъ, такъ и выразилось. Если чувство мимолетно, и самый образъ его недолго задержитъ вниманіе читателя. При—всемъ—томъ въ каждомъ мотивѣ есть своя полнота ; иногда же въ своихъ картинахъ природы авторъ достигаетъ удивительной оконченности. Кто, напримѣръ, не любовался ею въ этомъ теперь ужъ всеміи заученномъ изображеніи «весенней грозы»:

«Люблю грозу въ началѣ мая,
Когда весенній, первый громъ,
Какъ—бы рѣввяся и играя,
Грохочетъ въ небѣ голубомъ.
Гремятъ раскаты молодые.
Вотъ дождикъ брызнулъ, пыль летитъ,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотитъ.
Съ горы бѣжитъ потокъ проворный.
Въ лѣсу не молкнетъ птичій гамъ,
И гамъ лѣсной, и шумъ нагорный —
Все вторитъ весело громамъ.
*Ты скажешь : вѣтренная Геба,
Кормя зевесою орла,
Громокипящій кубокъ съ неба,
Смѣясь, на землю пролила».* (Стр. 47).

Какой несравненный художникъ ! Воскличаніе это невольно вырывается у читателя, перечитывающаго въ десятый разъ это маленькое произведеніе совершеннѣйшаго стиля. И мы повторимъ вслѣдъ за нимъ, что рѣдко въ немногихъ стихахъ удается соединить столько поэтической красоты. Всего больше плѣняетъ въ картинѣ, конечно, послѣдній образъ изящнѣйшаго вкуса и выдержанный въ каждой своей чертѣ. Подобные образы нечасто попадаютъ въ литературу. Но, любуясь художественнымъ окончаніемъ поэтическаго образа, ненадобно терять изъ виду цѣлое его изображеніе : оно также исполнено прелести, въ немъ тоже

нѣтъ ни одной фальшивой черты и, сверхъ того, оно все, отъ начала до конца, дышитъ такимъ свѣтлымъ чувствомъ, что вмѣстѣ съ нѣмъ какъ-будто переживаешь вновь лучшія минуты жизни. На нашей памяти немного стихотвореній, которыя бы такъ живо и такъ ярко передавали впечатлѣнія, полученныя отъ природы въ одинъ изъ самыхъ неуловимыхъ ея моментовъ.

Впрочемъ, много поэзии и въ «лѣтней грозѣ», какъ рисуетъ ее искусная рука того же мастера:

«Неохотно и несмѣло
Солнце смотритъ на поля...
Чу! за тучей прогремѣло,
Припахмурилась земля.

Вѣтра теплаго порывы,
Дальній громъ и дождь порои...
Зеленѣющая нивы
Зеленѣе подъ грозой.

Вотъ пробилась изъ-за тучи
Синей молніи струя;
Пламень бѣлый и летучій
Окаймилъ ея края.

Чаще капли дождевыя,
Вихремъ пыль летитъ съ полей.
И раскаты громовые
Все сердитѣе и смѣлѣе.

•Солнце разъ еще взглянуло
Исподлѣбя на поля —
И въ сѣни потонула
Вся смятенная земля». (Стр. 67).

Тутъ нѣтъ ни «вѣтренной Гебы», ни ея «громошныщаго кубка», пролитаго на землю среди веселаго смѣха; но за-то есть своя чарующая прелесть въ этой «смятенной землѣ, которая потонула въ сѣни лучей солнца», проглянувшаго изъ-за тучъ. Это значитъ изображать одною чертою то, что въ другомъ искусствѣ потребовало бы множество красокъ. Замѣтимъ опять тотъ же вѣрный глазъ, умѣнье подмѣчать въ явленіи самые тонкіе оттѣнки и находить имъ соответствующіе звуки въ рѣчи (указываемъ въ-особенности на третій куплетъ)... Все это опять напоминаетъ ту эпоху творчества въ языкѣ, когда каждое явленіе въ природѣ такъ легко покорялось художественному слову.

Но подъ этою волшебною кистью возбуждаетъ участіе къ себѣ даже и грустная осень; подъ лучомъ поэтическаго чувства и она зажигается какимъ-то теплымъ, хоть и умирающимъ огнемъ:

«Обвѣявъ вѣщею дремотой,
 Полураздѣтый лѣсъ грустить;
 Изъ лѣтнихъ листьевъ развѣ сотый,
 Блестя осенней позомотой,
 Еще на вѣткѣ шелестить.
 Гляжу съ участьемъ умленнымъ . . .
 Когда, пробившись изъ-за тучъ,
 Вдругъ по деревьямъ испещреннымъ
 Молніевидный брызнетъ лучъ.
 Какъ увядающее мило,
 Какая прелесть въ немъ для насъ,
 Когда, что такъ цвѣло и жило,
 Теперь такъ немощно и хило,
 Въ послѣдній улыбнется разъ!..» (Стр. 80).

Только одна зима, холодная, мертвящая зима, не возбуждаетъ въ нашемъ поэтѣ никакого участія. Онъ отвращается, бѣжитъ отъ нея; при одномъ взглядѣ на ея ледяную ткань, въ немъ стынетъ поэтическое чувство. Подъ инымъ небомъ расцвѣлъ праздникъ его молодости; такъ мудро ли, что холодъ ничего не говоритъ ни его сердцу, ни его воображенію? что душа его тѣмъ пламеннѣе рвется на югъ, чѣмъ больше ледѣнитъ кровь его суровое дыханіе сѣвера? Чѣмъ ни окружите поэтическую натуру, она все будетъ искать родной себѣ природы и вѣчно будетъ томиться тоскою по ней. Послушайте, какъ много этого *Sehnsucht* въ слѣдующемъ стихотвореніи :

«Давно ль; давно ль, о югъ блаженный,
 Я зрѣлъ тебя лицомъ къ лицу,
 И какъ Эдемъ ты растворенный
 Доступенъ былъ мнѣ, пришлецу?
 Давно ль — хотя безъ восхищенья,
 Но новыхъ чувствъ не даромъ полнъ —
 Я тамъ заслушивался пѣнья
 Великихъ, средиземныхъ воля!
 И пѣснь ихъ, какъ во время оно,
 Полна гармоніи была,
 Когда взъ ихъ роднаго лона
 Кирида свѣтлая всплыла...
 Онъ все тѣ же и понинѣ,
 Все такъ же блещутъ и звучатъ --
 По ихъ лазоревой равнинѣ
 Родные призраки скользятъ,
 По я... я съ вами распростился.
 Я вновь на сѣверъ увлеченъ;
 Вновь надо мною опустился
 Его свинцовый небосклонъ.
 Здѣсь воздухъ колетъ; снѣгъ обильный
 На высотахъ и въ глубинѣ, —

И холодъ, чародѣй всесильный,
 Одинъ господствуетъ вполнѣ.
 Но тамъ, за этимъ царствомъ вьюги,
 Тамъ, тамъ, на рубежѣ земли,
 На золотомъ, на свѣтломъ югѣ,
 Еще я вижу васъ вдали:
 Вы блещете еще прекраснѣй,
 Еще лазурнѣй и свѣжѣй,
 И говоръ вашъ еще согласнѣй
 Доходить до души моей». (Стр. 10).

Между поэтомъ и югомъ, какъ видно, образовалась та тѣсная связь, которая переходитъ въ самую кровь. Ихъ не разлучишь: они всегда останутся свои другъ другу. Это чувствуется по всему, всего же болѣе по задушевности мотива въ обращеніи поэта къ дорогому для него югу, задушевности, какую мы запомнимъ только у Пушкина. Какъ-будто югъ звучалъ для нихъ одною музыкою: въ ихъ воспоминаніяхъ о немъ слышатся тѣ же самые тоны. Поэтъ ищетъ жизни въ природѣ, и на его призывный голосъ она отзывается какъ истинно-живой организмъ, полный смысла и чувства. Этому представленію природы поэтъ посвятилъ цѣлое стихотвореніе, замѣчательное особенно по своей оригинальной формѣ. Съ перваго взгляда подумаешь, что онъ говоритъ не о томъ, что такъ сильно занимаетъ его самого, а о томъ, что вовсе не занимаетъ другихъ...

«Не то, что мните вы, природа —
 Не слѣпокъ, не бездушный ликъ:

Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ.

Вы зрите листь и цвѣтъ на дрѣвѣ:
 Иль ихъ садовникъ приклеилъ?
 Иль зрѣетъ плодъ въ родимомъ чревѣ
 Игрою вѣшнихъ, чуждыхъ силъ?

Они не видятъ и не слышатъ,
 Живутъ въ семь мірѣ, какъ въ потьмахъ;
 Для нихъ и солнца знать не дышатъ
 И жизни нѣтъ въ морскихъ волнахъ.

Лучи къ нимъ въ душу не сходили,
 Весна въ груди ихъ не цвѣла,
 При нихъ лѣса не говорили
 И ночь въ звѣздахъ нѣма была,

И, языками неземными,
 Волнуя рѣки и лѣса,
 Въ ночи не совѣщалась съ ними,
 Въ бесѣдѣ дружеской, гроза.

Не ихъ вина: пойми коль можетъ,
 Органа жизнь глухо-гнѣмой!
 Увы, души въ немъ не встревожить
 И голосъ матери самой! (Стр. 15).

Кромѣ втораго куплета, несовсѣмъ-поэтическаго, который мы отсылаемъ назадъ къ автору для необходимаго пересмотра, остальные стихи, всѣ до единого, навсегда удержатся въ литературѣ наравнѣ со многими другими выраженіями оригинальнаго поэтическаго чувства. Этотъ немного-жосткій, повидимому, упрекъ поэта непоэтическимъ душамъ въ-сущности исполненъ такой любви къ природѣ и къ людямъ! Какъ хотѣлось бы автору раздѣлить наполняющее его чувство съ другими, которые своею невнимательностью лишаютъ себя одного изъ самыхъ чистыхъ наслажденій!..

Мы устали выписывать; самъ авторъ можетъ посѣтовать на насъ за то, что мы беремъ у него слишкомъ-много. Но отъ хорошаго отстать трудно; истинно-поэтическое владѣть этимъ родомъ очарованія въ высшей степени. На этомъ самомъ пунктѣ, прежде чѣмъ кончить о томъ, какъ отражается природа въ поэтическомъ зеркалѣ г. Тютчева, мы не можемъ избѣжать еще одной выписки. Иногда въ воображеніи нашего поэта природа отражается такъ оригинально, что это стоить особаго наблюденія. Пусть читатель пробѣжитъ вмѣстѣ съ нами слѣдующую фантазію—авторъ называетъ ее «День и Ночь»:

«На мѣрѣ таинственный духовъ
 Надъ этой бездной безымянной
 Покровъ наброшенъ златотканный
 Высокой волею боговъ.
 День — сей блистательный покровъ —
 День, земнородныхъ оживленье,
 Души болящей исцѣленье,
 Другъ человѣковъ и боговъ!
 Но меркнетъ день, настала ночь,
 Пришла и, съ міра роковаго (?)
 Ткань благодатную покрыва
 Сорвавъ, отбрасываетъ прочь.
 И бездна намъ обнажена
 Съ своими страхами и мглами,
 И нѣтъ преградъ межъ ей и нами:
 Вотъ отчего намъ ночь страшна». (Стр. 45).

Не правда ли, мы привыкли (насъ приучили къ тому другіе поэты) представлять себѣ ночь — покровомъ, скрывающимъ отъ насъ землю, а день противоположнымъ явленіемъ, которое снова разоблачаетъ мѣрѣ передъ нами? Если съ той же точки зрѣнія вы взглянули и на выписанное нами стихотвореніе, то неудивительно, что вы въ немъ ничего не поняли. Въ немъ все наоборотъ: поэтъ нашелъ новый уголъ зрѣ-

нія, откуда міръ представляется ему совѣтъмъ въ иномъ видѣ. Не ночь покровъ, а день, но покровъ «блистательный», «златотканый», отрадный для смертнаго взора, потому—что онъ скрываетъ за собою темную бездну ночи, исполненную мрака и тайныхъ ужасовъ. Вотъ отчего, когда снять этотъ блистательный покровъ, передъ нимъ открывается бездна, и вотъ отчего намъ ночь страшна! Между многими удивительными свойствами поэтической фантазіи есть всегда одно, особенное: она творить новый міръ надъ старымъ, или такъ мѣняетъ точку зрѣнія, что даже старое, давно-знакомое глазу, поражаетъ взоръ какою-то необылаю новизною. Но это также черта, свидѣтельствующая объ оригинальности поэта.

Отъ природы обратимся опять къ искусству, къ цивилизаціи. Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о поэзіи, необходимо предположеніе объ искусствѣ, а искусство обнимаетъ все — жизнь человѣка, какъ и жизнь природы. Никто, конечно, не потребуетъ отъ поэта нашего времени, чтобъ онъ исключительно ограничился одною природою. Бѣденъ тотъ писатель, который черпаетъ свое вдохновеніе только изъ одного источника. Поэтъ нашего времени (предполагается) долженъ быть писатель образованный, которому болѣе или менѣе доступны всѣ стороны жизни, все разнообразіе ея явленій. Одно изъ самыхъ видныхъ отличій новой поэзіи отъ древней состоитъ въ томъ, что матеріалъ для нея лежитъ во всемъ, съ чѣмъ только соприкасается поэтъ своею жизнью, или своею мыслью. Въ поэзіи нашихъ дней сходятся и примиряются элементы самые разнообразные.

Въ дѣлѣ поэтическаго искусства всѣ мы немного ученики Гёте. Намъ какъ-то странно представить, чтобъ поэтъ писалъ лишь картины природы и не мыслялъ. Мысль, конечно, не составляетъ исключительной собственности поэзіи: для мысли есть другая, болѣе-обширная область, въ которой она составляетъ главное содержаніе; но, съ другой стороны, участіе мысли необходимо въ наше время во всемъ, что только предъявляетъ право на вниманіе образованныхъ читателей, слѣдовательно и въ поэзіи. Слѣбое, немыслящее искусство стало уже анахронизмомъ. Муза, которая не прошла одной съ нами школы образованія и лишена умственного развитія, можетъ-быть, плѣнить на-время наше воображеніе, но едва-ли сохранить надолго свое очарованіе надъ нимъ. Образованный читатель всегда заинтересуется узнать новое явленіе въ литературѣ; но иное дѣло возбудить къ себѣ вниманіе, и иное надолго привязать его къ себѣ. Послѣднее дается лишь тѣмъ писателямъ, которые, отнесительно общаго образованія, стоятъ по-крайней-мѣрѣ на одномъ урвнѣ съ образованною публикою своего времени, если не выше, то и не ниже. Пріятно слышать безъискусственный дѣтскій лепетъ; но какъ бы онъ ни казался занимателенъ, онъ скоро можетъ наскучить своимъ однообразіемъ. Намъ случалось встрѣчать дѣйствительные таланты въ литературѣ, которымъ для полнаго успѣха не доставало только этого

условія—и что жь? теряя съ каждымъ днемъ все больше-и-больше участіе образованной публики, они, чтобъ не остаться вовсе безъ читателей, начали льстить грубому вкусу людей, знакомыхъ только съ балаганнымъ искусствомъ, и, унижая себя, низводили вмѣстѣ съ собою литературу до самаго недеревоннаго скomorошества.

Правда, сочетаніе чистой мысли съ поэтическимъ образомъ — дѣло величайшей трудности. Какимъ образомъ соединить ихъ такъ, чтобъ мысль сохранила всю свою прозрачность, а поэтическій образъ насколько не потерялъ своей тѣлесности и свойственной ей пластичности? Мы не знаемъ этой тайны и не беремъ объяснять ее другимъ: но дѣло въ томъ, что такова искони была задача истиннаго искусства, и такъ или иначе, оно, впрочемъ, достигало своей цѣли. Поэтическая фантазія рождаетъ поэтическую идею — плоть и душу вмѣстѣ: мы не знаемъ, какимъ процесомъ это дѣлается, но знаемъ, что, облекшись въ форму поэтического произведенія, идея разлагается *потомъ*, какъ въ призмѣ, въ умѣ читателя на мысль и пластическое ея изображеніе. Искусство поэта состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, чтобъ прежде всего дать почувствовать красоту образа; но, полюбившись имъ, пріятно бываетъ ощутить за нимъ и присутствіе мысли-невидимки. Такое удовлетвореніе — безспорно, самое полное въ искусствѣ; и тотъ вполне достигаетъ поэтической цѣли, кто, говоря воображенію, говоритъ въ то же время и тѣмъ же самымъ способомъ мысли читателя.

Мы почти готовы еще разъ возвратиться къ стихотворенію «Пошли Господь свою отраду» и перечитать его снова, чтобъ привести еще ближе къ сознанію читателя поэтическое искусство. Но нашъ авторъ такъ богатъ мыслью, что мы можемъ показать это на многихъ другихъ примѣрахъ и не имѣемъ необходимости повторять ужъ извѣстное. Мы боимся, напротивъ, что, начавъ выписывать, опять не будемъ умѣть скоро остановиться... Посмотрите, напримѣръ, какъ уравнивается у нашего поэта мысль съ своимъ образомъ въ этомъ стихотвореніи:

«Потокъ сгустился и тускнѣеть
И прячется подъ твердымъ льдомъ.
И гаснетъ цвѣтъ, и звукъ нѣмѣеть
Въ оцѣпенѣнны ледяномъ.
Лишь жизнь безсмертную ключа
Сковать всесильный хладъ не можетъ:
Она все льется и, журча,
Молчанье мертвое тревожить.
Такъ и въ груди осиротѣлой
Убитой хладомъ бытія,
Не льется юности веселой,
Не блещетъ рѣзвая струя.
Но подо льдиною корою
Еще есть жизнь, еще есть ропотъ,

И внятно слышится порой
Ключа таинственного шопоть». (Стр. 37).

Мысль идетъ здѣсь вровень съ образомъ : иной сказалъ бы, что это лишь простое сравненіе. Въ-самомъ-дѣлѣ, поэтическое произведеніе иногда не идетъ дальше того, что называется «сравненіемъ». Но всмотритесь въ его построеніе, и вы увидите, что мысль не совлекается совершенно своего покрова даже тамъ, гдѣ хочетъ прямо говорить вашему уму : «и внятно слышится порой *ключа таинственнаго шопоть*». Въ этомъ состоитъ тайна поэтической прелести. То же самое найдете вы въ искрометномъ «Фонтанѣ»:

«Смотри, какъ облакомъ живымъ
Фонтанъ сіяющій клубится,
Какъ пламенѣть, какъ дробится
Его на солнцѣ влажный дымъ.
Лучомъ поднявшись къ небу, онъ
Коснулся высоты завѣтной —
И снова пылью огнецвѣтной
Низпасть на землю осуждень.

О, смертной мысли водометь.
О, водометь неистощимый!
Какой законъ непостижимый
Тебя стремить, тебя мятеть?
Какъ жадно къ небу рвешься ты!
Но длань незримо-роковая,
Твой лучъ упорный преломля,
Свергаетъ въ брызгахъ съ высоты...» (Стр. 34).

Здѣсь образъ еще ярче и еще больше богатства въ краскахъ, но мысль сильнѣе пробивается сквозь ихъ разноцвѣтный покровъ, нося, впрочемъ, на себѣ яркіе слѣды той среды, черезъ которую прошла въ поэтическомъ процесѣ. Воображайте себѣ, если угодно, судьбу человѣческой мысли, которая, какъ ни рвется въ высоту, все падаетъ внизъ, достигая лишь извѣтнаго предѣла — она все будетъ представляться вамъ въ видѣ неистощимаго водомета, который поднимается лучомъ къ небу и снова падаетъ на землю огнецвѣтной пылью.

Иногда, впрочемъ, и мысль и образъ бѣгутъ отъ глазъ читателя подобно тѣнямъ; но и это бываетъ не безъ особеннаго поэтическаго нагѣренія, потому-что такова самая природа нѣкоторыхъ мыслей...

«Какъ дымный столбъ свѣтлѣть въ вышинѣ!
Какъ тѣнь внизу скользитъ неувовимо!
Вотъ наша жизнь — промолвила ты мнѣ —
Не свѣтлый дымъ, блестящій при лунѣ,
А эта тѣнь, бѣгущая отъ дыма!» (Стр. 57).

Г. Тютчевъ — поэтъ вполне современный намъ, хотя и кажется запоздалымъ гостемъ въ литературѣ. Между занимающими его мыслями

есть много такихъ, которыя могутъ прійти въ голову только современному человѣку. Надобно много жить и думать, чтобъ сознать необходимость убѣжденія въ нихъ. Не для всѣхъ покажутся подобныя мысли новы, но едва-ли кто изъ читателей не согласится, что у нашего автора онѣ впервые нашли себѣ поэтическое выраженіе. Въ слѣдующемъ стихотвореніи это выраженіе такъ мѣтко и, сверхъ-того, такъ оригинально, что мы не затрудняемся привести его вполнѣ: читатели лучше увидятъ, какъ сильна и глубока у автора поэтическая струя. Стихотвореніе не носитъ никакого особеннаго заглавія

«Какъ птичка раннею зарей,
 Міръ, пробудившись, встрепенулся...
 Ахъ, лишь одной главы моеи
 Сонъ благодатный не коснулся!
 Хоть свѣжесть утренняя вѣтъ
 Въ моихъ всклокоченныхъ власахъ,
 На мнѣ, я чую, тяготѣтъ
 Вчерашній зной, вчерашній прахъ!
 О, какъ провзительны и дики,
 Какъ ненавистны для меня
 Сей шумъ, движенье, говоръ, клики
 Младаго, пламеннаго дня!
 О, какъ лучи его багровы,
 Какъ жгутъ они мои глаза!
*Ночь, ночь! о, иди твои покровы,
 Твой тихій сумракъ и роса!...*
 Обломки старыхъ поколѣній,
 Вы, пережившіе свой вѣкъ,
 Какъ вашихъ жалобъ, вашихъ пѣней
 Неправый праведень упрекъ!
 Какъ грустно полудсонной тѣнью,
*Съ изнеможеніемъ въ кости,
 На встрѣчу солнцу и движенью
 За новымъ племенемъ брести!»* (Стр. 22).

Мы подчеркиваемъ нѣкоторые стихи совершенно въ обратномъ смыслѣ противъ существующаго обычая отмѣчать курсивомъ стихи дурные, неудавшіеся: мы отличаемъ среди хорошаго тѣ, чтѣ какъ-бы прямо отрывается отъ сердца, или въ чемъ всего слышнѣе звучитъ поэтическая струна, попавшая на истинный тонъ. Такъ въ самой удачной музыкальной партіи, которая нравится вамъ вся, вы отличите еще нѣкоторые мотивы отъ другихъ, какъ особенно-счастливые. Не знаемъ, какъ кому, но для насъ это слово «идти на встрѣчу солнцу и движенью съ изнеможеніемъ въ кости» принадлежитъ къ числу самыхъ мѣткихъ словъ, какія когда-либо говорила наша поэзія: оно не умретъ въ ней, пока сохранится любовь къ изящному и истинный вкусъ.

Нѣчто подобное слышится въ стихотвореніяхъ «Черезъ ливонскія и

прѣзжалъ поля», «Смотря какъ на рѣчномъ просторѣ», всего же больше въ пьесѣ «Мужайтесь, други, боритесь прилежно», полной грустно-мужественнаго созерцанія. Вотъ еще одинъ изъ вѣрныхъ признаковъ поэтической натуры: поэтъ не боится встрѣчи ни съ какою мыслью, античное созерцаніе такъ же доступно ему, какъ и новое, если, однимъ словомъ, онъ не запирается въ тѣсномъ кругу условныхъ воззрѣній. Ему ничто не чуждо, что когда-либо выработано было человѣческою мыслью; время и мѣсто не дѣлаютъ для него разницы. Для него нѣтъ одной исключительной точки зрѣнія: не будучи ни грекомъ, ни римляниномъ, онъ будетъ смотрѣть на мѣръ то греческими, то римскими глазами, сообразно съ тѣмъ, что больше идетъ къ его собственному настроенію, и между-тѣмъ ни на минуту не переставетъ быть человѣкомъ своего времени.

Мѣръ историческій также нечуждъ г. Тютчеву, какъ и мѣръ мысли: поэтъ не менѣе исполненъ сочувствія къ великимъ судьбамъ челоѣчества, какъ легко усваиваетъ себѣ возвышенное воззрѣніе на мѣръ, какому бы вѣку оно ни принадлежало. Здѣсь и тамъ душа поэта равно отзывается на всякое великое явленіе. Мысль легко и скоро всходитъ у него надъ всемірнымъ событіемъ и, воплощенная въ поэтической образъ, служитъ ему путеводною звѣздой при оцѣнкѣ цѣлаго ряда явленій. Читатель лучше повѣритъ намъ, прочитавъ «Цицерона»: (Стр. 33).

Та же зрѣлость мысли, чувствительной ко всѣмъ великимъ явленіямъ всемірной жизни, прозрѣніе поражаетъ насъ въ «Колумбъ» (стр. 79), напоминающемъ стихотвореніе Шиллера подъ тѣмъ же названіемъ:

Но лучше всего «Венечія» (стр. 60.), одно изъ самыхъ счастливыхъ вдохновеній поэтической музыки г. Тютчева подъ вліяніемъ неизмѣнчивыхъ историческихъ воспоминаній—все равно, какой бы географической широтѣ они ни принадлежали.

Намъ бы оставалось пожелать, чтобъ каждое стихотвореніе г. Тютчева было такъ выдержанно и окончено въ своемъ родѣ, какъ «Венечія». Недовольно избрѣсти поэтической образъ: надобно еще, чтобъ онъ былъ въ ростъ и мѣру своей идеи. Иначе, должно произойти раздвоеніе, и поэтическая цѣль не будетъ достигнута. Поэтическое очарованіе держится лишь до-тѣхъ-поръ, пока красота образа наполняетъ воображеніе: какъ-скоро идея выступаетъ изъ него, она ужъ перестаетъ быть изящною и начинаетъ подлежать критикѣ, сравнѣнъ со всякою прозаическою мыслью. Поэзія исчезаетъ, и мѣсто ея заступаетъ обыкновенная мѣрная рѣчь, которая, удовлетворяя музыкальному чувству читателя, ничего впрочемъ не говоритъ его воображенію.

Мы не упрекнемъ автора въ томъ, чтобъ поэтическая форма служила ему лишь проводникомъ для тѣхъ или другихъ мыслей, или чтобъ онъ пользовался ею только, какъ орудіемъ для достиженія дру-

гихъ цѣлей, лежащихъ внѣ поэзіи. Въ наше время, когда истинная поэзія такъ выродилась, не рѣдкость встрѣтить наружныя формы ея, приспособленныя къ несвойственному ей содержанию. Выработавъ разъ хорошую форму, человекъ готовъ приспособить ее даже къ своей домашней утвари. Этому нѣтъ вовсе у г. Тютчева. Напротивъ, поэтическая натура его именно отличается тѣмъ преимуществомъ, что идея не иначе зарождается у него, какъ въ образѣ, съ которымъ связана органически, или что каждое его произведеніе выростаетъ изъ одного цѣльнаго зерна. Но нельзя не замѣтить, что образъ не всегда удается ему, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самая мысль много теряетъ въ ясности. Оттого ли, что поэту иногда измѣняетъ фантазія, или что онъ беретъ за кисть прежде, чѣмъ поэтической образъ вполне выяснился для него самого, только не все его произведенія одинаково выдержаны, и нѣкоторыя даже положительно страдаютъ неопредѣленностью образа. То чувствуется нетвердость руки, то какъ-будто слышится несовсѣмъ-вѣрный тонъ, то, наконецъ, авторъ какъ-будто чего-то не договариваетъ намъ. Иногда видишь передъ собою прекрасный очеркъ, начатый смѣлою и искусною рукою, какъ вдругъ откуда-то набѣжала тѣнь—и образъ уходитъ отъ насъ, заслоненный ею, прежде чѣмъ рисунокъ доведенъ до послѣдней черты! Передъ вами точно прошло прекрасное «Видѣніе», но вы не умѣете отдать въ немъ никакого себѣ отчета...

«Есть вѣкій часть всемірнаго молчанья,
И въ оный часть явленій и чудесъ
Живая колесница мірозданья
Открыто катится въ святилищѣ небесъ!
Тогда густѣетъ ночь, какъ хаосъ на водахъ...
Безпамятство, какъ Атласъ, давить сушу;
Лишь музы дѣвственную душу
Въ пророческихъ тревожать боги снахъ! (Стр. 49).

Едва вы постигли мыслью «живую колесницу мірозданія», катящуюся въ святилищѣ небесъ, какъ ужъ другіе, болѣе-неопредѣленные образы тѣнятъ ее въ вашемъ воображеніи. Откуда здѣсь безпамятство, которое давить сушу (?), и какимъ образомъ оно можетъ давить ее какъ Атласъ? Всего этого не можетъ ни вмѣстить наша мысль, ни связать съ первымъ образомъ, и онъ ускользаетъ отъ насъ недоконченный... Намъ очень-жалъ, что здѣсь же приходится поставить одно изъ самыхъ благоуханныхъ произведеній нашего поэта, страдающее тѣмъ же недостаткомъ; это его «Италянская вила»:

И распротаясь съ тревогою житейской,
И кипарисной рощей заслонясь,
Блаженной тѣнью, — тѣнью элисейской.
Она заснула въ добрый часъ.
И вотъ тому ужъ вѣка два, или болѣ,
Волшебною мечтой ограждена,

Въ своей цвѣтущей опочивъ юдолѣ,
На волю неба предалась она.

Но небо здѣсь къ землѣ такъ благосклонно:
И много лѣтъ и теплыхъ южныхъ зимъ
Провѣяло надъ нею полусонной,
Не тронувши ея крыломъ своимъ.

Попрежнему фонтанъ въ углу лепечеть,
Подъ потолкомъ гуляетъ вѣтерокъ,
И ласточка слетаетъ и щебечеть...
И спитъ она, и сонъ ея глубокъ.

И мы вошли: все было такъ покойно,
Такъ все отъ вѣка мирно и темно!
Фонтанъ журчалъ; недвижимо и стройно
Сосѣдній кипарисъ глядѣлъ въ окно.

Вдругъ все смутилось: судорожный трепеть
По вѣтвямъ кипариснымъ пробѣжалъ;
Фонтанъ замолкъ, и нѣкій чудный лепеть
Какъ бы сквозь сонъ невнятно прошепталъ:

Что это, другъ! или злая жизнь не даромъ, —
Та жизнь — увы! — что въ насъ тогда текла, —
Та злая жизнь съ ея мятежнымъ жаромъ,
Черезъ порогъ завѣтный перешла?» (Стр. 19).

«Какая прелесть!» невольно вырвется у каждого читателя подъ очарованіемъ этой несравненной фантазіи. И въ-самомъ-дѣлѣ, она уяснитъ васъ такъ далеко, она окружаетъ васъ такими чарами, и небо и земля въ ней такъ хороши, такъ дружны между собою, что нѣтъ силъ противиться ея обаянію. Но пусть попробуетъ читатель дать себѣ отчетъ въ ея заключеніи, пусть отыщетъ ключъ къ объясненію послѣдней загадки. Кому, вопервыхъ, принадлежитъ этотъ «чудный лепеть», и что за таинственный смыслъ его? Далѣе, что это за «злая жизнь» съ ея мятежнымъ жаромъ? кого и какъ могла возмутить она? Если полъ нею разумѣть прошедшую жизнь виаллы, то почему жъ она злая? и т. п. Не сомнѣваемся, что самъ авторъ знаетъ свою мысль, но не видимъ, чтобъ онъ нашелъ соответствующій ей образъ. Или онъ несовѣстнъ овладѣлъ ея выраженіемъ, или не досказалъ намъ чего-то: во всякомъ случаѣ, здѣсь чего-то недостаетъ для полного удовлетворенія. Какъ объяснить это въ поэтѣ, которому удаются такіе высокохудожественные образы, какъ цѣпь венеціанскихъ колець, какъ бѣдный нищій, идущій мимо сада, какъ вѣтреная Геба, проливающая кубокъ на землю, и который достигаетъ такой прозрачности мысли, какъ въ «Фонтанѣ», въ «Колумбѣ», въ «Утрѣ послѣ бессонницы» и во многихъ другихъ стихотвореніяхъ? Или рѣзецъ художника иногда скользитъ у него же подъ рукою?...

Изрѣдка лишь повстрѣчается въ стихотвореніяхъ г. Тютчева неточное слово, попадется нѣсколько-прозаическій стихъ, розниціи съ другими, какъ, наиримѣръ, въ «Осеннемъ Вечерѣ». (Стр. 6).

«Порывистый холодный вѣтръ порою,
Ущербъ, изнеможенье, и на всемъ
Та кроткая улыбка увяданья, и пр.»

Но мы предоставляемъ другимъ подбирать эти непоэтическія крохи. Ихъ совѣтъ не такъ много, чтобъ онѣ могли повредить общему хорошему впечатлѣнію, а служить примѣромъ неправильностей или ошибокъ онѣ не могутъ, потому—что слишкомъ—незначительны.

Лучше перебрать на память тѣ достоинства стихотвореній г. Тютчева, которыя намъ удалось схватить въ нашемъ бѣгломъ обзорѣ. Ихъ довольно: истинно—поэтическое настроеніе, живость и непосредственность впечатлѣній, задушевность многихъ мотивовъ, ясность и прозрачность образа (кромѣ весьма—немногихъ исключеній), тонкое чувство красоты, широкая образованная мысль, ея многосторонняя воспримчивость, нерѣдко оригинальность колорита. Ихъ даже много, если взять еще во вниманіе достоинство самого стиха, гармоническаго, звучнаго, гибкаго, живописнаго и часто необыкновенно—выразительнаго—все это вмѣстѣ составляетъ чрезвычайно—благоуханный поэтический букетъ. Мы назвали г. Тютчева запоздалымъ гостемъ въ нашей литературѣ потому именно, что подобнаго строя давно не слыхать было въ ней; за то мы были и рады его поэзіи, какъ свѣтлой дождевой каплѣ, упавшей къ намъ послѣ долговременной засухи. По тому же самому, взявъ ужъ многое изъ собранія стихотвореній г. Тютчева, мы готовы были бы еще разъ возвратиться къ нему и выписать сюда еще нѣсколько пьесъ. Если, разбирая нашего поэта, намъ и удалось схватить нѣкоторыя черты его, то мы далеки еще до того, чтобъ исчерпать до конца родникъ его поэзіи и осмотрѣть ее со всѣхъ сторонъ.

XVI новыхъ поученій протоіерея Родіона Путятина. Москва. 1854. Въ 8-ю д. л. 96 стран.

«Краткія поученія» протоіерея Путятина приобрѣли себѣ обширный кругъ читателей простотою и близостью своего содержанія къ потребностямъ слушателей; много содѣйствовала успѣху самая «краткость» ихъ — качество, драгоцѣнное въ наставленіяхъ людямъ, непривыкшимъ къ многомудрствованію. «Новыя поученія» отличаются всѣми достоинствами прежнихъ. Ограничимся только указаніями на то, что авторъ, попережнему, прекрасно сообразуется въ выборѣ предметовъ для своихъ поученій не столько съ тѣмъ, много ли блестящихъ сторонъ для ораторскаго развитія представляютъ эти тѣмы, сколько съ действительными нуждами поучаемыхъ. Такъ второе его поученіе объясняетъ пользу добрыхъ дѣлъ не только для тѣхъ, кому мы дѣлаемъ добро, но и для нашей собственной души; третье говорить о необходимости молиться, с адыя за собой; четвертое о бесполезности пересудовъ и вредѣ злоговора для самого злоговорящаго, и т. д. Изданіе прекрасно.

Вражда Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ съ Англіею въ настоящее время и военныя силы обоихъ государствъ. С. Петербургъ. 1854 г. Въ 12 д. л. 76 стр.

Объ англо-французской политикѣ въ восточномъ вопросѣ. Перевелъ съ французскаго Н. К-въ. Тверь. Въ тѣмъ Губернскаго Правленія. 1854. Въ 8 д. л. 95 стр.

Объ англо-французской политикѣ въ восточномъ вопросѣ. Сочиненіе отставнаго дипломата, переводъ М. М. Михайлова. С. Петербургъ, 1854. Въ 8 д. л. 93 стр.

Тайны англо-французской политики въ восточномъ вопросѣ. Соч. отставнаго дипломата. Переводъ съ французскаго. Москва. 1854. Въ 8 д. л. 55 стр.

Письмо въ Парижъ о нынѣшнемъ состояніи Турціи и о политическомъ кризисѣ на Востокъ. Переводъ съ французскаго. Издано въ пользу раненныхъ на войнѣ съ турками. С. Петербургъ. 1854. Въ 12 д. л. 115 стр.

Всѣ эти брошюры написаны хорошо и изобилуютъ интересными фактами, болѣею-частью извѣстными нашей публикѣ изъ газетъ. Одна изъ этихъ брошюръ («Вражда Американскихъ Штатовъ съ Англіею») кажется, произведеніемъ до нѣкоторой степени оригинальнымъ; другая (Объ англо-французской политикѣ) явилась почти въ одно время въ трехъ переводахъ: петербургскомъ, московскомъ и тверскомъ, и должно сказать: была достойна такого вниманія со стороны переводчиковъ.

Вѣрою въ Бога грозна и покорностью къ Царю смѣла земля Русская. С. Петербургъ. 1854. Въ 8-ю д. л. 26 стр.

Авторъ, скрывшій свое имя подъ буквами Ц...й Л...къ, выставленными въ концѣ брошюры, рассказываетъ свои патриотическія чувства по поводу настоящей войны простонароднымъ слогомъ. Нѣкоторыя страницы онъ пишетъ повеликорусски, другія помалорусски. Намѣреніе автора безспорно—хорошо, какъ безспорна и та истина, которая взята въ заглавіе его брошюры.

Съ нами Богъ! Впередъ!.. Ура!.. Собраніе стихотвореній на нынѣшнюю войну, изданное В. Дементьевымъ. Москва. 1854. Въ 8-ю д. л. 182 стр.

Отрадно видѣть, какъ единодушно откликнулись наши поэты на призывъ отечества къ бранн; какъ дружно соединились маститые ветераны нашей поэзіи съ юными своими преемниками въ одномъ чувствѣ, въ

одной мысли; въ какомъ прекрасномъ и согласномъ хорѣ раздались патриотическіе голоса достопочтеннаго г. О. Глики и г. Жемчужникова, г. Раича и г. А. Майкова... И сколько поэтовъ, давно-замолкшихъ, ударило опять въ струны своихъ лиръ и возвращено нашей поэзіи! сколько юныхъ талантовъ, порожденныхъ могучею силою того же чувства, выступило на поле битвы и поэзии! Гг. князь Виземскій, Стаховичъ, Ознобишинъ, Иванъ Ваненко, Красовъ, Шевыревъ — и званія: гг. Поѣдугинъ, Орестъ-Миллеръ, Рончевскій, Троицкій, Левашовъ, г-жа Колюпанова, и пр. и пр. Большая часть стихотвореній, собранныхъ г. Дементьевымъ, отличается неподдѣльными поэтическими красотами. Не выписываемъ лучшихъ, потому-что они всё лучшія, по крайней-мѣрѣ по своему содержанию. Да и кто изъ русскихъ читателей не знаетъ наизусть «Клермонтскаго Собора», «Вотъ въ воинственномъ азартѣ», «Пушкинъ, встань, проснись изъ гробу».. и пр. и пр.?

О ходѣ законовѣдѣнія въ Россіи и о результатахъ современнаго его направленія (,) съ присовокупленіемъ систематическаго указателя сочиненій юридическаго содержанія, изданныхъ въ Россіи съ 1830 по 1852 г. включительно, А. Станиславскаго. Санктпетербургъ. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. 1853. Въ 8-ю д. л. 110 стр.

Это — рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Казанскаго Университета, потомъ напечатанная въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» (Ч. LXXX) и наконецъ, теперь отдѣльно-изданная. 67 страницъ занимаетъ рѣчь г. Станиславскаго «О ходѣ законовѣдѣнія»; остальные страницы заняты перечнемъ сочиненій юридическаго содержанія, вышедшихъ съ 1830 по 1852 годъ.

При разсмотрѣніи хода законовѣдѣнія отъ Петра-Великаго до нашего времени, г. Станиславскій ограничивается больше внѣшнею стороною, правовѣдѣнія, нежели внутреннею, т. е. опъ упоминаетъ кто о чемъ писалъ, и когда явилось то или другое сочиненіе. Намъ казалось бы лучше, не останавливаясь на томъ, въ какомъ году вышло какое-нибудь сочиненіе, обратить свое вниманіе на тѣ вопросы, которымъ посвящены были юридическія изслѣдованія, и показать на сколько подвинулось впередъ нѣхъ рѣшеніе и что остается нерѣшеннымъ и неизслѣдованнымъ: тогда и успѣхи нашего законовѣдѣнія были бы виднѣе для каждаго, а такъ же и то, что еще остается сдѣлать нашимъ юристамъ.

Дополненіе къ Алтайской Флорѣ. С. Щеглеева. Москва. 1854. Въ 8-ю д. л. 119 стр.

Сочиненіе это, написанное для полученія степени магистра ботаники, состоитъ изъ трехъ главъ: 1) Краткій очеркъ исторіи алтайской флоры, 2) Общій взглядъ на алтайскую флору и отношенія ея къ

другимъ флорамъ, съ численными отношеніями главнѣйшихъ семействъ къ общему числу растений алтайской флоры, и 3) Вычлененіе растений, найденныхъ въ алтайскихъ странахъ и зюнгорскихъ степяхъ въ 1842, 43 и 44 годахъ г. Карелинымъ. Первые двѣ главы писаны порусски и составляютъ весьма-удачную выборку изъ разныхъ сочиненій объ Алтаѣ и алтайской флорѣ, а послѣдняя писана полатинѣ и составляетъ результатъ разбора травника, собраннаго г. Карелинымъ въ названные годы. Въѣстѣ съ тѣмъ она составляетъ дополненіе къ изданному уже г. Карелинымъ каталогу алтайскихъ растений. При сравненіи труда г. Щеглеева съ прежнимъ трудомъ г. Карелина, видно, что г. Щеглеевъ исправилъ нѣкоторыя ошибки въ опредѣленіяхъ у г. Карелина и, сверхъ того, нашелъ нѣсколько новыхъ видовъ, которые описалъ подробно въ изданномъ имъ дополненіи.

Высушенные растенія Воронежской Флоры. *Изданіе Н. Тарачкова. Сотня II-я. Воронежъ. 1854.*

Высушенные растенія Орловской Флоры. *Изданіе А. Тарачкова. Сотня IV-я. Орель. 1854.*

Гг. А. и Н. Тарачковы продолжаютъ съ величайшимъ усѣхомъ начатые ими труды и ежегодно дарятъ отечественную публку выпускомъ издаваемыхъ ими растений: г. Н. Тарачковъ — Воронежской Губерніи, а г. А. Тарачковъ — Орловской Губерніи. Полезное предпріятіе всегда оставляетъ по себѣ добрые слѣды: такъ и гг. Тарачковы нашли себѣ послѣдователей въ лицѣ гг. Пабо и Чоловскаго, приступившихъ въ прошломъ году къ изданію могилевской флоры, г. Поганки, предпріявшаго отдѣльно отъ г. А. Тарачкова изданіе орловской флоры, и другихъ особъ, приготавливающихъ къ изданію флоры двухъ сѣверныхъ губерній.

Мы ужь неоднократно имѣли случай говорить о необходимости, пользѣ и важности изданія сухихъ растений, дающихъ возможность каждому изучать почти безошибочно и, главное, безъ большаго труда изданныя растенія. Повторять сказанное было бы излишне, тѣмъ болѣе, что убѣжденіе въ необходимости изучать естественную исторію сдѣлалось ненужнымъ, и потому перейдемъ прямо къ краткому очерку двухъ вышедшихъ сотенъ. Обѣ онѣ изданы по одному и тому же плану и имѣютъ между собою много сходнаго. Такимъ-образомъ, оба выпуска заключаютъ въ себѣ по сту растений дикорастущихъ — одинъ въ Воронежской, а другой въ Орловской губерніяхъ и расположенныхъ по естественной системѣ Декандоля. Къ обоимъ выпускамъ приложены печатные каталоги in 8-о, въ которыхъ подъ номерами, соответствующими номерамъ, наклееннымъ при растеніяхъ, заключается латинское названіе растенія съ ссылкой на извѣстное сочиненіе Ледебура «*Flora rossica*» и съ указаніемъ семейства, къ которому относится это рас-

теніе; далѣ русское названіе этого растенія и его мѣстное презваніе, если такое названіе существуетъ; потомъ мѣстообитаніе, мѣсторожденіе (*statio*), почва, время цвѣтенія и мѣстное употребленіе, или свойство растенія. Въ концѣ каталоговъ приложены алфавитные указатели растеній, находящихся въ изданной сотнѣ. У г. Н. Тарачкова, въ «Воронежской Флорѣ», кромѣ того, указывается на степень обилія, въ какой встрѣчается данное растеніе, и помѣщено подробное объясненіе выраженій, принятыхъ для обозначенія мѣсторожденія. Экземпляры растеній собраны какъ у того, такъ и у другаго съ знаніемъ дѣла, высушены весьма-тщательно и разложены очень-красиво. Опредѣленія точны, за исключеніемъ №№ 330 *Geum strictum* и 373 *Amarantus retroflexus*, которыя въ нашемъ экземплярѣ суть *Geum urbanum* и *Amarantus paniculatus*; а мѣстныя русскія названія, особенно въ «Воронежской Флорѣ», весьма-многочисленны и любопытны.

Руководство къ Практической Навигациі и Мореходной Астрономіи, съ таблицами. Составилъ князь Евгений Голицынъ, флота капитанъ—лейтенантъ. С. Петербургъ. Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ. 1854. Въ большую 8-ю д. л. 455 стр.

Эта вполне-полезная книга напечатанная по Высочайшему повелѣнію и посвященная авторомъ русскому флоту, прежде всего обращаетъ на себя вниманіе необыкновенно-красивою своею наружностью, доказывающею, до какого совершенства доведена типографія нашей Академіи Наукъ; особенно многочисленныя и обширныя таблицы, удивительны своею ясностью и вмѣстительностью. Она содержитъ въ себѣ пять отдѣленій: 1) навигация, 2) мореходная астрономія, 3) объясненіе таблицъ, 4) самыя таблицы, числомъ 68, и 5) прибавленіе, въ которомъ собраны формулы, относящіяся къ навигациі, астрономіи и плоской и сферической тригонометріи.

Навигация состоитъ изъ пяти главъ: 1) Введеніе, въ которомъ *восемь* параграфовъ, дающихъ понятіе о предметахъ навигациі и мореходной астрономіи; 2) О компасѣ и лагѣ; 3) О морскихъ картахъ и ихъ употребленіи; 4) О различныхъ курсахъ и счисленіи корабельнаго пути, и 5) О теченіи моря.

Мореходная астрономія также начинается введеніемъ, описывающимъ круги, воображаемые астрономами на шарообразной земной поверхности и на шарообразномъ небесномъ сводѣ; затѣмъ слѣдуютъ шесть главъ, въ которыхъ показаны рѣшенія вопросовъ о географическихъ широтахъ и долготахъ; о повѣркѣ хронометра, или объ опредѣленіи времени съ надлежащею точностью, необходимою для безопасности плаванія; объ опредѣленіи склоненія компаса, измѣняющагося отъ причинъ естественныхъ и отъ дѣйствія окружающаго его желѣза, и о временахъ полноводія при отливахъ и приливахъ моря

Русские мореходы должны остаться особенно—благодарны за богатое собраніе таблицъ; между ними очень—много новыхъ, которыхъ нельзя найти въ подобныхъ сборникахъ на иностранныхъ языкахъ, и которыя необходимы для мореплаванія. Въ этомъ отношеніи опытный и трудолюбивый авторъ предупредилъ всѣ потребности своихъ сослуживцевъ.

При книгѣ находится предисловіе, въ которомъ читаемъ слѣдующее желаніе скромнаго автора: «всякій человѣческій трудъ весьма далекъ отъ совершенства, и имѣя въ виду быть полезнымъ нашимъ морякамъ, я съ признательностью приму всѣ замѣчанія, которыя будутъ сдѣланы, для того, чтобы при второмъ изданіи пополнить сочиненіе и исправить недостатки». Вслѣдствіе этого осмѣливаемся подать намъ голосъ съ весьма немногими замѣчаніями о мореходной астрономіи.

Второе изданіе такой полезной и прекрасной книги, безъ—сомнѣнія, послѣдуетъ въ непродолжительномъ времени, потому—что она должна быть ручною у всякаго моряка. Итакъ, почему бы, предъ рѣшеніями каждаго вопроса изъ мореходной астрономіи, не помѣстить формулъ, по которымъ производится эти рѣшенія? Намъ кажется, что словесное или описательное иль рѣшеніе очень—обременительно для памяти, для которой формулы будутъ сильнымъ вспомогательнымъ средствомъ и послужатъ оправданіемъ самого рѣшенія. Возьмемъ, для примѣра, *первый способъ* опредѣленія географической широты посредствомъ полярной звѣзды; въ немъ сказано: «Къ логарифму секанса часоваго угла придаютъ пропорціональный логарифмъ полярнаго разстоянія; сумма безъ десятковъ въ характеристикѣ будетъ пропорціональный логарифмъ *первой поправки*. — Берутъ логарифмъ косеканса часоваго угла и пропорціональный логарифмъ полярнаго разстоянія (,) сумму умножаютъ на 2, къ этому производенію придаютъ постоянный логарифмъ 1.5821 и логарифмъ котангенса высоты, (:) сумма безъ десятковъ въ характеристикѣ будетъ пропорціональный логарифмъ *второй поправки*. Если часовый уголъ (содержится) между 6 и 18 час., то первую поправку придаютъ къ высотѣ, (;) если же онъ больше 18 час. или меньше 6 час. (,) то вычитаютъ; вторую поправку всегда придаютъ. Результатъ покажетъ широту». Прочитавъ это правило, мы остановились, *вопервыхъ*, надъ словомъ *пропорціональный логарифмъ*, котораго смыслъ слѣдовало бы объяснить съ бѣльшею подробностью, нежели какъ то сдѣлано при описаніи таблицы 52; *во вторыхъ*, только *два поправки* показали намъ, что формула, соответствующая предложенному правилу, должна быть выражена *рядомъ*, изъ котораго взято только два члена. Извѣстно, что эта весьма—удобная для вычисленія формула въ первый разъ была предложена покойнымъ астрономомъ Литровымъ и вновь доказана въ «Основаніяхъ Астрономіи» профессора Черевощикова, изданныхъ въ 1842 г. Чтобы повѣрить нашу догадку, мы передѣлали по ней примѣръ, предложенный авторомъ на 64 стр. его книги, и весьма удивились, когда для широты получили $63^{\circ} 15' 28''$, а не $63^{\circ} 54' 40''$.

какъ показано въ книгѣ князя Голицына. Думая, что мы не угадали формулы, разрѣшили тотъ же вопросъ по строгой общей формулѣ, по которой вычисляются широты по склоненію свѣтила и часовому углу; но опять получили $63^{\circ} 15' 29''$. Наконецъ, для рѣшенія того же вопроса, мы употребили первый членъ известной деламбровой формулы для свѣтилъ, наблюдаемыхъ близъ меридіана, находящейся въ «Прибавленіи къ Руководству» и пр.—въ результатѣ получили также $63^{\circ} 15' 27''$. Эти терпѣливо-сдѣланныя нами вычисленія доказали, что примѣръ разрѣшенъ ошибочно: для открытія ошибки, мы начали первое наше вычисленіе подробно сравнивать съ рѣшеніемъ князя Голицына и нашли, что обѣ наши поправки совершенно-одинаковы съ поправками князя Голицына, именно: первая $= 19' 35''$, 6, вторая $= 2, 14'', 8$. Гдѣ же ошибка? Князь Голицынъ обѣ поправки придалъ къ высотѣ полярной звѣзды, забывъ, что въ его правилѣ было сказано: «первую поправку вычитаютъ, если часовой уголъ меньше 6 час., а въ его примѣрѣ этотъ уголъ $= 5$ ч. 9 м. 37 сек. Вотъ какъ можно забывать правила, не имѣя предъ глазами формулы! Тотъ же примѣръ князь Голицынъ разрѣшилъ по *второму способу*, и также ошибся: въ немъ поправка зенитнаго разстоянія, по первому члену деламбровой формулы, будетъ не $+ 1^{\circ} 8' 2''$, но $1^{\circ} 12' 19''$.

Нашедши ошибки въ одномъ примѣрѣ, мы не полѣнились передѣлать еще нѣсколько вопросовъ; именно: для опредѣленія широты по наблюденіямъ надъ солнцемъ близъ меридіана, и по двумъ его высотамъ по обѣимъ сторонамъ меридіана (стр. 67 и 74). Для перваго изъ этихъ примѣровъ получили широту $= 45^{\circ} 52' 41''$, для втораго же $33^{\circ} 3' 52''$. Князь Голицынъ нашелъ $45^{\circ} 52' 38''$ и $33^{\circ} 3' 53''$. Но эти небольшія разности происходятъ, кажется, оттого, что мы употребляли логарифмы съ семью десятичными, а князь Голицынъ только съ шестью. Притомъ, для втораго примѣра авторъ пользовался формулою, предложенною имъ на стр. 450, въ которую входятъ *пять* вспомогательныхъ дугъ, мы же — формулою только съ *тремя* вспомогательными дугами. Эту формулу также можно найти въ «Основаніяхъ Астрономіи» г. Перевощикова.

Касательно усовершенствованія прекрасной книги князя Голицына, второе наше желаніе состоитъ въ томъ, чтобъ, при объясненіи содержащихся въ ней таблицъ, были показаны и формулы для ихъ составленія. Также не бесполезный будетъ трудъ, если включатся большія подробности о трехъ временахъ, звѣздномъ, среднемъ и солнечномъ, и разрѣшится побольше вопросовъ о переходѣ одного изъ нихъ къ другому.

Наконецъ, не мѣшаетъ обратить вниманіе на знаки препинанія, изъ которыхъ *заметны* разставлены весьма-небрежно. Мы увѣрены, что многіе поемѣются надъ этимъ замѣчаніемъ—но чтожь дѣлать? Мы привыкли къ грамматической правильности, которой не чуждаются и великіе писатели русскіе и иностранные. Также мы не употребили бы

слова *исправа* вмѣсто *поправка*, *исполненіе* вмѣсто *дополненіе*, и пр. Еще одно и послѣднее замѣчаніе: въ опредѣленіи ученыхъ словъ слѣдуетъ соблюдать строжайшую точность. Такъ, напримѣръ, есть неточность въ опредѣленіи параллакса. Авторъ пишетъ (стр. 47): «Параллаксъ «свѣтила есть уголъ, коего вершина есть центръ свѣтила (,) а стороны идутъ: одна къ центру земли (,) а другая къ глазу наблюдателя». Откуда жь идутъ? Далѣе: «параллаксъ происходитъ отъ того, что лучъ (,) проходящій отъ глаза наблюдателя чрезъ свѣтило «до встрѣчи съ небесной сферой или съ звѣзднымъ небомъ, показываетъ свѣтило ниже, чѣмъ когда оно было бы видимо изъ центра «земли». По нашему мнѣнію, и это, въ-сущности вѣрное описаніе дѣйствія параллакса можетъ быть выражено яснѣе. Впрочемъ, эти мелочныя замѣчанія можно почесть пустыми привязками; но почему не сообщить прекрасному труду полнаго совершенства?

Указатель практическихъ наблюденій по русскому сельскому хозяйству. Составилъ и издалъ А. Пвановъ. Санктпетербургъ. 1854. Въ 16-ю д. л. 153 стр.

Предлагая эту книжку сельскимъ хозяевамъ и грамотнымъ земледѣльцамъ, преимущественно въ сѣверныхъ и среднихъ губерніяхъ, авторъ позволяетъ себѣ надѣяться, что они найдутъ въ ней не безполезныя для себя практическія указанія на разныя случайности въ деревенскомъ быту, отъ которыхъ нерѣдко можетъ зависѣть или выгода, или убытокъ для сельскаго хозяина. Случайностями этими авторъ называетъ тѣ народныя повѣрья и замѣчанія, которыя соединены съ воспоминаніями о святыхъ и различныя примѣты на-счетъ времени производства сельскихъ хозяйственныхъ работъ и на-счетъ переменъ погоды. Такимъ-образомъ авторъ собралъ множество пословицъ, поговорокъ, замѣтокъ, повѣрій, преданій и примѣтъ, относящихся къ сельскому хозяйству, и помѣстилъ ихъ въ изданной книжкѣ, сперва подъ названіемъ народнаго дневника — по мѣсяцамъ и числамъ, и потомъ по отношенію ихъ къ различнымъ работамъ, какъ-то: пахатъ, посѣву, удобренію, сѣнокосу и наконецъ въ-отношеніи къ предузнанію переменъ погоды. Послѣ каждаго мѣсяца помѣщенъ маленькій хозяйственный календарь, или наставленіе, какими работами преимущественно въ этотъ мѣсяцъ должно заниматься. Въ концѣ книги приложено нѣсколько таблицъ сельско-хозяйственныхъ расчетовъ, какъ-то: расчисленіе урожая хлѣбовъ и другихъ растений на одну казенную десятину, прибыль отъ скота и домашнихъ птицъ, расчетъ корма, удобреніе, расчисленіе работъ, мѣры и вѣсы. При составленіи этой книжки авторъ руководствовался нѣкоторыми хозяйственными журналами послѣднихъ годовъ, сочиненіемъ г. Снегирева «Русскіе въ своихъ пословицахъ», сочиненіемъ г. Крейсига «Вспомогательная книга для помѣщиковъ и сельскихъ хозяевъ» «Основаніемъ сельскаго хозяйства

для сѣверной полосы Россіи», изданнымъ Департаментомъ Сельскаго Хозяйства, сочиненіемъ Воллярлярекаго «Руководство къ управленію индѣями» и другими — что достаточно указываетъ на полноту собранія, ивѣщающаго дѣйствительно интересъ не для однихъ сельскихъ хозяевъ

Наставленіе къ разведенію гусей. Составлено корреспондентомъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества В. Циммерманомъ. С. Петербургъ. 1854. Въ типографіи Королева и комп. Въ 12-ю д. л. 51 стр.

Наставленіе къ разведенію индѣекъ, составилъ изъ разныхъ источниковъ корреспондентъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества В. Циммерманъ. С. Петербургъ. 1854. Въ 12-ю д. л. 72 стр.

Наставленіе къ разведенію козъ. Составилъ корреспондентъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества В. Циммерманъ. Въ 12-ю д. л. 58 стр.

Трудно, конечно, требовать отъ автора, чтобъ онъ собственнымъ опытомъ добылъ всѣ факты, которые сообщаетъ, или даже самъ провѣрилъ ихъ; поэтому мы не ставимъ г. Циммерману въ упрекъ, что составленыя имъ книжки—компиляціи; компиляціи эти, за недостаткомъ другихъ, болѣе-полныхъ сочиненій, могутъ служить довольно-хорошими руководителями. Напрасно только авторъ въ предисловіяхъ даетъ обѣщанія, которыхъ впоследствии не выполняетъ. Онъ обѣщаетъ, напримѣръ, сельскому хозяину разъяснить всѣ стороны хозяйства по избраннымъ отраслямъ. Но положимъ, что хозяинъ, купивъ книжку о гусяхъ, захочетъ узнать изъ нея: какъ содержать гусей? На стр. 10 онъ прочтетъ, что выгодно оставлять гусей между прочей домашней скотиной, а немного ниже, на той же страницѣ, что лучше отдѣлять ихъ совсѣмъ. Желаетъ ли хозяинъ узнать, съ большаго или малаго основнаго капитала онъ долженъ начать—на стр. 67 (въ книжкѣ объ индѣйкахъ) сказано: «чтобы разведеніе индѣекъ было вполнѣ выгоднымъ дѣломъ, должно пожертвовать основной капиталъ *только* для покупки одного пѣтуха и одной индѣйки», а между-тѣмъ въ статьяхъ о содержаніи этихъ вкусныхъ птицъ говорится объ особомъ дворѣ, да еще съ раздѣленіями. Для чего ограничивать обзаведеніе одной парой? Бѣда какая можетъ случиться, первый приплодъ вымретъ—какъ быть тогда хозяину? Въ этомъ виновата неспѣшность, съ которою писалъ авторъ—въ этомъ и во многомъ другомъ: напримѣръ, индѣйка для несенія яицъ должна имѣть отъ 2 до 3 лѣтъ (стр. 12), а для высиживания нужно брать однолетку (стр. 20); о возрастѣ пѣтуха ни слова, а это далеко не все-равно; пѣтуховъ старѣе 3 лѣтъ не слѣдуетъ держать: они злы и даютъ уже плохое, жесткое мясо; ранѣе двухъ лѣтъ ихъ тоже въ плодъ пускать не должно. Подобныхъ недосмотровъ и неточностей много. От-

чего, напримеръ, авторъ не говоритъ объ употребленіи макового масла при выращиваніи печени у гусей? отчего говоритъ онъ только объ одномъ способѣ готовить перья для письма? отчего называетъ зубы на клювъ гусей острыми? отчего ограничиваетъ 15-ю число несомнѣ гусинею яицъ и пр. и пр.? Не удовлетворяетъ, полагаемъ, хозяевъ и сметы автора на содержаніе гусей и индѣекъ, по той простой причинѣ, что онъ не означаетъ количества корма; а при стадѣ въ 500 штукъ нельзя сказать, чтобъ кормъ для него ничего не стоилъ, какъ говоритъ авторъ въ книжкѣ о козахъ (стр. 4) тоже, конечно, совершенно-произвольно. Въ этой книжкѣ особенно замѣтна легкость, съ которою авторъ смотрѣлъ на свой предметъ; а вѣдь здѣсь дѣло идетъ ужъ не о курахъ, которыя, хотя и изъ Индіи родомъ, а все же не птица: стадо козъ—не дешево. Опять повторяемъ, что не ставимъ автору въ упрекъ его неопытности въ хозяйствѣ; но какъ же совѣтовать другимъ разводить нѣжныхъ азіатскихъ козъ на сѣверозпадѣ Россіи? какъ утверждать, что это такъ легко и выгодно, особенно когда самъ же авторъ приводитъ неудачныя попытки въ Виртембергѣ и на югѣ Россіи (стр. 9 и 55)? Г. Абрамовъ приобрѣлъ значительное число (сколько именно, авторъ не говоритъ) кашмирскихъ козъ въ 1827 году, получая отъ казны 500 десятинъ земли (около Таганрога), не щадилъ ни трудовъ, ни издержекъ; но, надѣясь ужъ къ 1837 году имѣть 500 штукъ, только къ 1851 году развелъ стадо въ 550 штукъ. Автору легко сказать, что кашмирскія овцы, сравнительно съ другими, требуютъ большаго попеченій и проч.; но развъ и ангорскія козы легко разводятся? Г. Панкову, при огромныхъ средствахъ, удалось получить въ—теченіе почти сорока лѣтъ стадо въ 300 головъ отъ одного козла и трехъ козъ, что очень-мало; ко всему этому нужно еще прибавить, что самый переводъ козъ съ мѣста на мѣсто затруднителенъ. Известно, что г. Терно изъ 1289 головъ успѣлъ перевезти во Францію только 400: Жаль, очень-жаль, что авторъ обработалъ этотъ предметъ такъ поверхностно!

Элементарная книга для обученія чтенію и письму русскому и нѣмецкому. Составилъ Эдуардъ Ренгартенъ. Москва. Въ типографіи В. Готье. 1854. Въ 8-ю д., л., 54 стр.

Просмотрѣвъ книгу г. Ренгартена съ должнымъ вниманіемъ, мы убѣдились какъ въ добромъ намѣреніи его облегчить изученіе тѣхъ предметовъ, которые въ элементарномъ преподаваніи сопряжены съ значительными трудностями, такъ и въ томъ, что онъ владѣетъ и учительскимъ тактомъ и многолѣтнею опытностью усерднаго, добросовѣстнаго преподавателя. Оба эти качества — и врожденное (такъ) и приобретенное (опытность) — показали ему годность однихъ и негодность другихъ способовъ преподаванія и открыли нѣкоторые полезныя приемы въ элементарномъ обученіи. Въ этомъ отношеніи авторъ заслуживаетъ полную признательность.

Но что касается до самаго содержанія предлагаемой книги, то мы во многомъ расходимся съ авторомъ. Предисловіе его указываетъ на препятствія, затрудняющія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ усвоеніе хорошаго, правильнаго произношенія нѣмецкихъ словъ. Этихъ препятствій три: одно главное, два второстепенныя. Главное заключается въ большомъ различіи между русскимъ и нѣмецкимъ языкомъ относительно произношенія гласныхъ буквъ и ударенія: въ русскомъ языкѣ нѣтъ ни одного слова, въ которомъ гласная произносилась бы протяжно, тогда-какъ въ бѣльшей половинѣ нѣмецкихъ словъ находятся долгія гласныя; во многихъ сложныхъ словахъ русскихъ только одинъ слогъ имѣетъ удареніе, тогда-какъ въ нѣмецкомъ языкѣ, избилующемъ сложными словами, бѣльшая часть этихъ словъ имѣетъ два слога, которые слѣдуетъ произносить съ повышеніемъ голоса. Изъ второстепенныхъ препятствій одно состоитъ въ томъ, что довольно-значительная часть мальчиковъ, поступающихъ въ низшій классъ среднихъ учебныхъ заведеній, выучилась читать по навыку, не различая сознательно отдѣльныхъ звуковъ въ словѣ и не зная, поэтому, какъ себѣ помочь, когда въ незнакомомъ словѣ встрѣчается нѣсколько согласныхъ буквъ, соединенныхъ въ одномъ слогѣ; другое второстепенное препятствіе состоитъ въ томъ, что иногда и бѣльшая часть дѣтей, поступающихъ въ низшій классъ, не получаетъ надлежащей исправки, нужной для того, чтобы съ успѣхомъ учиться въ многочисленномъ классѣ.

Какъ же помочь ученику и учителю вмѣстѣ въ этомъ трудномъ дѣлѣ? Какими способами отстранить препятствія къ усвоенію чистаго, правильнаго нѣмецкаго произношенія? — вотъ въ чемъ существенный вопросъ.

Г. Ренгартенъ полагаетъ, что онъ нашелъ это средство. Въ заглавіи VII-ой страницы мы читаемъ: «*Вѣрный* способъ, по которому, обучая русской грамотѣ, можно положить прочное основаніе правильному произношенію въ нѣмецкомъ языкѣ». Но для насъ эти строки кажутся совмѣщеніемъ несовмѣстимыхъ предметовъ. Если русскій языкъ существенно отличается отъ нѣмецкаго по произношенію, то какимъ же образомъ правильный выговоръ русскихъ словъ можетъ положить основаніе правильному выговору словъ нѣмецкихъ? Въ русскихъ словахъ гласныя не произносятся протяжно, какъ въ бѣльшей части словъ нѣмецкихъ; слѣдовательно, произнося, какъ должно, слова русскія, мы въ то же время произносимъ нѣмецкія неправильно, и наоборотъ. Беремъ, для доказательства, собственные примѣры автора. Онъ говоритъ, что «непріятно для нѣмецкаго уха слышать: *ромъ* вмѣсто *Roth*, *бродъ* вмѣсто *Brod*». Но слова *ромъ* и *бродъ* существуютъ тоже въ русскомъ языкѣ: каково же русскому уху слышать: *roomъ* вмѣсто *ромъ*, *broodъ* вмѣсто *бродъ*?

Намъ кажется, что авторъ желаетъ невозможнаго.

Дѣло въ томъ, что иностранному языку надобно учиться такъ же,

какъ мы учимся языку отечественному, если хотимъ говорить на немъ свободно, произносить чисто и правильно. Здѣсь одна метода — практика, навѣкъ; а практиковаться надобно начинать съ самыхъ малыхъ лѣтъ. Кто выучился произносить и говорить, не зная, какъ онъ выучился, не помня трудовъ, для того употребленныхъ, тотъ, повѣрьте, произносить и говорить очень-хорошо; но кому произношеніе стоило сильнаго ломанья языка, кому разговоръ обошелся дорогою цѣною правилъ и правилъ, кто, однимъ словомъ, принялся за иностранный языкъ въ то время, когда уже знаніе роднаго языка положило тому многія преграды, тотъ въ разговорѣ будетъ составлять фразы, припоминая даже правила, по которымъ онъ ихъ составляетъ; у того въ выговорѣ всегда будетъ слышаться отечественный акцентъ. Разговоръ логически-правильный и разговоръ безосознательно-вѣрный духу языка — большая разница. По первому я узнаю иностранца, выучившагося русскому языку въ зрѣлыхъ лѣтахъ по правиламъ; по второму — моего соотечественника, кореннаго русскаго. Я даже увѣренъ, что невозможно знать нѣсколько языковъ одинаково-хорошо, хотя очень-легко знать десятки языковъ одинаково-дурно.

Книга для постепеннаго упражненія въ чтеніи и переводахъ, при начальномъ изученіи французскаго языка. Составлена Эр. Гз. Москва. Въ университетской типографіи. 1854. Въ 8-ю д. 130 и 21 стр.

Это — небольшая французская хрестоматія. Составитель ея, г-ть Гз, имѣлъ цѣлью собрать образцовыя сочиненія, или отрывки изъ сочиненій, легкихъ для перевода и представляющихъ пріятное и полезное чтеніе. Цѣль эта — надобно отдать справедливость составителю — достигнута: выборъ образцовъ показываетъ съ одной стороны хорошій вкусъ, а съ другой — опытность наставника, знакомаго съ тѣмъ, что нужно ученику при постепенныхъ упражненіяхъ его и въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, и въ ученіи наизусть, и въ чтеніи. Статьи изъ космографіи и натуральной исторіи принесутъ учащимся еще ту пользу, что познакомятъ ихъ съ нѣкоторыми, наиболѣе-важными предметами этихъ наукъ и съ значительнымъ числомъ техническихъ, научныхъ словъ. Г. Гз раздѣляя свою хрестоматію на четыре части: первая заключаетъ въ себѣ основныя свѣдѣнія изъ космографіи и естественной исторіи, вторая — статьи нравственныя или аллегорическія, для перевода и устнаго разсказа; третья — описанія животныхъ, заимствованныя изъ лучшихъ натуралистовъ, четвертая — стихотворенія, для ученія наизусть и произнесенія. Къ хрестоматіи приложенъ тщательно-составленный словарь.

Руководство къ практическому изученію нѣмецкаго языка. Въ двухъ частяхъ. Составлено А. фонъ деръ Эльсентомъ. Москва.

Въ типографіи В. Готье. 1854. Въ 8-ю д. Въ 1-ой части — 36, во 2-ой — 63 стр.

Первая часть этого руководства содержитъ въ себѣ практическую этимологію, вторая — книгу для чтенія и перевода.

Этимологія названа «практическою», потому-что цѣль ея — ознакомить учащагося съ формами языка путемъ практики. Какъ опытный преподаватель, коротко-знакомый съ литературою нѣмецкою и съ трудами ученыхъ по части грамматики, г. Эльснитцъ имѣетъ вѣрный взглядъ и на цѣль и на средство преподаванія. Онъ совершенно-справедливо говоритъ, что въ преподаваніи новыхъ языковъ изученіе грамматики есть только средство къ цѣли, а практическій способъ — вѣрнѣйшій и кратчайшій путь къ достиженію этой цѣли; что для русскаго юношества главная цѣль изученія новыхъ языковъ должна состоять въ томъ, чтобъ знаніе языка служило средствомъ къ раскрытію сокровищъ литературы, а второстепенная въ томъ, чтобъ говорить на этомъ языкѣ. Если это такъ, то практическій способъ тогда только можетъ вести къ удовлетворительному результату, когда теорія полагается въ основаніе практическихъ упражненій: ибо, при маломъ числѣ уроковъ, назначаемыхъ въ бѣльшей части учебныхъ заведеній для преподаванія новыхъ языковъ, всякій иной способъ, назовемъ ли его упражненіями въ языкѣ, или именемъ какой-либо многообъщающей методы, не можетъ вести къ основательному познанію языка. Вотъ слова человѣка, неспособнаго поддаться педантизму и увлечься какимъ-нибудь химерическимъ способомъ въ нѣсколько уроковъ выучить иностранному языку. Выборъ статей во второй части очень-хорошъ, равно какъ и словарь для обѣихъ частей. Рекомендуемъ книгу г. Эльснитца.

Графиня де Мадонъ. Романъ. Сочиненіе Е. П. Двѣ части. Москва. Въ типографіи Вѣдомостей Московской Городской Полиціи. Въ 16-ю д. л. Въ 1-й ч. 95, во 2-й 109 стр.

Хотя на заглавномъ листѣ не сказано, что этотъ романъ переводный, но мы смѣло относимъ его къ переводнымъ, а не къ оригинальнымъ русскимъ сочиненіямъ. Какая причина заставила переводчика умолчать о томъ — не знаемъ. Переводъ недуренъ.

Стихотворенія Вячеслава Лихачева. Двѣ части. Москва. Въ типографіи Н. Эрста. 1854. Въ 16-ю д. л. Въ 1-й части 438, во 2-й 457 стр.

Удивительное, неслыханное явленіе въ наше время: два тома стихотвореній, написанныхъ однимъ и тѣмъ же лицомъ! Въ одномъ томѣ двѣсти девять пьесъ, въ другомъ сто-тридцать-двѣ, и того триста-сорокъ-одна пьеса. Положите, среднимъ числомъ, на каждую по сороку стиховъ (у г. Лихачева есть предлинныя пьесы), вы получите тринадцать тысячъ шесть-сотъ-сорокъ стиховъ — и какихъ стиховъ!.. Фактъ

замѣчательный, для объясненія котораго необходимы многія истологическія данныя, которыхъ мы не имѣемъ.

Какъ это г. Лихачевъ умудрился написать такую бездну стиховъ и для чего онъ написалъ ихъ — мы не знаемъ, и онъ самъ не знаетъ этого. «Я пишу стихи вовсе безъ отчета, покорствуя тайному велѣнію», говоритъ онъ въ посланіи къ N. N. N.

«Но что же именно внушаетъ ту охоту,
И что причиною невольнаго труда —
Я, право самъ ни-чуть не понимаю,
И чувствъ своихъ не въ силахъ передать;
Но только, истинно, одно я вѣрно знаю,
Что не всегда могу стихи писать...»

Еще бы! Природа такъ мудро устроена, что, на ряду съ болѣзнями, даетъ и лекарство. Еслибъ авторъ могъ *всегда* писать стихи, то онъ *никогда* не пересталъ бы писать ихъ: мы увидѣли бы въ немъ мученика невольнаго труда. Пословица говоритъ: охота пуще неволи; можно представить, что вышло бы при неволи безъ охоты! Когда же авторъ лишается возможности творить стихи?

«Бываютъ дни, бываютъ и недѣли,
Когда душа спокойна и пуста;
Тогда мнѣ кажется, стихи мнѣ надобны
И спать моя игривая мечта.
Тогда стихи я вовсе забываю,
Умъ положительнымъ, какъ-будто бы занятъ;
Тогда невольно я себя самъ осуждаю,
И надъ ребячествомъ своимъ смѣяться радъ.»

Когда же стихотворческая дѣятельность возобновляется?

«Но только лишь восторгъ мой непонятный
Опять въ душѣ тревожно закипитъ,
И міръ фантазій — роскошный, необъятный,
Опять въ душѣ моей мечта вдругъ воскреситъ —
Опять является во мнѣ къ стихамъ охота,
Опять я нехотя стихи свои пишу...
И самъ себѣ не въ силахъ дать отчета,
И вамъ того никакъ не разскажу.»

И плодомъ такой настроенности вышло нѣсколько сотъ безотчетныхъ стихотвореній. Всѣ они одинаково-хороши въ своемъ родѣ, то-есть безотчетномъ, и всѣ, неизвѣстно почему, выражаютъ грустные чувства. То грусть тревожная: она тѣснится невольно въ умъ —

И влачуть жолцію, безъ слезъ, его глаза...

Не смѣемъ поднимать завѣсы съ тайнъ, какъ собственности автора; но намъ кажется, что виною всего, и стиховъ и грусти — она. Это

предположеніе основывается на стихотвореніи *Три Пары*. Авторъ описываетъ третью пару:

«Пришелъ въ свой край — и васъ увидѣлъ снова :
Вы были женщиной, старушкой зрѣлыхъ лѣтъ,
Съ лицомъ изношеннымъ, съ наружностью суровой —
Но все въ ней былъ красы минувшей слѣдъ.

Какъ много вы, какъ грустно измѣнились!
Гдѣ дѣлись прелести, гдѣ дѣлась красота?
Ужъ вы не бѣгали, какъ прежде — не рѣзвились,
И хилой старостью смѣнилась быстрота...

Вы были веселы, какъ прежде говорили,
Но ваши рѣчи были ужъ не тѣ...

Вы опустылись — и больше не парали
Нѣмой красавицей предъ всѣми въ высотѣ...

Мы съ вами встрѣтились — другъ друга не узнали...

Вы крѣпко спорили за карточнымъ столомъ ;
Я къ вамъ *подшелъ* — вы карту мнѣ подали,
И живо партію составили втроемъ...

Я къ вамъ подсѣлъ, *придвинулъ ближе шею*,
Сталъ говорить о' счастья прежнихъ дней ;

Вы понесли такую ахинею —

Что я разсѣрдился — и тугу далъ скорѣй. »

Въ-самомъ-дѣлѣ, какая жалость: молодая дѣвушка лѣтъ черезъ сорокъ сдѣлалась старухой! Какъ послѣ этого не крушиться и не плакать? Для чего это старухи не превращаются въ молодыхъ дѣвухекъ?

ЖУРНАЛИСТИКА.

Что такое «*Неокрѣнность въ Критикѣ?*» («*Современникъ*» № 7). — Что такое *рѣзкость литературныхъ приговоровъ*. — Что такое *журнальная послѣдовательность* и отчего рождаются толки о простыхъ и обыкновенныхъ понятіяхъ? — «*Замѣтки*» *Новаго Поэта* и его новое поэтическое произведеніе «*Апронія*». — *Мелочи изъ записокъ моей памяти* г. М. Дмитриева («*Москвит.*» № 43). — *Разборъ сочиненія г. Булича о Сумароковѣ* въ «*Современникѣ*». — Статьи въ №№

9, 10, 11 и 12 «Москвит.»: Исследования о Балтийских славянахъ, г. Гильфердинга, Картина ахашнаго рыболовства при устьѣ Урала, г. Желѣзова; Кизильскіе татары; Европейская Турція въ нынѣшнюю войну; Торговый флотъ въ Англіи; Переходъ Александра Великаго черезъ Гидаспъ; Письма Петра Великаго къ Шафирову; Лудовикъ XVII; Письма о ботаникѣ, Шлендена; Письма Либиха о химіи; Грѣзъ; Консульство и Имперія, до-Карне; Смысь изъ Московскихъ Вѣдомостей 1793 года. — Статьи №№ 6 и 7 «Библіотеки для Чтенія»: Обзорніе Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостей; Донизетти; Путешествіе въ Лурістанъ и въ Аравістанъ; Сейденгемскій Дворецъ, и пр. — Статьи въ 6-й кн. «Пантеона»: Костяныи копи; Бѣлорусія, г. Шилевскаго; Письма изъ-за границы, г. Мундта и пр. — Нѣсколько словъ г-ну П. Иванову, объ изданномъ имъ Алфавитномъ Указателѣ къ Боярскимъ Книгамъ.

Кто бы могъ подумать? кто бы ожидалъ?.. Нѣтъ, мы не вѣрятъ своимъ глазамъ, не хотимъ вѣрить и никогда не повѣримъ. Скажите, не-уже-ли можно было думать послѣ всего, что мы прочли въ «Замѣткахъ» Новаго Поэта «Современника», въ «Письмахъ» Иногороднаго Подписчика, въ Библіографіи и въ «Литературномъ Ералашѣ» этого журнала—не-уже-ли можно было думать, что «Современникъ» такъ строго, непреклонно, неуступчиво и *серьѣзно* понимаетъ назначеніе русской критики? Какъ! «Современникъ», который находилъ каждую рецензію другаго журнала скучною и слишкомъ-строгою, если она не имѣла вида «Литературнаго Ералаша», если она не была «Литературнымъ Кошмаромъ», если въ этой рецензіи не было рѣчи о лошадахъ, грумахъ и тому подобномъ — «Современникъ» въ-сущности думаетъ совершенно-иначе и понимаетъ литературную критику такъ высоко, что передъ этимъ взглядомъ остается преклониться и... молчать? Невѣроятно! Новый Поэтъ въ своихъ «Замѣткахъ» всегда требовалъ снисходительности къ мнѣніямъ другихъ и хорошаго тона, соответствующаго бесѣдѣ порядочнаго общества; Иногородный Подписчикъ всегда и во всемъ старался отыскать что-нибудь хорошее, предполагая, что критика скорѣе достигаетъ своей цѣли похвалою, нежели жесткимъ и нецеремоннымъ осужденіемъ; въ Библіографіи «Современника» недавно еще, въ нынѣшнемъ году, старались защищать всѣхъ поэтовъ, подающихъ, подававшихъ надежды и даже никогда неподававшихъ надеждъ, и... вдругъ этотъ «Современникъ», въ седьмомъ своемъ номерѣ нынѣшняго года, требуетъ *рѣзкости* отзывовъ, строгости приговоровъ, неуклонности и милліона другихъ качествъ, составлявшихъ въ XVIII столѣтіи принадежность критикъ Сумарокова, Тредьяковскаго, Ломоносова, когда

критика значила одно и то же, что и сатира, или даже эпиграмма! *Будемъ рѣзко говорить истину; будемъ послѣдовательны въ своихъ отзывахъ, и перестанемъ толковать объ элементарныхъ, о первыхъ, весьма извѣстныхъ истинахъ въ литературу* — вотъ новый девизъ «Современника», такъ прямо провозглашенный въ № 7-мъ этого журнала, въ статьѣ *Объ искренности въ Критикѣ*.

Но почему и зачѣмъ написана эта длинная, сбивчивая и странная статья? Двадцать-четыре страницы заняты толками... о чемъ?

Вотъ о чемъ. Въ июньской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», мы мимоходомъ обратили свое вниманіе на нѣкоторыя странности «Современника». Напримѣръ, мы указали, на чересчуръ-жесткіе отзывы этого журнала въ *мыльшнемъ году* о трехъ нашихъ писателяхъ: г-жѣ Евгени Туръ и гг. Островскомъ и Авдѣевѣ. Никто не прочь отъ строгости отзывовъ, когда они будутъ доказаны; но отзывы «Современника» были такъ неожиданно-строги и ни на чемъ неоснованы, что мы позволили себѣ сдѣлать вопросъ: гдѣ жь основаніе этой строгости?

А потомъ, зная, что, годъ или два назадъ, «Современникъ» превозносилъ тѣ же произведенія, которыя теперь считаетъ *фальшивыми* и стоящими ниже критики, мы невольно задали себѣ вопросъ: неужели критика игрушка, а критикамъ дано право унижать лучшихъ писателей и въ то же время ставить журналъ, въ которомъ они пишутъ, въ чрезвычайно-щекотливое положеніе: заставлять его сегодня говорить *да*, о чемъ завтра онъ будетъ говорить *нѣтъ*?

Въ доказательство этихъ двухъ возможно-скромныхъ вопросовъ, мы привели выписки изъ «Современника» — и больше ничего. Но, должно-быть, выписки эти такъ много говорили сами за себя, что вызвали отвѣтъ на двадцати-четыре страницы, цѣлую статью въ отдѣлѣ Критики 7-го № «Современника», подъ названіемъ: «Объ Искренности въ Критикѣ». Статья написана не безъ раздраженія; къ-тому же темна и сбивчива — значитъ оправдаться было трудно; наконецъ статья скучна — значитъ «Современникъ» не на шутку хочетъ сдѣлаться *серьезнымъ*.

Отвѣчать на двадцать-четыре страницы «Искренности», отвѣчать такъ же плодovито, какъ «Современникъ» отвѣчалъ на наши четыре страницы, мы считаемъ совершенно-излишнимъ, потому-что ни одного слова, сказаннаго нами въ июньской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» не беремъ назадъ. Всѣ они, несмотря на двадцать-четыре страницы «Искренности», остались въ прежней силѣ и говорятъ за себя такъ же хорошо теперь, какъ говорили въ июнѣ... Но вовсе ничего не сказать о статьѣ «Современника», значило бы обидѣть «Искренность»; а мы не хотимъ быть невѣжливыми, несмотря на позволеніе «Современника» говорить о писателяхъ рѣзко и нецеремонно. Да и какъ ничего не сказать объ «Искренности»? Это даже будетъ весело для читателя, нисколько незамѣшаннаго въ литературный споръ, очень и очень-скучный для постороннихъ. Но на этотъ разъ задача мб-

ла хороша. Мы, нипричѣрь, указали «Современнику» его же два отзыва. Въ одномъ было сказано, что комедія г. Островскаго «Не въ свои сани не садись» — *фальшивая*, а въ другомъ, что она — «превосходное произведеніе, вѣрное дѣйствительности и нѣтъшее заслуженный успѣхъ на сценахъ петербургской и московской?». «Искренность» взяла на себя трудъ доказать, что *фальшивый* именно значить «превосходное произведеніе, вѣрное дѣйствительности», но значить только въ 1854 году, а въ 1853 г. слово «фальшивый» имѣло совсѣмъ-другое значеніе! Вы не вѣрите, вы думаете, что мы шутимъ? Совсѣмъ нѣтъ. Если не вѣрите, значить — извините — вы не имѣете ни малѣйшаго понятія о томъ, что такое журнальная *последовательность* литературныхъ мнѣній. О, эта последовательность великое дѣло! Это философскій камень алхимиковъ, это — *regretatum mobile*, это — неизменный эликсиръ; откройте его — и вы будете богаты, счастливы, долголѣтны и довольны собой и своею критикой... Последовательность вотъ что такое: *да и мѣть*, если только ихъ говорить не въ одинъ день, нипричѣрь, не вдругъ, не въ понедѣльникъ, а въ понедѣльникъ и вторникъ — значить то же, что *да и да, мѣть и мѣть*. «Говори, что надобно сказать теперь, а не то, что надобно было говорить прежде; и если твои приговоры будутъ *основами на однихъ началахъ*, ты *будешь последователемъ*, хотя бы сначала пришлось сказать *«тебѣ «да»*, а черезъ годъ *«нѣтъ»*. Въ этомъ убѣждаетъ насъ «Искренность» на 10-й страницѣ своей последовательности. На основаніи этого рецепта, или начала, слово «фальшивая», примененное къ комедіи г. Островскаго въ 1854 году, ни сколько не противорѣчитъ слову «превосходнаго», сказанному въ 1853 г., потому-что и то и другое слово вырвалось у рецензента на основаніи однихъ и тѣхъ же *началь*... Но позвольте, какъ же это? На основаніи таблицы умноженія сегодня $2 \times 2 = 4$, а завтра, на основаніи той же таблицы, $2 \times 2 = 5$, и изъ этого выходитъ, что 4 и 5 одно и то же?.. Нѣтъ, воля ваша, это что-то очень-темное начало... Позвольте дѣло разобрать какъ слѣдуетъ... Мы ужъ обѣщали не отвѣчать на всѣ двадцать-четыре страницы, и потому обратимъ вниманіе на точнѣйшее опредѣленіе только трехъ словъ: 1) что такое «рѣзкость» отзывовъ, 2) что такое «последовательность», 3) что такое «толки» о первыхъ, элементарныхъ понятіяхъ въ литературной критикѣ.

Что такое рѣзкость отзывовъ? Отчего съ словомъ «рѣзкость» мы невольно соединяемъ другое: «несправедливость»? Не оттого ли, что съ давнихъ ужъ времени начали называть литературу выраженіемъ общества, а въ обществѣ новые Чацкіе невозможны? Какъ хорошъ былъ бы каковъ-нибудь господинъ, нарядившійся въ Критическую Искренность, и съ самоуверенною угловатостью начавшій надѣлать собесѣдниковъ фразы: «вы, просто, глухи», «а съ вами говорить не стоитъ»; «вы ничего не знаете», «а вы, просто, задоръ несете»...

Но видя самое элементарное начало великой литературы то, что она есть выражение общества. Следовательно, вы, требующие рвности отзывомъ, передвѣлите прежде общество, допустите въ немъ всевозможныя рвности, отбросьте то, что оно приняло, все его условія, преимущественно ту любезность, которую такъ хорошо описалъ Альфонсъ Каррь и которую Новый Поэтъ рекомендовалъ всемъ писателямъ (следовательно, и критикамъ «Современника»?) (1). Отбросьте все это, и тогда вы будете вправѣ сказать, какъ говорилъ у насъ еще въ XVIII столѣтїи (не думайте, что вы говорите новыя истины):

«Русская критика не должна быть похожа на щепетильную, тонкую, уклончивую и пустую критику французскихъ фельетонистовъ; эта уклончивость и шлочность *не во вкусь русской публики*, не идетъ къ живости и новизнѣ убѣжденїямъ, которыхъ требуетъ совершенно справедливо отъ критики наша публика» (стр. 16).

Но не говорите этого въ «Современникѣ», особенно въ июльской книжкѣ нынѣшняго года, гдѣ напечатана «Апронїя» и гдѣ, по поводу драмы г. Мея, рассказана Новымъ Поэтомъ жизнь какого-то пустаго литератора, рассказана съ отиѣвно-тонкими и темными намеками, потому-что, по вашимъ словамъ:

«Критика вообще должна сколько возможно избѣгать всякихъ недомолвокъ, оговорокъ, тонкихъ и темныхъ намековъ и всѣхъ тому подобныхъ околичностей, только мѣшающихъ прямоѣ и ясности дѣла».

Не говорите въ «Современникѣ» о томъ, что русская критика не должна быть похожа на тонкую, щепетильную, уклончивую и пустую

(1) Вотъ что рекомендовалъ Новый Поэтъ русскимъ писателямъ въ своемъ фельетонѣ 1852 г. (Соврем. № IX. 1852 года. Смѣсь., стр. 96):

«Я полагаю, что и въ литературѣ вѣжливость *не лишнее*. Если человекъ въ обществѣ заботится о приличїи и вѣжливости, изъ уваженїя къ самому себѣ и къ тому обществу, въ которомъ онъ находится, то *литераторъ долженъ быть еще осторожнѣе*, потому-что его аудиторїя не одинъ салонъ, а вся образованная публика, весь читающїй классъ.

«Если бы, напримеръ, какой нибудь сочинитель, упоминая о сочиненїи другого сочинителя, вздумалъ бы объясняться такимъ языкомъ:

— «Это сочиненїе изъ рукъ вонъ плохо, пошло, глухо. Оно не имѣетъ смысла. Оно написано для сапожниковъ».

«А авторъ этого сочиненїя сказалъ бы ему на это такъ:

— «Вы невѣжа, и на такого рода замѣчанїя отвѣчаютъ... по не литературнымъ, а другимъ образомъ...»

«Что подумала бы публика, передъ лицомъ которой господа литераторы говорятъ другъ другу такого рода любезности? *Во что бы, наконецъ, превратилась литература?*

«Къ счастью, все это — *если бы и быть никогда не можетъ*»...

А «Искренность въ Критикѣ» что говорить? спросимъ мы.

критику французских фельетонистов, потому—что вамъ придется вступить въ борьбу съ Новымъ Поэтомъ «Современника», который нѣсколько лѣтъ сряду защищалъ критику французскихъ фельетонистовъ, старался ей подражать во всѣхъ своихъ «Замѣткахъ» и, видѣвъ съ Инородскимъ Подписчикомъ, провозгласилъ: «Да здравствуетъ фельетонъ и новая фельетонная литература на Руси; да погибнетъ всякая строгая и серьезная критика!»⁽²⁾ «Современникъ» провозглашалъ фельетонъ, «Современникъ» защищалъ его, «Современникъ» старался сдѣлать всю русскую литературу однимъ безконечнымъ фельетономъ, и теперь — о ужасъ! называетъ этотъ фельетонъ, эту критику пустою, уклончивою, шенетливою, именно тѣмъ, чѣмъ ее всегда называли «Отечественныя Записки». Но сознаться въ пустотѣ фельетонной критики, сознаться предъ всеми читателями, которыми нѣсколько лѣтъ старался доказывать, вопреки «Отечественнымъ Запискамъ», что фельетонъ — альфа и омега литературы нашего столѣтія, сознаться въ этомъ прямо не захотѣлъ «Современникъ». Онъ употребилъ другое средство: онъ сказалъ, что «Отечественныя Записки» отличаются фельетонною критикою, а «Современникъ» — серьезною, дальною, рѣзкою, неуклончивою!.. Манѣвръ былъ очень хорошъ, еслибъ не былъ слишкомъ—рѣзокъ. Притомъ же онъ и не первый разъ вводится въ журнальное сраженіе. Онъ былъ примененъ къ дѣлу въ нынѣшнемъ году, когда вопросъ зашелъ о защитѣ маленькихъ поэтовъ и о покровительствѣ слабымъ стихамъ. Тогда «Современникъ» впервые хотѣлъ выпутаться изъ затруднительнаго положенія тѣмъ же самымъ способомъ. Этотъ журналъ, сочинявшій и печатавшій народи на всѣхъ поэтовъ, на Лермонтова, на Бенедиктова, на Фета, на Огарева, на Майкова, вдругъ быстро переимѣнилъ тонъ и объявилъ, что всѣхъ вообще поэтовъ гонять «Отечественныя Записки» и всѣхъ ихъ защищаетъ «Современникъ»... Поворотъ въ другую сторону былъ такъ крутъ, что всѣ замѣтили его и никто ему не повѣрилъ. И дѣйствительно, читатели убѣдились, что теорія «Современника» нисколько не прилагается къ практикѣ, потому—что, вслѣдъ за статьей о покровительствѣ всѣмъ поэтамъ безъ исключенія, была напечатана народи на одно изъ стихотвореній г. Фета, только—что превознесеннаго теорію «Современника». Точно то же и въ настоящемъ случаѣ. Въ томъ же номерѣ, гдѣ говорится о ничтожествѣ французскихъ фельетонистовъ, о пустотѣ той критики, которая употребляетъ тонкіе и темные намеки, въ томъ же номерѣ, Новый Поэтъ помѣстилъ свой фельетонъ à la Jules Janin, фельетонъ, наполненный самыми тонкими и самыми темными намеками на какого—то молодого литератора... Есть ли остроуміе, или нѣтъ

⁽²⁾ По обыкновенію, мы хотѣли указать на номеръ «Современника», гдѣ это говорится, но по справкѣ оказалось необходимымъ сдѣлать ссылку на *всѣ* номера этого журнала, гдѣ именно говорилось то же, что мы сейчасъ сказали.

въ этомъ фельетонѣ — предоставляемъ рѣшить другимъ; но, конечно, не найдется ни одного читателя, который бы не замѣтилъ въ фельетонистѣ желанія быть остроумнымъ, вопреки критической статьѣ того же номера «Современника» и всей «Искренности въ Критикѣ», которая говоритъ:

«Критика, достойная своего имени, пишется не для того, чтобы господить критикъ щеголяя остроуміемъ, не для того, чтобы доставить критику славу водевильнаго куплетиста, возвеселяющаго публику своими каламбурами. Остроуміе, ѣдкость, жолчь, если ими владѣетъ критикъ, должны служить ему орудіемъ для достиженія серьезной цѣли критики — развитія и очищенія вкуса въ большинствѣ его читателей, должны только давать ему средство соответственнымъ образомъ выразить *мнѣнія лучшей части общества.*»

Скажите, какое это мнѣніе лучшей части общества высказали вы, г. Новый Поэтъ, въ вашемъ фельетонѣ, наполненномъ тонкими, темными и, по-вашему, остроумными намеками? А «Апронія»..? развѣ критикъ долженъ искать славы водевильнаго куплетиста?

Но такимъ соближеніемъ не будетъ конца, и между тѣмъ, что должно дѣлать, и тѣмъ, что дѣлаетъ «Современникъ» откроется такая широкая бездна, которая поглотитъ всѣ умишленія, самыя искреннія, если мы ограничимся однимъ только июльскимъ (7-мъ) номеромъ этого журнала.

Хорошо давать наставленія, но недурно также и приводить ихъ въ исполненіе. Вы продолжаете такъ рассуждать о *рѣзкости отзывовъ*:

«Позволительна ли *не подслащенная прямота осужденія*, когда дѣло идетъ о произведеніи «извѣстнаго» писателя? — Неужели вы хотите, чтобы позволялось «нападать развѣ уже на самаго круглаго и беззащитнаго сироту?» Развѣ во всеоружіи бранномъ, съ каменными стрѣлами сарказма, идти на бой противъ *какого-нибудь Макара*, на котораго *есть шикки валяться?* (дендизмъ «Современника» долженъ содрогнуться при этомъ выраженіи)... Если хотите, изощряйте и надъ нимъ свое остроуміе, но помните, что вы занимаетесь въ такомъ случаѣ «журнальнымъ пересыпаньемъ изъ пустаго въ порожнее», а не критикою.» (NB. напр. изощреніе остроумія надъ Овчинниковымъ, разными альманахами, въ которыхъ помѣщаются стихи слишкомъ легкіе для критики, и тому подобными азбуками стихотворнаго искусства?) «*Но строимъ осужденіемъ можетъ огорчиться авторъ*» — это другое дѣло; если вы человекъ, не любящій огорчать ближняго, то не нападайте уже ни на кого, потому-что и малоизвѣстнаго автора столько же, сколько самаго знаменитаго, огорчить указаніе недостатковъ его литературнаго дѣтища.»

Слѣдовательно, вы идете на брань смѣлую съ писателями извѣстными; ужь не Овчинникову, а г. Островскому, г-жѣ Евгеніи Туръ, г. Авдѣеву, вы намѣрены говорить правду безъ всякихъ оговорокъ, потому-что рѣзкій приговоръ доказываетъ прямоту и благородство сердца, доказываетъ способность «проникаться энтузіазмомъ и

сильнымъ негодованіемъ» (ваши слова на стр. 47). Прекрасно! мы приветствуемъ такую критику, гдѣ бы ни нашли ее, и будемъ очень рады, если вы всѣмъ литературнымъ извѣстностямъ будете подносить «неподслащенный пилюли», въ случаѣ надобности. Да и кто не преклонится передъ такою критикою! Наклоняемся къ «Современнику» — и находимъ въ апрѣльской его книжкѣ (№ 4) «Весенній Бредъ» г. Майкова. Имя г. Майкова, кажется, извѣстно въ нашей литературѣ, и мы не разъ отдавали полную справедливость его прекраснымъ стихотвореніямъ. Но «Весенній Бредъ» намъ не понравился, какъ не понравился онъ и другимъ журналамъ; мы высказали о немъ свое сильное мнѣніе. Правы мы, или нѣтъ — объ этомъ пусть судятъ другіе, но наше мнѣніе было высказано открыто передъ поэтомъ, котораго мы уважаемъ и стихи котораго всегда съ удовольствіемъ печатали на страницахъ нашего журнала. Что жъ дѣлать «Современнику»? Въ апрѣлѣ онъ одобряетъ это стихотвореніе, потому-что печатаетъ его (другаго заключенія сдѣлать нельзя); въ маѣ, тотъ же самый «Современникъ» печатаетъ *пародію* на стихотвореніе Майкова!.. Въ этой пародіи яено сказано, что стихотвореніе г. Майкова ровно никуда не годится, потому-что такіе стихи, адресованные къ г. Майкову, нельзя же считать за похвалу:

«А, книга новая! и въ ней «Весенній Бредъ»...
И чистъ и громокъ стихъ, картинно выраженъ.
Но — будь же поскромнѣй! — къ чему такой задоръ?
Вѣдь самъ же говоришь, *вы съ кѣмъ-то толковали,*
Искали истины и безпощадно ервали;
Какъ не подумалъ ты: чай вынче тоже вздоръ
Мѣтъ лѣзеть въ голову? и какъ рѣшилъ все разомъ?
Бѣда не въ томъ, что слабъ у человѣка разумъ,
Что заблужденій въ немъ и недосметровъ тьма;
Бѣда — заносчивость кичливаго ума,
Бѣда — къ умамъ другихъ неправое презрѣнье.
Не понимаешь ты? скажи: не понялъ я,
А не кричи тотчасъ: безумье, заблужденье!
Вся крохотная мысль искажена твоя» и пр.

Слѣдовательно, «Современникъ» не одобряетъ въ іюнѣ того стихотворенія, которое самъ напечаталъ въ апрѣлѣ?.. Напротивъ, въ той же іюнѣской книжкѣ «Современника» сказано:

«*Замѣчательное* стихотвореніе г. Майкова «Весенній Бредъ» породило въ литературныхъ кругахъ, въ журналахъ, въ самой публикѣ, разнорѣчивыя и жаркіе толки; и, наконецъ, вѣкто г. Н. С. написалъ въ отвѣтъ г. Майкову стихотвореніе, которое хотя и *опровергаетъ мысль поэта*, но, *въ своемъ родѣ* (?) можетъ назваться *торжествомъ* г. Майкова, какъ доказательство, что поэтъ тронулъ живую мысль.»

Слѣдовательно, «Современникъ» одобряетъ мысль стихотворенія г.

Майкова?.. Нетъ ; но онъ говоритъ, что эта народія на «Весенній Вредъ» есть *въ своемъ родѣ торжество...*

Что жъ значать послѣ этого громкія слова «о неподслащенной прямотѣ осужденія», о «круглыхъ и беззащитныхъ сиротахъ», о «бѣдныхъ Макарахъ» и о «журнальномъ пересыпаніи изъ пустаго въ порожнее», которыя мы привели выше, и которыя не намѣрены здѣсь повторять?.. «Современникъ», съ такой «неподслащенной прямотой осужденія» нашедшій на г. Островскаго, г-жу Евгенію Туръ и г. Авдѣева, находитъ нужнымъ порезвить рецензъ своей критики для г. Майкова и дѣлаетъ осужденіе «подслащеннымъ»! И стоило ли послѣ этого принимать на себя роль стародума и угрюмо повторять слова нашего журнала : «въ нашей критикѣ замѣтно владычество общихъ мѣстъ» и пр.?

Но довольно о *рѣзкости* приговоровъ. Вы, можетъ-быть, спросите, почему зашла рѣчь о строгой и нестрогой критикѣ, о рѣзкихъ отзывахъ и тому подобномъ... обо всемъ, о чемъ мы только-что говорили? Но въ отвѣтъ намъ будетъ заключаться и рѣшеніе всего вопроса. Здѣсь-то и ключъ, которымъ можно отпереть этотъ ларчикъ, наполненный журнальными противорѣчіями.

Въ Журналистикѣ 6-го № нашего журнала, мы указали на противорѣчіе «Современника» въ отзывахъ его о трехъ писателяхъ. Чтобъ согласить эти несогласимыя противорѣчія, «Современникъ» и началъ длинное разсужденіе о рѣзкости тона критики, о томъ, что такой тонъ необходимо было примѣнить къ гг. Островскому, Авдѣеву и г-жѣ Евгени Туръ... Прекрасно ; но какимъ же образомъ согласить противорѣчіе кроткихъ и рѣзкихъ отзывовъ? Посредствомъ теоріи послѣдовательности, утѣраемъ васъ, не будетъ никакого противорѣчія, если вы поймете теорію литературной, или, лучше, журнальной *послѣдовательности*.

Что такое *послѣдовательность*? вотъ второй вопросъ, о которомъ мы хотѣли говорить. По мнѣнію «Современника», которое мы привели въ немногихъ словахъ выше, выходитъ что *да* и *нѣтъ*, «фальшивое произведеніе» и «превосходное произведеніе»—не противорѣчія, а мнѣнія однозначачія, если только они произносятся не за одинъ разъ, а въ двухъ, напримѣръ, нумерахъ одного и того же журнала, черезъ мѣсяцъ или черезъ годъ... Послѣдовательность — великое дѣло! послѣдовательность придумана для того, чтобъ не существовала непослѣдовательность, или по-крайней-мѣрѣ, чтобъ оба эти понятія значили одно и то же... Но въ этомъ мѣстѣ позвольте намъ сдѣлать очень-интересную выписку изъ «Искренности въ Критикѣ»:

«Современникъ» надѣется, что ему не поставятъ въ вѣду равнымъ образомъ и того, если *послѣдовательность* *понимаетъ* онъ какъ *вѣрность своимъ эстетическимъ требованіямъ*, а не какъ слѣпую привязанность къ стереотипнымъ повтореніямъ однихъ и техъ же фразъ о писателѣ, отъ самаго его литературнаго отрочества до самой его литера-

турной дряхлости. Что же дѣлать, если писатель «подававшій надежды», заслуживавшій симпатіи лучшей части публики и ободрительныхъ похвалъ критики, не «оправдалъ» надеждъ, потерялъ право на симпатію и похвалы? «Говори, что надобно сказать теперь, а не то, что надобно было говорить прежде», и если твои приговоры будутъ основаны на однихъ началахъ (?), ты будешь послѣдователемъ, хотя бы сначала пришлось тебѣ сказать «да», а черезъ годъ «нѣтъ» (?). Совершенно другое дѣло, если приговоръ однажды произнесенъ на основаніи однихъ началъ, а въ другой разъ на основаніи другихъ — тогда мы будемъ не послѣдовательны, хотя бы въ оба раза сказали одно и то же» (на основаніи разныхъ началъ сказать одно и то же!).

Какъ вы понимаете эту философію послѣдовательности? Что такое: говорить одно и то же на основаніи разныхъ началъ, и говорить то да, то нѣтъ, на основаніи однихъ и тѣхъ же началъ? — Пока вы будете рѣшать эти вопросы, мы приведемъ вамъ результатъ такой теоріи послѣдовательности, и тогда теорія объяснится сама собою.

Противорѣчій въ отзывѣхъ «Современника» о комедіи г. Островскаго нѣтъ никакихъ; противорѣчій въ отзывѣхъ «Современника» о талантѣ г-жи Евгеніи Туръ нѣтъ никакихъ; противорѣчій въ отзывахъ «Современника» о произведеніяхъ г. Авдѣева нѣтъ никакихъ. Вотъ эта-то теорія, которая, сглаживая всѣ противорѣчія, «да» превращаетъ въ «нѣтъ», и называется теоріею послѣдовательности. Но позвольте вамъ замѣтить, что доказать такую небывалую теорію можетъ только великій софистъ или тончайшій диалектикъ — недостатокъ, котораго къ счастью мы не нашли въ рецензентѣ «Современника». Онъ цопадаетъ въ явные промахи и противорѣчія съ самимъ собою. Въ-самомъ-дѣлѣ, если рецензентъ призналъ за истину, что *послѣдовательность есть вѣрность своимъ эстетическимъ правиламъ*, зачѣмъ же тогда и доказывать, что одинъ отзывъ, сдѣланный годъ назадъ, не противорѣчитъ другому, сдѣланному годъ послѣ? Говорите просто: тогда мы назвали комедію прекрасною, потому-что наши прошлогонія эстетическія начала говорили намъ: «она прекрасна»; теперь мы называемъ ее фальшивою, потому-что наши эстетическія начала нынѣшняго года убѣждаютъ насъ въ фальшивости этой теоріи — и вы будете совершенно-послѣдовательны. Ваши начала остались одни и тѣ же, но вы «говорите то, что надобно сказать теперь, а не то, что надобно было говорить прежде». Прежде надобно было говорить, что произведенія гг. Островскаго, Авдѣева и г-жи Евгеніи Туръ прекрасны; теперь нужно говорить, что они дурны... Вы все это говорите, слѣдовательно вы послѣдовательны, и ваши эстетическія начала нисколько отъ этого не страдаютъ... Нужно полагать, что они даже укрѣпляются.

Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же вы посвятили цѣлую статью на доказательство того, что вы и прежде говорили, будто произведенія гг. Островскаго и Авдѣева и г-жи Евгеніи Туръ дурны, или фальшивы,

или изаальтированы? Вы сами не вѣрите своей теоріи послѣдовательности! Это дурно, потому-что всякое противорѣчіе убиваетъ теорію.

Но истинно жаль, что вы не объяснили, какъ можно говорить на основаніи однихъ и тѣхъ же началъ: да и нѣтъ, не впадая хотъ въ непослѣдовательность, если не въ противорѣчіе. Намъ, да и всей читающей публикѣ, интересно было бы узнать изъ «Современника», какъ, напр., классикъ можетъ хвалить произведенія романтической школы и въ то же время отвергать ихъ, оставаясь все-таки классикомъ, какъ романтикъ можетъ хвалить и отрицать прелести классицизма, оставаясь классикомъ; намъ интересно было бы знать, какъ могъ бы, напримеръ, Марлинскій восторгаться и въ то же время порицать Гоголя, оставаясь по убѣжденіямъ Марлинскимъ.

«Говори, что надобно сказать теперь, а не то, что надобно было говорить прежде, и если твои приговоры будутъ основаны на однихъ началахъ, ты будешь послѣдователенъ, хотя бы сначала пришлось тебѣ сказать «да», а черезъ годъ «нѣтъ».

Прелесть-что за аксіома! Мы не можемъ ею полюбоваться и привели ее на этотъ разъ истинно изъ одного удовольствія! И начала не страждутъ, и говори что хочешь, и все вдобавокъ послѣдовательно... Нѣтъ, давно мы не читывали ничего болѣе-успокоительнаго.

Особенно «Современникъ» заботится о сохраненіи своихъ литературныхъ началъ и боится, какъ бы они не измѣнились... Ну, тогда ужъ будетъ рѣшительная непослѣдовательность, тогда не будетъ никакого развитія... Измѣнить литературныя начала, значитъ уже рѣшительно быть непослѣдовательнымъ, хотя бы вы никогда не говорили объ одной вещи и «да» и «нѣтъ», подъ влияніемъ этого измѣненія литературныхъ началъ... А намъ кажется, нѣтъ ни одного великаго писателя, литературныя мнѣнія котораго, или начала, какъ вы говорите, не измѣнялись бы. Да и какъ въ-самомъ-дѣлѣ жить, наблюдать, учиться, слѣдить за ходомъ науки и литературы — и оставаться тѣмъ же, чѣмъ былъ назадъ тому десятки лѣтъ? Нужно быть деревомъ, или камнемъ, чтобы подойти подъ это условіе вѣчной неподвижности. Бывали примѣры измѣненія литературныхъ началъ; но тогда писатели объясняли ихъ передъ публикою и начинали новый путь. Мы понимаемъ эту кажущуюся непослѣдовательность, какъ понимаемъ жизнь ума, общества и науки. Но не понимаемъ вашей послѣдовательности, которая вѣрна одному литературному началу (спрашивается еще: какому?) и подъ влияніемъ этой вѣрности позволяетъ себѣ быть невѣрною, говорить сегодня одно, завтра другое, послѣзавтра третье, т. е. «говори, что надобно сказать теперь... и т. д.»

Вы хотите спастись слѣдующею оговоркою, но она не идетъ къ дѣлу:

«Что жъ дѣлать, если писатель, «подававшій надежды» заслуживавшій симпатію(ю) лучшей части публики и ободрительныхъ(я) похвалъ(ы) критики, не оправдалъ надеждъ(,) потерялъ право на симпатію и похвалы».

Да какинъ же образомъ, почему, за какую вину потеряли право на вашу снисзатю г. Авдѣевъ и г-жа Евгенія Туръ?.. Измѣнились ли литературныя начала и стали наперекоръ вашимъ?—ничего не бывало. Хвалили вы ихъ первыя произведенія, которыя подавали надежды, а порицаете вторыя, отъ которыхъ рушились ваши надежды?—также ничего подобнаго не бывало. Все сочиненія г. Авдѣева были известны прежде; большая часть ихъ даже напечатана въ «Современникъ», и потому они наданы отдѣльно. Точно то же было съ первыми повѣстями и первыми романами г-жи Евгенія Туръ. Следовательно, вы лучше чѣмъ кто-нибудь должны были знать ихъ литературное достоинство; вы хвалили ихъ прежде, но теперь, не измѣняя своихъ началъ, находите ихъ ниже посредственности, неподающими надеждъ...

«Говори, что надобно сказать теперь, а не то...» (и т. д.).

Пусть направленіе таланта г. Островскаго и его образъ мыслей яже высказался въ послѣдней комедіи: «Бѣдность не порокъ»; но этотъ образъ мыслей былъ уже совершенно-ясенъ и въ предыдущемъ его произведеніи «Не въ свои сани не садись». — Или вы его тогда не поняли? Или не была найдена фраза: «не говори, что надобно...»? Следовательно обманъ надеждъ при чтеніи «Бѣдность не порокъ» быть не могло.

Вотъ каковы оправданія «Современника» въ тѣхъ противорѣчій, которыя мы замѣтили въ немъ. Для того, чтобъ согласить противорѣчія, онъ рѣшился быть *строгимъ, рѣзкимъ, неуклончивымъ критикомъ* и, добовомъ, *последовательнымъ*. Объяснившись такимъ образомъ передъ публикою, онъ извиняется, что занялъ ее такимъ сухимъ предметомъ, какъ журнальная полемика, и въ извиненіе прибавляетъ:

«Все это толки о простыхъ и обыкновенныхъ понятіяхъ, о какихъ уже не толкуютъ ни въ одной литературѣ; все это показываетъ, до какой степени нынѣшняя критика позабываетъ иногда о самыхъ «элементарныхъ» началахъ всякой критики.»

Это правда: все это толки о самыхъ простыхъ и обыкновенныхъ понятіяхъ, которыя «Современникъ» извращаетъ по-своему и которыми даетъ неслыханное объясненіе. Можно надѣяться, что толки эти не будутъ конца, если «Современникъ» станетъ попрежнему члсто противорѣчить себѣ, если критическая искренность будетъ возставать противъ фельетонной литературы и фельетоннаго остроумія, а «Звѣздки» будутъ прилагать къ дѣлу это остроуміе, если одинъ отдѣлъ журнала будетъ воевать противъ другаго... Тогда, можетъ-быть, придется объяснять ужъ еще болѣе-простыя и еще болѣе-обыкновенныя истины...

Дѣйствительно, наша журнальная критика до-сихъ-поръ только и говоритъ, что объ истинахъ, всѣмъ известныхъ — о томъ, что такое мысль въ литературномъ произведеніи, что такое форма, что такое вѣрность характера, интересъ завязки, и т. под. Бываетъ иногда еще хуже: она

и объ этомъ не толкуеть, а ограничивается мелкими грамматическими придирками, длинными разборами дюжинныхъ стиховъ и повѣстей, пародіями на то, чего и безъ пародій никто не знаетъ... Чего же можно ожидать отъ такой критики?

Не оттого пуста наша критика, что она рѣзка или мягка; не оттого грустно читать журнальныя перебранки, что онѣ рѣзки или вѣжливы, а оттого, что въ нихъ смыслъ слишкомъ—поверхностень. Критикъ, въ своей перебранкѣ, думаетъ объ одномъ: какъ бы сохранить свою литературную репутацію человѣка мыслящаго и слѣдующаго за литературой. Онъ забываетъ, что въ спорахъ лицо стоитъ на второмъ планѣ, а смыслъ на первомъ. Ни въ одномъ спорѣ, мы не видали желанія уяснить какой-нибудь вопросъ, спорный пунктъ, какое-либо разногласіе. А разногласіе бездна! Сличите журнальные отзывы о какомъ-нибудь произведеніи—и вамъ невольно представится множество вопросовъ, чисто-литературныхъ, на которые каждый смотритъ по-своему. Что жъ, вы думаете это въ комъ-нибудь возбудитъ желаніе объяснить противорѣчіе?—ничего не бывало! Каждый равнодушно смотритъ на противорѣчіе другаго и продолжаетъ самъ говорить, что ему прійдетъ въ голову.

Отчего жъ такое уклоненіе отъ серьезныхъ споровъ и такая падкость къ журнальнымъ перебранкамъ? Скажемъ просто: отъ отсутствія учелости, начитанности, серьезнаго и добросовѣстнаго пониманія того труда, за который берется критикъ. Посмотримъ—въ настоящее время, когда подъ словомъ литература разуміють такъ много предметовъ: разуміють и то, что прежде называли изящною словесностью, и исторію, и другія науки; когда литераторъ образуется не на одномъ чтеніи повѣстей и романовъ, когда требованія отъ искусства сдѣлались такъ широки: что дѣлають—чего ищутъ для своихъ рецензій критики? Легкой повѣсти съ грамматическими и разными другими ошибками, дюжиннаго романа съ небывальными лицами и характерами, плохого стихотворенія... чтобъ положить все это на зубокъ и поднять изъ этого дѣлаю смѣхотворную исторію. Задача легкая и, можетъ-быть, смѣшная, но нисколько не утѣшительная для того, кто захотѣлъ бы настоящей критики, а не толковъ о «простыхъ и обыкновенныхъ понятіяхъ», «о самыхъ элементарныхъ началахъ всякой критики»... Статья серьезная, дѣльная, относится ли она къ литературѣ, къ исторіи, къ быту общественному, увѣряемъ васъ, будетъ пройдена молчаніемъ, или безукоризненнымъ названіемъ статьи «очень занимательной», «интересной», «прекрасной»... Наши критики, какъ барышни, читають только повѣсти и романы!. Когда понятія критика такъ односторонни, онъ и въ литературѣ видитъ немногое, или только то, къ чему нагляднымъ образомъ привыкъ въ обществѣ. Понятно, что съ такимъ взглядомъ немудрено опустить изъ виду, можетъ-быть, и глубокую мысль какого-нибудь талантливаго писателя, которую онъ обдумывалъ долго и строго. Критикъ смотритъ на нее легко, беззаботно, са-

шоувѣренно, какъ на перваго встрѣчнаго на улицѣ, когда выходятъ прогуляться. Отсутствие теперь въ нашей литературѣ историческихъ романовъ забавляетъ нашихъ критиковъ даже отъ знанія отечественной исторіи...

Вотъ отсюда-то и идутъ эти бесплодные толки «о томъ, о сѣмъ, а больше ни о чемъ», о томъ,

.....Что воведывъ

Есть вещь, а прочее все гиль.

Возьмите послѣдній номеръ «Современника»: въ немъ *двадцать-четыре* страницы заняты толками о рѣзкости критики, и о ея послѣдовательности; *шестнадцать* страницъ «Замѣтокъ Новаго Поэта», толками о какомъ-то молодомъ человѣкѣ, палимомъ лучами идеала; *девѣ* страницы разборомъ романа г. Крестовскаго «Испытаніе», и одна строчка посвящена трудамъ *гг. Соловьева, Забѣлина, Дружинина, Галахова и Грановскаго*, гдѣ Новый Поэтъ произноситъ стереотипную фразу: «Укажу на прекрасныя статьи въ Отечес. Запискахъ, за май и іюнь: *гг. Соловьева, Забѣлина, Дружинина, Галахова и Грановскаго*». Даже не поименованы статьи!

Скромнѣе быть нельзя въ-отношеніи учености и начитанности! Между-тѣмъ о статьяхъ этихъ, право, стоило бы больше поговорить, нежели о какомъ-то вымышленномъ молодомъ человѣкѣ, палимомъ лучами идеала. Статья г. Соловьева говоритъ о *Карамзинѣ*, статья г. Забѣлина — о *домашнемъ бытѣ прежняго времени*, статья г. Галахова — о *Сумароковѣ*, статья г. Грановскаго — о *Сидѣ*... Кажется, все эти предметы близко касаются и русской литературы и русскаго образованнаго общества... Отчего же о нихъ скромно молчать строгая и рѣзкая критика «Современника», которая жалуется на то, что она принуждена толковать объ однихъ «простыхъ и обыкновенныхъ понятіяхъ»? О Карамзинѣ, о Сумароковѣ, о старинномъ нашемъ бытѣ, право, можно потолковать занимательнѣе, нежели о какихъ-то невѣдомыхъ молодыхъ людяхъ, палимыхъ лучами идеала — тѣмъ больше можно потолковать, что сами авторы неволью наводятъ на эти разсужденія. Текстъ статьи г. Забѣлина состоитъ изъ документовъ, еще нигдѣ ненапечатанныхъ; отзывы г. Соловьева о Карамзинѣ заключаютъ въ себѣ много новаго; статья г. Грановскаго объясняетъ личность Сиды совершенно иначе нежели какъ мы понимали ее по романсамъ о Сидѣ, переведеннымъ Пушкинымъ; статья г. Галахова и преимущественно статья г. Кудрявцова (о которомъ Новый Поэтъ даже не упомянулъ) о новыхъ изслѣдованіяхъ по части римской исторіи, неволью обращаетъ на себя вниманіе... Но обо всемъ этотъ «Современникъ» не произноситъ ни слова, какъ-будто между жизнью, исторіею, наукою и литературою такая бездна, которую нельзя никакъ перейти. Если не говорить о такихъ предметахъ, если понимать литературу такъ узко,

то, конечно, немудрено, что придется вѣкъ толковать о «простыхъ» и «обыкновенныхъ» понятіяхъ, о которыхъ никто ужъ не толкуетъ. Дѣло дойдетъ когда-нибудь до-того, что критики серьёзно будутъ разбирать *рѣзко* и неуклончиво мадригалы, триолеты и рондо, и имъ поевятать критическіе разборы на 24 или 16 страницахъ!

Вотъ все, что мы хотѣли отвѣчать искренности «Современника». Запомнимъ же главныя положенія этого журнала, или начала, какъ онъ выражается: они могутъ намъ пригодиться на будущее время, потому-что будутъ имѣть часто приложение къ дѣлу:

1) Критика вообще должна сколько возможно избѣгать всякихъ недомолвокъ, оговорокъ, тонкихъ и темныхъ намековъ и всѣхъ тому-подобныхъ околичностей, только мѣшающихъ прямоѣ и ясности дѣла. Русская критика не должна быть похожа на *щепетильную, тонкую, уклончивую и пустую критику французскихъ фельетоновъ*; эта уклончивость и мелочность не во вкусъ русской публики, нейдетъ живымъ и яснымъ убѣжденіямъ, которыхъ требуетъ совершенно-справедливо отъ критики наша публика («Соврем.» стр. 16).

Надѣмся, что правиломъ этимъ впередъ воспользуется преимущественно Новый Поэтъ, сочиняющій «Апронія», «Литературныхъ Гномовъ», «Хлыщей», «Литературные Маскарады» и «Кошмары».

2) Говори, что надобно (извините, не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи еще разъ повторить это правило) сказать теперь, а не то, что надобно было говорить прежде, и *если твои приговоры будутъ основаны на однихъ началахъ*, ты будешь послѣдователенъ, хотя бы спера пришлось тебѣ сказать «да», а черезъ годъ «нѣтъ» («Соврем.» стр. 10).

Это правило ручается за то, что мы еще разъ когда-нибудь встрѣтимъ въ «Современникѣ» доказательства, что слова «фальшивая» и «превосходная» комедія — одно и то же, что одинъ критикъ будетъ говорить въ «Современникѣ» одно, а другой—другое; но такъ-какъ всѣ критики «Современника» будутъ руководствоваться однимъ началомъ, то они и будутъ говорить одно и то же.

И наконецъ 3) у насъ еще надо толковать о такихъ простыхъ и обыкновенныхъ понятіяхъ, о которыхъ ужъ не толкуютъ ни въ одной литературѣ («Современникъ» стр. 6).

То-есть, что литературную критику никакъ нельзя ограничивать разборомъ дюжинныхъ повѣстей и романовъ, что эта критика должна обнимать всѣ отрасли литературы, не проходить скромнымъ молчаніемъ статей ученыхъ и интересныхъ для большинства публики, если не для критики, и не останавливаться на однихъ пародіяхъ; иначе простые и обыкновенныя понятія сдѣлаются мудреными и необыкновенными. Тогда исторія и другія отрасли наукъ будутъ чѣмъ-то въ родѣ средневѣковыхъ таинствъ алхимиковъ, а литература, сдѣлавшись до крайности изящною,

перестанетъ быть выраженіемъ общества и перейдетъ въ область забавъ и дѣтскихъ игрушекъ...

Но обратимся къ другимъ журнальнымъ статьямъ.

Въ 12-мъ номерѣ «Москвитянина» продолжаютъ *Мелочи изъ записки моей памяти* г. М. Дмитріева. Статья 12-го № отличается теми же достоинствами и недостатками, какіе замѣчены были и въ первыхъ статьяхъ того же сочиненія. Интересны воспоминанія автора о писателяхъ, которыхъ онъ зналъ; большею частію ошибочны и пристрастны его сужденія о литературномъ значеніи тѣхъ же писателей. Вообще, какъ только г. М. Дмитріевъ оставляетъ роль простаго рассказчика того, что извѣстно ему изъ литературной нашей старины, и переходитъ къ оцѣнкѣ какого-нибудь литературнаго явленія, онъ впадаетъ въ самыя странныя ошибки. Въ статьѣ 12-го № онъ говоритъ, между прочимъ: «Переводъ «Аббадоны» Жуковскаго предшествовалъ гекзаметрамъ Гнѣдича» (стр. 161). Этимъ авторъ хочетъ доказать, что Гнѣдичъ не былъ первымъ вводителемъ у насъ гексаметра. Но «Аббадона» напечатанъ въ 1815 («Сынъ Отеч.» № 22) въ первый разъ, а отрывки изъ гнѣдичева перевода «Иліады» гексаметрами появлялись въ журналахъ гораздо-ранѣе перевода «Аббадоны», а первый опытъ переложенія «Иліады» гексаметрами (пѣсни 6-й) напечатанъ былъ Гнѣдичемъ еще въ 13-й книжкѣ «Чтенія въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова». Мы очень-благодарны г. М. Дмитріеву за сообщеніе многихъ замѣчательныхъ подробностей о нашихъ старыхъ писателяхъ, но не можемъ не замѣтить, что авторъ ужъ слишкомъ-много цѣны придаетъ преданію. Онъ говоритъ:

«Очень похвально, что мы обратились нынче къ изслѣдованіямъ жизни и характера нашихъ знаменитыхъ поэтовъ. Но я боюсь, чтобы эти изслѣдованія, или à priori, или по немногимъ признакамъ и примѣтамъ не ввели въ заблужденіе нашихъ потомковъ. По большей части эти изслѣдованія, встрѣчающіяся въ журналахъ, бываютъ похожи на разборъ іероглифовъ, или стрѣльчатаго письма, которымъ изслѣдователь начинаетъ учиться изъ самаго разбора. Повторяю сказанное и прежде мною: все это отъ того, что пресѣклась наследственная нить преданій; что между Жуковскаго, Пушкина и нынѣшнимъ временемъ былъ промежутокъ, въ который литература наша отторглась отъ памяти прежняго.» (Стр. 178—179).

Не знаемъ, дѣйствительно ли между «Жуковскаго, Пушкина и нынѣшнимъ временемъ» былъ такой промежутокъ; но сильно сомнѣваемся въ могуществѣ преданія, которое такъ высоко ставитъ г. М. Дмитріевъ. Память можетъ часто измѣнять. Авторъ «Мелочей», повѣствуя о Мерзляковѣ, замѣчаетъ: «Мерзляковъ читалъ и «публичныя лекціи: въ домѣ Ѳ. Ѳ. Кокоткина въ 1804 году и въ «домѣ князя Б. В. Голицына въ 1811 году» (стр. 155). Публичныя лекціи въ домѣ князя Голицына Мерзляковъ читалъ не въ 1811, а со второй недѣли поста 1812, о чемъ авторъ можетъ найти подроб-

ное извѣстіе въ «Вѣстникѣ Европы» 1812 (№ 7, стр. 228); лекціи же у Кокоскина были позже. По словамъ г. М. Дмитріева, первые опыты Жуковскаго въ поэзіи помѣщались въ «Утренней Зарѣ» (стр. 172); а между-тѣмъ первыя произведенія Жуковскаго появились еще въ 1797 г., а «Утренняя Заря» начала издаваться съ 1800 года. Наконецъ въ статьѣ г. М. Дмитріева встрѣтили мы слѣдующее непонятное для насъ замѣчаніе:

«Жуковскій, это извѣстно, былъ не богатъ; въ это время онъ долженъ былъ трудиться и изъ денегъ. Здѣсь перевелъ онъ (1802) поэму Флоріана: *Вильгельмъ Тель*, съ присовокупленіемъ его же Сицилійской повѣсти *Розальба*» (стр. 175).

Въ первый разъ слышимъ мы, что Жуковскій изъ-за денегъ перевелъ повѣсть Флоріана *Вильгельмъ Тель*. Странно... Но позвольте, мы разгадаемъ этого «Вильгельма Теля», переведеннаго Жуковскимъ, и средствомъ къ тому послужить намъ не наследственная нить преданій, а небольшія сопоставленія. Жуковскій перевелъ повѣсть *изъ-за денегъ* въ 1802 г. Въ годѣ г. М. Дмитріевъ, должно-быть, ошибся, потому-что въ 1802 г. Жуковскій напечаталъ только одно «Сельское Кладбище»; стало-быть, нужно взять время, близкое къ 1802 году. Дѣйствительно, въ 1801 г. Жуковскій перевелъ повѣсть Флоріана, а не Коцебу: «Мальчикъ у ручья». Объ этомъ переводѣ онъ писалъ впоследствии: «Нѣкогда въ Москвѣ обанкрутившійся Зеленниковъ траговалъ меня преобидно. Для него я перевелъ за 75 рублей «Мальчикъ у ручья». Эту сумму онъ выплачивалъ мнѣ по 5 р., по 7 р. съ половиною и т. д. («Живописн. Сборн.» III; 363). Итакъ вотъ повѣсть, переведенная Жуковскимъ изъ-за денегъ! Какимъ же образомъ превратилась она у г. М. Дмитріева въ *Вильгельма Теля*?.. Можетъ-быть, потому, что начинается словами: «*Вильгельмъ сидѣлъ у ручья подъ березою*» и пр?..

Оставляемъ пока другія невѣрности, замѣченныя нами въ послѣдней статьѣ «Мелочей»: когда сочиненіе это будетъ кончено, мы рассмотримъ его подробно, какъ матеріалъ для исторіи нашей словесности. Желаемъ, чтобъ г. М. Дмитріевъ не смотрѣлъ неприязненно на тѣхъ изслѣдователей исторіи нашей литературы, которые, по словамъ его, не принадлежатъ «къ непрерывной лѣтописи преданій нашей литературы». Это не ихъ вина. Автору повидимому кажется, что безъ этихъ преданій нельзя и писать о нашей литературѣ.

«Съ тѣхъ поръ, какъ принялись наши журналы (то-есть со времени смурдинскихъ изданій русскихъ авторовъ) дѣлать открытія въ русской литературѣ за минувшія десятилѣтія нынѣшняго вѣка; съ тѣхъ поръ такъ много вошло въ исторію нашей литературы неосновательныхъ извѣстій, утверждающихся на догадкахъ и слухахъ»... (стр. 176).

Не говоря уже о томъ, что г. Дмитріеву трудно было бы доказать истину этихъ словъ, замѣтимъ только, что подобный взглядъ на

вліяніе смирдинскаго изданія кажется намъ невѣрнымъ. Каковы бы ни были недостатки этого изданія, нельзя не сознаться, что оно много содѣйствовало ближайшему знакомству читателей съ отечественной литературой и обращенію къ изученію ея прошедшаго. Положимъ, что въ статьяхъ о русской литературѣ, въ послѣднее время появившихся, очень-много недостатковъ; но неужели эти попытки по предмету столь мало обработанному (исторіи нашей словесности) заслуживаютъ одно только безстрастное осужденіе?

Мы, впрочемъ, отчасти понимаемъ, почему г. М. Дмитріевъ недоуленъ разборами смирдинскихъ изданій. Не далѣе какъ въ 10 книжкѣ «Москвитянина» появилась рецензія на сочиненія графа Растопчина, изданныя Смирдинымъ. Замѣтить надобно, что «Москвитянинъ», постоянно провозглашающій своимъ читателямъ о горячей любви своей къ старой русской литературѣ и очень-сильно негодующій на петербургскіе журналы за то, что о русскихъ писателяхъ они пишутъ совѣтъ не то, что слѣдуетъ, «Москвитянинъ» не представляя до-сихъ-поръ ни одной статьи о смирдинскихъ изданіяхъ, о дорогихъ ему («Москвитянину») русскихъ писателяхъ. И вотъ передъ нами первая статья «Москвитянина» о смирдинскомъ изданіи. Узнаемъ мы изъ нея впрочемъ немногое, а именно, что Растопчинъ «одна изъ самыхъ яркѣйшихъ личностей въ исторіи русской жизни», что «стыдно не имѣть его полной біографіи»; узнаемъ далѣе, какія сочиненія Растопчина вошли въ изданіе Смирдина; но, главное, узнаемъ, что автору рецензіи очень-плохо извѣстна исторія нашей литературы и еще менѣе извѣстны сочиненія Растопчина. Иначе онъ не приписалъ бы ему *Мыслей ие вслухъ у деревяннаго дворца Петра Великаго*. Эти «Мысли» писаны не имъ и помѣщены издателемъ въ приложенияхъ, какъ произведеніе вызванное *Мыслями вслухъ на красномъ крыльцѣ* и обращенное къ Богатыреву, герою произведеній Растопчина.

Мы упомянули объ этой рецензіи не потому, чтобъ онъ стоила вниманія читателей, но чтобъ указать, въ какіе промахи легко вдаваться, взявшись писать о предметѣ, мало-извѣстномъ пишущему. Самую статью относимъ мы къ разряду тѣхъ, которыя редакторъ «Москвитянина» называетъ «козлогласованіями». Название это очень идетъ къ статьямъ, разсуждающимъ о предметѣ, мало или даже вовсе незнакомомъ авторамъ ихъ. Впрочемъ, въ послѣднее время «ученые», страдающіе этимъ недугомъ, изобрѣли средство искусно скрывать его отъ постороннихъ глазъ и вообще отъ всѣхъ, кому о томъ вѣдать не надлежитъ. Средство это весьма-новое, и честь изобрѣтенія его принадлежитъ одному изъ сотрудниковъ «Современника». Въ Англіи когда-то хлопотали объ устройствѣ машины, которая могла бы писать латинскіе гекзаметры правильно и изящно, и, говорятъ, достигли цѣли. Теперь изобрѣтено средство писать разборы какой вамъ угодно книги, хотя бы она разсуждала объ арабской литературѣ. Вотъ въ чемъ состоитъ секретъ изобрѣ-

тателя: книга, подлежащая суду критика, должна оставаться безъ разбора на нѣкоторое (всего лучше, продолжительное) время; потомъ, когда журналы и газеты выскажутъ о ней свои сужденія, нужно эти сужденія принять къ свѣдѣнiю и изъ всѣхъ журнальныхъ и газетныхъ статей объ этой книгѣ сдѣлать хорошій экстрактъ, который и печатать по благоусмотрѣнiю въ отдѣлѣ критики, или библиографіи журнала. Вы не вѣрите, чтобъ подобныя *очень-критическія* статьи могли появляться въ наше время, когда почти всѣ пишущіе по исторіи русской литературы начинаютъ свои разборы возгласами объ успѣхахъ, сдѣланныхъ этою наукою. Но вотъ взгляните въ седьмой книжкѣ «Современника» на разборъ сочиненія г. Булича «Сумароковъ и современная ему критика».

Сначала авторъ рецензiи говоритъ, какимъ противорѣчающимъ сужденіямъ подвергалась личность Сумарокова. Это приступъ къ дѣлу; онъ взятъ изъ первой статьи г. Бестужева о книгѣ г. Булича («Москов. Вѣдож.» 1854, № 40), съ небольшими прибавленіями. Затѣмъ авторъ рецензiи изъ трехъ частей, на которыя раздѣляется монографія г. Булича, останавливается только на первой — на биографіи Сумарокова. Вотъ какъ производится разборъ ея: «Нѣкоторыми извѣстными фактами авторъ (г. Буличъ) не воспользовался. Такимъ образомъ о родѣ «Сумароковыхъ сказано слишкомъ мало, о матери Сумарокова, урожденной Приклонской, даже вовсе не упомянуто, о женахъ его также «не находимъ подробностей» («Соврем.» июль, Отд. IV, стр. 4). Но это замѣчаніе мы читали еще въ майской книжкѣ «Библиотеки для Чтенія» въ слѣдующемъ видѣ:

«Мы должны, къ сожалѣнiю, замѣтить, что г. Буличъ воспользовался и этими немногими (извѣстными) свѣдѣнiями далеко не въ той мѣрѣ, въ какой должно было того ожидать... О родѣ Сумароковыхъ *говорится* слишкомъ мало... мы не встрѣчаемъ въ монографіи ни полслова о матери Сумарокова, хотя напримѣръ даже просто сказать, что она была урожденная Приклонская, важнѣе, чѣмъ сообщать свѣдѣнiя о Никитѣ Ивановѣ» (Библ. для Чт. май, отд. VI, стр. 15, 17).

Читатель въ-правѣ спросить: зачѣмъ въ июлѣ повторяютъ въ одномъ журналѣ, то, что въ маѣ было уже сказано въ другомъ, замѣняя только слегка слогъ, напр. употребляя настоящее время вмѣсто прошедшаго? — Не знаемъ; можетъ-быть, рецензентъ считаетъ это полезнымъ. Будемъ, однако, слѣдовать за нимъ. Рецензентъ недоволенъ тѣмъ, что у г. Булича мало сказано о французской труппѣ Сериньи.

«Это обстоятельство (говоритъ онъ) весьма важно какъ по своему влиянію на русскій театръ вообще, такъ и на Сумарокова въ-особенности. На этомъ театрѣ играли два раза въ недѣлю комедіи и трагедіи, имѣвшія необыкновенный успѣхъ: придворные учили наизусть лучшія мѣста трагедій, и съ тѣхъ поръ французы сдѣлались образцами для нашихъ писателей. Здѣсь-то, восхищаясь превосходною игрою трагическихъ актеровъ, Сумароковъ *отъ первые* познакомился съ произведеніями Корнеля,

Расина и Вольтера, здѣсь онъ увлекался произведеніями французскихъ трагиковъ, здѣсь началась его трагедія» (стр. 4).

Все это гипотезы рецензента, ни на чемъ неоснованныя. Можно ли ничтожной французской труппѣ приписывать такое громадное влияние на русскую литературу? Можно ли говорить, что «съ-тѣхъ-поръ французы сдѣлались образцами для нашихъ писателей»? Откуда узналъ рецензентъ, что здѣсь Сумароковъ *впервые* познакомился съ произведеніями Корнеля, Расина, что здѣсь началась его трагедія?.. Забавны эти уловки рецензента сдѣлать изъ мухи слона, чтобъ имѣть право указать разбираемую книгу въ недостатокъ, котораго въ ней нѣтъ! Фантазія, конечно, легко можетъ придать произвольное величіе всякому ничтожному обстоятельству, но жалка критика, прибѣгающая къ подобнымъ средствамъ...

«О первыхъ представленіяхъ трагедій Сумарокова, положившихъ основаніе русскаго театра, также нѣтъ подробностей въ сочиненіи г. Булича (говорить рецензентъ). Эти подробности сохранены Штелинымъ, переведены на русскій языкъ и повторены ужъ въ нѣсколькихъ изданіяхъ.»

Слѣдуетъ разсказъ о представленіи «Хорева», цѣликомъ взятый изъ известной книжки Карабанова «Основаніе русскаго театра» (стр. 13—16). А между-тѣмъ, авторъ говоритъ, что эти *подробности* сохранены Штелинымъ. Смѣемъ увѣрить его, что у Штелина объ этомъ только упомянуто; подробности же переданы П. М. Сумарковичемъ, въ статьѣ «*О руссикомъ театрѣ отъ начала оного до конца царствованія Екатерины II* (*)», изъ этой статьи перепечатаны Карабановичемъ, а изъ брошюрки Карабанова перешли въ рецензію «Современника». Но г. Буличу известна книга Карабанова; онъ ссылается на нее не разъ: значитъ, онъ имѣлъ основаніе не вносить въ свою монографію безвѣстнаго извѣстія о первомъ представленіи «Хорева». Но автору рецензіи оно кажется любопытнымъ, и онъ перепечатываетъ его... Мало того: ему вздумалось въ книгѣ о Сумароковѣ искать полной біографіи Дмитревскаго; онъ не нашелъ ея тамъ, и вотъ въ рецензіи по «Энциклопедическому Лексикону» (!!) разсказывается эта біографія, известная всякому ученику гимназій... Конечно, есть люди, которые хлопочуть о какой-то странной полнотѣ изслѣдованія, такъ-что, разбирая произведенія какого-нибудь поэта пушкинскаго періода, заведутъ рѣчь объ авторѣ «Дѣяній Петра Великаго»; но зачѣмъ же подобныя понятія о полнотѣ изслѣдованія навязывать ученому, который приступаетъ къ своему дѣлу съ вѣрнымъ взглядомъ на предметъ и цѣль своего труда? Мы думаемъ, что такая полнота, какой желаетъ рецензентъ — ложная и фальшивая; мало того: эта полнота часто служитъ мишурной драпировкой пустѣйшему содержанію.... И какіе же выводы сдѣлалъ ре-

(*) «Отеч. Записки», 1822, ч. XII, № 32.

рецензентъ, повторивъ страдательно три странички изъ книги Карабанова и статью «Энциклопедическаго Лексикона»? Никакихъ... Рецензентъ продолжаетъ:

«Многочисленные неприятности, огорчавшія Сумарокова въ послѣдніе годы его жизни, изложены г. Буличемъ не довольно подробно. Такъ, напримеръ: упоминаніе вскользь о жалобахъ Сумарокова императрицѣ Екатеринѣ II на Салтыкова, авторъ говоритъ, что «Екатерина прислала отвѣтъ Сумарокову, доказывающій вполне прекрасный умъ ея» (стр. 47) и ограничивается только указаніемъ, что этотъ отвѣтъ во французскомъ подлинникѣ и переводѣ напечатанъ въ сочиненіи С. Глинки» (стр. 7 «Современ.»).

Этотъ упрекъ взятъ изъ рецензіи «Библиотеки для Чтенія»; тамъ текстъ древнѣе и читается такимъ образомъ:

«Одинъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ жизни русскаго Расина, жалоба его императрицѣ Екатеринѣ II, на претерѣнныя имъ обвиненія и гоненія, и отвѣтъ государыни, разсказанъ такъ коротко, что его и понять нельзя. Можно ли въ подробной монографіи ограничиться словами: «Екатерина прислала отвѣтъ Сумарокову, доказывающій вполне прекрасный умъ ея» и не привести самаго ея отвѣта, который былъ ужъ напечатанъ?» (Б. д. Чт. стр. 18).

Сдѣлаемъ еще сличеніе одного мѣста рецензіи съ источникомъ ея, и потому уже ограничимся указаніемъ, откуда подобнымъ же образомъ взята и остальная часть ея.

Современникъ, июль,
Ота. IV, стр. 7 — 8.

Биб. д. Чтен., май
Ота. VI, стр. 18.

Г. Буличъ говоритъ: «Мы не знаемъ содержанія жалобъ Сумарокова императрицѣ, но, судя по строгому отвѣту ея, можемъ догадаться въ чемъ онѣ состояли. До насъ дошли отрывки изъ прошенія его, поданнаго государынѣ» (стр. 47). Прошеніе это, напечатанное въ отрывкахъ въ 1827 году въ альманахѣ г. Б. Ф(Ѳ)едорова «Памятникъ отечественныхъ музъ», напечатано вполне въ «Москвитинѣхъ» 1842 г. (№ 3) съ современной копій, доставленной А. Ѳ. Малиновскимъ... Оно представляетъ весьма любопытный и важный матеріалъ для біографіи Сумарокова.

Странно слышать отъ біографа слова: «Мы не знаемъ содержанія жалобъ Сумарокова императрицѣ, но, судя по строгому отвѣту ея, можемъ догадаться, въ чемъ онѣ состояли. До насъ дошли отрывки изъ прошенія его, поданнаго государынѣ». Г. Буличъ говоритъ объ отрывкахъ, помѣщенныхъ въ альманахѣ на 1827 г. «Памятникъ отечественныхъ музъ»; но ему не извѣстно, что прошеніе было цѣликомъ напечатано съ современной копій, доставленной А. Ѳ. Малиновскимъ, въ Москвитинѣхъ 1842 (№ 3). Прошеніе это есть одинъ изъ главнѣйшихъ матеріаловъ для біографіи Сумарокова».

Анекдотомъ и небольшимъ замѣчаніемъ объ отношеніяхъ Тредьяковскаго къ Сумарокову оканчивается 8-я стр. рецензіи «Современника». Страница 9-я заимствована изъ «Моск. Вѣдомостей» (№ 47, стр. 193 и № 40, стр. 156); страницы 10-я и часть 11-й вполне принадлежатъ

автору рецензій. Но видѣть въ комедіи «О время!» намеки на Сумарокова и жену его — странно и произвольно. Последняя половина 11-й страницы и 12-я взяты изъ «С. Петербургскихъ Вѣдомостей» 1854, (№ 83, стр. 405, столбцы 2 и 3). Рецензія оканчивается выпискою словъ г. Булича объ отношеніи французской трагедіи къ греческой — мѣста, которое понравилось г-ну Бестужеву, разбиравшему книгу г. Булича въ «Москов. Вѣдомостяхъ».

Рецензентъ говоритъ, что цѣлью его статьи было «дополненіе свѣдѣній, сообщаемыхъ г. Буличемъ» (стр. 12); но, прочитавъ его рецензію, мы только могли говорить, какъ Русаковъ г. Островскаго говоритъ Маломальскому: *да слышалъ ужь!* Въ-самомъ-дѣлѣ, почти все, сказанное рецензентомъ «Современника», мы слышали отъ рецензентовъ «С. Петербургскихъ» и «Московскихъ Вѣдомостей» и «Библиотеки для Чтенія». Съ своей стороны рецензентъ «Современника» указываетъ на слѣдующій, незамѣченный г. Буличемъ, анекдотъ:

«Тредьяковскій пришелъ однажды жаловаться Шувалову на Сумарокова. «Ваше Высокопревосходительство, меня Александръ Петровичъ такъ ударилъ въ правую щеку, что она до-сихъ-поръ у меня болитъ». — «Какъ же, братецъ? — отвѣчалъ ему Шуваловъ — у тебя болитъ правая щека, а ты держишься за лѣвую». — «Ахъ, Ваше Высокопревосходительство, вы имѣете резонъ», отвѣчалъ Тредьяковскій и перенесъ руку на другую сторону.»

Рецензентъ прибавляетъ, что «статья, изъ которой заимствованъ этотъ анекдотъ, напечатанная безъ подписи, принадлежитъ Пушкину и пропущена въ собраніи его сочиненій». Указаніе весьма-полезное для изучающихъ пушкинскій періодъ; но не-уже-ли рецензентъ вѣрить возможности этого анекдота? Мы не понимаемъ, съ какою цѣлью даже приведенъ онъ. Г. Буличъ и безъ того очень-легко взглянулъ на положеніе Тредьяковскаго въ русскомъ обществѣ XVIII вѣка, и безъ того слишкомъ-жестко отозвался о нравственныхъ свойствахъ этого человѣка, котораго, по преданію, безотчетно преслѣдуютъ насмѣшками, какъ бездарнаго труженика. Осудивъ Тредьяковскаго, какъ писателя, многіе (въ томъ числѣ и г. Буличъ) не уважили въ немъ даже и человѣка и хладнокровно упрекали Тредьяковскаго въ какой-то душевной низости и намѣренномъ шутествѣ. Всего страннѣе было намъ найти этотъ взглядъ у г. Булича, который такъ хорошо понялъ положеніе Тредьяковскаго въ обществѣ прошлаго столѣтія. Рецензентъ «Современника» не обратилъ вниманія на эту непослѣдовательность г. Булича и къ чему-то привелъ странный анекдотъ, перепечатанный «Пантеономъ», весьма-основательно, въ томъ отдѣлѣ этого журнала (нынѣ несуществующемъ), который назывался *Балагуромъ*.

Мы потому такъ долго занялись рецензією «Современника», что подобныя произведенія должны быть указываемы для пользы ученой литературы. Будущій составитель словаря литературныхъ заимствованій

не оставить без вниманія этой рецензій. Мы, съ своей стороны, желали своими замѣчаніями указать на фактъ, которому давно уже не было прилѣбра въ нашей литературѣ. Да остерегаются впредь рецензенты «Современника» отъ подобныхъ статей, въ увѣренности, что такая манера писать рецензій всегда будетъ указываема, если ужъ не останавливаетъ ихъ ни уваженіе къ самому предмету ихъ занятій. Вышеприведенное безподобное правило «Современника»: «говори < что надобно сказать теперь, а не то, что надобно было говорить < прежде », можно бы пережънить теперь на слѣдующее: «не говори того, что сказали уже другіе журналы, и если самъ не можешь сказать ничего о предметѣ ученюмъ, то, пожалуй, бери готовые сужденія изъ другихъ журналовъ, но всегда указывай, откуда именно они заимствованы». Это будетъ лучше и послѣдовательнѣе...

«Изслѣдованія о балтійскихъ славянахъ» г. Гильфердинга («Москвитянинъ» № 10) должны назваться не столько самостоятельными изслѣдованіями, сколько сводомъ результатовъ разысканій другихъ славянскихъ историковъ; это, впрочемъ, выгоднымъ образомъ отличаетъ новое произведеніе молодаго писателя отъ его прежнихъ брошюръ, въ которыхъ онъ достигалъ новизны и оригинальности положеній во вредъ основательности. Прежняя любовь къ смѣлымъ иптезамъ, неопирающимся на факты, проглядываетъ только въ немногихъ мѣстахъ, напримѣръ, въ мысляхъ, что Аттила не затѣмъ шелъ на юго-западъ изъ своихъ степей, чтобъ разграбить заманчивыя для дикарей богатствомъ и внутреннею слабостью римскія области, а затѣмъ, чтобъ истребить нѣмецкія дружины и очистить отъ нихъ Восточную Европу; г. Гильфердингъ даже вѣритъ, что и въ Галлію Аттила пошелъ только затѣмъ, чтобъ отыскать тамъ бѣжавшихъ отъ него готовъ, что если бы франкскіе князья выдали ему готовъ, то онъ оставилъ бы въ покоѣ ихъ богатые города. Это все-равно, что думать, будто-бы чингисхановы орды прошли Русь съ огнемъ и мечомъ не изъ желанія покорить и ограбить ее, а въ-самомъ-дѣлѣ изъ отмщенія русскимъ за то, что они укрыли бѣжавшихъ отъ татарскаго отряда половцевъ. Романтизмъ въ V вѣкѣ не входилъ еще въ моду ни у готовъ, ни у аваръ, ни у гунновъ, какъ неизбѣстенъ былъ и батыевымъ ордамъ въ XIII столѣтіи. Также бездоказательно предполагаетъ г. Гильфердингъ и въ славянахъ сочувствіе къ Аттилѣ. Что славяне въ его державѣ и войскѣ было множество — это фактъ; почти несомнѣнно, что они составляли главную массу его войска; но они сдѣлались воинами Аттилы конечно только по той же причинѣ, какъ и нѣмцы: они были побѣждены и принуждены повиноваться побѣдителю. Что славяне не питали никакого сочувствія къ гунской державѣ, свидѣтельствуетъ (кромя естественной нелюбви къ свирѣпымъ иноплеменнымъ грабителямъ) ужъ то, что по смерти Аттилы государство его тотчасъ распалось по той причинѣ, какъ мы положительно знаемъ, что всѣ покоренныя племена,

нѣмецкія и славянскія, совершенно одинаково воспользовались паразитическимъ свирѣпымъ пришельцамъ, чтобы сбросить съ себя ненавистное иго. Точно также и дѣицы во время вѣдѣлаго переселенія народовъ очистили страны между Вислаю и Эльбою, главнымъ образомъ потому, что тянулись вслѣдъ за своими передовыми одноплемениками ма ринскія области, на богатая юговосточныя земли, а не по какой-нибудь другой причинѣ. Слишкомъ-упорной борьбы между славянами и нѣмцами въ VI — VIII вѣкахъ на сѣверѣ Европы мы не въ правѣ предполагать. И если намъ не осталось положительныхъ свидѣтельств о томъ, какъ совершилось занятіе славянами прибалтійскихъ областей, то Козьма-Празскій сохранилъ намъ достовѣрныя народныя преданія, что занятіе Богеміи чехами совершилось мирно, или почти-мирно; что Чехи заняли эту землю потому, что она была пуста, покинута прежними жителями, ушедшими на югъ. Напрасно также г. Гильфердингъ полагаетъ, что готы были «малочисленная дружина»: мы знаемъ, что это былъ очень-многочисленный народъ; одно только острожное замечаніе, помешавшее въ Италію съ Теодорихомъ, состояло изъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ душъ. Еслибъ готы были малочисленны, конечно ни въ какомъ случаѣ не удалось бы покорить всѣхъ восточныхъ славянъ, духъ которыхъ прекрасно высказался въ словахъ Лавретаса: «не покорялись мы никому, и не покоримся, пока будутъ у насъ мечи». Г. Гильфердингъ основываетъ свое мнѣніе о малочисленности готовъ и другихъ нѣмецкихъ племенъ въ Восточной Европѣ на сказкѣ, что готы пріѣхали въ Германію изъ Скандинавіи на трехъ судахъ; эта сказка давно признана чистею выдумкою. Готы пришли въ Восточную Европу не съ сѣверо-запада, а съ юговостока, если не прямо съ юга, какъ думаетъ Гринъ, несовершенно-бездоказательно признающій готовъ въ гетахъ. За мнѣніе Гринна сильно стоятъ диоскоридовы списки даяскихъ названій лекарственныхъ травъ и очевидное отиошеніе нѣмецкаго *ablaut* и *lautverschiebung*, въ которомъ стоятъ имена *Getae* и *Gothi*. Не соглашась съ г. Гильфердингомъ во всѣхъ его гипотезахъ, мы, однакожъ, радуемся тому шагу впередъ, который онъ сдѣлалъ: въ новомъ его изслѣдованіи произвольныя мнѣнія стоятъ на второмъ планѣ, а не составляютъ сущности труда, какъ это бывало прежде. Еще болѣе будемъ рады, когда онъ сдѣлаетъ второй шагъ впередъ къ непредубѣжденному взгляду на славянскія древности и совершенно откажется отъ пристрастія къ Аттиль-гуннамъ и другимъ ихъ соперникамъ: тогда, при его трудобіи, славянская наука приобрететъ въ немъ полезнаго дѣятеля.

«Картина *аханнаго рыболовства при устьѣ Урала*, г. И. Желѣзнова («Москвитинъ» №№ 9 и 10) — довольно-живой рассказъ о тѣхъ страшныхъ опасностяхъ, которыми уральцы подвергаются во время своего аханнаго рыболовства, о той неизмѣрной снѣжности и холоду, съ какою борются они противъ страшныхъ морскихъ невзгодъ. Въ Уралѣ, который прежде называли «золотымъ дномъ», нынѣ ловится

рыбы гораздо-меньше, и уральцы должны теперь искать себѣ добычи уже въ морѣ. Тамъ, на хиломъ льду, ставятъ они свои «аханы» (сѣти); чѣмъ далѣе отъ берега, чѣмъ на большей глубинѣ поставишь «аханы», тѣмъ богаче будетъ уловъ; поэтому смѣльчаки уѣзжаютъ очень-далеко въ море. Но вотъ поднялся вѣтеръ, и ледъ взволновался: рыболовы спѣшатъ къ берегу, бросая часто и пойманную рыбу, и сѣти, и всё свои пожитки. Хорошо еще, если имъ удастся перебраться на крѣпкій ледъ, пока щель или полынья неслишкомъ-широка; а что будетъ съ ними, если течение быстро, и льдину, на которой расположились они, въ нѣсколько минутъ унесло далеко отъ крѣпкаго береговаго льда? Ихъ жизнь на волоскѣ; они носятся по открытому морю; однакожь они не думаютъ унывать: авось льдину опять принесетъ къ твердому льду прежде, нежели она успеетъ растаять; но не всегда это бываетъ; часто льдина носится по морю, не прибываясь къ берегамъ, пока растаетъ; бывають и другія опасности, кромѣ весенняго тепла: пловучія льдины безпрестанно сталкиваются и ломаются въ мелкіе куски. Что дѣлать? какъ спастись, когда льдина разбивается или растаиваетъ? Тутъ смѣльчаки не унывають: они рѣжутъ своихъ лошадей (на которыхъ отвозится пойманная рыба и перевозится сѣти), дѣлають изъ кожъ «бурдюки», надутые воздухомъ, привязываютъ ихъ по три и по четыре къ санямъ, берутъ уцѣлѣвшіе съѣстные припасы и носятся на этихъ импровизированныхъ миньютюрныхъ плотахъ по морю. Отчаяваться еще нечего: не нынѣ, завтра набѣдутъ на эти мѣста астраханскіе промышленники и выручатъ изъ бѣды; а если не встрѣтятся и астраханцы, дѣло все еще непогибшее: подуетъ южный вѣтеръ и прибьетъ плоты къ берегу. Да и какъ не прибить? вѣдь пловцы помогаютъ случаю: неутомимо гребутъ они веслами, столь же импровизированными, какъ и плоты; эти «весла» — широкія лопаточныя кожи убитыхъ лошадей... «Многострадавшему» отъ воляхъ Одиссею не приходилось испытывать и десятой части этихъ опасностей; и удивительнѣе самой твердости духа погибающихъ то, что большею-частью имъ удается спастись.

Г. Желѣзновъ очень-неудурно рисуетъ всё эти интересныя сцены и, кромѣ-того, успѣваетъ передать довольно-много подробностей о бытѣ и нравахъ уральцевъ. Кого не остановить нѣкоторая цѣтнстость первыхъ страницъ его разсказа, тотъ не пожалѣетъ, что продолжалъ читать статью, и навѣрно прочтетъ ее съ возрастающимъ интересомъ до самаго конца.

Не такъ замѣчательна другая этнографическая статья «Москвитянина» (№ 11) *Кизильскіе татары*, слишкомъ-краткая и краснорѣчивая. Но въ «Пантеонѣ» (№ 6) есть разсказъ неизвѣстнаго автора *Костяныя копи*, почти столь же картинный и живой, какъ и любопытная статья г. Желѣзнова. Якутскій удалой промышленникъ Иванъ Ивановичъ, слыхивалъ отъ знакомаго камчадала, старика Сакалара, что въ Новой Сибири есть богатая копи мамонтовой кости; никѣмъ це-

посѣщаемы, и подговаривает старика ѣхать туда забрать богатство. Опасности пути въ Новую Сибирь и оттуда, рассказаны очень-недурно. Всѣ эти подробности слегка приправлены поэтической интригою: Иванъ Ивановичъ рѣшился разбогатѣть, чтобъ жениться на богатой вдовѣ-красавицѣ, которая не пошла бы за бѣдняка; но продолженіе двухъ лѣтъ страшнаго путешествія онъ привязывается къ дочери своего провожатаго, изъ любви къ отцу и еще больше къ смѣльчаку-промышленнику рѣшившейся раздѣлять съ ними всѣ опасности. Добравъ до Колымска, Иванъ Ивановичъ женится на ней—и хорошо дѣлаетъ, потому что прежняя красавица, не дождавшись его, вышла замужъ за новаго жениха. Странно, что въ рассказѣ неизвѣстнаго автора расстоянія считаются не верстами, а англійскими милями. Это наводитъ насъ на мысль, не переведенъ ли рассказъ съ англійскаго? Не даромъ во выставлено имени автора... Если такъ, то совершенно объясняется странное противорѣчіе между высокимъ слогомъ нѣкоторыхъ фразъ дѣйствующихъ лицъ и простотою и естественностью всего рассказа. Надутость выраженій были бы просто виною переводчика. Если же наша догадка ошибочна, то мы посоветуемъ автору замѣтить въ своихъ «Костяныхъ копахъ» этотъ недостатокъ и впередъ остерегаться его: тогда его рассказы будутъ всѣмъ нравиться.

«Москвитанинъ» довольно-часто помѣщаетъ въ извлеченіи статьи иностранныхъ журналовъ, болѣе или менѣе касающіяся настоящей войны; не всегда выборъ или исполненіе бывають удачны; но въ этомъ нельзя упрекнуть небольшую статью *Европейская Турція въ мыльшнюю войну* («Москв.» № 9), извлеченную изъ *Revue Britannique*. Ничего новаго въ ней нѣтъ, но вездѣ видно знакомство автора съ дѣломъ.

Болѣе односторонности въ статьѣ *Торговій флотъ въ Англии* («Москвитанинъ» № 9). *Morning Chronicle*, изъ котораго извлечены эти свѣдѣнія, не пользуется особеннымъ довѣріемъ и въ самой Англии во чрезвычайной эксцентричности своихъ мнѣній. Что американскія торговля суда лучше англійскихъ, что матросы на торговыхъ американскихъ судахъ получаютъ болѣе жалованья и содержатся лучше, нежели на англійскихъ, что, поэтому, часто случаются побѣги матросовъ съ англійскихъ судовъ на американскія — все это факты; но съ 1850 или 1848 года, къ которому относятся свѣдѣнія *Morning Chronicle*, многое измѣнилось; теперь странно говорить, какъ увѣрялъ Нэпиръ, нѣсколько лѣтъ назадъ, что французскій пароходный флотъ сильнѣе англійскаго. Самъ Нэпиръ говорилъ это только для того, чтобъ англичане не переставали заботиться о средствахъ къ защитѣ противъ угрожавшей имъ тогда французской высадки, и преднамѣренно описывалъ силу французскаго флота слишкомъ-яркими красками. Французскій флотъ не такъ хорошъ и силенъ, какъ кричали въ испугѣ англійскія газеты: не совѣтъ такъ теперь и очень многое, выставленное впередъ статью, переведенною «Москвитаниномъ».

Странна маленькая статейка г. Я. Д., помѣщенная въ томъ же номерѣ «Москвитянина»: *Переходъ Александра-Великаго черезъ Гиндасъ*. Авторъ думаетъ, что описаніе этого событія у Квинта-Курція представляетъ очень-точную картину перехода русскихъ войскъ черезъ Дунай. Сходства между тою и другою переправою нѣтъ никакого: и мѣстность и обстоятельства совершенно-различны. Не говоримъ о мелкихъ историческихъ промахахъ г-на Я. Д., называющаго, напримѣръ, Пору, одного изъ множества индійскихъ раджей, обладателемъ всей Индіи (!!). Хотя Квинтъ-Курцій на той же страницѣ говоритъ, что и въ Пенджабѣ у Пору были сосѣди, неменьше его сильные. Уже это одно обстоятельство, еслибъ авторъ захотѣлъ вспомнить о немъ, могло бы навести его на мысль, что между иррегулярною арміею князька, сражавшагося отчаянно, и регулярными войсками султана нѣтъ ни малѣйшаго сходства. И какое право мы имѣемъ удивившую самого Александра геройскую рѣшимость Пору, бившагося до послѣдней капли крови, не отступая ни на шагъ, унижать сравненіемъ его съ турецкими полководцами, которые отступили передъ побѣдоносными русскими войсками?

Въ «Историческихъ Матеріалахъ» № 9 «Москвитянина» помѣщено *Письмо Петра-Великаго къ Шафирову*, бывшему посломъ въ Турціи, о несообразности требованія турецкаго правительства, чтобъ русскія войска, на возвратномъ пути изъ Помераніи, не касались польскихъ владѣній, потому-что другаго пути изъ Помераніи въ Россію нѣтъ. Письмо, по обыкновенію, очень кратко и сильно. Вотъ его сущность: «А что вы говорили... черезъ Дацкую землю (иттить войску) «то развѣ вы разума отбыли? землю передѣлать нельзя; а еслибъ и «крылья имѣли, то чрезъ оную жъ землю (Польшу) летѣть, и для отдохновенія на оной же бѣ садятца».

Кромѣ-того, въ 9 — 12 книжкахъ «Москвитянина» замѣтимъ: *Лудовикъ XVII* (окончаніе въ 9 книжкѣ, начало въ 8-ой)—переводъ очень-интереснаго разсказа о судьбѣ царственнаго дитяти, личность котораго, энергичная и пробуждающая полное сочувствіе, была такъ мало извѣстна. *Послѣдній судебный поединокъ во Франціи*, статья, незаслуживавшая чести перевода, одна изъ сотенъ тѣхъ статей, которыя пишутся для *Moniteur de la Mode*, *l'Artiste* и другихъ журналовъ того же разбора; это прикрашенное прелестями фантазіи и сентиментальности распространеніе ничтожнаго анекдота, нехарактеризующаго ни эпохи, ни людей.

Въ № 11 «Москвитянина» продолжаются *Письма о Ботаникѣ Шлейдена*, о которыхъ мы ужъ говорили. Шлейденъ извѣстный ботаникъ и знаменитый въ Германіи популярный писатель; но часто ему приходится фантазія, для большаго живости и разнообразія въ популярныхъ сочиненіяхъ, прикидываться причудливымъ и преднамѣренно стараться, чтобъ его разсказы были безсвязны, метаться повсюду, заговаривать обо всемъ, ничего не успѣвая досказать, начинать съ середины, съ конца

и выдѣлывать тысячи фокус-покусѣвъ; отъ этого онъ часто пишетъ такъ, что сбивается съ толку читателя. Последняго достигаютъ нерѣдко и его «Письма о ботаникѣ».

Несравненно-выше достоинство *Двухъ писемъ Либиха о Химии* («Москвит.» № 12); они чрезвычайно-популярны и легко написаны, и между-тѣмъ въ нихъ нѣтъ ни одного слова пустаго, почти ни одного слова, которое не имѣло бы высокой цѣны и для спеціальныхъ ученыхъ; не говоримъ ужъ о томъ, что гениальныхъ и свѣтлыхъ взглядовъ и въ этихъ «Письмахъ» также много, какъ и во всемъ, что написалъ Либихъ. За переводъ ихъ читатели будутъ благодарны «Москвитяину».

Статья Шарля Блана *Грѣзъ* («Москвит.» № 11) также очень-неурна. Отъ обыкновенныхъ статей о живописи и живописцахъ, которыя такъ утомительно и бесполезно читать, она отличается тѣмъ, что на-самомъ-дѣлѣ понятно и въ связи съ эстетическимъ движеніемъ современной Грѣзѣ эпохи объясняетъ значеніе картинъ этого живописца. О Грѣзѣ всѣмъ извѣстно, что онъ писалъ чрезвычайно-граціозныя и наивныя головки молоденькихъ дѣвушекъ. Прочитавъ статью Шарля Блана, отличнаго знатока живописи, мы увидимъ, что это была только одна сторона грѣзова таланта; общее значеніе этого живописца въ исторіи французскаго искусства то, что онъ въ холодную и прикрашенную живопись XVIII вѣка ввелъ естественность, простоту, стремленіе писать сцены, близкія сердцу каждому изъ насъ, а не какой-нибудь парисовъ судъ, аллегорически изображающій легкомысленныхъ красавицъ, или Ахилеса, влачащаго вокругъ стѣнъ Трои трупъ Гектора.

Статья дю-Карне *Консульство и Имперія* (тамъ же) не заслуживала перевода. Дю-Карне одинъ изъ нынѣшнихъ французскихъ рѣдкогольствователей о политическихъ вопросахъ, подобно другимъ своимъ сподвижникамъ, очень небогатый ни мыслями, ни знаніями. Онъ повторяетъ Тьера и воображаетъ, что «показалъ истинное значеніе 18 брѣмера, котораго доселѣ не могли понять» и т. п. Кромѣ этого, статья Дю-Карне заключаетъ въ себѣ только выписки изъ общеизвѣстныхъ книгъ, нисколько неинтересныя.

Нѣтъ надобности прибавлять, что въ «Москвитяинѣ» продолжается перепечатка *Смѣси изъ Московскихъ Вѣдомостей 1795 года*, редактированныхъ Карамзинымъ. За одинъ годъ «Смѣсь» перепечатать возможно, хотя и трудно, какъ это видно изъ опыта «Москвитянина», ужъ давно начатаго и все еще непришедшаго къ желанному концу. Но что было бы дѣлать, еслибъ Карамзинъ издавалъ «Московскія Вѣдомости» въ-теченіе сорока лѣтъ? Не-уже-ли надобно было бы перепечатывать въ «Москвитяинѣ» Смѣсь всѣхъ сорока годовъ? Гегель когда-то издавалъ два или три года газету; но ученики, собравшіе до послѣдней строчки сочиненія своего наставника, не сочли же нужнымъ помѣщать въ число ихъ статейки о томъ, что «Изъ Барседоны пишутъ, будто бы герцогъ Веллингтонъ одержалъ новую побѣду

надъ французами»; очень можно было бы перепечатывать и статью изъ «Смѣси Московскихъ Вѣдомостей» о томъ, что, «по словамъ неванцевъ, красавица должна имѣть три вещи черныя : глаза, брови и волосы; три вещи бѣлыя : лицо, зубы и руки ; три вещи розовыя : губы, щеки и ногти ;» и т. д. ; можно найти и въ «Письмовникѣ Курганова» такіе разсказы и анекдоты; личности Карамзина, какъ писателя, они вовсе не характеризуютъ.

Въ «Библіотекѣ для Чтенія» бываютъ иногда очень-оригинальныя статьи, какія въ другихъ журналахъ попадаются только на оберткѣ, представляющей, какъ извѣстно, оглавленія книжекъ. Вотъ, напримѣръ («Библ. для Чт.» № 7) «Обозрѣніе Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за 16 лѣтъ (1838—1853). Это болѣе ничего, какъ голый списокъ заглавій всѣхъ статей, помѣщенныхъ въ «Вологодскія Вѣдомостяхъ». Но въ оглавленіяхъ отмѣчается на какой страницѣ книжки помѣщены статьи, въ этихъ цифрахъ и весь смыслъ оглавленій; оглавленіе, помѣщенное въ «Библіотекѣ для Чтенія» не указываетъ, гдѣ, въ какомъ году и въ какомъ номерѣ Вѣдомостей находится статья, и потому не можетъ имѣть никакой цѣли. Читатели не повѣрили бы намъ, если бы мы не представили для образца нѣсколькихъ строкъ. Вотъ примѣръ : «Матеріалы для археологій немногочисленны. Они заключаются въ шести статьяхъ. Г. Мельяковъ составилъ двѣ статьи: «о цѣнахъ въ Устьсысольскѣ въ XVII столѣтіи и въ настоящее время, «и сравненіе старыхъ цѣнъ на мѣха пушныхъ звѣрей въ устьсысольскомъ уѣздѣ съ нынѣшними. Г. Муромцевъ описалъ состояніе Вологды «въ 80 годахъ XVIII столѣтія ; г. Сорочинъ и Левитскій написали «статьи»... и т. д. Скажите же, гдѣ и какъ отыскать эти статьи въ 16 томахъ и 840 номерахъ «Вологодскихъ Вѣдомостей» за 1838—1853 годы? Нельзя не сказать при этомъ, что матеріалы для curiosités littéraires въ «Библіотекѣ для Чтенія» многочисленны : г. Василій Ардашевъ помѣстилъ «Обозрѣніе Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», непосредственно въ слѣдъ за нимъ сама редація помѣстила статью «Доницетти» представляющую на нѣсколькихъ страницахъ опять голый списокъ заглавій всей сотни мелкихъ и крупныхъ, замѣчательныхъ и ничтожныхъ произведеній этого композитора. Посоветуемъ «Библіотекѣ для Чтенія» помѣстить еще статьи «Черни» и «Герць»—списки ихъ произведеній гораздо-удобнѣе для наполненія журнала легкимъ чтеніемъ; они займутъ по нѣскольку печатныхъ листовъ. На дняхъ, думая дочитывать *Мечты и дѣйствительность*, мы прочитали нѣсколько страницъ «Музыкальнаго каталога» подвернуваемаго подъ-руку вѣсто итальянской книжки «Библіотеки для Чтенія», не замѣчая, что это не «Мечты и дѣйствительность»; тамъ увидѣли мы Czergu, Variations brillantes sur le pianoforte, Op. 593; Henri Hertz, Variations brillantes, Op. 948. И такъ эти композиторы могутъ быть предметомъ статей по объѣму достойныхъ ужъ не «Смѣси», а «Науки и Художества»,

как знаменитая статья «Библиотеки для Чтенія» — «Музыкальная коллекція аббата Спонтини», представляемая въ цѣлыхъ двухъ нумерахъ журнала полную опись всей музыкальной библиотеки Спонтини.

Путешествіе въ Луристанъ и въ Аравистанъ (статья первая и вторая, «Библ. для Чт.» №№ 6 и 7) не дурны; но почему не говорить «Библ. для Чтенія», переводныя онѣ, или оригинальныя? Сначала намъ показалось, что авторъ англичанинъ: онъ безпрестанно цитуетъ стихи Мура; потомъ подумали мы, что онъ французъ: онъ такъ подробно говоритъ о характерѣ какой-то французской старухи, задумавшей поселиться въ Персіи, что статья показалась намъ писанною для французской публички; наконецъ мы прочли фразу «персидская степь похожа на сибирскую тундру — это писалъ не иностранецъ; кто же авторъ? переводъ или оригинальное сочиненіе «Путешествіе въ Луристанъ»?

Сейденгемскій Дворецъ, статья первая, представляетъ переводъ первыхъ изъ ряда писемъ, помѣщавшихся въ англійскомъ «Атеней» объ историко-архитектурныхъ палатахъ Кристальнаго Дворца; переводъ (г. Ушинскаго), несомнѣнъ-полонъ, но хорошъ; письма очень занимательны. Но дурно предисловіе къ ихъ переводу, говорящее, что «Сейденгемскій Музей — ящикъ фиглара, изъ котораго вылезаетъ все, что угодно, по волѣ зрителя», что «шарлатанство съ одной стороны и невѣжество съ другой будутъ играть значительную роль въ этомъ осмысленнѣмъ чудѣ свѣта».

Въ № VII «Библ. для Чтенія» замѣтимъ статью г. Сенковского о волосахъ, по поводу русскаго перевода книжки Дебз *Полная гнизна волосъ*. Въ этой статьѣ немного парадоксовъ, за-то, къ сожалѣнію, въ этой книжкѣ «Библиотеки» нѣтъ вовсе Литературной Лѣтописи, какъ будто въ іюнѣ не вышло ни одной новой русской книги.

Третья статья *Записокъ о Киргизахъ*, купца Жаркова, говоритъ много и о киргизахъ — это довольно-приятная новость послѣ второй статьи, неговорившей о киргизахъ ни слова.

Въ іюньской 6-й книжкѣ «Пантеона» помѣщено нѣсколько недурныхъ статей серьезнаго содержанія. Мы уже упоминали о разсказѣ *Костямыа момъ*; скажемъ еще, что продолженіе большой статьи г. Шпилевскаго *Бѣлоруссія въ характеристическихъ описаніяхъ и фантастическихъ повѣртіяхъ* представляетъ въ іюньской книжкѣ интересныя и легко-читаемыя отрывки о бѣлорусскихъ игрищахъ, о чарахъ, заговариваньяхъ и предразсудкахъ, въ числѣ которыхъ записано г. Шпилевскимъ довольно-много народныхъ повѣрій, интересныхъ и для ученаго изслѣдователя народности. Такъ, напримѣръ, мы не помнимъ, чтобъ гдѣ-нибудь были уже обнародованы подробности бѣлорусскихъ повѣрій о вѣдьмахъ. По бѣлорусскимъ сказаніямъ, вѣдьмы дѣлаются невидимыми, обвиваясь съ ногъ до головы одною ниткою, выпраденною изъ кудели. Есть и для простаго человѣка средство сдѣлаться невидимымъ: надобно найти гнѣз-

до съ воронятами и привязать ихъ къ дереву проволокою. Чтобъ спасти птенцовъ, старая ворона приноситъ на другой день черный камешекъ, имѣющій силу дѣлать своего обладателя невидимымъ. Между этимъ средствомъ и извѣстнымъ великорусскимъ — косточкою изъ черной кошки, только одна точка сходства, цвѣтъ: и ворона черного цвѣта, и камешекъ черный, и кошка должна быть черная; котъ, впрочемъ, и самъ-по-себѣ, и безъ таинственнаго черного цвѣта, по сказаніямъ бѣлоруссовъ, одаренъ волшебной силою. Интересны и средства добывать деньги. Для этого надобно поймать летучую мышь и запереть ее въ ящикъ съ мелкими дырочками: черезъ тринадцать дней, вмѣсто мыши, въ ящикѣ будутъ деньги. Нетопыря и въ великорусскихъ повѣрьяхъ считаютъ чѣмъ-то волшебнымъ, приписывая ему силу вылечивать лихорадку. Кладъ можно добыть очень-просто: надобно только, когда всѣ змѣи собираются вмѣстѣ, подстеречь, какъ будетъ ползти самъ главный змѣй, и разостлать передъ нимъ бѣлый платокъ; въ благодарность за такую честь, онъ отбрасываетъ свои золотыя ножки о платокъ, съ которымъ потомъ отыщешь всѣ клады.

Письма изъ-за границы (изъ Германіи и Венеціи) г. Мундта (въ томъ же № «Пантеона») читаются очень-легко. Въ *Парижскихъ письмахъ* Бонавентуры разсказывается много интересныхъ новостей. Это—прекрасный фельетонъ. Очень-недурна и первая статья о *Проперціи*, взятая изъ Westminster Review.

Въ заключеніе считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ г. Иванову, помѣстившему въ 124-мъ № «Сѣверной Пчелы» отзывъ на статью нашу объ изданномъ имъ *Алфавитномъ Указателѣ къ боярскимъ книгамъ*. Читатели давно уже могли замѣтить постоянную заботливость нашу слѣдить за *всѣми* сочиненіями и изданіями, относящимися къ отечественной исторіи и древностямъ, представляя о нихъ своевременно возможно-полные отчеты. Русская исторія—одинъ изъ самыхъ живыхъ вопросовъ русской современной науки. Просвѣщенное правительство наше не щадитъ издержекъ на изданія, на раскрытіе источниковъ и разнаго рода матеріаловъ. Поощряемая этими благотворными дѣйствіями правительства, частная дѣятельность, дѣятельность ученыхъ разыскателей и любителей старины, съ каждымъ годомъ становится обширнѣе и значительнѣе, такъ-что русскому журналу представляется пріятная обязанность время отъ времени давать отчетъ о ходѣ работъ по этому интересному предмету, сводить итоги изслѣдованій, указывать важное значеніе изданныхъ памятниковъ. Слѣдя за всѣмъ, что дѣлается въ этой области, мы не пропускаемъ въ своихъ обзорахъ ни одного сколько-нибудь замѣчательнаго явленія... Такимъ-образомъ по *обязанности* мы должны были встрѣтиться и съ *Алфавитнымъ указателемъ къ боярскимъ книгамъ* г. П. Иванова. Обзоръ этой книги мы представили въ XI книжкѣ нашего журнала за прошлый годъ. Обзоръ состоялъ въ краткой оцѣнкѣ труда;

въ замѣчанія наши, смѣлъ думать, утверждался на неоспоримыхъ данныхъ. Но г. П. Ивановъ, «при всемъ нерасположеніи къ *«словопріемлю»,* вынужденнымъ намелся сказать (въ «Свѣ. Пчелѣ») «нѣсколько словъ (правильнѣе: нѣсколько столбцовъ) не столько въ «опроверженіе погрѣшностей, будтобы находящихся въ Указателѣ, сколько «въ защиту цѣли своихъ изданій».... Вамъ извѣстно, читатель, что цѣль съ которою ищутся *отчеты,* бываетъ двойная: вопервыхъ, раскрыть истину, затемненную или недоразумѣніемъ рецензента, или, что также случается, пристрастнымъ осужденіемъ; вовторыхъ, пустить, какъ говорится, нить въ главу, т. е. ясную, простую и вѣрную оцѣнку труда замѣчать, перепутать возраженіями, некасающимися дѣла, и такимъ образомъ свалить свою вину на другаго. Это нѣрѣдко и удается, особенно предъ читателемъ, мало-знакомымъ съ дѣломъ, или мало интересующимся разбираемымъ предметомъ. По этой послѣдней методѣ написавъ и *отчеты* г. П. Иванова. Отъ началъ, какъ и слѣдовало, съ предмета совершенно-посторонняго, началъ защищать цѣль своихъ изданій! Да кто же нападалъ на васъ съ этой стороны, г. П. Ивановъ? Найдите хоть букву въ нашемъ обзорѣ, которая хоть сколько-нибудь выражала бы нападеніе на *цѣль* вашихъ изданій. Мы отдали должную справедливость вашимъ изданіямъ: мы сказали, что изданія ваши полезны, но лишены ученой обработки, которая въ настоящее время требуется даже отъ простаго алфавита-указателя. Требованіе это — не приходъ рецензента: оно вызывается сущностью самаго дѣла. Васъ, можетъ-быть, испугало слово *ученая* обработка? Этими словомъ обозначаютъ, какъ извѣстно, полное, всестороннее знакомство съ тѣмъ предметомъ, который являлся обработать; слѣдовательно, сказанное требованіе не только справедливо, но и совершенно-необходимо, и вы напрасно не имѣли *претензій,* какъ выражаетесь, на *такую* ученую обработку. Составителю алфавитнаго указателя къ извѣстной книгѣ, или книгамъ, необходимо близкое знакомство съ этими книгами. Изъ «Алфавитнаго Указателя къ боярскимъ книгамъ» и несравненно-болѣе изъ «Отвѣта», очевидно, что знакомство съ боярскими книгами г. П. Иванова утверждалось на довольно-шаткомъ основаніи. Постараемся раскрыть истину, и чтобъ было яснѣе для читателя, замѣтимъ, что боярская книга — нѣчто въ родѣ адрес-календаря, полная роспись служебныхъ лицъ за извѣстный годъ. Но составлялись боярскія книги не каждый годъ. Г. П. Ивановъ говорить, что «между составленіемъ каждой изъ нихъ проходило нѣсколько лѣтъ; переимѣны же, которыя происходили въ кругу служебныхъ лицъ въ этотъ промежутокъ времени, или *вписывались въ самый текстъ составленной уже книги (иногда подъ строками «и на поляхъ»),* или прилагались къ ней особыми статьями.» (Введ. II). Ясно, что эти отмѣтки, которыя вписывались въ текстъ подъ строками и на поляхъ, также важны, какъ и самый текстъ; онѣ обозначали переимѣны по службѣ за позднѣйшіе годы, и такимъ образомъ устраи-

ли необходимость составлять, т. е. собственнo переписывать боярскую книгу ежегодно. Далѣе, говоря, что въ настоящее время боярскихъ книгъ сохранилось 12 и относятся онѣ къ разнымъ годамъ, 1627 — 1692, г. П. Ивановъ заключаетъ: «*впрочемъ, всѣ эти книги со-держатъ въ себѣ отмѣтки о служебной дѣятельности лицъ «и за промежуточные года....»* (Введ. III.) Далѣе, стр. V, «осо-бенно представлялись затрудненія при разжѣщеніи отмѣтокъ: *требо-валось непрерывныхъ справокъ и соображеній для удостовѣренія, «дѣйствительно ли то лицо, противъ котораго дѣлается отмѣтка, нахо-дится въ слѣдующемъ спискѣ.»* Очевидно, что г. П. Ивановъ признавалъ важность упомянутыхъ приписокъ и отмѣтокъ и пользовался ими, употребляя на это непрерывныя справки и соображенія. Въ рецензій мы доказали фактами свое сомнѣніе объ этихъ непрерывныхъ справкахъ и соображеніяхъ, и объяснили даже механизмъ работы, который могъ повредить дѣлу или повредилъ дѣйствительно. Мы слѣдили за изданною г. П. Ивановымъ же въ «Описаніи разряднаго архива» *Выписку* изъ боярской книги 7137 года съ «Алфавитнымъ Указателемъ»: вышла разница, даже во этой одной, и притомъ сокращенной выпискѣ; а источникъ для того и другаго изданія былъ одинъ!.... Здѣсь эту разницу мы раскроемъ словами самого же г. П. Иванова, который такимъ образомъ окончательнo и съ необыкновенною полнотою подтвердилъ наше общее заключеніе о его трудѣ. Вотъ что онъ говоритъ, между прочимъ:

«Послѣдуемъ за рецензентомъ, который, взявъ *Выписку изъ боярскихъ книгъ къ изданному мною Описанію Разряднаго Архива* (?) продолжаетъ:

«Въ выпискѣ значится, что въ 143 году Государь пожаловалъ въ бояря князя Петра Александровича Репнина. Кажется ясно? Въ алфавитѣ же отмѣчено, что онъ былъ въ 7137 году московскимъ дворяниномъ, а съ того же года бояриномъ, а 7144 года стряпчимъ и потомъ 7148 года снова бояриномъ. Какъ сообразить эти показанія? восклицаетъ онъ. *Очень просто, отвечаю я: подлинникомъ боярскихъ книгъ* (авторъ начинаетъ соображать «подлинникомъ» и пр.). Вотъ что въ нихъ заключается: во 2 боярской книгѣ 7137 года на 184 листѣ, въ спискѣ дворянъ московскихъ значится слѣдующее: «князь Петръ князь Александровъ сынъ Репнинъ, въ списку стольниковъ 130 году, помѣстный ему окладъ 600 чети; денегъ 50 рублевъ»; правда, вверху этой статьи другими чернилами и другою рукою приписано: *143 г. бояринъ*. Той же книги 7137 года, на листѣ 4, въ спискѣ бояръ этого года значится Репнинъ 19 бояриномъ съ слѣдующею отмѣткою: «*въ нынѣшнемъ 143 году Государь пожаловалъ въ бояря князя Петра Александровича Репнина, денежной окладъ умнень ему въ томъ же году 400 рублевъ*». Въ книгѣ 3, 7144 году, на листѣ 101, въ статьѣ стряпчихъ, сказано: «князь Петръ князь Александровъ сынъ Репнинъ, помѣстный окладъ 600 чети, денегъ 50 рублевъ». На верху (опять!) другою рукою и весьма блѣднѣннo

вылинявшими чернилами отмѣчено 143 г. боярск. Книга 4, 7148 года, на 4 листѣ, въ статьѣ бояръ, сказано: «князь Петръ Александровичъ Репнинъ; во 143 году учиненъ ему денежной окладъ 400 рублевъ». Изъ этого кажется ясно (восклицаетъ въ свою очередь г. П. Ивановъ), что алфавитъ вѣренъ съ боярскими книгами».

Боярскія книги, какъ видно изъ приведенныхъ здѣсь г. П. Ивановымъ выписокъ, утверждаютъ неоднократно, что Репнинъ пожалованъ въ бояре въ 143 году. (Даже самъ г. Ивановъ хотѣлъ что-то сказать объ этомъ и сказалъ только: правда, сверху отмѣчено и пр.) «Алфавитъ» же составленный г. П. Ивановымъ, утверждаетъ, что Репнинъ бояриномъ съ 7137 года, вовсе не упоминая о 7143 годѣ, то-есть о годѣ дѣйствительнаго пожалованія. Ясно, что Алфавитъ вѣренъ съ боярскими книгами!! Но последуемъ далѣе за доказательствами этой вѣрности:

«Въ выпискѣ означено, (говорить г. Ивановъ) «146 года мая 15, Юрій Андреевичъ Сицкой (то-есть пожалованъ въ бояре), а въ алфавитѣ значится съ 7137 года». Въ боярской 2 книгѣ 7137 года, въ статьѣ бояръ, листъ 4, Сицкой внесенъ бояриномъ слѣдующимъ образомъ: «146 года мая въ 15 день князь Юрій Андреевичъ Сицкой, — и 146 года мая въ 18 день по помѣтѣ по (на) выпискѣ Думнаго дьяка Ивана Гавренева: «денежный окладъ учиненъ ему 400 рублевъ. Память дана въ устоужскую четъ». И здѣсь ничего не сказано о годѣ пожалованья, какъ говорится въ другихъ мѣстахъ».

Помилюйте! да развѣ вамъ недостаточно, что Сицкой внесенъ въ статьѣ бояръ съ годомъ и числомъ? развѣ эта приписка не означаетъ, что именно въ этомъ году онъ пожалованъ въ бояре? Самое поверхностное знакомство съ такими памятниками, какъ боярскія книги, укажетъ вамъ значеніе и характеръ подобныхъ приписокъ и отмѣтокъ. Наконецъ, вы говорите, что здѣсь ничего не сказано о пожалованьи; но вѣдь сейчасъ вы же говорили о Репнинѣ, при имени котораго въ книгахъ отмѣчено, что онъ бояринъ съ 143 г.; слѣдовательно, говорится прямо и точно о пожалованьи. Воспользовались ли вы этимъ указаніемъ въ своемъ алфавитѣ? — нѣтъ; вы поставили передъ этимъ пожалованіемъ не 143, а 137 годъ, то-есть годъ книги. Основываясь на такихъ данныхъ, мы сдѣлали въ своей рецензіи выводъ, что составитель «не останавливался своего вниманія на этихъ отмѣткахъ, а вносилъ въ алфавитъ имена и обозначалъ ихъ чины не годами дѣйствительнаго производства, какъ отмѣчалась сверху, другою рукою, а годомъ книги, напримѣръ 7137, вовсе не обращая вниманія на то, что въ эту же книгу вписывались производства и другихъ годовъ. Приведенныя нами доказательства, вѣроятно, были такъ сильны, что г. П. Ивановъ, при всемъ своемъ нерасположеніи къ словопреніямъ, въ восьмомъ столбцѣ этихъ словопреній вынужденнымъ нашелся уклониться отъ очевидной справедливости представленныхъ фактовъ.

«Надобно видѣть приписки въ боярскихъ книгахъ (говорить онъ), чтобъ обвинять. Эти приписки обо всѣхъ вообще перемѣнахъ не вошли въ алфавитъ (!) по той причинѣ, что нѣкоторые изъ нихъ, и большею частью, сдѣланы на поляхъ, въ видѣ отгѣтокъ, вверху строкъ, другими руками, небрежнымъ почеркомъ, съ помарками, вылинявшими чернилами, такъ, что принятіе ихъ въ основной текстъ подлежало особенному сомнѣнію. Вотъ почему и пользовались ими при составленіи алфавита весьма осторожно; въ противномъ же случаѣ выставлялся годъ книги, какъ неподлежащій сомнѣнію.»

Ниже :

«Объ отгѣткахъ въ книгахъ я тоже самое здѣсь повторяю, что и выше сказалъ, то—есть что ихъ принимать въ основное положеніе весьма сомнительно. Кѣмъ они сдѣланы? Когда? Въ особенности, если ихъ едва можно разобрать, какъ отъ дурнаго почерка отгѣтокъ, такъ иногда и отъ погнившихъ листовъ.»

Читая все это, мы совершенно теперь ужъ недоумѣваемъ, почему, напримѣръ, годъ пожалованія, въ бояре Репнина, 143, подлежалъ особенному сомнѣнію, когда онъ не одинъ разъ отиѣченъ въ книгахъ, съ яснымъ обозначеніемъ пожалованья, и почему не подлежалъ особенному сомнѣнію въ этомъ случаѣ годъ книги, 7137, въ которомъ Репнинъ означенъ только дворяниномъ? Въ введеніи къ «Алфавиту», какъ мы видѣли, авторъ указалъ важность отиѣтокъ; а когда доказали ему, что онъ ими мало пользовался, онъ тотчасъ же подвергъ ихъ какому-то особенному сомнѣнію, такъ точно, какъ подвергъ сомнѣнію дворцовые разряды, говоря, что, несмотря на пользу ихъ изданія, они документы неофициальные. Слѣдственно, что же? сообщаемые ими факты невѣрны? Но это нужно доказать. Списки этихъ разрядовъ дѣйствительно неофициальные, однакожь всѣ факты, то—есть всѣ правительственныя распоряженія, записанныя въ нихъ, официальны, вѣрны, какъ официальный документъ.

Подвергнувъ такимъ образомъ, въ оправданіе себя, сомнѣнію отиѣтки въ боярскихъ книгахъ, авторъ вынужденнымъ нашелся сказать, что-нибудь и о самыхъ книгахъ; и мы узнали, что книги эти «находились нѣсколько недѣль на открытомъ воздухѣ, подъ дождемъ и снѣгомъ, такъ-что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ листы погнили и чернила поблѣкли, и что это (какое?) затрудненіе болѣе относится до церковныхъ цифръ, при неясности коихъ можно одну букву принять за другую». Читатели видѣли, что мы доказательства свои почерпали не изъ погнившихъ листовъ... Но этого мало. Авторъ постепенно усиливаетъ оправдательные аргументы.

«Въ заключеніе я долженъ присовокупить (говорить онъ), что при такой обширной работѣ, какъ составленіе означенаго алфавита изъ *стѣмхъ* книгъ, въ который вошло однихъ лицъ слишкомъ пятнадцать тысячъ и вдвое болѣе къ нимъ отгѣтокъ, естественно иногда могли *ограсться*

корректурныя ошибки въ цифрахъ, но это не мало не уменьшаетъ достоинства и пользы труда. Ужели рецензентъ, при разборѣ его, не нашелъ ничего полезнаго указанія нѣсколькихъ ошибокъ, еслибы онѣ и дѣйствительно были?»

Дѣйствительно, рецензентъ при разборѣ этого алфавита, сказавъ, «что подобныя изданія полезны», не могъ найти затѣи ничего полезнаго, какъ только указать ошибки, потому-что, по его мнѣнію, красоты какого бы то ни было алфавита, должны заключаться единственно въ точности, вѣрности, безошибочности сообщаемыхъ данныхъ. Не найдя такихъ красотъ въ «Алфавитѣ» г. Иванова, что жъ долженъ былъ еще искать въ немъ рецензентъ?

Но это еще не конецъ; самый сильный аргументъ всегда помѣщается въ заключеніи:

«Къ этому нелишнимъ считаю присовокупить слѣдующее (заключаетъ авторъ): рецензентъ вездѣ *нападки* обращаетъ на меня, относя составленіе алфавита ко мнѣ. *Кажется*, объ этомъ нигдѣ въ немъ не сказано.»

Въ введеніи (стр. 18) именно сказано, «Г. Ивановъ приступилъ къ составленію Алфавитнаго Указателя къ боярскимъ книгамъ, въ которыхъ по возможности старался выразить въ краткомъ, но ясномъ видѣ служебную дѣятельность и постепенное прохожденіе чиновъ всѣхъ лицъ, въ сихъ книгахъ поменованныхъ, такъ, чтобы Алфавитъ этотъ, служа вѣрнымъ указателемъ къ скорѣйшему исполненію справокъ, могъ *самъ съ тѣмъ удовлетворять и любознательности изслѣдователей источниковъ отечественной исторіи*». Вотъ на этомъ-то послѣднемъ основаніи мы, безъ-сомнѣнія, имѣли полное право и, вдобавокъ, обязанность представить читателямъ, любителямъ и изслѣдователямъ старины добросовѣстное, основанное на положительныхъ, неоспоримыхъ фактахъ, обзорнѣе вышесказаннаго «Алфавитнаго Указателя». Мы, надѣемся, доказали, что этотъ «Указатель», служа руководствомъ для справокъ, *не можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворять любознательности изслѣдователей источниковъ отечественной исторіи*, ибо не согласуется и самъ съ собою, а слѣдственно и съ другими достовѣрными источниками, съ которыми изслѣдователи имѣютъ полное и отчетливое знакомство.

БЕЛЬТИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ БРИТАНСКИХЪ БАРДОВЪ ШЕСТАГО ВѢКА.

Овенъ и валлійскія стихотворенія. — Языкъ бардовъ. — Кимрійскій словарь. — Переводы Шарлотты Гуэстъ и Вильмарке. — Лейварч-Генъ. — Гододинъ. — Сраженіе при Кальпрагъ. — Тальезинъ. — Сраженіе Аргоода Авуейна. — Мабиноджионы. — Чудесное въ поэмахъ. — Различіе свойствъ кельтійской и германской поэзіи. — Кильвашъ и Ольвена. — Одинъ изъ подвиговъ Кильваша. — Преданія о королѣ Артурѣ. — Круглый столъ. — Роль женщины въ кельтійскихъ легендахъ и вліаніе этихъ легендъ на поэмы среднихъ вѣковъ.

Пятьдесятъ лѣтъ назадъ, Овенъ Джонсъ Мивиръ (Муууг) изъ Графства Денбигъ, воспламененный воспоминаніями о бардахъ своего отечества, употребилъ все свое состояніе на то, чтобъ издать древніе манускрипты, заключающіе въ себѣ ихъ произведенія. Съ 1801 по 1807 годъ напечаталъ онъ, подъ названіемъ *Archaeology of Wales*, три тома валлійскихъ стихотвореній разныхъ временъ, историческихъ хроникъ, текстовъ законовъ, легендъ, разныхъ афоризмовъ и народныхъ пословицъ.

Первый томъ долженъ былъ возбудить любопытство ученыхъ, потому-что въ немъ заключались поэмы, приписываемыя преданіями бардамъ VI-го вѣка, имена которыхъ дошли до насъ: Талезину, Анерину, Лейварч-Гену, Мирдину и др. Но ученые мало занимались Валлисомъ и все, что относилось къ первобытнымъ памятникамъ кельтійскаго племени въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи, считалось недостойнымъ вниманія и даже поддѣльнымъ. Національные предрассудки поставили непреодолимую преграду между саксонцами и кельтами. Англичане воображаютъ, что жители Валлиса не могутъ имѣть народной поэзіи и что всѣ ихъ историческія преданія того неестественны и смѣшны, что не могутъ быть признаны

серьезными. Разумѣется, что и потомки первобытнаго племени сохранили это несправедливое презрѣніе къ своимъ сосѣдямъ и притомъ увеличивали черезчуръ важность и достоинство своихъ собственныхъ историческихъ преданій. Только одинъ ученый историкъ, Шаронъ Тюрнеръ, можетъ похвастаться исключеніемъ изъ всѣхъ своихъ собратовъ, потому—что въ 1803 году онъ доказалъ самыми неоспоримыми свидѣтельствами достовѣрность поэмъ бардовъ VI-го вѣка.

Главное препятствіе къ изученію и оцѣнкѣ этихъ поэмъ былъ языкъ, на которомъ онѣ написаны. Въ книгѣ Овенъ Джонса *Archaiology of Wales* приведенъ оригинальный текстъ безъ перевода и комментарій. Гдѣ же найти было ключъ древняго языка бардовъ, отдаленныхъ отъ насъ двѣнадцатью вѣками? Правда, что языкъ валлійскій еще существуетъ, и вѣтвь кельтійскаго нарѣчія сохранилась въ Арморикѣ, Ирландіи и Шотландіи; но стоить вспомнить, сколько перемѣнъ произошло, напримѣръ, въ германскихъ нарѣчіяхъ со времени готическаго языка Ульфилы, самаго древняго англосаксонскаго и верхне-германскаго нарѣчія, на которомъ сохранились рукописи; поэтому ясно, что современный валлійскій языкъ будетъ очень-слабою помощью для разбора древняго текста. Однакожъ все-таки это единственное средство для узнанія содержанія поэмъ, и потому надобно основательно изучить настоящій валлійскій языкъ со всѣми его тонкостями и измѣненіями, и отъ него, уже перебирая постепенные историческіе документы, добратся до языка бардовъ VI-го вѣка.

Для этой трудной работы есть много матеріаловъ, которыми могутъ всѣ пользоваться. Современный валлійскій языкъ доступенъ даже иностранцамъ, потому—что на немъ напечатанъ превосходный переводъ Библии, изданъ англо-валлійскій словарь Вальтерса въ 1794 году, не говоря ужъ о трудахъ Льюйда и другихъ лексикографовъ и грамматиковъ. Позже, въ X-мъ и XII-мъ вѣкахъ, валлійскій языкъ сохранился въ многочисленныхъ стихахъ бардовъ той эпохи, въ законахъ Гауала-Добраго, въ хроникахъ и народныхъ сказкахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *Mabinogion* и изданныхъ недавно Шарлоттою Гуэстъ. Эту эпоху необходимо изучить со всевозможнымъ стараніемъ, потому—что это нужнѣ всего для разбора древнѣйшихъ документовъ. Но ученые не могли, или не хотѣли посвятить нѣсколько лѣтъ жизни на продолжительный, методическій трудъ.

Вмѣстѣ съ книгою *Archaiology of Wales* вышелъ другой трудъ жителя Валлиса, Овена Пуга (*Pughe*), большой кимврійскій словарь, замѣчательный во многихъ отношеніяхъ, но составленный по ошибочной системѣ. Овенъ, какъ настоящій кельтоманъ, прежде всего утверждаетъ, что валлійскій языкъ не только первобытный, но и первый на землѣ, перешедшій во всей чистотѣ къ валлійцамъ, сохранившимъ его въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, и этимъ—то языкомъ писали кимврійскіе барды. Вотъ на чемъ основана его этимологическая система, которую смѣло можно назвать воображаемою. Овенъ составляетъ самъ корни словъ и производитъ отъ нихъ цѣлый языкъ со всѣми грамматическими формами. Онъ не сравниваетъ его съ другими языка-

ми, какъ-будто ихъ и не было, и смѣло развѣщаетъ свою воображаемую систему.

Для примѣра возьмемъ слово *ci*, которое на валлійскомъ языкѣ означаетъ собаку. Это слово точно также, какъ ирландское *si*, происходитъ отъ уменьшительнаго *sa*, или полнаго слова *saan*. Латинское слово *canis*, греческое *κίως*, ирландское *soin* и множественное число *soin* (произноси *soim*) могли бы доказать Овену, что слово *ci* никакъ не можетъ быть первобытною формою. Однако онъ подтверждаетъ свое мнѣніе и объясняетъ его производными словами *ci-b*—чаща *ci-g*—мясо и проч.

Вообще этимологія Овена не только неправдоподобна, но даже смѣшна. Въ словарь его находится слово *simne*—камень, взятое съ англійскаго *slimney* и съ латинскаго *similis*; но Овенъ раздѣляетъ это слово на *sim-ne*; *sim*—легкое, находящееся въ движеніи, и *ne*—переходное мѣсто, стало-быть камень—это переходное мѣсто, полное движеніе. Отъ *sim* происходитъ, по мнѣнію Овена, *simock* обезьяна и, вѣроятно, даже латинское слово *simia*.

Сравнивалъ богатые языки, можно найти сходство въ созвучіяхъ; но это будутъ только однѣ случайности. Умный этимологъ не увлечется этими мелочами и не станетъ доискиваться въ нихъ историческихъ заключеній. Всѣмъ извѣстно, однакожъ, до какой степени кельты употребляли во зло эти случайности; Овенъ пошелъ дальше ихъ всѣхъ, помѣстивъ въ своемъ словарѣ множество словъ даже съ воображаемыми созвучіями. На валлійскомъ языкѣ *pyth* или *byth* означаетъ міръ, вселенную, а *agori*—открывать. Изъ этихъ двухъ словъ Овенъ дѣлаетъ глаголъ *pythagori*—объяснять вселенную, *pythagoras*—космогонія: не слѣдуетъ ли изъ этого, что философъ Пифагоръ былъ кимврійскаго происхожденія? Это напоминаетъ шутку Свидота, который, смѣясь надъ этимологами своего времени, говоритъ, что настоящее имя Александра Македонскаго *Alexander the great* было: *all eggs under the grate*—всѣ яйца на жаровнѣ! Изъ чего слѣдуетъ, что въ Македоніи говорили поанглійски и что великій завоеватель любилъ очень яйца и отъ нихъ получилъ свое названіе.

Составитель словаря не заботился даже объ историческихъ эпохахъ этого языка. Онъ собралъ вмѣстѣ древнія и новыя слова отъ VI-го вѣка до нашихъ временъ и придалъ имъ всѣмъ одинаковую орфографію.

Что жъ случилось, когда Овенъ съ помощью своей этимологіи задумалъ переводить древнихъ бардовъ своего отечества? Онъ очутился въ совершенномъ мракѣ. Разумѣется, нельзя предполагать, чтобъ онъ, какъ природный житель Валлиса, не зналъ своего языка; однако въ своемъ словарѣ онъ часто приводитъ древнія цитаты и переводитъ ихъ навсегда одинаково.

Прежде изданія словаря, Овенъ издалъ ужъ въ 1792 году, съ текстомъ, поэмы Лейварч-Гена, одного изъ древнихъ бардовъ, въ которомъ очень-много необъясненнаго и неяснаго. Съ тѣхъ поръ многие писатели занимались съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ толкованіемъ Гододина, Анерина и нѣкоторыхъ отрывковъ Талезина.

Наконецъ де-ла-Вильмарке въ 1852 году перевелъ на французскій языкъ британскія поэмы VI-го столѣтїа, совершенно-неизвѣстныя нигдѣ, кромѣ Англии. Еще ранѣе, нѣсколько лѣтъ назадъ, де-ла-Вильмарке издалъ собраніе народныхъ пѣсень Арморика, очень-важное какъ для исторіи поэзіи, такъ и для исторіи кельтійскаго племени. Этотъ трудъ привелъ его, естественно, къ валлійской поэзіи, которая очень-богата и сохранена не въ изустныхъ преданїяхъ, а въ прочныхъ памятникахъ, и потому могла объяснить многое въ армориканскомъ нарѣчїи. Оба языка имѣютъ дѣйствительно большое сходство. Вильмарке рѣшился приступить къ изученію валлійскихъ бардовъ. Онъ поѣхалъ въ Англїю собирать и слышать рукописи, объяснять неточности, разузнавать всѣ подробности съ тѣмъ, чтобъ представить читателямъ добросовѣстный трудъ и понятный переводъ всѣхъ, иногда загадочныхъ текстовъ. Остается разсмотрѣть: успѣлъ ли онъ въ своемъ предпрїятїи.

Прежде всего обратимъ вниманіе на орфографическую систему, принятую авторомъ для валлійскаго текста. Орфографія этого языка точно также, какъ и другихъ нарѣчїй, нѣсколько разъ измѣнилась въ-теченіе вѣковъ; это доказывается всѣми древними рукописями. Но такъ-какъ эти манускрипты не восходятъ дальше тысячи лѣтъ, то мы и не можемъ знать, какая орфографія существовала прежде этого времени; слѣдовательно первая форма поэмъ VI-го столѣтїа остается для насъ неизвѣстною. Думаютъ, что онѣ вначалѣ были писаны съ помощью буквъ римской азбуки. Это сомнительно, потому-что римская азбука слишкомъ-бѣдна, чтобъ выразить всю фоническую систему богатаго и цвѣтистаго валлійскаго языка. Притомъ же, вѣроятно, барды имѣли собственную азбуку съ сорока-тремя знаками, изображавшими превосходно всѣ тонкости кимврийской вокализации.

Этимъ-то остаткамъ кельтійской музы Вильмарке вздумалъ составить совершенно-новую орфографію, принадлежащую бретонскому нарѣчїю, которое нисколько не походитъ на валлійское. Надобно признаться, что это очень-неудачная мысль. Въ примѣръ этой орфографической натянутости приведемъ только одинъ примѣръ: бретонская гласная буква *e* замѣняетъ въ валлійскихъ словахъ не только *e*, *eu*, *y* но даже двугласныя *ei*, *ai*, *ae* и *ieu*, а согласная *z* употребляется вмѣсто *d*, *dd*, *th* и *s*.

Въ сравненїяхъ же бретонскаго языка съ газльскими нарѣчїями Вильмарке замѣняетъ ирландскую орфографію также бретонской и вводитъ въ ирландскую азбуку букву *z*, которой тамъ никогда не было.

Что же касается до перевода, онъ простъ, ясенъ; въ немъ даже много поэзіи и нѣтъ никакихъ академическихъ претензій. Въ этомъ отношенїи онъ гораздо-выше всѣхъ англійскихъ переводовъ, предшествовавшихъ ему. Вѣрности въ немъ тоже гораздо-больше, хотя все-таки остается много мѣстъ темныхъ и необъяснимыхъ. Главныя причины неясности перевода заключаются въ томъ, что древнїи тексты объясняютъ различнымъ образомъ и читатель не знаетъ, которому переводу вѣрить. Это происходитъ оттого, что древнїи слова ирландскіе столько-же потеряли уже первоначальное свое значе-

нiе ; къ этому надобно еще прибавить, что у бардовъ были свои условныя правила, употреблявшiяся только въ стихахъ и зависѣвшiя отъ рифмъ и гармонiи.

При этой неясности древнихъ поэмъ, составители системъ и кельтоманы могли дать полную волю своему воображенiю и увѣрять читателей въ чемъ имъ угодно. Притомъ же очень-удобно было измѣнить настоящiй текстъ и представить его въ другомъ смыслѣ, потому-что въ валлійскомъ языкѣ, больше чѣмъ во всякомъ другомъ, есть множество односложныхъ словъ, различающихся между собою одною только буквою, но смыслъ которыхъ иногда совершенно-противоположенъ. Недостатокъ грамматическихъ правилъ въ звучномъ и твердомъ стихѣ бардовъ бываетъ часто причиною того, что одно и то же слово можно принять за существительное, прилагательное, за глаголъ, за единственное или множественное число.

Вильмарке старается, сколько можно, не увлекаться прежними переводами и придерживаться древняго текста. Онъ первый привелъ въ нѣкоторую ясность не только мiеологию, но собственныя имена, названiя мѣстъ и историческiя происшествiя, совершенно-перепутанныя его предшественниками. Вообще вся эта древняя поэзiя такъ оригинальна, что скорѣе удивляетъ, чѣмъ нравится. Въ ней много любопытныхъ подробностей, высокихъ мыслей, сравненiй то энергическихъ, то наивныхъ и нѣжныхъ, но вообще муза бардовъ угрюма, грустна, плачетъ надъ развалинами и описываетъ только сцены ужаса и смерти. Лирическiй элементъ пламенный, энергическiй, темный, встрѣчается гораздо-чаще, чѣмъ простой рассказъ, или описанiе. Отъ этого происходитъ монотонность, еще болѣе утомительная, потому-что одни и тѣ же сравненiя повторяются нѣсколько разъ, такъ-что наконецъ даже надѣдають. Здѣсь вы не найдете наивной прелести и простоты бретонской народной поэзiи, переданныхъ намъ Вильмарке въ его собранiи пѣсенъ древней Арморики.

Глубокая задумчивость видна особенно въ произведенiяхъ Лейварч-Гена, этого барда, удрученнаго годами, который пережилъ двадцать-четырехъ своихъ сыновей, бывшихъ «великодушными людьми, начальниками войскъ, съ золотыми ожерельями». Шесть его поэмъ, переведенныхъ Вильмарке, составляютъ долгую жалобу и воспоминанiя о прошедшей славѣ.

Нравоучительные стихи того же автора имѣютъ совершенно-другой характеръ и представляютъ для насъ любопытный образецъ формы, въ которой барды передавали народу правила нравственности и мудрости. Они состоятъ изъ строфъ въ три стиха, изъ которыхъ два первые составляютъ родъ припѣва съ варьяциями на одну таму и безъ малѣйшаго отношенiя къ третьему стиху, заключающему въ себѣ аксиому, правило или пословицу. Эта искусная мнемоника производитъ то, что съ помощью рифмы и размѣра главная мысль скорѣе утвердится въ памяти. Многiя изъ этихъ правилъ превосходятъ, нѣкоторыя немного-странны, другiя очень-похожи на современные народныя поговорки. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ :

Кромъ Бога, нѣтъ ничего божественнаго.

Счастіе и доброта всегда однихъ лѣтъ.

Упадшій лѣтъ всегда старъ, хотя родился въ томъ же году.

Печаль въ сердцѣ сильнѣе ста человѣкъ.

Самый блестящій свѣтъ — разумокъ человѣка.

Женщина должна усыплять боль.

• Лицо не можетъ скрыть волненія сердца.

Кто видитъ любимый предметъ, тотъ счастливъ.

За поемами Лейварча слѣдуетъ *Гододина* Америна, довольно-обширное произведеніе, но въ которомъ нѣтъ нисколько эпического характера. Это лирическіе стихи, перемежаемые съ небольшими рассказами, въ которыхъ описывается большое пораженіе кимвровъ во время войны ихъ съ сѣверными народами, логрианами, берниками, пиктами и саксонцами. Мѣсто сраженія названо *Кальтраэтъ*, и Вильмарке, собравъ всѣ достовѣрныя преданія, означаетъ его на Клейдѣ близъ Донбартона, а эпоху сраженія приблизительно назначаетъ между 572 и 580 годами.

Въ-отношеніи къ поэзій, Гододина, безъ-сомнѣнія, гораздо-выше эгического Лейварч-Гена. Нигдѣ воинственная муза не имѣла такихъ энергическихъ возгласовъ, никто не описывалъ сраженія съ такимъ жаромъ и увлеченіемъ. Жаль только, что это сочиненіе, единственное въ своемъ родѣ и въ которомъ заключаются всѣ формы версификаціи бардовъ, не дошло до насъ въ лучшемъ видѣ. Многія неясности, недостатки стиховъ и цѣлыхъ частей доказываютъ, что это произведеніе дошло до насъ далеко не въ цѣлости; даже текстъ во многихъ мѣстахъ измѣненъ и требуетъ многихъ поправокъ.

Приведемъ отрывки, чтобъ дать понятіе объ этой замѣчательной, энергической поэзій.

«Воины отправились въ Кальтраэтъ вмѣстѣ съ зарею и вскорѣ должны были прикрыться щитами; они искали крови прежде морскаго отлива, въ битвѣ, гдѣ, какъ громъ, раздавались ихъ удары. Леткій воинъ, робкій воинъ и храбрый дрались между-собою и находили достойныхъ соперниковъ. Въ общемъ шумъ желѣзо встрѣчалось съ сталью, начальники съ предводителями, и вдругъ море начало подвигаться по берегу и заставило отодвинуться оба войска.

«Когда будутъ говорить о битвѣ Кальтраэта, народы будутъ плакать, будутъ долго сожалѣть о государствѣ безъ правителя, о несчастіяхъ отечества и о сынахъ Года-Баука, храбрыхъ и великодушныхъ воинахъ, которыхъ свезли въ могилы большія погребальныя колесницы... Первый увидѣлъ это съ крѣпости Тодвольчъ и съ своими воинами пошелъ по зеленой дорогѣ, первый, бросился какъ разъяренный волъ на волнующійся берегъ и первый, покрытый золотомъ и пурпуромъ, онъ прославился; кони, вскормленные имъ, не допустили его до стыда. Онъ заслужилъ громкую славу...

«Въ часъ, когда взошелъ первый лучъ солнца и явился этотъ царь вселенной со всѣмъ своимъ великолѣпиемъ надъ островомъ Британія, онъ увидѣлъ страшную битву изъ-за богатой добычи.

«Главный воинъ отогля подь портикомъ Эдина и грознымъ голосомъ спросилъ крѣпкаго меду. Онъ выпилъ прозрачный напитокъ и бросился въ средину битвы, вызывая противниковъ. Въ оврагѣ завязался страшный бой, бой отчаянный, блестящій, пламенный, летучій...

«Начальникъ враговъ весъ на плечѣ щитъ, украшенный разными красками. Онъ оживлялъ собою битву — это былъ огонь; копье его было очаровано — это было солнце. И чтожь? онъ сдѣлался добычею вороновъ; воины покинули того, который былъ могущественъ, какъ гордый орелъ. Онъ былъ пораженъ въ грудь. Барды всегда отдадутъ справедливость храбрымъ врагамъ.

«Тогда явился передъ нами человекъ, съ сѣдыми волосами, мудрый совѣтникъ, на пылкой лошади. Это былъ одинъ изъ враговъ съ золотымъ ожерельемъ, храбрый какъ вепрь; онъ предложилъ намъ прекратить битву между сражающимися. На это отвѣчала ему благороднымъ отказомъ: «Небо поможетъ намъ: оно покровительствуетъ намъ и спасетъ насъ! Пускай копья покроютъ все поле сраженія, но воины знаменитой Альгуды не отступятъ, понуда всѣ не лягутъ на землю!»

«Съ какой силою, искусствомъ и успѣхомъ воины окружили валъ! Волоса ихъ развѣваются по вѣтру и они бросаются вмѣстѣ съ орломъ Гведиена. Наука спасаетъ того, кто ее уважаетъ; наука защищаетъ и скрываетъ своего любимица. Пускай же она сохранитъ Моріена и его священную музу; пускай спасетъ его отъ погибели и копья неприятельнаго; пусть онъ будетъ первый на полѣ сраженія по храбрости и силѣ!

«Не долгъ ли нашъ воспѣвать славу, шумъ, огонь, громъ, бурю, восхвалять храбрость воина въ битвѣ и кровавую его жатву? Воинъ этотъ обезглавилъ много враговъ и о немъ говорили въ дальнихъ странахъ. Съ щитомъ на плечѣ, онъ проливалъ кровь какъ вино, которое разливаютъ въ золотые и серебряные кубки въ день пиршества.

«Кровь Эйдолы охолодѣла; лицо его блѣдно. Рѣшеніе Буна разорвало страну этого начальника, который былъ такъ богатъ конями, черными вооруженіями и блестящими щитами. Онъ идетъ съ воинами однихъ лѣтъ въ атаку; онъ поднимается, опускается; онъ одушевляетъ битву — этотъ пламенный царь войны, любившій свое отечество и свой кланъ. Этотъ храбрый воинъ поливаетъ кровью траву; онъ идетъ по оружію, по лошади. Но товарищи его ужъ всѣ поблѣднѣли; смерть близка къ несчастнымъ, потому что копья ихъ охладѣли въ рукахъ, действуя съ начала сраженія. Битва дѣлается самая-блестятельная; она заняла всю долину и завладѣла жилищемъ, гдѣ недавно пали крѣпкій и сладкій медъ. Все погубило въ пламени, зажженномъ съ зарею войскомъ логриенскимъ — строгое наказаніе, за которымъ слѣдовало раскаяніе».

Поэма кончается жалобами барда:

«Какъ я несчастливъ что пережилъ сражающагося, что буду страдать и умирать не такъ, какъ они! Какъ мнѣ тяжело было видѣть какъ пали наши воины, отъ перваго до послѣдняго! Какъ я плакалъ

долго о судьбѣ храбрыхъ моихъ соотечественниковъ, твердыхъ и смѣлыхъ, умершихъ такъ рано! Надѣюсь, что души ихъ будутъ приняты въ небесное царство, въ обитель вѣчнаго покоя.

«Будемъ же горько плакать о гибели лучшихъ душъ; будемъ вспоминать о силѣ ихъ коней и воиновъ, предназначенныхъ къ печальной судьбѣ. Теперь всѣ сожалеютъ о нихъ, и я присоединяюсь къ общему отчаянію, хотя теперь наша прекрасная конфедерация непобѣдима, но это будетъ годовщина горькихъ слезъ.

«Я плачу со всѣми, потому—что вмѣстѣ со всѣми любилъ этихъ героевъ, воиновъ Аргоэда, привыкшихъ сражаться».

Эти отрывки вполне выказываютъ всѣ качества и недостатки музы бардовъ. Ненадобно забывать, что переводъ въ прозѣ, хотя и вѣрный, лишаетъ поэзию музыкальности и богатства формъ и оставляетъ одиавъ только скелетъ поэмы. Въ подлинникѣ слова безъ гибкости соединены между собою грамматически и гармонируютъ, рифмуются между собою частыми рифмами, падая, какъ камни циклопической постройки. И вся эта музыкальность исчезаетъ совершенно въ самомъ лучшемъ переводѣ.

Послѣ Гододина, Вильмарке перевелъ еще шесть историческихъ пѣсень знаменитаго барда Тальезина съ блистающимъ челою. Отчего онъ выбралъ такъ мало изъ семидесяти—шести разнообразныхъ сочиненій его, заключающихся въ *Archaiology of Wales*? Оттого, что онъ почитаетъ большую часть этихъ поэмъ передѣланными и даже поддѣльными, хотя нельзя доказать этого положительно, потому—что изученіе англійскихъ древностей недалеко подвинулось впередъ; притомъ же эти сочиненія наполнены элементами мифологическими, мистическими, друидическими; въ нихъ поминутно встрѣчаются неизвѣстныя имена и идеи, несообразныя съ современными понятіями. Шаронъ Тюрнеръ совершенно—правъ, говоря, что ни Ликофронъ, ни Сивиллы, ни древніе оракулы не были до такой степени темны и непонятны. Однакожь гдѣ—нибудь долженъ быть ключъ къ этой загадкѣ, и наука, открывшая уже столько другихъ загадочныхъ вещей, должна постараться освѣтить этотъ мракъ и разобрать хаосъ. Очень жаль, что Вильмарке не взялся за этотъ любопытный трудъ, который могъ бы окончить удовлетворительно, потому—что онъ превосходно знаетъ всѣ кимврическія и бретонскія преданія.

Когда Тальезинъ дѣлается удобопонятнымъ, онъ отличается отъ другихъ бардовъ лучшимъ слогомъ и концепціею, подходящею болѣе къ нашимъ идеямъ объ искусствѣ, но сохраняющею, несмотря на это, характеристическія черты музы бардовъ. Изъ слѣдующихъ двухъ отрывковъ можно судить объ этихъ поэмахъ, переведенныхъ Вильмарке.

Сраженіе Аргоэда Авуфейна.

Въ субботу утромъ была большая битва отъ солнечнаго восхода и до заката. Фламдинъ бросился съ четырьмя полками противъ Годе и Регеда.

Они разсыпались отъ лѣса до горъ, но жили только одинъ день.

Начальникъ громко кричалъ : « скоро ли они сдадутся, мы готовы принять ихъ ».

Овенъ отвѣчалъ вынимая мечъ : « они не сдадутся ; они не готовы и никогда не будутъ готовы ».

Ценау, сынъ Коеля, настоящій левъ, скорѣе согласится погибнуть чѣмъ сдаться.

Тогда Уріенъ, начальникъ обработанной долины, вскричалъ : « родные мои и члены семейства , соединимся всѣ и поднимемъ наше знамя на горѣ ».

« И пойдемъ противъ этихъ пришлецовъ , обратя къ нимъ наши копыя ! »

« И отыщемъ посреди воинновъ Фламвина, и убьемъ его вмѣстѣ съ его союзниками ! »

И въ битвѣ Аргоздъ Авуфейна было много труповъ.

Въ кровавыхъ потокахъ купались вороны.

Скоро разнесся слухъ объ этой битвѣ, и я буду праздновать этотъ день до моей смерти.

Да, хотя я буду слабъ и старъ, хотя смерть будетъ приближаться ко мнѣ, но я не улыбнусь ей, прежде чѣмъ воспою Уріена !

БИТВА ПРИ МИНАВЪ.

Въ этомъ году одинъ начальникъ, щедрый на вино, на золотыя монеты и на медъ, храбрый, но безъ варварства, перешелъ черезъ границы.

И сопутствуемый множествомъ копій союзниковъ и блистательныхъ дворянъ, онъ вступилъ въ бой.

Верхомъ на своей лошади онъ выигралъ сраженіе при Минавѣ и воспламенилъ музу бардовъ.

Какая богатая добыча для его воинновъ ! восемь разъ двадцать животныхъ одного цвѣта, телятъ и коровъ !

Быки и коровы и множество другихъ богатствъ ! Ахъ ! я бы не радовался такъ, если бы Уріенъ погибъ.

Начальникъ другаго племени былъ изрубленъ. Дрожащій саксонецъ омочилъ сѣдые волосы своею собственною кровью. Его унесли на носилкахъ, окровавленнаго, и даже свои воины не защищали его съ жаромъ.

Этотъ храбрый, но дерзкій воинъ, сдѣлалъ свою жену вдовою.

Начальникъ далъ мнѣ своего вина. Онъ часто даетъ мнѣ вина и онъ же одушевляетъ меня, поддерживаетъ, показываетъ путь. Никто не сравнится съ нимъ въ величіи.

Но неприятели опять дерутся. Послушай воинъ, что это такое ?

Что это за шумъ ! отчего дрожитъ земля ? Не море ли поднимается изъ своихъ предѣловъ и хочетъ добѣжать до людей ?

Если въ долинѣ послышатся стоны — это Уриенъ поражаетъ враговъ.

Если на горѣ слышны крики — это Уриенъ побѣждаетъ.

Если на берегу раздаются вопли — это Уриенъ убиваетъ.

Если въ укрѣпленномъ мѣстѣ плачутъ — Уриенъ причиною этому
Стоны на дорогѣ, въ долинѣ, со всѣхъ сторонъ!

И кто можетъ прекратить ихъ, кто спасется отъ него?

Тѣ не знаютъ голода, которые съ нимъ идутъ на добычу.

Когда онъ вступаетъ въ бой въ своемъ блестящемъ лазурномъ вооруженіи, копье его предвѣщаетъ всякому смерть и производитъ ужасъ въ толпѣ непріятелей.

Ахъ! покуда я не ослабѣлъ, не состарѣлся, пока смерть не постѣила меня, я не улынусь до-тѣхъ-поръ, пока не воспую Уриена.»

Вильмарке оканчиваетъ свое предисловіе поэтическимъ разсказомъ, въ которомъ говоритъ о своихъ надеждахъ на будущіе плоды отъ своего труда:

«Разсказываютъ (говоритъ опъ), что пустынники, защищавшіе лѣса и кустарники Арморики, были въ большомъ затрудненіи послѣ первыхъ работъ, потому-что у нихъ не было хлѣбныхъ зеренъ для посѣва. Въ то время, когда они не знали, что имъ дѣлать, прилетѣла маленькая птичка, держа въ носикѣ зернышко пшеницы, и сѣла на кустъ. Пустынники, обрадованные этимъ счастливымъ случаемъ, послѣдовали туда, куда полетѣла птичка, и пришли въ лѣсъ, въ такое мѣсто, гдѣ выросла богатая жатва, покинутая съ давнихъ лѣтъ.

«Я хотѣлъ бы, какъ эта птичка, показать только дорогу ученымъ, ведущую посреди кустарниковъ Бретани къ полю, воздѣланному когда-то бардами.»

Кельтійская литература раздѣляется на три совершенно-различныя части: на литературу бардовъ, или лирическую, процвѣтавшую въ VI вѣкѣ, въ произведеніяхъ Тальезина, Анерина, Лейварч-Гена, и продолжалась въ подражаніяхъ до настоящаго времени; *Мабиноджионы*, или романическія стихотворенія XII вѣка, воспѣвающія отдаленныя времена и подвиги кельтійскаго народа; и наконецъ литературу легендарную, имѣющую совершенно-особенный отпечатокъ таинственности и сверхъестественнаго. Эти три рода литературы существовали въ одно время, но не имѣли между собою никакихъ отношеній. Барды гордились своей торжественной риторикой, но оказывали пренебреженіе къ народнымъ сказкамъ, которыя, по ихъ мнѣнію, были написаны нестарателемъ. Въ *Мабиноджионахъ* собственно заключается настоящее выраженіе кельтійскаго духа. Странно только, что литература, чрезвычайно-любопытная и отъ которой происходятъ почти всѣ романическія произведенія Европы, оставалась до-сихъ-поръ мало-извѣстною. Леди Шарлотта Гуэстъ издала *Мабиноджионы* по оксфордской рукописи. Въ тонѣ этого произведенія нѣтъ ничего эпическаго. Жизнь представлена просто и безъ натажекъ; но люди изображены какъ полубоги, имѣющіе сверхъестественный даръ, заключающійся въ какой-нибудь драгоцѣнной вещи, принадлежащей герою. Вокругъ главнаго лица группируется простой народъ, раз-

ушется, одаренный никакими необыкновенными качествами, но трудящійся и занимающійся ремеслами. За-то произведенія этихъ работниковъ, попадая къ героямъ, приобретаютъ волшебныя свойства. Корабль, копье, щитъ Артура производить чудеса; шахматы Гвендолена передвигались сами; въ рогъ Бран-Галеда находились всегда желаемый напитокъ; колесница Моргана сама направлялась къ тому мѣсту, куда надобно было ѣхать герою; въ бассейнѣ Тирвога верилось мясо для всѣхъ, кромя трусовъ; камень Тудвала точилъ только мечи храбрыхъ; платье Падарна было впору всѣмъ благороднымъ людямъ; плащъ Тегана могли надѣть только добродѣтельныя женщины. Животныя играютъ тоже важную роль въ народныхъ преданіяхъ и одарены сверхъестественнымъ могуществомъ. Сказка *Кильшигъ и Ольвена* самая необыкновенная въ Мабиноджионѣ. Въ ней Артуръ борется съ царемъ вепрей, который съ семьєю своими дѣтьми защищается противъ всѣхъ рыцарей круглаго стола. *Сомъ Ронабен* описываетъ приключенія трехсотъ кервергенскихъ воровъ.

Богѣ всего поражаетъ въ кельтійскихъ произведеніяхъ простота и кротость нравовъ, которой нельзя встрѣтить въ германскихъ преданіяхъ. У кельтовъ нѣтъ нигдѣ страшной мести, какъ въ *Эддѣ* и *Нибелунгахъ*. Какое сравненіе между германскими и кельтійскими героями! У первыхъ всѣ ужасы кроваваго варварства, грабежи, убійства безъ всякаго достаточнаго предлога; у вторыхъ прежде всего правосудіе, преданность, соединенныя съ справедливою гордостью. Первобытный житель Германіи употребляетъ всѣ свои способности, чтобъ дѣлать зло и угнетать ближнихъ, тогда-какъ кимврійскій герой всегда одушевленъ состраданіемъ къ слабымъ, и посреди блестящихъ подвиговъ великодушно помогаетъ тѣмъ, которые не могутъ защищаться.

Мабиноджионы раздѣляются на двѣ части: одна относится исключительно къ Валлійскому Полуострову и къ Корнувалісу и занимается однимъ героемъ Артуромъ. Другая обнимаетъ не только кимврійскія страны Англии, но всю Великобританію и напоминаетъ о происшествіяхъ и лодяхъ, жившихъ во времена римскаго владычества. Вторая часть древнѣе первой по плану и отличается миеологическимъ характеромъ, смѣлостью изложенія и легкимъ слогомъ, наполненнымъ шутками. Сказка *Кильшигъ и Ольвена*, въ которой вепрь играетъ главную роль, олицетворяетъ первобытный характеръ кельтійской миеологіи, когда еще въ нее не входили другіе элементы, за-то въ ней есть слова и выраженія, смыслъ которыхъ совершенно-потерянъ. Несмотря на это, рассказъ, хотя и сверхъестественный, чрезвычайно-оригиналенъ.

Кильшигъ, сынъ правителя Келиддона Килидда, слышалъ рассказы о красотѣ Ольвены, дочери Испаддадена Пенкавра и влюбился въ нее заочно. Онъ идетъ къ Артуру и проситъ его помощи, чтобъ завладѣть молодой дѣвушкой, что очень-трудно, потому-что онъ даже не знаетъ, гдѣ живетъ красавица, а знаетъ только, что отецъ ея страшный тиранъ, который никого не выпускаетъ живымъ изъ своего замъ-

ка и смерть котораго назначена судьбою въ день свадьбы его дочери. Артуръ даетъ Кильвшу нѣсколько храбрыхъ товарищей и, послѣ необычайныхъ приключеній, рыцари доходятъ до замка Испаддена и встрѣчаютъ молодую дѣвушку, въ которую влюбился Кильвшъ. Три дня дожидаются они отвѣта отца Ольвены, и наконецъ онъ соглашается отдать свою дочь только съ условіями, почти невозможными. Исполненіе этихъ условій составляетъ длинную цѣпь подвиговъ, настоящую романическую эпопею, которая, къ-несчастью, дошла до насъ неполною. Изъ тридцати-восьми подвиговъ Кильвшна въ рукописи, переведенной г-жею Шарлоттою Гуэстъ, сохранились только семь или восемь. Приведемъ одинъ изъ этихъ рассказовъ, чтобъ дать понятіе о поэзіи. Дѣло идетъ объ отысканіи Мабона, сына Модрона, котораго похитили у матери черезъ три дня послѣ его рожденія, и котораго, по условію, долженъ найти Кильвшъ.

«Товарищи Артура сказали ему : государь, воротись домой, такіе легкіе подвижки не стоятъ присутствія твоего и твоихъ храбрыхъ товарищей». Тогда Артуръ отвѣчалъ : «Не худо бы, чтобъ ты Гвриръ Гвальставдъ Іейтоддъ взялся за эти розыски, потому-что ты знаешь говорить на всѣхъ языкахъ и понимаешь все крики звѣрей и птицъ. Кончайте же это дѣло безъ меня.

«И рыцари пошли впередъ и увидѣли кильгврійскаго дрозда. Гвриръ сказалъ ему : «Заклинаю тебя небомъ, скажи мнѣ, не знаешь ли ты чего о Мабонѣ, сынѣ Модрона, котораго похитили у матери, когда ему было только три ночи». Дроздъ отвѣчалъ : «Когда я прилетѣлъ сюда, то былъ еще молодою птицею и нашелъ на этомъ мѣстѣ наковальню кузнеца. Съ-тѣхъ-поръ я одинъ ударяю моимъ носомъ по наковальнѣ и отъ нея остался кусочекъ величиною въ орѣхъ. Во все продолженіе этого времени я никогда не слышалъ имени человѣка, о которомъ вы говорите; но, по справедливости и изъ уваженія къ товарищамъ Артура, я покажу вамъ породу звѣрей, созданныхъ до меня, и у нихъ вы можете спросить о томъ, кого ищете.

«Они пошли туда, гдѣ живетъ олень Рединвръ. «Олень Рединвръ, сказали они, мы посланы къ тебѣ Артуромъ, какъ къ самому старшему изъ всѣхъ животныхъ. Скажи намъ, не знаешь ли ты чего о Мабонѣ, сынѣ Модрона, котораго похитили у матери, когда ему было три ночи». Олень отвѣчалъ : «Когда я пришелъ сюда въ первый разъ, вокругъ меня было поле и на немъ росъ молодой дубъ. Дерево это сдѣлалось теперь огромнымъ дубомъ — о ста вѣтвяхъ, потому засохло и отъ него остался одинъ сухой пенъ. Во все это время я жилъ на одномъ мѣстѣ и никогда не слыхалъ о человѣкѣ, котораго вы ищете. Но вы посланники Артура и я сведу васъ къ животному, созданному прежде меня.

«И онъ привелъ ихъ къ совѣ Кум-Кавльвида : «Сова, Кум-Кавльвида — вотъ посланники Артура, не знаешь ли ты чего о Мабонѣ, сынѣ Модрона, котораго похитили у матери, когда ему было три ночи?» — «Еслибъ я знала, то сказала бы вамъ. Когда я поселилась здѣсь, то долина эта была покрыта лѣсомъ. Потомъ пришли люди и вырубали лѣсъ. Породы людей этихъ исчезла и послѣ нихъ выросъ

другой лѣсъ, тоже истребленный; теперь выросъ ужъ третій. Крылья мои ужъ отпали и я не могу летать. Но во все продолженіе этого времени я ни разу не слышала, чтобъ говорили о человѣкѣ, котораго вы ищете. Однако, я хочу проводить посольство Артура къ самому-старому животному, которое много путешествовало. Это орелъ Гвернъ Абви.

«Гвернъ сказалъ: «Орелъ Гвернъ Абви, къ тебѣ пришло посольство Артура, спросить, не слышалъ ли ты чего о Мабонѣ, сынѣ Модрона, котораго унесли у матери, когда ему было три ночи». Орелъ отвѣчалъ: «Я живу здѣсь очень-давно. Когда я прилетѣлъ сюда въ первый разъ, на этомъ мѣстѣ была большая каменная гора, о которую я чистилъ носъ каждый вечеръ при блескѣ звѣздъ. Теперь отъ горы остался небольшой камешекъ. Во все время я не улеталъ никуда и не знаю человѣка, о которомъ вы говорите. Только разъ я отправился въ Лин-Ливъ, чтобъ поискать пищи. Когда я подошелъ къ рѣкѣ, то увидѣлъ огромнаго лосося и схватилъ его въ когти, надѣясь, что его станеть мнѣ надолго, но рыба была сильнѣе и чуть не стащила меня на дно пропасти. Я собралъ всѣхъ моихъ родныхъ, чтобъ побѣдить лосося, но онъ прислалъ мнѣ посланниковъ и мы помирились. Съ-тѣхъ-поръ я друженъ съ этой рыбой и вынулъ изъ ея спины пятьдесятъ гарпуновъ. Если она не можетъ вамъ сказать, гдѣ человѣкъ, котораго вы ищете, то не знаю больше никого старше меня.

«Рыцари пошли къ Лин-Ливу и орелъ сказалъ: «Лосось Лин-Лива, я пришелъ къ тебѣ съ посольствомъ Артура, чтобъ спросить, не знаешь ли ты чего о Мабонѣ, сынѣ Модрона, котораго украли у матери, когда ему было только три ночи?» — «Я скажу тебѣ все, что знаю. Съ каждымъ приливомъ я плыву по теченію и доплываю до Глочестера. Тамъ я слышу страшные стоны и вижу ужасныя мученія. Если кто хочеть удостовѣриться въ этомъ, то пусть сядеть мнѣ на спину и я донесу его до печальнаго мѣста». Какъ и Гвернъ Гвальставадъ Іейтоддъ съѣли на лосося и приплыли къ стѣнамъ тюрьмы. Тамъ они услышали жалобные стоны и рыданія. Гвернъ сказалъ: «Кто стонеть въ этой каменной тюрьмѣ?» — «Тотъ, кто очень-несчастливъ, Мабонъ сынъ Модрона, запертый здѣсь съ давникъ лѣтъ. Мое заключеніе самое жестокое». — «Какъ можно освободить тебя, золотомъ, серебромъ, подарками, или битвой?» — «Меня можно спасти только силой...»

Окончаніе происшествія можно предвидѣть и потому мы не будемъ дальше слѣдовать за кимврійскимъ героемъ.

Изъ всѣхъ героевъ кельтійскихъ поэмъ, Артуръ самый загадочный. Гильдасъ и Анеринъ, современники его, даже не упоминають о немъ; Беда не знаетъ даже его имени; Тальезинъ и Лейварч-Генъ упоминають о немъ вскользь. У Нениуса, жившаго въ 850 году, легенда объ Артурѣ ужъ сформировалась. Онъ вполнѣ представляетъ истребителемъ саксонцевъ и настоящимъ героемъ. Наконецъ Жоэруа Монмоутъ довершилъ эпическое это созданіе. Онъ изобразилъ Артура обладателемъ всего свѣта, покорителемъ Ирландіи, Норвегіи, Гасконии,

Франции, которую онъ отнялъ у трибуна Флотто, Рима, покореннаго при Луции Тибери и несмотря на сопротивление сенатора Порсеи, Артуръ даетъ въ Карлеонѣ турниръ, на которомъ присутствуютъ все короли вселенной. На этомъ турнирѣ Артуръ надѣваетъ на свою голову тридцать коронъ и его признаютъ владѣтелемъ міра. Впрочемъ ли, чтобъ маленькій правитель VI вѣка, почти незамѣченный современниками, принялъ въ потомствѣ такіе колоссальные размѣры? Многие писатели увѣряли даже, что Артуръ легендъ и неизвестный правитель, носящій то же имя, не имѣютъ между собою ничего общаго и что сынъ Утера Пендрагона и богини Серидвенъ просто идеальный герой, принадлежащій къ древней кимврійской мифологіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ учении друидизма, продолжавшемся до среднихъ вѣковъ, является опять Артуръ и играетъ совершенно мифологическую роль.

Въ Мабиноджіонѣ характеръ Артура не представляетъ ничего патристическаго и воинственнаго. Онъ занимается только собравіемъ рыцарей вокругъ круглаго стола, заботится о дворцовомъ управленіи и о законахъ рыцарства. Онъ такъ могущественъ, что никто не подумаетъ напасть на него. — Это Карлъ-Великій карловингскихъ романовъ. Свѣтъ не обратилъ бы вниманія на маленькій полуостровъ и незамѣтныя его войны. Но его поразили идеальныя дворъ подъ предсѣдательствомъ Гвенвивары (Женьевры), гдѣ вокругъ монарха толпятся герои, гдѣ дамы, прекрасныя и добродѣтельныя, любятъ во законамъ рыцарства, гдѣ время проходитъ въ томъ, что слушаютъ сказки и учатся рыцарской вѣжливости. Вотъ въ чемъ состоитъ все очарованіе круглаго стола, вокругъ котораго средніе вѣка группировали свои идеи о героизмѣ, красотѣ, добродѣтели и любви. Общество, образованное и великодушное, хотя и въ отдаленной странѣ, имѣло большое вліяніе на варварскій міръ и заставляя его восхищаться своими героями, произвело перемѣну въ нравахъ, безпримѣрную въ лѣтоислѣхъ исторіи.

Созданіе женскаго характера и введеніе его въ поэзію, прежде грубую и суровую, болѣе всего послужило къ удивительной метаморфозѣ. Это была электрическая искра. Въ нѣсколько лѣтъ вкусъ въ Европѣ перемѣнился и Кимврійскій элементъ произвелъ всеобщій переворотъ. Все извѣстныя типы женщинъ, воспѣтыя въ среднихъ вѣкахъ: Женьевра, Изальда, Энида, принадлежатъ двору Артура. Въ карловингскихъ поэмахъ женщина играетъ ничтожную роль; она безъ характера и воли. Любовь въ этихъ поэмахъ груба какъ въ *Ферабрасѣ*, или едва означена, какъ въ пѣснѣ Роланда. Въ Мабиноджіонѣ, напротивъ, главную роль играютъ женщины, и рыцари считаютъ долгомъ и честью служить женщинѣ, приобѣщать ея уваженіе и любовь, а главное, они всегда готовы защищать слабыхъ, или мстить за нихъ, и эта черта осталась у бретонскихъ племенъ. Обязанности женщинъ тоже очень-многочисленны въ Мабиноджіонѣ. Онѣ встрѣчаютъ и принимаютъ рыцарей, снимаютъ ихъ оружіе, подають воду, сѣдаютъ лошадей, залечиваютъ раны и усыпляютъ ихъ пѣснями. Въ законахъ Гоэльда сказано, что при дворѣ была должность молодой дѣвушки, обязанной согрѣвать на груди своей ноги

короля, когда онъ сидѣлъ. И при всемъ этомъ обращеніе мужчинъ оставалось самымъ почтительнымъ, и никогда женщины не были обижены не только грубымъ, но даже легкомысленнымъ словомъ.

Бретонскіе романы ввели также въ европейскую литературу особенный родъ чудесъ и волшебства. У кимвровъ сверхъестественное происходитъ отъ самой природы, которая принимаетъ участіе въ дѣйствіяхъ людей и помогаетъ имъ. Даже обыкновенныя событія происходятъ часто отъ соединенныхъ усилій нѣсколькихъ существъ, какъ у Шекспира и Ариоста. Любопытно было бы изучить черты кельтійскаго характера у англійскаго поэта. Что же касается до пѣвца «Бѣднаго Ормандя», онъ въ полномъ смыслѣ бретонскій поэтъ: у него тотъ же слогъ, тѣ же эффекты, тѣ же оттѣнки чувствъ, а главное, типы женщинъ и приключенія, какъ въ кельтійскихъ романахъ.

Огромное вліяніе на умственное развитіе имѣетъ это небольшое племя, которое создало Артура, Женевру, Лансело, Персевала, Мерлена, Брандана, Патрикія и почти весь поэтическій циклъ поэмъ среднихъ вѣковъ. Первое открытіе бретонскихъ сказокъ явилось въ латинской хроникѣ Жофруа Монмута въ 1140 году, подъ покровительствомъ Роберта Глочестера, побочнаго сына Генриха I-го. Генриху II-му, тоже понравились эти рассказы, и по его просьбѣ, Робертъ Весъ написалъ по-французски, около 1160 года, первую исторію Артура и открылъ широкій путь, по которому пошла толпа подражателей провансальскихъ, французскихъ, итальянскихъ, испанскихъ, англійскихъ, скандинавскихъ и греческихъ.

(*Bibliothèque de Genève* и *Revue des Deux Mondes*).

ВЗГЛЯДЪ НА ИСТОРИЮ МЕДИЦИНЫ ОТЪ ПЕРВЫХЪ ВѢКОВЪ ДО XIX СТОЛѢТІЯ.

Первобытная времена. — Начало хирургіи и терапіи. — Медицина у жрецовъ. — Гиппократъ и его ученіе. — Асклепіады и другіе предшественники его. — Герофилъ и Эразистратъ. — Продикъ и эмпирическая медицина. — Борьба съ догматическою медициною. — Портретъ римскихъ врачей, написанный Плиніемъ. — Эклектики. — Цельсій. — Плиній-младшій. — Галенъ. — Медицина въ средніе вѣка. — Арабскіе врачи. — Парацельсъ. — Итальянскіе медики. — Эпоха возрожденія. — Везалій. — Ван-Гельмонтъ. — Боэргавъ. — XVIII столѣтіе.

Медицина, или искусство ходить за больнымъ и облегчать его страданія, началась съ того дня, въ который человекъ въ первый разъ почувствовалъ себя нездоровымъ; этотъ день былъ однимъ изъ первыхъ дней въ исторіи всѣхъ народовъ. Животныя инстинктомъ находятъ медицинскія средства противъ своихъ болѣзней; человекъ въ дикомъ состояніи обладаетъ вполне этимъ инстинктомъ.

Медицина, въ смыслѣ искусства извлекать пользу изъ наблюдениа за больнымъ, начинается со дня, въ который случай доставилъ больному средство найти растение, облегчившее его болѣзнь. Съ этого дня, когда въ рукахъ у него было секретное средство, онъ старался извлечь изъ него пользу, обративъ его въ товаръ; но какъ-скоро примѣтилъ онъ, что найденное имъ растение не во всѣхъ болѣзняхъ дѣйствуетъ одинаково, онъ началъ прискивать другія травы. Итакъ, съ одной стороны, изъ стремленія къ открытіямъ, съ другой, изъ страсти къ приобрѣтенію, должны были мало-по-малу образоваться лавки продавцовъ лекарствъ, то-есть тѣ же аптеки, гдѣ въ первое время получались также врачебные совѣты за деньги; человѣкъ установилъ что-то въ родѣ науки о причинахъ болѣзней и средствахъ къ избавленію отъ нихъ; еслибъ большая часть изъ этихъ памятниковъ открытій первобытнаго человѣка могла дойти до насъ, то мы нашли бы ихъ, можетъ-быть, довольно-остроумными—такъ по-крайней-мѣрѣ думаетъ Гиппократъ.

Въ тѣ первобытныя времена все выражалось самымъ простымъ способомъ; ученіе схоластическое было еще неизвѣстно. Продавецъ лекарствъ былъ ни что иное, какъ торгошъ, а не докторъ, или профессоръ; можно было сколько угодно опровергать его теоріи, уничтожать ихъ, или замѣнять другими; онъ требовалъ только денегъ.

У первобытныхъ народовъ, любившихъ сраженія, опасности, славу, почиталось за стыдъ захворать какою-нибудь болѣзью, и напротивъ, считалось за особенную доблесть получать въ боахъ опасныя и большія раны. Хиронъ былъ хирургомъ Геркулеса; Подалирій и Махаонъ знаменитыя хирургами греческаго войска во время осады Трои; они съ удивительною ловкостью перевязывали раны, нанесенныя рукою человѣка, и оставались съ сложенными руками предъ больными съ внутренними болѣзнями; они искусно вынимали стрѣлы, соединяли края ранъ; но когда распространялась въ войскѣ какая-нибудь заразительная болѣзнь, они оставались скромными наблюдателями и готовы были сказать, что нѣсколько вѣковъ спустя, говорилъ Амвросій Паре, врачъ Франциска II: *я тебя перевязалъ, пусть Богъ тебя вылечитъ*. Взгляните, съ какою отчетливостью Гомеръ описываетъ рану и какъ умалчиваетъ о характерѣ болѣзней, о свойствахъ и о причинахъ развитія ихъ. Это доказываетъ, что хирургія предшествовала терапіи.

Евреи прославились знаніемъ характера и свойствъ всѣхъ растений, начиная отъ иссопа до кедра ливанскаго; больные могли выбрать изъ всѣхъ извѣстныхъ растений какое имъ было угодно; но кажется, что выборъ былъ очень-труденъ, потому-что и послѣ того времени болѣзни лечились не лучше прежняго. Начали прибѣгать къ богамъ для облегченія страданій; жрецы сдѣлались вмѣстѣ съ тѣмъ и медиками. Они перевязывали раны, прописывали лекарства, подавали совѣты. Если больной умиралъ, отвѣтственность не падала на медика-жреца и никто не имѣлъ права обвинить его въ смерти больного. То была воля судебъ. Но когда больной выздоравливалъ, справедли-

вость требовала, чтобъ были признательны къ богамъ, принося въ ихъ храмъ жертву, которая доставалась жрецамъ. Потомство отдаетъ должную почесть Гиппократу, рожденному на островѣ Косѣ. Онъ спасъ всѣ разсыянные предшествовавшіе факты и ежедневныя наблюденія надъ болѣзнями отъ пламени, истребившаго храмъ Эскулапа на островѣ Косѣ, и собравъ ихъ въ одно цѣлое для передачи потомству. Такъ по-крайней-мѣрѣ пишутъ Плиній и Варронъ. Эти два писателя утверждаютъ также, что, послѣ этого пожара храма, Гиппократъ сталъ принимать больныхъ у себя, или посѣщалъ ихъ въ собственныхъ жилищахъ; такимъ-образомъ ему приписываютъ основаніе *клинической медицины*, хотя другіе считаютъ начало ея гораздо-раньше, именно съ самого Эскулапа. Гиппократъ родился въ цвѣтущій вѣкъ Аѳинъ и Греціи; онъ жилъ въ самое лучшее время аттической литературы, слогъ и чистота которой отражаются въ его сочиненіяхъ. Онъ отделилъ медицину отъ философіи и занялся преимущественно этимъ важнымъ и благороднымъ отдѣломъ всемірной науки. Учителями его были: глубокомысленный медикъ Геродикъ, скептикъ Демокритъ и филантропъ Гераклитъ, а подражателями: Платонъ, великій Аристотель, глубоко-изучившій душевныя способности человѣка. Признательная философія сохранила намъ подробную генеалогію Гиппократа — честь, которой удостоивались немногіе. Существовали и до него медики, но онъ первый возвелъ медицину на степень науки. Какъ-скоро замѣчалъ онъ сходство въ своихъ частныхъ наблюденіяхъ, то приводилъ ихъ къ общему результату; на способъ леченія, которымъ въ нѣсколькихъ случаяхъ удавалось ему излечивать больныхъ, онъ обращалъ особенное вниманіе; изъ того же, что считалъ положительно-вѣрнымъ, онъ составлялъ афоризмы — родъ общихъ правилъ, выраженныхъ простымъ и яснымъ образомъ. Сочиненія, носящія его имя, не всѣ принадлежатъ ему; были люди, посвященные въ тайнства этой науки, которые рѣшались пренебречь даже собственною извѣстностью и славою, издавая свои сочиненія подъ именемъ великаго Гиппократа, съ тою цѣлью, чтобъ передать произведенія свои потомству. Подобные случаи не всегда, однакожъ, вѣнчались успѣхомъ, котораго бы должно было ожидать. Эти малозвѣстные сочиненія ни въ мысляхъ, ни въ слогѣ не носятъ на себѣ отпечатка великаго учителя, который думалъ такъ глубоко, предвидѣлъ такъ далеко и говорилъ такъ краснорѣчиво. Гиппократъ умѣлъ въ-особенности смягчать сухость описаній конструкціею фразъ и тѣмъ счастливымъ употребленіемъ греческихъ частицъ рѣчи, посредствомъ которыхъ такъ удобно дѣлать переходъ отъ одного умствованія къ другому.

Но все это еще очень-далеко отъ системы, или науки, и схоластическое ученіе, сдѣлавшее изъ книгъ Гиппократа непреложный законъ и вѣрившее въ нихъ безусловно, показываетъ, что медицина со временъ Гиппократа немного подвинулась впередъ. Этотъ великій человѣкъ оставилъ намъ любопытный памятникъ знаний, прибрѣтенныхъ въ его время, но не создалъ науки такую, какъ она должна быть. Онъ описываетъ болѣзни и указываетъ на лекарства, которыя ему кажутся

приличными; кромѣ этого, вы ничего не найдете въ его сочиненіяхъ. Философія Гиппократу туманна; въ ней даже нѣтъ смѣлости Демокрита. Мірѣ, по Гиппократу, состоитъ изъ четырехъ элементовъ: воды, воздуха, земли и огня; его фізіологія подведена подъ четыре первоначальные элемента: *тепло, холодъ, сухость и влага*; *перепонки и покровы* состоятъ изъ смѣшенія четырехъ элементовъ; въ срединѣ этихъ покрововъ вещества разгорячаются и переходятъ въ броженіе, образуя такимъ образомъ *кости* изъ соединенія жира съ влагою; *нервы, сухія жилы и связки* чрезъ соединеніе клея и холода, *вены* изъ соединенія самаго клейкаго съ самымъ холоднымъ; *слази* не заключаютъ въ себѣ ни холоднаго, ни клейкаго; *черныя ткани* образуются изъ преизбытка желчи, и проч. Во множествѣ такого рода странныхъ ипотезъ, мелькаютъ иногда замѣчательныя идеи, напоминающія Демокрита.

Анатомію Гиппократъ довелъ до такой степени, какую ему показали нѣкоторыя изъ его хирургическихъ операцій. Въ этомъ отношеніи Гомеръ еще болѣе анатомистъ, нежели Гиппократъ, тѣмъ болѣе, что Гомеръ описываетъ только то, что онъ видѣлъ, а Гиппократъ все предполагаетъ. По его мнѣнію, вены идутъ изъ печени, артеріи изъ сердца; мочевые каналы и нервы приняты имъ за сосуды; мускулы имѣютъ въ срединѣ полости; почки—собраніе желѣзъ; все остальное въ такомъ же родѣ. Впрочемъ, нынѣ нѣтъ нужды доказывать, что анатомическія секціи начинаются съ Эразистрата и Герфила, столѣтіемъ послѣ Гиппократу.

Что касается собственно до медицины, должно сознаться, что Гиппократъ оставилъ намъ одинъ изъ самыхъ—богатыхъ памятниковъ практическихъ знаній, пріобрѣтенныхъ имъ отъ предшественниковъ, или собственнымъ опытомъ; это—прекрасное собраніе фактовъ и наблюденій, но не система, или методическая классификація. Ничто здѣсь не представляетъ связи, и единство заглавія каждой книги отнюдь не показываетъ однородности заключающихся въ ней матеріаловъ. Нигдѣ нѣтъ анатомическихъ демонстрацій; почти вездѣ однообразное описаніе, заключенное афоризмами.

Книги афоризмовъ Гиппократу наполнены нравоученіями, которымъ можно придавать различный смыслъ. Эти нравоученія такъ мало имѣютъ между собою связи, что ихъ можно выбрасывать и опять вставлять, и читатель не замѣтитъ этого. Его книги о *воздухѣ, водѣ и землѣ*, не болѣе, какъ мѣстная метеорологія; но по составу имѣютъ видъ общей метеорологіи; и въ этомъ отношеніи многое въ нихъ ложно. Словомъ: это не руководство, а скорѣе собраніе метеорологическихъ замѣчаній, относительно мѣста, въ которомъ авторъ находился, и можетъ—быть, даже относительно климата и топографическаго положенія одного острова Косса. Не все ложно въ этихъ книгахъ, но и не все истинно. Чтобъ отдѣлить ложное отъ истиннаго, необходимо прибѣгнуть къ новѣйшимъ свѣдѣніямъ. Почти во всѣхъ теоріяхъ Гиппократу не достаетъ основанія и по-временамъ ясности.

Мнѣніе наше покажется смѣлымъ, но оно сдѣлано съ книгою въ рукѣ. Если кто—нибудь возьметъ на себя трудъ повѣрить при кровати больного какое—нибудь изъ лучшихъ описаній Гиппократу, то от-

дасть намъ полную справедливость въ томъ, что мы ничего не превеличили. Не будемъ простирать наше удивленіе къ памятникамъ и гению древнихъ до-того, чтобъ имъ приписывать открытія, сдѣланныя въ послѣдующихъ вѣкахъ. Когда въ книгѣ находятся ошибки и несовершенства, не будемъ вѣрить въ нее слѣпо, какъ въ символъ, или законъ.

Правда, Гиппократъ много наблюдалъ, много собралъ свѣдѣній, много писалъ и тѣмъ заставилъ науку сдѣлать шагъ впередъ. Тѣмъ же, которые носологическія описанія Гиппократа считаютъ за образецъ совершенства, мы напомнимъ, что описаніе извы въ Аѳинахъ Эукидида и эпизодическихъ болѣзней у Виргилія превосходятъ, въ-отношеніи методы, возвышенности мыслей и вѣрности взглядовъ, многія изъ сочиненій Гиппократа.

Не ограничиваясь этимъ, замѣтимъ, что Гиппократъ много выигралъ пріобрѣтеніемъ безъименныхъ сочиненій.

Книги *De Morbis* (пере *падовъ*), непринадлежація ему, безъ-сомнѣнія, написаны не такъ изящно, какъ истинныя произведенія Гиппократа, но онѣ превосходятъ послѣднія въ-отношеніи ясности изложенія, вѣрности описаній и таланта наблюдательности.

Какъ бы то ни было, оканчивая нашу критическую оцѣнку, мы отдаемъ полное почтеніе праху Гиппократа, какъ и Аристотелю, и вообще всякому основателю какой-либо вѣтви человѣческихъ знаній. Надобно цѣнить людей по ихъ благородному стремленію, а не по тому, достигли ли они результата или нѣтъ. Оужденіе наше падаетъ не на труды греческаго медика, но на двѣ тысячи лѣтъ бездѣйствія, послѣдовавшія за эпохою, въ которой жилъ Гиппократъ. Зерно, посянное гениемъ въ надеждѣ плода, заглушено было тысячами рабскихъ подражаній и безчисленными коментаріями; только въ недавнее время наука приняла истинное направленіе. Локъ, Декартъ, Мальбраншъ, Кондильякъ не думали, что послѣ Платона нельзя ничего создать; также, какъ Турнефоръ, Линней, Бюффонъ послѣ Аристотеля. Медицина, по примѣру метафизики и натуральной исторіи, также въ послѣднее время сбросила съ себя оковы вѣковыхъ предразсудковъ и уничтожила много нелѣпыхъ теорій, укоренившихся въ ней съ давнихъ временъ.

Есть люди, извѣстность которыхъ дѣйствуетъ наподобіе магнита; она притягиваетъ и сосредоточиваетъ въ себѣ произведенія другихъ людей, идущихъ по тому же пути. Можно сказать, что Гиппократъ поглотилъ въ себѣ всѣ сочиненія тогдашняго времени, которыя могли бы стать наравнѣ съ его произведеніями. Все, что сдѣлали до него Асклепіады, перешло въ его собственность. Мы потеряли изъ виду, какъ медиковъ: Фалеса, Пивагора, распространителя гигиеническаго ученія, Эмпедокла, у котораго Гиппократъ заимствовалъ знанія о происхожденіи органовъ и ученіе, основанное на четырехъ элементахъ; Гераклита, этого вѣчно-плачущаго филантропа, который, занимаясь также и медициною; Демокрита, этого весельчака-филантропа, который написалъ много медицинскихъ книгъ, но отъ нихъ сохранились только одни заглавія: *О природѣ человѣка или о тѣлѣ*,

о заразѣ и заразительныхъ болѣзняхъ и проч. Деликурта, столько же превосходнаго химика, какъ и искусстваго медика, *умѣвшаго размлчать словую кость*, что мы изобрѣли уже гораздо-позже него, *дѣлать изумруды изъ мелкихъ камней* и составлять искусственныя алмазы за двѣ тысячи лѣтъ до насъ; Акрона Агригентскаго, главу эмпириковъ, основывавшихъ свои дѣйствія только на опытѣ; Геродика, изобрѣтателя гимнастическихъ упражненій, какъ средства для сохраненія здоровья, а не какъ искусства улучшать красоту тѣла; Ика, который соединилъ практику съ теоріею Геродика, былъ медикъ и вѣстѣ атлетъ, жилъ въ самой строгой воздержности, чтобы сохранять свои силы и побѣждать другихъ при раздачѣ наградъ; его воздержность вошла даже въ пословицу, такъ-что гастрономамъ тогдашняго времени въ насмѣшку желали *обѣда Ика*. Въ медицинѣ все это принадлежитъ Гиппократу, потому-что ему отдавались добровольно чужіе труды; такъ получилъ Гомеръ, по словамъ нѣкоторыхъ писателей, всѣ пѣсни древнихъ рапсодовъ, а Оссіанъ — гимны бардовъ шотландскихъ.

Вѣкъ, слѣдующій за Гиппократомъ, ничего не сдѣлалъ для медицины; наука превратилась въ ремесло, ремесло — въ обманъ.

Сто лѣтъ спустя, появился Эразистратъ, который ввелъ въ медицину еще большее, нежели самъ Гиппократъ. Онъ думалъ, что для того, чтобы лечить органы, нужно знать хорошо устройство этихъ органовъ, и слѣдственно, чтобы приносить пользу живымъ людямъ, должно заняться разсѣченіемъ труповъ. Эразистратъ былъ основателемъ патологической анатоміи; его даже обвиняютъ въ разсѣченіи живыхъ людей, осужденныхъ на смерть; это возможно, потому-что даже въ XVI-мъ вѣкѣ считалось обыкновенною вещью испытывать надъ преступниками различные яды (правда, имъ обѣщали прощенье, если они останутся живыми).

Герофилъ былъ соперникомъ Эразистрата въ этомъ нововведеніи, если только не опередилъ его. Большую часть анатомическихъ терминновъ мы получили отъ него; такъ *duodenum* — переводъ приписываемаго ему слова *dodacadaclulon*. Лѣгочную артерію онъ назвалъ *vena arterialis*, а лѣгочную вену — *arteria venosa*. *Retina*, *arachnoidea*, *prostate* и проч. также остатки анатомической номенклатуры Герофила.

Открытія этихъ людей были важны для изученія теоріи леченія; но въ практической медицинѣ они принесли мало плода. Причины болѣзней оставались неизвѣстными; сущность ихъ попрежнему проистекала изъ мокротъ, желчи, холода, тепла, сухости и влажности.

Одинъ изъ учениковъ отдался нѣсколько отъ пути, проложеннаго своими учителями: это былъ Продикъ, который далъ такое обширное значеніе употребленію втираній различными мазями, что получилъ названіе изобрѣтателя, такъ-называемой, *ятролептической медицины*, то-есть, въ которой болѣзни лечатся втираніемъ въ кожу различныхъ бальзамовъ, маселъ, мазей и проч.

Со времени Эразистрата и Герофила, за сто лѣтъ до Рождества Христова, хирургія отдѣлилась отъ медицины; фармація также сдѣ-

лалась отдѣльною вѣтвью при леченіи; медицина, собственно такъ-называемая, получила наименование *діатетики*. Это раздѣленіе на три главных вѣтви имѣло различныя подраздѣленія: образовались костоправы, медики извъ и ранъ; фармацевты, *pharmaceutæ*, совершенно-отличныя отъ *pharmacopes*, *pharmacoles* — странствующие продавцы лекарствъ, которыхъ они сами не приготовляли: это были шарлатаны и обманщики (*circulatores*, *circuitores*, *circumforanei*, *agyrtæ*, *sellularii medici*); продавцы лекарствъ въ магазинахъ (*seplasarii*, *pigmentarii*, *catholici*, *pentapola*; гербористы (*herbarii*, *rizotomi*, *botanologi*, или *botanici*, но не *botanistæ*, что значило полольщники), которые имѣли нарочно для этого устроенныя лавки (*apothecæ*); продавцы духовъ, маселъ и бальзамовъ или парфюмеры (*myrersi*, *myropoli pimentarii*, *pigmentarii*); *поденщики* (*demiourgoi*), которые пускали кровь, дѣлали втиранія, прикладывали припарки, ставили клистиры, родъ нашихъ цирюльниковъ.

Такимъ-образомъ большой дѣлался добычею множества разнаго рода лицъ; изъ этого видно, сколько тогда было различныхъ профессій, которыя существовали только страданіями челоуѣка, и сколько находилось желающихъ, чтобы было больше хворыхъ, нежели здоровыхъ.

Эмпирическая медицина въ этомъ вѣкѣ приняла большее развитіе; въ противоположность ей появились *медики-догматики*, начались споры и противорѣчія. *Эмпирики* обвиняли *догматиковъ*, что они не руководствуются опытомъ; *догматики* упрекали *эмпириковъ* въ пренебреженіи аналогіи и рациональности. Одни клеветали на другихъ; больные не могли понять, чтобы опытъ дѣйствовалъ безъ теоріи, и теорія не основывалась на опытѣ.

Эти обѣ секты долгое время раздѣляли медицину на двѣ противоположныя стороны; борьба произвела много полемическихъ сочиненій, служащихъ доказательствомъ упадка науки, затемнившихъ настоящую цѣль медицины и измѣнившихъ путь, по которому она должна идти. Люди благоразумные, умы положительные отвратились отъ изученія науки, которая болѣе-и-болѣе дѣлалась непонятною и въ которой рго и сопта поддерживалось одинаковымъ числомъ противниковъ. Эта мелочность греческихъ ученыхъ внушила римлянамъ совершенное презрѣніе къ медицинѣ. Маркъ Катонъ писалъ къ своему сыну: «Я тебѣ скажу, мой сынъ, что ты долженъ привезть изъ Аѳинъ. Ихъ литературу можно пробѣжать, но не изучать, потому-что страна эта научитъ насъ вкусу, но вмѣстѣ съ тѣмъ и развратитъ насъ. Что будетъ, если она пришлетъ къ намъ своихъ медиковъ?! Они поклялись мстить варварамъ своимъ леченіемъ и, принося намъ зло, еще требуютъ за это платы!..»

Однакожь кончилось тѣмъ, что медики водворились въ Римъ; но медицина, даже во времена Плинія, была единственною наукою, изученіемъ которой римляне не хотѣли заняться, боясь этимъ унижить все свое достоинство. Они заставляли изучать ее своихъ рабовъ, заслуги которыхъ вознаграждали отпускомъ на волю. Такъ Антоній Муза былъ отпущенъ Августомъ на волю и получилъ даже привилегію патриціевъ: носить золотое кольцо на пальцѣ, а Сенатъ велѣлъ

соорудить ему памятникъ за то, что онъ спасъ жизнь Августу, предписавъ ему купаться въ *холодной водѣ*; памятникъ этотъ былъ сдѣланъ изъ мѣди и находился возлѣ статуи Эскулапа.

Портретъ медиковъ, практиковавшихъ въ Римѣ, написанный Плиніемъ, правда, не очень-лестенъ для ихъ самолюбія, но нельзя поручиться, чтобъ онъ былъ совершенно невѣренъ.

«Медикъ (говорить онъ) единственный человѣкъ, которому вѣрять на-слово: на него сейчасъ положились, какъ только онъ назвался медикомъ; и между-тѣмъ нѣтъ занятія, въ которомъ бы обманъ имѣлъ пагубнѣйшія послѣдствія. Но мы о немъ не думаемъ — такъ умекательна надежда возстановить потерянное здоровье. Мы не имѣемъ никакого права наказать невѣжество врача, причиняющее намъ смерть; въ законахъ нѣтъ наказанія за его безразсудную отважность. Медикъ воспитывается на наше иждивеніе; онъ практикуется, причиняя смерть; только онъ одинъ можетъ убивать безъ всякаго наказанія. Что говорю я? онъ же самъ обвиняетъ, вмѣсто того, чтобъ быть обвиненнымъ; свою неудачу онъ сваливаетъ на невоздержность больного; самъ больной виноватъ всегда въ своей смерти. Мы ходимъ по ихъ предписанію, смотримъ ихъ глазами, думаемъ ихъ головою, словомъ: живемъ какъ они намъ приказываютъ... И однакожъ, какое занятіе было причиною большаго числа отравленій для завладѣнія наслѣдствами? Говорить ли объ ихъ алчныхъ требованіяхъ, объ этихъ тяжелыхъ условіяхъ, предлагаемыхъ во время агоніи, тѣхъ задаткахъ, которые они просятъ, чтобъ избавить отъ смерти, о ихъ секретныхъ лекарствахъ, продаваемыхъ больному за такую дорогую сумму... объ этомъ теріакѣ, составленномъ для удовлетворенія роскоши, или о митридатовскомъ противоядіи, безтолковомъ сборникѣ пятидесяти-четырехъ средствъ? Только для того, чтобъ продавать дороже свои снадобы, они придаютъ такую важность и таинственность наукаѣ, въ которой не знаютъ часто самыхъ первыхъ началъ. Я увѣренъ, что въ своихъ формулахъ они нерѣдко названіе одного вещества принимаютъ за другое, совершенно-противоположное... Вотъ что предвидѣлъ Катонъ въ своемъ гнѣвѣ, и что заставило Сенатъ въпродолженіе долгаго времени гнать такую пагубную профессію, въ которой честный медикъ служить прикрытіемъ шарлатанамъ, пользующимся заблужденіемъ нѣкоторыхъ больныхъ, полагающихъ, будто то только и можетъ спасти жизнь, что очень-дорого».

За сто лѣтъ до Рождества Христова, мы находимъ въ Римѣ Асклепіада, прославившагося основаніемъ медицинской школы; онъ не былъ, однакожъ, изъ фамиліи прежнихъ Асклепіадовъ. Вооружась противъ слабительныхъ и рвотныхъ, онъ употреблялъ лекарства легкія и противовоспалительныя, предписывалъ прогулки пѣшкомъ и въ экипажахъ, втиранія и вино, холодную воду и холодныя ванны противъ разстройства желудка, соленую воду противъ желтухи, кровопусканія и рожки, и даже операцию сѣченія горла (ларинготомія) въ жабѣ; противъ водяной болѣзни употреблялъ парацентезисъ. Такъ-какъ Асклепіадъ говорилъ громко и съ эффектомъ, то его аудиторія была

всегда наполнена слушателями и его ученики были фанатиками своего учителя.

Болѣе-извѣстный между ними былъ Темисонъ, глава секты *методистовъ*. Онъ подвелъ всѣ болѣзни подъ три состоянія: *сжатія*, *разслабленія* и *смѣшаннаго* состоянія, которыя онъ лечилъ лекарствами *разслабляющими*, *сжимающими* и *смѣшанными*. Эссалий, ученикъ Темисона, еще болѣе распространилъ методическое учение и не побоялся назвать себя *побѣдителемъ медиковъ* (*iatronice*). Неруль никогда не заставлялъ называть себя побѣдителемъ всѣхъ играющихъ на флейтѣ.

Послѣ Эссалия, болѣе-извѣстный между учениками Темисона, былъ Сораній; Целій Аврелианъ нумидянинъ, собралъ его разбросанныя сочиненія. Целій Аврелианъ обогатилъ медицинскую номенклатуру многими словами, какъ, на примѣръ, *ascitis*, *timpanitis*, *elephantiasis*, *satyriasis* и проч.

Методисты не лучше другихъ объясняли причины болѣзней; они отличались только тѣмъ, что чаще другихъ употребляли слово метода, *methodus sanandi*. Идея, самая благоразумная, выраженная ими, заключается въ слѣдующихъ изреченіяхъ: «лекарства простыя должны быть предпочитаемы сложнымъ и вошедшимъ въ моду» («*Coelius Aurelianus, Tard., lib. 2, cap. 13*»).—«Еслибъ медициною занимались люди простые и менѣе образованные нежели мы, люди наученные больше природою нежели философскою школою, болѣзни наши были бъ не такъ жестоки и лекарства проще и легче; но мы отделились отъ настоящаго пути, полагая нашу славу въ умствованіи и ораторствѣ» (*Theodorus Priscianus*).

Эклектики были послѣдователями и догматиковъ и эмпириковъ вмѣстѣ; это была секта смѣшанная, занимавшаяся собираніемъ по всюду лучшаго и точнаго, секта робкая и непредприимчивая, которая предпочитала наслажденіе знанъ ужъ извѣстное славъ новыхъ открытій; она судила только другихъ, не отдавая никогда себя на судъ. Колыбель эклектиковъ была Александрія; глава этой секты — философъ Потамонъ; а въ Римѣ, въ царствованіе Траяна, Архигенъ. Эклектики не любили борьбы, они предпочитали кафедру аренѣ; это были медики образованные, свѣтскіе люди тогдашняго времени.

Была еще секта, менѣ замѣчательная: *спиритуалистовъ* или *пневматиковъ*, у которыхъ болѣзни имѣли причиною особеннаго рода духъ (*spiritus*), смѣшиваемый Аретиемъ иногда съ дыханіемъ (*pneuma*).

Около этого времени, то-есть въ эпоху между царствованіями Августа и Траяна, писалъ Цельзъ, медикъ-писатель, но не медикъ по профессіи, писатель пріятный и положительный, который, принявъ на себя трудъ уничтожить все ложное и основанное на нелѣпыхъ теоріяхъ и введя въ искусство леченія начала, основанныя на практикѣ, казалось, хотѣлъ составить руководство медицины и хирургіи болѣе популярное, нежели научное. Собственно говоря, Цельзъ не изобрѣтатель, но и не эклектикъ; у него есть собственные идеи и мысли, идеи рациональныя и безпристрастныя. Лучшимъ доказа-

тельствомъ тому, что Цельзъ не занимался леченіемъ больныхъ, слу- жать его слова, что *хорошій медикъ ни въ какомъ случаѣ не дол- жженъ оставлять своего больнаго, чего не могутъ дѣлать, зани- мающіеся медициною только изъ-за денегъ...* Лучшее леченіе, го- воритъ онъ въ другомъ мѣстѣ — *пища, употребленная кстатк*. Остальное у Цельза заимствовано отъ Гиппократъ и Асклепіада. По- слѣ Цельза, еще одинъ изъ римскихъ авторовъ писалъ о медицинѣ — Кай Плиній-Второй, жившій въ царствованіе Веспасіана, въ первомъ звѣкъ нашей эры; онъ коснулся впрочемъ этой отрасли человѣческихъ знаній только какъ предмета, входящаго въ составъ его *Натураль- ной исторіи* — этого энциклопедическаго памятника знаній тогдаш- няго времени, въ которомъ не знаемъ чему удивляться: красотѣ сло- га, величію мыслей, или неисчерпаемымъ познаніямъ автора.

Въ этомъ обширномъ собраніи свѣдѣній Плиній касается всего, исключая наукъ медицинскихъ и умствованій софистовъ. Онъ гово- ритъ о лекарствахъ, о свойствахъ растений, но нигдѣ не касается при- чинъ болѣзней; все, что знали въ тогдашнее время объ этомъ пред- метѣ, было или темно, или нелѣпо, такъ-что не стоило описанія. Что могъ сдѣлать Плиній изъ науки, которой сами занимавшіеся ею не знали? *Ac nequidem illiam novere?* Въмѣсто того, чтобъ описывать ее, онъ начинаетъ свою двадцать-девятую книгу портретомъ меди- ковъ, который мы привели выше въ извлеченіи, и на медицину смо- тритъ какъ на науку, созданную природою, всегда одинаковую и не- зависящую отъ прихотей искусства. «Матеріалы медицины (говоритъ онъ, начиная двадцать-четвертую книгу) безчисленны, оттого-то она такъ и запутана. Природа назначила лекарства простыя, легкона- ходимыя, которыя достаются безъ большихъ издержекъ и которыя при случаѣ служатъ для насъ и пищею. Обманъ и шарлатанство изобрѣли лавки, гдѣ каждому обѣщаютъ возвратить жизнь цѣною денегъ и гдѣ сейчасъ же прописываютъ микстуру, или какой-нибудь составъ, хвалятъ лекарства, привезенныя съ большими издержками изъ Индіи и Аравіи; утверждаютъ, что только Красное Море мо- жетъ доставлять намъ средства къ излеченію болѣзней, даже са- мыхъ ничтожныхъ, а между-тѣмъ бѣдные люди, какъ мы видимъ, исцѣляются простыми діететическими средствами. И развѣ медицина отъ этого унижится, если будетъ употреблять противъ болѣзней ра- стенія и травы, собранныя въ нашихъ садахъ? Отъ этого-то и про- изшло, что величіе римское потеряло свою силу; побѣдители под- чинились побѣжденнымъ, римлянинъ — варварамъ, и наука ихъ рас- пространила власть даже на нашихъ правителей».

Но гордость больнаго менѣе всего имѣетъ эгоизма. Тотъ, кто стра- даетъ и опасается погибнуть, готовъ ухватиться за послѣднюю со- ломенку; и больной римлянинъ не менѣе того прибѣгалъ къ грече- скому доктору, котораго онъ не уважалъ и презиралъ, какъ скоро выздоравливалъ.

Возгласы Плинія не препятствовали *извѣстностямъ* тогдашняго времени обогащаться, обвиняя и науку и больныхъ; они дѣлались бо-

гатыми и извѣстными въ продолженіе своей жизни; теперь и именъ ихъ даже не осталось, и надобно дойти до Галена; чтобъ встрѣтить литературный талантъ въ исторіи медицины.

Галенъ (Galenos), родившійся въ Пергамѣ, на тридцать-восьмомъ году своей жизни, былъ вызванъ Маркомъ Авреліемъ и Луціемъ Веримъ, находившимися тогда въ Аквилеяхъ, и прибылъ съ ними въ ромъ. Его извѣстность считается съ 170 года нашей эры. Шесть огромныхъ томовъ in-folio, оставшихся послѣ него, не что иное, какъ комментарии на сочиненія Гипократа, умноженные собственными наблюденіями и анатомическими замѣтками, которыхъ не находится въ гиппократовыхъ книгахъ. По примѣру Эразистрата и Герофила, Галенъ занимался трупоразыятіемъ и хотѣлъ, еслибъ прожилъ долге, составить сравнительную анатомію. Термины *epidermis, peritoneum, epiploon, pylorus, ventriculum, jejunum, ileum, coecum, colon, rectum, sphincter, venae meseraicae, chorion, amnios, urachus, pericardium, plexus choroideus, glandula pinealis, nutes, testes, os sphenoidale et ethmoidale, nervi, humor vitreus, lens cristallina, uvea*, и почти всѣ греческія слова медицинской номенклатуры, исключая словъ, введенныхъ Герофиломъ, принадлежатъ Галену. Онъ впрочемъ въ иныхъ мѣстахъ пустословитъ о какомъ-нибудь предметѣ, или разжижаетъ его до-нельзя, а въ другихъ повторяетъ одно и то же нѣсколько разъ. Еслибъ каждая фраза Галена заключала аксіому, или истину, то нужно было бы употребить всю жизнь человѣческую, чтобъ изучить его твореніе. Но, читая его сочиненія, видишь, что скорѣе разучишься, нежели приобрѣтешь что-нибудь изъ нихъ; и мы не знаемъ медика, который бы имѣлъ терпѣніе прочесть его до конца. Если выбрать эти шесть огромныхъ томовъ in-folio, то изъ Галена останется Гипократъ съ своими четырьмя влагами: *кровью, мокротою, желтою жолчью и черною жолчью*; потомъ: *болѣзни острья, хроническія, доброкачественныя и злокачественныя, эпидемическія, эндемическія, спорадическія* и проч.; далѣе, *темпераменты*, основанные на связи и господствѣ какой-нибудь изъ четырехъ влагъ. Только по-временамъ встрѣчаешь разсѣянные факты, свидѣтельствующіе о вѣрности его взгляда и о талантѣ наблюдательности; но чего будетъ стоить отрыть ихъ въ этой массѣ исписанной бумаги! скорѣе приобрѣтешь ихъ наблюдая природу, нежели перелистывая такое огромное сочиненіе. Медицина, основывавшаяся на Галенѣ, также, какъ Галенъ основывался на Гипократѣ, между-тѣмъ нисколько не подвигалась впередъ; и этотъ застой продолжался около шестисотъ лѣтъ, въ продолженіе которыхъ писанія Гипократа и Галена считались сводомъ всѣхъ медицинскихъ познаній, пандектами, *кораномъ*, кодексомъ для медиковъ, *палладіумомъ* ихъ привилегій и щитомъ противъ ошибокъ въ практикѣ. До Галена были главы школъ и сектъ, воевавшихъ непрерывно другъ съ другомъ. Галенъ своимъ появленіемъ уничтожилъ всѣ эти секты; онъ былъ законодателемъ медицины. Школы и потомъ факультеты провозгласили себя наслѣдниками его ученія; его изучали какъ Гипократа; читали лекціи, чтобъ научить-ся понимать его, но не даятого чтобъ превзойти, или, еще болѣе, от-

вергнуть его учение. Благоговѣли передъ Галеномъ даже и тогда, когда открыли въ наукахъ несравненно-высшую цѣль.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ христіанство распространило свои высокія начала до троновъ цезарей, всѣ постановленія человѣческаго приняли другое направленіе, очищенное любовью къ ближнему и подчиненное правиламъ организациі общественной. Еще Нерону пришла идея возвести своего медика Андромаха въ званіе архіатера. Съ этой эпохи медики перестали быть рабами. Такъ архіатеры или медики двора, избираемые императоромъ, должны были безденежно лечить придворныхъ и рабовъ. Съ того времени, какъ архіатеръ, находившійся въ главѣ, показалъ такой примѣръ, другіе архіатеры стали поступать такъ же; вскорѣ мода сдѣлалась закономъ и сословіе медиковъ организовалось въ іерархію; появился медицинскій факультетъ (*schola medicorum, consistorium medicorum*), въ который принимали только по экзамену. Храмомъ этого факультета была академія; *гимназии*, или частныя аудиторіи, служили помощью факультету; архіатеры придворные лечили при дворѣ императоровъ; архіатеры общественные пользовали насчетъ государства народъ въ Римѣ и Константинополѣ; государство платило имъ за службу и вознаграждало за отличіе; платило деньгами (даже до 25,000 руб. сер. въ годъ); награждало титулами графовъ, князей и викаріевъ (*).

Медицина, наука предоставленная рабамъ, сдѣлалась съ-тѣхъ-поръ благородною и свободною. Религія, облегчающая страданія, не могла оставлять безъ вниманія науку, которая имѣла цѣль помогать страждущимъ. Надлежало быть столько же честнымъ, сколько и ученымъ, набожнымъ, сколько и великодушнымъ, чтобы занять почетное мѣсто въ сословіи медиковъ.

Нашествіе варваровъ прервало это счастливое стремленіе къ нововведенію; но это зло было выкуплено тѣмъ, что оно уничтожило въ то время безтолковость схоластической медицины. Сѣверные воины, подобно героямъ гомеровскимъ, мало обращали вниманія на клинику; имъ нужны были только ветеринары и *костоправы*.

Послѣдователи Галена перебрались тогда со всѣмъ своимъ имуществомъ къ арабамъ, наслѣдовавшимъ науки и искусства грековъ и храбрость Римлянъ.

Самый древній изъ арабскихъ авторовъ, писавшихъ о медицинѣ, былъ *Исаакъ Израелитъ*, усыновленный аравійскимъ калифомъ и жившій въ VII-мъ вѣкѣ. Серапіонъ писалъ въ VIII-мъ вѣкѣ. Далѣе Разесъ, а съ нимъ Авиценна, написавшій *Canon Medicinæ*; Аверроэсъ, великій спорщикъ; Аль-Буказисъ — честь арабской хирургіи, и множество другихъ писателей, менѣе-извѣстныхъ, принесены были во Францію и Европу крестоносцами, пришедшими изъ Палестины.

Переводы этихъ сочиненій въ средніе вѣка служили канвою для лекцій профессоровъ, которые не знали греческаго языка и не могли читать Гиппократъ и Галена въ подлинникѣ. Этимъ двумъ авторамъ

(*) См. законы Феодосія и Юстиніана.

и вообще греческой медицины было отдано должное уваженіе только во время возрожденія, когда изобрѣтеніе книгопечатанія указало сокровища, скрытыя до-того въ библіотекахъ монаховъ, и сдѣлало извѣстными ихъ всему свѣту. Перестали наконецъ пользоваться латинскими переводами арабскихъ авторовъ, которые большею-частью только переводили Гиппократъ и Галена; начался вѣкъ преобразованій и нововведеній, провозгласившій независимость мышленія въ наукахъ.

Въ XVI-мъ вѣкѣ появился Парацельзъ — голова смѣлая, изобрѣтательная, парадоксальная, изъ числа тѣхъ, которые образуютъ школу, какъ-скоро начинаютъ ораторствовать, и которые дѣлаются прямо учителями, не бывъ никогда учениками. Главные предметы его нападеній, это Аристотель — и въ-особенности Галенъ. Парацельзъ медикъ, столь темный въ своихъ выраженіяхъ, дѣлается краснорѣчивымъ, когда цитируетъ двухъ уже несуществующихъ противниковъ; онъ остроуменъ и ѣдокъ въ своей критикѣ; жестокъ въ своихъ обвиненіяхъ; безпощаденъ, когда нападаетъ и когда видитъ чужой недостатокъ. Нужно прочесть его твореніе отъ начала до конца, чтобъ составить себѣ идею о неисчерпаемомъ краснорѣчии его, внушенномъ четырьмя влагами Галена; онъ побѣждаетъ, уничтожаетъ, душитъ своего безмолвнаго противника и, кажется, вызываетъ усопшаго на судъ съ собою, чтобъ тотъ отдалъ ему отчетъ въ своихъ поступкахъ. Но когда побѣдитель самъ вступаетъ на арену, чтобъ насладиться триумфомъ, то тѣнь Галена, кажется, схватываетъ его за горло и напITYваетъ своимъ ученіемъ. Парацельзъ тогда теряется въ объясненіяхъ, которыми хочетъ замѣнить теоріи галеновскія, и которыя въ свою очередь такъ странны, темны, непонятны, какъ по содержанию такъ и формѣ, что невольно пожалѣешь объ ученіи Галена, на которое такъ жестоко нападали. Собственно въ парацельзовскихъ изложеніяхъ такая фантастичность, туманность, несвязность, что не знаемъ откуда отсутствіе идей могло набрать къ своимъ услугамъ столько словъ и различныхъ фразъ. Онъ только умѣетъ владѣть разрушительною силою, но какъ скоро изъ разрушеннаго начинаетъ строить зданіе, то дѣлается самъ смѣшнымъ.

Вотъ какъ, напримѣръ, Парацельзъ въ своемъ сочиненіи излагаетъ причину болѣзней: «Находится» говоритъ онъ («de Entibus morborum, vis. VIII, prol. 4») пять сущностей, которыя производятъ всѣ болѣзни. Эти сущности означаютъ пять началъ; обратите на нихъ вниманіе. Находится пять началъ, или причинъ, изъ которыхъ одной причины достаточно, чтобъ произвести всѣ болѣзни, которыя когда-либо существовали, существуютъ теперь и будутъ существовать. На эти сущности, о медики! должно было обращать вниманіе, если вы не хотѣли вѣрять, что всѣ болѣзни проистекаютъ изъ одной сущности и одного начала... Вы это поймете изъ примѣра; возьмемъ какую-нибудь изъ болѣзней—заразу; спрашивается: отчего она происходитъ? Вы отвѣчаете: отъ разложенія природы. Вы говорите, какъ физикъ. Астрономъ развѣ говоритъ, что движеніе и теченіе звѣздъ—причина небесныхъ явленій? Который изъ двухъ справедливъ? Я заключаю, что тотъ и другой справедливы; только одно дѣйствіе и одна при-

чина происходят от природы, одна изъ звездъ, кромѣ того, изъ этихъ двухъ, или изъ трехъ другихъ; потому-что природа есть сущность, звезда есть другая сущность. Вы должны знать, что есть пять заразъ, не въ-отношеніи рода, существа, формы и вида, но въ-отношеніи начала, откуда онѣ происходятъ. Скажемъ же, что наше тѣло подчинено пяти сущностямъ, что одна сущность заключаетъ въ себѣ всѣ болѣзни и съ ними нѣкоторое влияние на наше тѣло, потому-что есть пять родовъ водяныхъ болѣзней, столько же желтухъ, столько же лихорадокъ, столько же раковыхъ болѣзней; и это справедливо во всѣхъ другихъ болѣзняхъ... Вліяніе звездъ — сущность звездъ; второе вліяніе — сущность яда; третье, которое ослабляетъ наше тѣло, разрушаетъ его худою комплекціею — сущность натуры; четвертое — сущность духовъ сверхъестественныхъ, имѣющихъ вліяніе на наше тѣло; пятая сущность — Богъ.»

Въ другомъ мѣстѣ онъ пускается въ аналогію и пишетъ, что «міръ — утроба всего, что въ немъ находится; точно съ такой же точки нужно смотрѣть на утробу женщины. Въ твореніи вода — утроба; утроба не что иное, какъ міръ, запертый со всѣхъ сторонъ, и который не имѣетъ съ другими тѣлами никакого сближенія, и однакожъ, есть настоящій міръ, потому-что міръ былъ первымъ созданиемъ; другой міръ — человѣкъ, третій — женщина. Первый, самый большой, мужчина средній, женщина самый меньшей и послѣдній по порядку. Міръ имѣетъ свою философію и науку, мужчина свои, а женщина свои.»

Эти два отрывка достаточны для того, чтобъ показать манеру писанія этого ученаго; все остальное у него въ такомъ же родѣ и такъ же ясно. Однакожъ слава Парацельза громко гремѣла въ Германіи и Швейцаріи. Ученики, удрученные игомъ факультетовъ, толпами сбѣгались къ кафедрѣ Парацельза; знаменитые и ученые люди тогдашняго времени издалека совѣтовались съ нимъ о своихъ болѣзняхъ; самъ Эразмъ, извѣстный ученый и скептикъ, не побоялся компрометировать свою репутацію, изложивъ свою болѣзнь и спрашивая у Парацельза совѣта, отъ котораго, правду сказать, ему не было лучше.

Среди своихъ туманныхъ теорій Парацельзъ могъ быть по-крайней-мѣрѣ отличныи практикомъ; но въ своей практикѣ Парацельзъ былъ только изобрѣтателемъ; онъ изобрѣлъ многія лекарства и способы леченія; съ упрямствомъ предписывалъ ихъ, какъ непреложныя истины, и потомство утвердило многія изъ его изобрѣтеній. Говорятъ, что свои лекарства онъ собралъ во время долгихъ странствованій по Европѣ. Но что до того, гдѣ взялъ онъ ихъ? развѣ они не всѣ находятся въ природѣ? Чтобъ ихъ выбрать, нужно было только испытывать. Развѣ другимъ способомъ открыто прививаніе оспы? Парацельзъ ввелъ въ большое употребленіе лекарства минеральныя, которыя онъ называлъ химическими, преимущественно ртуть и мышьякъ; и такъ-какъ въ его время не смотрѣли на послѣдствія, а на минутное облегченіе болѣзни, то онъ отлично успѣвалъ въ своемъ леченіи. Онъ былъ темень и непонятенъ въ теоріяхъ, но смѣлъ и

скорь въ ихъ приложеніи. Онъ или вылечивалъ или убивалъ скоро; отчего и происходило, что о его успѣхахъ говорили много, о неудачахъ — мало; выздоровѣвшій дѣлался его приверженцемъ; что касается до умершаго, то небольшая горсть земли навсегда скрывала несчастный случай; такимъ-образомъ все дѣлалось въ пользу репутаціи этого медика. Онъ зналъ для операцій и перевязокъ нѣкоторыя методы, къ которымъ и теперь хирургія прибѣгаетъ съ пользою. Его бальзамы и мази ручались за успѣхъ выздоровленія, и онъ не щадилъ ихъ въ этомъ случаѣ.

Университеты, само-собою разумѣется, не раздѣляли увлеченія послѣдователей Парацельза, но и не нападали на него открыто, а дѣлали противъ Парацельза то, что іезуиты противъ Жан-Жака Руссо, причиняли Парацельзу неудовольствія и окружали его людьми, которымъ поручено было по возможности дѣлать его смѣшнымъ. Къ числу такихъ людей принадлежалъ его секретарь. Онъ описываетъ своего господина съ точки зрѣнія камердинеровъ, въ глазахъ которыхъ не существуетъ гениевъ — какъ скоро они имъ служатъ, и видятъ ихъ въ домашней жизни. Человѣкъ, о которомъ мы говоримъ, былъ Іоаннъ Опоринъ, авторъ сочиненія *Жизнь и творенія Парацельза*. Опоринъ описываетъ его какъ человѣка любящаго попить на германскій манеръ, а не какъ медика, перевернушаго носологическія идеи тогдашняго времени. Парацельзъ, родившійся въ Баденѣ, былъ головою и сердцемъ нѣмецъ, за чтѣмъ и обвиняла его Главная Коллегія Богословскаго Факультета въ Парижѣ, какъ колдуна, человѣка, предавашагося магіи, вовлекшей его въ сношенія съ злыми духами. Но между-тѣмъ какъ французскій ультрамонтанизмъ пускалъ свои безсильныя молніи противъ ученака доктора, которому Рейнъ служилъ щитомъ, Парацельзъ окончилъ свою жизнь, кратковременную, но бурную; одинъ бѣдный священникъ соорудилъ ему скромный памятникъ въ церкви св. Себастьяна, въ Зальцбургѣ, въ Австріи, отмстивъ такимъ образомъ, послѣ смерти, за всѣ обвиненія въ колдовствѣ, преслѣдовавшія Парацельза во время его триумфовъ.

Но между-тѣмъ, какъ Парацельзъ поражалъ университеты въ лицѣ четырехъ галеновскихъ влгъ, анатомисты вели войну съ медицинскими факультетами болѣе-положительную. Везалій, бруссельскій медикъ, занялся анатоміею съ скальпелемъ въ рукѣ, и вѣрность его описаній упрочилась анатомическими рисунками на деревѣ Тиціана, который почерпалъ въ этихъ сухихъ и подробныхъ изученіяхъ тайны чистоты рисунка и вѣрности колорита; онъ изучалъ искусство живописи, анатомируя трупы. Фаллопій, въ Италіи, продолжалъ начатое Везалиемъ, своимъ учителемъ. Евстахій въ Римѣ приобрѣлъ названіе князя *анатомиковъ*. Далѣе слѣдуютъ Албиній, Фабрицій Аквапедентскій, Сильвій, Инграссій, Варолій, давшій названіе *Варолиеву мосту*, Спигелій и другіе; все не французы и не англичане, то есть не изъ тѣхъ странъ, въ которыхъ университеты отставали отъ усовершенствованій и открытій въ наукѣ, и строго хранили старыя постановленія, не обращая вниманія, были ли они ложны, или нѣтъ.

Во Франціи, какъ и въ Англіи, на поприщѣ открытій только меньшее число идетъ впередъ, подавляемое тяжестью большинства.

Въ эту эпоху во Франціи Амброзій Паре преобразовывалъ хирургию смѣло, дѣятельно, несмотря на свое названіе цирюльника, которымъ гнушались университеты, потому—что университетскій докторъ учился по Гиппократу и Галену, по которымъ прописывалъ свои рецепты и призывалъ цирюльника для операций; и бѣдный цирюльникъ очень—часто тихонько подсмѣивался надъ учеными докторами, въ надеждѣ на будущее, которое всегда оцѣняетъ геніевъ. Мольтеръ смѣялся надъ докторами своего времени, которые еще были старыми медиками въ вѣкъ возрожденія; но онъ никогда не насмѣхался надъ цирюльниками, надъ людьми со смысломъ, со вкусомъ, надъ людьми умными, каковъ онъ былъ самъ.

Въ это время явился другой поборникъ галеническаго школьнаго ученія въ отечествѣ Везалія, въ Бельгіи. Человѣкъ, о которомъ мы говоримъ, былъ Ван—Гельмонтъ; онъ усомнился въ медицинѣ, посѣщая медиковъ и совѣтуясь съ ними. Ван—Гельмонтъ былъ богатъ и ему было нетрудно сдѣлаться ученымъ независимымъ; онъ былъ великодушенъ и ему легко было показать примѣръ безкорыстія. Онъ упрекалъ медиковъ тогдашняго времени, что они продавали болтовню свою немножко—дорого и доказывалъ, что вся наука ихъ не что иное какъ пустословіе. Искусный химикъ, умъ изобрѣтательный, онъ господствовалъ надъ медициною своимъ превосходствомъ, которое прибрѣлъ положительнымъ изученіемъ вспомогательной науки—химіи. Его сочиненіе о химическомъ анализѣ мочеваго камня лучшее произведеніе тогдашняго времени и заключаетъ въ себѣ наблюденія и факты, которыми не погнушалась бы и наша эпоха.

Писатель, отличающійся большою чистотою слога, вкусомъ въ выборѣ выраженій и мыслей, Ван—Гельмонтъ не обвиняетъ прямо, но указываетъ на недостатки, какъ Сократъ, ироніею и умною насмѣшкою; въ способѣ изложенія у него вездѣ видѣнъ тонкій вкусъ. Онъ пишетъ отрывисто; всякая мысль начинается съ новой строки на подобіе афоризма, чтобъ избѣжать пустыхъ развитій и отступленій. Онъ заимствуетъ у номенклатуры Парацельза многія слова, напр: *iliadus*, *alkohol*, общее растворяющее средство *azoth*, панацея меркуріальная и проч. Онъ также самъ ввелъ нѣкоторыя слова, изъ которыхъ замѣчательныя: *архей* всеобщее начало здоровья и болѣзни, которое производитъ и поддерживаетъ все, и о которомъ Ван—Гельмонтъ безпрестанно упоминаетъ, не объясняя его подробно ни въ какомъ мѣстѣ; *blas*, которое составляетъ причину, приводящую въ дѣйствіе его *архею*; *gaz*—слово, оставшееся послѣ него въ химіи, для означенія вещества, подобнаго пару, но невидимому.

«Съ Гиппократата до насъ (говоритъ онъ) медицина не сдѣлала ни одного шага; даже Галенъ нисколько не подвинулъ ее, обращаясь постоянно въ ложномъ кругу, отчего и въ нашихъ школахъ произошло головокруженіе. Философствованіе Галена, какъ пѣніе кукушки,

ограничивается одною нотю... Я прочиталъ его сочиненія два раза съ большимъ вниманіемъ и увидѣлъ, что онъ очень-бѣденъ; у него только то хорошо, что заимствовано у предшественниковъ; собственнаго же очень-мало. Его книги не что иное, какъ смѣсь писаній Гиппократата и Платона».

Ван-Гельмонтъ, получившій образованіе въ Лувенскомъ Университетѣ, на который съ 1580 года начали дѣлать нашествія іезуиты, усвоилъ себѣ духъ этого общества. Онъ коснулся всѣхъ наукъ и увидѣлъ пустоту во всемъ, въ-особенности въ тогдашней медицинѣ, привязавшейся къ старымъ схоластическимъ понятіямъ и нехотѣвшей ни за что измѣнить ихъ. На эту-то науку преимущественно онъ и нападаетъ. Нѣкоторые изъ заглавій его сочиненій носятъ на себѣ отпечатокъ колкой насмѣшки. Такъ одна книга называется: *О коростахъ и язвахъ школъ*; другая: *Бездѣятельность и неспособность юмористическихъ школъ*; и здѣсь, разумѣется, онъ жестоко нападаетъ на медиковъ. Одному изъ своихъ сочиненій онъ даетъ названіе: *Могла моровой язвы* и посвящаетъ его выдуманному принцу, которому обѣщаетъ, если онъ будетъ продолжать слушать медиковъ, посвятить слѣдующую эпитафію:

.....Jacet hic dux optimus, in quem
 Nil potuit Mars, dum corpore sanguiserat.
 Quod Mars non potuit, medici potuere secando;
 Sic Marso ipso fit minor Hippocrate,

то-есть: «Здѣсь покоится доблестный мужъ, котораго при жизни самъ Марсъ не могъ сразить, изнуряя ранами; что не могъ сдѣлать онъ, то сдѣлали медики, пуская кровь. Итакъ самъ Марсъ безсильнѣе Гиппократата».

Въ этомъ сочиненіи Ван-Гельмонтъ имѣлъ цѣлью доказать, что начало моровой язвы находится преимущественно въ воображеніи больнаго; идею эту возобновляли и послѣ Ван-Гельмонта.

Но въ-замѣнъ того, на что были сдѣланы такія странныя нападенія, что же могъ представить самъ Ван-Гельмонтъ? Должно сознаться, что и онъ, въ качествѣ преобразователя медицины, почти столько же успѣлъ, какъ Парацельсъ.

Такимъ-образомъ, послѣ его смерти, медицинскіе предрасудки взобрались снова на свои кафедры съ торжествомъ, большимъ прежняго. Ван-Гельмонтъ не имѣлъ послѣдователей, потому-что въ-замѣнъ галеновскаго x не могъ поставить другаго знака для выраженія неизвѣстнаго; и знакъ этотъ, существовавшій такъ долго, остался по-прежнему выраженіемъ неизвѣстнаго.

Около этого времени діоптрика принесла въ даръ изученію физики и естественной исторіи инструментъ, предназначенный расширить поле нашего зрѣнія гораздо-болѣе предѣловъ, назначенныхъ природою,

и такимъ образомъ коснуться всѣхъ наукъ съ различныхъ точекъ зрѣнія. Мы говоримъ о микроскопѣ, употребленіе котораго получило съ половины XVII-го столѣтія большое развитіе. Въ то же время, какъ телескопъ сдѣлалъ доступнымъ зрѣнію нашему отдаленнѣйшіе предметы, микроскопъ—этотъ телескопъ атомовъ, представилъ глазамъ нашимъ въ гигантскихъ размѣрахъ предметы, существованіе которыхъ не могъ подозрѣвать даже зоркій глазъ рыси. Когда же, при помощи этого шестаго чувства, наблюдатель замѣтилъ въ органическихъ жидкостяхъ, подверженныхъ вліянію воздуха и свѣта, движущихся животныхъ, открылъ въ человѣческихъ влагахъ и тканяхъ одушевленные существа, весьма-сложныя по своему составу и до-того малыя, что острее скальпеля покрывало ихъ совершенно—ему пришла идея: не это ли начало болѣзней? Вотъ что думали нѣкоторые изъ медиковъ: эта неизвѣстная причина всѣхъ недуговъ, заставлявшая школы строить множество нелѣпыхъ теорій, вредившая столько человѣчеству, не находится ли она въ этихъ одушевленныхъ существахъ, населяющихъ насъ, тающихся въ тканяхъ нашихъ при жизни, находящихся послѣ смерти, появляющихся во всемъ, чѣмъ мы существуемъ, въ пищѣ, въ воздухѣ, которымъ дышимъ? Не скрывается ли причина болѣзней въ этихъ паразитахъ, каковы и мы сами въ-отношеніи ко всей природѣ? Эта идея укоренилась между наблюдателями—и ее распространили ужъ слишкомъ-далеко, такъ-что медицинскій свѣтъ усомнился въ ней и продолжалъ прибѣгать по-прежнему къ положеніямъ галеновскимъ. Медики тогдашняго времени, порывшись четыре года въ вспомогательныхъ медицинскихъ наукахъ и получивъ докторское званіе, обращались совершенно къ практикѣ, не имѣя времени заняться изслѣдованіями. Только духовныя лица и люди, приверженные къ наукамъ и искусствамъ, наконецъ всѣ тѣ, которымъ ихъ общественное положеніе доставляло нѣкоторую независимость, которые имѣли состояніе, люди свободные и умомъ и тѣломъ, наблюдали природу и изслѣдовали науку, съ микроскопомъ въ рукѣ. Ихъ открытія проскользали одно за другимъ въ науку медицины и помѣщались, какъ попало, посреди ученій Галена, влаги котораго уступили нѣсколько мѣстечка и для микроскопическихъ открытій съ условіемъ, занять мѣсто на послѣднемъ планѣ вмѣстѣ съ средствами цирюльниковъ и банщиковъ. Впрочемъ, надобно сказать правду, что наблюдатели эти не старались соединять результаты наблюдений микроскопическихъ съ наблюденіями другихъ родовъ; они большею-частью имѣли только одну идею, которою хотѣли объяснить все; а въ приложеніи представлялось множество случаевъ, не только необъясняемыхъ этою идеею, но даже уничтожавшихъ ее совершенно. Когда они видѣли, что такая-то болѣзнь могла быть слѣдствіемъ такой-то причины, видимой подъ микроскопомъ, то заключали то же и о всѣхъ болѣзняхъ; ложность заключеній была причиною, что терялась довѣренность къ справедливости даже самыхъ положительныхъ наблюдений.

Тогда нѣмецкая медицина свергла иго непреложности галеновскаго ученія, между-тѣмъ, какъ во Франціи все еще медики были связаны

парижскимъ факультетомъ, подкрѣпляемымъ Теологическою Коллегею.

Въ это время анатомію мозга и нервовъ разрабатывали Виллизій, Вьёсенъ, Шнейдеръ, показавшій зависимость органа зрѣнія отъ ретины, дѣлавшій наблюденія надъ пересѣченіемъ лучей свѣта въ глазномъ яблокѣ, и многія другія; трудами Декарта и Ньютона теорія зрѣнія была очищена и исправлена. Рюйшъ открылъ *tunicam choroideam* и ея сосудистое строеніе, а Левенгукъ, фиброзное строеніе *чешуицы* (*lens crystallina*).

Кассерій, Перрольти, Дюверни занимались объясненіемъ органа слуха, описали мускулы и косточки слуховыя и прохожденіе *слуховаго нерва* (*nervus auditorius*) по каналамъ лабиринта. Гарвей писалъ о сердцахъ, сосудахъ, движеніи крови и изучалъ процессъ арожденія плода). Въ эту эпоху появился на поприщѣ медицины врачъ, прославившійся какъ теоретикъ и практикъ; это былъ Сиденгамъ, писавшій почти по всѣмъ отраслямъ медицинскихъ наукъ и преимущественно по части фармакологіи; онъ ввелъ въ медицину многіе лекарственные составы; нѣкоторые изъ нихъ сохранились до нашихъ временъ. Въ это же время акушерство начало принимать видъ самостоятельной науки трудами Генриха Девентера, а судебная медицина — трудами Захіаса и Вельтмана.

Къ медицинскимъ извѣстностямъ этой эпохи принадлежатъ также: Боэргавъ, объяснившій болѣзни механическими началами; въ теоріи у него было все хорошо, но въ приложеніяхъ онъ впадаетъ снова въ прежнюю медицину и въ прежнюю номенклатуру. Гофманъ, бывшій распространителемъ ученій Боэргавы, избобрѣлъ многіе эликсиры и составы, получившіе его имя. Сталъ отличался преимущественно на поприщѣ химическомъ. Галлеръ воевалъ съ физиологами.

Англичанинъ нововводитель—Броунъ хотѣлъ словомъ *excitabilitas* (раздражительность) объяснить причины болѣзней; по его мнѣнію, всѣ болѣзни зависѣли отъ уменьшенія или увеличенія въ организмѣ *excitabilitatis*, отъ *stheniae* или *astheniae* органовъ. Теорія эта имѣла послѣдователемъ Разори, распространившаго это ученіе въ Италиі.

Въ концѣ XVIII-го столѣтія, вѣнскій врачъ Месмеръ диссертациею своею: *De vi planetarum in corpus humanum* положилъ начало теоріи животнаго магнетизма—предмета, надѣлавшаго тогда много шума, но который и до-сихъ—поръ не разработанъ.

Парижскій медицинскій факультетъ во все время этихъ преобразованій и открытій оставался спокойнымъ наблюдателемъ; только конецъ XVIII-го столѣтія пробудилъ его дѣятельность. Съ окончаніемъ XVIII-го столѣтія начинается новая эра для медицины; наука эта, принявъ другое направленіе, начала быстро подвигаться впередъ. Съ нынѣшняго вѣка медицина приняла такое направленіе, результаты котораго еще зрѣютъ въ будущемъ...

(*Edinburgh Review*).

ЛЕОПОЛЬДЪ РАНКЕ.

Недостатокъ историковъ въ Германіи. — Историкъ въ среднихъ вѣкахъ и въ эпоху Возрожденія. — XVIII вѣкъ. — Гердеръ и археологическая школа. — Друманъ. — Жизнь и труды Ранке. — *Исторія германскихъ и римскихъ племенъ*. — Стремленіе этихъ племенъ къ одной цѣли. — *Критическій обзоръ сочиненій новейшихъ историковъ*. — Гвиччардини. — *Исторія владельцев и народовъ Южной Европы въ XVII и XVIII вѣкахъ*. — Возвышеніе и паденіе Испаніи и Турціи. — *Исторія папъ послѣ Лютера*. — *Исследование итальянской поэзіи*. — *Reali di Francia*. — *Исторія Сербіи*. — *Исторія Германіи со времени реформы*. — Девять книгъ исторіи Пруссіи. — Исторія Франціи отъ Франциска I до Людовика XIV. — Историческое училище Ранке. — Вліяніе его на Германію и Италію.

Германскій умъ побуждаетъ всегда терпѣливостью въ изученіи, но въ этомъ умѣ мало строгой критики, твердой точности и великаго искусства писать исторію. Цѣлые вѣка германской литературы не представляютъ ни одного знаменитаго историка, достойнаго этого имени. Франція, Италия и Испанія имѣли ужъ въ среднихъ вѣкахъ оригинальныхъ писателей, прекрасно изобразившихъ событія своего времени и передавшихъ слѣдующимъ лѣтописцамъ драгоценныя свѣдѣнія. Германія пишетъ въ то же время однѣ латинскія хроникѣ, или лѣтописи ученыхъ монаховъ, которые, безъ слога и одушевленія, трудолюбиво записывали факты своего времени. Конечно, и незначущія произведенія прошедшихъ временъ могутъ доставить драгоценныя свѣдѣнія. Нельзя пренебрегать, напримѣръ, хроникою Перца (*Monimenta Germaniae historica*); но съ VI-го и до XII-го вѣка кто въ Германіи можетъ сравниться съ Григоріемъ Турскимъ, съ Вильгардуеномъ и Жуанвилемъ? Въ XIV-вѣкѣ, въ эпоху, когда новѣйшіе языки сбросили съ себя оковы латинскаго, когда Виллани съ живостью и наивною гордостью описывалъ Флоренцію; когда Фруассаръ весело разсказывалъ о послѣднихъ подвигахъ умирающаго рыцарства и въ описаніи несчастій своего отечества возвышался до благороднаго слога исторіи; когда испанскій лѣтописецъ Айала такъ вѣрно и драматически описывалъ борьбу Петра-Жестокаго и Генриха Транстамарскаго, въ Германіи вовсе не было историковъ. Можно уважать оставшіяся хроникѣ, писанныя на нѣмецкомъ языкѣ, какъ драгоценность для антикварія, но въ европейской литературѣ имъ нѣтъ мѣста.

Эпоха *возрожденія* была такъ же бесплодна для Германіи, какъ и средніе вѣка. Не требуйте отъ нея въ XV-мъ вѣкѣ Коммина, ни Лану или Монлюка, а еще менѣе Макиавелла. Страна, въ которой родился протестантизмъ, не умѣла писать исторіи. Въ этомъ періодѣ были у нея Чудл, Канцовъ, Турмейеръ, и хотя слогъ ихъ уже лучше и чище, но это еще только собиратели историческихъ матеріаловъ, неумѣющіе пользоваться ими. Прежде нежели Дюканжъ перевелъ Виллардуена и составилъ комментаріи на Жуанвилля, прежде нежели Андре Дюшенъ вздумалъ собирать свою *Historiae Francorum scriptores*, Монардъ Фрехеръ указалъ ужъ къ этому пути.

Христоръ Гевольдъ, Гервартъ, оба Мейбома продолжали эти трудолюбивыя изысканія, и самъ Лейбницъ участвовалъ въ нихъ. Въ эту эпоху появились первые опыты всеобщей исторіи литературы. *Prodromus* Ламбека, *Polyhistor* Даниила Маргафа обнаруживаютъ преждевременное стремленіе науки. Ужъ видны попытки умственной дѣятельности человѣчества, обширныя и подробныя изысканія, которыя въ слѣдующемъ столѣтїи заняли всю жизнь Бруккера, Эйхгорна, Бутервека, Герена и Вахлера. Списокъ былъ бы длиненъ, если приводить всѣ имена неутомимыхъ труженниковъ; но все это не историки. *Война гусситовъ* Теобальда, *Взятіе Магдебурга* — Фризіуса, *Исторія германцевъ* — Якова Маскова, *Исторія Имперіи и императоровъ Германіи* — Генриха Бунау изслѣдованія Шиллера, Маргафа, Экардта — все это однѣ попытки написать настоящую, серьезную исторію.

Знаменитый періодъ Лессинга и Клопштока не богаче историками. Средніе вѣка въ Германіи были описаны лѣтописцами; XVI и XVII столѣтїя были торжествомъ ученыхъ. При наступленіи блистательной эпохи германской литературы, подвинулась ли исторія? На это служатъ отвѣтомъ слова журнала: *Гамбургская драматургія*. «Германія хочетъ имѣть національный театръ, а она еще не составляетъ націи». Самъ Лессингъ говоритъ, что Германія хочетъ имѣть историковъ; она хочетъ рассказывать національную жизнь своихъ народовъ, а у нея именно недостаетъ чувства этой національной жизни. Писатели ея прекрасно знаютъ міръ науки, но имъ неизвѣстенъ театръ, на которомъ борятся страсти и интересы людей. Они составляютъ сборники фактовъ, собираютъ документы въ тиши кабинета, но никогда сами не участвовали въ рассказываемыхъ ими событіяхъ. Откуда взять имъ жаръ для своихъ рассказовъ и картинъ?

Въ XVIII-мъ вѣкѣ исторія носитъ на себѣ печать тогдашней эпохи, то—есть мелочной ненависти и смѣшнаго пристрастія. Замѣчательнѣйшіе умы Англїи и Франціи не избѣжали этого вліянія, и часто ученѣйшіе люди, какъ Мейверсъ, или Шлѣцеръ, служатъ печальнымъ доказательствомъ преобладанія духа партїи; нигдѣ не видно свѣтлаго вдохновенія, оживляющаго прошедшіе вѣка.

Наконецъ явился знаменитый писатель съ душою Лессинга и Клопштока, ставшій выше всѣхъ сухихъ историковъ XVIII-го вѣка. Герверъ первый представилъ въ стройной картинѣ жизнь всего человѣческаго рода.

Замѣчательно, что первая исторія, которою Германія могла гордиться, написана была не историкомъ, а теологомъ—философомъ, и книга эта была не настоящая исторія, а философія исторіи. Въ эпоху Гердера и Лессинга Германія не умѣла еще писать настоящей исторіи, исторіи страстей и выгодъ въ борьбѣ между собою въ данную эпоху. Философіею исторіи Германія начала XIX-й вѣкъ, одною изъ величайшихъ литературныхъ заслугъ XIX-го вѣка было возстановленіе историческихъ наукъ. Огюстенъ Тьері, Минье, Гизо въ политической исторіи, Вильменъ и Кузенъ въ литературной составляютъ замѣчательное явленіе нашего вѣка. Съ другой стороны въ Англии Макоудей и послѣдователь его Мекинтошъ, Галламъ, Ализонъ, Карлейль съ честью трудились на этомъ поприщѣ. Въ одной Германіи не было еще настоящаго историка.

Послѣдователями Гердера были: Іоганнъ Мюллеръ, Шиллеръ, Архенгольцъ, Гормайеръ, Вилькенъ. Эта блистательная школа вскорѣ была остановлена чрезвычайнымъ развитіемъ критики. Возникла другая школа, которая стала проникать въ самые таинственные періоды исторіи. Если отъ какого-нибудь народа остались только разбросанные обломки и слова, которыхъ смыслъ былъ потерянъ, на эти остатки новая школа обращала всѣ свои усилія; изъ этихъ обломковъ зданій и отрывковъ рѣчей создавала она цѣлые языки и народы. Она какъ-бы хотѣла сказать своими разысканіями: Германіи не дано великое искусство драматически разсказывать исторію, за-то будетъ у насъ по-крайней-мѣрѣ ученая исторія, философская, отыскивающая прошедшее въ развалинахъ вѣковъ, какъ новѣйшая геологія открываетъ жизнь первобытнаго міра въ слояхъ, исчезнувшихъ подъ землею. Но и для этой цѣли нуженъ былъ великій художникъ, долго-не-являвшійся. Нибуръ, Крейцеръ, Яковъ Гриммъ, конечно, великія имена, но на другомъ поприщѣ. Для исторіи нуженъ былъ бы такой же гений, какимъ для физическихъ наукъ былъ Александръ Гумбольдтъ.

Сверхъ-того, сколько мелочныхъ вещей въ археологіи, незнающей границъ! Сколько странныхъ догадокъ и смѣшныхъ парадоксовъ въ философіи исторіи, которая хочетъ быть всемірнымъ комментариемъ. Возьмемъ, наприимѣръ, ученаго Друмана: онъ лучше всѣхъ въ свѣтѣ знаетъ исторію классической образованности и могъ бы составить самую любопытную и поучительную книгу; но онъ лучше захотѣлъ донскаяться генеалогии всѣхъ латинскихъ фамилій, и въ этомъ геркулесовскомъ подвигѣ истощилъ всѣ свои познанія, которыя бы могъ съ такою пользою употребить на полезныя изслѣдованія. Когда, нѣсколько лѣтъ назадъ, явилась въ Лондонѣ прекрасная *Исторія Греціи* — Грота, въ одной остроумной лейпцигской газетѣ, вспоминая обо всемъ, что германская ученость сдѣлала для изслѣдованія греческой древности, съ прискорбіемъ говорили: «не намъ ли принадлежала честь написать исторію греческой образованности? Но нѣтъ, намъ было некогда. Намъ сперва надобно было изслѣдовать глубочайшую древность и доказать, что Елена была богиня луны, а Ахиллъ Гомера — рѣка».

Утѣшить Германію въ учености, неруководимой искусствомъ и въ философіи, обольщенной мнимымъ глубокомыслиемъ, можетъ только историкъ, о трудахъ котораго мы хотимъ теперь поговорить: Леопольдъ Ранке. Конечно, Шлѣссеръ, Дальманъ, Лео, Луденъ и даже Раумеръ принадлежатъ къ славнымъ именамъ Германіи XIX-го вѣка. Но это второстепенные историки, и при всемъ частномъ достоинствѣ ихъ сочиненій, въ цѣломъ они представляютъ много несовершенства и ошибокъ. Ранке принадлежитъ совсѣмъ къ другой категоріи: онъ истинный историкъ. Леопольдъ Ранке родился въ городѣ Вигѣ (*Wiehe*), въ Тюрингенѣ 28-го декабря 1795 года. Вся жизнь его посвящена была ученію: изученіе исторіи и ученые путешествія занимаютъ всѣ дни его. Драгоцѣнные открытія и перво-классныя сочиненія занимаютъ всѣ страницы его біографіи. Окончивъ курсъ наукъ въ Шулъфартѣ, принялся онъ въ 1813 году за преподаваніе. Двадцати-трехъ лѣтъ, онъ былъ ужъ учителемъ исторіи въ высшемъ классѣ гимназіи во Франкфуртѣ-на-Одерѣ.

Здѣсь онъ написалъ первую свою книгу: *Исторія Германскихъ и Римскихъ племенъ*. Это блистательное мастерское начало обратило на него вниманіе всей Германіи. Книга явилась въ 1824-мъ году; черезъ годъ открылось мѣсто въ Берлинскомъ Университетѣ: онъ приглашенъ былъ къ занятію кафедръ исторіи.

Здѣсь Ранке оказалъ еще болѣе усердія — и годъ-отъ-году болѣе шелъ впередъ на прекрасно-начатомъ поприщѣ. Система преподаванія его была вполнѣ-основательною, и безъ всякихъ педантическихъ требованій была ужъ преобразованиемъ. Ранке былъ не ораторъ, и въ словахъ его нѣтъ той ясности, которою отличаются его сочиненія; однакожъ, важность изысканій его, вѣрность взгляда, искусство въ изложеніи фактовъ и идей привлекали къ нему толпы слушателей.

Въ это время основалъ онъ историческую школу, гдѣ, подъ руководствомъ его, молодые таланты пріучались разбирать источники лѣтописей. Эта школа принесла важные плоды. Изъ нея вышли люди, занявшіе мѣсто въ исторической литературѣ XIX вѣка.

Современная эпоха болѣе всего занимала Ранке. Извѣстно, что малѣйшее событіе въ Германіи раждаетъ тысячи комментаріевъ. Изъ событийъ каждаго года можно составить цѣлыя бібліотеки. Величайшее самолюбіе германскаго историка состоитъ въ томъ, что онъ все читалъ.

Ранке переписывался съ Меттернихомъ и пользовался его расположеніемъ. Въ 1827 году отправился онъ въ Австрію и Италію, посѣтилъ Вѣну, Венецію, Флоренцію, Римъ, Неаполь, вездѣ рылся въ бібліотекахъ, государственныхъ архивахъ, министерскихъ депешахъ, посольскихъ донесеніяхъ, чтобъ вполнѣ ознакомиться съ политикою.

Въ сочиненіяхъ Ранке заключается вся его біографія. Профессоръ Берлинскаго Университета, онъ преподавалъ науку, изслѣдованіемъ которой занимался. При разсматриваніи его сочиненій, мы увидимъ,

что каждое обнаруживает труды изобретателя и ясно обрисовывает его дарование. Переважая из Берлина въ Лондонъ, изъ Лондона въ Парижъ, онъ вездѣ собиралъ новые источники свѣдѣній.

Замѣчательнѣе всего у Ранке единство цѣли во всѣхъ его произведеніяхъ. Онъ написалъ шесть большихъ сочиненій и четыре второстепенныя, составляющія комментаріи, или драматическіе эпизоды исторіи, и однакожъ, всѣ эти книги образуютъ одно цѣлое, а именно: исторію современнаго міра. Изображаетъ ли Ранке Эскуриаль, или ведетъ въ совѣтъ султана, изучаетъ ли онъ Игнатія Лойолу, рассказываетъ ли исторію Пруссіи или Французской Монархіи XVII вѣка — вездѣ можно замѣтить единство мысли и плана.

Первою его книгою была «Исторія Германскихъ и Римскихъ племенъ съ 1494 по 1535 годъ». Обыкновенно историки видятъ въ событіяхъ той эпохи вражду этихъ племенъ и явную борьбу двухъ вѣроисповѣданій. Разсматривая германскія и новолатинскія племена, Ранке, напротивъ, нашелъ, что оба элемента шли къ одной цѣли и сдѣлалъ изъ этого основную точку новѣйшей исторіи. «Во время первыхъ нашествій германцевъ на Римъ (говоритъ Ранке) Визиготъ Атаульфъ хотѣлъ сдѣлать изъ Рима готескую провинцію и быть ея цезаремъ. Это была великая мысль. Всѣ народы, сдѣлавшіеся давно посреди римскаго просвѣщенія *одною* націею, хотѣлъ онъ слить съ сѣверными племенами и составить новый міръ. Планъ Атаульфа не удался, но цѣль была ясно указана, и нѣсколько столѣтій спустя, ве одинъ Визиготъ, а все семейство германскихъ племенъ осуществило эту мысль Атаульфа».

Ранке нашелъ это же самое стремленіе въ событіяхъ отъ Карла Мартела до Христофора Колумба. Это было не поглощеніе одного племени другимъ, какъ въ древности: два совершенно-различныя и могущественныя племена, раздѣленныя вѣковою борьбою, стремились къ одной и той же цѣли. Спросите у искусства, у языковъ, у законовъ среднихъ вѣковъ: посреди всѣхъ кажущихся различій, обманывающихъ невнимательнаго зрителя, ими управляетъ одно вдохновеніе, одна цѣль.

Крестовые походы не составляютъ ли едиனுшнаго порыва германскихъ и латинскихъ племенъ? А когда Христофоръ Колумбъ совершилъ свое чудное открытіе, кто далъ общественную жизнь Новому Свѣту? Колоніи германскаго и римскаго племени; Англо-Саксы въ Сѣверной Америкѣ, Испанцы и Португальцы въ Южной.

Въ какомъ положеніи были эти народы въ концѣ XV вѣка? Средніе вѣка кончились; начался новый періодъ. Вышедъ изъ младенчества, чѣмъ германскія и римскія племена ознаменовали свой зрѣлый возрастъ? Вотъ предметъ всѣхъ сочиненій Ранке. До-тѣхъ-поръ всѣ самыя продолжительныя войны были только поединками Итали и Германии, Англии и Франціи. Въ концѣ XV вѣка поданъ былъ сигналъ къ великимъ европейскимъ войнамъ. Съ того времени всѣ племена вступили въ исполинскую борьбу. Языкъ, литература; религіозныя мѣ-

нія — все начало болѣе и болѣе отдѣлять сѣверъ отъ юга. Ранке и тутъ не потерялъ изъ виду своей основной мысли. Тамъ, гдѣ другіе видѣли только возрастающую борьбу и уничтоженіе обществѣ среднихъ вѣковъ, онъ видитъ Германію въ самой борьбѣ, еще сильнѣе-указывающую на побужденія, общія всей Европѣ. Эти бурныя столкновенія, гдѣ столько народовъ сходятся, не означаютъ ли стремленія къ европейскому равновѣсію, то-есть къ единству событій, неразрушающему жизни народовъ, а дозволяющему свободное развитіе всѣхъ разноплеменностей; эта практическая идея составляетъ философію исторіи Ранке и обнаруживается съ перваго его сочиненія. При ясности такого основнаго правила безпристрастіе легко для историка. Сколько народовъ участвуютъ въ этой вѣковой борьбѣ, начатой походами Карла VIII въ Италію! Ранке рассказываетъ эти походы чрезвычайно-ясно. Видно, что авторъ вполнѣ изучилъ частную жизнь Франціи при Карлѣ VIII, Германіи при Максимилианѣ, Итали при Сфорцѣ и Савонаролѣ, Испаніи при Фердинандѣ и Изабеллѣ; онъ съ особеннымъ искусствомъ выбираетъ общія черты каждаго событія, и черты эти кажутся новыми. Не самыя историческія изслѣдованія, а болѣе всего результаты занимаютъ Ранке. Италія составляетъ средоточіе его сочиненій. Каждая республика, каждый городъ ясно и рельефно очерченъ. Римъ и Александръ VI Неаполь и Арагонцы, Флоренція и Сфорца, могущественная Венеція XVI вѣка, Падуа, Болонья, Пиза — всѣ средоточія пылкихъ страстей и разнообразныхъ выгодъ оживаютъ у него на каждой страницѣ. За этой добычей, о которой спорить Европа, кто ведетъ въ бой германскія и римскія племена? Карлъ VIII и Лудовикъ XII, Максимилианъ и Фердинандъ. Авторъ не рисуетъ портретовъ, но герои его дѣйствуютъ, и отличительная сторона этихъ дѣйствій остается въ памяти. Въ-особенности хорошо изображенъ Максимилианъ. Всѣ германскія хроники XVI вѣка описывали супруга Маріи Бургундской, но между всѣми этими портретами нѣтъ двухъ одинакихъ — до-того измѣнчива эта историческая фізіономія.

Любопытная картина Ранке кончается на эпохѣ, когда внукъ Максимилиана и Маріи Бургундской принимаетъ имя Карла V. Ранке обѣщавъ довести рассказъ до 1535, но до-сихъ-поръ вышелъ еще первый томъ, оканчивающійся 1514-мъ годомъ.

Годъ спустя послѣ этого замѣчательнаго сочиненія, Ранке издалъ дополненіе къ нему; а именно: «Критическій обзоръ сочиненій новѣйшихъ историковъ». Эта книга раздѣлена на двѣ части. Первая посвящена историкамъ XVI вѣка, писавшимъ германскую и римскую исторію; вторая — специальнымъ историкамъ, хроникамъ, біографіямъ.

Въ первой части помѣщенъ обзоръ шести писателей. Впервыкъ, представленъ Гвичардини, котораго можно назвать отцомъ новѣйшей исторіи; потомъ мецкій епископъ Бокеръ, въ *Commentarii rerum gallicarum*, сообщившій драгоценныя свѣдѣнія о XV вѣкѣ и передавшій Сисмонди многіе очерки для его картинъ итальянскихъ республикъ;

испанскій историкъ Маріана помѣщенъ въ этой галереѣ; за ними слѣдуютъ: Фуагеръ, Слейданъ и Павелъ Ювій. Изученіе этихъ писателей образцовое. Оно можетъ равняться съ разсказами изъ временъ меровингскихъ Огюстена Тьерри. Ранке объяснилъ какимъ образомъ Гвичардини написалъ свою книгу, какъ записывалъ ежедневно происшествія, не заботясь о ихъ причинахъ и послѣдствіяхъ. Ранке указываетъ при этомъ на мѣста, гдѣ свидѣтельство этого историка достовѣрно и гдѣ не должно довѣрять ему. Книга Гвичардини имѣла въ свое время огромный успѣхъ. Въ Итали было десять изданій ея; она переведена на англійскій, нѣмецкій, голландскій, французскій и три раза на испанскій языкъ.

Прочихъ писателей Ранке разбираетъ не такъ подробно, и однакожь судить о нихъ съ большою проницательностью. Вторая часть его книги не такъ полна; въ ней исчислены всѣ частные историкъ Германіи, Франціи, Итали и Испаніи, сообщившіе подробности объ отдѣльныхъ событіяхъ и лицахъ.

Исторія владѣтелей и народовъ Южной Европы въ XVII и XVIII вѣкѣ состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ сочиненій подъ однимъ названіемъ. Въ первомъ изображена картина Оттоманской Имперіи и Испаніи въ XVI вѣкѣ; второе содержитъ въ себѣ исторію папъ со временъ Лютера. Обозрѣвъ первое столѣтіе новѣйшей исторіи, Ранке пораженъ былъ двумя событіями, совершившимися въ Южной Европѣ. Два государства, которыя за пятьдесятъ лѣтъ предъ тѣмъ приобрѣли чрезвычайное могущество и имѣли сильный перевѣсъ въ европейской политикѣ, въ теченіе одного столѣтія потеряли всякое вліяніе на Европу, и напротивъ того, церковное владѣніе, потерявшее почти половину духовной своей паствы, потрясенное на короткое время, снова возстаетъ и употребляетъ новыя усилія съ новою энергіею. Преждевременный упадокъ Турціи и Испаніи съ одной стороны и неожиданное сохраненіе могущества папъ, съ другой—вотъ содержаніе этого сочиненія Ранке.

Можно удивиться, встрѣтивъ въ одномъ томѣ исторію Турціи и Испаніи. Но при всей своей странности, это соединеніе легко объясняется, если мы вспомнимъ, что всѣ сочиненія Ранке составляютъ одно цѣлое съ разными обширными эпизодами. Разсматривая совокупность этой картины, видна странная аналогія между испанскою монархіею и имперіею оттомановъ. Сто лѣтъ назадъ, Монтескѣ говоритъ по поводу коммерческихъ державъ Европы: «Какъ онѣ счастливы, что на свѣтѣ существуютъ Турція и Испанія, жители которыхъ безо всякой пользы владѣютъ самыми плодородными странами».

Не знаемъ, помнилъ ли Ранке эти любопытныя слова, но книга его представляетъ на нихъ цѣлый комментарий. Въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка Турки угрожаютъ всему Западу. При Фердинандѣ-Католикѣ Испанія только-что возвратила себѣ независимость, а при Карлѣ V-мъ она ужъ владѣла половиною Европы и Америкою. Отчего же черезъ пятьдесятъ лѣтъ положеніе этихъ державъ такъ измѣнилось?

Отчего распространилось молчаніе тамъ, гдѣ было такъ много шума и блеска? Этимъ вопросомъ объясняется планъ автора и единство книги. При этомъ сходствѣ двухъ народовъ есть между ними и противорѣчія, тоже сближающія ихъ. Ранке не забываетъ ихъ. Въ главахъ историка могущество испанскаго и австрійскаго дома оправдывается тѣмъ, что посредствомъ власти, сосредоточенной въ однихъ рукахъ, Карлъ V-й могъ остановить вторженіе исламизма въ Европу. Въ Африкѣ, въ Италиі, даже на границахъ Турціи, испанско-австрійская монархія остановила завоеванія султановъ.

Ранке съ точностью исчисляетъ силу и слабость оттомановъ. Основанная войною, имперія оттомановъ поддерживала себя только одною войною, и въ тотъ день, какъ она остановилась на поприщѣ завоеваній, она начала упадать; съ той минуты, какъ Турція сдѣбалась не лагеремъ, а государствомъ, началось ея разрушеніе. Ранке для своего сочиненія пользовался учеными трудами германскихъ ориенталистовъ, въ-особенности глубокими изслѣдованіями Гаммера, хотя въ нихъ и мало ясности. Ранке извлекъ оттуда всѣ главныя черты своей книги и озарилъ мракъ, окружавшій турецкую исторію. Ярко и вѣрно описываетъ онъ султановъ. Салиманъ, Селимъ, Амуратъ IV оживаютъ подъ его перомъ. Онъ не только изображаетъ весь характеръ этихъ лицъ, но и указываетъ на неизбѣжныя причины невольнаго паденія и разрушенія этой монархіи, немѣющей народа.

«Въ ней нѣтъ народа (говоритъ онъ). Она совершенно-справедливо называется по имени перваго своего основателя Отмана. Исторія ея представляетъ только орду дикихъ воиновъ и предводителя ихъ властителя, и невольниковъ. Если что поддержало ее, несмотря на всѣ причины, которыя вели къ разрушенію, это, съ одной стороны, историческое обстоятельство, что никакой новый народъ не продолжалъ въ то время вторженій изъ Азіи въ Европу, а съ другой, что новѣйшая политика Европы составлялась въ то самое время, какъ имперія султановъ составила государство».

Въ половинѣ XVII вѣка испанско-австрійская монархія имѣла почти такую же участь, какъ Турція. Сила Карла V-го нужна была для отраженія мусульманъ. Какъ-скоро опасность прошла, имперія разрушилась.

Лучшее сочиненіе Ранке: *Исторія Папъ послѣ Лютера*. Вѣрность взгляда и провнцательность — главныя его качества. Беспорядки управленія въ концѣ XV вѣка описаны широкою кистью. Между замѣчательными лицами превосходно изображены у него Юлій II и Левъ X. Исторія эта переведена и на русскій языкъ.

Ранке указываетъ минуту, когда папы и протестанство согласны были на обоюдныя уступки. Германія не хотѣла лишиться церковной іерархіи, а Италія желала преобразованій. По эту минуту не воспользовались, и съ-тѣхъ-поръ раздѣленіе становилось все глубже-и-глубже. Кальвинъ ужъ гораздо-далѣе отъ католицизма, нежели Лю-

теръ. Когда же явились иезуиты — всякое примиреніе было невозможно.

Первый томъ *Исторіи владѣтелей и народовъ Южной Европы* вышелъ въ 1827 году. Прочіе три составляютъ специальную исторію папъ въ XV и XVII вѣкѣ; они явились въ 1836 году. Въ эти девять лѣтъ Ранке нѣсколько разъ посѣщалъ Италію, гдѣ перерылъ всѣ венеціанскіе архивы, и въ донесеніяхъ посланниковъ нашелъ драгоценные документы для новѣйшей исторіи. Благодаря этимъ документамъ, объяснилъ онъ эпоху XVI и XVII вѣковъ. А какъ они не могли быть помѣщены въ его исторіи, то онъ составилъ изъ нихъ двѣ отдѣльныя книги.

Подлѣ этихъ двухъ книгъ заслуживаетъ почетное мѣсто весьма-любопытное *Изслѣдованіе Итальянской поэзіи*. Изучая въ самомъ источникѣ судьбы Южной Европы съ XVI вѣка, Ранке сдѣлалъ драгоценныя открытія. Книга объ итальянской поэзіи была напечатана въ 1837 году и составляетъ прекрасную главу въ исторіи литературы. Въ Италіи среднихъ вѣковъ былъ знаменитый сборникъ *Reali di Francia*—длинный рассказъ въ прозѣ и въ эпической формѣ. Тутъ была помѣщена и пѣснь Роланда, и хроника ложнаго Тюрпена, и исторія четырехъ сыновей Эймона, и главные эпизоды карловингской эпохи. Преданія славянскія смѣшаны съ германскими. До-сихъ-поръ еще венеціанскіе импровизаторы, собирая вокругъ себя слушателей на словацкой набережной, рассказываютъ послѣ сыновей Эймона исторію Карла XII. До изслѣдованій Ранке была извѣстна только половина этой книги; онъ нашелъ въ Римѣ остальную половину, и соединилъ въ одну книгу эту странную Илиаду.

Ранке писалъ и о славянскихъ племенахъ. Сербскіе горцы занимаютъ незначительное мѣсто на картѣ Европы, но событія, совершавшіяся въ-теченіе полувѣка въ имперіи Баязетовъ и Селимовъ, тѣсно связаны съ исторіею этого славянскаго племени. Онъ написалъ *Исторію Сербіи*, и это одно изъ лучшихъ его сочиненій. Драматическій интересъ хроники соединяется съ важностью исторіи. Въ ней даже много поэзіи. Въ этой книгѣ не одна исторія Сербіи, но описаніе всѣхъ переворотовъ, волновавшихъ Турцію отъ конца XVIII вѣка до нашихъ временъ.

Въ 1839 году Ранке напечаталъ *Исторію Германіи со времени реформы*. Онъ довелъ ужъ ее до 1630 года, какъ вдругъ остановился и пустился опять путешествовать для отысканія новыхъ документовъ. Не прежде, какъ черезъ четыре года издалъ онъ послѣдніе томы этой книги. Къ-несчастью, въ ней слишкомъ много эпизодовъ; мѣстами авторъ слишкомъ-ученъ и недовольно-одушевленъ; онъ забываетъ иногда, что исторія тоже искусство. По всему видно, что планъ его былъ превосходенъ, но что, увлеченный обширностью размѣровъ своихъ картинъ, онъ пустился въ излишнія ученныя подробности. Однимъ словомъ: его *Исторія Германіи* ниже *Исторіи Папъ*.

Ранке былъ въ это время назначенъ историографомъ Фридриха-Вильгельма IV, и ему официально поручено написать исторію Пруссіи. Онъ посвятилъ на это всё свои знанія, способности и усердіе. Сочиненіе его названо: *Девять Книгъ Исторіи Пруссіи*, и въ нихъ болѣе всего заключается изученіе жизни Фридриха II. Двѣ книги о Фридрихѣ-Вильгельмѣ I представляютъ много любопытнаго. Но исторія Фридриха II. возбудила многія критики. Самого изображенія короля не видно въ ней.

Послѣ этого сочиненія, въ которомъ онъ обнаружилъ большія познанія въ политикѣ, Ранке возвратился къ XVI и XVII вѣку, составляющимъ любимую его эпоху. Онъ изслѣдовалъ потому исторію Франціи отъ Франциска I до Лудовика XIV. Ранке указываетъ на главную черту этой эпохи: учрежденіе монархіи, какаго неизвѣстна была до-тѣхъ-поръ у германскихъ и римскихъ племенъ. Франція дала сперва феодальной системѣ самую блистательную организацию. Она со славою участвовала въ крестовыхъ походахъ. Потомъ эта же Франція нанесла первые удары феодализму; первая испровергла политическую власть духовенства; первая осмѣлилась соединиться съ Турціею. Послѣднимъ представителемъ *древней* Французской монархіи былъ Лудовикъ XII, монархъ важный, простодушный, вздвигшій въ парламентъ верхомъ на мулъ. Все это вдругъ измѣнилось. Въ 1516 году Францискъ I, уступивъ Льву X нѣкоторыя права, въ которыхъ отказывали папамъ предѣшники его, увеличилъ королевскую власть внутри и ослабилъ вліяніе духовенства на гражданскія дѣла. Борьба католиковъ и протестантовъ произвела потомъ важныя послѣдствія. Итальянка, вдова Генриха II, сдѣлавшись королевою Франціи, употребляла, для прославленія дѣтей своихъ, всё хитрости. Между побѣдителемъ при Мариньянѣ и побѣдителемъ при Иври, ~~то~~ есть между началомъ и развязкою драмы является кровавый эпизодъ религиозныхъ войнъ, въ которыхъ господствуетъ мрачный портретъ Екатерины Медичи. Впрочемъ, и это сочиненіе Ранке не доведено до конца. Ему еще остается описать Лудовика XIV.

Вотъ труды, доставившіе Леопольду Ранке первое мѣсто между германскими историками.

Другая заслуга Ранке состоитъ въ томъ, что онъ основалъ *Историческое Училище*, гдѣ молодые умы приучались, подъ руководствомъ его, заниматься историческими изслѣдованіями. Съ 1837 до 1839 г. издалъ онъ труды этихъ питомцевъ подъ общимъ названіемъ: *Лѣтописи Германіи подъ управленіемъ династіи саксонскаго дома*, а именно: царствованіе Генриха-Птицелова и первыхъ трехъ Оттоновъ. Теперь ужъ вышли три тома: въ первыхъ двухъ—текстъ лѣтописей, въ третьемъ—критическій разборъ источниковъ.

Трудолюбивые ученики Ранке употребили на этотъ періодъ германской исторіи, извѣстный менѣ другихъ, самыя точныя изысканія и политическую сметливость, переданныя имъ учителемъ ихъ. Ученики эти были: Георгъ Вайтцъ, Кашке, Вильгельмъ Деннигеръ, Гизебрехтъ, Вильмансъ и Гиршъ.

Сочиненіе Ранке имѣло вліяніе и на Италію. Тамъ въ послѣдніи пятнадцать лѣтъ, а особливо во Флоренціи, стали заниматься исторіею съ большою добросовѣстностью и искусствомъ. Тамошніе писатели воспользовались источниками Ранке, и въ 1839 году явилась книга: *Relazioni degli ambasciatori Veneti al senato raccolte, annotate ed edite da Eugenio Atteri*, въ которой видна школа германскаго историка. Вышло ужь семь томовъ, имѣвшихъ большой успѣхъ.

Другая книга въ этомъ же родѣ: *Archivio Storico* появилась въ 1842 году. Въ числѣ итальянскихъ учениковъ Ранке можно назвать Альфреда де-Ремона. Въ книгѣ: *Beiträge zur Italienischen Geschichte* (Берлинъ. 1853 г.) Ремонъ говоритъ въ посвященіи своему учителю: «вы открыли намъ большія дороги; я могъ только проложить проселочныя».

Ученый германскій литераторъ Гервинусъ въ книгѣ своей: *Введеніе въ исторію XIX-го вѣка*, съ большою гордостью говоритъ, что германскіе историки гораздо-выше французскихъ и отказываетъ послѣднимъ въ дарованіи. Подобныя сужденія еще болѣе возвышаютъ Ранке, который всегда былъ скромнень и сознавалъ всѣ чужія заслуги. Онъ смѣло, какъ Саллустій, можетъ сказать: «общество больше выигрываетъ отъ моихъ слабыхъ трудовъ, нежели отъ вашего хвастовства».

(*Revue des Deux Mondes*).

ОБОЗРѢНІЕ

СОВРЕМЕННОГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА ІЮНЬ 1845 ГОДА.

I. ГОСУДАРСТВЕННЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ (ИЗМѢНЕНІЕ И ДОПОЛНЕНІЕ СОСТАВА И ПРАВЪ ИХЪ).

— Высочайше повелѣно: 1) Главное Медицинское Управление Морскаго Вѣдомства переименовать въ Медицинскій Департаментъ Морскаго Министерства; 2) Департаменту сему быть подъ начальствомъ директора, которому, вмѣсто нынѣ полагаемаго помощника, имѣть для помощи двухъ генерал-штаб-докторовъ: одного для балтійскаго флота, другаго для черноморскаго флота; 3) Главнаго доктора черноморскаго флота переименовать въ генерал-штаб-доктора сего флота; 4) Генерал-штаб-доктору балтійскаго флота производить то самое содержаніе, какое положено по штату упраздняемой должности помощника флота генерал-штаб-доктора; 5) Предоставить управляющему Морскимъ Министерствомъ, по соображеніи въ Адмиралтействъ-Совѣтъ, войти съ особымъ докладомъ о переимѣнахъ, которыя, вслѣдствіе сего, потребуются въ устройствѣ и дѣлопроизводствѣ бывшаго Главнаго Медицинскаго Управленія; 6) Ему же предоставить начертаніе инструкцій генерал-штаб-докторамъ флота.

— По случаю присоединенія, согласно Монаршей волѣ, состоявшихъ въ завѣдываніи покойнаго статс-секретаря Лонгинова учрежденій къ вѣдомству IV-го Отдѣленія Собственной Ея Императорскаго Величества Канцеляріи, повелѣно: 1) Въ замѣтъ упраздненной Канцеляріи Государыни Императрицы по управленію учебными и благотворительными заведеніями, состоящими подъ Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества покровительствомъ, учредить при IV Отдѣленіи еще одну (пятую) Экспедицію изъ трехъ чиновниковъ: старшаго, помощника его и младшаго. 2) Для усиленія I-й Экспедиціи сего Отдѣленія прибавить къ настоящему оной, Высочайше утвержденному въ 1-й день января 1845 г. штату, помощника старшаго чиновника и младшаго чиновника, и 3) Къ положенному въ томъ От-

дѣленіи числу 8 писарей прибавить еще трехъ, съ переименованіемъ всѣхъ ихъ въ канцелярскіе чиновники.

II. ГУБЕРНСКІЯ УЧРЕЖДЕНІЯ (ИЗМѢНЕНІЕ И ДОПОЛНЕНІЕ СОСТАВА И ПРАВЪ ИХЪ).

— По обширности Киргизской Степи Сибирскаго Вѣдомства, согласно представленію генерал-губернатора Западной Сибири и положенію Сибирскаго Комитета, послѣдовало Высочайшее повелѣніе: 1) Изъ частей, находящихся на лѣвомъ флангѣ Киргизской Степи, именно: Кокбектинскаго и Аягузскаго внѣшнихъ округовъ и Семирѣчнскаго Края, городовъ: Семипалатинска, Усть-Каменогорска, и Бухтарминскаго Укрѣпленія и земель, занимаемыхъ нынѣ киргизами, кочующими на внутренней сторонѣ сибирской линіи по правую сторону рѣки Иртыша, образовать особую область, подъ наименованіемъ Семипалатинской. Управление сей новой области учредить на основаніи Высочайше-утвержденныхъ положенія и временнаго штата; и 2) съ отдѣленіемъ лѣваго фланга степи, правый флангъ оной, состоящій изъ остальныхъ пяти округовъ, оставить подъ нынѣшнимъ управленіемъ, переименовавъ оный въ Область Сибирскихъ Киргизовъ. Затѣмъ пограничнаго начальника сибирскихъ киргизовъ именовать впредь военнымъ губернаторомъ Области Сибирскихъ Киргизовъ, а Пограничное Управление—Областнымъ Управленіемъ Сибирскихъ Киргизовъ.

III. ЗАКОНЫ О СЛУЖБѢ ГРАЖДАНСКОЙ.

— Высочайше повелѣно: должность старшаго учителя и смотрителя Николаевской Школы, состоящей при Домѣ Призрѣнія Престарѣлыхъ и Увѣчныхъ Гражданъ въ Санктпетербургѣ, по общему распisanію отнести къ X классу.

— Повелѣно: 1) Право на награжденіе орденомъ, по силѣ статьи 1237 (по VI Прод.) за девятилѣтнюю службу въ должности окружныхъ начальниковъ и земскихъ исправниковъ въ Сибири, предоставленное лишь пріѣзжимъ туда чиновникамъ, распространить и на мѣстныхъ уроженцевъ; 2) равнымъ образомъ распространить на нихъ право помѣщать дѣтей своихъ на казенный счетъ въ гимназій и университетовъ, въ число назначенныхъ при сихъ заведеніяхъ для сибирской службы стипендіатовъ; 3) для привлеченія на службу въ Сибирь молодыхъ людей, окончившихъ воспитаніе въ университетахъ, предоставить кандидатамъ и дѣйствительнымъ студентамъ, нигдѣ еще не служившимъ, выдавать при назначеніи ихъ въ Сибирь, сверхъ двойныхъ прогоновъ, не въ зачетъ оклада жалованья, по сравненію съ воинскими окладами.

— Въ разрѣшеніе возникшаго вопроса о размѣрѣ пособія вдовамъ писцовъ изъ кантонистовъ, находившихся въ закавказскихъ присутственныхъ мѣстахъ, умершихъ на службѣ и незаслужившихъ пен-

сн, послѣдовало, согласно представленію намѣстника кавказскаго и положенію Кавказскаго Комитета, Высочайшее повелѣніе: 1) Вдовамъ 40 лѣтъ и моложе вышепомянутыхъ писцовъ, занимавшихъ классныя должности, выдавать единовременное пособіе по 33 р. 50 к. сереб.; вдовамъ же незанимавшихъ классныя должности писцовъ: 1-го разряда 33 р. 60 к.; 2-го разряда 25 р. 35 к.; 3-го разряда 21 р. 15 к.; 2) выдачу симъ вдовамъ въ единовременное пособіе годоваго жалованья по означеннымъ выше окладамъ производить тогда только, когда мужа ихъ состояли на службѣ отъ 10 до 25 лѣтъ и болѣе; но если служба ихъ составляла менѣе 10 лѣтъ, въ такомъ случаѣ выдавать имъ полугодовое жалованье тѣхъ же окладовъ; и 3) на этомъ основаніи назначать имъ единовременное пособіе по тѣмъ же окладамъ при такомъ еще условіи, когда оклады жалованья, производившагося мужьямъ ихъ, превышали опредѣленные въ п. 1-мъ оклады; въ противномъ же случаѣ, то-есть когда собственно жалованье мужей ихъ было менѣе сихъ окладовъ, опредѣлять имъ пособіе изъ этого меньшаго жалованья.

IV. Законы относительно казеннаго управленія.

— По вопросу: слѣдуетъ ли облагать подымною податью бухарцевъ, какъ занимающихся земледѣліемъ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, такъ и тѣхъ, кои, не занимаясь земледѣліемъ, производятъ торговлю, или снискиваютъ пропитаніе разными ремеслами и наймами въ частныя услуги, для разъясненія и въ дополненіе 793 ст. уст. о подат. (Св. Зак. Т. V) и 412 ст. Уст. Торг. (Св. Зак. Т. XI), постановлено: 1) что платежу подымной, замѣняющей подушную, подати, независимо отъ вноса денежныхъ и исправленія натуральныхъ земскихъ повинностей, подлежатъ всѣ вообще бухарцы, не исключая неимѣющихъ ни собственныхъ, ни казенныхъ земель, но занимающихся земледѣліемъ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, а также тѣхъ, которые занимаются не земледѣліемъ, а ремеслами, или находятся въ частныхъ услугахъ, или, наконецъ, будучи приписаны къ разнымъ селеніямъ, юртамъ и городамъ въ Западной Сибири, производятъ торговлю по свидѣтельству 3-хъ родовъ, или же безъ свидѣтельствъ мелочную, не состоя притомъ въ гильдіяхъ; и во 2) что отъ платежа оброчной, взыскиваемой съ дома же подати, изъяты не только производящіе земледѣліе на собственныхъ земляхъ, но и всѣ, которые, не бывъ надѣлены казенною землею, занимаются земледѣліемъ на частныхъ владѣльческихъ земляхъ, или ремеслами:

— Независимо отъ ст. 419 Устава о податяхъ (Св. Зак. Т. V), заключающей въ себѣ правило, относящееся собственно до лицъ податныхъ состояній, постановлено, что дворяне, разночинцы, лица духовнаго званія и другіе сторонніе люди, въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ на ихъ земляхъ жительствующие, обязаны заключать съ мѣрскими обществами на содержаніе участковъ общественной земли условія, съ платою наемныхъ денегъ.

— Высочайше повелѣно: ст. 2432 и 2443 Устава Горнаго дополнить слѣдующими примѣчаниями: а) (къ ст. 2432) киргизскіе султаны и другіе, имѣющіе чины почетные киргизы, могутъ производить золотой промыселъ въ Киргизской Степи, за исключеніемъ только тѣхъ округовъ, въ которыхъ лица эти состоятъ на службѣ, и б) къ ст. 2443) киргизскіе султаны и другіе, имѣющіе чины почетные киргизы, могутъ производить рудный промыселъ въ Киргизской Степи, за исключеніемъ только тѣхъ округовъ, въ которыхъ лица эти состоятъ на службѣ.

— *Въ дополненіе Св. Зак. Т. VIII Уст. оброч. ст. 47, 48, 27, 33, 55, 56, 86 и 89* постановлено: 1) утвержденіе торговъ на сдачу казенныхъ оброчныхъ статей Западной Сибири въ содержаніе, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ 55 и 56 ст. VIII Т. Св. Зак. Уст. Оброч. нужно согласіе министра государственныхъ имуществъ, а также введеніе новыхъ статей въ окладъ (ст. 33) и исключеніе изъ онаго (ст. 89) представляется генерал-губернатору тамошняго края, на усмотрѣніе и разрѣшеніе котораго поступаютъ также предположенія о мѣрахъ улучшенія статей, на основаніи ст. 27 и 33 того же Устава. Сообразно съ симъ и отчетность по казеннымъ оброчнымъ статьямъ, какъ-то: о переимѣнахъ по онимъ въ теченіе года (ст. 18), о доходахъ, ожидаемыхъ къ поступленію въ слѣдующемъ году (ст. 17), о суммахъ, слѣдовавшихъ съ держателей, дѣйствительно поступившихъ и оставшихся въ недоимкѣ (ст. 86), представляется Казенными Палатами генерал-губернатору, который съ своей стороны доставляетъ министру государственныхъ имуществъ, по истеченіи каждаго года, одну общую отчетную вѣдомость о состояніи казенныхъ оброчныхъ статей. *Примѣчаніе.* Казенныя Палаты Западной Сибири, независимо отъ представленія генерал-губернатору окладнаго расписанія, о количествѣ ожидаемаго на каждый слѣдующій годъ дохода съ оброчныхъ статей, представляютъ таковое же расписаніе въ Первый Департаментъ Государственныхъ Имуществъ въ тотъ срокъ и по той формѣ, какіе указаны въ 17 ст., Т. VIII Уст. Оброч. (VI Продол.) *Въ дополненіе того же тома и Устава ст. 45.* 2) Въ обезпеченіе исправнаго вноса оброка, кромѣ денегъ и недвижимыхъ имуществъ, въ Западной Сибири принимаются въ залогъ: а) поручительства, при снятіи статей купцами, на основаніи Св. Воен. Постан. книги 1-й IV части ст. 556, и б) каменные дома въ уѣздныхъ городахъ, на основаніяхъ, въ ст. 1338—1364 Св. Зак. Граж. Т. X изложенныхъ. *Въ дополненіе того же тома и Устава ст. 50.* 3) Торги на сдачу въ оброчное содержаніе казенныхъ статей Западной Сибири производятся; а) въ округахъ, гдѣ находятся губернскіе города, въ Казенныхъ Палатахъ и б) въ прочихъ округахъ, въ мѣстныхъ Окружныхъ Управленіяхъ. Но еслибъ торги въ Окружномъ Управленіи оказались невыгодными, то вторичные торги назначаются въ Казенныхъ Палатахъ. *Въ дополненіе къ примѣчанію къ ст. 40 тома VIII (по I прод.) и ст. 62 того же тома (по XV Прод.)* 4) за содѣйствіе къ извлеченію большихъ выгодъ съ оброчныхъ статей и за открытіе новыхъ отчислятъ въ распоряженіе генерал-губернатора, для раз-

дачи въ награду чиновникамъ, содѣйствовавшимъ успѣху дѣла: а) со статей, доходъ съ которыхъ по торгамъ возвысился на 50% и со статей вновь-открытыхъ 20% одновременно изъ суммы годичной платы, и б) со статей, бывшихъ въ хозяйственномъ управленіи, когда прежній доходъ возвысился также на 50%, одновременно 10% изъ годовой выручки. Распредѣленіе этихъ денегъ между чиновниками предоставляется генерал-губернатору.

V. Законы о состояніяхъ.

— Въ дополненіе ст. 1455 свода о состояніяхъ (Св. Зак. т. IX) постановлено, что разсылка установленныхъ этою статьею метрическихъ книгъ, изъ Оренбургскаго Магометанскаго Духовнаго Собранія къ духовнымъ чинамъ Башкиро-Мещерякского Войска, и возвращеніе одного экземпляра оныхъ, вмѣстѣ съ вносимыми за эти книги деньгами, въ Духовное Собраніе, производится чрезъ посредство командующаго и кантонныхъ начальниковъ помянутаго войска; 2) предписать мѣстному начальству, чтобъ деньги, взимаемая, на основаніи Высочайше утвержденного 21 августа 1834 г. положенія Комитета Министровъ, съ совершаемыхъ между магометанами браковъ, для составленія капитала на постройку въ г. Уфѣ дома Магометанскаго Духовнаго Собранія, были доставляемы въ это Собраніе отъ духовныхъ чиновъ Башкиро-Мещерякского Войска, чрезъ посредство тѣхъ же начальствующихъ надъ симъ войскомъ лицъ.

VI. Законы гражданскіе.

— Ст. 3477 Св. Зак. гражд. т. X (изд. 1842 г.) жителямъ, исповѣдывающимъ магометанскую религію, предоставляется право во всѣхъ между ними спорахъ и тяжбахъ въ дѣлахъ семейныхъ по раздѣлу имѣній, по несогласію родителей съ дѣтьми и между супругами, искать удовлетворенія и разбираться въ Духовномъ Судѣ Шаро или Шаріатъ. Нынѣ, въ разрѣшеніе возникшаго вопроса относительно производства и рѣшенія дѣлъ о раздѣлѣ имѣній между жителями Закавказскаго Края магометанскаго исповѣданія, согласно положенію Кавказскаго Комитета, Высочайше повелѣно, въ дополненіе къ означенной выше статьѣ, постановить слѣдующія правила: 1) Всякое рѣшеніе Шаріата должно-быть явлено при прошеніи вмѣстѣ съ переводомъ къ засвидѣтельствованію въ судѣ первой степени, а гдѣ онаго нѣтъ, у полицейскаго начальства, съ отмѣткою удовольствія или неудовольствія прежде истечения мѣсяца со дня воспослѣдованія означеннаго рѣшенія. 2) По объявленіи тяжущимися на рѣшеніе Шаріата удовольствія, это рѣшеніе остается ненарушимымъ, пересмотру не подлежитъ и исполняется на томъ же основаніи, какъ и рѣшенія третейскихъ судовъ, съ соблюденіемъ порядка, для этихъ судовъ предписаннаго. 3) Въ случаѣ изъясненія въ мѣсячный срокъ со дня объявленія рѣшенія Шаріата на оное неудовольствія, предоставляется тяжу-

щимся въ четырехмѣсячный срокъ со дня объявленія этого рѣшенія, начать дѣло въ надлежащемъ судебномъ мѣстѣ. Это прошеніе не считается переносомъ дѣла на ревизію суда, или апелляціею, но подачею онаго просителю дается токмо право, предъявивъ споръ, начать дѣло въ обыкновенныхъ судахъ. 4) Судебныя мѣста рѣшаютъ эти дѣла на основаніи законовъ магометанскихъ, наблюдая только въ порядкѣ производства оныхъ общія правила, установленныя для судебнаго производства въ Закавказскомъ Краѣ. Въ случаѣ, если судебныя мѣста встрѣтятъ надобность имѣть полный текстъ закона, на который тяжущимися сдѣлана ссылка, то входятъ съ представленіями о семъ непосредственно къ начальнику гражданскаго управленія, который, по истребованіи точной выписки этого закона отъ муштехиды или муфтія, смотря потому, къ которому изъ двухъ сектъ принадлежатъ тяжущіеся, препровождаетъ оную въ судъ, и 5) Прошенія, при которыхъ представляются рѣшенія Шаріата къ засвидѣтельствуванію, а равно самыя рѣшенія и переводы съ нихъ принимаются на простой бумагѣ.

— По положенію Кавказскаго Комитета Высочайше повелѣно: въ дополненіе къ ст. 1347 Св. Зак. Граж. т. X, (изд. 1842 г.): находящіяся въ Моздокѣ каменные зданія принимать въ залогъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ на мѣстныя надобности Ставропольской Губерніи и Кавказской Линіи.

— Высочайше дозволено учредить Общество заводской обработки животныхъ продуктовъ, на основаніи проекта Устава, удостоеннаго Высочайшаго разсмотрѣнія 30 апрѣля.

— По положенію Комитета гг. Мистровъ, Высочайше утверждень 7-го мая сего года проектъ Устава для учрежденія акціонерной компаніи пароходства по рѣкамъ Камѣ, Волгѣ и Окѣ, подъ названіемъ Камско-Волжскаго Пароходнаго Общества.

— На основаніи Высочайше утвержденаго 7-го іюля 1852 года мнѣнія Государственнаго Совѣта введено съ 1-го января 1853 г., въ видѣ опыта, на три года взаимное застрахованіе строеній въ казенныхъ селеніяхъ отъ пожаровъ, которое обязательно было лишь для домохозяевъ изъ государственныхъ крестьянъ всѣхъ наименованій; но какъ оно установлено въ замѣнъ существовавшаго прежде на пособія въ пожарныхъ случаяхъ сбора по 4 коп. съ души, въ платежъ котораго не участвовали водворенные на казенныхъ земляхъ еврей-земледѣльцы, то и самое застрахованіе на нихъ распространено не было. Нынѣ въ 7-й день іюня высочайше повелѣно: для преподаванія евреямъ-земледѣльцамъ возможности получать необходимыя въ пожарныхъ случаяхъ пособія, распространить Высочайше утвержденныя правила о взаимномъ застрахованіи строеній въ казенныхъ селеніяхъ отъ пожаровъ и на селенія евреевъ-земледѣльцевъ, съ тѣмъ, чтобъ страховые платежи, вносимые тѣми евреями, для упрощенія счетоводства, причисляемы были къ страховому капиталу государственныхъ крестьянъ и чтобъ самое застрахованіе было обязательно для

всѣхъ безъизъята евреевъ—земледѣльцевъ, также, какъ оно обязательно для всѣхъ государственныхъ крестьянъ. А какъ водворенные въ новороссійскихъ губерніяхъ еврей—земледѣльцы, не состоя въ вѣдомствѣ Палаты Государственныхъ Имуществъ, завѣдываются Попечительнымъ Комитетомъ объ иностранныхъ поселенцахъ южнаго края и зависящими отъ онаго особыми попечителями, то, соображаясь съ положеніемъ о порядкѣ водворенія евреевъ—земледѣльцевъ на казенныхъ земляхъ, въ—отношеніи сихъ евреевъ, въ правилахъ положенія о застрахованіи строеній въ казенныхъ селеніяхъ сдѣлать слѣдующія измѣненія: 1) Всѣ обязанности, возложенныя положеніемъ на Палаты и Окружныя Управленія Государственныхъ Имуществъ, отнести къ Попечительному Комитету иностранныхъ поселенцевъ южнаго края Россіи и къ мѣстнымъ попечительствамъ. 2) Общественныя строенія въ селеніяхъ евреевъ—земледѣльцевъ, при немѣнни, или недостаткѣ процентовъ съ мірскихъ капиталовъ, въ такомъ только случаѣ застраховывать на счетъ мірскаго сбора, когда не будетъ для того свободныхъ общественныхъ доходовъ, и 3) двухсемейные дома, устроиваемые для новыхъ поселенцевъ о двухъ половинкахъ на два семейства, принимать за два двора, доколѣ не сдѣлаются собственностью одного хозяина.

VII. Законы государственнаго благоустройства

— По положенію Кавказскаго Комитета Высочайше повелѣно: лицъ, владѣющихъ лавками въ городахъ сѣверовосточнаго берега Чернаго моря: Анапѣ, Новороссійскѣ и Сухум—Кале, незаписанныхъ въ мѣщанство, или въ гильдію, или въ одинъ изъ торговыхъ разрядовъ, или немѣющихъ по закону права вступать въ гильдію, освободить отъ вноса въ казну определенной ст. 310 т. XI Св. Уст. Торг. (прод. VI) платы за право владѣнія лавками, взыскивая съ нихъ только 10% съ этой платы въ доходъ города и не изъемя ихъ отъ всѣхъ прочихъ сборовъ, которые установлены, или впредь будутъ установлены съ недвижимыхъ имуществъ, находящихся въ означенныхъ городахъ. Лготу сію допустить, въ видѣ временной мѣры, до тѣхъ—поръ, пока будутъ дѣйствовать на сѣверовосточномъ берегу Чернаго моря разныя льготы и преимущества, жителямъ учрежденныхъ тамъ городовъ присвоенныя.

— Послѣдовало высочайшее повелѣніе: 1) Существующій въ Москвѣ Комитетъ снабженія войскъ сукнами закрыть и въ слѣдствіе того ст. 252—262 Уст. Промышл. (Св. Зак. Т. XI) отмѣнить. 2) Всѣ обязанности Комитета по снабженію армии и флота сукнами, подробно изложенныя въ правилахъ о поставкѣ суконъ и каразеи для армии и флота (прилож. къ ст. 263 Св. Зак. Т. XI Уст. Промышл. по IX Продол.), возложить на Департаментъ Мануфактуръ и Внутренней Торговли, и для сего усилить Департаментъ по дополнительному штату. 3) Назначенные вновь по сему штату 7708 руб. 17 коп., сверхъ отпускаемыхъ уже нынѣ по штату Департамента 514 р.

60 коп. на жалованье и 214 р. 43 к. на столовые секретарю, который переименовывается въ правителя канцеляріи, производить изъ суммъ Государственнаго Казначейства. 4) Съ возложеніемъ обязанностей означеннаго Комитета на Департаментъ Мануфактуръ и Внутренней Торговли, установить въ семь Департаментъ, въ замѣнъ ст. 406, 407 и 413 Учр. Минис. Св. Зак. Т I слѣдующее распределение дѣлъ: первый столъ Мануфактурнаго Отдѣленія 1) ведетъ подробныя вѣдомости о числѣ всѣхъ состоящихъ въ вѣдомствѣ Министерства Финансовъ частныхъ фабрикъ, мануфактуръ и заводовъ, и находящихся при нихъ рабочихъ людей; о количествѣ употребляемыхъ на оныхъ машинъ, инструментовъ и матеріаловъ, вырабатываемыхъ издѣлій и сбытъ оныхъ внутри и внѣ государства; 2) производить дѣла: по прошеніямъ объ учрежденіи вновь фабрикъ и мануфактурныхъ заведеній; объ утвержденіи клеймъ, о льготахъ и пособіяхъ фабрикантамъ; о поощреніяхъ фабрикантовъ; объ учрежденныхъ на особыхъ правахъ или такъ-называемыхъ посессионныхъ фабрикахъ, а также по прошеніямъ и жалобамъ посессионныхъ фабрикантовъ на крестьянъ и сихъ послѣднихъ на владѣльцевъ; о доставляемыхъ изъ Департамента Внѣшней Торговли иностранныхъ товарахъ для освидѣтельствованія качества ихъ и для примѣненія къ соотвѣтственнымъ статьямъ дѣйствующаго тарифа, дабы определить надлежащую пошлину; по указамъ Сената по предмету подобныхъ же дѣлъ, присылаемыхъ на заключеніе министра финансовъ; объ учрежденіи выставокъ; по завѣдыванію Санктпетербургскимъ Технологическимъ Институтомъ и учрежденными въ Санктпетербургѣ и Москвѣ Рисовальными Школами; по сношеніямъ съ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія о публичныхъ техническихъ лекціяхъ и реальныхъ отдѣленіяхъ; о губернскихъ механикахъ; по сношенію съ мѣстными начальствами о тельминской (близъ Иркутска) казенной суконной фабрикѣ. Предметы втораго стола Мануфактурнаго Отдѣленія: 1) Производство дѣлъ по сношеніямъ съ агентами и корреспондентами нашими въ чужихъ краяхъ по мануфактурной части, а также съ миссіями и консулами; объ учрежденіи обществъ и компаній для водворенія и усовершенствованія въ Россіи разныхъ отраслей промышленности; 2) завѣдываніе изданіемъ Журнала Мануфактуръ и Торговли и другихъ сего рода сочиненій; 3) составленіе проектовъ разныхъ общихъ постановленій, клонящихся къ споспѣшествованію и огражденію мануфактурной промышленности; 4) переписка всѣхъ бумагъ и производство дѣлъ учрежденнаго при Департаментѣ, для содѣйствія оному, Мануфактурнаго Совѣта, въ томъ числѣ производство по выдачѣ привилегій. Третій столъ Мануфактурнаго Отдѣленія имѣетъ предметомъ дѣла по заготовленію для арміи и флота суконъ, составленіе предварительныхъ по сей операціи сметъ и всѣ по оной сношенія. При Департаментѣ состоятъ Канцелярія и Архивъ на общемъ основаніи; 5) въ правилахъ о поставкѣ суконъ и каразен для арміи и флота (прилож. къ ст. 263 Св. Зак. т. XI Уст. Промышл. по IX продол.) сдѣлать слѣдующія измѣненія: а) въ пунктахъ 7, 8, 11, 14, 15, 17, 19, 20, 22, 23, 24, 34 и 43 название Коми-

тета замѣнить названіемъ Департамента Мануфактуръ; б) къ пункту 14-му, въ замѣнѣ содержащагося въ ст. 263 Уст. Промышл. т. XI узаконенія, по которому въ Комитетѣ снабженія войскъ сукнами присутствуетъ при торгахъ управляющій Московскою Коммиссаріатскою Коммиссіею, сказать: «при торгахъ въ Департаментѣ Мануфактуръ присутствуетъ также командированный со стороны Военнаго Министерства, по назначенію министра, особый чиновникъ, который подписываетъ и составляемые по сему предмету журналы», и в) пунктъ 21-й изложить такъ: «по утвержденіи сей вѣдомости министромъ финансовъ, Департаментъ о раскладкѣ окончательно извѣщаетъ поставщиковъ чрезъ вѣдомости обѣихъ столицъ и губернскаѣ, и приглашаетъ ихъ къ заключенію контрактовъ». б) Слѣдующую на содержаніе Комитета по штату онаго сумму производить по 1-е сентября 1854 года, а по дополнительному штату Департамента Мануфактуръ со дня утвержденія онаго. 7) Согласно съ Высочайшимъ повелѣніемъ, послѣдовавшимъ 12-го ноября 1851 года, по случаю сокращенія штатовъ по разнымъ вѣдомствамъ, предоставить министру финансовъ, имѣющихъ остаться за штатомъ чиновниковъ Комитета, размѣстить преимущественно предъ другими на соотвѣтственныя ваканціи, а до опредѣленія ихъ къ новымъ должностямъ, производить имъ въ теченіе двухъ лѣтъ, считая съ 1-го сентября 1854 года, если они не поступятъ на штатныя мѣста прежде, изъ казны пособіе, соразмѣрное половинѣ оклада жалованья, производившагося имъ по послѣдней должности. 8) Вслѣдствіе упраздненія Комитета измѣнить въкоторыя статьи Учреж. Минист. Св. Зак. т. I, относящіяся до состоящаго при ономъ Московскаго Отдѣленія Мануфактурнаго Совѣта, именно: въ ст. 416 исключить слова: «при Комитетѣ снабженія войскъ сукнами». Въ ст. 417 начало замѣнить слѣдующими словами: «Предсѣдатель Московскаго Отдѣленія Мануфактурнаго Совѣта назначается особыми Высочайшими повелѣніями по представленіямъ министра финансовъ». Ст. 418, 424 и 425 изложить такимъ образомъ: ст. 418. Дѣлами Мануфактурнаго Совѣта управляетъ начальникъ 1-го Отдѣленія Департамента Мануфактуръ и Внутренней Торговли, а въ Московскомъ Отдѣленіи секретарь онаго. Ст. 424. Переписка Совѣта и Московскаго Отдѣленія отправляется наравнѣ съ казенною, первая чрезъ Департаментъ Мануфактуръ, а вторая отъ Отдѣленія. Ст. 425. Совѣтъ и Отдѣленіе его собираются ежемѣсячно по два раза, а въ случаѣ нужды и чаще, въ комнатахъ Департамента и въ помѣщеніи, какое будетъ отведено для Отдѣленія.

— Въ дополненіе постановленій о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ (Св. Зак. т. XII) повелѣно изложить въ примѣчаніяхъ къ ст. 90 и 102 слѣдующія правила: *Примѣчаніе къ ст. 90*: 1) оставшимъ нижнимъ чинамъ, поступившимъ на службу изъ имѣній, купленныхъ въ казну, обращенныхъ въ казенное вѣдомство за долги и обязанныхъ платежами разнымъ учреждениямъ, или другимъ вѣдомствамъ, хотя бы сіи чины поступили на службу до передачи тѣхъ имѣній въ завѣдываніе Министерства Государственныхъ Имуществъ, дозволяется водворяться въ ихъ селеніяхъ особыми усадьбами, или

въ прежнихъ семействахъ, на основаніи положенія объ устройствѣ военныхъ нижнихъ чиновъ въ казенныхъ селеніяхъ, съ изъятіемъ изъ онаго только въ-отношеніи надѣленія участками для хлѣбопашества, которыми, если бы при селеніяхъ этихъ состояло и болѣе восьмидесятишной пропорціи, отставные нижніе чины могутъ пользоваться не иначе, какъ по условію или съ обществомъ, если вся земля предоставлена оному, или съ управленіемъ, если послѣднее сохранило въ распоряженіи своемъ часть земли для извлеченія особеннаго дохода, каковое ограниченіе остается однако же въ дѣйствиіи только до времени исполненія состоящихъ на этихъ имѣніяхъ долговъ и окончательнаго сравненія крестьянъ въ правахъ и обязанностяхъ съ государственными крестьянами, и 2) отставнымъ нижнимъ чинамъ, поступившимъ на службу изъ селеній, крестьяне которыхъ уволены въ государственные крестьяне, водворенные на собственныхъ земляхъ, не исключая отданныхъ въ рекруты прежде сего увольненія, дозволяется водворяться въ прежнихъ селеніяхъ особыми усадьбами не иначе, какъ съ согласіемъ общества, а въ прежнихъ семействахъ безпрепятственно, съ выдачею имъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, установленнаго означеннымъ положеніемъ вспомошествованія изъ вспомогательнаго капитала. *Примѣчаніе къ ст. 102.* Крестьяне всѣхъ имѣній, состоящихъ въ управленіи Министерства Государственныхъ Имуществъ на особомъ положеніи, не исключая и тѣхъ водворенныхъ на собственныхъ земляхъ, которые не исполнили обязанностей своихъ къ уволившимъ ихъ помѣщикамъ, обязаны участвовать наравнѣ съ крестьянами, живущими на казенныхъ земляхъ, въ составленіи вспомогательнаго капитала, кромѣ установленнаго однакожъ вноса денежныхъ платежей при переходѣ въ другое податное состояніе, который имъ не дозволяется до уплаты долговъ, или исполненія принятыхъ ими обязанностей.

— Высочайше повелѣно; 1) содержать въ Кіевской Фельдшерской Школѣ, сверхъ находящихся въ оной тридцати, еще пять воспитанниковъ, на-счетъ суммъ Кіевского Приказа Общественнаго Призрѣнія; и 2) на будущее время опредѣленіе числа воспитанниковъ, какъ въ кіевской, такъ и въ другихъ фельдшерскихъ школахъ, содержимыхъ на счетъ суммъ приказовъ, по мѣрѣ открывающейся надобности въ опытныхъ фельдшерахъ и сообразно съ средствами Приказовъ, предоставить Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, согласно Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта 1 ноября 1832 года.

— Повелѣно: установленныя въ пунктахъ 1 и 3 примѣчанія къ ст. 1082 т. XIV уст. о сод. подъ стражею, продолж. XVI, дополнительныя правила о переселеніи въ Сибирь за дурное поведеніе лицъ податнаго состоянія, по которымъ, въ случаѣ обоюднаго согласія мужа и жены на временную по семейнымъ обстоятельствамъ разлуку, оставляется на мѣстѣ жительства тотъ изъ супруговъ, который не приговоренъ къ ссылке въ Сибирь — распространить на удѣльныхъ крестьянъ и ихъ женъ.

VIII. ЗАКОНЫ УГОЛОВНЫЕ.

— По вопросу о порядкѣ свидѣтельствования въ лѣтахъ подсудимыхъ лицъ купеческаго и мѣщанскаго сословій въ С. Петербургѣ повелѣно ст. 1160 Зак. Уголов. (Св. Зак. Т. XV по продол. VI) дополнить слѣдующимъ примѣчаніемъ : въ С. Петербургѣ къ сему свидѣтельству, вмѣсто Городскаго Головы, приглашаются старшины тѣхъ городскихъ сословій, къ которымъ принадлежатъ подсудимые.

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ.

— *По жертвованіи гражданъ Ростова въ память совершившагося столтія обрѣтенію мощей св. Дмитрія митрополита ростовскаго.* Въ память совершившагося 21 сентября 1852 года, столтія обрѣтенію мощей святителя Дмитрія, Ростовское Городское Общество опредѣлило : 1) учредить въ Ростовѣ Домъ для призрѣнія 10 престарѣлыхъ и увѣчныхъ мѣстныхъ гражданъ и отставныхъ нижнихъ чиновъ, преимущественно изъ тамошнихъ же уроженцевъ, по равному числу тѣхъ и другихъ, съ присвоеніемъ этому заведенію наименованія, въ честь угодника Божія : «Ростовскаго Дома св. Дмитрія для призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ гражданъ». 2) Вѣтеченіе 10 лѣтъ взимать на устройство заведенія сборъ съ мѣстныхъ купцовъ : (1-й гильдіи по 15 р., 2-й по 10 р. и 3-ей по 1 р. 50 к. въ годъ съ каждаго капитала; съ мѣщанъ по 10 к. сер., съ ревизской души, по общественной раскладкѣ, а почетнымъ гражданамъ, въ гильдію незаписаннымъ, предоставить самимъ избирать, для платежа означеннаго сбора, разрядъ той или другой гильдіи, по произволенію. 3) Завести, за печатью Думы, книгу для принятія добровольныхъ приношеній въ пользу заведенія, дабы увеличить основной капиталъ на содержаніе его; и когда капиталъ будетъ достаточенъ на удовлетвореніе всѣхъ расходовъ, тогда открыть сказанное заведеніе. 4) Для помѣщенія его предоставить принадлежащій обществу каменный одноэтажный домъ. Независимо отъ сего, для устройства заведенія, составлена была гражданами добровольная подписка на 3131 р. 40 к., а нѣкоторые почетные граждане, кромѣ сдѣланнаго ими пожертвованія по подпискѣ, приняли на свой счетъ отстройку, назначеннаго по приговору общества, каменнаго одноэтажнаго дома, безъ увеличенія его въ пространствѣ, но со всѣми удобствами для помѣщенія въ немъ заведенія на 10 человекъ, первоначальное устройство постелей, одежды,

обуви, бѣлья, посуды и прочаго, что нужно, по примѣру подобныхъ заведеній, содержимыхъ на счетъ Приказа Общественнаго Призрѣнія.—Святѣйшей Синодъ не встрѣтилъ препятствія къ ознаменованію гражданами Ростова вѣковаго юбилея обрѣтенія мощей св. Дмитрія дѣломъ благотворенія, соотвѣтствующимъ памяти Святителя и чувству христіанскаго милосердія, а Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, съ своей стороны, разрѣшивъ принятіе означенныхъ пожертвованій и приведеніе въ дѣйствіе означенныхъ приговоровъ ростовскаго Общества, дало знать губернскому начальству, что учрежденіе въ Ростовѣ Дома Призрѣнія Престарѣлыхъ и Увѣчныхъ, за недостаткомъ въ настоящее время средствъ, слѣдуетъ, согласно съ мнѣніемъ общества, отложить до того времени, пока составится нужный для того капиталъ и городское общество изыщетъ способы къ обезпеченію прочнаго существованія этого заведенія (Ж. М. В. Д.).

— *Благотворительное пожертвованіе.* — Тотемскій купецъ Платонъ Фирсовъ духовнымъ завѣщаніемъ предоставилъ, между прочимъ, изъ оставшагося послѣ смерти его наличнаго капитала третью часть раздѣлить на 200 равныхъ долей и изъ низъ выдать: 1) Тотемскому Городскому Обществу 20 долей, съ тѣмъ, чтобъ проценты съ 10 изъ нихъ употребляемы были на платежъ податей за бѣднѣйшихъ мѣщанъ, а съ 10 другихъ долей — на содержаніе находящихся въ богадѣльнѣ, больницѣ, тюрьмѣ и на воспитаніе незаконнорожденныхъ дѣтей, или подкидышей, поровну (то-есть по 2½ доли) на каждый предметъ. 2) Крестьянамъ пригородныхъ деревень Тотемскаго Округа 10 долей, и проценты съ нихъ употреблять, по мірскому приговору, на вспомошествованіе немущимъ и бѣднѣйшимъ крестьянамъ. 3) Четыре доли на содержаніе лицъ, находящихся въ больницѣ и богадѣльнѣ Кяхты. 4) Положить на вѣчныя времена въ казенныя заведенія 78 долей, и проценты съ оныхъ выдавать въ назначенныя завѣщателемъ церкви и монастыри въ городахъ: Тотьмѣ, Иркутскѣ и Кяхтѣ. По смерти купца Фирсова, при засвидѣтельствovanіи завѣщанія, объявленъ былъ принадлежащій ему капиталъ на сумму 150,730 руб. 36¾ коп. сер. (Ж. М. В. Д.).

— *Торговля.* — Отпускная торговля въ Ростовѣ на Дону находится въ совершенномъ застоѣ; оборотовъ, кромѣ отправляемыхъ за границу нѣсколькихъ грузовъ льнянаго сѣмени и свѣчнаго сала, изъ прошлогоднихъ запасовъ, никакихъ не происходитъ. На русскую шерсть до-сихъ-поръ не состоялось ни одной сдѣлки, почему и цѣны на этотъ товаръ опредѣлить правильно невозможно; пшеница въ самыхъ низкихъ цѣнахъ: большія партіи остаются безъ покупателей. При одесскомъ портѣ отпускная торговля также почти совершенно прекратилась: въ-теченіе мая вся цѣнность отпуска за границу простиралась только до 64,930 руб. сер., въ томъ числѣ льнянаго сѣмени вывезено 2083 четв. и шерсти 3590 пуд. Судходство равнымъ образомъ почти прекратилось; прибыло въ маѣ изъ за границы всего 14, а отошло за границу 16 судовъ; всего же по одесскому порту въ приходѣ по 1-е іюня 314, а въ отходѣ 546 судовъ. Нѣсколько иностранныхъ

нейтральныхъ судовъ отправились изъ Одессы въ устье Днѣпра и въ Азовское Море для принятія тамъ грузовъ, преимущественно льнянаго сѣмени. Въ Бердянскѣ торговля идетъ понемногу и наиболѣе отправляется льнянаго сѣмени, а также сало скотское, кожи и шерсть-сырецъ. Иностранныхъ кораблей въ приходѣ было 20, а кромѣ того, нѣкоторые грузятся отсюда въ Керчи, черезъ карантинъ; ожидаютъ еще нѣсколько кораблей, для которыхъ ужь заготавливаются грузы. (Спб. В.).

— *Буря.* — 21 мая, около $\frac{1}{2}$ 3-го часа пополудни, пронеслась надъ Ярославлемъ съ сѣверозапада большая туча съ проливнымъ дождемъ и бурей, которая въ-теченіе минутъ двадцати немало надѣлала вреда, а еще болѣе перепугала. На многихъ домахъ вихремъ подняло желѣзные листы съ кровель, а на другихъ вовсе сорвало мѣстами крыши и далеко унесло ихъ со стропилами, выхватило оконныя рамы, перебило стекла, повалило заборы и садовыя рѣшетки, въ садахъ повывало деревья. Еще не приведенъ въ извѣстность весь вредъ, причиненный въ этотъ день бурей, а предполагается зла немало, особенно за городомъ на открытыхъ мѣстахъ. Туча, съ которою пронеслась эта буря, шла сперва съ югозапада по направленію къ сѣверу, подъ южнымъ вѣтромъ, и имѣла цвѣтъ синеватый; но, подойдя до половины западнаго небосклона, какъ-будто остановилась и боролась съ какою-то противодѣйствующею силою: слои облаковъ не двигались ни взадъ, ни впередъ, а только клубились и пѣнились на мѣстѣ, потомъ ужь вся масса двинулась къ востоку, на городъ, и вскорѣ понеслась съ необыкновенною быстротою; синеватость тучи измѣнилась въ бѣлый цвѣтъ, вѣтеръ ринулся съ сѣверо-запада, полился сильный дождь и отчасти градъ, но непродолжительный. Замѣчательна обстановка этой тучи: наканунѣ, въ два часа пополудни, была гроза, около полуночи другая, 21-го числа около 10-ти часовъ утра еще гроза, потомъ гроза въ полдень; во второмъ часу, съ югозапада же, пронеслась бѣловатая туча съ проливнымъ дождемъ и сильнымъ вѣтромъ, незадолго до бури, послѣ которой термометръ Реомюра показывалъ $+ 11^{\circ}$. Въ шесть часовъ вечера изъ-за югозападнаго горизонта показалась новая туча, которая скоро очутилась подъ самымъ городомъ, съ громомъ, молніей и такимъ ливнемъ, что въ четверть часа затопило улицы и площади. Послѣ этой грозы ртуть въ термометрѣ поднялась еще на одинъ градусъ. (Я. Г. В.).

— *Наводненія* — Оренбургской Губерніи, въ Стерлитамакѣ, въ ночи на 22-е апрѣля, разлившеюся рѣкою Стерлею затопило всю нижнюю городскую часть и Татарскую Слободу, такъ-что жители едва могли спастись, оставивъ въ домахъ скотъ и все имущество, водою смыло городской мостъ и снесло два соляные магазина, въ которыхъ хранились провіантъ инвалидной команды и вино. Столь же губельны были разливы рѣкъ Уя и Увальки, протекающихъ у Троицка и вскрывшихся 15 апрѣля; разливомъ первой изъ нихъ затопило строенія, принадлежащія Оренбургскому Линейному № 6 батальйону, 20 домовъ частныхъ владѣльцевъ и снесло двѣ торговыя бани, а 23-

го числа еще болѣе поднявшаяся вода залила въ нижнемъ этажѣ нѣсколько самотопенныхъ, кожевенныхъ и маслобойныхъ заводовъ. Количество убытковъ, понесенныхъ жителями отъ этого наводненія, въ точности еще не извѣстно. Въ Тобольской Губерніи, по случаю весенней прибыли водъ въ рѣкахъ Иртышѣ, Ваагѣ, Турѣ и Тоболѣ, произошли наводненія въ городахъ: Тобольскѣ, Тюменѣ, Курганѣ и Ялоторовскѣ, причемъ въ Тобольскѣ затопило до 500, въ Тюменѣ — до 800, въ Курганѣ до 250 домовъ и въ Ялоторовскѣ всю ближайшую къ рѣкѣ Тоболу улицу; кромѣ того, въ округахъ значительно испорчены по дорогамъ гати и снесены мосты. (Ж. М. В. Д.).

— *Пожары.* — Официальныя донесенія представляютъ за послѣднее время свѣдѣнія о 88-ми пожарныхъ случаяхъ, причинившихъ болѣею-частью огромныя потери; изъ нихъ 16 произошли въ городахъ и 72 въ селеніяхъ, а по времени 4 относятся къ марту, 64 были въ апрѣлѣ и 20-ть въ маѣ, умышленнымъ поджогомъ приписывается 5 пожаровъ, 3 произошли отъ молніи, а остальные 80-ть отъ разнаго рода неосторожностей съ огнемъ. Въ пламени погибли: двое мужчинъ, девять женщинъ и дѣвять дѣтей обоего пола, да отъ обжoga умеръ одинъ мужчина и одна женщина осталась въ безнадежномъ положеніи. Замѣчательнѣйшіе пожары по убыткамъ произошли въ Нижнемъ Новгородѣ, гдѣ сгорѣло 132 дома, въ томъ числѣ 10 каменныхъ, въ заштатномъ городѣ Бѣловодскѣ, Харьковской Губерніи, въ Чистополѣ, Казанской Губерніи, гдѣ жертвою пламени сдѣлалось до 300 домовъ, въ Канскѣ, Енисейской Губерніи, въ селѣ Ишѣевкѣ, Сибирскаго Уѣзда и въ селѣ Греблештахъ, Ораньскаго Уѣзда, Бессарабской Области. (Ж. М. В. Д.).

Но всѣхъ опустошительнѣе былъ пожаръ въ Самарѣ. Не прошло еще четырехъ лѣтъ послѣ большаго пожара, претерпѣннаго Самарою въ юнѣ 1850 года, какъ въ маѣ настоящаго года снова Богъ послалъ на этотъ городъ тяжкое и разорительное несчастье. 12-го числа въ 7 часовъ утра загорѣлся домъ мѣщанина Кукарина на Преображенской Улицѣ, недалеко отъ Волги. Какъ-скоро началась тревога, то полиція тотчасъ прибыла на мѣсто пожара, но огонь уже быстро и сильно успѣлъ разлиться по надворнымъ строеніямъ, тѣснымъ и почти сплошнымъ, при сильномъ и порывистомъ вѣтрѣ, имѣвшемъ направленіе вдоль Волги, отъ сѣвера на югъ. вмѣстѣ съ тѣмъ тысячи народа стеклись на пожаръ, но уже было поздно: огненный потокъ пожиралъ зданія по направленію вѣтра. Подъ вѣтромъ до конца квартала оставались 4 дома каменныхъ и 1 деревянный, но и тѣ отъ тѣсноты надворныхъ при нихъ строеній не могли быть спасены. Тщетны были усилія полиціи и народа спасать зданія въ прямой линіи по направленію огня и на улицахъ Преображенской и Набережной; потому начали отставать другую лѣвую сторону Преображенской Улицы, чтобъ пересѣчь путь огню во внутрь города. Между-тѣмъ огонь по направленію вѣтра уже близился къ концу квартала, гдѣ пытались остановить разрушительную силу его, но напрасны были всѣ усилія: пламя перешло на другой кварталъ, застроенный тоже

лучшими въ городѣ и все двуэтажными домами. Очевидно было, что и этотъ кварталъ скоро сдѣлается жертвою огня; оставалось опять спасти лѣвую сторону улицы, и хотя отъ чрезвычайнаго жара на ней загорались дома, но ихъ съ большимъ усиліемъ спасли. Въ концѣ горѣвшаго квартала стоялъ завѣтный для Самары храмъ Успенія Божіей Матери, съ придѣломъ во имя святителя митрополита Алексія, нѣкогда предсказавшаго блистательную участь Самары и особенно—чтимаго самарцами. Употреблены были всѣ усилія спасти храмъ Божій, но не могли спасти; успѣли только вынести все изъ храма и даже снять заблаговременно малые колокола; изъ трехъ же большихъ, два, поіельный и будничный повисли на желѣзныхъ полосахъ, а самый большой, пробивъ два деревянные пола верхнихъ ярусовъ, а въ нижнемъ каменный сводъ, упалъ, невредимый, на мусоръ. Когда погибалъ второй кварталъ, полиція съ народомъ опять хотѣла отстоять слѣдующій; но, къ—несчастью, въ одномъ домѣ, обреченномъ въ жертву огня, были 4 бочки смолы, которыя усилили огонь и онъ перелетѣлъ за линію защиты, въ 3 кварталъ; загорѣлись новые дома, выстроенные послѣ пожара 1850 г. Не болѣе, какъ въ часть, не стало третьяго квартала; четвертый почти было отстояли; но вдругъ за лицевую линію его вспыхнулъ сѣноваль и огонь, при усилившемся вѣтрѣ, снова разыгрался, бѣжа по зданіямъ. Тутъ же не могли отстоять и параллельнаго съ нимъ квартала, и загорѣлись вдругъ два квартала, составлявшіе красу города. Изъ пламени летѣли по вѣтру горящія головни, доски, лубя и рогожи и, перелетая черезъ хлѣбную Казанскую Площадь, зажгли за рѣкою Самарою облитую полою водой слободку. Тотчасъ посланы были туда лодки и досчаники спасать людей. Окончаніе пожара представляло ужасно—поразительную картину: вѣтеръ кружилъ вихрями; изъ оконъ и дверей домовъ исходили длинныя струи пламени и змѣнились въ разныя стороны; на площади кипѣли столбы пыли, летали горящія головни, кули и рогожи. Народъ ринулся бѣжать съ площади и спасался, кто гдѣ могъ; но тутъ суждено было кончиться ярости огня. Никто не думалъ, чтобъ церкви Казанская и Спаса Преображенія, за первой кварталъ домовъ и амбары хлѣбные на берегу Самары и Волги, могли уцѣлѣть; сверхъ всякаго чаянія, онѣ остались невредимы, тѣмъ болѣе, что къ спасенію всѣхъ этихъ зданій уже не было употреблено большихъ усилій; потому—что народъ и пожарная команда выбились изъ силъ, сражаясь съ огнемъ почти цѣлый день безъ отдыха и пищи. Съ окончаніемъ дальнѣйшаго движенія огня вѣтеръ сталъ дуть слабѣе; постигнутые пожаромъ дома и строенія догорали и дымились болѣе сутокъ. Пожарная команда гасила огонь изъ трубъ; въ помощь ей наряжены были городскіе обыватели; 14 мая исчезли признаки огня; только во всемъ городѣ долго былъ чувствителенъ сильный запахъ отъ сгорѣвшихъ зданій, хлѣба и другихъ веществъ. 15 числа пожарище пяти лучшихъ погибшихъ кварталовъ представило изъ себя самую печальную и горестную картину: тамъ, гдѣ за три дня высидели красивыя зданія, стояли обгорѣвшія стѣны, или однѣ печи съ трубами, или чистыя подернутыя пепломъ площади, и среди ихъ толпились уни-

лыя лица гражданъ, собиравшихъ остатки обгорѣвшихъ строительныхъ матеріаловъ, товаровъ и разныхъ вещей. Въ настоящій пожаръ въ городѣ сгорѣло каменныхъ домовъ 55, полукаменныхъ 15, деревянныхъ 80, за рѣкою Самарою 9 деревянныхъ и 4 завода салотенныхъ. Изъ нихъ застрахованы были : въ 1 Страховомъ отъ огня Обществѣ 18 домовъ, на сумму около 48 т. р. сер., и во 2 Обществѣ 20, на сумму около 70 т. р. сер. (С. Г. В.)

ОБЪЯСНЕНИЕ ПЛАНА КРИСТАЛЬНОГО ДВОРЦА ВЪ СЕЙДЕНГЭМЪ.

1, 1. Входы.

2, 2. Комнаты для мужчинъ

3, 3. Комнаты для дамъ

4, 4. Комнаты для умыванія рукъ

} Здѣсь, какъ и въ NN 23 постоянно находится прислуга, надзиратели и надзирательницы за нею и лица для исполненія требованій посетителей.

5, 5, 5, 5, 5,..... Лѣстницы, ведущія на верхнія галереи.

Южная половпна.

6. Отдѣленіе естественной исторіи Новаго Свѣта.

Входы и передніе фасады этого и всѣхъ другихъ отдѣленій и палатъ уставлены растеніями, цвѣтами, деревьями и статуями. Группы этихъ украшеній означены точками на планѣ, когда занимаютъ широкое пространство, напр. передъ NN 11, 12, 13, 31 и проч. Ряды маленькихъ точекъ, идущіе по всему зданію — чугунныя колонны, поддерживающія кровлю и галереи.

7. Отдѣленіе естественной исторіи Стараго Свѣта.

8, 8. Лѣстницы, ведущія къ станціи желѣзной дороги.

9, 9, 9, 9..... Открытые коридоры, или наружныя галереи, выходящія на садовую террасу.

10. Помпейскій домъ.

NB. Между №№ 5, 5, 1, 9, 10 и 18 трансейтъ южной половины дворца.

NB. NB. Продолговатая очертанія, идущія по срединѣ обокъ боковыхъ трансептовъ и занимающія средину оконечностей дворца между №№ 5, 7, 10, 18 на южной половинѣ и №№ 36, 43, 43, 43, 38, и 42 на сѣверной половинѣ — фонтаны, окруженные группами статуй, деревьевъ и т. п.

11. Шеффилдская палата.

12. Бирмингэмская палата.

13. Палата писчей бумаги и письменныхъ принадлежностей.

14 и 15. Отдѣленіе минеральныхъ издѣлій.

16. и 17. Палата мѣбели.

18. Палата музыкальныхъ инструментовъ.

19. Манчестерская палата бумажныхъ и другихъ мануфактурныхъ издѣлій.
20. Вторая палата мануфактурныхъ издѣлій.
21. Палата иностранныхъ издѣлій.
22. Портретная галерея.

СРЕДНІЙ ТРАНСЕПТЪ.

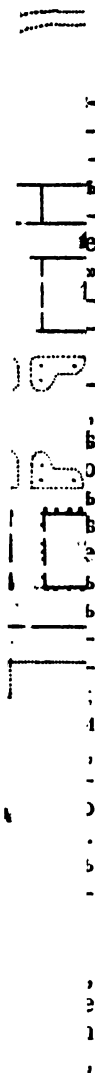
- 23, 23. Комнаты для прислуги.
24. Главный входъ.
- 25, 25. Бюро дворцоваго управленія.
26. Отдѣленіе англійской и германской скульптуры.
27. Отдѣленіе греческой и римской скульптуры.
28. Отдѣленіе французской и итальянской скульптуры.
29. Отдѣленіе скульптуры среднихъ вѣковъ и эпохи возрожденія.
Четыре большія точки, образующія квадратъ въ самой среднѣй площади главнаго трансепта — четыре колоссальныя статуи : группа фариезскаго Геркулеса, статуи Рубенса, адмирала Дюкена и Роберта Пиля.

СЪВЕРНАЯ ПОЛОВИНА.

- 30, 30. Галерея, ведущая къ палатамъ.
31. Египетская палата.
- 32, 32. Греческія палаты.
- 33, 33. Римскія палаты.
34. Альгамбрскія палаты. 35, 35, 35. Зала правосудія. 36, 36 Львиная палата.
37. Ниневійская палата. 38, 38. Быки, стоящіе передъ нею.
39. Итальянская палата.
40. Палата эпохи возрожденія.
41. Палата среднихъ вѣковъ.
42. Византійская палата.
- 43, 43, 43, 43. Сфинксы.
- 44, 44, 44. Королевскія апартаменты. 45. Покои королевы.

obv. br.

==

—
14
11

4
4
4
4
4

НОВОСТИ

ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВЪ, НАУКЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ (*).

Прилагая къ этой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» *Планъ Кристалльнаго Дворца и садовъ въ Сейденгамъ*, мы обязываемся тѣмъ самымъ представить читателямъ по возможности полное обзорнiе замѣчательнаго зданiя, о которомъ не можетъ безъ увлеченiя говорить ни одинъ изъ десятковъ тысячъ людей, присутствовавшихъ при торжествѣ его открытiя, и сотенъ тысячъ посѣтившихъ его въ теченiе нѣсколькихъ слѣдующихъ недѣль. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» не разъ ужъ говорилось о происхожденiи, планѣ и назначенiи Сейденгамскаго Кристалльнаго Дворца. Напомнимъ кратко эти прежнiя извѣстiя.

Всеобщiй восторгъ, возбужденный Кристалльнымъ Дворцомъ лондонской всемирной выставки, возбудилъ въ его основателяхъ надежду, что правительство, которое отвело для нея мѣсто въ Гайд-Паркѣ только съ условiемъ, что зданiе будетъ временное и будетъ сломано по закрытiи выставки, согласится измѣнить свое рѣшенiе и позволить оставить навсегда Кристалльный Дворецъ на прежнемъ мѣстѣ. вмѣстѣ съ основателями почти вся англiйская публика надѣялась этого. Уже составлены были предположенiя обратить Кристалльный Дворецъ въ садъ; но парламентъ не могъ согласиться на просьбу директоровъ и желанiе общества: рѣшено было сломать дворецъ, сохраненiе котораго отняло бы у лондонскихъ жителей ихъ лучшее гулянье. Сожалѣнiе о погибелн, предстоящей чудному зданiю, было всеобщее; оно доходило до забавной жолчности: ревностные поклонники дворца громко осуждали парламентъ; газеты наполнялись статьями, убѣждавшими англiйскiй народъ «спасти отечество отъ позора, который покроетъ его разрушенiе Кристалльнаго Дворца, служащаго «воспоминанiемъ о столь великомъ событiи, какъ всемирная выставка». Пользуясь расположенiемъ умовъ, Пакстонъ, знаменитый строитель дворца, предложилъ нѣсколькимъ капиталистамъ купить зданiе у преж-

(* Составлено по журналамъ: *Revue des Deux Mondes*, *Revue de Paris*, *Revue Britannique*, *Revue Contemporaine*, *Edinburgh Review*, *Bibliothèque de Genève*, *Illustration*, *Illustrated London News*, *Illustrierte Zeitung*, *Magazin für die Litteratur des Auslandes*, *Das Ausland*, *Erheiterungen*, *Athenaeum*, *Novellen-Zeitung*, *Institut*, *Indépendance Belge*, *Journal des Débats*.

нихъ владѣльцевъ и перенести его куда-нибудь въ окрестности Лондона (въ городѣ не нашлось бы мѣста для такой огромной постройки). Онъ совѣтовалъ имъ обратиться перестроенный дворецъ въ музей искусство, естественныхъ наукъ и исторіи; по его соображеніямъ, предлагаемая имъ громадная спекуляція должна была найти достаточную поддержку въ публикѣ; онъ успѣлъ убѣдить и капиталистовъ. 17-го мая 1852 года составилась «Компанія Кристальнаго Дворца», подъ предѣтельствомъ президента брайтонской желѣзной дороги, Семюэла Лэнга (Laing), и въ нѣсколько дней былъ собранъ нужный по сметѣ капиталъ въ 1,000,000 фунтовъ стерлинговъ (около 6,000,000 руб. сер.). Подробный проектъ задуманнаго Пакстономъ предпріятія, обработанный адвокатомъ Личемъ (Leech) и потомъ просмотрѣнный Фоллеромъ (Fuller), нынѣшнимъ директоромъ Сейденгэмскаго Дворца, былъ утвержденъ компаніею; дворецъ купили за 78,000 фунт. стерлинговъ (450,000 руб. сер.). Пакстонъ отыскалъ для новаго учрежденія удобное мѣсто по брайтонской дорогѣ, верстахъ въ десяти на югъ отъ Лондона, близъ сейденгэмской станціи. 5-го августа 1852 года происходила закладка зданія, и менѣе нежели въ два года работы были окончены на столько, что 10-го іюня 1854 года новый дворецъ былъ открытъ королевою при стеченіи 40,000 зрителей.

Сейденгэмскій Музей признаетъ себя сыномъ всемірной выставки 1851 года; и дѣйствительно, даже въ порядкѣ работъ было нѣчто напоминающее всемірную выстарку: строителями руководило убѣжденіе, что пересозидаемый дворецъ долженъ сохранить свой первобытный характеръ—служить соединеніемъ всего, что только можетъ быть найдено превосходнѣйшаго въ искусствѣ всѣхъ народовъ, и что этого можно достигнуть только приравной помощи англійскихъ и иностранныхъ артистовъ. Отпечатокъ этой мысли былъ видѣнъ и на матеріальной сторонѣ труда: французскіе, итальянскіе, нѣмецкіе художники и отличнѣйшіе мастеровые работали вмѣстѣ съ англійскими надъ построеніемъ и украшеніемъ новаго музея; иностранныхъ рабочихъ было даже болѣе, нежели англійскихъ; на подмосткахъ и лѣстницахъ равно раздавались французская *chanson*, итальянская арія, нѣмецкая пѣсня, англійская пѣсня. Даже грубая исполнительная часть труда должна была, по убѣжденію директоровъ, соответствовать эстетическому назначенію дворца: не шадя издержекъ, они только искуснымъ мастерамъ поручали исполненіе тѣхъ декоративныхъ работъ, раскрашиванья и рѣзбы, которыя обыкновенно исполняются простыми малярами и плотниками. И дѣйствительно, перестроенный дворецъ вышелъ чудомъ искусства, красоты и великолѣпія; онъ на столько же изычнѣе, роскошнѣе прежняго Гайд-паркскаго Дворца, на сколько Гайд-парксскій Дворецъ былъ выше самыхъ восторженныхъ ожиданій. Говоря это, мы повторяемъ похвалы не однѣхъ только англійскихъ газетъ: ихъ восхищеніе вполне разделяли французскія газеты; нѣмецкія газеты говорятъ о «чудномъ дворцѣ» тономъ еще болѣе увлекательнымъ, нежели даже англійскія. И съ какою недовѣрчивостію ни начали бы мы читать эти сотни восторженныхъ статей, неволью при-

демъ къ убѣжденію, что всеобщее увлеченіе чистосердечно и основательно. Чѣмъ болѣе читаешь о новомъ дворцѣ, тѣмъ болѣе убѣждаешься въ этомъ: и единодушіе восторга, и тысячи подробностей, и виды разныхъ частей дворца, наполняющіе теперь иллюстрированные журналы—все показываетъ, что новый Кристалльный Дворецъ въ Сейденгэмѣ—нѣчто необыкновенно-великолѣпное, изящное, ослѣпительное.

За удачное исполненіе ручались директорамъ и публикѣ имена людей, которымъ компанія поручила управленіе работами: болѣею частью это были люди, уже удостоившіеся всеобщихъ похвалъ за постройку прежняго Кристалльнаго Дворца въ Гайд-Паркѣ. Сэръ Джозефъ Пакстонъ, архитекторъ прежняго дворца, управляетъ въ Сейденгэмѣ работами по саду, парку, оранжереямъ и всему растительному отдѣленію, завѣдуя также общимъ постройкѣю самаго зданія; подрядчикамъ, выстроившимъ прежній дворецъ, Фоксу, Гендерсону и К^о поручена была и перестройка дворца въ Сейденгэмѣ; устройство художественныхъ отдѣленій и вся эстетическая сторона постройки поручена также ученымъ архитекторамъ, завѣдывавшимъ этою частью на всемірной выставкѣ—Ону Джонсу (Owen Jones), Дигби Уйэтту (Digby Wyatt) и Чарльзу Уильду: первые два поровну раздѣлили между собою историко-артистическія «палаты» дворца, послѣдній управляетъ инженерными работами. Юридическія дѣла и всѣ формальности были подъ надзоромъ того адвокатскаго дома, одинъ изъ членовъ котораго, Личъ, написалъ подробный проектъ новаго дворца. Директоромъ дворца по приему публики, хозяйству, завѣдыванію прислугою, послѣ открытія музея, назначенъ Фоллеръ, окончательно просматривавшій проектъ Лича.

Перенесенный въ Сейденгэмъ Кристалльный Дворецъ стоитъ на хребтѣ ряда высокихъ холмовъ, идущихъ съ сѣвера на югъ параллельно брайтонской желѣзной дорогѣ; теперь къ дорогѣ выходитъ одно изъ крыльевъ зданія; скоро будетъ проведена другая особенная дорога прямо въ садъ, на который выходитъ главный фасъ дворца. Сообразно мѣстности, и зданіе дворца своею длиною стоитъ съ юга на сѣверъ. Отлогость возвышенія довольно-крута; поэтому съ одного изъ двухъ длинныхъ фасовъ, обращеннаго подъ-гору, понадобилось сдѣлать высокій каменный фундаментъ, образуемый рядомъ колоннъ. Фундаментомъ воспользовались дѣятого, чтобъ сдѣлать въ немъ очень-высокій подвальный этажъ, называющійся теперь «Пакстоновымъ Тоннелемъ»; онъ идетъ во всю длину зданія, и въ немъ помѣщается громадный паровой аппаратъ для нагрѣванія всего зданія въ холодное время. Объ огромности снаряда можно судить изъ того, что длина всѣхъ теплопроводныхъ трубъ въ-сложности составляетъ 50 миль (75 верстъ); кромѣ-того, чрезвычайно-обширное помѣщеніе осталось въ тоннелѣ для выставки разнаго рода тяжелыхъ машинъ, которыя должны представляться публикѣ постоянно въ полномъ дѣйствіи. Поставить ихъ вверху, значило бы слишкомъ обременить полъ зданія; кромѣ-того, ихъ шумъ беспокоилъ бы посѣтителей. Тутъ же стоятъ усовершенствованныя земледѣльскія орудія всѣхъ родовъ.

Отъ оконечностей главнаго зданія идутъ перпендикулярно ему два узкія крыла, охватывающія лежащую передъ дворцомъ садовую террасу. Каждое крыло длиною въ 576 футовъ (82 сажени) и оканчивается башнею въ 230 футовъ (33 сажени) высоты; наверху каждой башни устроенъ громаднѣйшій водоемъ, содержащій около 2,000 бочекъ; изъ этихъ резервуаровъ вода, въ случаѣ надобности, можетъ быть мгновенно устремлена во всякій данный пунктъ зданія; съ верхней галереи башенъ видѣнъ весь Лондонъ и цвѣтущіе сады, поля и луга живописно-возволнованныхъ возвышеніями, усѣянныхъ деревьями и дачами окрестностей на пятнадцать, или двадцать верстъ. Сѣверное крыло предназначено для частныхъ выставокъ и, кромѣ-того, въ немъ находятся апартаменты королевы; южное крыло—крытая галерея, ведущая отъ желѣзной дороги во дворецъ. Переходимъ теперь къ описанію дворца.

Планъ его нѣсколько измѣненъ при перенесеніи. Во дворецѣ всемірной выставки былъ замѣченъ одинъ архитектурный недостатокъ: онъ былъ непропорціально-низокъ сравнительно съ своею длиною. Теперь эта несоразмѣрность исчезла: длина зданія уменьшена при перестройкѣ на 240 футовъ, высота увеличена 44-мя футами, такъ что главный центральный трансептъ Гайд-паркскаго Дворца сдѣланъ въ Сейденгэмскомъ только однимъ изъ двухъ трансептовъ, совершенно-подавляемыхъ новымъ главнымъ трансептомъ. Общій видъ новаго зданія гораздо-стройнѣе, нежели видъ прежняго; кромѣ-того, измѣненіе назначенія дворца повлекло за собою измѣненіе стили его постройки. Гайд-Парксій Дворецъ, сообразно своему зданію разсчитливому назначенію — служить пантеономъ всемірной промышленности, былъ построенъ въ суровомъ дорическомъ стилѣ, чуждающемся всякихъ украшеній; Сейденгэмскій Дворецъ, служа музеемъ искусствъ, построенъ въ стилѣ роскошнаго коринтскаго ордена и покрытъ изящными орнаментами. Возвышенное мѣстоположеніе дворца также производитъ чрезвычайно-выгодный эффектъ; особенно поразителенъ его видъ издали: синеватый оттѣнокъ стекла сливается съ цвѣтомъ неба и дворецъ представляется волшебнымъ полувоздушнымъ замкомъ. Длина дворца 1608 футовъ (230 сажень); въ среднемъ трансептѣ (трансептами называются части зданія, гдѣ кровля возвышается идущую поперекъ зданія аркою и, сообразно тому, расширяется выходящими съ обѣихъ сторонъ уступами) широта зданія 384 фута (55 сажень), въ другихъ частяхъ нѣсколько менѣе, отъ 40 до 50 сажень. Дворецъ въ 40 разъ больше величайшей въ Англій залы, Вестминстерской Залы; въ четыре раза болѣе громаднѣйшаго зданія въ Англій, лондонскаго храма Св. Павла. Чтобъ дать понятіе о громадности новаго Кристалльнаго Дворца петербургскимъ жителямъ, сравнимъ его съ Пассажемъ. Ширина Сейденгэмскаго Дворца почти равняется длинѣ нашего Пассажа; длина соразмѣрна этой страшной широтѣ. Тридцать или сорокъ пассажей едва равнялись бы Кристалльному Дворцу. Онъ, вмѣстѣ съ крыльями, занимаетъ своимъ фундаментомъ площадь въ 600,000 квадр. футовъ (болѣе 5 десятинъ; зданіе, приготовляемое для парижской всемірной выставки, занимаетъ

вдвое меньшее пространство); стекломъ, употребленнымъ на стѣны и кровлю его, можно было бы устлать пространство въ 25 экровъ (около 10 десятинъ); еслибъ всѣ эти стекла положить въ одинъ рядъ, они составили бы линію въ 375 верстъ. Общая высота зданія, (не считая фундамента, 110 футовъ (16 сажень); въ трансептахъ она увеличивается), и вершина арки средняго трансепта 176 футовъ (25 сажень) отъ полу и 200 футовъ (28½ сажень) отъ земли. Поперечникъ арки средняго трансепта 120 футовъ (17 сажень), то-есть тремя сажнями болѣе діаметра купола храма Св. Петра въ Римѣ.

Весь объемъ зданія, по увеличеніи высоты его, кажется гораздо-громднѣе Гайд-Паркскаго Дворца, такъ-что описывающіе его французы, съ наивною своею наклонностью къ преувеличенію, восклицаютъ: Гайд-Парксій Дворецъ былъ маленькій домикъ въ-сравненіи съ новымъ зданіемъ! Дѣйствительно, впрочемъ, фасадъ перестроеннаго дворца сталъ почти наполовину болѣе прежняго.

Вдоль стѣнъ идутъ вокругъ всего зданія двѣ галереи; нижняя шириною въ 24 фута (3½ сажени), верхняя въ 8 футовъ (слишкомъ сажень). Въ боковыхъ и среднемъ трансептахъ идетъ надъ ними третья галерея, ширины одинаковой со второю. Въ центральномъ трансептѣ идутъ выше этой галереи еще двѣ, такъ-что въ этомъ мѣстѣ дворецъ опоясывается пятью идущими одна надъ другой галереями; самая верхняя идетъ въ 130 футахъ (18½ саженьяхъ) отъ полу, и длинныя стороны продолговатаго четырехугольника, ея опоясываемаго, сообщаются одна съ другою двумя висячими мостами.

Дворецъ открытъ, но еще не всѣ его отдѣленія получили свой окончательный видъ. Такъ залы южнаго конца, предназначенныя для постоянной выставки мануфактурныхъ произведеній, не всѣ еще заняты товарами; группировка статуй подвергнется новымъ преобразованіямъ; машины, которыя должны стоять въ тоннелѣ, еще не привезены; зоологическія коллекціи еще не всѣ готовы; сады вполнѣ распланированы и насажены, но деревья еще слишкомъ-молоды, такъ-что полного великолѣпія достигнуть они только черезъ нѣсколько лѣтъ. Но главное совершенно готово — само великолѣпное зданіе, которое мы описали, историко-архитектурныя палаты, великолѣпныя коллекціи статуй и тропическихъ деревьевъ, группами которыхъ усяно все зданіе; и новый Кристалльный Дворецъ, если будетъ еще во многихъ частяхъ пополненъ, то въ цѣломъ ужь представляется публикѣ тѣмъ, чѣмъ долженъ быть по мысли основателей. Скажемъ же нѣсколько словъ о томъ, что именно хотѣли — и успѣли — сдѣлать изъ него Пакстонъ и общество капиталистовъ и художниковъ, приведшихъ въ исполненіе проектъ изобрѣтателя; и потомъ постараемся какъ возможно короче, чтобъ не написать, вмѣсто нѣсколькихъ страницъ, нѣсколькихъ десятковъ листовъ, рассказать, чѣмъ теперь привлекаетъ и восхищаетъ Кристалльный Дворецъ десятки тысячъ своихъ ежедневныхъ посѣтителей.

Изученіе нагляднымъ образомъ чрезвычайно-успѣшно, легко и съ тѣмъ вмѣстѣ привлекательно — вотъ основная мысль, породившая дворецъ. Среднее сословіе въ Англіи далеко не имѣетъ такого образова-

нiя, чтобъ любить и понимать науку въ какихъ—нибудь монографiяхъ, со всѣми ихъ подробностями. Насколько зрѣлище самаго предмета поучительнѣе и интереснѣе, нежели его описанiе, насколько природа и произведенiя искусства прекраснѣе и увлекательнѣе руководствъ и блѣдныхъ разсказовъ, на столько музей, который нагляднымъ образомъ будетъ знакомить съ исторiею, естественными науками, произведенiями древняго и новаго искусства, нравами и образомъ жизни древнихъ и отдаленныхъ народовъ, будетъ для огромнаго большинства привлекательнѣе всѣхъ книгъ объ искусствѣ, исторiи, этнографiи, ботаникѣ, зоологiи. Какъ бы ни были громадны издержки, необходимыя для такого музея, стеченiе публики поддержитъ это предпрiятiе, вознаградитъ съ избыткомъ за всѣ расходы, лишь—бы только совершенство исполненiя удовлетворяло требованiямъ любопытства и доставляло удовольствiе посѣтителамъ. Таковы были коммерческiе расчеты, которыми Пакстонъ, при помощи Лича, убѣдилъ капиталистовъ затратить огромныя суммы для осуществленiя его прекрасной мысли, и, какъ мы увидимъ ниже, расчеты не обманули капиталистовъ. Но въ предпрiятiи, задуманномъ Пакстономъ, есть, кромѣ коммерческой, и другая сторона.

Сейденгэмскiй Кристалльнiй Дворецъ долженъ знакомить посѣтителей своихъ съ исторiею, искусствами и образомъ жизни древнихъ народовъ и европейской старины своими историко—архитектурными копиями древнихъ и старинныхъ зданiй, со всѣми ихъ украшенiями, свидѣтельствующими о нравахъ и характерѣ образованности людей, воздвигнувшихъ эти зданiя; онъ долженъ своими портретами и бюстами представить посѣтителамъ замѣчательныя историческiя лица; онъ долженъ представить имъ копии со всѣхъ великихъ произведенiй скульптуры, и на сколько то возможно, живописи; знакомить ихъ съ образомъ жизни и нравами отдаленныхъ народовъ этнографическими коллекцiями, въ которыхъ всѣ племена являлись бы въ характеристическихъ сценахъ своей жизни; знакомить съ промышленностью и произведенiями новѣйшей образованности постоянными выставками и огромными магазинами; знакомить съ приложенiями науки къ жизни коллекцiею машинъ всѣхъ родовъ; съ зоологiею — коллекцiями животныхъ, представленныхъ въ характеристическихъ группахъ; съ ботаникою — живыми растениями южныхъ странъ и Новаго Свѣта; возстановить допотопныхъ животныхъ и представить геологическiя коллекцiи такъ, чтобъ посѣтителы нагляднымъ образомъ узнали исторiю земнаго шара; наконецъ, своими фонтанами, оранжереями, статуями, своимъ архитектурнымъ великолѣпiемъ и разнообразiемъ содержанiя, своими садами онъ долженъ быть для всѣхъ лучшимъ, привлекательнѣйшимъ мѣстомъ отдыха и развлеченiя.

Не все это готово, какъ мы сказали, но все будетъ готово черезъ нѣсколько недѣль, мѣсяцовъ; черезъ два, три года разрастутся и великолѣпные сады. Взглянемъ на то, что уже совершенно—готово и приняло свой окончательный видъ.

Сейденгэмскiй дворецъ раздѣляется на три главныя части: огромный четырехугольникъ центрального транспта — главное средоточiе

коллекцій скульптуры; онѣ размѣщаются по четыремъ угламъ; средняя трансепта оставлена свободно для прогулокъ и для того, чтобъ однимъ взглядомъ можно было посетителю окинуть все зданіе; на южной половинѣ — палаты произведеній промышленности и искусствъ, портретная галерея, и, на концѣ крыла, помпейскій домъ, и коллекція естественной исторіи Старога и Новаго Свѣта; сѣверная половина вся занята знаменитыми архитектурными дворцами, залами или палатами (Courts). И на южной и на сѣверной половинѣ различныя отдѣленія дворца идутъ въ два ряда вдоль стѣнъ, оставляя средину свободною, такъ-что она представляетъ по ту и другую сторону главнаго трансепта непрерывныя галереи почти въ 100 сажень длины, установленныя роскошными группами цвѣтовъ и деревьевъ; въ концѣ той и другой галереи фонтаны, съ огромными мраморными бассейнами овальной формы; въ бассейнахъ разстилаютъ свои огромныя листья водныя растенія; вокругъ бассейновъ, какъ и повсюду, группы деревьевъ и куртины цвѣтовъ.

Начинаемъ свое обозрѣніе сѣверною половиною. По лѣвой сторонѣ ея отъ главнаго трансепта идетъ рядъ египетскихъ, греческихъ, римскихъ, мавританскихъ палатъ; въ концѣ галерея сѣннковъ, за нею ассирійская или ниневійская палата. Весь этотъ рядъ построенъ Ономъ Джонсомъ. По правой рукѣ отъ средняго трансепта идетъ рядъ византійскихъ и средневѣковыхъ палатъ, палаты эпохи возрожденія и итальянская палата. Этотъ рядъ построенъ Дигби Уйэттомъ.

Идемъ сначала по лѣвому ряду палатъ, начиная отъ ближайшей къ среднему трансепту, египетской.

Египетская палата состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ частей, какъ и многія другія палаты; это было слѣдствіемъ желанія представить образцы всѣхъ главныхъ стилей, чрезъ которые прошло египетское искусство; выборъ былъ сдѣланъ такъ удачно, что люди, путешествовавшіе по Египту, остаются имъ совершенно-довольны; нѣкоторые даже восклицаютъ, что, проѣздивъ годъ по разнымъ частямъ страны фараоновъ, едва-ли составишь себѣ такое отчетливое понятіе о различныхъ періодахъ египетскаго искусства, какое даетъ одинъ взглядъ на египетскія палаты Сейдентэмскаго Дворца. Гипербола эта становится правдоподобною, когда подумаемъ, что памятники различныхъ періодовъ египетскаго искусства, раздѣленные недѣльными плаваніемъ по Нилу, здѣсь соединены въ одно, и противоположность ихъ ярче выставляетъ на видъ характеристическія особенности каждаго стиля.

Вдоль одной стѣны главнаго отдѣленія этихъ палатъ поставлены восемь колоссальныхъ статуй египетскихъ царей. Они стоятъ въ конусообразныхъ шлемахъ съ золотою діадемою. У каждаго въ рукахъ, сложенныхъ на груди, пастушій посохъ и тройной бичъ; уста ихъ спокойно улыбаются. Противоположная стѣна покрыта золотыми и пламенно-багряными солнцами, парящими на черныхъ ястребиныхъ крыльяхъ. Между ними идутъ полосы ярко-голубаго, зеленаго и краснаго цвѣтовъ. Стержни колоннъ, вырѣзанные въ видъ стволовъ папируса, какъ-бы связываются синими перевязями, между которыми квадраты покрыты высѣченныя

ми гіероглифами; капители колоннъ—то простые четырехугольники, покрытые пятиконечными звѣздами, то имѣють видъ пальмовыхъ или лотусовыхъ листьевъ. Это періодъ древне-египетскаго искусства. Второе отдѣленіе — искусство птолемеевскаго періода; стиль архитектуры легче, изящнѣе. Колонны вырѣзаны въ видъ восьми связанныхъ въ одинъ пукъ папирусовыхъ стволонъ; потолокъ темно-синій, усыпанный звѣздами. Тутъ лазурный Озирисъ, которому поклоняются красные люди. Вѣшныя панели палаты покрыты рисунками, изображающими подвиги Сезостриса. Третье отдѣленіе палатъ — «Абу-симбельская (Ипсамбульская) гробница» — нубійское видоизмѣненіе египетскаго искусства. Это отдѣленіе находится подлѣ вивенійской палаты, за Альгамброю (между №№ 37 и 38 нашего плана); къ нему ведутъ громадныя сѣнки (№ 43). Здѣсь двѣ статуи Рамзеса-Великаго (Сезостриса); внутренность зданія наполнена статуями боговъ и царей; посрединѣ мраморный бассейнъ, въ которомъ плавають лотусы. Въ одной изъ комнатъ знаменитый розеттскій камень, котораго надпись послужила ключомъ къ чтенію гіероглифовъ. Египетскія палаты украшены пальмами; на стѣнахъ повсюду высѣчены гіероглифы. Характеръ египетскаго отдѣленія — какое-то таинственное, загадочное, величественное спокойствіе и неподвижность.

За египетскими палатами — греческія. Не будемъ подробно описывать ихъ, потому-что характеръ этого стиля всѣмъ извѣстенъ. Здѣсь собраны копіи съ лучшихъ произведеній греческой скульптуры: залы наполнены статуями и бюстами; стѣны покрыты пареонскими фресками, и эта часть греческихъ палатъ породила жаркую полемику: строитель, онъ Джонсъ, держась мнѣнія нѣкоторыхъ ученыхъ, что греки раскрашивали свои фрески, рѣшился сдѣлать опытъ и выкрасилъ копіи своего дворца. Очень-многіе знатоки нашли попытку неудачною, мнѣніе ошибочнымъ; время и общій голосъ посѣтителей рѣшить, ошибся ли смѣлый художникъ; если ошибся, его ошибка легко можетъ быть исправлена въ нѣсколько часовъ. Не будемъ распространяться и о римскихъ палатахъ, также наполненныхъ сотнями статуй римскаго періода искусства. Въ этихъ двухъ отдѣленіяхъ Аполлонъ Бельведерскій, Венера Медицейская, Венера Милосская, Лаокоонъ, Умирающій Гладіаторъ, сотни другихъ знаменитыхъ статуй и бюстовъ боговъ, богинь и историческихъ лицъ. Здѣсь же копіи съ эгинскихъ мраморовъ, этихъ интересныхъ произведеній младенчествующаго греческаго искусства, въ которыхъ мы видимъ нѣсколько ступеней развитія ваянія отъ египетскихъ неподвижныхъ статуй до произведеній Фидія.

Альгамбрскія палаты — одно изъ удачнѣйшихъ воспроизведеній Сейденгэмскаго Дворца; онъ — вѣрная копія прекраснаго подлинника; но въ гранадской Альгамбрѣ фрески осыпались, краски поблѣднѣли, позолота потускла; въ Сейденгэмѣ все блестяще свѣжестью и яркостью колорита; это часть Альгамбры XV вѣка, отъ которой уцѣлѣла въ Гранадѣ только поблекшая тѣнь. Въ альгамбрскихъ залахъ нѣтъ статуй и бюстовъ, на фрескахъ нѣтъ ни одного живаго существа; но ослѣпительная гармонія, математически-правильная причуд-

ливость пестрыхъ арабесковъ, чудный архитектурный стиль, храморгъ и золото едва-ли не вознаграждаютъ съ избыткомъ отсутствіе произведеній скульптуры: красоты зданія достигали Мавры другими средствами, но достигали въ такомъ же совершенствѣ, какъ и греки. «Львиная палата» прекрасно воспроизведена съ знаменитымъ мраморнымъ фонтаномъ, чашу котораго поддерживаютъ львы. Другое отдѣленіе—копія знаменитой «Залы Правосудія». Стѣны раскрашены синими, красными и желтыми арабесками и покрыты золотыми надписями изъ Корана.

Ассирійская палата — не копія, а гармоническое воспроизведеніе различныхъ развалинъ и древностей, найденныхъ въ Ниневіи и Персеполѣ. Главная зала поддерживается четырьмя колоннами, имѣющими около семи сажень высоты; онѣ скопированы съ персепольскихъ; украшенія капителей спускаются до половины колоннъ; самые стержни колоннъ вырѣзаны желобчатыми полосами; основанія у нихъ шарообразныя, какъ въ индійской архитектурѣ; у другихъ колоннъ, поддерживающихъ широкій карнизъ стѣнъ, капители состоятъ изъ двухъ быковъ. Плоскій потолокъ расписанъ быками, антилопами, гранатовыми яблоками, еловыми шишками. Господствующія краски: красная, голубая и желтая. На барельефахъ передъ нами живыя картины ассирійскихъ нравовъ. Вотъ царь, въ тиарѣ, осыпанной драгоценными камнями; вокругъ него евнухи и воины; онъ скачетъ на битву въ своей колесницѣ съ балдахиномъ; подлѣ него лукъ и стрѣлы. Вотъ ассирійцы штурмуютъ крѣпость; вотъ данники приводятъ царю слоновъ, верблюдовъ, приносятъ золотой песокъ и слоновую кость. Вся внутренность палаты — воспроизведеніе хорсабадскаго дворца. У входа стоятъ колоссальные быки съ крыльями и съ человѣческими головами — это копіи съ хранящихся въ Луврѣ.

Мы обозрѣли одну сторону сѣверной половины Сейдегэмскаго Дворца, занятой архитектурно-историческими палатами; этотъ рядъ палатъ (египетскія, греческія, римскія, мавританскія, ниневійскія) сооруженъ Ономъ Джонсомъ; теперь переходимъ къ другому ряду, построенному Дигби Уйзтомъ. Между оконечностями обоихъ рядовъ фонтанъ, проектированный и построенный Рафаэлемъ Монти; его огромный продолговатый бассейнъ назначенъ для водныхъ растений. Посрединѣ сѣвернаго трансепта, поперегъ разсѣкаемаго этимъ бассейномъ, идетъ почти чрезъ всю ширину дворца галерея громаднхъ сѣннковъ, стоящихъ въ два ряда. Она пересѣкается бассейномъ и примыкаетъ къ нубійскому отдѣленію египетскихъ палатъ. Прошедъ западный (лѣвый, смотря изъ средняго трансепта) рядъ палатъ по направленію отъ трансепта къ оконечности дворца, мы будемъ обозрѣвать восточный (правый) рядъ ихъ, начиная съ оконечности и постепенно приближаясь опять къ центральному трансепту, такъ требуетъ ихъ историческая послѣдовательность: архитекторъ соображался въ историческомъ расположеніи этихъ палатъ съ порядкомъ, въ какомъ будутъ обозрѣвать дворецъ большая часть посѣтителей.

Первая въ восточномъ ряду отъ сѣвернаго конца — византійская

палата; она не такъ огромна, какъ ниневійская, не такъ блестяща, какъ альгамбрскія, но очень-интересна, потому-что она памятникъ перехода отъ греко-римскаго искусства къ средневѣковому; кромѣ же она украшена копиями съ картинъ Джотто и Чимабуэ. Образцы византийскаго стиля для Кристалльнаго Дворца выбраны изъ его западно-европейскихъ произведеній; гигантскія зданія константиновальскія не могли быть перенесены сюда въ достойномъ видѣ: въ уменьшенныхъ размѣрахъ они потеряли бы свое оригинальное величье. Въ византийской палатѣ скопированы: монастырь Іоанна Латеранскаго, съ фресками Джотто; двери кильпеской церкви; зугсбургскія и гилдерсгеймскія бронзовыя врата, покрытыя барельежами изъ восточнѣйшей исторіи; кромѣ того, нѣсколько образцовыхъ частей изъ другихъ зданій того же стиля въ Германіи, Ирландіи и Англии. Нестройность архитектурныхъ формъ этихъ зданій отчасти выкупаются ихъ мозаиками, живописью и разноцвѣтными мраморными колоннами.

Построеніе средневѣковой (готической) палаты представляло очень-большія затрудненія; трудна была задача совмѣстить въ небольшомъ пространствѣ разнообразныя формы огромныхъ зданій, стиль которыхъ выказываетъ свою легкость и красоту только подъ условіемъ громадности размѣровъ. Архитекторъ сдѣлалъ все, что могъ; онъ собралъ лучшее въ готическихъ зданіяхъ Англии, Франціи и Германіи. Среднее отдѣленіе занято фронтонами, памятниками и т. д. изъ Вестминстера и другихъ англійскихъ готическихъ зданій; въ германскомъ отдѣленіи замѣчательны рѣзныя группы мюнхенскаго ратгауза и другіе рельефы. Раскраска стѣнъ воспроизведена во всей оригинальности.

Разнообразіе зданій эпохи возрожденія представляло архитектуру столько же трудностей; но онъ успѣлъ счастливо побѣдить ихъ и превести въ одно гармоническое цѣлое флорентинскія врата, венеціанскія статуи, перуджанскій плафонъ, нюрнбергскіе фонтаны. Въ одной изъ отдѣленій этихъ палатъ стоитъ копія знаменитыхъ рѣзныхъ воротъ, чеканенныхъ Гиберти, которыхъ Микель Анджело считалъ лучшимъ произведеніемъ въ этомъ родѣ, и надъ которыми Гиберти работалъ двадцать лѣтъ. На каждой половинѣ ихъ по десяти барельефовъ изъ священной исторіи; по краямъ гирлянды лилій и колосьевъ. Множество другихъ подобныхъ произведеній оспоривають у нихъ первенство по совершенству отдѣлки. Тутъ же, посрединѣ залы, два фонтана, одинъ съ нюрнбергскаго рынка, другой изъ Château de Gaillou; тутъ же два надгробные памятника герцоговъ Висconti. Всѣ эти произведенія, всѣ стѣны самой палаты покрыты рѣзбою, усеяны сатирами, купидонами, граціями, птичками клюющими плоды, медальйонами; отдѣлка повсюду такъ чиста и мелка, что кажется скорѣе гравюрою, нежели скульптурою; и если эпоха возрожденія была слишкомъ-расточительна на орнаменты, то каждый орнаментъ ея прекрасенъ. Палаты этого стиля въ Сейденгемскомъ Дворцѣ — зданіе, все составленное изъ галантерейныхъ вещей удивительной отдѣлки. Въ этихъ палатахъ есть особенное отдѣленіе королевы Елисаветы — ко-

пія съ ея Голланд-Гоузскаго Дворца, украшенная фонтанами и статуями.

Не будемъ распространяться о послѣдней и изящнѣйшей въ этомъ ряду палатѣ — итальянской палатѣ: это роскошная зала — палатца Фарнезе въ Римѣ, стѣны которой покрыты копіями съ лучшихъ картинъ и фресковъ великихъ живописцевъ XVI вѣка; архитектурный стиль и живопись Микель Анджело и его современниковъ такъ извѣстны, что ими надобно только восхищаться, но излишне было бы здѣсь описывать ихъ.

Мы обозрѣли историко-архитектурныя палаты, занимающія всю сѣверную часть дворца, и намъ остается только сказать нѣсколько словъ о граціозномъ прибавленіи къ этой величественной галереѣ — о «Помпейскомъ Домѣ», устроенномъ на другой, южной, половинѣ дворца, среди кабинетовъ естественной исторіи Новаго Свѣта и палаты шеффилдскихъ товаровъ. Наружность его не общается многого; но внутренность очаровательна изяществомъ отдѣлки и прекрасною живописью. Помпейскій Домъ вмѣстѣ съ Альгамброю — самыя любимыя публикою отдѣленія дворца.

Въ главномъ трансептѣ сосредоточены произведенія скульптуры, невошедшія въ число украшеній греческой, римской и итальянской палатъ. Ихъ безчисленное множество. Много есть въ Сейденгэмскомъ Дворцѣ и оригинальныхъ статуй; но понятно, что никакіе миллионы не могли доставить того, что ужъ хранится, какъ драгоценность, въ музеяхъ — съ Лаокоона, Аполлона Бельведерскаго можно имѣть только копіи. Коллекція копій въ Сейденгэмѣ прекрасна и чрезвычайно-полна, потому-что компанія Сейденгэмскаго Дворца, не щадя издержекъ для приобрѣтенія, если возможно, самыхъ оригиналовъ, не щадитъ издержекъ и для приобрѣтенія копій: художники ея ѣздили повсюду и, говорятъ, едва-ли есть хоть одна знаменитая статуя, съ которой не было бы копій въ Сейденгэмѣ. Кромѣ нѣсколькихъ сотъ статуй и бюстовъ, разсѣянныхъ по всему дворцу, въ среднемъ трансептѣ помѣщаются четыре коллекціи произведеній: 1) греческаго и римскаго ваянія; 2) скульптуры среднихъ вѣковъ и эпохи возрожденія; 3) французской и итальянской и 4) англійской и германской скульптуры. Было бы излишне, утомительно и невозможно хотѣть представить сколько-нибудь полный списокъ лучшихъ изъ этихъ оригинальныхъ произведеній и копій, потому-что и лучшія считаются здѣсь не десятками, а сотнями. Но назовемъ нѣсколько знаменитыхъ художниковъ, которыхъ имена особенно выставляются на видъ многочисленностью и достоинствомъ находящихся во дворцѣ оригинальныхъ произведеній; къ этому числу принадлежатъ изъ англійскихъ ваятелей: Джибсонъ, Уэстмэкоттъ, Мэршалъ, Тидъ (Theed), Болль, Макдональдъ, Лагру (Lagrew), Спенсъ, Бэконъ, Робильякъ; изъ германскихъ (и датскихъ) — Торвальдсенъ, Раухъ, Швангалеръ, Даннекеръ, Ричель, Майеръ; изъ итальянскихъ — Ринальди, Бриджія, Санджюрго, Маньи, Бартолини, Страцца; особенно богато итальянское отдѣленіе произведеніями Кановы: въ Сейденгэмскомъ Дворцѣ есть его Танцов-

щипца, Нимфа и Купидонъ, Три Граціи, Марсъ и Венера, Парисъ, Венера и Адонисъ, Геба, Магдалина и нѣсколько другихъ статуй; изъ французскихъ ваятелей прислали свои произведения Клодъ, Дюре, Бозіо, Жюльенъ, Лекенъ, Нантёйль, Дебъ, Гильомъ. Изъ всѣхъ этихъ безчисленныхъ группъ и статуй, замѣтимъ только колоссальныя статуи Дюкена, Рубенса и Роберта Пиля (работы Марокетти) и группу фарнезскаго Геркулеса. Онѣ стоятъ отдѣльно отъ прочихъ, образуя квадратъ по срединѣ площади главнаго трансепта; къ числу украшеній этой площади принадлежатъ также двѣ прекрасныя норфолькъ-айлэндскія сосны, достигающія самой кровли зданія. Въ центръ южнаго трансепта возвышается надъ окружающими ее деревьями статуя Карла I.

Изъ средняго трансепта переходимъ на южную половину Кристального Дворца. Бѣольшая часть ея занята отдѣленіями промышленной выставки; они построены въ разнообразныхъ стиляхъ: одни въ стилѣ временъ возрожденія, другіе готической архитектуры; фасады украшены арабесками, рельефами и медальйонами. Особенно хвалятъ изящество архитектуры манчестерскаго отдѣленія. Не будемъ подробно осматривать ихъ, потому-что они еще не всѣ заняты товарами, хотя, безъ сомнѣнія, скоро будутъ предметомъ упорной борьбы между фабрикантами, потому-что выставленныя вещи продаются чрезвычайно-быстро; такъ, напримѣръ, выставка мебели была два раза раскуплена вся до послѣдней вещи въ-теченіе первой недѣли по открытіи дворца; очень-удачно идутъ дѣла и всѣхъ другихъ промышленныхъ отдѣленій.

Кабинеты естественной исторіи, которые должны помѣщаться на самомъ южномъ концѣ дворца, еще не были совершенно-готовы ко дню открытія Дворца, хотя ужъ очень-многое было поставлено на свои мѣста. Животныя, сдѣланныя въ натуральную величину изъ *parieg-maché*, представлены здѣсь въ характеристическихъ сценахъ: ягуаръ, терзающій антилопу; караванъ верблюдовъ, идущій по пустынѣ и т. д. Но, вѣроятно, мы будемъ еще имѣть случай говорить объ этихъ коллекціяхъ, и потому спѣшимъ теперь перейти къ портретной галереѣ, протягивающейся отъ центрального трансепта на нѣсколько десятковъ сажень между восточною (правою отъ центрального трансепта) стѣною южной половины дворца и палатами иностранныхъ издѣлій.

Мы не могли при обзорѣнн архитектурныхъ палатъ останавливаться надъ описаніями впечатлѣній, которыя навѣваются на зрителя египетскимъ или ассирійскимъ дворцомъ, Парѣономъ или Альгамброю, не могли пускаться въ подробную характеристику искусства различныхъ народовъ и эпохъ: это заняло бы цѣлыя десятки страницъ, и притомъ наши размышленія не заключали бы въ себѣ много новаго; впечатлѣнія легко можетъ вообразить себѣ каждый читатель, припомнивъ извѣстныя всякому въ общихъ чертахъ характеристическія особенности искусства и жизни народовъ въ различные историческіе періоды; но, говоря о исторической портретной галереѣ Сейденгэмска-

го Дворца, мы выпишем нѣсколько словъ изъ статьи англійскаго «Атеней»: здѣсь болѣе новости въ впечатлѣніяхъ, болѣе интересности въ выводахъ.

«Особенное чувство овладѣваетъ нами, когда взойдемъ хоть на нѣсколько минутъ въ длинныя аллеи историческаго пантеона. Это чувство, подобное тому, какое должно было овладѣвать душою римскаго патриція въ залѣ, установленной восковыми изображеніями его предковъ, которые, кажется ему, благосклонною улыбкою ободряютъ его добродѣтели, или грозными взглядами укоряютъ его за пороки. Мы понимаемъ здѣсь чувства, съ которыми египтянинъ смотрѣлъ на муміи своихъ предковъ. Слабымъ и малымъ чувствуешь себя среди этого множества избранныхъ дѣтей природы, этихъ людей, давно-умершихъ, но еще говорящихъ намъ изъ гробовъ своихъ. Въ портретной галереѣ окружаютъ насъ живописцы прошедшихъ вѣковъ, отъ набожныхъ Джотто и Фра Анджелико до прекраснѣйшаго изъ людей — Рафаэля, и Рубенса, гордо-привѣтливаго, какъ вельможи, съ которыми онъ водилъ дружбу; поэты прошлыхъ вѣковъ, отъ мрачнаго и восторженнаго Данте до любезнаго и веселаго Аріосто; композиторы прошедшихъ вѣковъ, отъ грустнаго Палестрины до Моцарта, живаго, какъ вѣнскіе слушатели его; насъ окружаютъ короли и полководцы, отъ благочестиваго Лудовика IX до блистательнаго Лудовика XIV, отъ героя Баяра до храбрца Мюрата. Одинъ взглядъ — и сколько возникаетъ картинъ въ нашей памяти! Этотъ Гамилей ужь не боится инквизиціи; онъ смотритъ гордо: кто скажетъ теперь, что земля не вертится? Потомство заплатило Корреджіо за неблагодарность современниковъ; Мильтонъ оцѣненъ позднѣйшими вѣками: онъ ужь не нищій отверженецъ. Да, отрадно видѣть, что время вознаграждаетъ всѣ несправедливости, и слѣдующій вѣкъ заглаживаетъ вину предъидущихъ. Вотъ гордый Торреджіано, разбившій въ-дребезги свою статую, когда гидальго, ее заказавшій, не хотѣлъ дать условленной цѣны: онъ умеръ, забытый современниками, а теперь его вѣнчали славой; вотъ еще болѣе-гордый Микель-Анджело, который, однакожь, былъ въ молодости принужденъ лѣпить статую изъ снѣга, чтобъ сильный врагъ могъ издѣваться, глядя въ окно на его шутовскую работу. Интересно сравнивать бюсты разныхъ эпохъ. Нравственно-испорченныя женщины времени Римской Имперіи, какъ напримѣръ Фаустина, Агриппина, отличаются кривымъ круглымъ лбомъ и маленькимъ мягкимъ подбородкомъ, какіе были отличительными чертами лицъ вѣка Лудовика XV-го и повторяются на портретахъ изнѣженныхъ и чувственныхъ красавицъ Кнеллера и Лели. Да, нельзя не видѣть, что каждый вѣкъ напечатлѣвалъ свои пороки и добродѣтели на лицахъ дѣтей своихъ. Въ XV вѣкѣ господствуетъ лобъ угловатый, въ XVII — круглый, въ XIII — плоскій и широкий, въ XVIII — выдавшійся впередъ, нависшій на глаза. Намъ кажется, что въ нашъ вѣкъ начинается господствовать лучшая фізіономія: лицо становится овалнѣе, лобъ развитѣе и выше, губы опредѣленнѣе, носъ благороднѣе, прямѣе. Байронъ, Шелли, Соути, Вордсвортъ, Китсъ были прекрасны лицомъ. Многие

изъ нынѣшнихъ авторовъ имѣютъ въ лицѣ нѣчто напоминающее въкъ королевы Елисаветы».

Довольно-много между знаменитыми людьми неуступающихъ въ безобразіи Сократу, который говорилъ, что его грубая физиономія свѣдѣтельствуетъ, однакожь, въ пользу физиономики, потому—что отъ природы онъ дѣйствительно получилъ грубыя страсти и облагородилъ свой характеръ и умъ только силою воли. Но есть въ портретной галереѣ Сейденгэмскаго Дворца много и прекрасныхъ лицъ, которыя красотой и величіемъ выше греческихъ идеаловъ и рѣзецъ, ихъ воспроизведшій, произвелъ нѣчто совершеннѣйшее, нежели самая статуя Фидія. Общее впечатлѣніе исторической галереи въ Сейденгэмскомъ Дворцѣ—задумчивое, но чрезвычайно-отрадное убѣжденіе въ высокой красотѣ и благородствѣ человѣческаго лица.

Мы обозрѣли дворецъ и выходимъ на одинъ изъ открытыхъ коридоровъ того фаса, который обращенъ къ парку.

Всѣ отдають справедливость изящному вкусу и соображенію Она Джонса, Дигби Уйэтта и другихъ строителей разныхъ отдѣленій Кристальнаго Дворца; но ихъ имена блѣднѣютъ передъ именемъ челоѣка, задумавшаго и построившаго самый Кристальный Дворецъ; еще болѣе Пакстонъ заставитъ забывать въ Сейденгэмѣ о всѣхъ другихъ именахъ, когда его произведеніе восполнится до совершенно-гармоническаго единства окончаніемъ и развитіемъ садовъ и парка. Специальность, которой посвящаль свою жизнь Пакстонъ до всемірной выставки, было устройство садовъ и оранжерей; самая идея Кристальнаго Дворца возникла у него въ связи съ прежнимъ его изобрѣтеніемъ огромной стеклянной теплицы для бассейна, въ которомъ цвѣла гигантская *Victoria-Regia*, эта гвіанская водяная роза, у которой цвѣтокъ имѣетъ аршинъ въ поперечникѣ, а листы—сажень. По одному этому можно ужъ было ожидать, что Сейденгэмскій Паркъ и садъ, при устройствѣ которыхъ Пакстонъ долженъ былъ заботиться только о всевозможномъ величій и красотѣ, не стѣсняясь никакими расходами, будетъ нѣчто удивительное. Разнообразіе мѣстности, обильной каскадами и состоящей изъ безпрестанно-смѣняющихся холмовъ и долинъ, какъ—нельзя—лучше благоприятствовало планамъ строителя, и сейденгэмскіе сады, занимающіе нѣсколько верствъ, должны быть, по отзывамъ знатоковъ, чѣмъ—то невиданно—величественнымъ и прекраснымъ. Ненужно и говорить, что они наполнены гротами, каскадами, фонтанами, озерами, статуями и т. д. Скажемъ пока нѣсколько словъ о коллекціи допотопныхъ животныхъ, помѣщающейся въ садахъ. Фигуры этихъ гигантовъ сдѣланы въ естественную величину Хокинсомъ (Hawkins), подъ руководствомъ одного изъ первоклассныхъ англійскихъ геологовъ, и почетнаго члена нашей Академіи Наукъ, Она (Owen), по рисункамъ Кьюве и Мэнтеля, возстановившихъ по скелетамъ формы чудовищъ древняго міра. Животныя поставлены среди обстановки, воспроизводящей ту природу, среди которой они жили. Чтобъ дать понятіе о страшной массивности этихъ громадъ, скажемъ, что многія модели имѣютъ болѣе 2,000 пудовъ вѣсу и что туловище игуанодонта поддерживается образующими кости его четырехъ ногъ чугунными

столбами въ четверть аршина толщиной. А есть много чудовищъ превосходящихъ игуаводонта своею огромностью. Въ Сейденгемскомъ Паркѣ стоятъ ихтиосавръ — рыбоподобная ящерица, совмѣщавшая въ себѣ формы пресмыкающагося, птицы, млекопитающаго и рыбы, лабиринтодонтъ, мастодонтъ, десятки другихъ допотопныхъ исполиновъ и огромнѣйшій изъ всѣхъ своихъ современниковъ—мегалосавръ, передъ которымъ вынѣшшій слонъ то же, что овца передъ крокодиломъ.

Нѣтъ сомнѣнiя, что великолѣпное зданiе, вмѣщающее въ себѣ столько сокровищъ науки и искусства, столько поучительнаго и истинно-прекраснаго, не только огромная спекуляцiя, но и учрежденiе, дѣйствительно имѣющее цѣль серьезную и полезную. Въ этомъ убѣждены всѣ въ Англiи, странѣ неслишкомъ-довѣрчивой, и всѣ англичане, народъ совсѣмъ не мягкосердечный и восторженный, увлеклись своимъ новымъ Кристалльнымъ Дворцомъ до восторга, до несоблюденiя этикета, требуемаго высшимъ обществомъ: въ первые три дня недѣли, назначенныя для простолюдиновъ, были въ Кристалльномъ Дворцѣ тысячи посѣтителей изъ высшаго общества: какое же большее доказательство нетерпѣливости можетъ представить чопорный Домби, или мистеры Градгриндъ и Бондерби? мистеръ Бондерби былъ въ Кристалльномъ Дворцѣ вмѣстѣ съ отцомъ Сисси Джюпъ! Онъ не вытерпѣлъ, не дождался ешепѣнзльнаго дня субботы, и не побоялся въ поведѣльничь и среду ходить въ толпѣ рядомъ съ отцомъ Сисси Джюпъ!— это «фактъ», изумительный «фактъ», по выраженiю мистера Градгринда. Да, положительный фактъ, что до-сихъ-поръ Кристалльный Дворецъ въ Сейденгемѣ не имѣлъ еще ни одного порицателя. Многiе находятъ много недостатковъ въ отдѣльныхъ частяхъ его; такъ, напримѣръ, раскрашенные фрески Пароенона вызвали противъ Она Джонса сотни нападенiй; такъ, напримѣръ, англичане справедливо удивляются, что въ ряду архитектурныхъ палатъ нѣтъ индiйской палаты; можно найти и находятъ много другихъ недостатковъ и опущенiй въ частностяхъ; но не было еще ни одного голоса, который поднялся бы противъ самаго дворца, противъ его мысли и исполненiя. Потому его открытiе было весьма торжественно и было почтено присутствiемъ королевы, которая сама провозгласила открытiе новаго Дворца.

Присутствовать при торжествѣ открытiя были допускаемы всѣ особы, взявшiя годовой билетъ; число ихъ простиралось до 35,000; къ участiю въ пережонiи были приглашены особенными билетами члены Палаты Лордовъ и Палаты Общинъ, высшiя правительственныя лица, лорды-меры и шерифы Лондона, Иорка, Эдинбурга, Дублина и другихъ городовъ, придворные савонники, дипломатическiй корпусъ, иностранныя и королевскiе комиссары лондонской, нью-йоркской, дублинской и парижской выставокъ, президенты ученыхъ обществъ Великобританскаго Королевства и другiя замѣчательныя или почетныя лица съ семействами. Эти приглашенныя были вводимы черезъ главный входъ, и мѣста для нихъ были приготовлены въ центральномъ трансептѣ, отгороженномъ балюстрадаю отъ другихъ частей зданiя, предоставленныхъ для остальной публики, которая

была принимаема черезъ боковые ходы южной и сѣверной половины зданія. Среди площади главнаго трансепта на высокой платформѣ былъ поставленъ королевскій тронъ подъ багдахиномъ. Мѣста для представителей выставокъ и ученыхъ обществъ, для лордъ-меровъ, шерифовъ и ихъ семействъ были назначены на платформѣ противъ королевскаго трона; мѣста для лордовъ—на главной галереѣ, противъ трона, по правую руку; для членовъ Нижняго Парламента на той же галереѣ, противъ трона, по лѣвую руку. По обѣимъ сторонамъ королевской платформы были мѣста дипломатическаго корпуса. Сзади трона почти вся западная (ближайшая къ входу) половина площади средняго трансепта была занята громаднымъ амфитеатромъ для 1,800 музыкантовъ и пѣвцовъ; на нижнихъ скамьяхъ амфитеатра были мѣста для пѣвцовъ и пѣвицъ лондонскихъ итальянской и нѣмецкой оперныхъ труппъ; немного выше, для примадонны—солю, Клары Новелло. Оркестромъ и хоромъ держировалъ извѣстный капельмейстеръ оперы, Коста. У главнаго входа директоры и чиновники дворца принимали своихъ гостей. Въ два часа весь дворецъ былъ наполненъ десятками тысячъ посѣтителей; другіе десятки тысячъ толпились въ садахъ и на террасахъ, дожидаясь прибытія королевы, назначеннаго въ три часа. Ровно въ три часа громкіе клики привѣтствовали ее; честь принятія королевы была предоставлена Лэнгу, президенту компаніи, и Пакстону, основателю дворца. Дворецъ потрясся отъ грома музыки и заглушавшихъ его радостныхъ кликовъ, неумолкавшихъ до той минуты, когда королева заняла свое мѣсто подъ багдахиномъ. Свита королевы была одѣта великолѣпно, но королева была одѣта совершенно—просто: на ней было шолковое голубое платье гласе и бѣлый кружевной чепецъ съ розовыми лентами и розами.

Когда королева стала на своемъ мѣстѣ, крики замолкли, и музыка начала «God save the Queen»; партіи солю исполнила Клара Новелло; акустическое устройство дворца такъ хорошо, что сильный голосъ пѣвицы долеталъ во всей чистотѣ до самыхъ отдаленныхъ концовъ огромнаго зданія. По окончаніи народнаго гимна директоръ компаніи, Лэнгъ, взшелъ на ступени трона и прочелъ королевѣ адресъ, излагающій исторію происхожденія и цѣль новооткрытаго зданія. Вотъ заключеніе этого адреса:

«Ваше величество слышали изложеніе побужденій, изъ которыхъ возникло это предпріятіе, и правилъ, руководившихъ его исполненіемъ: ваше величество должны рѣшить, оправдываются ли обществѣ исполненіемъ и можетъ ли дворецъ, со всѣмъ, въ немъ заключающимся, назваться—что сочли бы высочайшею для себя наградою директоры, органомъ которыхъ я служу—достойнымъ сыномъ великой выставки 1851 года и достойнымъ осуществленіемъ одной изъ благороднѣйшихъ идей новѣйшей цивилизаціи».

Королева отвѣчала:

«Принимаю съ большимъ удовольствіемъ вѣрноподаннической адресъ, представляемый мнѣ вами въ настоящемъ случаѣ».

«Для меня и принца, моего супруга, чрезвычайно-пріятно видѣть, что великая выставка 1851 года, столь счастливо открывшаяся подъ

нашимъ покровительствомъ, подала идею этого величественнаго предпріятія, создавшаго столь благородный памятникъ генія, познаній и предприимчивости моихъ подданныхъ.

«Я твердо желаю и надѣюсь, что, при благословеніи Провидѣнія, прекрасныя предположенія ваши о его предназначеніи вполнѣ осуществятся, и что это удивительное зданіе и сокровища искусства и науки, въ немъ собранныя, долго будутъ служить на возвышеніе и образованіе, на удовольствіе и развлеченіе всѣмъ классамъ моего народа».

Потомъ Лэнгъ представилъ королевѣ Пакстона, и вслѣдъ за нимъ, другихъ строителей дворца, поднесшихъ королевѣ «Руководителей» по отстроенымъ ими частямъ зданія. Многие изъ представленныхъ конфузились и совершенно терлились до-того, что публика, несмотря на все торжественное настроеніе своего духа, не могла не смѣяться. Но когда на ступеняхъ, ведущихъ къ трону, появился Пакстонъ, у зрителей вырвались единодушныя клики благодарности олователю дворца.

Послѣ этого королева отправилась, въ-сопровожденіи Пакстона и другихъ строителей и директоровъ, обозрѣвать дворець; она обошла все зданіе, начавъ съ южной половины и окончивъ обозрѣніе архитектурными палатами. По возвращеніи процессія, хоръ и оркестръ превосходно, по общему отзыву, исполнили псаломъ 100-й; архіепископъ кентереберійскій, примасъ Англій, прочиталъ осятительную молитву; хоръ и оркестръ исполнили генделеву «Hallelujah». Королева громко произнесла: «Кристалльный Дворецъ открытъ», оркестръ и хоръ снова грянули God save the Queen, но восторженныя клики зрителей, какъ и прежде, покрывали музыку, впродолженіе которой королева удалась. Черезъ нѣсколько дней директоры и строители Кристалльнаго Дворца получили слѣдующую бумагу отъ министра внутреннихъ дѣлъ:

«Милостивые государи! съ истиннымъ удовольствіемъ увѣдомляю васъ, что я получилъ повелѣніе отъ королевы выразить вамъ, что ея величество и его королевское высочество принцъ Альбертъ вполнѣ довольны удивительнымъ устройствомъ и порядкомъ всего при церемоніи открытія Кристалльнаго Дворца въ Сейденгэмѣ. Королевѣ пріятно выразить особенное удовольствіе, которое доставила ей превосходно-исполненная музыка, и ея величеству благоугодно было высказать мнѣніе, что музыкальный эффектъ былъ прекраснѣйшимъ изъ всѣхъ, когда-либо слышанныхъ ея величествомъ».

Послѣ этого королева и другіе члены королевской фамилии нѣсколько разъ посѣщали Кристалльный Дворецъ.

Однако, какъ бы ни было прекрасно частное предпріятіе, оно не можетъ устоять, если будетъ въ убытокъ предпринимателямъ. Такимъ-образомъ коммерческая сторона играетъ очень-важную роль и при вопросахъ о Сейденгэмскомъ Кристалльномъ Дворцѣ. Капиталисты, его построившіе, конечно, прежде всего желаютъ себѣ не убытковъ, а выгодъ, потому-что ужъ и не имѣть выгодъ въ Англій значить терпѣть убытки. Лэнгъ и компанія вовсе не скрываютъ этого желанія и расчета; они хотятъ только, чтобъ ихъ выгодное пред-

пріятіе было вмѣстѣ и предпріятіемъ общепользымъ, для достиженія чего они не щадятъ и не щадятъ расходовъ. Всѣ въ Англии жалаютъ имъ, по видимому, вознагражденія за услугу и съ сочувствіемъ слѣдятъ за вопросомъ: принесетъ ли Кристалльный Дворецъ выгоды своимъ строителямъ? По первымъ двумъ или тремъ недѣлямъ, отчеты о которыхъ напечатаны въ журналахъ, конечно, трудно судить навѣрное о будущихъ постоянныхъ доходахъ Кристалльнаго Дворца. Но представляемъ цифры и думаемъ, что онѣ во всякомъ случаѣ общіи для двора хорошую будущность.

Плата за билетъ для входа въ Сейденгемскій Дворецъ въ первые четыре дня 1 шиллингъ (около 30 коп. сер.); съ проѣздомъ въ оба конца отъ Лондона и въ Лондонъ 1½ шиллинга (около 50 коп. сер.); по пятницамъ (съ проѣздомъ туда и обратно) 2½ шиллинга (75 коп. сер.); по субботамъ (также съ проѣздомъ) 5 шиллинговъ (1 р. 50 коп. сер.). По воскресеньямъ дворецъ закрытъ, какъ и всѣ общественныя увеселенія въ Англии. Это послѣднее распоряженіе вызываетъ ѣдкіе навадки въ нѣмецкихъ, французскихъ и отчасти даже английскихъ журналахъ, потому-что именно воскресенье было бы самымъ удобнымъ днемъ для простоядиновъ. Если дѣйствительно английскія нравы не допускаютъ открытія дворца по воскресеньямъ, вѣчего и толковать объ этомъ; если же распоряженіе директоровъ не соответствуетъ въ этомъ случаѣ мнѣнію самихъ англичанъ, то распоряженіе скоро будетъ отменено и Кристалльный Дворецъ откроется по воскресеньямъ. Кромѣ-того, есть годовые билеты (именные, такъ-что передача ихъ не допускается); они стоятъ 2 гиней (около 13 р. сер.).

Взглянемъ же на доходы дворца въ первое время. Годовыхъ билетовъ было до 10 июня ваято болѣе 35,000, такъ-что сборъ за день открытія простирался до 80,000 фунтовъ (около 500,000 р. сер.).

Потомъ въ первые три дня по открытіи число посѣтителей по билетамъ въ 1 шиллингъ было въ понедѣльникъ болѣе 10,000; во вторникъ — около 13,000; въ среду — около 15,000; всего въ первые три дня было собрано до 2,000 фунтовъ (12,000 р. сер.); пропорція сбора въ пятницу и субботу была почти такова же, какъ и въ дни, когда плата за входъ шиллингъ. На основаніи первыхъ трехъ недѣль рассчитываютъ, что недѣльный доходъ за билеты будетъ 3,000 фунтовъ; слѣдовательно въ годъ 150,000 фунтовъ; кромѣ-того, за годовые билеты получено 80,000 фунтовъ; отъ торговцовъ, выставляющихъ свои товары—30,000 фунтовъ; кромѣ-того, большіе доходы приносить буфетъ и кухня. Всего рассчитываютъ въ годъ на 250,000 фунтовъ (1,500,000 р. сер.); годовые расходы должны простираться до 50,000 фунтовъ. Чистый доходъ 200,000 фунтовъ (1,200,000 р. сер.). Какъ же великъ капиталъ, затраченный на дворецъ? Теперь ужъ 1,000,000 ф. ст.; но для окончательной отдѣлки всѣхъ частей дворца и парка потребуетъ еще 500,000 фунтовъ, всего 1,500,000 фунтовъ, или болѣе 9,000,000 р. сер. Если предположимъ, что годовые доходы будутъ менѣе предполагаемыхъ, а расходы болѣе, такъ-что вмѣсто 200,000 получится чистаго дохода только 150,000 фунтовъ, то и это составитъ 10 процентовъ — доходъ, котораго не даютъ въ

Англии ни желѣзныя дороги, ни большая часть другихъ спекуляцій. Итакъ Сейденгэмскій Дворецъ, по всей вѣроятности, будетъ предпріятіе столько же удачное въ коммерческомъ отношеніи, сколько полезное въ умственномъ и нравственномъ, и прекрасное въ артистическомъ отношеніи.

Говоря о Сейденгэмскомъ Музеѣ и предшественницѣ его, всемирной выставкѣ, нельзя не вспомнить о Лондонскомъ «Обществѣ Искусствъ, Мануфактуръ и Торговли» (Society of Arts, Manufactures and Commerce), въ нѣдрахъ котораго зародилась первая мысль о всемирной выставкѣ, которое было ея устроителемъ; и столѣтній юбилей общества пришелся очень—кстати черезъ нѣсколько дней по открытіи Сейденгэмскаго Дворца. Общество собралось на юбилейное торжество (по англійскому обычаю—обѣдъ) въ это учрежденіе, котораго родоначальникомъ было общество. Предсѣдательствовалъ графъ Гривиль; обѣдающихъ было до 800 чел. Основаніе всемирной выставки далеко не единственное право Общества Искусствъ на почетное мѣсто въ англійской исторіи; Общество завѣдываетъ почти половиною первоначальныхъ школъ въ Англии; въ іюль открыта по его проекту «Воспитательная Выставка», о которой мы скажемъ въ будущемъ обзорѣ новостей, если она будетъ заслуживать вниманія; вообще Общество Искусствъ теперь очень—много хлопочетъ о первоначальномъ воспитаніи. Мы еще будемъ имѣть случаи упоминать о двухъ или трехъ обыкновенныхъ засѣданіяхъ Общества Искусствъ по поводу произнесенныхъ его членами замѣчательныхъ рѣчей о простонародныхъ болѣзняхъ и средствахъ къ ихъ отвращенію; а теперь, чтобъ за одинъ разъ раздѣлаться на мѣсяць съ извѣстіями о болѣе или менѣе кристалльныхъ дворцахъ, болѣе или менѣе всемирныхъ выставкахъ, возникшихъ въ подражаніе Гайд-Паркскому Дворцу и великой выставкѣ (какъ называютъ ее англичане), скажемъ, что ближайшая дочь ея, парижская всемирная выставка, возбуждаетъ въ Англии и нѣкоторыхъ другихъ государствахъ сильное сочувствіе, и, кажется, будетъ (если только будетъ) довольно—полна, по отношенію къ произведеніямъ нѣкоторыхъ странъ даже полнѣе лондонской. Лондонскіе фабриканты по всемъ почти важнѣйшимъ отраслямъ промышленности уже собирались для рѣшенія вопроса объ участіи въ ней. Во всѣхъ собраніяхъ было одинаково рѣшаемо принять въ выставкѣ самое полное участіе; почти во всѣхъ важнѣйшихъ промышленныхъ городахъ Британской Имперіи составились комитеты для завѣдыванія дѣлами относительно этого участія; то же дѣлаютъ различныя общества, напиримѣръ Земледѣльческое. Ливерпуль отправитъ на выставку модели свопхъ судовъ; въ Лондонѣ образовались комитеты по всемъ важнѣйшимъ ремесламъ и отраслямъ промышленности;—такъ—что англійская промышленность будетъ представлена Франціи чрезвычайно—полно и въ обширныхъ размѣрахъ. Будутъ участвовать въ общей выставкѣ и изящныя искусства: ужъ назначены въ Лондонѣ комитеты живописцевъ, архитекторовъ и ваятелей. Какъ сильно разлито во всѣхъ классахъ англійскаго общества желаніе посѣтить эту выставку, можно судить по тому факту, что всѣ норвичскіе фабричныя рабочіе откла-

дываютъ ужъ нѣсколько мѣсяцевъ по нѣсколькѣ пени ежедѣльно, чтобы такимъ-образомъ составить общій капиталъ для поѣздки въ Парижъ en masse. Остиндская Компания, принимавшая очень-слабое участие въ лондонской выставкѣ, ассигновала 50,000 ф. ст. (310,000 р. сер.) на издержки провоза остиндскихъ произведеній на парижскую выставку. Австралийскія англійскія колоніи также ассигновали для провоза своихъ произведеній въ Парижъ 2,000 ф. ст. (12,000 р. сер.). Англійскій министръ колоній послалъ ко всѣмъ колоніямъ циркуляръ, предлагающій имъ позаботиться о наивозможно-полнѣйшемъ участіи. Съ 1-го іюля открыта въ парижскомъ Hôtel de Ville книга для записыванія лицъ, желающихъ прислать свои товары на нее.

Любовь къ кристалльнымъ дворцамъ такъ распространяется, что неаполитанское правительство разрѣшило одной частной компаніи построение кристалльнаго дворца въ Неаполѣ. Онъ предназначается для зимняго сада; а пока устроится онъ, въ Мюнхенѣ ужъ открыта обще-германская промышленная выставка, также въ кристалльномъ дворцѣ. Послѣ первой обще-германской промышленной выставки, бывшей въ 1844 году въ Берлинѣ, баварское правительство изъявило намѣреніе открыть вторую такую же выставку въ Мюнхенѣ; различныя обстоятельства нѣсколько лѣтъ препятствовали приведенію въ исполненіе этой мысли; наконецъ всѣ затрудненія миновались; торговый трактатъ, недавно-заключенный германскимъ таможеннымъ союзомъ съ Австріею, почти вдвое увеличивъ число участвующихъ въ выставкѣ, одушевилъ новою ревностью баварское правительство, и оно назначило для выставки три мѣсяца, съ 15-го іюля до 15-го октября нынѣшняго года. Между-тѣмъ, кристалльные дворцы лондонскій и нью-йоркскій доказали превосходство подобнаго рода зданій для огромныхъ выставокъ, и баварское правительство тѣмъ скорѣе рѣшилось построить кристалльный дворецъ, что въ Мюнхенѣ не было зданія, котораго пространство было бы достаточно. Король выразилъ желаніе, чтобы зданіе было сохранено и по закрытіи выставки и было обращено въ садъ для тропическихъ растений. Эта мысль рѣшила и выборъ мѣстности для зданія: его построили среди мюнхенскаго ботаническаго сада. Близжайшія сосѣднія зданія—домъ и лабораторія знаменитаго Либиха, которому такъ много обязана технология: совпаденіе очень-оригинальное и счастливое. Съ обыкновенною скоростью подобныхъ работъ, постройка была кончена въ семь мѣсяцевъ. Новый кристалльный дворецъ, далеко уступаая колоссальностью Гайд-Паркскому, или Сейденгэмскому, почти одинаковыхъ размѣровъ съ Нью-Йоркскимъ; длина его 800 баварскихъ футовъ (около 110 сажень), ширина 160 фут. (около 22 сажень); площадь, занимаемая дворцомъ 134,400 квадрат. футовъ (около 2,500 кв. сажень).

Что касается до нью-йоркской всемірной промышленной выставки, то она обращена, какъ извѣстно, въ постоянное учрежденіе; и кристалльный дворецъ ея, закрывавшійся на нѣкоторое время для необходимыхъ передѣлокъ, снова открытъ въ маѣ нынѣшняго года, при стеченіи 20,000 зрителей. Однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ

щихъ лицъ при этомъ торжествѣ былъ ораторъ мирныхъ конгрессовъ, Элигу Борритъ (Elihu Burritt). Президентъ постоянной выставки объявилъ, что это учрежденіе назначаетъ золотую медаль въ 1,000 долларовъ (1,300 р. с.) за полезнѣйшее изобрѣтеніе, которое будетъ сдѣлано въ-теченіе 1854 года, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ его модель была представлена въ кристалльный дворецъ; пять другихъ медалей въ сто долларовъ каждая, подъ тѣмъ же условіемъ, за другія изобрѣтенія и еще пять медалей, также по сту долларовъ, за пять лучшихъ артистическихъ произведеній текущаго года.

Отъ выставокъ перейдемъ къ всемірной торговлѣ и главнымъ ея двигателямъ — морскимъ судамъ, желѣзнымъ дорогамъ и путямъ сообщенія. Шарль Дюпенъ читалъ въ Парижской Академіи отчетъ о сочиненіи капитана Бургуа (Bourgeois) «О коммерческомъ пароходствѣ Англій». Записка Дюпена представляетъ довольно-подробное и очень-интересное обзорнѣе усовершенствованій, введенныхъ въ послѣдніе годы въ устройствѣ почтовыхъ и торговыхъ пароходовъ, и здравья, если не особенно-блестящаго соображенія о разныхъ вопросахъ, касающихся этого предмета. Первое почтовое сообщеніе посредствомъ пароходовъ между отдаленными странами было устроено между Англіею и Антильскими Островами въ 1839 г. До того времени почта отправлялась на парусныхъ судахъ и по этой линіи, какъ по всѣмъ другимъ путямъ черезъ океанъ. Въ этомъ году новосоставившаяся «Компанія Вестиндскаго Почтоваго Пароходства» заключила съ англійскимъ правительствомъ условіе, по которому обязывалась, при пособіи отъ правительства въ 1,500,000 р. сер., содержать правильное почтовое сообщеніе между Англіею и Антильскими Островами на пароходахъ въ 400 силъ. По числу рейсовъ, которые обязывалась она сдѣлать, ей приходилось получать пособія около 2 р. 25 к. сер. за каждую версту, сдѣланную пароходомъ. Условія были выгодны для англійскаго правительства, потому-что прежде ему стоило болѣе милліона рублей сер. содержать это сообщеніе на парусныхъ судахъ; расходуя сумму только наполовину большую, оно получало средство пересылать почту гораздо-быстрѣе и правильнѣе. Пароходы компаніи были деревянные и не могли ходить быстрѣе 13 или 14 верстъ въ часъ. Заатлантическое путешествіе было еще такъ трудно и опасно для лучшихъ тогдашнихъ пароходовъ, что компанія потеряла въ-теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ шесть пароходовъ; и вообще спекуляція сначала была для нея убыточна. Но торговля между Англіею и Америкою быстро развивалась, увеличивалось вмѣстѣ съ этимъ число пассажировъ и количество товаровъ, перевозимыхъ компаніею, и мало-по-малу дѣла компаніи пошли очень-хорошо. Погибшіе пароходы были замѣнены сильнѣйшими и лучше-устроенными, такъ-что съ 1852 года компанія имѣла ужъ пять пароходовъ, каждый въ 800 силъ и 2,250 тоннъ (около 140,000 пуд. клади). Пароходы были деревянные, потому-что англійское адмиралтейство включило это условіе въ контрактъ для того, чтобъ обратить ихъ, въ случаѣ войны, въ военныя суда, — предположеніе, оказавшееся нынѣ совершенно-неосуществимымъ, по негодности почтовыхъ

пароходовъ выдерживать битву, — ихъ стѣны слишкомъ-тонки для этого. Потомъ Кюнердъ основалъ другую, болѣе сильную компанію, обязавшуюся содержать почтовое пароходство сначала только между Ливерпульемъ и Галифаксомъ (въ Канадѣ), а съ 1846 года также между этими городами, Бостономъ и Нью-Йоркомъ. Кюнердъ обязался отправлять въ три зимніе мѣсяца пароходы черезъ двѣ недѣли, въ остальное время года еженедѣльно (всего 44 рейса). Пароходы по условію должны были имѣть 400 силъ, но Кюнердъ нашелъ выгоду дѣлать ихъ не менѣе 650 силъ; для достиженія большей быстроты онъ началъ дѣлать пароходы длиннѣе прежнихъ, такъ-что у него длина пароходовъ была болѣе ширины въ 5, 6, 6½, разъ и даже болѣе. Наконецъ онъ сталъ употреблять въ своихъ машинахъ сильнѣйшее давленіе паровъ, нежели какое допускалось прежними машинами, и такимъ-образомъ его пароходы достигли скорости 17 и 19 верстъ въ часъ. Несмотря на большій размѣръ своихъ пароходовъ, онъ нашелъ возможность довольствоваться пособіемъ меньшимъ того, какое получали антильскіе пароходы; ему приходилось получать отъ англійскаго адмиралтейства только 2 руб. сер. за каждую версту, пройденную пароходомъ. Съ 1850 года вступаетъ въ соперничество съ нимъ сѣверо-американецъ Коллинсъ (Collins), устроивающій новое почтовое пароходное сообщеніе между Нью-Йоркомъ и Ливерпульемъ. Новая компанія построила пароходы больше и сильнѣе кюнердовыхъ и тѣмъ принудила самого Кюнерда увеличивать размѣръ своихъ пароходовъ, такъ-что наконецъ онъ построилъ (въ Англій) пароходы «Аравія» и «Персія», имѣющіе 960 силъ и 2,400 тоннъ (150,000 пудовъ груза). Они имѣютъ длину въ семь разъ болѣе ширины, чего прежде еще не бывало. вмѣстѣ съ этимъ ихъ машины допускаютъ давленіе паровъ въ 14 фунтовъ на квадратный дюймъ, вмѣсто 4 фунтовъ, которыми довольствовались въ 1845 году. При этихъ усовершенствованіяхъ «Аравія» ходитъ изъ Нью-Йорка въ Ливерпуль (противъ морскаго теченія) 19 верстъ, изъ Ливерпуля въ Нью-Йоркъ (по теченію) 22 версты въ часъ. Коллинсовы пароходы не достигаютъ быстроты «Аравии»; но вообще ходятъ быстрѣе кюнердовыхъ пароходовъ: средняя скорость по сложности за три года была у англійскихъ (кюнердовыхъ) пароходовъ; 20,222 километровъ (19 верстъ), у американскихъ (коллинсовыхъ) пароходовъ 21,7 (20 верстъ) въ часъ. Коллинсова компанія получаетъ отъ сѣвероамериканскаго правительства очень большую плату за перевозку почты, пропорціонально почти вдвое болѣе, нежели кюнердова компанія отъ англійскаго.

Но эта чрезмѣрная быстрота, которой достигаютъ почтовые пароходы соперничающихъ компаній, давая имъ средство совершать путь между Нью-Йоркомъ и Ливерпульемъ въ 12, 11, даже 10 сутокъ, вмѣсто прежнихъ 14 или 15, стоитъ огромныхъ жертвоуаній. Извѣстно, что сопротивленіе воды возрастаетъ по кубамъ скоростей, такъ-что для двойной скорости надобно увеличивать движущую силу въ 8 разъ, для тройной — въ 27 разъ. И для того, чтобъ проходить 20 верстъ въ часъ, пароходы должны тратить втрое болѣе силы, нежели достаточно было бы имъ для скорости 14 верстъ въ часъ.

На этомъ разсчетѣ была основана возможность новой компаніи, не получая никакого пособия отъ правительства, вступить въ соперничество съ пароходами Кюнерда и Коллинса, получающими ежегодно милліоны изъ англійскаго или американскаго государственнаго казначейства. Эта компанія составила въ Шотландіи, отечествѣ Уатта, на берегахъ Клайда, гдѣ строится нынѣ ежегодно больше пароходовъ, нежели во всей остальной Англии и Ирландіи. Причина развитія постройки пароходовъ на берегахъ Клайда—близость желѣзныхъ рудниковъ и каменноугольныхъ копей. Новая компанія довольствуется машиною въ 300 силъ для парохода въ 1,600 тоннъ (98,000 пудовъ груза) и скоростью 8 узловъ (14 верстъ) въ часъ, вмѣсто 20 и 21 версты въ часъ кюнердовыхъ и коллинсовыхъ пароходовъ. Такимъ-образомъ издержки проѣзда сокращаются и шотландская компанія, перевозя пассажировъ и товары гораздо дешевле, нежели почтовая компанія, все-таки получаетъ выгоду, не нуждаясь въ пособияхъ.

Но какъ ни быстры и огромны пароходы Кюнерда и Коллинса, они еще далеко не послѣдняя достижимая для нынѣшнихъ строителей степенъ скорости и огромности. Когда болѣе разовьется торговля Европы и Америки съ Китаемъ и Японіею, мы увидимъ суда гораздо-огромнѣйшія и быстрѣйшія. Ужъ и теперь сдѣлаю много шаговъ впередъ съ 1851 года—времени постройки коллинсовыхъ пароходовъ. Дюпенъ указываетъ одинъ примѣръ: пароходъ, который строится на Темзѣ Брюнелемъ (французомъ по происхожденію, сыномъ знаменитаго Брюнеля, построившаго тоннель подъ Темзою). Этотъ пароходъ будетъ вътрое длиннѣе 120 пушечнаго корабля (то-есть около 100 сажень длины) и подводная часть его будетъ вытѣснить въ восемь разъ большую массу воды. Онъ весь будетъ построенъ изъ желѣза. Одинъ только запасъ каменнаго угля, который онъ будетъ брать для своихъ поѣздовъ, будетъ по вѣсу равняться всей тяжести двухъ линейныхъ кораблей. Этотъ колоссальный корабль будетъ имѣть четыре мачты, не считая бугшприта, и будетъ ходить на парусахъ и силою паровъ вмѣстѣ. Паровыя машины будутъ у него устроены и съ колесами и съ винтомъ. Этотъ же самый корабль, прибавимъ мы, описывается гораздо-точнѣе, нежели у Дюпена, въ статьѣ L'Indépendance Belge. Постройка его будетъ окончена черезъ два года. Длина его будетъ 213½ метровъ (100 сажень и 1¼ аршинъ), ширина 25½ метровъ (11 сажень 2 аршина); вместимость его будетъ 22,000 тоннъ (1,375,000 пудовъ), то-есть въ 7 или 8 разъ болѣе величайшихъ кюнердовыхъ пароходовъ. Устройство его не менѣе замѣчательно, нежели огромность. Стѣны будутъ состоять изъ двойной желѣзной одежды, облекающей изнутри и снаружи желѣзный скелетъ или каркасъ, шириною въ аршинъ. Внутренность раздѣлена по длинѣ тринадцатю, а по ширинѣ двумя сплошными желѣзными перегородками, въ томъ родѣ, какъ большіе дома раздѣляются на нѣсколько отдѣленій капитальными стѣнами, такъ-что корабль будетъ раздѣленъ на 42 части, или ящика. Эта система построенія имѣетъ двѣ цѣли: во-первыхъ, придать большую стойкость всему кораблю, во вторыхъ, совершенно обезопасить его судьбу отъ всякихъ пробоявъ и поврежде-

ний. Въ-самомъ-дѣлѣ, еслибъ корабль былъ пробитъ подводною скалою, то вода затопила бы только одно изъ его 42 отдѣленій, и корабль отъ этого поврежденія не только не сълъ бы на дно, но даже не потерпѣлъ бы существеннаго вреда. Гигантскій корабль при хорошемъ вѣтрѣ будетъ ходить и на парусахъ; но главнымъ и постояннымъ его двигателемъ будетъ паровая машина въ 2,600 силъ, которая въ одно время будетъ дѣйствовать и колесами и винтомъ. Соединеніе въ кораблѣ винтоваго и колесоваго механизмовъ имѣетъ цѣлью раздѣленіе напора страшной паровой силы на стѣны корабля, а еще болѣе—соединеніе выгоды винтоваго и колесоваго устройства, потому—что именно въ тѣхъ обстоятельствахъ, когда винтъ дѣйствуетъ невыгодно, колеса дѣйствуютъ самымъ выгоднымъ образомъ, и наоборотъ. Компания, строящая этотъ колоссальный корабль, который обойдется болѣе нежели въ 2,250,000 р. сер., надѣется имѣть возможность перевозить на немъ товары и пассажировъ по низшимъ цѣнамъ, нежели обыкновенныя пароходныя таксы. Въ-самомъ-дѣлѣ, вмѣстимостъ корабля возрастаетъ по кубамъ, когда его перпендикулярный разрѣзъ и сопротивленіе воды возрастаютъ по квадратамъ, или гораздо-менше, такъ—что, напримеръ, корабль, вдвое больше другаго длиною, шириною и осадкою въ водѣ, будетъ поднимать въ восемь разъ болѣе груза, между-тѣмъ, какъ его разрѣзъ будетъ только въ четыре раза болѣе; и, поднимая груза въ восемь разъ болѣе, онъ будетъ требовать только въ четыре раза болѣе силы, то—есть будетъ расходовать на каждую тысячу пудовъ груза вдвое менше силы; взявъ вмѣсто двойнаго тройное увеличеніе длины, ширины и осадки, мы получимъ и вътрое меньшіе расходы на перевозку каждой тысячи пудовъ груза. Разсчетъ простой и вѣрный, и на немъ основано стремленіе къ баснословному увеличенію кораблей. Кроме—того, чѣмъ длиннѣе и массивнѣе корабль, тѣмъ быстрѣе пойдетъ онъ при одинаковой пропорціи движущей силы на каждую тысячу пудовъ груза. Это также математически—вѣрный законъ. Основываясь на всемъ этомъ, компания разсчитываетъ, что ея корабль, при 500 пудовъ груза на одну силу паровой машины, пойдетъ также быстро, какъ лучшіе кюнердо—коллинсовскіе пароходы, берущіе только 200 пудовъ на одну силу машины. Такимъ—образомъ гигантскій корабль будетъ, по разсчету, брать 10,000 тоннъ каменнаго угля, 5,000 тоннъ (320,000 пудовъ) товаровъ и имѣть 500 каютъ 1—го класса, кроме соответственнаго числа пассажирскихъ мѣстъ низшихъ классовъ. Съ запасомъ 10,000 тоннъ угля онъ можетъ идти на полныхъ парахъ 38 сутокъ, то—есть сходить въ Америку изъ Англии и воротиться, не задерживаясь на грузкою новаго угля, и еще привезетъ огромный остатокъ прежняго запаса. Строители даже разсчитываютъ, что, при помощи парусовъ, онъ съ однимъ запасомъ угля будетъ совершать рейсы изъ Англии въ Австралію и обратно, не запасаясь углемъ не только на пути, но и въ Австраліи.

Замѣтимъ кстати, что цифры, приведенныя Дюпеномъ о скорости пароходовъ — среднія цифры по трехлѣтней сложности, и что теперь почтовые пароходы ходятъ ужъ болѣе 20 верстъ въ часъ. Такъ «Аtrato», пришелъ изъ Саутемптона на островъ Св. Фомы (въ Вест-

ниди; длина рейса 3,622 англ. миль, около 5,500 верст) въ 11 сутокъ и 8 $\frac{1}{2}$ часовъ, что даетъ среднюю скорость слишкомъ 23 версты въ часъ, или болѣе 500 верстъ въ сутки—быстрота сообщенія, почти равная быстротѣ сообщенія по желѣзнымъ дорогамъ во Франціи и Россіи, болѣшая, нежели скорость ѣзды по желѣзнымъ дорогамъ въ Германіи. И по величинѣ есть пароходы гораздо—болѣе кюнердовскихъ «Аравія» и «Персія». Такъ «Гималая» имѣетъ 1,600 силъ и беретъ 4,200 тоннъ (болѣе 250,000 пудовъ) груза; этотъ едва-ли не громаднѣйшій изъ нынѣшнихъ пароходовъ, ходитъ еще быстрѣе «Аtrato»: по 14 узловъ (около 25 вертъ) въ часъ, или около 600 верстъ въ сутки!

Но пароходы, несмотря на всѣ свои усовершенствованія, вовсе не вытѣсняють еще парусныхъ судовъ изъ морской торговли: на сторонѣ пароходовъ быстрота и точность, на сторонѣ парусныхъ судовъ дешевизна доставки. Поэтому въ 1851 году только одна пятнадцатая часть товаровъ была перевезена во всесвѣтной торговлѣ на пароходахъ; остальные четырнадцать пятнадцатыхъ были перевезены парусными судами. Съ того времени пропорція въ пользу пароходовъ должна была увеличиться. 1 января 1854 года Англія имѣла, по отчету, представленному въ Палату Депутатовъ, 1,375 пароходовъ, общая вѣстимость, которыхъ была 248,623 тоннъ или около 15,000,000 пудовъ. Это болѣе нежели въ 1851 году; но все еще ничтожно для количества товаровъ всесвѣтной торговли. Этимъ пароходамъ было бы надобно сдѣлать семь рейсовъ, чтобъ удовлетверить требованіямъ одной нашей волжской торговли, провозящей 100,000,000 пудовъ товаровъ вверхъ и 80,000,000 пудовъ внизъ по Волгѣ. Въ одинъ разъ не могли бы они поднять товаровъ, отправляемыхъ изъ одного Рыбинска. Изъ 1735 пароходовъ 395 желѣзныхъ (155 винтовыхъ, 240 съ колесами) и 980 деревянныхъ.

Но возвратимся къ запискѣ Дюпена. Между паровымъ и паруснымъ механизмомъ вѣсто соперничества начинается нѣкоторое единство, и наибольшихъ успѣховъ надобно ожидать судоходству именно отъ этого соединенія различныхъ силъ. Паруса будутъ при попутномъ вѣтрѣ избавляться отъ расходовъ на пары, пары будутъ двигать судно при недостаткѣ вѣтра, и такимъ образомъ экономія, аккуратность и быстрота доставки соединятся. Этотъ принципъ ужъ начинаютъ принимать строители пароходовъ. Теперь только нѣкоторые рѣчные пароходы движутся исключительно силою паровъ. На всѣхъ морскихъ торговыхъ пароходахъ есть и паруса; но парусность ихъ слишкомъ мала, по мнѣнію Дюпена, и должна быть увеличена. На нѣкоторыхъ пароходахъ объемъ парусовъ еще только въ 12 разъ болѣе разрѣза судна въ самомъ широкомъ и глубокомъ мѣстѣ. На другихъ пароходахъ парусность достигаетъ ужъ величинъ 20 разрѣзовъ, а на пароходно-парусномъ кораблѣ «Наполеонъ», чрезвычайно-быстромъ ходокѣ, получившемъ премію «за совершенствоѣйшее примѣненіе пароваго устройства къ военнымъ кораблямъ», объемъ парусовъ равняется 28 поперечнымъ разрѣзамъ корабля въ самомъ широкомъ мѣстѣ. Здѣсь, какъ и во всей почти своей запискѣ, Дюпенъ развиваетъ мнѣнія, высказываемыя Бургуа, опытнымъ и ученымъ

морякомъ; потому его слова должны быть не пустыни теоріи чело-
вѣка, незнакомаго съ дѣломъ специально; не тяжесть мачтъ и значи-
тельное сопротивление, представляемое воздуху снастью паруснаго
суда, едва-ли дозволитъ пароходамъ, которые должны ходить въ
затишь и противъ вѣтра, слишкомъ значительно увеличивать свою
парусность. Что касается до издержекъ на парусное устройство, оны
не могутъ служить ни малѣйшимъ препятствіемъ прибавленія парус-
ности къ пароходу, едва равная одной сороковой части цѣны паро-
ваго механизма.

Но и чисто-парусныя суда стремятся, наравнѣ съ пароходами, уве-
личивать свою скорость. Общее средство къ этому — устройство ихъ
по формѣ пароходовъ, главнымъ образомъ увеличеніе длины при
прежней или уменьшенной ширинѣ и осадкѣ въ водѣ. Съ другой
стороны годъ-отъ-году лучше знакомятся съ теорією вѣтровъ и рас-
предѣленіемъ морскихъ теченій, такъ-что годъ-отъ-году парусныя
суда будутъ вѣрнѣе рассчитывать удобнѣйшее время и лучший путь
для плаванія.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что почитателямъ памяти Уатта, наобрѣ-
тателю паровыхъ машинъ, предлагаютъ присылать въ Гринвѣкъ, мѣсто
его рожденія, по одному машиню съ надписью своего имени. Изъ этихъ
машинъ будетъ воздвигнутъ памятникъ Уатту на высокой скалѣ близъ
Гринока. Подобныя же памятники воздвигаютъ Вашингтону. Не только
въ Англіи, но и въ Канадѣ нашлось уже множество желающихъ учас-
товать въ исполненіи этой истинно-поэтической мысли.

О новооткрытыхъ участкахъ желѣзныхъ дорогъ и нынѣ какъ всегда,
множество извѣстій. Скажемъ только нѣсколько словъ о гигантскомъ пред-
пріятіи, которое давно ужъ кружитъ головами сѣвероамериканцамъ — желѣз-
ной дорогѣ изъ внутреннихъ областей въ Сан-Франциско. Она нужна не
только для прямыхъ сношеній съ Калифорніею, но еще болѣе для-того,
чтобъ сѣвероамериканцамъ получить возможность ѣздить въ Японію
и Китай прямымъ путемъ, не огибая Южной Америки: эта дорога
сократила бы путь изъ Нью-Йорка въ Японію и Китай слишкомъ
вдвое, и американскіе товары доставлялись бы туда въ 28 дней. На-
лучшій, повидимому, проектъ этой дороги, составленный Нотомъ (Not),
таковъ: дорога пойдетъ изъ Джексонсона, стоящаго на Миссури на
западъ отъ Сен-Луи, почти прямо на западъ, къ бриджерскому про-
ходу чрезъ Скалистыя Горы, оттуда пойдетъ на западо-сѣверо-западъ,
къ озеру и лежащему на немъ городу Утахъ (Utah), чрезъ мормон-
скія поселенія, и потомъ на западо-юго-западъ чрезъ Сьерру-Неваду
(Сѣверныя Горы) къ Сан-Франциско. Уклоненія отъ прямой линіи были
бы очень незначительны, если принять этотъ проектъ, и притомъ
была бы та выгода, что дорога пошла бы въ теплому климатѣ, между
30° и 40° сѣверной широты; почва пустынныхъ нынѣ государствен-
ныхъ земель, лежащихъ по этому пути, чрезвычайно-плодородна, и
выгода отъ ихъ продажи и обработки скоро покрыла бы съ избыт-
комъ всѣ издержки дороги. Приблизительная длина дороги будетъ:
отъ Джексонсона до Скалистыхъ Горъ около 1,600 верстъ; отъ Ска-
листыхъ Горъ до города Утахъ около 374 верстъ; отъ города Утахъ

до Сан-Франциско около 1,750 верст; всего около 3,725 верст — расстояние почти равное расстоянiю отъ С. Петербурга до Париза. Невозможнаго тутъ еще нѣтъ.

А Калифорнiя сама-по-себѣ стоитъ желѣзной дороги въ 40 или 50 милльионовъ долларовъ. Всего добыто золота въ ней, со времени открытiя рудниковъ до конца прошедшаго года, на сумму 44,000,000 фунтовъ стерлинговъ (болѣе 270,000,000 р. сер., или около 18,000 пудовъ). Вотъ еще нѣсколько вновь обнаруженныхъ цифръ, свидѣтельствующихъ о быстромъ возрастанiи благосостоянiя и могущества Соединенныхъ Штатовъ.

Изъ недавно-изданныхъ отчетовъ видно, что въ 1851 году въ Соединенные Штаты привезено было товаровъ на сумму 45,000,000 ф. ст. (280,000,000 р. сер.) и почти на такую же сумму (45,400,000 ф. ст.) вывезено.

Доходы Сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ Штатовъ простирались въ прошедшемъ финансовомъ году (считающемся съ 1-го июля) до 74,760,264 доллара (около 99,000,000 р. сер.); доходы прошедшаго года (съ 1-го июля 1852 по 1-е июля 1853 г.) простирались только до 61,000,000 долларовъ; увеличенiе въ одинъ годъ равняется почти 13,800,000 долларовъ (около 18,900,000 р. сер.); излишекъ доходовъ передъ расходами былъ 30,000,000 долларовъ (около 40,000,000 р. сер.); изъ нихъ 20 милльионовъ употреблены на уплату государственнаго долга, а 10 милльионовъ еще остаются въ запасѣ. Въ число доходовъ налоги и пошлины принесли 68 милльионовъ долларовъ, а 7,700,000 доставила продажа государственныхъ земель въ западныхъ краяхъ.

Но возвратимся къ новостямъ, свидѣтельствующимъ объ усовершенствованiяхъ въ приложенiи науки къ промышленной дѣятельности.

Въ сентябрѣ 1851 года первый подводный телеграфъ былъ проложенъ между Дувромъ и Кале. Послѣ того устроены подводные телеграфы между Дувромъ и Остенде, между Форт-Патрикомъ и Донади (между Ирландiей и Великобританiей). Но длиннѣйшiй и важнѣйшiй изъ всѣхъ нынѣ существующихъ подводныхъ телеграфовъ устроивается для соединенiя Европы съ Африкою, чрезъ Корсику и Сардинiю. Подводный канатъ телеграфа будетъ состоять изъ трехъ частей. Первая (около 90 миль, 140 верст.) будетъ положена въ Средиземное Море между Спецциено (въ Италии) и мысомъ Корсо (самою сѣвѣрною оконечностью Корсики); потомъ пойдетъ телеграфъ по землѣ, чрезъ всю длину Корсики, до южнаго ея конца; работы на материкѣ Корсики уже начаты; Корсика соединится съ Сардинiею вторымъ отдѣленiемъ подводнаго телеграфа; длиною около 15 верстъ; по Сардинiи опять пойдетъ обыкновенный электрический телеграфъ; третья и самая длинная часть подводнаго каната проложится между южною оконечностью Сардинiи (мысомъ Кальвари) и африканскимъ берегомъ, близъ Туниса, гдѣ соединится съ французско-африканскимъ электрическимъ телеграфомъ, который будетъ готовъ къ январю. Длина подводнаго каната между Сардинiею и Африкою будетъ не менѣе 150 англ. миль (230 верстъ); эта послѣдняя часть каната будетъ вѣсить около 75,000 пудовъ; и когда мы подумаемъ, что

глубина моря, въ которое долженъ быть погруженъ канатъ, доходитъ до 350 сажень, то невозможно не удивляться успѣхамъ науки и промышленности. Весь канатъ дѣлается въ Англiи; первая часть его (150 верстъ) ужъ готова и скоро будетъ отправлена для погруженiя. Приготавливается онъ слѣдующимъ образомъ. На пеньковый канатъ, пропитанный смѣсью изъ масла, сала, дегтя и смолы, навиваются шесть идныхъ проволокъ, собственно составляющихъ «телеграфъ»; онѣ покрыты гутта-перчевой одеждой, которая изолируетъ ихъ и предохраняетъ отъ ржавчины; онѣ не касаются одна другой; для этого и для сохраненiя совершенно-правильной круглой формы, въ промежуткахъ навиваются вмѣстѣ съ ними толстые пеньковые шнуры, ихъ раздѣляющiе. Все это покрывается слоемъ лучшей пеньки, приготовленной такъ же, какъ и центральный канатъ; слой этотъ сплетается въ видѣ сплошной непроницаемой сѣтки. Потомъ все это обвивается двѣнадцатю толстыми желѣзными проволоками. Сплошная наружная спираль ихъ идетъ такъ плотно и вѣрно, что имѣетъ очень красивый и математически правильный видъ. Англiйская миля каната вѣситъ около 8 тоннъ (500 пудовъ), или каждая сажень около 25 фунтовъ; весь подводный канатъ, длиною около 250 миль (375 верстъ), будетъ вѣсить 2,000 тоннъ (125,000 пудовъ), и будетъ совершенно готовъ къ августу. Какъ быстро идетъ дѣло, можно заключать изъ того, что еще 16-го января было поле тамъ, гдѣ нынѣ фабрика, выстроенная для приготовленiя каната. Телеграфъ устраиваетъ частная компанiя, «Компанiя Телеграфа чрезъ Средиземное Море»; ея директоръ Джонъ Бреттъ, телеграфическiй инженеръ. Объ огромности расходовъ говоритъ уже то, что наемъ парохода для отвозки готовыхъ 100 миль каната и его нагрузка обошлись болѣе нежели въ 60,000 р. сер. Отправка происходила въ присутствiи множества ученыхъ и другихъ почетныхъ лицъ, приглашенныхъ на это торжество промышленности и науки. 30-го iюня этотъ пароходъ (Persian), съ своимъ канатомъ между Италией, Корсикою и Сардинiей, пришелъ въ Геную и теперь канатъ вѣроятно уже погруженъ и половина дѣла сдѣлана. Остается положить самую длинную часть, между Сардинiей и Африкой.

Вотъ обыденныя извѣстiя того же рода: Швейцарское правительство строитъ электрической телеграфъ между Риги и Люцерномъ. Открытъ электрической телеграфъ между Бомбеемъ и Калькуттою.

Въ Лондонскомъ Обществѣ заграничныхъ ученыхъ была недавно читана записка о томъ, какъ необходимо для Индiи улучшенiе путей сообщенiя, проложенiе желѣзныхъ дорогъ, проведенiе каналовъ; какъ необходимо правительству позаботиться о развитiи въ этой странѣ земледѣлiя и т. д. Въ-самомъ-дѣлѣ, доказательства представлены очень-ясныя: всего изъ Индiи вывозится товаровъ на сумму только отъ 10 до 20 милiйоновъ фунтовъ стерлинговъ, при народонаселенiи въ 150 милiйоновъ; сравните эти цифры съ цифрами доходовъ и торговли Соединенныхъ Штатовъ, имѣющихъ въ шесть разъ менше населенiя, и вы скажете, что Индiя дѣйствительно находится въ жалкомъ положенiи. Есть за нынѣшнiй мѣсяцъ и другiя извѣстiя объ

электро-магнетизмъ, постоянно расширяющемъ кругъ своихъ полезныхъ приложений.

Въ Готѣ (въ Саксоніи) изобрѣтена Вильямомъ Ганзенемъ электро-магнитная гравировальная машина. Доведена ли она до совершенства изобрѣтателемъ, или будетъ еще нуждаться въ улучшеніяхъ, чтобы достигать своей цѣли—объ этомъ можно будетъ судить только увидѣвъ гравюры, исполненныя при ея помощи; но что способъ, на которомъ она основана, совершенно удобопримѣнимъ, это можно сказать ужъ и теперь. Не ошибемся мы, если предскажемъ и то, что примѣненіе электромагнетизма къ гравированію должно произвести переворотъ въ этомъ искусствѣ, довести его до чрезвычайной степени совершенства, и съ тѣмъ вмѣстѣ сдѣлать гравюры на стали гораздо болѣе дешевыми. Не входя въ техническія подробности, расскажемъ сущность дѣла. Рѣзецъ, утвержденный въ станкѣ, приводится въ сообщеніе съ проволокою электро-магнитной машины. Смотри по тому, идетъ ли черезъ проволоку, или перерывается электро-магнитный токъ, рѣзецъ то приподнимается, то опускается. Подъ рѣзцомъ гравуруемая доска, которая медленно движется механизмомъ, подобнымъ часовому. Опустившись, рѣзецъ дѣлаетъ на ней точки или черты, смотря по тому, мгновенно поднять онъ опять вверхъ силою электро-магнита, или остается нѣсколько времени прижать къ доскѣ. Когда мы припомнимъ быстроту и точность, съ какою можетъ нажимать и поднимать рѣзецъ электро-магнитная машина, то убѣдимся, что гравюра можетъ быть исполнена такимъ образомъ необыкновенно-чистой, точная, превосходная, и что процессъ гравированія можетъ идти значительно—быстрѣе, нежели нынѣ.

Вотъ и другое приготовляемое наукою для промышленности приложеніе электро-магнетизма. Извѣстный французскій физикъ Бекрель (Becquerel) читалъ въ Парижской Академіи Наукъ записку о своихъ опытахъ извлеченія драгоцѣнныхъ металловъ не промываніемъ, или ртутнымъ процесомъ, какъ это дѣлается теперь, а электро-химическимъ путемъ. Онъ занимается этими опытами ужъ около двадцати лѣтъ и производилъ ихъ надъ довольно большимъ количествомъ (около 1,000 пудовъ) руды, доставленной ему изъ Мексики, Колумбін, Перу и Алтая. Онъ подвергаетъ руду разнымъ химическимъ операціямъ, и такимъ образомъ превращаетъ ее въ химическую смѣсь, растворяющуюся въ водѣ. Растворивъ эту смѣсь водою, онъ подвергаетъ ее дѣйствию электричества, которое разлагаетъ ее, отдѣляетъ металлы и осаждаетъ ихъ. Вмѣстѣ съ краткою запискою онъ представилъ Академіи сочиненіе, трактующее объ этомъ вопросѣ во всѣхъ подробностяхъ и объявилъ, что скоро начнетъ его печатать.

Изъ другихъ еще болѣе прямыхъ приложений науки къ жизни, скажемъ, во первыхъ, о размноженіи числа породъ полезныхъ домашнихъ животныхъ. Но прежде выпишемъ нѣсколько словъ изъ вышедшаго на-дняхъ новаго изданія лучшей книги объ этомъ предметѣ (*Domestication et naturalisation des animaux utiles*, par Isidore Geoffroi Saint-Hilaire) «Приученіе полезныхъ животныхъ къ тому, чтобы они дѣлались домашними (аклиматизировались).» Изъ древнихъ народовъ,

Римляне старательнѣе и успѣшнѣе всѣхъ занимались обращеніемъ животныхъ, живущихъ на волѣ, въ домашнихъ. Но вниманіе ихъ было обращено преимущественно на дрессированье страшныхъ звѣрей, мадѣтъ которыми было лестве для тщеславія знатныхъ покупщиковъ; извѣстно, что у нихъ были ручные львы, тигры, пантеры, которыхъ можно было запрягать въ экипажи. И теперь умѣютъ достигать этого : въ одномъ изъ парижскихъ цирковъ «укротитель» Эдмундъ, подобно Геліогабалу, въ колесницѣ, запряженной двумя львами. Теперь въ звѣринцахъ фокусниковъ есть слоны, умѣющіе становиться, къ неопisanному восторгу толпы, на переднія ноги, внизъ головою, вверхъ задними ногами. Римскіе дрессировщики достигали еще большаго успѣха : у нихъ были танцующіе слоны, какъ теперь есть пляшущія собаки; и этого мало : во время триумфальныхъ торжествъ въ честь Германика, римлянамъ показывали слоновъ, пляшущихъ на конатѣ. Но все это были пустыя штуки, изъ которыхъ не могло произойти никакой пользы. Также искусно умѣли римляне откармливать разныхъ животныхъ для своихъ гастрономическихъ столовъ; умѣли откармливать даже улитокъ, составлявшихъ у нихъ лакомое блюдо; но и здѣсь искусство служило только роскоши, прихоти, а не пользѣ. Гораздо-большаго вниманія заслуживаетъ искусственное разведеніе не только рѣчныхъ, но и морскихъ рыбъ, хотя и оно имѣло цѣлью удовлетвореніе причудливому вкусу гастронома, а не общей пользѣ. Такъ римляне переселили любимую гастрономами рыбу scapus изъ Греческаго моря въ Тосканское, и акклиматизировали ее тамъ. Намъ еще далеко до такого искусства. Наконецъ Варронъ говоритъ, что римлянамъ было извѣстно искусственное оплодотвореніе рыбьей икры—дѣло, столько занимающее нынѣ естествоиспытателей и возбуждающее столько споровъ.

Относительно искусственнаго размноженія рыбъ можемъ сообщить интересные опыты, которые дѣлалъ Лами въ пруду Ментенонскаго Парка съ искусственными приютами для метанія икры; эти удачные опыты могутъ до извѣстной степени вести къ той же цѣли, какой стараются достигнуть искусственнымъ оплодотвореніемъ икры. Извѣстно, что рыба ищетъ для метанія икры мѣсть, поросшихъ водяными травами, за которыя цѣпляется икра; Лами придумалъ устроить въ пруду подобныя искусственныя загорода, которыя, по окончаніи метанія икры, могли бы съ прилишкомъ къ нимъ икрою быть передвинуты въ особенные резервуары, гдѣ икра будетъ ужъ совершенно предохранена отъ всѣхъ опасностей и гдѣ, поэтому, ни одинъ зародышъ не будетъ погибать. Онъ устроилъ пловучіе кустарники изъ привязанныхъ къ деревяннымъ рѣшеткамъ прутьевъ; они погружаются въ воду и прикрепляются веревками къ баласту, брошенному на дно. Когда приходитъ время метанія икры, водяная трава въ пруду уничтожается, и такимъ образомъ вся рыба должна приходиться метать икру въ этихъ кустарникахъ. Изъ рыбъ, живущихъ въ пруду Ментенонскаго Парка, первыя мечутъ икру окуни. Съ ними опытъ удался: въ резервуары передвинуто было на кустарникахъ огромное количество икры, изъ которой вышли милліоны молодыхъ окуней,

теперь, по достижении достаточного роста выпускаемыхъ въ рѣку Эру (Eure). Когда первый отъотъ былъ посланъ, оставалось еще видѣть, въ такой ли же степени удаченъ будетъ опытъ надъ карпами и другими породами ментеновской рыбы, для которой не приходило еще тогда время метанія икры; но успѣхъ вѣроятенъ. Способъ, употребленный Лами, съ незапамятныхъ временъ употребляется китайцами, которые, во время метанія икры, на цѣлые десятки верстъ устилаютъ рѣки рогожами и потомъ перетаскиваютъ эти рогожи съ приставшей къ нимъ икрой въ мѣста, гдѣ икра безопасна отъ хищной рыбы и другихъ враговъ.

Вотъ еще извѣстie, хотя отчасти относящееся сюда. Извѣстно, какъ часто случается большимъ терпѣть недостатокъ въ пивкахъ. Простой поселенникъ въ департаментъ Жиронды съ большимъ успѣхомъ разводитъ пиво у себя въ пруду, загоня туда на нѣсколько времени старыхъ коровъ и лошадей, кровью которыхъ откармливаются пивки. Эта спекуляція приноситъ ему большія выгоды. Но жестокость ея ужасна.

Въ Европу привезли между-тѣмъ новаго товарища волашь, коровамъ и лошадямъ. Гость издалека, и провозъ его стоитъ большихъ хлопотъ; но если гость привыкнетъ къ Европѣ, то всѣ хлопоты вознаграждаются съ избыткомъ новыми удобствами, которыя доставитъ онъ своимъ хозяевамъ. Этотъ новопривъжій — якъ (Yack), китайскій буйволъ съ лошадинымъ хвостомъ. Польза отъ распространенія въ Европѣ этой породы скота была бы, по мнѣнiю Изидора Жофруа-Сент-Илера, неисчислима. Въ горныхъ областяхъ Тибета и Китая якъ вполне замѣняетъ жителямъ лошадь, корову и овцу: на немъ они перевозятъ выюки; его запрягаютъ въ телегу, его употребляютъ для запахиванія полей; отъ него получается и мясо и молоко, и наконецъ его очень-густая и длинная шерсть замѣняетъ овечью вольну. Якъ очень-скоро размножается, неприхотливъ на пищу, не боится никакихъ холодовъ. Потому надобно думать, что его легко акклиматизировать въ Европѣ. Но до-сихъ-поръ въ Европѣ существовалъ только одинъ экземпляръ этой породы; онъ принадлежалъ звѣринцу лорда Дерби. Теперь, благодаря усилiямъ Жофруа Сент-Илера и Парижскаго Зоологическаго Общества, было поручено французскому агенту, Монтини, возвращающемуся изъ Азiи въ Европу, привезти съ собою нѣсколько яковъ для разведенiя ихъ во Францiи, и Монтини успѣлъ довести въ цѣлости до Гавра стадо этихъ животныхъ, состоящее изъ двѣнадцати головъ отборнаго качества.

Англiйскiе почитатели Либиха собрали по подпискѣ болѣе 1,000 ф. ст. (6,000 р. сер.) для поднесенiя ему подарка, въ знакъ уваженiя къ его заслугамъ наукъ. На собранную сумму купленъ серебряный сервизъ. Это подаетъ намъ поводъ сказать опять нѣсколько словъ объ Англии и Обществѣ Искусствъ.

Въ Лондонскомъ Обществѣ Искусствъ (Society of Arts) докторъ Книгъ Челмерсъ (Chalmers) читалъ интересную записку «О промышленной патологии или болѣзняхъ и вредныхъ послѣдствiяхъ, соединенныхъ съ нѣкоторыми занятiями». — Онъ указалъ ремесло портныхъ, которые

должны постоянно сидѣть съ поджатыми ногами, отчего разстраивается желудокъ и внутренности, страдаетъ спинной хребетъ и грудь; на сапожниковъ, которые, кромѣ всего этого, еще должны постоянно сильно надавливать колодкою верхнюю часть живота и грудь; на прачекъ, у которыхъ, отъ долгаго стоянья, страдаютъ ноги; на зеркальщиковъ, которые постоянно вдыхаютъ ртутныя пары и т. д. Дѣло промышленной патологiи изслѣдовать, не можетъ ли быть устроенъ верстакъ для портныхъ такъ, чтобъ они могли сидѣть въ менѣе-вредномъ положенiи? не можетъ ли быть сапожная колодка устроена такъ, чтобъ не давить лёгкiя? не можетъ ли быть изобрѣтена удобная для прачекъ сѣсть? Вся эта рѣчь — слѣдствiе предложенiя Общества Искусствъ обратитьъ вниманiе на эти важныя вопросы, и говорена съ намеренiемъ выставить на видъ всю ихъ важность. Вслѣдствiе этой рѣчи, основныя мысли которой, не смотря на всю важность свою, очень удобоприимимы и ни отъ кого не требуютъ никакихъ пожертвованiй, Члены Общества рѣшили ежегодно устраивать выставку новоизобрѣтаемыхъ рабочихъ инструментовъ и другихъ принадлежностей работы, которая имѣютъ цѣлью облегчить и сдѣлать менѣе-вредными для здоровья различныя роды работъ. Кромѣ того, Общество Искусствъ предположило ежегодно готовить подробное «разысканiе» подобнаго рода относительно той или другой части промышленной патологiи. Въ нынѣшнемъ году назначило оно «разысканiе о вредныхъ послѣдствiяхъ различныхъ работъ для глазъ», и въ отвѣтъ на свою тѣму получило уже много дѣльныхъ записокъ.

Въ этомъ же засѣданiи Общества Искусствъ была прочитана Мэкуортомъ (Mackworth) записка «О патологiи рабочихъ въ рудникахъ и копахъ (On the pathology of the miners)» имѣющая тѣсное родство съ Чельмерсовой. Онъ говоритъ, что въ Великобританiи изъ тысячи такихъ рабочихъ 125 бываютъ убиваемы, засыпаемы землею, убиваемы обрушивающимися кусками земли, балками и вообще кончаютъ жизнь неестественною смертью, такъ — что изъ 250,000 рабочихъ въ Англiи 30,000 должны погибнуть насильственною смертию. Въ Бельгiи пропорцiя эта вдвое менѣе. Но погибель отъ подобныхъ несчастныхъ случаевъ зло еще ничтожное въ сравненiи съ непремѣннымъ сокращенiемъ естественнаго срока жизни, рановременностью смерти, общою участью всѣхъ работающихъ въ рудникахъ и копахъ. Статистическiя таблицы доказали Мэкуорту, что работа въ каменноугольныхъ копахъ, желѣзныхъ, мѣдныхъ, оловянныхъ и свинцовыхъ рудникахъ (другихъ въ Великобританiи очень мало) сокращаетъ жизнь рабочаго пятнадцатю, или, въ самомъ счастливомъ случаѣ, двѣнадцатю годами; и вредныя условiя, производящiя такое страшное влiянiе, почти всѣ могли бы быть устранены съ выгодною для самихъ владѣтелей рудниковъ. Въ примѣръ этого приведемъ только очищенiе и освѣженiе воздуха въ шахтахъ, духота и нездоровость котораго одна изъ губительшихъ сторонъ работы. Въ тѣхъ рудникахъ, гдѣ устроена хорошая вентиляцiя, рудокопъ работаетъ гораздо-успѣшнѣе, живѣе, сильнѣе, такъ-что въ четыре дня успѣваетъ сдѣлать столько же, сколько дѣлаетъ въ пять дней въ руд-

никахъ безъ вентиляціи. Поразительное доказательство представляютъ «соединенные рудники» корнуэльскіе. Годъ назадъ прокопать въ нихъ англійскую сажень (однимъ футомъ менѣ русской) стоило 17 ф. ст.; температура въ рудникахъ была 105° Фаренгейта (32° Реомюра—духота дѣйствительно изнурительная); рабочіе должны были смѣняться каждыя пять минутъ. По просьбѣ директора, Уильямса, г. Мэкуортъ осмотрѣлъ рудники и составилъ проектъ вентиляціи; проектъ былъ принятъ; воздухъ освѣжился, температура упала до 70° Фаренгейта (19° Реомюра—нѣсколько-жарко, но ужь очень опасно. Мэкуортъ говоритъ, что можно было бы, при осуществленіи плана, понизить теплоту до 17° или даже ниже), и теперь прокопать англійскую сажень стоитъ только 8 ф. ст. (31 р. сер. вмѣсто прежнихъ 105 р. сер.—въ 3½ раза дешвле).

Не такъ удобоприложимы, но тѣмъ не менѣ интересны наблюденія другаго англійскаго врача относительно связи между господствующими вѣтрами и болѣзнями. Записку объ этомъ читалъ докторъ Мофетъ въ Лондонскомъ Литературномъ Обществѣ. По его изслѣдованіямъ, наибольшее число больныхъ бываетъ при южныхъ вѣтрахъ; наименьшее число умирающихъ при вѣтрахъ сѣверныхъ. Есть болѣзни, особенно-развивающіяся при извѣстныхъ направленіяхъ вѣтра. Апоплексія, эпилепсія и другія причины такъ-называемой «скоропостижной» смерти свирѣпствуютъ преимущественно во время града и снѣга и во время сѣверозападнаго или юговосточнаго вѣтра, при которыхъ обыкновенно бывають эти атмосферическія явленія. Конечно, наблюденія доктора Мофета относятся только къ Лондону, и въ другихъ мѣстностяхъ выводы должны измѣниться сообразно различію въ качествахъ того или другаго вѣтра.

Нѣсколько очень-отрадныхъ подробностей объ исцѣленіи кретиניзма, этой страшной язвы низменныхъ долинъ у подошвы Альповъ, обнаружено въ брошюрѣ объ абендсбергскомъ заведеніи для кретиновъ, находящемся въ Бернскомъ Кантонѣ и основанномъ докторомъ Гуггенбулемъ (Guggenbühl). Заведеніе построено на Абендсбергѣ, въ Альпійскихъ Горахъ, на высотѣ 5,000 футовъ надъ моремъ; такое возвышенное мѣстоположеніе избрано, безъ-сомнѣнія, потому, что тяжелый воздухъ низменностей считается главною причиною кретинизма. Неутомимыя попеченія доктора о своихъ воспитанникахъ награждаются желаннымъ успѣхомъ: расслабленные, старчески-изможденные, слабоумныя дѣти черезъ нѣсколько мѣсяцовъ превращаються у него въ понятливыхъ и здоровыхъ; прежде они могли только мычать; въ Абендсбергѣ они приобретаютъ способность говорить. Когда оны принимаютъ ихъ, они лишены почти совершенно не имѣють чувствъ обонянія и вкуса: они ѣдятъ все безъ разбора, руководясь только инстинктомъ голода; хорошая пища не пробуждаетъ въ нихъ удовольствія; въ заведеніи Гуггенбуля они становятся существами разсудительными. А еще недавно считали кретинизмъ и соединенное съ нимъ слабоуміе неисцѣлимымъ. Методъ исцѣленія и воспитанія, принятый въ Абендсбергѣ, очень простъ и разуменъ. Физическое расслабленіе кретиновъ, происходящее отъ гни-

лаго и сыраго климата ихъ родины, тамъ лечать свѣжимъ воздухомъ, яснымъ климатомъ, въ которомъ расположено заведеніе, здоровою пищею и гимнастическими упражненіями, укрѣпляющими силы. Укрѣпивъ тѣло, начинаютъ развивать и разумокъ, подавленный прежде немощью его. Главный трудъ — выучить кретинновъ говорить, пробудить въ нихъ разумную дѣятельность слуха и голоса. Для этого учать ихъ шевелить губами, какъ нужно это для произношенія звуковъ, говорятъ имъ черезъ слуховую трубу (такъ заснуло въ нихъ чувство слуха!) рисуя въ то же время фосфоромъ на стѣнѣ предметы. Этотъ утомительный путь доводитъ наконецъ учителя до цѣли возвращенія слабоумному кретину его человѣческаго достоинство. Успѣхъ абендсбергскаго заведенія, существующаго съ 1842 года, былъ причиною основанія другихъ подобныхъ заведеній для кретинновъ и идиотовъ въ Вюртембергѣ, Баваріи, Англии и другихъ странахъ. Вообще результаты, въ нихъ достигаемые, такъ удивительны, что число заведеній, возникающихъ по ихъ образцу, должно быстро увеличиваться.

Но вотъ и чисто-ученое, совершенно, повидимому, отвлеченное отъ приложенія открытіе за нынѣшній мѣсяць, чрезвычайно, однакожъ, интересное по связи своей съ ужаснѣйшимъ изъ бѣдствій, поражающихъ цѣлыя страны.

Если справедливо, что твердая кора земнаго шара очень-тонка въ сравненіи съ его поперечникомъ, будучи нетолще пятидесяти верстъ, и что вся внутренняя матерія земнаго шара находится въ расплавленномъ состояніи (замѣтимъ, однакожъ, что такое мнѣніе отвергается нынѣ многими учеными), то внутренняя жидкая масса должна, подобно наружной массѣ жидкости — водамъ океана, подчиняться притягательной силѣ луны, и, хотя въ меньшей степени, солнца. Какъ дѣйствіе луны производитъ приливъ и отливъ водъ океана, такъ и внутренняя жидкая масса должна стремиться приливать къ тѣмъ мѣстамъ, надъ которыми проходитъ луна. Такое же дѣйствіе, только въ меньшей степени, какъ и на воды океана, должно оказывать на нее и солнце; когда (во время новолунія и полнолунія) притягательная сила обонхъ свѣтилъ дѣйствуетъ по одному направленію, приливы жидкой внутренней массы должны быть сильнѣе; когда (какъ въ первую и третью четверть луны) притягательное дѣйствіе солнца, направляясь именно на тѣ мѣста, гдѣ отъ дѣйствія луны происходитъ отливъ, ослабляетъ вліяніе притягательной силы луны, приливы жидкой внутренней массы должны быть слабѣе, подобно тому, какъ ослабѣваютъ въ это время и приливы океана. Но, стремясь приливать къ извѣстному пункту, внутренняя жидкая масса должна встрѣчать сопротивленіе въ неподвижной твердой оболочкѣ земли, должна сильно давить на нее, производить въ ней сотрясенія, и это можетъ быть считаемо одною изъ причинъ землетрясеній. Чтобы подобная гипотеза обратилась въ положительный фактъ науки, или была отвергнута наукою, какъ неосновательное положеніе, надобно подвергнуть ее провѣркѣ фактами. Такою провѣркою занимается постоянно ужъ нѣсколько лѣтъ французскій ученый Перре (Alexis

Реггеу). Онъ собираетъ всѣ известія о времени мѣсяца и дня, когда происходили землетрясенія, и потомъ съображаетъ нѣтъ время съ положеніемъ луны и солнца относительно мѣста, гдѣ происходило землетрясеніе. Трудъ его далеко еще неполонъ; и теперь онъ проситъ Парижскую Академію помочь ему въ собираніи матеріаловъ; но онъ ужъ успѣлъ вычислить положеніе луны и солнца, во время нѣсколькихъ тысячъ землетрясеній; за одно только нынѣшнее столѣтіе собралъ онъ болѣе 7,000 наблюденій; особенно подробно анализирована имъ таблица 824 землетрясеній, замѣченныхъ въ Арекуипѣ (Arequipa, въ Перу). Изъ этого анализа онъ вывелъ: 1) что въ то время, когда притягательное дѣйствіе луны и солнца направлено по одной линіи, и взаимно усиливается (во время полнолуній и новолуній), землетрясенія бывають чаще, нежели въ другія времена; 2) что они также бывають чаще въ то время, когда луна стоитъ на меридіанѣ мѣста, нежели тогда, когда она далеко отходитъ отъ меридіана; 3) что они бывають чаще въ то время, когда луна въ ближайшемъ разстояніи отъ земли (въ перигеѣ), нежели тогда, когда она отдаляется отъ земли. Нельзя не согласиться, что этими выводами совершенно подтверждаются апіорическія соображенія о вліяніи луны на землетрясенія, подобномъ ея вліянію на приливы и отливы.

Такъ—какъ рѣчь идетъ о землетрясеніяхъ, то прибавимъ, что недавно было два землетрясенія, одно въ Америкѣ, и очень—сильное. Сан—Сальвадоръ, главный городъ области того же имени въ Центральной Америкѣ, разрушенъ имъ 14-го апрѣля; въ первые десять дней послѣ этого бѣдствія было отыскано подъ развалинами 308 труповъ; но болѣшая часть жителей, предостереженные легкими сотрясеніями земли, предшествовавшими страшному кризису, успѣли спастись бѣгствомъ. Другое землетрясеніе, довольно—сильное, было слышно въ концѣ іюня въ Козенцѣ, въ Неаполитанскомъ Королевствѣ.

Въ лондонской общественной жизни мы отмѣтили уже довольно—много явленій; во первыхъ, открытіе Кристальнаго Дворца—новость, которая занимала лондонское общество уже нѣсколько мѣсяцовъ, и столько же, если не болѣе, будетъ занимать его; потомъ обѣды, слѣдовавшія за торжествомъ открытія; юбилей Общества Искусствъ; Воспитательная Выставка; нѣсколько художественныхъ выставокъ, хотя не особенно—блестящихъ, однакожъ достойныхъ занять вниманіе публики; но, кромѣ—того, въ Лондонѣ двѣ оперныя труппы, о которыхъ мы будемъ говорить ниже и изъ которыхъ одна, итальянская, отличается прекраснымъ составомъ (Лаблашъ, Маріо, Гриси, Віардо и проч.), другая, какъ увидимъ, также иногда способна возбудить интересъ новыми или забытыми операми, придающими большую занимательность ея спектаклямъ. И этого мало. У лондонцевъ теперь есть еще истинно—блестящая надежда: увидѣть наконецъ истинный блескъ солнечный, непомрачаемый, какъ прежде, каменцоугольнымъ чадомъ, достойнымъ диккенсова Кокстоуна. Въ—самомъ—дѣлѣ жители Лондона надѣются, что скоро дымъ не будетъ вѣчно лежать на ихъ городѣ, какъ черный саванъ. Такая нездоровая и непріятная оригиналь-

ность Лондона легко можетъ быть уничтожена, потому-что происходитъ не столько отъ качества каменнаго угля, какъ теперь открывается, сколько отъ дурнаго устройства печей и трубъ, въ которыхъ уголь плохо перегораеть. Давно ужъ думали о средствахъ уничтожить этотъ заражающій атмосферу недостатокъ. Наконецъ придуманъ снарядъ, въ которомъ чадъ и дымъ совершенно перегорають, такъ-что труба перестаетъ изрыгать страшное количество смрада. Актъ Парламента теперь обязываетъ лондонскихъ домохозяевъ и заводчиковъ, которыхъ печи превышаютъ размѣръ обыкновенныхъ комнатныхъ печей, къ 1-му августа запастись этимъ снарядомъ.

Ничего этого нѣтъ у Парижанъ. У нихъ почти нѣтъ и солнца, потому-что безпрестанно идутъ дожди; фѣльетонисты не могутъ изъ своей изобрѣтательной головы выжать ни одной новости и принуждены говорить о погодѣ. Они пытались-было говорить о новыхъ или старыхъ лавреатахъ, отысканныхъ Французскою Академіею для выдачи имъ премій за прилежаніе въ сочиненіи драмъ; но выходило очень плохо. Вообще очень-многими странностями обильны дѣйствія Французской Академіи. Напримѣръ: každогодно назначаетъ она тѣмы для похвальныхъ словъ (éloge) тому или другому великому человѣку, часто выбирая при этомъ такихъ великихъ людей, которые ужъ давно перестали считаться великими и которыхъ ровно не за что хвалить. Немень-оригинально и то, что, раздавая ежегодно преміи за лучшее стихотвореніе, за лучшее драматическое произведение и т. п., она имѣетъ почти на каждую награду постоянного лавреата, который съ незапамятныхъ лѣтъ неизмѣнно получаетъ премію и неизмѣнно остается лучшимъ поэтомъ—только въ глазахъ Академіи, потому-что только одна она и читаетъ его увѣнчанное произведение. Такъ премію за стихотворство всегда получаетъ одна и та же мадамъ, или мадмуазель, Луиза Колле; такъ и въ нынѣшній разъ драматическую премію получилъ знаменитый послѣдователь Расина и Корнеля, Понсаръ, за свою комедію «Честь и Деньги» (l'Honneur et l'Argent). Но возвратимся къ погодѣ. Не въ одномъ Парижѣ, а почти во всей Франціи погода была до послѣдняго времени такая, что говорить о ней надобно было не болтливыми шутками фѣльетониста, а грустными языкомъ экономиста: проливные дожди грозили погубить всѣ хлѣба; но въ послѣднее время солнце опять показалося и надежды на порядочную жатву оживились. Прежде парижанамъ было всегда готово пріятное убѣжище отъ дождя—театръ; въ нынѣшній сезонъ и театры въ Парижѣ были плохи; особенно мучила парижанъ Софія Крувелли, которую они прежде такъ восхищались. Она не столько пѣла, сколько кричала, и не столько кричала, сколько размахивала руками на весь театръ. Кромѣ этого, она еще довела до удивительной крайности слабость многихъ примадоннъ искажать свою партію всевозможными измѣненіями: она рѣшительно вообразила, что должна пѣть не музыку Мейербергера или Россини, а то, что ей прійдетъ въ голову; такъ-что не было никакой возможности отгадывать, какую партію, изъ какой оперы она поетъ—да она и не пѣла никакой партіи, а просто фантазировала. Это вывело изъ терпѣнія парижскую публику, можетъ

быть, содѣйствовало и совершенному разстройству дѣлъ несчастной парижской оперы, которая ужъ много лѣтъ были въ самомъ жалкомъ положеніи, несмотря на всѣ пособія отъ казны. Наконецъ правительство увидѣло, что опера рѣшительно погибаетъ при нынѣшнемъ своемъ устройствѣ (она, подобно всѣмъ другимъ парижскимъ театрамъ, кромѣ Théâtre-Français, была частнымъ предпріятіемъ директора, содержавшаго ее на свой счетъ) и поэтому рѣшилось принять оперу въ свое непосредственное завѣдываніе и обратить ее изъ частнаго учрежденія въ придворное, какъ это было при Наполеонѣ и при Бурбонахъ. Директоромъ отъ казны оставленъ прежній содержатель оперы (Несторъ Рокпланъ) съ жалованьемъ 24,000 франковъ. Посмотримъ, лучше ли пойдутъ дѣла на слѣдующій сезонъ, потому-что теперь опера закрыта. Кромѣ этой новости сомнительнаго характера, всѣ остальные въ парижскомъ артистическомъ мірѣ—похоронныя. Умерла *Ребекка*, сестра Рашели, довольно-хорошая актриса. При такомъ уменьшеніи числа родныхъ очень естественно усиленіе привязанности къ тѣмъ, которые остаются въ живыхъ. Но вынуждать, какъ это, говорятъ, сдѣлала Рашель, у Французскаго Театра 12,000 франковъ жалованья своему брату, Рафаэлю Феликсу, котораго талантъ такъ хорошо извѣстенъ и нашей публикѣ, значить простирать свою родственную любовь слишкомъ-далеко.

Умеръ *Жюль Севестъ*, директоръ Théâtre Lyrique. Всѣ хвалятъ его прекрасный характеръ и правила и искренно сожалѣютъ о немъ. Столько же жалюютъ и молодого композитора *Жоржа Буке* (Vousquet), очень-даровитаго и начинавшаго пріобрѣтать извѣстность. У него осталось семейство почти безъ всякихъ средствъ къ существованію. Жюль Севестъ передъ смертью готовилъ двѣ оперы Буке къ постановкѣ на сцену своего театра. Умеръ также *Эмиль Сувестръ*, одинъ изъ даровитѣйшихъ современныхъ французскихъ бельетристовъ. Вотъ его краткая біографія. Эмиль Сувестръ былъ родомъ изъ Бретани, и первую извѣстность въ литературѣ пріобрѣлъ своими статьями о народной словесности, нравахъ и суевѣріяхъ Бретонцевъ; онѣ печатались въ *Révue des Deux Mondes*, а потомъ вышли отдѣльною книгою подъ заглавіемъ «*Les derniers Bretons*»; прекрасные *Recits de la Muse populaire*, «разказы простонародной музы», служатъ продолженіемъ этимъ статьямъ. Кромѣ-того, онъ писалъ повѣсти въ родѣ Тѣпфера, отчасти сантиментальныя, отчасти юмористическія; одна изъ нихъ (Охота за козами) переведена въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «Москвитинина». Если Сувестръ и вдался иногда въ сантиментальность, то еще чаще онъ чрезвычайно-наивно и мило описывалъ простонародный бытъ. Въ самой Франціи этотъ писатель не пользовался всею извѣстностью, какой заслуживалъ: онъ былъ слишкомъ безыскусственъ для французской публики.

Этимъ еще далеко не оконченъ длинный рядъ болѣе или менѣе извѣстныхъ лицъ, умершихъ въ Парижѣ: къ нимъ надобно прибавить *Лаказа*, (Las Cases) сына того Лаказа, которому Наполеонъ диктовалъ свои записки, и супругу маршала *Нел*, храбрѣйшаго изъ наполеоновыхъ маршаловъ. Если присоединить къ этому знаменита-

го французскаго археолога Рауля Ронветта, каковъ увидѣть длинная процессія! Столькихъ извѣстныхъ именъ, столькихъ даровитыхъ людей лишилась въ нѣсколько недѣль Франція, уже и безъ того небогатая нынѣ знаменитостями! И Германія лишилась знаменитаго въ сценическомъ мѣрѣ имени.

Госпожа Зонтагъ, одна изъ первыхъ пѣвицъ, если не первая пѣвица нашего времени, умерла 18 июня въ городѣ Мехико, отъ холеры, послѣ кратковременной болѣзни.

Георіэтта Зонтагъ родилась въ Кобленцѣ, 13 мая 1806 года. Отецъ ея былъ второстепенный актеръ, мать — также второстепенная актриса. Сама она вступила на сцену съ дѣтства: *мещамъ* лѣтъ Георіэтта играла въ оперѣ «*Donauweibchen*» (изъ которой передѣлана наша «Русалка», столь знаменитая, лѣтъ тридцать назадъ), въ роли *Salome*, и, говорятъ, возбудила всеобщій восторгъ. На девятомъ году, лишившись отца, она была принята въ Пражскую Консерваторію: «въ уваженіе къ необыкновеннымъ талантамъ», для нея сдѣлали исключеніе изъ правилъ Консерваторіи, непринимавшей воспитанницъ моложе двѣнадцати лѣтъ. Въ 1821 году, шестнадцатилѣтняя дѣвушка дебютировала на пражскомъ театрѣ ролью «Принцессы Наваррской» въ оперѣ Буальдѣ *Jean de Paris*. Ея репутація быстро возростала, такъ-что, пріѣхавъ чрезъ два года въ Вѣну, она была избрана Веберомъ для исполненія главной роли въ его «Эвриантѣ», и Бетховеномъ для исполненія *solo organo* въ его «Хоральной Симфоніи». Въ 1824 году Зонтагъ получила приглашенія въ Лейпцигъ и Берлинъ, и съ этого времени начинается ея торжество: шесть лѣтъ она повсюду возбуждала энтузіазмъ, каковымъ не награждали даже Каталани. Ея безукоризненная репутація, красота, пріятность и благородство манеръ, прекрасный характеръ — все это увеличивало общее расположеніе къ ней; но прелесть ея голоса, совершенство ея методы были дѣйствительно несравненны. Потому она была ангажирована за неслыханную въ то время цѣну на парижскую сцену, которая тогда имѣла Пасту и Малибранъ, и новая пѣвица съ честью выдержала сравненіе съ этими великими примадоннами. Чрезъ два года она явилась въ Лондонѣ, и успѣхъ ея былъ также великъ на лондонской сценѣ, какъ и на парижской. По возвращеніи въ Парижъ, она получила предложеніе отъ графа Росси, состоявшаго при сардинскомъ посольствѣ въ Парижѣ. Покойный король прусскій устранилъ всѣ возраженія родственниковъ жениха, пожаловавъ дворинскій титулъ любимой берлинской пѣвицѣ, и первая половина сценической карьеры Зонтагъ окончилась; она вступила въ аристократическій кругъ, и была двадцать лѣтъ его украшеніемъ. Но въ 1848 году графъ Росси потерялъ все свое состояніе; тогда графиня благородно и мужественно рѣшилась прибѣгнуть къ своему таланту, чтобъ обезпечить положеніе мужа и будущность дѣтей. Она явилась опять на сценѣ Лондонской Королевской Оперы, ангажированной незабытую въ теченіе двадцати лѣтъ пѣвицу за 7,000 фун. стер. (43,000 р. сер.). Много трудностей предстояло побѣдить мадамъ Зонтагъ. Репертуаръ совершенно измѣнился съ-тѣхъ-поръ, какъ она оставила сцену; сорока-

пятнадцатилетняя женщина должна была готовить новые роли, помня- шия ничего общаго съ ея прежними партіями; ея предшественницею на лондонской сценѣ была Дженни Линдъ, возбуждавшая неслыхан- ный, небывалый восторгъ — какъ опасно было сравненіе! Многіе съ недоувѣрчивостію смотрѣли на «графиню», пѣвшіую на сценѣ двад- цать лѣтъ; но великій талантъ благородной артистки восторжество- вать вполне и надъ репертуаромъ, и надъ публикою, и надъ при- страстіемъ къ восхитительному, свѣжему голосу «шведскаго соловья». Успѣхъ мадамъ Зонтагъ былъ полный. Въ 1849 и 1850 году она продолжала пѣть въ Лондонѣ; потомъ путешествовала по Германіи, бывшей колыбелью ея славы, и въ 1852 году отправилась въ Амери- ку. Обѣхавъ Соединенные Штаты — и здѣсь Дженни Линдъ была ея предшественницею, неповредившею успѣхамъ ея — она отправи- лась въ Мексику и черезъ нѣсколько мѣсяцовъ сдѣлалась жертвою по- явившейся тамъ эпидеміи. Трагизмъ этого несчастія довершается страннымъ стеченіемъ случайностей: когда мать умирала, ея дѣти, оставшіяся въ Европѣ, отправились къ ней — и найдутъ теперь ея могилу. Голосъ мадамъ Зонтагъ былъ очарователенъ отъ природы; но еще болѣе была она обязана своему искусству и изящному вку- су: люди, нѣсколько лѣтъ ее слушавшіе, не запомнятъ, чтобъ она хоть однажды была не въ совершенствѣ прекрасна; но лучше всего пѣла она моцартову музыку.

Одна изъ величайшихъ примадоннъ нашего времени умерла, дру- гая сходитъ со сцены: прощальныя представленія Гризи въ Лондонской Королевской Оперѣ возбуждаютъ все больше-и-больше энтузіазма въ публикѣ. Англійскіе журналы даютъ и прощальныя біографіи знамени- той пѣвицы.

Джувьетта Гризи родилась въ Миланѣ, въ 1816 году; теперь ей 38 лѣтъ. Семейство, изъ котораго она происходитъ, мало много зна- менитостей театру. Упомянемъ только о Джудиттѣ Гризи, сестрѣ ея, бывшей примадонною лондонской оперы. Другая сестра, Карлотта, первоклассная танцовщица. Талантъ Джувьетты развился очень-рано и обратилъ на себя вниманіе Марліани, довольно-извѣстнаго въ то время композитора; онъ далъ ей полное музыкальное образованіе и скоро Джувьетта Гризи была признана достойною пѣть въ «Нормѣ» вмѣстѣ съ Пастою. Скоро вмѣстѣ съ воспитателемъ своимъ Гризи отправилась въ Парижъ, и въ 1834 году, восемнадцати лѣтъ, дебу- тировала въ парижской оперѣ. На той и другой сценѣ она имѣла громадный успѣхъ, какого не имѣла ни одна дебютантка со времени Каталани. Съ того времени она была постоянно любимѣйшею прима- донною парижской, лондонской и петербургской публикѣ. Въ насто- ящее время ея прощальныя представленія въ Лондонѣ должны ужъ окончиться; изъ Лондона Гризи поѣдетъ въ Соединенные Штаты и, заключивъ этимъ путешествіемъ свою блестящую каррьеру, удалится въ свою виллу близъ Флоренціи.

На Дрюриленскомъ Театрѣ, гдѣ играетъ нѣмецкая оперная труппа, возобновлена давно-забытая, почти совершенно неизвѣстная въ Анг- лии опера Моцарта *il Seraglio*. Труппа театра, состоящая почти во-

ключительно изъ нѣмецкихъ пѣсцовъ и пѣвицъ, не въ-состояніи выполнить ее достойнымъ образомъ; въ самой музыкѣ замѣтны, по мнѣнію англійскихъ дилеттантовъ, слѣды неопытности композитора («Il Seraglio» написана, однако, немногимъ раньше «Дон-Жуана»), но гениальность великаго Моцарта слышится въ каждомъ мотивѣ, и это возобновленіе было истиннымъ праздникомъ для лондонской публики.

Santa Chiara — новая опера Эрнста, герцога саксен-кобург-готскаго, по отзывамъ знатоковъ, лучшее его произведеніе. Нѣмецкіе критики жалуютъ только о томъ, что либретто оперы, составленное довольно-извѣстною нѣмецкою писательницею Бирхгейеръ, очень плохо: г-жа Бирхгейеръ довольно неудачно передѣлала повѣсть Цшокке «Принцесса Вольфенбуittelская». Для постановки оперы былъ приглашенъ Листъ.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Cristophe le cordier. — Le laquais d'Arthur. — Les compatriotes. — L'Homme à la tulle. — Un mari qui prend du ventre. — Новая пьеса г. Григорьева. — Новости нѣмецкой сцены. — О воднискѣ на сооруженіе памятника В. А. Жуковскому. — Электрическій телеграфъ. — Изяловскіе праздники. — Квартетъ изъ Голландіи. — Балетъ съ Адмиралтейской Площади. — Поддѣльные импане. — Бенефисъ Гунгя. — Лѣтній нѣмецкій клубъ и его будущность. — Безбородкинскій Садъ. — Полюстровскій ключъ. — Мошплезаръ.

Позвольте на нынѣшній разъ начать извиненіемъ. Мы въ долгу передъ читателями: мы не отдали имъ отчетъ о сценическихъ новостяхъ прошлаго и предпрошлаго мѣсяцевъ... Снова извиняемся и спѣшимъ расплатиться съ этимъ долгомъ.

Французскій театръ особенно богатъ новыми пьесами и потому съ него дѣло и начинается:

Cristophe le Cordier, комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, произведеніе гг. Ксавье и Мишеля Массона, весьма понравилась публикѣ, что должно отнести столько же къ неотъемлемому достоинству самой пьесы, сколько и къ прекрасному исполненію ея г-жею Милл и г-мъ Тетаромъ.

У мызницы Ригò (г-жа Лемениль) есть племянница Мадлена (г-жа Милл). У Мадлены, какъ и у всякой хорошенькой дѣвушки, есть обожатели. Виконтъ Шарль Д'Аннез (г. Леонъ) изыскѣйшій молодой человѣкъ въ военномъ мундирѣ, могъ бы, казалось, вскружить голову любой красавицѣ: онъ хорошъ, молодъ и богатъ; но Мадлена остается равнодушною къ этому блестящему джентльмену. Паторенъ (г. Федя) употребляетъ всевозможныя усилія, чтобъ жениться на прекрасной Мадленѣ, но и его старанія совершенно-безуспѣшны. Почему жъ это? Очень-просто: потому, что *сърдце* скромной дѣвушки *отдано* счастливому канатчику Кристоу (г. Тетаръ). Но какъ ведетъ себя Крис-

тоѣ? изъ рукъ вонъ дурно! Онъ, вопервыхъ, нисколько не раздѣляетъ страсти прелестной дѣвушки, вовторыхъ, присматриваетъ за нею по порученію влюбленнаго виконта, и втретьихъ — это самое ужасное! онъ влюбленъ въ Сусанну (г-жа Пельтье). Всего этого мало: Кристоѣ въ одинъ прекрасный день передаетъ Мадленѣ записку виконта, въ которой предлагается ей слѣдующее: «Виконтъ женится на Мадленѣ, женится непременно, но на нѣкоторое время это должно быть тайной, и потому Мадлена *будто бы* выйдетъ замужъ за Кристоѣа и станетъ подъ его защитою и покровительствомъ ожидать виконта». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Мадлена, узнавъ она содержаніе записки, пришла бы въ отчаяніе и не согласилась на предложеніе виконта; вышла бы печальная исторія. Но Мадлена не умѣетъ читать и исторія вышла крайне-запутанная. Безграмотная дѣвушка вообразила, что врученная ей Кристоѣомъ записка заключаетъ въ себѣ его собственное признаніе въ любви. Мадлена, очень-естественно, весьма-довольна, и на вопросъ Кристоѣа: «согласны ли вы?» отвѣчаетъ: «Да, да! и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!» Далѣе, то-есть во второмъ дѣйствіи, дѣло запутывается еще больше. Кристоѣ женится на Мадленѣ.

Плохо виконту, еще хуже Сусаннѣ. Кристоѣ становится на колѣни и поетъ романсъ, который нравится и Мадленѣ и публикѣ.

Комедія въ одномъ дѣйствіи Ренѣ Лордеро, подъ названіемъ: *Le Laquais d'Arthur*—пьеса весьма—старого покроя—обязана своимъ нѣкоторымъ успѣхомъ г-жѣ Луизѣ Майеръ и г. Дешану. Дѣло въ томъ, что Артуръ (г. Мондидье) играетъ въ карты съ Генрихомъ (г. Дешанъ); фамили у молодыхъ людей почему-то нѣтъ. Артуръ выигрываетъ не деньги, какъ это случается обыкновенно, а право одѣтъ своего пріятеля на двѣнадцать часовъ въ ливрею и, въ роли слуги, взять его съ собою къ мадамъ Соси (г-жа Луиза Майеръ). Генрихъ влюбленъ (вездѣ любовь!) въ мадамъ Соси и ему весьма-непріятно предстать глазамъ любимой особы въ лакейскомъ костюмѣ; еще непріятнѣе слушать любезности своего минутнаго повелителя. Непріятное положеніе это, впрочемъ, длится невѣчно. Костюмы и роли пріятелей, въ заключеніе пьесы, переменяются и Генрихъ очень-радъ, что проигралъ въ карты. *Rira bien qui rira le dernier!*..

Les Compatriotes ou Brelan de Marseillais, комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи Генриха, Моннье — нелѣпѣйшій фарсъ. Г. Невиль является въ трехъ роляхъ (!); изъ нихъ одна женская (!!). На сценѣ разбивается посуда, ломаются стулья, готовится ванна и т. д. Употреблено, однимъ словомъ, всевозможное стараніе размѣшить почтенную публику. Нѣтъ сомнѣнія, что, въ-отношеніи нѣкоторой части зрителей, усилія автора и г. Невилья увѣнчиваются желаннымъ успѣхомъ. На здоровье!

О содержаніи смѣшнаго, но ужъ слишкомъ-запутаннаго фарса гг. Вюльпьяна и Тьері *l'Homme à la Tuile* — ни слова. Пусть г. Лемениль собираетъ рукоплесканія и возбуждаетъ смѣхъ въ роли Полукса—ему и книги въ руки. Если мы станемъ рассказывать о похожденияхъ бѣднаго Макара, на котораго и черепицы валятся, то

окажется, пожалуй, что они вовсе несмѣшны, а между-тѣмъ зрителю въ продолженіе всей комедіи гг. Вюльпьяна и Тьері помираютъ со смѣху. Бѣдный Макарь-Полуксъ въ концѣ пьесы женится на прелестной дѣвицѣ Габріель (г-жа Ами), и нѣтъ сомнѣнія, этимъ завершаются всѣ его неудачи.

Гг. Лабишь и Маркъ-Мишель въ своемъ комедіи-водевилѣ: *Un mari qui prend du ventre*, который служитъ какъ-бы продолженіемъ исторіи бѣднаго Макара, водевилъ, доказываютъ, что и на женатаго ваятся порой шишки и что вообще нѣтъ розы безъ шиповъ.

Нѣкто Пижорэ (г. Лемениль), женившись на Селестинѣ (г-жа Ами), считалъ себя совершенно-счастливымъ. Чего въ-самомъ-дѣлѣ не далъ ему прихотливая судьба: молодую и хорошенькую жену, независимое состояніе и здоровье! Душевное спокойствіе и самодовольство развили въ Пижорэ аппетитъ: Пижорэ начинаетъ кушать. Кушаетъ и полнѣетъ; полнѣетъ и становится лѣнивъ и неворотливъ. Первая шишка падаетъ на него въ видѣ кузена жены, Апилия (г. Мошера). Кузенъ этотъ исполняетъ всевозможныя порученія Пижорэ и сопровождаетъ повсюду его жену. Доброму мужу ничего бы и не пришло въ голову, еслибъ не докторъ Берношъ (г. Невиль). Эта ученая особа рассказываетъ Пижорэ, что такое un mari, qui prend du ventre и приводитъ его въ ужасъ. «Скажи мнѣ, говоритъ докторъ сколько въ тебѣ вѣсу и я скажу, кто ты: вѣсомъ твоего тѣла я опредѣлю мѣру твоего несчастія». О ужасъ! Пижорэ вѣситъ восемьдесятъ-девять килограммовъ (около $5\frac{1}{2}$ и высшая степень несчастія начинается съ девяносто пудовъ)!.. Прощай душевное и тѣлесное спокойствіе! Пижорэ долженъ похудѣть. Докторъ говоритъ, что для этого нужно движеніе: Пижорэ учится танцовать, рубить дрова, носить воду. Нужны нравственными потрясенія: Пижорэ вызываетъ на поединокъ своего танцовальнаго учителя Кабуляра (г. Дюссеръ). Но каково же положеніе несчастнаго мужа, когда всѣ предпринимаемыя имъ мѣры похудѣть оказываются неэффективными, даже вредными, и онъ вѣситъ *девяносто одинъ килограммъ*! Дѣло въ томъ, что онъ въ попыхахъ не замѣтилъ, какъ положилъ себѣ въ карманы четыреста франковъ, пятифранковую монетою, вѣсъ которыхъ и составилъ ровно два килограмма. Жена улаживаетъ наконецъ все: кузенъ удаленъ, деньги вынуты изъ кармановъ мужа для покупки несесера и Пижорэ съ удовольствіемъ замѣчаетъ, что онъ похудѣлъ—и водевилъ конченъ!

Гг. Лабиша и Маркъ-Мишеля нельзя причислить къ разряду слишкомъ-талантливыхъ писателей, да они, должно полагать, и не имѣютъ на это притязанія. Исполнена пьеса очень-недурно. Гг. Лемениль и Дюссеръ были особенно-забавны. Публика смѣялась—этого конечно и довольно.

На Александринскомъ Театрѣ двѣ новости: одна русская, другая нѣмецкая:

За вѣру, Царя и отечество—оригинальное народное представленіе, въ трехъ картинахъ, соч. актера П. Григорьева I-го, имѣло значительный успѣхъ. Пьеса состоитъ изъ отдѣльныхъ явленій и эпизодовъ, въ которыхъ общее только то, что они всѣ, болѣе или

менѣе, свидѣтельствуютъ о патриотизмѣ и усердіи русскихъ въ настоящее время. Интересъ пьесы и ея успѣхъ основанъ главнѣйшимъ образомъ на пѣсняхъ и монологахъ въ стихахъ объ англичанахъ вообще и Напирѣ въ-особенности. Вотъ, напримѣръ, пѣснь *Выбор-маю*, вызывающая постоянно громкія рукоплесканія :

«Наша русь любимая,
Встань со всѣхъ концовъ!
Грѣнь, непобѣдимая,
На своихъ враговъ!

—
Русь богохранимая,
Словно Божій громъ,
Встанетъ мать родимая
Съ батюшкой-Царемъ!!

—
Не считая много ли,
Мы враговъ уйдемъ!
Чтобы Русь не трогали —
Всѣ въ огонь пойдёмъ!!

—
Наберемъ охапки.
Вражескихъ головъ!
Закладемъ шапками
Всѣхъ своихъ враговъ!

Неменьшій восторгъ производитъ и пѣснь отставнаго моряка *Бориса Непгоды*, въ которой говорится, между-прочимъ, о томъ, что

Англичанамъ ни на шагъ
Не уступитъ нашъ морякъ!
Мы наловимъ, ай-люди,
Красныхъ раковъ на мели!..

Вотъ небольшой отрывокъ стиховъ о Напирѣ, которые почему-то названы сказкою :

Что жъ? смекнулъ герой пирушекъ, (то-есть Напиръ)
Что въ Россіи много пушекъ —
Осторожность взялъ...
Выпивъ важно чарку джину,
Сѣлъ на легкую машину —
Въ Данію подралъ!
Гдѣ-то нанялъ тамъ штульбагенъ,
И надменно въ Копенгагенъ
Ко двору предсталъ!
Какъ узрѣлъ владыка датскій
Лижъ недобрый и небратскій,
Слова не сказалъ!
Отъ холоднаго приему
Злой Напиръ вдругъ тянулъ рому
Курсъ къ эскадрѣ взялъ...
На эскадрѣ сдѣлалъ стойку (?),
Послѣ сдѣлалъ всѣмъ попойку
И, схвативъ трубу,
Смотритъ... «Нѣтъ труда побѣда...
«Такъ нельзя ль втянуть и шведа
«Съ русскими' въ борьбу?

«Онъ сосѣдъ ближайшій самый,
 «Шведъ не рубленый, упрямый,
 «Пусть и онъ грозитъ!
 «Шведъ когда-то, подъ Полтавой,
 «Говорять, дрался со славой,
 «Хоть и былъ разбитъ.
 «Датчане не сѣбютъ драться
 «Насъ ругаютъ и боятся
 «Въ нихъ надежды нѣтъ!
 «Мы когда-то ихъ державу
 «Такъ ограбили на славу,
 «Что дивился свѣтъ!»

—
 Въ обстоятельствахъ конфузныхъ,
 Ждалъ Непирь судовъ союзныхъ
 Да лавировалъ...
 И гордясь турецкимъ братствомъ,
 Занялся герой пиратствомъ
 Бѣдныхъ грабить сталъ...
 По балтійскому раздолью
 Забирая барки съ солью,
 Англии дарилъ!
 Или, отважно на просторѣ,
 Измѣрялъ онъ наше море
 Вехи городилъ... и т. д.

Намъ остается только прибавить, что пьеса исполняется очень-удачно и дается весьма-часто. Последнее обстоятельство, очевидно, доказываетъ ея достоинство.

Пьеса напечатана и авторъ половину денегъ, вырученныхъ отъ продажи своего произведенія, предназначаетъ въ пользу раненныхъ воиновъ. Это конечно приноситъ ему честь и будетъ способствовать скорѣйшей продажѣ его пьесы. Желаемъ искренно успѣха.

Der Feind vor Odessa—драма г. Мейера, написана съ большими претензіями; но, чувства и намѣреніе автора заслуживаютъ, безъ-сомнѣнія, похвалу. Въ подтвержденіе нашего мнѣнія рассказывается въ короткихъ словахъ содержаніе самой пьесы.

Сынъ русскаго помѣщика Лаврова (г. Толлертъ) Федоръ (г. Орловскій) офицеръ Томскаго Егерскаго Полка, влюбленъ въ Мери (г-жа Поллертъ—Юнке), дочь англичанина Джонсона (г. Бозаръ), богатаго купца, проживающаго въ Одессѣ. Прекрасная англичанка и ея обожатель, по праву влюбленныхъ, не признаютъ никакого различія между націями, но г. Лавровъ и сэръ Джонсонъ думаютъ иначе. Русскій помѣщикъ чисто-на-часто запрещаетъ своему сыну и думать о Мери Джонсонъ. Англичанинъ долго и горячо доказываетъ, что нація его—великая и благороднѣйшая нація. Г. Лавровъ не соглашается съ его мнѣніемъ и стоитъ на-своемъ: дочь одного изъ враговъ Россіи ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть дочерью русскаго дворянина. Федоръ, какъ и слѣдуетъ всякому влюбленному, въ сильномъ отчаяніи готовъ наложить на себя руки. Дѣло, однакожъ, обходится безъ катастрофы. Слезы и ласки матери (г-жа Берендорфъ), резонны отца и, отчасти, колокольный звонъ заставляютъ пылкаго и огорченнаго Федора опомниться. Между-тѣмъ появился *неприятель передъ*

Одессою. Слухъ объ этомъ быстро распространяется по цѣлому городу и доходитъ наконецъ до ушей сэра Джонсона. «Справедливъ ли слухъ?» думаетъ онъ, какъ вдругъ получаетъ второе извѣстіе: адмиралъ Дондасъ намѣревается разгромить и сжечь городъ, несмотря на то, что въ немъ живетъ сэръ Джонсонъ, который положительно не вѣритъ городскому слуху. Помилуйте, какъ можно предположить, чтобъ его благородные, образованные и челоѣколюбивые соотечественники рѣшились на такой варварскій поступокъ? Сэръ Джонсонъ бѣжитъ на берегъ для разъясненія общаго недоразумѣнія, но тутъ совершается ужаснѣйшая вещь — англійская пушка поражаетъ почтеннаго защитника своей націи. Какая непростительная оплошность со стороны адмирала Дондаса и его морскихъ артиллеристовъ! За-то и досталось же имъ отъ умирающаго Джонсона. Онъ, который такъ недавно считалъ особенною честью называться англичаниномъ, умирая, отрекается отъ своего отечества и проклинаетъ его! Лавровъ позволяетъ своему сыну жиниться на Мери; такимъ-образомъ, предосудительная стратегія адмирала Дондаса отняла у Англии одного патріота и послужила поводомъ къ несказанному счастью г. Лаврова-сына.

Этимъ и ограничиваются театральныя новости... Появился 24-го іюня дебютантъ на французской сценѣ, Г. Бондуа, который займетъ, какъ слышно, амплу, принадлежавшее когда-то внезапно-удалившемуся Бертону; но о немъ рѣчь впереди.

Каждому изъ читателей вѣроятно ужъ извѣстно о прекрасномъ намѣреніи нашихъ соотечественниковъ почтить память поэта, пользовавшагося всеобщою любовью и уваженіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что намѣренію этому сочувствуетъ каждый просвѣщенный русскій и никто не откажется отъ удовольствія быть, по мѣрѣ силъ и возможности, вкладчикомъ въ дѣлѣ выраженія общей признательности такому челоѣку и поэту, какъ покойный Василій Андреевичъ Жуковскій. Въ концѣ этой книги нашего журнала вы найдете подробное объявленіе о подпискѣ на памятникъ.

Нужно ли доказывать, что подобные памятники всегда составляли и составляютъ народную славу и гордость?.. Потомство съ уваженіемъ станетъ вспоминать и того, кто заслужилъ безсмертіе и признательности современниковъ, которые умѣли цѣнить заслуги и дарованія! Ктò жъ не поспѣшитъ хоть малую лептою доказать какъ любить онъ родное искусство и литературу, какъ чтитъ онъ счастливыхъ избранниковъ?

Общее и живое сочувствіе содѣйствуетъ скорѣйшему развитію науки и художества. Отрадное доказательство этому становится у насъ съ каждымъ днемъ яснѣе-и-яснѣе. Немного побольше любви къ родному искусству и оно пойдетъ быстрѣе! Мы не думаемъ сказать этимъ, чтобъ у насъ не было вниманія и любознательности; но чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

Кстати сообщаемъ здѣсь пріятную новость. Она заключается въ томъ, что давно-задуманное дѣло, которое уже приноситъ очевидную пользу почти всей Европѣ, приводится и у насъ къ концу. Возвратившись въ Петербургъ (предполагается, что вы за городомъ), вы по-

ѣдете по знакомымъ улицамъ съ сознаніемъ, что подъ этою исправленною торцовою настилкою, или подъ этимъ булыжникомъ проведе-на возможность сказать вашему московскому другу :

— Любезный другъ, вотъ и у насъ, есть электрической телеграфъ!

Другъ черезъ нѣсколько минутъ отвѣтитъ вамъ :

— Да, честь имѣю поздравить!

Мы увѣрены, что подобная новость немало порадуетъ всякаго.

Еслибъ «Замѣтки» должны были передавать только *новости* въ строгомъ смыслѣ слова, то намъ пришлось бы на этотъ разъ ограничиться сказаннымъ. По-счастью, въ область «Замѣтокъ» входитъ вся общественная жизнь Петербурга, и потому мы спѣшимъ поговорить объ удовольствіяхъ прошлаго мѣсяца.

Кромѣ музыки, пѣсенниковъ, фанарей, акробатовъ, Франца Бауера, играющаго на мультгармоникѣ, мандалинѣ и цитрѣ, кромѣ всѣхъ ужъ нѣкоторымъ образомъ извѣстныхъ вамъ наслажденій, раскиданныхъ измеровскою рукою по всѣмъ угламъ его сада, недавно явились еще двѣ, даже три новости.

Впервые, инструментальный квартетъ изъ Голландіи (скрипка, виолончель, флейта и гитара), состоящій изъ гг. Бауера и Ф. де Блана и гг-жъ Вентрлокъ и Бауеръ.

Ввторыхъ, балетная труппа изъ гг. Эрнеста и Августа Легатъ и Рудольфа и д-цы Аделаиды Легатъ.

Втретьихъ, хоръ *поддѣльныхъ* цыганъ.

Есть поддѣльные брильянты, поддѣльные волосы, поддѣльные зубы—почему же не быть поддѣльнымъ цыганамъ?

Балетъ перемѣстился къ Излеру изъ болѣе или менѣе-извѣстнаго вамъ, хоть по наслышкѣ, балагана Легата, который занимаетъ, въ продолженіе масляницы и святой недѣли довольно-видное мѣсто на Адмиралтейской Площади.

Голландскій квартетъ замѣчательнъ, сверхъ своей музыкальности, еще и тѣмъ, что господинъ и госпожа Бауеръ поютъ иногда *solo*, иногда и дуэты.

Въ Павловскомъ Воксалѣ былъ въ началѣ прошлаго мѣсяца бене-фисъ Гунгля. Кромѣ оркестра, изъ ста человекъ, подъ управленіемъ бенефицианта, исполнявшаго *избраннѣйшія* и *новѣйшія* пьесы, въ саду игралъ военный оркестръ. *Профессоръ* Эдуардъ Разинн (изъ НьюЙорка) давалъ *мимико-воздушныя* представленія, съ которыми вы, безъ-сомнѣнія, познакомились еще зимою. Тутъ же показывалась движущаяся картина береговъ Миссиссипи, неменѣе-извѣстная вамъ съ 1852-го года. Наконецъ, въ-заключеніе праздника сожженъ былъ фейерверкъ! Все это очень-мило. Весьма-хорошъ оркестръ во сто человекъ, подъ управленіемъ Юсифа Гунгля исполняющій: *любовь-вальсъ*, *Bliktri*-польку, кадрилъ — *les Casagues*, дуэтъ изъ оперы Мейербера *L'Etoile du Nord*, *Marianca*-польку и т. п.

Фельетонистъ прежде всего долженъ быть правдивъ. Итакъ, рассказывая о лѣтнемъ нѣмецкомъ клубѣ (близъ Измайловскаго Моста, въ домѣ Тарасова), онъ воздастъ должное г. Шацеру, какъ главнѣйшему виновнику нѣкоторыхъ украшеній скромнаго гу-

ланы въ клубскомъ саду. Великолѣпныя люстры изъ разноцвѣтныхъ фонарей повѣшены въ воздухѣ. Арки и гирлянды изъ розовыхъ, голубыхъ, желтыхъ и другихъ огней освѣщаютъ аллеи. Транспарантъ надъ заломъ изображаетъ женщину (Фортуну!), щедро-разсыпающую (вѣроятно, на посѣтителей нѣмецкаго клуба) цвѣты и звѣзды. По угламъ сада разставлены крошечные амуры (транспаранты), съ приподнятыми ножками, лукаво-стрѣляющіе въ проходящихъ... Сколько, влѣдствіе этого, выходитъ изъ сада подстрѣленныхъ!.. Музыка подъ смычками г. Гусли. наигрываетъ разнообразныя польки и вальсы и, по требованію публики, Kegelbahn — знаменитый галопъ нынѣшняго лѣтнаго сезона. Въ этомъ замѣчательномъ произведеніи г. Лунда, сверхъ шумной и смѣшанной музыки, раздаются порою азартнѣйшіе крики музыкантовъ и звуки падающихъ кеглей. . какимъ образомъ катится шаръ—этого, кажется, неслышно. Гуляющихъ въ послѣднее время, благодаря иллюминаціямъ и бенгальскимъ огнямъ г. Шафера, значительно прибавилось въ нѣмецкомъ клубѣ. Гулянье, однакожь, сохранило свой первобытный семейный характеръ. Дѣти рѣзвятся, покрикиваютъ, играютъ въ лошадки и занимаются гимнастическими упражненіями. Безчисленное множество чайныхъ столиковъ раскидано по зеленымъ лужайкамъ, подъ тѣнью деревъ. Скамьи въ нѣсколько рядовъ поставлены передъ оркестромъ. Въ сторонѣ играютъ въ карты. Въ *главной* аллеѣ толпятся тѣ, которые пожаловали сюда собственно не гулять, а болѣе посмотреть другихъ, или себя показать— тутъ ужъ семейнаго очень-мало. Какъ бы то ни было, гулянье въ нѣмецкомъ клубѣ весьма нравятся многимъ, чему конечно не мало способствуетъ удобное положеніе сада среди города. Большая часть гуляющихъ является сюда нѣшкомъ. Легко можетъ быть, что не далѣе, какъ въ будущемъ году, садъ нѣмецкаго клуба войдетъ en vogue. Весьма будетъ приятно!

Почти такую же будущность можно предсказывать и саду графа Кушелева-Безбородко, гдѣ въ настоящее время отличаются: г. Шиндлеръ съ своимъ оркестромъ, панорама г-жи Гебгартъ и нѣсколько ею же новозобрѣтенныхъ самострѣловъ (самострѣлы эти останутся вѣчно-новозобрѣтенными — такъ угодно г-жѣ Гебгартъ!). Входъ въ Безбородкинскій Садъ бесплатный, за исключеніемъ весьма-рѣдкихъ случаевъ, къ числу которыхъ должно отнести, напримѣръ, недавній бенефисъ г. Шиндлера. Впрочемъ, и при этой экстренной оказіи плата за входъ взималась самая умѣренная— 50 коп. сер. И, однакожь, чѣмъ было это не гулянье? Воксалъ, то есть буфетъ, павильонъ для музыкантовъ и даже нѣкоторыя деревья были *великолѣпно* иллюминированы; оркестръ съигралъ, между-прочимъ, тотъ же самый Kegelbahn — галопъ, который разыгрывается въ нѣмецкомъ клубѣ и на Минеральныхъ Водахъ у Излера; музыканты вскрикивали съ тѣмъ же одушевленіемъ, какъ и вездѣ; паденіе кеглей изображено такъ же натурально; словомъ, повторяемъ, знаменитый галопъ вышелъ все тотъ же и публика не пожалѣла рукъ. Г. Шиндлеръ былъ даже *неоднократно* вызываемъ и, повидному, тронуть до глубины души знаками публичной признательности; онъ

сыгралъ въ благодарность очень-чувствительную *adieu*-польку. То была лебединая пѣснь гулянья; фонари стали потухать, публика разошлась и разѣхалась, унося съ собою самыя пріятныя впечатлѣнія.

Въ дни бесплатнаго гулянья въ Безбородкинскомъ Саду публики бываетъ не такъ много, но, за-то она можетъ похвастать своею фешонэблностью неменѣе павловской. По-крайней-мѣрѣ здѣсь мало попадается тѣхъ щегольскихъ нарядовъ, которые почему-то не нравятся многимъ, и особенно дамамъ. Гулянья бываютъ по вторникамъ, четверткамъ и воскресеньямъ. Субботніе вечера посвящены баламъ на Полостровскомъ Ключѣ. Публика, танцующая на этихъ балахъ, далеко уступаетъ своею численностью публикѣ, извнѣ ее наблюдающей. Причину этого, конечно, не должно относить къ разсчетливости полостровскихъ обитателей; пусть лучше она заключается въ ихъ наблюдательности и склонности къ легкимъ сарказмамъ — отчего не предполагать такъ? Во всякомъ случаѣ, выходитъ, что теперь въ Безбородкинскомъ Саду очень-пріятно и очень-весело, а современемъ будетъ еще пріятнѣе и еще веселѣе. Кажется, это ясно.

На третьей верстѣ петергофской дороги, на дачѣ купца Лежоева, по четверткамъ и воскресеньямъ поютъ цыгане и пѣсенники, гремитъ музыка и предлагаются желающимъ всевозможныя питія и яства. Всѣ эти удовольствія, вмѣстѣ взятыя, учредитель, который *не щадитъ трудовъ и издержекъ, лишь бы почтеннѣйшая публика не оставила его своимъ посѣщеніемъ*, называетъ *Монплеэвромъ*. При внимательномъ изслѣдованіи этого увеселительнаго заведенія, оказывается, что только одинъ хозяинъ и можетъ называть его *своимъ удовольствіемъ*; посѣтители же совершенно-другаго мнѣнія.

М О Д Ы.

Бѣлыя платья, кажется, никогда еще не были въ такой модѣ, какъ теперь. Они дѣлаются изъ кисеи, тюля, тафты и фуляра. Бѣлыя кисейныя платья очень-красивы съ вышитыми воланами. Лицъ на кисейныхъ платьяхъ не иной можетъ быть, какъ сборчатый. Рукава широкіе, тоже съ вышитыми воланами. Банты изъ цвѣтныхъ лентъ прикалываются на груди и рукавахъ платья. Шелковыя бѣлыя платья убираются также воланами, на которые нашивается соломка. Но мы лучше опишемъ платье, которое намъ случилось видѣть на-дняхъ. Оно было сдѣлано изъ самой легкой, бѣлой шелковой матеріи. Семь волановъ покрывали юбку. Соломка, сплетенная въ видѣ аграманта, была нашита на каждомъ воланѣ, лицъ съ драпри и съ однимъ воланомъ, который обхватывалъ лицъ, какъ берта. Рукава съ буфами и съ однимъ воланомъ, на которомъ такъ же, какъ и на лицѣ, нашитъ соломенный аграмантъ. Очень-красиво, когда воланы вышиваются цвѣтнымъ шелкомъ и соломкой вмѣстѣ. Соломка вообще теперь въ большой модѣ: ею выпиваются шляпки, платья и мантильи; но рюшь

также не забыть, особенно на мантильяхъ черного цвѣта: на нихъ ужь непременно вы увидите или сверхъ кружевъ, или сверхъ волановъ рюшъ изъ лентъ, то изъ самыхъ узенькихъ лентъ, то шириною пальца въ два. Мантильи-шарфъ точно въ такой же модѣ, какъ были и прошлаго года; впрочемъ, трудно что-нибудь придумать удобнѣе этихъ мантилий.

Вотъ очень-миленькая мантилья — шарфъ изъ черного тюля съ двумя воланами изъ черныхъ широкихъ кружевъ. Сверхъ нижняго волана нашита муаре лента шириною въ ладонь и собранная большими глубокими складками; наверху эта лента нашита въ-гладь; она можетъ быть черная и цвѣтная.

Маленькая тальма тоже въ большой модѣ; она обыкновенно дѣлается изъ легкой шелковой матеріи и собирается рюшью изъ лентъ, кружевами и бахромой.

Чепчики съ шекowymi доньшками все болѣе-и-болѣе входятъ въ употребленіе; иногда весь чепчикъ и рюшъ дѣлаются изъ тафты; къ такимъ чепчикамъ прикалываются тафтяныя лопасти.

Чепчики для утренняго неглиже дѣлаются изъ тюля и узенькихъ блондъ. Самыя узенькія ленты, пяти или шести цвѣтовъ, покрываютъ почти весь чепчикъ. Завязки должны быть всегда изъ широкихъ лентъ

Шляпки такъ малы и прозрачны, что не могутъ защитить не только отъ солнца, но и отъ пыли; потому для катанья необходимъ частый вуаль. По вечерамъ для визитовъ нѣтъ ничего красивѣе нынѣшнихъ шляпокъ. Лицо дамы въ нихъ совершенно-открыто. Въ такой шляпкѣ можно пробыть цѣлый день и не замѣтить, что есть шляпка на головѣ. Если что въ нихъ и можетъ женировать, такъ это завязки, которыя дѣлаются изъ самыхъ широкихъ лентъ, и очень-длинные. Шали въ большой модѣ — и кашмировыя, и креповыя, и кружевыя.

НОВЫЕ ЭКИПАЖИ Г. НЕЛИСА.

Къ 1-му № «Отечествен. Записокъ» приложены рисунки экипажей, дѣлаемыхъ однимъ изъ лучшихъ петербургскихъ каретныхъ мастеровъ, г. *Неллисомъ*; теперь прилагаемъ доставленные намъ тѣмъ же мастеромъ рисунки четырехъ дорожныхъ экипажей, съ означеніемъ ихъ цѣнъ. Думаемъ, что нашимъ читателямъ интересно будетъ знать новости и по этой части.

Лит. А. Двумѣстная городская карета на лежачихъ рессорахъ, весьма-удобная также для небольшихъ вояжей. Дорожный приборъ, состоящій изъ одной или двухъ важъ и одного сундука подъ козлами (какъ показано на рисункѣ подъ *лит. В*), весьма-легко снимается. Если потребуется болѣе дорожнаго прибора, то весьма-удобно помѣстить еще задній сѣмный сундукъ. Карета довольно-высока отъ земли, на высокихъ колесахъ, и посредствомъ двухъ шкворней устроена на весьма-короткомъ ходѣ, слѣдовательно, на ѣздѣ очень-легка.

Лит. С. Дорожная коляска, сдѣланная г. *Неллисомъ* съ совершеннѣйшимъ устройствомъ, замѣчательна по укладкѣ; она замѣняетъ-

можно сказать, два экипажа: фургоны и коляску. Этот экипаж сдѣланъ для двухъ особъ: впереди мѣсто кучеру и одному человѣку, назадъ мѣсто для двухъ; оно, если потребуется, можетъ быть закрыто и замѣняетъ собою одинъ ящикъ. До-сихъ-поръ не бывало еще у насъ такого легкаго и вмѣстительнаго дорожнаго экипажа. Убыкновенно имѣющіе надобность въ отдаленныхъ путешествіяхъ желаютъ имѣть коляску покойную, и главное, укладистую, легкую и притомъ такую, чтобы въ ней можно было спать спокойно: изобрѣтенная г-мъ Неллисомъ коляска удовлетворяетъ этимъ желаніямъ. Въ ней можно спать, можно уложить въ нее весь гардеробъ, столовую и спальню; притомъ же она такъ легка, что надобно было сдѣлать къ ней два самоспускающіяся «башмака» (показанные на рисункѣ подь лит. С), такъ-что, если лошади понесутъ, сидящему впереди слугѣ, или кучеру, стоить только снять одинъ ремень съ крючка—и въ ту же минуту заднія колеса, въ два аршина вышины, останавливаются. Одно неудобство въ этой коляскѣ: она очень-высока; но отъ этого выигрываетъ ея видъ, и притомъ сидящіе въ ней не обрызгиваются грязью, что въ большихъ дорогахъ составляетъ немаловажную выгоду.

Лит. Д. Дорожная коляска послѣдняго фасона довольно-легкая и укладистая.

Лит. Е. Дорожная семейная карета весьма-удобная и укладистая. Вотъ цѣны экипажамъ г Неллиса:

Двухмѣстная городская карета стоитъ отъ 900 р., 950 р., 1000 р., 1050 р., 1100 р. сер. и болѣе.

Двухмѣстная коляска отъ 700 р., 750 р., 800 р., 900 р. и болѣе.

Четырехмѣстная коляска отъ 900 р., 950 р., 1500 р. и болѣе.

Четырехмѣстная городская карета отъ 950 р., 1000 р., 1100 р., 1150 р. и болѣе.

Дормезъ отъ 1100 р., 1200 р., 1300 р. и болѣе.

Дорожная коляска отъ 1000 р., 1200 р. и болѣе.

Линейка на стоячихъ рессорахъ отъ 300 р., 315 руб.

Линейка на лежачихъ рессорахъ 350 р., 375 р. и болѣе.

Сани 150 рублей.

За вѣрную доставку ручается г. Неллисъ и притомъ обязывается по первому требованію высылать рисунки дѣлаемыхъ имъ экипажей и объявлять крайнія цѣны, сообразно тому, какая кому угодно будетъ отдѣлка экипажа и пр.

ОПЕЧАТКИ.

Въ № 7-мъ «Отеч. Записокъ», въ статьѣ *Графъ Ѳ. В. Растропчинъ*, вкрались слѣдующія погрѣшности, которыя просимъ исправить:

Напечатано:

Должно быть:

Стран. Строка.

16

1

снизу: состязаніе

сознаніе

43

26

сверху: 17 мая

17 января

Сверхъ-того, вездѣ, вмѣсто d'Alouville, должно быть: d'Alonville. вмѣсто д'Алувиль — д'Алонвиль.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

у **М. БЕРНАРДА,**

на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской,
въ домѣ Паскаля, № 11.

Оперы для фортепiano въ двѣ руки.

(Полныя дешевыя изданія въ маломъ форматѣ).

	Сер. Р. К.
<i>Auber.</i> — Fra Diavolo (2 p. 85 к.). Fenella	2 85
<i>Balfe.</i> — Les quatre fils d'Haymon	3 —
<i>Bellini.</i> — Beatrice di Tenda (2 p. 85 к.). I Montecchi ed i Capuletti (3 p.). Norma (3 p.). Il Pirata (3 p.) I Puritani (2 p. 85 к.). La Sonnambula (3 p.). La straniera	2 85
<i>Boieldie.</i> — La dame blanche (2 p. 85 к.). Jean de Paris	1 70
<i>Cimarosa.</i> — Il matrimonio segreto	3 —
<i>Cherubini.</i> — Les deux journées	2 85
<i>Donizetti.</i> — Anna Bolena (4 p.). L'elisire d'amore (3 p.). Lu- cia di Lammermoor	3 —
<i>Gretry.</i> — Richard cœur de lion	2 85
<i>Halevy.</i> — Les mousquetaires (3 p. 50 к.) Le val d'Andorre	3 50
<i>Herold.</i> — Zampa ou la fiancée de marbre	2 85
<i>Mercadante.</i> — Il Giuramento (2 p. 85 к.). La Vestale	2 85
<i>Meyerbeer.</i> — Le siège de Gand. Grand opéra en 5 actes	5 —
<i>Mozart.</i> — Così fan tutte (2 p. 85 к.). Don Juan (2 p. 85 к.) L'enlevement au serail (2 p.). Figaro (2 p. 85 к.). La jardinière (2 p. 85 к.). Idomeneo (2 p. 30 к.). Titus (2 p.). La flûte enchantée (Zauberflöte)	2 30
<i>Rossini.</i> — Le barbier de Seville (2 p.). Cenerentola (3 p.). La donna del lago (2 p. 85 к.). La gazza ladra (2 p. 85 к.). Zora (2 p. 85 к.). Otello (2 p. 85 к.). Le siège de Co- rinthe (3 p.). Tancred (2 p. 85 к.). Matilda di Shabran.	2 85
<i>Verdi.</i> — Ernani (3 p.). I Lombardi	3 —
<i>Weber.</i> — Der Freischütz (2 p. 85 к.). Oberon	2 85

Оперы для фортепiano въ четыре руки.

(Полныя дешевыя изданія въ маломъ форматѣ).

<i>Auber.</i> — Fenella	5 15
<i>Bellini.</i> — Norma (5 p. 15 к.). La Sonnambula	5 15
<i>Boieldieu.</i> — La dame blanche	5 15
<i>Donizetti.</i> — Lucia di Lammermoor	5 15
<i>Herold.</i> — Zampa ou la fiancée de marbre	4 30
<i>Mozart.</i> — Così fan tutte (5 p. 15 к.). Don Juan (5 p. 70 к.) L'enlevement du serail (5 p. 15). Figaro (5 p. 70 к.) La flûte enchantée (5 p. 15 к.). Titus	5 15
<i>Rossini.</i> — Le barbier de Seville	5 15

Цѣсы для флейты.

	СЕР. Р. К
<i>Boehm.</i> — Souvenir des alpes. Six morceaux de salon avec piano № 1 à 6 (каждый 1 р.). 24 caprices-études. op. 26.	2 60
<i>Briccialdi.</i> — Deux fleurs. Morceaux de salon avec piano op. 63 (2 р. 25 к.). Caprice avec piano op. 64 (1 р. 70 к.). Concerto op. 65 (2 р.). Beatrice di Tenda. Fantaisie avec piano	1 70
<i>Canthal.</i> — Cent recreations agréables pour la flûte seule	3 40
<i>Diabelli.</i> — Productionen im häuslichen Freundschafts-Zirkel mit Piano № 84. 85 Lucrezia Borgia. Deux potpourris (каждый 1 р. 70 к.) № 86. 87. 88. Trois potpourris sur le Siège de Gand de Meyerbeer (каждый 1 р. 70 к.). № 93. 94. 95. Rigoletto de Verdi. Trois potpourris, каждый	1 15
— — Der musikalische Gesellschafter in einsamen Stunden. Periodisches Werk für eine Flöte № 81 Ernani. № 83 Lombardi. № 87 Gitana. № 88 Rigoletto, каждый	1 15
<i>Dorus.</i> — Echos de lagunes. Seize airs variées, fantaisies, mélanges sur des mélodies de Donizetti pour la flûte seule	2 80
<i>Fürstenau.</i> — Reminiscences de Meyerbeer. Fantaisie avec piano	1 15
<i>Forde.</i> — L'anima dell'opera. Cavatines et autres pièces favorites pour la flûte et piano № 1 à 90. каждый	— 65
<i>Hoffmann et Müller.</i> — Six duos concertans pour flûte et violon liv. 1 à 3, каждая	1 40

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣ *трехъ рублей серебромъ* получаютъ *двадцать пять* процентовъ уступки, а выписывающіе на *десять руб. сер.*, пользуясь означенною уступкою, кромѣ того, ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только особы, которые обратятся съ своими требованіями *непосредственно* въ магазинъ М. БЕРНАРДА. На этихъ же условіяхъ можно выписывать изъ означеннаго магазина всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы и объявлены въ какомъ-либо каталогѣ.

Въ этомъ же магазинѣ вышла 1-го іюля восьмая тетрадь музыкальнаго журнала «НУВЕЛИСТЪ» (годъ XV), которая содержитъ въ себѣ, между прочими: *Schulhoff*, Souvenir de Kieff, Mazurka. — *Ascher*, Le rêve de bonheur, Idylle. — *Chopin*, Feuillet d'Album, Valse posthume. — *Mayer*, Conte de fées. — *Strauss* (fils) Bouquet-Quadrille. — *Talaxi*, Polka-Mazurka. — *Bonoldi*, Romance.

Музыкально-литературное прибавленіе № 8. (Годовая цѣна подписки 10 р., съ пересылкою 11 руб. 50 коп. серебромъ).

Гг. желающіе подписаться на Нувелистъ на 1854 г. получаютъ сполна всѣ тетради, вышедшія сначала нынѣшняго года.

Печатать дозволяется, 1-го іюля 1854 г. Цензоръ А. Фрейшингъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

I.

Съ Высочайшаго соизволенія Его Императорскаго Величества, друзья покойнаго В. А. Жуковскаго и другіе почитатели талантовъ его рѣшились, въ ознаменованіе своего и, какъ можно полагать, всеобщаго уваженія къ его памяти, открыть подписку на сооруженіе монумента надъ его гробницею въ Александро-Невской Лаврѣ. Приглашая всѣхъ участвовать въ семъ дѣлѣ, по мѣрѣ средствъ и усмотрѣнію своему, какими бы то ни было, даже и самыми малыми приношеніями, они смѣютъ думать, что такое изъявленіе чувства любви къ поэту, равно почтенному по блистательнымъ дарованіямъ и высокимъ нравственнымъ качествамъ, особенно прилично въ настоящее время, когда единодушное въ отечествѣ наше движеніе умовъ и сердець столь живо напоминаетъ войну 1812 года, а съ тѣмъ вмѣстѣ и сражавшагося подъ ея знаменами *Пльща въ сталь русскихъ воиновъ.*

Суммы, которыя будутъ предназначаемы на сей предметъ, могутъ быть доставляемы къ дѣйствительному тайному совѣтнику статс-секретарю графу Блудову въ Санктпетербургъ, на Михайловской Площади, въ домъ Бодовско, для храненія въ кассѣ II-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

II.

О ЗАДАЧѢ, ПРЕДЛАГАЕМОЙ НА КОНКУРСЪ ИМПЕРАТОРСКИМЪ РУССКИМЪ ГЕОГРАФИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

Императорское Русское Географическое Общество, возобновляя нынѣ, для соисканія преміи по Отдѣленію Этнографіи, прежнюю задачу, назначаетъ: 1) для представленія отвѣтовъ на оную срокъ къ 1-му іюня 1856 года, и 2) за вполне-удовлетворительное разрѣшеніе задачи премію въ пятьсотъ рублей серебромъ.

I. Программа задачи.

Возстановить по такъ-называемой «Книгѣ Большаго Чертежа» древнюю географическую карту Россіи и сопредѣльныхъ съ нею странъ, для которыхъ эта книга въ свое время служила текстомъ.

Для разрѣшенія этой задачи требуется:

1) Всѣ географическія данныя, содержащіяся въ «Книгѣ Большаго Чертежа», приурочить и нанести на карту, согласно указаніямъ самой книги.

2) Такъ-какъ «Большой Чертежъ» составленъ былъ по тогдашнимъ путямъ сообщенія внутри государства и съ сопредѣльными съ ними странами, то пути эти, какъ водные, такъ и сухопутные, означить на картѣ со всею тщательностью и съ возможною точностью, на основаніи показанныхъ въ книгѣ урочищъ и разстояній.

3) Къ составленной такимъ образомъ картѣ приложить объяснительный текстъ, въ которомъ дать подробный отчетъ какъ объ общихъ началахъ, принятыхъ для построенія карты, такъ и о причинахъ, почему нанесенныя на нея данныя приурочены такъ, а не иначе.

4) Присовокупить систематическую роспись всѣхъ положенныхъ на карту мѣстностей въ порядкѣ, который обыкновенно употребляется въ географическихъ обзорнiяхъ, или самый объяснительный текстъ расположить такъ, чтобъ вышелъ родъ географіи Россіи и сопредѣльныхъ съ нею странъ, современной «Большому Чертежу».

5) Сверхъ-того, желательно, чтобъ, хотя по-возможности, изслѣдовано было происхожденіе и судьба самого подлинника «Большаго Чертежа» и указано на источники, какіе могли служить для его составленія. Равнымъ образомъ полезно было бы коснуться вопроса: не былъ ли этотъ «Чертежь» извѣстенъ иностраннымъ картографамъ XVII вѣка, и не пользовались ли они имъ при составленіи своихъ картъ Сѣверо-восточной Европы и Азій? Въ-особенности же поручается обратить тщательное вниманіе, по-крайней-мѣрѣ, на то: въ какой степени данныя «Большаго Чертежа» согласуются или не согласуются съ картою, приписываемою царевичу Федору Борисовичу.

II. Общія правила.

1) Сочиненія, представляемыя на конкурсъ, должны быть написаны на русскомъ, французскомъ или нѣмецкомъ языкѣ и переписаны чотко.

2) Они должны быть доставлены въ Императорское Русское Географическое Общество не позже назначеннаго выше срока, безъ подписи автора, но съ какимъ-либо девизомъ; къ рукописи долженъ быть приложенъ особый запечатанный конвертъ, съ означеніемъ на оберткѣ девиза сочиненія, а внутри имени, званія и мѣста жительства автора.

3) Сочиненія напечатанныя, также представленныя въ рукописи, но прежде гдѣ-либо напечатанныя, къ соисканію не допускаются; равнымъ образомъ не могутъ быть допущены къ соисканію сочиненія, которыя была представлены съ подобною же цѣлью куда-либо, кромѣ Географическаго Общества.

4) Всѣ поступившія сочиненія передаются по принадлежности для разсмотрѣнія ихъ въ Отдѣленіе, которое назначаетъ передъ наступленіемъ срока особую комиссію изъ трехъ членовъ; донесеніе этой комиссіи представляется не позже шести мѣсяцевъ по истеченіи срока и читается въ Отдѣленіи, постановленіе котораго объ этомъ предметѣ поступаетъ въ Совѣтъ. Окончательное присужденіе премій и вскрытіе пакетовъ, содержащихъ въ себѣ имена авторовъ, производятся въ Совѣтѣ.

5) За сочиненіе, вполне-удовлетворяющее программѣ, выдается полная премія; если же ни одно изъ представленныхъ сочиненій не будетъ удовлетворять вполне требованіямъ программы, то сочиненіямъ, наиболѣе приближающимся къ этимъ требованіямъ, могутъ быть выдаваемы половинныя преміи. Сочиненія, которыя не могутъ быть удостоены ни полвой, ни половинной преміи, но въ какомъ-либо отношеніи заслуживаютъ вниманія, будутъ удостоиваемы почетныхъ отзывовъ.

6) Сочиненія, удостоенныя награды, будутъ печатаемы, по усмотрѣнію Общества, въ одномъ изъ его изданій съ предоставленіемъ ста экземпляровъ автору; причемъ послѣдній не лишается права печатать свое сочиненіе и другими изданіями въ свою пользу.

7) Сочиненія, недостойныя награды, будутъ храниться въ Канцеляри Общества, безъ распечатанія приложенныхъ къ нимъ записокъ, и возвратятся авторамъ, если они того пожелаютъ, но не иначе, какъ по объявленіи избранныхъ ими девизовъ. Если, по истеченіи года со времени объявленія результатовъ конкурса, авторъ такого сочиненія не объявитъ желанія получить оное обратно, то записка, содержащая въ себѣ означеніе его имени, будетъ сожжена, а самая рукопись поступитъ въ архивъ Общества для храненія.

8) Къ соисканію на преміи допускаются какъ члены Общества, такъ и постороннія лица.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

МАГАЗИНЪ И. ПЕЦА, ПЫНЪ СТЕЛЛОВСКАГО,
 въ Большой Морской, въ домъ Лауферта № 116.

Сер. Р. К

Пьесы для фортепьяно.

- er.* — Bouquets de mélodies des opéras : Lucia di Lammermoor, le désert, Robert le diable, Norma, Sonnambula, Les Guelphes et les Gibelins, les Puritains, le siège de Gand, каждая — 85
- gmüller.* — Fantaisie brillants sur Ernani (85 к.) Une soirée à Varsovie. Trois mazurkas 1 45
- opin.* — Quatre mazurkas. op. 33 Nouvelle édition (1 p. 30 к.) Berceuse op. 57 (60 к.) Trois valse favorites op. 64 1 70
- ehler.* — Deux nocturnes op. 69 (60 к.) op. 70 (60 к.) Romance et cavatine de la fille du regiment transcrites (60 к.) Adieu. Mélodies de Schubert transcrite (60 к.) Afflitta. Mélodie — 40
- reyschock.* — Le vallon. Idylle (60 к.) La campanella. Impromptu — 75
- uvernoy.* — Fantaisie sur i Montecchi ed i Capuletti — 75
- isca.* — Souvenir à Henselt. Trois morceaux de salon 1 70
- linka.* — Привѣтъ отчизнѣ. Музыкальные очерки : № 1. Souvenir d'une mazurka (75 к.) № 2. Barcarolle — 75
- oria.* — La chanteuse voilée. Morceau de salon — 85
- ottschalk.* — Bananier. Chanson nègre (60 к.) Danse Ossianique. op. 12 — 75
- teller.* — La truite (die Forelle) de Schubert (85 к.) Mélodie de Mendelssohn transcrite op. 67 1 15
- Henselt.* — Introduction de l'opéra Euryanthe, chœur et ballet (1 p.) Ouverture Coriolan de Beethoven (1 30 к.) Chant sans paroles (60 к.) Nocturne op. 32 (60 к.) Ballade op. 31 (2 p.) L'aurore boréale. Grande valse brillant (1 p. 70 к.) Petite valse favorite (50 к.) Cadence (75 к.) Air de Balfe transcrit (1 p.) Sophie-Polka — 60
- Herz.* — La Tapada. Polka caractéristique du Peron (1 p.) Lutine. Valse brillante (75 к.) Les ramiers. Morceau de salon (75 к.) Polonaise de l'opéra Linda di Chamounix. — 75
- Hüntten.* — Marguerite. Petite fantaisie (60 к.) Une fleur. Valse brillante (75 к.) Fantaisie sur la Sonnambula (85 к.) Révéries mélancoliques (60 к.) Sérénade de Bellini — 75
- Kullak.* — La coquette. Pièce caractéristique (75 к.) L'air de grace de Robert transcrit (75 к.) Paraphases: Norma (85 к.) Lucrezia Borgia (85 к.) I. Puritani — 85
- Leschetitzky.* — Les adieux (60 к.) Les clochettes. Impromptu — 75
- Liszt.* — Deux mélodies russes: № 1. Ты не повѣришь (1 15 к.) № 2. Соловей (85 к.) Le séjour. Mélodie de Schubert — 1

	Сер. Р. К.
<i>Mayer.</i> — Chant du gondolier (60 к.) Nocturne (60 к.) Romance italienne (60 к.) Elise-Polka	— 50
<i>Meyer.</i> — (L. de) Air bohémien-russe	— 85
<i>Rosellen.</i> — Trois rêveries. op. 103 № 1 à 3 (каждый 85 к.) Nocturne (75 к.) Fantaisie sur Beatrice di Tenda	1 —
<i>Rubinstein.</i> — Mazurka-fantaisie (1 п.) Tarantelle	1 50
<i>Schulhoff.</i> — Souvenir de Kieff. Mazurka. op. 39 (75 к.) Grande marche cosaque. op. 38 (1 п. 50 к.) Trois idylles op. 36 (1 п. 50 к.) Ondine Idylle (85 к.) Menuet de Mozart.	— 50
<i>Thalberg.</i> — L'art du chant appliqué au piano. Douze compositions célèbres transcrites № 1 à 12 (каждый 1 п. 15 к.) Grande fantaisie sur le minuet de Don Juan (2 п.) Fantaisie sur l'opéra Zora de Rossini (1 п. 70 к.) Mimanca la voce de l'opéra Zora (60 к.) Souvenir de Beethoven. Grande fantaisie.	2 —
<i>Voss.</i> — Indra. Grande fantaisie (1 п. 70 к.) La faridondaine. Romance (1 п.) Les adieux du soldat. Grande marche (1 п. 15 к.) La musette. Mélodie paysanne (1 п. 15 к.) Luisa Miller. Grande fantaisie (1 п. 40 к.) Air italien (85 к.) Une fleur de bonheur. Romance	1 15
<i>Weber.</i> — Concertstück op. 79. Nouvelle édition (2 п.) Sonate op. 24 (2 п.) Sonate op. 39 (2 п.) Polonaise favorite op. 72	— 75

Разныя школы.

- Аларъ.* — Новѣйшая полная школа для скрипки, принятая для руководства въ Парижской Музыкальной Консерваториѣ. На русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ . . . 6 —
- Ли.* — Школа для виолончели или легкой метода для правильного изученія игры на виолончели, приспособленная къ самоученію. На русскомъ и французскомъ языкахъ . . . 4 —

Въ этомъ же магазинѣ можно получать всѣ музыкальныя сочиненія, гдѣ и кѣмъ бы то ни было изданныя, или объявленныя въ какомъ-либо каталогѣ на слѣдующихъ условіяхъ: выписывающіе ноть не менѣе, какъ на *три* руб. сер., получаютъ 25 процентовъ уступки; выписывающіе же не менѣе, какъ на *десять* руб. сер., получаютъ тѣ же 25 процентовъ уступки и не платятъ ничего за пересылку; выписывающіе же болѣе чѣмъ на *двадцать* руб. сер., получаютъ гораздо больше уступки. Магазинъ И. Пецца, точнымъ и скорымъ выполненіемъ требованій приобрѣлъ лестное расположеніе и довѣріе всей музыкальной публики, которымъ постоянно пользуется болѣе семидесяти лѣтъ. Также и на будущее время всѣ требованія гг. иногородныхъ будутъ удовлетворяемы со всевозможною точностью, аккуратностью и всегда съ первоотходящею почтою. Каталоги, какъ для пѣнія, такъ и для всѣхъ инструментовъ, а равно и преискурантъ, рассылаются при посылкахъ безденежно.

Печатать позволяется. 2-го іюля 1854 г. Ценаоръ А. Фрейманъ.

EN VENTE :

CHEZ S. DUFOUR, LIBRAIRE DE LA COUR IMPÉRIALE.

DESCRIPTION DE L'ASIE MINEURE, par M. **TEXIER** (ordonnée par le Gouvernement français). Le rapport fait à l'Institut par MM. **Letronne**, **Haase**, **Raoul-Rochette**, etc., constate le mérite de ce grand ouvrage, résultat de *quatre voyages* consécutifs faits en Asie Mineure par M. **Texier**. Un grand nombre de villes anciennes ont été retrouvées par lui, offrant une foule de monuments d'arts du plus haut intérêt et de la plus belle conservation; l'architecture grecque montre son plus beau style. Les monuments mèdes et phrygiens offrent à la science, à l'histoire et aux arts, des découvertes du plus haut intérêt; enfin, la géologie et la *géographie de l'Asie Mineure*, si peu connues jusqu'à présent, vont l'être, grâce au zèle, au courage et aux talents divers que M. **Texier** a déployés dans ses missions scientifiques et périlleuses. *Ouvrage terminé*; trois volumes in-folio, reliés. Prix 300 rbls.

HABITANTS DE L'INDE, dessinés d'après nature par le Prince **Alexis Soltykoff**, lithographiés à deux teintes par **I. Trayer**. Paris 1853. Un volume in-folio, cartonné 30 rbls.

MONUMENTS DE L'ÉGYPTE ET DE LA NUBIE, d'après les dessins exécutés sur les lieux sous la direction de **Champollion** le jeune, et les descriptions autographes qu'il a laissées. Quatre volumes grand in-folio, renfermant 400 planches, en partie coloriées. Publié par ordre du Gouvernement pour faire suite à l'ouvrage de l'Expédition d'Égypte. Chaque livraison se compose de 10 planches. Prix de l'Ouvrage terminé . . . 175 rbls.

Dans ce grand ouvrage, tous les monuments dont la science est parvenue à découvrir le sens sont reproduits avec le soin le plus minutieux. Chaque jour le temps en détruit quelques-uns, mais dans cet ouvrage ils seront à jamais sauvés de l'oubli.

L'ORIENT, par **E. FLANDIN**. La publication se composera de 150 planches in-folio, lithographiées par l'auteur. — Album d'un voyageur qui a passé de nombreuses années en Orient, cet ouvrage reproduira les sites principaux, les monuments remarquables, les scènes des mœurs caractéristiques des pays qu'il a parcourus, des rives du Bosphore au fond du golfe Persique.

Il sera publié en 30 livraisons in-folio, contenant 5 planches tirées sur Chine. Prix de la livraison 3 rbls.

ALBUM HISTORIQUE ET PITTORESQUE DE LA TAURIDE, par **E. DE VILLENEUVE**. Cet ouvrage paraîtra en 25 livraisons in-folio de 4 dessins chacune. Le texte contiendra l'explication des monuments, un aperçu historique des établissements génois en Tauride, le récit d'un Voyage dans cette Province, etc. Prix de chaque livraison 2 rbls.

On paye toujours deux livraisons à l'avance. La cinquième livraison vient de paraître.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

С. Петербургъ, 9 июня 1854 года.

Цесарь Н. Нейнеръ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

въ 1854-мъ году

выходятъ въ первое число каждаго мѣсяца книжками, изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ отъ 20 до 25 листовъ большаго формата, съ восемнадцатью парижскими картинками модъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ :

Въ Петербургъ и Москвѣ: | Съ пересылкою, или доставкою:
15 рублей 50 коп. серебромъ. | 17 рублей серебромъ.

ПОДПИСКА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ :

Въ Конторѣ Редакціи Отечественныхъ Записокъ, находящейся на Невскомъ Проспектѣ, на углу Малой Морской, въ домъ Бейльштейна.

ВЪ МОСКВѢ :

Въ Конторѣ Редакціи Отечественныхъ Записокъ у И. В. Бабунова, на углу Большой Дмитровки, противъ Университетской Типографіи, въ домъ Загряжскаго.

ВЪ ОДЕССѢ :

Въ Конторѣ Редакціи Отечественныхъ Записокъ, при книжномъ магазинѣ М. И. Григорьева, на Де-Рибасовской Улицѣ, въ домъ Сипицыной.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями, надписывая ихъ : Въ Редакцію Отечественныхъ Записокъ, въ Санктпетербургъ.

Печатать позволено. Санктпетербургъ, 4 августа 1854 года.

Цензоръ А. Фрейгангъ.

JUN 15 1937

